С. М. СОЛОВЬЕВ

ИСТОРИЯ РОССИИ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН

I

С. М. СОЛОВЬЕВ
ИСТОРИЯ РОССИИ
I

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

С. М. СОЛОВЬЕВ

ИСТОРИЯ РОССИИ

С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН

В ПЯТНАДЦАТИ КНИГАХ

Издательство
социально-экономической
литературы
МОСКВА

С. М. СОЛОВЬЕВ

ИСТОРИЯ РОССИИ

С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН

КНИГА I

(ТОМА 1-2)

Издательство
социально-экономической
литературы
МОСКВА·1959

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР ИЗДАНИЯ
доктор исторических наук
Л. В. ЧЕРЕПНИН

•

Текст 1 и 2 томов
«Истории России с древнейших
времен» подготовлен к печати
Г. Д ЦИНЗЕРЛИНГ и *В. С РЫКАЛОВЫМ*

•

Комментарии к 1 и 2 томам написаны
кандидатом исторических наук
В Т ПАШУТО

•

Указатели составлены
А П ВИНОГРАДОВОЙ

С. М. СОЛОВЬЕВ КАК ИСТОРИК

Научно-исследовательская деятельность одного из крупнейших русских буржуазных историков С. М. Соловьева (1820—1879) протекала в переломную эпоху истории России. Соловьев выступил со своими первыми научными трудами в период кризиса крепостнической системы, накануне отмены крепостного права, в условиях массового крестьянского антифеодального движения, в то время, когда в России назревала революционная ситуация. Деятельность Соловьева продолжалась после отмены крепостного права, в условиях капитализма и развития нового общественного класса — пролетариата, в период народнического движения и появления первых революционных рабочих организаций. Конец жизненного и научного пути Соловьева совпал с кануном новой революционной ситуации. Естественно, что отмеченные важнейшие явления общественной жизни России не могли не оказать влияния на формирование мировоззрения Соловьева и на идейное содержание его работ.

* *
*

Сергей Михайлович Соловьев родился 5 мая 1820 г. в Москве в семье священника.

Уже в детстве Соловьев увлекался историей. Еще до поступления (13 лет) в гимназию он несколько раз прочел все двенадцать томов «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина. Этот труд, написанный на основе изучения громадного количества источников, представлял собой большое достижение дворянской историографии. Но по идейному содержанию «История государства Российского» была показателем кризиса дворянской исторической мысли. Высокопарным слогом, стремясь к занимательности повествования,

Карамзин излагал реакционно-монархическую концепцию исторического прошлого России, отводя ведущую роль в ее развитии самодержавию. Наибольший интерес вызывали у Соловьева те тома карамзинского труда, которые были посвящены времени Ивана III и Ивана Грозного.

По окончании гимназии в 1838 г. Соловьев поступил в Московский университет. Незадолго до этого были разгромлены два студенческих кружка: сперва Белинского, а затем Герцена — Огарева. Устав 1835 г. вводил в университете реакционный режим. Соловьев отрицательно относился к общественно-революционному движению своей эпохи, считая его (как он выразился в своих более поздних «Записках») «произведением незрелости русского общества»[1].

Из профессоров, занимавшихся проблематикой русской истории и истории русской литературы, в студенческие годы Соловьева в Московском университете вели преподавательскую деятельность М. Т. Каченовский, С. П. Шевырев, М. П. Погодин.

Основатель так называемой «скептической школы» в русской историографии Каченовский оказал определенное воздействие на Соловьева своим критическим подходом к источникам[2]. Но Соловьев избежал тех крайностей «ученого скептицизма»[3] Каченовского, которые приводили его к нигилизму, к неправильному признанию многих исторических памятников прошлого подделками. Из слов Соловьева «у скептиков золотая голова и глиняные ноги»[4] видно, что он признавал за «школой» Каченовского здравое понимание необходимости критики источников и в то же время указывал на слабость применяемой этой «школой» системы доказательств.

Шевырев и Погодин были поборниками так называемой «теории официальной народности», служившей правительственным идеологическим оружием, направленным на борьбу против распространявшегося в России революционного движения. Сущность этой «теории» заключалась в утверждении, что якобы русскому народу свойственны преданность царю и православной религии. Подобная идея не была чужда и Соловьеву. Воспитанный в охранительно-религиозном духе, он до конца своей жизни оставался человеком религиозного мировоззрения. Однако его не увлек шовинизм и дешевый казенный патриотизм Шевырева, уснащавшего свои лекции «бесконечными фразами о гниении Запада, о превосходстве

---

[1] «Записки С. М. Соловьева», кн-во «Прометей» Н. П. Михайлова, б. г., стр. 34—35, 116.

[2] *С. М. Соловьев*, Каченовский. «Биографический словарь профессоров и преподавателей Московского университета. 1755—1855», ч. I, М. 1855, стр. 383—403.

[3] «Записки С. М. Соловьева», стр. 42.

[4] Там же, стр. 54.

Востока, русского православного мира»[1]. Погодин на первых порах оказал на Соловьева известное влияние, от которого он, однако, все более и более освобождался, став в конечном итоге его научным противником. Соловьева отталкивала публицистическая тенденциозность («политический журнализм») статей Погодина, его научный дилетантизм и поверхностность («в русской истории явился он наездником»), отсутствие широты исторического кругозора («теснота горизонта, производящая ученую близорукость»)[2]. И все же, несмотря на резкость суждений Соловьева о Погодине, были и черты сходства в их мировоззрении (монархизм, признание православной религии как важного начала в истории России).

Из профессоров, занимавшихся проблемами всеобщей истории, Соловьев слушал посвященные вопросам античности лекции Д. Л. Крюкова, умеренного либерала по своим политическим воззрениям, последователя Гегеля по философским взглядам.

Большое влияние оказал на Соловьева крупнейший представитель русской науки в области изучения западноевропейского средневековья Т. Н. Грановский. Соловьева привлекали к Грановскому его «блестящий талант», лекторское мастерство («художник первоклассный в историческом изложении»), «неотразимая притягательная сила» воздействия его лекций на аудиторию. Но в мировоззрении Грановского, в котором причудливо сочетались демократические и либеральные тенденции, Соловьев искал прежде всего не антикрепостнических и антисамодержавных идей, а близких ему самому проявлений буржуазного либерализма. Он видел в Грановском «приверженца прусской ученой монархии»[3].

Крюков и особенно Грановский были противниками «теории официальной народности». Они знакомили своих слушателей с выводами западноевропейской буржуазной (прежде всего немецкой) философии и исторической науки, способствовали распространению идей Гегеля. В лекциях Грановского проводилась мысль о закономерности исторического процесса, опровергалось представление о том, что Россия развивалась каким-то особым от других народов путем. Эти идеи Соловьев воспринимал не сразу, а лишь по мере того, как освобождался из-под влияния славянофильства.

По собственному признанию Соловьева, он, будучи в университете и некоторое время после его окончания, предавался «крайности» «славянофилизма или, лучше сказать, руссофилизма»[4]. Славянофилы, являясь противниками революции

---

[1] «Записки С. М. Соловьева», стр. 47.
[2] Там же, стр. 54—55.
[3] Там же, стр. 49—50.
[4] Там же, стр. 36.

и выражая идеологию помещиков — сторонников либеральных политических реформ, пытались доказать, что русский народ якобы прошел самобытный путь развития, не похожий на тот путь, который привел другие европейские народы к революционным потрясениям. Характерной чертой прошлого России, по утверждению славянофилов, было взаимное доверие, существовавшее между властью и народом и проявлявшееся в деятельности такого учреждения, как земский собор. Эта исконная гармония была нарушена Петром I, вразрез с национальными интересами стремившимся приблизить русские порядки к западноевропейским. В этих реакционных представлениях славянофилов многое совпадало с тем, что утверждали сторонники теории официальной народности. Основное отличие заключалось в том, что концепция русского исторического процесса, защищаемая славянофилами, подводила к утверждению о необходимости проведения верховной властью ряда социально-политических преобразований (отмена крепостного права, созыв монархом земского собора и т. д.).

Разделяя первоначально в некоторых вопросах исторические взгляды славянофилов, Соловьев затем отошел от них. Особенно он разошелся со славянофилами по вопросу о реформах Петра I и их связи с предшествующим общественно-политическим развитием России. Соловьев признал «необходимость Петровского периода», «его законность, правильность истечения его из предшествовавших условий русского общества» [1].

В студенческие годы Соловьев значительно расширил свой кругозор в результате самостоятельного чтения литературы, относящейся к гуманитарным наукам. Он изучил труды итальянского философа XVII—XVIII вв. Джованни (Джамбатиста) Вико с его теорией трех этапов в истории каждого народа (периоды «богов», «героев» и «человеческий»); английского антиклерикального историка XVIII в. Эдуарда Гиббона; швейцарского экономиста-утописта, представителя «экономического романтизма» Жана Сисмонди, видевшего панацею против роста капитализма в увековечении мелкотоварного производства. Большое влияние на Соловьева оказала философская концепция Гегеля. Его «Философия истории», в которой история человечества рассматривается как диалектический процесс раскрытия мирового разума, произвела на Соловьева особенно сильное впечатление.

Все эти труды воспитывали в Соловьеве стремление к обобщению исторического материала. Конечно, это обобщение делалось им на идеалистической основе. По словам Соловьева, его время «проходило не столько в изучении фактов,

[1] «Записки С. М. Соловьева», стр. 36.

сколько в думании над ними», ибо в университете «господствовало философское направление». Но будучи врагом «отвлеченностей», Соловьев стремился применить те идеалистические схемы исторического развития, с которыми ему удалось познакомиться, к объяснению конкретных фактов русской истории[1].

Из работ по русской истории, прочитанных после «Истории» Карамзина, на Соловьева наибольшее впечатление произвела книга Эверса «Древнейшее русское право в историческом его раскрытии». Эверс поставил задачу изучения процесса формирования государства в результате развития предшествующих ему общественных союзов: семьи — рода — племени. Обращение к решению этой задачи было делом объективно прогрессивным для своего времени, ибо означало стремление понять закономерности исторического развития. В то же время «естественная» смена общественных форм, рассматриваемая Эверсом в абстрактно-политическом плане (без выяснения ее обусловленности реальными социально-экономическими отношениями), была поставлена автором на службу реакционной идее «истинного монархизма», противополагаемой идее революции[2]. Соловьев указывает, что книга Эверса составила «эпоху» в его «умственной жизни». Если Карамзин, говорил Соловьев, познакомил его с фактами и воздействовал на его чувства, то Эверс заставил его «думать над русскою историею»[3]. В основу своего собственного понимания истории древней и средневековой России Соловьев положил впоследствии представление о смене родовых отношений государственными.

* *
*

По окончании в 1842 г. университета Соловьев совершил заграничную поездку в качестве репетитора детей графа А. П. Строганова. В течение 1842—1844 гг. он побывал в Германии, Бельгии, Франции, Чехии. В Берлине Соловьев слушал лекции Риттера, выдвигавшего географический фактор для объяснения исторических явлений; Раумера и Ранке, фиксировавших основное внимание на описании деталей политической истории, и др. Там же Соловьев присутствовал на лекциях Шеллинга — представителя объективно-идеалистической «философии тождества», согласно которой первоосновой всего существующего является абсолютное тождество бытия и мышления, материи и духа. В Гейдельберге Соловьев

[1] См. «Записки С. М. Соловьева», стр. 60.
[2] См. «Очерки истории исторической науки в СССР», вып. I, М. 1955, стр. 287—288.
[3] «Записки С. М. Соловьева», стр. 60.

побывал на лекциях Шлоссера, автора многотомной «Всемирной истории»; в Париже — на лекциях Мишле, подчеркивавшего в своих работах с мелкобуржуазных позиций роль народных масс в истории без должного понимания их классовой дифференциации. Соловьев называет себя «поклонником» сочинений Гизо[1], в которых уже нашло отражение буржуазное представление о классовой борьбе.

Таким образом, заграничная поездка расширила знакомство Соловьева с европейской буржуазной исторической наукой. В Париже он начал писать сочинение по всеобщей истории, темой которого явилась борьба родового и дружинного «начал» у разных народов Европы и Азии. Это тема о выделении из племен дружины и о формировании государства, которой в дальнейшем Соловьев посвятил ряд своих трудов.

К этому же времени определилось и политическое лицо Соловьева — сторонника буржуазной монархии. Он сам подчеркивает умеренность своих политических взглядов, вследствие которой он стал «приверженцем Орлеанской династии и министерства Гизо»[2].

По возвращении из-за границы в Россию Соловьев в 1845 г. сдал магистерские экзамены и приступил к чтению в университете лекций по русской истории. В том же году он опубликовал и защитил свою диссертацию «Об отношениях Новгорода к великим князьям». В 1847 г. вышла новая книга Соловьева «История отношений между русскими князьями Рюрикова дома», защищенная им (после сдачи докторских экзаменов) в качестве докторской диссертации.

В обеих названных монографиях Соловьев развил свое понимание истории древней и средневековой Руси как процесса смены родовых отношений государственными. Со времени Рюрика до княжения Андрея Боголюбского, по мнению Соловьева, господствовали «родовые отношения», заключавшиеся в том, что Русь составляла «нераздельную собственность» правящего в ней княжеского «рода». Со времени Андрея Боголюбского «государственные отношения» (для которых, по Соловьему, характерно единовластие) вступают в борьбу с родовыми. «Государственные отношения» находят благоприятную почву для своего роста не на юге, а на северо-востоке Руси, куда был перенесен центр русской политической истории. Новые порядки завоевали преобладание благодаря содействию возникших на севере новых городов, которые (в противоположность старым, вечевым, городам), «получив свое бытие от князя, были его собственностью»[3].

---

[1] См. «Записки С. М. Соловьева», стр. 75.

[2] Там же.

[3] *С. М. Соловьев,* История отношений между русскими князьями Рюрикова дома, М. 1847, стр. V—VI.

С «раздроблением» княжеского «рода», в нераздельном владении которого находилась Русь, и образованием отдельных княжеств началась борьба между последними за преобладание. Победителем из этой борьбы вышло княжество Московское. Время от Ивана Калиты до Ивана III — это период объединения Северо-Восточной Руси вокруг Москвы. В период времени от княжения Ивана III до «пресечения Рюриковой династии» после смерти Ивана Грозного, происходит «окончательное торжество государственных отношений над родовыми»[1].

Многое в схеме Соловьева восходит к старой дворянской историографии (например, его тезис об изменении характера исторического развития в связи с перемещением политических центров Руси с юга на север). В этих книгах в значительной мере чувствуется влияние Эверса. Но новым словом в науке была попытка Соловьева подойти к государству как продукту длительной борьбы старых (родовых) общественных отношений с идущими им на смену отношениями частновладельческими. Конкретной формой этой борьбы, по мнению Соловьева, явилось соперничество «старых» (вечевых) и «новых» (княжеских) городов. Несмотря на то, что государство при этом понималось неправильно (в соответствии с общими теоретическими представлениями буржуазной историографии), как надклассовая организация, объединяющая весь народ на единых для него началах, и понятие государства ограничивалось формальными рамками государства централизованного, концепция Соловьева была значительным шагом вперед по сравнению с господствовавшими в то время в науке взглядами Карамзина, считавшего самодержавие исконным началом русской истории. Плодотворной была и мысль Соловьева об «узах собственности», связывавших князей с землей, хотя эта связь и понималась им упрощенно и идеалистически, как переход к «оседлости» княжеских линий в силу того, что возобладало понятие о наследственности княжеских владений.

Выход в свет трудов Соловьева был отмечен в печати. Представители так называемого «государственного» направления в русской буржуазной историографии, ставившего в историческом исследовании во главу угла деятельность государства, противопоставляемого народу, в частности К. Д. Кавелин, положительно расценили «Историю отношений между русскими князьями Рюрикова дома». Отрицательно высказался об этой книге Погодин.

---

[1] *С. М. Соловьев,* История отношений между русскими князьями Рюрикова дома, стр. IX—X.

* *
*

Защитивший докторскую диссертацию, Соловьев в 1847 г. был утвержден экстраординарным профессором, а в 1850 г.— ординарным профессором Московского университета. Более тридцати лет он занимал в университете кафедру русской истории, которую оставил лишь незадолго до своей смерти.

Правительственная реакция в России, усилившаяся после революции, происшедшей в 1848 г. в ряде европейских стран, распространилась и на Московский университет. По Положению 1849 г., должность ректора должна была замещаться не по выбору, а по правительственному назначению. Должность декана, хотя формально и оставалась выборной, но министру народного просвещения предоставлялось право назначать и увольнять деканов независимо от их избрания. В 1849 г. Совет университета избрал деканом историко-филологического отделения Т. Н. Грановского, но выборы эти были кассированы, а деканом был назначен один из представителей реакционной профессуры — Шевырев.

Принадлежа к числу либеральных профессоров, Соловьев вел борьбу с захватившей в то время руководящие посты в университете «черной уваровской партией», как он называет ставленников министра народного просвещения С. С. Уварова[1]. По словам Соловьева, он и другие противники «уваровской партии» представляли в университете «гонимую церковь».

К этому времени Соловьев уже изжил свое прежнее увлечение славянофильством. Находясь в близких отношениях с отдельными славянофилами, он подвергает острой критике их научные взгляды, называя в своих позднейших «Записках» славянофилов «мечтателями, поэтами и дилетантами науки»[2].

В эти годы Соловьев примыкал к сторонникам так называемой «западной партии» — Кавелину, профессору политической экономии и статистики А. И. Чивилеву и др. Близок он был с Грановским. Буржуазные либералы — «западники» были, как и славянофилы, противниками революции, но в противоположность славянофилам считали, что проведение ряда умеренных реформ должно помочь Российской монархии развиваться по тому же капиталистическому пути, по которому идет развитие ряда других европейских государств.

Однако расхождения Соловьева как «западника» со славянофилами не имели характера принципиальных политических разногласий. Это были расхождения лиц и направлений, принадлежавших к одному либеральному лагерю. В это

---

[1] См. «Записки С. М. Соловьева», стр. 126.
[2] Там же, стр. 107.

время, в условиях ширившегося крестьянского движения, наиболее важным явлением в развитии общественной мысли и общественного движения в России были не споры славянофилов с «западниками», а принципиальное размежевание двух лагерей — революционно-демократического и буржуазно-либерального. К последнему лагерю и примкнул Соловьев — сторонник умеренных реформ, направленных к «совершенствованию» русской монархии. Все же, несмотря на всю умеренность либерализма Соловьева, царизм подозревал его в свободомыслии. В 1849 г. московский генерал-губернатор сделал запрос попечителю Московского университета относительно образа мыслей Соловьева[1].

Для политического мировоззрения Соловьева, сложившегося к 50-м годам XIX в., характерно отрицательное отношение к правительственному режиму Николая I. В своих позднейших «Записках» он отзывается об этом режиме, как о «воплощенной реакции всему, что шевелилось в Европе с конца прошлого века». Николай I, пишет Соловьев, «деспот по природе», питавший «отвращение от всякого движения, от всякого выражения индивидуальной свободы и самостоятельности», признававший «только бездушное движение войсковых масс по команде»[2]. Соловьев отмечает, что николаевская реакция усилилась после 1848 г., когда правительство «перепугалось самым глупым образом», решив, что в связи с западноевропейским революционным движением революция вспыхнет и в России. Обнаружив «всю мелочность и гадость своей натуры», Николай I и его клевреты стали «мстить за свой страх» обществу[3]. Расплатой для правительства «за тридцатилетнюю ложь, тридцатилетнее давление всего живого, духовного, подавление народных сил» явилась Восточная война. Соловьев считает положительным явлением поражение в этой войне России, т. к. лишь оно могло «остановить дальнейшее гниение»; военный же успех России (если бы он имел место) «окончательно утвердил бы казарменную систему» в стране[4].

Соловьев отрицательно относился к крепостному праву, называя его «пятном, позором, лежавшим на России, исключавшим ее из общества европейских цивилизованных народов». Крестьянский вопрос Соловьев считал основным, первоочередным вопросом общественной жизни. Разделяя

[1] См. «Русский архив», 1887, вып. 8, стр. 522—523. Об умеренности либерализма Соловьева и об эволюции его взглядов вправо свидетельствует тот факт, что он одно время был близок ко двору. В 1859 г. Соловьев был приглашен в Петербург для занятий историей с наследником Николаем Александровичем. В 1866 г. он преподавал историю будущему императору Александру III.

[2] «Записки С. М. Соловьева», стр. 116.

[3] Там же, стр. 121.

[4] Там же, стр. 150.

идеологию господствующего класса, он опасался антикрепостнических выступлений народных масс. «Крестьяне, — писал Соловьев, — не будут долго сносить своего положения, станут сами отыскивать свободу, и тогда дело может кончиться страшною революциею»[1].

Боязнь революции была у Соловьева гораздо сильнее, чем недовольство крепостничеством, чем «стремление вырваться из Николаевской тюрьмы»[2]. Поэтому он резко отрицательно оценивал общественное движение середины XIX в. Он видел его причину в исчезновении «всякой правительственной дисциплины»[3], а его идейное содержание и смысл — в «обличении» и «отрицании» существующих порядков без какой-либо попытки «созидания». «Созидание» же он понимал в буржуазно-либеральном духе как реформаторство.

* *
*

Работу над многотомной «Историей России с древнейших времен» Соловьев начал в 1848 г. Одновременно он работал над специальными историческими статьями и «Публичными чтениями». Наиболее интересными трудами Соловьева, относящимися к 50-м годам XIX в., ко времени до отмены крепостного права, являются его историографические очерки[4] и статьи: «Древняя Россия»[5], «Взгляд на установление государственного порядка в России до Петра Великого»[6], «Исторические письма»[7].

Историческая проблематика, над которой работал Соловьев в 50-х годах XIX в., выдвигалась самим ходом общественно-политического развития России, пути решения ряда исторических проблем намечались в соответствии с общими политическими взглядами и философским мировоззрением ученого, сложившимися в переломную эпоху, в период кризиса крепостничества и накануне буржуазных реформ. В «Исторических письмах» Соловьев указывает на актуальность изучения истории, на связь научного исследования с запросами современности. Наука, говорит он, вырабатывая «правильный взгляд на отношения настоящего к прошед-

[1] «Записки С. М. Соловьева», стр. 158—159.
[2] Там же, стр. 156.
[3] Там же, стр. 123.
[4] «Писатели русской истории XVIII в.»; «Август-Людвиг Шлецер»; «Шлецер и антиисторическое направление»; «Н. М. Карамзин и его «История государства Российского»» (*С. М. Соловьев,* Собрание сочинений, СПб., б. г., стр. 1317—1616); «Каченовский» («Биографический словарь профессоров и преподавателей Московского университета, 1755—1855», ч. I, М. 1855, стр. 383—403).
[5] *С. М. Соловьев,* Собрание сочинений, стр. 791—808.
[6] Там же, стр. 809—849.
[7] Там же, стр. 849—902.

шему», должна помочь «правильнейшему определению отношений между общественными органами» — сословиями [1].

Злободневными для России, как и для других европейских стран, по мнению Соловьева, были вопросы об исторической роли дворянства, «среднего сословия» (буржуазии), «о судьбах сельского народонаселения», о пролетаризации крестьянства («вопрос о землевладении, поднятый страшилищем пролетариата») [2]. Для разрешения всей этой совокупности социально-экономических проблем, поднятых современной действительностью, необходимо «уяснение законов общественного организма» [3]. Так выдвигается задача изучения закономерности исторического развития. Проводить подобное изучение историк должен, по Соловьеву, руководствуясь идеей прогресса, который состоит, с одной стороны, в умножении частей «общественного организма», с другой — во все более согласованном их совместном действии. В средние века, во время «юности европейского человечества», «общественные органы» (организация горожан, рыцарей и т. д.) находятся в хаотическом состоянии, в борьбе друг с другом [4]. В «новом обществе» отдельные «общественные органы» (церковь, замок, город, село) связываются «единством народным и государственным» [5]. Идеалом Соловьева и является надклассовое государство, объединяющее отдельные сословия и направляющее их к общей цели. Он рисует абстрактный образ «нового европейского человека», носителя идеи такого государственного строя, в котором «все сословия как органы одного тела» будут поддерживать друг друга, стремясь к одной общей цели [6].

Этот «европейский человек» — типичный либерал середины XIX в., веривший в то, что в буржуазном государстве «совершенного» типа якобы прекратятся классовые противоречия и наступит гармония социальных интересов.

Со своим критерием «прогресса» Соловьев подходит в «Исторических письмах» и к русской истории, отмечая и то, что роднит ее с историей стран Западной Европы, и то, что является ее своеобразием. На Руси, считает Соловьев, как и в Западной Европе, произошло завоевание местного населения. По мнению Соловьева, варяжские князья подчинили себе восточных славян. Но на западе Европы завоеватели сразу стали землевладельцами. На Руси лишь к XV в., «после хаотической эпохи движений, переходов», наступила эпоха оседлости и сложилось, как и в западных европейских

---

[1] См. *С. М. Соловьев,* Собрание сочинений, стр. 854.
[2] Там же, стр. 887.
[3] Там же, стр. 848.
[4] См. там же, стр. 856.
[5] Там же, стр. 854.
[6] См. там же, стр. 858.

государствах, служилое землевладение[1]. С образованием к XVI в. единого Русского государства сложились и московские «чины», отличные от западноевропейских сословий отсутствием общих для них сословных интересов[2]. О зарождении «общей сословной связи», характерной для дворянства, можно, по мнению Соловьева, говорить не ранее XVIII в. После того как Россия вошла «в семью европейских народов»[3], ее дальнейшим шагом на пути прогресса должно было явиться объединение интересов разных сословий в рамках общесословного государства. Таким образом, сопоставление исторического прошлого России и стран Западной Европы политически было нужно Соловьеву в целях обоснования мысли о необходимости для русского общества (с его неразвитым сословным строем) добиваться от правительства реформ, которые приблизили бы Россию к другим европейским буржуазным государствам.

Определенный политический смысл имела и статья Соловьева «Древняя Россия», написанная в конце 50-х годов. Отмечая здесь роль русского народа в борьбе с нападениями кочевников, приходивших из Азии, называя Русь «станом воинским», «передовым отрядом», выставленным «на самое опасное, самое трудное место»[4], Соловьев подчеркивал, что для успешного ведения такой борьбы необходимо было «жертвовать частным интересом интересу общему»[5]. Сплочению общества в рамках единого государства, по мнению Соловьева, содействовала христианская проповедь. Но в обществе нашлись «отверженники» (Соловьев имеет в виду беглых крестьян, холопов, казаков), «разрознившие свои интересы с интересами государства» и хотевшие его разрушить. В начале XVII в., в так называемое «Смутное время», эти люди выступили против государства, принеся «общую пользу» «в жертву личным расчетам и корыстям». Помощь же государству оказали «добрые граждане», совершившие «великий подвиг его очищения»[6]. В этой оценке событий русской истории XVII в. отразилось крайне отрицательное отношение Соловьева к современному ему революционному общественному движению, трактуемому им как выступление анархии против государственного правопорядка.

В материале «Публичных чтений», озаглавленном «Взгляд на историю установления государственного порядка в России до Петра Великого», Соловьев подходит к вопросу об исторической обусловленности реформ Петра I. Он проводит мысль

---

[1] См. *С. М. Соловьев,* Собрание сочинений, стр. 898.
[2] Там же, стр. 872.
[3] Там же, стр. 887.
[4] Там же, стр. 794, 805.
[5] Там же, стр. 794.
[6] Там же, стр. 797—802.

об органической связи явлений, характерных для «древней» России (до XVII в.) и России «новой» (XVII—XVIII вв.— времени подготовки петровских преобразований и самих реформ Петра I с их последствиями). То основное, что связывает «древнюю» и «новую» Россию, Соловьев видит в росте «народного самопознания» [1]. Интерес Соловьева к преобразовательной деятельности Петра I как явлению, подготовленному всем ходом предшествующей истории России, может быть объяснен политическими чаяниями русской либеральной интеллигенции середины XIX в., желавшей умеренных реформ без революционных потрясений. А идея Соловьева о том, что превращение древней России в новую было выражением роста «народного самопознания», имела как логическое следствие убеждение, что реформированное буржуазное государство XIX в. станет проявлением «народного самопознания» на его новом этапе.

В связи с этим понятен и интерес Соловьева к вопросам историографии. Для него важно было проследить, как с развитием исторической науки постепенно уяснялось ее значение как «науки народного самопознания». Соловьев много сделал для разработки проблем русской историографии. В статье «Писатели русской истории XVIII в.» он подробно охарактеризовал значение исторических трудов Я. И. Манкиева, В. Н. Татищева, М. В. Ломоносова, М. М. Щербатова, И. Н. Болтина и др. Специальные статьи посвятил Соловьев А. Л. Шлецеру. Особенный интерес представляет сделанный Соловьевым разбор «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина — его непосредственного предшественника в деле создания многотомного обобщающего труда по истории России.

С одобрением отмечает Соловьев, что Карамзин «уже предчувствует в истории науку народного самосознания» [2]. Но стремление Карамзина превратить историческое изложение в занимательный рассказ, оказывающий нравственное воздействие на читателя, не отвечало представлению Соловьева о задачах исторической науки, показывающей закономерности развития «общественного организма». Он пишет, что Карамзин «смотрит на историю со стороны искусства» [3]. Соловьев принял как достижение деление Карамзиным русской истории на три периода: древняя Россия (до времени Ивана III), средняя (до времени Петра I), новая (со времени петровских преобразований). Соловьев считал заслугой Карамзина то, что он не разделял мысль о Петре I как «творце величия государственного» России, показал деятельность его предшественников и тем самым «мог перекинуть мост между

[1] *С. М. Соловьев,* Собрание сочинений, стр. 848.
[2] Там же, стр 1395.
[3] Там же, стр. 1398.

древнею и новою Россиею». Но он упрекал Карамзина за то, что тот объявил творцом величия России Ивана III, забыв о предшественниках последнего, и поэтому «увеличил пропасть, отделявшую древнюю русскую историю от средней»[1]. В критике концепции Карамзина сказалось присущее Соловьеву представление об органическом характере развития Русского государства в результате постепенного отмирания родовых отношений. Время Ивана III для Соловьева — лишь важный этап в этом длительном процессе созревания государства.

В статье «Шлецер и антиисторическое направление» Соловьев ведет полемику со славянофилами. Последние идеализировали общинный быт, выдавая его за господствующее явление русской истории[2], они видели проявление общинного «начала» в земских соборах, связываемых ими с вечевыми собраниями древней Руси, и осуждали реформы Петра, результатом которых, по их мнению, явилось отклонение России «от естественного хода развития»[3] и отрыв государства от народа. Соловьев считает славянофилов представителями «антиисторического направления», ибо они стремились увековечить явления, давно изжившие себя. Возражая славянофилам, Соловьев доказывает, что для достижения государственного единства народ должен был пожертвовать «общинной особностью»; именно поэтому Северо-Восточная Русь «для объединения своего, для собрания земли, отреклась от вечевого быта». Касаясь реформ Петра I, Соловьев развивает свою мысль о тесной связи двух «половин русской истории — допетровской и послепетровской»[4]. Все это, по мнению Соловьева, выводы, к которым пришло «историческое направление в науке». Родоначальником же этого направления Соловьев называет Шлецера[5].

Труды Соловьева по историографии тесно связаны с разработкой им концепции русского исторического процесса, которая, объясняя на основе раскрытия «закономерностей общественного организма» прошлое России, служила бы политическим ориентиром в современной автору действительности, намечая пути ее дальнейшего изменения от «малого» к «великому» без революционной ломки.

* *
*

На развитие общественно-политических и исторических взглядов Соловьева не могла не оказать влияния отмена в

---

[1] *С. М. Соловьев,* Собрание сочинений, стр. 1537—1538.
[2] См. там же, стр. 1584.
[3] Там же, стр. 1593.
[4] Там же, стр. 1385.
[5] Там же, стр. 1593.

1861 г. крепостного права. Реформу 19 февраля 1861 г. и ее последствия Соловьев оценил со своих позиций либерала, не мирившегося с крепостничеством, но стоявшего на почве признания собственности и власти помещиков. Соловьев считает, что на смену злу крепостничества пришло «другое зло, свободы»; крестьянин, воспользовавшись «отсутствием принуждения», стал меньше работать, надеясь, что правительство «нарежет» ему еще земли [1]. Это привело, по мнению Соловьева, к падению дисциплины, упадку семейной и общественной нравственности. С тревогой говорит Соловьев и о разорении ряда помещиков «вследствие уничтожения крепостного права» [2].

Наблюдая факты капиталистического развития России, социального расслоения деревни, Соловьев отмечает как отрицательное явление эксплуатацию «богатым мужиком» деревенского бедняка: «Тут права никакого, кроме права сильного, и это право основано на деньгах» [3]. Не понимая социально-экономических причин этого явления, Соловьев ищет их в падении нравственных начал как следствии отмены крепостничества.

Конечным итогом размышлений Соловьева является недовольство проведением реформы 1861 г. и правительством, осуществившим «сверху» отмену крепостного права. Соловьев писал: «Преобразования проводятся успешно Петрами Великими, но беда, если за них принимаются Людовики XVI-ые и Александры II-е». Политика Петра I, по мнению Соловьева, выгодно отличалась от политики Александра II умением управлять ходом преобразований и направлять их по своему усмотрению: «Преобразователь вроде Петра Великого при самом крутом спуске держит лошадей в сильной руке — и экипаж безопасен; но преобразователи второго рода пустят лошадей во всю прыть с горы, а силы сдерживать их не имеют, и поэтому экипажу предстоит гибель» [4].

Здесь уже явно звучит мысль о необходимости крепкой власти для управления государством. Это было своего рода пожелание контрреформ, ибо, по признанию Соловьева, «уважение к власти рушилось в самодержавном государстве» [5], и наступала «смута» [6].

Исторические труды Соловьева 60—70-х годов XIX в. продолжали быть связанными с явлениями современной ему политической действительности. В 1863 г. под влиянием польского восстания появилась построенная на большом

---

[1] См. «Записки С. М. Соловьева», стр. 162, 166.
[2] Там же, стр. 167.
[3] Там же.
[4] Там же, стр. 168.
[5] Там же, стр. 169.
[6] Там же, стр. 172.

фактическом материале статья Соловьева «История падения Польши», посвященная общественному движению, политической борьбе в Речи Посполитой и ее разделам в 60—90-х годах XVIII в. Одной из причин падения Речи Посполитой Соловьев считает «преобразовательные движения, господствовавшие в Европе»[1]. Он подчеркивает, что успех преобразовательного движения в каждой стране зависит от того, сможет ли его удержать в своих руках правительство. Он проводит параллели между восстанием Тадеуша Костюшко и событиями Французской буржуазной революции. Французская революция — этот «страшный переворот, взволновавший всю Европу» — произошла именно потому, что французское правительство не сумело стать во главе «преобразовательной деятельности», как это сделал в России Петр I. Для успеха преобразований необходимо, чтобы различные общественные силы сдерживали свои частные интересы во имя интересов общих, государственных. Этого-то и не было в Польше, ибо среди польской шляхты наблюдалось «крайнее развитие личности, стремление к необузданной свободе, неумение сторониться с своим я перед требованиями общего блага»[2]. Все это вело Польское государство к гибели.

Таким образом, на конкретном примере исторических судеб Речи Посполитой Соловьев раскрывает свой общий тезис о том, что идеалом государства является осуществление принципа общественного блага в сочетании с удовлетворением частных интересов. Этот тезис, бесспорно, стоит в связи с навеянными революционной ситуацией 1859—1861 гг. в России размышлениями Соловьева о способности правительства сохранить твердый контрреволюционный курс в сложной обстановке общественного движения.

Как видно из работы о падении Польши, и в пореформенный период Соловьева продолжала привлекать личность Петра I как реформатора. Его деятельности посвящены «Публичные чтения о Петре Великом», появившиеся в 1872 г. в связи с двухсотлетним юбилеем со дня рождения Петра I. Это одно из наиболее ярких и по содержанию, и по форме произведений Соловьева. Через все произведение проходит идея закономерности исторического развития. Автор говорит об «истории народа», которая «развивается сама из себя по известным законам, при влиянии особенных условий, которые и отличают жизнь одного народа от жизни другого»[3]. При таком понимании исторического процесса роль «великих людей» Соловьев видит в том, что они улавливают потребности общественного роста народа (термин «народ» Соловьев

---

[1] *С. М. Соловьев,* Собрание сочинений, стр. 5.
[2] Там же, стр. 6—7.
[3] Там же, стр. 973.

употребляет в широком смысле «нации», без различия классов и социальных групп) и берут на себя ведущую роль в борьбе за разрешение задач, поставленных историей перед их страной. «Великий человек, — пишет Соловьев, — является сыном своего времени, своего народа, он теряет свое сверхъестественное значение, его деятельность теряет характер случайности, произвола»[1].

С этих позиций Соловьев расценивает и деятельность Петра I. Широко известна его яркая и образная формула, определяющая значение Петра I как реформатора, преобразования которого были подготовлены всем ходом предшествующей истории России, который сумел понять задачи общественно-политического развития и провести соответствующие мероприятия для их реализации. «Необходимость движения на новый путь была сознана, обязанности при этом определились; народ поднялся и собрался на дорогу», «но кого-то ждали; ждали вождя; вождь явился»[2].

Представляя историю народа в известной мере по аналогии с жизнью человека, Соловьев видит смысл петровских реформ в том, что они удовлетворяли назревшие нужды русского народа при переходе «из одного возраста в другой, из древней истории в новую». Автор и ставит своей задачей раскрыть условия такого перехода, общие (для всех стран) и специфические (для России). Россия совершила его на два века позже, чем ряд западноевропейских народов, для которых новая история начинается с XV—XVI вв. Но это не было отставанием России от других европейских стран. Движение народов по историческому пути, говорит Соловьев, нельзя сравнивать «с беганьем детей в запуски или конскими бегами»[3]. Имела место задержка в развитии русского народа, который обладал равными с другими европейскими народами внутренними силами, но действовал в худшей внешней обстановке. «Законы развития одни и те же» и на Востоке и на Западе, подчеркивает Соловьев, «разница происходит от более или менее благоприятных условий, ускоряющих или замедляющих развитие». Многие европейские страны были расположены вблизи морей, что содействовало росту там торговли и промышленности. Они представляли собой «небольшие, хорошо защищенные государственные области», разделенные, а не отчужденные друг от друга. Россия же — это «громадная равнина, страдающая отсутствием моря и близостью степей»[4]. Население было разбросано здесь на громадных пространствах. При небольшом количестве городов, при слабом развитии промышленности страна имела

[1] *С. М. Соловьев,* Собрание сочинений, стр. 971.
[2] Там же, стр. 1001.
[3] Там же, стр. 997.
[4] Там же, стр. 981.

преимущественно земледельческий облик. А постоянные нападения с востока кочевников держали народ в состоянии боевой готовности. Требовалось содержать большое войско, и оно содержалось за счет народного труда. Сельское население должно было кормить «вооруженное сословие». В интересах последнего государство закрепостило крестьян. По Соловьеву, это была вынужденная мера, «вопль отчаяния, испущенный государством, находящимся в безвыходном экономическом положении»[1]. Для удовлетворения потребностей военных служилых людей государство предназначило и труд горожан — людей тяглых, посадских.

Таково, считает Соловьев, было экономическое состояние России к тому моменту, когда должен был совершиться переход русского народа «из одного возраста в другой»[2]. Россия нуждалась прежде всего в преобразованиях экономического порядка: в преодолении односторонности своего хозяйственного развития, имевшего в значительной мере земледельческий характер, в росте промышленности, торговли и в продвижении в этих целях к морям (прежде всего, к Балтийскому морю). В этом проявился общий закон, согласно которому, по Соловьеву, прогрессивный ход истории совершается в направлении с запада на восток.

Но одних экономических преобразований для России было недостаточно. Переход народа из «одного возраста в другой», считает Соловьев, означал, что период господства чувства сменяется для него периодом господства мысли. Такая смена совершается вследствие распространения науки. Русские люди, «осознав могущество науки», отправились в поиски за нею, «чтоб сделать свою Россию богатою и сильною, чтоб дать ей почетное место среди народов»[3]. В свете вышеизложенных предпосылок Соловьев и рассматривает реформы Петра I.

Историческая обусловленность петровских преобразований — вот та основная идея, которая пронизывает «Публичные чтения» Соловьева о Петре Великом. Эта идея являлась большим достижением буржуазной историографии периода ее расцвета; она была связана с отправной позицией Соловьева, который стремился раскрыть общие пути и специфические условия развития народов в рамках всемирной истории. Такая методологическая предпосылка была прогрессом для буржуазной историографии того времени, ибо, руководствуясь ею, Соловьев, хотя и с чисто идеалистических позиций, не раскрывая классового смысла явлений, делал попытку проследить за изменениями общественной жизни народов, объяснить характер наблюдаемых изменений, выявить

[1] *С. М. Соловьев,* Собрание сочинений, стр. 985.
[2] Там же, стр. 993.
[3] Там же, стр. 1000—1001.

их внутренние закономерности и понять их зависимость от внешних факторов.

В «Публичных чтениях о Петре Великом» отразились и политические взгляды Соловьева в 70-х годах XIX в., связанные с наблюдавшимися им последствиями реформы 1861 г. Он подчеркивает активизацию роли государства по мере развития народа. «Бедное», «неразвитое» государство [1] «древней» России под игом обстоятельств должно было поступиться свободой крестьян. Когда русский народ пришел в зрелый возраст и на пороге новой истории «сознал свою бедность и причины ее» [2], когда он отправился в путь в поисках средств, которые бы устранили «бедность» России, государство возглавило эти поиски. «Вождем» для народа стал Петр. Образ Петра, очевидно, являлся для Соловьева воплощением той сильной власти, ведущей за собой народ в надклассовом «народном» государстве, о которой мечтал Соловьев в условиях пореформенной России, когда оформление новых классов капиталистического общества усложнило ее социальную структуру и когда среди либеральной буржуазии уже наметилась тенденция в сторону контрреформ.

Отрицательное отношение Соловьева к революции отчетливо сказалось в его статье «Император Александр I. Политика. Дипломатия». Эта обширная и детальная статья, посвященная оценке деятельности (преимущественно внешнеполитической) Александра I, была написана в 1877—1878 гг.

Соловьев рассматривает Александра I, как и Петра I, на фоне «страшной борьбы между старым и новым». Только во времена Петра I «новое» — это то прогрессивное для народа, что связано с его переходом в старший «возраст», с развитием хороших традиций, заложенных в «старом». А во времена Александра I «новое» — это «разрушение», от которого нужно охранять «старое» [3]. России, так же как и другим странам Европы, «разрушение» нес Наполеон — «гений войны, гений революции». «Страшная революция» во Франции произошла потому, что французское «правительство отказалось от своей направительной деятельности». Французская республика «перешла в империю». Император Наполеон «дал французскому народу неслыханную славу», но тем самым поднял «против себя всю Европу» [4]. Задача Александра I заключалась в «свержении» Наполеона и в установлении мира в Европе «после революционных бурь и военных погромов» [5].

Таким образом, понятие закономерности исторического процесса для Соловьева было связано с признанием

---

[1] См. *С. М. Соловьев*, Собрание сочинений, стр. 984—986.
[2] Там же, стр. 993.
[3] Там же, стр. 524.
[4] Там же.
[5] Там же, стр. 757—758.

незакономерности революционных переворотов как искусственного нарушения органического развития общества. Возглавлять это развитие должны лица, управляющие государством, и смысл деятельности Александра I на международной арене Соловьев видит в осуществлении «мудрого» правила: «Перемены в правительственных формах должны исходить от самих правительств, а не должны вымогаться народами у правительств путем возмущений»[1].

Почти одновременно с очерком об Александре I, накануне русско-турецкой войны 1877—1878 гг., появились и статьи Соловьева, посвященные «восточному вопросу» в XIX в., главным образом в 1826—1829 гг. В этих статьях автор развивает мысль о том, что «историческая, национальная политика» России в «восточном вопросе», будучи в известной мере противоречивой, заключалась: 1) в сохранении мира с Турцией (несмотря на то, что западно-европейские государства, преимущественно Франция, пытались сталкивать Турцию с Россией), ибо для России не было надобности расширять свою территорию за счет других государств; 2) в охране «европейского элемента» населения Турецкой империи (т. е. южных славян) от «гнета азиатского элемента»[2] (т. е. турок). Точка зрения Соловьева на «восточный вопрос» отличалась и от реакционного панславизма с его пропагандой объединения славян вокруг России на почве православия и под эгидой царизма, и от передовой идеологии славянской демократической солидарности. Соловьев был идеологом такого рода внешней политики России, какую Гизо рекомендовал для Франции: поддерживать Турцию в целях сохранения «европейского равновесия» и в то же время не противодействовать, а даже содействовать образованию самостоятельных государств народами, которые уйдут из-под власти Турции. И здесь опять, уже применительно к «восточному вопросу», Соловьев раскрывает буржуазно-либеральное представление о государстве как высшей форме проявления деятельности народа, о том, что правительство возглавляет движение народа по пути прогресса.

Неоднократно развивая такую мысль о взаимоотношении государства и народа в работах, посвященных внутренней истории России и ее международному положению, Соловьев уже в самом конце своей жизни решил проследить общие закономерности в жизни народов и государств на громадном всемирно-историческом полотне и на большом хронологическом отрезке, охватывающем время развития ряда рабовладельческих и раннефеодальных обществ. Он сделал это в статье «Наблюдения над исторической жизнию народов» (1868—

---

[1] *С. М. Соловьев*, Собрание сочинений, стр. 678.
[2] Там же, стр. 909, 907.

1876), в которой коснулся древней истории Китая, Египта, Ассирии и Вавилона, Финикии, Индии, Ирана, Греции и Рима, а также истории средневековых государств Франции, Германии, Англии. Статье предпослано теоретическое введение, поднимающее проблему о роли народа и государства в историческом процессе. Автор доказывает, что правительство «есть произведение исторической жизни известного народа» и «самая лучшая поверка этой жизни». Поэтому и для историка того или иного народа на первом плане должна быть деятельность правительства. Историк имеет дело не с народными массами, а с «представителями народа», каковыми являются монархи, их любимцы, президенты республик, министры, вожди партий в представительных собраниях и т. д. Даже в тех случаях, когда «народные массы приходят в движение», на первом плане выступают «вожди, направители этого движения», и они-то преимущественно и интересуют историка[1]. По существу Соловьев провозгласил здесь отказ от изучения истории народных масс и свел задачи научного исследования к выяснению исторического значения лиц, которым принадлежало политическое руководство в той или иной стране, в тот или иной период. Подобная позиция в исторической науке, теоретически сформулированная Соловьевым в конце его жизни, была результатом политической эволюции буржуазного либерализма в России вправо.

Вопрос о взаимоотношении народа и государства служит темой статьи Соловьева «Начала русской земли» (1876). Здесь изложена его теоретическая платформа по вопросу о главнейших факторах исторического процесса, которых Соловьев называет три: 1) географический (природа страны), 2) этнографический (характер «племени», к которому принадлежит народ), 3) внешний (соприкосновение с другими народами). Для России сочетание условий географических (обширность страны, разбросанность населения и т. д.), этнографических и внешних (принадлежность русского народа к славянскому племени, обитавшему на стыке Европы и Азии и в силу этого вступавшему в постоянные столкновения с кочевниками степей) определило «слабость развития органов народного тела» и «чрезмерное напряжение правительственного органа для внешней централизации народных сил». «Правительственное начало» сплачивало для «общей цели» (для борьбы за независимость) население, рассеянное по неизмеримым пространствам и лишенное «внутренней централизации»[2]. Видно, что Соловьев считал роль государства в России значительно более активно определяющей направление исторического процесса, чем в странах Западной Европы.

---

[1] См. *С. М. Соловьев*, Собрание сочинений, стр. 1122—1123.
[2] Там же, стр. 789.

Интересно остановиться еще на одной статье Соловьева, написанной им в последний период его научной деятельности и имеющей значение для понимания его взглядов, — на очерке «Прогресс и религия». В этом очерке Соловьев проводит мысль, что прогресс в мире нравственном и общественном есть не что иное, как «стремление человечества к идеалу, выставленному христианством»[1].

Как уже говорилось, религиозное мировоззрение характерно для Соловьева на протяжении всей его жизни. Христианство он считал основным фактором общественного прогресса не только в прошлом, но и в настоящем, и в будущем. Признавая значение церкви в качестве идейного и политического оружия самодержавия, понимая, что «православие способствовало утверждению рабства» и что элементы сопротивления деспотизму не могли находить опору в христианстве[2], Соловьев тем не менее стремился всячески затушевать эту реакционно-охранительную роль религии и православной церкви. Он считал даже возможным говорить об «аполитичности» православия как народной формы религиозного исповедания, которое «не стеснит народных движений» и «уживется со всякими правительственными формами»[3]. Консервативно-религиозные взгляды Соловьева встречали, как он сам указывает в своих «Записках», резкую отповедь со стороны А. И. Герцена[4].

До середины 70-х годов XIX в. Соловьев оставался профессором Московского университета. В 1870 г. он становится ректором университета. В качестве ректора он пытался отстоять от натиска реакции университетский устав 1863 г., отличавшийся известным либерализмом по сравнению с уставом 1835 г. Когда же в 1875 г. по царскому предписанию была создана комиссия по пересмотру устава 1863 г., Соловьев не поддержал правительственных мероприятий. Однако он не поддержал и ту часть профессуры, которая выступала против пересмотра устава. Он предпочел уйти в отставку.

* *
*

Основным трудом Соловьева, благодаря которому он вошел в историю исторической науки как крупнейший представитель русской буржуазной историографии периода ее расцвета (середины XIX в.), является «История России с древнейших времен». В своих «Записках» Соловьев рассказывает, как создавался этот труд. Мысль о написании «Истории Рос-

[1] *С. М. Соловьев,* Собрание сочинений, стр. 958.
[2] См. «Записки С. М. Соловьева», стр. 19—20.
[3] Там же, стр. 21.
[4] См. там же, стр. 102.

сии» возникла у него еще до того, как он стал заниматься преподавательской деятельностью в Московском университете, и укрепилась после назначения его профессором университета. Первоначально Соловьев предполагал подготовить к печати лекционный курс, который, по его замыслу, должен был заменить для интересующихся отечественным прошлым «Историю государства Российского» Н. М. Карамзина[1]. Впоследствии мысль об опубликовании университетского курса лекций по русской истории выросла в идею написать обобщающий многотомный научно-исследовательский труд, полно и всесторонне освещающий на протяжении столетий прошлое русского народа. Первый том «Истории России с древнейших времен» был подготовлен Соловьевым и вышел из печати в 1851 г. В дальнейшем благодаря исключительному трудолюбию и огромному напряжению сил Соловьев выпускал каждый год по тому своего труда. Последний, 29-й, том «Истории» вышел в свет в год смерти Соловьева, в 1879 г. Изложение русской истории было доведено Соловьевым до 70-х годов XVIII в. Создание 29-томной «Истории России с древнейших времен» было большой заслугой ученого.

Соловьев рассказывает, что, приступая к работе над «Историей России с древнейших времен», он ставил перед собой чисто практические задачи: «Выучиться самому, чтоб быть в состоянии читать сколько-нибудь достойный университетский курс русской истории и дать средство другим знать основательно свою историю»[2]. В то же время считая, что его труд должен заменить в научном отношении устаревшую «Историю» Карамзина, Соловьев, по-видимому, думал, что его работа (как и работа Карамзина) получит правительственное признание. Он указывает в своих «Записках», что написание русской истории считалось в России, «как некогда составление летописей, делом государственным», что Карамзину был присвоен титул историографа. Поэтому Соловьев предполагал (по совету лиц, близких к правительственным сферам) посвятить свой труд царю и тем самым передать его «под покров» правительства[3]. Посвящение было отвергнуто. «Государство отказалось от моего труда», — писал с обидой Соловьев. Этот факт дал повод либеральным кругам русского общества преувеличивать присущий его «Истории» элемент либеральной оппозиционности правительству.

Однако в процессе подготовки Соловьевым «Истории» автор пользовался разрешением Александра II на разработку «секретных» архивных материалов XVIII в., а отдельные разделы соловьевского труда попали на цензуру к са-

---

[1] См. «Записки С. М. Соловьева», стр. 141.
[2] Там же, стр. 143.
[3] См. там же.

мому царю. Так было, например, со страницами, на которых описывалась смерть Петра III. В 1875 г. они были затребованы царем, который по прочтении разрешил опубликовать без изменений авторский текст [1].

«История России с древнейших времен» Соловьева построена на громадном фундаменте исторических источников. Можно только удивляться тому обилию материала, относящегося к разным эпохам русского исторического прошлого, который обработан силами одного человека. Среди предшественников Соловьева нельзя назвать никого из ученых, кто ввел бы в научный оборот такую массу новых источников и фактов. Особенно следует отметить заслуги Соловьева в области систематической разработки архивных материалов XVII—XVIII вв., многие из которых никто до него глубоко не изучал.

Характер источников, использованных Соловьевым, не одинаков для разных разделов русской истории. Ранний период в истории восточных славян автор освещал на основании преимущественно летописей. За сведениями о древнейшем населении Восточной Европы Соловьев обращался к иностранным авторам (латинским, греческим, арабским и другим). Интересно, что при характеристике общественного строя, религии, быта восточных славян Соловьев прибегал к данным сравнительной этнографии и языкознания.

Летописные своды остаются основным источником для Соловьева при изучении событий русской истории вплоть до времени образования единого Русского централизованного государства (до конца XV в.). В подавляющем своем большинстве эти своды во времена Соловьева уже были опубликованы. Пользовался Соловьев и летописными текстами, приведенными в «Истории» В. Н. Татищева и в «примечаниях» к «Истории» Н. М. Карамзина. На рукописные списки летописей Соловьев ссылался в редких случаях [2].

Кроме летописей, источником для первых разделов «Истории» Соловьева служили и другие литературные памятники — древнерусские поучения, сказания, жития, а также былины и др. Из законодательных памятников использована Русская Правда. При освещении событий XIV—XV вв. автор начинает обращаться к актовому материалу, известному ему по таким фундаментальным для своего времени изданиям как «Собрание государственных грамот и договоров», «Акты Археографической экспедиции», «Акты исторические», «Дополнения к актам историческим» и т. д. Эти памятники привлечены им в значительно большей степени, чем его предшест-

[1] См. *А. И. Андреев,* Работа С. М. Соловьева над «Историей России». «Труды Историко-архивного института», т. III, М 1947, стр. 11.

[2] См. *С. М. Соловьев,* История России с древнейших времен, кн. I, СПб, изд т-ва «Общественная польза», стр. 1305, примеч. 2.

венниками. Обращался автор и к иностранным хроникам (например, ливонским, польским). Однако над всеми источниками превалирует материал русского летописания. В целом можно сказать, что в пределах до конца XV в. в «Истории» Соловьева фигурируют по преимуществу источники, уже до него напечатанные.

Совершенно иное впечатление оставляют по обилию нового материала разделы труда Соловьева, посвященные явлениям и событиям русской истории XVI в. и особенно XVII—XVIII вв. Впервые введенный в научный оборот архивный материал начинает занимать здесь все более и более ведущее место.

Среди источников по истории России в XVI в. еще значительную роль играют летописные своды, но среди них уже часто фигурируют неопубликованные тексты. Из печатных источников, освещающих историю XVI в., Соловьев пользовался «Сказанием» Курбского, Судебником 1550 г., «Собранием государственных грамот и договоров», изданиями актового материала Археографической комиссии, записками иностранцев и т. д. Привлекал Соловьев разрядные книги (как печатные, так и рукописные). Из архивных материалов главное внимание Соловьев уделил памятникам дипломатических сношений России с другими странами, воспользовавшись хранившимися в Московском главном архиве Министерства иностранных дел «делами» турецкими, крымскими, ногайскими, греческими, шведскими, датскими, английскими, польскими, «делами» папского двора, литовской метрикой и т. д.

Для освещения явлений и событий русской истории XVII в. Соловьеву служат такие печатные (а отчасти и рукописные) материалы, как повести и сказания русских людей и иностранцев, летописи, хронографы, дворцовые разряды, законодательные памятники («Полное собрание законов Российской империи» и др.), письма русских царей, различные акты (причем не только издания Археографической комиссии, но и местные публикации) и т. д. Значительно расширяется круг привлекаемых автором архивных материалов. Так, в составе дипломатической документации можно указать дополнительно к перечисленным выше при обзоре источников XVI в. материалам (которыми Соловьев воспользовался и при написании истории России XVII в.) также «дела» голландские, французские, голштинские, австрийские, цесарские. Кроме того, из фонда Московского главного архива Министерства иностранных дел Соловьев привлек «дела» малороссийские, донские, приказные дела старых лет, из фонда Московского архива Министерства юстиции — столбцы Разрядного и Малороссийского приказов. Пользовался Соловьев столбцами Приказа тайных дел и «портфелями» историка XVIII в. Мил-

лера, содержащими ценные копии с архивных документов. Таким образом, наряду с памятниками, характеризующими внешнюю политику Русского государства, Соловьев брал из архивов документы по внутренней истории России.

При работе над историей России в XVIII в. Соловьев, помимо привлечения большого опубликованного материала, обращался к архивным фондам Кабинета, Сената, Верховного тайного совета, Преображенского приказа, Тайной канцелярии и т. д. В большом количестве привлечена им к исследованию (как и при изучении более ранних периодов) документация внешнеполитического характера.

Как различен круг источников, которыми пользовался Соловьев при изучении разных периодов русской истории, так неодинаковы и приемы критического анализа и использования этих источников автором. В труде Соловьева имеется много интересных наблюдений над летописями и актами, относящимися к истории Киевской Руси, периода феодальной раздробленности, времени образования русского централизованного государства. Соловьев высказывает ряд новых по сравнению с его предшественниками соображений относительно датировки духовных и договорных княжеских грамот и других актов [1]. В ряде случаев автор выражает сомнения по поводу правомерности помещения летописцами под определенными годами тех или иных известий [2]. Заслуживают внимания мысли Соловьева о времени возникновения тех или иных преданий [3].

Соловьев задается вопросом о том, нет ли в летописных сводах пропусков [4], не является ли тот или иной летописный текст позднейшей вставкой [5], он пытается уловить в летописных рассказах тенденции, идущие из определенных княжеств [6]. Сопоставляя разные тексты, Соловьев задумывается над вопросом о возможности заимствований или влияний [7]. Встречая в определенном своде единичное известие, не повторяющееся в других памятниках, он считает нужным выяснить его достоверность [8]. Автор размышляет над причинами, почему источники умалчивают о таких-то событиях [9]. Интересны сопоставления Соловьевым русских и иностранных источников, освещающих одни и те же факты [10]. При наличии в разных летописных списках разночтений Соловьев выбирает тот

---

[1] См. *С. М. Соловьев,* История.., кн. I, стр. 950 и др.
[2] Там же, стр. 289.
[3] Там же, стр. 164.
[4] Там же, стр. 149.
[5] Там же, стр. 196.
[6] Там же, стр. 413.
[7] Там же, стр. 113.
[8] Там же, стр. 290.
[9] Там же, стр. 117.
[10] Там же, стр. 141.

текст, который считает первоначальным [1]. Занимается Соловьев толкованием смысла отдельных терминов [2].

Все указанные приемы источниковедческой методики, не только взятые Соловьевым у своих предшественников и подвергнутые дальнейшему совершенствованию на практике, но в ряде случаев им самим впервые разработанные, были, несомненно, достижением для своего времени. Некоторые критические наблюдения Соловьева над памятниками выливаются в небольшие источниковедческие этюды. Таковы, например, его соображения по поводу того, что представляла собой грамота, данная якобы князем Ярославом Мудрым Новгороду [3].

Однако многие методы, к которым прибегал Соловьев при работе над изучением источников, мешали правильному освещению исторического прошлого. Так, Соловьев иногда довольно безразлично относился к вопросу о выборе летописного текста. Поэтому он часто некритически пользуется поздними летописными сводами (Никоновской, Воскресенской летописями, Степенной книгой), исследуя ранние события и явления русской истории. Привлекает Соловьев и такие памятники как Иоакимовская летопись, опубликованная (в отрывках) Татищевым и принятая им за древнейший новгородский летописный свод, в действительности же представляющая собой позднее компилятивное литературное произведение. Конечно, это не свидетельствует о слабости источниковедческих приемов только Соловьева. Скорее это показатель общего уровня исторического источниковедения того времени.

Порочность основной методологической концепции Соловьева, рассматривавшего государство как надклассовый орган, определила и теоретическую слабость методов его подхода к источникам. Соловьев не умел разглядеть в сохранившихся летописных памятниках напластования различных сводов, неоднократно изменявшихся и редактировавшихся часто по идеологическим, политическим соображениям; он не понял того, что эти напластования и редакции отражают острую общественно-политическую борьбу. Соловьев применял метод использования сводного летописного текста, составленного из кусков, взятых из разных летописей. Этот же метод применялся им и к актовому материалу, например к договорным грамотам Новгорода и великих князей. Составленная Соловьевым сводная договорная грамота не могла, конечно, отразить эволюции политического строя Новгородской республики; эта эволюция нашла отражение в изменении формул отдельных реально существовавших разновременных договоров.

[1] См. *С. М. Соловьев,* История.., кн. I, стр. 123.
[2] Там же, стр. 884.
[3] Там же, стр. 698.

То что в «Истории» Соловьева раскрыта преимущественно политическая история древней и средневековой России, а точнее — история междукняжеских отношений, объясняется его методологией и связанной с ней методикой исследования. Он не мог через те надстроечные отношения, которые преимущественно нашли освещение в памятниках письменности, проникнуть в сферу породивших их явлений экономического базиса, не умел (да и не ставил это своей задачей) выяснить классовый характер источников как порождения социальной, политической, идейной борьбы. В этом опять-таки сказалась ограниченность дворянско-буржуазной историографии.

Приходится отметить, что круг известных источников по истории Руси до XV в. включительно сравнительно узок. А во времена Соловьева их было введено в научный оборот много меньше, чем сейчас. Поэтому возможности исследования древней и средневековой русской истории были сравнительно ограничены. Возможности становились шире при изучении более поздних эпох; по мере приближения интересов исследователя к новому времени общее количество архивных источников возрастало и круг их становился разнообразнее. Но вместе с тем усложнялась и источниковедческая методика. Правда, специфические трудности, возникавшие при критическом анализе древних памятников прошлого (особенности древнерусского языка, отсутствие дат, неясность и отрывочность содержания и т. д.), при исследовании более поздних документов уменьшались. Но вставали новые задачи, связанные с отбором источников, методикой обработки массового однотипного материала, необходимостью разработать принципы анализа разных типов исторических памятников в зависимости от их специфики и т. д. По этим вопросам Соловьев дал много нового и оригинального.

В ряде случаев Соловьев прибегает к сопоставлению разных источников XVII в., трактующих определенный вопрос, и к критическому разбору разных версий по данному вопросу. Так, например, он поступает, описывая избрание на царство Бориса Годунова [1], говоря о личности первого Лжедмитрия [2], касаясь дела патриарха Никона [3] и т. д. Его наблюдения, как правило, оригинальны, метки, он стремится оставаться на почве реальных фактов. Так, задаваясь вопросом о происхождении Лжедмитрия I, Соловьев указывает, что историк «не имеет права, подобно романисту, создать небывалое лицо с небывалыми отношениями и приключениями» [4].

---

[1] См. *С. М. Соловьев,* История.., кн. II, стр. 684.
[2] Там же, стр. 751.
[3] См. *С. М. Соловьев,* История.., кн. III, стр. 213.
[4] *С. М. Соловьев,* История.., кн. II, стр. 684.

При анализе памятников публицистики Соловьев в ряде случаев старается раскрыть имеющиеся в них политические тенденции, уловить проявление определенных общественных симпатий и антипатий. В этом отношении очень интересны страницы «Истории» Соловьева, посвященные анализу повестей о так называемом «Смутном времени», в частности замечания по поводу двух сказаний, составленных в Пскове, в которых отражены взгляды «двух противоположных, враждебных сторон: стороны лучших и стороны меньших людей»[1].

Говоря об отборе источников, надо отметить, что Соловьев привлекал для своего исследования главным образом те из них, которые касаются политической и внешнеполитической истории России и отражают в первую очередь примечательные события этой истории. В то же время памятники, на основе которых могли бы быть раскрыты сложные внутренние процессы общественно-экономического развития (например, писцовые или таможенные книги, массовый документальный материал, требовавший статистической обработки, и т. д.), оставались, как правило, вне поля зрения автора. Приведение тех или иных источников Соловьевым имеет часто иллюстративный характер, а наиболее часто применяемый им метод использования источника — это его пересказ или передача в виде выдержек (с сохранением особенностей языка оригинала или в переводе на современный Соловьеву русский язык). В качестве примера можно привести страницы «Истории» Соловьева, на которых даются описания земского собора 1642 г. по вопросу о принятии Азова в состав Русского государства[2] или восстания в Москве и селе Коломенском в связи с выпуском правительством Алексея Михайловича медных денег[3]. Конечно, печатая ежегодно по тому «Истории», каждый из которых охватывал большой период и поднимал множество вопросов, Соловьев не мог не допускать известного упрощения источниковедческих приемов. Это вызывалось самим характером его труда. Но никто из русских историков, писавших до Соловьева, не использовал такого обилия документов, заново привлеченных и по-новому объясненных.

Как уже говорилось, Соловьев не видел в источнике отражения классовых противоречий. Поэтому он ограничивался простой передачей даже таких тенденциозных материалов, как правительственные акты, касающиеся городских восстаний 1648—1650 гг. или восстания Разина 1668—1670 гг., воспроизводя таким образом не объективную, враждебную народу правительственную оценку этих событий.

---

[1] *С. М. Соловьев,* История.., кн. II, стр. 1384.
[2] См. там же, стр. 1254.
[3] См. *С. М. Соловьев,* История.., кн. III, стр. 192.

Изложение Соловьевым материалов XVIII в. также часто дается в виде длинных выдержек из источников, соединяемых между собой небольшими связующими авторскими фразами. В то же время при наличии ряда источников, разных по происхождению и противоречивых по содержанию, Соловьев пытается путем их взаимного контроля и проверки нарисовать действительную всестороннюю картину. В этом отношении весьма интересно, например, им изложено дело сына Петра I — царевича Алексея Петровича. Заслуживает внимания попытка Соловьева выяснить отношение не только к этому делу, но и в целом к Петру I и к его реформам со стороны различных социальных групп Русского государства.

Несмотря на свои достижения, Соловьев не поднялся до уровня классового анализа явлений, хотя бы в пределах того понимания классов и классовой структуры общества, до которого дошла европейская буржуазная историография его времени.

* *
*

Поскольку работа Соловьева над «Историей России с древнейших времен» продолжалась свыше тридцати лет, нельзя было ожидать, чтобы все 29 в разное время написанных томов этого труда отличались как единством архитектоники, так и выдержанностью концепции. В «Истории» Соловьева можно обнаружить и неясности, и нечеткости структурного порядка, и противоречия в оценке отдельных явлений исторического прошлого. И тем не менее взгляд автора на русскую историю отличается определенной цельностью. Можно говорить лишь о его развитии на протяжении ряда томов, а не о каких-либо существенных изменениях.

По основным проблемам русской истории в целом Соловьев наиболее полно высказался дважды: в предисловии к первому тому своего труда и в начале тринадцатого тома, в главе «Россия перед эпохою преобразования» (т. е. накануне реформ Петра I). В предисловии к первому тому «Истории» Соловьев ставит задачу рассмотреть прошлое России под углом зрения органического процесса внутреннего развития: «Не делить, не дробить Русскую Историю на отдельные части, периоды, но соединять их, следить преимущественно за связью явлений, за непосредственным преемством форм; не разделять начал, но рассматривать их во взаимодействии, стараться объяснить каждое явление из внутренних причин, прежде чем выделить его из общей связи событий и подчинить внешнему влиянию — вот обязанность историка в настоящее время, как понимает ее автор предлагаемого труда» [1].

[1] *С. М. Соловьев,* История.., кн. I, стр. 1.

Таким образом, Соловьев обосновывает необходимость раскрытия исторической закономерности. Несмотря на то, что сама закономерность понималась Соловьевым идеалистически, такой взгляд на задачи исторического исследования был, конечно, прогрессом в дворянско-буржуазной науке своего времени.

Положительным моментом в концепции Соловьева был отказ от выделения «норманского» и «татарского» периодов в истории России. Хотя он и признавал влияние норманнов и татаро-монголов на ход русской истории, но основное место отводил внутренним процессам развития.

Главным явлением русского исторического процесса автор считает «переход родовых княжеских отношений в государственные»[1]. О методологическом значении и политическом смысле этого тезиса уже неоднократно говорилось выше. История представлялась в перевернутом виде. Политическая надстройка приобретала самодовлеющее значение. А поскольку ее действительная социально-экономическая обусловленность не раскрывалась, выхолащивалось и ее классовое содержание. Но достижением следует считать отказ Соловьева от тезиса дворянской историографии об исконности на Руси самодержавия и попытку исторически рассмотреть формирование государства.

Большое значение как фактору, влиявшему на направление и характер исторического процесса, Соловьев придавал здесь (как и в других своих работах) природе страны. Непосредственное соприкосновение Восточноевропейской равнины со степями Азии предопределило многовековую борьбу восточных славян с кочевниками. Обширность страны и ее малонаселенность явились условием мирной колонизации. Роль географического фактора Соловьевым крайне преувеличена. В ряде случаев этот фактор приобретает первоочередное значение, и им объясняются социально-экономические явления как нечто производное. Соловьев не мог понять, что главное в общественном развитии не географическая среда и не плотность населения, а развитие производительных сил. Но то, что он обратил серьезное внимание на эти факторы, которые не рассматривались в должной мере дворянскими историками, было его заслугой.

Заслугой Соловьева надо признать и яркое освещение борьбы восточных славян с кочевниками. В то же время надо отметить, что в изображении Соловьева эта борьба принимает вид многовекового соперничества Европы и Азии, столкновения европейского «характера» с азиатским, оседлого населения — со степными ордами, культуры и гражданственности — с кочевым бытом. Подобная предвзятая

---

[1] *С. М. Соловьев*, История.., кн. I, стр. 4.

европоцентристская схема не могла, конечно, дать правильной исторической перспективы.

Большое место в истории России Соловьев отводит колонизации страны населением. При этом он считает, что направление колонизации диктовалось расположением речных систем. Таким образом, получается, что реки также сыграли большую роль в истории Русского государства, в смене политических центров Руси («распространение русских владений следовало течению рек», речные системы влияли на «распространение русской государственности» [1]). Так механистически устанавливалась автором связь политической надстройки с географическими условиями.

В предисловии к первому тому своего обобщающего труда Соловьев коснулся и вопросов периодизации русской истории. Он не выделяет каких-либо определенных периодов, но намечает переломные грани в общественно-политическом развитии России. Критериями для него при этом являются характер государства и степень европеизации России. И то и другое — путь к «народному самопознанию». Ход мыслей Соловьева при этом примерно таков: государство, просвещая народ плодами европейской цивилизации, помогает ему осознать себя как единое целое, как нацию, и идти по пути прогресса. Государство выступает не как аппарат насилия, а как орган просвещения и воспитания народа.

Основные этапы русской истории, по Соловьеву, таковы: 1) с IX до второй половины XII в. — время господства родовых междукняжеских отношений; 2) со второй половины XII в. и до конца XVI в., до того времени, «когда пресеклась Рюрикова династия» (после смерти сына Грозного Федора Ивановича) — период перехода родовых отношений между князьями в государственные; 3) начало XVII в. — «Смута», грозившая «юному государству разрушением»; 4) XVII в. (после «Смуты») — первая половина XVIII в. — время, когда государственная жизнь России стала развиваться в среде европейских держав; 5) время со второй половины XVIII в. до середины XIX в. — период, когда начала ощущаться необходимость заимствования «плодов европейской цивилизации» в целях не только «материального благосостояния», но и «нравственного просвещения». Так Соловьев подходит к своей эпохе, когда «потребность вложить душу в приготовленное прежде тело» принесла свой плод: «познание вообще привело к самопознанию» [2].

Итак, идеалистически рассматривая государство как фактор просвещения народа через приобщение его к европейской цивилизации, Соловьев подчиняет свою историческую

---

[1] *С. М. Соловьев,* История.., кн. I, стр. 27, 34.
[2] Там же, стр. 2—6.

концепцию политическому идеалу либеральной буржуазии с ее программой реформ, которые содействовали бы превращению феодальной монархии в монархию буржуазную.

Еще раз попытавшись изложить общие основы понимания истории России в тринадцатом томе своего труда, при подведении итогов изучения допетровского времени, Соловьев и здесь все многообразие исторических явлений в конечном итоге выводит из географического фактора. Исходя из предпосылки об определяющем значении географической среды в жизни отдельных народов, Соловьев приходит к выводу, что «в истории распространения европейской цивилизации» наблюдается «постепенное движение от запада к востоку по указанию природы, ибо на западе сосредоточиваются самые благоприятные условия для успехов цивилизации», которые «постепенно ослабевают, чем далее на восток»[1]. История Восточной Европы, говорит Соловьев, началась позднее, чем Европы Западной, причем и на восточноевропейской равнине в свою очередь происходило перемещение центра исторических событий в направлении с юго-запада (Киевская Русь) на северо-восток (Русь Владимиро-Суздальская)[2]. В этих высказываниях Соловьева о роли географического фактора, собственно говоря, получает обоснование старое, заимствованное из летописных сводов представление дворянской историографии о том, что ход русской истории последовательно перемещался соответственно перемещению его политического средоточения: из Киева, через Владимир на Клязьме, в Москву.

Периодизация русской истории, предлагаемая здесь Соловьевым, близка к той схеме, которую он наметил в предисловии к первому тому своего труда. Только здесь взятое в качестве критерия периодизации сочетание трех факторов (природная среда, формирование народа как этнического целого и рост его самосознания — складывание государства) подчинено идее постепенного расширения сферы воздействия «европейской цивилизации» в направлении с запада на восток. Руководствуясь указанными предпосылками, Соловьев говорит, что история Руси начинается «богатырским» (или «героическим») периодом. Это время с IX по конец XII в., распадающееся на два этапа: 1) до смерти киевского князя Ярослава Мудрого и 2) после его смерти. В это время происходит исчезновение славянских племен и замена их княжениями. Формируется русский народ, объединяемый политически (под властью одного княжеского «рода») и в церковном отношении (в связи с принятием христианства). Второй

---

[1] *С. М. Соловьев,* История.., кн. III, стр. 626.
[2] См. *С. М. Соловьев,* История.., кн. I, стр. 639.

период, по Соловьеву, начинается с «отливом исторической жизни на восток», в область Верхней Волги, где русский человек оказывается «заброшенным в мир варваров», попадает на крайний участок «европейско-христианской семьи» [1]. Здесь русская история находит свое продолжение. Родовые междукняжеские отношения окончательно вытесняются при Грозном единовластием; важный рубеж в истории России отмечает «Смутное время». XVII век служит преддверием реформ Петра I.

На представлениях Соловьева о ходе и этапах русской истории, несомненно, сказалось завершение в предреформенный период процесса формирования русской буржуазной нации. И то, что Соловьев уделил столько внимания вопросам национального развития русского народа, положительно характеризует его «Историю». В ней много места уделено борьбе Руси с захватчиками, истории национальной культуры и т. д. Но принадлежа не к демократическим, а к либеральным кругам русского общества, Соловьев с их позиций представляет и «национальное самосознание», тенденциозно выдавая русский народ за носителя монархических и религиозно-православных начал.

Как подчиняется распределение материала в труде Соловьева предложенному им членению исторического процесса и его высказываниям о факторах исторического развития? После кратких сведений о географии Восточной Европы и сравнительно краткого же разбора известий о ее древнейшем населении Соловьев строит свое изложение хронологически, располагая материал в основном применительно к правлениям князей и царей. Если чье-либо правление требует развернутого и детального рассказа, то ему посвящается несколько глав, в каждой из которых иногда рассматривается (в хронологической последовательности) определенная тема, в соответствии с которой глава и получает заглавие. Так, история царствования Ивана Грозного содержит главы: «Казань, Астрахань, Ливония», «Опричнина», «Полоцк», «Стефан Баторий», «Строгановы и Ермак». В других случаях главы не получают тематических заголовков и просто продолжают хронологически прерванную нить изложения. Например: «Царствование Федора Иоанновича», «Продолжение царствования Федора Иоанновича», «Окончание царствования Федора Иоанновича». Или: «Царствование Алексея Михайловича», затем 11 глав под одноименным названием — «Продолжение царствования Алексея Михайловича» и, наконец, «Окончание царствования Алексея Михайловича».

Кроме этих основных глав, в которых излагаются события политической и внешнеполитической истории, время от вре-

[1] *С. М. Соловьев,* История.., кн. III, стр. 643—644.

мени Соловьев дает специальные главы с характеристикой «внутреннего состояния русского общества» за какой-либо (сравнительно большой и представляющийся ему законченным) хронологический отрезок. Такие главы посвящены следующим периодам: от образования Древнерусского государства с центром в Киеве до смерти князя Ярослава Мудрого; от смерти Ярослава до смерти князя Мстислава Мстиславича торопецкого (1054—1228); от смерти Мстислава торопецкого до смерти великого московского князя Василия Васильевича Темного. Начиная со времени Ивана III очерки, касающиеся «внутреннего состояния русского общества», даются по правлениям князей и царей, после глав, в которых излагаются «события» соответствующих княжений и царствований. В таком подходе к задачам исторического исследования и в принципах распределения материала сказалась, во-первых, мысль о том, что главное в истории — это развитие государства, проявляющееся в событиях внутри- и внешнеполитического характера; во-вторых, что история государства оказывает определяющее воздействие на жизнь общества.

Самое построение глав, характеризующих «внутреннее состояние русского общества» на разных его этапах, также целиком подчиняется концепции Соловьева, согласно которой ведущая деятельность в истории принадлежит государству и привилегированным классам, просвещающим народ. Изложение, как правило, начинается с описания политического строя, а уже в конце говорится об экономике страны. В первую очередь рассматривается положение привилегированных сословий, в конце — производящего класса. Так, в главе о русском обществе во времена Ивана Грозного тематические рубрики располагаются в такой последовательности: царская власть, боярская аристократия, войско, финансы, городское и сельское население, холопы, промышленность, торговля. При таком подходе к историческим явлениям, конечно, не могло быть объективно, правильно воспроизведено общественное развитие Руси. И тем не менее насыщенные богатым документальным материалом и последовательно характеризующие разные стороны социально-экономических отношений, политического уклада, культуры и быта Руси на разных этапах исторической жизни русского народа, эти общие главы труда Соловьева представляют достижение буржуазной историографии. В многотомном исследовании Соловьева впервые в русской исторической науке были даны целостные картины экономической жизни, социального строя, государственного аппарата, внутренней и внешней политики, материальной и духовной культуры русского общества со времени образования Древнерусского государства до второй половины XVIII в.

* *
*

В «Истории России с древнейших времен» Соловьев поднимает целый ряд важных проблем русского исторического процесса. Мало касаясь вопроса о древнейшем населении Восточной Европы, Соловьев не останавливается подробно и на проблеме происхождения славян. В соответствии с дворянско-буржуазной историографией своего времени (восходящей к летописной традиции) Соловьев считал славян пришельцами из Азии на берега Дуная, где они пребывали длительное время, после чего расселились по местам их позднейшего жительства. Эта неверная точка зрения была пересмотрена в трудах последующих ученых.

Начальным событием политической истории восточных славян Соловьев считал утверждение у них власти пришлых варяжских конунгов. «Призвание первых князей, — пишет Соловьев, — имеет великое значение в нашей истории, есть событие всероссийское, и с него справедливо начинают русскую историю»[1]. Таким образом, Соловьев принимал положения «норманской теории» возникновения Русского государства. Это была ошибочная позиция, так же как ошибочным надо признать мнение Соловьева о сравнительно позднем политическом развитии славян (с IX века). В настоящее время выяснено, что первые государственные образования у восточных славян возникли еще в VI в.

Но Соловьев высказал ряд здравых суждений по вопросу о характере норманского влияния на Русь, суждений, которые в конечном итоге подрывали корни «норманской теории». Он справедливо указывает, что «варяги не стояли выше славян на ступенях общественной жизни» и быстро слились с ними. Соловьев отмечает, что нельзя говорить о влиянии скандинавских языков и законов на язык и законодательство славян, что князья-потомки Рюрика уже не были чистыми норманнами. Добросовестное изучение источников приводило Соловьева к выводу, что «вопрос о национальности варяговруси теряет свою важность в нашей истории».

Вопрос об образовании и развитии на Руси государства Соловьев рассматривает в сравнительно-историческом плане. Он различает два типа государств, из которых одни образовались «неорганически», в результате завоевания, другие — «органически», в процессе «внутреннего возрастания и укрепления». Для Русского государства, по Соловьеву, характерен второй путь развития: оно «при самом рождении своем является в громадных размерах», что обусловлено природою. Пользуясь удобством водных путей, идущих во всех направ-

[1] *С. М. Соловьев,* История.., кн. I, стр. 103.

лениях, «новое государство», т. е. Киевская Русь (вернее, прообраз государства, ибо победа государственного начала на Руси, по Соловьеву, происходит позднее), быстро охватило ряд племен и «наметило громадную для себя область», но последняя была пустынна, еще «нужно было все населить, все устроить, все создать». И тогда на Руси произошло то, что бывает во всех «органически образованных» государствах: страна как бы разделилась на части, находящиеся под властью разных владетелей. Так объясняет Соловьев переход к политической раздробленности.

В действительности политическая раздробленность явилась следствием развития феодальных отношений в древней Руси. По мнению же Соловьева, феодализма (понимаемого им как форма политического устройства) на Руси не было. Он считает, что феодализм как один из двух типов владельческих отношений характерен для государств германских. Для славянских же государств характерны родовые междукняжеские отношения. При феодализме, пишет Соловьев, зависимость вассала от сюзерена возникает «из первоначальной зависимости членов дружины к вождю». На Руси же «связью между частями государства служило родовое отношение владельца каждой части к владельцам других частей и к самому старшему из них». Это отношение было основано на происхождении всех владельцев от одного общего родоначальника и на том, что «старший стол переходил постоянно во владение к старшему в целом роде княжеском». Феодализму на западе и родовым княжеским отношениям на Востоке, замечает Соловьев, «бесспорно, принадлежала опека над новорожденными европейскими обществами в опасный период их младенчества»[1].

В дальнейшем родовые отношения уступили место единовластию. Это имело место в Северо-Восточной Руси, куда произошел отлив населения с юга, «из стран лучших в худшие, в условия более неблагоприятные»[2]. В Северо-Восточной Руси немногочисленное население, разбросанное на громадном пространстве, жило «особною жизнью». Здесь не было «разделения труда», отсутствовали «большие города», сообщение между отдельными областями было слабое, население не обладало «сознанием общих интересов». «Раздробленные таким образом части» могли быть «стянуты» лишь «правительственною централизациею». «Централизация, — указывает Соловьев, — восполняет недостаток внутренней связи, условливается этим недостатком и, разумеется, благодетельна и необходима, ибо без нее все бы распалось и разбрелось; это хирургическая повязка на больном теле, страдающем потерею

[1] *С. М. Соловьев,* История , кн I, стр 1341—1344.
[2] *С. М. Соловьев,* История.., кн. III, стр. 643.

внутренней связи, внутренней сплоченности»[1]. Такой хирургической повязкой на общественном теле было возникшее к XVI в. Русское централизованное государство. Неправильное представление Соловьева о том, что в России в средние века отсутствовали феодальные отношения, определило и его ошибочное противопоставление путей развития России и Западной Европы.

Выдвинув тезис о возникновении на Руси государственности в результате внутреннего «органического» развития, Соловьев, в конечном итоге, противореча себе, объясняет образование Русского централизованного государства отсутствием достаточных внутренних предпосылок для дальнейшего органического роста общества. Централизация выступает как извне привнесенная сила, сплачивающая народ и дающая ему возможность развиваться как единое целое. Таково буржуазное понимание сущности государства, не признающее его классовой природы и обусловленности его возникновения социально-экономическими причинами.

Выше было уже указано, что Соловьев не придавал большого значения татаро-монгольскому нашествию в ряду факторов, оказавших влияние на дальнейшее общественное развитие Руси, на формирование русской государственности. Татары, пишет он, по завоевании Руси «остались жить вдалеке, заботились только о сборе дани, нисколько не вмешивались во внутренние отношения, оставляя все как было, следовательно, оставляя на полной свободе действовать те новые отношения, какие начались на севере прежде них». В междукняжеской борьбе татары являлись только «орудиями»[2]. Мысль Соловьева о том, что татаро-монгольское завоевание не могло прервать закономерного хода русской истории, была, несомненно, правильной. Верно отметил Соловьев и то, что Русь защитила от татаро-монгольского нашествия западноевропейские страны («Западная Европа была спасена от азиатцев, но восточная ее половина надолго еще оставалась открытою для их нашествий»[3]). Но надо заметить, что татарское иго имело гораздо более отрицательное значение для русского народа, чем думал Соловьев. Оно всей тяжестью ложилось на народ и создавало препятствия для его экономического и культурного роста.

Падение татаро-монгольского ига Соловьев рассматривает в плане своей общей концепции о вековой борьбе европейской цивилизации с кочевыми азиатскими варварами. Подобный европоцентризм уже давно развенчан наукой. Зато верной была мысль Соловьева о том, что свержение татаро-мон-

---

[1] *С. М. Соловьев,* История.., кн. III, стр. 645.
[2] *С. М. Соловьев,* История.., кн. I, стр. 4.
[3] Там же, стр. 980.

гольского ига в конце XV в. связано с образованием мощного Русского централизованного государства [1].

Временем решающей борьбы новых «государственных» начал со старыми «родовыми» Соловьев считал XVI столетие — годы правления Ивана Грозного, и на фоне этой борьбы рассматривал деятельность Грозного. Несмотря на идеализм в трактовке Соловьевым понятия государства, положительным было то, что он понимал исторически закономерный характер мероприятий Грозного, направленных к государственной централизации. Он подчеркивает связь политики Грозного с деятельностью его предшественников — Ивана III и Василия III. Он указывает, что реформы Грозного (в частности, учреждение опричнины) надо рассматривать не как результат злой воли царя, а как выражение интересов целой группы господствующего сословия [2]. При этом Соловьев подчеркивает, что освещение вопроса об исторической обусловленности политики Ивана IV нельзя связывать с моральной оценкой его поступков: «Более чем странно, — пишет он, — смешение исторического объяснения явлений с нравственным их оправданием» [3]. Но хотя Соловьев и подошел к пониманию опричнины как орудия борьбы с боярской аристократией, он не мог раскрыть классовой сущности политики правительства Грозного и роли опричнины в развитии крепостничества.

Рассматривая историю России после смерти Ивана Грозного, Соловьев справедливо считал одним из самых важных явлений «в истории русских сословий» законодательное оформление крепостного права [4]. Соловьев полагал, что прикрепление крестьян к земле было произведено специальным указом правительства царя Федора Иоанновича. Издание этого закона Соловьев признает вынужденной мерой, вызванной обширностью территории России, малой ее населенностью, недостатком рабочих рук для ведения хозяйства на землях помещиков, которые в силу этого не могли нести военную службу. Таким образом, по Соловьеву, прикрепление крестьян к земле было произведено в общегосударственных интересах, ради государственной пользы. Согласно такой теории происхождения крепостного права, получалось, что оно не являлось результатом раскола общества на антагонистические классы, но, напротив, якобы содействовало их согласованной деятельности для удовлетворения общегосударственных нужд.

Вышеизложенные взгляды Соловьева определили и его отношение к событиям начала XVII в., к крестьянской

[1] См. *С. М. Соловьев,* История.., кн. I, стр. 1345.
[2] См. *С. М. Соловьев,* История.., кн. II, стр. 327.
[3] Там же, стр. 332.
[4] См. там же, стр. 645.

войне под предводительством И. И. Болотникова и к польско-шведской интервенции. Эти события объединялись в дворянско-буржуазной историографии общими терминами: «Смута», «Смутное время». Соловьев указывает на две причины «Смуты». Во-первых, это «дурное состояние нравственности» в России, выражавшееся в том, что у людей не было сознания обязанности служения обществу, «подчинения частных стремлений и выгод — общественным». Соловьев считает подобное явление болезнью «общественного тела», в котором было «много дурных соков»[1]. Несомненно, что Соловьев как глубокий исследователь правильно заметил, насколько обострились общественные противоречия в России на рубеже XVI и XVII вв. Но объяснение этому он дал предвзятое, с точки зрения своего представления об идеальном государстве, как организации, в которой якобы находят гармоническое сочетание интересы личные и интересы общественные.

Вторую причину «Смуты» Соловьев видел в развитии казачества. Не раскрывая социальных причин появления казачества (среди которого было много беглых крестьян, спасавшихся от феодально-крепостнической эксплуатации), Соловьев считает казаков «противообщественным» элементом, стремившимся «пожить на чужой счет». Так, в духе своей идеалистической и тенденциозной концепции характеризует Соловьев и все «Смутное время» как период «борьбы между общественным и противообщественным элементом», борьбы «земских людей, собственников», сторонников «наряда государственного», с казаками, «людьми безземельными, бродячими»[2].

Пожалуй, нигде не сказалась в такой мере реакционность мировоззрения Соловьева, как в трактовке массовых народных движений. Страх перед революционным выступлением народных масс вызывает у Соловьева стремление сгладить остроту классовых противоречий. Он всячески подчеркивает, что восстание крестьян против помещиков было «явлением местным», что попытки казаков «под знаменем самозванцев» «возбудить низшие классы против высших», как правило, успеха не имели. Соловьев старается доказать, что беглые крестьяне, уходившие в казаки, утрачивали свое социальное лицо и переставали быть крестьянами, а крестьяне якобы никогда не восставали под знаменем самозванцев «в защиту своих сословных прав»[3]. Это утверждение относится и к Болотникову, который, по мнению Соловьева, хотел «упрочить дело самозванца в прежепогибшей Украине»[4]. Относясь с некоторой симпатией к самому Болотникову, как человеку,

[1] *С. М. Соловьев*, История.., кн. II, стр. 728—730.
[2] Там же, стр 731.
[3] Там же.
[4] Там же, стр 813.

якобы введенному в заблуждение самозванцем (Лжедмитрием II), Соловьев трактует все его движение как проявление «противообщественного начала», а ряды участников этого движения презрительно именует «шайками»[1]. Это типичная буржуазно-либеральная, реакционная по своему содержанию оценка борьбы закрепощенного крестьянства с феодальным гнетом.

Соловьев полагает, что «Смутное время» окончилось благодаря усилиям «земских людей», сторонников порядка в государстве, которые сумели «восстановить народ, нарушенный стремлениями меньшинства»[2]. XVII век, время после «Смуты», Соловьев рассматривает как период подготовки преобразований Петра I. Это была правильная мысль. Интересен и целый ряд наблюдений Соловьева относительно новых явлений, характеризующих развитие в XVII в. торговли, промышленности, государственного аппарата, армии, культуры и быта. Ни до, ни после Соловьева в дворянско-буржуазной историографии не было дано такого всестороннего освещения социально-экономической, политической, культурной истории России XVII в. — периода, когда в разных областях общественной жизни зарождались элементы новых отношений, получивших развитие уже в годы петровских преобразований.

Однако те глубокие социальные сдвиги, которые характерны для истории России в XVII в., остались непонятными Соловьеву, так же как не понимал он причин и смысла того исключительно большого размаха, который приняла в это время классовая борьба. Образ Степана Тимофеевича Разина пленял Соловьева своей удалью, богатырским складом своей натуры. Но антифеодальное движение под предводительством Разина представлялось Соловьеву таким же проявлением антиобщественных, антигосударственных анархических сил, как и крестьянская война, возглавляемая Болотниковым. Участник крестьянских войн выступает в тенденциозном изображении Соловьева как человек, «которому все было нипочем, который не сдерживался ничем, никакими привязанностями, никакими отношениями», который «озадачивал» «дикими выходками своего произвола»[3].

Излагая историю России в XVIII в., Соловьев главное внимание уделяет реформам Петра I. Петровские преобразования — это одна из излюбленных тем Соловьева. Он собрал и систематизировал громадный материал для ее освещения. В «Истории России с древнейших времен» петровские реформы занимают 6 томов. Подготовку петровских реформ Соловьев рассматривает в идеалистическом плане: с его точки

[1] *С. М. Соловьев,* История.., кн. II, стр. 825—826.
[2] Там же, стр. 1293.
[3] *С. М. Соловьев,* История.., кн. III, стр. 30.

зрения, реформы Петра I явились следствием того, что русские люди сознали их необходимость. «Экономическая и нравственная несостоятельность общества были сознаны; народ живой, крепкий рвался из пеленок», «вопрос о необходимости поворота на новый путь был решен» [1].

Смысл петровских реформ Соловьев видит в «крутом повороте» на Запад, без которого нельзя было преодолеть «банкротство экономическое и нравственное» [2]. Самый «поворот» Соловьев изображает односторонне, усматривая его сущность главным образом в восприятии русскими людьми европейской цивилизации («цивилизация закинула уже свои сети на русских людей» [3]). В то же время он пишет, что произошла настоящая революция, подобная Французской революции, с тою разницею, что в России «направление революционного движения» установил один человек, являвшийся «прирожденным главою государства» и «одаренный небывалою силою». Этот человек — Петр I. Но он, говорит Соловьев, был «вождем в деле, а не создателем дела, которое поэтому есть народное, а не личное, принадлежащее одному Петру» [4]. Выше уже указывалось, что в условиях революционной ситуации конца 50-х — начала 60-х годов XIX в. Соловьев мечтал о твердом политическом курсе, который возьмет правительство, направив общественное движение в русло реформаторства и тем самым предотвратит народную революцию. Этот политический идеал Соловьев и перенес в прошлое, воплотив его в реформаторской деятельности Петра I.

Имеются известные различия в оценке петровских преобразований Соловьевым в «Истории России с древнейших времен» и в «Публичных чтениях о Петре Великом». В последней работе подчеркивается в большей мере эволюционный, чем революционный характер реформ, как результат «органического» развития России, и они сравниваются не с Французской революцией, а с западноевропейским Возрождением XV—XVI вв.

Историческое развитие России во второй четверти XVIII в. Соловьев рассматривает главным образом под углом зрения изучения судьбы петровских преобразований. Он отмечает, что в правление Екатерины I начались «отступления» от «программы преобразователя» [5]. Результатом явилось засилие в России, особенно во время правления Анны Иоанновны, немецкого дворянства. Произошло это, по мнению Соловьева, потому, что Петр I, призывая учиться «всему нужному у чужих», стремился в то же время «сохранить свое националь-

---

[1] *С. М. Соловьев,* История.., кн. III, стр 758.
[2] Там же, стр. 806
[3] Там же стр. 759
[4] Там же, стр. 1055.
[5] *С. М. Соловьев,* История.., кн. IV, стр. 903—904.

ное достоинство, удержав за своею национальностью господство». Проводя такую политику, Петр «оставил судьбу России в русских руках». Чтобы сохранить подобный «порядок вещей», нельзя было «ограничиться одним физическим исключением иностранцев». Надо было воспитывать новые кадры русских людей. Преемники Петра действовали иначе. Они привлекали на руководящие посты иностранцев, причем недостойных людей, которые явились «паразитами», вызвавшими «болезненное состояние России» в царствование Анны Иоанновны[1]. Вредные последствия для русского народа хозяйничания прибалтийского немецкого дворянства в 30—40-х годах XVIII в. подмечены Соловьевым правильно, хотя им и описана главным образом политическая история этого времени, а социально-экономические отношения не показаны.

Соловьев явно идеализирует политику Елизаветы Петровны. Сама эта императрица оценивается Соловьевым как продолжательница дела Петра I. Она, говорит Соловьев, избавила Россию от «ига Запада», более тяжелого, «чем прежнее иго с Востока, иго татарское». При Елизавете «Россия пришла в себя»[2].

Соловьев верно отметил, что вторую четверть XVIII в. нельзя рассматривать, как время сплошной деградации (как это иногда делалось историками). Соловьев возражает против представления о том, что это «печальное, недостойное изучения время». Возражает он и против того, чтобы в истории данного периода на первое место выдвигать «интриги, дворцовые перевороты, господство иноземцев»[3]. Соловьев говорит, что нельзя делать скачок от времени Петра Великого ко времени Екатерины II, что вторая четверть XVIII в. является существенным этапом общественного развития России.

Изложение истории России второй половины XVIII в. оборвалось на самом интересном моменте. Соловьев успел довести его до крестьянской войны под предводительством Е. И. Пугачева.

В изучении истории России XVIII в. Соловьев был в значительной степени пионером. Его заслуга заключается в том, что он ввел в научный оборот громадное количество нового материала и изложил его в систематическом порядке, правда, осветив преимущественно вопросы внутренней и внешней политики и сравнительно мало показав социально-экономические процессы.

Известное место в истории XVIII в. Соловьев уделил крестьянским волнениям. Он осуждал их, как бы солидаризируясь с мыслью, приписываемой им Екатерине II: изменения в по-

---

[1] *С. М. Соловьев*, История.., кн. IV, стр. 1217—1218.
[2] Там же, стр. 1228.
[3] Там же, стр. 1226.

ложении крепостных крестьян могут быть произведены лишь «при общем устройстве государственного организма», причем должны быть учтены «мнения всех заинтересованных частей» этого организма (т. е. найдены пути примирения интересов крестьян и помещиков) [1].

* *
*

Значение трудов С. М. Соловьева для развития русской исторической науки очень велико. Появление в печати тома за томом соловьевской «Истории России с древнейших времен» вызвало целый ряд откликов современников. Весьма положительно встретили «Историю» Соловьева представители «государственной школы» буржуазной историографии (Кавелин). Отрицательно отнеслись к ней такие реакционные представители дворянской исторической мысли, как Погодин и его единомышленники. Критиковали Соловьева славянофилы (К. С. Аксаков). Но это была критика в целом с консервативных позиций. Погодину, Аксакову и др. оставались чуждыми фигурирующее у Соловьева понятие исторической закономерности, его представление об общности и своеобразии путей общественно-политического развития народов и т. д. Многим казалась святотатством попытка молодого ученого (ибо в начале своей работы над «Историей» Соловьев был еще очень молод) дать обобщающий труд по русской истории после Карамзина и подвергнуть сомнениям ряд положений последнего. Соловьев завоевывал признание постепенно, добиваясь его упорным трудом, систематически и последовательно в установленные им самим для себя сроки, выпуская тома своего труда. Это был лучший ответ на критику, лучшее средство заставить поверить в себя. И медленно, но прочно его «История» входила и вошла в науку. Концепция Соловьева, развитая, дополненная, видоизмененная его учеником В. О. Ключевским, долгое время господствовала в русской буржуазной исторической науке. От труда Соловьева отправлялись в своих специальных исследованиях на самые различные темы многие историки второй половины XIX — начала XX в. В эпоху империализма, в период кризиса буржуазной исторической науки, ее представители стали отказываться от лучших достижений Соловьева и прежде всего от идеи закономерности исторического процесса. В то же время в их трудах (например, в работах Милюкова) выдвигались на первый план неправильные и реакционные взгляды Соловьева.

Основным пороком «Истории России с древнейших времен» было отсутствие в ней подлинной истории народа,

[1] См. *С. М. Соловьев,* История.., кн. IV, стр. 1478.

подмененной историей государства. Этот главный недостаток труда Соловьева был отмечен еще дворянско-буржуазной критикой. Так, К. С. Аксаков, сам далекий от народа, писал: «В „Истории России" автор не заметил одного: русского народа... «История России» С. М. Соловьева может совершенно справедливо быть названа тоже [т. е. как и труд Карамзина. — *Л. Ч.*] историею Российского государства, не более»[1].

Разностороннюю оценку трудов Соловьева дали революционные демократы. Они считали их прежде всего серьезным научным достижением. Так, по мнению Н. Г. Чернышевского, написавшего специальную рецензию на IV том «Истории» Соловьева, труд последнего является «важнейшим приобретением нашей исторической науки в течение последних пятнадцати лет»[2]. И тем не менее революционные демократы подвергали критике общую концепцию и методологию Соловьева. Чернышевский поместил в «Современнике» статью близкого к нему по мировоззрению автора Г. З. Елисеева (под псевдонимом Грыцько) о VII—VIII томах «Истории России» Соловьева. Рецензент расценивал Соловьева как историка, которого интересуют «государство и территория, а не народ». «Вопрос о внутреннем состоянии и развитии народа, — указывал Елисеев, — всегда считался только курьезом, о котором говорили в тех же клеточках, в которых говорилось о пушках, о монете, о войске и т. п. Этим же самым недостатком страдает и история г. Соловьева». Елисеев упрекал последнего в том, что в некоторых отношениях он являлся «таким же панегиристом в своей истории, каким был Карамзин». Следя за описанием Соловьевым процесса централизации государственной власти, — говорит Елисеев, — «невольно обманываешься и думаешь, что вместе с тем так же быстро возрастает и внутреннее благосостояние и развитие народа. На самом же деле оказывается вовсе не то»[3]. Чернышевский также характеризовал Соловьева как сторонника «бюрократической централизации»[4].

С течением времени все сильнее обнаруживались крупные недостатки трудов Соловьева. Эти недостатки замечали даже буржуазные историки, даже ученики Соловьева. Так, Ключевский, давший в своих печатных работах очень высокую оценку Соловьеву, в одной из рукописных статей отмечает, что идея закономерности нашла в трудах Соловьева одностороннее применение, в плане обобщения

---

[1] *К. С. Аксаков,* Полное собрание сочинений, т. I, Сочинения исторические, М. 1861, стр. 253—254.

[2] *Н. Г. Чернышевский,* Полное собрание сочинений, т. II, М. 1949, стр. 399.

[3] «Современник», 1860, т. 84, стр. 68—69, 71.

[4] *Н. Г. Чернышевский,* Полное собрание сочинений, т. VIII, Спб. 1906, стр. 293.

лишь политической истории (Соловьев «стал на той точке зрения, что только эти политические формы и склады подлежат закономерному развитию»).

Ключевский указал и на дефекты источниковедческой критики в трудах Соловьева, в ряде случаев просто излагавшего источники (прием Соловьева заключался в том, чтобы «брать данное из источника и в нетронутом, сыром виде вносить в текст прагматической истории») [1].

«История» Соловьева не удовлетворяла читателей, подходивших к ней с желанием найти там материал о жизни трудового народа. Сохранились заметки Л. Н. Толстого, в которых великий писатель делился своим впечатлением от этого труда. «Читая о том, как грабили, правили, воевали, разоряли (только об этом и речь в истории), невольно приходишь к вопросу: что грабили и разоряли? А от этого вопроса к другому: кто производил то, что разоряли? Кто и как кормил хлебом весь этот народ? Кто делал парчи, сукна, платья, камки, в которых щеголяли цари и бояре? Кто ловил черных лисиц и соболей, которыми дарили послов, кто добывал золото и железо, кто выводил лошадей, быков, баранов..?» [2] Смысл вопросов Л. Н. Толстого состоит в том, что в «Истории» Соловьева нет деятельности народных масс, что «История» посвящена в основном политическим отношениям. «А народ живет», — отмечает Толстой.

* *
*

Советскому читателю, конечно, чужда методология Соловьева. Советские люди подходят к историческим явлениям с совершенно иных методологических позиций. Тем не менее они с интересом встретят вновь издаваемую «Историю России с древнейших времен». Этот труд в некоторых отношениях сохраняет и доныне свое научное значение благодаря имеющемуся в нем богатому историческому материалу, интересным и ценным, живо преподнесенным наблюдениям по ряду вопросов прошлого нашей Родины.

Прошло почти столетие со времени выхода в свет «Истории России...» Соловьева. Историческая наука в нашей стране принципиально отличается от историографии дореволюционной. Став на твердую почву марксизма-ленинизма, она сделалась подлинной наукой, изучающей закономерности развития общества, выясняющей роль народных масс как твор-

[1] Неопубликованная рукопись В. О. Ключевского. Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина. Отдел рукописей, фонд В. О. Ключевского, папка № 12, д. 2.

[2] *Л. Н Толстой,* Полное собрание сочинений, т. 48, Гослитиздат, М. 1952, стр. 124

цов исторического процесса, показывающей историю народов многонационального советского государства. Советские историки выдвинули новые проблемы, создали обобщающие труды по истории СССР.

Издавая труд крупнейшего буржуазного историка С. М. Соловьева, редакция считает необходимым сопроводить каждый том этого труда научным комментарием. В комментариях указываются те наблюдения Соловьева, которые вошли в историческую науку и подвергаются критике с позиций марксистско-ленинской теории и с точки зрения новейших достижений исторической науки его утверждения, для нас неприемлемые.

Произведена проверка научного аппарата Соловьева. Ссылки на источники, дававшиеся им, как правило, сокращенно, там, где удалось это сделать, полностью раскрыты (в сносках к авторским примечаниям в конце каждого тома). В случае, когда источники, которыми пользовался Соловьев, переизданы, указываются их позднейшие издания.

«История России с древнейших времен» (29 томов) выпускается в 15 книгах. Каждый том издается по тексту последнего издания данного тома, выпущенного при жизни автора.

Л. В. Черепнин

TOM
I

ПРЕДИСЛОВИЕ

Русскому историку, представляющему свой труд во второй половине XIX века, не нужно говорить читателям о значении, пользе истории отечественной; его обязанность предуведомить их только об основной мысли труда.

Не делить, не дробить русскую историю на отдельные части, периоды, но соединять их, следить преимущественно за связью явлений, за непосредственным преемством форм, не разделять начал, но рассматривать их во взаимодействии, стараться объяснить каждое явление из внутренних причин, прежде чем выделить его из общей связи событий и подчинить внешнему влиянию — вот обязанность историка в настоящее время, как понимает ее автор предлагаемого труда.

Русская история открывается тем явлением, что несколько племен, не видя возможности выхода из родового, особного быта, призывают князя из чужого рода, призывают единую общую власть, которая соединяет роды в одно целое, дает им наряд, сосредоточивает силы северных племен, пользуется этими силами для сосредоточения остальных племен нынешней средней и южной России. Здесь главный вопрос для историка состоит в том, как определились отношения между призванным правительственным началом и призвавшими племенами, равно и теми, которые были подчинены впоследствии; как изменился быт этих племен вследствие влияния правительственного начала — непосредственно и посредством другого начала — дружины, и как, в свою очередь, быт племен действовал на определение отношений между правительственным началом и остальным народонаселением при установлении внутреннего порядка или наряда. Замечаем именно могущественное влияние этого быта, замечаем другие влияния, влияние греко-римское, которое проникает

вследствие принятия христанства от Византии и обнаруживается преимущественно в области права. Но, кроме греков, новорожденная Русь находится в тесной связи, в беспрестанных сношениях с другим европейским народом — с норманнами: от них пришли первые князья, норманны составляли главным образом первоначальную дружину, беспрестанно являлись при дворе наших князей, как наемники участвовали почти во всех походах, — каково же было их влияние? Оказывается, что оно было незначительно. Норманны не были господствующим племенем, они только служили князьям туземных племен; многие служили только временно; те же, которые оставались в Руси навсегда, по своей численной незначительности быстро сливались с туземцами, тем более что в своем народном быте не находили препятствий к этому слиянию. Таким образом, при начале русского общества не может быть речи о *господстве* норманнов, о норманском периоде.

Выше замечено, что быт племен, быт родовой могущественно действовал при определении отношений между правительственным началом и остальным народонаселением. Этот быт долженствовал потерпеть изменения вследствие влияния новых начал, но оставался еще столько могущественным, что в свою очередь действовал на изменявшие его начала; и когда семья княжеская, семья Рюриковичей, стала многочисленна, то между членами ее начинают господствовать родовые отношения, тем более что род Рюрика, как род владетельный, не подчинялся влиянию никакого другого начала. Князья считают всю Русскую землю в общем, нераздельном владении целого рода своего, причем старший в роде, великий князь, сидит на старшем столе, другие родичи смотря по степени своего старшинства занимают другие столы, другие волости, более или менее значительные; связь между старшими и младшими членами рода чисто родовая, а не государственная; единство рода сохраняется тем, что когда умрет старший или великий князь, то достоинство его вместе с главным столом переходит не к старшему сыну его, но к старшему в целом роде княжеском; этот старший перемещается на главный стол, причем перемещаются и остальные родичи на те столы, которые теперь соответствуют их степени старшинства. Такие отношения в роде правителей, такой порядок преемства, такие переходы князей могущественно действуют на весь общественный быт древней Руси, на определение отношений правительственного начала к дружине и к остальному народонаселению, одним словом, находятся на первом плане, характеризуют время.

Начало перемены в означенном порядке вещей мы замечаем во второй половине XII века, когда Северная Русь выступает на сцену; замечаем здесь, на севере, новые начала,

новые отношения, имеющие произвести новый порядок вещей, замечаем перемену в отношениях старшего князя к младшим, ослабление родовой связи между княжескими линиями, из которых каждая стремится увеличить свои силы на счет других линий и подчинить себе последние уже в государственном смысле. Таким образом, чрез ослабление родовой связи между княжескими линиями, чрез их отчуждение друг от друга и чрез видимое нарушение единства Русской земли приготовляется путь к ее собиранию, сосредоточению, сплочению частей около одного центра, под властию одного государя.

Первым следствием ослабления родовой связи между княжескими линиями, отчуждения их друг от друга было временное отделение Южной Руси от Северной, последовавшее по смерти Всеволода III. Не имея таких прочных основ государственного быта, какими обладала Северная Русь, Южная Русь после татарского нашествия подпала под власть князей литовских. Это обстоятельство не было гибельно для народности юго-западных русских областей, потому что литовские завоеватели приняли русскую веру, русский язык, все оставалось по-старому; но гибельно было для русской жизни на юго-западе соединение всех литовско-русских владений с Польшею вследствие восшествия на польский престол литовского князя Ягайла: с этих пор Юго-Западная Русь должна была вступить в бесплодную для своего народного развития борьбу с Польшею для сохранения своей народности, основою которой была вера; успех этой борьбы, возможность для Юго-Западной Руси сохранить свою народность условливались ходом дел в Северной Руси, ее самостоятельностью и могуществом.

Здесь новый порядок вещей утверждался неослабно. Вскоре по смерти Всеволода III, по отделении Южной Руси от Северной, явились и в последней татары, опустошили значительную ее часть, наложили дань на жителей, заставили князей брать от ханов ярлыки на княжение. Так как для нас предметом первой важности была смена старого порядка вещей новым, переход родовых княжеских отношений в государственные, отчего зависело единство, могущество Руси и перемена внутреннего порядка, и так как начала нового порядка вещей на севере мы замечаем прежде татар, то монгольские отношения должны быть важны для нас в той мере, в какой содействовали утверждению этого нового порядка вещей. Мы замечаем, что влияние татар не было здесь главным и решительным. Татары остались жить вдалеке, заботились только о сборе дани, нисколько не вмешиваясь во внутренние отношения, оставляя все как было, следовательно, оставляя на полной свободе действовать те новые отношения, какие начались на севере прежде них. Ярлык

ханский не утверждал князя неприкосновенным на столе, он только обеспечивал волость его от татарского нашествия; в своих борьбах князья не обращали внимания на ярлыки; они знали, что всякий из них, кто свезет больше денег в Орду, получит ярлык преимущественно перед другим и войско на помощь. Независимо от татар обнаруживаются на севере явления, знаменующие новый порядок, — именно ослабление родовой связи, восстания сильнейших князей на слабейших мимо родовых прав, старание приобрести средства к усилению своего княжества на счет других. Татары в этой борьбе являются для князей только орудиями, следовательно, историк не имеет права с половины XIII века прерывать естественную нить событий — именно постепенный переход родовых княжеских отношений в государственные — и вставлять татарский период, выдвигать на первый план татар, татарские отношения, вследствие чего необходимо закрываются главные явления, главные причины этих явлений.

Борьба отдельных княжеств оканчивается на севере тем, что княжество Московское вследствие разных обстоятельств пересиливает все остальные, московские князья начинают собирать Русскую землю: постепенно подчиняют и потом присоединяют они к своему владению остальные княжества, постепенно в собственном роде их родовые отношения уступают место государственным, удельные князья теряют права свои одно за другим, пока, наконец, в завещании Иоанна IV удельный князь становится совершенно подданным великого князя, старшего брата, который носит уже титул царя. Это главное, основное явление — переход родовых отношений между князьями в государственные — условливает ряд других явлений, сильно отзывается в отношениях правительственного начала к дружине и остальному народонаселению; единство, соединение частей условливает силу, которою новое государство пользуется для того, чтобы победить татар и начать наступательное движение на Азию; с другой стороны, усиление Северной Руси вследствие нового порядка вещей условливает успешную борьбу ее с королевством Польским, постоянною целию которой становится соединение обеих половин Руси под одною державою; наконец, соединение частей, единовластие, окончание внутренней борьбы дает Московскому государству возможность войти в сношения с европейскими государствами, приготовлять себе место среди них.

В таком положении находилась Русь в конце XVI века, когда пресеклась Рюрикова династия. Начало XVII века ознаменовано страшными смутами, грозившими юному государству разрушением. Крамолами людей, питавших старинные притязания, нарушена была духовная и материальная связь областей с правительственным средоточием: части разрознились в противоположных стремлениях, Земля за-

мутилась; своекорыстным стремлениям людей, хотевших воспользоваться таким положением дел для своих выгод, хотевших жить на счет государства, открылось свободное поприще. Несмотря, однако, на страшные удары, на множество врагов внутренних и внешних, государство спаслось; связь религиозная и связь гражданская были в нем так сильны, что, несмотря на отсутствие видимого сосредоточивающего начала, части соединились, государство было очищено от врагов внутренних и внешних, избран государь всею Землею. Так юное государство со славою выдержало тяжкое испытание, при котором ясно выказалась его крепость.

С новою династиею начинается приготовление к тому порядку вещей, который знаменует государственную жизнь России среди европейских держав. При первых трех государях новой династии мы видим уже начало важнейших преобразований: является постоянное войско, обученное иностранному строю, приготовляется, следовательно, важнейшая перемена в судьбе древнего служивого сословия, так сильно отозвавшаяся в общественном строе; видим начатки кораблестроения; видим стремление установить нашу торговлю на новых началах; иностранцам даются привилегии для учреждения фабрик, заводов; внешние сношения начинают принимать другой характер; громко высказывается необходимость просвещения, заводятся училища; при дворе и в домах частных людей являются новые обычаи; определяются отношения церкви к государству. Преобразователь воспитывается уже в понятиях преобразования, вместе с обществом приготовляется он идти только далее по начертанному пути, докончить начатое, решить нерешенное. Так тесно связан в нашей истории XVII век с первою половиною XVIII, разделять их нельзя. Во второй половине XVIII века замечаем новое направление: заимствование плодов европейской цивилизации с исключительною целию материального благосостояния оказывается недостаточным, является потребность в духовном, нравственном просвещении, потребность вложить *душу* в приготовленное прежде *тело,* как выражались лучшие люди эпохи. Наконец, в наше время просвещение принесло свой необходимый плод — познание вообще привело к *самопознанию.*

Таков ход русской истории, такова связь главных явлений, в ней замечаемых.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Природа Русской государственной области и ее влияние на историю. — Равнинность страны. — Соседство ее с Среднею Азиею. — Столкновение кочевников с оседлым народонаселением. — Периоды борьбы между ними. — Козаки. — Племена славянские и финские. — Славянская колонизация. — Значение рек на великой равнине. — Четыре главные части древней России. — Озерная область Новгородская. — Область Западной Двины. — Литва. — Область Днепра. — Область Верхней Волги. — Путь распространения русских владений. — Область Дона. — Влияние природы на характер народный.

Задолго до начала нашего летоисчисления знаменитый грек, которого зовут «отцом истории», посетил северные берега Черного моря; верным взглядом взглянул он на страну, на племена, в ней жившие, и записал в своей бессмертной книге, что племена эти ведут образ жизни, какой указала им природа страны. Прошло много веков, несколько раз племена сменялись одни другими, образовалось могущественное государство, но явление, замеченное Геродотом, остается попрежнему в силе: ход событий постоянно подчиняется природным условиям.

Перед нами обширная равнина: на огромном расстоянии от Белого моря до Черного и от Балтийского до Каспийского путешественник не встретит никаких сколько-нибудь значительных возвышений, не заметит ни в чем резких переходов. Однообразие природных форм исключает областные привязанности, ведет народонаселение к однообразным занятиям; однообразность занятий производит однообразие в обычаях, нравах, верованиях; одинаковость нравов, обычаев и верований исключает враждебные столкновения; одинакие потребности указывают одинакие средства к их удовлетворению; и равнина, как бы ни была обширна, как бы ни было вначале разноплеменно ее население, рано или поздно станет областью одного государства: отсюда понятна обширность

Русской государственной области, однообразие частей и крепкая связь между ними.

Великая равнина открыта на юго-востоке, соприкасается непосредственно с степями Средней Азии; толпы кочевых народов с незапамятных пор проходят в широкие ворота между Уральским хребтом и Каспийским морем и занимают привольные для них страны в низовьях Волги, Дона и Днепра; древняя история видит их здесь постоянно господствующими; Геродот свойствами страны объясняет причины этого господства, но тот же Геродот замечает, что берега Днепра по своему необыкновенному плодородию способны питать и земледельческое народонаселение; и вот предания говорят о народных движениях с Запада навстречу кочевым ордам; на берегах Днепра и его притоков, на востоке и западе, селятся племена земледельческие с характером европейским; они движутся все далее и далее на Восток, но кочевники не скоро уступят им свои привольные степи. Азия не перестает высылать хищные орды, которые хотят жить на счет оседлого народонаселения; ясно, что в истории последнего одним из главных явлений будет постоянная борьба с степными варварами. Периоды этой борьбы так обозначаются в русской истории: от половины IX века до сороковых годов XIII нет резкого перевеса ни на стороне кочевников, ни на стороне славянских племен, объединенных под именем Руси; печенеги, а за ними половцы наносят иногда сильные опустошения Приднепровью, но зато иногда и русские князья входят в глубь степей их, за Дон, и пленят их вежи. От сороковых годов XIII века до исхода XIV берут перевес азиатцы в лице монголов; с конца XIV века пересиливает Европа в лице России; северо-западная, европейская часть великой равнины начинает распространяться на счет юго-восточной, азиатской. Но природа страны условила еще другую борьбу для государства, кроме борьбы с кочевниками: когда государство граничит не с другим государством и не с морем, но соприкасается с степью, широкою и вместе привольною для житья, го для людей, которые по разным причинам не хотят оставаться в обществе или принуждены оставить его, открывается путь к выходу из государства и приятная будущность — свободная, разгульная жизнь в степи. Вследствие этого южные степные страны России по течению больших рек издавна населялись козацкими толпами, которые, с одной стороны, служили пограничною стражею для государства против кочевых хищников, а с другой, признавая только на словах зависимость от государства, нередко враждовали с ним, иногда были для него опаснее самих кочевых орд. Так Россия вследствие своего географического положения должна была вести борьбу с жителями степей, с кочевыми азиатскими народами и с

козаками, пока не окрепла в своем государственном организме и не превратила степи в убежище для гражданственности.

Составляя восточную часть Европы, отличаясь климатом суровым, представляя на юго-востоке степь, населенную кочевыми племенами, сменявшими друг друга в постоянном стремлении из Азии, на северо-западе — страну, покрытую девственными лесами, наполненную реками, озерами, болотами, среди которых кое-где блуждали орды звероловов, великая равнина не могла получить скоро многочисленного народонаселения. Племена славянские раскинулись на огромных пространствах, по берегам больших рек; при движении с юга на север они должны были встретиться с племенами финскими, но о враждебных столкновениях между ними не сохранилось преданий: легко можно предположить, что племена не очень ссорились за землю, которой было так много, по которой можно было так просторно расселиться без обиды друг другу. В начале нашей истории мы видим, что славяне и финны действуют заодно; каким образом ославянились финские племена — меря, мурома, каким образом Двинская область получила русское народонаселение и стала владением Великого Новгорода? — все это произошло тихо, незаметно для истории, потому что здесь, собственно, было не завоевание одного народа другим, но мирное занятие земли, никому не принадлежащей. Распространение русских владений в Сибири, о котором можно иметь ясное понятие по дошедшим до нас памятникам, дает лучшее объяснение тому, как распространялись русские владения и по сю сторону Уральского хребта: здесь также могли иметь место стычки с туземцами, которые приходили иногда разорять новые поселения, отказывались платить ясак; но здесь один народ, государство не было завоевано другим народом, государством в том смысле, в каком обыкновенно принимается в истории завоевание, одним словом, и там и здесь преимущественно происходило население, колонизация страны. Что сказано о севере России, то может быть сказано и о других областях: мы видим с самого начала, что князья наши преимущественно заботятся о построении городов[1], о населении пустынных пространств; известно, как и после Московское государство расширяло свои пределы на восток и юго-восток, занимая и населяя пустынные пространства; известно, наконец, население южных и юго-восточных областей, имевших место недавно, уже во времена империи. Малонаселенность страны, постоянное стремление владельцев увеличивать население своих земель с ущербом государственному интересу, вызывали меры, имевшие целию удержать народонаселение на прежде занятых им пространствах. Таким образом, в русской истории мы замечаем то главное явление, что государство при расширении своих владений занимает обширные

пустынные пространства и населяет их; государственная область расширяется преимущественно посредством колонизации: господствующее племя — славянское — выводит поселения свои все далее и далее вглубь востока. Всем племенам Европы завещано историею высылать поселения в другие части света, распространять в них христианство и гражданственность; западным европейским племенам суждено завершать это дело морским, восточному племени, славянскому, — сухим путем.

Однообразна природа великой восточной равнины, не поразит она путешественника чудесами; одно только поразило в ней наблюдательного Геродота: «В Скифии, — говорит он, — нет ничего удивительного, кроме рек, ее орошающих: они велики и многочисленны»[2]. В самом деле, обширному пространству древней Скифии соответствуют исполинские системы рек, которые почти переплетаются между собою и составляют, таким образом, по всей стране водную сеть, из которой народонаселению трудно было высвободиться для особной жизни; как везде, так и у нас, реки служили проводниками первому народонаселению, по ним сели племена, на них явились первые города; так как самые большие из них текут на восток или юго-восток, то этим условилось и преимущественное распространение Русской государственной области в означенную сторону; реки много содействовали единству народному и государственному, и при всем том особые речные системы определяли вначале особые системы областей, княжеств. Так, по четырем главным речным системам Русская земля разделялась в древности на четыре главные части: первую составляла озерная область Новгородская, вторую — область Западной Двины, т. е. область Кривская, или Полоцкая, третью — область Днепра, т. е. область древней собственной Руси, четвертую — область Верхней Волги, область Ростовская.

Область Новгородская, составляя продолжение Финляндской озерной области, в отношении географическом и историческом посредничает между Западною Европою и Россиею. Здесь славянское племя сталкивается с скандинаво-германским; здесь шел великий водный путь из Северо-Западной Европы в Юго-Восточную и в Азию, *из Варяг в Греки,* путь, по которому издавна спускались северные дружины на юг для опустошения берегов Империи, этим же путем производилась торговля между севером и югом Европы. Озеро Ильмень, принимая в себя с юга многоветвистую Ловать, выпускает на север, в Ладожское озеро, Волхов; великий водный путь шел из Финского залива, по Неве, в Ладожское озеро, отсюда Волховом в Ильмень, из Ильменя Ловатью. Славянское племя при движении своем с юга на север не утвердилось в половине IX века нигде на берегах моря; навстречу

медленному движению славян видим быстрое движение варягов. Славянам удалось утвердиться на важном пункте, при истоке Волхова из Ильменя, где является Новгород, но на втором важном пункте великого пути — при впадении Волхова в Ладожское озеро — они утвердиться не могли. Если даже предположим, что Ладога существовала до прибытия Рюрика, то она находилась не при самом устье Волхова, и это положение ее показывает со стороны славян какую-то медленность, боязливость приблизиться к озеру Нево. Что касается реки Невы, то начальный летописец считает ее не рекою, а устьем озера в море; Нева долго текла в дикой независимости, и короткий бег ее долго был свидетелем упорной борьбы между двумя народами — русскими и шведами. Русским удалось во время этой борьбы утвердиться на третьем важном пункте великого пути — при истоке Невы из Ладожского озера, где был построен Орешек; но потом эта крепость была уступлена шведам; Петр Великий взял ее снова и назвал Ключом-Городом (Шлиссельбургом); наконец, Петр успел овладеть течением Невы и укрепился на последнем, самом важном пункте озерной системы в начале великого водного пути, — именно при устье Невы в море, где основал Петербург. Это положение при начале великого водного пути, соединяющего и теперь Европу с Азиею, условило важное значение Петербурга как столицы: здесь в IX веке началась первая половина русской истории, здесь в XVIII — началась вторая ее половина. Движение восточных славянских племен с юга на север по великому водному пути, начавшееся в доисторическое время, только в XVIII веке окончательно достигло своей цели — морского берега.

Область Новгородского княжества есть озерная область, где главный узел составляет озеро Ильмень, следовательно, естественные границы княжества должны совпадать с границами речных систем Ильменя, Ладожского озера и других близлежащих озер; и действительно, мы видим, что границами Новгородской области служат волоки между системами рек озерных и между системами Волги, Днепра и Западной Двины. Разумеется, эти границы мы должны означать приблизительно: в некоторых местах, преимущественно к востоку и юго-востоку, племя славян ильменских или новгородских еще в незапамятные времена могло перейти волоки и выселиться на другие речные системы вследствие малонаселенности страны, лежащей к востоку, на верховьях Волги; несмотря на то, однако, границы преимущественно идут по волокам, которые, надобно заметить, нигде не имеют такого важного значения, как у нас в России, ибо заменяют отчасти горы. На юге границею Новгородской области с Полоцкою и Смоленскою служил волок между системою Ильменя и Западной

Двины, здесь граница могла обозначиться с большею точностию волоком вследствие раннего населения Полоцкой или Двинской области. На востоке границею Новгородской области с Ростовскою или Суздальскою служил приблизительно также волок между системой Ильменя и Верхней Волги; так, видим границу при реке Медведице, одном из самых близких волжских притоков к системе ильменской[3]; но здесь, на востоке, новгородцы перешли в некоторых местах естественную границу своей области, ибо народонаселение необходимо стремилось с запада на восток, находя себе здесь более простора; так, в числе новгородских владений мы встречаем Торжок, Волок-Ламский, Бежецк и другие места, находящиеся на волжской системе; любопытно, однако, видеть, что эти места были спорные между новгородцами и князьями Ростовской области, последние никак не хотят уступить их в полное владение новгородцам: так, Волок и Торжок разделены пополам между новгородцами и суздальскими князьями[4]; название Торжка, Торга, указывает именно на пограничное место, куда сходились на мену, торг, жители двух областей; название Новый Торг указывает, что этот торг был прежде где-нибудь на другом месте, быть может, выше, на самом волоке. Любопытно также, что все эти места на волжской системе перечисляются всегда в грамотах как новгородские владения — знак, что они были спорные, что суздальские князья имели на них постоянные притязания, одним словом, что это были колонии новгородские в чужой области[5]. Такие же колонии новгородские простирались в области Онеги, Северной Двины и далее до самого Уральского хребта; на важное значение волоков указывает название заволоцких владений Новгорода, Заволоцкой чуди.

В тесной связи с системой Ильменя находится система Чудского и Псковского озер: кривичи изборские находятся в союзе с славянами новгородскими, вместе с ними призывают князей; несмотря, однако, на эту тесную связь, несмотря на то, что Псков, сменивший Изборск, находился в пригородных отношениях к Новгороду, Псков с самого начала стремится к самостоятельности и, наконец, достигает ее: здесь между другими обстоятельствами нельзя не предположить и влияния природы, потому что Псковская область принадлежит к отдельной речной системе. Этим же обстоятельством условливаются и самое различие и границы племен: народонаселение Изборской области принадлежало к кривскому племени.

Новгородская область представляет самую возвышенную страну между внутренними русскими областями. По климату и почве она разделяется на две половины: северо-восточную и юго-западную. Северо-восточная, простирающаяся от

окрестностей озер Лача и Вожа до рек Сяси и Мологи, наполнена стоячими водами и лесами, подвержена дуновению северных ветров и повсюду неплодородна по причине влажной и болотистой почвы; юго-западная половина гораздо возвышеннее, суше и плодороднее. Это разделение важно для нас в том отношении, что им определяется первоначальная граница славянского и финского племени; известно, что везде при своих столкновениях славяне занимали возвышенные, сухие и хлебородные пространства, финны же — низменные, болотистые[6]; так точно и здесь означенная граница по качеству почвы соответствует границе между славянским и финским племенами в Новгородской области. Самые лучшие для хлебопашества места находятся между реками Шелонью и Ловатью: здесь главные селища славянского племени; далее к северо-западу, в нынешней Петербургской губернии, опять начинаются низменные, болотистые пространства — почва финского племени. Но так как пространство между реками Шелонью и Ловатью мы назвали хлебородным только относительно, вообще же ильменские славяне не нашли в своих жилищах больших удобств для земледельческой промышленности, то с течением времени благодаря удобству водных путей среди них развилась торговая промышленность, указавшая им необходимо путь к северо-востоку, малонаселенному финскими племенами, со стороны которых новгородцы не могли встретить сильного сопротивления. Из летописных свидетельств мы знаем, что относительно продовольствия Новгородская область была в зависимости от Низовой земли: князь последней, пресекши подвоз съестных припасов, мог заморить Новгород голодом; с другой стороны, и относительно торговли Новгород зависел вполне от Востока, потому что торговое значение Новгорода состояло в доставке северо-восточных товаров в Европу: отсюда понятно, что когда на востоке явилось могущественное владение — государство Московское, то Новгород, находясь в полной зависимости от Востока, необходимо должен был примкнуть к этому государству, таким образом, сама природа не позволяла Новгороду быть долго независимым от Восточной Руси. То же самое должно сказать и о Пскове: его область имеет также тощую почву, которая должна была заставить народонаселение обратиться к другого рода промышленности — к торговле, ремеслам; псковичи славились мастерствами, особенно строительным; новгородцев в насмешку называли *плотниками* — указание на их промышленный характер.

Несмотря на то что на западе в средние века существовало мнение, будто из Балтийского моря по восточному пути можно проехать водою в Грецию, водный путь этот прекращался рекою Ловатью там, где прекращается и Новгородская озерная область. От Ловати до Днепра шел волок,

отделявший Новгородскую озерную область от Западнодвинской и Днепровской. Об этом волоке между Ловатью и Днепром упоминает начальный летописец, описывая водный путь из Варяг в Греки, но он не вдается в подробности, каким образом дружины первых князей русских шли от Ловати до Днепра. Очень вероятно, что путь их лежал от Ловати по реке Сереже до тридцативерстного волока к Желну на реке Торопе, потом вниз Торопою до Двины, Двиною к устью Косопли (Каспли) и этою рекою вверх до озера Касплинского и волока при Гавринах в Порецком уезде с переездом по суше тридцати верст[7]. Во всяком случае на пути от Ловати к Днепру должно было встретить Западную Двину — вот причина, почему Двинская область, область полоцких кривичей, вошла в связь с новгородцами и князьями их прежде области кривичей смоленских, и Рюрик уже отдает Полоцк одному из мужей своих. Область Западной Двины, или область Полоцкая, имела такую же участь, как и озерная область Новгородская: славянское племя заняло начало и средину течения Двины, но не успело при медленном движении своем достигнуть ее устья, берегов моря, около которого оставались еще туземцы, хотя подчиненные русским князьям, но не подчинившиеся славянорусской народности. Особность Полоцкого, или Двинского княжества, его слабость вследствие этой особности и усобиц были причиною того, что в XII веке от морских берегов, с устья Двины, начинается наступательное движение немцев, пред которыми полочане должны были отступать все далее и далее внутрь страны. Потом Полоцкое княжество подчинилось династии князей литовских и чрез них соединилось с Польшею. Московское государство, сосредоточив северо-восточные русские области, усилившись, начало стремиться по естественному направлению к морю, ибо в области Московского государства находились истоки Двины. Иоанн IV, стремясь чрез покорение Ливонии к морю, взял и Полоцк; но Баторий отнял у него и Ливонию и Полоцк, вследствие чего почти все течение Двины стало находиться в области одного государства. Но чрез несколько времени шведы отняли у поляков устье Двины, и область этой реки явилась в затруднительном, неестественном положении, поделенною между тремя государствами. Петр Великий отнял низовье Двины у шведов, вследствие чего положение Двинской области стало еще затруднительнее, потому что верховье и устье находились в области одного государства, а средина — в области другого. При Екатерине II Двинская область была выведена из этого неестественного положения.

Границу Полоцкой области на севере составляет водораздел между системою Двины и озерною — ильменскою и чудскою. Но верховье Двины не принадлежало Полоцкой области: за него шла сильная борьба между князьями полоцкими,

потомками Изяслава Владимировича и потомками брата его Ярослава, владельцами остальных русских областей Причина этой борьбы, причина стремления Ярослава I и рода его удержать за собою верховье Двины ясна с первого взгляда на карту: Верхняя Двина и впадающая в нее речка Торопа служили соединением Новгородской области с собственною Русью, областью Днепровскою, по ним шел путь из Варяг в Греки; владея Новгородом и Днепровьем, Ярослав и дети его не могли оставить верховье Двины и Торопу во владении враждебного рода Изяславичей полоцких; последние, пользуясь тем, что их владения, их речная область, отделяла Новгородскую область от Руси, неоднократно обнаруживали свои притязания на Новгород. Ярослав уступил Брячиславу полоцкому Витебск и Усвят[8], но удержал верховье Двины и Торопу, где после образовалось княжество Торопецкое, примыкавшее к Смоленскому. Из этого положения Торопецкого княжества, лежащего в средине между озерною (Новгородскою), Двинскою (Полоцкою), Днепровскою (Южнорусскою) и Волжскою (Ростовскою и Суздальскою) областями, уясняется нам положение князей торопецких, знаменитых Мстиславов, их значение как посредников между Новгородом, Южной Русью и князьями суздальскими; посредством Торопца Новгород поддерживал связь свою с Южною Русью, из Торопца получал защиту от притеснений князей суздальских.

На востоке, юге и западе границами Полоцкой области служили приблизительно также водоразделы между системами Двины, Днепра и Немана. Но на юге к Полоцкому княжеству примыкало также княжество Минское, находившееся преимущественно на системе днепровской, по правому берегу Днепра и рекам, впадающим в него с этой стороны. Княжество Минское образовалось, как видно, из области славянского племени дреговичей, севших, по летописи, между Припятью и Двиною. Мы видим, что в стремлении своем на юг из Новгородской области варяги прежде всего должны были перейти в область Двины и утвердиться в Полоцке. Отсюда, двинувшись к югу, они немедленно должны были перейти в область Днепра, в землю дреговичей, в том месте, где притоки Днепра и Двины находятся так близко друг от друга, где теперь искусственно соединяются Березинским каналом. Это движение полоцких державцев к югу и покорение дреговичей, без сомнения, произошло еще при Рюрике, по крайней мере прежде движения Олега из Новгорода; что правый берег Днепра, земля дреговичей, занята была из Полоцка, доказывает молчание летописи о покорении дреговичей Олегом или его преемниками. Владимир, истребив семью полоцкого князя Рогволода, присоединил его владения, как кривские, так и дреговические, к своим; но после, по совету

дружины, восстановил Рогволодову область в целом ее виде для внука Рогволодова, а своего сына — Изяслава; этим объясняется, каким образом Минское княжество, лежащее в области Днепровской, принадлежало роду князей полоцких; но Минское княжество вследствие своего географического положения становится местом борьбы между Изяславичами полоцкими и Ярославичами русскими, и долее, чем самый Полоцк, остается за последними; а дреговичи южные, жившие по притокам Припяти, принадлежат постоянно к владениям русских Ярославичей[9]. Почва собственно Полоцкого княжества неплодородна, вся область наполнена озерами, болотами, топями; теперь в Витебской губернии считается больше 1000 озер, больших и малых. Бедность природы при удобстве сообщения с морем посредством Двины обратила внимание полочан и видблян на торговлю, и они вместе с смольнянами являются посредниками заморской русской торговли.

Как Полоцкое княжество есть область Западной Двины, так Литва есть область Немана, Польша — область Вислы. Литовская область вместе с областью ятвягов, лежащею по границе между речными системами Вислы, Немана и Днепра, имеют важное значение в истории Восточной Европы: покрытые болотами и лесами, даже теперь непроходимыми, эти страны лучше высоких горных хребтов охраняли западные границы русских славян; среди этих-то болот и непроходимых пущ с незапамятных пор засели странные народы — литва и ятвяги, происхождения которых не могут еще определить ученые. Благодаря природе своей страны литовцы и ятвяги долее всех своих соседей сохраняли дикость первоначального быта, они набегали на окрестные страны, но сами были недосягаемы в своих неприступных природных укреплениях. Когда единоплеменники их — пруссы — подверглись тяжкому игу немцев, литовцы отбились от последних в своих дебрях, заслонили от них и восточных соседей своих; с другой стороны, вероятно, усиленные в числе прусскими выходцами, литовцы начинают наступательное движение к востоку и югу на русские области и основывают княжество, которого географическое положение также очень важно: в области Литовского великого княжества соединялись системы днепровская, вислинская, неманская и западнодвинская, реки русские соединялись с реками польскими. Поэтому княжество Литовское служило звеном, связующим Русь с Польшею. На небольшом пространстве между Кобрином, Пинском и Слонимом три речные системы — вислинская, неманская и днепровская, и вместе с тем три области — Польская, Литовская и Русская соединяются теперь каналами; вот доказательство, что на Восточной Европейской равнине естественными гранями между странами и народами служили между-

речные волоки, и как эти естественные грани были незначительны, как мало препятствовали соединению народов!

Юго-Западная, древняя собственная Русь (княжества Киевское, Переяславское, Черниговское, Смоленское, Волынское, Туровское), есть область Днепра, главной реки водного пути из Варяг в Греки; этому пути, следственно Днепру преимущественно, Русь была обязана своим соединением с Северо-Западною и Юго-Восточною Европою: из первой явились князья, от второй получено христианство; Днепру преимущественно Русь была обязана и своим материальным благосостоянием: по этой реке шли с своими дружинами князья, которые сосредоточили прибрежные славянские племена, жившие рассеянно; по Днепру же шел и торговый путь из нижних стран в верхние. И Днепр в историческом отношении разделял судьбу других рек русских· его устье, хотя с незапамятных пор покрывалось русскими лодками, однако, собственно не находилось в русских владениях до времен Екатерины II, потому что Русская государственная область распространялась естественным образом изнутри, из ядра своего, вниз по рекам до естественных пределов своих, то есть до устьев этих рек, берущих начало в ее сердце, а это сердце — Великая Россия, Московское государство, справедливо называемое страною источников: отсюда берут свое начало все те большие реки, вниз по которым распространялась государственная область. Несмотря на то что Юго-Западная Русь, преимущественно Киевская область, была главною сценою древней нашей истории, пограничность ее, близость к полю или степи, жилищу диких народов, делала ее неспособною стать государственным зерном для России, для чего именно природа приготовила Московскую область; отсюда Киевская область (Русь в самом тесном смысле) вначале и после носит характер пограничного военного поселения, остается страною козаков до полного государственного развития, начавшегося в Северной Руси, в стране источников.

Но если по причинам естественным Юго-Западная Русь не могла стать государственным ядром, то природа же страны объясняет нам, почему она была главною сценою действия в начальной нашей истории: области древних княжеств Киевского, Волынского, Переяславского и собственно Черниговского составляют самую благословенную часть областей русских относительно климата и качества почвы. Древнюю Русь в самом тесном смысле этого слова составляла страна около Киева, на западном берегу Днепра, земля полян. Область Киевского княжества в первоначальном виде, как досталась она Изяславу I, заключала в себе земли полян, древлян и отчасти дреговичей; естественными и приблизительными историческими границами его были: к востоку — Днепр; к северу — водораздел между речными областями, собственно

Днепровскою и областью Припяти, потом водораздел между областью Припяти и Немана; к западу — водораздел между Западным Бугом и Вислою; к югу — сначала водораздел между областью Припяти, Днестра и Буга, потом — река Рось, по которой начиная с XI века видим уже военные поселения, зерно козачества. Почему река Рось служила в древности южною границею и Киевского княжества и всех русских областей, это объясняется также природою: к югу от этой реки, в южной части нынешней Киевской губернии, почва принимает уже степное свойство, луга здесь степные. Область княжества Владимиро-Волынского заключала в себе землю бужан (славянского племени, жившего по Западному Бугу[10]) и, принадлежала, с одной стороны, к системе вислинской, а с другой, чрез притоки Припяти к днепровской, посредничала между Русью и Польшею. Это положение Владимиро-Волынской области на отдельной от Днепра речной системе объясняет отчасти, почему Волынь отделяется от собственной Руси и вместе с Галичем образует особую систему княжеств, отдельность речной системы объясняет также и раннюю особность Галицкого княжества, лежащего по вислинской и днестровской системам.

На восточной стороне Днепра притоком последнего, Десною, привязывалась к Киевской области и область Черниговская, лежащая по Десне и ее притокам. Тщетно князья хотели делить Русь Днепром на две отдельные половины — Десна привязывала Чернигов к Киеву так же крепко, как и родовые отношения Святославичей и Мономаховичей; тщетно потом польское правительство хотело разделиться Днепром с Москвою, это деление было кратковременно. Река Сейм, приток Десны, привязывала к Чернигову область Курскую[11]. На южной оконечности нынешней Черниговской губернии находится возвышенность, дающая начало рекам, изливающимся отсюда в Полтавскую губернию, Трубежу, Супою, Удаю и Ромну; этот водоспуск в древности отделял область Черниговского княжества от области Переяславского. На верхнем Днепре, и, след[овательно], в тесной связи с Киевом, находилась область Смоленского княжества. Смоленск находился в области кривичей, которые сели на верховьях рек Волги, Днепра и Двины, из этого положения легко видеть важное значение Смоленской области, находившейся между тремя главными частями Руси — между областью Волги, Днепра и Двины, т. е. между Великою, Малою и Белою Россиею; держа ключи ко всем этим областям, смоленские князья держат Новгород в зависимости от Южной Руси, стерегут Днепровье от притязаний северных князей, принимают самое деятельное участие в распрях последних с южными, являются главными деятелями в истории Юго-Западной Руси (с тех пор, как волынские князья обращают все свое

внимание на запад), борются с Волынью и Галичем за Киев и во время этой борьбы крепко держатся связи с севером, с Новгородом и Волжскою областию. Из положения Смоленской области понятно, почему Смоленск служил постоянно поводом к спору между Северо-Восточною, или Московскою, и Юго-Западною, или Литовскою, Русью, почему ни московское, ни литовское (польское) правительство не могли успокоиться, не имея в своих руках Смоленска. Граница Смоленского княжества шла на севере между притоками Ловати и Торопою, далее от Торопца — к Верхней Волге у Ржева; восточная граница шла от Ржева мимо Зубцова к верховьям Москвы-реки и Протвы, около Можайска, потом поворачивала к западу водоразделом между системою днепровскою и окскою, между Угрою и Днепром, между Десною и Сожью; южную границу с Черниговскою и Киевскою областями определить можно впадением реки Прони в Сожь; на запад границу составлял Днепр до Орши и далее на север — линия через Двину между Сурожем и Велижем к Торопцу. Из обозначения этих границ видно, что Смоленское княжество, кроме области кривичей, заключало в себя также и область радимичей, живших на Соже. Почва Смоленского княжества вообще неплодородна, особенно половина, лежащая к северу от Днепра, это обстоятельство и выгодное положение на трех речных системах среди главных русских областей необходимо условливали развитие торговой промышленности у смольнян и в древние времена.

Теперь обратимся к Великой России, государственному ядру. Здесь первое место принадлежит области Верхней Волги, или Ростовской области. Главный город ее Ростов Великий[12] при самом начале русской истории находится в тесной связи с Новгородом и его князьями, те же заморские варяги, которые брали дань на новгородских славянах и на чуди, берут ее и на мери, финском племени, жившем около Ростова; посадник Рюрика сидит в Ростове, причем не упоминается о походе, о покорении, следовательно, более чем вероятно, что меря, подвергавшаяся вместе с новгородцами и чудью варяжскому игу, вместе с ними свергла его, вместе с ними призвала князей. Такая тесная связь Ростова с Новгородом и чудью объясняется тем, что Белоозеро связано с Ростовом водною нитью, эта нить есть река Шексна, которая вытекает из Белоозера и впадает в Волгу у нынешнего Рыбинска; Ростов же находится при озере Неро, из которого течет Которость, впадающая в Волгу при Ярославле. Варяги, овладевшие Белоозером, необходимо должны были спуститься вниз по Шексне к Волге, отсюда вниз по Волге до Которости и ею вверх до Ростова. Если этот водный путь служил для враждебных нападений, то он должен был так же служить и для мирных сношений между Белоозером и Ростовом,

отсюда объясняется постоянная, неразрывная связь между этими городами в нашей истории, объясняется, почему Белоозеро является волостью Мономаха, которому принадлежит Ростов с Поволжьем; впоследствии Белоозеро становится уделом Ростовского княжества. Вниз по Шексне ходили в Ростовскую землю военные дружины и торговые лодки, вверх по ней шли из Ростовской земли на Белоозеро и мятежные волхвы, так сильно волновавшие новообращенных христиан севера [13].

Естественные и вместе исторические границы Ростовской области обозначаются с севера и северо-запада границами новгородских владений; при определении последних мы видели и северо-западную границу Ростовской области; на севере естественною границею ее служили Увалы [14], отделяющие систему Волги от системы Северной Двины. Что же касается до естественных границ Ростовской области с востока, юга и юго-запада, то они, собственно, должны совпадать с границами волжской системы, но это уже будут границы не Ростовской области, а Московского государства, которого область есть преимущественно область Волги. Таким образом, мы видим, что историческое деление Русской государственной области на части условливается отдельными речными системами, ясно, что величина каждой части будет соответствовать величине своей речной области; чем область Волги больше области всех других рек, тем область Московского государства должна быть больше всех остальных частей России, а, естественно, меньшим частям примыкать к большей — отсюда понятно, почему и Новгородская озерная область, и Белая, и Малая Русь примкнули к Московскому государству.

Итак, целая область Волги есть преимущественно область Московского государства, и Ростовская область будет только областью Верхней Волги. Проследим же теперь распространение Русской государственной области по волжской системе и переход Ростовской области в область великого княжества Владимирского, и последней — в область Московского государства. Ростов был городом племени и, если принимать известие летописца, был одинок в целой обширной области, получившей от него свое название. Мы видим, что одною из главных сторон деятельности наших князей было построение городов. Это построение носит следы расчета, преднамеренного стремления, что видно из положения новых городов и из расстояния их одного от другого. Ярославль построен на важном пункте, при устье Которости в Волгу, которая посредством этого притока соединяется с Ростовским озером. Потом мы видим стремление вниз по Волге: города строятся при главных изгибах реки, при устьях значительных ее притоков — так построена Кострома при повороте Волги на юг,

при впадении в нее Костромы; Юрьевец-Поволжский — при следующем большом колене, или повороте Волги на юг, при впадении в нее Унжи; наконец, Нижний Новгород — при впадении Оки в Волгу. Здесь на время остановилось естественное стремление северных князей вниз по Волге, к пределам Азии. Нужно было вступить в борьбу с народонаселением, жившим по берегам Волги и ее притоков, отсюда необходимые войны северных князей с болгарами и мордвою; в этой борьбе русские остаются победителями, видимо, оттесняют варваров, но тут Азия как будто собирает последние силы для отпора опасному врагу и высылает толпы татар. Основатель Нижнего Новгорода Юрий Всеволодович пал в битве с татарами; движение русских вниз по Волге было надолго остановлено. При Димитрии Донском оно начинается снова: русские полки являются опять в старинной земле Болгарской, здесь загорается последняя ожесточенная борьба между Европою и Азиею, борьба, имеющая важное значение не для одной русской истории. Азиатцы основывают в Болгарской земле крепкий оплот против стремления русских и в лице их против Европы и христианства: этот оплот — Казань. После долгой, упорной борьбы Казань падает пред Иоанном IV. Как важна была Казань для Азии, видно из того, что спустя немного времени после ее завоевания устье Волги, чрез покорение Астрахани, уже находится в руках русских. В то же время русские поселения распространяются по камской системе, которая так близка к системам рек сибирских, причем переход чрез Уральские горы по их незначительной высоте был легок, незаметен для русских людей; уже при Иоанне IV козаки разведывают путь в Сибирь, причем главная их дорога по рекам; при наследниках Грозного русские утверждаются здесь окончательно; малочисленные, разбросанные на огромных пространствах дикие народцы не могли выставить им сильного сопротивления; природа в удобстве водных сообщений везде дала предприимчивым русским дружинам средство с необыкновенною быстротою отыскивать *новые землицы* для приведения их под высокую руку великого государя, и скоро русские грани касаются берегов Восточного океана. Заметим также, что природа, отделив Сибирь от остальной Азии пространными степями Татарии, а с востока и севера опоясав уединенными океанами и направив течение больших рек ее к северным тундрам, чрез это самое заставила ее смотреть исключительно на запад, образовала из нее нераздельную часть Европейской России.

Кроме стремления вниз по Волге, у северных князей было еще другое стремление, более важное, именно стремление на юг для соединения с Юго-Западною Русью, где находилась главная сцена действия. Мы назвали это стремление более важным, потому что хотя у князей это было только стремле-

ние к югу, для соединения с Днепровскою Русью, однако на самом деле это выходило искание центра, около которого русские области могли сосредоточиться. Стремление князей к югу усматривается в перенесении стола княжеского из Ростова в Суздаль; первый князь, который должен был остаться надолго в Ростовской области, Юрий Владимирович Долгорукий, живет уже не в Ростове, а в Суздале, городе южнейшем. Каково же положение этого города, и как вообще должно было совершаться это движение на юг? И здесь, как везде в нашей древней истории, водный путь имеет важное значение. Самая ближайшая от Которости и от Ростовского озера река к югу есть Нерль, которая сама есть приток Клязьмы, таким образом, если следовать речным путем, то после Ростова южнее будет Суздаль на Нерли, потом южнее Суздали является Владимир, уже на самой Клязьме; так и северные князья переносили свои столы — из Ростова в Суздаль, из Суздаля во Владимир. Здесь, в последнем городе, стол великокняжеский утвердился надолго, потому что северные князья, достигнув этого пункта, презрели Южною Русью и все внимание обратили на восток, начали стремиться по указанию природы вниз по рекам: Клязьмою — к Оке и Окою — к Волге. Положение Владимира было очень выгодно для того времени, когда после нашествия монголов восточные отношения играли важную роль: Владимир лежит на Клязьме, которая впадает в Оку там, где эта река принадлежит востоку. Здесь природа с своей стороны предлагает также объяснение, почему владимирские князья, устремив все свое внимание на дела северо-востока, так охладели к югу; такое охлаждение особенно замечается в деятельности Юрия II Всеволодовича. Из этого уже видно, что Владимир не мог быть сосредоточивающим пунктом для русских областей: положение его односторонне, река, на которой лежит он, стремится к финскому северо-востоку. Средоточие было найдено вследствие опять того же стремления к югу, которым особенно отличался Юрий Долгорукий. Мы видели речной путь от Ростова к югу, но этот путь вел не прямо к югу, а к юго-востоку, тогда как для отыскания центра русских областей нужно было уклониться к юго-западу, что и сделал Юрий Долгорукий, построивший на юго-запад от Ростова, по пути в Днепровскую Русь, города Переяславль-Залесский и Москву. Москва и была именно искомым пунктом, это обозначилось тотчас же в истории: в первый раз Москва упоминается в 1147 году, по случаю свидания Долгорукого с Святославом северским. Москва лежит на реке того же имени, которая течет между Волгою, Окою и Верхним Днепром. Москва-река впадает в Оку, так же как и Клязьма, с тем, однако, различием, что Клязьма впадает в Оку там, где она принадлежала финскому северо-востоку, тогда как Москва

впадает именно в том месте, где Ока, обращаясь к востоку, передавала Москве обязанность служить соединением для северных и южных русских областей. Сосредоточивающий пункт долженствовал быть местом соединения севера с югом, но вместе с тем должен был носить характер северный, потому что на севере находились крепкие государственные основы, которых не было в области собственной Оки, в земле вятичей, в стране переходной, без определенного характера, впрочем, издавна примыкавшей к Южной Руси, и потому более на нее похожей. Заметим также, что Москва находилась прямо в средине между двумя племенами, из которых главным образом составилось народонаселение русское, между племенем славянским и финским.

Что касается природы московского центрального пространства, то оно представляет обширную открытую равнину с умеренным климатом, эта равнина не везде равно плодородна и в самых плодородных местах уступает южным пространствам империи, но зато она почти везде способна к обработанию, след[овательно], везде поддерживает деятельность, энергию человека, побуждает к труду и вознаграждает за него, а известно, как подобные природные обстоятельства благоприятствуют основанию и развитию гражданских обществ. Было сказано, что эта область не везде одинаково плодородна: северная часть менее плодородна, чем южная; это природное обстоятельство также очень важно, условливая первоначальную промышленность как главное занятие для южного народонаселения и промышленность, производящую для северного, дополняя, следовательно, одну часть другою, делая их необходимыми друг для друга.

Область Москвы-реки была первоначальною областью Московского княжества, и в первой деятельности московских князей мы замечаем стремление получить в свою власть все течение реки. Верховье и устье ее находились в чужих руках, следовательно, область Московского княжества была заперта с двух концов: верховье реки находилось во власти князей можайских-смоленских, устье — во власти князей рязанских, — здесь их был город Коломна. Отсюда понятно, почему первыми завоеваниями Москвы были Можайск и Коломна; князь Юрий Данилович, только овладев этими двумя городами, мог считать свою область вполне самостоятельною.

Мы видели, что распространение русских владений следовало течению рек. Во-первых, оно шло озерною новгородскою системою, потом системою Двины и Днепра к югу или юго-западу и в то же время, с другой стороны, шло путем белозерским, по Шексне, и далее к югу по системе Мологи к Волге, потом Волгою и на юг от этой реки к Оке. Навстречу этому движению от севера, которое, как видно, не шло далее Москвы, мы замечаем движение с юга по Десне — притоку

Днепра, и Оке — притоку Волги. Таким образом, первоначальное распространение преимущественно шло по огромной дуге, образуемой Волгою к северу, до впадения в нее Оки, и Днепром — к югу; потом распространение происходило в середине дуги, с севера от Волги, и ему навстречу, с юга от Днепра, причем оба противоположные движения сходились в области Москвы-реки, где и образовался государственный центр. Течение Оки от истоков ее до устья Москвы-реки и потом вместе с течением последней имело важное историческое значение, потому что служило посредствующею водною нитью между Северною и Южною Русью. Так как движение с юга, от Днепра вверх по Десне и ее притокам, шло от главной сцены действия, от Киевской области, то, естественно, было быстрее, чем противоположное ему движение с севера, из дикой, малонаселенной области Верхней Волги, и потому движение с юга скоро переходит из области Десны в область Оки, и владения черниговских Святославичей обнимают равно обе эти области: этому скорому переходу из одной речной области в другую благоприятствовала близость источников и притоков обеих рек, хотя в древности водораздел между системами Десны и Оки служил границею двух племен — северян и вятичей. Близость областей Окской и Деснинской, или, принимая обширнее, Волжской и Днепровской, и вследствие того раннее их политическое соединение были важным препятствием к разъединению Северо-Восточной, или Московской, Руси с Юго-Западною, Литовскою; вот почему волок между Угрой и Днепром, собственно разграничивающий область Днепра от Окской, не мог долгое время служить границею между обеими половинами Руси, хотя Литва и стремилась здесь утвердить границу. Область нижней Оки, от впадения Москвы-реки до Мурома, и отчасти область верхнего Дона досталась младшему из сыновей Святослава черниговского, Ярославу, изгнанному из Чернигова племянником Всеволодом Ольговичем; эта область разделялась впоследствии на два княжества — Рязанское и Муромское, которые, будучи оторваны от Черниговской области по условиям историческим и находясь в связи с Ростовскою областью по условиям географическим, с самого начала находятся в большей или меньшей зависимости от последней.

Область Дона долго находилась вне русской исторической сцены, хотя по близости окских притоков к верхнему Дону и его притокам владения рязанские, с одной стороны, и черниговские, с другой, необходимо должны были захватывать и донскую систему[15]; Дон оставался степною рекою (как он и есть по природе берегов своих) почти до самого XV века, т. е. до усиления Московского государства, которое на берегах его в XIV веке одержало первую знаменитую победу над Азиею

в лице монголов [16]. Заселение донского и волжского степного пространства принадлежит Московскому государству [17].

Наконец, природа страны имеет важное значение в истории по тому влиянию, какое оказывает она на характер народный. Природа роскошная, с лихвою вознаграждающая и слабый труд человека, усыпляет деятельность последнего, как телесную, так и умственную. Пробужденный раз вспышкою страсти, он может оказать чудеса, особенно в подвигах силы физической, но такое напряжение сил не бывает продолжительно. Природа, более скупая на свои дары, требующая постоянного и нелегкого труда со стороны человека, держит последнего всегда в возбужденном состоянии: его деятельность не порывиста, но постоянна; постоянно работает он умом, неуклонно стремится к своей цели; понятно, что народонаселение с таким характером в высшей степени способно положить среди себя крепкие основы государственного быта, подчинить своему влиянию племена с характером противоположным. С другой стороны, роскошная, щедрая природа, богатая растительность, приятный климат развивают в народе чувство красоты, стремление к искусствам, поэзии, к общественным увеселениям, что могущественно действует на отношения двух полов: в народе, в котором развито чувство красоты, господствует стремление к искусству, общественным увеселениям, — в таком народе женщина не может быть исключена из сообщества мужчин. Но среди природы относительно небогатой, однообразной и потому невеселой, в климате, относительно суровом, среди народа, постоянно деятельного, занятого, практического, чувство изящного не может развиваться с успехом; при таких обстоятельствах характер народа является более суровым, склонным более к полезному, чем к приятному; стремление к искусству, к украшению жизни слабее, общественные удовольствия материальнее, а все это вместе, без других посторонних влияний, действует на исключение женщины из общества мужчин, что, разумеется, в свою очередь приводит еще к большей суровости нравов. Все сказанное прилагается в известной мере к историческому различию в характере южного и северного народонаселения Руси.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Постепенное распространение сведений о Северо-Восточной Европе в древности. — Быт народов, здесь обитавших. — Скифы. — Агатирсы. — Невры. — Андрофаги. — Меланхлены. — Будины. — Гелоны. — Тавры. — Сарматы. — Бастарны. — Аланы. — Греческие колонии на северном берегу Понта — Торговля. — Характер азиатского движения.

Наш летописец начинает повесть свою о Русской земле с тех пор, как слово Русь стало известно грекам; историк русский, который захочет углубиться в отдаленные времена, узнать что-нибудь о первых известных обитателях нашего отечества, должен также обратиться к грекам, начать с тех пор, как впервые имена этих обитателей появились в известиях греческих.

Во времена Гомера греческие корабли не смели еще плавать по Черному морю, тогда смотрели на это море, как на Океан, границу обитаемой земли, считали его самым большим из всех морей и потому дали ему название Понта, моря по преимуществу. Долго берега Понта считались негостеприимными по дикости их народонаселения, и море слыло *аксинос* (негостеприимным), пока ионические колонии (750 л. до р. х.) не заставили переменить это имя на приятно звучащее *евксинос* (гостеприимное). Во времена Гезиода сведения греков распространились: северные берега Понта выдвинулись в отдалении, покрытые туманами, представлявшими воображению древних странные образы — то была баснословная область, хранилище драгоценностей, обитель существ необыкновенных. Как естественно было ожидать, поэты овладели чудесною страною и перенесли туда мифы, сценою которых считались прежде берега морей ближайших[18]. Один из них, Аристей, сам захотел посетить таинственный берег, и его поэмы, или по крайней мере выдаваемые под его именем, распространили географические сведения древних. По Ари-

стею[19], на берегах Понта жили киммерияне, к северу от них — скифы, за скифами — исседоны, до которых он доходил. Потом о дальнейших странах начинались рассказы детски легковерных путешественников, купцов, подобных нашему новгородцу Гуряте Роговичу[20]; за исседонами к северу жили аримаспы, одноглазые люди; далее за аримаспами грифы стерегли золото, и еще далее на север жили блаженные гипербореи. Встречаем древние, темные предания о нашествиях киммериян и скифов на Азию, вернее, хотя не во всех подробностях, известие о походе персидского царя Дария Гистаспа против скифов в 513 году до р. х. Между тем северные берега Понта остаются по-прежнему любимою страною поэтов: известия об них встречаем у Эсхила, Софокла и Еврипида. Возможность получать об них сведения увеличили обширная торговля колоний и множество рабов, приводимых в Грецию с северных берегов Понта и потому носивших имя скифов[21], но понятно, какою верностью и точностью должны были отличаться известия, почерпаемые из таких источников. Вот почему так драгоценны для нас сведения, сообщаемые Геродотом, особенно там, где он говорит как очевидец. Геродотовы известия точнее относительно страны, обитаемой скифами, но о странах, лежащих к северу от последних, он столько же знает, сколько и его предшественники, т. е. и после Геродота эта страна остается страною вымыслов. Аристотель[22] упрекает афинян за то, что они целые дни проводят на площади, слушая волшебные повести и рассказы людей, возвратившихся с Фазиса (Риона) и Борисфена (Днепра). Говоря о севере и северо-востоке, обыкновенно прибавляли, что там обитают скифы; после Дария Гистаспа с ними вошел во враждебные столкновения Филипп Македонский: он поразил скифского царя Атеаса и вывел в Македонию большой полон — 20 000 человек мужчин и женщин; завоевания Александра Македонского, оказавшие такие важные услуги географии открытием новых стран и путей в южную Азию, не касались описываемых нами стран: с европейской стороны македонские завоевания не простирались далее Дуная. Больше сделано при наследниках Александра: Тимэй подробно говорил о скифах и Северном океане; Клеарх, ученик Аристотеля, написал сочинение о скифах; все, что до сих пор было известно о севере, собрал Эратосфен.

В таком виде греки передали римлянам свои географические познания о северных берегах Черного моря. Война с Македониею указала римлянам берега Дуная, война с Митридатом открыла путь к северным берегам Понта. Митридат в своих отчаянных попытках против римского могущества старался вооружить на Италию всех диких жителей степей от Дуная до Азовского моря. Во время Цезаря Беребист основал на берегах Дуная могущественное владение гетов,

которое, впрочем, скоро разделилось и ослабело. Овидий, сосланный в Томы, перечисляет окружные народы — гетов, скифов, сарматов, языгов, бастарнов; он не упоминает о даках, которых имя часто встречается у Горация; но на свидетельствах поэтов трудно основываться: у них одно народное имя идет за другое, древнее — вместо нового. Причины, почему страны к северу от Понта не могли быть с точностию исследованы, приводит Страбон[23]: по Танаису (Дону), говорит он, мало что можно узнать выше устьев по причине холода и бедности страны; туземцы, народы кочевые, питающиеся молоком и мясом, могут сносить неприязненный климат, но иностранцы не в состоянии; притом туземцы необщительны, свирепы и дики, не пускают к себе иностранцев. Вот почему и для римлян эта страна оставалась украйною мира, которую покинули люди и боги[24].

Но скоро северные варвары начинают нападать на римские провинции: в 70 году по р. х. роксоланы вступают в Мизию, но принуждены уйти оттуда с большими потерями; потом даки перешли Дунай, но были также отброшены назад. Даки были первый варварский народ, которому повелители света должны были платить дань при Домициане; Троян должен был вести кровопролитную войну с предводителем их Децебалом, императору удалось превратить Дакию в римскую провинцию, многие из даков выселились, другие малопомалу олатинились. Тацит восточными соседями германцев полагает даков и сарматов, сомневаясь, куда причислить певцинов, венедов и финнов — к германцам или сарматам. Вследствие частых столкновений с варварами известия об отдаленных странах и народах умножились, но эти известия приносились воинами, купцами; люди, которые хотели научным образом составить из их рассказов что-нибудь полное, сами не могли поверить чужих известий и потому писали наугад, произвольно, чему доказательством служит сочинение Птолемея.

Изложивши в немногих словах постепенное распространение сведений о странах, лежащих к северу от Понта, скажем несколько подробнее о быте народов, живших в этих странах, сколько о нем знали древние. Мы знаем, что имена господствовавших здесь один за другим народов были скифы и сарматы, отчего и страна называлась Скифиею, преимущественно у греков, и Сарматиею, преимущественно у римлян. Мы не можем позволить себе вдаваться в вопросы о происхождении скифов, сарматов и других соседних им народов, не имея достаточного количества данных в известиях древних писателей; чем ближе народы к первоначальному быту, тем сходнее друг с другом в обычаях, нравах, понятиях — отсюда легкость, с какою можно всякий младенчествующий народ по некоторым чертам нравов, обычаев и верований причислить к какому угодно племени; несколько слов, оставшихся нам от

языка этого народа, не могут вести также к твердым выводам: для выражения некоторых предметов у всех племен найдутся общие звуки. Мы войдем в исследования мифов и преданий о скифах и других древних народов только в той мере, в какой они связываются с последующими историческими явлениями, объясняют их и взаимно объясняются ими.

Оставя все многочисленные и противоречивые толкования о положении скифских рек и народов, упоминаемых у Геродота[25], мы из его рассказа можем вывести следующие, несомненные заключения: по Днепру — на запад до самого Днестра, на восток — очень на короткое расстояние от берега, живет народонаселение земледельческое или по крайней мере переходное, которое хотя еще и не отстало от своих степных обычаев и не привыкло к хлебу, однако сеет его, как предмет выгодной торговли: таким образом, щедрая природа стран приднепровских необходимо приводила кочевника к оседлости или по крайней мере заставляла его работать на оседлого европейского человека; но на довольно близкое расстояние от восточного берега Днепра уже начинались жилища чистых кочевников, простираясь до Дона и далее за эту реку; чистые кочевники господствуют над всею страною до самого Днестра и Дуная на запад, а за ними, далее к востоку, за Доном, живут в голых степях другие кочевники, более свирепые, которые грозят новым нашествием Приднепровью. Таким образом, восточное степное народонаселение господствует беспрепятственно; Европа не высылает ему соперников; ни с севера, ни с юга, ни с запада не обнаруживается никакого движения, грозит движение с одного востока и в тех же самых формах — кочевники сменятся кочевниками. У берегов Понта, при устьях больших рек, греческие города построили свои колонии для выгодной торговли с варварами, быть может, эти мирные убежища гражданственности производили хотя медленно, но заметное в истории влияние на последних? История показывает между скифами людей царского происхождения, обольщенных красотою греческих женщин и прелестями греческой цивилизации: они строят себе великолепные мраморные дворцы в греческих колониях, даже ездят учиться в Грецию, но гибнут от рук единоверцев своих, как отступники отеческого обычая — варварство в полном разгуле на берегах Понта; не греческим купцам вступить с ним в борьбу и победить его: для этого нужна большая материальная сила, для этого нужны другие многочисленные, крепкие народы и целые века медленного, но постоянного движения. Около греческих колоний живут смешанные народы — полуэллины и полускифы, но что это? скифы ли огречившиеся или греческие переселенцы, принявшие скифские обычаи, или, наконец, отрасли родственных с греками фракийских племен? На эти вопросы не дает ответа древность.

Но о скифах она знает много подробностей. По свидетельству Геродота, скифы считали себя младшим из народов и аборигенами в земле своей; от брака верховного божества, которое Геродот называет по-своему Зевсом, на дочери реки Борисфена родился в пустынной стране человек Таргитавс, у него было трое сыновей — Лейпоксаис, Арпоксаис и Колаксаис. При них упали с неба плуг, воловье иго, стрелы и чаша — все золотые. Когда оба старшие брата хотели дотронуться до этих вещей, то нашли их огненными, только младший брат мог взять их в руки и отнести в свое жилище, вследствие чего старшие передали ему царское достоинство. От трех братьев пошли разные скифские племена: от старшего — авхаты, от среднего — катиары и траопии, от младшего — царские, или паралаты — все они, вообще, носили имя сколотов, а греки называли их скифами. Предание о том, что скифы суть самый младший из народов, указывает на смутное сознание о позднем появлении их на берегах Понта, но так как вместе с тем исчезло предание о стране, откуда они пришли, то явилось другое предание о происхождении скифов на берегах Днепра. Днепр, виновник плодоносия берегов своих, дающий питание всему живущему на них, необходимо явился участником и в произведении человека — он дед, по матери, праотцу скифов; если небо участвовало непосредственно в произведении праотца скифов, то оно же непосредственно научило его детей средствам к жизни: с неба упали четыре орудия, четыре символа главных занятий первобытного человека — земледелия, скотоводства, виноделия и звероловства. Младший брат захватил их себе, стал распорядителем, раздавателем средств к жизни, старшие братья должны были смотреть у него из рук — вот символ власти и подчинения! Но почему же в предании на долю младшего брата выпала власть, на долю старших — подчинение? Это указывает на исторический факт и объясняется местом жительства царственных, господствующих скифов, паралатов. Исторический факт — это покорение паралатами остальных скифов; происхождение паралатов от младшего брата указывает опять на то, что паралаты пришли позднее с востока и потому остались кочевать на берегах Дона, подчинив себе племена, прежде пришедшие и поселившиеся далее на западе, около Днепра; скифское предание вполне объясняется последующими явлениями, имевшими место в этих странах, — в продолжение многих веков мы видим здесь одинаковое явление, а именно, что позднее пришедшие с востока орды подчиняют себе племена, прежде пришедшие и утвердившиеся далее на западе.

У понтийских греков существовал другой миф о происхождении скифов. В нем говорится, что Геркулес пришел в страну, заселенную после скифами, и которая тогда была

пуста. Там застигли его буря и холод, он завернулся в львиную кожу и заснул. Проснувшись, Геркулес увидал, что лошади, которых он оставил пастись, исчезли; он начал искать их по всей стране и когда пришел в лесную припонтийскую область Гюлэю, то нашел в пещере чудовище, ехидну, полуженщину и полузмею. На спрос Геркулеса ехидна отвечала, что лошади у нее, но что она не отдаст их до тех пор, пока он не согласится иметь с нею связь; Геркулес принужден был исполнить ее желание; плодом этой связи было трое сыновей: Агатирс, Гелон и Скиф, из которых последний, как самый достойный сын Геркулеса, остался обладателем страны и родоначальником царей скифских. Этот миф есть видоизменение первого, греческие поселенцы привели своего странствующего героя-полубога на северные берега Понта; Скифия гордилась следом стопы Геркулесовой, как одним из чудес своих, и точно дух Греции оставил здесь много дивных следов, открываемых теперь наукою. В пустыне Геркулес должен был сочетаться с чудовищем, ехидною, дочерью Борисфена, в скифском предании, и которой форма, равно как обитание в пещере Гюлэйской, указывает на первобытное состояние северных берегов Понта, только что вышедших из-под воды; от этого странного брака греческого героя с чудовищем произошли варварские и полуварварские смешанные народы, ибо гелоны, по утверждению Геродота, суть эллины, поселившиеся среди будинов. В этом мифе замечательно также для нас сближение трех народов — агатирсов, гелонов и скифов, как происшедших от одного прародителя.

Кроме мифов, историк имеет предание, которое он не усомнится принять за достоверное, если обратить внимание на положение страны и на события, случившиеся уже на памяти истории: северные берега Понта — открытая дорога между Европою и Азиею — были поэтому самому изначала местом столкновения народов, из которых один вытеснял другой из жилищ его или по крайней мере подчинял его остатки своему господству. Так Аристей, по-свидетельству Геродота, рассказывал, что на северных берегах Понта жили киммерияне, к северу от них — скифы, за ними — исседоны, за этими — аримаспы (одноглазые), грифы и, наконец, у Северного океана — гиперборей. Последние оставались спокойны, но из остальных те, которые жили севернее, вытесняли живших на юге, так что киммерияне принуждены были совершенно оставить страну и уступить ее скифам. У Геродота есть другое предание, что кочевые скифы жили в Азии, к югу от Аракса; вытесненные массагетами, они двинулись к западу, в страны киммериян. Это предание имеет также много за себя для историка, потому что движение кочевых народов шло постоянно от востока к западу, притом же это предание нисколько не противоречит Аристееву: скифы, изгнанные массагетами,

двинулись к северо-западу и заняли сперва страну, лежавшую к северу от киммериян, потом, теснимые исседонами, принуждены были двинуться к югу [26].

Относительно наружности скифы представляются у древних белокожими, краснолицыми, голубоглазыми, с мягкими, длинными, жидкими, искрасна-желтыми волосами. Скифы были очень похожи друг на друга, толсты, мясисты; браки их не отличались плодовитостию; нравы их — нравы всех младенчествующих народов; они были страстны, вспыльчивы, ленивы; их обычаи — обычаи всех кочевых народов, каких еще и теперь много питают степи Средней Азии; мужчины на лошадях, женщины и дети в кибитках, запряженных волами, перекочевывали с одного пастбища на другое; пища их — лошадиное молоко и мясо. Как все варварские народы, скифы любили опьяняться дымом пахучих трав, потом полюбили привозное из Греции вино и пили его чистое, мужчины и женщины; пили и мед. На войне скифы отличались храбростию и жестокостию: сдирали кожу с убитых врагов, пили из черепов их; рассказы о скифских жестокостях повели к слуху, что они людоеды, питались даже мясом собственных детей своих. Сражались они конные и пешие, особенно славились скифские стрелки; стрелы намазывались ядом. Война считалась почетнейшим занятием; купцы уважались меньше, чем воины; итак, между скифами были купцы, были и земледельцы, как мы видели; для нас очень важно известие [27], что скифы позволяли каждому селиться на своих землях и заниматься земледелием под условием дани — так поступали всегда кочевники, которым не было дела до быта подвластных им племен, лишь бы последние исправно платили дань; это же известие объясняет нам приведенное известие Геродота о скифах, которые сеяли хлеб не для собственного употребления, а на продажу; вероятно, они продавали хлеб, чтоб заплатить дань господствующему племени. Трудно решить, одному ли владельцу повиновались скифы или многим; вождь на войне был судьею в мирное время. Скифия разделялась на округи, в каждом округе был особый начальник, для общего собрания, веча, назначалось особое место. Различие между знатными и чернью, между богатыми и бедными существовало у скифов; были у них и рабы, которых они ослепляли. Касательно религии Геродот перечисляет названия следующих божеств: Табити (Веста), Папайос (Зевс), Апия (Земля), Ойтосир (Аполлон), Артимпаса (Афродита), Тамимасадас (Посейдон), кроме того упоминается о Геркулесе и Марсе; Табити (Веста), божество семьи, домашнего очага, пользовалось особенным уважением, считалось народным скифским божеством. Поклясться очагом, домашним божеством начальника, считалось величайшею клятвою, ложная клятва этим божеством причиняла, по мнению

скифов, болезнь начальнику. При кочевой жизни общественное богослужение не могло быть развито у скифов, понятно, что у них не могло быть храмов; изображением Марса служил меч, этому божеству приносились годичные жертвы — лошади и другие животные, приносили в жертву и пленных, изо ста одного. Вместо жрецов и у скифов, как у всех младенчествующих народов, видим толпу кудесников, гадателей; припонтийские страны славились как местопребывание чародеев. По смерти начальников своих скифы погребали вместе с ними их наложниц, служителей, лошадей и разные необходимые для жизни вещи. Из этих главных черт скифского быта есть ли хотя одна, которой бы мы не нашли и у других младенчествующих племен? У древних, как и у новых образованных народов, между писателями иногда встречаются различные отзывы о варварских племенах: одни, поборники своего образованного общества, выставляют быт варваров с самой черной стороны, другие, наоборот, будучи недовольны испорченностию нравов, господствующею в некоторые времена у образованных народов, любят превозносить грубые нравы дикарей, возвышать их до идеальной простоты и невинности; такие противоположные мнения мы встречаем у писателей и о скифах: одни описывают грубость их самыми черными красками, делают из них людоедов, пожирающих собственных детей, другие превозносят чистоту, неиспорченность их нравов, довольство малым и упрекают греков и римлян в разврате, который они внесли к скифам.

Касательно быта других народов чуждого происхождения, но обитавших подле скифов, остались известия об агатирсах, живших к западу от скифов. Геродот называет их самым изнеженным, женоподобным народом, страстным к блестящим украшениям; жены были у них в общем пользовании будто бы для того, чтоб всем составлять одно семейство и тем избежать зависти и вражды; в остальном быт их был похож на быт фракиян. Из народов, обитавших к северу от скифов, — о неврах — ходили слухи, что они живут по-скифски и будто в известные дни каждый невр обращался в волка — поверье, сильно укорененное между восточным народонаселением Европы. Андрофаги отличались необыкновенною дикостию; меланхлены имели скифские нравы. О будинах до Геродота дошли, как видно, одни смутные слухи; можно понимать, что в близком соседстве друг с другом жили два различные народа — будины и гелоны, будины — кочевники, гелоны — оседлые: у них большой деревянный город; Геродот считает гелонов греческими переселенцами. К югу от скифов, в нынешнем Крыму, обитали тавры — народ дикий и свирепый, живущий грабежом и войною, на крышах домов их, над печными трубами виднелись шесты с воткнутыми на них головами пленников: эти варварские трофеи охраняли дом от

всякого зла, как жертва, угодная божеству. Тавры приносили пленных греков в жертву деве, имя божества — девы у самих тавров — Орейлоха; грекам казалась она то Ифигениею, то Артемидою. По природным условиям полуострова тавры, подобно скифам, разделялись на кочевых — северных и земледельческих — южных.

Как на ясной памяти истории в нынешней Южной России господство одного кочевого народа сменялось господством другого, жившего далее на восток, так и в древние времена господство скифов сменилось господством сарматов, но от этой перемены история столь же мало выиграла, как от смены печенегов половцами: переменились имена, отношения остались прежние, потому что быт народов, сменявших друг друга, был одинакий; и сарматы, подобно скифам, разделялись на кочевых и земледельческих, на господствующих и подчиненных. Но древние заметили и некоторые особенности у сарматов, главная особенность состояла в том, что у сарматов женщины имели большую силу, отличались храбростию и мужскими упражнениями: это подало повод к сказке, что сарматы произошли от совокупления скифов с амазонками, но у древних писателей сохранилось также предание о происхождении сарматов из Мидии, предание, подтверждаемое теперь [28] наукою. Сарматы были белокуры, свирепы на вид, носили длинные волосы и бороду, широкую одежду, расписывались по телу разными узорами, вели кочевую жизнь, не умели сражаться пешком, но на лошадях были неотразимы; отличались дикостью и жестокостью в нравах; поклонялись мечу, по другим известиям, огню, и приносили в жертву лошадей. Из сарматских племен сильнейшими явились языги на западе, в нынешней Бессарабии и Валахии, отчасти в Венгрии, и роксоланы на востоке — между Доном и Днепром; подле сарматов, на западных границах Скифии и восточных Германии, упоминается особый сильный народ бастарны, разделявшийся на три поколения — атмонов, сидонов и певцинов. При первых императорах Рима, роксоланы переходят Дунай и нападают на области Империи; при Адриане римляне принуждены были платить им ежегодно известную сумму денег; после могущество роксолан и языгов ослабело вследствие усиления готов и потом — гуннов. Незадолго до рождества Христова, или в первом веке после него, в нынешней европейской России являются аланы, пришедшие, как говорят, из стран прикавказских; римляне знали и этих страшных врагов на Дунае вместе с готами; но часть их в соединении с вандалами бросилась на запад, вместе с франками перешла Рейн, опустошила Галлию, где, как говорят, Алансон получил от них свое имя, нападала на Италию, Сицилию, Грецию, вторгнулась в Испанию и, вероятно, даже в Африку. Большая часть племени оставалась, впрочем, в стра-

нах припонтийских до конца IV века, когда они на время смешались с победителями своими — гуннами, но в VI веке встречаем их опять между Доном и Волгою; здесь, равно как в странах прикавказских, византийские и арабские писатели упоминают о них в продолжение средних веков. К какому племени приписать алан, об этом еще спорят исследователи; есть основания считать их германцами; для нас, впрочем, и аланы, каково бы ни было их происхождение, остаются народом неисторическим, потому что их деятельность не отличается ничем от деятельности их предшественников: их следы также пропали в наших степях.

Мы упоминали уже о греческих колониях на северном берегу Понта. Самою значительною из них была здесь Ольвия (Борисфен, Милетополис), основанная милезийцами за 655 лет до р. х. при устье Гипаниса, или Буга. Старый город был разрушен гетами в половине последнего века до р. х, потом при участии скифов Ольвия была восстановлена, но не достигла прежнего богатства и великолепия; старый город, по Геродоту, имел предместие, рынок, дворец скифского царя Скюлеса; по надписям видно, что в нем был гимназиум, хлебный складочный магазин, базар, рыбный рынок, корабельные верфи. Скифы производили здесь торговлю посредством семи толмачей; Ольвия имела обширные торговые связи с греческими городами до самой Сицилии. Главным храмом считался храм Юпитера Ольвиоса, где граждане собирались для совещаний, но из божеств особенным уважением пользовался Ахиллес, певцу которого, Гомеру, также воздавались божеские почести. В стране варварской жители Ольвии не могли сохранить в чистоте греческого языка, они переняли также и скифскую одежду, в которой преобладал черный цвет. Верную картину быта греческих колонистов можно видеть в рассказе Диона Хрисостома, который в Ольвии искал убежища от преследований Домициана. Когда жители Ольвии увидали заморского оратора, то с греческой жадностию бросились послушать его речей: старики, начальники уселись на ступенях Юпитерова храма, толпа стояла с напряженным вниманием; Дион восхищался античным видом своих слушателей, которые все, подобно грекам Гомера, были с длинными волосами и с длинными бородами, но все они были также вооружены: накануне толпа варваров показалась перед городом, и в то время, когда Дион произносил свою речь, городские ворота были заперты, и на укреплениях развевалось военное знамя; когда же нужно было выступать против варваров, то в рядах колонистов раздавались стихи Илиады, которую почти все ольвиополиты знали наизусть [29]. Время падения новой Ольвии трудно определить. Кроме Ольвии, важными поселениями греческими были Пантикапея (около Керчи), служившая местопребыванием босфорским царям, потом Фанагория, которую полагают подле

Тамани; кроме того, по берегам и во внутренности страны было много других торговых мест. Постоянная опасность со стороны варваров заставила все эти города вверить правление одному начальнику, вследствие чего произошло Босфорское царство. Война оборонительная влекла босфорских владельцев и к наступательной, они покорили своей власти разные окрестные варварские народы. Как начальники греческих городов, носили они название архонтов, или игемонов, как владельцы варварских народов, назывались василевсами, или этнархами. Таким образом, на берегах Понта, где сталкивалось столько разноплеменных и разнообычных народов, издавна являются странные, смешанные владения, каким в древности было Босфорское царство, в позднейшие времена — Козарское. Самую тесную связь с нашей историей имеет богатая греческая колония на Таврическом полуострове (где теперь Севастополь) — Херсонес (Херсон, Корсунь).

Существование многих торговых цветущих поселений предполагает обширную торговлю. Главным предметом вывоза с северных берегов Понта и в древности, как теперь, был хлеб, за ним следовала рыба, потом — воск, мед, кожи, меха, шерсть, лошади; рабы, как было сказано выше, составляли также одну из значительных отраслей понтийской торговли. Привоз состоял в выделанных кожах, которые в грубом виде были вывезены отсюда же, в одежде, масле, вине, произведениях искусств.

Мы видели, что, несмотря на столкновение разных народов у берегов понтийских, несмотря на их движения и борьбы, в странах этих во все продолжение так называемой древней истории господствует мертвенное однообразие: сменялись имена народов, но быт их оставался одинаков. Только однажды однообразие этого пустынного мира было нарушено движением исторического народа, походом персидского царя Дария Гистаспа; предания об этом походе любопытны для историка, потому что дают понятие о свойствах страны и народов, в ней обитавших. За 513 лет до р. х. с 700 или 800 000 войска и 600 кораблей переправился персидский царь через фракийский Босфор по великолепному мосту в Европу и вступил в Скифию. Скифы не встретили полчищ персидских, но стали удаляться в глубь страны, засыпая на пути колодцы, источники, истребляя всякое произрастание; персы начали кружить за ними. Утомленный бесплодною погонею, Дарий послал сказать скифскому царю: «Странный человек! Зачем ты бежишь все дальше и дальше? Если чувствуешь себя в силах сопротивляться мне, то стой и бейся, если же нет, то остановись, поднеси своему повелителю в дар землю и воду, и вступи с ним в разговор». Скиф отвечал: «Никогда еще ни перед одним человеком не бегал я из страха, не побегу и перед тобою; что делаю я теперь, то привык делать и во время

мира, а почему не бьюсь с тобою, тому вот причины: у нас нет ни городов, ни хлебных полей, и потому нам нечего биться с вами из страха, что вы их завоюете или истребите. Но у нас есть отцовские могилы: попробуйте их разорить, так узнаете, будем ли мы с вами биться или нет». Одни кости мертвецов привязывали скифа к земле, и ничего, кроме могил, не оставил он в историческое наследие племенам грядущим. Персы увидали, что зашли в страну могил и обратились назад [30].

Вторжение персов в Скифию не произвело ничего, кроме ускоренного движения ее обитателей; попытки Митридата возбудить восток, мир варваров, против Рима остались тщетными. Движения из Азии не могли возбудить исторической жизни в странах понтийских, но вот слышится предание о противоположном движении с запада, из Европы, о движении племен, давших стране историю.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Славянское племя. — Его движение. — Венеды Тацита. — Анты и сербы. — Движение славянских племен, по русскому начальному летописцу. — Родовой быт славян. — Города. — Нравы и обычаи. — Гостеприимство. — Обращение с пленными. — Брак. — Погребение. — Жилища. — Образ ведения войны. — Религия. — Финское племя — Литовское племя. — Ятвяги. — Готское движение. — Гунны. — Авары. — Козары. — Варяги. — Русь.

Славянское племя не помнит о своем приходе из Азии, о вожде, который вывел его оттуда, но оно сохранило предание о своем первоначальном пребывании на берегах Дуная, о движении оттуда на север и потом о вторичном движении на север и восток, вследствие натиска какого-то сильного врага. Это предание заключает в себе факт, не подлежащий никакому сомнению, древнее пребывание славян в придунайских странах оставило ясные следы в местных названиях [31]; сильных врагов у славян на Дунае было много: с запада — кельты, с севера — германцы, с юга — римляне, с востока — азиатские орды; только на северо-восток открыт был свободный путь, только на северо-востоке славянское племя могло найти себе убежище, где, хотя не без сильных препятствий, успело основать государство и укрепить его в уединении, вдалеке от сильных натисков и влияний Запада, до тех пор, пока оно, собравши силы, могло уже без опасения за свою независимость выступить на поприще и обнаружить с своей стороны влияние и на восток и на запад.

Вот это предание о первоначальном месте жительства славян и движениях их, как оно читается у нашего русского летописца [32]: «спустя много времени после вавилонского столпотворения, сели славяне по Дунаю, где теперь земля Венгерская и Болгарская. От тех славян разошлись по земле племена и прозвались своими именами, где которое племя село на каком месте: одни пришли и сели на реке именем

Морава и прозвались моравами, другие назвались чехами; а вот тоже славяне — хорваты белые, сербы и хорутане. Когда волхи нашли на славян дунайских, поселились среди них и начали насильничать, то те славяне (т. е. моравы и чехи) двинулись, сели на Висле реке и прозвались ляхами, а от тех ляхов прозвались поляне (поляки), к племени же ляхов принадлежат лутичи, мазовшане и поморяне. Также и эти славяне (т. е. хорваты белые, сербы и хорутане) двинулись и сели по Днепру» и проч. Довольствуясь достоверностью явления, мы не станем входить в исследование вопроса о том, кто был этот могущественный враг, потеснивший славян из подунайских жилищ их. Писатели первого века нашего летосчисления знают славян под именем венедов около Вислы, между племенами сарматскими, финскими и германскими, встречается у них и имя сербов далее к востоку [33]. Краткие указания о быте славян — венедов впервые встречаем у Тацита: Тацит сначала обнаруживает сомнение, к каким племенам причислить венедов, к германским или сарматским? Они много приняли из сарматских нравов, говорит он, потому что как разбойники скитаются по стране, лежащей между певцинами и финнами. Из этих слов мы видим, что в глазах Тацита, венеды были похожи на сарматов суровостию нравов; венеды в первом веке по р. х. отличались воинственным движением — знак еще неустановившейся жизни, недавнего переселения. Нравами венеды показались Тациту похожи на сарматов, но когда он вгляделся внимательнее в их быт, то нашелся принужденным сказать, что скорее их следует отнести к племенам европейским: они, говорит Тацит, строят дома, носят щиты и сражаются пеши, — все это совершенно отлично от сарматов, живущих в кибитке и на лошади. Таким образом, первое достоверное известие о быте славян представляет их нам народом оседлым, резко отличным от кочевников; в первый раз славянин выводится на историческую сцену в виде европейского воина — пеш и со щитом. Писатели следующих веков постоянно упоминают между главными народами Сарматии — венедов, а далее на востоке — сербов [34]. В половине VI века известия о племенах и жилищах славянских становятся несколько точнее: по Иорнанду [35], многочисленное племя венедов разделялось на два народа — славян, живших от верховья Вислы на восток до Днепра, и антов, которые были сильнее первых и жили в странах припонтийских, от Днепра до Днестра. Прокопий [36] знает также славян и антов, прибавляя, что в древности оба народа были известны под одним общим именем споров, в котором новейшие исследователи не без вероятности видят сербов. Прокопий говорит, что на берегах Азовского моря живут утургуры, а пространство дальше от них к северу занимают бесчисленные народы антов.

От этих неопределенных указаний иностранных писателей перейдем теперь к точнейшим указаниям нашего начального летописца о расселениях восточных славянских племен, вошедших в состав Русского государства. Об этом расселении летопись говорит в трех местах; в первом месте говорится [37], что восточная отрасль славян, т. е. хорваты белые, сербы и хорутане, будучи потеснены врагом, двинулись на северовосток, и одни сели по Днепру и назвались полянами, а другие — древлянами, потому что сели в лесах; далее сели между Припятью и Двиною и назвались дреговичами; некоторые сели на Двине и назвались полочанами, от имени речки Полоты, впадающей в Двину. Часть славян села также около озера Ильменя и прозвалась своим именем — славянами, эти славяне построили город и назвали его Новгородом, остальные славяне сели по Десне, по Семи, по Суле и назвались севером или северянами. В другом месте [38] говорится, что у полян было свое княженье, у древлян — свое, у дреговичей — свое, у славян — свое в Новгороде, у полочан — свое. От них же, т. е. от полочан, кривичи, которые сидят на верховьях Волги, Двины и Днепра, у них город Смоленск; от них — северяне. Потом тут же перечисляются племена в таком порядке: поляне, древляне, новгородцы, полочане, дреговичи, север с прибавкою бужан, назвавшихся так по реке Бугу и прозванных после волынянами. Наконец, в третьем месте [39], говоря о полянах и древлянах, с подтверждением, что они племени славянского, летописец прибавляет еще радимичей и вятичей, которые происходят от ляхов, т. е. от западных славян: были два брата в ляхах, Радим и Вятко; Радим пришел и сел с родом своим на реке Соже, а Вятко — на Оке. Тут же прибавлены хорваты, потом дулебы, жившие по Бугу, где во время летописца были уже волыняне; наконец, угличи и тиверцы, сидевшие по Днестру, до самого моря и Дуная, многочисленные племена, у которых были города, существовавшие до времен летописца.

Из первого известия видно, что восточные славяне двинулись от хорватов, из нынешней Галиции, прямо на восток до Днепра — то были древляне и поляне. Потом славянское народонаселение стало распространяться на север по правому берегу Днепра; между Припятью и Двиною явились дреговичи, за ними по Двине, опять прямо на север — полочане и, наконец, славяне новгородские. Кривичи пропущены в первом известии; летописец прямо переходит к ближайшим к Киеву северянам, на восточный берег Днепра, к Десне, Семи и Суле. Другое известие дополняет и объясняет первое: здесь сначала летописец пересчитывает только пять главных племен на западной стороне — полян, древлян, дреговичей, славян новгородских и полочан, но потом указывает на дальнейшее выселение: от полочан расселились кривичи по верховьям Волги,

Двины и Днепра — «от них же кривичи», от кривичей на юг, по Днепру и его притокам — северяне. Следовательно, если принимать буквально известие летописца, то выйдет, что славянское народонаселение двигалось по западной стороне Днепра на север и потом спускалось на юг по восточной стороне этой реки. О других племенах — дулебах, бужанах, угличах и тиверцах, радимичах и вятичах летописец сначала не упоминает ни в первом, ни во втором известии; из этого умолчания имеем право заключить, что означенные племена явились на востоке не вследствие известного толчка от волхов и не имеют связи с перечисленными выше племенами, а явились особо.

Итак, первыми славянскими поселенцами, которых приход и причину его помнит предание, являются древляне и поляне, жители лесов и жители полей; уже эти самые местные причины условливали разницу в нравах обоих племен, большую дикость древлян, большую склонность их жить на счет соседей, от чего терпели поляне. Это последнее племя приобрело особенное значение потому, что городок, среди него основанный, Киев, стал главным городом Русской земли. Насчет основания Киева, как вообще всех древних знаменитых городов, ходили разные предания. Название его, сходное с прилагательной притяжательной формой, заставило предположить имя основателя Кия (Кий — Киев город, как Андрей — Андреев, Петр — Петров); название разных городских урочищ, гор — Щековицы и Хоревицы повели к предположению первых насельников — Щека и Хорива; господствующие понятия заставили связать Кия, Щека и Хорива кровным союзом, предположить в них братьев; название речки Лыбеди увеличило еще эту семью сестрою Лыбедью. Сам летописец предложил очень хорошее объяснение этого производства; Киев перевоз заставлял предполагать Кия перевозчика [40]. Название городища *Киевец* на Дунае заставило предположить, что основателем обоих было одно и то же лицо; отсюда необходимо другое представление, что Кий был знаменитый владыка рода, ходивший в Царьград, принявший большую честь от императора и построивший на возвратном пути Киевец [41]; позднейшие походы русских киевских князей в Грецию, к Дунаю, естественно, влекли к такому представлению точно так, как господство родовых понятий заставляло летописца предполагать в Кие князя, старейшину рода — «и Кий княжаше в роде своем», — хотя дальний поход в Грецию и желание поселиться на Дунае, в стране более привольной, обличают скорее беспокойного вождя дружины, чем мирного владыку рода. Из этих преданий историк может вывести только то, что жители Дуная и Днепра были единоплеменны, судя по сходству названий Киева и Киевца (если только последнее не явилось на Дунае во времена Святослава), точно так, как можно видеть признак общеславянского родства между пле-

менами в сходстве названий Киева и Куявы польской, не предполагая, впрочем, здесь связи более тесной.

За древлянами следуют дреговичи, поселившиеся между Припятью и Двиною. Название дреговичей встречается у болгарских славян и в Германии [42]. За дреговичами следуют полочане, т. е. кривичи. Старые города у них были: Изборск, Полоцк (от реки Полоты), Смоленск, позднее встречающийся в летописи Торопец (от реки Торопы), у простого народа слывет теперь Кривитепск, Кривич и Криниг [43]. За кривичами идут славяне новгородские. Во всех названиях племен мы замечаем, что они происходят или от мест, или от имен родоначальников, или называются собственным существительным, как напр[имер] дулебы; одни только жители Новгорода и окрестных мест «прозвашась своим имянем», как говорит летописец, — славянами. Эта странность может объясниться тем, что славяне ильменские, будучи позднейшими выселенцами от кривичей, не успели приобрести еще для себя видового названия в отличие от соплеменников и удерживали название родовое в отличие от чужеплеменников-финнов, которыми были окружены. Северяне, по летописцу, пошли от кривичей и поселились на реках Десне, Семи и Суле [44]. Названия радимичей и вятичей летописец прямо производит от имен родоначальников и сообщает предание, что оба эти племени происходят от ляхов. Мы не имеем никакого права заподозрить это предание, которое показывает, что эпоха прибытия этих племен не была слишком отдаленна, о нем помнили еще во времена летописца. Что племена эти пришли позднее других, доказывают избранные ими жилища: радимичи поселились на Соже, а вятичи должны были перейти далее на восток, на Оку, потому что земли по Десне, лежащие между Сожью и Окою, уже были заняты северянами.

Касательно дулебов и бужан мы принимаем эти два названия принадлежащими одному и тому же племени, имевшему жилища свои на Западном Буге; в летописи в двух разных известиях эти племена помещены на одинаких местах, с одинаким прибавлением, что как то, так и другое племя после называлось волынянами, и ни в одном известии оба названия не поставлены вместе рядом, но где есть одно, там нет другого. О движении дулебов-бужан летописец не знает: думаем, что их должно рассматривать как отрасль хорватского племени, поселившуюся с незапамятных пор на берегах Буга, на Волыни. Последними племенами к югу летописец считает угличей и тиверцев. В приведенных известиях о расселении племен жилища угличей и тиверцев назначены по Днестру до моря и Дуная: «Улучи (Угличи), Тиверцы седяху по Днестру оли до моря, суть гради их и до сего дне: да то ся зваху от Грек Великая Скуфь». Но есть другое известие, из которого видно, что угличи жили прежде в низовьях Днепра;

когда Игорев воевода Свенельд после упорного трехлетнего сопротивления взял их город Пересечен, то они двинулись на запад, перешли Днестр и поселились на западном его берегу, где еще теперь, в Оргеевском уезде Бессарабской области, находится деревня Пересечени или Пересечина, вероятно основанная беглецами в память прежнего их города [45]. Указания летописца на многочисленность тиверцов и угличей, на их упорное сопротивление русским князьям, на их жилища от Днестра, или даже от Дуная до самого Днепра и, может быть, дальше на восток, не оставляют никакого сомнения, что это те самые племена, которые Прокопию и Иорнанду были известны под именем антов.

Что касается быта славянских восточных племен, то начальный летописец оставил нам об нем следующее известие: «каждый жил с своим родом, отдельно, на своих местах, каждый владел родом своим» [46]. Мы теперь почти потеряли значение рода, у нас остались производные слова — родня, родство, родственник, мы имеем ограниченное понятие семьи, но предки наши не знали семьи [47], они знали только род, который означал всю совокупность степеней родства, как самых близких, так и самых отдаленных; род означал и совокупность родственников и каждого из них [48]; первоначально предки наши не понимали никакой общественной связи вне родовой и потому употребляли слово род также в смысле соотечественника [49], в смысле народа [50]; для означения родовых линий употреблялось слово *племя* [51]. Единство рода, связь племен поддерживались единым родоначальником, эти родоначальники носили разные названия — старцев, жупанов, владык, князей и проч.; последнее название, как видно, было особенно в употреблении у славян русских и по словопроизводству имеет значение родовое, означает старшего в роде, родоначальника, отца семейства [52]. Существуют различные взгляды на родовой быт: одни представляют его в идиллическом виде, предполагают в нем исключительное господство нежных, родственных отношений, другие, напротив, смотрят на него с противоположной стороны, предполагают суровость отношений между отцом и детьми, между родоначальником и родичами, подавление родственных отношений правительственными, причем приводят в пример семью римскую и германскую, где отец имел право осуждать своих детей на рабство и смерть. Мы заметим, что нельзя представлять себе родового быта идиллически, нельзя забывать о первобытном, младенческом состоянии народа, которого движения, страсти мало чем обуздываются; не надобно забывать, что и у просвещенных народов родственные отношения не исключают вражды, что вражда между родичами считается самою сильною, что родовой быт, по самому существу своему, условливает неопределенность, случайности. Но, с другой стороны, мы не можем

вполне разделять и противоположного взгляда: правда, что в быте родовом отец семейства есть вместе и правитель, над которым нет высшей власти, но не знаем, в праве ли мы будем допустить совершенное подавление родственных отношений правительственными, особенно при отсутствии всяких определений; не имеем ли мы права предположить, что родственные отношения в свою очередь смягчали отношения правительственные? Каким образом осудить их на совершенное бездействие даже в быту самом грубом? Владимир имеет право казнить жену, замышлявшую преступление, и хочет воспользоваться своим правом, но входит малютка-сын и меч выпадает из рук отцовских. Здесь главный вопрос не в том, подавлялись ли родственные отношения правительственными, но в том, как выражались самые родственные отношения? Мы не должны только по своим христианским понятиям судить о поступках языческих грубых народов; так, например, отец в семье германской и литовской осуждал на гибель новорожденных детей своих, если семья была уже многочисленна или если новорожденные были слабы, увечны; но такое поведение отцов, приводящее нас в ужас, проистекало у язычников из грубых понятий о родственном сострадании, а не из понятий о деспотической власти отца над детьми; язычники смотрели на жизнь человека с чисто материальной стороны: при господстве физической силы человек слабый был существом самым несчастным, и отнять жизнь у такого существа считалось подвигом сострадания; доказательством тому служит обязанность детей у германцев и литовцев убивать своих престарелых, лишенных сил родителей. Эти обычаи имели место преимущественно у племен воинственных, которые не терпели среди себя людей лишних, слабых и увечных, не могших оказывать помощи на войне, защищать родичей, мстить за их обиды; у племен, живших в стране скудной, стремление предохранить от голодной смерти взрослых заставляло жертвовать младенцами. Но у народа относительно более мирного, земледельческого, живущего в стране обильной, мы не встретим подобных обычаев; так, не встречаем их у наших восточных славян: летописец, говоря о черной стороне языческого быта последних, не упоминает об означенных обычаях; даже у славян померанских, которые по воинственному характеру своему и по соседству с племенами германскими и литовскими являются более похожими на последних, даже и у этих славян с престарелыми и слабыми родителями и родственниками обходились совершенно иначе, чем у германцев и литовцев [53]. Вообще же должно остерегаться делать точные определения первоначальному родовому обществу в том или другом смысле.

Отношения родоначальника к родичам понятны, когда род состоит из одних нисходящих, но когда отец, дед или прадед

умирает, то каким образом поддержится единство рода? Оно поддерживалось восстановлением отеческой власти, один из старших родичей занимал отцовское место. Старинная чешская песня говорит: «Когда умрет глава рода, то все дети сообща владеют имением, выбравши себе из роду своего владыку»[54]. Так теперь у южных славян, удержавших черты древнего быта, часто деревня состоит из одного рода, который управляется сам собой и сообщается с высшими властями страны посредством своего главы, *старшины*. Этот старшина не всегда бывает физически старшим в роде, он избирается в свою должность собранием всех родичей, которые торжественно сажают его на первое место под иконы, откуда и в нашей древней истории сохранился обряд и выражение *посадить князя*. Избранный старшина управляет всеми работами, хранит общественную казну, вносит подати, раздает своим детям и братьям пищу и одежду, наказывает их за проступки; в большие праздники он напоминает о древнем значении владыки рода, как жреца, потому что окруженный всеми родичами кадит иконы[55]. Последующая история Рюрикова княжеского рода показывает, что и в быте наших восточных славян имели место те же самые явления: старший брат обыкновенно заступал место отца для младших. К старшинству последнего родичи привыкали еще при жизни отца: обыкновенно в семье старший сын имеет первое место по отце, пользуется бóльшею доверенностию последнего, является главным исполнителем его воли; в глубокой старости отца заступает совершенно его место в управлении семейными делами; отец при смерти обыкновенно благословляет его на старшинство после себя, ему поручает семью. Таким образом, по смерти отца старший брат, естественно, наследует старшинство, становится в *отца место* для младших. Младшие братья ничего не теряли с этою переменою: старший имел обязанность блюсти выгоды рода, думать и гадать об этом, иметь всех родичей как душу; права его состояли в уважении, которое оказывали ему как старшему; к нему относились во всех делах, касающихся рода; без его ведома и согласия ничего не делалось, он был распорядителем занятий, раздавателем пищи и одежды, он судил и наказывал, но все эти распоряжения получали силу только при общем согласии, когда все видели, что старший поступает с ними, как отец, наблюдает строгую справедливость; власть, сила старшего основывалась на согласии младших, это согласие было для старшего единственным средством к деятельности, к обнаружению своей власти, вследствие чего младшие были совершенно обеспечены от насилий старшего, могущего действовать только чрез них. Но легко понять, какие следствия могла иметь такая неопределенность прав и отношений: невозможно, чтобы младшие постоянно согласно смотрели на

действия старшего; каждый младший, будучи недоволен решением старшего, имел возможность восстать против этого решения; он уважал старшего брата, как отца, но когда этот старший брат, по его мнению, поступал с ним не как брат, не как отец, не по-родственному, но как чужой, даже как враг, то этим самым родственный союз, родственные отношения между ними рушились, рушились вместе все права и обязанности, ничем другим не определенные. Если большинство братьев принимало сторону старшего против младшего, то, разумеется, последний должен был или покориться общей воле, или выйти из рода, но могло очень случиться, что сторону младшего принимали другие братья — отсюда усобицы и распадение рода; если же все младшие принимали сторону одного из своих против старшего, то последний должен был или исполнить общую волю, или выйти из рода, который избирал другого старшего. Такие случаи могли быть нередки, как увидим в последующей истории Рюрикова княжеского рода; из этой истории мы знаем также, каким исключениям подвергался обычай давать княжения всегда старшему в роде, знаем, как терялись права на старшинство вследствие разных случайных обстоятельств, когда, напр[имер], личному достоинству младшего отдавалось преимущество пред правом старшего; могло случаться, что сам отец при жизни своей, будучи недоволен поведением старшего, отнимал у него значение старшинства, которое передавал младшему; случаи исключения из старшинства, борьба за него должны были происходить чаще, когда род дробился все более и более, *племена* (линии) расходились и родственная связь ослабевала — отсюда необходимо проистекала вражда, усобица между членами рода и линиями, от них происходившими. Такая внутренняя вражда должна была оканчиваться отторжением некоторых линий от общей родовой связи и выселением их на другие места, но так как причиною выселений была вражда, то ясно, что выселившиеся линии, образовавшись в особые роды, не могли жить в дружественных отношениях с прежними родичами.

Обширность и девственность населенной восточными славянами страны давали родичам возможность выселяться при первом новом неудовольствии, что, разумеется, должно было ослаблять усобицы; места было много, за него по крайней мере не нужно было ссориться. Но могло случаться, что особенные удобства местности привязывали к ней родичей и не позволяли им так легко выселяться — это особенно могло случаться в городах, местах, выбранных родом по особенному удобству и огороженных, укрепленных общими усилиями родичей и целых поколений; след[овательно], в городах усобицы долженствовали быть сильнее. О городской жизни восточных славян, из слов летописца, можно заключать только то, что

эти огороженные места были обиталищем одного или нескольких отдельных родов: Киев, по летописцу, был жилищем рода; при описании междоусобий, предшествовавших призванию князей, летописец говорит, что встал род на род; из этого ясно видно, как развито было общественное устройство, видно, что до призвания князей оно не переходило еще родовой грани; первым признаком общения между отдельными родами, живущими вместе, долженствовали быть общие сходки, советы, веча, но на этих сходках мы видим и после одних старцев, у которых все значение; что эти веча, сходки старшин, родоначальников не могли удовлетворить возникшей общественной потребности, потребности наряда, не могли создать связи между соприкоснувшимися родами, дать им единство, ослабить родовую особность, родовой эгоизм,—доказательством служат усобицы родовые, кончившиеся призванием князей. Несмотря на то, первоначальный славянский город имеет важное историческое значение: городовая жизнь, как жизнь вместе, была гораздо выше разрозненной жизни родов на особых местах, в городах более частые столкновения, более частые усобицы должны были скорее повести к сознанию о необходимости наряда, правительственного начала. Остается вопрос: какое отношение было между этими городами и народонаселением, вне их живущим, было ли это народонаселение независимо от города или подчинено ему? Естественно предположить город первым пребыванием поселенцев, откуда народонаселение распространялось по всей стране: род являлся в новой стране, селился в удобном месте, огораживался для большей безопасности и потом уже вследствие размножения своих членов наполнял и всю окрестную страну; если предположить выселение из городов младших членов рода или родов, там живущих, то необходимо предположить связь и подчинение, подчинение, разумеется, родовое — младших старшим; ясные следы этого подчинения мы увидим после в отношениях новых городов или пригородов к городам старым, откуда они получили народонаселение. Но, кроме этих родовых отношений, связь и подчиненность сельского народонаселения городскому могли скрепляться и по другим причинам: сельское народонаселение было разбросано, городское совокуплено, и потому последнее имело всегда возможность обнаруживать свое влияние над первым; в случае опасности сельское народонаселение могло находить защиту в городе, необходимо примыкало к последнему и поэтому уже самому не могло сохранить равного с ним положения. На такое отношение городов к окружному народонаселению находим указание в летописи: так говорится, что род основателей Киева держал княженье среди полян. Но, с другой стороны, мы не можем предполагать большой точности, определенности в этих отношениях, ибо и после, в историческое время,

как увидим, отношение пригородов к старшему городу не отличалось определенностию, и потому, говоря о подчинении сел городам, о связи родов между собою, зависимости их от одного центра, мы должны строго различать эту подчиненность, связь, зависимость в дорюриковское время от подчиненности, связи и зависимости, начавших утверждаться малопомалу после призвания князей варяжских; если сельчане считали себя *младшими* относительно горожан, то легко понять, в какой степени признавали они себя зависимыми от последних, какое значение имел для них старшина городской. Городов, как видно, было немного: знаем, что славяне любили жить рассеянно, по родам, которым леса и болота служили вместо городов; на всем пути из Новгорода до Киева, по течению большой реки, Олег нашел только два города — Смоленск и Любеч; у древлян упоминаются города, кроме Коростеня; на юге должно было находиться больше городов, здесь более было нужды в защите от нашествия диких орд, да и потому, что место было открытее; у тиверцев и угличей были города, сохранившиеся и во времена летописца; в средней полосе — у дреговичей, радимичей, вятичей — не встречается упоминовения о городах.

Кроме преимуществ, которые город (т. е. огороженное место, в стенах которого живет один многочисленный или несколько отдельных родов) мог иметь над окружным рассеянным народонаселением, могло, разумеется, случаться, что один род, сильнейший материальными средствами, получал преимущество перед другими родами, что князь, начальник одного рода, по своим личным качествам получал верх над князьями других родов. Так, у южных славян, о которых византийцы говорят, что у них много князьков и нет единого государя, иногда являются князья, которые по своим личным достоинствам выдаются вперед, как напр[имер] знаменитый Лавритас. Так и у нас в известном рассказе об Ольгиной мести, у древлян сначала на первом плане является князь Мал, но заметим, что здесь нельзя еще принимать Мала непременно князем всей Древлянской земли, можно принимать, что он был князь коростенский только; что в убиении Игоря участвовали одни коростенцы под преимущественным влиянием Мала, остальные же древляне приняли их сторону после по ясному единству выгод, на это прямо указывает предание: «Ольга же устремися с сыном своим на Искоростень город, яко те бяху убили мужа ея». Малу, как главному зачинщику, присудили и жениться на Ольге; на существование других князей, других державцев земли, указывает предание в словах послов древлянских: «Наши князи добри суть, иже распасли суть Деревьску землю», об этом свидетельствует и молчание, которое хранит летопись относительно Мала во все продолжение борьбы с Ольгою.

Родовой быт условливал общую, нераздельную собственность, и, наоборот, общность, нераздельность собственности служила самою крепкою связью для членов рода, выделение условливало необходимо и расторжение родовой связи. Известная уже чешская песня говорит: «когда умрет родоначальник, то все дети сообща владеют оставшимся имением, выбравши себе владыку из рода». Общее владение родовою собственностию необходимо заставляло родичей восстановлять значение отца, выбрать кого-нибудь из себя в отца место, а выбор кого-нибудь вместо отца, след[овательно], возобновление прежних отношений, как они были при жизни отца, условливало необходимо и общее, нераздельное владение. Должно заметить, что родовую связь и общую, нераздельную собственность поддерживала простота быта, малочисленность нужд, легко удовлетворяемых общими первоначальными занятиями родичей [56].

Что касается нравов и обычаев славян языческих, то они условливаются преимущественно тогдашним народным бытом их. Сличив известия современников-чужеземцев, мы находим, что вообще славяне своею нравственностию производили на них выгодное впечатление: простота нравов славянских находилась в противоположности с испорченными нравами тогдашних образованных или полуобразованных народов. Так, встречаем отзывы, что злые и лукавые попадаются очень редко между славянами. Доброта не исключала, впрочем, свирепости и жестокости в известных случаях; те же писатели, которые хвалят доброту славян, рассказывают ужасы об обхождении их с пленными, с проповедниками христианства; здесь же следует удивляться противоречию свидетельств: так часто бывает у людей и целых народов, добрых по природе, но предоставленных влечениям одной только природы. Одни писатели называют славян нелукавыми, другие — вероломными: это противоречие объясняется известием, что между славянами господствовали постоянно различные мнения; ни в чем они не были между собою согласны, если одни в чем-нибудь согласятся, то другие тотчас же нарушают их решение, потому что все питают друг к другу вражду и ни один не хочет повиноваться другому. Такое поведение проистекало, естественно, из разрозненности, особности быта по родам, из отсутствия сознания об общем интересе вне родового.

Все писатели единогласно превозносят гостеприимство славян, их ласковость к иностранцам, которых усердно провожали из одного места в другое, и если случится, что странник потерпит какую-нибудь беду по нерадению своего хозяина, то сосед последнего вооружается против него, почитая священным долгом отомстить за странника; о северо-западных славянах рассказывают, что у них считалось позволенным украсть для угощения. Гостеприимство есть черта, принадлежащая не одним славянам: у греков нарушить долг госте-

приимства, значило оскорбить высшее божество — Зевеса; и теперь путешественники удивляются гостеприимству дикарей Северной Америки. Чем затруднительнее странствование, чем с большими опасностями сопряжено оно, тем сильнее чувствует в себе народ обязанность гостеприимства; особенно должны были чувствовать эту обязанность славяне — народ, более других подвергавшийся враждебным столкновениям и с своими, и с чужими, нападениям и изгнанию. Но, кроме сострадания, гостеприимство имело еще и другие причины: для народа, живущего в простоте нравов, чужестранец, странник был явлением важным, любопытным; сколько наслаждений мог он доставить рассказом о своих похождениях! С другой стороны, человек много странствовавший, след[овательно], много видевший, много знающий, всегда и везде пользовался большим уважением, являлся существом необыкновенным, героем, потому что дерзал преодолевать страшные препятствия, соединенные тогда с путешествием, — удача в этом преодолении была знаком особенной милости богов; бояться одинокого странника было нечего, научиться от него можно было многому, оскорбить любимца богов было страшно. Сюда должно присоединить и религиозные понятия: каждое жилище, очаг каждого дома был местопребыванием домашнего божества; странник, входивший в дом, отдавался под покровительство этого божества; оскорбить странника значило оскорбить божество. Наконец, странник, хорошо принятый и угощенный, повсюду разносил добрую славу о человеке и роде гостеприимном [57]. Славянин считал позволенным украсть для угощения странника, потому что этим угощением он возвышал славу целого рода, целого селения, которое потому и снисходительно смотрело на кражу: это было угощение на счет целого рода [58].

Писатели хвалят обхождение славян с пленными, которым оставлена жизнь; говорят, что у славян пленные не рабствовали целый век, как у других народов, но что назначен был известный срок, по прошествии которого они были вольны или возвратиться к своим, давши окуп, или остаться жить между славянами в качестве людей вольных и друзей. Здесь должно заметить, что желание иметь рабов и удерживать их как можно долее в этом состоянии бывает сильно, во-первых, у народов, у которых хозяйственные и общественные отправления сложны, роскошь развита; во-вторых, рабы нужны народам, хотя и диким, но воинственным, которые считают занятие войною и ее подобием, охотою за зверями единственно приличными для свободного человека, а все хлопоты домашние слагают на женщин и рабов; наконец, как ко всякому явлению, так и к явлению рабства посреди себя народ должен привыкнуть, для этого народ должен быть или образован и приобретать рабов посредством купли, или воинственен и при-

обретать их как добычу, или должен быть завоевателем в стране, которой прежние жители обратились в рабов. Но славяне жили под самыми простыми формами быта, быта родового, их хозяйственные отправления были нетрудны и несложны, в одежде, в жилищах господствовало отсутствие всякой роскоши; при всем этом и при постоянной борьбе с своими и с чужими, при постоянной готовности покинуть свое местопребывание и спасаться от врага рабы могли только затруднять славянское семейство, а потому и не имели большой ценности. Потом известно, что воинственность не была господствующею чертою славянского народного характера и что славяне вовсе не гнушались земледельческими занятиями. У народа, в простоте родового быта живущего, раб не имеет слишком большого различия от членов семьи, он бывает также младшим членом ее, малым, юным; степень его повиновения и обязанностей ко главе семьи одинакова со степенью повиновения и обязанностей младших членов к родоначальнику [59].

Мы заметили, что на иностранных писателей нравы славян производили благоприятное впечатление, они отзываются о них с похвалою; вовсе не так снисходителен к древним славянским нравам и обычаям наш начальный летописец, духовный христианский, который потому с омерзением смотрел на все, что напоминало о древнем язычестве. Исключая полян, имевших обычаи кроткие и тихие, стыдливых перед снохами и сестрами, матерями и отцами, свекровями и деверями, имевших брачный обычай, нравы остальных племен у него описаны черными красками: древляне жили по-скотски, убивали друг друга, ели все нечистое, и брака у них не было, а похищение девиц. Радимичи, вятичи и северяне имели одинакий обычай: жили в лесу, как звери, ели все нечистое, срамословили перед отцами и перед снохами, браков у них не было, но игрища между селами, где молодые люди, сговорившись с девицами, похищали их; держали по две и по три жены. Если кто умрет, творили над ним тризну, сожигали труп и, собравши кости, складывали в малый сосуд, который ставили на столпе, на распутии [60].

При этом описании нельзя не заметить, что летописец, верный понятиям своего времени, преимущественно обращает внимание на семейные нравы и обычаи племен, в них полагает различие между последними. Основа семьи, узел ее — это брак, отсюда понятно, как важно было различие во взгляде на это явление у разных племен, это-то различие в обычае брака летописец и приводит как основное нравственное различие между племенами. У некоторых племен, по его свидетельству, брака не было, жен себе похищали, след[овательно], под выражением «не имели брака» мы должны разуметь только то, что они не совершали брака, как должно, по мнению летописца, т. е. с согласия родственников

невесты, как было у полян. Здесь представляется вопрос: при каких обстоятельствах могло иметь место похищение девиц в родовом быту? Если род, разветвляясь, сохранял единство, все члены его жили вместе, повинуясь одному старшине, то позволялось ли им вступать в брак в своем роде в известных степенях? Впоследствии князья Рюриковичи вступали в брак в своем роде в седьмой и даже шестой степени родства [61]: у языческих славян род мог легко сохранять единство при этих степенях; легко предположить также, что у язычников браки позволялись и в степенях ближайших, особенно при многоженстве. Если браки совершались внутри рода, то ясно, что в таком случае похищение не могло иметь места, постоянное сожительство четы долженствовало быть следствием согласия целого рода, воли отца — старшины; таким образом, похищение могло иметь место только в том случае, когда девушка была из чужого рода, из чужого села. Здесь похищение не было следствием одной враждебности родов, потому что если члены разных родов сходились вместе на одни игрища (по всей вероятности, религиозные), то нельзя предполагать между ними вражды; здесь, кроме вражды, похищение должно было произойти оттого, что каждый род берег девушку для себя, для своих членов и не хотел уступить ее чужеродцам, и если члену одного рода понравилась на игрище девушка из чужого рода, то, чтоб иметь ее женою, ему необходимо было ее похитить. Это похищение, естественно, производило вражду между родами; род, оскорбленный похищением, может одолеть род похитителя и требовать удовлетворения, вознаграждения: это самое ведет уже к продаже; похититель может тотчас после увода, не дожидаясь войны, предложить вознаграждение, на такое явление указывает свадебный обряд, сохранившийся и теперь в некоторых местах у простого народа: «Подле невесты садится брат или другой какой-нибудь родственник. Дружко спрашивает его: зачем сидишь здесь? — Я берегу свою сестру. — *Она уже не твоя, а наша,* — возражает дружко. — *А если она теперь ваша, то заплатите мне за ее прокормление.* Я одевал ее, кормил, поил» [62]. Это вознаграждение не могло быть малое, потому что число женщин не могло быть велико: вспомним, что у славян было в обычае многоженство, вспомним также и другой обычай, по которому жены следовали в могилу за мужьями; обычай же многоженства и недостаток в женщинах необходимо умножали случаи похищения.

Но если похищения могли иметь место при разрозненности родов, живших особо, в разных селах, жители которых сходились редко, только на игрища (религиозные праздники), то могли ли они иметь место в городах, где несколько родов жило на одном месте, где, след[овательно], не могло быть такой разрозненности, особности между ними — напротив,

сношения беспрерывные? Здесь при беспрестанном столкновении молодых людей обоего пола из разных родов было невозможно для последних удерживать своих девушек для себя и давать поводы к похищениям, которые долженствовали быть чрезвычайно часты, вести к ежедневным ссорам между соседями; напротив, старшинам родов даже во взаимных борьбах часто могло быть выгодно скреплять свои отношения к другим родам взаимными брачными связями между их и своими членами. Здесь, в городах, необходимо должен был произойти обычай сватовства, брачный обычай; по выражению летописца, браки должны были заключаться с согласия родственников невесты. Как же они заключались? Разумеется, условия должны были зависеть от старшин, обязанных блюсти выгоды рода; естественно, что обычай давать *вено,* или цену за вывод из рода, мог долго иметь место: нужда была на стороне жениха, на стороне его рода, а не на стороне рода невесты, для которого девушка не могла быть лишнею. Но, с другой стороны, плата за содержание, при обычае взаимных браков между членами разных родов с согласия последних, теряла свое значение: если род отпускал девушку в чужой род, то в то же время он имел возможность приобрести жен для своих членов из чужого рода; напротив, здесь, в городах, где браки заключались с согласия родственников невесты, давался простор чувству родительской привязанности, которая, простираясь одинаково на сыновей и дочерей, требовала, чтоб и последние не исключались из наследства и, выходя из рода, брали свою часть, которая давала им возможность лучшего существования в чужом роде; отсюда происхождение приданого; в городах близость поддерживала тесные родственные отношения между родами, вошедшими в связь посредством брака своих членов; привязанность отца к дочери поддерживалась частыми свиданиями, отец получал возможность наблюдать за поведением новых родных относительно дочери, за ее выгодами; дочь не выходила из рода, но распространяла род, привязывая к своему старому роду еще новый род мужа; произошло явление, которое увидим после в отношениях между князьями Рюриковичами и которое, без сомнения, имело место и в других родах, а именно: *племя* дочери, сестры стало сравниваться с племенем сына, брата, свойственники вошли в отношения родственников; так, *сестричич,* сын сестры, хотя бы принадлежал к враждебному роду, считался своим; так, муж старшей сестры считался старшим братом относительно младших шурьев, старший шурин — относительно младших зятьев. Уже замечено было, что вено, или плата за невесту, была в тесной связи с похищением: если девушка, сговорясь на игрище с чужанином, убегала с ним в чужой род, то тем самым, разумеется, разрывала всякую связь с покинутым ею родом, не имела права надеяться чего-нибудь

получить от него, и прежние родичи заботились только о том, чтоб получить за нее плату, чтоб она не пропала для рода даром; но если девушка оставляла род с согласия его, с согласия старшины, отца, то ясно, что последний обязан был заботиться о ее благосостоянии, как о благосостоянии каждого другого члена рода, обязан был наделить ее всем нужным, вследствие чего *вено,* прежняя цена за вывод девушки из рода, у некоторых славянских племен потеряла свое значение: вено вместе с приданым начало обращаться в собственность жены [63]. Но у наших славян, как видно, вено, не теряя вполне своего значения, перешло в подарки от жениха родным невесты, а самое слово начало означать вообще брачные условия, брачную запись [64]. Заметим опять, что вено как цена за выведенную из рода девушку находится в тесной связи с похищением, а приданое — с выдачею замуж при согласии родственников невесты, и что первый обычай должен был господствовать у народонаселения, которое жило отдельными родами, а второй — должен был произойти в городах, где на одном месте жило несколько родов [65].

Многоженство у всех племен славянских есть явление несомненное; наш летописец говорит о восточных славянах, что они брали по две и по три жены; обычай многоженства сохранялся и долго после введения христианства [66]. Что касается положения славянской женщины, то девушки, как видно, пользовались полною свободою: летописец говорит, что они сходились с молодыми людьми чужих родов на игрищах, имели возможность совещаться с ними для бегства. Что же касается до положения жены, то, разумеется, при условиях того быта, который мы застаем у языческих славян, мы не имеем права ожидать большого уважения слабейшему полу от сильнейшего; разумеется, мы не должны искать у языческих славян того тонкого уважения к женщине, которое дается только христианским взглядом на отношения двух полов и которое летописец называет стыденьем [67]; отсутствие этого стыденья и ведет необходимо к многоженству. Но при этом у народа первобытного, разумеется, мы не встретим никаких определений, которые осуждали бы женщину на вечное унижение и ничтожество, которые не позволяли бы ей выказывать свою силу умственную, иногда и физическую, приобретать посредством этой силы уважение и влияние.

Иностранные писатели удивляются привязанности славянских женщин к мужьям, за которыми они следовали даже в могилу. Если женщина выходила замуж в чужой род, то при строгом и ревнивом надзоре новых родичей муж был единственным существом, от которого она ждала и любви и покровительства; умирал муж — положение жены, лишившейся единственной подпоры, единственного звена, соединявшего ее с чужою семьею, становилось горько. Но при этом очень

вероятно также, что у славян, так как и у германцев, было верование, что мужчина легче достигает блаженства в будущей жизни, если приходит туда в сопровождении женщины [68]. Впрочем, справедливо замечают, что этот обычай не был вкоренен между славянами [69].

После брачного обычая, в котором резче всего выражаются нравственные понятия народа, для летописца, христианского монаха, был всего важнее обычай погребения, в котором выражаются обыкновенно понятия народа о загробной жизни, и потому в летописи читаем описание этого обычая. Радимичи, вятичи, северяне и кривичи совершали тризну над покойником, потом сожигали труп, кости собирали в небольшой сосуд, который ставили на столбе при дороге. В чем состоял погребальный обычай у полян во времена язычества, об этом летописец молчит и тем дает знать, что обычай полян был одинаков с обычаем других племен; употребление тризны у полян видно из того, что св. Ольга, жившая в Киеве, среди этого племени, запретила совершать по себе тризну. Под именем тризны разумелись, как видно, вообще поминки и потом преимущественно борьба в честь умершего [70]; с поминками соединялся веселый, пьяный пир [71], также резание и царапание лица в знак печали [72]. Одновременно с обычаем сожигания и ставления урн с пеплом на придорожных столбах существовал и обычай погребения в могилах, которые сыпали холмами [73].

Иностранные писатели говорят, что славяне жили в дрянных избах, находящихся в далеком расстоянии друг от друга, и часто переменяли место жительства. Такая непрочность и частая перемена жилищ была следствием беспрерывной опасности, которая грозила славянам и от своих родовых усобиц, и от нашествий чуждых народов. Вот почему славяне вели тот образ жизни, о котором говорит Маврикий: «У них недоступные жилища в лесах, при реках, болотах и озерах; в домах своих они устраивают многие выходы на всякий опасный случай; необходимые вещи скрывают под землею, не имея ничего лишнего наружи, но живя, как разбойники». Одинакая причина, действовавшая долгое время, производила одинакие следствия, жизнь в беспрестанном ожидании вражьих нападений продолжалась для восточных славян и тогда, когда они уже находились под державою князей Рюрикова дома; печенеги и половцы сменили авар, козар и других варваров, усобицы княжеские сменили усобицы родов, восставших друг на друга, след[овательно], не могла исчезнуть и привычка переменять места, бегая от неприятеля; вот почему киевляне говорят Ярославичам, что если князья не защитят их от гнева старшего своего брата, то они покинут Киев и уйдут в Грецию. Половцев сменили татары, княжеские междоусобия продолжались на севере; как скоро начнутся княжеские усобицы, народ покидает

свои жилища, а с прекращением усобиц возвращается назад; на юге беспрестанные набеги усиливают козачество, и после на севере разбрестися розно от какого бы то ни было насилия и тяжести было нипочем для жителей; при этом должно прибавить, что природа страны сильно благоприятствовала таким переселениям. Привычка довольствоваться малым и всегда быть готову покинуть жилище, поддерживала в славянине отвращение к чуждому игу, о чем заметил Маврикий. Родовой быт, условливавший разъединение, вражду и, следовательно, слабость между славянами, условливал необходимо и образ ведения войны: не имея одного общего начальника и враждуя друг с другом, славяне уклонялись от сколько-нибудь правильных сражений, где бы должны были биться соединенными силами на местах ровных и открытых. Они любили сражаться с врагами в местах узких, непроходимых, если нападали, то нападали набегом, внезапно, хитростию, любили сражаться в лесах, куда заманивали неприятеля бегством, и потом, возвратившись, наносили ему поражение. Вот почему император Маврикий советует нападать на славян зимою, когда им неудобно скрываться за обнаженными деревьями, снег препятствует движению бегущих, да и съестных припасов у них тогда мало. Особенно отличались славяне искусством плавать и скрываться в реках, где могли оставаться гораздо долее, чем люди другого племени, они держались под водою, лежа на спине и держа во рту выдолбленный тростник, которого верхушка выходила на поверхность реки и таким образом проводила воздух скрытому пловцу. Вооружение славян состояло в двух малых копьях, некоторые имели и щиты, твердые и очень тяжелые, употребляли также деревянные луки и маленькие стрелы, намазанные ядом, очень действительным, если искусный врач не подаст скорой помощи раненому. У Прокопия читаем, что славяне, вступая в битву, не надевали лат, на некоторых не бывало даже ни плаща, ни рубашки, одни только порты; вообще Прокопий не хвалит славян за опрятность, говорит, что, подобно массагетам, они покрыты грязью и всякою нечистотою. Как все народы, в простоте быта живущие, славяне были здоровы, крепки, легко сносили холод и жар, недостаток в одежде и пище. О наружности древних славян современники говорят, что они все похожи друг на друга, высоки ростом, статны, кожа у них не совершенно бела, волосы длинные, темнорусы, лицо красноватое.

Религия восточных славян поразительно сходна с первоначальною религиею арийских племен: она состояла в поклонении физическим божествам, явлениям природы и душам усопших, родовым, домашним гениям; следов героического элемента, так сильно развивающего антропоморфизм, мы не замечаем у наших славян: знак, что между ними не образовывались завоевательные дружины под начальством

вождей-героев, и что переселения их совершались в родовой, а не в дружинной форме. Основываясь на определенных указаниях современников, мы находим у наших славян при поклонении многим различным явлениям природы под разными именами божеств поклонение одному верховному божеству, к которому остальные находились в подчиненном отношении; это верховное божество, по свидетельству одного из древнейших писателей о славянах, Прокопия, было божеством молнии, которое наш летописец называет Перуном. Явление грозы, молнии есть самое поразительное из явлений природы; немудрено, что первобытный человек дал ему первое место между всеми другими явлениями; он не мог не заметить благотворного влияния грозы на жизнь природы; не мог не заметить, что свет молнии независимо во всякое время обнаруживает свое могущество, тогда как напр[имер] действия солнца ограничены, подвержены известному закону, могут обнаруживаться, только в известное время, уступая владычество другому, противоположному и, следовательно, враждебному, началу — мраку; солнце затмевалось, погибало в глазах первобытного человека; молния никогда в глазах его не теряла своего могущества, не побеждалась другим началом: свет молнии сопровождается обыкновенно живительным для природы дождем — отсюда необходимое представление, что Перун ниспосылает дождь жаждущей природе, которая без того погибла бы от жгучих лучей солнца: таким образом, молния являлась для язычника силою производящею, с характером божества высшего, действующего, правящего по преимуществу, умеряющего, исправляющего вред, наносимый другими божествами, тогда как солнце, например, и для поклоняющегося ему язычника являлось чем-то страдательным, не имеющим распорядительной силы в природе, подчиненным. Наконец, значение верховного божества-правителя молния получала в глазах язычника по причине своей страшной карательной силы, действующей быстро и непосредственно.

Имеем право думать, что Перун у языческих славян носил еще другое название — Сварога [74]. Верховное божество Сварог-Перун порождало двоих сыновей, двух Сварожичей: солнце и огонь [75]. Поклонение солнцу, как видно, было сильно распространено между славянами; в «Слове о полку Игореву» русские называются внуками Дажбога, если так, то к нему имеем право относить известные воззвания в наших песнях: Дид (дед) Ладо; последнее название, означающее свет, красоту, мир, любовь, радость, всего приличнее может относиться к солнцу [76]; другой припев: Люль, Лель означает также деда [77]. Кроме названий Ладо и Дажбога, к солнцу же не без основания относят имена Хорса [78], Сура, или Тура, Волоса [79]. Вместе с солнцем обоготворялись месяц и звезды, находившиеся к солнцу, как видно, в родственных отношениях; обоготворялись также вода и воздух [80].

Если славяне поклонялись явлениям природы, то легко догадаться, при каких случаях, в какое время года будут они торжествовать свои религиозные праздники. Так напр[имер], они праздновали в конце декабря, когда солнце начинает брать силу, дни начинают прибывать; этот праздник, совпадающий теперь с праздником рождества Христова, носит преимущественно название Коляды; существенный обряд праздника состоит в хождении славить (божество) и сбирать подаяние; как видно, во времена языческие приношения собирались для общей жертвы [81]. В некоторых местах Коляда известна под названием Авсеня, или Таусеня, что можно принимать измененным Ясень — также, по всем вероятностям, имя солнца [82]. Второй праздник торжествовался в начале весны, но так как это время приходит в великий пост, то по принятии христианства празднование перенесено на конец рождественского мясоеда и отчасти на Светлое воскресенье. Итак, масленица есть языческий весенний праздник [83]. Встреча весны и проводы зимы празднуются у всех славянских народов почти с одинакими обрядами: употребляется заклинание весны с разными приветами; в Малороссии и у западных славян зима или смерть олицетворяются в образе женщины под именем Мары, Мараны, Марены, чучелу которой сожигают. Весну встречают обыкновенно на Красной горке. Тут начинаются хороводы, или короводы, религиозное значение которых и отношение к солнцу не подлежит сомнению. Время воскресенья всей природы и усиления желаний считалось самым приличным временем для заключения брачных союзов и для поздравления молодых супругов: это поздравление известно под именем вьюнитства [84].

Третий праздник имеет место 23 июня и известен под именем Ивана Купалы, потому что происходит на Иванов день. Этот праздник, как и два упомянутые выше, есть общий не только всем славянским, но и многим чужеплеменным народам [85]. Хотя по обрядам праздника можно догадываться, что он относился к трем стихийным божествам — обоим Сварожичам, солнцу и огню, и воде, однако можно относить его и к одному солнцу. Естественно, могло произойти верование, что солнце, дающее силу растениям, особенно дает ее, когда само достигает высшей силы; это верование должно было повести к обычаю собирать травы в летний праздник солнца и приписывать им чудодейственную силу. С другой стороны, солнце, производя сильное влияние на все существующее, должно было производить его и на воду; отсюда вера в целительность купанья во время летнего солнцестояния независимо уже от естественного обычая обмыться ночью, чтоб встретить в чистоте восходящее светило. Наконец, зажигание костров было необходимо для всякого ночного собрания, ночных игр, было необходимо также и для жертвоприношений; прыгание

же чрез зажженные костры имело значение очищения. Вот почему ночь на Иванов день сопровождается: 1) собиранием трав, 2) купанием, 3) зажиганием костров и прыганием чрез них. Естественно также, и потому обще не одним только славянским народам, принесение в жертву, сожжение белого петуха — птицы, приветствующей рассвет, угодной солнцу. Ночь Купалы исполнена по мнению простолюдинов чародейных явлений: рыбаки уверяют, что поверхность реки бывает тогда подернута серебристым блеском; деревья переходят с места на место и шумом ветвей разговаривают между собою; утверждают еще, что кто имеет при себе папоротник, тот может понимать язык каждого творения, может видеть, как расходятся дубы и составляют свою беседу, может слышать, как разговаривают они про богатырские свои подвиги. В Иванов день солнце выезжает из своего чертога на трех конях, серебряном, золотом и бриллиантовом, навстречу своему супругу — месяцу; в проезд свой оно пляшет и рассыпает по небу огненные искры [86]. И в летний праздник повторяется обряд истребления чучелы Мары — холода, смерти: ее топят в воде [87]. Солнце, дающее жизнь и рост всему существующему, должно было являться силою, возбуждающею естественные желания, — отсюда празднество Купалы было соединено с празднеством Ярилы [88]. В некоторых местах и в позднейшие времена праздник Ярилы совершался 24 июня, но, вероятно, сопротивление церкви содействовало тому, что празднование его во время поста отменено было в большей части мест и перенесено на заговенье, на день всех святых, или на Троицын день, или на разговенье — на другой день праздника Петра и Павла. Так как в древности праздник Ярилы, по всем вероятностям, совпадал с праздником Купалы, то во время его-то преимущественно и должны были происходить те явления, против которых так вооружается летописец и позднейшее духовенство: здесь, вероятно, происходило и умыкивание девиц [89].

Рассмотрев поклонения стихийным божествам, теперь обратимся к другой половине славянской мифологии, именно к поклонению гениям и душам усопших. При вере в загробную жизнь естественно было придти к тому мнению, что душа умершего родоначальника и по смерти блюдет за благосостоянием рода — отсюда происхождение духов-покровителей для целого рода и каждого родича — *рода и рожаниц* [90]. Что под именем рода разумелась душа умершего родоначальника, доказывает, во-первых, связь рода с упырем, а, во-вторых, известие, что под именем рода после разумели дух, привидение, которым стращали детей, характер же привидения обыкновенно принимают души умерших и божества, тесно с ними связанные [91]. В значении рода божества-покровителя являются щур, дед, прадед, что ясно из употребительного *пращур;* щур предполагает форму *чур,* под которым именем соб-

ственно и известно божество, охраняющее род, дом. Это божество призывается и теперь бессознательно в опасностях, особенно когда простолюдин думает, что он подвержен злобе духов: «Чур меня! Чур меня!» говорит он тогда. Можно положить, что чур и род одно и то же; можно думать также, что с упадком родового быта и с усилением христианства на счет язычества чур, или род, перешел в домового [92].

Младенчествующий народ не мог понимать духовного существования за гробом и представлял души праотцов доступными для всех ощущений этого белого света; думали, что зима есть время ночи, мрака для душ усопших, но как скоро весна начинает сменять зиму, то прекращается и ночной путь для душ, которые поднимаются к небесному свету, восстают к новой жизни. Это мнение, естественно, проистекало из поклонения природным божествам, солнцу, луне и проч., которых влияние должно было простираться на весь мир, видимый и невидимый [93]. В первый праздник новорожденного солнца, в первую зимнюю Коляду, мертвые уже вставали из гробов и устрашали живых — отсюда и теперь время святок считается временем странствования духов. Масленица, весенний праздник солнца, есть вместе и поминовенная неделя, на что прямо указывает употребление блинов, поминовенного кушанья [94]. С древней масленицы, т. е. с начала весны, живые здороваются с усопшими, посещают их могилы, и праздник *Красной горки* соединяется с *Радуницею,* праздником света, солнца для умерших [95]; думают, что души покойников встают тогда во время поминовения из темниц (гробов) и разделяют поминовенную пищу вместе с принесшими [96].

В непосредственной связи с верованием, что весною души умерших встают для наслаждения новою жизнию природы, находится праздник русалок или русальная неделя. Русалки вовсе не суть речные или какие бы то ни было нимфы; имя их не происходит от русла, но от *русый* (светлый, ясный) [97]; русалки суть не иное что как души умерших, выходящие весною насладиться оживленною природою. Народ теперь верит, что русалки суть души младенцев, умерших без крещения [98], но когда все славяне умирали без крещения, то души их всех должны были становиться русалками? Русалки появляются с Страстного четверга (когда в старину, по Стоглаву, по-рану солому палили и *кликали мертвых),* как только покроются луга весеннею водою, распустятся вербы. Если они и представляются прекрасными, то всегда, однако, носят на себе отпечаток безжизненности, бледности. Огни, выходящие из могил, суть огни русалок, они бегают по полям приговаривая: «Бух! бух! соломенный дух. Мене мати породила, некрещену положила». Русалки до Троицына дня живут в водах, на берега выходят только поиграть. У всех языческих народов путь водный считался проводником в подземное царство и из него

назад, поэтому и русалки являются из воды, живут сперва в реках и показываются при колодцах [99]. С Троицына дня до Петрова поста русалки живут на земле, в лесах, на деревьях — любимом пребывании душ по смерти [100]. Русальные игры суть игры в честь мертвых, на что указывает переряживание, маски — обряд, который не у одних славян был необходим при празднике теням умерших; человеку свойственно представлять себе мертвеца чем-то страшным, безобразным, свойственно думать, что особенно души злых людей превращаются в страшные безобразные существа для того, чтобы пугать и делать зло живым. Отсюда естественный переход к верованию в переселение душ и в оборотней; если душа по смерти может принимать различные образы, то силою чародейства она может на время оставлять тело и принимать ту или другую форму [101]. Есть известие [102], что у чехов на перекрестках совершались игрища в честь мертвых с переряжанием. Это известие объясняется обычаем наших восточных славян, которые, по летописи, ставили сосуды с прахом мертвецов на распутиях, перекрестках; отсюда до сих пор в народе суеверный страх перед перекрестками, мнение, что здесь собирается нечистая сила.

У русских славян главным праздником русалок был Семик, велик день русалок; в это время, при конце весны, совершались проводы последних [103]. Конец русальной недели, Троицын день, был окончательным праздником русалок, в этот день русалки уже падают с деревьев, перестает для них пора весенних наслаждений [104]. В первый понедельник Петрова поста бывало в некоторых местах игрище — провожанье русалок в могилы [105]. В тесной связи с русалками находятся водяные дедушки, лешие, кикиморы и проч. Мертвецы были известны еще под именем *навья* и представлялись в виде существ малорослых, карликов (людки) [106].

Вот главные первоначальные черты верований восточных славян. С течением времени эти первоначальные черты могли искажаться: одно и то же божество у различных племен носило разные названия; после, при сближении племен, различные названия могли явиться уже различными божествами. Фантазия стремится олицетворять и обожать явления природы, которые первоначально являются произведением главной силы; естественно, олицетворялись весна и зима, жизнь и смерть природы, — одна под образом прекрасной девы, другая — безобразной старухи и т. п. Стихийные божества первоначально не имеют пола и потому после легко меняют его; солнце могло быть легко и мужеского и женского пола, мужем и женою месяца, так было не у одних славян [107]. Но главными исказителями первоначальной религии народа являются всегда и везде жрецы и художники; вот почему у наших восточных славян, у которых не было класса жрецов и не был распространен обычай изображать божества в кумирах, религия сохранилась в

гораздо большей простоте, чем у западных славян, у которых городская жизнь и сильное чуждое влияние повели и к образованию жреческого класса, и к распространению храмов и кумиров. Летописи молчат о существовании храмов и жрецов у наших восточных славян [108]; нельзя предположить, что, если б храмы существовали, то летописцы умолчали б о их разрушении или превращении в церкви при рассказе о введении христианства и ниспровержении идолов [109] Летописи молчат также и о жрецах; князь ставит идолов, князь приносит жертвы, толпа требует человеческой крови для богов, о жрецах ни слова; князь переменяет веру, все люди делают то же, и жрецы не только не противятся, но о них нет даже и помину. Эта неразвитость общественного богослужения, отсутствие храмов и жрецов не должны нисколько поражать нас — все это необходимо при том быте, в котором жили славяне, в каждом роде старший был вместе и жрецом, он приносил жертвы, он гадал о будущем [110].

Но если не было храмов, то где же и как приносились жертвы старшинами родов? Природными жертвенниками, алтарями для младенчествующих народов служили горы, скалы, камни огромной величины. Наша природа скупа на возвышенности и камни, зато щедра на естественные капища (шатры, навесы) — многоветвистые деревья: под ними-то преимущественно совершались религиозные обряды, приносились жертвы; дерево (по преимуществу дуб), выбранное для этого, освящалось и становилось само предметом благоговейного уважения, как местопребывание богов, куда они стекались для принятия жертв. Обычай приносить жертвы под деревьями мог произойти и от того, что первоначально жертва назначалась для душ умерших, а души умерших, по всеобщему верованию, обитали в лесах, на деревьях, преимущественно на дубах [111]. Кроме деревьев, жертвы приносились также у воды [112]. Славяне смотрели на жертву именно как на трапезу, поставляемую богам [113]; и по введении христианства жертвы продолжались постарому, в домашнем кругу, предлагались душам усопших родичей и рожаницам [114], и опять в смысле трапезы, покорма. Есть известие, что у русских славян были также в обычае человеческие жертвы, которые у народов были большею частию умилостивительные: при каких-нибудь общественных бедствиях думали, что божество гневается за чьи-нибудь грехи, и потому искали преступника, которого и приносили в умилостивительную жертву; потом приносили обыкновенно в жертву богам пленников по господствовавшему мнению, что побежденный есть грешник, разгневавший божество [115].

Если у восточных славян не было жреческого класса, зато были волхвы [116], гадатели, кудесники, ведуны, ведьмы. О волхвах славянских мы знаем очень мало, но нет сомнения, что они имеют тесную связь с волхвами финскими по близкому

соседству и союзничеству этих двух народов, тем более, что после, по принятии христианства, волхвы преимущественно являются на финском севере и оттуда мутят славянское народонаселение. Финское племя искони отличалось наклонностию к волшебству, искони славилось им: у финнов преимущественно было развито учение о злых божествах, о злых духах и о сообщении с ними [117].

История застает финское племя на крайнем севере; очень вероятно, что Геродотовы андрофаги, меланхлены и фиссагеты принадлежали к этому племени [118]. Немецкое название чудского племени — финны впервые встречаем у Тацита [119]; Птолемей упоминает также о финнах [120]; у Иорнанда в искаженных именах народов, покоренных готским королем Германарихом, можно узнать чудь, весь, мерю, мордву, черемису, и, быть может, даже пермь [121]. Начальный летописец русский знает следующие финские народы, жившие в его время в полунощных странах и платившие дань Руси чудь, меря, весь, мурома, черемись, мордва, пермь, печора, ямь. Общеплеменное название финны есть название немецкое, чудь — славянское, суомалайн — своенародное. Финн на немецком языке означает жителя болотной, влажной низменности; то же означают и финские названия разных племен, напр[имер] емь или ям (Häm) значит *мокрый, водяной*; весь объясняется из финского Vesi — вода. И теперь финские имена местностей встречаются преимущественно на болотистых пространствах [122]. Наш летописец указывает нам финские племена преимущественно около озер; в половине IX века южные границы финского племени с славянским можно положить в области Москвы-реки, где финны должны были сталкиваться с славянским племенем вятичей, селения последних мы имеем право продолжить до реки Лопасни, потому что, как видно, все вятичи принадлежали к Черниговскому княжеству, а город Лопасня был пограничным городом этого княжества с Суздальским. Селения вятичей должны были уже соприкасаться с селениями финских племен, потому что в Бронницком уезде Московской губернии находим реку Мерскую или Нерскую, которая именем своим ясно показывает, что протекала чрез старинную землю мери.

Если не самые древние, то по крайней мере одни из древнейших обитателей Русской государственной области, финны имели незавидную участь: с трех сторон теснили их народы славянского, германского и турецкого племени; мы видим, как у нас финны постоянно уступают пред славянами, подчиняются влиянию их народности, приравниваются к ним; причину такого явления из внешних обстоятельств объяснить нетрудно. Сначала мы видим, что племена славянские и финские живут на равной ноге; финны вместе с славянами призывают князей — нарядников, но старший и скоро един-

ственный князь утверждает свой стол среди племени славянского; потом мы видим движение князей к югу, по великому водному пути до самого Черного моря; стол княжеский утверждается в Киеве, основы нового государства полагаются преимущественно к югу от Новгорода, по обеим сторонам Днепра, но живущее здесь народонаселение принадлежит сплошь к племени славянскому. Славянские племена соединяются под одною властию, чрез это единство приобретают силу материальную, а потом и начатки образованности христианской, и таким образом получают над финскими племенами материальное и духовное преимущество, пред которым те и должны были преклониться. Можно сказать только одно, что славянское племя воспиталось при более благоприятных природных обстоятельствах и, уже окрепнув на юго-западе, явилось среди финнов на северо-востоке. По нашему летописцу видно, что финны имели города, подобно славянам, подобно последним терпели от родовых усобиц по изгнании варягов, вследствие чего вместе с ними и призвали князей; в скандинавских преданиях финны являются искусными кузнецами, финские мечи славятся на севере[123]. От этих оседлых промышленных финнов, соседивших с славянами и союзных с ними, должно отличать северных их соплеменников, лапонцев, которых, как видно, суровая природа остановила на низшей ступени человеческого развития, и теперь в характере собственных финнов и лапонцев замечается такое же различие, как между мужеством и детством. Бесспорно, последних разумеет Тацит, когда описывает образ жизни финнов[124], когда говорит об их изумительной дикости, гнусной скудости: нет у них ни оружия, ни лошадей, ни домов; пища у них — трава, одежда — кожи, ложе — земля; вся надежда их в стрелах, которые по недостатку железа заостриваются костями; охота питает мужей и жен. Детям нет другого убежища от зверей и непогоды, кроме шатров, кое-как сплетенных из древесных ветвей — сюда возвращаются с охоты молодые, здесь отдыхают старики. Но вести такой образ жизни, продолжает Тацит, они считают блаженнее, чем трудиться на поле, строить дома, с надеждою и страхом смотреть на свои и чужие имущества. Безопасные от людей, безопасные от богов, они достигли самого трудного — отсутствия желаний. Здесь нельзя не обратить внимания на слова Тацита о том, что финны считают себя блаженными и достигли самого трудного — отсутствия желаний; эти слова объясняют нам происхождение сказки о блаженных гипербореях: мыслители древних образованных народов, утомившись волнениями жизни, проистекавшими от ничем неудовлетворимых страстей человека-язычника, любили с завистью останавливаться на диких народах, у которых почти нет никаких желаний, которые не могут ни много приобретать, ни много

терять и потому не подвержены мучительным колебаниям между страхом и надеждою, не боятся ни людей, ни богов; у Геродота боги завидуют человеческому благополучию и потому не допускают ему продолжаться.

В жалком виде представляется нам быт финских племен, живущих к югу от Финского залива; слабости духовной у этих племен соответствует слабость тела, соединенная, однако, с высшею степенью нечувствительности ко внешним впечатлениям; ни один из европейских народов не обнаруживает так мало духовного напряжения, не является так забитым; эстонец, напр[имер], отличается резко от своих соседей — русских и латышей тем, что вовсе не поет, пляска ему почти неизвестна. Неблагоприятные исторические обстоятельства, могшие иметь вредное влияние на развитие этого племени, нам известны, но сколько сама природа племени содействовала этим обстоятельствам, решить трудно [125].

В тесной связи с славянскими племенами на западе находилось племя литовское, игравшее важную роль в нашей истории и потом вошедшее в состав Русского государства. К литовскому племени принадлежали древние пруссы, голяды, судены, корсь и нынешние литовцы и латыши [126]. Из многих исследований о литовском племени и языке, о сродстве их с соседними племенами и языками, оказывается достоверным только то, что славяне и литовцы из всех индоевропейских племен суть самые ближайшие друг к другу, и что литовское племя с незапамятных пор обитало в настоящих своих жилищах. Это давнее и постоянное пребывание на одних местах, уединение, которым литовское племя было обязано природе своей страны, непривлекательной и с трудом доступной, дали ему возможность развить свою особую религиозную систему и строго подчинить ей свой быт. Этим литовское племя отличается от родственных племен — славянского и германского, которые история застает в движении, в беспрестанном столкновении с чуждыми народами и государствами, что препятствовало им утвердить свой религиозный быт на прочных основах, а когда получили они к тому возможность, то уже подверглись влиянию образованнейших народов и должны были принять другую, высшую религию. Германское племя только в отдаленной Скандинавии, славянское только на берегах Балтийского моря могли выработать для себя более или менее прочные формы религиозного быта, чем и объясняется упорное сопротивление, встреченное здесь христианством.

У литовского племени подле князей мы видим жрецов с обширным влиянием и кругом деятельности; князь (Rikgs) ведал военные дела, все что относилось к внешней защите страны и к сохранению внутренней безопасности; верховный жрец (Криве) заведовал не только делами богослужебными,

но и судебными, был верховным судьею и нарядником. Уставы, обычаи литовского племени, сходные в главном с уставами и обычаями других соседних племен, славянских и германских, разнятся от последних тем, что проникнуты религиозным началом, истекают из него: так, напр[имер], мы видим, что у литовцев, точно так как у германцев, отец семейства имел право убивать своих больных или увечных детей, но у литовцев этот обычай освящен был религиозным основанием: «потому что слуги литовских богов должны не стенать, но смеяться, потому что бедствие человеческое причиняет скорбь богам и людям». На том же основании дети имели право умерщвлять престарелых и больных родителей; человеческие жертвы дозволялись и оправдывались: «Кто в здоровом теле захочет принесть в жертву богам себя или своего ребенка, или домочадца, тот может сделать это беспрепятственно, потому что, освященные через огонь и блаженные, будут они веселиться вместе с богами». Большая часть верховных жрецов оканчивали свою жизнь добровольным сожжением для умилостивления гнева богов; эти литовские воззрения или, лучше сказать, воззрения, общие всем соседним племенам, но сохранившиеся у литовцев в большей определенности и связи, имели влияние на германский обычай приносить в жертву князей во время общественных бедствий; уже в христианские времена был обычай у германских и славянских племен обвинять князей и церковные власти в общественных бедствиях. Женщины также страдали в подобных обстоятельствах: литовцы прежде всего отделывались от них во время голода, а финны при своей наклонности к суеверию приписывали чародейству женщин непосредственное участие в произведении последнего [127]. Если женатый человек будет уличен в связи с девицею, то его должно отдать псам на съедение, потому что он наругался над богами, живущими в состоянии супружества и девства. Безбрачие было необходимым условием для Криве и для всех подчиненных ему жрецов; женщина была, видимо, унижена, исключена из сообщества с мужчинами [128].

Из литовских племен очень рано вошли в состав русских владений голяди или голядь, жившие по рекам Протве и Угре, замешанные среди племен славянских — радимичей, вятичей и новгородцев. Каким же образом часть литовского племени голядей попала так далеко на восток? Простирались ли так далеко древнейшие жилища литовского племени, перерезанные после движением славян с юга или голяди явились на Протве и Угре вследствие движения с запада, точно так, как тем же путем явились славянские лехитские племена радимичей и вятичей? Быть может, даже переселение голядей на восток находилось в связи с означенным переселением радимичей и вятичей, с другой стороны, природа

страны голядов и некоторые исторические данные делают вероятным переселение части этого племени на восток вследствие недостатка жизненных средств; Галиндия находилась к северу от Мазовии[129], была наполнена множеством вод, густых лесов и пущей; рассказывают, что в одно время народонаселение Галиндии так умножилось вследствие долгого мира, что средств к жизни стало недоставать, в таких обстоятельствах старшины определили, чтоб в продолжение известного времени все младенцы женского пола были умерщвляемы[130]. Понятно, что ни одно из приведенных предположений не может быть принято преимущественно перед другим, но все они, вместе взятые, достаточны для убеждения в том, что наши голяди были родственны жителям литовской Галиндии.

Кроме Литвы, в наших летописях встречаем еще народ, с которым Русь также очень рано входит в неприязненные столкновения и которого страна после вошла в состав империи — это загадочный народ ятвягов. Ятвяги жили, во-первых, в западной части Полесья, потом — во всем Подляшье, в части Мазовии, находившейся между речкой Валпушей, впадающей в Нарву, и Бугом; наконец, в древней Судавии[131]. О происхождении ятвягов древние писатели разногласят: одни говорят, что ятвяги языком, религиею и нравами были схожи с литвою, пруссами и самогитами, другие же, что ятвяги совершенно отличались языком от славян и литвы. Новейшие исследователи признают их потомками язигов сарматских[132], но без положительно ясных доказательств. Каково бы ни было происхождение ятвягов, народ этот является в истории диким, разбойническим и очень долго сохраняет язычество. Веря в переселение душ, ятвяги в битвах не обращались в бегство и не давались в плен, но погибали вместе с женами; вели образ жизни полуоседлый, полукочевой. Указывают и теперь еще остатки ятвягов в Скидельском округе, на левой стороне реки Пелясы и Котры, они резко отделяются от белоруссов и литовцев смуглым видом, черным платьем, нравами и обычаями, хотя все уже говорят белорусским языком с литовским произношением. У белоруссов в Подляшье существует поговорка: «Смотрит ятвягом (выгляда як ядвинга)» в значении: смотрит разбойником.

Таковы были ближайшие соседи славян в восточных жилищах их. Первое сколько-нибудь верное известие о судьбе этих народов мы встречаем не ранее IV века по р. х., когда они вошли во враждебные столкновения с готами. Во II или начале III века по р. х. замечается движение скандинаво-германских дружин под именем готов от берегов Балтийского моря к Черному; без сомнения, движение это совершалось по тому же водному пути, по которому после, в половине IX века, спускались дружины варяжские. Только на трех

кораблях, по преданию[133], явилась готская дружина на Балтийском море, но потом, вобравши в себя пришельцев из разных племен, своих и чужих, образовалась на берегах Понта в многочисленный народ, который не давал покоя областям Империи; в IV веке готский вождь Германарих положил было основание государству в таких же обширных размерах, в каких после явились владения Рюриковичей; владея тринадцатью племенами, между которыми легче других прочитываются имена чуди, веси, мери и мордвы, Германарих обратился против герулов; покорив последних, двинулся против венедов. Венеды, говорит готский историк[134], неопытные в военном деле, но сильные своей многочисленностию, вздумали было сначала сопротивляться, но принуждены были покориться Германариху, потому что множество народа ничего не значит на войне, прибавляет тот же историк. Эсты, жители берегов прибалтийских, подчинились также Германариху, но в то время, как его оружие было так счастливо на западе, в юго-восточных степях собиралась гроза, долженствовавшая разрушить громадное государство готов при самом его рождении, — на берегах Дона явились гунны. Как после, в XIII веке, русские не знали, откуда пришла на них гроза татарская, так теперь готы не умели определить происхождения гуннов; только сказка говорила, что один из готских князей выгнал в степь злых волшебниц, которые совокупились там с нечистыми духами, и от этого-то совокупления произошли чудовищные гунны. Сначала жили они на восточных берегах Азовского моря, занимаясь охотою, потом, возросши в числе, устремились грабить соседние народы; лань показала им дорогу на противоположный берег моря; страх напал на разноименные варварские народы, здесь обитавшие; храбрые аланы не могли в битвах выносить ужасного вида гуннов, потому что, собственно говоря, у них не было лица, но вместо него безобразный кусок мяса, на котором вместо глаз виднелись какие-то пятна; безобразные в самой молодости, они старели без бород и жили, как дикие звери[135]: питались кореньями и полусырым мясом зверей, согревши его только немного под седлом; о домах не хотели знать, считали их могилами; с молодости привыкли переносить непогоду, голод и жажду; раз надевши платье, они не снимали его до тех пор, пока оно само не свалится с них лоскутьями; безобразная обувь мешала им ходить; они вечно сидели на своих маленьких, но крепких лошадях, на седлах отправляли все дела, ели, пили, спали, торговали, рассуждали. Никто из них никогда не принимался за плуг; военнопленные должны были обрабатывать землю и пасти стада. Не было у них ничего постоянного: ни жилища, ни закона, ни обычая; коварство их, гнев, жадность не сдерживались никакой религиею, ни даже суеверием. Жены их жили на телегах, где

ткали грубый холст, родили и воспитывали детей; в битвах принимали участие вместе с мужьями; многоженство было у них в обычае.

Поразивши аланов, гунны ударили на готов: знаменитый Германарих умер на 110 году своей жизни; новорожденное государство, не успевши нисколько сплотиться, окрепнуть, не могло вынести натиска гуннов и распалось; часть готов была откинута на юго-запад, другая принуждена была примкнуть к полкам гунским; в каком отношении находились гунны к племенам славянским, определить нельзя; сохранилось только одно известие об отношениях славян к готам и гуннам: готский князь Винитар, тяготясь господством гуннов, старался мало-помалу от них освобождаться и, желая показать свою храбрость, напал на антов; в первой стычке он был разбит, но потом поправил свои дела, взял верх над антами и, чтоб задать им страху, велел распять на кресте предводителя их Бокса (Box, Booz, Boz) с сыновьями и семьюдесятью другими старшинами [136]. Но гунский князь Баламбер недолго позволил Винитару пользоваться независимостию: он пошел на него войною и в битве сам застрелил его из лука. Бесспорно, что славянские племена должны были платить дань гуннам, как после платили ее козарам; как видно, также гунны, раскинув во времена Аттилы стан свой в Паннонии, среди славян, переняли от последних некоторые обычаи. Верно только то, что после гунского нашествия южные страны нынешней России опять отуманились для истории, как во времена скифов и сарматов; имена Скифии и Сарматии сменились именем Гуннии; славяне у соседних народов прослыли гуннами. Могущество последних рушилось по смерти Аттилы (453 г.); подчиненные прежде им народы выделились опять из сплошвой массы, но прошло не более столетия, как азиатские степи выслали новые толпы варваров одинакового происхождения с гуннами, — то были авары. Авары, жившие прежде на Волге и Каспийском море, в 565 году перешли Дон и стали угнетать славян; известия об аварских угнетениях сохранились в славянских преданиях и занесены в летопись: авары (обры), по свидетельству последней, напали на славян, примучили дулебов и зверски поступали с их женами; когда нужно было ехать обрину, то он не велел запрягать в телегу ни коня, ни вола, но приказывал впрягать по три, по четыре или по пяти женщин. Были обры, продолжает летописец [137], телом велики и умом горды, и бог истребил их, все померли, не осталось ни одного; есть поговорка в Руси и теперь: «погибли, как обры». У византийцев слыли они самым разумным из скифских народов, но вместе и самым лживым, коварным [138]. Западные славяне, чехи, испытали также аварские притеснения. В половине VII века могущество их начинает упадать, в 796 году Карл Великий нанес им страшное пора-

жение в Паннонии; в 867 они почти все были истреблены болгарами, и остатки их, принимая мало-помалу христианство, исчезли в Венгрии и Болгарии. Когда освободились от авар наши юго-восточные славянские племена, — неизвестно, но в половине IX века мы застаем их платящими дань другому степному народу — козарам. Исследователи несогласны относительно происхождения козар; по всем вероятностям, это был народ, смешанный из разных племен, что было очень естественно на границах между Европою и Азиею, на перепутьи народов; смешанности племен в Козарском царстве соответствовало смешение религий: здесь уживались друг подле друга четыре религии — языческая, магометанская, христианская, еврейская, и последнюю исповедывал каган, верховный повелитель козаров — пример, единственный в истории [139]. Еще во II веке по р. х. армянские историки упоминают о козарах; византийцы хорошо знают их в VII веке под именем восточных турков; в этом веке они утверждаются на берегах Понта, в VIII — овладевают большею частию Тавриды; в какое время принуждены были им платить дань юго-восточные славянские племена, определить нельзя; летописец говорит только, что козары брали дань на полянах, северянах, радимичах и вятичах. Мы назвали козар степным народом, потому что хотя у них и были города, как например Итиль, при устье Волги, но большинство народонаселения жило в кибитках, немногие богатые имели глиняные мазанки, и только у кагана были высокие кирпичные хоромы. Летом город пустел: жители забирали имение и откочевывали в степь.

Но в то время как азиатцы, жившие на Дону и Волге, брали дань с племен славянских, живших преимущественно на восток от Днепра, племена, жившие от него к северу, платили дань варягам. Кто же были эти варяги? Здесь, прежде нежели приступим к разбору летописных свидетельств о варягах, считаем за нужное сказать несколько слов о географических понятиях летописца, во сколько они разнятся от наших. Разница состоит в том, что Балтийское, или Варяжское, море, по летописцу, находится не на северо-западе, но прямо на севере; это видно из описания речных течений: «Днепр бо потече из Оковьского леса и потечеть на полдне, а Двина из того же леса потечеть, а *идеть на полунощье,* и впадеть в море Варяжское; из того же леса потече Волга на Восток». Вследствие такого взгляда становится понятным, как варяги, приседя к морю Варяжскому, могут в то же время соприкасаться с востоком, пределом Симовым; Скандинавский полуостров мы должны положить поперек, Балтийское (Варяжское) море будет находиться прямо на север от русских владений, составлять одно с Немецким, это будет огромный рукав Атлантического океана, совершенно в виде Средизем-

ного моря, причем северный скандинавский берег Варяжского моря будет соответствовать европейскому берегу Средиземного, южный берег Варяжского — африканскому берегу Средиземного; след[овательно], Скандинавский перешеек, подобно Суецкому, должен находиться на востоке, около Уральских гор, соприкасаться с частию Симовою [140]. Кончив перечисление народов по византийцу Амартолу — симитов, хамитов и яфетитов, — русский летописец прибавляет от себя перечисление северных народов, которых не нашел у грека; также в Яфетовой части, говорит он, сидят: русь — здесь под этим именем летописец разумеет все славянские племена, находящиеся под властью русских князей, потом перечисляет чужие народы племени финского и латышского, которые в его время давали дань руси: чудь, меря, мурома, весь, мордва, заволоцкая чудь, пермь, печора, ямь, угра, литва, зимегола, корсь, сетгола, ливь. Дошедши в этом перечислении до берегов Балтийского моря, летописец переходит к независимым от Руси разноплеменным народам, обитавшим на берегах его, — ляхи, пруссы, чудь живут на берегах моря Варяжского, говорит он. Здесь он идет верно от запада к востоку или северо-востоку, разумея под прибрежными ляхами поморян, от них к востоку помещая пруссов, потом чудь, т. е. финские племена, живущие в нынешних остзейских провинциях, — Ингерманландии и Финляндии. Идя далее к северо-востоку, летописец, по своим понятиям, переходит на противоположный, северный, скандинавский берег Балтийского моря, и говорит, что по Варяжскому же морю сидят варяги — вот сюда к востоку, до предела Симова; по тому же морю сидят и к западу, до земли Английской и Волошской. Не останавливаясь здесь, летописец хочет перечислить все европейские народы, принадлежащие к племени Иафетову, и начинает так свое перечисление: варяги, свеи (шведы), урмане (норвежцы), готе (русь по некотор[ым] спис[кам]), агняне (англичане), галичане (быть может, жители Валлиса, Pays des Gals), волхва (вероятно, общее название романских народов), римляне, немцы, корлязи (быть может, французы, западные Каролинги, как думает Круг), веньдицы (венецианe), фрягове (кажется, в тесном смысле, генуезцы). Следовательно, кого же летописец разумеет под именем варягов? Ясно, что это имя у него есть общее: варяги живут по Балтийскому морю к востоку, до предела Симова, и к западу, по тому же морю живут до земли Английской — вот границы варягов! Мы знаем и летописец знает, что в этих пределах живут шведы, норвежцы, готы, летописец их именно и называет до англичан. Итак, варяги летописца суть скандинавы; если скажут, что летописец разумел также южный берег Балтийского моря, где жили и славяне, то он уже назвал их прежде — «Ляхове, Пруси и Чудь приседять морю

Варяжскому» и потом совершенно молчит об них при исчислении народов варяжских. Второе место летописи: послы от соединенных племен славянских и финских пошли за море к варягам-руси; эти варяги, прибавляет летописец, зовутся русь, точно так как другие варяги зовутся шведами, иные норвежцами, англичанами, готами [141].

На приведенных местах летописи [142] основывается мнение о скандинавском происхождении варягов-руси и основывается крепко; вот почему это мнение древнейшее, древнейшее в науке, древнейшее в народе [143]. Свидетельство русского летописца подтверждается свидетельствами иностранными: известием, находящимся в Бертинских летописях, что народ рос принадлежит к племени свеонов [144]; известием Лиутпранда, епископа кремонского о тождестве руссов с норманнами [145]; известием арабских писателей о нетождестве варягов, руси и славян [146]. Подле этого мнения, основанного на очевидности, некоторые хотели и хотят дать место предположению, что князья варяго-русские и дружина их были происхождения славянского и указывают преимущественно на Поморье (Померанию) как на место, откуда мог быть вызван Рюрик с братьями; но для чего нужно подобное предположение в науке? [147] Существуют ли в нашей древней истории такие явления, которых никак нельзя объяснить без него? Таких явлений мы не видим. Скажут: славяне должны были обратиться к своим же славянам, не могли призывать чужих, но имеет ли право историк настоящие понятия о национальности приписывать предкам нашим IX века? Мы видим, что племена германское и славянское, чем ближе к языческой древности, тем сходнее между собою в понятиях религиозных, нравах, обычаях; история не провела еще между ними резких разграничивающих линий, их национальности еще не выработались, а потому не могло быть и сильных национальных отвращений. Последующая наша история объясняет как нельзя лучше призвание варяжских князей: после новгородцы и псковитяне охотно принимают к себе на столы князей литовских, да и вообще в наших предках мы не замечаем вовсе национальной нетерпимости: немец, лях, татарин, бурят становились полноправными членами русского общества, если только принимали христианство по учению православной церкви — это была единственная основа национального различия, за которую наши предки держались крепко, но в половине IX века ее не существовало: поклонник Тора так легко становился поклонником Перуна, потому что различие было только в названиях. С другой стороны, с варягами скандинавскими у наших северных славян была связь издавна; издавна были они знакомы друг с другом. Наконец, если бы новгородцы и кривичи по нашим настоящим понятиям непременно хотели иметь своим князем славянина, то не надобно забы-

вать, что в союзе с ними были племена финские, у которых не могло быть этого желания.

Нам остается сказать несколько слов еще о значении названий — *варяги* и *русь*. Сличив различные толкования ученых, можно вывести верное заключение, что под именем варягов разумелись дружины, составленные из людей, волею или неволею покинувших свое отечество и принужденных искать счастия на морях или в странах чуждых[148]; это название, как видно, образовалось на западе, у племен германских, на востоке, у племен славянских, финских, греков и арабов таким же общим названием для подобных дружин было русь (рос), означая, как видно, людей-мореплавателей, приходящих на кораблях, морем, входящих по рекам внутрь стран, живущих по берегам морским[149]. Прибавим сюда, что название русь было гораздо более распространено на юге, чем на севере, и что, по всем вероятностям, русь на берегах Черного моря была известна прежде половины IX века, прежде прибытия Рюрика с братьями[150].

Таковы, по нашему мнению, вероятнейшие выводы, какие можно добыть из многочисленных толков о варягах и руси.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Призвание варягов-руси северными племенами славянскими и финскими. — Следствия этого явления. — Обзор состояния европейских народов, преимущественно славянских, в половине IX века

Мы видели, что в половине IX века область нынешней России вследствие природного влияния разделялась главным образом на две части: племена, жившие на юго-востоке, находились в подчиненности от азиатского племени, стоявшего лагерем на Дону и Волге; племена, жившие на северо-западе, должны были подчиниться знаменитым морским королям, предводителям европейских дружин, вышедшим с берегов Скандинавии: «Брали дань Варяги из-за моря на Чуди, Славянах Новгородских, Мери, Веси и на Кривичах[151], а Козары брали на Полянах, Северянах, Радимичах и Вятичах, брали по горностаю[152] и белке от дыма[153]». Летописец говорит о варягах, что они просто брали дань, а о козарах, что они брали по горностаю и белке — знак, что о делах на юге летописец имел подробнейшие сведения, чем о событиях на севере. Далее, под 862 годом, летописец говорит, что племена, платившие дань варягам, изгнали последних за море, не дали им дани и начали сами у себя владеть. Из этих слов должно заключить, что варяги не брали только дань с северных племен, но владели у них; иначе летописец не мог сказать, что после их изгнания племена начали сами у себя владеть и владели дурно, не могли установить внутреннего порядка: не было между ними правды, продолжает летописец, встал род на род, начались усобицы. В таких обстоятельствах племена собрались и сказали: «Поищем себе князя, который бы владел нами и судил по праву». Порешивши так, пошли они за море к варягам, к руси, и сказали им: «Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет: приходите княжить и

владеть нами». Собрались три брата с родичами своими, взяли с собой всю русь и пришли.

При изображении нравов и обычаев славян вообще замечено уже было, что родовой быт условливал между ними вражду, на которую так прямо указывают писатели иностранные, знавшие славян; наш летописец подтверждает их показания: как скоро, говорит он, племена начали владеть сами собою, то не стало у них правды, то есть беспристрастного решения споров, не было у них устава, который бы все согласились исполнять, не было власти, которая бы принудила ослушников к исполнению принятого устава. При столкновениях между родами, при общих делах решителями споров долженствовали быть старшины родов. Но могли ли они решать споры беспристрастно? Каждый старшина был представителем своего рода, блюстителем его выгод; при враждебных столкновениях между членами родов каждый старшина обязан был не выдавать своего родича; кто будет посредником в распре между старшинами? Разумеется, для ее решения род должен встать на род, и сила должна утвердить право. История племени и города, которые имели такое важное значение в описываемых событиях, история славян ильменских, Новгорода Великого представляет лучшее доказательство сказанному. С течением времени родовые отношения здесь исчезли, но концы с своими старостами напоминали о родах, из которых могло составиться первоначальное народонаселение [154], и вражда между концами заступила место родовой вражды; как прежде восставал род на род, так после восставал конец на конец, остальные брали сторону того или другого, а иногда оставались спокойными зрителями борьбы. Роды, столкнувшиеся на одном месте и потому самому стремившиеся к жизни гражданской, к определению отношений между собою, должны были искать силу, которая внесла бы к ним мир, наряд, должны были искать правительство, которое было бы чуждо родовых отношений, посредника в спорах беспристрастного, одним словом, *третьего судью,* а таким мог быть только князь из чужого рода [155]. Установление наряда, нарушенного усобицами родов, было главною, единственною целию призвания князей, на нее летописец прямо и ясно указывает, не упоминая ни о каких других побуждениях, и это указание летописца совершенно согласно со всеми обстоятельствами, так что мы не имеем никакого права делать свои предположения. Но кроме прямого и ясного свидетельства летописца, призвание князей как нельзя лучше объясняется рядом подобных явлений в последующей истории Новгорода. Летописец начальный говорит, что варяги были изгнаны и потом снова призваны; летописцы позднейшие говорят, что как скоро один князь был изгоняем

или сам удалялся из Новгорода, то граждане последнего немедленно посылали за другим: они не терпели жить без князя, по выражению летописца[156]; есть известие, что один из великих князей хотел наказать новгородцев тем, что долго не посылал к ним князя[157]. У внука Рюрикова новгородцы просят князя и в случае отказа грозят найти другого. Вот что сказали они однажды сыну великого князя Ростислава Мстиславича: «Не хотим тебя, мы призвали твоего отца для установления наряда, а он вместо того усилил беспокойства»[158]. Сравним теперь это свидетельство с известием о призвании первых князей и увидим, что цель призвания одна и та же в обоих случаях: князь призывается для установления наряда внутреннего как судья миротворец.

Обратим теперь внимание на некоторые другие обстоятельства, встречающиеся в летописи при рассказе о призвании князей. Первое обстоятельство — это соединение племен славянских и финских, что произвело этот союз? Без всякого сомнения, означенные племена были приведены в связь завоеванием варяжским, как впоследствии остальные разрозненные славянские племена были приведены в связь князьями из дома Рюрикова. Эта тесная связь между чудью, весью, славянами ильменскими и кривичами выразилась в дружном изгнании варягов и потом в призвании князей. Этому же завоеванию, этому столкновению с чуждым началом северные племена были обязаны, по всем вероятностям, и относительно большею степенью общественного развития или по крайней мере стремления к нему. после изгнания варягов они не хотят возвратиться к разрозненному родовому быту и, не видя выхода из него при эгоизме родов, соглашаются призвать власть извне, призывают князя из чужого рода[159]. Эта большая степень общественного развития у северных племен ясно окажется впоследствии, мы увидим, что северные племена будут постоянно торжествовать над южными. Второе обстоятельство в рассказе о призвании князей — это их расселение: старший брат, Рюрик, поселился у славян ильменских, второй, Синеус, — между чудью и весью на Белоозере, третий, Трувор, — у кривичей в Изборске. Но касательно города, в котором сел сначала Рюрик, чтения списков летописи разногласят: одни говорят в Новгороде, другие — в Ладоге. По известному правилу, что труднейшее чтение предпочитается легчайшему, особенно если оно находится в большем числе лучших списков, мы должны принять известие о Ладоге[160]. Почему Рюрик избрал Ладогу, а не Новгород, объяснение найти нетрудно: положение Ладоги относительно начала великого водного пути, относительно близости моря важнее положения Новгорода; Ладога находится ближе к устью Волхова; Рюрику нужно было удержаться при непосредственном сообщении с заморьем в случае, если бы дело его пошло

не так успешно в новой стране; недавнее изгнание варягов должно было научить его осторожности; в некоторых известиях сказано, что князья боялись сначала суровости призывавших племен; с другой стороны, Рюрику нужно было также обезопасить себя и свою область от нападения других варягов, и вот он прежде всего строит крепость в Ладоге, недалеко от устья Волхова и селится здесь [161]. Наконец, остается последний вопрос: какое значение имеет призвание Рюрика в нашей истории? Призвание первых князей имеет великое значение в нашей истории, есть событие всероссийское, и с него справедливо начинают русскую историю. Главное, начальное явление в основании государства — это соединение разрозненных племен чрез появление среди них сосредоточивающего начала, власти. Северные племена, славянские и финские, соединились и призвали к себе это сосредоточивающее начало, эту власть. Здесь, в сосредоточении нескольких северных племен, положено начало сосредоточению и всех остальных племен, потому что призванное начало пользуется силою первых сосредоточившихся племен, чтоб посредством их сосредоточивать и другие [162], соединенные впервые силы начинают действовать.

Таково было явление, имевшее место в Северо-Восточной Европе в половине IX века [163]. В других странах Европы в это время происходили также явления великой важности. Знаменитая роль франкского племени и вождей его кончилась в начале IX века, когда оружием Карла Великого политические идеи Рима и римская церковь покорили себе окончательно варварский германский мир, и вождь франков был провозглашен императором римским. Духовное единство Западной Европы было скреплено окончательно с помощию Рима; теперь выступило на сцену другое, новое начало, принесенное варварами, германцами, на почву Империи, теперь начинается материальное распадение Карловой монархии, начинают вырабатываться отдельные национальности, начинают образовываться отдельные государства, члены западноевропейской конфедерации; IX век есть век образования государств как для Восточной, так и для Западной Европы, век великих исторических определений, которые действуют во все продолжение новой европейской истории, действуют до сих пор. В то время, когда на Западе совершается трудный, болезненный процесс разложения Карловой монархии и образования новых государств, новых национальностей, Скандинавия — старинная колыбель народов, высылает многочисленные толпы своих пиратов, которым нет места на родной земле; но континент уже занят, скандинавам уже нет более возможности двигаться к югу сухим путем, как двигались их предшественники; им открыто только море, они должны довольствоваться

грабежом, опустошением морских и речных берегов. В Византии происходит также важное явление — богословские споры, волновавшие ее до сих пор, прекращаются: в 842 году, в год восшествия на престол императора Михаила, с которого наш летописец начинает свое летосчисление, прекращаются богословские споры, окончательно утверждается догмат, который передается славянским народам, начавшим в то время принимать христианство; тогда же является перевод священного писания на славянский язык благодаря святой ревности Кирилла и Мефодия. По следам знаменитых братьев обратимся к нашим западным и южным соплеменникам, судьбы которых должны обратить на себя наше особенное внимание. История западных славян начинает чуть-чуть проясняться со второй половины V века, по смерти Аттилы и уничтожения гунского могущества. Народные предания чехов знают также о переселении этого племени из краев южных в землю кельтических бойев и германских маркоманов. По своему положению чехи должны были с самого начала войти во враждебные столкновения с германцами, сперва с туринги, а потом с франками, подчинившими себе туринго. Небезопасные с запада чехи были малобезопасны и с востока: долина Дуная не переставала еще наполняться азиатскими выходцами: авары, которые оставили по себе такую черную память между нашими юго-восточными славянскими племенами, не менее тяжки были и для чехов; освободителем последних от аварского ига является Само — один из загадочных средневековых героев, о которых наука не может произнести верного приговора, которых оспаривают друг у друга разные народности, тогда как в эту эпоху брожения народных элементов в Европе всего менее обращалось внимания на народность. По некоторым известиям, Само был франкский купец, торговавший с восточными племенами, — известие очень согласное с тогдашним состоянием общества, когда купцами были всегда люди отважные, легко переменявшие характер купца на характер воина; этот первоначальный характер купца дал Само средства сблизиться с племенем, отвага указала в нем достойного предводителя против аваров. В 627 году славяне избрали освободителя Само в короли, так основалось на западе первое славянское владение, сердцем которого была земля Чешская. Уже при Само начинаются враждебные столкновения чехов с королями франкскими, конец жизни и правления Самова еще менее известен, чем его происхождение и первые подвиги. Народные предания чешские знают о Кроке, которого золотой стол стоял в Вышеграде над Влтавою (Молдавою). Крок оставил по себе трех *вещих* дочерей; младшую из них, Любушу, народ выбрал на отцовское место; Любуша отдала руку свою и власть над чехами Пршемыслу, который пахал, когда

пришли к нему послы от Любуши с этим предложением. Пршемысл был родоначальником всех последующих владельцев чешских, княжение его относят к первой четверти VIII века. Из событий чешской истории после Пршемысла до самой половины IX века мы не знаем ничего верного, кроме враждебных столкновений славян с немцами, то есть с Империею франков. Меровингов сменили Карловинги. Германские племена соединились в одну массу; дух единства, принятый германскими вождями на старинной почве Римской империи, не переставал одушевлять их, руководить их поступками; потомок Геристаля принял титул римского императора; располагая силами Западной Европы, Карл Великий двинулся на Восточную с проповедью римских начал, единства политического и религиозного. Что же могла противопоставить ему Восточная Европа? Народы, жившие в простоте первоначального быта, разрозненные и враждебные друг другу. Заметим, что нет никакого основания делать из разъединения и несогласия славянских племен отличительную черту славянской народности; разрозненность и вражда племен славянских были необходимыми следствиями их формы быта, быта родового, а эта форма быта не есть исключительная принадлежность славянского племени, через нее проходят все народы с тем только различием, что один оставляет ее прежде, а другой — после вследствие разных исторических обстоятельств; так, народы германского племени оставили формы родового быта прежде вследствие переселения на римскую почву, где они приняли идеи и формы государственные, а славяне, оставаясь на востоке, в уединении от древнего исторического мира, оставались и при прежних, первоначальных формах быта. Карл Великий, вождь германского ополчения, носил титул римского императора, был единым владыкой соединенных германских племен, но истории известно, чего стоило германскому племени это соединение! Покрытый кровью саксонцев, Карл двинулся против славян; легко было предвидеть, что новый Цезарь получит такие же успехи над младенчествующими народами Восточной Европы, какие старый Цезарь получил некогда при покорении варварского народонаселения Европы Западной. Из славянских племен, соприкасавшихся с германцами, кроме чехов, были бодричи, или ободриты, жившие в нынешнем Мекленбурге; потом южнее, между Одером и Эльбою, лутичи, или велеты, между лутичами и чехами жили сербы в нынешней Саксонии и Лузации. Между лутичами и бодричами шли сильные усобицы; с другой стороны, бодричи были во вражде с саксонцами, это обстоятельство заставило их войти в союз с Карлом против последних как общих врагов и помогать франкам в борьбе с ними. Карл в благодарность за помощь обратил свое оружие против лутичей под предлогом, что они обижают союз-

ников его, бодричей: так германский вождь начал искусно пользоваться славянским бытом и его следствиями. Бодричи и сербы охотно помогали немцам покорять единоплеменников своих, лутичей, которые принуждены были признать себя данниками Карла. Это было в конце VIII века, в начале IX уже видим войны Карла с чехами. Последние, подобно всем своим соплеменникам, не давали врагу битв в чистом поле, но отбивались порознь в лесах и горах; войска Карла, опустошивши страну, должны были возвращаться без решительных, как видно, успехов. Несмотря, однако, на это, торжество немцев было верно над разрозненными славянами. Если известия о дани чехов Карлу Великому могут быть оспариваемы, то верно, что моравы уже были подчинены ему. Во второй четверти IX века в Моравии мы видим князя Моймира, который принял христианство и считается основателем Моравского государства; в то же время встречаем известие о начатках христианства у чехов: четырнадцать лехов, или знатных панов чешских, приняли христианство в Регенсбурге у короля Людовика немецкого; но в борьбе двух племен, основным различием которых была вера, для славянина отвергнуть веру своего народа значило отложиться от последнего, перейти под знамена врагов, вот почему чешские лехи, как скоро приняли христианство, так уже оставили князя своего и поддались королю немецкому, из-под власти которого трудно было высвободиться. Так, Людовик немецкий, подозревая Моймира моравского в намерении усилиться, свергнул его с престола, который отдал племяннику его Ростиславу. Но Ростислав, несмотря на то, что обязан был властью Людовику, шел по следам дяди Моймира, только шел с большим успехом: ему удалось отбиться от Людовика, он мог объявить себя прямо врагом последнего и принимать под свое покровительство всех недовольных королем, даже собственных сыновей его. Но князь моравский должен был понимать, что для независимого состояния славянского государства прежде всего была необходима независимая славянская церковь, что с немецким духовенством нельзя было и думать о народной и государственной независимости славян, что с латинским богослужением христианство не могло принести пользы народу, который понимал новую веру только с внешней, обрядовой, стороны и, разумеется, не мог не чуждаться ее. Вот почему князь моравский должен был обратиться к византийскому двору, который мог прислать в Моравию славянских проповедников, учивших на славянском языке, могших устроить славянское богослужение и основать независимую славянскую церковь; близкий и недавний пример Болгарии должен был указать моравскому князю на этот путь; со стороны Византии нечего было опасаться притязаний, подобных немецким: она была слишком слаба для

этого, и вот Ростислав посылает в Константинополь к императору Михаилу с просьбой о славянских учителях, и в Моравии являются знаменитые братья — Кирилл и Мефодий, доканчивают здесь перевод священных и богослужебных книг и распространяют славянское богослужение в Моравии и Паннонии. Призыв Кирилла и Мефодия, полагаемый в 862 году, совпадает со временем основания Русского государства, которому по преимуществу суждено было воспользоваться делом святых братьев.

Ближайшими к России из западных славянских племен были те, которые после вошли в состав государства Польского. Область этих ляшских племен простиралась с севера к югу — от Балтийского моря до гор Карпатских, с востока к западу — от рек Бобра, Нарева, Буга, Вислоки до Одера, Бобра (в Силезии) и Чешско-Моравского хребта, но главное гнездо государства Польского было на реке Варте около Гнезна и Познаня. Вероятная история Польши начинается в одно время с русскою, то есть к половине IX века: к 860 году относят тот переворот, по которому Семовит, сын земледельца Пяста, свергнул с престола род Попела и сам стал княжить; с этих пор начинается распространение польских владений. Но в начале нашей истории гораздо ближе польских славян были к Руси славяне болгарские. История находит славян в древней Мизии, в нынешней Болгарии, во второй половине VII века, тогда как до сих пор Восточная империя имела дело со славянами, нападавшими на нее с северного берега Дуная; в 677 году болгары, народ единоплеменный с гуннами и аварами, покорил семь славянских племен, живших в Мизии и утвердился здесь; скоро победители так смешались с побежденными, что составили с ними один народ славянский; с этих пор начинается ряд войн болгарских владетелей с императорами греческими до самой половины IX века, когда болгарский князь Борис принял христианство, крестившись под именем Михаила от руки славянского апостола Мефодия, который после этого отправился с братом Кириллом в Моравию. В тесной связи с историею болгарских славян находится история славян сербских. К VII веку относят переселение славян из северных краев в Иллирию: из последующей истории этих племен до половины IX века мы знаем только несколько имен сербских жупанов, или старейшин, и несколько известий о войнах их с князьями болгарскими.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Предания о Рюрике, об Аскольде и Дире. — Олег, его движение на юг, поселение в Киеве — Строение городов, дани, подчинение племен. — Греческий поход. — Договор Олега с греками. — Смерть Олега, значение его в памяти народной. — Предание об Игоре. — Походы на Константинополь. — Договор с греками. — Печенеги. — Смерть Игоря, его характер в преданиях. — Свенельд. — Походы руссов на Востоке.

До нашего начального летописца дошло очень мало преданий о княжении Рюрика. Он знает только, что по прошествии двух лет от призвания младшие братья — Синеус и Трувор умерли, и всю власть принял один старший Рюрик; эта власть простиралась уже на кривичей западно-двинских, то есть полочан на юге, на мерю и мурому на северо-востоке. Если меря, платившая прежде дань варягам и не упомянутая в рассказе о призвании, точно в нем не участвовала, то должно быть, что ее снова покорил Синеус с Белоозера, по старому варяжскому пути, а за мерею впервые покорена и мурома; на юге перейден волок между Ловатью и Западною Двиною, присоединен Полоцк. О войнах есть известие, что призванные князья начали воевать всюду, о правительственных мерах читаем, что Рюрик роздал города мужам своим, причем в некоторых списках прибавлено: «Раздая волости мужем своим и городы рубити»[164]. Так, с Рюрика началась уже эта важная деятельность наших князей — построение городов, сосредоточение народонаселения. Касательно определения отношений между призванным князем и призвавшими племенами сохранилось предание о смуте в Новгороде, о недовольных, которые жаловались на поведение Рюрика и его родичей или единоземцев, и в главе которых был какой-то Вадим; этот Вадим был убит Рюриком вместе со многими новгородцами, его советниками[165]. Сохранилось предание, что по смерти братьев Рюрик оставил Ладогу, пришел к

Ильменю, срубил город над Волховом, прозвал его Новгородом и сел тут княжить. Это место летописи прямо показывает, что собственный Новгород был основан Рюриком; и так как здесь он остался жить и после него здесь же жили посадники княжеские и князья, то из этого легко объясняется, почему Новгород затмил собою старый город, как бы тот ни назывался[166]. И после переселения Рюрика к Ильменю смуты, как видно, продолжались; так, сохранилось предание, что от Рюрика из Новгорода в Киев бежало много новгородских мужей[167]. Если и здесь обратим внимание на последующие события новгородской истории, то найдем сходные явления: и после почти каждый князь должен был бороться с известными сторонами и если побеждал, то противники бежали из Новгорода к другим князьям или на юг, в Русь, или в Суздальскую землю, смотря по обстоятельствам. Всего же лучше предание о неудовольствии новгородцев и поступке Рюрика с Вадимом и с советниками его объясняется рассказом летописи о неудовольствии новгородцев на варягов, нанятых Ярославом, об убийстве последних и мести княжеской убийцам.

Предание говорит, что много людей перебежало из Новгорода в Киев: здесь, на южном конце великого водного пути из Варяг в Греки, образовалось в то же время другое варяго-русское владение. Было, говорит предание, у Рюрика двое мужей, не родных ему; они выпросились у него идти к Царю-граду с родом своим, и когда шли вниз по Днепру, то увидели на горе городок, и спросили у тамошних жителей, чей он. Им отвечали, что были три брата, Кий, Щек и Хорив, построили этот городок и перемерли, а потомки их платят теперь дань козарам. Аскольд и Дир остались в городке, собрали около себя много варягов и начали владеть землею полян. Это предание совершенно согласно с обстоятельствами описываемого времени: варягам был давно известен великий водный путь из Балтийского моря в Черное; давно они усаживались между племенами, жившими у его начала; дело невозможное, чтобы, зная начало пути, варяги не стали пробираться тотчас же по нем вниз к Черному морю; летописец указывает путь из Варяг в Греки, прежде нежели начинает рассказ о событиях, непосредственно за рассказом о расселении племен славянских; тут же у него вставлено сказание о путешествии апостола Андрея по этому пути; Аскольд и Дир прямо выпрашиваются у Рюрика в Грецию и идут известною дорогою Вот почему и прежде согласились мы допустить, что варяги-русь, зная начало великого водного пути ранее прихода Рюрикова, знали и конец его ранее этого времени, что шайки их давно усаживались на берегах Черного и Азовского морей и оттуда опустошали окрестные страны, на что так ясно указывают свидетельства арабов и некоторые другие. Но, как

видно, до сих пор варяги являлись на великом водном пути из Балтийского моря в Черное только в виде малочисленных дружин, искавших службы при дворе императора или мелкой добычи на берегах Империи, без мысли и без средств основать прочное владение в землях, лежащих по восточному пути. Так, Аскольд и Дир отпросились у Рюрика в Грецию с родом своим только! Вот почему они не хотели, да и не могли утвердиться нигде по восточному пути до самого того места, начиная с которого Днепр поворачивает на восток, в степь. Здесь, среди славянского племени полян, плативших дань козарам, в городке Киеве, Аскольд и Дир остановились. Как видно, Киев в то время был притоном варягов, всякого рода искателей приключений, чем впоследствии были Тмутаракань и Берлад; видно, и тогда, как после, во времена Константина Багрянородного, Киев был сборным местом для варягов, собиравшихся в Черное море. Аскольд и Дир здесь остановились, около них собралось много варягов; сюда же, по некоторым известиям, перебежало из Новгорода много людей, недовольных Рюриком; Аскольд и Дир стали вождями довольно многочисленной шайки, окрестные поляне должны были подчиниться им; есть известия, что они дрались с степными варварами [168], с соседними славянскими племенами — древлянами и угличами [169], с дунайскими болгарами [170]. Если примем известие, что варяги Аскольд и Дир засели в полянском городке Киеве, то не имеем права отвергать приведенные известия: владелец украинского городка необходимо должен был вести войны с степными варварами и с окольными славянскими племенами — и прежде более воинственные древляне и угличи обижали более покойных полян [171]; наконец, столкновения с дунайскими болгарами были естественны по самому пути, которым обыкновенно русь ходила в Грецию. Ставши вождями довольно многочисленной дружины, Аскольд и Дир вздумали сделать набег на Византию, исполнить заветную мысль варяга, с какою они отправились из Новгорода; на 200 ладьях приплыла русь к Царю-граду, но попытка не удалась: буря, вставшая, по греческим свидетельствам, вследствие чудесного заступления богородицы, разбила русские лодки, и немногие из дружины Аскольдовой возвратились с своими князьями назад в Киев. Вслед за этим известием византийцы сообщают другое — о принятии христианства русскими, о посылке к ним епископа из Царя-града; так уже рано обнаружилось значение Киева в нашей истории — следствие столкновений Киевской Руси с Византиею [172]. Даже прежде еще Аскольдова похода, обыкновенно относимого к 866 году, мы встречаем известия о нападениях руси на греческие области и о принятии христианства некоторыми из русских вождей: таково известие, находящееся в житии святого Стефана Сурожского, о нападении на Сурож рус-

ского князя Бравалина и о крещении его там; известие это относится к началу IX века, подобное же известие находим в жизнеописании святого Георгия, епископа Амастрийского [173].

Но владение, основанное варяжскими выходцами в Киеве, не могло иметь надлежащей прочности, ибо основано было сбродною шайкою искателей приключений, которые могли храбро драться с соседями, могли сделать набег на берега Империи, но не могли по своим средствам, да и не имели ввиду основать какой-нибудь прочный порядок вещей среди племен, живших по великому водному пути. Это могли сделать только северные князья, имевшие для того достаточную материальную силу и привязанные к стране правительственными отношениями к племенам, их призвавшим. В 869 году, по счету летописца, умер Рюрик, оставив малолетнего сына Игоря, которого отдал на руки родственнику своему Олегу. Последний как старший в роде, а не как опекун малолетнего князя, получил всю власть Рюрика и удерживал ее до конца жизни своей. Если Рюрик уже сделал шаг вперед на юг по восточному пути, перейдя из Ладоги в Новгород, то преемник его двинулся гораздо далее и дошел до конца пути. Движение это было, однако, довольно медленно: три года, по счету летописца, пробыл Олег в Новгороде до выступления в поход на юг; потом он двинулся по водному восточному пути, собравши войско из варягов и из всех подвластных ему племен — чуди, славян (ильменских), мери, веси, кривичей. Это обстоятельство есть самое важное в нашей начальной истории. Мы видели, что варягам давно был известен великий водный путь из Балтийского моря в Черное, давно ходили они по нем, но ходили малыми дружинами, не имели ни желания, ни средств утвердиться на этом пути, смотрели на него, как на путь только, имея ввиду другую цель. Но вот на северном конце этого пути из нескольких племен составляется владение, скрепленное единством власти; повинуясь общему историческому закону, новорожденное владение вследствие сосредоточения своих сил чрез единство власти стремится употребить в дело эти силы, подчинить своему влиянию другие общества, другие племена, менее сильные. Князь северного владения выступает в поход, но это не вождь одной варяжской шайки, дружины — в его руках силы всех северных племен; он идет по обычному варяжскому пути, но идет не с целию одного грабежа, не для того только, чтобы пробраться в Византию; пользуясь своею силою, он подчиняет себе все встречающиеся ему на пути племена, закрепляет себе навсегда все находящиеся на нем места, города, его поход представляет распространение одного владения на счет других, владения сильного на счет слабейших. Сила северного князя основывается на его правительственных отношениях к северным племенам, соединившимся и призвавшим власть, —

отсюда видна вся важность призвания, вся важность тех отношений, которые утвердились на севере между варяжскими князьями и призвавшими племенами.

Перешедши волок и достигши Днепра, Олег утверждается в земле днепровских кривичей, закрепляет себе их город Смоленск, сажает здесь своего мужа, разумеется, не одного, но с дружиною, достаточною для удержания за собой нового владения [174]. Из Смоленска Олег пошел вниз по Днепру, пришел в землю северян, взял город их Любеч и прикрепил его к своему владению, посадив и здесь мужа своего. Как достались Олегу эти города, должен ли был он употреблять силу или покорились они ему добровольно — об этом нельзя ничего узнать из летописи. Наконец, Олег достиг Киева, где княжили Аскольд и Дир; здесь, по преданию, он оставил бóльшую часть своих лодок назади, скрыл ратных людей на тех лодках, на которых подплыл к Киеву, и послал сказать Аскольду и Диру, что земляки их, купцы, идущие в Грецию от Олега и княжича Игоря, хотят повидаться с ними. Аскольд и Дир пришли, но тотчас же были окружены ратными людьми, повыскакавшими из лодок; Олег будто бы сказал киевским князьям: «Вы не князья, ни роду княжеского, а я роду княжеского» и, указывая на вынесенного в это время Игоря, прибавил: «Вот сын Рюриков». Аскольд и Дир были убиты и погребены на горе. Разумеется, историк не имеет обязанности принимать предание с теми подробностями, в тех чертах, в каких оно достигло до первого летописца и записано им. В этом предании видно как будто намерение оправить Олега, дать северным князьям Рюрикова рода право на владение Киевом, где сели мужи Рюрика, не князья, не имевшие права владеть городом независимо. Олег представлен не завоевателем, но только князем, восстановляющим свое право, право своего рода, нарушенное дерзкими дружинниками. Быть может, само предание о том, что Аскольд и Дир были члены дружины Рюриковой, явилось вследствие желания дать Рюрикову роду право на Киев [175]. В некоторых списках летописи встречаем также подробности о неприязненных отношениях Аскольда и Дира к Рюрику: так, есть известие, что они по неудовольствию оставили северного князя, не давшего им ни города, ни села [176], что потом, утвердясь в Киеве, воевали полочан и наделали им много зла [177]; очень вероятно, что они могли нападать на южные, ближайшие к ним пределы владений Рюриковых. Также замечено было уже известие о бегстве новгородцев, недовольных Рюриком, в Киев к Аскольду и Диру.

Как бы то ни было, убив Аскольда и Дира, Олег утвердился в Киеве, сделал его своим стольным городом; по свидетельству летописца, Олег сказал, что Киев должен быть «матерью городам русским» [178]. Понятно в смысле предания,

что Олег не встретил сопротивления от дружины прежних владельцев Киева: эта дружина и при благоприятных обстоятельствах была бы не в состоянии померяться с войсками Олега, тем более, когда так мало ее возвратилось из несчастного похода греческого; часть ее могла пристать к Олегу, недовольные могли уйти в Грецию. Понятно также, почему Олег остался в Киеве: кроме приятности климата, красивости местоположения и богатства страны сравнительно с севером, тому могли способствовать другие обстоятельства. Киев, как уже было замечено, находится там, где Днепр, приняв самые большие притоки свои справа и слева, Припять и Десну, поворачивает на восток, в степи — жилище кочевых народов. Здесь, следовательно, должна была утвердиться главная защита, главный острог нового владения со стороны степей; здесь же, при начале степей, должно было быть и, вероятно, было прежде сборное место для русских лодок, отправлявшихся в Черное море. Таким образом два конца великого водного пути, на севере со стороны Ладожского озера и на юге со стороны степей, соединились в одном владении. Отсюда видна вся важность этого пути в нашей истории: по его берегам образовалась первоначальная Русская государственная область; отсюда же понятна постоянная тесная связь между Новгородом и Киевом, какую мы видим впоследствии; понятно, почему Новгород всегда принадлежал только старшему князю, великому князю киевскому.

Первым делом Олега в Украйне было построение городов, острожков, сколько для утверждения своей власти в новых областях, столько же и для защиты со стороны степей. Потом нужно было определить отношения к старым областям, к племенам, жившим на северном конце водного пути, что было необходимо вследствие нового поселения на юге; главная форма, в которой выражались отношения этих племен к князю, была *дань*, и вот Олег уставил дани славянам (ильменским), кривичам и мери; новгородцы были особо обязаны платить ежегодно 300 гривен для содержания наемной дружины из варягов, которые должны были защищать северные владения. Сперва, как видно, эта стража состояла исключительно из варягов, потом, когда эта исключительность исчезла, то вместо варягов встречаем уже общее название *гридей*; наемная плата увеличивалась по обстоятельствам: так, после раздавалась гридям уже тысяча гривен вместо трехсот; прекратилась эта выдача денег со смертию Ярослава I [179], вероятно, потому, что с этого времени новгородцы не могли более опасаться нападений ни с которой стороны, а, может быть, также между ними и князьями сделаны были другого рода распоряжения относительно внешней защиты.

Построив города и установив дани у племен северных, Олег, по преданию, начинает подчинять себе другие племена

славянские, жившие к востоку и западу от Днепра. Прежде всего Олег идет на древлян, у которых давно шла вражда с полянами; древляне не поддались добровольно русскому князю, их нужно было примучить, чтобы заставить платить дань, которая состояла в черной кунице с жилья. В следующем, по счету летописца, году (884) Олег пошел на северян, победил их и наложил дань легкую; эта легкость должна объясняться малым сопротивлением северян, которые платили дань козарам и, следовательно, могли легко согласиться платить ее русскому князю; с своей стороны Олег должен был наложить на них только легкую дань, чтобы показать им выгоду русской зависимости перед козарской; он, по преданию, говорил северянам: «Я враг козарам, а вовсе не вам». Радимичи, платившие также дань козарам, в следующем году не оказали никакого сопротивления Олегу, он послал спросить у них: «Кому даете дань?» Те отвечали: «Козарам». «Не давайте козарам, — велел сказать им Олег, — а давайте лучше мне», и радимичи стали платить русскому князю те же два шляга от рала, которые давали козарам. Но не так легко было справиться с теми племенами, которые прежде были независимы, не платили никому дани, не хотели и теперь платить ее Руси; мы видели сопротивление древлян; потом, слишком в двадцать лет, по счету летописца, Олегу удалось покорить дулебов, хорватов и тиверцев, но угличей не удалось [180]. Только в 907 году Олег собрался в поход на греков; оставив Игоря в Киеве, он пошел со множеством варягов, славян (новгородцев), чуди, кривичей, мери, полян, северян, древлян, радимичей, хорватов, дулебов и тиверцев, пошел на конях и в кораблях; кораблей было 2000, на каждом корабле по 40 человек. Разумеется, историк не имеет обязанности принимать буквально этот счет, для него важен только тон предания, с каким оно хранилось в народе и из которого видно, что предприятие было совершено соединенными силами всех племен, подвластных Руси, северных и южных, а не было набегом варяжской шайки: отсюда объясняется робость греков, удача предприятия. Когда русские корабли явились пред Константинополем, говорит предание [181], то греки замкнули гавань, заперли город. Олег вышел беспрепятственно на берег, корабли были выволочены, ратные рассеялись по окрестностям Царя-града и начали опустошать их: много побили греков, много палат разбили и церквей пожгли; пленных секли мечами, других мучили, расстреливали, бросали в море. Предание прибавляет, что Олег велел поставить лодки свои на колеса, и флот при попутном ветре двинулся на парусах по суше к Константинополю. Говоря просто, Олег приготовился к осаде города; греки испугались и послали сказать ему: «Не губи город, мы беремся давать тебе дань, какую хочешь». Олег остановился; то же предание рассказывает, что греки

выслали ему кушанье и напитки с отравою, что Олег догадался о коварстве и не коснулся присланного и что тогда греки в испуге говорили: «Это не Олег, но святый Димитрий, посланный на нас богом». Приведенный рассказ замечателен по тому представлению, которое имели о характере греков и о характере вещего Олега: самый хитрый из народов не успел обмануть мудрого князя! Олег, продолжает летопись, отправил к императору послов — Карла, Фарлофа, Велмуда, Рулава и Стемира, которые вытребовали по 12 гривен на корабль да еще уклады на русские города: Киев, Чернигов, Переяславль, Полоцк, Ростов, Любеч и другие, потому что в тех городах сидели Олеговы мужи; Олег требовал также, чтобы русь, приходящая в Царьград, могла брать съестных припасов, сколько хочет; гости (купцы) имеют право брать съестные припасы в продолжение шести месяцев — хлеб, вино, мясо, рыбу, овощи; могут мыться в банях, сколько хотят, а когда пойдут русские домой, то берут у царя греческого на дорогу съестное, якори, канаты, паруса и все нужное. Император и вельможи его приняли условия, только с следующими изменениями: русские, пришедшие не для торговли, не берут месячины; князь должен запретить своим русским грабить села в стране греческой; русские, пришедши в Константинополь, могут жить только у св. Мамы, император пошлет переписать их имена, и тогда они будут брать свои месячины — сперва киевляне, потом черниговцы, переяславцы и другие; входить в город будут они одними воротами, вместе с чиновником императорским, без оружия, не более 50 человек и пусть торгуют, как им надобно, не платя никаких пошлин. Из этих условий видна недоверчивость греков к русским, которые любили при удобном случае переменить характер купцов на характер воинов Императоры Леон и Александр целовали крест в соблюдении договора; привели также к присяге Олега и мужей его, те клялись по русскому закону: оружием, Перуном, богом своим, Волосом, скотьим богом, и таким образом утвердили мир. Предание прибавляет, будто Олег велел руси сшить паруса шелковые, а славянам — полотняные, будто воины повесили щиты свои на воротах цареградских в знак победы, и когда пошли они домой, то русь подняла паруса шелковые, а славяне — полотняные, но ветер разодрал их; тогда славяне сказали: примемся за свои холстинные паруса, не дано славянам парусов полотняных. Это предание любопытно потому, что в нем видно различие между русью и славянами, различие в пользу первой. Под именем руси здесь должно принимать не варягов вообще, но дружину княжескую, под славянами — остальных ратных людей из разных племен; естественно, что корабль княжеский и другие, везшие бояр и слуг княжеских, были красивее, чем корабли простых воинов. Олег, заключает предание, возвратился в

Киев с золотом, дорогими тканями, овощами, винами и всяким узорочьем; народ удивился такому успеху и прозвал князя «вещим», то есть кудесником, волхвом.

Допустив к себе русских на продолжительное житье в Константинополь, греческий двор должен был урядиться с киевским князем, как поступать при необходимых столкновениях русских с подданными Империи; вот почему в 911 году, следовательно, по счету летописца, через четыре года, Олег послал в Царьград мужей своих утвердить мир и положить ряд между греками и Русью на основании прежнего ряда, заключенного тотчас после похода[182]. Послами были отправлены те же пять мужей, которые заключали и первый договор, — Карл, Фарлоф, Велмуд (Веремуд), Рулав, Стемир (Стемид), но с прибавкою еще девяти: Инегельд, Гуды, Руальд, Карн, Фрелаф, Рюар, Актеву, Труан, Бидульфост. Несмотря на искажение имен, легко заметить, что почти все они звучат не по-славянски; славянские звуки можно уловить только в двух — Велмуде (Велемудре) и Стемире. Причина такому явлению может заключаться в том, что большинство дружины Олеговой состояло в это время еще из скандинавов или, быть может, означенные варяги потому были отправлены в Константинополь, что, подобно многим своим соотечественникам, уже бывали там прежде, знали греческие обычаи, язык. Эти мужи посланы были от великого князя Олега, от всех подручных ему князей (знак, что, кроме Олега и Игоря, существовали еще другие родичи Рюриковы), бояр и от всей подручной ему руси. Послы заключили следующий договор: 1) При каждом преступлении должно основываться на ясных показаниях, но при заподозрении свидетельства пусть сторона подозревающая клянется в том, что свидетельство ложно; пусть всякий клянется по своей вере и пусть примет казнь, если клялся ложно. За этим следует исчисление преступлений и соответственных им наказаний. 2) Если русин убьет христианина, то есть грека, или христанин — русина, то преступник пусть умрет на месте; если же убежит и оставит имение, то оно отдается родственникам убитого, за исключением той части, которая по закону следует жене убийцы; если же преступник убежит, не оставив имения, то считается под судом до тех пор, пока не будет пойман и казнен смертию. 3) За удар мечом или чем бы то ни было виноватый платит пять литр серебра по русскому закону; если будет не в состоянии заплатить означенной суммы, то пусть даст, сколько может, пусть скинет с себя то самое платье, которое на нем, и клянется по обрядам своей веры, что не имеет никого, кто бы мог заплатить за него, и тогда иск прекращается. 4) Если русин украдет что-либо у христианина или христианин у русина и вор будет пойман в краже, то в случае сопротивления хозяин украденной вещи может убить его

безнаказанно и взять свое назад. Если же вор отдается без сопротивления, то его должно связать и взять с него втрое за похищенное 5) Если кто из христиан или русских начнет делать обыск насильно и возьмет что-нибудь, то должен заплатить втрое против взятого. 6) Если корабль греческий будет выброшен ветром на чужую землю и случится при этом кто-нибудь из русских, то они должны охранять корабль с грузом, отослать его назад в землю христианскую, провожать его чрез всякое страшное место, пока достигнет места безопасного; если же противные ветры или мели задержат корабль на одном месте, то русские должны помочь гребцам и проводить их с товарами поздорову, если случится близко тут земля Греческая; если же беда приключится близ земли Русской, то корабль проводят в последнюю, груз продается, и вырученное русь принесет в Царьград, когда придет туда для торговли или посольством; если же кто на корабле том будет прибит или убит русью или пропадет что-нибудь, то преступники подвергаются вышеозначенному наказанию. 7) Если в какой-нибудь стране будут держать русского или греческого невольника и случится в той стране кто-нибудь из русских или из греков, то последний обязан выкупить невольника и возвратить его на родину, за что получит искупную цену или общую цену невольника[183]; военнопленные также возвращаются на родину, плениший получает общую цену невольника. 8) Те из русских, которые захотят служить императору греческому, вольны это сделать 9) Если случится, что русские невольники придут на продажу из какой-нибудь страны к христианам, а христианские невольники в Русь, то они продаются по 20 золотых и отпускаются на родину 10) Если раб будет украден из Руси или уйдет сам, или будет насильственно продан и если господин раба начнет жаловаться и справедливость жалобы будет подтверждена самим рабом, то последний возвращается в Русь; также гости русские, потерявшие раба, могут искать его и взять обратно; если же кто не позволит у себя делать обыска, то этим самым уже проигрывает свое дело. 11) Если кто из русских, служащих христианскому царю, умрет, не распорядившись имением и не будет около него никого из родных, то имение отсылается к ближним его в Русь. Если же распорядится, то имение идет к назначенному в завещании наследнику, который получит его от своих земляков, ходящих в Грецию. 12) Если преступник убежит из Руси, то по жалобе русских возвращается насильно в отечество. Так точно должны поступать и русские относительно греков.

Император одарил русских послов золотом, дорогими тканями, платьем и по обычаю приставил к ним людей, которые должны были водить их по церквам цареградским, показывать богатства их, также страсти Христовы, мощи

святых, при чем излагать учение веры. Послы возвратились к Олегу в 912 году, осенью этого года князь умер. Было предание, что перед смертью Олег ходил на север, в Новгород и Ладогу; в этом предании нет ничего невероятного, оно же прибавляет, что Олег и похоронен в Ладоге [184]; все указывает нам на тесную связь севера с югом, связь необходимую. Север хотел иметь у себя могилу вещего преемника Рюрикова, юг — у себя: по южному преданию, Олег похоронен в Киеве, на горе Щековице [185]; в летописи находим также предание о самой смерти Олега. Спрашивал он волхвов кудесников, от чего ему умереть? И сказал ему один кудесник: «Умереть тебе, князь, от любимого коня, на котором ты всегда ездишь». Олег подумал: «Так никогда же не сяду на этого коня и не увижу его», — и велел кормить его, но не подводить к себе и так не трогал его несколько лет, до самого греческого похода. Возвратившись в Киев, жил Олег четыре года, на пятый вспомнил о коне, призвал конюшего и спросил: «Где тот конь мой, что я поставил кормить и беречь?» Конюший отвечал: «Он уже умер». Тогда Олег начал смеяться над кудесником и бранить его: «Эти волхвы вечно лгут, — говорил он, — вот конь-то умер, а я жив, поеду-ка я посмотреть его кости». Когда князь приехал на место, где лежали голые кости конские и череп голый, то сошел с лошади и наступил ногой на череп, говоря со смехом: «Так от этого-то черепа мне придется умереть!» Но тут выползла из черепа змея и ужалила Олега в ногу: князь разболелся и умер [186].

При разборе преданий об Олеге мы видим, что в народной памяти представлялся он не столько храбрым воителем, сколько вещим князем, мудрым или хитрым, что, по тогдашним понятиям, значило одно и то же: хитростию Олег овладевает Киевом, ловкими переговорами подчиняет себе без насилий племена, жившие на восточной стороне Днепра; под Царьградом хитростию пугает греков, не дается в обман самому хитрому народу и прозывается от своего народа *вещим*. В предании он является также и князем-нарядником земли: он располагает дани, строит города; при нем впервые почти все племена, жившие по восточному водному пути, собираются под одно знамя, получают понятие о своем единстве, впервые соединенными силами совершают дальний поход. Таково предание об Олеге, историк не имеет никакого права заподозрить это предание, отвергнуть значение Олега как собирателя племен [187].

По счету летописца, преемник Олегов Игорь, сын Рюриков, княжил 33 года (912—945) и только пять преданий записано в летописи о делах этого князя; для княжения Олега высчитано также 33 года (879—912). В летописи сказано, что Игорь остался по смерти отца младенцем; в предании о занятии Киева Олегом Игорь является также младенцем,

которого не могли даже вывести, а вынесли на руках; если Олег княжил 33 года, то Игорю по смерти его должно было быть около 35 лет [188]. Под 903 годом упоминается о женитьбе Игоря: Игорь вырос, говорит летописец, ходил по Олеге, слушался его, и привели ему жену из Пскова именем Ольгу. Во время похода Олегова под Царьград Игорь оставался в Киеве. Первое предание об Игоре, занесенное в летопись, говорит, что древляне, примученные Олегом, не хотели платить дани новому князю, *затворились* от него [189], т. е. не стали пускать к себе за данью ни князя, ни мужей его. Игорь пошел на древлян, победил и наложил на них дань больше той, какую они платили прежде Олегу. Потом летописец знает русское предание и греческое известие о походе Игоря на Константинополь: в 941 году русский князь пошел морем к берегам Империи, болгары дали весть в Царьград, что идет Русь; выслан был против нее протовестиарий Феофан, который пожег Игоревы лодки греческим огнем. Потерпев поражение на море, руссы пристали к берегам Малой Азии и по обычаю сильно опустошали их, но здесь были застигнуты и разбиты патрикием Вардою и доместиком Иоанном, бросились в лодки и пустились к берегам Фракии, на дороге были нагнаны, опять разбиты Феофаном и с малыми остатками возвратились назад в Русь [190]. Дома беглецы оправдывались тем, что у греков какой-то чудесный огонь, точно молния небесная, которую они пускали на русские лодки и жгли их. Но на сухом пути что было причиною их поражения? Эту причину можно открыть в самом предании, из которого видно, что поход Игоря не был похож на предприятие Олега, совершенное соединенными силами многих племен; это был скорее набег шайки, малочисленной дружины [191]. Что войска было мало, и этому обстоятельству современники приписывали причину неудачи, показывают слова летописца, который тотчас после описания похода говорит, что Игорь, пришедши домой, начал собирать большое войско, послал за море нанимать варягов, чтоб идти опять на Империю. Второй поход Игоря на греков летописец помещает под 944 годом; на этот раз он говорит, что Игорь, подобно Олегу, собрал много войска: варягов, русь, полян, славян, кривичей, тиверцев, нанял печенегов, взявши у них заложников, и выступил в поход на ладьях и конях, чтоб отомстить за прежнее поражение. Корсунцы послали сказать императору Роману: «Идет Русь с бесчисленным множеством кораблей, покрыли все море корабли». Болгары послали также весть: «Идет Русь; наняли и печенегов». Тогда, по преданию, император послал к Игорю лучших бояр своих с просьбою: «Не ходи, но возьми дань, которую брал Олег, придам и еще к ней». Император послал и к печенегам дорогие ткани и много золота. Игорь, дошедши до Дуная, созвал дружину и начал с нею думать о

предложениях императорских; дружина сказала: «Если так говорит царь, то чего же нам еще больше? Не бившись, возьмем золото, серебро и паволоки! Как знать, кто одолеет, мы или они? Ведь с морем нельзя заранее уговориться, не по земле ходим, а по глубине морской, одна смерть всем». Игорь послушался дружины, приказал печенегам воевать Болгарскую землю, взял у греков золото и паволоки на себя и на все войско и пошел назад в Киев. В следующем, 945 году, был заключен договор с греками также, как видно, для подтверждения кратких и, быть может, изустных усилий, заключенных тотчас по окончании похода [192]. Для этого по обычаю отправились в Константинополь послы и гости: послы от великого князя и от всех его родственников и родственниц [193]. Они заключили мир вечный до тех пор, пока солнце сияет и весь мир стоит. Кто помыслит из русских нарушить такую любовь, сказано в договоре, то крещенный примет месть от бога вседержителя, осуждение на погибель в сей век и в будущий; некрещенные же не получат помощи ни от бога, ни от Перуна, не ущитятся щитами своими, будут посечены мечами своими, стрелами и иным оружием, будут рабами в сей век и в будущий. Великий князь русский и бояре [194] его посылают к великим царям греческим корабли, сколько хотят, с послами и гостями, как постановлено. Прежде послы носили печати золотые, а гости — серебряные; теперь же они должны показать грамоту от князя своего, в которой он должен написать, что послал столько-то кораблей: по этому греки и будут знать, что Русь пришла с миром. А если придут без грамоты, то греки будут держать их до тех пор, пока не обошлются с князем русским; если же русские будут противиться задержке вооруженною рукою, то могут быть перебиты, и князь не должен взыскивать за это с греков; если же убегут назад в Русь, то греки отпишут об этом к русскому князю, и он поступит с беглецами, как ему вздумается. Это ограничение новое, его нет в Олеговом договоре. После повторения Олеговых условий о месте жительства и содержании русских послов и гостей прибавлена следующая статья: к русским будет приставлен человек от правительства греческого, который должен разбирать спорные дела между русскими и греками. Русские купцы, вошедши в город, не имеют права покупать паволоки дороже 50 золотников [195]; все купленные паволоки должны показывать греческому чиновнику, который кладет на них клеймо; этого ограничения мы не находим в договоре Олеговом. По новому договору, русские не могли зимовать у св. Мамы; в Олеговом договоре этого условия также нет; впрочем, и там князь требовал содержания гостям только на 6 месяцев. Если убежит раб из Руси или от русских, живущих у св. Мамы, и если найдется, то владельцы имеют право взять его назад; если же не найдется,

то русские должны клясться, христиане и нехристиане — каждый по своему закону, что раб действительно убежал в Грецию и тогда, как постановлено прежде[196], возьмут цену раба — две паволоки. Если раб греческий уйдет к русским с покражею, то должно возвратить и раба, и принесенное им в целости, за что возвратившие получают два золотника в награду. В случае покражи вор с обеих сторон будет строго наказан по греческому закону и возвратит не только украденное, но и цену его, если же украденная вещь отыщется в продаже, то и цену должно отдать двойную. В Олеговом договоре ничего не сказано о наказании вора, а только о возвращении украденного; в Игоревом — греки дают силу своему закону, требующему наказания преступника[197]. Если русские приведут пленников-христиан, то за юношу или девицу добрую платят им 10 золотников, за средних лет человека — 8, за старика или дитя — 5; своих пленников выкупают русские за 10 золотников; если же грек купил русского пленника, то берет за него цену, которую заплатил, целуя крест в справедливости показания. Князь русский не имеет права воевать область Корсунскую и ее городов, эта страна не покоряется Руси. В случае нужды с обеих сторон обязываются помогать войском. В случае, если русские найдут греческий корабль, выброшенный на какой-нибудь берег, то не должны обижать находящихся на нем людей, в противном случае преступник повинен закону русскому и греческому — здесь опять греческий закон подле русского; положительная обязанность Олегова договора заменена здесь отрицательной — только не трогать греков. Русские не должны обижать корсунцев, ловящих рыбу в устье днепровском, русские не могут зимовать в устье Днепра, в Белобережье и у св. Еферия, но когда придет осень, должны возвращаться домой в Русь. Греки хотят, чтобы князь русский не пускал черных (дунайских) болгар воевать страну Корсунскую. Если грек обидит русского, то русские не должны самоуправством казнить преступника, наказывает его греческое правительство[198]. Следующие затем условия, как поступать в уголовных случаях, сходны с условиями Олегова договора.

Послы Игоревы пришли домой вместе с послами греческими; Игорь призвал последних к себе и спросил: «Что вам говорил царь?» Те отвечали. «Царь послал нас к тебе, он рад миру, хочет иметь любовь с князем русским; твои послы водили наших царей к присяге, а цари послали нас привести к присяге тебя и мужей твоих». Игорь обещал им это. На другое утро он призвал послов и повел их на холм, где стоял Перун, здесь русские поклали оружие свое, щиты, золото, и таким образом присягал Игорь и все люди его, сколько было некрещеной руси; христиан же приводили к присяге в церкви св. Илии — это была соборная церковь, потому что

многие варяги уже были христиане. Игорь отпустил послов, одарив их мехами, рабами и воском.

Так рассказывает летописец о войне и мире с греками; для нас договор Игоря и рассказ летописца замечательны во многих отношениях. Прежде всего мы замечаем, что договор Игоря не так выгоден для Руси, как был прежде договор Олегов; ясно виден перевес на стороне греков; в нем больше стеснений, ограничений для русских; подле закона русского имеет силу закон греческий. Потом останавливают нас в договоре чисто славянские имена между родичами князя и купцами русскими. Далее встречаем замечательное выражение — *Русская земля*, которое попадается здесь в первый раз: знак большей твердости в отношениях к стране, теснейшей связи с нею. Наконец, и в договоре и в рассказе летописца ясно обнаруживаются следствия походов на Византию, связи с греками: Русь разделяется на языческую и христианскую, в Киеве видим соборную церковь св. Илии.

Кроме столкновений с греками, в летопись занесено предание о столкновениях Игоря с кочующими степными народами — с печенегами. Мы видели, что Олег утвердил стол князей русских на степной границе; следовательно, постоянною обязанностию нового владения будет борьба с степными варварами. В это время господствующим народом в степях донских и волжских были козары, бравшие дань со многих племен славянских; мы видели, что Олег заставил эти племена платить дань себе, а не козарам, вследствие чего надо было бы ожидать враждебного столкновения Руси с последними, но, как видно, до летописца не дошло предание об нем. Если в самом деле столкновения не было или было весьма слабое, то это должно приписать тому, что козары были заняты тогда сильною борьбою с печенегами. С давних пор народы турецкого племени под именем хангаров кочевали в Средней Азии и распространялись на запад до Яика и Волги, где именно исторические известия застают их под именем печенегов. Печенеги граничили к западу с козарами, а к востоку с другими турецкими ордами, кочевавшими в нынешних киргиз-кайсацких степях и носившими название узов или гузов, то есть свободных. Как легко угадать, между печенегами и западными соседями их, козарами, возникла кровавая борьба в VIII и IX столетии. Козары с трудом оборонялись от их нападений; наконец, заключивши союз с узами, напали с двух сторон на печенегов. Тогда большая часть последних оставила свое прежнее отечество, двинулась на запад, ударила и погнала пред собою угров, подданных козарских, которые и побежали далее на запад. Немудрено, что при таких потрясениях, происходивших в степях, юная Русь могла оставаться некоторое время спокойною на берегах Днепра; при Олеге палатки венгров явились у Киева, но о столкновениях

этого народа с Русью до летописца не дошло преданий. Скоро, впрочем, по следам угров явились на границах Руси победители их — печенеги, грозившие большею опасностию преемникам Олега. Под 915 годом летописец помещает первое известие о появлении печенегов в пределах Руси; на этот раз Игорь заключил с ними мир, и они отправились к Дунаю, но через пять лет русский князь должен был уже силою отражать варваров; потом видим печенегов союзниками его в греческом походе.

Под 946 годом летописец помещает последнее предание об Игоре. Как пришла осень, рассказывает он, то дружина стала говорить князю: «Отроки Свенельда богаты оружием и платьем, а мы наги; пойди, князь, с нами в дань: и ты добудешь, и мы!»[199]. Послушался их Игорь, пошел за данью к древлянам, начал брать у них больше прежнего, делал им насилия и дружина его также. Взявши дань, Игорь пошел в свой город; на дороге, подумав, сказал дружине: «Идите с данью домой, а я возвращусь, похожу еще». Отпустив большую часть дружины домой, Игорь с небольшим числом ратников возвратился, чтоб набрать еще больше дани. Древляне, услыхав, что Игорь опять идет, начали думать с князем своим Малом: «Повадится волк к овцам, перетаскает все стадо, пока не убьют его, так и этот: если не убьем его, то всех нас разорит». Порешивши так, они послали сказать Игорю: «Зачем идешь опять? Ведь ты взял всю дань?» Но Игорь не послушался их, тогда древляне, вышедши из города Коростена, убили Игоря и всех бывших с ним. Так, по преданию, погиб Игорь[200].

Рассмотрев занесенные в летопись предания об Игоре, мы видим, что преемник Олега представлен в них князем недеятельным, вождем неотважным. Он не ходит за данью к прежде подчиненным уже племенам, не покоряет новых, дружина его бедна и робка подобно ему: с большими силами без боя возвращаются они назад из греческого похода, потому что не уверены в своем мужестве и боятся бури. Но к этим чертам Игорева характера в предании прибавлена еще другая — корыстолюбие, недостойное по тогдашним понятиям хорошего вождя дружины, который делил все с нею, а Игорь, отпустив дружину домой, остался почти один у древлян, чтоб взятою еще данью не делиться с дружиною — здесь также объяснение, почему и первый поход на греков был предпринят с малым войском, да и во втором не все племена участвовали.

Мы читали в предании, что дружина Игорева указывала на свою бедность и на богатство отроков Свенельдовых; есть известия, объясняющие нам причину этого богатства: воевода Свенельд взял на себя обязанность князя ходить за данью к племенам и воевать с теми, которые не хотели платить ее. Так Свенельд кончил дело, начатое Олегом, ему удалось

примучить угличей; Игорь обложил их данью в пользу Свенельда. Война с угличами была нелегка: под городом их Пересеченом Свенельд стоял три года и едва взял его[201]. Но в то время как Свенельд продолжал дело Олегово, примучивал племена на берегах Днепра, некоторые отряды руссов, по византийским известиям, бились под императорскими знаменами в Италии[202], а другие, по восточным преданиям, пустошили берега Каспийского моря[203]. В 913 или 914 году 500 русских судов, из которых на каждом было по сту человек, вошли в устье Дона и, приплыв к козарской страже, послали к кагану с просьбою о пропуске через его владения на Волгу и в море, обещая ему за это половину добычи, какую они возьмут с народов прикаспийских. Получив позволение, они поплыли вверх по Дону, потом переволокли суда свои на Волгу, устьем ее вышли в Каспийское море и начали опустошать западные его берега до самой области Адербайджанской, били мужчин, уводили в плен женщин и детей, грабили богатства. Частые битвы с жителями не причиняли им большого вреда; опустошивши берега, они обыкновенно искали убежища на островах. Наконец, жители собрали силы и, сев на лодки и купеческие суда, отправились к этим островам, но руссы поразили их. Прожив много месяцев на море, награбив довольно добычи и пленниц, руссы отправились обратно к устью Волги и отсюда послали к царю козарскому условленную часть добычи. Но мусульмане, составлявшие гвардию кагана, и другие, жившие в его стране, обратились к нему с просьбой: «Позволь нам, — говорили они, — разделаться с этим народом: он вторгся в землю братьев наших, мусульман, проливал кровь их, попленил их жен и детей». Каган не в силах был удержать их, он мог только известить русских о враждебных замыслах мусульман. Последние отправились в поход вместе со многими христианами, жителями Итиля; у них было 15 000 войска; руссы вышли из лодок к ним навстречу. Бой продолжался три дня сряду; наконец, мусульмане победили; из руссов одни были побиты, другие потонули, часть была истреблена буртасами (мордвою) и болгарами волжскими. Под 943 или 944 годом у восточных писателей находим известие о другом походе руссов: на этот раз они поднялись вверх по реке Куру и внезапно явились перед Бердаа, столицею Аррана, или нынешнего Карабага. Бердаа — один из древнейших городов прикавказских, принадлежал армянам еще в V веке, был возобновлен арабами в 704 году, а в X веке считался одним из богатейших городов Халифата. Градоначальник Бердаа выступил против руссов и был разбит ими. Вступив в Бердаа, руссы объявили, что жизнь граждан будет пощажена и вели себя умеренно. Войска мусульманские собрались опять и вторично были разбиты. Во время сражения чернь Бердаа, вышедши из города,

стала бросать в руссов каменьями и ругать их сильно. После такого поступка рассерженные руссы объявили, чтоб в течение недели все жители Бердаа вышли из города, но так как многие остались после срока, то руссы часть их перебили, часть взяли в плен и, собравши самых богатых в мечеть, объявили, что те, которые не выкупят себя, будут преданы смерти; когда те не хотели заплатить по двадцати драхм, то обещание и было исполнено. Потом руссы разграбили город, взяли в рабство жен и детей, разбили еще раз тридцатитысячный мусульманский отряд и сделали набег на окрестности Мераги (недалеко от Тебриза). Но излишнее употребление плодов в Бердаа произвело заразительную болезнь между руссами, от которой погибло большое их число. Наконец, правителю Адербайджана Мерзебану удалось победить руссов хитростию, заманив их в засаду, а остаток их осадить в крепости Бердаа, Шегристане. Ослабленные болезнями, руссы ночью вышли из крепости, достигли берегов Кура, сели на суда и отправились назад. Враги не смели их преследовать. Если примем известия о давнем пребывании части руссов на берегах Черного и Азовского морей, то очень легко можем приписать им и означенные походы; сильные поражения, претерпенные ими в это время, объяснят нам их исчезновение, или, лучше сказать, их подчинение князьям киевским.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Правление Ольги. — Месть древлянам. — Значение предания об этой мести. — Характер Ольги в предании. — Ее уставы. — Принятие христианства Ольгою. — Характер сына ее Святослава. — Его походы на вятичей и козаров. — Святослав в Дунайской Болгарии. — Печенеги под Киевом. — Смерть Ольги. — Распоряжение Святослава относительно сыновей. — Возвращение его в Болгарию. — Война с греками. — Смерть Святослава. — Характер его в предании. — Усобица между сыновьями Святослава. — Владимир в Киеве. — Усиление язычества. — Буйство варягов, уход их в Грецию

(946—980)

Древляне должны были ожидать мести от родных Игоря от Руси из Киева, Игорь оставил сына-младенца, Святослава, да жену Ольгу[204]; воспитателем (кормильцем) Святослава был Асмуд, воеводою — знаменитый Свенельд. Ольга не дожидалась совершеннолетия сына и отомстила сама древлянам, как требовал закон. Народное предание, занесенное в летопись, так говорит о мести Ольгиной. Убив Игоря, древляне стали думать: «Вот мы убили русского князя, возьмем теперь жену его Ольгу за нашего князя Мала, а с сыном его, Святославом, сделаем, что хотим». Порешивши таким образом, древляне послали двадцать лучших мужей своих к Ольге в лодье[205]. Узнав, что пришли древляне, Ольга позвала их к себе и спросила, зачем они пришли? Послы отвечали: «Послала нас Древлянская земля сказать тебе: мужа твоего мы убили, потому что он грабил нас, как волк, а наши князья добры, распасли Древлянскую землю, чтобы тебе пойти замуж за нашего князя Мала?» Ольга сказала им на это: «Люба мне ваша речь; ведь, в самом деле, мне мужа своего не воскресить! Но мне хочется почтить вас завтра пред своими людьми; теперь вы ступайте назад в свою лодью и разляггесь там с важностию; а как завтра утром я пришлю за вами, то вы скажете посланным: не едем на конях, нейдем пешком, а

несите нас в лодье! Они вас и понесут». Когда древляне ушли назад в свою лодку, то Ольга велела на загородном терем-ном дворе выкопать большую, глубокую яму и на другое утро послала за гостями, велев сказать им: «Ольга зовет вас на великую честь». Древляне отвечали: «Не едем ни на конях, ни на возах и пешком нейдем, несите нас в лодье!». Киевляне сказали на это: «Мы люди невольные; князь наш убит, а княгиня наша хочет замуж за вашего князя», — и понесли их в лодье, а древляне сидя важничали[206]. Когда принесли их на теремный двор, то бросили в яму как есть в лодье. Ольга нагнулась к ним и спросила: «Довольны ли вы честью?». Древляне отвечали: «Ох, хуже нам Игоревой смерти!». Княгиня велела засыпать их живых и засыпали. После этого Ольга послала сказать древлянам: «Если вы в самом деле меня просите к себе, то пришлите мужей нарочитых, чтоб мне придти к вам с великою честью, а то, пожалуй, киевляне меня и не пустят». Древляне выбрали лучших мужей, державших их Землю, и послали в Киев. По приезде новых послов Ольга велела вытопить баню, и когда древляне вошли туда и начали мыться, то двери за ними заперли и зажгли избу: послы сгорели. Тогда Ольга послала сказать древлянам: «Я уже на дороге к вам, наварите побольше медов в городе, где убили мужа моего, я поплачу над его могилою и отпраздную тризну». Древляне послушались, свезли много меду и заварили. Ольга с небольшою дружиною, налегке, пришла к Игоревой могиле, поплакала над нею и велела своим людям насыпать высокий курган, а когда насыпали, то велела праздновать тризну. Древляне сели пить, а Ольга велела отрокам своим служить им; когда древляне спросили Ольгу: «А где же наша дружина, что посылали за тобою?», то она отвечала: «Идут за мной вместе с дружиною мужа моего». Когда древляне опьянели, то Ольга велела отрокам своим *пить* за их здоровье[207], а сама отошла прочь и приказала дружине сечь древлян. Перебили их 5000; Ольга возвратилась в Киев и начала пристроивать войско на остальных древлян.

На следующий год Ольга собрала большое и храброе войско, взяла с собою сына Святослава и пошла на Древлянскую землю. Древляне вышли навстречу; когда оба войска сошлись, то Святослав сунул копьем в древлян, копье пролетело между ушей коня и ударило ему в ноги, потому что князь был еще ребенок. Свенельд и Асмуд сказали тогда: «Князь уже начал; потянем, дружина, за князем!» Древляне были побеждены, побежали и затворились по городам. Ольга с сыном пошла на город Искоростень, потому что здесь убили мужа ее и обступила город. Коростенцы бились крепко, зная, что они убили князя и потому не будет им милости, когда сдадутся. Целое лето простояла Ольга под городом и не могла взять его, тогда она придумала вот что сделать: послала ска-

зать в Коростень: «Из чего вы сидите? Все ваши города сдались мне, взялись платить дань и спокойно теперь обрабатывают свои поля, а вы одни хотите лучше помереть голодом, чем согласиться на дань». Древляне отвечали: «Мы рады были б платить дань, но ведь ты хочешь мстить за мужа?». Ольга велела им сказать на это: «Я уже отомстила за мужа не раз: в Киеве и здесь, на тризне, а теперь уже не хочу больше мстить, а хочу дань брать по-немногу и, помирившись с вами, пойду прочь». Древляне спросили: «Чего же ты хочешь с нас? Ради давать медом и мехами». Ольга отвечала: «Теперь у вас нет ни меду, ни мехов и потому требую от вас немного: дайте мне от двора по три голубя, да по три воробья; я не хочу накладывать на вас тяжкой дани, как делал мой муж, а прошу с вас мало, потому что вы изнемогли в осаде». Древляне обрадовались, собрали от двора по три голубя и по три воробья и послали их к Ольге с поклоном. Ольга велела им сказать: «Вы уже покорились мне и моему дитяти, так ступайте в свой город, а я завтра отступлю от него и пойду назад к себе домой». Древляне охотно пошли в город, и все жители его очень обрадовались, когда узнали Ольгино намерение. Между тем Ольга раздала каждому из своих ратных людей по голубю, другим — по воробью и велела, завернув в маленькие тряпочки серу с огнем, привязать к каждой птице и, как смеркнется, пустить их на волю. Птицы, получив свободу, полетели в свои гнезда, голуби по голубятням, воробьи под стрехи, и вдруг загорелись где голубятни, где клети, *где вежи, где одрины*[208], и не было ни одного двора, где бы не горело, а гасить было нельзя, потому что все дворы загорелись вдруг. Жители, испуганные пожаром, побежали из города и были перехватаны воинами Ольги. Таким образом город был взят и выжжен; старейшин городских Ольга взяла себе; из остальных некоторых отдала в рабы дружине, других оставила на месте платить дань. Дань наложена была тяжкая: две части ее шли в Киев, а третья — в Вышгород к Ольге, потому что Вышгород принадлежал ей[209].

Таково предание об Ольгиной мести: оно драгоценно для историка, потому что отражает в себе господствующие понятия времени, поставлявшие месть за убийство близкого человека священною обязанностию; видно, что и во времена составления летописи эти понятия не потеряли своей силы. При тогдашней неразвитости общественных отношений месть за родича была подвигом по преимуществу: вот почему рассказ о таком подвиге возбуждал всеобщее живое внимание и потому так свежо и украшенно сохранился в памяти народной. Общество всегда, на какой бы ступени развития оно ни стояло, питает глубокое уважение к обычаям, его охраняющим, и прославляет, как героев, тех людей, которые дают силу этим охранительным обычаям. В нашем древнем

обществе в описываемую эпоху его развития обычай мести был именно этим охранительным обычаем, заменявшим правосудие; и тот, кто свято исполнял обязанность мести, являлся необходимо героем правды, и чем жесточе была месть, тем больше удовлетворения находило себе тогдашнее общество, тем больше прославляло мстителя, как достойного родича, а быть достойным родичем значило тогда, в переводе на наши понятия, быть образцовым гражданином. Вот почему в предании показывается, что месть Ольги была достойною местию. Ольга, мудрейшая из людей, прославляется именно за то, что умела изобрести достойную месть: она, говорит предание, подошла к яме, где лежали древлянские послы, и спросила их: «Нравится ли вам честь?» Те отвечали: «Ох, пуще нам Игоревой смерти!». Предание, согласно с понятиями времени, заставляет древлян оценивать поступок Ольги: «Ты хорошо умеешь мстить, наша смерть лютее Игоревой смерти». Ольга не первая женщина, которая в средневековых преданиях прославляется неумолимою мстительностию; это явление объясняется из характера женщины, равно как из значения мести в тогдашнем обществе: женщина отличается благочестием в религиозном и семейном смысле; обязанность же мести за родного человека была тогда обязанностию религиозною, обязанностию благочестия.

Характер Ольги, как он является в предании, важен для нас и в других отношениях: не в одних только именах находим сходство Ольги с знаменитым преемником Рюрика, собирателем племен. Как Олег, так и Ольга, отличаются в предании мудростию, по тогдашним понятиям, т. е. хитростию, ловкостию: Олег хитростию убивает Аскольда и Дира, хитростию пугает греков, наконец, перехитряет этот лукавейший из народов; Ольга хитростию мстит древлянам, хитростию берет Коростень; наконец, в Царе-граде перехитряет императора. Но не за одну эту хитрость Олег прослыл вещим, Ольга — мудрейшею из людей: в предании являются они также как нарядники, заботящиеся о строе земском; Олег установил дани, строил города. Ольга объехала всю землю, повсюду оставила следы своей хозяйственной распорядительности. Предание говорит, что немедленно после мести над древлянами Ольга с сыном и дружиною пошла по их земле, установляя *уставы* и уроки: на *становища ее* и *ловища,* т. е. на места, где она останавливалась и охотилась, указывали еще во времена летописца. Под именем *устава* должно разуметь всякое определение, как что-нибудь делать[210]; под именем *урока* — всякую обязанность, которую должно выполнять к определенному сроку, будет ли то уплата известной суммы денег, известного количества каких-нибудь вещей или какая-нибудь работа. После распоряжений в земле Древлянской Ольга пошла на север к Новгороду, по реке Мсте установила погосты и дани,

по реке Луге — оброки и дани; ловища ее, говорит летописец, находятся по всей Земле, везде встречаются следы ее пребывания [211], места, которые от нее получили свое имя, погосты, ею учрежденные; так, во времена летописца показывали ее сани во Пскове, по Днепру и Десне — *перевесища,* или перевозы; село ее *Ольжичи* существовало также во времена летописца. Мы знаем, что русские князья в ноябре месяце отправлялись с дружиною к подчиненным племенам на *полюдье* и проводили у них зиму: обязанность племен содержать князя и дружину во время этого полюдья называлась, кажется, *оброком.* Обычай полюдья сохранился и после, при тогдашнем состоянии общества это был для князя единственный способ исполнять свои обязанности относительно народонаселения, именно суд и расправу; разумеется, что для этого князь не мог останавливаться при каждом жилье: он останавливался в каком-нибудь удобном для себя месте, куда окружное народонаселение и позывалось к нему для своих надобностей. Естественно, что для большего удобства эти места княжеской стоянки, *гощения,* эти *погосты* могли быть определены навсегда, могли быть построены небольшие дворы, где могли быть оставлены княжие приказчики (тиуны), и, таким образом, эти погосты могли легко получить значение небольших правительственных центров и передать свое имя округам; впоследствии здесь могли быть построены церкви, около церквей собирались торги и т. д. Хотя летописец упоминает о распоряжениях Ольги только в земле Древлянской и в отдаленных пределах Новгородской области, однако, как видно, путешествие ее с хозяйственною, распорядительною целию обнимало все тогдашние русские владения; по всей Земле оставила она следы свои, повсюду виднелись учрежденные ею погосты [212].

Как женщина, Ольга была способнее ко внутреннему распорядку, хозяйственной деятельности; как женщина, она была способнее к принятию христианства. В 955 году, по счету летописца, вернее в 957 [213], отправилась Ольга в Константинополь и крестилась там при императорах Константине Багрянородном и Романе и патриархе Полиевкте. При описании этого события летописец основывается на том предании, в котором характер Ольги остается до конца одинаким: и в Константинополе, во дворце императорском, как под стенами Коростеня, Ольга отличается ловкостию, находчивостию, хитростию; перехитряет императора, как прежде перехитрила древлян. Император, говорит предание, предложил Ольге свою руку; та не отреклась, но прежде требовала, чтоб он был ее восприемником; император согласился, но когда после таинства повторил свое предложение, то Ольга напомнила ему, что по христианскому закону восприемник не может жениться на своей крестнице: «Ольга! ты меня перехитрила!» —

воскликнул изумленный император и отпустил ее с богатыми дарами. Император Константин Багрянородный[214] оставил нам описание приемов, сделанных русской княгине при византийском дворе; церемонии, соблюденные при этих приемах, не могли польстить честолюбию Ольги: в них слишком резко давали чувствовать то расстояние, которое существовало между особами императорского дома и русскою княгинею; так, напр[имер], Ольге давали место наряду с знатными гречанками, она сама должна была выгораживаться из их среды, приветствуя императрицу только легким поклоном, тогда как гречанки падали ниц. Из этих известий о приеме Ольги мы узнаем, что с нею был племянник, знатные женщины, служанки, послы, гости, переводчики и священник; вычислены и подарки, полученные Ольгою и ее спутниками: один раз подарили ей с небольшим сорок, в другой — около двадцати[215] червонцев. Известия о подарках очень важны: они могут показать нам, как мы должны понимать летописные известия, где говорится о многих дарах, о множестве золота, серебра и проч.

О побуждениях, которые заставили Ольгу принять христианство и принять его именно в Константинополе, не находим ничего ни в известных списках нашей летописи, ни в известиях иностранных. Очень легко могло быть, что Ольга отправилась в Царь-город язычницею, без твердого еще намерения принять новую веру, была поражена в Константинополе величием греческой религии и возвратилась домой христианкою. Мы видим, что везде в Европе, как на западе, так и на востоке, варвары, несмотря на то, что опустошали области Империи и брали дань с повелителей обоих Римов, питали всегда благоговейное уважение к Империи, к блестящим формам ее жизни, которые так поражали их воображение; таковы бывают постоянно отношения народов необразованных к образованным. Это уважение варваров к Империи способствовало также распространению между ними христианства. Не одна надежда корысти могла привлекать нашу Русь в Константинополь, но также и любопытство посмотреть чудеса образованного мира; сколько дивных рассказов приносили к своим очагам бывальцы в Византии! Как вследствие этого возвышался тот, кто был в Константинополе, и как у других разгоралось желание побывать там! После этого странно было бы, чтобы Ольга, которая считалась мудрейшею из людей, не захотела побывать в Византии. Она отправляется туда. Что же прежде всего должно было обратить ее внимание? Разумеется то, что всего резче отличало греков от Руси — религия; известно, что греки обыкновенно сами обращали внимание варварских князей и послов на свою религию, показывали им храмы, священные сокровища; разумеется, при этом и основные догматы веры были объясняемы искусными

толковниками. Если многие из мужчин, воинов русских, принимали христианство в Греции, то нет ничего удивительного, что обратилась к нему Ольга, во-первых, как женщина, в характере которой было к тому менее препятствий, чем в характере князей-воинов, во-вторых, как мудрейшая из людей, могшая, следовательно, яснее других понять превосходство греческой веры перед русскою. Но, кроме этого, трудно отвергать, что Ольга была уже в Киеве знакома с христианством и предубеждена в его пользу, это предубеждение в пользу христианства могло сильно содействовать к принятию его в Царе-граде, но от предубеждения в пользу до решительного шага еще далеко. Есть известие[216], что Ольга еще в Киеве была расположена к христианству, видя добродетельную жизнь исповедников этой религии, даже вошла с ними в тесную связь и хотела креститься в Киеве, но не исполнила своего намерения, боясь язычников. Принимая первую половину известия, мы не можем допустить второй: опасность от язычников не уменьшалась для Ольги и в том случае, когда она принимала крещение в Константинополе; утаить обращение по приезде в Киев было очень трудно, и при том Ольга, как видно, вовсе не хотела таиться — это было несовместно ни с ревностию новообращенной, ни с характером Ольги; не хотела она таиться и равнодушно смотреть, как сын ее, вся семья и весь народ остаются в язычестве, следовательно, лишаются вечного спасения. Так, по возвращении в Киев Ольга начала уговаривать сына Святослава к принятию христианства, но он и слышать не хотел об этом; впрочем, кто хотел креститься, тому не запрещали, а только смеялись над ним. В этом известии мы находим прямое указание, что христианство распространялось в Киеве, тогда как прежние христиане из варягов могли принимать греческую веру в Константинополе. Над принимавшими христианство начали смеяться в Киеве, но на прежних христиан при Игоре, как видно, не обращали внимания; следовательно, хотя не было явного преследования, однако насмешки были уже началом преследования и знаком усиления христианства, чего обращение Ольги могло быть и причиною и следствием; можно заметить, что новая религия начала принимать видное положение, обратила на себя внимание древней религии, и это враждебное внимание выразилось насмешками. Борьба начиналась: славянское язычество, принятое и руссами, могло противопоставить христианству мало положительного и потому должно было скоро преклониться пред ним, но христианство само по себе без отношения к славянскому язычеству встретило сильное сопротивление в характере сына Ольгина, который не мог принять христианства по своим наклонностям, а не по привязанности к древней религии. Ольга, по свидетельству летописи, часто говорила ему: «Я узнала бога и радуюсь; если и

ты узнаешь его, то также станешь радоваться». Святослав не слушался и отвечал на это: «Как мне одному принять другой закон? Дружина станет над этим смеяться». Ольга возражала: «Если ты крестишься, то и все станут то же делать». Святославу нечего было отвечать на это; не насмешек дружины боялся он, но собственный характер его противился принятию христианства. Он не послушался матери, говорит летописец, и жил по обычаю языческому (творил норовы поганские). Эта самая невозможность отвечать на возражение матери должна была раздражать Святослава, о чем свидетельствует и летопись, говоря, что он сердился на мать. Ольга даже ожидала больших опасностей со стороны язычников, что видно из ее слов патриарху: «Народ и сын мой в язычестве; дай мне бог уберечься от всякого зла!».

Мы видели, что предание провожает Ольгу в Константинополь и заставляет мудрейшую из всех людей русских перехитрить грека: тогда не знали лучшего доказательства мудрости. Предание провожает мудрую княгиню и домой, в Киев, заставляет ее и здесь постыдить греческого императора, охотника до даров и вспомогательного войска, и отомстить ему за то унижение, которому подвергались руссы в константинопольской гавани и которое, как видно, лежало у них на душе. Мы знаем из Игорева договора, что греки, опасаясь буйства русских и воинских хитростей с их стороны, выговорили себе право не впускать их в город до тех пор, пока в точности не узнают характера новоприбывших, имена которых должны были находиться на княжеском листе; эти меры предосторожности, как видно, очень раздражали русских, и вот в предании Ольга мстит за них императору. Когда Ольга, говорит летопись, возвратилась в Киев, то царь греческий прислал сказать ей: «Я тебя много дарил, потому что ты говорила мне: возвращусь на Русь, пришлю тебе богатые дары — рабов, воску, мехов, пришлю и войско на помощь». Ольга велела отвечать ему: «Когда ты столько же постоишь у меня на Почайне, сколько я стояла у тебя в гавани цареградской, тогда дам тебе обещанное» [217].

Ольга воспитывала сына своего до возраста и мужества его, говорит летописец. Когда князь Святослав вырос и возмужал, то начал набирать воинов многих и храбрых, ходя легко, как барс, много воевал. Идя в поход, возов за собою не возил, ни котлов, потому что мяса не варил, но, изрезав тонкими ломтями конину или зверину, или говядину, пек на угольях; шатра у него не было, а спал он на конском потнике, положивши седло под голову; так вели себя и все его воины. Он посылал в разные стороны, к разным народам с объявлением: «Хочу на вас идти!» Начальные слова предания о Святославе показывают набор дружины, удальцов, которые, как обыкновенно тогда водилось, прослышав о храбром вожде,

стекались к нему отовсюду за славою и добычею. Поэтому Святослав совершал свои подвиги с помощию одной своей дружины, а не соединенными силами всех подвластных Руси племен: и точно, при описании походов его летописец не вычисляет племен, принимавших в них участие. Святослав набирал воинов многих и храбрых, которые были во всем на него похожи: так можно сказать только об отборной дружине, а не о войске многочисленном, составленном из разных племен. Самый способ ведения войны показывает, что она велась с небольшою отборною дружиною, которая позволяла Святославу обходиться без обозу и делать быстрые переходы: он воевал, ходя легко, как барс, т. е. делал необыкновенно быстрые переходы, прыжками, так сказать, подобно названному зверю.

При князьях, предшественниках Святослава, не было тронуто одно только славянское племя на восток от Днепра — то были вятичи. С них-то и начал Святослав свои походы; узнав, что это племя платило дань козарам, Святослав бросился на последних, одолел их кагана, взял его главный город на Дону — Белую Вежу; потом победил ясов и касогов, жителей Прикавказья. К 968 году относят восточные писатели поход руссов на волжских болгар, разграбление главного города их (Болгар), который был складкою товаров, привозимых из окрестных стран; потом Русь вниз по Волге спустилась до Казерана [218], разграбила и этот город, равно как Итиль и Семендер [219]. Все это согласно с русским преданием о походе Святослава на Волгу и битвах его с козарами, ясами и касогами [220]. Так отомстил Святослав приволжскому народонаселению за недавние поражения руссов. По всем вероятностям, ко времени этих походов Святослава относится подчинение Тмутаракани [221] русскому киевскому князю. На возвратном пути с востока Святослав, говорит летопись, победил вятичей и наложил на них дань. С этого времени начинаются подвиги Святослава, мало имеющие отношения к нашей истории. Греческий император Никифор, угрожаемый войною с двух сторон, — и со стороны арабов и со стороны болгар — решился по обычаю вооружить против варваров других варваров: послал патриция Калокира к русскому князю нанять его за 15 кентинарий золота [222] и привести воевать Болгарию. Калокир, говорят греческие историки [223], подружился с Святославом, прельстил его подарками и обещаниями; уговорились: Святославу завоевать Болгарию, оставить ее за собою и помогать Калокиру в достижении императорского престола, за что Калокир обещал Святославу несметные сокровища из императорской казны. В 967 году Святослав с своею дружиною отправился в Болгарию, завоевал ее и остался жить там в Переяславце на Дунае; он княжил в Переяславце, говорит летописец, а Русь оставалась без князя;

в Киеве жила престарелая Ольга с малолетними внуками, а подле была степь, откуда беспрестанно можно было ожидать нападения кочевых варваров. И вот пришли печенеги, оборонить было некому, Ольга затворилась в Киеве со внуками. Бесчисленное множество печенегов обступило город, нельзя было ни выйти из него, ни вести послать, и жители изнемогали от голода и жажды. На противоположной стороне Днепра, говорит предание, собрались ратные люди в лодках, но не смели напасть на печенегов и не было сообщения между ними и киевлянами. Тогда последние встужили и стали говорить: «Нет ли кого, кто б мог пройти на ту сторону и сказать нашим, что если они завтра не нападут на печенегов, то мы сдадимся» И вот вызвался один молодой человек: «Я, — сказал он, — пойду» «Иди!» — закричали ему все. Молодой человек вышел из города с уздою и, ходя между печенегами, спрашивал, не видал ли кто его лошади. Он умел говорить по-печенежски, и потому варвары приняли его за одного из своих. Когда он подошел к реке, то сбросил с себя платье и поплыл; печенеги догадались об обмане, начали стрелять по нем, но не могли уже попасть: он был далеко, и русские с той стороны выехали в лодке к нему навстречу и перевезли на другой берег. Он сказал им: «Если не подступите завтра к городу, то люди хотят сдаться печенегам». Воевода именем Претич сказал на это: «Подступим завтра в лодках, как-нибудь захватим княгиню с княжатами и умчим их на эту сторону, а не то Святослав погубит нас, как воротится». Все согласились и на другой день, на рассвете, седши в лодки, громко затрубили; люди в городе радостно откликнулись им. Печенеги подумали, что князь пришел, отбежали от города, а тем временем Ольга со внуками успела сесть в лодку и переехать на другой берег. Увидав это, печенежский князь возвратился один к воеводе Претичу и спросил у него: «Кто это пришел?» Претич отвечал: «Люди с той стороны». Печенег опять спросил Претича: «А ты князь ли?» Воевода отвечал: «Я муж княжой и пришел в сторожах, а по мне идет полк с князем, бесчисленное множество войска». Он сказал это, чтобы пригрозить ему. Тогда князь печенежский сказал воеводе: «Будь мне другом». Тот согласился. Оба подали друг другу руки и разменялись подарками: князь печенежский подарил Претичу коня, саблю, стрелы; Претич отдарил его бронею, щитом и мечом. После этого печенеги отступили от города, но стали не в далеком расстоянии от него; летописец говорит, что русским нельзя было коней напоить: на Лыбеди стояли печенеги[224]. Таково предание, внесенное в летопись, так народная память передавала это событие. Из характеристических черт времени в этом предании мы заметим описание подарков, которыми обменялись Претич и князь печенежский, — в различии оружия резко выразилось различие между

Европою и Азиею, между европейским и азиатским вооружением: степной кочевник, всадник по преимуществу, дарит коня и скифское оружие — саблю, стрелы; воевода русский дарит ему оружие воина европейского, большею частью оборонительное: броню, щит и меч.

Киевляне, продолжает предание, послали сказать Святославу: «Ты, князь, чужой земли ищешь и блюдешь ее, от своей же отрекся, чуть-чуть нас не взяли печенеги вместе с твоею матерью и детьми; если не придешь, не оборонишь нас, то опять возьмут; неужели тебе не жалко отчины своей, ни матери-старухи, ни детей малых?» Услыхав об этом, Святослав немедленно сел на коней, с дружиною пришел в Киев, поздоровался с матерью и детьми, рассердился на печенегов, собрал войско и прогнал варваров в степь. Но Святослав недолго нажил в Киеве: по преданию, он сказал матери своей и боярам: «Не любо мне в Киеве, хочу жить в Переяславце на Дунае — там *средина* Земли моей; туда со всех сторон свозят все доброе: от греков — золото, ткани, вина, овощи разные; от чехов и венгров — серебро и коней, из Руси — меха, воск, мед и рабов». Ольга на это отвечала ему: «Ты видишь, что я уже больна, куда же это ты от меня уходишь? Когда похоронишь меня, то иди куда хочешь». Через три дня Ольга умерла, и плакались по ней сын, внуки и люди все плачем великим. Ольга запретила праздновать по себе тризну, потому что у ней был священник, который и похоронил ее.

Здесь очень важно для нас выражение Святослава о Переяславце: «То есть середа в Земле моей». Каким образом Переяславец мог быть серединою земли Святославовой? Это выражение может быть объяснено двояким образом: 1) Переяславец в земле моей есть серединное место, потому что туда изо всех стран свозится все доброе; Переяславец, след[овательно], назван серединою не относительно положения своего среди владений Святослава, но как средоточие торговли. 2) Второе объяснение нам кажется легче: Святослав своею Землею считал только одну Болгарию, приобретенную им самим, Русскую же землю считал по понятиям того времени владением общим, родовым. Святослав спешил окончить свое княжение на Руси: он посадил старшего сына, Ярополка, в Киеве, другого, Олега, — в земле Древлянской. Это вовсе не значит, чтобы этими волостями ограничивались владения русских князей: уже при Олеге все течение Днепра до Киева было в русском владении, в Смоленске и Любече сидели мужи киевского князя; Ольга ездила и рядила землю до самых северных пределов Новгородской области; следовательно, деление Святослава означает, что у него было только двое способных к правлению сыновей, а не только две волости — Киевская и Древлянская; остальные же волости оба брата должны были поделить между собою, как после Ярославичи, усевшись

около Днепра, поделили между собою волости отдаленнейшие. Как после Ярославичи теснились все в привольной родине своей, около Днепра и Киева, около собственной Руси, не любя волостей северных и восточных, так и теперь оба сына Святославова садятся на юге, недалеко друг от друга и не хотят идти на север. Но если князья не любили севера, то жители северной области, новгородцы, не любили жить без князя или управляться посадником из Киева, особенно когда древляне получили своего князя. Новгородцы и после любили, чтобы у них был свой князь, знавший их обычай; до сих пор они терпели посадника киевского, потому что во всей Руси был один князь, но теперь, когда древляне получили особого князя, новгородцы так же хотят иметь своего. Послы их, по преданию, пришли к Святославу и стали просить себе князя: «Если никто из вашего рода не пойдет к нам, — говорили они, — то мы найдем себе князя». Святослав отвечал им: «Если бы кто к вам пошел, то я был бы рад дать вам князя» [225]. Ярополк и Олег были спрошены — хотят ли идти в Новгород — и, по изложенным выше причинам, отказались. Тогда Добрыня внушил новгородцам: «Просите Владимира». Владимир был третий сын Святослава, рожденный от Малуши — ключницы Ольгиной, сестры Добрыни. Новгородцы сказали Святославу: «Дай нам Владимира». Князь отвечал им: «Возьмите». Новгородцы взяли Владимира к себе, и пошел Владимир с Добрынею, дядею своим, в Новгород, а Святослав — в Переяславец.

Здесь останавливает нас вопрос: почему Святослав не дал никакой волости младшему сыну своему, Владимиру, сам сначала и уже после отправил его к новгородцам по требованию последних? Летописец как будто спешит объяснить причину явления; Владимир, говорит он, был сын Малуши — ключницы Ольгиной, следовательно рабыни, ибо, по древнему уставу, человек и вольный, ставший ключником, поэтому уже самому превращался в раба. Итак, Владимир был не совсем равноправный брат Ярополка и Олега. Многоженство не исключало неравноправности: если было различие между женами (водимыми) и наложницами, то необходимо долженствовало существовать различие и между детьми тех и других. Но если многоженство не исключало неравноправности детей, то по крайней мере много ослабляло ее: было различие между детьми наложниц — правда, но все не такое различие, какое, по нашим понятиям, существует между детьми законными и незаконными. На это малое различие указывает уже то явление, что новгородцы приняли Владимира, как князя, и после не полагается между ним и братьями никакого различия. Здесь, как естественно, имело силу не столько различие между законностию и незаконностию матери, сколько знатность и низость ее происхождения; разу-

меется, ключница, рабыня, полюбившаяся Святославу, немогла стать наряду с другою его женою, какой-нибудь княжною, или дочерью знатного боярина; отсюда низость матери падала и на сына, не отнимая, впрочем, у него отцовских прав; Владимир был князь, но при случае, когда нужно было сравнить его с остальными братьями, могли выставить на вид низкое происхождение его матери; так после полоцкая княжна Рогнеда, выбирая между двумя женихами, Ярополком и Владимиром, говорит, что она не хочет идти замуж за Владимира как сына рабыни. Обратить внимание на это обстоятельство было очень естественно княжне, ибо при многоженстве женщины знатного происхождения старались как можно резче отделить себя от наложниц своих мужей, и презрение, которое питали к наложницам, старались переносить и на детей их. Святослав сначала не дал волости Владимиру и потом отпустил его в Новгород, могши в самом деле испугаться угрозы новгородцев, что они откажутся от его рода и найдут себе другого князя. Добрыня хлопотал об этом, надеясь во время малолетства Владимирова занимать первое место в Новгороде и не надеясь, чтобы после старшие братья дали младшему хорошую волость; новгородцы же приняли малолетнего Владимира, потому что он все-таки был независимый князь, а не посадник, притом же надеялись воспитать у себя Владимира в своем обычае: они и после любили иметь у себя такого князя, который бы вырос у них.

Княжение Святослава кончилось на Руси; он отдал все свои владения здесь сыновьям и отправился в Болгарию навсегда. Но на этот раз он не был так счастлив, как прежде: болгары встретили его враждебно; еще опаснейшего врага нашел себе Святослав в Иоанне Цимискии — византийском императоре. У нашего летописца читаем предание о подвигах Святослава в войне с греками; это предание, несмотря на неверный свет, который брошен им на события, важно для нас потому, что представляет яркую картину дружинной жизни, очерчивает характер знаменитого вождя дружины, около которого собралась толпа подобных ему сподвижников. По преданию, Святослав пришел в Переяславец, но болгары затворились в городе и не пустили его туда. Мало того, они вышли на сечу против Святослава, сеча была сильная, и болгары стали было уже одолевать; тогда Святослав сказал своим: «Уже нам видно здесь погибнуть; потянем мужески, братья и дружина!» К вечеру Святослав одолел, взял город копьем (приступом) и послал сказать грекам: «Хочу на вас идти, хочу взять и ваш город, как взял этот». Греки отвечали: «Нам не совладеть с вами, возьми лучше с нас дань на себя и на дружину свою, да скажите, сколько вас, так мы дадим на каждого человека». Греки говорили это, желая обмануть русь, прибавляет летописец, потому что греки лживы и до сих пор.

Святослав отвечал: «Нас 20000»; десять-то тысяч он прибавил, потому что русских было всего 10000; греки собрали 100000 на Святослава и не дали дани; Святослав пошел на них, но русь испугалась, видя множество вражьего войска; тогда Святослав сказал дружине: «Нам некуда деться, волею и неволею пришлось стать против греков: так не посрамим Русской земли, но ляжем костями, мертвым не стыдно; если же побежим, то некуда будет убежать от стыда; станем же крепко, я пойду перед вами, и если голова моя ляжет, тогда промышляйте о себе». Дружина отвечала: «Где твоя голова ляжет, там и свои головы сложим». Русь ополчилась, была сеча большая, и Святослав обратил в бегство греков, после чего пошел к Константинополю, воюя и разбивая города, которые и до сих пор лежат пусты, прибавляет летописец. Царь созвал бояр своих в палату и сказал им: «Что нам делать: не можем стать против него!» Бояре отвечали: «Пошли к нему дары, испытаем его, на что он больше польстится — на золото или на ткани дорогие?» Царь послал и золото и ткани, а с ними мужа мудрого, которому наказал: «Смотри хорошенько ему в лицо». Святославу объявили, что пришли греки с поклоном; он велел их ввести; греки пришли, поклонились, разложили перед ним золото и ткани; Святослав, смотря по сторонам, сказал отрокам своим: «спрячьте это». Послы возвратились к царю, который созвал опять бояр, и стали рассказывать: «Как пришли мы к нему и отдали дары, то он и не посмотрел на них, а велел спрятать». Тогда один боярин сказал царю: «Поиспытай-ка его еще: пошли ему оружие». Послали Святославу меч и разное другое оружие; он принял, начал хвалить и любоваться и послал поклон царю. Послы возвратились с этим к последнему, и тогда бояре сказали: «Лют должен быть этот человек, что на богатство не смотрит, а оружие берет; делать нечего, станем платить ему дань,» — и царь послал сказать Святославу: «Не ходи к Царю-городу, но возьми дань, сколько хочешь»; потому что русские были уже недалеко от Царя-града. Греки прислали дань; Святослав взял и за убитых, говоря: «Род их возьмет». Кроме дани, Святослав взял много даров и возвратился в Переяславец с большою честию. Видя, однако, что дружины осталось мало, Святослав начал думать: «Что, как обманом перебьют дружину мою и меня: пойду лучше в Русь, приведу больше дружины». Принявши такое намерение, он отправил к царю в Доростол послов, которые должны были сказать ему от имени своего князя: «Хочу держать с тобою мир твердый и любовь». Царь обрадовался и послал к нему дары больше первых. Святослав, приняв дары, начал говорить дружине: «Если не заключим мира с царем и царь узнает, что нас мало, и греки оступят нас в городе, а Русская земля далеко, печенеги с нами в войне, то кто нам поможет? Заключим лучше мир с царем.

Греки уже взялись платить нам дань и того будет с нас; если же они перестанут платить дань, то, собравши побольше войска, пойдем опять к Царю-городу». Речь эта полюбилась дружине, и лучшие мужи отправились от Святослава к царю в Доростол. Заключен был мир и написан договор; договор этот также внесен в летопись: Святослав обязался не воевать греческих областей ни сам, ни подучать на это другой какой-нибудь народ, не воевать ни страны Корсунской, ни Болгарской, и если другой какой-нибудь народ вздумает идти на греков, то русский князь обязался воевать с ним[226].

Предание, основанное, без сомнения, на рассказах Свенельда и немногих товарищей его, возвратившихся в Киев после гибели Святославовой, согласно с византийскими летописцами относительно гордого вызова Святославова грекам: «Хочу на вас идти, и взять ваш город, как взял этот»; но эти слова у византийцев Святослав сказал в ответ на мирные предложения императора; очень согласно с своим положением Святослав велит сказать Цимискию, что Русь не поденщики, которые питаются трудами рук своих[227]. Самое начало войны было уже, по византийцам, несчастливо для Руси: полководец Цимиския Вард Склир разбил отряд Святославова войска, составленный, кроме руси, из венгров и болгар. Несмотря, однако, на это и по византийцам видно, что Святослав не думал унывать; русские отряды сильно разоряли области Империи, что означено у летописца разрушением городов. Цимиский видел, что необходимо всеми силами государства напасть на Святослава и вытеснить его из Болгарии. Он вступил с огромными войсками в эту землю, и началась война на жизнь и на смерть, как видно из слов самих византийцев, которые отдают справедливость отчаянной храбрости Святославовой дружины[228]. Но эта храбрость не помогла против безмерно большего числа врагов, предводимых полководцем искусным и храбрым, среди враждебных болгар, против которых Святослав, по словам византийцев, употреблял крайне насильственные меры. Русский князь принужден был просить мира у императора с условием очистить Болгарию. После мира имело место свидание обоих вождей; для нас важно описание Святославовой наружности, оставленное Львом Диаконом: «Святослав приплыл на место свидания в лодке по Дунаю, причем действовал веслом наравне с другими гребцами. Он был среднего роста, имел плоский нос, глаза голубые, густые брови, мало волос на бороде и длинные, косматые усы. Все волосы на голове были у него выстрижены, кроме одного клока, висевшего по обеим сторонам, что означало его знатное происхождение. Шея у него была плотная, грудь широкая, и все прочие члены очень стройные. Вся наружность представляла что-то мрачное и свирепое. В одном ухе висела серьга, украшенная карбункулом и двумя

жемчужинами Белая одежда его только чистотою отличалась от одежды прочих русских. Из сличения наших летописных известий с известиями византийцев оказывается одно, что Святослав потерпел неудачу, должен был заключить невыгодный для себя мир с императором, причем обязался оставить Болгарию и возвратиться в Русь. Что же касается до противоречий между русскими и греческими известиями, то ясно, что в летописное известие вошли рассказы Свенельда и его уцелевших товарищей, которые, передавая об одних подвигах своих, умолчали о неудачах [229].

Заключив мир с греками, Святослав пошел в лодьях к днепровским порогам; отцовский воевода Свенельд говорил ему: «Ступай, князь, в обход на конях, потому что стоят печенеги в порогах». Святослав не послушал его и пошел в лодьях; между тем переяславцы послали сказать печенегам: «Идет Святослав в Русь с большим богатством и с малою дружиною». Получив эту весть, печенеги заступили пороги, и когда Святослав приплыл к ним, то уже нельзя было пройти. Князь стал зимовать в Белобережьи [230], съестные припасы вышли и сделался большой голод, так что платили по полугривне за лошадиную голову. В начале весны Святослав пошел опять в пороги, но здесь был встречен Курею, князем печенежским, и убит; из черепа его сделали чашу, оковали ее золотом и пили из нее [231]. Свенельд пришел в Киев к Ярополку.

Это предание, как оно занесено в летопись, требует некоторых пояснений. Здесь прежде всего представляется вопрос: почему Святослав, который так мало был способен к страху, испугался печенегов и возвратился назад зимовать в Белобережье; если испугался в первый раз, то какую надежду имел к беспрепятственному возвращению после, весною; почему он мог думать, что печенеги не будут сторожить его и в это время; наконец, если испугался печенегов, то почему не принял совета Свенельдова, который указывал ему обходный путь степью? Другой вопрос: каким образом спасся Свенельд? Во-первых, мы знаем, каким бесчестием покрывался дружинник, оставивший своего вождя в битве, переживший его и отдавший тело его на поругание врагам; этому бесчестию наиболее подвергались самые храбрейшие, т. е. самые приближенные к вождю, князю; а кто был ближе Свенельда к Святославу? Дружина обещала Святославу, что где ляжет его голова, там и они все головы свои сложат; дружина, не знавшая страха среди многочисленных полчищ греческих, дрогнула перед печенегами? И неужели Свенельд не постыдился бежать с поля, не захотел лечь с своим князем? Во-вторых, каким образом он мог спастись? Мы знаем, как затруднительны бывали переходы русских через пороги, когда они принуждены бывали тащить на себе лодки и обороняться

от врагов, и при такой малочисленности Святославовой дружины трудно, чтоб главный по князе вождь мог спастись от тучи облегавших варваров. Для решения этих вопросов мы должны обратить внимание на характер и положение Святослава, как они выставлены в предании Святослав завоевал Болгарию и остался там жить; вызванный оттуда вестию об опасности своего семейства, нехотя поехал в Русь; здесь едва дождался смерти матери, отдал волости сыновьям и отправился навсегда в Болгарию, свою страну. Но теперь он принужден снова ее оставить и возвратиться в Русь, от которой уже отрекся, где уже княжили его сыновья; в каком отношении он находился к ним, особенно к старшему, Ярополку, сидевшему в Киеве? Во всяком случае ему необходимо было лишить последнего данной ему власти и занять его место; притом, как должны были смотреть на него киевляне, которые и прежде упрекали его за то, что он отрекся от Руси? Теперь он потерял ту страну, для которой пренебрег Русью, и пришел беглецом в родную землю. Естественно, что такое положение должно было быть для Святослава нестерпимо; не удивительно, что ему не хотелось возвратиться в Киев, и он остался зимовать в Белобережье, послав Свенельда степью в Русь, чтоб тот привел ему оттуда побольше дружины, с которою можно было бы снова выступить против болгар и греков, что он именно и обещал сделать перед отъездом из Болгарии. Но Свенельд волею или неволею мешкал на Руси, а голод не позволял Святославу медлить более в Белобережье; идти в обход степью было нельзя: кони были все съедены, по необходимости должно было плыть Днепром чрез пороги, где ждали печенеги. Что Святослав сам отправил Свенельда степью в Киев, об этом свидетельствует Иоакимова летопись [232].

Таковы предания о деятельности и смерти Святослава. Олег и Ольга соединены в предании одним характером: оба представляются нарядниками земли, мудрыми, вещими; Игорь между ними является воином неотважным, князем недеятельным, вождем дружины корыстолюбивым. Святослав представлен образцом воина и только воина, который с своею отборною дружиною покинул Русскую землю для подвигов отдаленных, славных для него и бесполезных для родной земли; эти отношения Святослава к Руси предание выставило в речах послов киевских, отправленных к Святославу в Болгарию. Можно сказать, что Святослав никогда не имел на Руси значения князя: сначала это значение имела его мать, Ольга, потом сыновья его. Утверждение Святослава в Болгарии, успехи его в войне с греками могли иметь важные следствия для новорожденной Руси, но историк не имеет права рассуждать о том, что могло быть, он имеет право только сказать, что неудача Святославова проистекла от недостаточности его средств, от того, что он оторвался от Руси, действовал

только с одною отборною дружиною, а не устремил на Грецию соединенные силы всех племен, подвластных Руси; только в последнем случае предприятие Святослава могло иметь важное, решительное влияние на судьбы Восточной Европы. Олег и Ольга предания действуют преимущественно хитростию и перехитряют самих греков; Святослав отличается поведением противоположным; он не нападает на врагов хитростию, но посылает сказать им: иду на вас! И когда однажды он вздумал было схитрить с греками, то его неловкая хитрость обратилась во вред ему самому.

Каковы бы ни были причины и обстоятельства смерти Святославовой, Ярополк остался старшим в роде княжеском и Свенельд при нем в большой силе. Для объяснения последующих явлений мы не должны упускать из виду возраста детей Святославовых: Ярополку было не более 11 лет[233], след[овательно], при нем должен был находиться воспитатель, кто был этот воспитатель, в каком отношении был к нему Свенельд и как получил важное значение — об этом летописец ничего не знает. Мы не должны только забывать, что Ярополк был малолетен, след[овательно], действовал под чужим влиянием Единственным событием Ярополкова княжения, внесенным в летопись, была усобица между сыновьями Святослава. Мы знаем, что охота, после войны, была господствующею страстию средневековых варваров: везде князья предоставляли себе касательно охоты большие права, жестоко наказывая за их нарушение. Это служит достаточным объяснением происшествия, рассказанного нашим летописцем: сын Свенельда, именем Лют, выехал из Киева на охоту и, погнавшись за зверем, въехал в леса, принадлежавшие к волости Олега, князя древлянского; по случаю в это же время охотился здесь и сам Олег, он встретился с Лютом, спросил, кто это такой и, узнав, что имел дело с сыном Свенельдовым, убил его. Здесь, впрочем, несмотря на предложенное нами выше общее объяснение поступка Олегова, нас останавливает одна частность: Олег, говорит предание, осведомился — кто такой позволяет себе охотиться вместе с ним и, узнав, что это сын Свенельдов, убил его. Зачем предание связывает части действия так, что Олег убивает Люта тогда, когда узнает в нем сына Свенельдова? Если бы Олег простил Люту его дерзость, узнав, что он сын Свенельда — знаменитого боярина старшего брата, боярина отцовского и дедовского, тогда дело было бы ясно; но летописец говорит, что Олег убил Люта именно узнавши, что он сын Свенельда; при этом вспомним, что древлянскому князю было не более 13 лет! Следовательно, воля его была подчинена влиянию других, влиянию какого-нибудь сильного боярина, вроде Свенельда. Как бы то ни было, за это возникла ненависть между Ярополком и Олегом; Свенельд хотел отомстить Олегу за сына и потому не переставал

твердить Ярополку: «Поди на брата и возьми волость его». Через два года, т. е. когда Ярополку было 16, а Олегу 15 лет, киевский князь пошел ратью на древлянского; последний вышел к нему навстречу с войском, и Ярополк победил Олега. Олег побежал в город, называемый Овруч; на мосту, перекинутом через ров к городским воротам, беглецы стеснились и сталкивали друг друга в ров, причем столкнули и Олега; людей попадало много, за ними попадали лошади, которые и передавили людей. Ярополк вошел в город Олега, взял на себя власть его и послал искать брата. Долго искали князя и не могли найти. Тогда один древлянин сказал: «Я видел, как вчера столкнули его с моста». Стали вытаскивать трупы изо рва с утра до полудни, наконец, нашли Олега под трупами, внесли в княжий дом и положили на ковре. Пришел Ярополк, начал над ним плакаться и сказал Свенельду: «Порадуйся теперь, твое желание исполнилось». Заключали ли в себе эти слова упрек или Ярополк хотел ими просто объявить старику, что желание его удовлетворено, хотя первое правдоподобнее по связи с плачем — во всяком случае предание признает, что дело совершено преимущественно под влиянием Свенельда, и очень естественно, что князь не действовал самостоятельно: ему было только 16 лет!

Ярополк, как сказано выше, взял братнюю волость. Третий Святославич, Владимир, узнал в Новгороде, что Ярополк убил Олега, испугался братнего властолюбия и бежал за море, а Ярополк послал в Новгород своих посадников и стал владеть один на Руси.

Через три года Владимир возвратился с варягами в Новгород и прогнал оттуда Ярополковых посадников, приказав им сказать брату: «Владимир идет на тебя, приготовляйся к войне». Наступательное движение Владимира против Ярополка было необходимо: Владимир не мог надеяться, чтоб старший брат спокойно снес изгнание своих наместников из Новгорода; Владимиру нужно было предупредить его, тем более, что у него теперь были наемные варяги, а Ярополк не собрался с силами; варягов надобно было употребить в дело, отпустить их ни с чем было невыгодно и опасно, оставить их у себя в Новгороде было еще невыгоднее и опаснее; отпустивши их, дожидаться, пока Ярополк, собравши все силы юга, двинется против Новгорода, было безрассудно. Но прежде начатия борьбы обоим братьям было важно приобрести себе союзника во владетеле полоцком; в это время в Полоцке сидел какой-то Рогволод, пришедший из-за моря; каковы были отношения этого Рогволода к правнукам Рюрика, из летописи определить довольно трудно. Дочь этого Рогволода Рогнеда была сговорена за Ярополка Владимир, чтоб склонить полоцкого державца на свою сторону, чтобы показать, что последний ничего не потеряет, если киевский князь будет

низложен, послал и от себя свататься также за дочь Рогволодову. Летописец говорит, что Рогволод в таких затруднительных обстоятельствах отдал дело на решение дочери, и Рогнеда отвечала, что она не хочет выйти замуж за сына рабы, т. е. Владимира, но хочет за Ярополка. Когда отроки Владимира пересказали ему Рогнедин ответ, то он собрал большое войско из варягов, новгородцев, чуди и кривичей и пошел на Полоцк. Здесь мы видим опять не набег дружины, не одних варягов, но поход, в котором участвовали, как в походе Олега, все северные племена. В то время, когда Рогнеду готовились вести за Ярополка, Владимир напал на Полоцк, убил Рогволода с двумя сыновьями, и женился на Рогнеде При этом случае в некоторых списках летописи находим известие, что виновником всех предприятий был Добрыня, дядя Владимиров, что он посылал сватать Рогнеду за Владимира; он после гордого отказа полоцкой княжны повел племянника и войско против Рогволода, позором отомстил Рогнеде за ее презрительный отзыв о матери Владимира, убил ее отца и братьев. В самом деле, странно было бы предположить, чтоб Владимир, будучи очень молод, по прямому указанию предания [234], мог действовать во всем самостоятельно при жизни Добрыни, своего воспитателя и благодетеля, потому что, как мы видели, он ему преимущественно был обязан новгородским княжением Итак, говоря о действиях Владимира, историк должен предполагать Добрыню. О характере Добрыни мы имеем право заключать по некоторым указаниям летописи: видно, что это был старик умный, ловкий, решительный, но жесткий; на его жесткость указывает приведенное свидетельство о поступке с Рогнедою и отцом ее; сохранилось также известие об его жестоких, насильственных поступках с новгородцами при обращении их в христианство, след[овательно], если замечается жестокость и насильственность в поступках молодого Владимира, то мы никак не можем приписывать это одному его характеру, не обращая внимания на влияние Добрыни. Что же касается до поступка Добрыни с Рогволодом и его дочерью, то он очень понятен: Рогнеда, отказывая Владимиру, как сыну рабы, оскорбила этим сколько его, столько же и Добрыню, которого сестра была именно эта раба, через нее он был дядя князю; словами Рогнеды была преимущественно опозорена связь, родство Владимира с Добрынею, и вот последний мстит за этот позор жестоким позором.

О дальнейшей судьбе Рогнеды народная память сохранила следующее предание. Когда Владимир утвердился в Киеве, то набрал себе много других жен, а на Рогнеду не обращал внимания. Рогнеда не могла перенести такого поведения мужа, тем более что по самому происхождению своему имела право если не на исключительность, то по крайней мере на первенство. Однажды, когда Владимир пришел к ней и заснул, она

хотела зарезать его ножом, но он вдруг проснулся и схватил ее за руку; тут она начала ему говорить: «Уж мне горько стало: отца моего ты убил и землю его полонил для меня, а теперь не любишь меня и младенца моего». В ответ Владимир велел ей одеться во все княжеское платье, как была она одета в день свадьбы своей, сесть на богатой постели и дожидаться его — он хотел прийти и убить жену. Рогнеда исполнила его волю, но дала обнаженный меч в руки сыну своему Изяславу и наказала ему. «Смотри, когда войдет отец, то ты выступи и скажи ему: разве ты думаешь, что ты здесь один?» Владимир, увидав сына и услышав его слова, сказал: «А кто ж тебя знал, что ты здесь?», бросил меч, велел позвать бояр и рассказал им все как было. Бояре отвечали ему: «Уж не убивай ее ради этого ребенка, но восстанови ее отчину и дай ей с сыном». Владимир построил город и дал им, назвав город Изяславлем. С тех пор, заключает предание, внуки Рогволодовы враждуют со внуками Ярославовыми.

Из Полоцка Владимир двинулся с большим войском на Ярополка; тот не был в состоянии сопротивляться ему, и затворился в Киеве, а Владимир окопался на Дорогожичи, между Дорогожичем и Капичем[235]. Это бессилие Ярополка легко объяснить: храбрая дружина ушла с Святославом в Болгарию, много ли возвратилось с Свенельдом? Ярополк мог и с малою дружиною одержать верх в сшибке с еще меньшею дружиною брата своего Олега, но ему нельзя было выйти с нею против войска Владимирова, которое летописец не один раз называет многочисленным, состоявшим из наемных варягов и северных племен Притом известно, что народонаселение наших древних областей неохотно принимало участие в княжеских усобицах; далее, надобно заметить, что северное народонаселение — новгородцы, чудь и кривичи, которого ратники были под знаменами Владимира, сражалось за этого князя по тем же побуждениям, по каким после новгородцы с таким усердием отстаивали Ярослава против Святополка; Владимир был их князь, у них выросший; с его низложением они должны будут опять подчиниться посадникам Ярополка; но возвращение последних не могло быть выгодно для новгородцев, ибо трудно предположить, чтобы Владимир выгнал их без ведома и согласия последних, которые поэтому не могли быть в приязненных отношениях к киевскому князю; заметим еще и то, что северное народонаселение — новгородцы, чудь и кривичи — издавна было гораздо теснее соединено между собою, чем южное; мы видим эти племена действующими заодно при изгнании варягов, в призвании князей, след[ова]тельно], имеем право думать, что они относительно яснее понимали свои выгоды и дружнее могли отстаивать своего князя, чем племена южные, недавно только оружием князей приведенные в некоторую связь и зависимость

от одной общей власти. Итак Ярополк, будучи не в состоянии биться с Владимиром в чистом поле, затворился в Киеве с людьми своими и с Блудом, воеводою. Этот Блуд является главным советником князя, главным действователем во время события; князь беспрекословно исполняет его внушения, что и понятно, если вспомним возраст Ярополка, если вспомним, что и при Владимире роль Блуда исполнял Добрыня. След[овательно], Владимиру или Добрыне нужно было иметь дело с Блудом, а не с Ярополком. И вот Блуд от имени новгородского князя получил предложение покинуть Ярополка, предать его младшему брату. Переманить Блуда можно было только обещанием, что он ничего не потеряет, что и при Владимире он будет иметь такое же значение, какое имел при Ярополке, т. е. значение наставника, отца при молодом князе; Владимир велел сказать ему: «Помоги мне; если я убью брата, то ты будешь мне вместо отца и получишь от меня большую честь». В летописи помещены тут же слова Владимира, в которых он оправдывает поведение свое относительно брата: «Не я, говорит он, начал избивать братию, но он, я пришел на него, побоявшись такой же участи»[236]. Блуд велел отвечать Владимиру, что он будет всем сердцем помогать ему. Летописец старается сложить всю вину на Блуда. По его рассказу, Блуд стал обманывать Ярополка, беспрестанно ссылаясь с Владимиром, советуя ему приступать к городу, а сам придумывал, как бы убить Ярополка; но посредством граждан нельзя было убить его. Тогда Блуд замыслил погубить князя лестью: он не пускал его на вылазки из города и говорил: «Киевляне ссылаются с Владимиром, зовут его на приступ, обещаются предать тебя ему; побеги лучше за город». Ярополк послушался, выбежал из Киева и затворился в городе Родне, на устье реки Рси. Владимир вошел в Киев и осадил Ярополка в Родне, где сделался большой голод, так что надолго осталась пословица: «Беда, как в Родне». Тогда Блуд начал говорить Ярополку: «Видишь, сколько войска у брата твоего? Нам их не перебороть, мирись с братом». Ярополк согласился и на это, а Блуд послал сказать Владимиру: «Твое желание сбылось: приведу к тебе Ярополка, а ты распорядись, как бы убить его». Владимир, получивши весть, вышел на отцовский теремный двор и сел тут с дружиною, а Блуд начал посылать Ярополка: «Ступай к брату и скажи ему: что мне дашь, то и возьму». Ярополк пошел, хотя один из дружины, именем Варяжко, говорил ему: «Не ходи, князь, убьют тебя; беги лучше к печенегам и приведи от них войско». Но Ярополк не послушал его, пошел к Владимиру и как стал входить в двери, то два варяга прокололи его мечами, а Блуд затворил двери и не дал своим идти за ним. Так был убит Ярополк. Варяжко, видя, что князь убит, бежал с двора к печенегам и много раз приходил с ними на Владимира, так

что тот едва успел перезвать его к себе, поклявшись не делать ему никакого зла. Следовательно, из начальной киевской летописи оказывается, что Владимир был одолжен своею победою, во-первых, тому, что Ярополк не имел достаточно войска, чтобы стать против него в чистом поле: во-вторых, измене Блуда, который, стращая князя вероломством киевлян, не пускал его на вылазки и потом уговорил совершенно оставить Киев.

При рассказе об этом событии нельзя умолчать об известном отрывке из Иоакимовой новгородской летописи, сохраненном у Татищева; не заключая в себе никакого противоречия начальной Киевской летописи, летопись Иоакимова главною причиною Владимирова торжества выставляет борьбу христианства с язычеством; если бы даже это объяснение было выдумано, то и тогда нужно было бы упомянуть о нем, как о догадке, очень остроумной и вероятной. Известно, что отец Владимира Святослав по своему характеру не мог склониться на увещания св. Ольги и что поклонники Христа при нем подвергались ругательствам от поклонников Перуна, хотя собственно гонения не было. Но во время греческой войны, по свидетельству Иоакима, Святослав переменил свое поведение относительно христиан: поверив внушениям окружавших его язычников, будто виновниками неудач военных были христиане, находившиеся в дружине, князь воздвиг на них гонение, причем не пощадил даже своего брата Глеба[237] и послал в Киев приказ разорить христианские храмы. Но, отказавшись от принятия христианства сам, Святослав между тем оставил сыновей своих при бабке-христианке; ясно, какие внушения должны были получить от нее молодые князья. В Иоакимовской летописи читаем, что Ярополк был кроток и милостив, любил христиан и если сам не крестился, боясь народа, то по крайней мере другим не препятствовал. Те, которые при Святославе ругались над христианством, естественно, не любили князя, приверженного к враждебной религии: этим нерасположением к Ярополку воспользовался Владимир (т. е. Добрыня) и успел отнять жизнь и владение у брата. Ярополк, по словам Иоакимовой летописи, послал увещевать брата к миру и вместе войско в землю Кривскую. Владимир испугался и хотел было уже бежать к Новгороду, но дядя его Добрыня, зная, что Ярополк нелюбим язычниками, удержал племянника и послал в Ярополков стан с дарами к воеводам, перезывая их на сторону Владимира. Воеводы обещали передаться и исполнили свое обещание в битве при реке Друче, в трех днях пути от Смоленска[238]. Последующие события описаны, согласно с начальной Киевской летописью.

Если мы примем во внимание рассказ Иоакимовской летописи, то нам объяснится поведение Владимира в первые годы

его княжения: торжество Владимира было торжеством языческой стороны над христианскою, вот почему новый князь ознаменовывает начало своего правления сильною ревностью к язычеству, ставит кумиры на высотах киевских; дядя его Добрыня поступает точно так же в Новгороде. Судя по выражениям летописца, никогда в Русской земле не было видно такого гнусного идолослужения, хотя, как кажется, не следует принимать этих выражений буквально: начал княжить Владимир в Киеве один, говорит летописец, и поставил кумиры на холме, вне двора теремного, Перуна деревянного, а голова у него серебряная, ус золотой, Хорса Дажбога, Стрибога, Симаргла (Сима и Регла) и Мокоша. Приносили им жертвы, называя богами, приводили сыновей и дочерей и приносили жертвы бесам, осквернилась кровью земля Русская и холм тот. Нам известно, что славяне — язычники сильно негодовали на христианскую религию за то, что она не допускала многоженства [239]; в ознаменование торжества языческой стороны, князь, виновник этого торжества, предается необузданному женолюбию: кроме пяти законных жен, было у него 300 наложниц в Вышгороде, 300 в Белгороде, 200 в селе Берестове. Он был несыт блуда, по выражению летописца: приводил к себе замужних женщин и девиц на растление, одним словом, был женолюбив, как Соломон.

Но в то время, как Владимир угождал язычникам, буйство наемных варягов ставило его в затруднительное положение относительно Киева. Мы видели, что торжество над Ярополком во всяком случае досталось ему дешево: если и была битва в стране Смоленской, то в собственной Руси все покорилось ему без сопротивления. Несмотря на то, варяги думали, что торжеством своим Владимир обязан им, и поступали буйно с гражданами, как с завоеванными; они говорили Владимиру: «Город-то наш, мы его взяли, так мы хотим брать окуп на народе, по 2 гривны с человека». Владимир отвечал: «Пождите месяц, пока соберут деньги». Варяги ждали, ждали и не получили денег. Тогда они сказали князю: «Обманул ты нас: так отпусти в Грецию». Владимир согласился; он выбрал из них мужей, добрых, смышленных и храбрых, и роздал им города, а прочие пошли в Константинополь. Но почему же варяги не попробовали силою взять денег? Историки догадываются, что Владимир именно назначил месячный срок, дабы взять свои меры, увеличить собственно русское войско; с одной стороны, это могло быть и так, с другой, хорошим средством для Владимира — сделать варягов безопасными — было и то, о чем говорит летописец, а именно князь воспользовался сроком, чтобы склонить на свою сторону лучших варягов, предводителей, привязав их к себе и к Руси выгодами; толпа, худшие люди, оставшись без предводителей, не смели предпринять ничего; таким образом, Вла-

димир ослабил варягов, разделивши их Варяги просили Владимира: «Покажи нам путь в Грецию». Это могло значить, что варяги просили у князя пропускных листов, без которых греческое правительство не принимало варягов, по договорам. Владимир точно отправил посольство к императору насчет варягов; послы должны были сказать ему: «Идут к тебе варяги, не держи их в городе; не то натворят они тебе беды, как и здесь; расточи их в разные стороны, а сюда не пускай ни одного». Выражение: наделают они тебе бед, как и здесь, — показывает, что варяги буйствовали в Киеве.

Касательно внешних отношений при Ярополке есть известие о победе этого князя над печенегами, о вступлении печенежского князя Илдея в службу к Ярополку, который дал ему города и волости, о заключении мира с греками на условиях отцовских и дедовских, о приходе послов папских.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ВЛАДИМИР СВЯТОЙ. ЯРОСЛАВ I

Несостоятельность язычества. — Известие о принятии христианства Владимиром — Распространение христианства на Руси при Владимире. — Средства к утверждению христианства. — Влияние духовенства. — Войны Владимира. — Первое столкновение с западными славянами. — Борьба с печенегами. — Смерть Владимира, его характер — Усобица между сыновьями Владимира — Утверждение Ярослава в Киеве — Отношения к Скандинавии и Польше. — Последняя греческая война. — Борьба с печенегами. — Внутренняя деятельность Ярослава.
(980—1054)

Мы видели, что торжество Владимира над Ярополком сопровождалось торжеством язычества над христианством, но это торжество не могло быть продолжительно: русское язычество было так бедно, так бесцветно, что не могло с успехом вести спора ни с одною из религий, имевших место в юго-восточных областях тогдашней Европы, тем более с христианством; ревность Владимира и Добрыни в начале их власти, устроение изукрашенных кумиров, частые жертвы проистекали из желания поднять сколько-нибудь язычество, дать ему средства, хотя что-нибудь противопоставить другим религиям, подавляющим его своим величием; но эти самые попытки, эта самая ревность и вела прямо к падению язычества, потому что всего лучше показывала его несостоятельность. У нас на Руси, в Киеве, произошло то же самое. что в более обширных размерах произошло в Империи при Юлиане: ревность этого императора к язычеству всего более способствовала к окончательному падению последнего, потому что Юлиан истощил все средства язычества, извлек из него все, что оно могло дать для умственной и нравственной жизни человека, и тем всего резче выказалась его несостоятельность, его бедность пред христианством. Так обыкновенно бывает и в жизни отдельных людей, и в жизни целых обществ, вот почему и неудивительно видеть, как иногда самые страстные ревнители

вдруг, неожиданно, покидают предмет своего поклонения и переходят на враждебную сторону, которую защищают с удвоенною ревностию; это происходит именно оттого, что в их сознании истощились все средства прежнего предмета поклонения.

Под 983 годом, в начале княжения Владимира, летописец помещает рассказ о следующем событии: Владимир после похода на ятвягов возвратился в Киев и приносил жертву кумирам вместе с своими людьми; старцы и бояре сказали: «Кинем жребий на отроков и девиц; на кого падет, того принесем в жертву богам». В это время жил в Киеве один варяг, который пришел из Греции и держал христианскую веру; был у него сын, прекрасный лицом и душою; на этого-то молодого варяга и пал жребий. Посланные от народа (об участии князя не говорится ни слова) пришли к старому варягу и сказали ему: «Пал жребий на твоего сына, богам угодно взять его себе, и мы хотим принести его им в жертву». Варяг отвечал: «У вас не боги, а дерево; нынче есть, а завтра сгниет, ни едят, ни пьют, ни говорят, но сделаны руками человеческими из дерева; а бог один, которому служат греки и кланяются, который сотворил небо и землю, звезды и луну, и солнце, и человека, дал ему жить на земле; а эти боги что сделали? сами деланные; не дам сына своего бесам!» Посланные рассказали эти речи народу; толпа взяла оружие, пошла к варягову дому и разломала забор вокруг него; варяг стоял на сенях с сыном. Народ кричал ему: «Дай сына своего богам». Он отвечал: «Если они боги, то пусть пошлют какого-нибудь одного бога взять моего сына, а вы о чем хлопочете?» Яростный клик был ответом толпы, которая бросилась к варягам, подсекла под ними сени и убила их. Несмотря на то что смелый варяг пал жертвою торжествующего, по-видимому, язычества, событие это не могло не произвести сильного впечатления: язычеству, кумирам сделан был торжественный вызов, над ними торжественно наругались; проповедь была произнесена громко; народ в пылу ярости убил проповедника, но ярость прошла, а страшные слова остались: ваши боги — дерево; бог — один, которому кланяются греки, который сотворил все, — и безответны стояли кумиры Владимира перед этими словами, и что могла в самом деле славянская религия сказать в свою пользу, что могла отвечать на высокие запросы, заданные ей проповедниками других религий? Самые важные из них были вопросы о начале мира и будущей жизни. Что вопрос о будущей жизни действовал могущественно и на языческих славян, как на других народов, видно из предания о том, как царь болгарский обратился в христианство вследствие впечатления, произведенного на него картиною страшного суда. По русскому преданию, то же самое средство употребил и у нас греческий проповедник и

произвел также сильное впечатление на Владимира; после разговора с ним Владимир, по преданию, созывает бояр и городских старцев и говорит им, что приходили проповедники от разных народов, каждый хвалил свою веру; напоследок пришли и греки, хулят все другие законы, хвалят свой, много говорят о начале мира, о бытии его, говорят хитро, любо их слушать, и о другом свете говорят: если кто в их веру вступит, то, умерши, воскреснет и не умрет после вовеки, если же в другой закон вступит, то на том свете будет в огне гореть. Магометанские проповедники также говорили о будущей жизни, но самое чувственное представление ее уже подрывало доверенность: в душе самого простого человека есть сознание, что тот свет не может быть похож на этот, причем раздражала исключительность известных сторон чувственности, противоречие, по которому одно наслаждение допускалось неограниченно, другие совершенно запрещались. Владимиру, по преданию, нравился чувственный рай магометов, но он никак не соглашался допустить обрезание, отказаться от свиного мяса и от вина: «Руси есть веселье пить, говорил он, не можем быть без того». Что вопрос о начале мира и будущей жизни сильно занимал все языческие народы севера и могущественно содействовал распространению между ними христианства, могшего дать им удовлетворительное решение на него, это видно из предания о принятии христианства в Британии: к одному из королей англосаксонских явился проповедник христианства; король позвал дружину на совет, и один из вождей сказал при этом следующие замечательные слова: «Быть может, ты припомнишь, князь, что случается иногда в зимнее время, когда ты сидишь за столом с дружиною, огонь пылает, в комнате тепло, а на дворе и дождь, и снег, и ветер. И вот иногда в это время быстро пронесется через комнату маленькая птичка, влетит в одну дверь, вылетит в другую; мгновение этого перелета для нее приятно, она не чувствует более ни дождя, ни бури; но это мгновение кратко, вот птица уже и вылетела из комнаты, и опять прежнее ненастье бьет несчастную. Такова и жизнь людская на земле и ее мгновенное течение, если сравнить его с продолжительностию времени, которое предшествует и последует. Это время и мрачно, и беспокойно для нас; оно мучит нас невозможностию познать его; так если новое учение может дать нам какое-нибудь верное известие об этом предмете, то стоит принять его»[240]. Отсюда понятно для нас значение предания о проповедниках разных вер, приходивших к Владимиру, верность этого предания времени и обществу[241]. Видно, что все было приготовлено для переворота в нравственной жизни новорожденного русского общества на юге, что религия, удовлетворявшая рассеянным, особо живущим племенам, не могла более удовлетворять киевлянам, познакомившимся с дру-

гими религиями; они употребили все средства для поднятия своей старой веры в уровень с другими, и все средства оказались тщетными, чужие веры и особенно одна тяготили явно своим превосходством; это обстоятельство и необходимость защищать старую веру, естественно, должны были вести к раздражению, которое в свою очередь влекло к насильственным поступкам, но и это не помогло. При старой вере нельзя было оставаться, нужно было решиться на выбор другой. Последнее обстоятельство, т. е. выбор веры, есть особенность русской истории: ни одному другому европейскому народу не предстояло необходимости выбора между религиями; но не так было на востоке Европы, на границах ее с Азиею, где сталкивались не только различные народы, но и различные религии, а именно: магометанская, иудейская и христианская; Козарское царство, основанное на границах Европы с Азиею, представляет нам это смешение разных народов и религий; козарским каганам, по преданию, также предстоял выбор между тремя религиями[242]; они выбрали иудейскую; для азиатцев был доступнее деизм последней. Но Козарское царство пало, и вот на границах также Европы с Азиею, но уже на другой стороне, ближе к Европе, образовалось другое владение, русское, с европейским народонаселением; кагану русскому и его народу предстоял также выбор между тремя религиями, и опять повторилось предание о проповедниках различных вер и о выборе лучшей; на этот раз лучшею оказалась не иудейская: европейский смысл избрал христианство. Предание очень верно выставило также причину отвержения иудеев Владимиром: когда он спросил у них, где ваша земля, и они сказали, что бог в гневе расточил их по странам чужим, то Владимир отвечал: «Как вы учите других, будучи сами отвергнуты богом и расточены?» Вспомним, как у средневековых европейских народов было вкоренено понятие, что политическое бедствие народа есть наказание божие за грехи, вследствие чего питалось отвращение к бедствующему народу.

Магометанство, кроме видимой бедности своего содержания, не могло соперничать с христианством по самой отдаленности своей. Христианство было уже давно знакомо в Киеве вследствие частых сношений с Константинополем, который поражал руссов величием религии и гражданственности. Бывальцы в Константинополе после тамошних чудес с презрением должны были смотреть на бедное русское язычество и превозносить веру греческую. Речи их имели большую силу, потому что это были обыкновенно многоопытные странствователи, бывшие во многих различных странах, и на востоке, и на западе, видевшие много разных вер и обычаев, и, разумеется, им нигде не могло так нравиться, как в Константинополе; Владимиру не нужно было посылать бояр изведывать

веры разных народов: не один варяг мог удостоверить его о преимуществах веры греческой перед всеми другими. Митрополит Иларион, которого свидетельство, как почти современное, не подлежит никакому сомнению, Иларион ни слова не говорит о посольствах для изведывания вер, но говорит, согласнее с делом, что Владимир постоянно слышал о Греческой земле, сильной верою, о величии тамошнего богослужения[243]; бывальцы в Константинополе и других разноверных странах могли именно говорить то, что, по преданию, у летописца говорят бояре, которых Владимир посылал для изведывания вер: «Мы не можем забыть той красоты, которую видели в Константинополе; всякий человек, как отведает раз сладкого, уже не будет после принимать горького; так и мы здесь в Киеве больше не останемся». Эти слова находили подтверждение и между городскими старцами, и между теми из бояр Владимира, которые не бывали в Константинополе — у них было свое туземное доказательство в пользу христианства: «Если бы дурен был закон греческий, — говорили они, — то бабка твоя Ольга не приняла бы его; а она была мудрее всех людей». Заметим еще одно обстоятельство: Владимир был взят из Киева малолетним и воспитан в Новгороде, на севере, где было сильно язычество, а христианство едва ли знакомо; он привел в Киев с севера тамошнее народонаселение — варягов, славян новгородских, чудь, кривичей, всеревностнейших язычников, которые своим прибытием легко дали перевес киевским язычникам над христианами, что и было причиною явлений, имевших место в начале княжения Владимирова; но потом время и место взяли свое: ближайшее знакомство с христианством, с Грециею, приплыв бывальцев в Константинополе должны были ослабить языческую ревность и склонить дело в пользу христианства. Таким образом, все было готово к принятию новой веры, ждали только удобного случая: «*Подожду еще немного*»,— говорил Владимир, по свидетельству начального летописца киевского. Удобный случай представился в войне с греками; предание тесно соединяет поход на греков с принятием христианства, хочет выставить, что первый был предпринят для второго. Владимир спросил у бояр: «Где принять нам крещение?» Те отвечали: «Где тебе любо». И по прошествии года Владимир выступил с войском на Корсунь. Корсунцы затворились в городе и крепко отбивались, несмотря на изнеможение; Владимир объявил им, что если они не сдадутся, то он будет три года стоять под городом. Когда эта угроза не подействовала, Владимир велел делать вал около города, но корсуняне подкопали городскую стену и уносили присыпаемую русскими землю к себе в город; русские сыпали еще больше, и Владимир все стоял. Тогда один корсунянин именем Анастас пустил в русский стан ко Владимиру стрелу, на которой было написано:

«За тобою, с восточной стороны, лежат колодцы, от них вода идет по трубе в город, перекопай и перейми ее». Владимир, услыхав об этом, взглянул на небо и сказал: «Если это сбудется, я крещусь». Известие верно ходу событий: это не первый пример, что князь языческого народа принимает христианство при условии победы, которую должен получить с помощию нового божества. Владимир тотчас велел копать против труб, вода была перенята; херсонцы изнемогли от жажды и сдались. Владимир вошел в город с дружиною и послал сказать греческим императорам Василию и Константину: «Я взял ваш славный город; слышу, что у вас сестра в девицах; если не отдадите ее за меня, то и с вашим городом будет то же, что с Корсунем». Испуганные и огорченные таким требованием, императоры велели отвечать Владимиру: «Не следует христианам отдавать родственниц своих за язычников; но если крестишься, то и сестру нашу получишь, и вместе царство небесное, и с нами будешь единоверник; если же не хочешь креститься, то не можем выдать сестры своей за тебя». Владимир отвечал на это царским посланным: «Скажите царям, что я крещусь; и уже прежде испытал ваш закон, люба мне ваша вера и служенье, о которых мне рассказывали посланные нами мужи». Цари обрадовались этим словам, умолили сестру свою Анну выйти за Владимира и послали сказать ему: «Крестись, и тогда пошлем к тебе сестру». Но Владимир велел отвечать: «Пусть те священники, которые придут с сестрою вашею, крестят меня». Цари послушались и послали сестру свою вместе с некоторыми сановниками и пресвитерами; Анне очень не хотелось идти: «Иду точно в полон, говорила она, лучше бы мне здесь умереть»; братья утешали ее: «А что если бог обратит тобою Русскую землю в покаяние, а Греческую землю избавит от лютой рати; видишь, сколько зла наделала Русь грекам? И теперь, если не пойдешь, будет то же». И едва уговорили ее идти. Анна села в корабль, простилась с роднею и поплыла с горем в Корсунь, где была торжественно встречена жителями. В это время, продолжает предание, Владимир разболелся глазами, ничего не мог видеть и сильно тужил; тогда царевна велела сказать ему: «Если хочешь исцелиться от болезни, то крестись поскорей; если же не крестишься, то и не вылечишься». Владимир сказал на это: «Если в самом деле так случится, то поистине велик будет бог христианский», и объявил, что готов к крещению. Епископ корсунский с царевниными священниками, огласив, крестили Владимира, и когда возложили на него руки, то он вдруг прозрел; удивясь такому внезапному исцелению, Владимир сказал: «Теперь только я узнал истинного бога!» Видя это, и из дружины его многие крестились. После крещения совершен был брак Владимира с Анною.

Все это предание очень верно обстоятельствам в своих подробностях и потому не может быть отвергнуто. Прежняя вера была во Владимире поколеблена, он видел превосходство христианства, видел необходимость принять его, хотя по очень естественному чувству медлил, ждал случая, ждал знамения; он мог отправиться и в корсунский поход с намерением креститься в случае удачи предприятия, мог повторить обещание, когда Анастас открыл ему средство к успеху, и потом опять медлил, пока увещания царевны Анны не убедили его окончательно [244].

Владимир вышел из Корсуня с царицею, взял с собою Анастаса, священников корсунских, мощи св. Климента и Фива, сосуды церковные, иконы, взял два медных истукана [245] и четыре медных коня; Корсунь отдал грекам назад в вено за жену свою, по выражению летописца. По некоторым известиям, в Корсунь же явился ко Владимиру и митрополит Михаил, назначенный управлять новою русскою церковию, — известие очень вероятное, потому что константинопольская церковь не могла медлить присылкою этого лица, столь необходимого для утверждения нового порядка вещей на севере [246]. По возвращении в Киев Владимир прежде всего крестил сыновей своих [247] и людей близких. Вслед за тем велел ниспровергнуть идолов. Этим должно было приступить к обращению народа, ниспровержением прежних предметов почитания нужно было показать их ничтожество; это средство считалось самым действительным почти у всех проповедников и действительно было таковым; кроме того, ревность новообращенного не могла позволить Владимиру удержать хотя на некоторое время идолов, стоявших на самых видных местах города и которым, вероятно, не переставали приносить жертвы; притом, если не все, то большая часть истуканов напоминали Владимиру его собственный грех, потому что он сам их поставил. Из ниспровергнутых идолов одних рассекли на части, других сожгли [248], а главного, Перуна, привязали лошади к хвосту и потащили с горы, причем двенадцать человек били истукана палками: это было сделано, прибавляет летописец, не потому, чтобы дерево чувствовало, но на поругание бесу, который этим идолом прельщал людей: так пусть же от людей примет и возмездие. Когда волокли идола в Днепр, то народ плакал; а когда Перун поплыл по реке, то приставлены были люди, которые должны были отталкивать его от берега, до тех пор пока пройдет пороги. Затем приступлено было к обращению киевского народа; митрополит и священники ходили по городу с проповедию; по некоторым, очень вероятным известиям, и сам князь участвовал в этом деле [249]. Многие с радостию крестились; но больше оставалось таких, которые не соглашались на это; между ними были двоякого рода люди: одни не хотели креститься не по сильной привя-

занности к древней религии, но по новости и важности дела, колебались точно так же, как, по преданию, колебался прежде и сам Владимир [250]; другие же не хотели креститься по упорной привязанности к старой вере; они даже не хотели и слушать о проповеди [251]. Видя это, князь употребил средство посильнее: он послал повестить по всему городу, чтоб на другой день все некрещеные шли к реке, кто же не явится, будет противником князю. Услыхав этот приказ, многие пошли охотою, именно те, которые прежде медлили по нерешительности, колебались, ждали только чего-нибудь решительного, чтобы креститься; не понимая еще сами превосходства новой веры пред старою, они, естественно, должны были основывать превосходство первой на том, что она принята высшими: «Если бы новая вера не была хороша, то князь и бояре не приняли бы ее», — говорили они Некоторые шли к реке по принуждению [252], некоторые же ожесточенные приверженцы старой веры, слыша строгий приказ Владимира, бежали в степи и леса [253]. На другой день после объявления княжеского приказа, Владимир вышел с священниками царицыными и корсунскими на Днепр, куда сошлось множество народа; все вошли в воду и стояли одни по шею, другие по грудь; несовершеннолетние стояли у берега, возрастные держали на руках младенцев, а крещеные уже бродили по реке, вероятно, уча некрещеных, как вести себя во время совершения таинства, а также и занимая место их восприемников [254], священники на берегу читали молитвы [255].

Непосредственным следствием принятия христианства Владимиром и распространения его в Русской земле было, разумеется, построение церквей· Владимир тотчас после крещения велит строить церкви и ставить их по тем местам, где прежде стояли кумиры: так, поставлена была церковь св. Василия на холме, где стоял кумир Перуна и прочих богов [256]. Владимир велел ставить церкви и определять к ним священников также и по другим городам и приводить людей к крещению по всем городам и селам. Здесь останавливают нас два вопроса — по каким городам и областям и в какой мере было распространено христианство при Владимире, и потом — откуда явились при церквах священнослужители? Есть известия, что митрополит с епископами, присланными из Царя-града, с Добрынею, дядею Владимировым, и с Анастасом ходили на север и крестили народ; естественно, что они шли сначала по великому водному пути, вверх по Днепру, волоком и Ловатью, до северного конца этого пути — Новгорода Великого Здесь были крещены многие люди, построена церковь для новых христиан; но с первого раза христианство было распространено далеко не между всеми жителями; из Новгорода, по всем вероятностям, путем водным, шекснинским, проповедники отправились к востоку, до Ростова. Этим

кончилась деятельность первого митрополита Михаила в 990 году; в 991 он умер; легко представить, как смерть его должна была опечалить Владимира в его новом положении; князя едва могли утешить другие епископы и бояре; скоро, впрочем, был призван из Царя-града новый митрополит — Леон; с помощию поставленного им в Новгород епископа Иоакима Корсунянина язычество здесь сокрушено окончательно. Вот любопытное известие об этом из так называемой Иоакимовой летописи: «Когда в Новгороде узнали, что Добрыня идет крестить, то собрали вече и поклялись все не пускать его в город, не давать идолов на ниспровержение; и точно, когда Добрыня пришел, то новгородцы разметали большой мост и вышли против него с оружием; Добрыня стал было уговаривать их ласковыми словами, но они и слышать не хотели, вывезли две камнестрельные машины (пороки) и поставили их на мосту; особенно уговаривал их не покоряться главный между жрецами, т. е. волхвами их, какой-то Богомил, прозванный за красноречие Соловьем. Епископ Иоаким с священниками стояли на торговой стороне; они ходили по торгам, улицам, учили людей, сколько могли, и в два дня успели окрестить несколько сот. Между тем на другой стороне новгородский тысяцкий Угоняй, ездя всюду, кричал: «Лучше нам помереть, чем дать богов наших на поругание»; народ на той стороне Волхова рассвирепел, разорил дом Добрыни, разграбил имение, убил жену и еще некоторых из родни. Тогда тысяцкий Владимиров, Путята, приготовив лодки и выбрав из ростовцев пятьсот человек, ночью перевезся выше крепости на ту сторону реки и вошел в город беспрепятственно, ибо все думали, что это свои ратники. Путята дошел до двора Угоняева, схватил его и других лучших людей и отослал их к Добрыне за реку. Когда весть об этом разнеслась, то народ собрался до 5000, обступили Путяту и начали с ним злую сечу, а некоторые пошли, разметали церковь Преображения господня и начали грабить домы христиан. На рассвете приспел Добрыня со всеми своими людьми и велел зажечь некоторые дома на берегу; новгородцы испугались, побежали тушить пожар, и сеча перестала. Тогда самые знатные люди пришли к Добрыне просить мира. Добрыня собрал войско, запретил грабеж; но тотчас велел сокрушить идолов, деревянных сжечь, а каменных, изломав, побросать в реку. Мужчины и женщины, видя это, с воплем и слезами просили за них, как за своих богов. Добрыня с насмешкою отвечал им: «Нечего вам жалеть о тех, которые себя оборонить не могут; какой пользы вам от них ждать?», и послал всюду с объявлением, чтоб шли креститься. Посадник Воробей, сын Стоянов, воспитанный при Владимире, человек красноречивый, пошел на торг и сильнее всех уговаривал народ; многие пошли к реке сами собою, а кто не хотел,

тех воины тащили, и крестились: мужчины выше моста, а женщины ниже. Тогда многие язычники, чтоб отбыть от крещения, объявляли, что крещены; для этого Иоаким велел всем крещенным надеть на шею кресты, а кто не будет иметь на себе креста, тому не верить, что крещен, и крестить. Разметанную церковь Преображения построили снова. Окончив это дело, Путята пошел в Киев; вот почему есть бранная для новгородцев пословица. «Путята крестил мечом, а Добрыня — огнем» [257].

Таким образом, христианство при Владимире, как видно, было распространено преимущественно по узкой полосе, прилегавшей к великому водному пути из Новгорода в Киев; к востоку же от Днепра, по Оке и верхней Волге, даже в самом Ростове, несмотря на то что проповедь доходила до этих мест, христианство распространялось очень слабо; мы увидим впоследствии, что иноки Печерского монастыря будут проповедниками христианства у вятичей и мери и будут мучениками там; летописец прямо говорит, что в его время вятичи сохраняли еще языческие обычаи, наконец, Иларион, современник сына Владимирова, называет русских христиан малым стадом Христовым [258]. Самому князю принадлежит распространение христианства на запад от Днепра, в странах, которые он должен был посещать по отношениям своим к Польше; есть известие, что в 992 году он ходил с епископами на юго-запад, учил, крестил людей и в земле Червенской построил в свое имя город Владимир и деревянную церковь Богородицы [259].

Мы видели, по каким областям и городам было распространено христианство при Владимире; теперь обратимся к другому вопросу: откуда первоначальная русская церковь получила себе священнослужителей? Митрополит и епископы были присланы из Царя-града; в Киеве, если прежде были христиане, была церковь, то были, разумеется, и священники; Владимир привел из Корсуня тамошних священников и священников, приехавших с царевною Анною. Но все этого числа было недостаточно для крещения и научения людей в Киеве и других местах, и вот есть известие, совершенно согласное с обстоятельствами, что присланы были священники из Болгарии, которые были способны учить народ на понятном для него языке; есть даже известие, что и первые епископы и даже митрополит Михаил был из болгар [260]. Но сколько бы ни пришло священников греческих и болгарских, все их было мало для настоящей потребности; нужно было умножить число своих русских священников, что не могло произойти иначе, как чрез распространение книжного учения. Такое распространение было предпринято немедленно после всенародного крещения в Киеве, ибо в нем митрополит и князь видели единственное средство утвердить веру. Отцы и матери

были мало утверждены, оставить детей при них — значило мало подвинуть христианство, ибо они воспитывались бы более в языческих понятиях и обычаях; чтоб сделать их твердыми христианами, необходимо было их на время оторвать от отцов плотских и отдать духовным; притом, как выше замечено, только одним этим средством можно было приобресть и священников из русских. Летописец говорит, что Владимир велел[261] отбирать детей у лучших граждан и отдавать их в книжное ученье; матери плакали по них, как по мертвых, прибавляет летописец, потому что еще не утвердились верою. Детей роздали учиться по церквам к священникам и причту.

В непосредственном отношении к принятию христианства находится также следующее известие, сообщаемое летописью: в княжение Владимира умножились разбои, и вот епископы сказали в[еликому] князю: «Разбойники размножились, зачем не казнишь их?» Владимир отвечал: «Боюсь греха». Епископы возразили на это: «Ты поставлен от бога на казнь злым, а добрым на милование; тебе должно казнить разбойника, только разобрав дело». Владимир послушался, отверг виры и начал казнить разбойников; но потом те же епископы вместе с старцами сказали ему: «Рать сильная теперь; если придется вира, то пусть пойдет на оружие и на коней». Владимир отвечал: «Пусть будет так»; и стал он жить опять по устроению отцовскому и дедовскому. Это известие показывает нам влияние духовенства прямо уже на строй общественный: не в церковных делах, не о средствах распространения христианства советуется Владимир с епископами, но о том, как наказывать преступников; вместе с старцами епископы предлагают князю о том, куда употреблять виры, заботятся о внешней безопасности, и князь соглашается с ними.

Теперь обратимся ко внешней деятельности Владимира. К его княжению относится окончательное подчинение русскому князю племен, живших на восток от великого водного пути. Олег наложил дань на радимичей, Святослав — на вятичей, но или не все отрасли этих племен пришли в зависимость от русского князя, или, что всего вероятнее, эти более отдаленные от Днепра племена воспользовались уходом Святослава в Болгарию, малолетством, а потом междоусобием сыновей его и перестали платить дань в Киев. Как бы то ни было, под 981 годом встречаем у летописца известие о походе на вятичей, которые были побеждены и обложены такою же данью, какую прежде платили Святославу, — ясное указание, что после Святослава они перестали платить дань. На следующий год вятичи снова заратились и снова были побеждены. Та же участь постигла и радимичей в 986 году: летописец говорит, что в этом году Владимир пошел на радимичей, а перед собой послал воеводу прозванием Волчий

Хвост; этот воевода встретил радимичей на реке Пищане[262] и победил их; отчего, прибавляет летописец, русь смеется над радимичами, говоря: «Пищанцы волчья хвоста бегают». Кроме означенных походов на ближайшие славянские племена, упоминаются еще войны с чужими народами: с ятвягами в 953 году; летописец говорит, что Владимир ходил на ятвягов, победил и взял землю их; но последние слова вовсе не означают покорения страны: ятвягов трудно было покорить за один раз, и потомки Владимира должны были вести постоянную, упорную, многовековую борьбу с этими дикарями. В скандинавских сагах встречаем известие, что один из норманских выходцев, находившийся в дружине Владимира, приходил от имени этого князя собирать дань с жителей Эстонии; несмотря на то что сага смешивает лица и годы, известие об эстонской дани, как нисколько не противоречащее обстоятельствам, может быть принято; но нельзя решить, когда русские из Новгорода впервые наложили эту дань, при Владимире ли, т. е. при Добрыне, или прежде[263]. Встречаем в летописях известия о войнах Владимира с болгарами, с какими — дунайскими или волжскими — на это разные списки летописей дают разноречивые ответы; вероятно, были походы и к тем и к другим и после перемешаны по одинаковости народного имени. Под 987 годом находим известие о первом походе Владимира на болгар; в древнейших списках летописи не упомянуто, на каких именно, в других прибавлено, что на низовых, или волжских, в своде же Татищева говорится о дунайских и сербах[264]. Как бы то ни было, для нас важны подробности предания об этом походе, занесенные в летопись. Владимир пошел на болгар с дядею своим Добрынею в лодках, а торки шли на конях берегом; из этого видно, что русь предпочитала лодки коням и что конницу в княжеском войске составляли пограничные степные народцы, о которых теперь в первый раз встречаем известие и которые потом постоянно являются в зависимости или полузависимости от русских князей. Болгары были побеждены, но Добрыня, осмотрев пленников, сказал Владимиру: «Такие не будут нам давать дани: они все в сапогах; пойдем искать лапотников». В этих словах предания выразился столетний опыт. Русские князья успели наложить дань, привести в зависимость только те племена славянские и финские, которые жили в простоте первоначального быта, разрозненные, бедные, что выражается названием лапотников; из народов же более образованных, составлявших более крепкие общественные тела, богатых промышленностию, не удалось покорить ни одного: в свежей памяти был неудачный поход Святослава в Болгарию. В предании видим опять важное значение Добрыни, который дает совет о прекращении войны, и Владимир слушается; оба народа дали клятву: «Тогда только

мы нарушим мир, когда камень начнет плавать, а хмель тонуть». Под 994 и 997 годами упоминаются удачные походы на болгар[265]: в первый раз не сказано на каких, во второй означены именно волжские. Мы не будем отвергать известий о новом походе на болгар дунайских, если примем в соображение известия византийцев о помощи против болгар, которую оказал Владимир родственному двору константинопольскому[266]. Важно также известие о торговом договоре с болгарами волжскими в 1006 году. Владимир по их просьбе позволил им торговать по Оке и Волге, дав им для этого печати, русские купцы с печатями от посадников своих также могли свободно ездить в болгарские города; но болгарским купцам позволено было торговать только с купцами по городам, а не ездить по селам и не торговать с тиунами, вирниками, огнищанами и смердами[267].

Ко временам Владимировым относится первое столкновение Руси с западными славянскими государствами. Мы оставили последние в половине IX века, когда моравские князья обнаружили попытку основать у себя народную церковь и когда история Польши начала проясняться с появлением новой княжеской династии Пястов. Между тем борьба моравов с немцами продолжалась еще с большим ожесточением; чехи и сербы принимали в ней также участие; моравы вели войну по старому славянскому обычаю: они давали врагу свободно опустошать открытые места, и враг, опустошив землю и не покорив народа, должен был возвращаться без всякого успеха и гибнуть с голоду на дороге. Но Ростислав, непобежденный немцами, был схвачен и выдан Карломану, сыну и наследнику Людовика немецкого, племянником своим Святополком, который, чтоб иметь себе опору и обеспечение, поддался немецкому королю; Ростиславу выкололи глаза и заперли в один немецкий монастырь. Гибель Ростислава, однако, ненадолго переменила ход дел: Святополк наследовал его стремления, и борьба возобновилась с новою силою, причем Святополк начал уже наступательные движения на немецкие области. При Святополке яснеет и история чехов, потому что в это время принял христианство князь чешский Буривой от св. Мефодия. Не Моравии, однако, и не западным славянам вообще суждено было основать славянскую империю с независимою славянскою церковию. В последнее десятилетие IX века на границах славянского мира явились венгры. Политика дворов византийского и немецкого с самого начала обратила этот народ в оружие против славян: греки обратили их против болгар, немцы — против Моравской державы. Арнульф Каринтийский, побочный сын Карломана, соединившись с венграми, пошел на Святополка; моравы, по обычаю, засели в укреплениях и дали пленить землю свою врагам, которые и должны были только этим

удовольствоваться. Но в 894 году умер Святополк, и с ним рушилось могущество первой славянской державы. В то время, когда западным славянам нужно было сосредоточить все свои силы для отпора двум могущественным врагам, моравские владения разделились на три части между тремя сыновьями Святополка. Братская вражда погубила дело Моймира, Ростислава и Святополка; сыновья чешского Бривоя отделились от Моравии и поддались Арнульфу немецкому, и с 906 года прекращаются все известия о Моравии: страна стала добычею венгров; подробностей о падении первого славянского государства нет нигде. Разрушение Моравской державы и основание Венгерского государства в Паннонии имели важные следствия для славянского мира. Славяне южные были отделены от северных, уничтожено было центральное владение, которое начало соединять их, где произошло столкновение, загорелась сильная борьба между Востоком и Западом, между германским и славянским племенем, где с помощью Византии основалась славянская церковь; теперь Моравия пала, и связь славян с Югом, с Грециею, рушилась: венгры стали между ними, славянская церковь не могла утвердиться еще, как была постигнута бурею, отторгнута от Византии, которая одна могла дать питание и укрепление младенчествующей церкви. Таким образом, с уничтожением самой крепкой связи с востоком, самой крепкой основы народной самостоятельности, западные славяне должны были по необходимости примкнуть к западу и в церковном и в политическом отношении. Но мало того, что мадьярским нашествием прекращалась связь западных славян с Византиею, прекращалась также и непосредственная связь их с Римом, и они должны были принимать христианство и просвещение из рук немцев, которые оставались для них теперь единственными посредниками; этим объясняется естественная связь западных славян с Немецкою империею, невозможность выпутаться из этой связи для государственной и народной независимости. Христианское стало синонимом немецкому, славянское — языческому, варварскому; отсюда то явление, что ревностные христиане между западными славянами являются вместе ревностными гонителями своего, славянского, и тянут народ свой к западному, т. е. немецкому; отсюда же обратное явление, что защитники своего являются свирепыми врагами христианства, которое приносило с собою подчинение немцам; отсюда несчастная борьба полабских славян против христианства, т. е. против немцев, в которых они не могли получить помощи от христианских единоплеменников своих, и должны были пасть.

После падения Моравской державы на первом плане в истории западных славян являются чехи. Чехи были обязаны мирным распространением христианства у себя тому, что

князь их Буривой принял евангелие чрез моравов от св. Мефодия, чрез своих славянских проповедников. Славянская церковь, след[овательно], началась было и у чехов, но после падения Моравии не могла долее держаться. Чехи не могли высвободиться из-под государственной зависимости от Немецкой империи: внук Буривоя, св. Вячеслав, обязался платить Генриху Птицелову ежегодно 500 гривен серебра и 120 волов; невозможность поддержать христианство без помощи немецкого духовенства и невозможность успешной борьбы с мадьярами без помощи немецкого императора делали зависимость чехов от Империи необходимою. Вячеслав погиб от брата своего Болеслава I, который сначала думал было о возможности возвратить независимость чехам от Империи, но после многолетней борьбы с императором Оттоном I увидал необходимость подчиниться ему. Между тем в начале второй половины X века венгры, потерпевшие сильное поражение от Оттона при Лехе и добитые Болеславом чешским, прекратили свои опустошительные набеги на европейские государства, поселились в пределах прежде занятых ими земель и, приняв христианство, вошли в общество европейских народов. Княжение Болеслава I замечательно внутренними переменами у чехов, а именно, усилением власти верховного князя над остальными князьями, носившими название лехов; до сих пор эти лехи называются у писателей reguli, или duces, и верховный князь из рода Пршемыслова являлся не более как старшим между ними; но при Болеславе I, как видно, отношения переменились в пользу власти верховного князя; на средства, какими Болеслав I достиг этой перемены, может намекать прозвание его Грозный, или Укрутный. Подчиняясь на западе Империи, чешские владения начинают, однако, при Болеславе расширяться к юго-востоку, чему особенно способствует обессиление мадьяров; так, присоединяется к чехам нынешняя Моравия и земля словаков, между Дунаем и Карпатами; на север от Карпат также видим чешские владения. Еще более распространилась область чехов в княжение Болеслава II Благочестивого, сына Грозного; никогда потом границы Чешского государства не были так обширны, ибо все государство Святополка принадлежало теперь чехам. Несмотря, однако, на распространение чешских пределов, в церковном отношении чехи принадлежали к епархии регенсбургского архиепископа: после этого нечего удивляться политической зависимости чехов от Немецкой империи, ибо церковные отношения тогда господствовали над политическими. Только при Болеславе II, в 973 году, основано было особое пражское епископство, где первым епископом был саксонский монах Дитмар; преемником его был знаменитый Войтех, родом из знатной чешской фамилии; несмотря, однако, на это, никто так не старался о скреп-

лении чешской церкви с западом, никто так не старался об искоренении славянского богослужения, как Войтех. Такой характер деятельности условливался самою борьбою ревнителя христианства, каким был Войтех, с языческими нравами и обычаями, которые в его глазах были славянские; в подобной борьбе средина редко соблюдается: отечеством для ревностного епископа была не Богемия, но запад, страны христианские, тогда как Богемия была исполнена еще языческих воспоминаний, возбуждавших только вражду Войтеха; церковная песнь на славянском языке звучала в его ушах языческою богослужебною песнею и потому была противна; слово *бог* напоминало ему славянского идола, только слово *Deus* заключало для него понятие истинного бога. Смертью Болеслава II (999 г.) кончилось могущество чехов и перешло к ляхам. При распространении своих владений на западе Пясты встретились с немцами, императоры которых также распространяли свои владения на счет славян приэльбских; легко было предвидеть последствия этого столкновения: четвертый Пяст, Мечислав, или Мешко, уже является вассалом императора, платит ему дань; в 965 году Мечислав женился на Дубровке, дочери чешского князя Болеслава I, и по ее старанию принял христианство; но в это время славянская церковь никла у чехов и потому не могла укорениться в Польше; отсюда новые крепкие узы связали Польшу с западом, с Немецкою империею: в Познани была учреждена епископская кафедра для Польши и подчинена архиепископу магдебургскому. Второй брак Мечислава на Оде, дочери немецкого маркграфа Дитриха, еще более укрепил немецкое влияние в Польше. Тесная связь этой страны с западною церковию и империею отняла у северных славян последний оплот их независимости от немецкого ига: теперь польский князь в союзе с немцами начинает наступательные движения против своих языческих единоплеменников. При Мечиславе начинаются первые враждебные столкновения Руси с Польшею: под 981 годом летописец наш говорит, что Владимир ходил к ляхам и занял города их — Перемышль, Червен и другие. Чешские историки утверждают, что эти города не могли быть отняты у поляков, но у чехов, потому что позднейшая земля Галицкая до Буга и Стыря, к востоку, принадлежала в это время чехам [268]; они основываются на грамоте, данной пражскому епископству при его заложении, где границами его к востоку поставлены реки Буг и Стырь в земле Хорватской. Но, во-первых, в грамоте границы означены очень смутно; видно, что писавший ее имел плохие географические понятия о стране [269]; во-вторых, был обычай расширять как можно далее пределы епископств, заложенных в смежности с языческими народами. Некоторые ученые [270] справедливо замечают также, что русский летописец умеет

отличать ляхов от чехов и потому не мог смешать их, и принимают, что Владимир отнял Червенские города не у чехов и не у поляков, но покорил малочисленные до тех пор свободные славянские племена и стал чрез это соседом чехов. Но рассуждать таким образом — значит опять не принимать свидетельств нашего летописца, который также хорошо умеет отличать хорватов от ляхов, как последних от чехов, и прямо говорит, что Владимир ходил к ляхам и у них взял Червенские города; всего вероятнее, что чешские владения ограничивались областию, лежащею около Кракова, о чем твердит грамота, и не простирались за Вислок, что страна по Сану и далее на восток была занята хорватами, которые были подчинены уже при Олеге, но при Игоре, Святославе и преимущественно при сыновьях его имели возможность свергнуть с себя подчиненность, подобно радимичам и вятичам; мы видим, что сначала главная деятельность Владимира состоит в подчинении тех племен, которые прежде находились в зависимости от Руси; хорваты были в том числе, но в то время, как Русь вследствие недеятельности Игоря, далеких походов Святослава на восток и юг, малолетства и усобицы сыновей его теряла племена, жившие вдалеке от Днепра, Польша при первых Пястах распространяла свои владения, следовательно, очень вероятно, что Пясты заняли земли хорватов, свергнувших с себя зависимость от Руси, или сами ляхи переменили эту зависимость на зависимость от Польши и, таким образом, Владимир, возвращая прежнее достояние своих предшественников, должен был иметь дело уже с ляхами. Но завоеванием Червенских городов дело не кончилось на западе; летописец упоминает в 992 году еще о походе Владимира на хорватов, а по некоторым спискам в это время Владимир воевал с Мечиславом «за многие противности его» и одержал над ним блистательную победу за Вислою; поводом к раздору могли быть постоянно хорваты и Червенские города. Война 990—992 года могла быть ведена в союзе с Болеславом II чешским, который также воевал с Мечиславом. Как видно по некоторым известиям, война продолжалась в первый год княжения Болеслава Храброго, наследовавшего отцу своему Мечиславу в 992 году[271]. При Болеславе Польша начала было усиливаться уже на счет соседних народов; ей выпадал было жребий стать в челе славянских государств для отпора немцам; но неуменье поляков вести себя среди единоплеменных народов и связь западных славян с Германскою империею посредством церкви не допустили Польшу принять значение Моравии для славянского мира. После Мечислава осталось пятеро сыновей: Болеслав и Владивой от Дубровки чешской и трое от Оды — Мечислав, Святополк и Болеслав. Первым делом Болеслава старшего было изгнание младших братьев, с которыми по

славянскому обычаю он должен был владеть сообща, и ослепление двоих других родственников с целию достигнуть единовластия. Потом Болеслав распространил свои владения на севере до Балтийского моря чрез подчинение себе поморян и пруссов; между тем в 999 году умер чешский князь Болеслав II Благочестивый; Болеслав польский воспользовался этим, чтобы напасть на Краков и его область и присоединить их к Польше; вероятно также, что он захватил в это время Моравию и землю словаков до Дуная; Войтех, или Адальберт, не могший ужиться с чехами, прибыл к Болеславу; тот отправил его на проповедь к пруссам, которые умертвили проповедника; но гроб Войтеха принес Болеславу свою выгоду, ибо император Оттон III, друг и чтитель Адальберта, явился в Гнезно, чтоб поклониться праху его, и основал здесь новое архиепископство, вследствие чего Польша освобождалась от немецкой зависимости в церковном отношении. Но это освобождение не могло уже теперь принести пользы — латинская церковь уже успела укорениться в Польше, а потому борьба с Империею, которую скоро после начал Болеслав, также не могла принести плодов: польский князь, как видно, имел в виду набрать сколько можно более пограничных волостей, а не утвердить независимость и равновесие славянского мира с германским. Между тем, волнения у чехов доставили Болеславу случай утвердить свою власть и в этой стране. По смерти Болеслава II вступил на престол сын его Болеслав III Рыжий, князь, по отзыву современников, чрезвычайно жестокий. Рыжий начал свое княжение тем же, чем и родственник его, Болеслав польский: он велел одного из своих братьев оскопить, другого удушить в бане; но обоим удалось бежать в Баварию. Избавившись от братьев, Рыжий не мог избавиться от могущественных вельмож, лехов, из которых главными в это время были Вршовцы; Вршовцам удалось при Болеславе II выгнать Войтеха; теперь они свергли Рыжего, призвав на его место Владивоя, брата Болеслава польского, который, как сын Дубровки, принадлежал также к дому Пршемыслову и, как видно, изгнанником жил при дворе чешском. Чтоб удержаться на престоле, Владивой отправился в Регенсбург к императору Генриху и отдал ему Богемию, которую получил опять в виде лена. Но Владивой княжил только несколько месяцев, и после его смерти чехи призвали изгнанных Рыжим Болеславичей — Яромира и Олдриха. Однако Рыжий не думал уступать и обратился с просьбою о помощи к Храброму, который вторгся с войском в Богемию, изгнал Яромира и утвердил Рыжего на престоле. Последний, получив снова власть, думал только о том, как бы отомстить своим врагам. Чехи обратились с просьбою о защите опять к Болеславу польскому. Тот только этого и ждал: по

известиям современников, он все это предвидел и нарочно вел дело к тому, чтоб утвердить свою власть у чехов. Под предлогом нужного совещания он заманил к себе Рыжего на границу, схватил его, ослепил и заточил внутрь своих владений. Вступив в Прагу в виде освободителя, Болеслав Храбрый обнаружил намерение утвердиться здесь. Такое усиление могущества польского князя, разумеется, должно было возбудить сильные опасения в императоре, который послал требовать от Болеслава ленной присяги за Богемию. Болеслав отвергнул требование и начал войну. Неизвестно, какой исход имела бы борьба нового Святополка с немцами, если бы на этот раз сами поляки не ослабили могущество своего князя и с тем вместе единство и могущество западных славян: они позволяли себе поступать с чехами, как с побежденными врагами; вот почему, когда император Генрих II послал в Богемию войско, в челе которого находились чешские князья — Яромир и Олдрих, то вся страна встала против поляков и приняла с радостию родных князей из немецких рук; Болеслав Храбрый принужден был бежать, и в несколько дней не осталось в Богемии ни одного поляка. Таким образом немцам удалось разъединить два главные западнославянские владения — Богемию и Польшу, и привязать первую еще теснее к себе; в последующей борьбе с Болеславом польским император постоянно пользуется чешскою помощию, и, несмотря на все старания Болеслава, примирение между двумя народами было невозможно. В 1012 году Олдрих выгнал брата Яромира и стал единовластителем Чешской земли. В таком состоянии находились западные славянские государства при смерти Владимира Св[ятого]. Мы видели, что в первый год княжения Болеславова у него продолжалась война с Владимиром, которая, однако, как видно, скоро кончилась[272], потому что Болеслав, занятый отношениями к немцам и чехам, не мог с успехом вести еще войну на востоке. Мир с Русью скреплен был даже родственным союзом с князем киевским: дочь Болеслава вышла за Святополка, князя туровского, сына Владимирова. Но этот первый родственный союз князей польских с русскими повел к большому раздору между ними. Болеслав, как видно, лучшим средством для собственного усиления считал внутренние смуты у соседей; как воспользовался он ими у чехов, так же хотел воспользоваться и на Руси. Вместе с дочерью Болеслава прибыл ко двору туровского князя Рейнберн, епископ колобрежский (колберский), который сблизился с Святополком и начал с ведома Болеславова подучать его к восстанию против отца Владимира: успех этого восстания был важен для Болеслава в политическом и для западной церкви — в религиозном отношении, ибо с помощью Святополка юная русская церковь могла быть отторгнута от восточной. Но Вла-

димир узнал о враждебных замыслах и заключил Святополка в темницу вместе с женою и Рейнберном [273]. Необходимым следствием должна была быть война с Болеславом, который в 1013 году поспешил заключить мир с немцами и, нанявши отряд войска у последних, равно как и у печенегов, двинулся на Русь. Кроме опустошения страны, мы не имеем никаких других известий о следствиях Болеславова похода, во время которого возникла распря между поляками и печенегами, и Болеслав велел истребить своих степных союзников. Вероятно, это обстоятельство и воспрепятствовало продолжению войны, тем более что все внимание Болеслава было постоянно обращено на запад, и он мог удовольствоваться освобождением Святополка. С чехами и венграми были мирные сношения при Владимире [274]. Были пересылки и с папою, следствия которых, однако, неизвестны [275].

Гораздо с большими подробностями дошли до нас предания о борьбе с степными варварами — печенегами: борьба эта занимала народ гораздо сильнее, чем отдаленные воинские предприятия, потому что в ней дело шло о самых близких его интересах, о собственности, свободе, жизни. В 992 году пришли печенеги из-за Сулы; Владимир вышел к ним навстречу на Трубеж подле Переяславля; русские стали на одной стороне реки, печенеги — на другой, но ни те, ни другие не смели перейти на сторону противную. Тогда князь печенежский подъехал к реке, кликнул Владимира и сказал ему: «выпусти своего мужа, а я — своего, пусть борются. Если твой муж ударит моим, то не будем воевать три года; если же наш ударит, то будем воевать три года». Владимир согласился и, возвратясь в стан, послал бирючей кликать клич по всем палаткам (товарам): «Нет ли кого, кто б взялся биться с печенегом?» И никто нигде не отозвался. На другой день приехали печенеги и привели своего бойца, а с русской стороны никого не было. Начал тужить Владимир, послал опять по всем ратникам, — и вот пришел к нему один старик и сказал: «Князь! Есть у меня один сын меньшой дома; с четырьмя вышел я сюда, а тот дома остался; из детства никому еще не удалось им ударить; однажды я его журил, а он мял кожу: так в сердцах он разорвал ее руками». Князь обрадовался, послал за силачом и рассказал ему, в чем дело; тот отвечал: «Я не знаю, смогу ли сладить с печенегом; пусть меня испытают: нет ли где быка большого и сильного?» Нашли быка, разъярили его горячим железом и пустили; когда бык бежал мимо силача, то схватил его рукою за бок и вырвал кожу с мясом, сколько мог захватить рукою. Владимир сказал: «Можешь бороться с печенегом». На другой день пришли печенеги и стали кликать: «Где же ваш боец, а наш готов!»; Владимир велел вооружиться своему, и оба выступили друг против друга. Выпустили печенеги своего, вели-

кана страшного, и когда выступил боец Владимиров, то печенег стал смеяться над ним, потому что тот был среднего роста; размерили место между обоими полками и пустили борцов: они схватились и стали крепко жать друг друга; русский, наконец, сдавил печенега в руках до смерти и ударил им о землю; раздался крик в полках, печенеги побежали, русские погнали за ними. Владимир обрадовался, заложил город на броде, где стоял, и назвал его Переяславлем, потому что борец русскии перенял славу у печенежского; князь сделал богатыря вместе с отцом знатными мужами.

В 995 году пришли печенеги к Василеву; Владимир вышел против них с малою дружиною, не выдержал натиска, побежал и стал под мостом, где едва спасся от врагов. В 997 году Владимир пошел к Новгороду за войском, потому что война, говорит летописец, была сильная и беспрестанная, а печенеги, узнав, что князя нет, пришли и стали около Бел города; в летописи сохранилось следующее любопытное предание о спасении этого города, не единственное между преданиями разных народов. Когда печенеги обступили Белгород, то сделался в нем большой голод; Владимир не мог подать помощи, потому что у него не было войска, а печенегов было множество. Когда осада все продолжалась, а вместе с тем усиливался и голод, то белгородцы собрались на вече и сказали: «Нам приходится помирать с голоду, а от князя помощи нет; что ж разве лучше нам помирать? Сдадимся печенегам: кого убьют, а кого и в живых оставят; все равно умираем же с голода». На том и порешили. Но одного старика не было на вече; когда он спросил, зачем сбирались, и ему сказали, что на другой день люди хотят сдаться печенегам, то он послал за городскими старейшинами и спросил у них: «Что это я слышал, вы хотите передаться печенегам?» Те отвечали. «Что ж делать, не стерпят люди голода». Тогда старик сказал им: «Послушайтесь меня, не сдавайтесь еще три дня и сделайте то, что я велю». Те с радостию обещались слушаться, и он сказал им: «Сберите хоть по горсти овса или пшеницы, или отрубей; все это сыскали. Старик велел женщинам сделать кисельный раствор, потом велел выкопать колодезь, вставить туда кадку и налить в нее раствору; велел выкопать и другой колодезь и вставить в него также кадку; велел потом искать меду, нашли лукошко меду в княжей медуше, из него старик велел сделать сыту и вылить в кадку, что стояла в другом колодце. На другой день он велел послать за печенегами; горожане пошли и сказали им: возьмите к себе наших заложников и пошлите своих человек десять к нам в город, пусть посмотрят, что там делается. Печенеги обрадовались, думая, что белгородцы хотят им сдаться, взяли у них заложников, а сами выбрали

лучших мужей и послали в город посмотреть, что там такое. Когда они пришли в город, то люди сказали им: «Зачем вы себя губите, можно ли вам перестоять нас? Хотя десять лет стойте, так ничего нам не сделаете, потому что у нас корм от земли идет, не верите — смотрите своими глазами». Затем привели их к одному колодцу, почерпнули раствору, сварили кисель, пришли с ними к другому, почерпнули сыты и начали есть прежде сами, а потом дали отведать и печенегам. Те удивились и сказали: «Не поверят наши князья, если сами не отведают». Горожане налили корчагу раствора и сыты и дали печенегам; те пришли и рассказали все, что видели. Печенежские князья сварили кисель, отведали, подивились, разменялись заложниками, отступили от города и пошли домой [276].

Беспрерывные нападения степных варваров заставили Владимира подумать об укреплении русских владений с востока и юга «Худо, что мало городов около Киева», — сказал он и велел строить города по рекам Десне, Остру, Трубежу, Суле и Стугне; но для нас при этом известии важно еще другое, как составилось народонаселение этих новопостроенных городов: Владимир начал набирать туда лучших мужей от славян, т. е. новгородцев, кривичей, чуди и вятичей. Если мы обратим внимание на то, что эти новые города были вначале не что иное, как военные острожки, подобные нашим линейным укреплениям, необходимые для защиты от варварских нападений, то нам объяснится значение слова: *лучшие мужи,* т. е. Владимир набрал *храбрейших* мужей, способных для военного поселения. Таким образом, во-первых, мы видим, что пограничные города Южной Руси получили народонаселение с севера, которое, как видно, считалось храбрейшим; след[овательно], северное народонаселение дало средство князьям к подчинению себе юга, оно же дало им средство и к защите южных русских владений от степных варваров; во-вторых, эти известия уясняют нам характер народонаселения восточной и южной окраины, или украины: изначала это сбродное, созванное отовсюду народонаселение из самых удалых людей; отсюда объясняется отчасти и козачество на юге, и беспокойный дух северского народонаселения, ибо сюда беспрерывно подбавлялись новые толпы подобных людей. Из самых близких к Киеву городов были построены Владимиром Василев на Стугне и Белгород на Днепре; Белгород он особенно любил и населил его: «от иных городов много людей свел в него», — говорит летописец. Как происходило это население и переселение? Вероятнее всего, жители привлекались на новые места особенными льготами; лучшие, т. е. самые удалые, которым скучно было сидеть дома без свойственного им занятия, разумеется, привлекались на границу, кроме льгот, еще надеждою беспрестанной борьбы;

кроме того, жителям бедного севера лестно было переселиться на житье в благословенные страны украинские.

Об отношениях Владимира к печенегам упоминает также немецкий миссионер Брун, бывший у печенегов в 1007 году: «Мы направили путь к жесточайшим из всех язычников, печенегам, — пишет Брун. — Князь руссов, имеющий обширные владения и большие богатства, удерживал меня месяц, стараясь убедить, чтоб я не шел к такому дикому народу, среди которого я не мог снискать душ господу, но только умереть самым постыдным образом. Не могли убедить меня; он пошел провожать меня до границ, которые он оградил от кочевников самым крупным частоколом на очень большое пространство. Когда мы вышли за ворота, князь послал старшину своего к нам с такими словами: «Я довел тебя до места, где кончается моя земля, начинается неприятельская. Ради бога прошу тебя не погубить, *к моему бесчестию,* жизнь свою понапрасну. Знаю, завтра, прежде третьего часа, без пользы, без причины вкусишь ты горькую смерть». (Брун говорит, что Владимир имел какое-то видение). Брун пять месяцев пробыл у печенегов, едва не погиб, но успел крестить 30 человек и склонить старшин печенежских к миру с Русью; когда он возвратился в Киев, то Владимир по его просьбе, отправил к печенегам сына в заложники и вместе с этим князем отправился епископ, посвященный Бруном. Участь его неизвестна [276].

Вот все предания, дошедшие до нас с деятельности Владимира.

В 1014 году сын его Ярослав, посаженный отцом в Новгороде, отказался присылать в Киев ежегодно по две тысячи гривен, как делали все посадники новгородские, раздававшие еще тысячу гривен гридям в Новгороде. Владимир сказал: «Исправляйте дороги и мостите мосты»; он хотел идти сам на Ярослава, но разболелся и умер 15 июля следующего 1015 года. Деятельность Владимира, как она высказывается в преданиях, отличается от деятельности его предшественников. Он часто ведет войну, но он ведет ее для того, чтобы подчинить Руси снова те племена, которые воспользовались удалением отца его, усобицами братьев и перестали платить дань: так воюет он с радимичами, вятичами, хорватами. Он пользуется опытом отцовским, советом старика — дяди и отказывается от завоевания народов далеких, сильных своею гражданственностию. Он воюет с греками, но не пускается по-варяжски с легким флотом опустошать берега Империи: он хочет овладеть ближайшим к его волости городом греческим, Корсунем, который так легко и безопасно было присоединить к русским владениям; впрочем, предание тесно связывает этот поход с намерением принять христианство. Но главная черта деятельности Владимира состоит в защите

Русской земли, в постоянной борьбе с степными варварами. Святослав заслужил упрек, что для чужой земли покинул свою, которою едва было не овладели варвары; Владимир, наоборот, стоял всегда сам настороже против этих варваров и устроил сторожевую линию из ряда городков или укреплений по близким к степи рекам. Понятно, какое впечатление на народ должна была произвести такая разница между поведением отца и сына. Но, кроме того, личный характер Владимира был способен также возбудить сильную народную привязанность. Владимир вовсе не был князем воинственным, не отличался удалью, подобно отцу своему, в крайности решался на бегство перед врагом, спешил укрыться в безопасном месте; предание, сохранившееся в песнях, также не приписывает ему личной отваги, выставляет его вовсе не охотником до проявлений дикой силы. Но Владимир имел широкую душу, которая в молодости могла повести его к излишествам, освященным, впрочем, языческими понятиями, и которая в летах зрелых, особенно под влиянием христианским, сделала его красным солнцем для народа. Владимир не любил жить один; он любил дружину, говорит летопись, думал с нею о строе земском, о ратях, об уставе земском; любя думать с дружиною, Владимир любил пировать с нею; о пирах его остались предания и в летописях, и в песнях. Так, празднуя освящение церкви Преображения в Василеве и вместе избавление свое от печенегов, Владимир велел сварить триста варь меду, созвал бояр, посадников, старшин изо всех городов, всяких людей множество и бедным роздал 300 гривен; праздновав с Преображенья 8 дней, князь возвратился в Киев к Успеньеву дню и здесь опять задал большой праздник, созвал бесчисленное множество народа. Такие праздники по случаю торжеств религиозных имели тогда важное значение: они заменяли для народа празднества языческие, очень много содействовали к тому, что новая религия входила в жизнь народа; вместо Коляды народ сходился теперь праздновать Преображение и освящение церкви; кто приходил на это торжество, тот был христианином; вот почему летописец прибавляет после описания праздника: «Видя людей христианами, Владимир радовался душою и телом и делал такие праздники по все годы». Праздники имели еще другое значение: на них сзывались старейшины изо всех городов, и таким образом скреплялась связь, единство, общение между русскими волостями. Для дружины и старшин киевских были устроены на дворе княжеском пиры каждую неделю, был ли сам князь в городе или нет; приходили на двор княжеский, в гридницу пировать бояре и гриди, сотские и десятские и нарочитые мужи. Бывало тут множество мяса от скота и зверины, было много всего. И вот бывало, как подопьют, рассказывает летописец, то начнут роптать на

князя, говоря: «Какое житье наше горькое, кормит нас с деревянных ложек, а не с серебряных». Владимир, услыхав ропот, велел исковать ложки серебряные для дружины и сказал: «Серебром и золотом не найду дружины, а с дружиною найду серебро и золото, как доискались его дед мой и отец». Какое влияние христианство имело на широкую душу Владимира, видно из следующих слов летописи: Владимир любил слова книжные, и, услыхав однажды, как читали в евангелии: «блажени милостивии, яко тии помиловани будут», и потом: «продайте именья ваша и дадите нищим»; далее: «не скрывайте себе сокровищ на земле, идеже тля тлит и татье подкапывают, но скрывайте себе сокровище на небесех, идеже ни тля тлит, ни татье крадут»; и слыша псалом: «Блажен муж милуя и дая», а у Соломона: «Вдаяй нищему, бог взаим дает», — услыхав это, Владимир велел всякому нищему и убогому приходить на княжой двор, брать кушанье и питье, и деньги из казны. Но этого мало; он сказал: «Дряхлые и больные не могут доходить до моего двора», и велел сделать телеги, куда клали хлеб, мясо, рыбу, овощ разный, мед в бочках, квас и возили по городу, спрашивая: «Где больные и нищие, которые не могут ходить?». Таким и раздавали. Есть известие, что в господские праздники Владимир ставил три тризны: одну духовенству, другую нищим, третью себе и боярам.

Обыкновенное содержание старинных песен составляет пиры Владимира, на которые собирались богатыри. Время Владимира было благоприятно для богатырства: дружина не уходила с князем в далекие страны искать славы и добычи; при Святославе, напр[имер], трудно было выказаться богатырям и внести свои подвиги в народную память, потому что князь был в челе дружины и был сам богатырь из богатырей, дружинники были только похожи на него; притом подвиги их совершались в далеких странах: если и были певцы в дружине при князьях, то песни их мало могли найти сочувствия в народе, для которого их содержание было чуждо. Но при Владимире другое дело: дружина была храбрая, дела ей было много, шла беспрестанная борьба с варварами, и эта борьба происходила на глазах русского народа и шла за самые близкие его интересы: отражение печенегов, поимка какого-нибудь страшного разбойника была для него поважнее блистательных подвигов Святослава в Болгарии; притом же сам князь Владимир не был богатырем из богатырей, отсюда богатырство дружинников выказывалось резче, отдельные предприятия часто поручались мужам из дружины княжеской, которые таким образом могли выказаться. Предмет песен по большей части — борьба богатырей с степными варварами, печенегами, которые после получили в песнях имя *татар*. Упоминаются еще подвиги богатырей против

разбойников; летопись также говорит об умножении разбойников, и сохранилось имя одного из них, Могута, который был пойман в 1008 году и покаялся в доме у митрополита [277]. Можно думать, что разбойники умножились вследствие бегства тех закоренелых язычников, которые не хотели принимать христианства; разумеется, они должны были бежать в отдаленные леса и жить на счет враждебного им общества; отсюда может объясниться религиозное уважение, соединенное с памятью о некоторых богатырях Владимирова времени, напр[имер] об Илье Муромце, которому приписываются подвиги против разбойников на отдаленном финском севере, где язычество долго находило себе убежище. В летописи сохранились имена следующих богатырей Владимирова времени: Яна Усмовича, или Усмошвеца (кожевника, от усние — кожа и шью), который убил печенежского богатыря, и потом упоминается также под 1004 годом как победитель печенегов; Александра Поповича, разбившего печенегов, приведенных каким-то изменником Володарем, которого летописец упрекает в забвении благодеяний князя своего Владимира [278], потом Попович разбил печенегов вместе с Усмошвецем в 1001 и 1004 годах; Рагдая удалого, ходившего на триста воинов: его смерть показана под 1000 годом [279]; Андриха Добрянкова, отравленного слугами в 1004 году [280].

В летописи находим имена двенадцати сыновей Владимира, но без определения, в каком порядке они один за другим следовали по старшинству: в одном месте, при исчислении жен Владимировых, молодые князья поставлены по матерям; в другом, где говорится о рассылке сыновей по областям, они следуют в другом порядке. Постараемся по некоторым данным определить порядок старшинства между ними.

В Новгород был отправлен Вышеслав: мы знаем, что сюда посылался обыкновенно старший в семье великого князя; из этого можем заключить, что Вышеслав был старший сын Владимира, тем более что в известии о рассылке по областям он поставлен первым [281]. Но в предшествующем исчислении жен Владимировых [282] Вышеслав поставлен после сыновей Рогнединых и гречанки, вдовы Ярополковой, и назван сыном чехини: если Вышеслав был старший, то должен был родиться от первого брака Владимирова, заключенного или в Новгороде или во время пребывания Владимира в Скандинавии, когда ему было лет 18; но странно, что чехиня зашла так далеко на север; Иоакимовская летопись и здесь объясняет дело удовлетворительно, а именно: мать Вышеслава называет Оловою, женою варяжскою [283]. Потом следует сын Рогнеды, Изяслав, получивший волость деда своего по матери — Полоцк. Тотчас после брака на Рогнеде Владимир женился на вдове брата своего Ярополка, и потому рожден-

ного от последней Святополка имеем право поставить в-третьих после Вышеслава и Изяслава; этот Святополк получил Туровскую волость и по смерти Вышеслава и Изяслава оставался старшим в роде, на что ясно указывают слова св. Бориса: «Не подниму я рук на брата старшего»[284]. За Святополком мы должны дать место Ярославу, также, по летописям, сыну Рогнеды; Ярослав получил сперва Ростов, а потом, по смерти старшего Вышеслава, переведен в Новгород. Этот перевод Ярослава в Новгород мимо старшего Святополка туровского объясняется свидетельством Дитмара, что Святополк в это время был под гневом отца и даже в заключении. Всеволод, также сын Рогнеды, получил Владимир-Волынский; Святослав и Мстислав, которых мать в начальной Киевской летописи названа чехинею другою в отличие от мнимой матери Вышеслава[285], получили: первый — землю Древлянскую; второй — Тмутаракань. Мать Святослава Иоакимовская летопись называет Малфридою; что это имя одной из жен Владимировых не вымышлено, доказательством служит известие начальной Киевской летописи под 1002 годом о смерти Малфриды, которая здесь соединена с Рогнедою[286]; мать же Мстислава Иоаким называет Аделью, или Адилью. Второго сына Адели, Станислава, этот же летописец, равно как и некоторые другие, отсылает в Смоленск, а Судислава — во Псков[287]. Теперь остается определить мать и возраст Бориса и Глеба. В начальной Киевской летописи матерью их названа болгарыня, волостью первого — Ростов, второго — Муром. Но ясно, что здесь упоминается уже второе распоряжение, потому что при первом распределении волостей Ростов был отдан Ярославу; поэтому в некоторых списках, бывших в руках у Татищева, прибавлено[288], что сначала Борис получил Муром, а Глеб — Суздаль. Несмотря на это, молчание древнейших дошедших до нас списков летописи о первоначальных волостях Бориса и Глеба, равно как их молчание о волостях Станислава, Судислава и Позвизда, ведет нас к заключению, что во время первой рассылки сыновей Владимировых по волостям все эти князья или были очень малы, или некоторые из них, быть может, еще не родились[289]. Любопытно, что в летописи Иоакима матерью Бориса и Глеба названа Анна — царевна, причем Татищев соглашает свидетельство киевского летописца о болгарском происхождении матери Борисовой тем, что эта Анна могла быть двоюродною сестрою императоров Василия и Константина, которых тетка, дочь Романа, была в супружестве за царем болгарским[290]. Если б так было, то для нас уяснилось бы предпочтение, которое оказывал Владимир Борису, как сыну царевны и рожденному в христианском супружестве, на которое он должен был смотреть как на единственное законное. Отсюда уяснилось бы и поведение

Ярослава, который, считая себя при невзгоде Святополка старшим и видя предпочтение, которое оказывал отец Борису, не хотел быть посадником последнего в Новгороде и потому спешил объявить себя независимым. Как бы то ни было, Борис единогласно описывается человеком в самой цветущей юности: «Аки цвет в юности своей... брада мала и ус, млад бо бе еще». Если предположить, что он был первым плодом брака Владимирова с Анною, то в год отцовой смерти ему было 25 лет; но по описанию можно судить, что он был гораздо моложе. Летописец прибавляет, что Борис светился царски, желая, быть может, указать на его царственное происхождение по матери. Отец любил его более других сыновей и держал при себе, в чем видно было намерение передать ему старший стол киевский. Мы должны сказать также несколько слов о волостях сыновей Владимировых; сравнив эти волости с волостями сыновей Ярославовых, мы замечаем, что так как у Владимира было вдвое более сыновей, чем у Ярослава, то и волости первых должны быть гораздо более размельчены: Новгородская волость была разделена на две — Новгородскую и Псковскую; здесь начало отделения Пскова от Новгорода. Ростов является самостоятельным столом, Муром — также; в Киевском княжестве являются две особые волости — Древлянская земля и Туров. Но странно, что, размельчая так волости на севере и западе, Владимир не дал волостей на восток от Днепра, ибо не упоминается ни о Чернигове, ни о Переяславле как особых волостях. Мстислав сидел в Тмутаракани, но Чернигов не мог принадлежать ему, он его завоевал впоследствии уже при Ярославе.

Владимир умер на Берестове; окружающие скрыли его смерть, потому что Святополк был в Киеве; и в ночь уже, проломав пол между двумя клетьми, на канатах спустили на землю тело, обвернутое в ковер, положили на сани, привезли в Киев и поставили в Десятинной церкви. Когда в городе узнали об этом, то бесчисленное множество народа сошлось в церковь и начали плакаться по нем: знатные[291] — как по заступнике земли своей, убогие — как о заступнике и кормителе своем; положили тело в мраморный гроб и с плачем похоронили. По всем вероятностям, хотели утаить смерть Владимира для того, чтобы Святополк узнал о ней не прежде граждан киевских, ибо тогда ему труднее было действовать.

Как скоро в Киеве разнеслась весть о кончине Владимира, то Святополк сел на отцовском месте, созвал киевлян и начал раздавать им подарки — это уже служило знаком, что он боялся соперничества и желал приобресть расположение граждан; граждане принимали подарки, говорит летописец, но сердце их не было с Святополком, потому что братья их находились на войне с Борисом След[овательно], граждане были равнодушны; они опасались одного, что как

вдруг братья их провозгласят князем Бориса, а Святополк потребует от них помощи против последнего? Их пугало это междоусобие. Борис, не нашедши печенегов, был уже на возвратном пути и стоял на реке Альте, когда пришла к нему весть о смерти отцовской. Бывшая с Борисом дружина Владимирова, бояре, старые думцы предпочитали Бориса всем его братьям, потому что он постоянно находился при них, привык с ними думать думу, тогда как другие князья привели бы с собою других любимцев, что и сделал Святополк, если обратим внимание на намек летописца о поведении последнего: «Люте бо граду тому, в нем же князь ун, любяй вино пити с гусльми и с младыми советниками». Вот почему отцовская дружина уговаривала Бориса идти на стол киевский; но молодой князь отвечал, что не поднимет руки на старшего брата, который будет ему вместо отца: тогда войско разошлось, оставя Бориса с малым числом приближенных служителей. Святополк очень хорошо понимал опасность, могущую грозить ему со стороны Бориса, и потому на первых порах хотел и с ним поступить так же, как с гражданами, послал сказать ему, что хочет иметь с ним любовь и придаст еще к волости, которую тот получил от отца; узнав же, что войско разошлось от Бориса, он решился на убийство последнего. Мы не станем объяснять этого поступка Святополкова желанием отомстить за смерть отца своего Ярополка, во-первых уже потому, что это объяснение кажется нам натянутым само по себе; во-вторых, основывается на странном толковании слов летописца, который, желая объяснить себе зверский поступок Святополка, предполагает, что он был от двоих отцов, тогда как, кроме этого предположения, нет в рассказе ни малейшего намека на то, чтоб Святополк не был сыном Владимира; вводить какое-то усыновление для предотвращения мести странно, когда мы знаем, что дядя без всякого усыновления считался отцом племяннику; потом еще новое предположение, что это усыновление охраняло Владимира от мести, но не охраняло от нее сыновей и проч. Давняя ненависть Святополка к Борису как сопернику, которому отец хотел оставить старший стол мимо его; явное расположение дружины и войска к Борису, который мог воспользоваться им при первом случае, хотя теперь и отказался от старшинства; наконец, что, быть может, важнее всего, пример соседних государей, с одним из которых Святополк находился в тесной связи, объясняют как нельзя легче поведение Святополка: вспомним, что незадолго перед тем в соседних славянских странах — Богемии и Польше, обнаружилось стремление старших князей отделываться от родичей насильственными средствами. Первым делом Болеслава Храброго польского по восшествии на престол было изгнание младших братьев, ослепление других родичей; первым делом Болеслава

Рыжего в Богемии было оскопление одного брата, покушение на жизнь другого, а Святополк был зять Болеслава польского; почему ж то, что объясняется само собою в польской и чешской истории, в русской требует для своего объяснения какого-то кодекса родовых прав?

Летописец так рассказывает об убиении Бориса. Святополк ночью пришел в Вышгород, тайно призвал какого-то Путшу и вышегородских боярцев — Тальца, Еловита и Лешька, и спросил их: «Привержены ли они к нему всем сердцем?» Путша с вышегородцами отвечали: «Можем головы свои сложить за тебя». Тогда он сказал им: «Не говоря никому ни слова, ступайте и убейте брата моего Бориса». Те обещались исполнить его желание как можно скорее. Здесь останавливает нас одно обстоятельство, почему Святополк обратился к вышгородским боярцам с предложением убить Бориса? Нам кажется очень вероятным, что по освобождении из темницы Владимир уже не отдал Святополку волости Туровской, как ближайшей к границам польским, а посадил его где-нибудь подле Киева, чтоб удобнее наблюдать за его поведением, и что новая волость была именно Вышгород, куда теперь Святополк и обратился к старым своим слугам, которые были готовы сложить за него свои головы.

Путша с товарищами пришли ночью на Альту и, подошедши к шатру Борисову, услыхали, что князь поет заутреню; несмотря на осторожность, Святополк не мог утаить своих замыслов, и Борис знал, что сбираются погубить его. Убийцы дождались, пока князь, помолившись, лег в постель, и тогда бросились на шатер, начали тыкать в него копьями, пронзили Бориса и вместе слугу его, который хотел защитить господина собственным телом; этот отрок был родом венгр, именем Георгий. Борис его очень любил и дал ему большую золотую гривну, в которой тот и служил ему; убили тут же и других многих отроков Борисовых, а у этого Георгия отсекли голову, потому что не могли скоро снять гривны с шеи; Бориса, еще дышавшего, убийцы завернули в шатерное полотно, положили на воз и повезли. Но Святополк, узнав, что Борис еще дышет, послал двух варягов прикончить его, что те и сделали, пронзив его мечом в сердце; тело его принесли тайно в Вышгород и положили в церкви св. Василия. За этим убийством следовало другое — у Бориса оставался единоутробный брат Глеб, сидевший в Муроме. «Бориса я убил, как бы убить Глеба?» — говорит Святополк в рассказе летописца; но Глеб был далеко, и потому Святополк послал сказать ему: «Приезжай поскорее сюда: отец тебя зовет, он очень болен». Глеб немедленно сел на коня и пошел с малою дружиною. Когда он пришел на Волгу, к устью Тмы, то конь его споткнулся на поле во рве и намял ему немного ногу, после чего князь пришел к Смоленску, а отсюда поплыл в барке и остановился в

виду города на Смядыне В это время настиг его посланный от брата Ярослава из Новгорода: «Не ходи, велел сказать ему Ярослав: отец умер, а брата твоего Святополк убил». Глеб сильно тужил по отце, но еще больше по брате. Между тем явились и убийцы, посланные от Святополка; они овладели Глебовою баркою и обнажили оружие. Глебовы отроки потеряли дух; тогда главный из убийц, Горясер, велел немедленно зарезать Глеба, что и было исполнено поваром последнего; этого повара звали Торчин: имя указывает на происхождение. Сперва тело Глеба бросили на берег между двумя колодами, потом свезли в Вышгород и положили вместе с братом, уже в княжение Ярослава [292]. Страдальческая кончина и прославление двух братьев-друзей не остались без сильного влияния в последующей истории. Русская земля и преимущественно род княжеский приобрели святых покровителей «молитвенников за новые люди христианские и сродники свои, земля благословилась их кровию!» Но кто же эти новые светильники? Это два князя, погибшие от родного брата, который хотел единовластия! Можно думать, что святость Бориса и Глеба и проклятие, тяготевшее над Святополком, не раз удерживали впоследствии братоубийственные руки; мы увидим, как после стесненный князь останавливал притеснителя напоминанием, что он хочет быть вторым Святополком. Святые Борис и Глеб и проклятый убийца их Святополк были беспрестанно в памяти князей, и, разумеется, духовенство не пропускало случая напоминать им о них [293]. С другой стороны, Борис пал жертвою уважения к родовым понятиям, погиб оттого, что не хотел поднять руки на старшего брата и своею смертию освятил эти родовые понятия; пример его должен был сдерживать попытки младших пользоваться обстоятельствами и вооружаться против старших для отнятия у них этого старшинства [294].

Ближайший к Киеву князь, Святослав, сидевший в земле Древлянской, узнав о гибели Бориса и Глеба, не стал спокойно дожидаться такой же участи и бежал в Венгрию; но Святополк послал за ним в погоню, и Святослав был убит в Карпатских горах. Тогда, по словам летописца, Святополк начал думать: «Перебью всех братьев и приму один всю власть на Руси». Но гроза пришла на него с севера. Ярослав новгородский для защиты от отца призвал к себе заморских варягов; те стали обижать новгородцев и жен их, тогда новгородцы встали и перебили варягов на дворе какого-то Парамона. Ярослав рассердился и задумал отомстить хитростию главным из убийц; он послал сказать им, что на них не сердится более, позвал их к себе и велел умертвить; по некоторым известиям, убито было 1000 человек, а другие убежали. Но в ту же ночь пришла к нему весть из Киева от сестры Предславы: «Отец умер, а Святополк сидит в Киеве, убил

Бориса, послал и на Глеба, берегись его» Ярослав стал тужить по отце, по брате и по новгородцам, которых перебил вовсе не вовремя. На другой день он собрал остальных новгородцев на вече в поле и сказал: «Ах, любимая моя дружина, что вчера избил, а нынче была бы надобна, золотом бы купил», и, утерши слезы, продолжал: «Отец мой умер, а Святополк сидит в Киеве и убивает братьев, помогите мне на него». Новгородцы отвечали: «Хотя, князь, братья наши и перебиты, однако может по тебе бороться». Причину такого решения новгородцев объяснить легко. Предприятие Ярослава против Владимира было в выгоде новгородцев, освобождавшихся от платежа дани в Киев: отказаться помочь Ярославу, принудить его к бегству — значило возобновить прежние отношения к Киеву, принять опять посадника киевского князя, простого мужа, чего очень не любили города, а между тем Ярослав если убежит, то может возвратиться с варягами, как Владимир прежде, и уже, конечно, не будет благосклонен к гражданам, выгнавшим его от себя, тогда как в случае победы Ярослава над Святополком они были вправе ожидать, что Ярослав не заставит их платить дани в Киев, уже потому, что сам прежде отказался платить ее. Что же касается до поступка Ярославова с убийцами варягов, то мы должны смотреть на его следствия по отношениям и понятиям того времени; из летописного рассказа мы видим уже всю неопределенность этих отношений: новгородцы ссорятся с варягами; дело доходит до драки, в которой граждане бьют варягов, князь хитростию зазывает к себе виновников убийства и бьет их в свою очередь. В понятиях новгородцев, след[овательно], все это было очень естественно, и потому трудно было им за это много сердиться; у нас нет никакого основания принимать убийство варягов за дело целого города; это была частная ссора и схватка, на что указывает определение места — двор Парамонов; число жертв мести Ярославовой явно преувеличено: трудно было обманом зазвать такое количество людей, еще труднее перерезать их без сопротивления в ограде княжеского двора; мы видим, что не все знатные новгородцы были перерезаны, оставались бояре и старосты, которые после собирают деньги для найма варягов. Отвечали на вече те, которые остались в живых, остались в живых те, которые не участвовали в убийстве варягов, а те, которые не участвовали в убийстве варягов, были по этому самому равнодушны к делу. Поступок Ярослава был совершенно в понятиях того времени: князь должен был каким бы то ни было способом схватить убийц варяжских и отдать их на месть варягам, родственникам убитых Итак, если это было частное дело и обыкновенное, то целому городу не для чего было много обращать на него внимания; Ярослав жалеет не о том, что перебил новгородцев, но о том только, что этим убийством отнял у себя

воинов, которые в настоящих обстоятельствах были ему очень нужны, и новгородцы отвечают в этом же смысле: «Хотя наши братья и перебиты, но у нас все еще достаточно народа, чтоб биться за тебя».

Впрочем, это место летописи нуждается еще в другом объяснении: почему Ярослав так испугался следствий своего поступка с новгородцами? Для чего так жалел об избитии дружины? Ведь она была нужна ему и прежде, ибо он готовился к войне с отцом; для чего же он не подумал об этом прежде убиения новгородцев? Дело объясняется тем, что Ярослав знал о медленных сборах Владимира, о его болезни, которая мешала ему спешить походом, мог надеяться на борьбу Святополка с Борисом, которая надолго оставила бы его в покое. Но теперь дела переменились: Владимир умер, Святополк начал княжить, убил Бориса, послал убить Глеба, хочет бить всех братьев, подобно соседним государям; опасность, след[овательно], наступила страшная для Ярослава; сестра писала: «Берегись!» Оставаться в бездействии — значило жить в беспрестанном страхе от убийц, нужно было или бежать за море, или выступить немедленно против Святополка, предупредить его, одним словом, поступить по примеру отца своего Владимира.

После того как новгородцы решились выступить в поход, Ярослав собрал оставшихся у него варягов, по одним известиям — тысячу, по другим — шесть тысяч, да новгородцев 40 000, и пошел на Святополка, призвавши имя божие; он говорил: «Не я начал избивать братьев, но Святополк; да будет бог отмеетник крови братьев моих, потому что без вины пролита кровь праведных Бориса и Глеба; пожалуй, и со мной тоже сделает». Мы слышим здесь те же самые слова, которые летописец влагает и в уста Владимиру, шедшему против Ярополка, с тем только различием, что христианин Ярослав призывает бога в мстители неповинной крови и отдает свое дело на суд божий. Святополк, узнав, что Ярослав идет на него, собрал множество войска из Руси и печенегов и вышел к Любечу; он стал по ту сторону Днепра, а Ярослав — по эту. Ярослав, без сомнения, приплыл в лодках, а Святополк пришел из-за Десны с печенегами В третий раз Днепр видел враждебное движение Северной Руси на Южную; оба первые раза при Олеге и Владимире сопротивления было мало со стороны юга, но теперь он собрал свои силы, и как север явился с естественными своими союзниками — варягами, так юг соединился с печенегами. Три месяца, а по другим известиям — только три недели [295], стояли враги по обеим сторонам Днепра; ни те, ни другие не смели перевезтись и напасть. Был в то время обычай поддразнивать врагов, чтоб побудить их начать дело к своей невыгоде Видя, что главная сила Ярослава состояла из новгородцев, горожан и сельчан, воевода Святополков [296],

ездя подле берега, бранил новгородцев, называл их ремесленниками, а не воинами. «Эй вы, плотники, — кричал он им, — зачем пришли сюда с хромым своим князем? Вот мы вас заставим рубить нам хоромы». Новгородцев сильно рассердила насмешка, и они сказали Ярославу: «Завтра перевеземся на них, а если кто не пойдет с нами, того сами убьем».

В лагере у Святополка Ярослав имел приятеля, к которому послал ночью спросить: «Что делать? Меду мало варено, а дружины много»; тот отвечал, что пусть Ярослав к вечеру отдаст мед дружине; новгородский князь догадался, что ночью должно сделать нападение. Была заморозь; Святополк стоял между двумя озерами и всю ночь пил с дружиною, а Ярослав перед рассветом исполчил свое войско и перевезся на другой берег, причем новгородцы, высадившись из лодок, оттолкнули их от берега, чтоб отнять у себя всякую возможность к побегу; Ярослав приказал дружине повязать головы платками, чтоб в сече узнавать своих. Враги сошлись, была сеча злая; печенеги, стоявшие за озером, не могли помочь Святополку, который был притиснут с своею дружиною к озеру, принужден вступить на лед, лед обломился, и Ярослав одолел. Святополк бежал в Польшу, а Ярослав сел в Киеве на столе отцовском и дедовском, проживя на севере 28 лет [297]. Новгородцы были отпущены домой и оделены щедро: старосты получили по 10 гривен, смерды — по гривне, а горожане все — по 10.

Но Святополк был жив, и потому Ярослав не мог успокоиться. Для Болеслава польского открылись такие же теперь виды на восток, какие он имел прежде на запад; на Руси, как прежде у чехов, семейные раздоры приглашали его к посредничеству и к утверждению своего влияния, тем более, что теперь Болеслав должен был помочь своему зятю. Он воспользовался благоприятным случаем: по его наущению печенеги напали на Киев; под самым городом была злая сеча; едва к вечеру Ярослав мог прогнать варваров [298]. С своей стороны Ярослав выступил к польским границам, заключив союз с врагом Болеславовым, императором Генрихом II; но поход русского князя кончился неудачною осадою Бреста [299]; поход императора против Болеслава также не удался, он принужден был заключить с ним мир и, желая избавиться от опасного врага, обратить его деятельность на восток, сам советовал ему вооружиться против русского князя. В 1017 году Болеслав выступил в поход, усилив свое войско 300 немцев, 500 венгров и 1000 печенегов, и 22 июля достиг берегов Буга, разделявшего польские владения от русских; Ярослав ждал его на другом берегу с русью (жителями Южной Руси), варягами и славянами (новгородцами). Здесь повторилось то же явление, какое видели на берегах Днепра у Любеча: воевода Ярославов Будый, ездя по берегу, начал смеяться над

Болеславом; он кричал ему: «Вот мы тебе проткнем палкою брюхо твое толстое!» Был Болеслав, говорит летопись, велик и тяжел, так что и на коне с трудом мог сидеть, но зато был смышлен. Не вытерпел он насмешки и, обратившись к дружине своей, сказал: «Если вам это ничего, так я один погибну», — сел на коня и бросился в реку, а за ним — и все войско. Полки Ярослава, вовсе не ожидая такого внезапного нападения, не успели приготовиться и обратились в бегство, Ярослав ушел в Новгород только сам-пять; а Болеслав с Святополком почти беспрепятственно вошли в Киев 14 августа [300] В городе нашли они мачеху, жену и сестер Ярославовых, из которых за одну (Предславу) сватался прежде Болеслав, получил отказ и теперь в отмщение взял ее к себе в наложницы [301] Часть своего войска он отпустил назад, другую велел развести по русским городам на покорм. Но и в Киеве повторились те же явления, какие мы видели в Праге у чехов, и, как видно, по тем же причинам. Русские вооружились против поляков и стали убивать их; летописец приписывает это приказу Святополка, но очень вероятно известие [302], что поляки вели себя и на Руси так же, как в Богемии, и возбудили против себя восстание; очень вероятно также, что и Святополк, наскучив неприятным гостем, слишком долго зажившимся в Киеве на его счет, не был против народной мести полякам. Это заставило Болеслава уйти из Киева; пример чешских событий научил его быть осторожнее в подобных обстоятельствах Половину войска он отослал домой, разосланные по русским городам поляки истреблены, трудно было противиться, если бы вспыхнуло восстание; притом же, вероятно, он слышал уже о новых приготовлениях Ярослава. Но Болеслав ушел не без выгоды: он захватил себе все имущество Ярослава, к которому приставил Анастаса: хитрый грек умел подольститься к каждому сильному и менял отечество, смотря по выгодам; Болеслав ему вверился лестию, говорит летопись. Польский князь повел также с собою бояр Ярославовых, двух сестер его и множество пленников, взятых в бою [303]; на дороге Болеслав захватил и Червенские города, приобретение Владимира Св[ятого]; впрочем, вероятно, что эти города были уступлены ему Святополком в награду за помощь.

Между тем Ярослав, явившись в Новгород без войска, хотел бежать за море; но граждане вместе с посадником Константином, сыном Добрыни, рассекли княжеские лодки, приготовленные для бегства, и объявили: «Хотим еще биться с Болеславом и Святополком» [304]. Такая решительность понятна: им нечего было теперь ожидать хорошего от Святополка, а защищаться от него без князя было также невыгодно. Они начали сбирать деньги — с простого человека по 4 куны, со старост — по 10 гривен, с бояр — по 18 гривен, привели варягов, дали им эти деньги, и таким образом у Яро-

слава набралось много войска [305], и он двинулся против Святополка; тот был разбит, бежал к печенегам и привел огромные толпы их против Ярослава в 1019 году. Ярослав вышел навстречу и сошелся на реке Альте, где был убит Борис. Место благоприятствовало Ярославу по воспоминанию о преступлении Святополка; летописец говорит, что Ярослав молил бога об отмщении новому Каину Он же говорит, что сеча была злая, какой еще не бывало на Руси, — секлись, схватываясь, руками, трижды сходились биться, по удольям текла кровь ручьями; к вечеру одолел Ярослав, а Святополк бежал в пограничный польский город Брест, где, вероятно, умер от ран, полученных в битве; по скандинавским преданиям, он пал от руки варяга Эймунда, служившего в войске Ярослава, а по русским, — погиб злою смертию в пустыне между Польшею и Богемиею [306]. Ярослав сел в Киеве, утер пот с дружиною, по выражению летописца, показав победу и труд великий.

Таким образом, северное народонаселение в четвертый раз доставило победу своему князю над югом С Святополком дело было кончено; но были еще другие братья и родственники у Ярослава; из 12 сыновей Владимира в живых оставались теперь только Ярослав, Мстислав, Судислав, да племянник Брячислав, сын Изяслава полоцкого Соперников у Ярослава по старшинству не могло быть: Брячислав полоцкий, хотя внук от старшего сына Владимирова, никогда не мог надеяться на старшинство, потому что отец его умер, не будучи старшим; Мстислав и Судислав были младшие братья Ярославу; но все они, как члены одного рода, имели право на равное распределение волостей; мы увидим, что до самого прекращения родовых отношений между князьями младшие из них настаивают на право общего наследства всех родичей после каждого умершего князя, т. е на новое распределение волостей; теперь восемь сыновей Владимира умерло, и старший из живых, Ярослав не дал из их волостей ничего младшим. Им надобно было самим поискать, как обыкновенно выражались князья, и вот явился опасный искатель волостей с юго-востока, из Тмутаракани, Мстислав. Из всех сыновей Владимира Мстислав больше других похож был на деда своего Святослава, был князь — вождь дружины по преимуществу; жизнь ли в Тмутаракани и постоянная борьба с окрестными варварскими народами развила такой характер в Мстиславе, или уже волость приходилась по нраву, — Мстислав явился богатырем, который любил только свою дружину, ничего не щадил для нее, до остального же народонаселения ему не было дела. Он был славен в народных преданиях, как князь-богатырь, единоборец. Однажды, говорит летопись, пошел он войною на касогов; касожский князь Редедя вышел к нему навстречу с войском и сказал ему: «Зачем губить дружину, схватимся мы сами бороться, одолеешь ты, возьмешь мое

имение, жену, детей и землю мою, я одолею, — возьму все твое». Мстислав согласился и стал бороться с Редедею; боролись крепко и долго, Редедя был велик и силен. Мстислав уже начал изнемогать и, видя беду, сказал: «Пречистая богородица, помоги мне; если я его одолею, то построю церковь в твое имя». Сказавши это, он ударил Редедю об землю, вынул нож и зарезал его, потом пошел в его землю, взял его имение, жену, детей и наложил дань на касогов. Обет был также исполнен: церковь Богородицы, построенная Мстиславом, стояла в Тмутаракани еще во времена летописца. Такой-то князь в 1023 году явился в русских пределах искать волостей после умерших братьев; говорят, что он уже и прежде требовал их у Ярослава, и тот давал ему Муром, но Мстиславу было этого мало. Ярослав был в Новгороде, когда Мстислав пришел к Киеву; киевляне, однако, не приняли его, и он принужден был сесть в Чернигове. Между тем Ярослав, управившись на севере, волнуемом остатками язычества, послал по заморских варягов, и к нему пришел слепой Якун с дружиною. Ярослав отправился с Якуном на Мстислава и встретился с ним у Листвена[307]. Мстислав с вечера исполчил свое войско: поставил северян в средине против варягов Ярославовых, а сам стал с дружиною своею по крылам. Ночь была темная и бурная, с дождем и грозою; Мстислав сказал дружине: «Пойдем на них»; северяне сошлись с варягами, и когда варяги уже истомились в битве с северянами, то Мстислав вдруг напал на них с своею свежею дружиною, битва усилилась: как блеснет молния, так и осветит оружие; и гроза была велика, и сеча сильная и страшная, по словам летописи. Наконец, Ярослав побежал с Якуном, князем варяжским; он пришел в Новгород, а Якун пошел за море, потерявши у Листвена и золотую свою луду, или верхнюю одежду[308]. Утром, на другой день битвы, Мстислав объехал поле и сказал своим: «Как не порадоваться? Вот лежит северянин, вот варяг[309], а дружина моя цела» Эта дружина состояла из козар и касогов!

Несмотря на победу, Мстислав не хотел добывать Киева мимо старшего брата; он послал сказать Ярославу: «Садись в своем Киеве, ты старший брат, а мне будет та сторона», т. е. восточный берег Днепра. Но Ярослав не смел идти в Киев на этот зов и держал там своих посадников, а сам жил в Новгороде. Только в следующем, 1025 году, собравши большое войско, пришел он в Киев и заключил мир с Мстиславом у Городца[310]; братья разделили Русскую землю по Днепр, как хотел Мстислав: он взял себе восточную сторону с главным столом в Чернигове, а Ярослав — западную с Киевом. «И начали жить мирно, в братолюбстве, — говорит летопись, — перестала усобица и мятеж, и была тишина великая в Земле»

В 1032 году умер сын Мстислава, Евстафий, которого имя странно выдается между славянскими именами князей, а в

1035 году умер и сам Мстислав на охоте. Летописец говорит, что он был дебел телом, красноват лицом, с большими глазами, храбр на рати, милостив, очень любил дружину, имения, питья и кушанья не щадил для нее. Видно, что этот князь своим богатырством поразил внимание народа и долго жил в его памяти; ни об одном из князей в дошедших до нас списках не встречаем мы таких подробностей, например, о наружном виде

По смерти Мстислава Ярослав взял всю его волость и был самовластцем в Русской земле, по выражению летописца. Но, видно, Судиславу псковскому не нравилось, что Ярослав не делится с ним выморочными волостями братьев, или, по крайней мере, Ярославу казалось, что не нравится: в самый год Мстиславовой смерти Ярослав посадил Судислава в тюрьму во Пскове; летописи прибавляют, что его оклеветали пред старшим братом.

Счастливее был племянник Ярослава Брячислав полоцкий. В 1021 году он нечаянно напал на Новгород, побрал в плен граждан, взял их имение и пошел назад в Полоцку. Но Ярослав узнал о замыслах его, выступил поспешно из Киева и, настигнув племянника на реке Судомири, обратил его в бегство, отнявши всех пленников новгородских[311]. Несмотря, однако, на эту победу, Ярослав видел, что надобно что-нибудь прибавить Брячиславу к его волости, иначе Новгород никогда не будет безопасен: он дал ему два города — Витебск[312] и Усвят, если только он не дал их за жену свою, похищенную известным Эймундом, как говорят скандинавские предания.

Так кончились отношения Ярослава к братьям и племяннику; обратимся теперь к отношениям внешним. С Скандинавиею продолжалась по-прежнему тесная связь; враждебных отношений не могло быть: с 1024 года царствовал в Швеции король Олоф (Schoskönig), которого упрекали тем, что он потерял завоевание упсальского короля Эриха, сына Эймундова, на восточном берегу Балтийского моря, в Финляндии, Карелии, Эстляндии, Курляндии[313]. По скандинавским преданиям, на дочери этого Олофа, Ингигерде был женат наш Ярослав. По смерти Олофа королем в Швеции был Анунд — Яков[314], которого все внимание обращено было на отношения датские и норвежские. Он поддерживал в Норвегии родственника своего Олофа Святого против могущественного Кнута, короля датского и английского; ревность Олофа к распространению христианства возбудила против него много врагов, и он принужден был бежать из отечества; в изгнании он жил одно время при дворе Ярослава, и сын его Магнус Добрый был здесь воспитан. Родственник Ингигерды, приехавший с нею в Русь и сделанный посадником венового ее города Альдейгаборга (быть может, Ладоги), ярл Рагнвальд имел двух сыновей — ярлов Ульфа и Ейлифа, которые наследовали отцовскую должность; третий сын его —

Стенкиль был королем шведским, равно как и сын последнего Инге, проведший часть своей молодости в России у дяди Ейлифа. К княжению Ярослава относятся первые положительные известия о столкновениях русских с финскими племенами: под 1032 годом встречаем известие, что какой-то Улеб (очень быть может, что Ульф — сын Рагнвальда) ходил из Новгорода на Железные ворота[315], но, как видно, поход был неудачен, потому что из дружины Улебовой мало возвратилось народу. 80 верст к югу от Устьсысольска, у села Водча, находится городок, по-зырянски *Карил,* т. е. городовой холм; предание и теперь называет это место Железными воротами[316]. В 1042 году Владимир, сын Ярослава, посаженный отцом в Новгороде, ходил на ямь, победил это племя, но потерял коней в дороге от мора. Приведя в связь это известие с предыдущим, можно думать, что поход Владимира был предпринят по следам Улебовым в ту же сторону, на северо-восток, к берегам Северной Двины; таким образом, мы получим верное известие о начале утверждения русских владений в этих странах[317]. Еще ранее, в 1030 году, сам Ярослав утвердил свою власть на западном берегу Чудского озера; это утверждение произошло обычным образом — построением города: основан был Юрьев, нынешний Дерпт. Из походов на западные дикие народы упоминается поход на ятвягов, и в первый раз поход на Литву: эти походы были предприняты, как видно, с целью не покорения, а только отражения набегов.

Важнее были отношения к Польше: в 1025 году, после королевской коронации своей, умер Болеслав Храбрый. Ему наследовал сын его, Мечислав II, неспособный удержать отцовские приобретения. Мечислав, по обычаю, начал тем, что выгнал брата своего Оттона, или Безпрема; тот обратился к соседним государям с просьбою о помощи, вследствие чего венгры отняли у Польши землю словаков и часть Моравии; скоро потеряна была и вся Моравия. Мы видели, что у чехов младший князь Олдрих выгнал старшего брата Яромира и стал единовластителем. Сын Олдриха Брячислав в 1028 году выступил против поляков и отнял у них остальную часть Моравии, прогнал венгров из другой и соединил снова Моравию с Богемиею. Мечислав принужден был уступить чехам Моравию, немцам — лужичей и поделиться с братом Польшею; но этот брат не был так уживчив, как русский Мстислав: он выгнал Мечислава в свою очередь, но скоро был убит своими за тиранство. Мечислав возвратился на престол, однако не мог поправить свои дела и признал себя вассалом императора Конрада II. Если западные соседи воспользовались смертию Храброго, чтобы отнять у Польши его завоевания, то и русский князь должен был также воспользоваться этим удобным случаем. Еще при жизни Болеслава, в 1022 году, управившись с Брячиславом полоцким, Ярослав ходил осаждать

Брест, удачно, или нет — неизвестно; возгоревшаяся в это время борьба с Мстиславом тмутараканским не могла позволить Ярославу продолжать свои неприязненные движения на Польшу; но, помирившись с Мстиславом в 1030 году, Ярослав снова предпринимает поход на Польшу, и берет Бельз[318]. В следующем 1031 году оба брата — Ярослав и Мстислав собрали много войска и выступили в Польшу, взяли опять города Червенские, и повоевали Польскую землю, много ляхов привели и разделили между собою, говорит летописец. Дурно было положение Польши при Мечиславе II, но еще хуже стало по его смерти, последовавшей в 1034 году. Дружина княжеская имела возможность усилиться при слабом Мечиславе, и еще более по смерти последнего, когда вдова его, Рикса, урожденная принцесса пфальцская, приняла опеку над малолетним сыном своим, Казимиром. Рикса не имела силы дать значение ослабленной при Мечиславе княжеской власти, сдерживать стремления вельмож, а окружила себя своими единоплеменниками, которым дала большое значение в государстве, в ущерб природным полякам. Это оскорбило народное чувство последних; Рикса была изгнана, и опека над малолетним князем перешла в руки вельмож, по неимению других родичей. Здесь мы видим начало того значения польского вельможества, с каким оно является во всей последуюшей истории этой страны. Когда Казимир вырос, и вельможи стали бояться, чтоб он, взявши власть в руки, не отомстил им за мать и вообще не уменьшил бы приобретенного ими значения, то они выгнали и его. Польша увидала в челе своем олигархию; знатнейшие роды изгнали слабейшие или подчинили их себе; но не могли ужиться между собою в мире и тем погубили свое дело, произвели анархию, которой следствием было то, что низшее народонаселение — смерды или кметы восстали против шляхты, начали истреблять господ своих, брать их жен и имущество себе. Но восстание против шляхты было вместе и восстанием против христианства, которое не успело пустить в народе глубоких корней, а между тем десятины и другие церковные подати, строгость, с какою духовенство требовало немедленной перемены древних, языческих обычаев на новые, раздражали кметов и заставляли их стремиться к свержению и этого ига; епископы, священники были изгнаны или убиты, монастыри и церкви сожжены, церковные сокровища разграблены. Таким страшным положением Польши воспользовались опять соседи; у чехов по смерти Олдриха (1037 год) вступил на престол сын его, уже известный прежними счастливыми войнами с Польшею, Брячислав I, один из самых талантливых и деятельных князей чешских. Брячислав напал на Польшу и брал города ее и целые области без сопротивления. Но это усиление чехов на счет Польши спасло последнюю; политика германских императоров не могла допустить усиления

одного славянского владения на счет другого: ей нужно было разделение и вражда между ними, и потому император Генрих III объявил войну Брячиславу и принял в свое покровительство Казимира. После упорного сопротивления Брячислав принужден был признать свою подчиненность Империи, отказаться от дальнейших видов на Польшу, но удержал свое завоевание — землю Вратиславскую (Бреславскую) в Силезии. Между тем Казимир, вошедши с немецким отрядом в Польшу, был с радостию принят тою частию народонаселения, которая утомилась смутами анархии и жаждала восстановления порядка; порядок был восстановлен по ту сторону Вислы, но в Мазовии Моислав, один из дружинников прежнего князя Мечислава, пользуясь анархиею, объявил себя независимым, вооружился против Казимира, призвав на помощь языческих пруссов, литву и славян поморских; этот союз намекает, что в борьбе Моислава против Казимира боролось язычество с христианством. Но Казимир в этой борьбе нашел себе сильного союзника в русском князе. Еще в 1041 году, вслед за походом против Литвы, Ярослав предпринимал поход в Мазовию на лодках. Быть может, уже тогда был заключен союз с Казимиром, но можно полагать также, что поход в Мазовию был предпринят вследствие союза Моиславова с литовцами, врагами Ярослава, и уже союз с Казимиром был следствием вражды против Моислава. В 1043 году Казимир вступил в родство с Ярославом, женился на сестре его, Доброгневе, или Марии, получил за нею богатое приданое, но вместо вена отдал Ярославу 800 пленников, взятых Болеславом из Руси. Следствием такого тесного союза было то, что в том же году упоминается о двукратном походе Ярослава на Мазовию[319]; в 1047 году русский князь отправился опять с войском на помощь Казимиру против Моислава; последний был разбит и убит, Мазовия подчинилась снова Пястам. Союз с Польшею был скреплен еще браком Изяслава, одного из сыновей Ярославовых, на сестре Казимировой. Есть известия, более или менее вероятные, о брачных союзах Ярославова семейства с другими владельческими домами в Европе: о браке Гарольда норвежского на Ярославовой дочери Елизавете, короля венгерского Андрея — на Анастасии, Генриха I французского — на Анне; о браке Всеволода Ярославича на царевне греческой, дочери Константина Мономаха, также о браке двоих неизвестных по имени сыновей Ярославовых на двух немецких княжнах.

Ко времени Ярослава относится последнее враждебное столкновение с Византиею[320]. Греческая торговля была очень важна для Руси, была одним из главных источников обогащения народа и казны княжеской; ее поддержание и после было одною из главных забот наших князей, должно было быть и одною из главных забот Ярослава. Греки поссорились

с русскими купцами, и один из последних был даже убит в этой ссоре. Русский князь не мог позволить подобных поступков и в 1043 году отправил на греков старшего сына своего Владимира, давши ему много войска, и воеводу, или тысяцкого своего Вышату. Владимир пошел в лодках, но на пути от Дуная в Царьград[321] поднялась буря, разбила русские корабли и, между прочим, корабль князя Владимира, так что последний должен был пересесть уже на корабль одного из воевод Ярославовых, Ивана Творимирича. Остальные воины, числом 6000, кроме дружины, были выкинуты на берег; они хотели возвратиться в Русь, но никто из дружины не хотел идти с ними в начальниках. Тогда Вышата сказал: «Я пойду с ними; жив ли останусь, погибну ли — все лучше вместе с своими». Когда греки узнали, что русские корабли разбиты бурею, то император Константин Мономах послал за ними погоню; Владимир возвратился, разбил греческие корабли и пришел назад в Русь. Но не так был счастлив Вышата — его отряд был окружен греками при городе Варне, взят в плен и приведен в Константинополь, где многих русских ослепили; только через три года, когда заключили мир, отпущен был Вышата в Русь к Ярославу. Чем обнаруживалась вражда в продолжение трех лет, неизвестно; на каких условиях был заключен мир, также неизвестно. Вероятно, Ярослав поспешил прекратить вражду с греками, занятый более важным предприятием относительно Польши; вероятно также, что следствием и условием прекращения вражды был брак сына Ярославова Всеволода на царевне греческой: в 1053 году летописец упоминает о рождении сына Всеволодова Владимира от царицы грекини.

О набегах печенежских, кроме упомянутых выше при борьбе Ярослава с Святополком, древнейшие списки летописи сообщают известие под 1036 годом. Находясь в это время в Новгороде, Ярослав узнал, что печенеги осаждают Киев; он собрал много войска, варягов и новгородцев, и вступил в Киев. Печенегов было бесчисленное множество; Ярослав вышел из города и расположил свое войско так: варягов поставил посередине, киевлян — на правом крыле, а новгородцев — на левом; и началась битва перед крепостью. После злой сечи едва к вечеру успел Ярослав одолеть печенегов, которых погибло множество от меча и перетонуло в реках во время бегства[322]. После этого поражения имя печенегов хотя и не исчезает совершенно в летописи, однако нападения их на Русь прекращаются.

Относительно внутренней деятельности Ярослава упоминаются распоряжения в Новгороде. Сам Ярослав, княжа здесь, отказался платить дань в Киев; ясно, что он не мог установить снова этот платеж, ставши князем киевским, тем более что новгородцы оказали ему такие услуги; вот почему он дал им финансовую льготную грамоту, на которую они

ссылаются впоследствии при столкновениях с князьями. Вместо себя Ярослав оставил в Новгороде сначала сына своего Илью, а потом, по смерти его, — другого сына Владимира и по смерти последнего — третьего сына Изяслава. В связи с этими распоряжениями Ярослава находится известие о заточении и смерти Константина, сына Добрыни: Ярослав, сказано в летописи, рассердился на него, заточил в Ростов и потом на третий год велел убить в Муроме. Быть может, Константин хотел большего для новгородцев за их услугу, чем сколько давал Ярослав; быть может также, Константин, как дядя в[еликого] князя, как сын Добрыни, хотел большего для себя [323].

Из дел церковных в княжение Ярослава замечательно поставление митрополита Илариона русина, независимо от византийского патриарха, собором русских епископов, что было следствием недавней вражды с греками. Как видно, поведение прежнего митрополита Феопемта во время этой вражды было таково, что Ярослав хотел на будущее время предохранить себя от подобного в случае нового разрыва [324].

В 1054 году умер Ярослав. Он, как видно, не заслужил такой приятной памяти в народе, как отец его; несмотря на то, и его деятельность имеет важное значение в нашей начальной истории; в скандинавских сагах Ярослава называют скупым, но этот отзыв может служить ему только в похвалу: и отец его, который вовсе не был скуп, не любил, однако, удовлетворять жадности норманских наемников, которые особенно любили приобретать; раздача большой суммы денег новгородцам скорее будет свидетельствовать о щедрости Ярослава. По отзыву летописи, Ярослав был на своем месте: «он был хромоног, но ум у него был добрый, и на рати был он храбр»; прибавлена еще замечательная черта, что он был христианин, и сам книги читал [325]. Последнее обстоятельство было чрезвычайно важно для преемника Владимирова. В приведенном известии значение христианина тесно связано в Ярославе с чтением книг; Владимир не читал сам книг, он мог только слушать св[ященное] писание; сын его Ярослав сам читал книги, был представителем нового поколения грамотных христиан, выученных при Владимире, которые могли находить для себя утверждение в вере в книгах священных. Уже при Владимире греческое духовенство единственным средством распространения и утверждения христианства считало грамотность, учение книгам; сын Владимира сам читал книги, сам был утвержденным христианином, и потому, разумеется, в его княжение христианство и грамотность должны были распространяться. И точно, по свидетельству летописи, христианство начало преимущественно распространяться при Ярославе; при нем начали также умножаться монахи. Ярослав, говорит летопись, любил церковные уставы, очень любил по-

пов, но больше всего монахов; книги читал часто, ночью и днем, собрал много писцов; они переводили книги с греческого на славянский, и переписали много книг, много он и купил их. Отец его Владимир распахал землю и умягчил, т. е. просветил крещением, Ярослав насеял книжными словами сердца верных людей, а мы, прибавляет летописец, пожинаем, принимая книжное учение. Сравнение очень важное: в нем ясно указано значение деятельности Владимира и Ярослава и постепенность движения: при одном имело место крещение, при другом — надлежащее наставление в вере [326]. При книгах нужны были особенно церкви и грамотные священники, которые могли бы учить народ неграмотный. Ярослав строил церкви по городам и местам неогороженным, ставил при них священников, которым давал содержание из собственного имущества, приказывая им учить людей и приходить часто к церквам. При Ярославе в Новгороде было сделано то же, что при Владимире в Киеве: князь велел собрать у старост и священников детей (300 человек) и учить их книгам.

Кроме этой деятельности, княжение Ярослава важно еще в других отношениях: подобно отцу Владимиру, Ярослав не был князем только в значении вождя дружины, который стремится в дальние стороны за завоеваниями, славою и добычею; Ярослав, как видно, был более князем-нарядником страны. Он любил церковные уставы, был знаком с ними: неудивительно, что к его времени относится и первый писаный устав гражданский, так называемая Русская Правда. Подобно отцу, Владимиру, Ярослав следовал совету Добрыни, что народы, ходящие в сапогах, не будут охотно давать дани, и потому не любил войны с ними, а преимущественно обращал свое оружие на варваров — чудь, литву, ятвягов [327]. Мы не знаем, какими собственно расчетами руководился Ярослав в польских отношениях; но знаем, что он, возвратив свое, принял сторону порядка и христианства, не захотел усиливать варварства и победою над Моиславом мазовецким нанес последнему сильный удар. Наконец, Ярослав, подобно отцу своему и вещему Олегу, населял пустынные пространства, строил города; от языческого имени его получил название Ярославль на Волге, от христианского — Юрьев (Дерпт), в земле Чудской; он огородил острожками южную границу Руси со степью; в 1031 году поселил пленных поляков по реке Роси, в следующем начал ставить здесь города.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ВНУТРЕННЕЕ СОСТОЯНИЕ РУССКОГО ОБЩЕСТВА В ПЕРВЫЙ ПЕРИОД ЕГО СУЩЕСТВОВАНИЯ

Значение князя. — Дружина, ее отношение к князю и к земле. — Бояре, мужи, гриди, огнищане, тиуны, отроки. — Городовые и сельские полки. — Тысяцкий. — Способы ведения войны. — Городское и сельское народонаселение. — Рабы. — Русская Правда. — Нравы эпохи. — Обычаи. — Занятие жителей. — Состояние религии. — Монашество. — Управление и материальные средства церкви. — Грамотность. — Песни. — Определение степени норманского влияния.

Мы видели в начале нашего рассказа, как среди северных племен явился князь, призванный для установления наряда в земле, взволнованной родовыми усобицами; теперь предстоит нам вопрос: в каких же отношениях нашелся призванный к призвавшим, как определилось значение князя? Для решения этого вопроса мы должны обратиться к понятиям племен, призвавших власть. Летописец прямо дает знать, что несколько отдельных родов, поселившись вместе, не имели возможности жить общею жизнию вследствие усобиц; нужно было постороннее начало, которое условило было возможность связи между ними, возможность жить вместе; племена знали по опыту, что мир возможен только тогда, когда все живущие вместе составляют один род с одним общим родоначальником; и вот они хотят восстановить это прежнее единство, хотят, чтобы все роды соединились под одним общим старшиною, князем, который ко всем родам был бы одинаков, чего можно было достичь только тогда, когда этот старшина, князь, не принадлежал ни к одному роду, был из чужого рода. Они призвали князя, не имея возможности с этим именем соединять какое-либо другое новое значение, кроме значения родоначальника, старшего в роде. Из этого значения князя уяснится нам круг его власти, его отношения к призвавшим племенам. Князь должен был княжить и владеть по буквальному смыслу летописи; он думал о строе земском, о ратях, об

уставе земском; вождь на войне, он был судьею во время мира; он наказывал преступников, его двор — место суда, его слуги — исполнители судебных приговоров; всякая перемена, всякий новый устав проистекал от него; так, Владимир, по предложению епископов, а потом епископов и старцев, делает постановление относительно вир; Ярослав дает грамоты новгородцам — Правду и устав относительно податей; князь собирает дань, распоряжается ею. Но если круг власти призванного князя был такой же, какой был круг власти у прежнего родоначальника, то в первое время на отношениях князя к племенам отражалась еще вся неопределенность прежних родовых отношений, которой следствия мы увидим после в отношениях городовых общин к князю, о чем и будет речь в свое время. Теперь же мы должны обратиться к вопросу: что стало с прежними родоначальниками, прежними старшинами, князьями племен? Соединение многих родов в одно целое, во главе которого стоял один общий князь, необходимо должно было поколебать значение прежних старшин, родоначальников; прежняя тесная связь всех родичей под властию одного старшины не была уже теперь более необходима в присутствии другой — высшей, общей власти. Само собой разумеется, что это понижение власти прежних родоначальников происходило постепенно, что те члены родов, которым, по известным счетам, принадлежало старшинство, долгое время пользовались еще большим уважением и представительством; так долго мы видим городских старцев на первом плане во всех важных случаях; они решают дела на вече, с ними советуется князь. Но в конце рассмотренного периода жизнь общественная получила уже такое развитие, что необходимо условливала распадение родов на отдельные семьи, причем прежнее представительное значение старшин в целом роде исчезает, и когда князю нужно объявить, предложить что-нибудь городу, то собираются не одни старцы, собирается целый город, является общенародное вече. Первое общенародное вече мы видим в Новгороде, когда князю Ярославу нужно было объявить гражданам о смерти Владимира и поведении Святополка. Те исследователи, которые предполагают долговременное существование прежних славянских князей или родоначальников, и те, которые предполагают переход этих старшин в бояр с земским значением, забывают, что родовой быт славянских племен сохранился при своих первоначальных формах, не переходя в быт кланов, где старшинство было уже наследственно в одной линии, переходило от отца к сыну, тогда как у наших славян князь долженствовал быть старшим в целом роде, все линии рода были равны относительно старшинства, каждый член каждой линии мог быть старшим в целом роде, смотря

по своему физическому старшинству: следовательно, одна какая-нибудь линия не могла выдвинуться вперед перед другими, как скоро родовая связь между ними рушилась; ни одна линия не могла получить большого значения по своему богатству, потому что при родовой связи имение было общее; как же скоро эта связь рушилась, то имущество разделялось поровну между равными в правах своих линиями; ясно, следовательно, что боярские роды не могли произойти от прежних славянских старшин, родоначальников, по ненаследственности этого звания; если старшина рода переходил в дружину княжескую, то он сохранял свое родовое значение только при жизни, сын его не наследовал этого значения, оно переходило к какому-нибудь четвероюродному дяде его, и если он выделялся из рода, то доля имущества его была равна доле каждого другого родича. Вот почему славянские князья исчезают с приходом князей варяжских: нельзя искать их и в боярах по той же самой причине, т. е. потому, что достоинство старшин у славян не было наследственным в одной родовой линии. Отсюда объясняется и то явление, что в следующем периоде мы увидим непосредственные отношения князей к городскому народонаселению, к общине. Место князя во время его отсутствия или в тех городах, где князь не жил, заступал посадник, муж из дружины княжеской. Этот наместник княжеский, в мнении народа, не заменял вполне князя, уважения и послушания к нему было меньше и на войне, и в мире, следовательно, цель установления наряда достигалась не вполне; отсюда стремление иметь своего князя, замечаемое в Новгороде.

Не должно думать, чтобы во все продолжение периода отношения племен к князю были всегда и везде одинакие. Сознание о необходимости нового порядка вещей, власти одного общего князя из чужого рода явилось на севере; северные племена призвали князя как нарядника; здесь, следовательно, новый порядок вещей должен был приняться и развиться преимущественно; здесь должно было начаться определение княжеских отношений; вот почему в Новгороде мы видим и некоторое движение вследствие этого начавшегося определения. Потом местопребывание князя переносится на юг, в Киев; на севере остаются посадники до самого Владимира. Мы видим, что большему влиянию княжеской власти подчинена сначала только озерная Новгородская область и потом довольно узкая полоса земли по берегам Днепра, где в городах Смоленске и Любече еще со времен Олега сидели мужи княжие. Отношения к князю *племен, живших далее к востоку и западу от Днепра,* как видно, ограничивались *вначале* платежом дани, для собирания которой сам князь с дружиною ездил к ним. По свидетельству Константина Багрянородного, русские князья с

своею дружиною выходили из Киева при наступлении ноября месяца и отправлялись *на полюдье* или уезжали в земли подчиненных им племен славянских и там проводили зиму[328]. Обычай *полюдья* удержался надолго после: князь объезжал свою волость, вершил дела судные, оставленные до его приезда и брал дары, обогащавшие казну его. Такой обычай княжеских объездов для вершения судебных дел необходимо условливается самым состоянием юного общества: так, мы встречаем его в древней скандинавской и в древней польской истории[329]; ясно, следовательно, что — это обычай общий, а не частный скандинавский, принесенный варягами в Русь. Любопытно, что в приведенном свидетельстве Багрянородного, полюдье отделено от зимнего пребывания князя и дружины его у славянских племен: из этого различия видно уже, что к некоторым ближайшим и более подчиненным племенам князь отправлялся для суда, к другим же, отдаленнейшим — только для собрания дани мехами и другими сырыми произведениями, составлявшими предмет заграничной торговли; что князь сам ходил за данью к племенам, это ясно показывает предание о судьбе Игоря у древлян. Более отдаленные племена принуждены были платить дань русскому князю и платили ее тогда, когда тот приходил за нею с войском; но этим, как видно, и ограничивались все отношения; племена еще жили по-прежнему, особными родами, каждый род имел своего старшину или князя, который владел у него, судил и рядил; у древлян были свои князья в то время, когда они платили дань киевскому князю; из этих князей один был Мал, которого они прочили в мужья Ольге.

Дань, за которою ходил сам князь, была первоначальным видом подчиненности племени одной общей власти, связи с другими соподчиненными племенами. Но при таком виде подчиненности сознание об этой связи, разумеется, было еще очень слабо: племена платили дань и козарам, и все оставались по-прежнему в разъединении друг с другом. Гораздо важнее для общей связи племен и для скрепления связи каждого племени с общим средоточием была обязанность *возить повозы,* обязанность, вследствие которой сами племена должны были доставлять дань в определенное князем место, ибо с этим подчиненность племен, участие их в общей жизни принимали более деятельный характер. Но еще более способствовала сознанию о единстве та обязанность племен, по которой они должны были участвовать в походах княжеских на другие племена, на чужие народы: здесь члены различных племен, находившихся до того времени в весьма слабом соприкосновении друг с другом, участвовали в одной общей деятельности под знаменами русского князя, составляли одну дружину; здесь наглядным образом приобретали они поня-

тие о своем единстве и, возвратясь домой, передавали это понятие своим родичам, рассказывая им о том, что они сделали вместе с другими племенами под предводительством русского князя. Наконец, выходу племен из особного, родового быта, сосредоточению каждого из них около известных центров и более крепкой связи всех их с единым, общим для всей земли средоточием способствовало построение городов князьями, умножение народонаселения, перевод его с севера на юг.

Мы коснулись непосредственного влияния княжеской власти на образование юного общества, но это влияние сильно обнаружилось еще посредством дружины, явившейся вместе с князьями. С самого начала мы видим около князя людей, которые сопровождают его на войну, во время мира составляют его совет, исполняют его приказания, в виде посадников заступают его место в областях. Эти приближенные к князю люди, эта дружина княжеская могущественно действует на образование нового общества тем, что вносит в среду его новое начало, сословное, в противоположность прежнему родовому. Является общество, члены которого связаны между собою не родовою связью, но товариществом; дружина, пришедшая с первыми князьями, состоит преимущественно из варягов, но в нее открыт свободный доступ храбрым людям из всех стран и народов, преимущественно, разумеется, по самой близости, туземцам; с появлением дружины среди славянских племен для их членов открылся свободный и почетный выход из родового быта в быт, основанный на других, новых началах; они получили возможность, простор развивать свои силы, обнаруживать свои личные достоинства, получили возможность личною доблестию приобретать значение, тогда как в роде значение давалось известною степенью на родовой лестнице. В дружине члены родов получали возможность ценить себя и других по степени личной доблести, по степени той пользы, какую они доставляли князю и народу; с появлением дружины должно было явиться понятие о лучших, храбрейших людях, которые выделились из толпы людей темных, неизвестных, черных; явилось новое жизненное начало, средство к возбуждению сил в народе и к выходу их; темный, безразличный мир был встревожен, начали обозначаться формы, отдельные образы, разграничительные линии.

Обозначив влияние дружины вообще, мы должны обратиться к вопросу: в каком отношении находилась она к князю и к земле? Для легчайшего решения этого вопроса сравним отношения дружины к князю и земле на западе и те же самые отношения у нас на Руси. На западе около доблестного вождя собиралась толпа отважных людей с целию завоевания какой-нибудь страны, приобретения земель во владение. Здесь вождь зависел более от дружины, чем дружина от него; дру-

жина нисколько не находилась к нему в служебных отношениях, вождь был только первый между равными: «Мы избираем тебя в вожди, — говорила ему дружина [330], — и куда поведет тебя твоя судьба, туда пойдем и мы за тобою; но что будет приобретено общими нашими силами, то должно быть разделено между всеми нами, смотря по достоинству каждого», и проч. И действительно, когда дружина овладевала какою-нибудь страною, то каждый член варварского ополчения приобретал участок земли и нужное количество рабов для его обработания [331]. Но подобные отношения могли ли иметь место у нас на Руси с призванием князей? Мы видели, что князь был призван северными племенами, как *нарядник* земли; в значении князя известной страны он расширяет свои владения; с ним приходит дружина, которая постоянно наполняется новыми членами, пришельцами и туземцами; но ясно, что эти дружинники не могут иметь значения дружинников западных: они не могли явиться для того, чтобы делить землю ими не завоеванную, они могли явиться только для того, чтобы служить князю известных племен, известной страны; те из них, которые приходили за тем, чтоб получать города и села, как например Аскольд и Дир, обманывались в своей надежде и отправлялись искать лучшего в другом месте. Рюрик раздает города мужам своим; Олег сажает мужей своих в занятых им городах — Смоленске и Любече: они здесь начальники отрядов, они заступают место князя; но при этом должно строго отличать характер правительственный от характера владельческого; мы и после будем постоянно видеть везде княжих посадников, наместников, но везде только с характером правительственным. С другой стороны, если князь с дружиною покорял новые племена, то это покорение было особого рода: покоренные племена были рассеяны на огромном пустынном пространстве; волею или неволею соглашались они платить дань — и только, их нельзя было поделить между членами дружины; мы знаем, как покорял Олег племена: одни добровольно соглашались платить ему дань, какую прежде платили козарам, на других накладывал он дань легкую; некоторых примучивал, т. е., силою заставлял платить себе дань, но опять только дань. Большое различие, когда дружина займет страну цивилизованного народа, покрытую городами и селениями, или когда займет страну пустынную, редко населенную, построит острожек и станет ходить из него к племенам за мехами. Земли было много у русского князя, он мог, если хотел, раздавать ее своим дружинникам, но дело в том, выгодно ли было дружинникам брать ее без народонаселения [332]; им гораздо выгоднее было остаться при князе, ходить с ним за добычею на войну к народам еще не покоренным, за данью к племенам подчиненным, продавать эту дань

чужим народам, одним словом, получать от князя содержание непосредственно.

Замечено было, что князья принимали в свою дружину всякого витязя, из какого бы народа он ни был: так, между послами Игоря мы встречаем ятвяга; Святослав отовсюду собирал воинов многих и храбрых; Владимир выбрал из наемных варягов мужей добрых, смысленных и храбрых и роздал им города; северные саги говорят о знатных витязях скандинавских, которые служили в дружинах наших князей; каждый пришлец получал место смотря по своей известности; в древних песнях наших читаем, что князь встречал неизвестных витязей следующими словами:

Гой вы еси, добры молодцы!
Скажитеся, как вас по имени зовут:
А по имени вам мочно место дать,
По изотчеству можно пожаловати [333].

В сагах читаем, что при Владимире княгиня, жена его, имела такую же многочисленную дружину, как и сам князь: муж и жена соперничали, у кого будет больше знаменитых витязей; если являлся храбрый пришлец, то каждый из них старался привлечь его в свою дружину [334]. Подтверждение этому известию находим также в наших старинных песнях: так Владимир, посылая богатыря на подвиг, обращается к нему с следующими словами:

Гой еси, Иван Годинович!
Возьми ты у меня, князя, сто человек
Русских могучих богатырей,
У княгини ты бери другое сто [335].

Чем знаменитее был князь, тем храбрее и многочисленнее были его сподвижники; каков был князь, такова была и дружина; дружина Игорева говорила: «Кто с морем советен», и шла домой без боя; сподвижники Святослава были все похожи на него: «Где ляжет твоя голова, там и все мы головы свои сложим», — говорили они ему, потому что оставить поле битвы, потерявши князя, считалось ужасным позором для доброго дружинника [336]. И хороший вождь считал постыдным покинуть войско в опасности; так, во время похода Владимира Ярославича на греков тысяцкий Вышата сошел на берег к выброшенным бурею воинам и сказал: «Если буду жив, то с ними; если погибну, то с дружиною» [337]. Было уже замечено, что дружина получала содержание от князя — пищу, одежду, коней и оружие; дружина говорит Игорю: «Отроки Свенельдовы богаты оружием и платьем, а мы босы и наги; пойдем с нами в дань» [338]. Хороший князь не жалел ничего для дружины: он знал, что с многочисленными и храбрыми сподвижниками мог всегда приобресть богатую добычу; так говорил Владимир и давал частые, обильные пиры дружине; так, о сыне его Мстиславе говорится, что он очень любил дружину, имения

не щадил, в питье и пище ей не отказывал [339]. Летописец, с сожалением вспоминая о старом времени, говорит о прежних князьях [340]: «Те князья не собирали много имения, вир и продаж неправедных не налагали на людей; но если случится правая вира, ту брали и тотчас отдавали дружине на оружие. Дружина этим кормилась, воевала чужие страны; в битвах говорили друг другу: «Братья! Потянем по своем князе и по Русской земле!» Не говорили князю: «Мало мне ста гривен»; не наряжали жен своих в золотые обручи, ходили жены их в серебре; и вот они расплодили землю Русскую». При такой жизни вместе в братском кругу, когда князь не жалел ничего для дружины, ясно, что он не скрывал от нее своих дум, что члены дружины были главными его советниками во всех делах; так, о Владимире говорится: «Владимир любил дружину и думал с нею о строе земском, о ратях, об уставе земском» [341]. Святослав не хочет принимать христианства, потому что дружина станет смеяться. Бояре вместе с городскими старцами решают, что должно принести человеческую жертву; Владимир созывает бояр и старцев советоваться о перемене веры.

Из приведенных известий видно, что одни бояре, одни старшие члены дружины были советниками князя: два последние известия ограничивают первое, показывают, с какою дружиною думал Владимир. Как же разделялась дружина [342], как назывались младшие ее члены, не бояре? Для означения отдельного члена дружины, дружинника, без различия степеней, употреблялось слово *муж*. Муж, мужи — значило человек, люди, но преимущественно с почетным значением: муж с притяжательным местоимением, относящимся к князю, означал дружинника: муж свой, муж его [343]. Но, как видно, слово «муж» имело и более тесное значение, означало дружинников второго разряда, низших, младших членов дружины, в противоположность боярам [344]; это видно из следующего места летописи, хотя относящегося к позднейшему времени [345]. Князь Игорь северский, попавшись в плен к половцам, так горюет об истреблении своего войска: «Где бояре думающие, где мужи храборствующие, где ряд полчный?» Итак, бояре были лучшие, старшие в дружине, советники, думцы князя по преимуществу; мужи были воины по преимуществу; другое более определенное название для этого разряда дружинников было гриди [346], гридь, гридьба, что означает также сборище, толпу, дружину. Комната во дворе княжеском, где собиралась дружина, называлась гридницею: так говорится о Владимире: «Он учредил на дворе в гриднице пиры, куда приходили бояре и гриди, соцкие и десяцкие, и нарочитые мужи, при князе и без князя» [347]. Мужи княжие, жившие по городам, занимавшие там разные должности, в отличие от бояр, живших при князе, в стольном его городе, назывались уменьшительным — боляр-

цы[348]. В Русской Правде и в Новгородской летописи мы встречаем название огнищанина, подававшее повод к различным объяснениям. Единственное средство объяснить это название — посмотреть, как оно заменяется в других списках Правды и в других летописях; в других списках Правды оно заменяется постоянно выражением: княж муж, и в этом значении противополагается смерду; в летописи Новгородской читаем: «Позвал (Ростислав) новгородцев на поряд: огнищан, гридь»[349]. В другой, не новгородской летописи читаем «Князь Мстислав, собрав ростовцев — боляр, гридьбу»[350]. Следовательно, то, что в Новгороде были огнищане, в других местах были бояре, т. е. старшие члены дружины, которых место прежде гридей; при этом должно заметить, что название огнищанин было обширнее, чем боярин: огнищанин некоторых списков Правды совмещает мужа княжа и тиуна княжа других списков, а потому и в Новгороде существовало также название боярин. Объяснение того, почему огнищанин соединял и боярина и тиуна княжа, равно как объяснение корня слову огнищанин найдем также в Русской Правде, здесь читаем: «За убийство тиуна огнищного и конюш°го платить 80 гривен». Если тиун конюший означает смотрителя за конюшнею княжескою, то тиун огнищный должен означать смотрителя за огнищем или домом княжеским; огнищанин же должен означать человека, который живет при огнище княжеском, домочадца княжеского, человека, близкого к князю, его думца, боярина, в переводе на наши понятия, придворного человека[351]. Объяснением слова огнищанин служит также позднейшее — дворянин, означающее человека, принадлежащего ко двору, дому княжескому, а не имеющего свой двор или дом, следовательно, и под огнищанином нет нужды разуметь человека, имеющего свое огнище. Эти-то домочадцы или огнищане княжеские имели то преимущество пред остальным народонаселением, что за их голову убийца платил двойную пеню, или виру, именно 80 гривен вместо 40. Под огнищанином разумелся только муж княж высшего разряда, боярин, думец княжеский, но не гридь, не простой член дружины, который собственно не принадлежал к огнищу или двору княжескому. К огнищанам, как видно из Правды, принадлежал тиун княж, но не вообще, а только огнищный и конюший. Тиун в готском переводе Библии Улфилы является в форме dius и в значении οἰκέτης — домочадец, слуга, раб. Звание тиуна, как оно является в наших древних памятниках, можно означить словом «приставник», с неопределенным значением: приставник смотреть за домом, за конюшнею, за судом[352], за сбором доходов княжих, за селом княжим; тиуны могли быть у князя и у боярина; они могли быть и свободные, если примут на себя эту должность с рядом, но это было уже исключение. Сельский тиун княжий или ратайный, если

был холоп, то за него положена была вира в 12 гривен, если же был свободный человек, но рядович, т. е. такой тиун, который, вступая в должность, не вошел в холопство, но порядился, вошел с рядом, то за такого вира была только в 5 гривен, потому что для князя было гораздо важнее потерять своего холопа, чем вольного рядовича; те же самые виры брались за тиунов холопей и рядовичей боярских. Вообще князь увеличивал виру за своего служителя, смотря по важности последнего. Что касается до отроков князя, то они составляли его домашнюю прислугу; они, по летописям, служат за столом князю и гостям его[353]; убирают вещи по княжому приказу[354]; князь посылает их с поручениями[355] и т. п.

Кроме дружины войско составлялось также из жителей городов и сел, набиравшихся по случаю похода: эти полки явственно отличаются от дружины под именем воинов (воев) в тесном смысле; так, читаем в рассказе о убиении святого Бориса: «Сказала ему отцовская дружина: «вот у тебя дружина отцовская и воины (вои)»[356]. Другое место, из которого также виден двойственный состав княжеского войска, встречаем в рассказе о походе Владимира Ярославича на греков: «Прочие воины Владимира были выкинуты на берег, числом 6000, и хотели возвратиться в Русь, но не пошел с ними никто из дружины княжеской»[357]. Но мы не должны ожидать от летописца постоянно резкого различия в названиях — дружина и вои: если он говорит, что князь взял с собою много воев из разных племен, то он не прибавит, что он взял с собою дружину и воев: подразумевается, что дружина должна идти с князем, и в таких случаях везде дружина включается в число воев; с другой стороны, от дружины не было производного дружинник, дружинники, и потому вместо этого производного употреблялось также вои; вои значило вообще все военные, вооруженные люди. Наоборот, дружина означала в обширном смысле совокупность всех военных, вооруженных людей, войско, и в тесном смысле — приближенных к князю людей, которых военное дело было постоянным занятием. Это двоякое значение дружины всего виднее в рассказе о войне Мстислава тмутараканского с Ярославом: «Мстислав с вечера исполчил дружину и поставил северян в чело против варягов, а сам стал с дружиною своею по крылам... Мстислав, на другое утро увидя лежащие трупы северян и варягов, сказал: «Как не радоваться? Вот лежит северянин, вот варяг, а дружина моя цела»[358]. Кроме собирательного дружина в смысле войска, армии, употреблялось еще слово «полк»[359]. Слово «дружина» имела еще не военное значение, в котором может переводиться словом: свои, наши, например древляне спросили Ольгу: «Где же наша дружина?», т. е. послы, которых они прежде отправили в Киев[360]

Было сказано, что вои, т. е. недружина, набирались из народонаселения городского и сельского: так набирали войско из племен Олег, Игорь, Владимир; так Ярослав вывел против Святополка горожан новгородских и сельских жителей с их старостами. Видно и в этот период, как в последующий, князь объявлял о походе в городе народу, собравшемуся на вече; здесь решали выступить, и сельское народонаселение выступало по решению городового веча. Как видно, отец выходил в поход со старшими сыновьями, сколько бы их ни было, а младший (также взрослый уже) оставался дома для охранения семейства [361]. По окончании похода войско, набранное из городского и сельского народонаселения, распускалось; оно пользовалось добычею: князья выговаривали у побежденных дань в его пользу. Олег требует с греков по 12 гривен на ключ, т. е. на каждую лодку, без различия между дружиною и воями, набранными из разных племен. Дружина, разумеется, имела ту выгоду, что участвовала в ежегодных данях с греков и с своих племен, вообще во всех доходах княжеских. Ярослав, победив Святополка, наградил щедро помогших ему новгородцев, сельчан, однако, меньше, чем горожан: горожанин был сравнен с сельским старостою. Но ясно, что когда народонаселение призывалось не к далекой наступательной войне, а к защите своей земли от нападения врагов, например печенегов, то не могло быть речи о награждении; воины могли довольствоваться только добычею, если, прогнав врага, отбили обоз, брали пленников; дань с побежденных бралась и на долю убитых ратников и шла к их родственникам. Сельчане приходили в поход с своими старостами; горожане относительно военной службы разделялись, как видно, на десятки, сотни: таково было обыкновенно военное деление у народов. В летописи упоминаются десятские, сотские; без всякого сомнения, был высший начальник над этими отделами, долженствовавший носить соответственное название «тысяцкого»; этого названия мы не встречаем в дошедших до нас списках летописей в описываемое время, встречаем одно неопределенное название «воеводы»; но в следующем периоде мы встретим, что тысяцкий называется также воеводою [362], вследствие чего под воеводою первого периода можно разуметь тысяцкого. Тысяцкий, по соображении всех известий об этом сане, был воеводою земских, гражданских полков, выбиравшийся князем из дружины. Если Ян, сын Вышаты, был тысяцким в Киеве, в 1089 году, то нет сомнения, что отец его Вышата занимал ту же должность прежде, при Ярославе; подтверждение этому находим в летописи [363]: в 1037 году послал Ярослав сына своего Владимира на греков и дал ему много войска, а воеводство поручил Вышате, отцу Янову; когда поднялась буря и прочие воины, т. е. земские полки, были выброшены на берег, то никто из дружины княжеской не хотел идти с

ними; один Вышата вызвался. «Я пойду с ними, —сказал он останусь жив — с ними вместе, погибну — вместе с своими (с дружиною)». Поступок Вышаты объяснится, если обратим внимание на то, что этот воевода был тысяцкий, что ему было поручено от князя воеводство над земскими полками, и он, по совести, не мог оставить их без предводителя. Из этого же известия видим, что земское ополчение нуждалось в предводителе из членов дружины.

При святом Владимире мы видим, что во время тяжкой оборонительной войны против печенегов князь отправился раз на север, чтобы набрать полки из тамошнего народонаселения, ходил по верховные вои, как говорится в летописи[364]. Кроме дружины и земских полков, составленных из городского и сельского народонаселения, были еще наемные войска, составлявшиеся из варягов, печенегов и торков; варяги обыкновенно составляли пехоту, печенеги и торки — конницу; в борьбах северных князей с южными варяги нанимались первыми, печенеги — вторыми, следовательно, первым помогала Европа, вторым — Азия. Дружина Мстислава тмутараканского состояла из козар и касогов. Надобно заметить, что печенеги ни разу не дали победы князьям, нанимавшим их. Новгородцы и варяги дали торжество Владимиру над Ярополком, Ярославу — над Святополком; южно-русское, киевское, народонаселение не дало победы Святополку при Любече; но северское народонаселение дало торжество Мстиславу над варягами Ярослава, выдержавши натиск последних; при этом не забудем, что в пограничных северских городках со времен Владимира жили северные переселенцы. Дружина не могла быть многочисленна; дружина Игоря, если была даже многочисленна, то пострадала много от греческого похода, а потом, без сомнения большая часть ее ушла с Святославом; этот князь должен был кончить войну с греками по недостатку дружины, которой очень немного должно было возвратиться с Свенельдом в Киев; что у Ярополка было мало дружины доказывает также торжество Владимира. Ярослав перебил свою новгородскую дружину за варягов; киевская дружина должна была следовать за Святополком; нельзя предполагать, чтобы много ее осталось после поражений последнего; при Ярославе, следовательно, имел место новый набор дружины. Дружина жила при князе, другого постоянного войска не было, а между тем предстояла беспрестанная нужда в защите границ, угрожаемых врагами; для этого также нанимались варяги. Так, новгородцы со времен Олега держат «мира деля» отряд варягов, которым дают определенную сумму денег; после, как видно, этот отряд уже перестал набираться из варягов или по крайней мере исключительно из них и слывет под именем «гридей»; по скандинавским сагам известно, что изгнанник Олаф был у киевского князя начальником вой-

ска, посылаемого для защиты границ[365]; такое значение имел, вероятно, ярл Рагнвальд на севере при Ярославе[366]. Войска в битвах располагались обыкновенно тремя отделениями; большой полк, или чело, и два крыла; в челе ставили варягов-наемников[367]; если не было наемников, то земские полки, а дружину — по крылам, сохраняя ее для решительного нападения Когда река разделяла враждебные войска и ни одно из них не хотело первое переправиться, то употреблялись поддразнивания: так, Святополков воевода поддразнивал новгородцев, воевода Ярославов — польского Болеслава. Перед выступлением в поход трубили. Войска сходились (сступались) и расходились по несколько раз в битвах, в ожесточенных схватках брали друг друга за руки и секлись мечами. Было в обычае решать войны единоборством; боролись в собственном смысле слова, без оружия, схватывали друг друга руками и старались задушить противника или повалить, ударить им о землю. Естественно, что в пустынной, малонаселенной стране, наполненной непроходимыми лесами, болотами, озерами, реками, самый удобный путь для войск был водный; водою ходили на ближайшие племена славянские, на греков, на болгар, на мазовшан. Если говорится, что Святослав ходил в поход без возов, то разумеется, что в сухопутных походах обыкновенно возили возы с припасами и шатрами, потому что один Святослав с своими богатырями спал на открытом воздухе, подостлавши под себя конский потник и положивши седло под голову. Когда в поход шли на лодьях по рекам, то лошадей не брали, а конница, обыкновенно наемная, шла берегом; в сухопутных походах употреблялись лошади Святослав спал на конском потнике, клал седло в головы, следовательно, он ходил в поход на лошади, равно как и вся дружина его; иначе трудно объяснить ту быстроту, с какою он, по летописцу, ходил на врагов. Во время сражения Ярополка с Олегом дрались на лошадях[368]. В 1042 году Владимир Ярославич ходил на ямь на лошадях же[369]. Но при этом очень вероятно, что русские, привыкши ходить в лодьях и биться пеши, не были отличными всадниками, как свидетельствуют византийцы О трудностях сухопутных походов можно судить по тому, что нужно было гораздо заранее исправлять дороги и мостить мосты. Города брали с большим трудом, обыкновенно принуждали к сдаче голодом или хитростию: Ольга целый год стояла под Коростеном и взяла его только хитростию; Владимир осадил Ярополка в Родне, но не брал города, а полагался на голод и предательство Блуда. Владимир не мог взять Корсуня, грозился стоять три года и принудил жителей к сдаче, отнявши у них воду. Только раз Святославу удалось взять копьем(приступом) Переяславец Дунайский. Оружие состояло из мечей, копий, стрел, ножей, сабель, броней, щитов. Об камнестрельных машинах упоминает Иоакимова

летопись в рассказе о сражении новгородцев с Добрынею при Владимире; но византийцы также упоминают о них. Употреблялись при войске знамена, или стяги

Обратимся к остальному народонаселению, городскому и сельскому. Мы видели, что прежние города славянских племен были не иное что, как огороженные села, жители которых занимались земледелием [370]. Это занятие всего более способствует сохранению родового быта: по смерти общего родоначальника сыновьям его и внукам выгодно поддерживать родовую связь, чтоб соединенными силами обрабатывать землю Как же скоро среди народонаселения являются другие промыслы, мена, торговля, как скоро для членов рода является возможность избирать то или другое занятие по своим склонностям, является возможность посредством собственной, самостоятельной деятельности приобресть больше других членов рода, то с тем вместе необходимо должно являться стремление выделиться из рода для самостоятельной деятельности; следовательно, если в конце описываемого периода мы видим различные занятия, торговлю в городах, то необходимо должны предположить ослабление родового быта. Различие занятий и мена условливались уже тем, что среди городов явился новый элемент народонаселения — воинские отряды, дружины князей; в некоторых городах поселились князья, в других — мужи княжие с воинскими отрядами; этот приплыв народонаселения с средствами к жизни, но не промышленного само по себе, необходимо должен был породить торговлю и промышленность. Но заметим, что мы говорим все это о городах и именно о таких, где наиболее развивалась промышленность и торговля, в селах же и городах, сохранявших попрежнему характер огороженных сел, без всякого сомнения, формы прежнего быта удерживались еще очень и очень долго Ослаблению родового быта в новых городах, построенных князьями, содействовало то, что эти города обыкновенно наполнялись народонаселением, собранным из разных мест, преимущественно с севера; переселенцы эти были вообще доступнее для принятия новых форм быта, новых условий общественной жизни, чем живущее рассеянно, отдельными родами сельское народонаселение; в городах сталкивались чужеродцы, для которых необходимы были новые правительственные отношения, новая гражданская связь. Наконец, ослаблению и падению родового быта в городах вообще должно было много содействовать новое военное деление на десятки и сотни, над которыми поставлялись независимые от родовых старшин начальники — десятские, сотские; что эти начальники сохраняли свое влияние и во время мира, доказательством служит важное влияние, гражданское значение тысяцкого; эти новые формы соединения, новые чисто гражданские отношения необходимо должны были наносить удар старым

формам быта. Появление города пробуждало жизнь и в ближайшем к нему сельском народонаселении: в городе образовывался правительственный центр, к которому должно было тянуть окружное сельское народонаселение; сельчане, которые прежде раз в год входили в сношения с княжескою властию при платеже дани, теперь входили в сношения с нею гораздо чаще, потому что в ближайшем городе сидел муж княж, посадник; потом как скоро городское народонаселение получило другой характер, чем прежде, то между ним и окружным сельским народонаселением необходимо должна была возникнуть торговля вследствие различия занятий. С другой стороны, подле городов начали появляться села с народонаселением иного рода: князья, их дружинники и вообще горожане стали выводить деревни, населяя их рабами, купленными или взятыми в плен, также наймитами. Прибавим, что сосредоточению народонаселения около городов способствовало также церковное управление, учреждение в городах епископских кафедр, которым были подведомственны все церкви в окружности. Так посредством городов, этих правительственных колоний, наносился удар родовой особности, в какой прежде жили племена, и вместо племенных названий в конце периода мы встречаем уже областные, заимствованные от главных городов. Города в описываемый период упоминаются следующие: Новгород, Ладога, Белозерск, Изборск, Псков, Юрьев, Ростов, Ярославль, Муром, Суздаль, Смоленск, Полоцк, Любеч, Чернигов, Листвен, Городец, Переяславль, Родня, Вышгород, Белгород, Василев, Витичев, Искоростень, Овруч, Туров, Владимир Волынский, Курск, Тмутаракань, Перемышль, Червен и другие безыменные. Из этих городов Псков, Юрьев, Владимир Волынский, Ярославль достоверно построены князьями; многие из остальных, по всей вероятности, построены также ими; чет сомнения, что и, кроме означенных городов, некоторые, встречающиеся в позднейших известиях, получили начало в описываемый период.

В противоположность князю все остальное народонаселение носило название смердов. В Русской Правде все княжеское, княжие люди, княжая собственность постоянно противополагается смердьему. Но как в названии мужа и дружины, так и в названии смерда мы не можем с самого начала искать точности, определенности; смерд означал простого человека и, следовательно, это название могло употребляться относительно ко всякому высшему разряду; так, смерд противополагается мужу княжому; так, сельское народонаселение под именем смердов противополагается городскому. В противоположность мужу княжому простой человек назывался также людин. Вообще сельское народонаселение в описываемое время считалось ниже городского; это прямо видно из свидетельства о том, как Ярослав оделял своих воинов после по-

беды над Святополком; старостам (сельским) дал по 10 гривен, смердам — по гривне, а новгородцам всем — по десяти: сельский староста приравнен к простому горожанину[371]. Подле свободных людей, горожан и сельчан, находим ряд людей зависимых. Первая степень зависимости было закупничество или наймитство. Закупнем или наймитом назывался работник, нанимавшийся на известный срок и за известную плату, которую, как видно, он получал вперед, в виде займа Если наймит бежал от господина до срока, то становился за это ему полным (обельным) холопом, обелью. Наймит был обязан платить господину за всякий вред в хозяйстве, причиненный его нерадением; господин мог бить наймита за вину; но если прибьет без вины, то платит за обиду, как свободному, наймит в этом случае волен идти к князю или судьям жаловаться. Если бы господин вздумал продать наймита как обель, то наймит получал полную свободу без обязанности выплатить господину взятое вперед, а последний должен был еще платить за обиду определенную сумму. За преступления наймита пред правительством отвечал господин, причем закупень становился ему обельным холопом. Полное или обельное холопство проистекало, кроме того, следующими способами: рождением от холопа; если кто купит холопа за какую бы-то ни было цену, хотя бы даже за полгривну, поставит свидетелей при купле и отдаст деньги пред самим холопом; если кто женится на рабе без ряду, без условий с господином ее, то поступает к последнему в полные холопы, если же женится с условиями, то они имеют силу; если кто пойдет к кому в тиуны или ключники также без ряду; наконец, невозможность заплатить долг вела должника также в рабство к заимодавцу. Значение холопа увеличивалось, смотря по значению господина и по той пользе, какую он ему приносил: так, за убийство сельского старосты или тиуна княжеского и боярского платилось по 12 гривен, за простого холопа, равно как за холопа, принадлежащего простому человеку, смерду, платилось только пять гривен; за ремесленника и за ремесленницу, за пестуна и за кормилицу платилось опять 12 гривен, за женщину-рабу — шесть. За вред, причиненный холопом, отвечал господин; если холоп осмеливался бить свободного человека, то, по уставу Ярославову, лишался жизни. В Русской Правде находим положение, что за убийство чужого холопа без вины убийца платил господину цену убитого, а князю — 12 гривен продажи, пени, как за всякую порчу, истребление чужой собственности; как видно, господин имел право безнаказанно убить своего холопа, как безнаказанно мог истребить всякую другую свою собственность. Произведения или приобретения раба составляли собственность его господина. Холоп не мог быть свидетелем при следствии дела; при нужде позволялось сослаться на закупа. Кроме означенных состояний, встречаем

еще особый разряд людей под именем изгоев. Из одного позднейшего свидетельства [372] узнаем, какие люди принадлежали к этому разряду: сын священника, не умеющий грамоте, холоп, выкупившийся из холопства, наконец, задолжавший купец. Из этого видим, что изгоем вообще был человек, почему-либо немогущий оставаться в прежнем состоянии и не примкнувший еще ни к какому новому.

Князья были призваны для *правды* вследствие того, что особные роды не могли беспристрастно разбирать дела при враждебных столкновениях своих членов; не было у них *правды,* говорит летописец. Как разбирались роды, нам неизвестно, но, без всякого сомнения, между ними бывали случаи мирного разбирательства и соглашения, и эти случаи служили примером; но эти случаи, как видно, были довольно редки, большею же частию столкновения оканчивались враждебно — восстанием рода на род, что и повело к мысли о необходимости *третьего* судьи. Если поэтому главное значение князя было значение судьи, разбирателя дел, исправителя кривд, то одною из главных забот его был устав земский, о котором он думал с дружиною, старцами городскими, а после принятия христианства с епископами; и вот Ярославу I приписывается подобный писаный устав, под именем Русской Правды. Название Русской Правды получил этот устав как видно для отличия от уставов греческих, которые по принятии христианства имели такое сильное влияние на юридический быт Руси [373]. Русская Правда первыми строками своими напоминает нам о древнем быте племен, как представляет его летописец; но в то же время указывает и на изменения, происшедшие в этом быту после призвания князей. При родовом, особном быте главная обязанность родичей состояла в защите друг друга, в мести друг за друга; и если целый род, как бы он ни был обширен и разветвлен, составлял одно, один союз под властию одного родоначальника, то все члены его, в каких бы ни было степенях, имели одинаково эту обязанность. В Русской Правде установлено, что в случае убийства родственник убитого должен мстить убийце; но эта обязанность ограничена известными ближайшими степенями родства — знак, что родовой быт начал уже ослабевать, что распространению родовых отношений уже положена преграда. По Ярославову уставу, в случае убийства брат должен был мстить за брата, отец за сына и, наоборот, дядя за племянника с братней и сестриной стороны. В случае если не было местника в означенных степенях родства, то убийца платил князю пеню, *виру,* смотря по значению убитого, был ли то муж княж, или слуга княжий, которого способности князь дорого ценил [374], или простой человек: в первом случае убийца платил двойную виру (80 гривен), во втором — простую (40 гривен); за женщину платилось полвиры. Так, спустя полтора

века после призвания князей в судном уставе еще сохранена месть, родовое самоуправство, остаток родовой особности, самостоятельности; но при этом мы видим, во-первых, что родовая месть ограничена ближайшими степенями родства, во-вторых, что в случае отсутствия родича-мстителя убийца должен вознаградить общество за убийство одного из его членов. Но если правительство брало с убийцы денежную пеню, денежное вознаграждение, то было ли в обычае, что родич-мститель мог отказаться от своего права мстить убийце, взяв с него денежное вознаграждение? На этот вопрос Русская Правда не дает нам ответа; из ее молчания позволительно предположить, что подобные соглашения были малоупотребительны, могли считаться постыдными для родичей: у германцев они имели место, но не всегда: так, в одной саге читаем, что отец, отвергая денежный окуп за убийство сына своего, говорит: «Я не хочу моего убитого сына носить в денежном кошельке»[375]. Обратив внимание на бóльшую крепость родовой связи у наших племен в описываемое время, чем у германцев, можно допустить, что подобные чувства были у нас господствующими.

Мы видели, что после родовой мести существовала также общественная пеня в том случае, когда не будет мстителя; но если при последнем обстоятельстве убийство будет совершено и убийца скроется, то правительство чрез это лишается виры; для предотвращения такого лишения в означенном случае вира платилась целым округом, *вервью*[376], где совершено убийство; такая вира называлась *общею* или *дикою* вирою. Вервь не платила в том случае, когда находили в ней только кости, свидетельствовавшие о давности преступления, не платила также за мертвеца, о котором никто не знал. Это установление *дикой виры* встречаем мы и в других новорожденных обществах, в которых правительственный организм еще не зрел; при таком состоянии общества полицейские обязанности обыкновенно поручаются отдельным округам, которые и отвечают за всякий беспорядок, в них случившийся. Под *дикою вирою* разумелось также общее поручительство, по которому все или некоторые жители верви обязывались, в случае если один из них совершит убийство, помогать ему в платеже виры. Существовал ли обычай дикой виры в описываемое время или явился позднее? Обязанюсть верви схватить и представить убийцу или платить за него виру в случае, если не отыщут его, бесспорно явилась вместе с определением о вирах; труднее решить, когда явился обычай дикой виры в виде сотоварищества для вспоможения убийце платить виру; если этот обычай существовал в описываемое время, то должен был особенно усилиться после Ярослава, когда месть была окончательно заменена вирами. Правда различает разбойничество, когда человек убил другого без всякой вра-

жды, от убийства по вражде, в пылу ссоры, драки. Дикая вира относительно разбойника не могла иметь места; за разбойника люди не платили, но отдавали его с женою и детьми князю на *поток* (изгнание), дом его отдавался на разграбление. Различие разбойничества от убийства в ссоре, по вражде должно было существовать в описываемое время: трудно себе представить, чтобы безразличность между этими двумя действиями могла удержаться долго после принятия христианства, когда уже при Владимире мы видим, что епископы настаивают на необходимости казнить разбойников, с испытанием, однако; уже этот совет духовенства испытывать, обращать внимание на обстоятельства и побуждения вел необходимо к означенному в Правде различению между разбоем и убийством в ссоре, на пиру, в нетрезвом виде: кроме того, естественно было бы для общества требовать, чтобы человек, явно вредный, грозящий каждому гибелью, был исключаем из общества, не мог в нем долее оставаться. Так же должно было общество изначала смотреть и на зажигательство двора или гумна: зажигатель должен был заплатить за вред, причиненный пожаром, и потом осуждался так же на *поток,* а дом его отдавался на разграбление.

Относительно увечий такое же постановление, как и относительно убийства: обиженный может отомстить за себя обидчику тем же — удар за удар, увечье за увечье; если же не может мстить, то берет себе денежное вознаграждение и плату лекарю; в некоторых списках прибавляется, что князь получает при этом пеню или *продажу.* Увечье и вознаграждение за него различались, смотря по тому, каким образом оно будет нанесено; также — смотря по тому, мог ли излечиться поврежденный член или нет, и по важности члена; обидою считалось действие, в котором обнаруживалось намерение нанести побои и увечье. Относительно кражи похитивший обязан был возвратить похищенное и платить известную сумму за обиду, смотря по ценности украденного; исключение составляет в некоторых списках *коневый тать,* которого мир выдавал князю на поток. В числе похищений чужой собственности полагался увод, укрывательство беглого холопа, помощь, оказанная ему во время бегства, нерадение при поимке. Упоминаются случаи порчи, истребления чужой собственности. Большую пеню платили за повреждение межевых знаков. Убийство вора не считалось убийством, если было совершено при самом воровстве, когда вор еще не был схвачен; но считалось убийством, если вор был убит связанный или во время бегства.

Правда (следование дела, исправление зла) происходила следующим образом: обиженный должен был представить свидетелей своей обиды; но ясные знаки побоев, увечья признавались достаточным свидетельством; свидетель должен

был говорить слово в слово, как сам жалующийся; прежде всего спрашивалось, кто первый начал драться, и зачинщик платил пеню. Если придет жаловаться человек с ясными признаками побоев, но явятся свидетели, которые покажут, что он сам был зачинщиком драки, то он ничего не получает с противника и сам не платит: побои вменяются ему в платеж. Свидетель должен быть человек свободный; если не будет свободного, то по нужде можно сослаться на боярского тиуна; в малом иске по нужде можно сослаться на закупня; впрочем, истец мог взять и холопа в свидетели, но в таком случае если ответчик после испытания железом оправдается, то истец платил ему за то, что поклепал его по речам холопа. Если не найдется свидетель, а обвинение будет в убийстве, то обвиненный должен был подвергнуться испытанию железом; это испытание употреблялось при обвинении в воровстве, если поличного не было и если цена украденной вещи была не менее полгривны золота, если же меньше, то употреблялось испытание водою; если же цена похищенного была менее двух гривен серебра, то обвиненный присягал в своей невинности Обычай испытания железом и водою у соседних Руси народов существовал с незапамятных времен, вследствие чего мы и решились отнести этот обычай к описываемому времени. Как у нас, так и у соседних народов, железо предписывалось только в тяжких обвинениях[377]. В Богемии подсудимый обязан был простоять известное время на раскаленном железе, либо держать на нем два пальца до тех пор, пока совершит предписанную присягу. У сербов обвиненный должен был опустить руку в раскаленный котел, либо, выхватив железо из огня при дверях храма, отнести его к алтарю. Подвергавшийся испытанию водою должен был сделать несколько шагов в глубину реки; если он при этом робел и мешался, то проигрывал дело. Здесь начало пытки[378]. Когда обокраденный объявит немедленно о своей пропаже во всеуслышание на торгу, то по отыскании своей вещи имел право взять ее у кого нашел без всяких судебных форм, и тот, у кого найдена вещь, обязан заплатить хозяину за обиду, а князю — продажу. Если же обокраденный не повестит о своей пропаже на торгу и увидит ее у кого-нибудь другого, то не может сказать ему: «Это мое», но обязан вести его на свод, чтобы тот указал, где взял вещь. Свод в одном городе продолжался до конца, если же переходил черту города, то останавливался на третьем ответчике, который должен был платить истцу деньгами, а сам брал вещь и отыскивал снова похитителя; при отыскивании раба свод шел во всяком случае только до третьего ответчика, который отдавал истцу своего раба вместо украденного, а сам отыскивал настоящего вора. Свода из своего города в чужую землю не было; но ответчик мог только представить свидетелей или мытника (сборщика торговых податей), при которых купил

иск, после чего истец брал свою вещь, не получая никакого вознаграждения за то, что вместе с нею пропало, а ответчик терял свои деньги. То же самое происходило, когда ответчик хотя и мог посредством двух свободных свидетелей или мытника доказать, что он действительно купил вещь или раба, но не знает, у кого именно; по отыскании же своего продавца он мог взять с него свои деньги, и последний обязан был удовлетворить первого истца за то, что у него пропало вместе с краденым. Если хозяин заметит покражу, а вор уже убежал, то с свидетелями и с чужими людьми он гонится по следам вора; если след приведет к селу или шатру (товару) и жители села или владетели шатра не отведут от себя следу, не пойдут на след или станут отбиваться, то должны платить и цену украденной вещи и продажу князю; если же след исчезнет на большой дороге, где нет ни людей, ни жилища их, то никто не платит. В разных списках Правды встречаем уставы о процентах (резе), существовавшие до Владимира Мономаха и при нем изданные, о поклаже (даче имущества на сохранение), о долговых взысканиях: если заимодавец станет требовать с должника своих денег, а тот запрется, что не брал, то заимодавец выводит свидетелей, которые если присягнут, то иск его правый, то должник платит взятые деньги и, кроме того, за обиду; в некоторых же списках говорится: «если кто чего взыщет на другом и последний начнет запираться, то идти ему на извод пред 12 мужей». Если купец, взявши в долг деньги, потерпит убыток от кораблекрушения, рати или огня, то заимодавцы не имеют права требовать с него денег вдруг — он выплачивает им понемногу; если же должник пропьется или пробьется (вероятно, если истеряет имущество на виры или платежи за побои), или своим нерадением погубит чужое имущество, то от заимодавцев зависит — ждать уплаты или продать должника. Если последний будет должен многим, то заимодавцы могут вести его на торг и продать; вырученными деньгами прежде всего удовлетворяются иностранные купцы, гости, остальное делят свои заимодавцы; если же на должнике будут княжие деньги, то князь удовлетворяется прежде всех.

О наследстве в Русской Правде встречаем следующие статьи: если умрет простой человек, смерд, и сыновей у него не будет, то имущество его переходит к князю; если останутся у него дочери, то давать часть на них, какую — не сказано: впрочем, она зависела от князя; если же дочери будут замужем, то не давать им части. Если умрет боярин или дружинник, то имение нейдет к князю; но если не будет сыновей, то дочери возьмут. После признания князей в городах родоначальника заменил князь — Рюрикович, имение бездетного смерда переходило в распоряжение князя, дочь наследовала по старому обычаю, ибо ее назначение было

оставить свой род для чужого; незамужняя женщина не могла быть самостоятельною владелицею, самостоятельным членом общества, как прежде не могла быть самостоятельным членом рода. Что имение могло идти только к сыновьям, а не в боковые линии, это было необходимо в описываемое время: родич, выделившийся из рода, прерывал с последним всякую связь, — ни он не имел права вступаться в общую родовую собственность, ни остальные родичи также не имели права вступаться в его имущество. Такое резкое выделение было необходимым следствием твердости родовой связи: кто нарушал эту связь, тот нарушал ее совершенно, становился совершенно чужим, ничего среднего быть не могло. Таким образом, означенное положение Русской Правды о наследстве служит признаком только что начавшегося перехода от родового быта, когда еще не выработались отношения по одной кровной связи, без всякого отношения к единству рода и к общему владению родовою собственностию: можно выразиться так, что это положение Русской Правды знаменует переход от родовых отношений к родственным. Так как выделы из родов по означенным выше причинам должны были происходить в описываемый период преимущественно в городах, то мы и почли приличным упомянуть здесь о положении Русской Правды относительно наследства, тем более что положение ее о наследстве после дружинника бесспорно носит признаки глубокой древности. Мы заметили, что имущество простого человека, смерда, шло к князю, потому что князь Рюрикович заменил для смерда прежнего князя — родоначальника, но вовсе не таково было отношение дружинника к князю. Дружинник был вольный слуга князя; первоначальную дружину составляли пришельцы, варяги, которые могли оставаться в службе князя, сколько хотели; они получали содержание от князя за свою службу; они не входили вместе со смердами в состав общества, они составляли особое от общества тело, которое общество содержало для собственной защиты; отсюда общество, казна общественная или княжеская, не могла брать имущества умершего дружинника, которое представляло не иное что, как жалованье, полученное дружинником за службу князю и земле; вольный дружинник, вступая в службу к князю, никак не мог согласиться, чтобы добытое им имущество на службе по его смерти отнималось у его дочерей и переходило к обществу, к которому он мог иметь только временное отношение; при этом очень часто могло случаться, что имущество это было им накоплено в других странах, на службе другому князю, другой земле. Мы назвали этот обычай относительно боярского наследства древним, отнесли его к описываемому периоду именно потому, что он предполагает особность дружинника, как пришлеца, могущего быть только временным слугою княжеским; это же отношение особенно было

сильно в начале нашей истории. Из остальных положений о наследстве в Русской Правде читаем о праве отца при смерти делить дом свой детям; если же умрет без завещания (без ряда), то имение идет всем детям, которые обязаны дать часть по душе умершего; двор отцовский всегда идет меньшому сыну. Сестра при братьях не получала наследства, но последние обязывались выдать ее замуж. Жена, если остается жить с детьми, имеет право на часть наследства; но когда муж назначил или дал ей особый участок из своего имущества, то она уже не наследует вместе с детьми. Мать может разделить свое имущество между всеми сыновьями или же отдать его какому-нибудь одному, даже одной дочери; но если она умрет, не распорядившись, то наследство после нее получает тот, у кого она жила в доме, кто ее кормил и у кого она умерла. Из детей от двух разных отцов те и другие получают только наследство после своего отца; а если они от разных матерей, то наследство после своей матери. Если мать малолетних сирот пойдет замуж, то они с наследством своим поступают в опеку к ближайшему родственнику; отчим также мог быть опекуном. Опекун брал имение малолетних перед *добрыми людьми* и впоследствии обязан был возвратить его в целости вместе с приплодом от скота и челяди, имея право удержать у себя только проценты или торговую прибыль в награду за свои попечения. Если жена, давши слово сидеть по смерти мужа с детьми, растеряет имущество последних и пойдет замуж, то должна выплатить детям все ею потерянное. Жена имеет право оставаться по смерти мужа в его доме с детьми, и последние не смеют этому противиться. О незаконных детях встречаем следующее положение: «если будут у мужа дети от рабы, то они не имеют доли в наследстве, но получают свободу вместе с матерью». Очень важно было бы знать время появления этого устава. Вероятно, духовенство с самого начала старалось полагать различие между законными и незаконными детьми; но сомнительно, соблюдалось ли строго это различие во времена Ярослава. Любопытно, что устав обращает внимание на детей от рабы, признает их, хотя не совершенно: хотя лишает их наследства, однако дает им свободу вместе с матерью. Полное признание незаконности их не допустило бы устав обратить на них внимание.

На ком лежала обязанность приводить судебный приговор в исполнение, т. е. подвергать виновного наказанию, собирать пени, получать судебные пошлины, взыскивать частное вознаграждение и какие средства можно было употреблять в случае сопротивления со стороны осужденного — на все это нет достаточных указаний в Русской Правде. Но из других источников мы узнаем о важном значении при суде тиуна княжеского, от которого зависело решить дело право или неправо, наложить справедливую или несправедливую пеню,

откуда заключаем, что тиун был приставником княжеским при суде, обязанным смотреть за исполнением устава. Кроме того, при судопроизводстве упоминаются еще слуги княжеские с разными названиями — ябедника, вирника, метельника, мечника (кажется, одно и то же), детского, отрока (кажется, одно и то же); встречаем и писца; в пользу этих лиц установлены были особые судные пошлины; кроме того, во время следствия дела они получали содержание на счет жителей того места, где производилось следствие. Наконец, в Правде встречаем статьи, которыми определяется пеня за то, если подвергнуть муке, телесному истязанию огнищанина, тиуна, мечника или простого человека, смерда, *без княжеского приказания,* следовательно, эти люди могли подвергаться телесному истязанию по приказу княжескому. Как поступал князь с людьми, входившими в столкновение с его властию, — видно из поведения Ярослава с дядею его, новогородским посадником Константином Добрыничем.

Рассмотрев содержание Русской Правды, во сколько при настоящей, очень неудовлетворительной обработке этого памятника можно им воспользоваться, мы обратимся теперь к нравам эпохи, как они представляются нам Правдою и летописью. Кровавая месть, частая возможность убийства в ссоре, на пирах, поступки Игоря с древлянами и древлян с ним, мщение Ольги, умножение разбоев при Владимире, поступки Добрыни в Полоцке с семьею Рогволода, потом с Ярополком, поведение Святополка — вот нравы языческого общества. Скорость к обиде и скорость к мести, преобладание физических стремлений, мало сдерживаемых религиозными и нравственными законами; сила физическая на первом плане — ей весь почет, все выгоды; богатырь, которого сила доведена в народном воображении до чудовищных размеров, — вот герой эпохи. В битвах личная, материальная сила преобладает, отсюда видим частые единоборства, в которых оружие не употребляется: борются обыкновенно, схватывая друг друга, желая раздавить и ударить об землю: оружие — это уже человеческое, искусственное, заменяющее животненную силу; при владении оружием требуется ловкость, искусство. С выделкою оружия в древности соединяли всегда понятие о мудрости, хитрости; в северных преданиях оружие куют обыкновенно карлы — волшебники; эти существа лишены материальной силы, и, несмотря на то, оружие, произведение их искусства, их духовной деятельности, делают героев непобедимыми. Но должно заметить, что одну животненную силу и единоборство любят употреблять преимущественно восточные варвары: так, печенеги вызывают на единоборство русского; так, Редедя, князь касожский, вызывает Мстислава; азиатские понятия высказываются в том, что вожди в поединках рискуют счастием, свободою семейства и подданных. Высшую бога-

тырскую природу, высшие стремления выставляет Европа, Русь в лице Святослава. Предание не говорит об его страшной физической силе, оно говорит о крепости духа, которая заставляла тело переносить всякого рода лишения; это герой деятельности, движения: он ходит легко, как барс; он противоположен тем сказочным богатырям, которые не двигаются от избытка материальной силы. Святослав собственно не богатырь; он вождь дружины, которая похожа на него; он любит оружие, он отказывается от поединка с Цимисхием; он первый между дружинниками бьется в челе их, но не отделяется от них, не существует без них, живет и умирает с ними. Святославу вторит Вышата: «Жив ли буду — с дружиною, погибну ли — вместе с нею». Вообще в преданиях, занесенных в летопись, без труда можем заметить эту борьбу Востока с Западом, Азии с Европою: борьба происходит за Доном, часто за Днепром, подле самого Киева, но везде видим характеристические черты борющихся сторон: со стороны Азии выходит громадный печенег, со стороны Руси — Ян Усмошвец, человек по наружности очень обыкновенный, незначительностью своего вида возбуждает насмешки великана, но побеждает его. Редедя, князь касожский вызывает Мстислава на поединок, Мстислав чувствует уже, что противник одолевает его, и, однако, русский князь побеждает азиатца, побеждает духовною силою, верою. Но как бы то ни было, мы видим повсюду проявления материальной силы, ей первое место, ей почет от князя до простолюдина; чрез нее простолюдин может сделаться великим мужем, как сделался Ян Усмошвец, она верное средство для приобретения славы и добычи. При господстве материальной силы, при необузданности страстей, при стремлении юного общества к расширению, при жизни в постоянной борьбе, в постоянном употреблении материальной силы нравы не могли быть мягки; когда силою можно взять все, когда право силы есть высшее право, то, конечно, сильный не будет сдерживаться перед слабым: «С дружиною приобрету серебро и золото», — говорит Владимир и тем указывает на главное, вернейшее средство к приобретению серебра и золота; они приобретались оружием, приобретались сильным на счет слабого. Князья идут на греков, чтоб взять золото, драгоценности; если с дружиною можно было приобрести богатство, то богатство необходимо было для содержания дружины: хорошим князем считался тот, который ничего не щадил для дружины: дружина Игоря требует, чтоб князь шел с нею в дань; Игорь и дружина его прямо объявляют, что цель их похода — золото, что если греки дадут им его, то им больше ничего не нужно; дружина Владимира жалуется, что князь кормит ее с деревянных ложек. Славные подвиги нужны были для богатства, богатство нужно было для совершения славных подвигов; обе страсти

питали одна другую. Но при этом мы видим, однако, что в образце тогдашнего героя чистое корыстолюбие, страсть к богатству для богатства было осуждено; так, Святослав не обращает внимания на богатые подарки императора и любуется одним оружием; простота, презрение к роскоши выставлены в Святославе как достоинство; добрый князь не может быть скупым, он не щадит ничего для дружины — таков Владимир и сын его Мстислав. Несмотря на уважение к силе, она не считалась единственно позволенным средством к торжеству; хитрость ценилась так же высоко, считалась мудростью; перехитрить, *переклюкать* было тоже подвиг. Легко понять, что все природные стремления сильного не знали границ при возможности удовлетворить им: таково женолюбие язычника Владимира. Богатыри после подвигов силы не знали других наслаждений, кроме материальных: «Руси есть веселие пити», — говорит Владимир; в предании с восторгом говорится о количестве блюд на пирах этого князя.

Мы видели, как закон слабо сдерживал проявления материальной силы, позволяя частную месть или выкуп деньгами. Представляла ли славянская языческая религия какое-нибудь противоборство им? Кажется, никакого. Одно только нравственное противоборство могла представить власть родительская; любопытен рассказ старика, отца Усмошвецова: «Однажды, — говорит он, — я бранил своего младшего сына, и тот в сердцах разорвал воловью кожу». Вот верная картина быта! Богатырь принужден выслушать укоры старого отца; материальная сила кипит, просится вон, но сдерживается и оказывается только в бессмысленном гневе на невинную вещь. Игорь покорствует Олегу, ходит по нем, как сын; Святослав сердится на мать за советы принять христианство, но отговаривается дружиною, Владимир повинуется дяде Добрыне, посылает сказать Блуду, что будет иметь его вместо отца — большего выражения для чести и власти не было. Преобладание материальной силы, разумеется, не могло условливать уважения к слабейшему полу вообще; но при отсутствии определений женщина могла, пользуясь иногда своим преимуществом духовным, а иногда даже и силою материальною, играть важную роль; мудрейшею из людей в описываемый период является женщина — Ольга, которая правит Русью во время малолетства Святослава, да и после совершеннолетия. Женщины провожают мужей своих на битвы; песни, содержание которых относится ко временам Владимира, упоминают о женщинах-чародейках. По свидетельству тех же песен, женщины участвовали вместе с мужчинами в пирах княжеских, похваляясь своей хитростию, мудростию; *стыдливости* мало в их беседах, выходки материальной силы — и тут на первом плане [379]. Владимир советуется с своею женою Анною о церковном уставе; княгини имеют свои волости,

содержат свою дружину, спорят с мужьями, кто наберет храбрейших дружинников. Рогволод полоцкий отдает дочери на решение, за кого она хочет выйти замуж; Предслава переписывается с Ярославом о поступках Святополковых. В таком состоянии застало нравы новорожденного русского общества христианство, о влиянии которого будет речь в своем месте.

Теперь обратимся к обычаям. Мы не знаем, какие обряды совершались при рождении ребенка; знаем из летописи и из «Правды», что к детям приставлялись кормильцы или воспитатели, упоминаются также кормилицы; трудно решить, в каком значении принимались последние, в одном ли нашем тесном значении женщин, кормящих грудью ребенка, или в обширном значении нянек, точно так как воспитатели, пестуны-мужчины назывались кормильцами. Князья женились рано: Владимир, будучи очень молод, сватался на Рогнеде, но уже прежде был женат на матери Вышеслава. Из подробностей брачных обычаев мы знаем только четыре: сватовство — жених обращался к отцу невесты с предложением; невеста в день свадьбы одевалась в лучшее платье, княжна — во всю утварь царскую; упоминается об обычае разувания мужа молодою женою, обычае, который находим одинаково у племен славянских и литовских; наконец, знаем, что за жену платилось вено.

Мертвых погребали на горах, насыпали курганы над могилами, совершали тризны. Византийский историк так описывает погребение воинов Святославовых [380]: «Ночью, при появлении полной луны, неприятели (руссы) вышли из города на поле сражения, собрали тела своих убитых и сожгли их на многих кострах, расположенных у стены; в то же время они умертвили, по своему обычаю, множество пленных мужчин и женщин, утопили в Дунае грудных младенцев и петухов». Арабские писатели говорят, что славяне и руссы жгли своих мертвецов с разными пожитками, животными и женами.

Жилища носили разные названия, упоминаются *терема:* так, в Киеве был каменный терем княжеский с двором; он состоял из разных покоев, между которыми была гридница, комната, куда собиралась дружина для пиров и, вероятно, для совета Под именем терема, в обширном смысле, разумели, как видно, то, что мы теперь называем дворцом, большое, видное по своей красоте здание Общее название для дома было *хоромы,* состоявшие из теплого жилья — *изб* (изба, истопка) и холодных, летних покоев — *клетей.* Загородные, летние дворы, как например Берестовский святого Владимира, состояли, разумеется, из одних холодных покоев, или клетей. Клети соединялись друг с другом сенями, переходами или помостами, как видно из описания кончины святого Владимира [381]; в хоромах напереди приделывались сени, или крыльца на столбах, что

видно из описания мученической кончины двух варягов[382]. Около хором были дворы, огороженные забором[383]. Кроме клетей, упоминаются *одрины* спальни (от одр, ложе), *вежи* (чердаки, вышки), голубятни (голубники[384]); из служб упоминаются бани и медуши (где берегли мед). Из утварей встречаем названия — *одр* (кровать); *стол* в значении княжеского седалища, что теперь престол; обыкновенно лавки в песнях называются *беседами;* в летописи упоминается *Пасынча беседа.* Упоминаются *ковры,* которыми, вероятно, покрывали более столы и лавки, чем полы. Из названий платья встречаем *порты* в обширном и в тесном значении; из верхнего платья упоминаются *корзны и луды* (епанчи); к одеждам отнесли мы перегибы и сустуги, в которых величались древлянские послы; упоминаются *убрусы* — платки. Обувь употреблялась та же, что и теперь, — сапоги и лапти. Материалом для одежды служили ткани, паволоки греческие, льняные и шерстяные самодельные, меха. По описанию Льва Диакона, Святослав при свидании с Цимисхием, как видно, был в одной рубашке; в одном ухе вдета была золотая серьга с двумя жемчужинами и рубином; о корзне, плаще или кафтане, который надевался в один рукав, а на другое плечо только накидывался, говорит арабский писатель Ибн-Фоцлан: так носить верхнюю одежду любит до сих пор наш народ. По свидетельству арабов, русские женщины носили на груди маленькие коробочки из разных дорогих и недорогих металлов, смотря по достатку мужа; на коробочке было кольцо, к кольцу привязывался большой нож; на шее женщины носили золотые и серебряные цепи, также ожерелья из зеленого бисера. Носить усы и бороду было в обычае: Русская Правда упоминает о их повреждении; о святом Борисе говорится, что у него, как у юноши, ус и борода были малые.

Из конской сбруи упоминаются в летописи седла и узды. Для езды употреблялись *возы* в смысле нынешних повозок и *кола* в смысле нынешних дрог или дровен. Название *сани* употреблялось одинаково для зимней и летней повозки[385]. В пищу употребляли хлеб, мясо диких животных и домашнего скота, между прочим, конское, рыбу, овощи, сыры, кисели из пшеницы, отрубей, овса, кисельный раствор назывался *цежью* (от цедить[386]); кисель ели с сытою. У князей были повара; мясо варили в котлах, пекли на угольях; посуда была: кади, лукна (лукошки), ведра, котлы[387], корчаги, бочки, ложки (деревянные и серебряные), ножи; упоминаются колодцы. Пили вино, мед, квас. Из увеселений упоминаются охота, рыбная ловля и пиры. Если принимать свидетельство Русской Правды для описываемого времени, то охота была псовая, ястребиная и соколиная: животные эти дорого ценились. Любили бани, преимущественно, как видно, на севере: южные жители смеялись над пристрастием северных к баням[388].

Занятия жителей составляли: земледелие[389]; жители городов возделывали нивы и земли свои. На скотоводство указывают слова древлян: «Если повадится волк к овцам, то выносит все стадо»; Константин Багрянородный говорит, что руссы покупают рогатый скот, лошадей и овец у печенегов, потому что эти животные не разводятся в России. Слова эти можно понимать так, что количество рогатого скота и овец, питаемых племенами, было недостаточно для потребления собственно руссов, которые должны были покупать скот у печенегов. В Русской Правде упоминаются кони, волы, бараны, козы, свиньи; мясо последних животных, как видно, особенно любили[390]. Птицеводство: в Русской же Правде упоминаются ценные птицы: голуби, куры, утки, гуси, журавли, лебеди. Упоминаются овощи, следовательно, можно заключать об огородничестве. Рыболовство, звероловство, пчеловодство подразумеваются. Из ремесл встречаем указание на плотничество, которым занимались особенно новгородцы и вообще жители северных областей, рубившие лодки в лесах своих и привозившие их на продажу в Киев; о рублении городов, мощении мостов упоминает и летопись, и Правда; о кожевничестве упоминает летопись в рассказе о Яне Усмошвеце; без сомнения, разные грубые ткани для обыкновенной одежды выделывались так же дома, равно как необходимая посуда, деревянная и глиняная, например, о делании горшков в Новгороде есть прямое указание[391]. Касательно искусств в дохристианское время упоминается только об одном каменном здании, тереме княжеском в Киеве, построенном, без сомнения, греческими мастерами, потому что и после каменщики и зодчие выписывались из Византии; неизвестно, дома или на чужбине делались истуканы Владимировы. Собственно же говоря, искусство начинается на Руси вместе с христианством. Владимир послал в Грецию за мастерами, которые построили в 989 году Десятинную церковь в Киеве. По известию летописей, из Греции и пришли каменосечцы и зиждители палат каменных[392]. Ярослав построил каменную крепость в Киеве и соборную церковь святой Софии (митрополию), которую украсил золотом, серебром и сосудами; сын его Владимир в Новгороде построил также крепость и собор святой Софии; при Ярославе же в Киеве построены монастыри святого Георгия и святой Ирины[393] Дитмар говорит, что в его время в Киеве было 400 церквей и 8 торгов[394]; Адам Бременский называет Киев соперником Константинополя[395], число церквей крайне преувеличено или цифра искажена[396]; но общего впечатления и отзывов нельзя отвергнуть.

Киев был обязан своим благосостоянием тому, что служил складкою товаров между Южною и Северною Европою; обратимся же теперь к торговле, путем которой были русские

области в описываемое время. Мы видели занятия племен: была ли в числе их торговля, существовала ли мена произведений между племенами до появления среди них варягов — руси? Повсеместная почти одинаковость произведений в стране, обитаемой славянскими племенами, сильно препятствовала мене: что могли выменивать друг у друга поляне и северяне, древляне и дреговичи, кривичи и радимичи? Образ жизни их был одинаков, одинакие занятия, одинакие потребности, одинакие средства к их удовлетворению: у древлян был хлеб, мед, воск, звериные кожи; то же было у полян и других племен. Но с призванием варяжских князей, с появлением их дружины дела начали переменяться; среди земледельческого народонаселения, добывавшего все нужное без разделений занятий, сосредоточенных в семье, явилась воинская дружина, образовались, следовательно, два различных слоя народонаселения, с различными занятиями — и является мена. Константин Багрянородный говорит, что славянские племена, подчиненные руссам, зимою рубят в лесах своих лодки — однодеревки, отделывают их и весною, как лед растает, спускают в ближние озера и потом далее по Днепру в Киев; здесь вытаскивают их на берег и продают руссам, которые покупают только одни лодки и весла, уключины же и другие снасти делают сами из старых судов. Вот начало внутренней торговли! Но любопытно, как и здесь еще разделение занятий было неполно: руссы покупали только остовы лодок у славян, снасти же делали сами. Несмотря на то, это явление очень важно для историка: северные славянские племена, эти знаменитые плотники, уже промышляют, рубят лодки, сплавляют их, доходят до Киева; Днепр связывает север и юг русских владений; северные племена двигаются, воспитывают в себе дух предприимчивости; они сперва только помогают внешней торговле, приготовляют лодки для торговцев, но это приготовление скоро повлечет их самих к торговле, более деятельной и внешней.

Если внутренняя торговля явилась с прибытием варяговруси, то внешняя должна была явиться вместе с ними же. Жилища славянских племен — новгородцев кривичей, северян, полян находились на пути из Балтийского моря в Черное, *из Варяг в Греки:* здесь и основалось главное русское владение, концами которого и вместе главными пунктами, соединяющими север и юг, были Новгород и Киев; русское владение тогда только получило полноту, когда новгородские князья овладели и Киевом; Киев и Новгород не могли долгое время существовать отдельно; природа неразрывно соединила эти два города, и во все продолжение нашей древней истории они находились в неразрывном союзе: расстояние между ними было путем; огромность этого расстояния уменьшалась при удобстве сообщения, потому что этот путь был водный.

Новгород и Киев — две главные стоянки на оконечностях этого пути; историческая жизнь народов всегда загорается там, на тех концах их областей, где они сталкиваются с другими народами историческими; для славянских племен местом столкновения с историческими народами были концы великого водного пути на севере и юге — Новгород и Киев; посредниками этого столкновения были варяги-русь; они-то были первыми посредниками между севером и югом Европы и в торговом отношении; другим, побочным путем была Западная Двина — и здесь другое, менее важное русское владение — Полоцкое княжество. Но какой же характер носила первоначально эта торговля? Разумеется, мы не можем перенести на нее понятия настоящего времени о торговле. Торговля в те времена была тесно связана с пиратством: варяг являлся на известный берег под видом торговли и, действительно, начинал торговать с жителями; но при первом удобном случае из купца он становился пиратом и грабил тех, с которыми прежде вел мену. На этот двойственный характер древних русских купцов лучше всего указывают договоры греков с нашими первыми князьями: в них византийское правительство постоянно выговаривает для себя меры против буйства руссов. Но, каков бы ни был характер последних, они торговали с Грециею, привозили туда товары севера и брали в обмен товары юга.

Чем же торговали руссы в Константинополе? Главным предметом торговли с их стороны были невольники; их, скованных, вели они во время трудного перехода через пороги: о невольниках находим особые статьи в договорах [397]. Кроме рабов, русскими товарами в Константинополе считались воск и меха [398]; те же товары — рабы, воск, мед и меха шли из Руси в Болгарию, привозились в Переяславец Дунайский; на них Русь выменивала в Константинополе и Переяславце греческие паволоки, вино, плоды, золото (как товар), серебро и лошадей, приводимых из Венгрии. Теперь следует вопрос: как добывали руссы свои северные товары? Конечно, они могли выменивать их у туземцев на какие-нибудь произведения греческой промышленности, малоценные для грека, драгоценные для радимича; но главным источником приобретения были дани и потом охота, которою дружина княжеская могла заниматься зимою во время пребывания своего у племен. Мы знаем, что дань туземных племен изначала состояла в шкурах пушных зверей; в ноябре князья с дружиною выходили на полюдье, или отправлялись к подчиненным племенам, разумеется, за данью; мы это знаем из истории Игоря; в этих походах добывали и князь и дружина. Возвратясь в апреле в Киев, князь и дружина привозили с собою множество мехов, которые надлежало сбыть с рук; и вот немедленно после приезда в Киев часть дружины отправлялась в лодках

по Днепру и морю в Константинополь и в Болгарию. Воск и мед могли получаться тем же путем: мы знаем, что древляне обязывались давать Ольге мед. Рабов могла получать Русь с севера: скандинавские пираты, опустошавшие берега почти всей Европы, могли доставлять большое количество невольников в Новгород, менять их руссам на товары греческие и восточные, а, бесспорно, и сами в виде гостей спускались по восточному водному пути в Константинополь. Рабов собственным руссам для торговли могли доставлять войны их с разными народами и с племенами славянскими в том случае, когда они должны были примучивать последние: так, Ольга отдала древлян в рабство мужам своим; но мы знаем, что такие случаи бывали редко. Разумеется, что за раздачею дружине у князя оставалось еще много мехов, меду, воску и что значительнейшую часть товаров, которыми торговали руссы, составляло имущество княжеское.

Не в один Константинополь или Переяславец отправлялись руссы с означенными товарами; они ездили с ними также на восток, в города козарские. Русы входили из Азовского моря в устье Дона, поднимались вверх по этой реке до пограничной козарской крепости — Саркель, или Белой Вежи [399], перетаскивали здесь суда на сушу и, пройдя с ними небольшой волок до Волги, спускались по этой реке к Итилю, столице козарской, находившейся около нынешней Астрахани. Главным товаром, который руссы привозили в Итиль, были также меха. Потребность в мехах усиливалась на востоке с распространением богатства и роскоши в блестящее царствование Гаруна-аль-Решида. Шубы стали почетною одеждою и покупались дорого; до нас дошло известие, что Зобейда, жена Гаруна, первая ввела в моду шубы, подбитые русскими горностаями или соболями; кроме мехов, руссы привозили на Волгу также и рабов. В обмен за означенные товары руссы могли брать у арабов дорогие камни, бисер, особенно зеленого цвета (нитки его составляли любимое ожерелье русских женщин, которых мужья разорялись платя нередко по диргему — от 15 до 20 копеек серебром — за каждую бисеринку), золотые и серебряные изделия, цепочки, ожерелья, запястья, кольца, булавки, рукоятки, пуговки, бляхи для украшения одежды и конской сбруи, быть может, также шелковые, шерстяные и бумажные ткани, овощи, пряности и вино. Но, как видно, руссы сильно желали выменивать на свои товары арабские монеты, диргемы, которые везде и во всяком значении имели большую ценность. Посредством этого пути арабские монеты распространялись по разным местам тогдашних русских областей; как редкие, всегда ценные вещи, как украшения переходили они из рода в род, из рук в руки, закапывались в землю вместе с мертвецами, зарывались в виде кладов и таким образом дошли до нас [400]. Но не одним путем мены

могло дойти в Россию большое количество монет[401]; значительное количество их должно было достаться руссам во время счастливого похода Святославова на козар, буртасов и болгар волжских и вообще на Восток, когда разорены были тамошние торговые места; арабские монеты могли быть завозимы в русские области также болгарами. Мы заметили уже, что значительнейшая часть товаров должна была принадлежать князю, следовательно, значительнейшая часть вымененного на эти товары должна была возвратиться в казну княжескую; отсюда монеты могли переходить к дружине; дружинники были люди вольные, хотели — служили князю, не хотели — шли домой, если родом были из Скандинавии, и уносили с собою служебную плату; они же были и купцами. Мы знаем также, что князья наши часто нанимали варягов для одного какого-нибудь похода; разумеется, наемники брали плату свою преимущественно серебром, и таким образом диргемы из казны княжеской переходили к наемным варягам: отсюда, кроме торговли, объясняется, почему на скандинавском берегу и на прилежащих к нему островах находят так много кладов с восточными монетами. Одною торговлею объяснить этого нельзя, ибо как предположить, чтобы количество и ценность товаров скандинавских так превышали количество и ценность товаров русских, греческих и восточных, шедших чрез Россию, что лишек должен был оплачиваться деньгами? Заметим также, что, кроме зарытия монет в могилы, клады в понятиях народа обыкновенно соединяются с представлением о разбойниках, зарывавших в землю награбленное; что разбои в описываемый период были сильны, на это имеем ясное свидетельство в летописях и преданиях; таким образом может объясниться происхождение больших кладов, как, например, близ Великих Лук найден клад в семь слишком тысяч целковых. Предполагая разбойничество как одно из средств накопления больших кладов, мы не отвергаем возможности накопления значительных капиталов и посредством торговли; но здесь заметим, что никак нельзя утверждать, будто клады, в которых находятся куфические монеты, например X века, непременно были зарыты в этом веке; монеты X века могли зайти на Русь в этом веке, но могли оставаться здесь в обращении и в сохранении и в последующие века, переходить из рода в род, наконец, скопляться разными средствами в одних руках и зарываться в землю чрез много веков спустя после их первого появления: таким образом, от больших кладов с куфическими монетами X века никак еще нельзя заключать о больших торговых капиталах в этом веке на Руси.

Кроме руссов, посредниками торговли между Европою и Азиею в описываемое время были болгары волжские. В руках этих болгар была торговля с соседними народами северо-во-

стока и северо-запада; чтобы не допускать арабских купцов к непосредственным сношениям с последними, они представляли их арабам людоедами[402]. Болгарские купцы ездили в страну веси на лодьях, вверх по Волге и Шексне для закупки мехов; любопытны подробности, находимые у арабских писателей о меновой торговле болгар с весью: болгары приезжали в определенное место, оставляли там товары, пометив их какими-нибудь знаками, и удалялись. В это время туземцы раскладывали рядом свои произведения, которые считали равноценными, и также удалялись. Если болгарские купцы по возвращении находили мену выгодною, то брали с собою туземные товары и оставляли свои, в противном случае они опять уходили на время, и это значило, что они требовали прибавки; туземцы подбавляли того или другого товара до тех пор, пока не удовлетворяли болгар. У арабов такая торговля слыла немою. Рассказ арабов замечателен для нас потому еще, что объясняет рассказ новгородского купца Гюряти Роговича, занесенный в летопись[403]. Так и позднее торговали болгары с югрою[404]. Но, кроме веси, по известию арабских писателей, болгарские купцы доходили до Киева через Мордовскую землю. Это известие подтверждается известиями наших летописей о приходе болгарских проповедников магометанства в Киев, подтверждается и важным известием, сохранившимся у Татищева, о договоре, заключенном при Владимире с болгарами: это известие драгоценно для нас потому, что в нем находится первое положительное упоминание о купцах, как отдельном разряде людей, и городах, как торговых средоточиях. Пример Византии и стечение иностранных купцов в Киев дали понять выгоду торговли для казны княжеской, в которую собирались торговые пошлины, и вот киевский князь обязывает болгар не покупать товаров в селах у тиунов и других лиц, но покупать их в городах. Здесь ясно видим два рода торговли, первоначальную, по которой всякий сбывал всякому излишек своей собственности, и торговлю в настоящем смысле, которая вследствие правительственных распоряжений начинает вытеснять первоначальную[405]. Русская Правда знает купцов также как отдельный разряд людей. Кроме греков, арабов, болгар волжских и дунайских, русские производили мену с ближайшими соседями своими, степными народами, печенегами, которые доставляли рогатый скот, лошадей, овец. Из слов Святослава видно, что в Переяславце Дунайском русские купцы могли производить мену с купцами чешскими и венгерскими. Нет сомнения, что торговля из Новгорода с северо-восточными финскими племенами существовала уже в описываемое время и что из Новгорода же купцы с мехами, восточными и греческими товарами начали являться и в городах балтийских славян. С вопросом о торговле тесно связан вопрос о деньгах,

один из самых спорных вопросов в наших древностях; по недостатку точных известий мы отлагаем его решение до следующего периода.

Обозрев материальные силы новорожденного русского общества, обратимся теперь к новому, духовному началу, явившемуся в конце описываемого периода, началу, богатому нравственным и гражданским влиянием. Как слабо было прежде в языческом обществе влияние волхвов, так могущественно явилось теперь влияние христианского духовенства. Немедленно после принятия новой веры мы видим уже епископов советниками князя, истолкователями воли божией; но христианство принято от Византии; Русская земля составляет одну из епархий, подведомственных константинопольскому патриарху; для русского духовенства единственным образцом всякого строя служит устройство византийское: отсюда понятно и гражданское влияние Империи на юное русское общество. Мы видели, как было принято христианство и как распространялось; видели, что оно принялось скоро в Киеве, на юге, где было уже и прежде давно знакомо, но медленно, с большими препятствиями распространялось оно на севере и востоке: первые епископы Ростова — Феодор и Иларион принуждены были бежать от ярости язычников [406]; в конце описываемого периода язычество нисколько не уступало и ревности третьего епископа ростовского, св. Леонтия, который, видя невозможность действовать на взрослое поколение, окрепшее в язычестве, обратился к детям, стал привлекать их к себе ласкою и учить вере. Мы видим язычество господствующим и у племен Средней Руси, на Оке, до самых ее низовьев. Оставаясь глухими к увещаниям христианских проповедников, жители севера тем легче слушали старых волхвов своих: так, читаем в летописи, что в 1024 году встали волхвы в Суздальской земле во время голода и начали убивать старых женщин, говоря, что они скрывают у себя в теле съестные припасы. Был мятеж большой по всей той стране, так что сам великий князь Ярослав принужден был туда отправиться; он переловил волхвов, одних разослал по разным местам, других казнил, говоря: «Бог за грехи наказывает землю голодом, мором, засухою или какою-нибудь другою казнью, а человек не знает ничего» [407]. И на юге языческие обычаи, предания, поверья еще очень сильны между христианами; так, читаем в летописи под 1044 годом: «В этот год умер Брячислав, князь полоцкий, и Всеслав, сын его, сел на столе; этого Всеслава мать родила от волхованья, потому что когда она родила его, то была у него язва на голове, и волхвы сказали ей, навяжи ты на эту язву волшебную повязку, которую пусть носит он до смерти своей; Всеслав точно носит ее до сих пор; поэтому он так кровожаден» [408].

Самым лучшим средством к торжеству новой веры над старою признано было действовать на новое, молодое поколение: так, при Владимире и при Ярославе отбирали детей у лучших граждан, учили их грамоте и догматам новой веры; мы видели, что так действовал и св. Леонтий на севере; возможность выучиться грамоте существовала и в других городах, что видно из жития св. Феодосия[409] Эта мера скоро принесла свои плоды, скоро обозначилась деятельность молодого, грамотного поколения, получившего из книг яснейшее понятие о новой вере. Представителями этого молодого, грамотного поколения в семье княжеской были сыновья св. Владимира — Борис, Глеб, Ярослав. Христианство прежде всего должно было подействовать на самые мягкие, нежные отношения, отношения родственные; это всего яснее можно видеть на Борисе и Глебе. Из детей Владимировых они больше всех были похожи на отца своего мягкостию природы: по этому одному уже неудивительно, что у Владимира было к ним более сочувствия, что он особенно любил Бориса; и вот эта мягкая природа двух братьев легко воспринимает влияние христианства, они являются образцами братской любви: «Не хочу поднять руки на старшего брата», — говорит Борис, и падает жертвою уважения своего к родственным отношениям, освященным религиею. Отсюда понятно значение Бориса и Глеба в нашей истории: они были первомучениками в этой нравственной борьбе нового христианского общества с старым, языческим. Брат их Ярослав является представителем нового поколения в других отношениях: он сам любит читать книги, собирает их, распространяет грамотность в земле, является просвещенным христианином в борьбе своей с язычеством, что видно из приведенного отзыва его о волхвах. После сыновей Владимировых представителем нового, грамотного поколения является первый русский митрополит Иларион, который умел понять превосходство нового порядка вещей пред старым и умел показать другим это превосходство. Как молодое поколение оценило новое сокровище, приобретенное им с христианством, и как было благодарно людям, которые способствовали ему к приобретению этого сокровища, видно из отзыва летописца о деятельности Владимира и Ярослава: «Подобно тому как если бы кто-нибудь распахал землю, а другой посеял, а иные стали бы пожинать и есть пищу обильную, так и князь Владимир распахал и умягчил сердца людей, просветивши их крещением; сын его Ярослав насеял их книжными словами, а мы теперь пожинаем, принимая книжное учение Велика бывает польза от учения книжного; из книг учимся путям покаяния, в словах книжных обретаем мудрость и воздержание: это реки, напояющие вселенную, это исходища мудрости, в книгах неисчетная глубина, ими утешаемся в печали, они узда воздержания»[410].

Действия книжного учения, ближайшего знакомства с новою верою не замедлили обнаружиться в целом ряде христианских подвижников. Для упрочения христианства мало было взять детей из домов полуязыческих родителей; нужно было, чтоб некоторые из нового поколения отторглись совершенно от общества, сильно пропитанного язычеством; для упрочения христианства нужно было, чтоб оно распространилось не словом только, но самым делом; нужно было, чтоб в некоторых избранных обнаружилось действие нового учения, и они пошли бы на проповедь не с огнем и мечом, как Добрыня или Путята, но с величием подвига христианского. При господстве материальной силы, пред которою все преклонялось, нужен был ряд подвижников, которые показали бы подвиги, превышавшие подвиги богатырей, которые показали бы господство духа над плотию, показали бы чудеса мужества другого рода, борьбу, более изумительную, и приобрели бы своими подвигами благоговение к себе и к тому учению, которое дает силы к подобным подвигам. Монашество, по некоторым известиям, явилось на Руси очень рано: так, есть предание, что еще первый киевский митрополит Михаил построил в Киеве монастырь на горе против холма Перунова; есть также иностранное известие, что киевский митрополит встречал Святополка и Болеслава Храброго в монастыре св. Софии[411]; при Ярославе построены монастыри Георгиевский и Ирининский. Но эти монастыри не были такие, какие надобны были тогда для упрочения христианства, их монахи не были настоящими подвижниками: «Много монастырей, — говорит летописец, — поставлено от царей и бояр на богатом иждивении, но не таковы эти монастыри, как те, которые поставлены слезами, постом, молитвою, бдением»[412]. Когда новое поколение короче познакомилось с новою верою, тогда между некоторыми из него обнаружилось то же самое стремление, какое было сильно и между язычниками русскими, стремление посетить Грецию, с тою, однако, разницею, что прежние руссы-язычники ходили в Грецию для выгодной службы в полках Империи, для торговли, для грабежа, а теперь русские христиане стали ходить не для материальных выгод, но для того, чтобы получить утверждение в вере. Так явился на Афоне один из русских христиан, житель города Любеча, по имени Антипа, и постригся в одном из тамошних монастырей под именем Антония: недалеко от монастыря Есфигмена, подле морского берега, показывают пещеру первого русского инока[413]. Греческий игумен понял всю пользу, какую подвиги Антония могут принести на Руси, и отпустил его назад на родину. Антоний пришел в Киев, обошел все тамошние монастыри и ни в одном из них не нашел такой жизни, к какой привык на Афоне; он был одинок среди киевских монахов и решился жить один. На берегу Днепра, на

высокой горе, покрытой лесом, Антоний нашел пещеру, выкопанную Иларионом, первым митрополитом из русских, когда еще он был священником в ближнем княжеском селе Берестове; Иларион уединялся в пещеру временно, Антоний навсегда поселился в ней; но он недолго пробыл один. Прославление подвигов Антония и собрание к нему других подвижников не относится к описываемому времени; но к нему относится юность другого знаменитого подвижника, преемника Антониева; подробности жизни этого нового русского человека драгоценны для пополнения картины тогдашнего быта новорожденной Руси. Этот подвижник, прославившийся после под именем Феодосия, был также родом из Приднепровья, из города Василева; но родители его скоро перешли в Курск, где и протекала его юность. Мальчик нашел себе здесь человека, у которого мог выучиться грамоте, стал читать книги, переселился мыслями в другой мир и нашел в себе довольно силы, чтобы немедленно начать приложение читанного к делу: он не пропускал службы церковной, дома работал вместе с рабами. Но в доме у богатой матери ему было скучно, тесно; его томила жажда подвижничества, желание видеть те места, где он жил постоянно мыслию, места, где происходило то, о чем он читал в книгах, о чем слышал в церкви. Раз тайком от матери пристал он к паломникам и ушел с ними из города. Мать Феодосия была похожа на тех русских матерей, которые, по словам летописца, плакали по сыновьях своих, как по мертвых, когда Владимир велел отдавать их в ученье; борьбу двух поколений — старого, полуязыческого, и нового, христианского, просвещенного книжным учением, всего лучше показывают нам отношения святого Феодосия к матери. Последняя, узнав о побеге сына, догнала его, прибила и держала некоторое время в оковах, чтоб не вздумал уйти опять. Феодосий остался и по-прежнему ходил в церковь; но в церкви обедню служили не так часто, как бы ему хотелось, — по недостатку просвир; Феодосий стал печь просвиры. Мать оскорбилась таким занятием сына, бранила, била его и заставила уйти в другой город; здесь он приютился у священника и по-прежнему пек просвиры. Мать нашла его и тут и взяла назад домой; но другие с большим уважением смотрели на дивное поведение молодого человека; городской посадник дал ему средство удовлетворять своей благочестивой склонности, позволил ему жить у своей церкви. Феодосию было мало беспрепятственной молитвы, мало рубища, в котором он постоянно ходил, отдавая лучшее платье нищим, он надел вериги. Мать увидала по случаю кровь на белье сына, нашла, что это от вериг, и сорвала их с яростию с плеч Феодосия, который уже после не мог надевать их. Наконец, борьба между стремлением к христианскому подвижничеству и уважением к родительской власти кончилась; пораженный

евангельскими словами: «Иже любит отца или матерь паче мене, несть мене достоин», Феодосий решился во что бы то ни стало покинуть материнский дом и ушел в Киев, чтобы вступить в один из тамошних монастырей. Но какие это были монастыри, видно из того, что ни в один из них не приняли Феодосия, явившегося в виде бедного скитальца; не такие монастыри нужны были Феодосию и новорожденной Руси. Феодосий нашел, наконец, убежище по своему желанию: он нашел пещеру Антония. «Сын! — говорил ему Антоний, — трудно будет тебе жить со мною в этой тесной пещере: ты еще молод». Но под видом юноши перед ним стоял муж, окрепший в борьбе, претерпевший столько тесноты в просторе, столько лишений в довольстве, что никакая теснота и никакие лишения не были для него более страшными. Антоний принял Феодосия; подвиги обоих мы еще увидим в следующем периоде.

Показав, как юная русская церковь приготовлялась действовать в лице представителей нового поколения, уже воспитанного в христианстве, мы обратимся теперь ко внешнему образу церкви, ее управлению и средствам. Еще во времена Олега греки полагали в России особую епархию, шестидесятую в числе подведомственных константинопольскому патриарху; с принятия христианства святым Владимиром в челе церковного управления стоял митрополит; первые митрополиты были избраны и поставлены патриархом константинопольским, последний, Иларион — собором русских епископов. Кроме митрополита, упоминаются епископы; как видно, епископы были в Новгороде, Ростове, Чернигове, Белгороде, Владимире Волынском, вероятно были и в других городах. Ближайшие к Киеву епископы собирались в этот город: нужно было их присутствие около новообращенной власти, деятельность которой они должны были теперь направлять согласно с новыми потребностями общества. Мы видели сильное влияние епископов относительно земского устава при Владимире; митрополит Иларион прямо говорит о частых советах Владимира с епископами, говорит, что князь с великим смирением советовался с ними, как установить закон среди людей, недавно познавших господа. При таком значении духовенства, когда епископы являлись необходимыми советниками князя во всем, касающемся наряда в стране, при таком их влиянии трудно предположить, чтобы круг деятельности их оставался неопределенным и чтоб это определение не последовало по образцу византийскому; вот почему так трудно отвергнуть уставы о церковных судах, приписываемое святому Владимиру и сыну его Ярославу[414]. Эти уставы, естественно, должны быть составлены по образцу церковных уставов греко-римских; но так как состояние обоих обществ — греко-римского и русского в описываемое время

было различно, то и в церковных уставах русских мы должны необходимо встретить различие от церковных уставов греко-римских; в обществе греко-римском отношения семейные издавна подчинялись гражданским законам, тогда как в русском, новорожденном обществе семейство оставалось еще неприкосновенным; но церковь по главной задаче своей — действовать на нравственность — должна была прежде всего обратить внимание на отношения семейные, которые по этому самому и подчинялись церковному суду. Так, например, нарушение святости власти родительской в римском праве предоставлено мирскому суду, а в уставе святого Владимира — церковному, равно тяжбы между сыновьями умершего о наследстве и тяжбы между мужем и женою об имении. Справедливо замечают также, что статьи об опеке и наследстве, находящиеся в Русской Правде, большею частию заимствованы из греко-римского законодательства, перешедшего в наше мирское законодательство посредством духовенства. Повреждение церквей и могил в том виде, как оно определено уставом святого Владимира, мы не найдем в греческих законах, ни в гражданских, ни в церковных, потому что такого рода преступления были только местные русские[415]. Вследствие также юности общества церковь на Руси взяла под свое покровительство и суд над людьми, которых значение было тесно связано с религиею, например, просвирню, паломника, прощенника (человека, исцеленного чудом), людей, которые содержались при церквах и монастырях для подания помощи страждущим, пришлецов, которые, вероятно, пользовались гостеприимством при церквах и монастырях, людей, отпущенных на волю господами ради спасения души, увечных, слепых, хромых, которые также преимущественно жили при церквах.

Справедливо замечают, что как вообще утверждение христианства на Руси последовало только постепенно, то и утверждение суда церковного по делам семейным могло совершиться также в течение известного времени; но начало утверждения того и другого мы должны необходимо отнести к описываемому периоду. Легко понять, какое влияние должна была оказать церковь, подчинив своему суду отношения семейные, оскорбления чистоты нравственной и преступления, совершавшиеся по языческим преданиям[416]. Духовенство с своим судом вооружилось против всех прежних языческих обычаев, против похищения девиц, против многоженства, против браков в близких степенях родства. Церковь взяла женщину под свое покровительство и блюла особенно за ее нравственностию, возвысила ее значение, поднявши мать в уровень с отцом, что ясно видно из отношений женщины по имуществу[417]. Духовенство блюло, чтоб родители не женили сыновей, не отдавали дочерей замуж насильно; преследовало преступления, которые унижают человека, приравнивают его

зверю[418] Летописец жалуется, что у языческих славян позволялось срамословие в семейном кругу: духовенство начинает преследовать срамословие. Семья, до сих пор замкнутая и независимая, подчиняется надзору чужой власти, христианство отнимает у отцов семейств жреческий характер, который они имели во времена языческие; подле отцов природных являются отцы духовные; что прежде подлежало суду семейному, теперь подлежит суду церковному. Но понятно, что древнее языческое общество не вдруг уступило новой власти свои права, что оно боролось с нею и боролось долго; долго, как увидим, христиане только по имени не хотели допускать новую власть вмешиваться в свои семейные дела; долго требования христианства имели силу только в верхних слоях общества и с трудом проникали вниз, в массу, где язычество жило еще на деле в своих обычаях. Мы видели, что вследствие родового быта у восточных славян не могло развиться общественное богослужение, не могло образоваться жреческое сословие; не имея ничего противопоставить христианству, язычество легко должно было уступить ему общественное место; но, будучи религиею рода, семьи, дома, оно надолго осталось здесь. Язычник русский, не имея ни храма, ни жрецов, без сопротивления допустил строиться новым для него храмам, оставаясь в то же время с прежним храмом — домом, с прежним жрецом — отцом семейства, с прежними *законными обедами,* с прежними жертвами у колодца, в роще. Борьба, вражда древнего языческого общества против влияния новой религии и ее служителей выразилась в суеверных приметах, теперь бессмысленных, но имевших смысл в первые века христианства на Руси: так появление служителя новой религии закоренелый язычник считал для себя враждебным, зловещим, потому что это появление служило знаком к прекращению нравственных беспорядков, к подчинению его грубого произвола нравственно-религиозному закону. Бежал закоренелый язычник, увидав издали служителя церкви, врага его прежнего языческого быта, врага его прежних богов, врага его домашних духов-покровителей. Не имея силы действовать положительно против новой религии, язычество действовало отрицательно удалением от ее служителей; это удаление, разумеется, поддерживалось стариками, ревнивыми к своей власти, от которой они должны были отказаться в пользу старцев церкви, пресвитеров и епископов.

Касательно содержания церкви в летописи находим известие, что св. Владимир дал в пользу Богородичной церкви в Киеве от имения своего и от доходов десятую часть, отчего и церковь получила название Десятинной[419], о Ярославе говорится, что он строил церкви и определял к ним священников, которым давал содержание из казны своей: это уже может

показывать, что приношения прихожан не могли быть достаточны для содержания церквей в то время: *стадо было малое,* по словам Илариона. Из жития св. Феодосия узнаем, что в курской церкви служба не могла часто совершаться по недостатку просвир; из того же источника узнаем, что градоначальник или посадник в Курске имел свою церковь. Пособием для церковного содержания могли служить пени, взимаемые за преступления по церковному суду, как это означено в уставе Ярослава. От средств, находившихся в распоряжении церквей и монастырей, зависело призрение, которое находили около них бедные, увечные и странники; о частной благотворительности, которая условливалась христианством, находим ясные указания в предании о делах Владимировых.

Мы видели тесную связь грамотности с христианством, слышали отзыв инока-летописца о пользе книжного учения, следили за деятельностью нового, грамотного поколения христиан, теперь посмотрим, не обнаружилась ли эта деятельность в слове и не дошло ли до нас каких-нибудь письменных памятников из рассматриваемого периода. Единственный письменный памятник, дошедший до нас от этого времени, составляют сочинения первого киевского митрополита из русских — Илариона; его сочинения заключаются в «Слове о законе», данном через Моисея, и благодати и истине, явившихся чрез Иисуса Христа, с присовокуплением похвалы «Кагану нашему Владимиру» и изложения веры. Кроме того, в сборнике XIV или XV века открыто слово св. Илариона, митрополита киевского [420]. Для нас особенно важны два первых сочинения, как непосредственно относящиеся к нашему предмету. Естественно ожидать, что первым словом церковного пастыря после введения христианства будет прославление нового порядка вещей, указание тех благ, которые народ приобрел посредством новой веры. И точно, в слове Илариона мы находим указание на это превосходство новой веры пред старою: «Уже не зовемся более идолослужителями, но христианами, — говорит он, — мы более уже не *безнадежники,* но уповаем в жизнь вечную; не строим более капищ, но зиждем церкви Христовы; не закаляем бесам друг друга, но Христос закаляется за нас и дробится в жертву богу и отцу». Но эта противоположность христианства с прежним русским язычеством не составляет главного содержания слова, в котором преимущественно показывается противоположность и превосходство христианства пред иудейством, благодати Христовой пред законом Моисеевым, как истины пред тенью, сыновства пред рабством, общего, всечеловеческого пред частным, народным. Такое содержание Иларионова сочинения объясняется тем, что он, по собственным словам его, писал не к неведущим людям,

но к насытившимся сладости книжные: обращаясь же к новому поколению грамотных христиан, Иларион не имел нужды выставлять много превосходство христианской религии пред старым русским язычеством: это превосходство было для них ясно; Илариону надобно было приступить к другому, более важному вопросу об отношении Нового Завета к Ветхому, о вине пришествия Христова на землю; первый вопрос, предложенный Владимиром греческому проповеднику, был: «Для чего бог сошел на землю и принял страсть?» Этот же вопрос нужно было прежде всего уяснить и новому поколению. Основываясь на приведенных словах: «Не к неведущим бо пишет, но преизлиха насыщшемся сладости книжныя», мы даже позволим себе догадку, что слово Илариона о законе и благодати есть послание митрополита к самому великому князю Ярославу, потому что о последнем всего приличнее можно было сказать, что он насытился сладости книжные, если сравним отзывы летописей об этом князе: «И бе Ярослав любя церковные уставы, и пресвитеры любяше повелику, и книги прочитая». Или: «Ярослав же сей любяше книги зело». Объяснивши превосходство христианской веры над иудейскою и языческою, Иларион, естественно, переходит к прославлению того князя, которому суждено было быть апостолом на Руси: таким образом, оба сочинения — «Слово о законе и благодати» и «Похвала Владимиру» — составляют одно целое.

Но, кроме письменного памятника, мы должны обратить внимание на изустно сохранившиеся произведения народной фантазии, которых начало, первый древнейший склад относится к описываемому времени; таковы наши древние народные песни и сказки, в которых упоминается о Владимире, о подвигах его богатырей. Главное содержание этих песен и сказок составляют подвиги богатырей, защищавших Русскую землю от врагов внешних и внутренних: первыми являются степные кочевники, приходящие с востока на Русскую землю, на стольный город Владимира, вторыми — разбойники. По характеру своему эти песни и сказки разделяются на такие, в которых преобладает древний, языческий элемент, и на такие, в которых уже видны следы христианского влияния. Характер первого из означенных отделов соответствует вполне характеру эпохи, как он изображен нами в своем месте. Герой песни или сказки — богатырь, обладающий страшною материальною силою: вот он является ко двору княжескому, все глядят на молодца, дивуются, ему наливают чару зелена вина в полтора ведра, он принимает чару единой рукой, выпивает ее единым духом; бросит он горсть песку по высокому терему — полтерема сшибет; закричит богатырь зычным голосом — с теремов верхи повалятся, с горниц охлопья попадают, в погребах питья всколеблются. Вот по-

двиги любимого народного богатыря Ильи Муромца[421]. Илья идет в послах от князя Владимира к хану кочевой орды и заводит с ним ссору; хан велит связать ему руки белые, плюет ему в ясны очи:

И тут Илье за беду стало,
За великую досаду показалося,
Что плюет Калин (хан) в ясны очи,
Вскочил в полдрева стоячего,
Изорвал чембуры на могучих плечах,
Не допустят Илью до добра коня,
И до его-то до палицы тяжкие,
До медны литы в три тысячи
Схватил Илья татарина за ноги,
Который ездил в Киев-град,
И зачал татарином помахивати
Куда ни махнет, тут и улицы лежат,
Куда отвернет — с переулками,
А сам татарину приговаривает:
«А и крепок татарин, не ломится,
А жиловат, собака, не изорвется. »

Но не одна чудовищная, материальная сила действует в богатырях; в них действует также сила чародейская. Мы видели занесенное в летопись предание о том, что полоцкий князь Всеслав Брячиславич родился от волшебства (волхованья); песня рассказывает в подробности это предание[422], как родился богатырь Волх Всеславьевич от лютого змея. Когда минуло Волху десять годов, стал учиться он *премудростям:* первой мудрости учился — обертываться ясным соколом; другой мудрости учился — обертываться серым волком; третьей мудрости учился он — обертываться гнедым туром-золотые рога. На двенадцатом году начинает он набирать дружину; живо и согласно с летописью представляет нам песня дружинный быт: стал себе Волх прибирать дружину, прибирал три года и набрал себе дружины семь тысяч; сам он, Волх, в пятнадцать лет и вся его дружина по пятнадцати лет... Волх поил, кормил дружину храбрую, обувал, одевал добрых молодцев. Особенно отличаются *мудростью, хитростью,* т. е. чародейством, ведовством, женщины, знаменитые ведьмы киевские: такова Марина Игнатьевна[423], которая водится с Змеем Горынчищем. Осердясь на богатыря Добрыню, Марина привораживает его к себе:

Брала она следы горячие молодецкие,
Набирала Марина беремя дров,
А беремя дров белодубовых,
Клала дровца в печку муравленую
С теми следы горячими,
Разжигает дрова палящатым огнем
И сама она дровам приговаривает:
«Сколь жарко дрова разгораются
Со теми следы молодецкими,
Разгоралось бы сердце молодецкое».

Чары действуют на Добрыню: он влюбляется в ведьму, прогоняет от нее соперника своего, Змея Горынчища, за что Марина обертывает его гнедым туром. Такова Авдотья Лиховидьевна, которая искала *мудрости* над мужем своим, Потоком Михайлою Ивановичем: она взяла с него слово, что если она умрет прежде него, то ему зарыться с нею в могилу живому; и вот через полтора года Лиховидьевна умирает, и Поток, верный своему слову,

С конем и сбруею ратною
Опустился в тое ж могилу глубокую,
И заворочали потолоком дубовыим
И засыпали песками желтыми,
А над могилою поставили деревянный крест,
Только место оставили веревке одной,
Которая была привязана к колоколу соборному.
И стоял он, Поток Михайло Иванович,
В могиле с добрым конем
С полудни до полуночи.
И для страху, добыв огня,
Зажигал свечи воску ярого.
И, как пришла пора полуночная,
Собиралися к нему все гады змеиные,
А потом пришел большой змей,
Он жжет и палит пламем огненным,
А Поток Михайло Иванович
На то-то не робок был,
Вынимал саблю острую,
Убивает змея лютого
И ссекает ему голову
И тою головою змеиною
Учал тело Авдотьино мазати.
Втепоры она еретница
Из мертвых пробуждалася.

Так отразился материальный, языческий быт юной Руси на произведениях народной фантазии; теперь посмотрим, как отразилось на них влияние христианства. Это влияние заметно отразилось в песне об Алеше Поповиче; противником Алеши является Тугарин Змеевич, богатырь с чудовищною материальною силою и чародей: отечество Змеевич, способность палить огнем и склонность к сладострастию указывают на его нечистое происхождение. Алеша Попович не отличается чудовищною материальною силою, но ловко владеет оружием. За столом княжеским Тугарин Змеевич ест и пьет по-богатырски: по целой ковриге за щеку мечет, глотает целиком по лебедю, по целой чаше охлестывает, которая чаша в полтретья ведра, и бесстыдно ведет себя с женщинами; все это не нравится Алеше, он сравнивает Тугарина с прожорливым животным: здесь уже природа человеческая вооружается против животненной. Приготовляясь к битве с Тугарином, Алеша не спит всю ночь, молится со слезами, чтобы бог послал ему в помощь тучу грозную с дождем и градом; Алешины

молитвы доходны ко Христу: бог посылает тучу с дождем и градом, крылья у Тугарина обмокли, и он свалился на землю, принужден бороться обыкновенным способом; Алеша побеждает его, но побеждает не материальною силою, а хитростию: сошедшись с Тугарином, Алеша говорит ему: «Ты хочешь драться со мною один на один, а между тем ведешь за собою силу несметную»; Тугарин оглянулся назад; этим мгновением воспользовался Алеша, подскочил и отрубил ему голову. Любопытно видеть, как под влиянием христианства переделывались предания о любимом народном богатыре — Илье Муромце: мы встретили уже раз Илью в борьбе с кочевою ордою, когда он, вместо оружия, человеком бил людей; но вот слышится об нем же другое предание, составившееся под новым влиянием: тридцать лет сидит Илья сиднем, не владеет ни руками, ни ногами и получает богатырскую силу чудом, как дар божий за христианский подвиг, за желание утолить жажду двух странников [424]; дальнейшие подвиги его отмечены также смирением, благодушием. Против языческого поклонения материальной силе христианство выставило поклонение силе духовной, небесной, пред которой материальная, земная сила ничто, против которой не устоит никакой богатырь. Мы видели, как это понятие отразилось в предании об Алеше Поповиче и Илье Муромце; но всего резче высказалось оно в предании о том, как богатыри, победив несметную басурманскую силу, обезумели от гордости и вызвали на бой силу небесную, которая росла все более и более под ударами богатырей и, наконец, заставила их окаменеть от ужаса [425]. Так под влиянием христианства начало упраздняться поклонение материальной силе.

Мы уже имели случай упоминать о том, как в древних богатырских песнях наших, сквозь позднейшие слои проглядывает слой древний, отражающий в себе быт первоначального периода нашей истории; мы видим, как в них отразился особенно быт дружины; справедливо замечают [426], что старинные богатыри русские принадлежат разным сословиям, сходятся ко двору княжескому с разных концов Руси: таков постоянно характер дружины, который долго держался у нас в чистоте. Укажем еще на некоторые черты, напоминающие время: известен древний обычай давать кораблям вид разных зверей, драконов и т. п; и вот в песне о Соловье Будимировиче так, между прочим, описан его корабль:

Нос, корма по-туриному,
Бока взведены по-звериному.

Эта же песня напоминает о греческой торговле, о судах, приходивших в Киев с греческими товарами:

Говорил Соловей таково слово
«Гой еси вы, гости корабельщики
И все целовальники любимые!

Как буду я в городе в Киеве,
У ласкова князя Владимира,
Чем мне-то будет князя дарить,
Чем света жаловати?»
Отвечают гости корабельщики
И все целовальники любимые:
«Ты славный, богатый гость,
Молодой Соловей, сын Будимирович!
Есть, сударь, у вас золота казна,
Сорок сороков черных соболей,
Вторые сорок бурнастых [427] лисиц;
Есть, сударь, дорога камка,
Что не дорога камочка — узор хитер;
Хитрости были Царя-града,
А и мудрости Иерусалима,
Замыслы Соловья Будимировича;
На злате, серебре не погневаться».
Прибежали корабли под славный Киев-град,
Якори метали в Днепр-реку,
Сходни бросали на крут бережок... [428]

Мы знаем из летописи, что новгородцы славились плотничеством; песня говорит, что они славились уменьем строгать стрелы:

«...тем стрелам цены не было
Колоты они были из трость-дерева,
Строганы те стрелки в Новгороде» [429].

Летописец знает о дунайском городке Киевце, который основан будто бы нашим же Кием полянским; песня знает также Киевец:

Чурила живет не в Киеве,
А живет он пониже малого Киевца [430].

Мы знаем, что дружинники переходили от одного владельца к другому, служили то в одной, то в другой стране; таковы и богатыри песни, таков знаменитый Дунай Иванович, который говорит о себе:

Служил я, Дунай, во семи Ордах,
В семи Ордах, семи королям [431].

В Галицкой Руси теперь еще поется об этих дружинниках, о наших старинных руссах, которые сбирались идти на тихий Дунай служить царю болгарскому или в Константинополь к императору:

«В чистом поле шатер стоит; в шатре сидят добры молодцы, сидят они, думу думают: как пойдем мы к кузнецу доброму, покуем себе медные челна, медные челна, золотые весла: как пустимся мы на тихий Дунай, вдоль Дуная под Царь-город. Ой, чуем там доброго пана, что̀ платит щедро за службу молодецкую: дает, что год, по сту червонных; по сту червонных да по вороному коню; по вороному коню да по сабельке; по сабельке да по кафтанчику; по кафтанчику да по шапочке; по шапочке да по красной девице» [432].

Мы видели влияние христианства на древние наши богатырские предания, видели, как под этим влиянием переделывался характер богатырей, характер их поступков. Но есть еще целый ряд произведений народной фантазии, которые отзываются также глубокою древностию и которые своим существованием обязаны уже почти исключительно новой религии: мы говорим о духовных наших песнях или стихах, которые обыкновенно поются слепыми нищими. Мы видели в предании о принятии Владимиром христианства, что князя всего более поразил рассказ греческого проповедника о начале и конце мира; мы видели также, что эти вопросы занимали сильно языческие народы севера; и вот народная фантазия овладевает этими вопросами и решает их по-своему, под непосредственным, однако, влиянием христианства. Так произошли важнейшие стихи — *о Голубиной книге и о Страшном суде.* В первой песне говорится, как из грозной тучи вышла исполинская книга, как из многочисленного собора всякого рода людей никто не мог разогнуть ее, как мог это сделать один царь Давид, совопросником которого о тайнах творения является наш Владимир. Здесь можно видеть связь песни с преданием о том, как Владимир спрашивал у греческого проповедника о содержании Ветхого и Нового завета [433].

Рассмотрев события начального периода и внутреннее состояние общества в это время, постараемся вникнуть в главные, характеристические черты эпохи. Прежде всего представляются нам племена, разбросанные на огромных пространствах и живущие под формами родового быта. На севере племена эти, по всем вероятностям, вследствие столкновения с другими историческими народами сознают необходимость выйти из родового быта, для чего призывают власть извне, призывают князя из чужого рода. Соединенные посредством нового начала, силы действуют; князь северных племен пользуется силами последних и подчиняет себе остальные племена на всем огромном пространстве великой восточной равнины. Племена эти, вследствие означенного подчинения, сосредоточения постепенно переходят из родового быта в областной; в городах, вследствие деятельности правительственного начала, вследствие переселений и нового разделения жителей, родовой быт ослабевает. Между тем является новое могущественное начало — церковь; князья северных племен движутся на юг по великому водному пути из Балтийского моря в Черное, утверждают свое пребывание в Киеве, откуда начинаются частые сношения с Византиею; вследствие этих сношений является на Руси христианство, торжествует над язычеством в Киеве и отсюда мало-

помалу распространяется во все стороны. Влияние церкви, духовенства на общественный строй оказывается немедленно, особенно при необходимом столкновении с семейным началом; ясно начинают обнаруживаться действия новой религии в конце периода, когда выступает новое поколение грамотных христиан. Главные условия, которые определяли при этом дальнейший ход русской истории, были, во-первых, природа страны, во-вторых, быт племен, вошедших в состав нового общества, в-третьих, состояние соседних народов и государств. Равнинность страны, а главное, величина и обилие рек условили быстрое очертание огромной государственной области, первоначальные основы которой положены по великому водному пути из Северной Европы в Южную, из Балтийского моря в Черное; путь шел, по выражению летописца, «от Варягов к Грекам»; этим условились два явления, имевшие решительное влияние на жизнь русского общества: от варягов пришло правительственное начало, от греков — христианство. Быт племен родовой условил явления, побудившие к призванию князей, он условил и отношения между призванным началом и призвавшими его, князь мог явиться не иначе, как в значении родоначальника; по отсутствию наследственности родового старшинства в одной линии старшины родов не могли выдвинуться на первый план с ограничивающим княжескую власть значением, и дружина необходимо получает характер только служебный [434]. Природа страны и быт племен условили и особенную форму распространения русской государственной области, именно — колонизацию, которую мы замечаем с самого начала; при этом замечаем также, что движение отправляется преимущественно с севера на юг, замечаем больший прилив жизненных начал на севере: три раза вступает север в борьбу с югом и три раза остается победителем; но север не только дает победу князьям своим над князьями юга, он посылает часть своего народонаселения на постоянную защиту юга от степных варваров. Третьим главным условием, определившим изначала ход русской истории, назвали мы отношения к соседним государствам и народам. Русское государство образовалось на девственной почве, на которой история, цивилизация другого народа не оставила никаких следов; никаких преданий, никаких учреждений не досталось в наследство юному русскому обществу, которое должно было начать свою историческую жизнь с одними собственными средствами. Но при таких обстоятельствах важно было то, что новорожденное общество, находясь на краю восточной Европы, вследствие отдаленности, уединения своего, избегло чуждых сильных влияний со стороны народов, поставленных в более благоприятные обстоятельства относительно гражданственности. Западные славянские государства основались также на девственной почве, но они немедленно должны были

подчиниться влиянию чужого племени, германского, которое действовало с помощью римских начал, усвоенных им на почве Империи. Это могущественное влияние чуждой народности, против которого славянская народность не могла выставить сильного сопротивления, нанесло при самом начале решительный удар самостоятельности западных славян во всех отношениях, при самом начале условило их будущую судьбу. Но влияние германского племени прекратилось Польшею, не могло достигнуть России вследствие самой ее отдаленности, уединения; свободная от влияния чуждых племен, Русь могла сохранить свою славянскую народность; она приняла христианство от Византии, которая вследствие этого обнаружила сильное влияние на жизнь юного русского общества, но это влияние не было нисколько вредно для славянской народности последнего, потому что Восточная империя по самой слабости своей не могла насильственно втеснять русскую жизнь в формы своего быта, навязывать русским свой язык, высылать к ним свое духовенство, свои колонии; византийская образованность действовала не чрез свой собственный орган, но чрез орган русской народности, чрез русский язык, и таким образом вместо утушения, содействовала только к утверждению славянской народности на Руси; Греция обнаруживала свое влияние на Русь не во столько, во сколько сама хотела обнаружить его, но во столько и в таких формах, в каких сами русские хотели принимать ее влияние; ни светская, ни духовная власть Восточной империи не могли иметь решительного влияния на явления древней русской жизни, не могли выставить начала, равносильного господствовавшим в ней началам, которые потому и развивались свободно и независимо; византийские государственные понятия, проводимые на Руси чрез духовенство, могли только тогда способствовать окончательному сокрушению некоторых форм жизни, когда эти формы были уже решительно поколеблены вследствие внутренних причин. Безопасная от насильственного влияния империй Римско-Греческой и Римско-Германской, древняя Русь была безопасна от насильственного влияния и других соседних народов: Польша и во времена могущества своего постоянно сдерживалась Западом, принуждена была постоянно смотреть в ту сторону, притом же силы двух юных государств были одинаковы. Польше не удалось утвердить своего влияния на востоке и при Болеславе Храбром, тем менее она могла иметь средств к тому после его смерти. Дикие литовцы и ятвяги могли только беспокоить русские границы своими набегами. В Швеции вследствие появления там христианства началось разложение древних языческих форм жизни, сопровождаемое внутренними волнениями, уничтожившими для народа и князей его возможность действовать наступательно на соседние страны. С Востока, от

степей Азии, нет так же сильных напоров, могущих вырвать с корнем основы новорожденного общества, как некогда наплыв гуннский уничтожил в этих странах владение готов. Так с самого начала уже оказывалось, что из всех славянских государств одному русскому суждено было самостоятельное существование в Европе.

В заключение мы должны обратиться к вопросу, который так долго господствовал в нашей исторической литературе, именно к вопросу о норманском влиянии. Участие скандинавских племен, или варягов, в начальном периоде нашей истории, несомненно, ясно с первого взгляда. Первоначально областью Русского государства был путь от варягов в Грецию и бесспорно, что этот путь открыт варягами задолго до половины IX века; бесспорно также, что явление, знаменующее в истории Северо-Восточной Европы половину IX века, соединение северных племен славянских и финских под одну власть, произошло вследствие столкновения этих племен с племенем скандинавским вследствие владычества варягов в этих странах. Первые призванные князья были из рода варяжского, первая дружина состояла преимущественно из их соплеменников; путем варяжским движутся северные князья на юг; в борьбе с югом, с греками, восточными степными варварами, Польшею русские князья постоянно пользуются варяжскою помощию; варяги — первые купцы, первые посредники между Северною и Южною Европою и Азиею, между славянскими племенами и греками, они же главным образом посредничают и при введении христианства в Русь. Но при этом должно строго отличать; влияние народа от влияния народности: влияние скандинавского племени на древнюю нашу историю было сильно, ощутительно, влияние скандинавской народности на славянскую было очень незначительно. При столкновении двух народов, при определении степени их влияния одного на другой должно обратить прежде всего внимание на следующие обстоятельства: один народ господствует ли над другим, один народ стоит ли выше другого на ступенях общественной жизни, наконец, формы быта одного народа, его религия, нравы, обычаи резко ли отличаются от форм быта другого, религии, нравов, обычаев?

Мы видим, что у нас варяги не составляют господствующего народонаселения относительно славян, не являются как завоеватели последних, следовательно, не могут надать славянам насильственно своих форм быта, сделать их господствующими, распоряжаться как полновластные хозяева в земле. Мы видим, что при Владимире в советах о строе земском подле бояр являются старцы, следовательно, если мы даже предположим, что сначала, тотчас после призвания, дружина преимущественно состояла из варягов, то ее влияние

не могло быть исключительно, потому что перевешивалось влиянием старцев, представителей славянского народонаселения; что было в стольном городе княжеском, то самое должно было быть и в других городах, где место князя занимали мужи княжие. Варяги, составлявшие первоначально дружину князя, жили около последнего, так сказать, стояли подвижным лагерем в стране, а не врезывались сплошными колониями в туземное народонаселение; многие из них оставались здесь навсегда, женились на славянках, дети их были уже полуварягами только, внуки — совершенными славянами.

Варяги не стояли выше славян на ступенях общественной жизни, следовательно, не могли быть среди последних господствующим народом в духовном, нравственном смысле; наконец, что всего важнее, в древнем языческом быте скандинаво-германских племен мы замечаем близкое сходство с древним языческим бытом славян; оба племени не успели еще выработать тогда резких отмен в своих народностях, и вот горсть варягов, поселившись среди славянских племен, не находит никаких препятствий слиться с большинством.

Так должно было быть, так и было. В чем можно заметить сильное влияние скандинавской народности на славянскую? В языке? По последним выводам, добытым филологиею, оказывается, что в русском языке находится не более *десятка* слов происхождения сомнительного или действительно германского [435]. После того как древнейший памятник нашего законодательства, так называемая Русская Правда, сличена была с законодательными памятниками других славянских народов, не может быть речи не только о том, что Русская Правда есть скандинавский закон, но даже о сильном влиянии в ней скандинавского элемента. Даже те исследователи — юристы, которые предполагают несколько значительное влияние скандинавского элемента в Русской Правде, видят, однако, в последней собрание обычаев преимущественно славянских и частью только германских [436]. Но для ясного понимания событий первого периода нашей истории мало еще определить, что степень влияния народности пришлого элемента на народность туземного была незначительна; нужно тотчас же обратить вопрос и следить, какому влиянию с самого начала стал подвергаться пришлый элемент от туземного, от новой среды, в которой он нашелся, надобно следить за обоими элементами в их взаимодействии, а не брать каждый порознь, заставляя их действовать от начала до конца в полной особности с их первоначальным, чистым характером, какой они имели до своего соединения. Если Рюрик был скандинав, морской король, то следует ли отсюда, что внуки и правнуки его, князья многих племен, владельцы обширной страны, должны также носить характер морских

королей? Разве новая среда, в которой они стали вращаться, нисколько не могла содействовать к изменению их характера? Говорят, что наши князья, от Рюрика до Ярослава включительно, были истые норманны, но в чем же состоит их норманство? В том, что они обнаруживают завоевательный дух? Но таким духом обыкновенно отличаются князья новорожденных обществ: одновременно с Русским образуется другое славянское государство — Польское; первые Пясты — не норманны, несмотря на то, они обнаруживают свою деятельность тем же, чем и первые Рюриковичи — распространением первоначальной области посредством завоевания. Первые Рюриковичи обнаруживают свое норманское происхождение, быть может, тем, что совершают походы преимущественно водою, на лодьях? Но причина этого явления заключается не в норманском происхождении князей, а в природе страны, малонаселенной, покрытой непроходимыми лесами, болотами, в которой, следовательно, самый удобный путь был водный; дружины, распространявшие русские владения за Уральским хребтом в XVII в., не были норманны, но по природе страны действовали так же, как последние; совершали свои походы водным путем. Обычай наших князей ходить на полюдье не есть норманский, он необходим во всех новорожденных обществах: так, мы видим его и в Польше. Военное деление на десятки, сотни и т. д. есть общее у народов различного происхождения. Дружинная жизнь не есть исключительная принадлежность германского племени: Болеслав польский живет с своею дружиною точно так же, как Владимир русский с своею.

Сделавши всех первых князей наших морскими королями, назвавши их всех истыми норманнами, определивши, таким образом, их общий характер, точку зрения на них, исследователи необходимо должны были оставить в стороне их главное значение относительно той страны, относительно тех племен, среди которых они призваны были действовать, должны были оставить в стороне различие характеров каждого из них и какое влияние это различие производило на судьбу страны. Обратив преимущественно внимание на элемент пришлый, на варягов, из характера их отношений к князю и Земле исключительно старались определить главный характер нашей истории, позабыв, что характер дружины условился отношениями призванных князей к призвавшему народонаселению и что эти отношения условились бытом последнего. Утверждая, что у нас имело место призвание, а не завоевание, не заметили противоречия, когда варягам дали характер завоевательный, заставив все явления отражать на себе исключительно их народность, заставив действовать одно пришлое начало, поразив совершенным бездействием туземное. Таковы вредные следствия того одностороннего взгляда,

по которому варяги были исключительными действователями в начальном периоде нашей истории [437].

Но если влияние норманской народности было незначительно, если по признанию самых сильных защитников норманства влияние варягов было более наружное, если такое наружное влияние могли одинаково оказать и дружины славян поморских, столько же храбрые и предприимчивые, как и дружины скандинавские, то ясно, что вопрос о национальности варягов — руси теряет свою важность в нашей истории.

ПРИМЕЧАНИЯ к I тому

[1] Полное собрание русских летописей, т. I, стр. 9: «И раздая (Рюрик) мужем своим волости и городы рубити». Там же, стр. 10: «Се же Олег нача городы ставити». Там же: «И нача (Владимир) ставити городы по Десне, и по Востри, и по Трубежеви, и по Суле, и по Стугне; и нача нарубати мужи лучьшие от Словен, и от Кривичь, и от Чюди, и от Вятичь, и от сих насели грады»; стр. 65: «Ярослав польскими пленниками населяет места по реке Рси»; стр. 113: Василько хочет покорить болгар дунайских и посадить их у себя [1]. История Российская Татищева, кн. III, стр. 76: «Зачал (Юрий) строить во области своей многие города.., созывая людей отовсюда, которым не малую ссуду давал, и в строениях и другими подаяниями помогал, в которые приходя множество болгар, мордвы, венгров, кроме русских, селились, и пределы яко многими тысячи людей наполняли» [2]. Новым поселенцам везде давались большие льготы, см. Акты Истор., I; № 13, 25, 28, 36, 49, 81, 88 и проч. [3]

[2] Herodot Halic, l. IV, c. 82 [4].

[3] Полн. собр. русск. летоп., I, стр. 118: «Ярослав же стояше на Медведици в сторожих» [5]. Ярослав Святославич должен был сторожить границу Ростовской области от прихода Мстислава новгородского.

[4] См. сводную Новгородскую грамоту в моем исследовании. Об отношениях Новгорода к великим князьям: «А что ти, княже, пошло на Торжку и на Волоце тивун свой дьржати, на своей чясти дьржати; а Новгородьц на своей чясти дьржати» [6].

[5] Легко заметить, что первоначальная граница Новгородской и Ростовской области именно шла по водоразделу между Мстою, Тверцою, Медведицею и Мологою и что движение, переход новгородского народонаселения и владений в область Волги совершился с северо-запада, там, где волоки так ничтожны, между Пашею, Соминою, Сясью. Движение шло Чагодощею и потом Мологою вверх до водораздела и вниз до Весьегонска.

---

[1] Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ), т. I, Спб. 1846, стр. 9, 10(52), 65, 113. См. также ПСРЛ, т. I, вып. 1, Л. 1926, стб. 20, 23—24, 121, 150, 266.

[2] *В. Н. Татищев,* История Российская с самых древнейших времен, т. III, М. 1773, стр. 76.

[3] Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею, т. I, Спб. 1841, № 13, 25, 28, 36, 49, 81, 88 и пр.

[4] *Геродот Галикарнасский,* IV, 82. См. *В. В. Латышев,* Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе, т. I, вып. I, Спб. 1890, стр. 36; «Вестник древней истории» (далее — ВДИ), 1947, № 2, стр. 274.

[5] ПСРЛ, т. I, стр. 108. См. также ПСРЛ, т. I, вып. 1, 1926, стб. 238.

[6] *С. М. Соловьев,* Об отношении Новгорода к великим князьям, М. 1846, стр. 134.

На эти границы областей всего лучше указывают границы новгородского наречия.

[6] См. ниже в главе о финнах.

[7] См. Ходаковского «Пути сообщения в древней России» (Русский Исторический Сборник, т. I, стр. 13 и след.) [1].

[8] Воскресен. летоп., год 1021 [2]. Впрочем, после, при ослаблении полоцких князей, Витебск подпадал опять власти Ростиславичей.

[9] Полн. собр. русск. летоп., т. II, стр. 7: «Приходи Володимир (Мономах) на Глеба (князя минского): Глеб бо бяше воевал Дреговичи и Случеск пожег» [3].

[10] Как видно, до впадения в Буг реки Нура на севере.

[11] Г. Погодин (Розыск. о гор. и пред. древн. русск. княж. Ж. М. В. Д.) [4] несправедливо отчисляет Курск к Переяславскому княжеству: этот город был при великих князьях Мстиславе и Ярополке Владимировичах только во временном владении у Мономаховичей, прежде же и после принадлежал черниговским Ольговичам. Время, в которое овладели Мономаховичи Курском и другими посемскими городами, означено в Лаврентьевском списке, стр. 130: «Мстислав же с Ярополком совокуписта вое, хотяще ити на Всеволода (Ольговича черниговского) про Ярослава; и Всеволод послася по Половце. И приде их 7 тысящь с Селуком (и с Ташем), и сташа у Ратьмире Дубровы за Вырем. Послали бо бяхуть послы ко Всеволоду, и не пропустиша их опять, Ярополчи бо бяхуть посадници по всей Семи, и Мстиславича Изяслава посадил Курьске» [5]. Потом, когда начались усобицы между Мономаховичами, Ольговичи, пользуясь случаем, стали требовать у Ярополка Курска и посемских городов (Ипатьев, 13): «Ольговичи начаша просити у Ярополка: что ны отець держал при вашем отци, того же и мы хочем» [6]. Ярополк, проиграв Супойскую битву, принужден был уступить Ольговичам требуемое; что здесь дело шло именно о Курске с Посемьем, доказывает то, что с этих пор Курск находится во власти черниговских князей; так, в Новгор., 1-й, стр. 7 читаем: «Святослав Ольговичь съвкупи всю землю Новгородскую, и брата своего приведе Глеба, *Куряны* с Половци» [7]; в Ипатьев, стр. 17: «Иде Святослав Курьску» [8]. Что Курск с Посемьем принадлежал Ольговичам, свидетельствует также следующее место (Ипатьев, 45): «И посла (Юрий Долгорукий) по Володимира по Давыдовича Чернигову, и приеха Володимир к Гюргеви и поклонися ему и Святослав Ольговичь нача ему молвити: «держиши *отчину мою*, и тогда взя Курск и с Посемьем» [9]. См. в моем сочин. История отношений между русскими князьями Рюрикова дома, стр. 144, 145, примеч. [10] После г. Погодин (И. З. и Л. Т IV, стр. 441) [11] старался доказать принадлежность Курска к Переяславскому княжеству известием под 1096 годом, что Изяслав Владимирович Мономашич пришел в Муром из Курска; но из ближайшего рассмотрения обстоятельств открывается, что Изяслав должен был занять Курск, волость Святославичей точно так же, как занял Муром, потому что, по известию Татищева (II, 157), он был выгнан Давыдом Святославичем из Смоленска [12]; в таком случае, разумеется, он должен был броситься на волости Святославичей, сперва на Курск, потом на Муром. Я не могу, как

---

[1] *З. Ходаковский,* Пути сообщения в древней России. Русский Исторический Сборник, т. I, кн. 1, М. 1837, стр. 13 и след.

[2] ПСРЛ, т. VII, Спб. 1856, стр. 328 (под 1020 г.).

[3] ПСРЛ, т. II, Спб. 1843, стр. 7. См. также ПСРЛ, т. II, 1908, стб. 282.

[4] *М. П. Погодин,* Розыскания о городах и пределах древних русских княжеств с 1054—1240 гг., «Журнал Министерства внутренних дел», ч. 24, Спб. 1848, стр. 96—97.

[5] ПСРЛ, т. I, стр. 130. См. также ПСРЛ, т. I, вып. 1, 1926, стб. 296.

[6] ПСРЛ, т. II, Спб. 1843, стр. 13. См. также ПСРЛ, т. II, Спб. 1908, стб. 296.

[7] ПСРЛ, т. III, Спб. 1841, стр. 8.

[8] ПСРЛ, т. II, стр. 17. См. также ПСРЛ, т. II, 1908, стб. 309.

[9] ПСРЛ, т. II, стр. 45. См. также ПСРЛ, т. II, 1908, стб. 384.

[10] *С. М. Соловьев,* История отношений между русскими князьями Рюрикова дома, М. 1847, стр. 144, 145.

[11] *М. П. Погодин,* Исследования, замечания и лекции о русской истории. Период удельный (1054—1240), т. IV, М. 1850, стр. 441.

[12] *В. Н. Татищев,* История Российская ., т. II, М. 1773, стр. 157,

делает г. Погодин, допустить, чтобы на Любечском съезде могли быть еще какие-нибудь другие распоряжения, кроме означенных в летописи, ибо основанием распорядка прямо поставлены отчинность и распоряжения великого князя Всеволода, и если Курск отдан был тогда Святославичам, то ясно, что он их отчинный город, иначе это прямо противоречило бы основанию распорядка; за Смоленск Курска давать было также не для чего, ибо Смоленск переходил к Мономаху, как отцовский город, на основании распорядка; вознаграждать Олега было также не для чего, потому что, побежденный, лишенный всех своих волостей, князь доволен был и тем, что его вводили в отцовское владение.

[12] Великий, в отличие от Малого Ростова, или Ростовца. См. Полн. собр. русск. летоп., т. I, стр. 75[1].

[13] П. с. р. летоп., т. I, стр. 75[1].

[14] От северной части Среднего Урала к северо-западу, между источниками Печоры и притоками Верхней Камы, идет холмистая страна, которая называется *Увалами*. Увалы разделяются на две части — западную и северную. Северная тянется к северо-западу, разделяет две речные системы — Печоры и Двины, и теряется в болотах у Ледовитого океана. Западная часть Увалов идет между истоками Печоры и Камы, разделяет область Северной Двины от области Верхней Волги и тянется на сто миль к западу между городами Вологдою — на севере и Костромою с Ярославлем — на юге. Увалы простираются до Белоозера, потом поворачивают к юго-западу и на юго-востоке от Новгорода примыкают к Валдайским возвышенностям.

[15] Из рязанских городов на донской системе до половины XIII века упоминается только Воронеж под 1177 годом; но сомнительно, упоминается ли здесь город: в Лаврентьевском списке стоит: «Ехавше (рязанцы) в Вороножь»[2]; но в древнейшем Ипатьевском: «Ехавше Воронажь»[3]: неизвестно, следовательно, какой предлог был в подлиннике — в или на, причем последний означал бы только реку Воронежь, на которой князь Ярополк мог стоять с рязанским отрядом для наблюдения за половцами, тем более что для означения движения к городу употребительнее был местный падеж без предлога: «Ехавше Воронажю». В конце XIII века упоминаются на донской системе два княжества, принадлежавшие Святославичам черниговским.

[16] Ливны, Лебедянь, Елец, Воронеж называются в XVII веке степными, или *польскими* городами.

[17] Говоря о важном значении рек в нашей истории, мы должны заметить еще одно обстоятельство, а именно, что реки, теперь мелководные и несудоходные, в древности были многоводны и способны к судоходству; так, напр., Стугна, теперь небольшая река в 60 верст длины, впадающая в Днепр с правой стороны у Триполя, в настоящее время совершенно несудоходна, но прежде была очень важна: по ней св. Владимир строил города и в ней находят остатки больших судов. И в других малороссийских реках, которые теперь несудоходны, находят остатки больших судов из глубокой древности, напр. в Суле, Ворскле, Хороле и других. Утверждают, что река Трубеж в продолжение тридцати пяти лет пересохла на десять верст; в Трубеже также находят остатки больших судов, хотя теперь эта река и несудоходна.

[18] Geographie der Griechen und Römer von F. A. Ukert, III, 18[4].

[19] Геродот, IV, 12, 13[5].

[20] Полн. собр. р. летоп., I, стр. 107: «Се же хощю сказати, яже слышах преже сих 4 лет, яже сказа ми Гюрятя Роговичь Новгородець, гляголя сице: яко послах отрок свой в Печеру, люди, яже суть дань дающе Новугороду;

[1] ПСРЛ, т. I, стр. 75. См. также ПСРЛ, т. I, вып. 1, 1926, стб. 174.
[2] ПСРЛ, т. I, стр. 163. См. также ПСРЛ, т. I, вып. 1, 1926, стб. 385.
[3] ПСРЛ, т. II, стр. 119. См. также ПСРЛ, т. II, 1908, стб. 606.
[4] *F. A. Ukert*, Geographie der Griechen und Römer von frühenden Zeiten bis auf Ptolemaus, Bd III, Weimar 1846, S. 18.
[5] См. *В. В. Латышев*, Известия.., т. I, вып. 1, стр. 171—178; ВДИ, 1947, № 2, стр. 261.

и пришедшю отроку моему к ним, и оттуду иде в Югру. Югра же людье есть язык нем, и седять с Самоядью на полунощных странах. Югра же рекоша отроку моему: дивьно мы находим чюдо, его же несмы слышали преже сих лет; се же третье лето поча быти. Суть горы зайдуче луку моря, им же высота, яко до небесе, и в горах тех кличь велик и говор, и секуть гору, хотяще высечися; и в горе той просечено оконце мало, и туде молвять, и есть не разумети языку их, но кажуть на железо и помовають рукою, просяще железа; и аще кто даст им нож ли или секиру, дають скорою противу» [1].

[21] Ukert, III, 28. В Афинах был полицейский отряд из скифов [2].

[22] Ap. Athen., I, p. 6 [3].

[23] XI, 493 [4].

[24] ...regio, pars ultima mundi, quam fugere homines Dique. Ovid. Trist. IV, 4, 38 [5].

[25] См. книгу IV вообще [6].

[26] Что касается хронологии Геродота, то на нее нельзя обращать большого внимания (см. Ukert, 5, 268).

[27] Strabo, VII, 306 [7].

[28] Диодор Сицилийский говорит (II, 43), что сарматы были мидийская колония, выведенная скифскими царями на берега Дона [8]. Плиний (Hist. nat., VI, с. 7, § 19) подтверждает это известие — Sarmatae Medorum, ut ferunt, soboles [9]. Бёк подтверждает это теперь лингвистически. Inscript. Gr. II, pars XI, p. 110 [10].

[29] Dionis Chrysostomi Orationes LXXX [11].

[30] Грот в своей греческой истории (History of Greece, vol. IV, p. 362) произнес, думаем, вполне верное суждение об этом походе в следующих словах: Here (на берегах Дуная) we reenter the world of reality at the north bank of Danube, the place where we before quitted it all that is reported to have passed in the interval, if tried by the teste of historical matter of fact, can be received as nothing better than a perplexing dream. It only acquires value when we consider it as an illustrative fiction, including doubtless, some unknown matter of fact, but framed chiefly to exhibit in action those unattackable Nomads who formed the northeastern barbarous world of a Greek, and with whose manner Herodotus was profoundly struck. The protracted and unavailing chase ascribed to Darius who can neither overtake his game nor use his arms and who hardly even escapes in safety embodies in detail this formidable attribute of the Scythian Nomads. That Darius actually marched into country, there can be no doubt. Nothing else is certain, except his ignominious retreat out of it to the Danube; for of the many different guesses. By which critics have attempted to cut down the gigantic sketch of Herodotus in to a march with definite limits and direction, not one rests upon any positive grounds, or carries the least conviction. We can trace the pervading idea in the mind of the historian, but cannot find out what were his substantive data» [12].

---

[1] ПСРЛ, т. I, стр. 107. См также ПСРЛ, т. I, вып. 1, 1926, стб. 234.

[2] *F. A. Ukert,* Geographie der Griechen und Römer., Bd. III, S. 28.

[3] Аристотель у Афинея. (Athen., Epit., I, p. 6d.) См. *В. В. Латышев,* Известия.., т. I, вып. 1, Спб. 1890, стр. 383; ВДИ, 1947, № 2, стр. 330.

[4] *Страбон,* География XI, 493. См. *В. В. Латышев,* Известия., т. I, вып. 1, стр. 130; ВДИ, 1947, № 2, стр. 261.

[5] *Овидий Назон.* Печальные песни, IV, 4. 38. См. *В. В. Латышев.* Известия.., т. II, вып. 1, Спб. 1904, стр. 85; ВДИ, 1949, № 4, стр. 233.

[6] *Геродот IV,* См. *В. В. Латышев,* Известия.., т. I, вып. 1, стр. 10—55; ВДИ, 1947, № 2, стр. 257—286.

[7] *Страбон,* География, VII, 306. См. *В. В. Латышев,* Известия.., т. I, вып. 1, стр. 166—168; ВДИ, 1947, № 4, стр. 200—201

[8] *Диодор Сицилийский,* Библиотека, II, 43. См. *В. В. Латышев,* Известия.., т. I, вып. 2, стр. 458—459; ВДИ, 1947, № 4, стр. 250—251.

[9] *Плиний,* Естественная история, VI, 7, 19. См. *В. В. Латышев,* Известия , т. II, вып. 1. Спб. 1904, стр. 176; ВДИ, 1949, № 2, стр. 293.

[10] *A. Boeck,* Corpus Inscriptionum, Graecarum, v. II, p. XI, Berolini 1843, p. 110

[11] *Дион Хризостом,* Речи. Борисфенитская речь (XXXVI) См. *В. В. Латышев.* Известия, т. I, вып 1, стр. 171—178; ВДИ, 1948, № I, стр. 228—233.

[12] *G. Grote,* History of Greece, v. IV, N. Y. 1872, p. 268.

[31] См. Шафар. Слав. Древн. перевод О. Бодянского, т. 1, кн. 1, стр. 104[1].

[32] Полн. собр. русск. лет., I. 3: «По мнозех же времянех сели суть Словени по Дунаеви, где есть ныне Угорьска земля и Болгарьска. От тех Словен разидошася по земле и прозвашаяся имены своими, где седше на которем месте: яко пришедше седоша на реце именем Морава, и прозвашася Морава: а друзии Чеси нарекошася; а се тиже Словени Хровате Белии, и Сербь, и Хорутане. Волхом бо нашедшем на Словени на Дунайские, седшем в них и насидяшем им, Словени же они пришедши седоша на Висле и прозвашася Ляхове, а от тех Ляхов прозвашася Поляне, Ляхове друзии Лутичи, ини Мазовшане, ини Поморяне. Также и ти Словени пришедше и седоша по Днепру»[2] и проч.

[33] Plinii Hist. Nat., l. IV, c. 7; Taciti Germ[3].

[34] Ptolem. Geogr l. III, c. 5; l. V, c. 9. Marciani peripl in Geogr veter. script. graec. minor. ed. Hudson I. 54—57[4].

[35] De Gethar. orig. et reb. ges. c. 5[5].

[36] Procop. Caesariensis, de bello Gothico, l. III, c. 14; I. IV, c. 4, 5[6].

[37] Полн. собр. русск. лет. I, 3[7].

[38] Там же, стр. 5[8].

[39] Там же.

[40] Там же, стр. 4: «Ини же не сведуще рекоша, яко Кий есть перевозник был: у Киева бо бяше перевоз тогда с оноя стороны Днепра, тем глаголаху: на перевоз на Киев»[9]. Мы не решаемся ничего сказать о слове Киев; заметим только на счет производства Щековицы и Хоревицы: Щек, отсюда Щекова (гора) и отсюда уже Щековица; по этому же образцу должно быть производимо и слово Хоревица: Хорь, Хорева, Хоревица, но *Хор* напоминает божество Хорса.

[41] Там же.

[42] Шафар. Слов. Древн. II, 1, стр. 184, 185[10].

[43] Зябловского — Землеопис. Росс. Импер. III, 37[11]. — Сходство имени кривичей с именем литовского первосвященника Криве есть случайное и не может вести ни к каким сближениям. Литовское kirba — топь, трясина. Отсюда, вероятно, произошло название кривичей. Летописец говорит: «разидошася по земле и прозвашася имены своими, где седше на котором месте»[12]. Стало быть дреговичи и кривичи получили название свое от местности, ими занятой. Местность эта и теперь обильна топями, трясинами, а топь, трясина называется в Западной России *дрегва, дрягва,* по-литовски kirba. Записка Микуцкого в Известиях II. Отдел. импер. Академии наук, лист 7-й[13].

[44] Нельзя согласиться с Шафариком, который непременно хочет поместить между русскими славянами сербов, основываясь на свидетельстве Константина Порфирородного; но очевидно, что Ἑλέβοι Константина суть северяне, ибо как предположить, чтоб наш летописец ничего не знал о сербах, а Константин о северянах? — Ясно, что Константин, зная также о сербах, как о славянском племени, по легкости и созвучию слова назвал

---

[1] *П. Шафарик,* Славянские древности, перевод И. Бодянского, т. I, кн. 1, М. 1848, стр. 104.

[2] ПСРЛ, т. I, стр. 3. См. также ПСРЛ, т. I, вып. 1, 1926, стб. 5—6.

[3] *Плиний,* Естественная история, IV, 13; VI, 7. См. *В. В. Латышев,* Известия.., т. II, вып. I, Спб. 1904, стр. 176; ВДИ, 1949, № 2, стр. 285, 293; *Тацит.* Германия. См. *В. В Латышев,* Известия, т. II, вып. 1, стр. 250; ВДИ, 1949, № 3, стр. 222.

[4] *Птоломей,* Географическое руководство, III, 5; V; 9. См. *В. В. Латышев,* Известия.., т. I, вып. I, стр. 231, 239; ВДИ, 1948, № 2, стр. 232—239, 243—250.

[5] Jordanis Romana et Getica, Monumenta Germaniae Historica (далее — MGH), auctorum antiquissimorum, t. V, p. 1, Berolini 1882, c. V, p. 62—66. См. также ВДИ, 1941, № 1, стр. 232.

[6] *Прокопий из Кесарии.* Война с готами, М. 1950, стр. 294—298, 383—389.

[7] ПСРЛ, т. I, стр. 3. См. также ПСРЛ, т. I, вып. 1, 1926, стб. 6.

[8] ПСРЛ, т. I, стр. 5. См. также ПСРЛ т. I, вып 1, 1926, стб. 10, 12.

[9] ПСРЛ, т. I, стр. 4. См. также ПСРЛ, т. I, вып. 1, 1926, стб. 9—10.

[10] *П. Шафарик,* Славянские древности, т. II, кн. 1, М. 1848, стр. 184—189.

[11] *Е. Ф. Зябловский,* Землеописание Российской империи, т. III, Спб. 1810, стр. 37.

[12] ПСРЛ, т. I, стр. 3. См. также ПСРЛ, т. I вып. 1, 1926, стб. 6.

[13] *С. П. Микуцкий,* Записка «Известия II Отделения императорской Академии наук», т. I, Спб. 1852, л. 7, стб. 111.

этим именем наших северян. Шафарик говорит: « Ἐρβῖοι не были и не могут быть иным народом, как только сербами». Но если так, то и Константинов *Милиниска* не может быть другим городом, как только Милинскою, тогда как мы знаем, что это — Смоленск.

[45] Никон. лет. I, 41: «И бе у него (у Игоря) воевода именем Свентеад, и премучи Угличи, и возложи на ня дань Игорь, и да де Свентеаду: и не дадеся ему един град именем Пересечен, и седе около его три лета, и едва взят его. И беша седяще Угличи по Днепру вниз, и посем придоша межи воин дестр, и седоша тамо»[1]. — Г. Надеждин (Записки Одес. истор. общ. I, стр. 235), нашедши в Бессарабской области, в Оргеевском уезде, деревню Пересачени или Пересечену, думает, что отыскал место жительства древних угличей или уличей; он основывается на том, что берег Черного моря, между устьями Днепра и Дуная, представляет своею географическую фигурою настоящий угол и даже доныне называется Углом по преимуществу: турецко-татарское имя Буджак, которое означает теперь всю нижнюю или степную часть Бессарабской области, значит именно угол; славянские туземцы называли это место Углом еще в VII веке, по свидетельству византийцев. Для объяснения приведенного известия о приднепровских жилищах угличей г. Надеждин прибегает к следующему предположению (стр. 253): «Угличи были жители нынешней Бессарабии, именно нижней, степной ее части, называвшейся углом. Но, подобно своим преемникам — печенегам, половцам и татарам, они не ограничивались этим углом, они простирались по Днестру и за Днестр далеко в глубь степей, до Буга по крайней мере, как указывает ясно летописец. Но Буг, как известно, соединяется с Днепром, следовательно, справедливы слова рассматриваемого нами места, что они «беша седяше вниз по Днепру», где их должны были в первый раз заметить киевские руссы, путешествовавшие Днепром до Греции»[2]. Но, не прибегая к предположениям, вспомним, что в старину изгибы морских берегов, заливы, лиманы обыкновенно назывались *луками* или углами, *лукоморьем*, так, напр., лукоморские половцы суть приморские половцы, следовательно, под именем угличей разумелось племя, жившее в лукоморье, у морского залива, будь то в низовьях Днепра или другой какой-нибудь реки; что угличи были именно лукоморские жители, на это указывает другая форма их имени — *улучи*, как читается в Лаврентьевском списке. — Г. Надеждин понимает приведенное место о бегстве угличей с Днепра на Днестр так: «И беша седяще Угличи по Днепру вниз (до нашествия печенегов, бывшего при Олеге) и посем преидоша вежи свои (т. е. передвинули свои вежи, свои жилища) на Днестр и седоша тамо»[3]. — Но такое толкование нам кажется слишком вольно: из слов летописца нельзя предположить никакого печенежского движения, бывшего причиною переселения угличей с Днепра на Днестр; он прямо говорит, что угличи были примучены Свенельдом и осаждены в Пересечене, по взятии которого они удалились за Днестр и поселились там. — Для соображения при именах *улучи* и *тиверцы* г. Микуцкий сообщил мне литовские слова: *ула* — скала и *тирай* — степь.

[46] Полн. собр. р. лет., I, 4[4].

[47] Семья (от со-имаю) означала первоначально *жену, супругу* (со-прягаю, со-имаю), потом уже стала означать и происшедших от супружества, живущих вместе; жены в письмах к мужьям обыкновенно подписывались: семьица твоя такая-то: *семьяниться* значило *соединяться;* в крестоприводных грамотах налагается обязанность не семьяниться ни с кем на государя.

[48] «Изъбрашася три братья с роды своими», т. е. родственниками своими[5].

---

[1] Русская летопись по Никонову списку, ч. I, Спб. 1767, стр. 41. См. также ПСРЛ, т. IX, Спб. 1862, стр. 26.

[2] *Н. И. Надеждин,* О местонахождении древнего города Пересечена, «Записки Одесского общества истории и древностей», Одесса, 1844, стр. 235, 253.

[3] ПСРЛ, т. V, Л. 1925, стр. 24.

[4] ПСРЛ, т. I, стр. 4. См. также ПСРЛ, т. I, вып. 1, 1926, стб. 9.

[5] ПСРЛ, т. I, стр. 8. См. также ПСРЛ, т. I, вып. 1, 1926, стб. 20.

[49] Полн. собр. русск. лет., I, 10: «Приплу под Угорское (Олег), похоронив вои своя, и присла ко Аскольду и Дирови, глаголя: «яко гость есмь, идем в Греки от Олга и от Игоря княжича; да придета к нам к родам своим» [1].

[50] От рода Русского, от рода Варяжска.

[51] См. Исследов. А. Тюрина: Общественная жизнь и земские отношения в древней Руси, стр. 28 [2].

[52] Слово *князь* или *конязь* происходит от корня к о н, предел, граница, вершина, начало; корень же к о н есть санскритский — *джан* — рождать, и князь в санскрит[ском] имеет себе соответственные: *джанака, джанатри,* откуда латинское genitor (см. исследов. Ф. Буслаева о влиянии христ. на слав. яз., стр. 164) [3]. — Отсюда древнее название новобрачных *князь* и *княгиня,* потому что, вступая в брак, они становятся домовладыками, начальниками особого, имеющего произойти от них рода. Что старшины родов назывались у нас до прихода варягов князьями, о том есть ясное свидетельство у летописца, напр.: «Се Кий княжаше в роде своем. И по сих братьи держати начаша род их княженье в Полях». Или: «Наши князи добри суть, иже распасли суть Деревьску землю» [4]. Слово *князь* имеет значение родовое, означает старшего в роде, родоначальника, отца *семейства.* Этим *лексиконным* определением слова некоторые возражатели воспользовались для того, чтоб обвинить меня в смешении рода и семьи. Но прежде под предлогом смешения возражатели должны были объявить непозволительным всякое объяснение слова сопоставлением нескольких близких друг к другу по значению слов. Если б означенное лексиконное объяснение слова *князь* было единственным местом, в котором бы я высказал свои понятия о роде, то, конечно, для отстранения всех возможных придирок я изменил бы это место; но если сами возражатели признаются, что в дальнейшем рассуждении моем семья и род различны ясно, то я не считаю себя обязанным делать подобные изменения. Далее у меня сказано: «Правда, что в быте родовом отец семейства есть вместе и правитель, над которым нет высшей власти». Возражатель говорит, что «здесь для устранения противоречия мы должны разуметь под отцом семейства родоначальника; иначе если б над каждым отцом семейства не было высшей власти, то родоначальник, в роде которого должно быть не одно семейство, не имел бы никакого смысла». Но зачем же возражатель не потрудился выписать всей статьи, к которой относится упомянутое место? Тогда бы каждый читатель увидел, что здесь нет ни смешения, ни противоречия, что здесь именно говорится об отце семейства, а не о родоначальнике, об отце семейства, который был правителем внутри собственной семьи, имел право над жизнью и смертью своих детей, право, при пользовании которым над ним не было высшей власти, власти родоначальника. Возражатель имеет свое понятие о родовом быте; он говорит, что «любовь детей к родителям не может явиться во всей чистоте и силе, когда, кроме отца, есть другой, верховный отец, патриарх всего рода». Этого мы уже понять никак не можем, не можем понять, почему дети Мономаха не могли сохранять любви к отцу своему во всей чистоте, когда старшим в роде считался двоюродный дядя их, Святополк Изяславич. По мнению возражателя выходит, что в наших семьях дети не могут как должно любить отца при существовании деда! Так отрешенно от всякой действительности составленные положения рушатся при первом появлении живого события, живых отношений. Так же составилось положение возражателя, что при родовом устройстве, где каждый род живет особо, никакое общее совещание невозможно; из этого положения прямо следует, что между отдельными независимыми государствами невозможно никакое общее

---

[1] ПСРЛ, т. I, стр. 10. См. также ПСРЛ, т. I, вып. 1, 1926, стб. 23.

[2] *А. Тюрин,* Общественная жизнь и земские отношения в древней Руси, Спб. 1850, стр 18

[3] *Ф. И. Буслаев,* О влиянии христианства на славянский язык. Опыт истории языка по Остромирову евангелию, М. 1848, стр 164.

[4] ПСРЛ, т. I, стр. 426. См также ПСРЛ, т. 1, вып. 1, 1926, стб. 10, 56.

совещание, конгресс. Так же составилось положение возражателя, что если предположить сходку в отдельном роде, то родовое устройство уничтожается: мы видим съезды, совещания князей — родичей, принадлежащих к одному роду, — и родовые отношения между ними от того не рушатся.

Для объяснения родового устройства я привел известную чешскую песню о Любушином суде. Возражатель говорит, что здесь «вопрос семейный, а не родовой; на сцене семья, выделившаяся из рода, а рода нет». Умирает отец, оставляет двух сыновей, закон принуждает обоих братьев владеть нераздельно отцовским имуществом, — и здесь возражатель видит вопрос семейный, а не родовой! Что же, по его мнению, будет семья, и что род? До каких пор будет простираться семья, и где должен начинаться род? Если братья по смерти отца составляют семью, а не род, то это все равно, что назвать зеленое желтым и утверждать, что зеленого нет. Возражатель сам чувствовал невыгоду своего положения и потому должен был прибегнуть к натяжке. «Речь идет о том, говорит он, что все дети наследуют отцу и что в *первую минуту наследования* они все вместе владеют наследством, что потом не мешало им после выделяться». Но откуда взялась *эта первая минута?* Где о ней говорится? За натяжкою следует неправильное толкование текста песни: возражатель говорит, что Любуша предлагает им общее владение или разделение поровну — оба по старому закону, закону векожизненных богов; но Любуша говорит: «решите: по закону богов владеть им сообща наследством или разделиться поровну?» Если старый закон говорил и то и другое, то нечего было бы и решать, а просто отдать на выбор тяжущимся; Любуша должна была бы сказать тогда только: «вот что говорит закон!» Ясно, что Снем не имел права одному положению закона давать преимущество перед другим, когда оба предлагались на выбор. Кроме старого закона, Любуша придумала еще новое средство решить спор ровным разделением наследства и предлагает Снему решить, что лучше. Но нам не нужно вдаваться ни в какие рассуждения, ибо одно из действующих лиц в песне, Ратибор, цитует нам этот старый закон: по нему дети должны сообща владеть имением, о разделе ни слова. Что же касается явлений, приводимых из позднейшего времени, из времени после Рюрика в России, после основания государств вообще у славянских народов, то эти явления нейдут к нашему вопросу, ибо я признаю полное господство родового быта только до половины IX века, а после являются условия, которые нарушают эту полноту, как постоянно и показывается в моей книге; *нарушают полноту,* говорю, и только: ибо и после Рюрика явления из родового быта так могущественны в русской истории, что должны быть поставлены на первое место; таково, например, господствующее явление в древней нашей истории — родовые княжеские отношения. Как же рассуждает о них возражатель? Вот как: «замечательно, что если где можно, *хотя отчасти(!!)* найти родовое устройство, так это в роде Рюриковом, призванном, не туземном». Итак, по мнению возражателя, родовые княжеские отношения были у нас явлением не славянским, а варяжским, т. е. скандинаво-германским; но в таком случае возражателю следовало начать вопрос именно с этого, показать прежде всего господство родового быта у скандинаво-германских племен и отвергнуть его у славянских; но любопытнее всего здесь то, что возражатель писал свои возражения тогда, когда статья моя о родовых княжеских отношениях у западных славян была уже давно известна; возражатель, однако, заблагорассудил умолчать о ней, заблагорассудил о том, что такие же родовые княжеские отношения существовали у других славянских народов, а у других иноплеменных народов не существовали! — «Неужели можно делать такое предположение, — говорит возражатель, — что родовое начало, привившись к Рюрикову роду, исчезло совершенно из Русской земли?» — Но кто же говорит, что оно исчезло? В местничестве оно очевидно, ибо голословное, в скобках поставленное выражение «хотя едва ли справедливо» — ни для кого не может иметь силы. Кто знаком с источниками нашей древней истории, с летописями, тот знает, что это летописи княжеские, говорящие преимущественно, исключительно почти о княже-

ских отношениях, от которых зависела судьба страны: даже о вельможеских отношениях из летописей мы почти ничего узнать не можем; подробности вельможеских отношений, местничества, мы узнаем из особенного позднейшего источника, из книг разрядных; но если о родовых княжеских отношениях мы узнаем из летописей, ибо от этих отношений зависела судьба страны; если родовые отношения людей служилых записаны в разрядных книгах, ибо эти отношения имели близкую связь с государственным интересом, с государственною службою, то в каких летописях и в каких разрядах мы найдем подробности о быте, о родовых отношениях остального народонаселения? Из отсутствия же источников, в которых мы могли бы видеть подробности быта остального народонаселения, имеем ли право заключать, что здесь тех или других отношений не было?

О дорюриковском родовом быте восточных славян самое ясное указание находим в известных словах летописца: «Живяху каждо с своим родом и на своих местах, владеюще каждо родом своим»[1]. Возражатель, отвергающий родовой быт, объясняет эти выражения так, что *родом своим* будет отвечать не на вопрос: чем? а на вопрос: как? и приводит два примера: они играли толпами, пришли всем народом. Но, во-первых, в приведенных примерах глаголы *играть* и *придти* имеют среднее значение, какого не может иметь глагол *владеть* у летописца: каждый полянин владел (как?) родом, но чем же он владел? Во-вторых, любопытнее всего здесь то, что возражатель, желая опровергать родовой быт, доказывает его: он говорит, что, по словам летописца, поляне владели целыми своими отдельными родами, по родам, каждый род сам по себе, каждый владел не один, а целым родом совокупно. Но если поляне владели по родам, каждый род сам по себе, каждый владел целым родом совокупно, если каждый род составлял отдельное совокупное *владение,* то спрашивается, какой же может быть здесь другой быт, кроме родового? Да воспользуются этим уроком те, которые стараются сделать спорным предмет, не допускающий спора! — Доказательство против родового быта возражатель находит в предании о трех братьях, строителях Киева, ибо здесь говорится, что братья жили на разных местах; мы согласились бы еще с возражателем насчет раздельности братьев, если б один жил на Десне, а другой — на Припяти, но никак не согласимся потому только, что один жил на Щековице, а другой на Хоревице, ибо никак не думаем, чтобы для поддержания родового единства все родичи должны были жить рядом, в одном доме, который при многочисленности членов рода долженствовал быть чем-нибудь вроде хрустального дворца. — По мнению возражателя, употребляемое в летописи слово *род* означает *семью;* он говорит: «в значении современной совокупности живых родичей, в духе родового быта, в значении колена слово *род* не употребляется». — В ответ раскроем летопись; под 1148 годом Изяслав Мстиславич говорит *двоюродному* брату своему, Ростиславу Юрьевичу: «мне дай бог вас, *братью свою,* всю имети и весь род свой в правду, аки и душу свою»[2]. Здесь Изяслав *родом* своим называет современную совокупность всех живых родичей своих, всех князей Ярославичей, противополагая эту совокупность ближайшим, Мономаховичам, которых называет братьею своею. — Возражатель не хочет согласиться и с определением слова *племя,* как подразделением рода; по мнению возражателя, *племя* имеет обширнейшее значение, чем род, чему доказательством служит позднейшее выражение: *ни роду — ни племени.* Но когда дело идет о древнем быте, о древних понятиях, то слова должны быть принимаемы в том значении, каково они имели в старину, а не в том, какое имеют теперь, ибо известно, как слова переменяют значение; мы видели, что Изяслав Мстиславич родом своим называет совокупность всех родственников, всех Ярославичей; но когда нужно было из этого рода назвать различные линии, противополагая их одна другой, например Мономаховичей Ольговичам, то употреблялось слово *племя,* напр. под

[1] ПСРЛ, т. I, вып. 1 1926, стб. 9.
[2] ПСРЛ, т. II, 1908, стб. 367.

1140 годом новгородцы говорят Всеволоду Ольговичу: «Не хочем сына твоего, ни брата, ни племени вашего, но хочем племени Володимеря» [1]. Возражатель на том основании, что в известном выражении «ни роду — ни племени» племя стоит после рода, заключает, что оно должно иметь значение обширнейшее; но мы представим ему из начала XV века пример, где племя стоит прежде рода: «А кто ли почнет въступатися в таа дела в монастырская, или мирьскый человек почнет чего взыскивати умершаго черньца, или племя или род общежителева, а тем того не искати» (Акты Истор. I, № 24) [2]. В некоторых памятниках XV же века *племя* употребляется исключительно в значении рода, родства, отчего является выражение: *ближнее племя, племянник* означает просто родственника (Псковск. Судная грам.). Когда два слова, не исчезая из языка, теряют свое прежнее различие, начинают употребляться одно вместо другого, то бывает, что они складываются друг с другом, составляют двойственные слова с одним значением, как: *«род-племя», «травка-муравка».* Пример употребления сложного слога *род-племя:* «У Ивашки у Жоглова род племя» (Крымские дела, № 1, стр. 116) [3]. Не должно забывать настоящего значения слова племя, с которым употребляется теперь оно: это приплод; известное выражение: оставить *на племя;* отсюда понятно, почему в древних памятниках *племя* означает в роде линии, ряд нисходящих от известного члена рода, его приплод, так сказать; ясно также, почему в известном выражении «ни роду — ни племени» племя поставлено позади рода: чем больше род, тем больше силы и чести по старым понятиям; чем меньше род, тем человек беднее, беспомощнее; человек самый бедный и несчастный есть тот, у которого нет не только рода, обширного круга родственников разных степеней, но даже нет близких, нет племени.

Наконец возражатели хотят найти спасение в выражении *двоюродный брат,* т. е. брат двух родов, причем род должен означать семью. Но пусть возражатели найдут это выражение в каком-нибудь древнем памятнике; это слово позднейшее, ибо при господстве родового быта в древнее время все — и двоюродные, и троюродные и т. д. — братья называются просто братья, по единству рода; общество, в языке которого находим такое явление, есть общество родовое.

[53] *Гельмольда* lib. II, cap. XII: Statim enim ut aliquem inter eos aut debilem fecerit infirmitas, aut decrepitum aetas, haeredis curae delegatur, plena humanitate fovendus [4].

[54] Краледворская рукопись. Snem [5].

[55] Les Slaves de Turquie, par M. Cyprien Robert, I, p. 78, 79 [6]. См. также в словаре Юнгмана под словом Starosta [7] и в словаре Вука Стефановича [8].

[56] О родовом быте у славян кроме своих писателей свидетельствуют также иностранные: Прокопий говорит, что они не повинуются одному властителю, но из начала живут при народном правлении [9]; это нисколько не противоречит свидегельству Маврикия, который говорит, что у славян много царьков, ибо, с одной стороны, князья, старшины родов, могут являться с характером правителей, с другой — равенство этих родоначальников друг перед другом, общие их сходки или веча представлялись для грека демократией; так, Маврикий, упоминая о царьках, в том же месте

---

[1] ПСРЛ, т. II, 1908, стб. 307 (под 1141 годом).

[2] Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией, т. I, 1841, стр. 50, № 24.

[3] «Крымские дела. Сборник импер. русского исторического общества», т. 41, Спб. 1884, стр. 48, № 13.

[4] Heimoldi Chronica Slavorum, MGH, scriptorum, t. XXI, Hannoverae 1868, I, II, c. XII, p. 97.

[5] Краледворская рукопись. Snem (в переводе Н. Берга), Прага 1851, стр. 85.

[6] *Cyprien Robert,* Les Slaves de Turquie, vol. I, Paris 1844, p. 78—79.

[7] *Jungmann,* Slownik česko-německy, t. IV, Praha 1838, p. 287.

[8] *Vuk. Steph. Karadschitsch,* Lexicon serbico-germanico-latinum, Vindobonae 1852, p. 713. По издан. Београд 1935, стр. 735—736.

[9] *Прокопий из Кесарии.* Война с готами, стр. 297.

говорит, что славяне не знают правительства [1]; Прокопий прибавляет, что у славян был обычай совещаться вместе о всяких делах. Арабские писатели о славянах подтверждают показания греческих. — Ср. мою статью: «Очерк нравов, обычаев и религии славян, преимущественно восточных, во времена языческие», помещенную в 1-й книге Архива историко-юридич. свед, изд. Н. Калачевым [2]; равно исследование А. Тюрина Обществ. жизнь и проч.

[57] Мономах говорит в поучении (Полн. собр. р. л. I, стр. 102): «Боле же чтите гость, откуду же к вам придет, или прост, или добр, или сол. аще не можете даром, и брашном и питьем; ти бо мимоходячи прославять человека по всем землям, либо добрым, либо злым» [3].

[58] *Гельмольд,* который оставил нам это известие (lib. I, cap. LXXXII) [4], смотрит на это, как на кражу; но очень вероятно, что в селении славянском, часто состоявшем из одного рода, вовсе не видели здесь кражи, ибо каждый родич считал себя вправе угостить странника на общий счет целого рода.

[59] Имя раба смешивалось с именем младшего члена семьи; что раб значило *малый, юный,* доказательством служит производное *робенок* или ребенок, также производный глагол от *роб* или *раб — робею,* умаляюсь духом; отрок означает мальчика и раба. В древнем родовом обществе, *сирота* был самое несчастное существо, *сирота* был первый *нищий,* первый *раб.* Отсюда *сирота* значит *раб* в наших древних памятниках, а в некоторых областных наречиях и теперь *сирота* означает *нищего.*

[60] Полн. собр. р. л., I, стр. 6 [5].

[61] См. том III, примеч. 29 [6].

[62] Быт русского народа, соч. А. Терещенки, ч. II, стр. 517, 518 [7]. Очень любопытно сравнить понятия *племен,* живущих и теперь при тех же формах быта, при каких история застает славян; так, напр, читаем в отчете г. Кастрена (Bericht an die Kaiserliche Akademie, Bulletin, Bd. IV, 1847): Fragen wir den Samojedischen Sänger, wie er das so tief verachtete Weib das Ziel einer edlen Unternehmung (похищение) werden lässt, so antwortet er ohne Bedenken mit folgenden Worten· «Schon seit den Zeiten der Väter ist bei uns die Sitte in Ehren gehalten worden, dass wir uns Frauen nie aus unserem eigenen, sondern aus einem anderen, fremden, nicht verwandten Stamme nehmen. Nun lebten die verschiedenen Stämme früher gewöhnlich in einem feindlichen Verhältnisse zu einander, und daher hielt es oft schwer auf gütlichem Wege in den Besitz einer Frau zu gelangen. Dies konnte wenigstens nicht ohne ein Brautgeld geschehen, welches ausserordentlich hoch war, in Folge der ehemals gebräuchlichen Vielweiberei und des dadurch verursachten Mangels an unverheiratheten Weibern. Um sich besonders diesem Tribut zu entziehen, hat der Starke bei uns sich ein Weib mit dem Recht der Faust genommen».

[63] См. о состоянии женщин в России до Петра В., соч. В. Шульгина, выпуск 1-й, стр. 18, примеч. 30 [8] Мы не можем согласиться с автором этого сочинения, что у нас *вено* не могло означать цены за невесту, которая давалась женихом отцу последней. Он ссылается на чтение Лаврентьевского списка летописи, в котором, как было замечено прежде и мною (см. Архив Калачева, Очерк нравов и проч.) [9], ясно указывается на приданое: вечером приводили невесту к жениху, «а завтра приношаху по ней, что

---

[1] *Маврикий.* Стратегикон. Кн. XI, 5. См. ВДИ, 1941, № 1, стр. 253—258.

[2] См. «Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, издаваемый Н. Калачевым», кн. I, М 1850, стр. 3—54.

[3] ПСРЛ, т. I, стр. 102. См. также ПСРЛ, т. I, вып 1, 1926, стб. 246.

[4] Helmoldi Chronica Slavorum, MGH, scriptorum, t. XXI, lib. I, cap. LXXXII, p. 75.

[5] ПСРЛ, т. I, стр. 6. См. также ПСРЛ, т I, вып. 1, 1926, стб. 14.

[6] *С. М. Соловьев,* История России с древнейших времен, т. III, примеч. 29.

[7] *А. В. Терещенко,* Быт русского народа, ч. II, Спб. 1848, стр. 517, 518.

[8] *В. Я. Шульгин,* О состоянии женщины в России до Петра Великого, вып. 1, Киев 1850, стр. 18, примеч. 30

[9] *С. М. Соловьев,* Очерк нравов, обычаев и религии славян преимущественно восточных.., «Архив историко-юридических сведений.., издаваемый Н. Калачевым», кн. I, М. 1850, стр. 9.

вдадуче»; но есть другое чтение Ипатьевского, древнейшего списка, которое скорей указывает на куплю, чем на приданое: «А завтра приношаху *что на ней вдадуче»*. Кроме этой разности в чтении мы находим в летописи прямое указание на вено, как на цену девушки, платимую женихом родным невесты: Владимир (женясь на Анне) «вдасть за вено Греком Корсунь царицы деля»[1]; Казимир (женясь на сестре Ярослава) «вдасть за вено людие 800»[2]. Г. Шульгин хочет видеть в этих действиях только дружелюбное расположение государей, дарение, которое Владимир и Казимир могли делать и не делать, ничуть необязанные к тому брачным обычаем: «Если и предположить, — говорит г. Шульгин, — что Владимир заплатил Корсунем за жену, то в таком случае императоры Василий и Константин являются продавцами своей сестры, и если покупку жен мы признаем за обычай русский, то продажу их должны будем признать обычаем христианской Греции. Набожный Ярослав также не мог продать свою сестру как язычник, но Казимир, породнясь с ним, в знак дружбы и родства, возвратил ему пленных так точно, как Ярослав с своей стороны помогал ему усмирять мятежи в Мазовии». Но для нас важно не то, как смотрели на означенные действия сами действующие лица, но то, как смотрел на них летописец, который в отдаче Владимиром Корсуня, а Казимиром пленных видит *вено,* следовательно, вено означало то, что жених давал за невесту родным последней. Значение *вена* как цены объясняется производным глаголом *венити* — vendere, напр. «Не пять ли птиц вениться пеняземя двема». Miklosich, Radices linguae slovenicae, p. 14[3]. См. также в архиве Калачева дополнение, сделанное Буслаевым к сказаниям русского народа, изд. Сахаровым, I, стр. 5[4] и след. — Наконец, что вено означает куплю, видно из следующего места в переводе правил Иоанна Схоластика: «Одьждьнующих любодеяния и прелюбодеяния епитимиею дручитися, и въсхищением, ли нужею с женами живущих, и о девствах и о рабынях дающихся самем чрез *вено* владущих ими». См. у Розенкампфа о Кормчей книге, стр. 311[5].

[64] В азбуковниках толкуется: «Вено, *написание:* егда кто обручит себе невесту и творит *писанием крепость* промеж себя, и то писание наричется вено»[6].

[65] На обычай похищать девиц на игрищах указывает рассказ Боплана о древнем украинском обычае похищения девиц на праздниках Description d'Ukranie, p. 63[7]. На это же указывает обычай раскольников: между некоторыми расколами брак не считается действительным, доколе жених не похитил девицу с ее согласия. Такое обыкновение было в употреблении еще недавно в некоторых уездах Витебской губернии между раскольниками. Там молодые парни и девицы на маслянице собирались в питейный дом, на гулянье, называемое *кирмаш,* плясать, пить и веселиться. Отцы и матери знали, к чему клонилось веселье, потому что оно было обрядное. Молодой парень, условившись с девицею, уходил с нею с кирмаша и, посадив на сани, отправлялся в лес к заветному дубу, объезжал его три раза и тем оканчивалось его венчание. В Люценском уезде находится огромное озеро, которое у раскольников считается священным: «мужчины, похищая девушек, объезжали озеро три раза, и брак был действителен». (Терещенко, Быт русск. нар., II, 28)[8]. На этот же языческий обряд, сохраненный раскольниками, указывает известие о Разине, который будто бы

---

[1] ПСРЛ, т. I, стр. 50. См. также ПСРЛ, т. I, вып. 1, 1926, стб 116.

[2] ПСРЛ, т. I, стр. 67. См также ПСРЛ, т. I, вып. 1, 1926, стр. 155.

[3] *F. Miklosich,* Radices linguae slovenicae, Leipzig 1845, p. 14.

[4] *Ф. И Буслаев,* Дополнения и прибавления ко II тому «Сказаний русского народа» И. Сахарова. «Архив историко-юридических сведений.., издаваемый Н. Калачевым», кн. I, М. 1850, стр 5 и след.

[5] *Г. А. Розенкампф,* Обозрение Кормчей книги в историческом виде Спб. 1839, стр. 311.

[6] Об «Азбуковниках» см. *К. Ширский,* Очерк древних славяно-русских словарей, «Филологические записки», 1869, вып 1—3; *А. Карпов,* Азбуковники или алфавиты иностранных речей по спискам Соловецкой библиотеки, Казань 1877.

[7] *G. Beaplane,* Description d'Ukranie, Paris 1861, p. 120

[8] *А. В. Терещенко,* Быт русского народа, ч. II, Спб. 1848, стр 28.

на Дону велел венчать людей около деревьев (Ригельман — История Донского войска в Чтениях Моск. ист. общ.) [1]. Слова летописца «Брака у них не бываше, но умыкиваху *у воды* девиця» [2] находятся в связи с словами митрополита Кирилла. «В пределах новгородских невесты *водят к воде* и ныне не велим тому тако быти или то проклинати повелеваем». (Востокова. Описание Румянц. муз., стр. 321) [3]. На употребление воды при языческих браках указывают также правила Иоанна митрополита, где говорится об языческом обряде *плескания*, употреблявшемся при свадьбах простых людей (Русск. достоп., I, 101) [4]. Указание на обычай похищения целою толпою приятелей похитителя с присягою стоять друг за друга, брат за брата, см. в Этногр. сбор., I, 255 [5].

[66] Митрополит Иоанн в правилах говорит: «То же створи, иже без труда и бе-сраха и бе-срама две жене имеют». Рус. Дост.; I, 91 [6].

[67] Срамословие в них пред отци и пред снохами [7].

[68] На основании восточных свидетельств думают, будто славяне верили, что женщина вступала в рай только посредством мужчины: если умирал холостой славянин, то его женили после смерти, и жены его спешили обречь себя на сожжение, чтобы души их могли войти в рай. — Мы должны, кажется, принимать это известие обратно, т. е. что мужчина нуждался в женской душе для входа в рай: иначе, для чего было женить мертвеца? Девушка могла выйти за другого и войти в рай вместе с последним.

[69] «Если бы сожжение вдов строго соблюдалось, замечает г. Шульгин (стр. 66) [8], то почему наши летописи молчат об нем? Почему наше духовенство не нападает на него?». — Впрочем, г. Шульгин напрасно думает, что у норманнов самосожжение вдов требовалось законом.

[70] В рукописных беседах Иоанна Лествичника слово тризна переведено *подвиг* (Востокова, Опис. Рум. муз. № СС) [9]. В Новгородском словаре XV века тризна переведено: *страдальство, подвиг* (Сахар. Сказ. Р. Н., т II) [10] У западных славян слово *тризна* в смысле поминовения по усопшем употребляется только у Вацерада; собственно это слово означало также бой, поединок; *тризнище* — место боя, тризник — подвижник; *тризнити* по-чешски значит бить, *а тризновать* — не только бить, но и насмехаться, то же, следовательно, что наше *трунить;* в словацком — трузнитися, тризнитися значит *веселиться.* От литовского слова trîesti — ристать происходить древнелитовское triesina, тризна, т. е. скачка, ристание. — Статья Микуцкого в Известиях II отделения Академии, лист 7-й [11].

[71] Феофилакт (Stritt. Mem. pop. II, 61) [12], описывая впадение Приска в землю славян, живших на севере от Дуная, говорит, что он напал на князя их врасплох, когда тот, празднуя поминки по брате своем, был пьян и народ его забавлялся песнями; см. также у нашего летописца описание тризны Ольги по Игоре [13].

[72] В житии св. Константина Муромского: «Невернии людие видяще сия, дивляхуся, еже не по их обычаю погребение творят, яко погребаему благоверному князю Михаилу в знак на восток лицом, а могилы холмом

---

[1] *А. Ригельман,* История или повествование о донских казаках. «Чтения в Обществе истории и древностей Российских при Московском университете» (далее — «Чтения МОИДР») № 3, год второй, М. 1846, стр. 61.

[2] ПСРЛ, т. I, стр. 6. См. также ПСРЛ, т. I, вып. 1, 1926, стб. 13.

[3] *А. Х. Востоков,* Описание русских и словенских рукописей Румянцевского Музеума, Спб. 1842, стр. 321.

[4] Русские достопамятности, ч. I, М. 1815, стр. 101.

[5] *С. Разумихин,* Село Бобровки... «Этнографический сборник», вып. 1, Спб. 1853, стр. 255

[6] Русские достопамятности, ч. I, стр. 91.

[7] ПСРЛ, т. I, стр. 6. См. также ПСРЛ, т. I, вып. 1, 1926, стб. 13, 14.

[8] *В. Я. Шульгин,* О состоянии женщин в России.., вып. 1, Киев 1850, стр. 66.

[9] *А. Х. Востоков,* Описание русских и словенских рукописей Румянцевского Музеума, № СС, Спб. 1842, стр. 267.

[10] *И. П. Сахаров,* Сказания русского народа, т. II, кн. 5, Спб. 1849, стр. 122.

[11] *С. П. Микуцкий,* Записка. «Известия II Отделения императорской Академии наук», т. I, Спб. 1852, л. 7, стб. 112.

[12] *J. Stritter,* Memoriae Populorum, t. II, Petropoli, 1774, p 61.

[13] ПСРЛ, т. I, стр. 24. См. также ПСРЛ, т. I, вып. 1, стб. 57.

не сыпаху, но ровно со землею; ни гризнища, ни дыни (?) не деяху, ни битвы, ни ножи кроения не твореху, ни лица драния»[1].

[73] Не должно думать, чтоб этот обычай был чужд племенам славянским, был занесен варягами из Скандинавии: приведенное место из жития Константина Муромского ясно указывает на него у финнов; он существовал и у славянских племен, не знавших варягов, напр. у поляков (Dlugosci Historia Polon., t. I, p. 53, 57)[2]; в Краледворской рукописи упоминается также закапывание в могилы[3].

[74] Сварог, индийское *сварга* сложено из двух частей: *свар* — небо, свет, и из окончания *га,* означающего хождение; след, сварга имеет смысл пребывания на небе или хождения по небу (см. Ф. Буслаева, О влиянии христ. на слав. язык, стр. 50)[4]. В Ипатьевском списке летописи читаем следующее о *Свароге:* «И бысть по потопе и по разделеньи язык, поча царствовати первое Местром от рода Хамова, по нем Еремия, по нем Феоста, иже и Сварога нарекоша Егуптяне, царствующую сему Феосте в Египте, во время царства его, спадоша клеще с небесе, нача ковати оружье»[5]. Славянский Сварог объясняется здесь отождествлением его с древним Феостом или Ефестом, Вулканом, египетским Фтас; Ефест есть бог молнии, ковач небесного, божественного оружия, в его царствование «спадоша клеще с небесе, нача ковати оружье»; но бог молнии, бог оружия есть Перун. — Что Сварог — Перун, бог молнии, был верховным богом, распорядителем, раздаятелем всего, на это ясно указывает одна сербская песня, в которой так говорится о могуществе молнии:

«Стаде муня даре дијелити;
Даде Богу небесне висице,
Светом Петру Петровске врутине,
А Иовану леда и снијега,
а Николи на води слободу,
а Илији муние и стријеле».

На связь Сварога — Перуна с оружием указывает обычай клясться пред Перуном, полагая оружие (Полн. собр. русск. лет., I, 23)[6]; вместе с оружием клали и золото, приговаривая: «Аще ли от тих самех прежереченых не съхраним: да имеем клятву от бога, в его же веруем, в Перуна и в Волоса, скотья бога и да будем золоти яко золото, и своим оружьем да исечени будем»[7]. Слова: «да будем золоти яко золото» объясняют так: «изсохнем, сгорим от небесного огня» (см. Буслаева о вл. христ., стр. 13)[8]. Сварог — Перун в народном воображении представлялся божеством воителем, которого оружие особенно было направлено против злых духов; вероятно, действию последних приписывали сгущение атмосферы, прекращавшееся после грозы. Так и теперь простолюдины, во время грозы, затворяют окна, опрокидывают сосуды, даже чайные чашки и рюмки, уверяя, что злые духи, гонимые молниею, стараются скрыться в какое-нибудь отверстие. Так точно воителем представляется индийский Индра громовержец, ниспосылающий дождь на землю; воюет он против духов злых, которые небесную воду скрывают в густых облаках; Индра рассекает эти черные тучи и таким образом спускает дождь. О мифологии арийцев см. Lenormant Manuel d'histoire ancienne III, 455 и след.[9] Также в Dunker's Geschichte des Altertums, t. II, p. 17[10]. Касательно происхожде-

---

[1] Повесть о водворении христианства в Муроме. Памятники старинной русской литературы, под ред. Н. Костомарова, Спб. 1860, стр. 231.

[2] Dlugossi Historia Polonica, t. I, Lipsiae 1711, p. 53, 57. См. также *J. Dlugosz,* Opera Omnia, t. X. Historia Polonicae, t. I, Cracoviae 1873, p. 67—68, 72—73.

[3] Краледворская рукопись, Прага 1851.

[4] *Ф. И. Буслаев,* О влиянии христианства на славянский язык, М. 1848, стр. 50.

[5] ПСРЛ, т. II, стр. 5. См. также ПСРЛ, т. II, 1908, стб. 278.

[6] ПСРЛ, т. I, стр. 23. См. также ПСРЛ, т. I, вып. 1, 1926, стб 32.

[7] ПСРЛ, т. I, стр. 31. См. также ПСРЛ, т. I, вып. 1, 1926, стб. 73.

[8] *Ф. И. Буслаев,* О влиянии христианства на славянский язык, М. 1848, стр. 13.

[9] *F. Lenormant,* Manuel d'histoire ancienne de l'Orient, v. III, Paris 1869, p. 454—471.

[10] *M. Dunker,* Geschichte des Altertums, Bd. II, Berlin 1853, S. 17.

ния слова *Перун* замечают, что литовский глагол prieti означает: производить посредством теплоты, рождать. От санскритского корня par произошли у славян две формы: действительная — Перун и страдательная — *парень*, рожденный, сын. — Записка Микуцкого в Известиях II Отдел. Академии, лист 7-й [1].

[75] В приведенном выше месте Ипатьевского списка летописи читаем далее: «И по сем (т. е. по Свароге) царствовал сын его, именем Солнце, его же наричють Дажьбог... Солнце царь сын Сварогов, иже есть Дажьбог» [2]. Братом Солнца, сыном Свароговым называется также и огонь: «Огневи моляться, зовут его Сварожичем» (Востокова, Опис. Рум. Муз. 228) [3].

[76] Очень естественно имя Лада и Лады давалось также любовникам и супругам, которых небесная чета — Ладо и Лада (солнце и луна) были первообразом; употребляется же ласкательное: *мой свет!*

[77] По-древански *дед* lgölga, т. е. ljolja; отсюда бог называется nos lgölga, т. е. наш дед. См. Добровского Slovanka, 1, 13 [4]. На значение солнца как отца народа указывает известная песня:

Солнышко, солнышко,
Выгляни в окошечко,
Твои детки плачут,
Пить, есть просят.

По-литовски *didis*, или *didelis*, по-латышски значит *великий*. Кроме божества, эпитетом *великий*, вероятно, означался и родоначальник, с литовским *didis* и латышским *lels* совпадают славянские слова: *дед, дядя; леля* у полабцев отец, лела по-церковнославянски тетка. — Записка Микуцкого в Известиях II Отдел. Академии, лист 7-й [5]. У арийцев Солнце (Surji) представляется также как *производитель и питатель людей*. См. означ. соч. Дункера, стр. 20 [6].

[78] О тождестве Хорса и Дажбога см. статью О. Бодянского в Чтен. Моск. Ист. Общ., 1846, № 2 [7].

[79] См. статью профессора Срезневского об обожании солнца у древних славян (Журн. Мин. нар. просвещ., 1846, 51 [8]). Волос первоначально мог быть божеством солнца, но как объяснить, что он является подле двух имен божеств солнца (Хорса и Дажбога) с совершенно особым характером, как скотий бог в противуположность Перуну, богу людей? Нам кажется, что Волос принял преимущественно характер скотьего бога, потеряв значение солнца вследствие финского влияния: у финнов есть божество, которое считается господином над животным царством, кроме человека; это божество носит общее имя Стор-юнкара, что значит Великий господин (Mone. Geschichte des Heidenthums im nördlichen Europa. I. 36 [9]). Самоеды и теперь боятся называть свое верховное божество его настоящим именем (Num, Nom, Nap) и охотнее употребляют эпитет *Jileumbaertjie*, т. е. хранитель скота (Кастрена — отчет Академии, Bullet. t. IV, 1847). У финнов животное пользовалось особенным уважением, какого не замечаем у славян и других европейских народов, след., у финнов скорее могло образоваться понятие об особом божестве для скотов. Заметим

---

[1] *С. П. Микуцкий*, Записка. «Известия II Отделения императорской Академии наук», Спб. 1852, л. 7.

[2] ПСРЛ, т. II, стр. 5. См. также ПСРЛ, т. II, 1908, стр. 278.

[3] *А. Х. Востоков*, Описание русских и словенских рукописей Румянцевского Музеума, Спб. 1842, стр. 228.

[4] *J. Dobrowsky*, Slovanka. Zur Kenntniss der alten und neuen slawischen Literatur, t. I, Prag 1814, S. 13.

[5] *С. П. Микуцкий*, Записка. «Известия II Отделения императорской Академии наук», Спб 1852, л. 7.

[6] *M. Duncker*, Geschichte des Altertums, Bd. II, S. 20.

[7] *И. Бодянский*. Об одном прологе библиотеки Московской духовной типографии и о тождестве славянских божеств Хорса и Дажбоге, «Чтения МОИДР» № 2, год первый, 1846, стр. 1—23.

[8] *И. И. Срезневский*, Об обожании солнца у древних славян, «Журнал Министерства народного просвещения» (далее — ЖМНПр), ч. VI, 1846, стр 51

[9] *F. Mone*, Geschichte des Heidenthums im nördlichen Europa, Bd. I, Leipzig 1822, S. 36.

также, что св. Аврамий разрушил кумир велесов на финском севере, в Ростове св. Власий, сменивший в народных понятиях Волоса, особенно почитается теперь на финском же севере (Снегирева Р. простонар. пр. III, 156) [1]; наконец в Слове о полку Игореве мы находим, что певец Боян называется Волосовым внуком, из чего можно заключить, что певцы находились под особенным покровительством этого божества; здесь заметим, что по-фински runa значит и песнь, и письмо, и материя, и символ, что *вития* в нашем древнем языке значит песнотворец; *витьство* употреблялось в смысле колдовства (Буслаева, О влиянии христ., 172 и след.), колдовством же особенно отличались финны. Бестужев-Рюмин (Русск. ист., I, 14) [2] спрашивает у меня: «По чьему влиянию Феб пас стадо у Адмета и был в то же время и богом поэзии?» Пусть вопрошающий потрудится вникнуть в различие представлений Феба и финского скотьего бога.

[80] См. Кеппена, Библиогр. листы, № 7, ст. 88 [3]. — Кроме Перуна и Хорса — Дажбога, в Киеве во времена Владимира стояли кумиры Стрибога, Симарглы (Сима и Регла) и Мокоша. О первом, как о боге ветров, можно заключать из Слова о полку Игореву, где ветры называются Стрибоговыми внуками; об остальных же двух мы в настоящее время не можем предложить ничего верного. По мнению покойного Прейса (см. Донесение его г. министру нар. просвещ. из Праги от 26 декабря 1840, Ж. М. Н. Пр. 1841, часть XXIX) [4], чтение Сема (Сима) и Регла должно быть предпочтено чтению Симарглы; Сима и Регла Прейс считает заодно с ассирийскими божествами Εργελ и Ασμαθ, как они читаются в библии (Кн. царств. IV, 17, 30). Сим оказывается божеством огня. Мокошь считает Прейс божеством женского рода, Астартою, причем указывает на древнее слово *мокачный*, употребленное несколько раз у Даниила Паломника [5].

[81] Это видно из того, что в хорутанском наречии колдовати (колядовати) до сих пор значит приносить жертву, колдовавц — жрец, колдовница — жертвенник (см. Срезнев. Свят. и обр. яз. богослуж. древ. слав., стр. 66) [6]. Во время коляды на стол кладут рукоять плуга, для того чтоб мыши и кроты не портили нивы; этим обрядом объясняется старинное предание о плуге: в навечерии богоявления кликали *плугу*. Сообщ. пр. Буслаева.

[82] Dlugosci. Hist. Pol., 1, 36. — Из песен колядных замечательна следующая:

Уродилась коляда
Накануне рождества
За рекою за быстрою.
В тех местах огни горят,
Огни горят великие,
Вокруг огней скамьи стоят,
Скамьи стоят дубовые,
На тех скамьях добры молодцы,
Добры молодцы, красны девицы,
Поют песни и коледушки;
В средине их старик сидит,
Он точит свой булатный нож,
Возле котла козел стоит:
Хотят козла зарезати [7].

---

[1] *И. М Снегирев,* Русские простонародные праздники и суеверные обряды, вып 3, М. 1838. стр. 156

[2] *К. Бестужев-Рюмин,* Русская история, т. I, М. 1872, стр. 14.

[3] Материалы для истории просвещения в России, собираемые Петром Кеппеном, т. 2, «Библиографические листы» № 7, Спб. 1826, стб. 88.

[4] *П. И Прейс,* Донесения г министру народного просвещения Праги, ЖМНПр., Спб. 1841, ч. XXIX, стр. 37, 38, 41.

[5] Путешествие игумена Даниила по Святой земле в начале XII в., Спб. 1864, стр. 22—24.

[6] *И. И. Срезневский,* Святилища и обряды языческого богослужения древних славян, Харьков 1846, стр 66.

[7] *Dlugossi,* Historia Polonica, t. I. Lipsiae 1711, p. 536, или *J. Dlugosz,* Opera Omnia, t. X, Historiae Polonicae, t. I, Cracoviae 1873, p. 47.

[83] На отношение масляницы к солнцу указывает следующее обыкновение на огромных санях возят наряженного мужика, который сидит на *колесе* вверху столба, утвержденного посреди саней (см. Снег. Русск. Пр. Пр., II, 127, 128) [1], колесо же было у языческих народов изображением солнца (Grimme. D. Mythol., I, 578) [2]; притом на севере во время масляницы поют также коляду, что указывает на отношение масляницы к зимнему празднику солнца.

[84] См. подробности у Снегирева Р. П., П., 111, 28 и Терещенки, Б. Р. Н., V, 16 [3].

[85] Ср. Гримма D. Mythol. I, 583 и след. — Что касается названия Купалы, то проф. Буслаев сообщил нам следующее словопроизводство: «Корень куп имеет значение белого, ярого, откуда *купавый* — белый. Как ярый соединяет в себе понятие белого и кипучего, так и при *купале* оказывается глагол *кыпети, кыпати* (звуки *у* и *ы* чередуются). Как со смыслом *ярого* соединяется понятие *желания,* так и при нашем *кыпети* находим латинское *cupio;* наконец, как буй, ярый, дикий, переходят в значение неукротимого, грозного, бешеного, гневного, так и *cup* в санскрите имеет значение: *яриться, злиться;* кроме того, cup в санскрите имеет значение *блистать*».

[86] Терещенко, Б. Р. Н., V, 79 [4].

[87] Естественно ожидать, что у народа, потерявшего уже смысл совершаемых им обрядов, должно происходить с течением времени смешение последних; так, чучело Мары смешивается уже с чучелом Купалы, хотя песня обличает различие:

Ходыли дивочки около Мореночки,
Коло мое водыла Купала;
Гратыми сонечко на Ивана и проч.

[88] Купало между чернью называется Ярилою в Ярославской, Тверской и Рязанской губерниях. См. Снегирева, Р. П. П., I, 179 [5].

[89] «Схожахуся на игрища, на плясанье, и на вся бесовская игрища, и ту умыкиваху жены собе, с нею же кто съвещашеся» [6]. Игра *горелки* всего лучше напоминает это умыкивание «с нею же съвещашеся». В Стоглаве (вопрос [24]) читаем: «Русалии о Иоанне дне, в навечерии рождества Христова и крещения сходятся мужи и жены и девицы на нощное плещевание, и на бесчинный говор, и на плясание, и на скакание, и на богомерзские дела, и бывает отроком осквернение и девам растление, и егда нощь мимо ходит, тогда отходят к реце с великим кричанием аки бесний, умываются водою, и егда начнут заутреню звонити, тогда отходят в домы своя и падают аки мертвии от великого хлохотания» [7]. О праздновании купальской ночи см. Послание игумена Елизаровской обители Памфила в 1505 г. в Дополнен. к Актам истории т. I, № 22 [8]; также в Чтениях Моск. Ист. Общ. № 4, 1846 года [9]. Указание на *сговор* между молодыми людьми см в Этногр. сбор. I, 49 [10].

[90] «Молятся роду и рожаницам...» — «беззаконьная трапеза, менимая роду и рожаницам», читаем в древних христианских поучениях (Восто-

---

[1] *И. М. Снегирев,* Русские простонародные праздники и суеверные обряды, вып. 3, М. 1873, стр. 127, 128.
[2] *J. Grimme,* Deutsche Mythologie, Bd. I, Göttingen 1843, S. 578, 583 и след.
[3] *А. В. Терещенко,* Быт русского народа, ч. V, Спб. 1848, стр. 16.
[4] *А. В. Терещенко,* Быт русского народа, ч. V, стр. 79.
[5] *И. М. Снегирев,* Русские простонародные праздники и суеверные обряды, вып. 1, М. 1837, стр. 179.
[6] ПСРЛ, т. 1, стр. 6 См. также ПСРЛ, т. I, вып. 1, 1926, стб. 14.
[7] «Стоглав», Спб. 1863, стр. 141.
[8] Дополнения к Актам историческим, т. I, Спб. 1846, стр. 22.
[9] Послание Елизарова монастыря игумена Панфила, «Чтения МОИДР» № 4, год первый, 1846, стр. 59—62.
[10] *В. Бабарыкин,* Сельцо Васильевское, «Этнографический сборник», вып. 1, Спб. 1853, стр. 49.

кова, Опис. Рум. Муз. № CLXXXI) [1]. Хорутане верят, что всякий человек, как только родится, получает в небе свою звезду, а на земле — свою рожаницу. Важное место о роде и рожаницах найдено профессором Шевыревым в одном Сборнике в библиотеке Кириллова монастыря. (См. поездка в Кирилло-Белозерский монастырь, II, 33.) «Оттуда же извыкоша елени класти требы, артемиду и артемиде. рекше роду и рожанице тации же егуптяне. Тако и до Словен доиде се слово и ти начаша требы класти роду и рожаницам преже Перуна бога их, а преже того клали требу упирем и берегиням» [2]. — Из этого известия видим, что поклонение роду и рожаницам сменило поклонение упырям и берегиням; переменилось название, значение осталось одно и то же: упырь соответствует роду, берегиня — рожанице; но известно, что упырь есть мертвец. Из этого же известия видно, что треба, покорм, жертва преимущественно назначалась для душ умерших людей и что от обычая покорма упырям и берегиням уже перешли к жертве Перуну; — «И бабы каши варят на собрание рожаницам». Сборник Рум. Муз. № CCCLXXXIV [3]. От рода, праотца известного рода естественное восхождение к роду родов, к первому обоготворенному человеку: «То ти не род седя на воздусе, мечет на землю груды и в том рождаются дети» (Архив истор. и юридич. сведений, II, предисловие.) Пирра, жена Девкалионова, произведшая после потопа новых людей киданием через себя камней не была божеством — создателем.

[91] Дети бегают рода.

[92] См. мою статью в 1-й кн. Архива, изд. Калачевым [4]; там же подробнее о домовом, исследования гг. Буслаева и Афанасьева [5]. — К доказательствам связи между домовым и душою усопшего предка прибавим, что домовой в виде бадняка является у южных славян в дом вечером 24 декабря, когда в первый праздник новорожденного солнца мертвые уже вставали из гробов. Для сравнения и объяснения приведем финикийскую генеалогию Санхониатона, как сохранилась она у Евсевия: от ветра и жены его ночи произошли Αἰὼν καὶ Πρωτόγονος первые смертные люди, а от них род и рожаница — γένος καὶ γένεα, которые населили Финикию. Ясно, след., что род и рожаница у финикиан были предки, первая чета, от которой пошло племя. У нас при раздроблении родов и при особности каждого каждый род имел и чтил своего особого рода и рожаницу или рожаниц, потому что у каждого родоначальника было по нескольку жен; потом при дальнейшем дроблении родов при образовании семей, домов *род* перешел, естественно, в *домового. Колено* значит род, племя и *старший в семье,* что вполне объясняет таковое же значение *рода.* Опыт обл. сл., стр. 88 [6].

[93] На это указывает, следовательно, причитание: «Уж ты солнце, солнце, ясное! Ты взойди, взойди с полуночи, ты освети светом радостным все могилушки; чтобы нашим покойничкам не во тьме сидеть, не с бедой горевать, не с тоской вековать. Уж ты месяц, месяц ясный! Ты взойди, взойди с вечера, ты освети светом радостным все могилушки, чтобы нашим покойничкам не крушить во тьме своего сердца ретивого, не скорбеть во тьме по свету белому, не проливать во тьме горючих слез» и проч. См. Сахарова, Сказ. русск. нар., II, 23 [7].

[94] В старину первый блин отдавался нищим на помин усопшим. В степных селениях первый блин кладут на слуховое окно для душ родитель-

---

[1] *А. Х. Востоков,* Описание русских и словенских рукописей Румянцевского Музеума, Спб. 1842, стр. 229.

[2] *С. П. Шевырев,* Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь, ч. II, М. 1850, стр. 33.

[3] *А. Х. Востоков,* Описание русских и словенских рукописей Румянцевского Музеума, № CCCLXXXIV, стр. 532.

[4] *С. М. Соловьев,* Очерк нравов, обычаев и религии славян, преимущественно восточных. «Архив историко-юридических сведений.., издаваемый Н. Калачевым», кн. 1, М. 1850, стр. 3—54.

[5] *Ф. И. Буслаев* и *А. Н. Афанасьев,* Дополнения и прибавления ко II тому сказаний русского народа, собранных И. Сахаровым. «Архив историко-юридических сведений.., издаваемый Н. Калачевым», М. 1850, кн. 1, стр. 1—48, 49—68.

[6] Опыт областного великорусского словаря, Спб. 1852, стр. 88.

[7] *И. П. Сахаров,* Сказания русского народа, т. II, кн. 7, Спб. 1849, стр. 23.

ских, причем приговаривают: «Честные наши родители, вот для вашей душки блинок». (Снегирева, II, 120[1]; Сахарова, II, 72[2].) — Обряды, какие наблюдают в приготовлении блинов, указывают на религиозное значение этого кушанья: выходят вечером готовить опару на речки, колодязи и озера, когда появятся звезды; приготовление первой опары содержится в величайшей тайне от всех домашних и посторонних; призывается месяц выглянуть в окно и подуть на опару. У арийцев роды имели священную обязанность предлагать трапезы своим мертвецам по крайней мере в каждое новомесячие. Дункер, II, стр. 25 и 26[3].

[95] Ср. литовское *Rauda* погребальная песня. — Праздник поминовения усопших по-литовски — Chautury; слово *халтура* осталось у нас до сих пор с тем же значением. См. Kraszewskiego, Litwa, starozytne dzieje[4].

[96] Зарывают красные яйца в выкопанные над могилой ямки; в Белоруссии на могиле, политой медом и водою, раскладывают кушанья и приветствуют покойников: *«Святые* радзицели! хадзице к нам хлеба и соли кушаць». Ср. Полн. собр. р. л. II, 104: «Михалка князя (Юрьевича) ударища ратнии двема копьи в стегно, а третьим в руку, но бог молитвой отца его избави от смерти»[5]. Князь Юрий Долгорукий никогда не был причтен церковью к лику святых. — У других народов тоже: в «Indiculus superstitionum et paganiarum ad consilium Liptinense»[6], — читаем об обычае считать всех умерших святыми. В некоторых местах до сих пор называют прадеда *праведником.* Этногр. сбор., I, 178, 290[7].

[97] Буслаева — о вл. христ. на слав. яз., стр. 15, 20[8].

[98] *Мура* у славянского народонаселения Турецкой империи есть душа младенца, умершего без крещения, или без обрезания. См. статью Княжевского, Болгарские поверья в журн. Мин. Нар. Просв., 1846 год[9].

[99] В Новгороде-Северском есть уважаемый народом родник *Заручайская Криница,* или Сухомлинская, иначе родник Ярославов, впадающий в Десну: на срубе этой криницы на рассвете в зеленую неделю, по народному поверью, сидят *криницы,* прекрасные девушки с русыми волосами, которые они расчесывают (Снегирева, I, 172)[10]. Касательно связи душ усопших с водою в языческих верованиях славян очень важны замечания Ходаковского (см. Русск. ист. сборн., т. 191, стр. 370 и след.). Автор, говоря о сопках или древних могилах, замечает: «Сколько я мог видеть оных, все насыпаны по берегам рек, речек и озер и даже параллельно по излучинам и изгибам оных. В полях, удаленных от воды, нигде не случалось мне заметить оных. Может быть, причиною тому, что первейшие оседлости были только на поречьях и на озерьях; во-вторых, что совершение похоронных обрядов не могло обойтись тогда без воды, которая по такому ж случаю была потребна в Доростоле Святославу Игоревичу и которая служит путем для усопших в вечное обиталище, по мнению, сохранившемуся в разных странах славянских у простого народа». Там же читаем: «В южной Руси праздник: *Навьский* день заключается тем, что бросают на воду шелуху от крашеных яиц для донесения покойным о торжестве св. пасхи»[11]. В связи заметим, что в народе есть мнение, будто не надобно оставлять в целости яичной скорлупы: иначе русалки сделают из нее себе лодки и будут плавать на зло людям. — Вспомним о приготовле-

---

[1] *И. М. Снегирев,* Русские простонародные праздники и суеверные обряды, вып. II, стр 120.

[2] *И. П. Сахаров,* Сказания русского народа, т. II, кн. 7, стр. 72.

[3] *M. Duncker,* Geschichte des Altertums, B. II, S. 25—26.

[4] *J. I. Krazewski,* Litwa. Starozytne dzieje, t. I, Warszawa 1847, str. 296.

[5] ПСРЛ, т. II, стр. 104. См. также ПСРЛ, т. II, 1908, стб. 558.

[6] MGH, Legum, t. I, Capitularia regum francorum. Hannoverae 1883, p. 223.

[7] Статьи: *Н. Лебедев,* Быт крестьян, и *И. Юркевич,* Острина приход. «Этнографический сборник», вып 1, Спб. 1853, стр. 178, 290.

[8] *Ф. И. Буслаев,* О влиянии христианства на славянский язык, стр. 15, 20.

[9] *З. Княжевский,* Болгарские поверья, ЖМНПр., 1846, ч. II, № 10—12, стр. 210.

[10] *И. М. Снегирев,* Русские простонародные праздники и суеверные обряды, вып. 1, стр. 172.

[11] *З. Ходаковский,* Отрывок из путешествия по России. Ладога. Новгород. «Русский исторический сборник», М. 1839, т. 3, кн. 2, стр. 146—147.

нии блинной опары у воды. Днем, посвященным памяти усопших, как видно, была пятница. См. Этногр. сборн., 1, 215[1]. Отсюда новые поверья относительно пятницы, стр. 326.

[100] Maciejowski, Perwotne dzieje Polski i Litwy, стр. 465[2]. О пребывании душ на деревьях см. Краледворскую рукопись. — В житии муромского князя Константина читаем (Карамз., I, примеч. 236): «Кони закалающе, и по мертвых ременные плетения древолазная с ними в землю погребающе»[3].

[101] «Се же есть первое, тело свое хранить мертво, и летает орлом и ястребом, и вороном, и дятлом, рыщут лютым зверем и вепрем диким, волком, летают змием, рыщут рысию и медведем». Калайдовича Иоан. Екс. Болгар. с. 211[4].

[102] Cosm. prag., p. 197[5]

[103] Мы упоминали уже о том, что масляница была также праздником в честь умерших; доказательством этому, кроме употребления блинов, служит еще связь семика с масляницей, связь, сохранившаяся у народа: семик считается приятелем масляницы; на лубочных картинах он принимает ее и величает. Очень вероятно, что до христианства радуница соединялась с масляницей. В семик погребали и поминали убогих; из Стоглава (вопрос 23) видно, что в троицкую субботу (на русальной неделе) по селам и погостам сходились мужи и жены на жальниках и плакались по гробам с великим кричаньем, «и егда учнут скоморохи, и гудцы, и прегудницы играти, они же, от плача преставше, начнут скакати и плясати и *в ладони бити*»[6]. Битье в ладони есть обычай русалок.

[104] Песня говорит:

«Русалочки, *земляночки*
На дуб лезли, кору грызли.
Свалилися, забилися».

Здесь важно выражение *земляночки,* указывающее на русалок как на жительниц земных недр.

[105] «Женщины снаряжали из соломы два чучела в виде женщин. Вечером выходили женщины и девицы на улицу, разделялись на две половины и тихими хороводами приближались к концу улиц. Здесь распевались попеременно хороводные песни. Во время пения хороводница с чучелою плясала. После песен игроки сближались. Здесь открывалась война. Соломенную чучелу, русалку, девицы принимали на свои руки для защиты, а женщины, стоя кругом их, нападали на другой хоровод или защищались сами от нападения. Бойцы из улицы переселялись на поле, где оканчивалось побоище растерзанием чучел и разбрасыванием соломы по полю. В это время девицы причитывали похоронные завывания, *а отчаянные, распустив косы, припадали к земле, как бы к могилам».* Сахар., II, 94[7].

[106] Под 1092 годом в летописи: «Предивно бысть Полотьске: в мечте ны бываше в нощи тутън, станяше по улици, яко человеци рищюще беси; аще кто вылезяще из хоромины, хотя видети, абье уязвен будяше невидимо от *бесов* язвою, и с того умираху, и не смяху излазити из хором. По сем же начаша в дне являтися на коних, и не бе их видети самех, но конь их видети копыта; и тако уязвляху люди полотьскыя и его область; тем и человеци глаголаху: яко *навье* бьют Полочаны»[8]. Из последних

---

[1] Статьи Н. Лебедева и И Юркевича. «Этнографический сборник», вып. 1, Спб. 1853, стр. 215, 326.

[2] *W. A. Maciejowski,* Pierwotne dzieje Polski i Litwy, Warszawa 1846, str. 465

[3] *Н. М. Карамзин,* История государства Российского, т. I, Спб. 1816, стр. 353, примеч. 236.

[4] *К. Ф. Калайдович,* Иоанн, екзарх болгарский, М. 1824, стр. 211.

[5] Cosmae ecclesiae pragensis decani. Chronicon Bohemorum, t. I, Pragae, 1783, p. 197.

[6] «Стоглав», Спб. 1863, стр. 140.

[7] *И. П. Сахаров,* Сказания русского народа, т II, кн. 7, Спб 1849, стр. 94.

[8] ПСРЛ, т. I, стр. 92. См. также ПСРЛ, т. I, вып. 1, 1926, стб. 214.

слов видно, что в понятиях народа злые духи, бесы преимущественно, представлялись мертвецами. (О связи мертвеца с карликом, навья с nâr-naînn см. у Буслаева «О влиянии христ.», стр. 64). Из этого сближения слов мы видим, что духи в виде карликов, славянские людки, были не иное что, как души умерших; это представление, что души умерших имеют форму человека, только в уменьшенном виде, осталось до сих пор в живописи.

[107] Так было и у народов италийских и азиатских: Юпитер являлся иногда женского пола, Венера — мужеского, Creuzer's Symbolik, II, 835 [1].

[108] Ср. образцовое рассуждение об этом митрополита Платона в его Церковной истории [2].

[109] Во времена Игоря стоял в Киеве Перун на холме, но не в храме, ибо летописец прямо говорит: «Заутра призва Игорь слы, и приде на холм, кде стояше Перун, покладоша оружье свое, и щиты и золото» [3]. Нельзя было не сказать летописцу, что они вошли в храм Перуна, тем более что христианская церковь св. Илии должна была напомнить ему о храме. О Владимире говорится, что он поставил кумиры на холму вне двора теремного, и нисколько не говорится о храмах. В рассказе о введении христианства читаем: «Яко приде (Владимир), повеле кумиры испроврещи, овы осечи, а другие огневи предати; Перуна же повеле привязати коневи к хвосту и влещи с горы» и проч. [4] — Ни слова о разорении храмов. — В Новгороде Добрыня поставил кумира над Волховым, он не храм. Слова *требище* и *капище*, употребленные в некоторых летописях, древних сочинениях и житиях святых, не могут означать храмов; требище — место, где приносилась жертва, треба; капище происходит от *капь*, образ (по *капи* нашею и по образу, см Miklosich, Rad. 1. Sl., p. 11) [5], следовательно, может означать и самого идола и также вместилище идола, навес, шатер; что капище не могло означать храма, видно из слов летописца о принесении Владимиром с собою двух медных капищ из Херсона.

[110] Как это происходило, показывает и теперь еще существующий обычай: в Малороссии в щедрый или богатый вечер, 31 декабря, каждая хозяйка готовит множество варенников, книшей, пирогов и, поставивши все это кучей на столе, затеплив свечу перед образами, накурив ладаном, просит мужа *исполнить закон;* отец семейства должен сесть на покути, за грудой всякого печенья. Когда дети, войдя и молясь, спрашивают: «Дежь наш батько», то он спрашивает их в свою очередь: «Хибажь вы мене не бачите?» и на слова их: «Не бачимо тату» говорит: «Дай же боже, щоб и на той рок не побачили». Этими словами он выражает желание, чтоб и в будущем году было такое же изобилие всего, как в настоящем (Срезневский, Свят. и обр., стр. 77, 78) [6] У западных славян, где при большем развитии общественного богослужения существовали храмы и жрецы, роль отца семейства в описанном обряде занимает жрец. Саксон Грамматик (824, 825), описав праздник в честь Святовида, когда жрец переменяет вино в роге идола, прибавляет: «К этому же возношению принадлежал и пирог сладкий, круглый (коровай) и величиною почти в рост человека. Жрец, поставя его между собой и народом, спрашивал у руян, видят ли они его? Когда те отвечали, что видят, то он изъявлял желание, чтобы на следующий год его вовсе не было видно за пирогом» [7].

---

[1] *G. Creuzer,* Deutsche Schriften und verbesserte Symbolik und Mythologie der alten Völker, Bd. II, Leipzig 1840, S. 835.

[2] Краткая церковная Российская история, соч. митрополитом Платоном, т. I, М. 1829, стр. 6—7.

[3] ПСРЛ, т. I, стр. 23. См. также ПСРЛ, т. I, вып. 1, 1926, стб. 54.

[4] ПСРЛ, т. I, стр. 50. См. также ПСРЛ, т. I, вып. 1, 1926, стб. 116.

[5] *Miklosich,* Radices linguae slovenicae, Leipzig 1845, p. 116—117.

[6] *И. И. Срезневский,* Святилища и обряды языческого богослужения древних славян по свидетельствам современным и преданиям, Харьков 1846, стр. 77, 78.

[7] *Saxo Grammaticus,* Historia Danica, v. II, Havniae 1839, lib. XIV, p. 824—825. См. также Saxo Grammaticus,Gesta Danorum, lib. XIV, Strassburg 1886, S. 565—566.

[111] См. Constant. Por. de Amd. imper., стр. 9 [1]. Карамз., 1, примеч. 216 [2], Касторского, Начерт. слав. миф., 134 [3]. Полн. собр. р. лет., 11, 234 [4]. Памятн. слов. XII в., стр. 19 [5]. Краледвор. рукоп. [6]

[112] Кеппена — Библиогр. листы № 7 [7]: Полн. собр. русск. летоп, II. 257 [8]: Полн. собр. законов № 3771 [9]; Лев Диок., IX, 8 [10]; Памятн. слов. XII в. [11]

[113] Продолж. древ. росс. Вивл., 1: «Ты, рече, Перунище, *досити еси пил и ял*» [12].

[114] «И тако покладывают им требы и короваи им ломят моленое то брашно дают и едят, ставят кумиром трапезы котейные и законьнаго обеда иже нарицаеться беззаконьная трапеза, менимая роду и рожаницам». — У западных славян также находим известия о подобных *законных обедах;* думаем, что здесь должно искать начала *братчин* или *братовщин.*

[115] Можно думать, что средневековый обычай сожигать еретиков есть также остаток языческих понятий. Мы не согласны приписывать обычай человеческих жертв у славян чуждому влиянию, ибо думаем, что этот обычай общ всем языческим народам при известных обстоятельствах; разумеется, человеческие жертвы должны быть в большем употреблении у народов воинственных, чем у мирных, потому что, как уже сказано, в жертву приносились взятые в плен неприятели; так, мы видим человеческие жертвы у воинственных северо-западных племен славянских, особенно когда разгорелась религиозная борьба с христианами; так и в Киеве мы видим человеческую жертву при Владимире во время борьбы двух религий. — Видят также указание на человеческие жертвы в следующих словах летописца: «Привожаху сыны своя и дщери, и жряху бесом, оскверняху землю теребами своими и осквернися кровьми земля Русская и холм от» (Полн. собр. р. лет., I, 34) [13]. — Но здесь летописец повторил те же слова, которые вложил в уста философу, пришедшему для обращения Владимира: «Посем же дьявол в большее прельщение вверже человеки, и начаша кумиры творити, ови древяны, ови медяны, а друзии мраморяны, а иные златы и сребряны; кланяхуся и привожаху сыны своя и дъщери, и закалаху пред ними, и бе вся земля осквернена» (там же, 39) [13]. Ср. *Гельмольда:* Conveniunt viri et mulieres cum parvulis mactantque diis suis hostias de bobus et ovibus plerique etiam de hominibus christianis [14].

[116] О словопроизводстве *волхв* и *жрец* см. у Буслаева: «О вл. христ.» стр. 22, 23 [15]. — Miklosich, Rad. 1. Sl., p. 10 [16].

[117] Финны знают две магии — белую и черную; черная — адское искусство, отклоняющее людей от света солнечного, враждебное Байке, богине солнца; этим объясняется следующее место летописи: «Приключися некоему Новгородцю прити в Чудь, и приде к кудеснику, хотя волхованья от него; он же по обычаю своему нача призывати бесы в храмину свою. Новгородцю же седящю на порозе тоя же храмины, кудесник же лежаше

---

[1] *Constantinus Porphyrogenitus,* De thematibus et administrando imperio. Bonnae 1840, cap. IX, p. 74—79. См *Константин Багрянородный,* Об управлении государством, «Известия ГАИМК», вып. 91, 1934, стр. 8—10.

[2] *Н. М. Карамзин,* История государства Российского, т. I, стр. 351, примеч. 216.

[3] *М. И. Касторский,* Начертание славянской мифологии, Спб. 1841, стр. 134.

[4] ПСРЛ, т. II, Спб. 1846, стр. 234. Прибавления к Ипатьевской летописи.

[5] Памятники русской словесности XII в., издан. К. Калайдовичем, М. 1821, стр. 19.

[6] Краледворская рукопись, Прага 1851, перевод Н. Берга, стр. 45, 62.

[7] Материалы для истории просвещения, собираемые П. Кеппеном, т. II, «Библиографические листы» № 7, Спб. 1826, стб. 88.

[8] ПСРЛ, т. II, стр. 257. Прибавление к Ипатьевской летописи.

[9] Полное собрание законов Российской империи № 3771 — не найдено.

[10] *Leo Diaconus,* Historiae, lib. IX, c. 8 (Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae), Bonnae 1828, p. 151—152. *Лев Диакон,* История, Спб. 1820, кн. IX, гл. 8, стр. 94—95.

[11] Памятники русской словесности XII в., М. 1821, стр. 19.

[12] Продолжение древней российской Вивлиофики, 1 — не найдено.

[13] ПСРЛ, т. I, стр. 34 39. См. также ПСРЛ, т. I, вып. 1, 1926, стб. 79, 91.

[14] Helmoldi Chronica Slavorum. MGH, scriptorum, t. XXI, Hannoverae 1868, l. 1, c. 52, p. 52.

[15] *Ф. И. Буслаев,* О влиянии христианства на славянский язык, М. 1848, стр. 22, 23.

[16] *F. Miklosich,* Radices linguae slovenicae, p. 10.

оцепев, и шибе им бес; кудесник же встав рече Новгородцю: бози не смеют прити, нечто имаши на собе, его же боятся. Он же помянув на собе крест, и отшед постави кроме храмины тое; он же начат опять призывати бесы, беси же метавше им, поведаша, что ради пришел есть. По сем же поча прашати его: что ради боятся его, его же се носим на собе креста? Он же рече: то есть знаменье небесного бога, его же наши бози боятся. Он же рече: то каци суть бози ваши, где живут? Он же рече: в безднах; суть же образом черни, крылаты, хвосты имуще, всходять же и под небо, слушающе ваших богов, ваши бо ангели на небеси суть, аще кто умрет от ваших людей, то възносим суть на небо, аще ли от наших умирает, то носим к нашим богам в бездну»[1]. На это же финское верование указывает другое известие летописца о волхвах, явившихся в Ростовской области. Они говорили, что человек создан следующим образом: «бог мывься в мовницы и вспотивъся, отерься ветъхом и верже с небесе на землю, и распреся сотона с богом, кому в нем створити человека? и створи дьявол человека, а бог душу в не вложи; тем же аще умрет человек, в землю идет тело, а душа к богу»[2]. Доброе или белое волшебство проистекает из существа женщины, тогда как чернокнижие по своему характеру есть мужское Ср. Lenormant, III, 404[3].

118 Шафар. Древ. т. I, кн. II, стр. 45 и след.

119 Germ., cap. 46[4].

120 III, c. 5[5].

121 De reb. Get., c. 23; Thiudos, Vasina, Broncas (Beormas) Merens, Mordens, Sremniscans[6].

122 Sjögren. Ueber die älteren Wohnsitze der Jemen, S. 272, 339[7].

123 Geijer. Geschichte Schwedens, I, 95[8].

124 Tac. Germ., c. XLVI[9].

125 Kruse. Ur-Geschichte des esthnischen Volksstammes, S. 24 et squ[10]. Об обычаях финского народонаселения, имеющих необыкновенное сходство с русскими, см. Sjögren. Ueber die finnische Bevölkerung des St.-Petersb. Gouvernements[11]. И здесь, и там, например, выкуп приданого, одинакие поверья и предосторожности против влияния колдунов при свадьбе, также свекровь встречает молодую в вывороченной шубе; в таком же употреблении баня; молодой называется князем или королем; умершим волшебникам также втыкают кол в спину; верят в домовых, русалок, недавно еще приносились жертвы под деревьями. — Такое сходство обычаев с осторожностью должно приписывать заимствованию у одного племени другим, хотя взаимное влияние двух соседних племен друг на друга бесспорно. С такою же осторожностью должно обходиться и с языком, утверждать о заимствованиях, тогда как и здесь всего легче может иметь место общее сродство; сравним, например, славянский кумир с чудским Kummardama, Kumartaas-adorare; капь (forma, idolum), капище с мадьярским

---

[1] ПСРЛ, т. I, стр. 77. См. также ПСРЛ, т. I, вып. 1, 1926, стб. 179.

[2] ПСРЛ, т. I, стр. 76. См также ПСРЛ, т. I, вып. 1, 1926, стб. 176, 177.

[3] *F. Lenormant,* Manuel d'histoire de l'Orient, v. III, p. 404.

[4] *Тацит,* Германия, гл. 46. См. *В. В. Латышев,* Известия.., т. II, вып. 1, стр. 250, ВДИ, 1949, № 3, стр. 222.

[5] *Птоломей,* География, кн. III, гл. 5. См. *В. В. Латышев,* Известия.., т. 1, вып. 1. стр. 231; ВДИ, 1948, № 2, стр. 236.

[6] Jordanis Romana et Getica. MGH, auctorum antiquissimorum, t. V. p. 1, cap. XXIII, p. 88. См. также ВДИ, 1941, № I, стр. 232.

[7] *J. Sjögren,* Ueber die älteren Wohnsitze der Jemen. Aus dem «Mémoires de l'Académie Imperiale des sciences de St.-Pétersbourg». Ser. VI, p. 272, 339. См. также *J. Sjögren,* Gesammelte Schriften, Historisch-ethnographische Abhandlungen über den finnischrussischen. Norden, Bd. I, St.-Pétersburg 1861, S. 468, 509.

[8] *E. Geijer,* Geschichte Schwedens, Bd. I, Hamburg 1832, S. 95.

[9] *Тацит,* Германия, гл. 46. См. *В. В. Латышев.* Известия.., т. II, вып. 1, стр. 250: ВДИ, 1949, № 3, стр. 222.

[10] *F. Kruse,* Ur-Geschichte des esthnischen Volksstammes, Leipzig 1846, S. 24—30.

[11] *J. Sjögren,* Über die finnische Bevölkerung des St -Petersburgischen Gouvernements und über den Ursprung des Namens Ingermanland. Gesammelte Schriften, Bd. I, S. 541—606.

Kép, bálvány-Kép (imago idolum); гобина с мадьярским габона (fruges), одерень, дерноватый с финским deren (firmus).

[126] Древн. Шафарика, т. I, кн. II, стр. 276 и след.

[127] Lappenberg, Urkund., I, 105. Письмо папы Григория VII к датскому королю Гаральду 1080 года: «Vos intemperiem temporum, corruptiones aeris, quascunque molestias corporum, ad sacerdotum culpas transferre. Praeterea in mulieres ob eandem causam simili immanitate barbari ritus damnatas, quidquam impietatis faciendi vobis fas esse nolite putare»[1]. Полн. собр. р. лет., III, 44: «И въздвиже (диявол) на Арсения мужа кротка и смерена крамолу велику, простую чядь; и створше вече на Ярославли дворе, и пойдоша на владычьнь двор, рекуче: того деля стоит тепло дълго»[2] и проч. — Там же, т. IV, 198: «А тогда бяще мор в Пскове велик, и тогда отрекошася Псковичи князю Данилу Александровичу: «тебе ради мор сей у нас» и выеха Князь Данило изо Пскова»[2]. — О поступках волхвов с женщинами см. выше.

[128] См. о литовском племени подробнее: Voigt. Geschichte Preussens t. I[3]. Narbutt. Dzieje starożytne narodu litewskiego, t. I[4]

[129] Точнейшее определение границ Галиндии см. у Фойгта, т. 1, стр. 495[3].

[130] Voigt, 1, 611[3].

[131] Шафар., т. 1, кн. II, стр. 125.

[132] Таково мнение Шафарика; впрочем, это мнение высказал уже и Татищев, II, примеч. 167[5].

[133] Iordanis, c. 17[6].

[134] Ibid., c. 23[6].

[135] Ibid. c. 24[6]; Ammiani Marcell XXXI, 2[7], Sidonii Apollin. Carm, II, v. 245—262[8].

[136] Iordanis, de reb Get., c. 48[6].

[137] Полн. собр. р. лет. I, 5[9].

[138] Stritter, Memor. Popul., I[10].

[139] Fraehn — De Chasaris, p. 15: Duplex eorum genus exstat. Alteri nomen est Kara Chasar (i. e. Chasari nigri); hi fusco colore sunt sed propter fusci intensionem ad nigredinem vergente, ita ut species Indorum esse videantur. Genus alterum albo colore est atque pulchritudine et forma insigne[11]. Доказательства, взятые от языка, свидетельствуют преимущественно в пользу смешения турецкого с финским племенем; см. Клапрота (Mémoires relatifs à l'Asie, p. 155)[12], Френа (Mémoires de l'Academie de St-Petersb., 1832, p. 548[13]. Григорьева — Обзор политической истории хозаров, 1835[14]; Языкова — Опыт истории козаров (в трудах Императорской Российской академии, ч. 1, 1840 года)[15]; Kunik — Die Berufung der Schwedischen Rodsen, II, S. 247 et squ[16]. В религиозном отношении замечателен следующий поступок кагана (Fraehn. De Chas, p. 18): «Anno tre-

---

[1] *I. M. Lappenberg,* Hamburgisches Urkundenbuch, Bd. I, Hamburg 1907, S. 105.

[2] ПСРЛ, т. III, Спб. 1841, стр. 44; ПСРЛ, т. IV, Спб. 1848, стр. 198.

[3] *J. Voigt,* Geschichte Preussens von ältesten Zeiten bis zum Untergange der Herrschaft des deutschen Ordens, Bd. I, Königsberg 1827, S. 495, 611.

[4] *T. Narbutt,* Dzieje starożytne narodu litewskiego, t. I, Wilno 1835.

[5] *В. Н. Татищев,* История Российская.., т. II. М. 1773, стр. 400, примеч. 167.

[6] Jordanis Romana et Getica, MGH, t. V, auctorum antiquissimorum cap. XVII, XXIII, XXIV, Berolini 1882, p. 82, 88, 90. См. также ВДИ, 1941, № I, стр. 232.

[7] *Аммиан Марцеллин,* История, XXXI, 2. См. *В. В. Латышев,* Известия.., т. II, вып. I, Спб. 1904, стр. 337; ВДИ, 1949, № 3, стр. 301.

[8] *Г. Соллий Аполлинарий Сидоний,* Стих., II, 245—262. См. *В. В. Латышев,* Известия.., т. II, вып. 2, Спб. 1904, стр. 420; ВДИ, 1949, № 4, стр. 288.

[9] ПСРЛ, т. I, стр. 5. См. также ПСРЛ, т. I, вып. 1, 1926, стб. 12.

[10] *I. Stritter,* Memoriae populorum. Avarica, t. I, cap. I, § 3, p. 643.

[11] *Ch. Fraehn,* De Chasaris, Petropoli, 1882, p. 15.

[12] *M. Klaproth,* Mémoires relatifs à l'Asie, Paris 1824, p. 155.

[13] *Ch. Fraehn,* Mémoires de l'Académie des sciences de St.-Pétersbourg, 1832, p. 548.

[14] *В. В. Григорьев,* Обзор политической истории хозаров, Спб. 1835.

[15] *Д. И Языков,* Опыт истории козаров «Труды императорской Академии наук», ч. 1, Спб. 1840, стр. 158—225.

[16] *A. Kunik,* Die Berufung der Schwedischen Rodsen durch die Finnen und Slawen, v. II, St.-Pétersburg 1844, S. 247.

centesimo decimo (=922 p. c.). Rex accepto nuncio Muhammedanos ecclesiam (Christianam), quae in terro Babundsch erat diruisse, turrim (templi muhammediani) destrui praeconesque sacros morte offici jussit, addens: nisi timerem, ut in Muhammedanorum terris ulla superstes relinqueretur ecclesia, ipsum hoc templum etiam destruerem» [1].

[140] Полн. собр. р. лет., I, 2, 3 [2]. Fraehn. Ibn-Fozlan's und anderer Araber Berichte, S. 182, 183, 198 [3]. Арабский писатель Бируни (X—XI в.) продолжает Варяжское море до области булгар, а Дшардшани (1409 г.) — до китайских границ.

[141] Полн. собр. р. лет., I, 8 [4]. — Что касается земли Английской, то ее название не может вводить в сомнение, ибо с одной стороны варяги-норманны живут собственно до Английской земли; но, с другой стороны, они издавна поселились на берегах Англии, завоевывали ее, наконец, завоевали окончательно из Нормандии французской; наконец, что кажется нам всего вероятнее, летописец смешивает древние жилища англов с новыми в Британии, смешивает и датчан с англичанами вследствие тесной, постоянной связи, которая издавна существовала между этими двумя народами.

[142] Говорю на приведенных местах только потому, что из других мест летописи, где упоминаются варяги, некоторые важны только для показания, что варяги жили на берегах Балтийского моря, но нисколько не могут противоречить тому мнению, что под варягами разумеются все прибалтийские жители, следовательно, и славяне.

[143] Новгородцы, сносясь с шведским королем об избрании брата его на русский престол, говорили: «А прежние государи наши и корень их царской от их же варяжского княженья, от Рюрика и до великого государя Федора Ивановича был». Дополн. к акт. истор., т. 1, № 162 [5].

[144] Annal. Bertin., an. 839; ap. Murator. scriptor. rer. Ital., t. II, p. 525 [6].

[145] Histor., cap. 46 [7].

[146] См. у Fraehn. Ibn-Fozlans etc.

[147] Известия других византийцев только не противоречат мнению о скандинавском происхождении варягов: варягами в Византии назывались дружины из пришлецов с далекого севера, с острова Туле; это, впрочем, не противоречит мнению, что у других народов варягами могли называться и другие жители севера, иного происхождения, чем скандинавы; если в дружинах с Туле были славяне северные, то византиец не имел обязанности упоминать об этом обстоятельстве: мы знаем неточность византийцев относительно этнографических определений и знаем различие между южными, известными византийцам, славянами и северными. — Позднейшие известия наших летописей, где под варягами разумеются скандинавы, немцы, также не противоречат мнению о скандинавском происхождении варягов, не противоречат мнению и о славянском: сперва под варягами могли разуметься все жители балтийского прибрежья; потом, с принятия христианства, начало господствовать различие религиозное, и варягами на севере начали называть тех, кого на юге разумели под латинами, то есть всех не греческого закона, всех без различия происхождения; наконец онемечение славян прибалтийских заставило считать немцами все народы Северо-Западной Европы, носившие прежде имя варягов.

[148] *Warg,* иначе *wrag,* в Западной Европе средних веков означал изгнанника, изверженного из известного округа, exul, pago expulsus; подобный человек у англо-саксов назывался *wraecca,* в законе салическом *wargus.* После это название начало означать изгнанника и преступника

---

[1] *Ch. Fraehn,* De Chasaris, p. 18.

[2] ПСРЛ, т. I, стр. 2—3. См. также ПСРЛ, т. I, вып. 1, 1926, стб. 7.

[3] *Ch. Fraehn,* Ibn-Foszlan's und anderer Araber Berichte. St.-Petersburg 1828, S. 182, 183, 198.

[4] ПСРЛ, т. I, стр. 8. См. также ПСРЛ, т. I, вып. 1, 1926, стб. 19.

[5] Дополнения к Актам историческим, т. I, Спб. 1846, № 162, стр. 284.

[6] Annales Bertiniani. Scriptores rerum Germanicarum — an. 839. Hannoverae 1883, p. 203. См также MGH, scriptorum, Leipzig 1925, t. I, p. 434.

[7] Liudprandi Antapodisis, lib, I, c. XI. MGH, scriptorum, Leipzig 1925, t. II, p. 277.

вместе; отсюда у готов — wargjan condemnare, exterminare, tractare ut sceleratum; у шведов werg значит *волк*, как разбойник между зверями; wrang trux, ferox. Итак, wrag, wraec, wrang древних германцев, warg, frec, franc новых было однозначительно с англосаксонскими utlagh; *warg, wrag* значил волк, разбойник или изгнанник на всех языках севера (ср. славянское *враг*, финское waras). Будем ли смотреть на варягов на βαραγγοι φοιδεσατοι Waeringar; будем ли производить слово от *var* воина или от славянского *варяю* и сравнивать с Δορμῖται; будем ли указывать на древанское warang — меч, — заключение будет одно, что *варяг* означал дружинника, воина по преимуществу, а известно, что в средние века дружины составлялись преимущественно из людей, носивших название *wargus*, следовательно, если бы даже между этими двумя словами не было связи филологической, то есть историческая. — Круг [1] производит варягов от *варяю* и ср. с Δρομῖται; Тредьяковский [2] уже давно производил от варяю, только в смысле предварителя, старожилы. Максимович [3] считает warang русским *враг;* но об этом сближении уже давно писал монах Кульчинский в своем сочинении *Specimen ecclesiae Ruthenicae* [4]. От значения изгнанника легкий переход к значению скитальца, пришлеца, чужого: «Omnes warengangi, qui de exteris finifus in regni nostri finibus advenerint, seque sub scuto potestatis nostrae subdiderint, legibus nostris Langobardorum vivere debeant, nisi legem suam a pietate nostra meruerint», Edict. regis Rotharis, p. 300 [5].

[149] Византиец Симеон Логофет [6] объясняет прямо слово Ῥῶς словом Δρομῖται, а δρομῖται происходит от δρόμων — корабль. Корень слова с приведенным значением найдем в языках славянском, германском, финском и других многих; местных названий, подобным образом звучащих, найдем много; но не думаем, чтобы исследователь имел право выводить дружину Рюрика непременно из какого-нибудь подобного места.

[150] Арабский писатель Табари (Dorn. Beiträge zur Geschichte der Kaukasischen Länder und Völker, Mémoires de l'Académie des sciences de S.-Pétersbourg, t. IV, 1841; t. VI, 1844 [7] упоминает о руссах вместе с козарами под 642 годом по р. хр. — Обыкновенно думают, что греки в первый раз познакомились с руссами только после Аскольдова похода; но мог ли патриарх Фотий [8] в окружном послании своем 867 года отзываться о руссах таким образом: Τὸ παρὰ πολλῶς πολλακις Θρυλλοίμενου? В Паралипоменоне Зонары жительство руссов полагается на берегах Черного моря (Чтение Москов. Истор. Общ., год третий, № 1) [9]; там же полагают Русь и арабские писатели (Fraehn. Ibn-Foszlan Berichte); по Муккадези, руссы живут на острове Вабия [10]; число их простирается до 100 000, у них нет ни хлебопашества, ни скотоводства. По словам Димешки, руссы получили свое имя от города Руси (Rusija) [10], находящегося на северном берегу названного от них моря, то есть Черного. На этом море семь островов, обитаемых разбойниками руссами. Едризи упоминает также о городе Русе: «От города Матехры до города Руси 27 миль; последний лежит на большой реке, вытекающей из горы Кукайя» [10]. По Али-бен-Саид-Махреби, Русия, главный город руссов, находится на берегах Азовского моря [10].

---

[1] *Phil. J. Krug,* Forschungen in der älteren Geschichte Russland, Bd. I, St.-Petersburg 1848, S. 236.

[2] *В. Тредьаковский,* Три рассуждения о трех главнейших древностях России. Спб. 1773, стр. 212.

[3] *М. А. Максимович,* Откуда русская земля по сказанию Несторовой летописи и по другим старинным писаниям русским. Собр. соч., т. I, Киев 1876, стр. 50.

[4] Specimen ecclesiae Ruthenicae per Ig. Kulczunski, Rome 1734, Appendix, p. 107.

[5] Die Gesetze der Langobarden, hrsg. von Fr. Beyerle, Weimar 1947, S. 148.

[6] *Simeon Magister,* Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae, Bonnae 1837, p. 746.

[7] *B. Dorn,* Beitrage zur Geschichte der Kaukasischen Länder und Völker, Mémoires de l'Académie des sciences de St.-Pétersbourg, t. IV, 1841; t. VI, 1846.

[8] См. *П. Успенский,* Четыре беседы Фотия, Спб. 1854. (I и II беседы по случаю нашествия Россов.).

[9] Паралипоменон Зонары. «Чтения МОИДР», № 1, 1847, стр. 69.

[10] *Ch. Fraehn,* Ibn-Foszlan's und anderen Araber Berichte über Russen alterer Zeit, 1823, S. 47, 34—35, 30—31.

Ибн-ель-Варди при исчислении городов на Черном море называет Руссия [1]. Такие согласные свидетельства оспаривать трудно, а главное — нет нужды: древнее пребывание руссов на Черном море только объяснит нам некоторые летописные известия, не противореча ни одному из них.

Недавно г. Гедеонов снова поднял вопрос о славянском происхождении варягов — руси (Отрывки из исследований о варяжском вопросе, приложение к I тому Записок Импер. Академии наук № 3) [2]. Исследования его замечательны своею отрицательною стороною, где он опровергает некоторые мнения ученых, держащихся скандинавского происхождения варягов — руси; но положительная сторона исследования не представляет ничего, на чем бы можно было остановиться. Г. Гедеонову принадлежит честь за то, что он заставляет начального летописца указывать на славянское происхождение варягов — руси, признает, что летописец под варягами — русью не разумел славян и отвергает свидетельство летописца как неверное. Но вопрос о неверности показаний летописца не решен в исследовании, а без этого решения дело не подвинется ни на шаг в пользу противников мнения о неславянском происхождении руси. То же должно сказать и об исследованиях г. Иловайского [3]. Я уже показал в своем месте (в исследовании о летописи, III том Истории России), что известия о призвании князей никак нельзя соединять с хронологическими показаниями летописи, что хронология надана впоследствии произвольно, по соображению с греческими источниками; в известиях же о призвании князей и первоначальной их деятельности нет возможности найти систему или какое-нибудь мудрование. Затрудняться вопросом, откуда начальный летописец почерпнул известие о призвании, не следует: можно ли предположить, что сыновья Ярослава, правнуки Рюрикова внука, забыли о своем происхождении, об обстоятельствах появления своего предка в стране, ими владеемой, забыли, когда еще находились в живых люди, помнившие крещение Русской земли, помнившие правнука Рюрикова?

156 В летописи: «Имаху дань Варязи из-за морья на Чудь и на Словенех, на Мери и на всех Кривичех» [4]. Вместо *всех Кривичех* я читаю веси и и кривичех, ибо если меря платила дань, то не могла не платить весь; что весь платила дань и потом участвовала в призвании князей доказательством служит поселение у нее на Белоозере одного из братьев — Синеуса; потом, как видно, все племена, платившие дань варягам, вошли в состав Рюрикова владения; но не все кривичи вошли сюда, ибо Смоленск был взят только при Олеге. Что касается до чуди, то под этим именем должно разуметь воть, или водь, жителей древней Вожской пятины в Новгородской области, которых и теперь русские соседи их не иначе называют, как чудья. См. Koeppen. Ethnographischer Ausflug in einige Kreise des St.-Petersburgischen Gouvernements в Mélanges russes, t. I, 2 livr., 1849 [5].

152 Г. П. Савельев справедливо заметил: «Слово *белка* показывает, что оно только в позднейшее время перенесено на зверя, которого мы теперь так называем и который никогда не бывает белым; говоря, что «Хозары имаху на Полянех и на Северех и на Вятичех по беле и веверице от дыма» [6], Нестор разумел, конечно, не векш, а «горностаев». — Мухаммедан. Нумизмат, стр. CCVII [7].

153 Дым означает обитаемое жилище, где топят, следовательно живут; дом просто еще ничего не значил; нужно, чтоб он был обитаем, важен был признак обитаемости — *дым*. Был обычай для наказания или вынуждения

---

[1] *Ch Fraehn,* Ibn-Foszlan's und anderen Araber.., S. 32.

[2] *С. Гедеонов,* Отрывки из исследований о варяжском вопросе. Приложение к I тому Записок императ. Академии наук № 3, 1862, стр. 1—127.

[3] *Д. И. Иловайский,* Разыскания о начале Руси, М. 1876.

[4] ПСРЛ, т. I, стр. 8. См. также ПСРЛ, т. I, вып. 1, 1926, стб. 19.

[5] *P. Koeppen,* Ethnographischer Ausflug in einige Kreise des St.-Pétersburgischen Gouvernements (Mélanges russes tirés du Bulletin historico-philologique de l'Academie imperiale des sciences de St.-Pétersbourg, t. I, livr. 2, 1849, p. 112).

[6] ПСРЛ, т. I, стр. 8. См. также ПСРЛ, т. I, вып. 1, 1926, стб 19 (цитата дана неточно).

[7] *П. С. Савельев,* Мухаммеданская нумизматика в отношении к русской истории, Спб. 1847, стр. CCVII.

чего-нибудь разламывать печь и таким образом делать дом неудобным к обитанию, отсюда важность печи, очага в доме.

[154] См. мое исследование Об отношениях Новгорода к великим князьям, стр. 7, 8[1]. См. также Studien zur grundlich. Kenntniss der Vorzeit Russlands, S. 304[2]. Пиша мое исследование о Новгороде, я не мог достать исследования Неймана о том же предмете, помещенного в названной книге, которая составляет библиографическую редкость. После, доставши книгу, я нашел, что во многом сошелся со мнениями Неймана, и потому теперь спешу возвратить ему честь первенства.

[155] Никон. I, 14. Потом же славяне, чудь и кривичи и проч. «видяще великое настроение в земле своей, прийдоша в чувство и совет сотвориша, еже избрати себе князя от иного рода»[3].

[156] Полн. собр. р. лет. II, стр. 17[4].

[157] Там же.

[158] Там же, т. III, стр. 11[5]. Возражают: если бы новгородцы призвали первых князей для наряда внутреннего, как судей, то Рюрик не сел бы в Ладоге — Но какое право имеет историк непременно предполагать, что Новгород в это время имел то же значение, какое после. Летописец, говоря о призвании князей, упоминает постоянно название племени — словене, не говоря ни слова о Новгороде, чего не мог бы сделать, если б Новгород и тогда уже имел первенствующее значение. См. стр. 136 [настоящего издания].

[159] Можно было бы объяснить явление таким образом в выражении: *встал род на род,* под *родом* разуметь отдельные племена — чудь, славян ильменских, кривичей; эти племена, покорные варягам, как скоро освободились, то завели усобицы, для прекращения которых не нашли другого средства, как подчиниться князю из чужого рода, ибо в противном случае варяги снова могли бы легко подчинить себе враждующие племена. — Но, во-первых, странно было бы предположить, чтоб отдельные племена, имея крепкое, удовлетворительное внутреннее устройство, захотели бы подчиниться чуждой власти потому только, что не могли сладить с соседями? Это был бы действительно пример, неслыханный в истории; если новгородцы поссорились с чудью, например, и начали усобицу, положим даже, что в одно время они начали усобицу с кривичами, то соединенные кривичи и чудь, конечно, могли заставить новгородцев уступить их желанию и без призыва чуждой силы; далее, могли ли племена, говоря о взаимных войнах своих друг с другом, сказать, что во всей их земле нет наряда, если бы внутри каждого племени он был; наконец, что всего важнее, мы видим из последующей истории, что в Новгороде, например, князь был необходим для установления внутреннего наряда, а не для соглашения с соседями; заметим, что относительно последних и вообще чужих народов новгородцы вели себя обыкновенно очень осторожно, миролюбиво, старались сколько можно более избегать враждебных столкновений. — Предполагать нового завоевания историк не имеет никакого права, ибо это значило бы строить историю, не обращая никакого внимания на свидетельство летописца. — Некоторые исследователи объясняют призвание необходимостью внешней защиты для призывавших племен; так, г. Погодин, согласно с Миллером и Шлецером, говорит (Иссл. Зам. и Лек. III, стр. 57): «Главная цель новгородцев была — иметь защитников от варягов, которые всегда могли грозить их земле. Доказательство: к ним пошло целое колено — войско. Для чего бы новгородцам в противном случае брать себе на содержание столько народа? Звать целое войско княжить — нелепость. Если б им нужен был только князь, то взяли бы его одного без его племени. Но они звали князей вследствие междоусобия? Междоусобие началось у них по изгнании варягов, вследствие пер-

[1] *С. М. Соловьев,* Об отношениях Новгорода к великим князьям, М. 1845, стр 7, 8.
[2] *J. Ewers,* Studien zur grünglichen Kenntniss der Vorzeit Russlands, Dorpat 1830, S. 304.
[3] Русская летопись по Никонову списку, ч. I, стр. 14, по ПСРЛ — не найдено.
[4] ПСРЛ, т. II, стр. 17. См. также ПСРЛ, т. II, 1908, стб. 307.
[5] ПСРЛ, т. III, стр. 11.

вого *общего* действия, как догадывался и Шлецер, потому, может быть, что всякое племя желало первенствовать; прекратить междоусобие — это была временная нужда, а безопасность — всегдашняя»[1]. Отвечаем: к ним пошло целое колено — войско, говорит г. Погодин; но известно ли нам число людей, пришедших с Рюриком? разве можно принимать буквально известие: пояша по себе всю Русь? Летописец XI века, естественно, должен был предположить, что Рюрик вывел с собою всю русь, зная, что русь были варяги, и в то же время не будучи в состоянии отыскать между варяжскими народами особенного народа руси, подобного шведам, норвежцам, готам. — «Если б им нужен был только князь, говорит г. Погодин, то взяли бы его одного без его племени». — Но если бы князья одни не пошли к чужому народу, на кротость которого, как видно из некоторых известий, вовсе не надеялись? «Ониж бояхусь звериного их обычая и нрава, и едва избрашася три браты», читаем в Никоновом списке (1,15)[2]. — «Прекратить междоусобие — это была временная нужда», — говорит г. Погодин. — Выше было показано, что усобицы среди славян не были случайным явлением, но были характеристическою чертою их быта. Любопытно, что г. Погодин в другом месте (II, стр. 371, 373)[3], следуя Шафарику, представляет сварливость славян, неуменье ужиться друг с другом. Но если б даже междоусобие и было случайным явлением, да было так сильно, что прекратить его не предвиделось никаких средств, то и тогда призвание князей для одной цели внутреннего наряда будет понятно. Правда, что разрозненный родовой быт и вражда между родами препятствовала племенам не только дружно нападать, но даже и с успехом защищаться от чуждых нападений; но это было следствием вражды между родами; нужно было прежде всего уничтожить эту вражду, эти усобицы, утвердить наряд, тогда при общем согласии и спокойствии необходимо являлась возможность дружной и успешной защиты; нужно было уничтожить причину, следствие уничтожалось само собою.

[160] См. об этом статью в Северн. арх. [1826 года][4].

[161] I, 8: «И придоша к Словеном первее, и срубиша город Ладогу, и седе старейший в Ладозе Рюрик»[5].

[162] Некоторые исследователи не хотят признавать всей важности этого события, не хотят называть его всероссийским. Так, г. Погодин говорит (Иссл. 3, Л. III, 69): «Событие это, каково оно ни было, какую бы оно ни имело связь с другими, принадлежит одному Новгороду. Еще более: пре́емник Рюрика оставил тотчас Новгород, оставил совершенно, и все дела пришли в первобытное положение, то есть новгородцы остались платить дань варягам, как они платили ее в 859 году; варяги — русь ушли в другую сторону и при благоприятных обстоятельствах удержали право новгородской дани; Новгород, напротив, отделился с самого начала и составил особое целое, от которого через сто лет отпирался уже сам Святослав. Это почти отрезанный ломоть, остров в русской истории. В Новгороде как в одной части будущего русского государства мы видим теперь, при Рюрике, новую гражданскую форму, и то на время, точно как подобная форма тогда же показалась в Киеве, или после — во Владимире. Вот и все. Следовательно, началом государства этого события с Карамзиным назвать нельзя. Как же вернее назвать это происшествие? По-моему, вследствие предложенных изысканий это происшествие должно быть названо, всего приличнее — вернее: прибытие норманнов в нашу славянскую землю, норманнов, которые впоследствии, в течение шести веков, ославяниваясь, будут давать по мере своего размножения гражданскую форму поселениям

---

[1] *М. П. Погодин*, Исследования, замечания и лекции о русской истории, т. II, М. 1846, стр 57.

[2] Русская летопись по Никонову списку, ч. I, стр. 15. См. также ПСРЛ, т. IX, Спб. 1862, стр. 9.

[3] *М. П. Погодин*, Исследования, замечания и лекции о русской истории, т II, М. 1846, стр 371, 373.

[4] *Лелевель*, Рассмотрение истории государства Российского в соч. Карамзина, «Северный архив», ч 9, 1824, стр. 91—101.

[5] ПСРЛ, т. I. Спб 1846, стр. 8, примеч.

племен славянских. Чем же соединяется оно, хотя несколько, с последующими происшествиями? Почему начинают им российскую историю? Какую долю имеет это происшествие в основании Русского государства? Главная, существенная связь этого происшествия, связь с будущей историей, есть не Новгород, а Рюрик, как родоначальник будущей династии, государь, добровольно приглашенный, следовательно, пришедший с чувствами дружелюбными, а не враждебными. Здесь начало династии и вот почему преимущественно это особое событие бессмертно в русской истории, есть часть ее. Это в некотором отношении начало начала. Воздадим здесь честь и Новгороду, старшему сыну России: он призвал того князя, которого роду предназначено было великое дело — преобразовать в гражданском отношении весь этот славянский патриархальный мир, сообщить исподволь гражданскую форму всем частям России, довести ее до нынешнего состояния и составить величайшее государство в мире»[1].

Мы привели это мнение для того, чтобы его опровержением подкрепить наше собственное мнение, высказанное в тексте. Во-первых, событие призвания принадлежит не одному Новгороду. Если странно давать здесь главную роль финнам, то также странно приписывать все одному Новгороду, одному племени ильменских славян, не обращая внимания ни на чудь, ни на кривичей, которые имели в призвании одинакое участие. Событие принадлежит, следовательно, не Новгороду, а, с одной стороны, трем племенам, сосредоточившимся около призванной власти и посредством своего сосредоточения давшим этой власти средства к сосредоточению остальных племен; с другой стороны, это событие всероссийское, потому что здесь положено начало сосредоточению и наданию гражданских форм, что с этого времени и места непрерывно продолжается в течение веков. Г. Погодин вооружается против этой непрерывности, но вооружается вопреки всем свидетельствам. Он говорит, что Олег оставил Новгород совершенно, и все дела пришли в первобытное положение. Отвечаем: вы признаете факт призвания, как он рассказывается в летописи, признаете, что князь был необходим призывавшим по каким бы то ни было причинам, положим, как защитник только? Но если князь был необходим для известного народа и князь покинул этот народ, то что должен делать последний? Или подвергнуться всем невыгодам прежнего состояния, или призвать другого князя; Новгород не призывает нового князя, а так как князь для него необходим, то, следовательно, в Новгороде остается прежний князь или его наместник. Это со стороны призвавших племен; теперь со стороны Олега: он не мог, удаляясь на юг, оставить северный конец своего пути не закрепленным для себя, следовательно, он не мог отказаться от Новгорода. Мы до сих пор довольствовались одними соображениями, теперь обратимся к свидетельствам. Олег оставил *совершенно* Новгород, северные племена, которыми владел Рюрик, а между тем, идя на юг, он собирает войско из этих племен, чуди, славян, мери, веси и кривичей; утвердившись на юге, Олег налагает дань на эти племена: на славян, кривичей, мерю; на новгородцев налагает особую дань в пользу варягов; идя в поход на греков, собирает войско опять из этих же племен; заключая мир с греками, требует укладов на северные города; Игорь собирает войско также из этих племен; Ольга ходила в Новгород и установила погосты в его области. — Г. Погодин видит в событии только приход норманнов в нашу славянскую землю; но здесь дело не в норманнах, не в народности пришлецов, но в характере, с каким они пришли. Г. Погодин говорит, что норманны, пришедши в Новгород, дали ему новую гражданскую форму и потом, ославяниваясь и размножаясь, будут давать гражданскую форму поселениям племен славянских; но в таком случае поселение норманнов у северных, первых племен и сообщение им гражданской формы разве не будет начало истории и начало государства? — На стр. 74 г. Погодин говорит: «Олег оставил Новгород, кажется навсегда, без мысли

[1] *М. П. Погодин,* Исследования, замечания и лекции о русской истории, т. III, М. 1846, стр. 69—71.

о возвращении. В противном случае на что бы увозить ему с собою младенца Игоря?» — Но как бы он в противном случае выполнил родственную обязанность, возложенную на него Рюриком, отдавшим ему сына на руки? — Сказавши на стр. 74, что Святослав воспитывался в Новгороде, показавши, следовательно, тесную связь Новгорода с Киевом, тесную связь рода русских князей с Новгородом, на стр. 75 и 76 г. Погодин утверждает, что Святослав не хотел знать Новгорода, с презрением говорил: «кто к вам пойдет?» Г. Погодин утверждает там же, что при Святославе Новгород, кроме дани, нисколько не принадлежал ему: но разве дань не есть самое лучшее доказательство принадлежности? Князь распоряжается в городе, налагает дань, говорит: столько-то платите мне, столько-то варягам, — и город, однако, не принадлежит ему?! Да и что нам известно об отношениях других городов, кроме дани? Поэтому и Киев не принадлежал князю, ибо о Киеве мы ничего не знаем, даже относительно дани.

[163] П. С. Р. Л., I, стр. 8[1].

[164] Полн. собр. р. лет., I, 9, вар.[1]

[165] Никон., I, 16: «Того же лета (863) оскорбишася Новгородцы глаголюще, яко быти нам рабом, и много зла всячески пострадати от Рюрика и от рода его. Того же лета уби Рюрик Вадима храброго, и иных многих изби Новгородцев съветников его»[2], — Степ. кн., I, 79[3]. Вадим, *водим*, может быть, и нарицательное имя: в некоторых областных наречиях оно означает *коновод, передовой, проводник*. См. Опыт областного словаря, стр. 26[4].

[166] Полн. собр. р. лет., I, 9, вар. «И пришед ко Илменю, и сруби городок над Волховом, и прозва и Новгород, и седе ту княжа»[5]. — Об Ярославе сказано «заложи Ярослав город великый Кыев» (1, 65[5]); о самом Рюрике прежде сказано, что он срубил город Ладогу, причем должно разуметь одни укрепления в городах, давно существовавших; но в обоих приведенных местах не сказано, что князья давали имена городам Киеву и Ладоге, что прямо сказано о Новгороде: «И прозва и Новгород». — Скажут, что прежде летописец говорит о построении Новгорода славянами. Но в том же летописце находим и известие о построении Новгорода Рюриком. Единственное средство согласить противоречия — это предположить, что старый город был построен славянами, а новый получил бытие и название при Рюрике.

[167] Никон., I, 17[6].

[168] Там же: «Избиша множество Печенег Оскольд и Дир». — Отрицать возможность появления печенегов в Приднепровье во время Аскольда и Дира нет основания.

[169] См. Воскресен. и др. списки.

[170] Никон., I, 16: «Убиен бысть от Болгар Оскольдов сын»[7].

[171] Полн. собр. р. лет., I, 7; «По смерти братье сея быша обидимы (Поляне) Древлями, инеми околними»[8].

[172] См. подробности и указания источников у арх. Макария в его истории христианства в России, стр. 261 и след.[9]

[173] Подробности и разбор сказаний см. в приведенной выше книге арх. Макария, стр. 166 и след., стр. 169 и след. — Принимать известие о чуде св. Стефана за позднейшее и заимствованное непременно из сказания о чуде св. Георгия мы не видим достаточного основания: не всегда

---

[1] ПСРЛ, т. I, стр. 8, 9, вар. См. также ПСРЛ, т. I, вып. 1, 1926, стб. 20.
[2] Русская летопись по Никонову списку, ч. I, стр. 16. См. также ПСРЛ, т. IX, стр. 9.
[3] Книга Степенная, ч. I, М. 1775, стр. 79. См. также ПСРЛ, т. XXI, Спб. 1908, стр. 61.
[4] Опыт областного великорусского словаря, Спб. 1852, стр. 87, 176, 217.
[5] ПСРЛ, т. I, стр. 9, (вар.), 65. См. также ПСРЛ, т. I, вып. 1, 1926, стб. 20, 151.
[6] Русская летопись по Никонову списку, ч. I, стр. 17. См. также ПСРЛ, т. IX, стр. 9.
[7] Русская летопись по Никонову списку, ч. I, стр. 16. См. также ПСРЛ, т. IX, стр. 9
[8] ПСРЛ, т. I, стр. 7. См. также ПСРЛ, т. I. вып. 1, 1926, стб. 23.
[9] *Макарий*, История христианства на Руси, т. I, Спб. 1846, стр 261.

сходные сказания заимствуются друг от друга; в противном случае надобно было бы допустить, что наш начальный летописец читал Геродота и взял из него рассказ об известной хитрости, которую приписал нашим белгорожанам; потом в подробностях сказаний о случившемся в Суроже и Амастриде мы находим большое различие; наконец, главное, что заставляет некоторых исследователей отвергать самостоятельность известия о сурожском происшествии, — это предположение, что русских набегов на припонтийские страны не могло быть раньше 866 года; но мы не можем принять этого предположения.

[174] Полн. собр. р. лет., I, 10: «И приде к Смоленску, с Кривичи, и прия град, и посади муж свои»[1]. Вместо *с кривичи* должно читать *в кривичи:* переписчик не понял, что значит *в кривичи,* тогда как прежде сказано, что Олег уже шел с кривичами, и потому написал: с кривичи.

[175] Старание связать Киев с севером и Новгородом видно также в другом предании, по которому основатели Киева — Кий, Щек и Хорив — были разбойники в Новгородской области; новгородцы посадили их с сестрою Лыбедью и 27 товарищами в темницу и хотели повесить, но князь из жалости дал им свободу и проч. Синодал. Библиот. книга о древности Российского государства, № 529[2]. — Как видно, сказка эта произошла от смешения двух преданий — об основателях Киева и о первых варяжских князьях его.

[176] Арханг. стр. 4[3].

[177] Никон., I, 16[4].

[178] Полн. собр. р. лет., I, 10: «Се буди мати градом русским». «Беша у него Варязи и Словени, и прочи прозвашася Русью»[5]. — Любопытно, что по смыслу этого известия, варяги и славяне прозываются русью только по утверждении в Киеве.

[179] Там же, стр. 56: «Ярославу же сущу Новегороде, и уроком дающю Киеву две тысяче гривне от года до года, а тысячу Новегороде гридем раздаваху: а тако даяху посадници Новъгородстии, а Ярослав сего не даяще отцю своему»[5].

[180] Любопытно, что в числе покоренных Олегом племен не упоминаются дреговичи; не упоминаются они с полочанами и при исчислении племен, ходивших с Олегом в Грецию; по всем вероятностям, дреговичи были еще прежде покорены из Полоцка тамошним державцем, по крайней мере северная их половина; вот почему княжество Минское, образовавшееся в их стране, принадлежало к Полоцкому. В Иоакимов. летоп. дреговичи упомянуты в числе племен, призвавших Рюрика с братьями[6].

[181] Полн. собр. русск. лет., I, 12. Означим сшивку в летописи: «И устави Олег вой» — до: «дабы не воевал Грецькой земли»[7]. Вставка эта ясна, потому что содержит то же самое известие, которое опять повторяется в тексте с противоречием: сперва говорится, что Олег потребовал по 12 гривен на человека, а потом что по 12 гривен на ключь, что гораздо правдоподобнее. (*Ключ* вм. лодка, корабль; ключом назывался багор, или крюк, которым привлекали лодки к берегу; в житии Бориса и Глеба Румянц. муз. сказано: «Имше корабль ключи и привлекоша к себе»[8]). Думаем, что можно согласиться со мнением проф. Срезневского, который во втором известии об условиях видит целую грамоту, занесенную в летопись (Известия II отдел. Академии, л. 20). Только не думаем, чтоб грамота была занесена в летопись самим начальным летописцем во 1) по

[1] ПСРЛ, т. I, стр. 10. См. также ПСРЛ, т. I, вып. 1, 1926, стб. 23.

[2] Синодальная библиотека, книга № 529.

[3] Архангелогородский летописец (Летописец, содержащий в себе историю от 852 до 1598 года), М. 1781, стр. 4. См. также Устюжский летописный свод, М. — Л. 1950, стр. 20.

[4] Русская летопись по Никонову списку, ч. I, стр. 16. См. также ПСРЛ, т. IX, стр. 9.

[5] ПСРЛ, т. I, стр. 10, 56. См. также ПСРЛ, т. I, вып. 1, 1926, стб. 23, 130.

[6] *В. Н. Татищев,* История Российская.., т. I, М. 1773, стр. 84.

[7] ПСРЛ, т. I, стр. 12. См. также ПСРЛ, т. I, вып. 1, 1926, стб 30.

[8] *А. Х. Востоков,* Описание русских и словенских рукописей Румянцевского Музеума, Спб. 1842, стр. 201.

противоречию двух известий; во 2) вставка договоров в летопись с уничтожением рассказа начального летописца ясна из слов, помещенных под 6420 годом: «Посла Олег мужи свои построити мира и положити ряды межи Греки и Русью; и посла глаголя равно другого свещания»[1]. Для нас очевидно, что здесь после *глаголя* следовал рассказ начального летописца о том, что говорил Олег своим послам, но этот рассказ прерван насильственно вставкою договора. — Г. Срезневский думает также, что слово: *Равьно* в выражении: *равно другого свещания* есть перевод греческого τὸ ἴσον paricula charta, copia, противень. Это мнение развито особенно г. Лавровским в сочинении: *О византийском элементе в языке договоров русских с греками*[2]. Это объяснение равно может быть принято вполне, но жаль, что филологи не обратили внимания на слова; «при *тех* же царех», которые оставляют в полной силе прежнее мнение, что наши договоры предполагают другие договоры, старые.

[182] Там же, стр. 13: «равно другаго свъщания, бывшаго при тех же царех»[3].

[183] «От тех аще полоняник обою страну держим есть или от Руси или от Грек, продан в ину страну, оже обрящется или Русин или Гречин, да не купять (искупять), и възратять и скупленое (искупленное) лице в свою страну»[4]. — Перед этим речь шла о кораблях, застигнутых бедою в чужой земле; на русских и на греков, которые могли случиться в это время тут, налагалась обязанность охранять и провожать корабль из чужой земли домой; теперь говорится о пленниках русских и греческих, проданных в чужую землю: на русских и греков, которые могли случиться в этой земле, налагается также обязанность выкупать невольников союзного народа и возвращать их в отечество. Смысл ясен из самой связи пунктов.

[184] Архангел. 10. «По сем иде Ольг к Новугороду, оттуде в Ладогу», стр. 11: «и есть могила его в Ладозе»[5].

[185] Полн. собр. р. лет., I, 16[6].

[186] Там же.

[187] В Иоакимовой летописи Олег назван князем урманским или норвежским[7]; в скандинавских сагах он является под именем Оддра, норвежского витязя, который прославился своими подвигами на востоке, княжил на Руси, умер, по предсказанию колдуньи, от любимого коня... см. Antiquités Russes, t. I, p. 93 et squ.[8]

[188] В Воскресен. списке о рождении Игоря упомянуто под 866 годом[9], в Никон. — под 865[10]; но о 13- или 14-летнем мальчике нельзя сказать: детеск вельми! Степенная книга[11] дает Игорю два года во время отцовой смерти.

[189] Я предпочитаю чтение *затворишася* чтению *заратишася,* которое есть, очевидно, позднейшее, на что прямо указывает предлог от, идущий к затворишася и неидущий к заратишася; притом же затворишася гораздо вернее изображает тогдашние отношения племен к князю.

[190] См. византийцев Симеона Логофета, Льва Грамматика с неизвестным продолжателем Багрянородного, Григорием монахом, Кедрином и Зонарою; Memor. popul. — Russica[12].

---

[1] ПСРЛ, т. I, стр. 13. См. также ПСРЛ, т. I, вып. 1, 1926, стб. 32.
[2] *Н. А. Лавровский,* О византийском элементе в языке договоров русских с греками. Спб. 1853.
[3] ПСРЛ, т. I, стр. 13. См. также ПСРЛ, т. I, вып. 1, 1926, стб. 32.
[4] ПСРЛ, т. I, стр. 15. См. также ПСРЛ, т. I, вып. 1, стр. 36.
[5] Архангелогородский летописец.., стр. 9—10. См. также Устюжский летописный свод, стр. 22, 23.
[6] ПСРЛ, т. I, стр. 16. См. также ПСРЛ, т. I, вып. 1, 1926, стб. 39.
[7] *В. Н. Татищев,* История Российская.., т. I, стр. 35.
[8] Antiquités Russes, t. I, Copenhague 850, p. 93 et sqn.
[9] Русская летопись с Воскресенского списка, ч. 1, Спб. 1794, стр. 75. См. также ПСРЛ, т. VII, Спб. 1856, стр. 269.
[10] Русская летопись по Никонову списку, ч. I, стр. 7. См. также ПСРЛ, т. IX, стр. 9.
[11] Степенная книга, ч. I, стр. 80. См. также ПСРЛ, т. XXI, стр. 7.
[12] *Y. Stritter,* Memoriae Populorum, t. II, p. 2, Petropoli 1774, Russica, cap. III, p. 967—972.

[191] По летописи болгары послали сказать императору, что русь идет на 10 000 скедий, но Лиутпранд показывает число лодок — 1000 (V, 6) [1], а Лев Грамматик число войска в 10 000 (Memor. popul, II, 967) [2], но можем ли мы принять и последнее показание безошибочным?

[192] И в договоре Игоря, как в Олеговом, видим выражение: «Равно другого свещанья».

[193] Ивор, посол Игоря, великого князя; Вуефаст — Святослава сына Игорева; Искусеви — Ольги княгини; Слуды — Игоря, племянника великого князя от сестры (см. Карамз., I, примеч. 347) [3]; Улеб — Владислава; Каницар — Предславин; Шихберн — Сфандры, жены Улебовой (вероятно, вдовы, ибо имя Улеба не упомянуто); Прастен — Турдов; Либиар — Фастов; Грим — Сфирнов; Прастен — Акуна, племянника Игорева от сестры; Кары — Тудков, Каршев, Турдов, Егриевлисков, Войков; Истр — Аминодов; Прастен — Бернов; Ятвяг — Гунарев; Шибрид — Алданов, Колклеков, Стегиетонов, Сфирков; Алвад — Гудов; Фудри — Туадов; Мутур — Утин. Потом следуют гости или купцы: Адунь, Адулб, Иггивлад, Олеб, Фрутан, Гомол, Куци, Емиг, Турбид, Фурстен, Бруны, Роальд, Гунастр, Фрастен, Игельд, Турберн, Моны, Руальд, Свень, Стир, Алдан, Тилена, Пубьксарь, Вузлев, Синько, Боричь. — Между именами людей, от которых идут послы, мы не видим ни Свенельда, ни Асмуда, тогда как Свенельд играет первую роль; это ведет к заключению, что все поименованные в договоре были из *княжья,* то есть, из рода Игорева в разных степенях и линиях, мужской и женской [4].

[194] В договорах названия «князь» и «болярин» употребляются без различия одно вместо другого; списки в свою очередь также смешивают оба названия; где в одном стоит: князья, там в другом — боляре.

[195] «Да не имеют волости, купити паволоки лише по 50 золотник». По свидетельству Лиутпранда, самые дорогие ткани было запрещено вывозить из Константинополя иностранцам. — Карамзин, приводя сам свидетельство Лиутпранда (I, примеч. 350), несмотря на то переводит статью договора так: «Всякая ткань, купленная русскими ценою выше 50 золотников (или червонцев), должна быть ему (чиновнику) показана, чтобы он приложил к ней печать свою» [5].

[196] Еще указание на прежние условия, на которых помирился Игорь.

[197] Я здесь не принимаю чтения Лавр. списка: «По уставу и по закону русскому», ибо в русском законе нет наказания вору. Другие списки имеют только: «По уставу Грецкому» [6].

[198] «Ци аще ключится проказа никака от Грек, сущих под властью царства нашего, да не имать (да не имате) власти казнити я, но повеленьем царства нашего да примет, якоже будет створил» [6]. — И вслед за этим следует условие, что в случае убийства родственники убитого не имеют права умертвить убийцу, но держать его только, чтобы потом правительство имело возможность казнить его смертью: «Аще убьеть хрестеянин русина или русин хрестеянина и да держим будет створивый убийство от ближних убьеного, да убьють» [6]. Тогда как в Олеговом договоре прямо сказано, что убийца должен умереть на месте.

[199] За год только Игорь возвратился из греческого похода, взявши с греков золото и паволоки и на вся воя, а между тем дружинники его жалуются, что они наги. Или распределение событий по годам у летописца неверно, или описание похода и его следствий неверно, а, может быть, и то и другое.

---

[1] Liudprandi Antapodosis, lib. V, cap. XV, MGH, t. III, p. 331.
[2] *J. Stritter,* Memoriae Populorum, t. II, p. 2. Russica, cap. III, § 12, p. 967.
[3] *Н. М. Карамзин,* История государства Российского, т. I, Спб. 1816, стр. 416, примеч. 347.
[4] ПСРЛ, т. I, стр. 20. См. также ПСРЛ, т. I, вып. 1, 1926 стб. 46—47.
[5] *Н. М. Карамзин,* История государства Российского, т. I, Спб. 1816, стр 152, стр. 416, примеч. 350; ПСРЛ, т. I, вып. 1, стр. 49.
[6] ПСРЛ, т. I, стр. 21, 22. См. также ПСРЛ, т. I, вып. 1, 1826, стб. 50, 51.

[200] Византиец Лев Диакон говорит, что древляне, привязав Игоря к двум деревьям, разорвали его [1].

[201] Никон. I, 41 [2].

[202] Memor. Popul., t. II, p. 973 [3].

[203] См. статьи Григорьева — о древних походах руссов на Восток (Журн. Мин. нар. просв. 1835, 5) [4]. — Также статьи Куника. В Bulletin de l'Acad. de St. — Pétersb.: sur la première expédition Caspienne des Russes Normands en 914, d'après la chronique inédite de l'Arménien Mosè Caghancatovatsi. — Sur l'expédition des Russes Normands en 944 vers les pays situés aux bords de la mer Caspienne d'après Nizâmi, Ibn-ab-Athir et Ainy [5].

[204] Из преданий о происхождении Ольги можно принять за верное только одно, что она была родом из северных областей. Это обстоятельство опять указывает нам на тесную связь севера с югом при первых князьях.

[205] Коростень, ныне Искорость, местечко на реке Уше; Ушь впадает в Днепр у Чернобыля.

[206] «Они же седяху в перег-бех в великих сустугах гордящеся». — Карамзин (I, примеч. 370). «Перегибами назывались, кажется, некоторые особенные лодки. *Сустуги* могут значить кривлянье» [6]. — Но в летописи несколько раз повторено, что древляне приехали в одной лодье; что *сустуг* может значить кривлянье, нельзя заключить ни из чего. Гораздо скорее оба слова могут означать одежду, от *перегибаю и стягиваю*.

[207] На стр. 71 первого тома Полн. собр. р. лет. читаем: Единою же пьющу Ростиславу с дружиною своею, рече Котопан. «Княже! хочу на тя пити» [7]. Следовательно, пить на чье-нибудь здоровье и, следовательно, приказание Ольги отрокам пить за здоровье древлян, которых готовились умертвить, означало также насмешку.

[208] См. ниже описание жилищ в главе о народном быте.

[209] Здесь в первый раз встречаем известие об обычае давать княгиням в посмертное владение города, обычай, употребительный после. Как видно, был обычай также, что дань (или некоторая ее часть) с покоренного племени шла тому князю или тому мужу княжескому, который наложил ее: так, известно, что угличи платили дань в пользу Свенельда, их примучившего. Ольга, принимавшая такое сильное участие в окончательном покорении древлян, имела полное право и на дань древлянскую: а если удовольствовалась третьею частию, так потому, что распоряжалась именем своего малолетнего сына. Далее нас останавливают выражения: «две части дани идета Киеву, а третья — Вышегороду к Ользе» [8]. Для чего вместо лиц места? почему не: князю Святославу, княгине Ольге? — Естественно употребить имя стольного города вместо имени князя, ибо князья меняются, столицы же остаются, следовательно именами их гораздо удобнее выражать известную постоянную подчиненность, известные постоянные отношения; так после, например, сказано, что все посадники новгородские платили ежегодно известную сумму денег в Киев, то есть великим князьям киевским. Но в разбираемом месте показывается отношение не постоянное, а временное, условленное личностию Ольги, и несмотря на то дань шла в Вышгород, хотя известно, что Ольга жила в Киеве: так после, во время нашествия печенегов, мы видим ее в этом городе с внучатами; следовательно, должно предположить, что казна Ольги хранилась в Вышгороде. Как после видим, что князья имеют свои дворы в разных местах, куда собирают много всякого добра; так, вероятно, и в Вышгороде у Ольги

---

[1] *Лев Диакон*, История, Спб, 1820, кн. VI, стр. 66.

[2] Русская летопись по Никонову списку, ч. I, стр. 41. См. также ПСРЛ, т. IX, стр. 26.

[3] *J. Stritter*, Memoriae Populorum, t. II, p. 2, Russica, cap. IV, p. 973.

[4] *В. В. Григорьев*, О древних походах руссов на Восток, ЖМНПр., 1835, ч. 5, № 2, стр. 229—287.

[5] См. Bulletin de l'Académie des sciences de St.-Pétersbourg. Sér. polit. (VI), 1847, t IV, № 12, 13.

[6] *Н. М. Карамзин*, История государства Российского, т. I, стр. 421, примеч. 370.

[7] ПСРЛ, т. I, стр 71 См также ПСРЛ, т. I, вып. 1, 1926, стб. 166.

[8] ПСРЛ, т. I, стр. 25. См. также ПСРЛ. т. I, вып. 1, 1926, стб. 60.

был подобный двор, куда собирались запасы из мест, ей принадлежавших, там же должна была складываться и древлянская дань; а в чем состояла эта дань, нам известно: в мехах и меде.

[210] Эверс. Recht. der Rus., стр. 59 [1] думает, что под именем уставов разумеются здесь вообще все учреждения, предпринятые Ольгою в земле Древлянской, где по отведении старшин в плен, по уничтожении, следовательно, всех прежних отношений нужно было установить совершенно новый порядок вещей, дать новый устав, как жить, как делать. — Но здесь должно заметить, что мщение Ольги постигло, собственно, один Искоростень, тогда как у древлян были другие города, предавшиеся добровольно и нетронутые Ольгою: «Посла ко граду (Ольга) глаголюще: что хочете доседети? а все гради ваши предашася мне, и ялися по дань, и делают нивы своя и земле своя» [2]. Итак, слова Эверса могут относиться только к Искоростеню, но не к целой Древлянской земле.

[211] Так, по смыслу известия, перевожу я слово: *знамения.*

[212] Полн. собр. р. лет., I, 25: «иде Вольга Новгороду и устави по Мсте повосты (погосты) и дани, и по Лузе оброки и дани; ловища еа суть по всей земле; знаменья и места и повосты, и сани ее стоят в Плескове и до сего дне, и по Днепру перевесища и по Десне, и есть село ее Ольжичи и доселе» [3]. Слово: *повосты* читается только в Лаврентьевском списке, в остальных *погосты.* Есть еще другой вариант: в Архангел. списке вместо *по Мсте* читается: *помости и погости.* Эверс (Recht der Russ., стр. 62) дает предпочтение последнему чтению: «В высочайшей степени невероятно, говорит он, чтобы великая княгиня предприняла означенные учреждения по *Луге,* так далеко на севере», и потому принимает *по Лузе* за позднейшее прибавление. Отделавшись, таким образом, от *Луги,* Эверс обращается ко Мсте и спрашивает: почему именно берега этой реки долженствовали быть одни предметом законодательных забот Ольги; почему той же чести не удостоились берега других рек, например Ловати и Великой? [4] — Но, во-первых, нельзя выбрасывать так легко целые известия из летописи, как выбросил Эверс о *Луге,* потому только, что оно затрудняло, — лучшие списки имеют: *по Мсте и Луге,* и нельзя найти причины, почему бы это известие вставлено было позже; следовательно, историку остается только объяснить, почему распоряжения Ольги коснулись берегов этих двух рек? Взглянувши на карту, мы видим, что Луга со своими берегами составляет крайнее владение Новгородской области на северо-западе, а Мста в противоположную сторону — на северо-востоке: вспомним, что верховье Мсты и следующий за ним волок, отделявший озерную область от области Верхней Волги, был по этому самому границей Новгородской и Ростовской областей, пределом новгородских владений; вспомним, что деятельность первых князей до Ольги должна была касаться преимущественно великого восточного пути из Варяг в Греки; до стран, лежащих к западу и востоку, она мало могла касаться. Олег установил дани на севере у славян, кривичей и мери; но, вероятно, эти дани удобно сбирались только с народонаселения, живущего близ великого пути, которое, так сказать, находилось под руками у Руси; народонаселение же дальнейших стран к востоку и западу могло пользоваться большею независимостию и отбывать от дани, и здесь, следовательно, нужно было сделать для нее точнейшие определения. Наконец, может быть, и то, что эти места при низовьях Луги и при верховье Мсты были недавно заняты русскими из Новгорода и потому требовали уряжения. — В известии об Ольгиных учреждениях на севере останавливает нас также вариант: *погосты и повосты,* очень легко могший произойти. Полустертая буква *в* образует *г;* несколько замаранное *г* легко может показаться за *в.* Монах Лаврентий сам признается, что ему трудно было разбирать

[1] *J. Ewers,* Das älteste Recht der Russen in seiner geschichtlichen Entwicklung, Dorpat 1826, S. 59.

[2] ПСРЛ, т. I, стр. 25. См. также ПСРЛ, т. I, вып. 1, стб. 58.

[3] ПСРЛ, т. I, стр 25. См. также ПСРЛ, т. I, вып. 1, 1926, стб. 60.

[4] *J. Ewers,* Das älteste Recht der Russen in seiner geschichtlichen Entwicklung, S. 62.

рукопись, с которой он списывал, потому что *книги были ветшаны*; окончание *повосты* прямо указывает на то, что это слово испорчено из *погосты;* другое дело, если б было *повозы:* повозом называлась обязанность подчиненных племен доставлять дань или оброк в назначенное от князя место: так, читаем у летописца о радимичах: «и платят дань Руси, повоз везут и до сего дне»[1]. Но это слово, очень легко объясняясь в первой половине известия: *уставиі по Мсте повозы и дани,* остается без смысла во второй половине: «ловища ея суть по всей земли, знамянья и места и повосты»[2]. Итак, остается принять: *погосты.* К известиям об Ольгиных уставах относится также следующее, находимое только в своде летописей Татищева (II, 45, 329): «Тогда ж отреши (Олга) княжее, а уложила брать от жениха по черне куне как князю, так боярину, от его подданного»[3]. Обыкновенно объясняют княжее чрез jus primae noctis. Против этого объяснения возражают, что подобный обычай не согласовывался с известными нравственными понятиями славянских племен. — Но здесь прежде всего нужно обратить внимание на то, над кем имелось это право? над народонаселением княжеских и боярских земель, народонаселением, составленным из военнопленных или купленных рабов: могли ли славянские воззрения действовать на отношения этого народонаселения?

213 Истор. христ. арх. Макар. стр. 312[4].

214 Memor. Popul., т. II, 976—979[5].

215 Карамз., I, примеч. 380[6].

216 Татищ., II., стр. 41, прим. 130[7].

217 В западных летописях находим известие, что послы от Ольги, княгини русской, крестившейся в Константинополе, приходили к императору Оттону I с просьбою прислать епископа и пресвитеров для обращения Руси; Оттон послал в Русь епископа Адальберта, который, однако, был изгнан с бесчестием (см. Шлецеров. Нестор, III, 469)[8]. — Много было разных толков и объяснений этому известию; но дело ясно из самых слов свидетельства: «Legati Helenae, reginae Rugorum, quae sub Romano Imperatore Constantinopolitano Constantinopoli baptizata est, *ficte, ut post claruit,* ad regem venientes, episcopum et presbyteros eidem genti petebant»[9]. Послы обманули, как после оказалось: ясно, что они принадлежали к числу таких варягов, которые по нескольку раз принимали крещение для того только, чтобы получать дары; на этот раз, чтоб получить хороший прием и дары от ревностного к распространению веры Оттона, они объявили себя послами Елены русской и просили епископа и священников для русского народа.

218 Moitié de la ville d'Itil située à l'Est du Volga. Charmoy. Relation de Masoudy etc., p. 323[10].

219 Семендер находился между Дербентом и Волгою, около нынешнего Тарху. Он не уступал обширностью Итилю, окружен был плодовитыми садами и виноградниками. В самом городе находились мечети для мусульман, христианские церкви и синагоги евреев. См. Мухам. Нумизмат, стр. LVII[11].

220 В преданиях атыхейцев есть следы известий о походах Святослава на ясов и касогов. См. газету «Кавказ» 1849 года[12].

---

[1] ПСРЛ, т. I, стр. 36. См. также ПСРЛ, вып. 1, 1926, стб. 84.

[2] ПСРЛ, т. I, стр. 25. См. также ПСРЛ, т. I. вып. 1, 1926, стб 60.

[3] *В. Н. Татищев,* История Российская... М. 1773, т. II, стр. 45.

[4] Макарий, История христианства на Руси, Спб. 1846, стр. 312.

[5] *J. Stritter,* Memoriae Populorum, t. II, p. 2, Russica, cap. V, p. 976—979.

[6] *Н. М. Карамзин,* История государства Российского, т. I, стр. 425, примеч, 380.

[7] *В. Н. Татищев,* История Российская.., т. II, стр. 41, примеч. 130.

[8] *А. Шлецер,* Нестор, ч III, Спб, 1819, стр. 469.

[9] Continuator Regionis Trevirensis a. 907—967. MGH, scriptorum, t. I, Leipzig 1925, p. 624.

[10] *F. Charmoy,* Relation de Masoudy, Mémoires de l'Académie des sciences de St.-Pétersbourg, VI, t. 2, Спб. 1834, p. 323.

[11] *П. С. Савельев,* Мухаммеданская нумизматика в отношении русской истории, Спб. 1847, стр. LVII.

[12] История адыхейского народа, составленная по преданиям кабардинцев Шора Бекмурзин Ногмовым, Тифлис 1861, стр. 64—88 (Есть издание 1947 г.).

[221] Место этого княжества, бесспорно, должно искать на берегах Черного и Азовского морей, там, где восточные писатели указывают древнее обиталище руси.

[222] Около 132,600 голландских червонцев. См. Черткова — «Описание войны великого князя Святослава Игоревича», примеч. 39 [1].

[223] Лев Диакон, кн. V, стр. 77—81 [2].

[224] Это объясняется последующим известием, что Святослав, возвратясь, прогнал печенегов в степь; значит, они находились не в степи, а где-нибудь подле Киева.

[225] Полн. собр. р. лет., I, 29: «В се же время придоша людье Ноугородьстии, просяще князя собе: «Аще не пойдете к нам, то налезем князя собе»; и рече к ним Святослав: «А бы пошел кто к нам». И отперся Ярополк и Олег» [3]. — В словах Святослава нет никакого презрительного смысла, какой хотят видеть некоторые исследователи: за что Святославу было презирать новгородцев? Он просто отвечал им: «да где ж мне взять вам князя; у меня только двое сыновей: если б который из них пошел к вам?» На такой естественный смысл Святославовых слов прямо указывает следующее известие, что Ярополк и Олег отказались, значит, Святослав их спросил, не хочет ли кто из них идти в Новгород? Мстислав Храбрый вовсе не презирал Новгород, однако братья насилу уговорили его идти туда княжить и оставить любимый юг. Любопытно дополнительное известие Никон. списка. «Володимер бо бе от Малки, ключници Ольжины. И бе рождение Володимиру в Будутине веси; тамо бо в гневе отслала еа Олга, село бо бяше еа тамо, и умираючи даде св. богородице» [4]. Но чье было село Будутино: Ольгино или Малушино? Если Малушино, то нет ничего удивительного, что, умирая, она отдала его св. богородице, ибо она могла умереть после крещения Земли.

[226] Договор начинается: «Равно другого свещанья, бывшего при Святославе, велицем князи Рустам и при Свенальде, писано при Феофиле синкеле» [5]. Здесь можно думать, что слова: «Равно другого свещанья», означают договор, заключенный Святославом с Никифором.

[227] Leo Diacon., t. I, livr. VI, p. 102—111 [6]. Cedreni histor. compendium, t. II [7]; Zonarae Annales, t. II, l. XVII [8].

[228] Лев Диак. кн. VIII: «Руссы сражались храбро и отчаянно: они давно приобрели славу победителей над всеми соседними народами и почитали величайшим несчастием быть побежденными императором и лишиться этой славы» [9]. — Следовательно, показание византийца согласно с летописным очерком Святославова характера.

[229] Некоторые думают, что в нашей летописи был рассказ о неудачах начиная со вступления Цимиския в Болгарию, но что этот рассказ намеренно выпущен позднейшими переписчиками, и полагают пропуск между словами: «Возвратися в Переяславець с похвалою великою» и — «Видев же мало дружины», и проч. (Полн. собр. р. лет., I, 30) [10]. Но позднейших переписчиков наших никак нельзя упрекнуть в обычае выпускать рассказы о неудачах своих соотечественников: они так благоговели к труду переписывания летописей, что не могли позволить себе подобных выпусков, да и странно предполагать в них сильное сочувствие к подвигам такого отдаленного и языческого князя, когда они не жертвовали истиною и для

[1] *А. Д. Чертков*, Описание войны великого князя Святослава Игоревича против болгар и греков, М. 1843, стр. 151, примеч. 39.

[2] *Leo Diaconus*, Historiae, lib. V, § 2—4, Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae, Bonnae 1828, p. 77—81. *Лев Диакон*, История, кн. V, стр. 47—49.

[3] ПСРЛ, т. I, стр. 29. См. также ПСРЛ, т. I, вып. 1, 1926, стб 69.

[4] ПСРЛ, т. IX, стр. 35

[5] ПСРЛ, т I, стр. 31 См. также ПСРЛ, т I, вып. 1, 1926, стб, 72.

[6] *Leo Diaconus*, Historiae lib. VI, Corpus Sriptorum Historiae Byzantinae, t. I, p. 102—111. *Лев Диакон*, История, кн. VI, стр. 63, 65—66.

[7] G. Cedreni Historiarum compendium. Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae, t. II. Bonnae 1834, p. 401—403

[8] *Zonaras Joannes*, Annales, т. II, lib. XVII.

[9] *Leo Diaconus*, Historiae, lib. VIII, § 10, p. 140. Лев Диакон, История, кн. VIII, стр. 87.

[10] ПСРЛ, т. I, стр. 30. См также ПСРЛ, т. I, вып. 1, 1926, стб. 71.

славы князей более любимых, например Владимира. Потом, на каком основании обвинять позднейших переписчиков в выпуске и начального составителя летописи заставлять вписывать рассказ о поражениях? В рассказе летописца есть пропуск бесспорно: но кому же принадлежит он? позднейшим переписчикам или начальному составителю, или, наконец, первоначальным рассказчикам, из слов которых образовалось предание? Разумеется, сравнив интересы всех троих, мы должны будем заключить, что пропуск долженствовал быть сделан первоначальными рассказчиками — Свенельдом с товарищи, а не летописцами, составителями или переписчиками. Внешний состав рассказа нисколько не обличает выпуска: Святослав, возвратясь в Переяславец с победою и богатыми дарами, начинает рассуждать: «что, если изобьют дружину мою нечаянно, хитростию? лучше мириться и идти домой?» Как бы он мог рассуждать таким образом после страшных поражений и при голоде, который он терпел? Какая тут хитрость, когда греки нанесли ему явно сильное поражение? Ясно, что вторая половина летописного рассказа тесно связана с первою, и выпуска никакого быть не может. Наконец пристрастного рассказа во второй половине мы должны ожидать уже по первой: если в первой половине выставляются одни победы руссов и умалчивается о поражениях, то ясно, что будет умолчено о них и во второй.

[230] Подле Килийского устья Дуная. См. статью Венелина — О соляном озере Halmyris, в чтениях Моск. истор. общ. № 6, год 1847 [1].

[231] «И пиша *по нем*» [2]. — Если мы предпочтем это чтение как труднейшее, то должны будем предположить какой-нибудь языческий обычай.

[232] Татищ., I, стр. 37 [3].

[233] По преданию, Святослав по смерти отца остался малюткою (детеск); в летописи годом рождения Святослава означен 942 (Полн собр. р. л., I, 19) [4]; следовательно, в 946 году, в год смерти Игоревой, Святославу было 4 года; не имеем права отвергать предание, с которым, как видно, сообразовался летописец. Так, совершеннолетие Святослава и начало подвигов он полагает в 964 году, то есть на 22 году возраста — самая пора! Положим, что Святослав мог иметь сына, будучи 19 лет, следовательно, в 970 году, в год распределения волостей, Ярополку могло быть 9 лет, Олегу 8; что Владимир был мал в то время, об этом имеем определенное известие: он был, как малолетний, послан с дядею Добрынею в Новгород, таким образом с кормильцами могли быть посажены и другие братья. Следовательно, в год смерти Святославовой, в 972 году, Ярополку было не более 11 лет. Против этого вывода возражают, приводя известие летописи, что Святослав привел Ярополку жену, пленную греческую монахиню, след. в 970 году Ярополку не могло быть только 9 лет. — Но если мы встречаем в источниках два противоречивых свидетельства, то должно или выбрать одно из двух, или, если можно, согласить их; если бы не было возможности согласить двух вышеприведенных известий летописи, то все мы предпочли бы предание о малолетстве Святослава по смерти отца и о том, что он родился в 942 году, ибо на этом предании основываются известия о правлении Ольги; возражатели не подумали, что, отвергая основание нашего вывода, они тем самым отвергают целый ряд важнейших известий; но дело в том, что выбор не нужен, ибо известия легко согласить: из последующих известий мы знаем, что князья женили малолетних детей своих; и Святослав очень мог назначить для Ярополка греческую пленницу необыкновенной красоты, ибо если даже предположим ее совершеннолетней в 970 году, то разница лет при многоженстве ничего не значила. Мы взяли обыкновенный, общий

---

[1] *Ю. Х. Венелин,* О соляном озере Halmyris, «Чтения МОИДР» № 6, 1847, стр. 19—46.

[2] ПСРЛ, т. I, стр. 31. См. также ПСРЛ, т. I, вып. 1, 1926, стб. 74. (В летописи: «и пьяху по нем»).

[3] *В. Н. Татищев,* История Российская.., т. I, стр. 37.

[4] ПСРЛ, т. I, стр. 19 — во 2-м издании ПСРЛ. т. I, известия о рождении Святослава нет.

возраст — 19 лет; но возьмем теперь исключение, самый меньший возраст, в который Святослав мог иметь сына, возьмем 15 лет, тогда в год распределения волостей Ярополку будет 13, в год отцовой смерти — 15 лет, другим братьям еще меньше — все еще необходимы кормильцы.

[234] Полн. собр. р. л., I, 131: «яко Роговолоду держащю и владеющю и княжащю Полотьскую землю, а Володимеру сущу Новегороде, *детьску* сущю еще и погану, и бе у него Добрыня воевода, храбор, и наряден мужь и сь посла к Роговолоду и проси у него дщере за Володимера... Слышавше же Володимер, разгневася о той речи, оже рече: «не хочю я за робичича», пожалися Добрыня и исполнися ярости... и Добрыня поноси ему (Рогволоду) и дщери его, нарек ей робичица, и повеле Володимеру быти с нею пред отцем ея и матерью» [1].

[235] Дорогожичи между Вышгородом и Киевом; см. Полн. собр. р. л. II, 100: «Сняшася братья Вышегороде, и пришедше сташа на Дорогожичи под святым Курилом» [2]. — «Кириловский монастырь с 1787 года составляет казенный дом для содержания увечных и престарелых инвалидов» (Берлинского — Описание Киева, 116) [3].

[236] Эверс предполагает, что Владимир считал своею обязанностью отомстить Ярополку за смерть Олега. Но знаменитый исследователь, обращая внимание только на отношения Владимира к Олегу, упустил из виду отношение Владимира к Ярополку. Точно, по понятиям того времени, Владимир должен был мстить за смерть брата, но кому? Принимая в расчет родовые отношения, мы должны обращать внимание на совокупность этих отношений и не брать каждое порознь. Здесь дело идет между родными братьями, членами одной семьи; на каждого родича была возложена обязанность мести, ибо месть была единственным средством защиты от насилий в то время, когда каждый род смотрел на себя, как на отдельное целое, когда каждый знал только свой род и соблюдал только одни его интересы; но если обязанность мести была естественна и необходима между членами разных родов, то ясно, что она не могла существовать между членами одного и того же рода, ибо каждый род составлял одно нераздельное целое, с своим главою, будь то отец, дядя, старший брат; здесь сын не мог мстить отцу, племянник — дяде, брат — брату, ни за собственную обиду, ни за обиду, нанесенную другому родичу; здесь все дела решались властию родоначальника или общим родовым судом. Так, например, когда Святополк Изяславич, по наговорам Давида Игоревича, согласился на ослепление Василька, то целый род вооружился против него, родичи говорили, что если Василько действительно виноват, то Святополк должен был доказать перед целым родом его вину и потом наказать. — Но мог ли Владимир, оставшись вдвоем с Ярополком представителями рода, взять на себя право судить и наказывать старшего брата? уже самая исключительность положения не допускала определенности прав; Владимир мог действовать самостоятельно; но действовал Добрыня, который, выставив со стороны Владимира чувство самосохранения, стремился убить Ярополка, чтобы сделать своего племянника и питомца князем всей Русской земли. — Вот почему предание, говоря о борьбе Владимира с Ярополком, молчит о праве или обязанности первого отомстить за смерть Олега, тогда как прямо говорит, что Свенельд уговаривал Ярополка к войне с Олегом, желая отомстить за смерть своего сына. — Против нашего мнения приводят слова Ярослава, сказанные им о Святополке: «Не яз почах избивати братью, но он; да будет отместьник бог крове братья моея.., но суди ми господи по правде» [4]. Но здесь Ярослав руководится другими, новыми христианскими понятиями: со своей стороны он, подобно Владимиру, выставляет только право защищаться, предупреждать собственную гибель, и считает свое дело правым, молит бога, как мстителя за неповинную кровь, карателя преступлений, помочь ему

[1] ПСРЛ, т. I, стр. 131. См. также ПСРЛ, т. I, вып. 1, 1926, стб. 299—300.
[2] ПСРЛ, т. II, стр. 100. См. также ПСРЛ, т. II, 1908, стб. 544.
[3] *М. Берлинский,* Описание Киева, Спб. 1820, стр. 116.
[4] ПСРЛ, т. I, стр. 61. См. также ПСРЛ, т. I, вып. 1, 1926, стб. 141.

в правом деле. Приводят также событие из конца XII века, где брат убийством мстил за убийство родного брата другому родичу; но конец XIII века был уже временем распадения родового быта. Приводят, наконец, желание князя Святослава черниговского отомстить Всеволоду суздальскому за обиду; но здесь нет никакого соотношения с нашим событием: линии Святослава и Всеволода (Ольговичи и Мономаховичи) давно уже находились в открытой борьбе, родовая связь давно была между ними расторгнута; здесь дело шло между двумя независимыми владельцами, и дело шло не об убийстве (см. Исследов. А. Тюрина — Обществ. жизнь и проч., стр. 46, 47 [1].)

[237] Что у Святослава были если не родные, то двоюродные братья, доказывает упоминование племянников Игоря в договоре с греками, племянника Ольги при описании угощений ее Константином Багрянородным; всего легче допустить, что этот племянник последовал в Царе-граде примеру тетки, приняв христианство.

[238] Татищ., I, стр. 38 [2].

[239] См. Краледвор. рукоп. Zaboj, Slavoj, Ludiek [3].

[240] Bedae Histor., l. II, c. 13 [4].

[241] Время письменного составления предания можно определить. Жиды говорят Владимиру: «Разгневася бог на отцы наша, и расточи ны по странам грех ради наших, и предана бысть земля наша Хрестеяном» [5]. Палестина была предана не христианам, но язычникам римлянам, а в описываемое время находилась во владении магометан; следовательно, предание составлено окончательно и занесено в летопись в то время, когда крестоносцы владели Иерусалимом. О том, откуда заимствованы места, не находящиеся в Библии, см. О Древней Русской летописи, соч. Сухомлинова, стр 54 и сл. [6]

[242] См. Иудейско-козарское предание в ответе козарского царя Иосифа испанскому еврею Рабби Хисдай. — Чтения истор. общ., 1847, № 6 [7]

[243] Илар. в Прибавл. к твор. св. отц. 240: «Паче же слышано бе ему всегда о благоверней земле Гречьстей, христолюбивей же и сильней верою как единого бога в троици чтут и кланяются; како в них деются силы и чудеса и знамения; како веси и гради благоверни вси в молитвах прилежать, — вси богови предстоять» [8].

[244] Внося в летопись это предание, которое, как видно, составляло одно целое с преданием о проповедниках и об изведывании вер (Владимир говорит императорам, что он уже испытал их веру через посыльных от него мужей), летописец выбрал его из нескольких других преданий, основываясь на свидетельстве достоверных людей, стариков, помнивших событие, как, например, старец Ян. Другие предания говорили, что Владимир крестился в Киеве, иные, что в Василеве, а некоторые указывали на другие места. В Торжественнике Румянц. муз. под № CCCCXXXV находится следующее известие, которого нет в летописях: «Шед (Владимир) вза Корсунь град, князя и княгиню уби, и дщерь их за Жидьберном. Не распустив полков и посла Ольга воеводу своего с Жидьберном в Царьград к царемь просити за себя сестры их» [9].

---

[1] *А. Тюрин,* Общественная жизнь и земские отношения в древней Руси, Спб. 1850, стр 46, 47.

[2] *В. Н. Татищев,* История Российская.., т. I, стр. 38.

[3] Краледворская рукопись. Прага 1851, стр. 62.

[4] Bedae Historia ecclesiastica gentis anglorum, lib. II, cap. XIII, Londini 1838, p. 135.

[5] ПСРЛ, т. I, стр. 36. См. также ПСРЛ, т. I, вып. 1, 1926, стб 86.

[6] *М. И. Сухомлинов,* О древней русской летописи, как памятнике литературном. Ученые записи II отделения императорской Академии наук. Кн. III, Спб. 1856, стр. 54—64.

[7] Ответ хазарского царя Иосифа испанскому еврею рабби Хисдай. «Чтения МОИДР», № 6, год второй, 1847, стр. 3—8.

[8] Слово Илариона, митрополита киевского. Прибавления к творениям святых отцов, ч. II, М. 1844, стр. 240.

[9] *А. Х. Востоков,* Описание русских и словенских рукописей Румянцевского Музеума, № CCCCXXXV, стр. 687.

[245] Никон.. I, 92: «И два болвана медяны» [1]. Летоп. Переясл. Суздал.: «яко жены образом мраморяны суще» [2]

[246] Там же, I, 91 [3].

[247] Разумеется, что Владимир, как отец, которому дорого было спасение детей своих, прежде всего должен был озаботиться тем, чтоб семейство его было просвещено христианством; да и во всяком случае естественно было Владимиру начать обращение со своего семейства и потом перейти к остальным; вот почему мы принимаем известие Татищевского свода (II, 74): «Как скоро Владимир к Киеву пришел, немедленно учинил совет с митрополитом, крестил 12 сынов своих и вельмож» [4]. С этим согласны и Никон. [5] и Степ. кн. [6] Но в Никон. ниспровержение идолов поставлено прежде крещения сыновей, а у Татищева после. В так называемой Тверской летописи, находящейся в Импер. публич. библиот., читаем следующее предание о Рогнеде: «посла (Владимир после крещения) к жене своей Рогнеде, глаголя сице: «аз убо отныне крещен есмь и приах веру и закон христианский, подобааше ми едину жену имети, ею же поях в христианстве. Избери убо себе от велмож моих его же хощеши, да съчетаю тя ему». Она же, отвещавши, рече ему: «или ты единь хощеши царствие земное и небесное въсприяти, а мне маловременним сим и будущаго дати не хощеши. Ты бо отступи от идольския прелести в сыновление божие, аз же быв царицею, не хощю раба быти земному царю, ни князю, но уневеститися хощю Христови, а въсприиму ангельский образ». Сын же еа Ярослав седяще у неа, бе бо естеством таков от рожениа. И слыша глаголы и ответы матери своея к Володимеру, и въздохнув с плачем глагола матери своей: «О мати моя! во истину царица еси царицамь и госпожа госпожамь... И от сего словесе Ярослав вста на ногу своею и хождаше, а преже бо бе не ходил» [7], Рогнеда постриглась и названа Анастасиею.

[248] «Повеле кумиры испроврещи, овы осечи, а другие огневи предати (Полн. собр. русск. летоп., I, 50) [8]. — *Осечи* относится, думаем, к каменным кумирам, *огневи предати* — к деревянным

[249] Татищ., II, 74 [9]; Никон., I, 92 [10]. Я принимаю здесь известия позднейших летописных сборников по естественности рассказа: всякий согласится, что так должно было быть, что прежде надобно было предложить народу крещение, объяснить ему сколько-нибудь, в чем состоит перемена, во что он должен отныне веровать, и потом уже, когда явились упрямые, употребить приказ с угрозою, а не прямо заставлять идти всех к реке и делать неизвестно что, как описывается в сокращенных летописях, хотя и дошедших до нас в древнейших списках.

[250] Тат. II, 74: «Множайшие размышляя, отлагали день за день» [11].

[251] Там же.

[252] Иларион, стр. 241: «и не бысть ни единогожь противящася благочестному его повелению. Да аще кто и не любовию, но страхом повелевшего крещахуся: понеже бе благоверие его со властию спряжено [12]. — В Никон., стр. 92 почти то же: «и бе слово со властию» [13].

---

[1] Русская летопись по Никонову списку, ч. I, стр. 92. См. также ПСРЛ, т. IX, стр. 57.

[2] Летописец Переяславля Суздальского, М. 1851, стр 31.

[3] Русская летопись по Никонову списку, ч. I, стр. 91. См. также ПСРЛ, т. IX, стр. 57.

[4] *В. Н. Татищев,* История Российская., т II, стр. 74.

[5] Русская летопись по Никонову списку, ч. I, стр. 91. См. также ПСРЛ, т. IX, стр. 57

[6] Степенная книга, ч. I, стр 129. См. также ПСРЛ, т. XXI, ч. I, стр. 27, 104

[7] Тверская летопись. ПСРЛ, т. XV, Спб 1865, стб. 112, 113.

[8] ПСРЛ, т. I, стр. 50. См также ПСРЛ, т. I, вып. 1, 1926, стб. 116

[9] *В Н. Татищев,* История Российская., II, стр. 74.

[10] Русская летопись по Никонову списку, ч. I, стр. 92. См. также ПСРЛ, т. IX, стр. 64.

[11] *В. Н. Татищев,* История Российская.., т. II, стр 74.

[12] Слово Илариона, митрополита киевского. Прибавления к творениям святых отцов, ч. II, М. 1844, стр. 240.

[13] Русская летопись по Никонову списку, ч. I, стр. 92. См. также ПСРЛ, т. IX, стр. 57.

[253] «Как аспиды глухие, затыкая уши свои», по выражению летописца. Тат., II, 75 [1].

[254] Иначе, думаем, нельзя понимать этих слов: *свершения же бродяху Совершен* в вере есть обычное выражение для крестившихся уже. *Свершение* не может относиться к возрасту, ибо прежде было сказано, что одни стояли по шею, другие по грудь; над которыми совершалось таинство, должны были стоять, а не бродить.

[255] *На берегу* — прибавлено в Никон. и несомненно так.

[256] Выражение, что князь велел строить церкви там, где прежде стояли кумиры, и потом один только пример построения на холму Перуновом показывает, что здесь только и была построена церковь на месте кумиров, ибо ясно, что летописец не знает других мест в Киеве, где еще стояли кумиры.

[257] Мы, согласно с Никон. лет. (I, 103, 105) [2], приняли две проповеди для Новгорода: первую митрополита Михаила, вторую уже при митрополите Леоне, Иоакима Корсунянина. Подробное сказание Иоакима нисколько не противоречит известиям Никон. летоп., хотя Иоаким рассказывает только об одном обращении; но из его рассказа ясно, что он предполагает другую проповедь, о которой молчит, ибо в ней не участвовал. На первую проповедь указывает прямо известие о христианах в Новгороде и о церкви Преображения. Ясно также, что Добрыня с Путятою явились во второй раз в Новгород из Ростова, на что указывает ростовский полк у тысяцкого Путяты.

[258] Стр. 241: «не взгнушайся, аще и мало стадо» [3].

[259] Татищ., II, 78. В Никон. (I, 104) [4] Владимир Волынский смешан с клязменским. — Татищ. в примеч. 196 говорит: «О построении Владимира манускрипты № 1, 3 и 4 сказуют, что построен на Волыни или в Червенской Руси, но в других, не зная оного, написали, яко бы на Клязьме, который от Георгия, сына Мономахова построен, и есть доказательно, что его Симон в 1175 году пригородом Суздальским именует. На Волыни же во Владимире епископия при Владимире была, а на Клязьме до Георгия нигде не упоминается, особливо в войне Мстислава с Ольгом если бы был, то б, конечно, надлежало мимо идти и его упомянуть» [5].

[260] Татищ., I, 38; II, 79. Иоакимов. летопись называет Михаила Болгарином [6], Никон. — Сирином (1, 92) [7].

[261] См. Studien zur gründlichen Kenntniss der Vorzeit Russlands, стр. 89 и след. [8] Автор вооружается против Карамзина за то, что последний представляет это дело как заведение училищ с более обширною целию, именно для распространения просвещения в народе. Обвинение, по нашему мнению, несправедливое: во-первых, Карамзин имел полное право сказать, что Владимир, введя грамотность, положил тем начало народному просвещению в России; во-вторых, автор приводит только и рассматривает конец рассуждения Карамзина, опустив начало, где содержится мысль вполне верная: «Язычество господствовало в некоторых странах России до самого XII века, — говорит Карамзин. Владимир не хотел, кажется, принуждать совести (?), но взял лучшие, надежнейшие меры для истребления языческих заблуждений: *он старался просветить християн*

---

[1] *В. Н. Татищев,* История Российская., т. II, стр. 75.

[2] Русская летопись по Никонову списку, ч. I, стр. 103, 105. См. также ПСРЛ, т. IX, стр 64

[3] Слово Илариона, митрополита киевского. Прибавления к творениям святых отцов, ч. II, М. 1844, стр. 249.

[4] Русская летопись по Никонову списку, ч. I, стр. 104. См. также ПСРЛ, т. IX, стр. 64

[5] *В. Н. Татищев,* История Российская.., т. II, стр. 78, примеч. 196, на стр. 412.

[6] *В. Н. Татищев,* История Российская., т. I, стр. 38, т. II, стр. 79. Иоакимова летопись.

[7] Русская летопись по Никонову списку, ч. I, стр. 92. См. также ПСРЛ, т. IX, стр. 57.

[8] *J. Ewers,* Studien zur gründlichen Kenntniss der Vorzeit Russlands, Dorpat 1830, S. 89 u. ff.

Чтобы утвердить веру на знании книг божественных, великий князь завел для отроков училища, бывшие первым основанием народного просвещения в России»[1]. Автору статьи, помещенной в Studien, непременно хочется ограничить меру Владимира одною целию — приготовлением священников: но такое одностороннее толкование будет противно всем известиям летописей, ибо они говорят именно, что митрополит присоветовал эту меру для утверждения веры, не упоминая о приготовлении священнослужителей. Мысль просвещать книжным учением для утверждения в вере не могла быть нова для митрополита, присланного из Царь-града, который является главным действователем в этом случае. Автор означенной статьи вооружается против Карамзина за то, что последний говорит об училище, тогда как, по его мнению, училища заведено не было, а детей роздали учиться по церквам у священников; это мнение справедливо тем более, что у Татищева (II, 76) читаем прямо то же самое: «Владимир повелел брать детей знатных, средних и убогих, раздавая по церквам священникам со причетники в научение книжное»[2]. Здесь же читаем, что некоторые матери старались дарами откупать детей своих от учения.

[262] Пищань речка, в 6 верстах от местечка Пропойска; течет от запада к востоку, и впадает в Сожь. — Щекатова Геогр, словарь[3].

[263] Antiquités Russes, I, 276, 278[4].

[264] Карамз, I, примеч 436[5]; Арцыбаш., I, примеч. 206[6]; Татищ, II, стр. 63. У Татищ. «Владимир собрал воинство великое, и Добрыню вуя своего призвав с новогородцы, пошел на болгар и сербы; а конные войска русские, торков, волынян и червенских послал прямо в землю Болгарскую объявить им многие их нарушения прежних отца и брата договоров и причиненные подданным его обиды, требуя от них награждения. Болгары же, не хотя платить оного, но совокупившись со сербы, вооружились противо ему, и по жестоком сражении победил Владимир болгаров и сербов и поплени землю их; но по просьбе их учинил мир с ними, возвратился со славою в Киев, взятое же разделил на войско и отпустил в домы их»[7]. — Самые подробности рассказа не позволяют нам отвергать его, особенно если мы поостережемся отвергнуть свидетельство Иоакимовой летописи о крещении Владимира непосредственно после похода в Болгарию и о содействии болгар этому делу; заметим, что и в известных нам списках летописи рассказ об обращении Владимира начинается непосредственно после рассказа о походе на болгар. Заметим также, что слова — *низовые,* или волжские, обличают составителя или переписчика летописи, живущего на севере, следовательно позднейшего, знавшего только соседей своих, волжских болгар.

[265] Никон., I, 106, 107[8].

[266] Там же, 110[8]; Татищ., II, 87[9]. Memor. Popul., II, 1009, 1010[10].

[267] Татищ., II, 89: «А по селам не ездить тиуном, верником, огневшине и смердине продавать и от них не купить»[11]. Верность этого известия не может подлежать сомнению: печати прямо указывают на греческий обычай, к которому русские привыкли в Византии; подробности указывают на древность.

[268] F. Palacký. Dějiny národu českého, I, 260[12].

---

[1] *Н. М. Карамзин,* История государства Российского, т. I, стр. 219

[2] *В. Н Татищев,* История Российская.., т. II, стр. 76.

[3] *А. Щекатов,* Словарь географический Российского государства, т. V, М 1807, стр. 1065.

[4] Antiquités Russes, t. I, p 276, 278

[5] *Н. М Карамзин,* История государства Российского, т. I, стр. 445, примеч 436.

[6] *Н. С. Арцыбашев,* Повествование о России, т. I, кн. 2, М. 1838, стр. 47, примеч. 206.

[7] *В Н. Татищев,* История Российская. , т. III, стр. 63.

[8] Русская летопись по Никонову списку, ч. I, стр. 106, 107, 110. См. также ПСРЛ, т. IX, стр. 65, 66, 68.

[9] *В. Н. Татищев,* История Российская.., т. II, стр 87.

[10] *J. Stritter,* Memoriae Populorum, t. II, p. 2, Russica, cap. VIII, p 1009, 1010.

[11] *В Н Татищев,* История Российская , т. II, стр 89.

[12] *F. Palacký,* Dějiny národu českého, t I, p. 1, Praha 1848, p. 260.

[269] Там же, стр. 255: Deinde ad aquilonalem hi sunt termini: Psovane, Chrovati et altera Chrovati (следовательно, хорваты составляют границу)... Inde ad orientem hos fluvios habet terminos: Bug scilicet et Ztir cum Krakova civitate, proviciaque cui Vag homen est, cum omnibus regionibus ad praedictam urbem pertinentibus, quae Krakova est [1].

[270] Roepell, Geschichte Polens, I, 144 [2].

[271] Татищ., II, 77 [3]. Здесь, быть может, кому-нибудь покажется подозрительным известие, что разбитый Мечислав едва ушел в Краков, тогда как этот город еще не принадлежал ему; но он мог захватить его временно, ибо в то же время шла у него война с Болеславом чешским. Известие, находящееся у Татищева, подтверждается иностранными свидетельствами: Annal. Hildesh. ap. Leibnitz. Scriptor rerum brunsvic., I, 720, anno 992. «Otto rex cum valida suorum manu iterum Braunanburg adiit.. Bolizlaus vero Misachonis filius per se ipsum ad dominum regem venire nequaquam valens (imminebat quippe illi grande contra Ruscianos bellum). Suos satis fideliter milites in ministerium regis direxerat» [4]

[272] В Никон. (I, 104) под 922 годом упоминается о послах к Владимиру от Болеслава [5].

[273] Dithmari ep. Merseburg. Chronic, VII, 244 [6].

[274] Полн. собр. р. лет., I, 54 [7]. Никон., I, 105 [8].

[275] Никон., I, 92, 106. 111 [8]. У Татищева (II, 78) [9] сказано, что патриарх цареградский, узнав о сношениях с папою, увещевал Владимира прекратить их, указывая на безнравственность пап и отступление их от обычаев вселенской церкви. — Есть известие, что император Оттон III присылал в Русь миссионера Бруно, который будто бы склонил к своему учению некоторых русских; но прибывший греческий епископ совершенно уничтожил его успехи. См. Макария — История христианства в России, стр. 342, 343 [10].

[276] Кроме того, в Никон. списке упоминается о набегах печенежских в 990 году: печенеги наделали много зла, но Владимир победил их; под 992 также победа; под 1001 победа богатырей. Видно, что в сокращенных списках упомянуты только набеги, почему-нибудь особенно замечательные: один по битве богатыря, другой по основанию церкви, третий по чудесному избавлению Белгорода. Есть также известия в Никоновском списке, что некоторые печенежские и болгарские князья приходили креститься ко Владимиру (I, 92, 95, 103); есть известие о смерти печенежского князя Темира, убитого родственниками (I, 112). Наконец, во всех списках упоминается о набеге печенегов в самое время Владимировой кончины [11]. О Бруне и его известии см. «Русская беседа», 1856, № 1 [12].

[277] Никон., I, 112. Христиан. Чтен. 1849, II, 323 [13].

[278] Там же, 110 [11].

[279] Там же, 111 [11].

[280] Там же, 112 [11].

---

[1] *F. Palacký,* Dějiny národu českého, t. I, p. 1, 255.

[2] *R. Roepell,* Geschichte der europäischen Staaten. Geschichte Polens, Bd. I, Hamburg 1840, S. 144.

[3] *В. Н. Татищев,* История Российская.., т. II, стр. 77

[4] Annales Hildesheimenses, MGH, scriptorum, t. III, Hannoverae 1839, p 69.

[5] Русская летопись по Никонову списку, ч. I, стр. 104. См. также ПСРЛ, т. IX, стр 64.

[6] Thietmari Chronicon a. 919—1018. lib. VII, MGH, scriptorum, t. III, Hannoverae 1839, p 859

[7] ПСРЛ, т. I, стр. 54. См. также ПСРЛ, т. I, вып. 1, 1926, стб 126.

[8] Русская летопись по Никонову списку, ч. I, стр. 105, 92, 106, 111. См. также ПСРЛ, т. IX, стр. 64, 58, 65, 66, 68

[9] *В Н. Татищев,* История Российская., т. II, стр 78

[10] *Макарий,* История христианства на Руси, стр 342, 343

[11] Русская летопись по Никонову списку, ч. I, стр. 92, 95, 103, 112, 110, 111, 112. См. также ПСРЛ, т. IX, стр. 58, 64—68.

[12] *А. Ф. Гильфердинг,* Неизданное свидетельство о Владимире Святом и Болеславе Храбром, «Русская беседа», 1856, № 1, стр. 1—34.

[13] Память и похвала князю русскому Владимиру... «Христианское чтение», ч. II, Спб. 1849, стр. 323.

[281] Полн. собр. р. л., I, 52 [1].

[282] Там же, стр. 34 [1].

[283] Татищ., I, 40 [2].

[284] Полн. собр. р. л., I, 57 [3].

[285] Там же, стр. 34: «От Чехине Вышеслава, а от другое Святослава и Мьстислава» [3].

[286] Там же, стр. 55: «Преставися Малъфредь. В се же лето преставися и Рогънедь, мать Ярославля» [3]. — Ясно, что здесь говорится о двух женщинах, женах Владимира. Татищ., II, 87; «Преставися Малфреда, Чехиня, мать Святославля» [4].

[287] Соф. врем. 1, 87 [5]; Никон. 1, 93 [6]; Соф. 80 [5].

[288] II, примеч. 191 [7].

[289] Летоп. содерж. росс. ист. от 852—1598 г., стр. 40: «А трех у себя остави· бе бо млади, Станислав, Судислав, Позвизд» [8].

[290] II, примеч. 184 [9]. Известие о том, что Борис и Глеб были сыновья царевны Анны, находится не в одной Иоакимовой летописи. Оно находится в так называемой Тверской летописи, хранящейся в император. публич. библиотеке: «Быша у него (Владимира) водимые рекше болшиа: Рогнедь иже посади на Либеды в селце идеже есть ныне словеть селце Предславино:.. а от другие Чехини Святослава и Станислава, Судислава, Болеслава. А от царевны от Анны Бориса и Глеба» [10].

[291] Так перевожу я здесь слово *боляре,* ибо здесь ясно, что они противополагаются убогим, и потому означают вообще *не убогих,* богатых и знатных.

[292] Никон., I, 128 [11].

[293] В одном сборнике XV века находится следующее слово на день св. Бориса и Глеба: «Слышите, князи противящеся старейшей братьи и рать въздвижуща и поганыя на свою братью возводяще! Не обличил ти есть бог на страшнем судищи, како святый Борис и Глеб претерпесте брату своему нетокмо отъятие власти, но отъятие живота. Вы же до слова брату стерпети не можете, и за малу обиду вражду смертоносную въздвижете; помощь приемлете от поганых на свою братью». См. в Москвит. № 12, год 1843 [12]. Или: «Видите ли, братии, коль высоко покорение еже стежаста святая к старейшему брату, си аще бо быста супротивилася ему едва быста такому дару чудесному сподоблена от бога, мнози бо суть ныне детески князи не покаряющися старейшим и супротивящися им и убиваемы суть ти не суть такой благодати сподоблени якоже святая сия (Опис. Рум. муз., стр. 201) [13].

[294] Повесть о смерти Бориса и Глеба явно вставлена в летопись после; иначе летописец не стал бы снова повторять (в конце стр. 60): «Святополк же оканны нача княжити Кыеве» и проч. [14].

[295] Татищ., II, 97 [15].

[296] По некоторым летописям это был старинный воевода Владимиров, Волчий Хвост, победитель радимичей. Полн. собр. русск. лет., III, 209 [16].

---

[1] ПСРЛ, т. I, стр 52, 34. См. также ПСРЛ, т. I, вып. 1, 1926, стб. 121, 80.

[2] *В. Н. Татищев,* История Российская.., т. I, стр. 40.

[3] ПСРЛ, т. I, стр. 57, 34, 55. См. также ПСРЛ, т. I, вып. 1, 1926, стб. 132, 80, 189,

[4] *В Н. Татищев,* История Российская.., т. II, стр. 87.

[5] Софийский временник, ч. I, М. 1820, стр. 87, 80. См. также ПСРЛ, т. V, вып. 1, Л. 1925, стр. 71, 72.

[6] Русская летопись по Никонову списку, ч. I, стр. 93; ПСРЛ, т. IX, стр. 57.

[7] *В. Н. Татищев,* История Российская., т. II, примеч. 191, на стр. 411.

[8] Летописец, содержащий в себе Российскую историю от 852—1598 г., М. 1819, стр. 40.

[9] *В Н. Татищев,* История Российская., т. II, примеч. 184, стр. 408.

[10] Тверская летопись, ПСРЛ, т. XV, стр. 73.

[11] Русская летопись по Никонову списку, ч. I, стр. 128. См. также ПСРЛ, т. IX, стр. 73.

[12] *М. П Погодин,* Новая историческая находка, «Москвитянин», 1843, № 12.

[13] *А. Х. Востоков,* Описание русских и славянских рукописей Румянцевского Музеума, стр. 201.

[14] ПСРЛ, т. I, стр. 60. См. также ПСРЛ, т. I, 1926, стб. 140.

[15] *В. Н. Татищев,* История Российская.., т. II, стр. 97.

[16] ПСРЛ, т. III, стр 209.

[297] «И бы тогда Ярослав Новегороде лет 28» (Лавр.) [1]; «беже тогда Ярослав лет 28» (в прочих списках). — Ярослав не мог быть тогда (в 1016 г.) 28 лет от роду, ибо это значило бы, что он родился в 988 году, в год принятия Владимиром христианства и женитьбы на Анне, тогда как мы знаем, что у Ярослава было много младших братьев, рожденных не от Анны, следовательно рожденных до принятия христианства; он не мог жить 28 лет в Новегороде, ибо это значило бы, что он был отправлен в Новгород в 988 году, но мы знаем, что в этом году он был послан в Ростов, а не в Новгород, где княжил старший брат его Вышеслав, умерший, по Татищеву, в 1010 году (II, 89) [2]; следовательно летописец под пребыванием в Новгороде считал все время его пребывания на севере, начиная от 988 года, под которым он поместил рассылку сыновей Владимировых по волостям, полагаемую преданием тотчас после крещения. Счет лет всей жизни Ярославовой (76 лет) также не верен, ибо если бы он умер в 1054 году, 76 лет, то не мог бы быть сыном Рогнеды, а главное, был бы старше Святополка, вследствие чего признание св. Борисом последнего старшим не имело бы смысла.

[298] Dithmar. Mers. VII, 264, 265. Urbs autem Kitava nimis valida ab hostibus Pedencis hortatu Bolizlaui crebra impugnatione concutitur et incendio gravi minoratur [3]. О киевском пожаре упоминают наши летописи под 1107 годом (Полн. собр. р. л., I, 62) [4]. Под тем же годом упоминается о приходе печенегов под Киев и злой сече с ними (Там же, III, 210) [4].

[299] Карамз., I, прим. 10 [5].

[300] Одну из жен Владимировых, неизвестно какую; Анна умерла прежде Владимира, в 1011 году.

[301] О сватовстве за дочерей Владимировых см. Татищ., II, 90 [6].

[302] Татищ., II, 99 [6].

[303] Принимаю древнейшее чтение Ипат. сп. *с бою,* вместо позднейшего *с собою.* Здесь говорится о пленниках, взятых при Буге и в том городе, который, по Дитмару, был взят приступом и жители его отданы в рабство.

[304] Мы следовали в своем рассказе русским летописям и Дитмару. О распространенных и украшенных рассказах польских летописцев см. у Карамзина, II, прим. 10 и след.; также у Roepell, Geschichte Polens, I, 7, Beilage [7].

[305] В Новгородской летописи сказано, что Ярослав после первой победы над Святополком отпустил всех новгородцев домой [8]; в Киевской (Полн. собр. р. лет., I, 62) [9] говорится, что в походе против Болеслава были и славяне, то есть новгородцы; но ясно, что это не могли быть те самые, которые привели Ярослава в Киев; старосты, смерды и собственно граждане новгородские не могли так долго оставаться на юге, вдали от семейств, след. если известие справедливо, то это был небольшой отряд *верхних воев,* вытребованный Ярославом на помощь, или отряд охотников, оставшихся на юге, чтобы участвовать в войне Ярослава с Польшею.

[306] Полн. собр. р. л., I, 62, 63 [10]. Как видно, это предание распространено и украшено впоследствии.

[307] Теперь село на речке Рудне, впадающей в Снов с правой стороны, к северо-востоку от Чернигова, верстах в 40; верстах в 25 от него есть другое село, Малый Листвин (Арцыб., I, 16, 86) [11].

---

[1] ПСРЛ, т. I, стр. 61. См. также ПСРЛ, т. I, вып. 1, 1926, стб. 142.

[2] *В. Н. Татищев,* История Российская., т. II, стр. 89.

[3] Thietmari Chronicon a. 919—1018, lib. VII, MGH, scriptorum, t III, Hannoverae 1839, p. 870.

[4] ПСРЛ, т. I, стр. 62. См. также ПСРЛ, т. I, вып. 1. 1926, стб. 142. ПСРЛ, т. III, стр. 210

[5] *Н. М. Карамзин,* История государства Российского, т II, стр. 308, примеч. 10.

[6] *В. Н. Татищев,* История Российская.., т. II, стр. 90, 99.

[7] *Н. М. Карамзин,* История государства Российского.., т. II, стр. 508, примеч. 10, *R. Roepell,* Geschichte Polens, v. I, p. 124, 126.

[8] ПСРЛ, т. IV, ч. I, вып. 1, Спб., 1915, стр. 110.

[9] ПСРЛ, т. I, стр. 62 См также ПСРЛ, т. I, вып. 1, 1926, стб. 143

[10] ПСРЛ, т. I, стр. 62, 63. См. также ПСРЛ, т. I, вып. 1, 1926, стб. 145.

[11] *Н. С. Арцыбашев,* Повествование о России, т. I, кн. 2, М. 1838, стр 16, примеч. 86.

[308] *Луда.* Это слово принадлежит столько же славянскому, сколько германскому языку: в хорват. значит покров, luditi — покрывать: См. Срезневск. Мысли об истории русского языка [1].

[309] Ясно, следовательно, что у Ярослава были только одни варяги, а славян (новгородцев) не было.

[310] Был Городец подле Киева; был недалеко от Чернигова (в 26 верстах); вернее, что мир был заключен в Киевском. См. Арцыб., I, 16, 89 [2].

[311] Указывают на реку Судому или Судиму в Псковской губернии Порховского уезда. См. Арцыб., I, 15, 81 [3].

[312] Никон., I, 129: «А Брячислав бежаще в Полотску. И оттоле ис Киева призва его к себе, и вда ему два града; Свячь и Вибдеск, и рече ему: буди же со мною один» [4]. Выражение: «буди же со мною один» — может показывать желание Ярослава заключить союз с Брячиславом против Мстислава.

[313] Geijer, Geschichte Schwedens, I, p. 124, 126 [5].

[314] Думают, что это лицо могло быть тождественно с Якуном Слепым русского предания. Вероятнее, однако, что это был простой перевод скандинавского Hakun, Hakon, Haagen — *одноглазый,* ибо странно было бы в самом деле видеть слепого в вожде варяжской дружины. См. Kunik, Die Beruf. der Schwed. Rodsen, II, 172 [6]. По мнению г. Ламбина, должно читать в летописи не «бе Якун слеп», а «бе Якун сълѐп», т. е. красив. Журн. Мин. нар. просв., май 1858 года [7].

[315] Воскрес., I, 184; Никон., I, 132; Соф. врем., I, 152 [8].

[316] Sjögren. Mém. de l'Acad. de S.-Pèters. VI série, t. I, livr. 6, 1832, p. 513 [9].

[317] Там же, 2 livr., Ueber die älteren Wohnsitze der Jemen, стр. 272 [10]: на границе Устюжского уезда, в северо-восточном углу его, при устье Вычегды в Двину, жил, по народным преданиям, народ гам или емь.

[318] Бельз — в северо-восточной Галиции, при реке Солокии, впад. в Буг,

[319] Никон., I, 138 [11].

[320] Византийские известия говорят, что по смерти Владимира Св[ятого] какой-то родственник его прибыл на лодках в Византию, сперва объявил намерение вступить в императорскую службу, потом тайно ушел из гавани, разбил греческое войско, но был истреблен греками с 800 товарищей. Быть может, это был один из сыновей Владимировых, из которых многие пропали без вести; один, Всеволод, погиб в Скандинавии, по тамошним известиям.

[321] По греческим известиям, император два раза предлагал Владимиру мир, обещаясь вознаградить за оскорбление, но Владимир слишком много запрашивал (по 3 фунта золота на человека). Тогда греки вступили в морскую битву с русскими и зажгли их корабли; к этому несчастью присоединилась еще буря.

---

[1] *И. И. Срезневский,* Мысли об истории русского языка, Спб, 1850, стр. 144.

[2] *Н. С. Арцыбашев,* Повествование о России, т. I, кн. 2, стр. 16, 17, примеч. 89.

[3] *Н. С. Арцыбашев,* Повествование о России, т. I, кн. 2, стр. 15, примеч. 81.

[4] Русская летопись по Новикову списку, ч. I, стр. 129. См. также ПСРЛ, т. IX, стр. 77.

[5] *E. Geijer,* Ceschichte Schwedens, Bd. I, Hamburg 1832, S. 124, 126.

[6] *A. Kunik,* Die Berufung der schwedischen Rodsen durch die Finnen und Slawen. Bulletin de l'Académie des sciences de St.-Pétersbourg. Sér. politique, t. II, S. 98—112.

[7] *Н. Ламбин,* О слепоте Якуна и его знаменитой луде, ЖМНПр, 1858, ч. XCVIII, стр. 33—58.

[8] Русская летопись с Воскресенского списка, ч. I, стр. 184. См. также ПСРЛ, т. VII, стр. 30; Русская летопись по Никонову списку, ч. I, стр. 132. См. также ПСРЛ, т. IX, стр. 79; Софийский временник, ч. I, стр. 152. См. также ПСРЛ, т. V, вып. 1, Л. 1925, стр. 126.

[9] *A. Sjögren,* Wann und wie wurden Sawolotsche und die Sawolokschen Tschuden Russisch? «Mémoires de l'Académie des sciences de St.-Pétersbourg», VI, sér polit., livr. VI, 1832, p. 513. См. также *A. Sjögren,* Gesammelte Schriften, Bd. I, S. 530.

[10] *A. Sjögren,* Ueber die älteren Wohnsitze der Jemen. «Mémoires de l'Académie des sciences de St.-Pétersbourg», VI, sér. polit., livr. II, p. 272 См. также *A. Sjögren,* Gesammelte Schriften, Bd. I, S. 468.

[11] Русская летопись по Никонову списку, ч. I, стр. 138. См. также ПСРЛ, т. IX, стр. 83.

[322] Полн. собр. р. лет., I, 65: «Исступишася на месте, идеже стоить ныне святая Софья, митрополья Русьская; бе бо тогда поле вне града». — След[овательно] в 1036 году церкви св. Софии еще не было, и под следующим 1037 годом читаем: «Заложи Ярослав город великый Кыев, у него же града суть златая врата; заложи и церковь св. Софью, митрополью» [1], и проч. — Но в других списках (Никон.[2], Соф. врем.[3], Воскрес.[4] и др.) заложение церкви св. Софии отнесено к 1017 году, после первого нашествия печенегов и битвы под Киевом. Ясно, что это известие происходит от смешения двух известий о набеге печенегов, после которого была заложена крепость и церковь св. Софии. Теперь вопрос: было ли два набега печенежских и две битвы под Киевом или один только, и если один, то в какое время — в 1017 или в 1036 году? По внимательном рассмотрении двух известий мы пришли к мысли, что составители летописных сборников, например Никоновского, имели перед глазами две летописи совершенно разных редакций, из которых в одной было помещено известие о набеге печенегов в 1017 году и построении после того крепости и церкви, а в другой, как в дошедших до нас древнейших списках, помещен был набег только под 1036 годом: составители позднейших сборников внесли в них и то и другое известие, не заметив противоречия, что во втором известии говорится о несуществовании церкви св. Софии во время битвы. Теперь из двух древних летописей, которая правильнее помещает свое известие? та ли, которая помещает набег печенежский в 1017, или та, которая помещает его в 1036 году? Надобно думать, что первая, потому что с ней согласен Дитмар относительно печенежского набега. В Никон. (I, 129) еще под 1020 годом упоминается о набеге печенежском [5].

[323] Владимир, старший сын Ярослава, родился в 1020 году, но Ярославу было тогда около 40 лет; не может быть, чтоб он не был женат до Ингигерды; ясно, что Илья был от первого брака и был уже в 1019 году в таком возрасте, в каком мог быть посажен на столе новгородском, тем более что Владимир сажал малолетних детей своих; посажение Ильи могло оскорбить Константина. Мы заметим также, что в летописи не упоминается об участии новгородцев в борьбе Ярослава с Мстиславом.

[324] Никон., I, 139, 140 [6]. Здесь прямо говорится, что Ярослав поставил русского митрополита «соблюдащеся от вражды и лукавства, якоже быша тогда». Карамзин (II, примеч. 49) [7] неправильно толкует слова Никонов. сборника, как будто бы русин был поставлен потому, что в то время была война с греками, и указывает, что во время поставления войны не было. В летописи нет ни слова о современности поставления Иларионова и войны с греками; здесь просто сказано, что были с греками брани и нестроения при Ярославе, и потому этот князь решился поставить своего митрополита, чтобы на будущее время избежать тех неприятностей, которые были во время войны.

[325] Это выражение летописи отзывается глубокою древностью [8].

[326] Нельзя заключать, чтобы Ярослав сам писал или умел писать, прямо сказано только, что он умел читать. Единственное число *прекладаше* (книги) заменяется в списках множественным *прекладаша,* но и единственное число нисколько еще не доказательство, что он сам переводил и писал: оно могло быть очень легко употреблено вместо: велел переводить и писать; мы говорим, что такой-то построил дом, зная, что не сам он строил, но архитектор и плотники.

---

[1] ПСРЛ, т. I, стр. 65. См. также ПСРЛ, т. I, вып. 1, 1926, стб. 151.
[2] Русская летопись по Никонову списку, ч. I, Спб. 1767, стр. 124. См. также ПСРЛ, т. IX, стр 75
[3] Софийский временник, ч I, стр. 107. См. также ПСРЛ, т. V, Л. 1925, стр. 88.
[4] Русская летопись с Воскресенского списка, ч. I, стр. 185. См. также ПСРЛ, т. VII, стр. 325
[5] Русская летопись по Никонову списку, ч. I, стр. 129. См. также ПСРЛ, т. IX, стр. 77.
[6] Русская летопись по Никонову списку, ч. I, стр. 139, 140. См. также ПСРЛ, т. IX, стр. 83.
[7] *Н. М. Карамзин,* История государства Российского, т. II, стр. 336, примеч. 49.
[8] ПСРЛ, т. V, Спб. 1851, стр. 136. См. также ПСРЛ, т. V, вып. I, Л. 1925, стр. 127.

[327] Кроме походов на чудь, литву и ятвягов, Никонов упоминает о походе на ясов [1].

[328] De administr. imper., c. IX [2]. Memor. Pop., II, 985 [3]. Egrediuntur Ciabo, et in Oppida (?) proficiscuntur quae Gyra appelantur (ἀπέρχονται εἰς τα πολυδια ἃ λέγεται Γύρα) aut in sclabica loca Berbianorum Drungubitarum etc. У Дюканжа Γύραι — Circulationes, Circuitiones; [4] в частности гирою называли выезд чиновника из главного места его служения в другие места его же ведомства, собственно по делам службы, напр. объезд провинциальным начальником городов своей провинции. См. статью проф. Неволина — о значении слова *Гира,* в Финск. Вестн., 1847, № 8 [5]. Любопытно выражение в летописи Переяславля Суздальского при исчислении народов, платящих дань Руси: «Исконнии данници и конокръмци» [6].

[329] Bandtkie, Historia prawa Polskiego, стр. 47 [7].

[330] Так говорили мадьяры при избрании своего вождя Алмоса — Anonymus Belae R. notarius, c. V, VI. Ap. Schwandtner, Script. rer. Hung. I, 9 [8].

[331] См. Gaupp, die Germanischen Ansiedlungen und Landtheilungen [9].

[332] Из этого не следует, чтобы члены княжой дружины вовсе не могли иметь сел, населенных военнопленными, купленными рабами или наймитами.

[333] Древ. русск. стихотвор. Кирши Данил., стр. 187 [10].

[334] Antiquités Russes, t. I, p. 279 [11]. То же видим у польских князей: каждый гость, хотевший вступить в службу к князю, принимался с радостью. См. Gallus, p. 75 [12].

[335] Древ. русск. стихотвор., ст. 138 [13].

[336] Ср. у Тацита (Germ): Jam vero infame in omnem vitam probrosum superstitem principi suo ex acio secessisse [14].

[337] Полн. собр. русск. лет., I, 66 [15].

[338] Срав. Тацита· Exigunt enim principis sui liberalitate illum bellatorem equum, illam cruentem victricemque frameam [14]. То же явление и в дружине польских князей; срав. Gallus, p. 71 [16], *не слугою,* но сыном княжеским называл Болеслав Храбрый дружинника, пришедшего служить из чужой страны, и если дружинник терял лошадь или другую какую-нибудь вещь, то князь снабжал его с лихвою.

[339] Gallus, p. 64, 39 [16]. У Болеслава Храброго кроме столов для мелких дворян ежедневно накрывалось 40 столов для знатнейших дружинников. Все они, даже самые мелкие дружинники, являлись с тяжелыми золотыми кольцами.

---

[1] Русская летопись по Новикову списку, ч. I, стр. 132, 135. См также ПСРЛ, т. IX, стр. 79

[2] Constantinus Porphyrogenitus. De administrando imperio, c. IX, см. «Известия ГАИМК», вып. 91, стр. 8—10.

[3] *J. Stritter,* Memoriae Populorum, t. II, p. 2, Russica, p. 985.

[4] У Дюканжа (*Du Cange,* Glossarium mediae et infimae Latinititis, t. 2, 1842) указанных терминов не найдено.

[5] *К. А. Неволин,* О значении слова «гира» у Константина Багрянородного, «Финский вестник», 1847, № 8, стр. 1—10.

[6] Летописец Переяславля Суздальского, М. 1851, стр. 2.

[7] *J. Bandtkie,* Historia prawa polskiego, Warszawa 1850, p. 47.

[8] *J. Schwandtner,* Scriptores rerum Hungaricarum veteres ac genuini. Anonymi Belae regis notarii, Vindobonae, 1766, cap. X, cap. V, VI, p. 6—7, 10. См. также Anonyme Belae regis notarli historia hungerica ed. C. Fejerpataky. Budapest 1892.

[9] *E. Gaupp,* Die Germanischen Ansiedlungen und Landtheilungen in den Provinzen des Römischen Westreichs, Breslau 1844.

[10] *Кирша Данилов,* Древние российские стихотворения, М. 1818, стр. 187. Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым, М. — Л. 1958, стр. 130.

[11] Antiquités Russes, t. I, p. 279.

[12] Martini Galli Chronicon, c. XVI, Varsaviae, 1824, p. 75. См. также Galli Anonymi Chronica et Gesta Ducum sive Principum Polonorum, Krakow 1952, p. 36.

[13] *К. Данилов,* Древние российские стихотворения, стр. 138. По изданию 1958 г. стр. 100.

[14] *Тацит,* Германия, гл. XIV. Сочинения К. Тацита, русский перевод В. Н. Модестова, т. I, Спб. 1886, стр. 48—49.

[15] ПСРЛ, т. I, стр. 66. См. также ПСРЛ, т. I, вып. 1, 1926, стб. 154.

[16] Martini Galli Chronicon, c. XIV, XII, VI, p. 71, 64, 39. См. также Galli Anonymi Chronica... Krakow 1952, str. 34, 31, 16.

[340] Соф. врем., I, 10[1].

[341] Полн. собр. русск. лет., I, 90[2].

[342] Слово дружина происходит от *друг,* а друг от санскритского *дру — иду, следую* (удрать — убежать), см. Бусл. о влиянии христ. на славянский язык, стр. 194[3]. След. дружина есть товарищество, сбор людей, идущих вместе, по одной дороге, откуда *дорога,* или *драга,* значит не только via и толпа, собирающаяся куда-нибудь, — множество, свита (см. там же, стр. 51)[3]. Мы прибавим, что и французское route в древнем языке значит дружина, отряд. Если наша дружина происходит от дру — идти, то нет препятствия и польское *шляхта* привести в связь со старинным словом *шлях — дорога, путь.*

[343] Полн. собр. русск. лет., I, 9: «и бяста у него два мужа, не племени его, но боярина». Из этого ясно, что под мужами вообще разумелись и бояре. Или: «и посади муж свой», значит посадил одного из своих, одного из дружины (I, 13): «А Ольга водиша и мужий его на роту» (I, 19): «посла Игорь мужи своя к Роману», и т. д.[4].

[344] Слово *боярин* славянское; о боярах болгарских упоминает Феофан под 764 годом[5]. У сербов и других племен находим также это слово. См. Срезнев., Мысли об истории русск. языка, стр. 131 и след.[6] С греческого словом боярин или болярин переводится ἄρχων; см. древний перевод греческого Василикона из библ. гр. Толстого, привед. у Розенкампфа о Кормчей книге, стр. 133[7].

[345] Полн. собр. русск. лет., II, 131[8].

[346] Гридь слово славянское, хорутанское *грида* значит громада, сборище, толпа, след. дружина, см. у Срезнев. в приведенном сочинении, стр. 139[9].

[347] Полн. собр. русск. лет., I, 54[10].

[348] Там же, I, 57: «Святополк же приде ночью Вышегороду, отай призва Путшю и Вышегородские болярце»[10].

[349] Там же, III, 14[11].

[350] Там же, I, 161[12].

[351] У западных славян *огнищанин* означал отпущенника (libertus), след. в обширном смысле это слово означало первоначально домочадца, но не раба, а свободного, какими именно были древние отпущенники, находившиеся в тесной связи с домом прежнего господина и, однако, переставшие быть рабами.

[352] Что тиун не был исключительно казначеем, как того хотят некоторые, довольно привести следующее: «Константин, князь Полотский, нарицяимый безрукий... молвит попу: тиун *неправду* судит, мзду имеет, люди *продает* (продажа имеет чисто судебное значение), мучит... И рече поп... избирает (князь) тиуна или кого волостеля мужа добра, праведна, по закону божию вся творяща и *суд ведуща».* См. Розенкампфа о Кормчей книге, стр. 247[13].

[353] «Посем седеша Деревляне пити, и повеле Ольга отроком своим служити пред ними» (Полн. собр. русск. лет., I, 24). Там же. «Яко упишася Деревляне, повеле отроком своим пити на ня, и повеле дружине сечи Деревляне»[14]. Здесь прямо отличаются отроки — слуги — от дружины.

---

[1] Софийский временник, ч. I, стр. 10. См. также ПСРЛ, т. V, стр. 9.
[2] ПСРЛ, т. I, стр. 90. См. также ПСРЛ, т. I, вып. 1, 1926, стб. 126.
[3] *Ф. И. Буслаев,* О влиянии христианства на славянский язык, М. 1848, стр. 104, 51.
[4] ПСРЛ, т. I, стр. 9, 13, 19. См. также ПСРЛ, т. I, вып. 1, 1926, стб, 20, 32, 46.
[5] Летопись византийца Феофана, перевод В. И. Оболенского, М. 1890, стр. 327, под годом 765
[6] *И. И. Срезневский,* Мысли об истории русского языка, стр. 131 и сл.
[7] *Г. А. Розенкампф,* Обозрение Кормчей книги в историческом виде, Спб, 1839, стр. 133.
[8] ПСРЛ, т. II, стр. 131. См. также ПСРЛ, т. II, 1908, стб. 643.
[9] *И. И. Срезневский,* Мысли об истории русского языка, стр. 139.
[10] ПСРЛ, т. I, стр. 54, 57. См. также ПСРЛ, т. I, вып. 1, 1926, стб. 126, 132.
[11] ПСРЛ, т. III, стр. 14
[12] ПСРЛ, т. I, стр. 161. См. также ПСРЛ, т. I, вып. 1, 1926, стб. 380.
[13] *Г. А. Розенкампф,* Обозрение Кормчей книги в историческом виде, стр. 247.
[14] ПСРЛ, т. I, стр. 24. См. также ПСРЛ, т. I, вып. 1, 1926, стб. 56.

[354] Там же, I, 30: «Придоша (греческие послы) и поклонишася ему (Святополку), положиша преди им злато и паволоки; и рече Святослав, кроме зря, отроком своим: схороните» [1].

[355] Там же, I, 32: «И придоша отроци Володимерови, и поведаше ему всю речь Рогънедину» [2]. — Еще прямые указания, что отроки составляли домашнюю прислугу князя — 1, 57 и след.: «И се слышавше вои, розыдошася от него (св. Бориса), Борис же стояше с отроки своими... И прободаша Борису и слугу его, падша на нем, прободаша с ним; бе бо се любим Борисом. Бяше отрок с родом сын угъреск» [3].

[356] Там же, I, 57 [3].

[357] Там же, I, 66 [4].

[358] Там же, I, 64 [5].

[359] Там же, I, 98 [6].

[360] Там же, I, 24 [7].

[361] Там же, I, 53: «И приде един стар муж ко князю и рече ему: Княже! суть у мене един сын меншей дома, а с четырми есмь вышел, а он дома» [8].

[362] Под 1089 годом: «Воеводство держащу Кыевскыя тысяща Яневи» [9].

[363] Полн. собр. русск. лет., I, 66 [10].

[364] Там же, I, 54 [11]. Что под именем *верховных,* или верхних, воев разумелись не варяги (как думает Г. Погодин), но жители русских северных (относительно) земель, показывают известия позднейшие, напр. под 1185 годом читаем (Полн. собр. р. лет., II, 132) [12]: «и великий князь Всеволодич Святослав шел бяшеть в Корачев и сбирашеть от верхних земель вои». Или под 1148 годом (стр. 39): «А Ростислав да дары Изяславу что от верхних земель и от варягу» [12]. Здесь прямо верхние земли отличаются от варяг.

[365] Antiquités Russes, t. I, p. 278. Rex Waldimar eum praefectum constituit copiarum, quas ad regnem suum tuendum dimittere solebat [13].

[366] Там же, стр. 333 [13].

[367] Полн. собр. русск. лет., I, 64, 65 [14].

[368] Там же, I, 32: «падаху людье мнози, и удавиша кони человеци» [14].

[369] Там же, I, 66: «и помроша кони у вой Володимерь» [15].

[370] Полн. собр. русск. лет., I, 25. Ольга говорит древлянам: «А вси гради ваши предашася мне, и ялися по дань, и делают нивы своя и земле своя» [15].

[371] Там же, III: — Смерд слово славянское: в польском кошубском smird значит бедный селянин.

[372] Место, найденное г. Беляевым в уставе великого князя Всеволода, хранящемся в библиотеке г. Погодина. См. исследования М. Погодина, т. III, стр. 408 [16].

[373] См. подробности в сочинении профессора Калачева — Исследование о русской правде, 1846 г. [17].

[374] Так, напр. великий князь Изяслав взял двойную виру за убийство своего старого *конюха,* что записано в Правде уже как правило на буду-

---

[1] ПСРЛ, т.I, стр. 30. См. также ПСРЛ, т. I, вып. 1, 1926, стб. 71.
[2] ПСРЛ, т. I, стр. 32. См. также ПСРЛ, т. I, вып. 1, 1926, стб. 76.
[3] ПСРЛ, т. I, стр. 57, 58. См. также ПСРЛ, т. I, вып. 1, 1926, стб. 132, 134.
[4] ПСРЛ, т. I, стр. 66. См. также ПСРЛ, т. I, вып. 1, 1926, стб. 154.
[5] ПСРЛ, т. I, стр. 64. См. также ПСРЛ, т. I, вып. 1, 1926, стб. 149.
[6] ПСРЛ, т. I, стр. 98. См. также ПСРЛ, т. I, вып. 1, 1926, стб. 231
[7] ПСРЛ, т. I, стр. 24. См. также ПСРЛ, т. I, вып. 1, 1926, стб. 57.
[8] ПСРЛ, т. I, стр. 53. См. также ПСРЛ, т. I, вып. 1, 1926, стб. 122—123.
[9] ПСРЛ, т. I, стр. 89. См. также ПСРЛ, т. I, вып. 1, 1926, стб. 208
[10] ПСРЛ, т. I, стр. 66. См. также ПСРЛ, т. I, вып. 1, 1926, стб. 154.
[11] ПСРЛ, т. I, стр. 54. См. также ПСРЛ, т. I, вып. 1, 1926, стб. 127.
[12] ПСРЛ, т. II, стр. 132, 39. См. также ПСРЛ, т. II, 1908, стб. 644—645, 369.
[13] Antiquités Russes, t. I, Copenhague 1850, p. 278, 333.
[14] ПСРЛ, т. I, стр. 64, 65, 32. См. также ПСРЛ, т. I, вып. 1, 1926, стб. 148, 151, 74.
[15] ПСРЛ, т. I, стр. 66, 25. См. также ПСРЛ, т. I, вып. 1, 1926, стб. 153, 58.
[16] *М. П. Погодин,* Исследования, замечания и лекции о русской истории, т. III, М. 1846, стр. 373.
[17] *Н. Калачев,* Исследования о «Русской Правде», М. 1846.

щее время: «А конюх старый у стада 80 гривен, яко уставил Изяслав в своем конюсе, его же убиле Дорогобудьци»[1].

[375] P. Müller. Saga bibliothek, I, 344[2].

[376] *Вервь* — слово славянское, означает и физически и нравственно связь, вервь, веревка, союз, в сербском *врвник* значит родной, в хорут. — сват. См. Срезнев., Мысли об истории русского языка[3]. Врвник происходит от физич. вервь, веревка, как *ужик* от уже — веревка. Мы думаем, что наше общинное *вервь* получило название от верви, веревки, которую обыкновенно употребляли при земельном измерении: «отняли, государь, у нас деревенку в карзине курьи, двор и дворище, а пашни, государь, в ней пять веревок» (Акты юридические № 23)[4]; или в правой грамоте 1535 года: «Став перед судьями, старец Иона и ответчики Панкрат и его товарищи тако рекли: дайте господине нам целовальника Гаврина Ивойдова земли *вервити*... и старец Иона Панкрата и ево товарыщов вдву третех в их увервил: а во се господине память веревная перед нами... Память веревщиком вывервили в Архангельской деревни полдругинадцаты веревки Горних земель и Юрмолских земель всих»[5]. — Подобный обычай был в употреблении у многих народов: израильтяне, греки, германцы, скандинавы мерили земли также вервями: Иис. Навин, 17, 5, 14[6]; Herod. I, 66[7]. Strinnholm. Wikingszüge, I, 125[8]. Как у нас имя орудия меры *вервь* перешло и к отмеренной земле, так точно видим и у евреев; в книге Иисуса Навина читаем (17,14): «противу реша же сынове Иосифовы Иисусу, глаголюще: почто наследствовал еси нас жребием единым и *ужем* единым». То же самое видим и у римлян: у них для измерения земель употреблялся шест или жердь — pertica (perche); pertica же означает и отмеренную землю. — *Вира* также слово славянское: в хорутанском вира значит вольная оценка, вольный переход, *завирити* — обязать задатком; *вировати* — обвинить.

[377] См. перевод статьи Палацкого — Сравнение законов царя Стефана Душана, в чтениях Москов. истор. общ. 1846, № 2[9].

[378] Ряд земского чешского права говорит ясно: [Et hoc] credo quod [illud] jus recipiendi candens ferrum plus fuit institutum propter terrorem et poenam quam propter aliquam temptationem Dei, ut a talibus (criminibus) [excussionibus] eo perterriti facilius cessarent[10].

[379] Древние росс. стихотворения К. Данилова, стр. 67:

У великого князя вечеринка была,
А сидели на пиру честные вдовы...
Промежду собою разговоры говорят,
Все были речи прохладные, —
Не отколь взялась тут Марина Игнатьевна,
Водилась с дитятами княженецкими,
Она больно Марина упивалася,
Голова на плечах не держится,
Она больно Марина похваляется:
«Гой еси вы, княгини, боярыни;
Во стольном во городе во Киеве

---

[1] «Правда Русская», М. — Л. 1940, стр. 14, ст. 23.

[2] *P. Müller*, Saga bibliothek med Unmaerkninger og in Medende Afhandlingen, Kobenhavn 1817, t. I, S 344.

[3] *И. И. Срезневский*, Мысли об истории русского языка, Спб. 1850, стр. 131—154.

[4] «Акты юридические или собрание форм старинного делопроизводства, изданные Археографическою комиссиею», Спб 1838, № 23, стр 53

[5] «Москвитянин», 1846, № 10, стр. 167—168 См. также Сборник грамот коллегии экономии, т. I, Грамоты Двинского уезда, Спб 1922, стр. 78.

[6] Библия, Книга Иисуса Навина, 17, 5, 14

[7] *Геродот*, История в девяти книгах, пер. Ф Мищенко, М. 1885, I, 66, стр. 32

[8] *A. Strinnholm*, Wikingszüge Staatsverfassung und Sitten der alten Scandinawier, Hamburg 1839, S 125, n. 214

[9] *Ф. Палацкий*, Сравнение законов царя Стефана Душана, «Чтения МОИДР», № 2, год первый, 1846, стр. 25.

[10] Ряд чешского земского права, Archiv česky vydalě Fr. Palacky Dil. 2, Praha 1842, S. 103.

А и нет меня хитрее, мудрее,
А и я де обернула десять молодцев,
Сильных могучих богатырей, гнедыми турами»

и проч.[1]

Или, стр. 148:

В стольном было городе во Киеве,
У ласкова, осударь, князя Владимира,
Было пированье, почестной пир,
Было столованье почестной стол,
Много было у князя Владимира
И князей и бояр и княженецких жен[2].

[380] Leo Diacon., I, IX[3]. Тело Владимира спустили на землю на канатах, проломавши пол; такой обычай видим в Скандинавии, см. Weinhold's Altnordisches Leben, 476[4].

[381] Полн. собр. русск. лет., I, 54: «Ночью же межю (двема) клетми проимавше помост, и ужи свесиша на землю»[5].

[382] Там же, стр. 35: «Он же стояше на сенех с сыном своим... и кликнуша и посекоша сени под ними»[6].

[383] Там же: «И розъяша двор около его».

[384] Там же, стр. 25: «Голуби же и воробьеве полетеша в гнезда, своя, ови в голубники, воробьеве же под стрехи; и тако взгарахуся голубници, ово клети, ово веже, ово ли одрины»[7].

[385] В рассказе о кончине св. Владимира говорится, что тело его повезли на санях в Киев — 15 июля[8].

[386] *А цежь* не составляла особого кушанья, как думают некоторые.

[387] Полн. собр. русск. лет., I, 55: «И приведоша я к кладящю, иде же цежь и почерпоша ведром и льяша *в латки*»[9]; в других списках правильнее: «и льяша *в котлы*», ибо в латках нельзя варить киселя.

[388] «И приде в Словени, идеже ныне Новгород; и виде ту люди сущая, како есть обычай им, и како ся мыют, хвощются, и удивися им... и рече: «Дивно видех Словеньскую землю, идучи ми семо видех бани древены, и пережьгуть е рамяно, совлокуться и будут нази, и облеются квасом усниям, и возмуть на ся прутье младое, бьются сами и того ся добьют, егда влезуть ли живи, и облеются водою студеною, тако оживуть; и то творять по вся дни не мучими никим же, но сами ся мучать, и то творять не мовенье себе, а мученье»[10].

[389] Полн. собр. р. лет., I, 25: «Делают нивы своя и земли своя»[11].

[390] Там же, стр. 36: «Но се ему (Владимиру) бе не любо обрезанье удов, и неяденье мяс свиных»[12].

[391] Соф. врем., I, 88: «Иде Пидьблянин рано на реку, хотя горнеци везти в город»[13].

[392] Никон., I, 130[14].

[393] Любопытно известие о построении церкви св. Георгия: «Блаженный и приснопамятны всея Рускыя земли князь Ярослав, нареченный во

[1] *Кирша Данилов,* Древние российские стихотворения, М. 1818, стр. 67. По изданию 1958 г., стр. 56.

[2] *Кирша Данилов,* Древние российские стихотворения, М. 1818, стр. 148. По изданию 1958 г., стр. 110.

[3] *Leo Diaconus,* Historiae, lib. IX. *Лев Диакон,* История, кн. IX. Спб. 1820, стр. 92—93.

[4] См. *K. Weinhold,* Altnordisches Leben, hrg. Siefert, Stutthart 1938, S. 328.

[5] ПСРЛ, т. I, стр. 54 См. также ПСРЛ, т. I, вып. 1, 1926, стб. 130.

[6] ПСРЛ, т. I, стр. 35. См. также ПСРЛ, т. I, вып. 1, 1926, стб. 83.

[7] ПСРЛ, т. I, стр. 25. См. также ПСРЛ, т. I, вып. 1, 1926, стб. 59.

[8] ПСРЛ, т. I, стр. 56. См. также ПСРЛ. т. I, вып. 1, 1926, стб. 130.

[9] ПСРЛ, т. I, стр. 55. См. также ПСРЛ, т. I, вып. 1, 1926, стб. 128.

[10] ПСРЛ, т. I, стр. 4. См. также ПСРЛ, т I, вып. 1, 1926, стб 8

[11] ПСРЛ, т. I, стр. 25. См. также ПСРЛ, т I, вып. 1, 1926, стб 58.

[12] ПСРЛ, т. I, стр. 36. См. также ПСРЛ, т I, вып. 1, 1926, стб 85.

[13] Софийский временник, ч. I, стр. 88 См также ПСРЛ, т V, стр. 121.

[14] Русская летопись по Никонову списку, ч. I, стр. 130 См также ПСРЛ, т. IX, стр. 64.

святем крещеньи Георьгий, сын Владимер крестившего землю Рускую, брат же Святого мученика Бориса и Глеба: се всхоте создати церковь в свое имя святого Георьгия, да еще всхоте и створи; и яко начаша здати ю, и не бе многа делатель у нея; и се видев князь призва тиуна: почто не много у церкве стражущих? Тиун же рече: понеже дело властелское, боятся людье труд подъимше наима лишени будут. И рече князь: да аще тако есть, то аз сице створю. И повеле куны возити на телегах в коморы златых врат, и возвестиша на торгу людем да возмут кождо по ногате на день. И бысть множество делающих». См. «Киевлянин», кн. III, стр. 66, Печатный Пролог 26 ноября [1].

[394] Chron., p. 426: «in magna hac civitate... plus quam quadringenta habentur ecclesiae et mercatus VIII» [2]; у Annalista Saxo, ann. 1018 означено только 300 церквей [3].

[395] Hist. Eccles., lib. II, c. 13 [4].

[396] Никон., I, 124. «И погоре град и церквей много, яко до седми сот» [5]. Здесь также явное преувеличение. — И в Москве говорят сорок сороков церквей, и точно считают церкви сороками, но сороков вовсе не сорок.

[397] О торговле русских рабами в Константинополе читаем в чудесах св. Николая: «И вземъ литру злата, 70 и два златник, и всед на конь доеха до торгу, идеже Русьстии купци приходяще челядь продают». См. Москвитянин, 1845 г., № 12, статью: Некоторые памятники славянской письменности [6].

[398] Их требует император от Ольги.

[399] Мухам. Нумизматика Савельева, стр. XXIII [7].

[400] Fraehn. Topographische Uebersicht der Ausgrabungen von altem arabischen Gelde in Russland в русском переводе у Савельева Мухам. Нумизматика [8].

[401] Автор Мухам. Нумизматики говорит: «За все исчисленные товары (привозимые руссами и булгарами) арабы, персияне и хорезмцы платили им наличными монетами царствующей династии, или произведениями своего края. Монеты были исключительно серебряные, величиною от нашего двух-злотого до пяти-алтынного. Привозимых товаров Азии недоставало на обмен за местные произведения, и денежный баланс оставался на стороне Волги» [9]. Можно сомневаться еще в том, чтоб товаров Азии не доставало на обмен за произведения, привозимые русскими и булгарами: в обмен за меха, невольников, янтарь и цыновки представлялся целый ряд азиатских товаров, имевших всегда и везде высокую цену (см. перечисление их в тексте); сам автор приводит при этом известие, что за каждую бисерину зеленого бисера русские платили по диргему и разорялись таким образом в угоду жен своих. Далее, после исчисления азиатских товаров, автор говорит: «Все это, как видим, преимущественно предметы роскоши, тогда мало известной на северо-востоке Европы, и поэтому нисколько неудивительно, что потребление их в России

---

[1] «Киевлянин», печатный пролог, кн. III, М. 1850, стр. 66.

[2] Thietmari Chronicon, a. 919—1018. MGH, scriptorum, t. III, p. 871.

[3] Annalista Saxo a. 741—1139, MGH, scriptorum, Hannoverae 1844, t. VI, p. 674.

[4] Adami gesta Hammaburgensis ecclesiae Pontificum, MGH, scriptorum, t. VII, lib. II, cap. 13, Hannoverae 1846, p. 309.

[5] Русская летопись по Никонову списку, ч. I, стр. 124. См. также ПСРЛ, т. IX, стр. 75.

[6] Некоторые памятники славянской письменности домонгольского периода. Подпись: *А. Г. «Москвитянин»*, 1845, ч. VI, № 12.

[7] *П. С. Савельев*, Мухаммеданская нумизматика в отношении к русской истории, Спб. 1847, стр. XLIII и CXLIII.

[8] *Ch. Fraehn*, Topographische Uebersicht der Ausgrabungen von alten arabischen Gelde im Russland. (*П. С. Савельев*, Мухаммеданская нумизматика в отношении к русской истории, стр. 3—52).

[9] *П. С. Савельев*, Мухаммеданская нумизматика в отношении к русской истории, стр. XXXVIII—XXXIX.

и Прибалтийском крае далеко уступало ценности мехов, потребных для Азии» [1]. — Но прежде сам автор сказал, что и меха на востоке составляли также предмет роскоши, что шубы были почетным одеянием владетельных и знатных лиц; не думаем, чтобы азиатские драгоценности были мало известны на северо-востоке Европы: сам автор приводит известие, что руссы разорялись на зеленый бисер, другое известие говорит, что на мертвеце русском была парчевая одежда; если в кладах вместе с арабскими монетами находят и вышеисчисленные вещи, то ясно, что они были столько же известны. Заметим также, что руссы относительно меховой торговли не пользовались монополиею, но имели сильных соперников в булгарах и буртасах: сам автор говорит, что дороже всего ценились меха черных или чернобурых лисиц, которые называли буртаскими по имени народа буртасов; след. чрез руки руссов шли не самые дорогие меха» [2].

[402] Мухам. Нумизмат. XVII.

[403] См. примечан. 20.

[404] Мухам. Нумизмат. CXXX и след. Автор замечает, что весь белозерская была так образована, что не имела нужды вести немую торговлю. Но мы не имеем основания предполагать, что она была образованнее нынешних зырян, которые сохраняют тот же обычай (см. там же), по незнанию языков друг друга необходимо должна была ввестись немая торговля.

[405] На торговую связь с болгарами указывает летописное известие под 1024 годом (Полн. собр. русск. лет., I, 64): «Бе мятежь велик и голод по всей той стране (Суздальской), идоша по Волзе вси людье в Болгары, и привезоша жито, и тако ожиша» [3]. Здесь указание и на путь по Волге; впрочем, здесь о купцах говорить нельзя, ибо прямо сказано: вси людье.

[406] История русск. церкви епископа рижского Филарета, период 1-й, стр. 30 [4].

[407] Полн. собр. русск. лет., I, 64 [5].

[408] Там же, стр. 67. — О волшебных повязках или *наузах*, см. статью проф. Буслаева в архиве историко-юридич. свед., изд. Н. Калачевым, стр. 2, отделен. IV [6].

[409] «К сим же и датися веля на учение божественных книг единому от учитель» [7].

[410] Полн. собр. русск. лет., I, 66 [8].

[411] См. о начале монашества в России, в прибавлении к творениям св. отцов, год VIII, кн. 4 [9].

[412] Полн. собр. русск. лет., I, 69 [10].

[413] См. о начале монашества в России в приведенном выше месте [11].

[414] См. статью проф. Неволина о церковном суде в России; журнал Министерства народного просвещения, 1847 год [12].

[415] «Крест посекуть или на стенах режют»; вариант: «или на стенах трески емлют, и со креста». Объяснение в переводе Герберштейна: Et qui

---

[1] *П. С. Савельев,* Мухаммеданская нумизматика в отношении к русской истории, стр. XCI—XCII

[2] *П. С. Савельев,* Мухаммеданская нумизматика в отношении к русской истории, стр. CCXIX.

[3] ПСРЛ, т. I, стр. 64. См. также ПСРЛ, т. I, вып. 1, 1926, стб. 147.

[4] *Филарет,* История русской церкви, т. I, М. 1848, стр. 30.

[5] ПСРЛ, т. I, стр. 64. См. также ПСРЛ, т I, вып. 1, 1926, стб. 147.

[6] *Ф. И. Буслаев,* Дополнения и прибавления к 2 т. «Сказаний русского народа», собранных И. Сахаровым. «Архив историко-юридических сведений.., издаваемый Н. Калачевым», отд. IV, М. 1850, стр. 2—11.

[7] «Житие святого Феодосия по списку XII в.», М. 1858, стр. 2.

[8] ПСРЛ, т. I, стр. 66. См. также ПСРЛ, т. I, вып. 1, 1926, стб. 153.

[9] *Казанский,* Начало монашества в России. Прибавления к творениям святых отцов, 1850, ч. X, стр. 567.

[10] ПСРЛ, т. I, стр. 69, См. также ПСРЛ, т. I, вып. 1, 1926, стб. 160.

[11] *Казанский,* Начало монашества в России. Прибавления к творениям святых отцов, стр. 571.

[12] *К. А Неволин.* О пространстве церковного суда в России, ЖМНП., 1848, ч. LV, II, стр. 1—75; ч. LVI, II, стр. 1—57.

ad incantandum de imaginibus sanctorum aut statua Crucis quicquam avulserint [1].

[416] Тайные роды убийств посредством волшебства, зелейничества.

[417] Отношения матери к детям всего лучше указаны в отношениях матери св. Феодосия к сыну: по смерти мужа она наследовала всю его власть над сыном.

[418] Так, напр., если он кусается.

[419] Полн. собр. русск. лет., I, 53. В церковном уставе: «создах церковь св. Богородица десятинную и дах ей десятину по всей земле Русьстей: из княжения в Соборную церковь от всего княжа суда десятую векшю, а и с торгу десятую неделю, а и с домом на всяко лето от всякого стада и от всякого жита» [2].

[420] Прибавления к творениям св. отцов, год 2-й, книга 2 [3].

[421] Древ. рос. стихотв., стр. 249 [4].

[422] Там же, стр. 45 [5].

[423] Там же, стр. 62 [5].

[424] См. это предание в истории русской словесности проф. Шевырева, вып. I, стр. 193 [6].

[425] Там же, стр. 199 [6].

[426] Там же, стр. 216 [6].

[427] Не Буртаских ли?

[428] Древ. рос. стихотвор., стр. 3, 4 [7].

[429] Там же, стр. 24 [7].

[430] Там же, стр. 159 [7].

[431] Там же, стр. 96 [7].

[432] См. у Мацеевского в Polska. — Я в своем вольном переводе соединил две песни, сходные друг с другом в главных чертах, вот оне:

1.

Iszly mołodci rano z cerkowci
Oj iszly iszły radu radyły,
Radu radyły ne jednakoju,
Ne jednakoju, a trojakoju:
Oj chodmoż my do kowalczyka
Do kowalczyka do zołotnyka,
Pokojmoż sobi midiani czowna,
Midiani czowna, zołoti wesła,
Oj pustimoż sia na tychyj Dunaj,
Doliw Dunajem pid Carehorod,
Oj czujemo tam dobroho pana,
Szczo płatyt dobre za zasłużeńku,
Oj daje na rik po sto czerwonyck,
Po sto czerwonyck po konykowy,
Po konykowy, taj po szabeli,
Taj po szabelci, po pari sukon,
Po pari sukon, taj po szapoczci,
Taj po szapoczci, taj po panoczci.

---

[1] *S. Herberstein,* Rerum Mosoviticarum Commentrarii, Sigismundo Libero auctore, Antverpiae 1557, p. 48, *Сигизмунд Герберштейн,* Записки о московских делах, Спб. 1908, стр. 69—70.

[2] ПСРЛ, т. I, стр. 53. См. также ПСРЛ, т. I, вып. 1, 1926, стб. 124.

[3] Слово Илариона, митрополита Киевского. Прибавления к творениям святых отцов, ч. 2, 1844, стр. 223—299.

[4] *Кирша Данилов,* Древние российские стихотворения, стр. 249. По изданию 1958 г. — стр. 171.

[5] *Кирша Данилов,* Древние российские стихотворения, стр. 45, 62. По изданию 1958 г. — стр. 39, 53.

[6] *С. П. Шевырев,* История русской словесности, Спб. 1846, вып. 1, стр. 193, 199, 216. По изданию 1859 г., вып. 1, стр. 240, 243, 264.

[7] *Кирша Данилов,* Древние российские стихотворения, стр. 3—4, 24, 159, 96. По изданию 1958 г. — стр. 10—11, 24—25, 112, 75.

2.

Oj w czystim poły błysko dorohy,
Stoial namet, biłi szowkowi:
A w tych nametach wse hromadowe
Radońku radiat koby wradyły:
Oj ne sprawlajmo na żony szuby
Na żony szuby na doczky złoto.
Ałe sprawlajmo midjani czowna,
Midiani crowna sribrniji wesła,
Ta puskajmo sia na kraja Dunaja,
Czuiemoż my tam dobroho pana,
Dobroho pana a pana Petra.
Szczo płatyt dobre za zasłużeńku,
Oj daje na rik po sto czerwonych,
Po konykowy po woronomu,
Po żupanowy po kitajewu,
Po jasni strilci po krasnij diwci [1].

В прибавлениях к известиям Академии наук напечатана былина про Василису Данилову, в которой можно найти намек на поведение Владимира до крещения, как об этом свидетельствует летопись; потом можно найти следы смутного предания об усобицах между Киевом и Черниговом; любопытно, что киевская рать называется силою русскою.

[433] Подробности о духовных стихах см. в Истории русской словесности проф. Шевырева, вып. 1-й, стр. 235 и след. [2]

[434] Много говорят о завоевании и незавоевании, полагают главное отличие истории русской от истории западных европейских государств в том, что там было завоевание одного племени другим, а у нас его не было. Этот взгляд, по нашему мнению, односторонен: проводя параллель между западными европейскими государствами и нашим русским, преимущественно обращают внимание на Францию, Англию, упуская из виду Германию, скандинавские государства и ближайшие к нам государства славянские: здесь одно племя не было завоевано другим и между тем история этих государств столько же различна от истории нашего, сколько различна от нее история Франции и Англии. Ясно, следовательно, что в одном отсутствии завоевания нельзя искать объяснений главному различию; прежде всего должно искать его в первоначальных отношениях призванного начала к призвавшим, отношениях, условленных первоначальным бытом племен: дойди эти племена в родовом быте до кланского устройства, имей наследственное старшинство, стань эти наследственные старшины родов с земским значением около князя — история приняла бы совершенно другой вид, хотя бы также не было завоевания. Дружина имела у нас другой характер, чем на Западе, но этот характер мог бы измениться, если бы у нас на Руси произошли такие же явления, какие имели место в Польше после Болеслава Храброго, если бы русские дружинники приобрели скоро значение богатых земельных владельцев и областных правителей; а это значение они могли приобресть и без завоевания, вследствие одного служебного своего характера, вследствие пожалований княжеских. Итак, резкое различие нашей истории от истории западных государств, различие ощутительное в самом начале, не может объясняться только отсутствием завоевания, но многими различными причинами, действующими и в начале, и во все продолжение истории; на все эти причины историк должен обращать одинаковое внимание, если не хочет заслужить упрека за односторонность.

[435] См. Срезневского, Мысли об истории русского языка. Слова, которые до сих пор считались скандинавскими, оказываются чисто славянскими, таковы: безмен, вервь, вира, верста, господь, гость, гридь, дума,

[1] *W. A. Maciejowski,* Polska i, Rus, t. IV. Peterzburg — Warszawa 1842, str. 312—313.
[2] *С. П. Шевырев,* История русской словесности, вып. 1, стр. 235. По изданию 1859 г., вып. 1, стр. 287.

князь, луда, лют, меч, мыто, навь, нети, обель, огнищанин, смерд, терем, якорь [1]

[436] Михайлова, История образования и развития системы русского гражданского судопроизводства, стр. 22[2]

[437] Так как подобный взгляд преимущественно выражен в исследованиях г. Погодина, то мы не можем здесь не обратить на них внимания В послесловии к третьему тому своих исследований г. Погодин говорит следующее: «Варяги, в продолжение периода, рассмотренного нами (862—1054), были почти совершенно отдельным племенем от славян — они жили вместе, но не сплавлялись, не составляли одного народа; это были две реки, которые пали одна в другую, но еще не слили вод своих. Варяги имеют свою особую историю или, лучше сказать, одни составляют ее Так я и рассматривал их. Влияние варягов на славян было более наружное: они образовали государство. Укажу для пояснительного сравнения на нынешних немцев и латышей с чудью в Остзейских губерниях. Славяне платили дань, работали — и только, а в прочем жили по-прежнему Влияние славян на варягов было более внутреннее, которое обнаружилось вполне уже в следующем периоде. Тогда оба эти племени соединились в один народ, т. е. варяги сделались славянами, приняв их язык, хотя и оставались их правительством. Тогда получают они одну общую историю» [3].

Варяги имеют свою особую историю, или, лучше сказать, одни составляют ее. Славяне платили дань, работали только, а в прочем жили попрежнему: вот основная мысль г. Погодина! Начальная русская история есть история варягов, по его мнению; посмотрим, верен ли этот взгляд. Начальная русская история открывается тем, что несколько племен славянских и финских соединяются и призывают князя из варягов, князь приходит с дружиною, составленною из его соплеменников. Кто соединился, кто положил основы государству, кто призвал правительственное начало? Славяне и финны, или варяги? Чья же история начинается здесь? Сам г. Погодин утверждает, что варяги явились у нас с характером незавоевательным, а служебным, кому же они пришли служить? Князю племен славянских и финских? Они пришли служить истории этих племен, участвовать только в ней, а не составлять ее исключительно. Князь племен северных — славянских и финских — движется на юг, подчиняет себе, сосредоточивает там живущие племена; чьими же силами совершает он это? Силами одних варягов? Нет, силами всех северных племен; князь идет на Византию — с одними варягами? Нет, со всеми славянскими племенами. В борьбах северных князей с южными при Владимире и Ярославе северные племена дают торжество своим князьям над южными; варяги участвуют в этой борьбе как наемники только, так, как с другой стороны участвуют в ней печенеги. Во всех важнейших случаях — нужно ли переменить веру, нужно ли изменить закон, — туземное народонаселение чрез своих старцев действует наравне с дружиною; значит ли это, что славяне только работали и платили дань? Одним словом, и в событиях внешних, — в походах, завоеваниях, и в жизни внутренней, славяне составляют свою историю, варяги являются в ней только участниками, служебниками. Славяне только работали и платили дань, а в прочем жили попрежнему, говорит г. Погодин. Как! быт славянских племен не изменился нисколько после призвания князя в продолжение двухсот лет? Зачем же они призывали князя, как не за тем, чтобы выйти из прежнего быта в новый? Вся перемена ограничилась тем, по словам г. Погодина, что прежде одни славяне платили дань варягам, а другие — козарам, теперь же все начали платить одним варягам. Далее г. Погодин говорит, что слитие варягов с славянами произошло уже в следующем периоде. Но вопрос

---

[1] *И. И Срезневский,* Мысли об истории русского языка, стр 131—154.

[2] *М М. Михайлов,* История образования и развития системы русского гражданского судопроизводства до уложения 1649 г , Спб 1848, стр 22

[3] *М П. Погодин,* Исследования, замечания и лекции о Русской истории, т. III, стр. 519.

состоит в том, кому было сливаться, много ли было этих варягов, которые величаются племенем и противополагаются племени славянскому? Варяги находились в дружине княжеской, но сам г. Погодин (III, стр. 401) [1] говорит, что первоначальная дружина, первые бояре, внуки варягов, пришедших с Рюриком, положили головы свои в войнах Святослава; Владимир привел с севера толпу наемных варягов, из которых выбрал только несколько мужей, давши им держать пограничные острожки (так обыкновенно употребляли варягов для пограничной стражи), остальных выпроводил в Грецию; но при князе должна была находиться дружина, которая противополагалась наемным варягам, из кого же набрана была эта новая дружина, эти знаменитые богатыри Владимировы? Что это новая дружина состояла преимущественно из туземцев, указывают имена богатырей, как они занесены в летопись, как сохранились в песнях и сказках; при Ярославе видим двух главных воевод — Вышату, имя славянское, Ивана Творимирича, у этого даже и отечество славянское.

Отправившись от неверной мысли об исключительной деятельности варягов во все продолжение первых двух веков нашей истории, г. Погодин, естественно, старается объяснить все явления из норманского быта. Посылает Рюрик мужей своих рубить города, чтоб удобнее держать в подчинении окружные племена — это норманский обычай, как будто все народы не поступали одинаково при подобных обстоятельствах, русские в Сибири, испанцы в Америке и проч. Сажает князь вместо себя мужей по городам — это ярлы скандинавские, посаженные творить суд и сбирать дань: как будто славянские князья не могли точно так же распорядиться. Рюрику наследует сын или родственник — скандинавский обычай: в Скандинавии благородство уважалось очень много, как будто в других странах оно не уважалось и как будто призвавшим племенам не необходима была наследственность в одном роде Рюрика для избежания прежних усобиц! При желании видеть везде только одних варягов, г. Погодину, естественно, не нравится частое упоминовение летописи об участии славянских племен в походах княжеских, и потому он вслед за Полевым не хочет принимать слов летописца в строгом смысле; но спрашивается, что тут в известии летописца невероятного, неестественного для всякого, кто будет смотреть прямо, беспристрастно на ход событий, без упорства видеть везде только одних *варягов?* На каком основании можно осмелиться не принимать этих известий летописца в строгом смысле? Г. Погодин говорит, что нигде более в древней летописи нет следов заключать, чтобы туземцы, т. е. *земледельцы,* употреблялись на войну; но мы в тексте показали противное на основании летописных свидетельств. Пропустив без внимания место русской летописи, где говорится о том, что войско Ярослава состояло и из смердов, г. Погодин не захотел умолчать о тождественном известии скандинавского источника, Эймундовой Саги, где говорится, что к Ярославу собралась ближняя рать из вольных поселян, как же быть? Г. Погодин не усумнился утвердить, что если у нас были вольные поселяне, то, разумеется, варяги — русь, которые поселились у нас и заняли пустопорожнюю землю. Но откуда взято, что варяги селились у нас в качестве земледельцев и как предположить, чтобы не было свободного сельского народонаселения у славян? после этого нужно предположить, что все народонаселение страны ильменских славян сосредоточивалось в одном Новгороде? Важное затруднение для г. Погодина представляло также то обстоятельство, что варяги — скандинавы кланяются славянским божествам, и вот, чтобы быть последовательным, он делает Перуна, Волоса и другие славянские божества — скандинавскими. Благодаря той же последовательности Русская Правда является скандинавским законом, все нравы и обычаи русские объясняются нравами и обычаями скандинавскими.

---

[1] *М. П. Погодин,* Исследования, замечания и лекции о русской истории, т. III, стр. 401.

№ 1

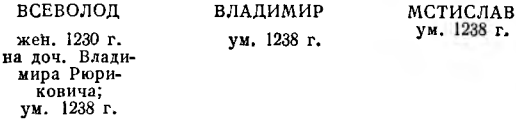
ПЛЕМЯ

(см. родосл. табл.

а) Племя Константина

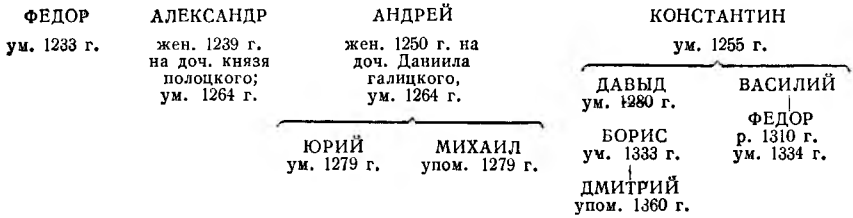
б) Племя Юрия Всеволодовича:

в) Племя Святослава Всеволодовича (ум. 1252 г.):

д) Племя Ярослава

---

[1] От этого Константина ведут свое происхождение князья: Брюхатые, Катыревы, Буйносовы, Темкины, Касаткины, Лобановы, Голубые.

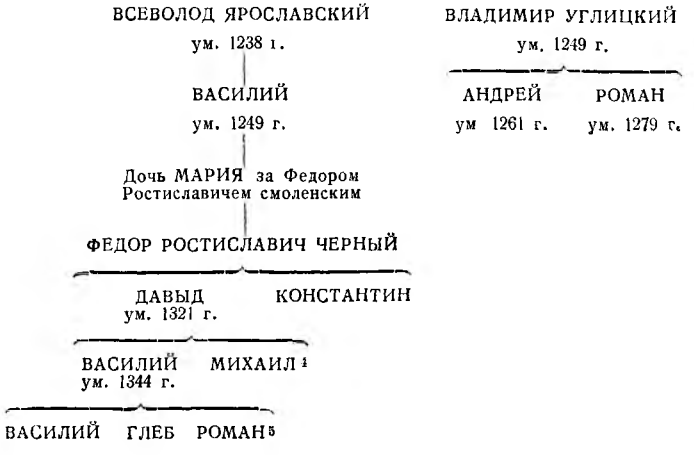
[2] От Федора Васильевича происходят князья: Приимковы, Щепины, Бахтеяровы, Гвоздевы.

[3] От Василия Федоровича князья: Белозерские, Андогские, Вадбольские, Шелешпанские, Кемские, Сугорские, Карголомские, Ухтомские.

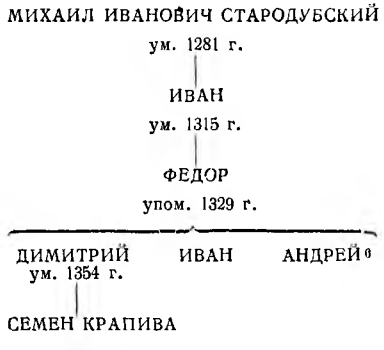
[4] От Михаила Давыдовича князья: Моложские, Сицкие, Прозоровские, Ушатые и др.

при втором томе, № 4).

Всеволодовича ростовского:

г) Племя Ивана Всеволодовича:

Всеволодовича:

ЯРОСЛАВ	АФАНАСИЙ	ДАНИИЛ	МИХАИЛ	ВАСИЛИЙ
жен. 1264 г. на доч. новгородца Юрия Михайловича; ум. 1272 г.	упом. 1239 г.	упом. 1239 г.	ум. 1248 г.	р. 1241 г., жен 1266 г., ум. 1276 г.

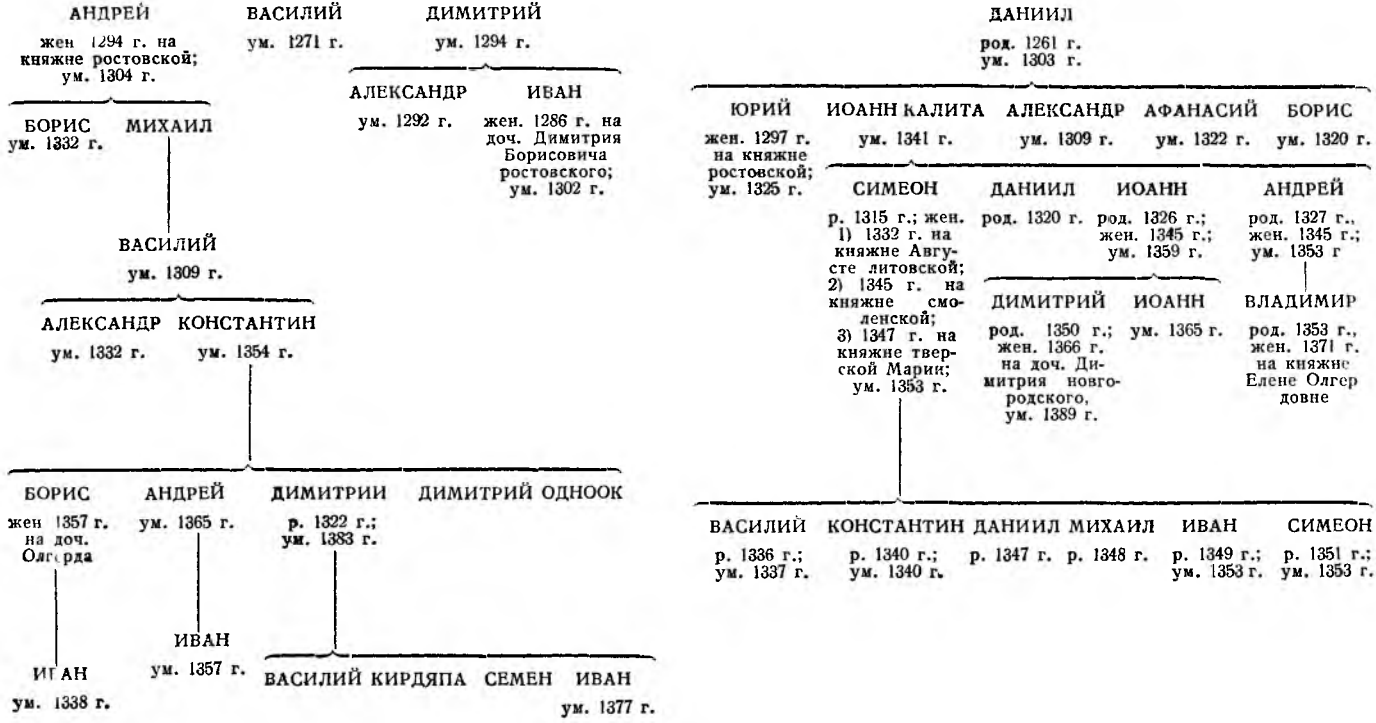
[5] От Василья князья: Пенковы, Троекуровы, Курбские, Кубенские, Шестуновы; от Глеба: Засекины, Шаховские, Щетинины, от Романа: Морткины, Деевы, Векошкины, Охлябинины, Хворостинины, Зубатые.

[6] От Андрея Федоровича князья: Пожарские, Ряполовские, Гагарины, Хилковы, Гагевы.

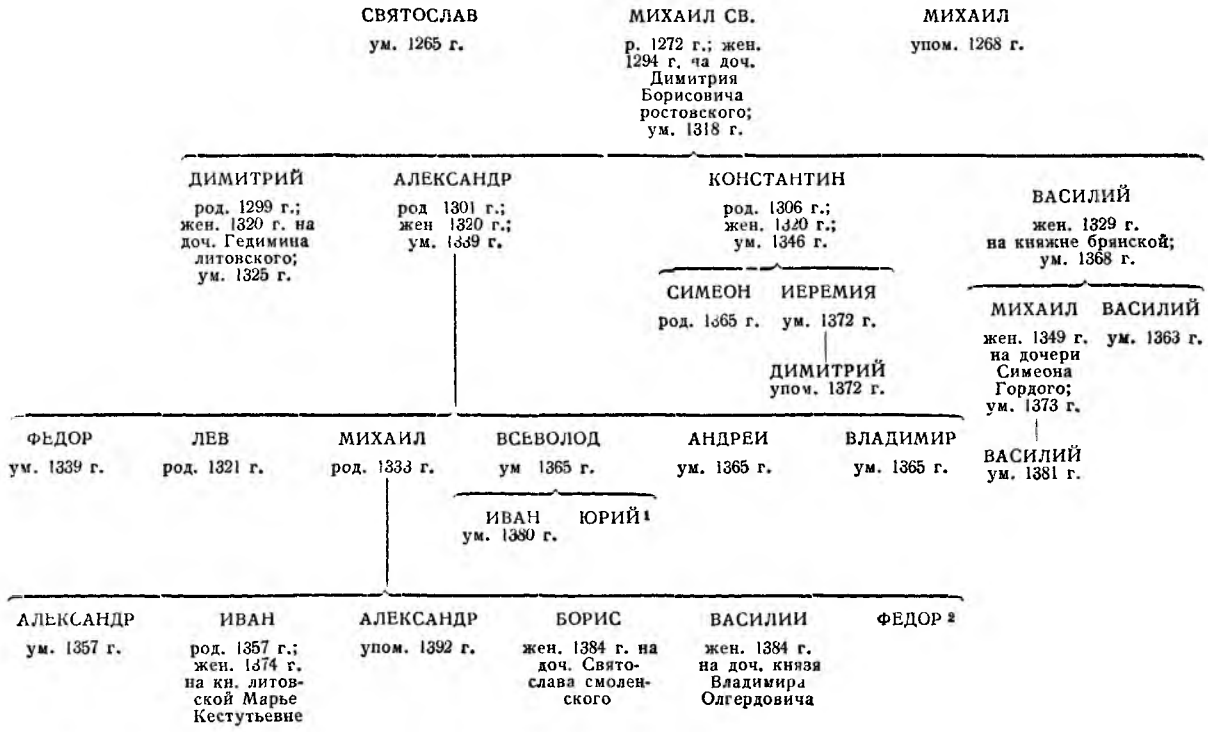
[7] Знак — употребляется, когда непосредственное происхождение лица не может быть с уверенностью означено.

№ 2

аа) Племя Александра Ярославича Невского:

6б) Племя Ярослава Ярославича Тверского:

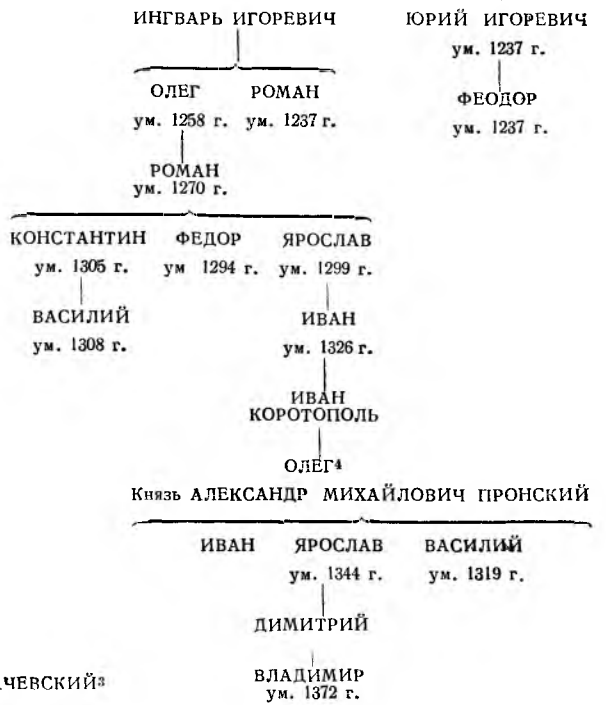
[1] От Юрия Всеволодовича князья Холмские.
[2] От Феодора Михайловича князья Микулинские, Телятевские.

№ 3

1) Князья смоленские (см. т. 2, № 4, а).

2) Князья рязанские (см. т. 2, № 3, в).

3) Князья черниговские:

ПЛЕМЯ МИХАИЛА ВСЕВОЛОДОВИЧА СВ

РОСТИСЛАВ, СЕМЕН ГЛУХОВСКИЙ[1], ЮРИЙ ТОРУССКИЙ[2], МСТИСЛАВ КАРАЧЕВСКИЙ[3]

---

[1] От него князья Новосильские и Белевские; от Новосильских — Воротынские и Одоевские.
[2] От него Мезецкие, Борятинские, Оболенские, Долгорукие, Щербатовы.
[3] От него Мосальские, Елецкие, Звенигородские, Козельские.
[4] По некоторым известиям сын Ивана Александровича.

TOM
2

ГЛАВА ПЕРВАЯ

О КНЯЖЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ ВООБЩЕ

Завещание Ярослава I. — Нераздельность рода. — Значение старшего в роде, или великого князя. — Права на старшинство. — Потеря этих прав. — Отчина. — Отношение волости младшего князя к старшему.

По смерти Ярослава I осталось пять сыновей да внук от старшего сына его Владимира; в Полоцке княжили потомки старшего сына Владимира Святого Изяслава; все эти князья получают известные волости, размножаются, отношения их друг к другу являются на первом месте в рассказе летописца. Какого же рода были эти отношения?

В Западной латино-германской Европе господствовали в это время феодальные отношения; права и обязанности феодальных владельцев относительно главного владельца в стране нам известны; в других славянских странах между старшим князем и меньшими господствуют те же самые отношения, какие и у нас на Руси, но ни у нас, ни в других славянских землях не осталось памятника, в котором бы изложены были все права и обязанности князей между собою и к главному князю; нам остается одно средство — узнать что-нибудь о междукняжеских отношениях, искать в летописях, нет ли там каких-нибудь указаний на эти права и обязанности князей, послушать, не скажут ли нам чего-нибудь сами князья о тех правах, которыми они руководились в своих отношениях.

Общим родоначальником почти всех княжеских племен (линий) был Ярослав I, которому приписывают первый письменный устав гражданский, так называемую Русскую Правду; посмотрим, не дал ли он какого-нибудь устава и детям своим, как вести себя относительно друг друга? К счастью, летописец исполняет наше желание: у него находим предсмертные слова, завещание Ярослава своим сыновьям. По словам летописца, Ярослав перед смертью сказал им

следующее: «Вот я отхожу от этого света, дети мои! Любите друг друга, потому что вы братья родные, от одного отца и от одной матери. Если будете жить в любви между собою, то бог будет с вами. Он покорит вам всех врагов, и будете жить в мире; если же станете ненавидеть друг друга, ссориться, то и сами погибнете и погубите землю отцов и дедов ваших, которую они приобрели трудом своим великим. Так живите же мирно, слушаясь друг друга; свой стол — Киев поручаю вместо себя старшему сыну моему и брату вашему Изяславу; слушайтесь его, как меня слушались: пусть он будет вам вместо меня». Раздавши остальные волости другим сыновьям, он наказал им не выступать из пределов этих волостей, не выгонять из них друг друга и, обратясь к старшему сыну, Изяславу, прибавил: «Если кто захочет обидеть брата, то ты помогай обиженному».

Вот все наставления, все права и обязанности! Князья должны любить друг друга, слушаться друг друга, слушаться старшего брата, как отца; ни слова о правах младших братьев, об их обязанностях как подчиненных владельцев, относительно старшего как государя всей страны; выставляются на вид одни связи родственные, одни обязанности родственные; о государственной связи, государственной подчиненности нет помину. Любите друг друга и не ссорьтесь, говорит Ярослав сыновьям, потому что вы дети одного отца и одной матери; но когда князья не будут больше детьми одного отца и одной матери, когда они будут двоюродные, троюродные, четвероюродные и т. д. братья, то по каким побуждениям будут они любить друг друга и не ссориться? Когда связь кровная, родственная ослабеет, исчезнет, то чем заменится она? Замены нет, но зато родовая связь крепка: не забудем, что Ярославичи владеют среди тех племен, которые так долго жили под формами родового быта, так недавно стали освобождаться от этих форм. Пройдет век, полтора века, князья размножатся, племена (линии) их разойдутся, и, несмотря на то, все будут называть себя братьями без различия степеней родства; в летописных известиях о княжеских отношениях мы не встретим названий — двоюродный или троюродный брат; русский язык до сих пор не выработал особых названий для этих степеней родства, как выработали языки других народов. Князья не теряют понятия о единстве, нераздельности своего рода; это единство, нераздельность выражались тем, что все князья имели одного старшего князя, которым был всегда старший член в целом роде, следовательно, каждый член рода в свою очередь мог получать старшинство, не остававшееся исключительно ни в одной линии. Таким образом, род князей русских, несмотря на все свое разветвление, продолжал представлять одну семью — отца с детьми, внуками и т. д. Теперь из слов летописца, из слов

самих князей, как они у него записаны, нельзя ли получить сведения об отношениях князей к их общему старшему, этому названному отцу? Старший князь, как отец, имел обязанность блюсти выгоды целого рода, думать и гадать о Русской земле, о своей чести и о чести всех родичей [1], имел право судить и наказывать младших [2], раздавал волости, выдавал сирот-дочерей княжеских замуж [3]. Младшие князья обязаны были оказывать старшему глубокое уважение и покорность, иметь его себе отцом вправду [4] и ходить в его послушаньи, являться к нему по первому зову [5], выступать в поход, когда велит [6]. Для обозначения отношений младших князей к старшему употреблялись следующие выражения: младший ездил подле стремени старшего [7], имел его господином, был в его воле [8], смотрел на него [9].

Но все эти определения прав и обязанностей точно такого же рода, как и те, какие мы видели в завещании Ярослава: младший должен был иметь старшего отцом вправду, слушаться его, как отца, старший обязан был любить младшего, как сына, иметь весь род, как душу свою [10]; все права и обязанности условливались родственным чувством, родственною любовью с обеих сторон, родственною любовью между четвероюродными, например. Но как скоро это условие исчезало, то вместе рушилась всякая связь, всякая подчиненность, потому что никакого другого отношения, кроме родового, не было; младшие слушались старшего до тех пор, пока им казалось, что он поступает с ними, как отец; если же замечали противное, то вооружались: «Ты нам брат старший, говорили они тогда, — но если ты нас обижаешь, не даешь волостей, то мы сами будем искать их» [11]; или говорили: «Он всех нас старше, но с нами не умеет жить» [12]. Однажды старший князь, раздраженный непослушанием младших, приказал им выехать из волостей, от него полученных; те послали сказать ему: «Ты нас гонишь из Русской земли без нашей вины... Мы до сих пор чтили тебя, как отца, по любви; но если ты прислал к нам с такими речами не как к князьям, но как к подручникам и простым людям, то делай, что замыслил, а бог за всеми» [13], — и прибегают к суду божию, т. е. к войне, к открытому сопротивлению. В этих словах выразилось ясно сознание тех отношений, каких наши древние князья хотели между собою и своим старшим, потому что здесь они противополагают эти отношения другим, каких они не хотят: обращайся с нами, как отец с детьми, а не как верховный владетель с владетелями, подчиненными себе, с подручниками; здесь прямо и ясно родовые отношения противополагаются государственным. Так высказывали сами князья сознание своих взаимных отношений; теперь посмотрим, как выражалось понятие о княжеских отношениях в остальном народонаселении, как выражал его летописец,

представитель своих грамотных современников. Однажды младший князь не послушался старшего, завел с ним вражду; летописец, осуждая младшего, говорит, что он не исполнил своих обязанностей; но как же понимает он эти обязанности: «Дурно поступил этот князь, — говорит он, — поднявши вражду против дяди своего и потом против тестя своего»[14]. В глазах летописца, князь дурно поступил, потому что нарушил родственные обязанности относительно дяди и тестя — и только.

В случаях когда выгоды младших не затрагивались, то они обходились очень почтительно с старшим; если старший спрашивал совета у младшего, то последний считал это для себя большою честью и говорил: «Брат! ты меня старше: как решишь, так пусть и будет, я готов исполнить твою волю; если же ты делаешь мне честь, спрашиваешь моего мнения, то я бы так думал»[15], и проч. Но другое дело, когда затрагивались выгоды младших князей; если бы старший вздумал сказать: вы назвали меня отцом, и я, как отец, имею право наказывать вас, — то, разумеется, младший отвечал бы ему: разве хороший отец наказывает без вины детей своих? Объяви вину и тогда накажи. Так, узнавши об ослеплении Василька, Мономах и Святославичи послали сказать Святополку, своему старшему: «Зачем ты ослепил своего брата? Если б даже он был виноват, то и тогда ты должен был обличить его перед нами и, доказав вину, наказать его»[16]. Старший раздавал волости младшим; когда он был действительно отец, то распоряжался этою раздачею по произволу, распоряжался при жизни, завещевал, чтобы и по смерти его было так, а не иначе, но когда старший был только отец названный, то он не мог распоряжаться по произволу, потому что при малейшей обиде младший считал себя вправе вооруженною рукою доставить себе должное; вообще старший не предпринимал ничего без совета с младшими, по крайней мере с ближайшими к себе по старшинству; этим объясняются множественные формы в летописи: *посадили, выгнали* и проч., которыми означаются распоряжения целого рода; обыкновенно старший князь по занятии главного стола *делал ряд* с младшею братьею касательно распределения волостей[17]. Князья собирались также думать вместе о земских уставах[18], определяли известные правила, с которыми должны были сообразоваться в своем поведении[19]. После, когда права разных князей на старшинство запутались, то иногда князья уславливались: если кто-нибудь из них получит старшинство, то должен отдать другому какую-нибудь волость[20].

Единство княжеского рода поддерживалось тем, что каждый член этого рода, в свою очередь, надеялся достигнуть старшинства и соединенного с старшинством владения глав-

ным столом киевским. Основанием старшинства было старшинство физическое, причем дядя имел преимущество пред племянниками, старший брат — пред младшими, тесть — пред зятем, муж старшей сестры — пред младшими шурьями, старший шурин — пред младшими зятьями [21]; и хотя во время господства родовых отношений между князьями встречаем борьбу племянников от старшего брата с младшими дядьми, однако племянники при этом никогда не смели выставлять своих родовых прав, и притязания их, основывавшиеся на случайных обстоятельствах, должны были, исключая только одного случая, уступать правам дядей самых младших. Но мы видим иногда, что некоторые князья и целые племена (линии) княжеские исключаются из родового старшинства и это исключение признается правильным. Каким же образом могло произойти подобное явление? Для решения этого вопроса должно посмотреть, каким образом князь достигал старшинства, приближался к нему? Первоначально род состоял из отца, сыновей, внуков и т. д.; когда отец умирал, его место для рода заступал старший брат; он становился отцом для младших братьев, следовательно, его собственные сыновья необходимо становились братьями дядьям своим, переходили во второй, высший ряд, из внуков в сыновья, потому что над ними не было более деда, старшина рода был для них прямо отец: и точно, дядья называют их братьями; но другие их двоюродные братья оставались по-прежнему внуками малолетними (внук-унук, юнук, малолетний по преимуществу), потому что над ними попрежнему стояли две степени: старший дядя считался отцом их отцам, следовательно, для них самих имел значение деда; умирал этот старший, второй брат заступал его место, становился отцом для остальных младших братьев, и его собственные дети переходили из внуков в сыновья, из малолетних — в совершеннолетние, и таким образом мало-помалу все молодые князья чрез старшинство своих отцов достигали совершеннолетия и приближались сами к старшинству. Но случись при этом, что князь умирал, не будучи старшиною рода, отцом для своих братьев, то дети его оставались навсегда на степени внуков несовершеннолетних: для них прекращался путь к дальнейшему движению; отсюда теперь понятно, почему сын не мог достигнуть старшинства, если отец его никогда не был старшиною рода; так понимали князья порядок восхождения своего к старшинству; они говорили: «Как прадеды наши лествицею восходили на великое княжение киевское, так и нам должно достигать его лествичным восхождением» [22]. Но когда в этой лестнице вынималась одна ступень, то дальнейшее восхождение становилось невозможным; такие исключенные из старшинства князья считались в числе *изгоев* [23].

Каждый член рода княжеского при известных условиях мог достигать старшинства, получать старший стол киевский, который, таким образом, находился в общем родовом владении; но другие волости оставались ли постоянно в наследственном владении известных племен княжеских, или, соответствуя различным степеням старшинства, переходили к князьям различных племен при их движении к старшинству лествичным восхождением? Для решения этого вопроса посмотрим, как поступали князья вначале, когда различные случайные обстоятельства не нарушали еще чистоты их отношений. Когда умер четвертый сын Ярослава, Вячеслав, княживший в Смоленске, то эта волость не перешла в наследство к его сыновьям, но отдана была братьям пятому Ярославичу, Игорю, княжившему прежде на Волыни: ясный знак отсутствия наследственности волостей и движения князей из одной волости в другую по старшинству, лествичным восхождением; потом, когда Святослав Ярославич по изгнании брата получил старшинство вместе с главным столом киевским, то следующий по нем брат, Всеволод, княживший прежде в Переяславле, переходит на место Святослава в Чернигов. Известная волость могла сделаться наследственным достоянием какой-нибудь одной княжеской линии только в том случае, когда князь по вышеизложенным причинам терял возможность двигаться к старшинству лествичным восхождением; тогда, получив от родичей какую-нибудь волость, он и потомство его принуждены были навсегда ею ограничиться, потому что переход из одной волости в другую условливался возможностью движения к старшинству, несуществовавшею для изгоев; так образовались особые волости Полоцкая, Галицкая, Рязанская, после Туровская; линия второго Ярославича, Святослава, известная больше под племенным названием Ольговичей, также вследствие известных обстоятельств подверглась было тяжкой для князей участи изгойства, и поэтому самому Черниговская волость принимала было характер особного выделенного княжества, но Ольговичам удалось, наконец, принудить Мономаховичей признать свои права на старшинство, и необходимым следствием этого признания было восстановление родовой общности приднепровских волостей для обеих линий: Ольгович сел в Киеве, а Мономахович — на его место в Чернигове.

Несмотря на то, однако, мы встречаем в летописи слово: *отчина:* князья, не исключенные из старшинства, употребляют это слово для означения отдельных волостей; в каком же смысле они употребляют его? В настоящем ли его смысле, как наследственного владения, или в другом каком-либо? В 1097 году князья, внуки Ярославовы, собрались вместе и решили, чтобы каждый из них держал свою отчину: Святополк — волость отца своего Изяслава — Киев, Владимир Мо-

номах — отцовскую волость — Переяславль, Святославичи — Чернигов; но мы никак не поймем этого распоряжения, если станем принимать слово *отчина* в смысле наследственного владения для одной линии, потому что Киев был столько же отчиною Святополка, сколько и отчиною всех остальных князей: и Всеволод и Святослав княжили в нем; но если здесь Киев называется отчиною Святополка не в смысле наследственного владения исключительно для него и для потомства его, то не имеем никакого права и Переяславль и Чернигов считать отчинами Мономаха и Святославичей в другом смысле. Еще пример на восточной стороне Днепра: в 1151 году Ольговичи — дядя Святослав Ольгович и племянник Святослав Всеволодович говорят Изяславу Давыдовичу: «У нас две отчины, одна моего отца Олега, а другая твоего отца Давыда; ты брат, Давыдович, а я Ольгович; так ты, брат, возьми отца своего Давыдово, а что Ольгово, то нам дай, мы тем и поделимся», вследствие чего Давыдович остался в Чернигове, а Ольговичам отдал Северскую область. Но для Святослава Всеволодовича Чернигов был точно так же отчиною, как и для Давыдовича, потому что отец его, Всеволод Ольгович, княжил в Чернигове, и когда Давыдович получил Киев, то Чернигов, отчину свою, уступил Святославу Ольговичу. Итак, что же такое разумелось под отчиною? Отчиною для князя была та волость, которою владел отец его и владеть которою он имеет право, если на родовой лествице занимает ту же степень, какую занимал отец его, владея означенною волостью, потому что владение волостями условливалось степенью на родовой лествице, родовыми счетами.

Теперь остается вопрос: в каком отношении находились волости младших князей к старшему? Мы видели, что отношения между старшим и младшими были родовые, младшие князья хотели быть названными сыновьями и нисколько не подручниками старшего, а такое воззрение должно было определять и отношения их к последнему по волостям: не допуская подручничества, они никак не могли допустить дани, как самого явственного знака его, не могли допустить никакого государственного подчинения своих областей старшему в роде князю; последний поэтому не мог иметь значения главы государства, верховного владыки страны, князя всея Руси, который выделял участки земли подчиненным владельцам во временное или наследственное управление. Волости находятся в совершенной независимости одна от другой и от Киева, являются отдельными землями и в то же время составляют одно нераздельное целое вследствие родовых княжеских отношений, вследствие того, что князья считают всю землю своею отчиною, нераздельным владением целого рода своего[24].

ГЛАВА ВТОРАЯ

СОБЫТИЯ ПРИ ЖИЗНИ СЫНОВЕЙ ЯРОСЛАВА I (1054—1093)

Линии Рюрикова рода, Изяславичи и Ярославичи — Распоряжения последних насчет своих волостей — Движения Ростислава Владимировича и гибель его. — Движения Всеслава полоцкого и плен его — Нашествие половцев — Поражение Ярославичей — Восстание киевлян и бегство великого князя Изяслава из Киева — Возвращение его и вторичное изгнание — Вторичное возвращение Изяслава и смерть его в битве против обделенных племянников. — Характер первых усобиц — Княжение Всеволода Ярославича в Киеве — Новые движения обделенных князей — Усобицы на Волыни — Борьба с Всеславом полоцким — Смерть великого князя Всеволода Ярославича — Печальное состояние Руси — Борьба с половцами, торками, финскими и литовскими племенами, болгарами, поляками — Дружина Ярославичей.

По смерти Ярослава I[25] княжение целым родом надолго утвердилось в Руси; в то время области, занятые первыми варяго-русскими князьями, разделялись между двумя линиями, или *племенами* Рюрикова рода: первую линию составляло потомство Изяслава, старшего сына св. Владимира Мы видели, что этому Изяславу отец отдал Полоцкое княжество, волость деда его по матери Рогволода. Изяслав умер при жизни отца, не будучи старшим в роде, или великим князем, следовательно, потомство его не могло двигаться к старшинству, менять волость и потому должно было ограничиться одною Полоцкою волостью, которая утверждена за ним при Ярославе[26] Вторую линию составляло потомство Ярослава Владимировича, которое и начало владеть всеми остальными русскими областями. По смерти Ярослава осталось пять сыновей: старший из них, Изяслав, стал к прочим братьям в *отца место;* младшие братья были: Святослав, Всеволод, Вячеслав, Игорь; у них был еще племянник Ростислав, сын старшего Ярославича, Владимира; этот Ростислав также вследствие преждевременной смерти отца не мог надеяться получить старшинство; он сам и потомство его должны были

ограничиться одною какою-нибудь волостью, которую даст им судьба или старшие родичи. Ярославичи распорядились так своими родовыми волостями: четверо старших поместились в области Днепровской, трое — на юге: Изяслав — в Киеве, Святослав — в Чернигове, Всеволод — в Переяславле, четвертый, Вячеслав, поставил свой стол в Смоленске, пятый, Игорь — во Владимире-Волынском[27]. Что касается до отдаленнейших от Днепра областей на севере и востоке, то видим, что окончательно Новгород стал в зависимости от Киева; вся область на восток от Днепра, включительно до Мурома, с одной стороны, и Тмутаракани, с другой, стала в зависимости от князей черниговских; Ростов, Суздаль, Белоозеро и Поволжье — от князей переяславских[28]. Мы сказали окончательно, потому что Белоозеро, напр[имер], принадлежало одно время Святославу[29]; Ростов также не вдруг достался Всеволоду переяславскому: Ярославичи отдали его сперва племяннику своему, Ростиславу Владимировичу. Так владело русскими областями Ярославово потомство. Но еще был жив один из сыновей св. Владимира, Судислав, 22 года томившийся в темнице[30], куда был посажен братом Ярославом. Племянники в 1058 году освободили забытого, как видно, бездетного и потому неопасного старика, взявши, однако, с него клятву не затевать ничего для них предосудительного Судислав воспользовался свободою для того только, чтобы постричься в монахи, после чего скоро и умер, в 1063 году.

Ярослав, завещевая сыновьям братскую любовь, должен был хорошо помнить поступки брата своего Святополка и как будто приписывал вражду между Владимировичами тому, что они были от разных матерей; последнее обстоятельство заставило Владимира предпочитать младших сыновей, а это предпочтение и повело к ненависти и братоубийству. Ярославичи были все от одной матери; Ярослав не дал предпочтения любимцу своему, третьему сыну Всеволоду, увещевал его дожидаться своей очереди, когда бог даст ему получить старший стол после братьев правдою, а не насилием[31], и точно, у братьев долго не было повода к ссоре. В 1056 году умер Вячеслав; братья перевели на его место в Смоленск Игоря из Владимира, а во Владимир перевели из Ростова племянника Ростислава Владимировича[32]. В 1053 году умер в Смоленске Игорь Ярославич; как распорядились братья его столом, неизвестно; известно только то, что не был доволен их распоряжениями племянник их, *изгой*, Ростислав Владимирович Без надежды получить когда-либо старшинство Ростислав, быть может, тяготился всегдашнею зависимостью от дядей; он был добр на рати, говорит летописец; его манила Тмутаракань, то застепное приволье, где толпились остатки разноплеменных народов, из которых храброму вождю можно было набрать себе · всегда храбрую

дружину, где княжил знаменитый Мстислав, откуда с воинственными толпами прикавказских народов приходил он на Русь и заставил старшего брата поделиться половиною отцовского наследства. Заманчива была такая судьба для храброго Ростислава, изгоя, который только оружием мог достать себе хорошую волость и нигде, кроме Тмутаракани, не мог он добыть нужных для того средств. По смерти Вячеслава Ярославичи перевели Игоря в Смоленск, а на его место во Владимир-Волынский перевели племянника Ростислава; но теперь Игорь умер в Смоленске: Ростислав мог надеяться, что дядья переведут его туда, но этого не последовало; Ростислав мог оскорбиться. Как бы то ни было, в 1064 году он убежал в Тмутаракань, и не один — с ним бежали двое родовитых известных людей — Порей и Вышата, сын Остромира, посадника новгородского: Изяслав, оставляя Новгород, посадил здесь вместо себя этого Остромира[33]. Порей и Вышата были самые известные лица; но, как видно, около Ростислава собралось немалое число искателей счастья или недовольных; он имел возможность, пришедши в Тмутаракань, изгнать оттуда двоюродного брата своего, Глеба Святославича, и сесть на его место. Отец Глеба, Святослав, пошел на Ростислава; тот не хотел поднять рук на дядю и вышел из города, куда Святослав ввел опять сына своего; но как скоро дядя ушел домой, Ростислав вторично выгнал Глеба и на этот раз утвердился в Тмутаракани. Он стал ходить на соседние народы, касогов и других, и брать с них дань. Греки испугались такого соседа и подослали к нему корсунского начальника (котопана). Ростислав принял котопана без всякого подозрения и честил его, как мужа знатного и посла. Однажды Ростислав пировал с дружиною; котопан был тут и, взявши чашу, сказал Ростиславу: «Князь! хочу пить за твое здоровье», тот отвечал: «Пей». Котопан выпил половину, другую подал князю, но прежде дотронулся до края чаши и выпустил в нее яд, скрытый под ногтем; по его расчету князь должен был умереть от этого яда в осьмой день. После пира котопан отправился назад в Корсунь и объявил, что в такой-то день Ростислав умрет, что и случилось: летописец прибавляет, что этого котопана корсунцы побили камнями[34]. Ростислав, по свидетельству того же летописца, был добр на рати, высок ростом, красив лицом и милостив к убогим[35]. Место его в Тмутаракани занял опять Глеб Святославич.

Греки и русские князья избавились от храброго изгоя; но когда нечего было бояться с юго-востока, встала рать с северо-запада: там поднялся также потомок изгоя, Всеслав, князь полоцкий, немилостивый на кровопролитье, о котором шла молва, что рожден был от волхвованья. Еще при жизни Ростислава, быть может, пользуясь тем, что внимание дядей было обращено на юг, Всеслав начал враждебные действия.

в 1065 году осаждал безуспешно Псков; в 1066 году, по примеру отца, подступил под Новгород, полонил жителей, снял колокола и у св. Софии: «Велика была беда в тот час!» — прибавляет летописец: «и паникадила снял!»[36] Ярославичи — Изяслав, Святослав и Всеволод собрали войско и пошли на Всеслава в страшные холода. Они пришли к Минску, жители которого затворились в крепости; братья взяли Минск, мужчин изрубили, жен и детей отдали на щит (в плен) ратникам и пошли к реке Немизе[37], где встретили Всеслава в начале марта[38]; несмотря на сильный снег, произошла злая сеча, в которой много пало народу; наконец, Ярославичи одолели, и Всеслав бежал. Летом в июле месяце, Изяслав, Святослав и Всеволод послали звать Всеслава к себе на переговоры, поцеловавши крест, что не сделают ему зла; Всеслав поверил, переехал Днепр, вошел в шатер Изяслава и был схвачен; Изяслав привел его в Киев и посадил в заключение вместе с двумя сыновьями[39].

Казалось, что Ярославичи, избавившись от Ростислава и Всеслава, надолго останутся теперь спокойны; но вышло иначе. На небе явилась кровавая звезда, предвещавшая кровопролитие, солнце стояло как месяц, из реки Сетомли выволокли рыбаки страшного урода: не к добру все это, говорил народ, и вот пришли иноплеменники. В степях к востоку от Днепра произошло в это время обычное явление, господство одной кочевой орды сменилось господством другой; узы, куманы или половцы[40], народ татарского происхождения и языка[41], заняли место печенегов, поразивши последних. В первый год по смерти Ярослава половцы с ханом своим Болушем показались в пределах Переяславского княжества; но на первый раз заключили мир со Всеволодом и ушли назад в степи. Ярославичи, безопасные пока с этой стороны и не занятые еще усобицами, хотели нанести окончательное поражение пограничным варварам, носившим название торков; до смерти Ярослава I летописец не упоминал о неприязненных столкновениях наших князей с ними; раз только мы видели наемную конницу их в походе Владимира на болгар. Но в 1059 году Всеволод уже ходил на торков и победил их[42]; потом в 1060 году трое Ярославичей вместе с Всеславом полоцким собрали, по выражению летописца, войско бесчисленное и пошли на конях и в лодьях на торков Торки, услыхавши об этом, испугались и ушли в степь, князья погнались за беглецами, многих побили, других пленили, привели в Русь и посадили по городам; остальные погибли в степях от сильной стужи, голода и мора[43]. Но степи скоро выслали мстителей за торков. В следующий же год пришли половцы воевать на Русскую землю; Всеволод вышел к ним навстречу, половцы победили его, повоевали землю и ушли. То было первое зло от поганых и безбожных врагов, говорит

летописец. В 1068 году опять множество половцев пришло на Русскую землю; в этот раз все три Ярославича вышли к ним навстречу, на реку Альту, потерпели поражение и побежали: Изяслав и Всеволод — в Киев, Святослав — в Чернигов. Киевляне, возвратившись в свой город, собрали (15 сентября) вече на торгу и послали сказать князю: «Половцы рассеялись по земле: дай нам, князь, оружие и коней, хотим еще биться с ними». Изяслав не послушался; тогда народ стал против тысяцкого Коснячка: воевода городских и сельских полков, он не умел дать им победы; теперь не принимает их стороны, не хочет идти с ними на битву, отговаривает князя дать им оружие и коней [44]. Толпа отправилась с веча на гору, пришла на двор Коснячков, но не нашла тысяцкого дома; отсюда пошли ко двору Брячиславову [45], остановились здесь подумать, сказали: «Пойдем, высадим своих [46] из тюрьмы», и пошли, разделившись надвое: половина отправилась к тюрьме, а другая — по мосту ко двору княжескому. Изяслав сидел на сенях с дружиною, когда толпа народу подошла и начала спор с князем; народ стоял внизу, а Изяслав разговаривал с ним из окна. Как видно, слышались уже голоса, что надобно искать себе другого князя, который бы повел народ биться с половцами, потому что один из бояр — Туки, брат Чудинов, сказал Изяславу: «Видишь, князь, люди взвыли: пошли-ка, чтоб покрепче стерегли Всеслава». В это время другая половина народа, отворивши тюрьму, пришла также ко двору княжескому; тогда дружина начала говорить: «Худо, князь! пошли к Всеславу, чтоб подозвали его обманом к окошку и закололи». Изяслав на это не согласился, и чего боялась дружина, то исполнилось: народ с криком двинулся к Всеславовой тюрьме. Изяслав, увидав это, побежал с братом Всеволодом с своего двора; а народ, выведши Всеслава из тюрьмы, поставил его середи двора княжеского, т. е. провозгласил князем, причем имение Изяслава все пограбили, взяли бесчисленное [47] множество золота и серебра. Изяслав бежал в Польшу.

Между тем половцы опустошали Русь, дошли до Чернигова; Святослав собрал несколько войска и выступил на них к Сновску [48]; половцев было очень много, но Святослав не оробел, выстроил полки и сказал им: «Пойдемте в битву! нам некуда больше деться». Черниговцы ударили, и Святослав одолел, хотя у него было только три тысячи, а у половцев 12 000; одни из них были побиты, другие потонули в реке Снове, а князя их русские взяли руками.

Уже семь месяцев сидел Всеслав в Киеве, когда весною 1069 года явился Изяслав вместе с Болеславом, королем польским, в русских пределах. Всеслав пошел к ним навстречу; но из Белгорода ночью, тайком от киевлян, бежал в Полоцк, вероятно, боясь стать между двух огней, потому

что остальные Ярославичи не могли ему благоприятствовать в борьбе с Изяславом. Так, этому чародею удалось только дотронуться копьем до золотого стола киевского, и, «обернувшись волком, побежал он ночью из Белгорода, закутанный в синюю мглу»[49] Киевляне, оставшись без князя, возвратились в свой город, собрали вече и послали сказать Святославу и Всеволоду[50] Ярославичам: «Мы дурно сделали, что прогнали своего князя, а вот он теперь ведет на нас Польскую землю; ступайте в город отца вашего! если же не хотите, то нам нечего больше делать: зажжем город и уйдем в Греческую землю». Святослав отвечал им: «Мы пошлем к брату: если пойдет с ляхами губить вас, то мы пойдем против него ратью, не дадим изгубить отцовского города; если же хочет придти с миром, то пусть приходит с малою дружиною». Киевляне утешились, а Святослав и Всеволод послали сказать Изяславу: «Всеслав бежал; так не води ляхов к Киеву, противника у тебя нет; если же не перестанешь сердиться и захочешь погубить город, то знай, что нам жаль отцовского стола». Выслушавши речи братьев, Изяслав повел с собою только Болеслава да небольшой отряд поляков, а вперед послал в Киев сына своего Мстислава. Мстислав, вошедши в город, велел избить тех, которые освободили Всеслава, всего семьдесят человек, других ослепить, некоторые при этом погибли невинно. Когда сам Изяслав приблизился к городу, то киевляне встретили его с поклоном, и опять сел он на своем столе (2 мая). Поляки Болеслава II подверглись такой же участи, как и предки их, приходившие в Русь с Болеславом I: их распустили на покорм по волостям, где жители начали тайно убивать их, вследствие чего Болеслав возвратился в свою землю[51]. С известием о возвращении Изяслава летописец, по-видимому, связывает известие о том, что этот князь перевел торг с Подола на гору[52].

Казнивши тех киевлян, которые вывели из тюрьмы Всеслава, Изяслав не медлил вооружиться против последнего: выгнал его из Полоцка, посадил там сына своего Мстислава, а когда тот умер, то послал на его место другого сына, Святополка. Всеслав, сказано в летописи, бежал, но не прибавлено, куда; впрочем, это объясняется из следующего известия, что Всеслав в 1069 году явился перед Новгородом с толпами финского племени води, или вожан[53], среди которых, следовательно, нашел он убежище и помощь[54]. В это время в Новгороде княжил Глеб, сын Святослава черниговского, которого мы видели в Тмутаракани. Новгородцы поставили против вожан полк, и бог пособил новгородцам: они задали вожанам страшную сечу, последних пало множество, а самого князя Всеслава новгородцы отпустили ради бога[55]. И после этого поражения Всеслав не отказался от борьбы; к храброму князю отовсюду стекались богатыри; он успел набрать

дружину, выгнал Святополка из Полоцка и, хотя был побежден другим Изяславичем у Голотичьска [56], однако, как видно, успел удержаться на отцовском столе. Изяслав завел с ним переговоры — о чем, неизвестно; известно только то, что эти переговоры послужили поводом ко вторичному изгнанию Изяслава, теперь уже родными братьями. Это вторичное изгнание необходимо имеет связь с пєрвым: Изяслав возвратился в Киев под условиями, которые предписали ему братья; в городе не могли любить Изяслава и в то же время не могли не питать расположения к Святославу, который сдержал гнев брата, который с горстью дружины умел поразить толпы половцев, очистить от них Русь. Сын Изяслава, Мстислав, казнил киевлян, освободивших Всеслава, виновных вместе с невинными, но тем дело еще не кончилось; гонения продолжались, и гонимые находили убежище в Чернигове у Святослава. Так св. Антоний, основатель Печерского монастыря, подвергнувшийся гневу великого князя, как приятель Всеслава, был ночью взят и укрыт в Чернигове Святославом. Если бы даже Святослав делал это единственно из любви и уважения к святому мужу, то Изяслав с своей стороны не мог не оскорбиться приязнию брата к человеку, в котором он видел врага своего. Эти обстоятельства должны были возбуждать в Святославе властолюбивые замыслы, питать надежду на их успех, а в Изяславе возбуждать вражду к брату; и вот между Ярославичами началась вражда: они не ходят уже вместе в походы, как ходили прежде; Изяслав один воюет с Всеславом, один вступает с ним в переговоры; по самой природе отношений между князьями последний поступок Изяслава должен был возбудить негодование и подозрение в братьях; Святослав начал говорить Всеволоду: «Изяслав сносится с Всеславом, на наше лихо; если не предупредим его, то прогонит он нас», — и успел возбудить Всеволода на Изяслава. Летописец обвиняет во всем Святослава, говорит, что он хотел больше власти, обманул Всеволода; как бы то ни было, младшие братья вооружились против старшего; Изяслав в другой раз принужден был выйти из Киева, где сел Святослав, отдавши Всеволоду Черниговскую волость; что в Киеве все были за Святослава, доказывает удаление Изяслава без борьбы; летописец говорит, что Святослав и Всеволод сели сперва на столе в селе Берестове и потом уже, когда Изяслав выехал из Киева, Святослав перешел в этот город.

Изяслав с сыновьями отправился опять в Польшу; как видно, на этот раз он вышел из Киева не торопясь, успел взять с собою много имения; он говорил: «С золотом найду войско», позабывши слова деда Владимира, что с дружиною добывают золото, а не с золотом дружину. Изяслав роздал польским вельможам богатые подарки; они подарки взяли,

но помощи не дали никакой[57], и даже выслали его из своей страны. Чтоб объяснить себе это явление, мы должны бросить взгляд на состояние западных славянских государств в это время. Мы видели, что вмешательство Болеслава Храброго в дела Богемии кончилось так же неудачно для него, как и вмешательство в споры между русскими князьями. Поляки были изгнаны из Богемии, родные князья — Яромир и Олдрих стали княжить в стране, но недолго княжили мирно Олдрих, по словам старой чешской песни, был «воин славный, в которого бог вложил и мочь и крепость, в буйную голову дал разум светлый». В 1012 году он выгнал Яромира, за что — не знает ни песня, ни летопись. Императору Конраду II не нравилось, однако, единовластие у чехов: не раз вызывал он Олдриха к себе, и когда тот, наконец, явился к нему, то был заточен в Регенсбург. Яромир начал опять княжить в Богемии сообща с племянником Брячиславом, сыном Олдриховым, а между тем император предложил своему пленнику возвратиться на родину и княжить там вместе с старшим братом; Олдрих присягнул, что уступит брату половину земли, но как скоро возвратился домой, то велел ослепить Яромира. По смерти Олдриха единовластителем земли стал сын его Брячислав I. Мы видели, как этот деятельный князь воспользовался невзгодою Польши по смерти Болеслава Храброго и расширил свои владения на счет Пястов, за что и слывет восстановителем чешской славы. По смерти Брячислава I в Богемии мы встречаем такие же явления, какие видим и у нас на Руси с того же самого времени, именно с 1054 года, со смерти Ярослава I: мы видим, что и в Богемии начинает владеть целый род княжеский с переходом главного стола к старшему в целом роде. По смерти Брячислава I великим князем, т. е. старшим в роде (Dux principalis), становится старший сын его Спитигнев II; остальные Брячиславичи были: Вратислав, Конрад, Яромир и Оттон. Как у нас Ярославичи, так и в Богемии Брячиславичи недолго жили в согласии: второй Брячиславич, Вратислав, должен был сначала искать убежища в Венгрии от преследований старшего брата; однако после, помирившись с последним, возвратился на родину и в 1061 году наследовал в старшинстве Спитигневу. По смерти Вратислава II, по известному обычаю, мимо сыновей его, наследовал старшинство брат его Конрад I, но княжил только восемь месяцев: это был последний из Брячиславичей, и по смерти его, в 1092 году, выступает второе поколение, внуки Брячислава I. В Польше Казимиру Восстановителю (Restaurator) наследовал в 1058 году сын его Болеслав II Смелый. За два года перед тем умер император Генрих III; смуты, последовавшие во время малолетства сына и преемника его Генриха IV, потом борьба этого государя с немецкими князьями и с папою надолго

освободили Польшу от влияния Империи, и Болеслав Смелый, пользуясь этою свободою, имел возможность с честью и выгодою для Польши установить свои отношения к соседним странам. Мы видели, что с его помощью Изяслав получил опять Киев; с помощью же Болеслава успел овладеть престолом и венгерский король Бела, сыновья которого удержались в Венгрии также благодаря польскому оружию. С чехами Болеслав вел почти постоянную войну: в то время как наш Изяслав вторично явился к польскому двору (1075 г.), Болеслав воевал с Вратиславом чешским, который находился в тесном союзе с императором Генрихом IV; очень вероятно, что эти обстоятельства не позволяли Болеславу подать помощь русскому князю, который, будучи принужден оставить Польшу, принял совет деда, маркграфа саксонского, и поехал в Майнц просить заступления у врага Болеславова, императора Генриха IV[58]. Таким образом, княжеские междоусобия на Руси доставляли случай немецкому императору распространить свое влияние и на эту страну: но, во-первых, благодаря отдаленности Руси это влияние не могло никогда быть очень сильно; во-вторых, обстоятельства, в которых находился теперь император, были такого рода, что помогли даже и Польше высвободиться из-под его влияния. Приняв от Изяслава богатые дары, Генрих IV послал к Святославу с требованием возвратить Киев старшему брату и с угрозою войны в случае сопротивления. Разумеется, что дело должно было и ограничиться одною угрозою. Летописец говорит, что когда немецкие послы пришли к Святославу, то он, желая похвастать перед ними, показал им свою казну, и будто бы послы, увидав множество золота, серебра и дорогих тканей, повторили старые слова Владимира Святого: «Это ничего не значит, потому что лежит мертво: дружина лучше, с нею можно доискаться и больше этого». Летопись прибавляет, что богатство Святослава, подобно богатству Езекии, царя иудейского, рассыпалось розно по смерти владельца. Из этих слов летописца можно видеть, что современники и ближайшие потомки с неудовольствием смотрели на поведение старших Ярославичей, которые не следовали примеру деда и копили богатства, полагая на них всю надежду, тогда как добрый князь, по господствовавшему тогда мнению, не должен был ничего скрывать для себя, но все раздавать дружине, при помощи которой он никогда не мог иметь недостатка в богатстве.

Если Изяслав обратился за помощью к императору Генриху IV, врагу Болеслава Смелого, то Святослав по единству выгод должен был спешить заключением союза с польским князем, и точно мы видим, что молодые князья — Олег Святославич и Владимир Всеволодович ходили на помощь к полякам и воевали чехов, союзников императорских[59].

Изяслав, не получив успеха при дворе Генриха, обратился к другому владыке Запада, папе Григорию VII, и отправил в Рим сына своего с просьбою возвратить ему стол властию св. Петра: как в Майнце Изяслав обещал признать зависимость свою от императора, так в Риме сын его обещал подчиниться апостольскому престолу. Следствием этих переговоров было то, что Григорий писал к Болеславу с увещанием отдать сокровища, взятые у Изяслава[60]. Быть может, папа уговаривал также польского князя подать помощь Изяславу против братьев, которую тот, наконец, и действительно подал. Для объяснения этого поступка мы не нуждаемся, впрочем, в предположении о папских увещаниях: есть известие, которое одно объясняет его совершенно удовлетворительно. По этому известию[61], чешский князь Вратислав, узнав о союзе Болеслава с младшими Ярославичами, о движении Олега и Владимира к чешским границам, прислал к Болеславу просить мира и получил его за 1000 гривен серебра. Болеслав послал сказать об этом Олегу и Владимиру, но те велели отвечать ему, что не могут без стыда отцам своим и земле возвратиться назад, ничего не сделавши, пошли вперед *взять свою честь* и ходили в земле Чешской четыре месяца, т. е. опустошали ее: Вратислав чешский прислал и к нам с предложением о мире; русские князья, взявши свою честь и 1000 гривен серебра, помирились. Нет сомнения, что этот поступок рассердил Болеслава, который потому и решился помочь в другой раз Изяславу. Между тем умер Святослав в 1076 году. Всеволод сел на его место в Киеве зимою, а на лето должен был выступить против Изяслава, который шел с польскими полками; на Волыни встретились братья и заключили мир: Всеволод уступил Изяславу старшинство и Киев, а сам остался по-прежнему в Чернигове. Помощь поляков не могла быть бескорыстна, и потому очень вероятны известия, по которым Изяслав поплатился за нее Червенскими городами.

Мир между Ярославичами не принес мира Русской земле: было много племянников, которые хотели добыть себе волостей. Всеслав полоцкий не хотел сидеть спокойно на своем столе, начал грозить Новгороду, как видно, пользуясь смертию Святослава и предполагаемою усобицею между Изяславом и Всеволодом. Сын последнего, Владимир, ходил зимою 1076 года к Новгороду на помощь его князю Глебу, без сомнения, против Всеслава[62]. Летом, после примирения и ряда с Изяславом, Всеволод вместе с сыном Владимиром ходил под Полоцк; а на зиму новый поход: ходил Мономах с двоюродным братом своим, Святополком Изяславичем, под Полоцк и обожгли этот город; тогда же Мономах с половцами опустошил Всеславову волость до Одрьска[63]; здесь в первый раз

встречаем известие о наемном войске из половцев для междоусобной войны.

На северо-западе нужно было постоянно сторожить чародея Всеслава; а с юго-востока начали грозить новые войны, и не от одних степных варваров, но от обделенных князей, которые приводили последних. Мы видели, что, кроме Владимира новгородского, умерли еще двое младших Ярославичей, Вячеслав и Игорь, оставя сыновей, которым, по обычаю, отчин не дали и другими волостями не наделили; изгои подросли и стали сами искать себе волостей. В то время как Святослав умер, а Всеволод выступил против Изяслава, Борис, сын Вячеслава смоленского, воспользовался удалением дяди и сел в Чернигове; но мог держаться там только восемь дней и убежал в Тмутаракань, где княжил один из Святославичей, Роман. После Святослава осталось пять сыновей: Глеб, Олег, Давид, Роман, Ярослав. При жизни отца Глеб сидел в Новгороде, Олег — во Владимире-Волынском, Роман — в Тмутаракани, о Давиде неизвестно, Ярослав был очень молод[64]. Роман тмутараканский принял Бориса Вячеславича, но за ним должен был дать убежище и родным братьям, потому что Изяслав не хотел дать волостей детям Святославовым. Глеб был изгнан из Новагорода[65]; Олег выведен из Владимира; Глеб погиб далеко на севере, в странах чуди заволоцкой; Олег ушел сначала было в Чернигов, к дяде Всеволоду, от которого мог ждать больше милости, чем от Изяслава; но и Всеволод или не хотел, или не мог наделить Святославича волостью, и тот отправился к братьям в Тмутаракань, известное убежище для всех изгнанников, для всех недовольных. Выгнавши племянников, Ярославичи распорядились волостями в пользу своих детей: Святополка Изяславича посадили в Новгороде, брата его Ярополка — в Вышгороде, Владимира Всеволодовича Мономаха — в Смоленске. Но изгнанные князья не могли жить праздно в Тмутаракани: в 1078 году Олег и Борис привели половцев на Русскую землю и пошли на Всеволода; Всеволод[66] вышел против них на реку Сожицу (Оржицу), и половцы победили Русь, которая потеряла много знатных людей: убит был Иван Жирославич, Туки, Чудинов брат, Порей и многие другие. Олег и Борис вошли в Чернигов, думая, что одолели; Русской земле они тут много зла наделали, говорит летописец. Всеволод пришел в брату Изяславу в Киев и рассказал ему свою беду; Изяслав отвечал ему: «Брат! не тужи, вспомни, что со мною самим случилось! во-первых, разве не выгнали меня и именья моего не разграбили? потом в чем я провинился, а был же выгнан вами, братьями своими? не скитался ли я по чужим землям ограбленный, а зла за собою не знал никакого. И теперь, брат, не станем тужить: будет ли нам часть в Русской земле, то обоим, лишимся ли ее, то оба же вместе:

я сложу свою голову за тебя». Такими словами он утешил Всеволода и велел собирать войско от мала до велика; другого не оставалось больше ничего делать, потому что Святославичи, конечно, не оставили бы в покое Изяслава, главного врага своего. Изяслав выступил в поход с сыном своим Ярополком, Всеволод — с сыном Владимиром. Последний находился в Смоленске, когда узнал о вторжении изгнанных князей; поспешил на помощь к отцу и оружием проложил себе путь сквозь половецкие полки к Переяславлю, где нашел Всеволода, пришедшего с битвы на Сожице. Ярославичи с сыновьями пошли к Чернигову, жители которого затворились от них, хотя Олега и Бориса не было в городе; есть известие, что они ездили в Тмутаракань собирать новое войско[67]. Чернигов имел двойные стены; князья приступили к внешней ограде (городу); Мономах отбил восточные ворота[68], и внешний город был сожжен, после чего жители убежали во внутренний. Но Ярославичи не имели времени приступить к последнему, потому что пришла весть о приближении Олега и Бориса; получивши ее, Изяслав и Всеволод рано утром отошли от Чернигова и отправились навстречу к племянникам, которые советовались, что им делать? Олег говорил Борису: «Нельзя нам стать против четырех князей; пошлем лучше к дядьям с просьбою о мире»; Борис отвечал: «Ты стой — смотри только, я один пойду на них на всех». Пошли и встретились с Ярославичами у села на Нежатине Ниве[69]; полки сошлись, и была сеча злая: во-первых, убили Бориса, сына Вячеславова; Изяслав стоял с пешими полками, как вдруг наехал один из неприятельских воинов и ударил его в плечо копьем: рана была смертельная. Несмотря на убиение двух князей с обеих сторон, битва продолжалась; наконец, Олег побежал и едва мог уйти в Тмутаракань (3 октября 1078 года). Тело Изяслава взяли, привезли в лодке и поставили против Городца, куда навстречу вышел весь город Киев; потом положили тело на сани и повезли; священники и монахи провожали его с пением; но нельзя было слышать пения за плачем и воплем великим, потому что плакал по нем весь город Киев; Ярополк шел за телом и причитал с дружиною: «Батюшка, батюшка! не без печали ты пожил на этом свете; много напасти принял от людей и от своей братьи; и вот теперь погиб не от брата, а за брата сложил голову». Принесли и положили тело в церкви Богородицы, в гробе мраморном[70]. По словам летописца, Изяслав был красив лицом, высок и полон, нравом незлобив, кривду ненавидел, правду любил; лести в нем не было, прямой был человек и не мстительный. Сколько зла сделали ему киевляне! самого выгнали, дом разграбили, а он не заплатил им злом за зло; если же кто скажет: он казнил Всеславовых освободителей, то ведь не он это сделал, а сын его. Потом братья прогнали его, и

ходил, блуждал он по чужой земле; а когда сел на своем столе, и Всеволод прибежал к нему побежденный, то Изяслав не сказал ему: «А вы что мне сделали?» и не заплатил злом за зло, а утешил, сказал: «Ты, брат, показал ко мне любовь, ввел меня на стол мой и назвал старшим: так и я теперь не помяну первой злобы: ты мне брат, а я тебе, и положу голову свою за тебя», что и случилось; не сказал ему: «Сколько вы мне зла сделали, а вот теперь пришла и твоя очередь», не сказал: «Ступай, куда хочешь», но взял на себя братнюю печаль и показал любовь великую. Смерть за брата, прекрасный пример для враждующих братий, заставил летописца и, может быть, всех современников умилиться над участью Изяслава при господстве непосредственных чувств. Однако и летописец спешит опровергнуть возражение насчет казни виновников Всеславова освобождения и складывает всю вину на сына Изяславова, Мстислава: значит, это возражение существовало в его время; монах Киевопечерского монастыря должен был знать и о последующих гонениях, напр[имер] на св Антония; Всеволоду Изяслав простил, потому что и прежде, как видно, этот Ярославич был мало виноват, да и после загладил свою вину; наконец, собственная безопасность принуждала Изяслава вооружиться против племянников; но детям Святославовым, конечно, невинным в деле отца, Изяслав не мог простить и отнял у них волости, себе и Русской земле на беду.

Как бы ни было, первый старший или великий князь после Ярослава пал в усобице. Все усобицы, которые мы видим при старшинстве Изяслава, происходили оттого, что осиротелые племянники не получали волостей. При отсутствии отчинного права относительно отдельных волостей дядья смотрели на осиротелых племянников как на изгоев, обязанных по своему сиротскому положению жить из милости старших, быть довольными всем, что дадут им последние, и потому или не давали им вовсе волостей, или давали такие, какими те не могли быть довольны. Но если дядья считали для себя выгодным отсутствие отчинного права, то не могли находить для себя это выгодным осиротелые племянники, которые, лишась преждевременною смертию отцов надежды на старшинство в роде, хотели по крайней мере достать то, чем владели отцы, или хотя другую, но более или менее значительную волость, чтобы не быть лишенными Русской земли. Таким образом, мы видим, что первые усобицы на Руси произошли от отсутствия отчинного права в отдельных волостях, от стремления осиротелых князей-изгоев установить это право и от стремления старших не допускать до его установления Князьям-изгоям легко было доискиваться волостей: Русь граничила со степью, а в степи скитались разноплеменные варварские орды, среди которых

легко было набрать войско обещанием добычи; вот почему застепный Тмутаракань служит постоянным убежищем для изгоев, которые возвращаются оттуда с дружинами отыскивать волостей.

Мы видели деятельность изгоя Ростислава, сына Владимирова; у него остались сыновья в том же положении, следовательно, с теми же стремлениями; мы видели судьбу изгоя Бориса Вячеславича; у него, как видно, не было ни братьев, ни сыновей; но были сыновья у Игоря Ярославича — тоже изгои; к числу их Изяслав захотел присоединить еще и детей Святославовых, тогда как последние имели основание не считать себя изгоями: их отец был старшим, умер на главном столе. Если Изяслав мог считать это старшинство незаконным и мстить детям своего гонителя отнятием у них волостей, то Всеволод не имел на это никакого права: Изяслав был изгнан не одним Святославом, но Святославом и Всеволодом вместе; Всеволод признавал изгнание Изяслава справедливым, признавал старшинство Святослава до самой смерти последнего; на каком же основании он мог считать сыновей Святославовых изгоями, лишить их волостей? Несмотря на то, Всеволод, враждуя с Святославичами за недавнее изгнание и пользуясь правом победы, не думал приглашать их в Русь, и тем готовил для себя и для потомков своих новую усобицу[71].

Всеволод сел в Киеве, на столе отца своего и брата, взял себе все волости русские, посадил сына своего Владимира в Чернигове, а племянника Ярополка Изяславича — во Владимире-Волынском, придав к нему Туров. Но обделенные князья не могли долго оставить его в покое. В 1079 году явился Роман Святославич с половцами у Воина[72]; Всеволод вышел навстречу, стал у Переяславля и успел заключить мир с половцами, разумеется, давши им верное вместо неверного, обещанного Романом. Половцы не только не сделали для Романа того, за чем пришли, но даже убили его на возвратном пути вследствие ссоры, которую завел Роман с их князьями за обман, как говорит одно очень вероятное известие[73] Впрочем, из последующих известий летописи видно, что виновниками убийства Романова были собственно не половцы, а козары, знак, что Романово ополчение было сбродное из разных народов и что козары после разрушения своего царства существовали еще как особый народ и играли некоторую роль на степных берегах Черного и Азовского морей. Убив Романа, козары и половцы, разумеется, не могли жить в мире с братом его Олегом, и потому, как сказано в летописи, они заточили его за море, в Царьград, откуда его отправили на остров Родос[74]; нет сомнения, что козары и половцы могли сделать это не иначе, как с согласия императора, для которого, вероятно, русские изгои были также

опасными соседями· это ясно видно из судьбы Ростиславовой, очень вероятно, что заточение Олега произошло и не без ведома Всеволода, который воспользовался им и послал в Тмутаракань своего посадника Ратибора[75].

Но Тмуторакань недолго оставалась без изгоев; через год бежали туда из владимиро-волынских волостей сын Игоря Ярославича, Давыд, и сын известного уже нам Ростислава Владимировича, Володарь; они выгнали Ратибора и сели в Тмутаракани; но сидели недолго: чрез год возвратился туда из изгнания Олег, схватил Давыда и Володаря, сел опять в Тмутаракани, перебил козар, которые были советниками на убиение Романа и на его собственное изгнание, а Давыда и Володаря отпустил. Лишенные убежища в Тмутаракани, эти князья должны были думать о других средствах — как бы добыть себе волостей В 1084 году Ростиславичи[76], по словам летописи, выбежали от Ярополка, следовательно, ясно, что они жили у него во Владимире без волостей; выбежали, не сказано куда, потом возвратились с войском и выгнали Ярополка из Владимира[77]. С кем возвратились Ростиславичи, откуда взяли дружину, как могли безземельные князья выгнать Ярополка из его волости? На все эти вопросы не дает ответа летопись; но и ее краткие известия могут показать нам, как легко было тогда добыть дружину; ясно также, что Ростиславичи не могли выгнать Ярополка, не приобретя себе многочисленных и сильных приверженцев во Владимире. Всеволод послал против Ростиславичей сына своего Мономаха, который прогнал их из Владимира и посадил здесь опять Ярополка. В летописи об этом сказано так, как будто бы все сделалось вдруг; но из собственных слов Мономаха видно, что борьба с Ростиславичами кончилась нескоро, потому что он ходил к Изяславичам за Микулин, в нынешнюю Галицию и потом два раза ходил к Ярополку на Броды, весною и зимою[78]. Счастливее Ростиславичей был Давыд Игоревич: он ушел с своею дружиною в днепровские устья, захватил здесь греческих купцов, отнял у них все товары; но от греческой торговли зависело богатство и значение Киева, следовательно, богатство казны великокняжеской, и вот Всеволод принужден был прекратить грабежи Давыда обещанием дать волость и, точно, назначил ему Дорогобуж[79] на Волыни. Но этим распоряжением Всеволод не прекратил, а еще более усилил княжеские распри: Ярополк Изяславич, князь волынский, в отдаче Дорогобужа Давыду видел обиду себе, намерение Всеволода уменьшить его волость, и потому начал злобиться на Всеволода[80], собирать войско, по наущению злых советников, прибавляет летописец[81]. Узнав об этом, Всеволод послал против него сына своего Владимира, и Ярополк, оставя мать в Луцке[82], бежал в Польшу. Луцк сдался Мономаху, который захватил здесь мать, жену Ярополкову,

дружину его и все имение, а во Владимире посадил Давыда Игоревича. Вероятно, в это время Червенские города, область последующего Галицкого княжества, были утверждены за Ростиславичами, потому что после мы видим старшего из них — Рюрика князем в Перемышле; очень вероятно также, что эта область была отнята Ростиславичами у поляков, созников Ярополковых [83], не без согласия Всеволода. Но в следующем году Ярополк пришел из Польши, заключил мир с Мономахом и сел опять в Владимире; вероятно, такому обороту дел много содействовала прежняя дружба Мономаха к Ярополку, благодарность старого Всеволода к отцу его, Изяславу, и нежелание ссориться с сыновьями последнего, из которых старший должен был получить старшинство по смерти Всеволодовой. Ярополк, однако, недолго пользовался возвращенною волостию: посидев несколько дней во Владимире, он поехал в Звенигород [84], один из городов галицких; когда князь дорогою лежал на возу, то какой-то Нерадец, как видно, находившийся в дружине и ехавший подле на лошади, ударил его саблею; Ярополк приподнялся, вынул из себя саблю и громко закричал: «Ох, этот враг меня покончил!» Нерадец бежал в Перемышль к Рюрику Ростиславичу, а Ярополк умер от раны; отроки взяли его тело и повезли сперва во Владимир, а потом в Киев, где и погребли его в церкви св. Петра, которую сам начал строить. В Киеве сильно плакали на похоронах Ярополка; летописец также жалеет об этом князе, говорит, что он много принял бед, без вины был изгнан братьями, обижен, разграблен и, наконец, принял горькую смерть; был он, по словам летописца, тих, кроток, смирен, братолюбив, давал каждый год десятину в Богородичную киевскую церковь от всего своего имения и просил у бога такой же смерти, какая постигла Бориса и Глеба; бог услышал его молитву, заключает летописец. О причине убийства летописец говорит глухо: Нерадец, по его словам, убил Ярополка, будучи научен от дьявола и от злых людей; вспомним сказанное нами прежде, что Ростиславичи могли овладеть Владимиром только с помощью приверженцев своих, след[овательно], людей неприязненных Ярополку; люди, желавшие прежде его изгнания, теперь не могли охотно видеть его восстановление. Но убийца бежал к Ростиславичу в Перемышль: это одно обстоятельство могло заставить современников сильно заподозрить Ростиславичей, если они и не были совершенно убеждены в действительном участии последних в деле Нерадца; после Давыд Игоревич прямо говорил, что Ярополк был убит Ростиславичами. С первого разу кажется, что Ростиславичи или один из них, Рюрик, не имели достаточного основания решиться на подобное дело; скорее, казалось бы, можно было заподозрить Давыда Игоревича, и по характеру последнего, да и потому, что он больше всех

терял с восстановлением Ярополка на владимирском столе. Но об участии Давыда нет ни малейшего намека в летописи, сам Давыд после, говоря Святополку об убиении брата его, не мог выдумать об участии Ростиславичей и объявить об этом Святополку за новость; если бы современники подозревали Давыда, то и летописец сам, и Святополк Изяславич, и киевляне на вече, и князья на съезде не преминули бы упомянуть об этом по случаю злодейства Давыдова над Васильком. Если летописец не указывает прямо на Ростиславичей, то это доказывает, что у современников не было достаточных улик против них; но не без намерения летописец выставляет бегство Нерадца к Рюрику в Перемышль. Что касается до побуждений, то мы не знаем подробностей: знаем только то, что Ростиславичи жили у Ярополка, приобрели средства выгнать его из Владимира, но потом сами были выгнаны в его пользу; здесь очень легко могло быть положено начало смертельной вражды; Ростиславичи могли думать, что никогда не будут безопасны в своей волости, пока враг их будет сидеть во Владимире; обратим внимание еще на одно обстоятельство: посидевши мало времени во Владимире, Ярополк отправился к Звенигороду; мы не знаем, зачем предпринял он это путешествие? мы не знаем еще, кому принадлежал в это время Звенигород? очень вероятно, что Ростиславичам; очень вероятно, что выражение летописца: «Иде Звенигороду», означает поход воинский. Наконец, что касается до характера Рюрика Ростиславича, то мы знаем об нем только то, что он выгнал Ярополка из Владимира и потом принял к себе его убийцу: эти два поступка нисколько не ручаются нам за его нравственность[85].

В том же 1046 году Всеволод сам предпринимал поход к Перемышлю на Ростиславичей, и поход этот не мог быть без связи с предшествовавшими событиями Но с Ростиславичами, как видно из последующих событий, трудно было воевать: поход кончился ничем, потому что Ростиславичи остались по-прежнему в своей волости[86]. Так кончились пока смуты на Волыни; но, кроме этих смут и борьбы на востоке с Святославичами, шла еще борьба со Всеславом полоцким. По принятии Всеволодом старшинства Всеслав *обжег* Смоленск, т. е. пожег посады около крепости или города; Мономах из Чернигова погнался за ним наспех о *двух конях* (т. е. дружина взяла с собою по паре коней для перемены); но чародея Всеслава трудно было настигнуть: Мономах не застал его под Смоленском и пошел по его следам в Полоцкую волость, повоевал и пожег землю[87]. Потом в другой раз пошел Мономах с черниговцами и половцами к Минску, нечаянно напал на город и не оставил у него ни челядина, ни скотины, по его собственному выражению.

В 1093 году умер последний из Ярославичей, Всеволод, 64 лет. Летописец говорит, что этот князь был измлада боголюбив, любил правду, был милостив к нищим, чтил епископов и священников, но особенно любил монахов, давал им все потребное; был также воздержан и за то любим отцом своим. Летописец прибавляет, что в Киеве Всеволоду было гораздо больше хлопот, чем в Переяславле; хлопотал он все с племянниками, которые просили волостей: один просил той, другой этой, он все их мирил и раздавал волости. К этим заботам присоединились болезни, старость, и стал он любить молодых, советоваться с ними, а молодые старались отдалять его от прежней, старой дружины; до людей перестала доходить княжая правда, тиуны начала грабить, брать несправедливо пени при суде; а Всеволод ничего этого не знал в своих болезнях. Нам нет нужды разуметь здесь под *молодыми* именно молодых летами; трудно предположить, что Всеволод на старости лет покинул своих ровесников и окружил себя юношами; если обратить внимание на последующие явления, то можем легче объяснить смысл слов летописца: под молодыми людьми разумеются у него люди новые; новая дружина, приведенная из Переяславля и Чернигова, противополагается дружине *первой:* князья, перемещаясь из одной волости в другую, с младшего стола на старший, приводили с собою свою дружину, которую, разумеется, предпочитали дружине, найденной в новом княжестве, оставшейся после прежнего князя; отсюда проистекала невыгода, во-первых, для народа, потому что пришельцы не соблюдали выгод чуждой для них области и старались наживаться на счет граждан; во-вторых, для старых бояр, которых пришельцы отстраняли от важных должностей, от княжеского расположения, *заезжали* их, по местническому позднейшему выражению. Каково было грабительство тиунов княжеских при Всеволоде, свидетельствуют слова лучших киевлян, что земля их оскудела от рати и от *продаж.* Так сошло с поприща первое поколение Ярославичей; при первом уже из них начались усобицы вследствие изгнания осиротелых племянников; при первом уже из них был нарушен порядок преемства, и это нарушение увеличило число изгоев и, следовательно, усилило усобицы, жертвою которых пало три князя; переходы князей из волости в волость вследствие родовых счетов показали уже народу всю невыгоду такого порядка вещей, особенно в княжение Всеволода, когда новые дружинники разорили Киевскую землю, земля разорялась также ратью, набеги степных варваров не прекращались, и в челе половцев народ видел русских князей, приходивших искать волостей в Русской земле, которую безнаказанно пустошили их союзники, начались те времена, когда по земле сеялись и росли усобицы, и в княжих крамолах сокращался

век людской, когда в Русской земле редко слышались крики земледельцев, но часто каркали вороны, деля себе трупы, часто говорили свою речь галки, собираясь лететь на добычу [88].

Из внешних отношений на первом плане, как прежде, так и теперь, была борьба с степными варварами, из которых главное место занимали половцы. Мы упоминали о войнах с ними по поводу княжеских усобиц. Но, кроме того, они часто набегали и без всякого повода [89]. В удачных битвах с этими варварами за Русскую землю начал славиться и приобретать народную любовь сын Всеволода, знаменитый Мономах: 12 удачных битв выдержал он с половцами в одно княжение отца своего; если половцы помогали русским князьям в их усобицах, зато и Мономах иногда ходил на варваров, ведя с собою варваров же из других племен [90]. Мы видели, что Ярославичи, свободные еще от усобиц, нанесли сильное поражение торкам, заставили часть их поселиться в пределах Руси и признать свою зависимость от нее; но в 1080 году торки, поселенные около Переяславля и потому названные в летописи переяславскими, вздумали возвратить себе независимость и заратились; Всеволод послал на них сына своего Мономаха, и тот победил торков. На севере шла борьба с финскими и литовскими племенами. К первым годам княжения Изяславова относится победа его над голядами; следовательно, народонаселение нынешнего Можайского и Гжатского уездов не было еще подчинено до этого времени, и неудивительно: оно оставалось в стороне от главных путей, по которым распространялись русские владения [91]. В 1055 году посадник Остромир ходил с новгородцами на чудь и овладел там городом Осек Декипив, т. е. Солнечная рука; в 1060 году сам Изяслав ходил на сосолов и заставил их платить дань; но скоро они выгнали русских сборщиков дани, пожгли город Юрьев и окольные селения до самого Пскова: псковичи и новгородцы вышли к ним навстречу, сразились и потеряли 1000 человек, а сосолов пало бесчисленное множество. На северо-востоке было враждебное столкновение с болгарами, которые в 1088 году взяли Муром.

На западе Ростиславичи боролись с поляками: особенно в этой борьбе стал знаменит третий брат — Василько. Мы видели, что Болеслав II Смелый, пользуясь смутами в империи, умел восстановить прежнее значение Польши, которое потеряла она по смерти Болеслава I Храброго; но, будучи счастлив в борьбе со внешними врагами, Болеслав Смелый не мог осилить внутренних: принятие королевского титула, стремление усилить свою власть на счет панов, строгие поступки с ними, умерщвление краковского епископа Станислава возбудили ненависть панов и духовенства, следствием чего было изгнание Болеслава Смелого и возведение на пре-

стол брата его, слабого Владислава — Германа. Владислав вверился во всем палатину Сецеху, который корыстолюбием и насильственными поступками возбудил всеобщее негодование. Недовольные встали под предводительством побочного сына Владиславова, Збигнева; в эту усобицу вмешались чехи, а, с другой стороны, Владислав должен был вести упорную борьбу с поморскими славянами. Легко понять, что при таких обстоятельствах Польша не только не могла обнаружить своего влияния на дела Руси, но даже не могла с успехом бороться против Василька Ростиславича, который с половцами пустошил ее области.

Мы рассмотрели внутреннее и внешнее отношения на Руси при первом поколении Ярославичей, видели деятельность князей; в заключение обратим внимание на других деятелей, на мужей из дружины княжеской, имена которых кое-где попадаются в летописи. Прежде всего мы встречаем имя Остромира, посадника новгородского; сын его Вышата убежал с Ростиславом Владимировичем в Тмутаракань; об нем больше нет известий. Но вместе с Вышатою спутником Ростислава назван также какой-то Порей; Порей был убит на Сожице против половцев в 1078 году; если это тот самый Порей, то значит, что по смерти Ростислава он перешел в дружину Всеволода. Мы видели, что в 1067 году в Киеве при Изяславе был тысяцким Коснячко, вероятно, бежавший вместе с Изяславом; этот же Коснячко был с Изяславом при установлении Правды; со стороны Святослава из Чернигова был при этом деле Перенег, со стороны Всеволода из Переяславля — Никифор; если Коснячко был тысяцким в Киеве, то можем заключить, что Перенег имел в то время такую же должность в Чернигове, Никифор — в Переяславле; если так, то любопытно, что для установления Правды собираются тысяцкие, имевшие близкое отношение к городскому народонаселению. Не знаем, кто был тысяцким в Киеве после первого возвращения Изяслава, при Святославе, и после второго возвращения Изяслава; но при Всеволоде (в 1089 г.) эту должность занимали Ян, сын Вышаты, знаменитого тысяцкого во времена Ярослава: как видно, этот же самый Ян ходил при Святославе за данью на север. Потом мы встречаем в летописи имена двух братьев *Чудина* и *Тукы;* имена указывают на финское происхождение; Чудин после первого возвращения Изяславова держал Вышгород (1072 г.); Тукы является действующим во время первого изгнания Изяславова; он совеговал Изяславу стеречь крепче Всеслава; из этого видно, как будто он принадлежал к дружине киевского князя; но потом, после второго возвращения Изяславова, мы видим его в дружине Всеволода: он выходит вместе с этим князем против половцев и погибает в битве при Сожице, значит, он перешел из дружины Изяслава в дружину Всеволода;

впрочем, могло быть, что он явился действующим лицом в означенном киевском событии, принадлежа к дружине Всеволода, который прибежал в Киев с поля битвы вместе с Изяславом; в таком случае любопытно, что один брат служил Изяславу, а другой — Всеволоду. В битве при Сожице был убит еще Иван Жирославич, также муж из дружины Всеволода. При последнем, во время княжения его в Киеве, видим Ратибора, которого он назначил посадником в Тмутаракань. К чьей дружине принадлежал Берн, упоминаемый при перенесении мощей св. Бориса и Глеба, трудно решить; вероятно, к дружине Святослава черниговского.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

СОБЫТИЯ ПРИ ВНУКАХ ЯРОСЛАВА I (1093—1125)

Прежние причины усобиц. — Характер Владимира Мономаха. — Он уступает старшинство Святополку Изяславичу. — Характер последнего. — Нашествие половцев. — Олег Святославич в Чернигове. — Борьба с ним Святополка и Владимира. — Неудача Олега на севере. — Послание Мономаха к Олегу. — Съезд князей в Любече и прекращение борьбы на востоке. — Новая усобица на западе вследствие ослепления Василька Ростиславича — Прекращение ее на Витичевском съезде — Распоряжение насчет Новгорода Великого. — Судьба Ярослава Ярополковича, племянника великого князя. — События в Полоцком княжестве. — Войны с половцами. — Борьба с другими соседними варварами. — Связь с Венгриею. — Смерть великого князя Святополка. — Киевляне избирают Мономаха в князья себе. — Война с минским князем Глебом и с волынским Ярославом — Отношение к грекам и половцам. — Смерть Мономаха. — Дружина при внуках Ярослава I.

Не прошло полвека по смерти Ярослава Старого, как уже первое поколение в потомстве его сменилось вторым, сыновья — внуками. Мы видели начало усобиц при первом поколении, видели их причины в стремлении осиротелых князей добыть себе часть в Русской земле, которой не давали им дядья; усобицы усилились, когда Изяслав был изгнан братьями, когда, возвратившись по смерти Святослава, он отнял прежние волости у сыновей последнего, которые должны были искать убежища в отдаленной Тмутаракани и, если верить некоторым известиям, в Муроме. С выступлением на поприще внуков Ярославовых причины усобиц оставались прежние, и потому должно было ожидать тех же самых явлений, какими ознаменовано и правление сыновей Ярославовых.

Владимир Мономах[93] с братом Ростиславом были в Киеве во время смерти и погребения отца своего; летописец говорит, что Мономах начал размышлять: «Если сяду на столе отца своего, то будет у меня война с Святополком, потому что этот стол был прежде отца его», и, размыслив,

послал за Святополком в Туров, сам пошел в Чернигов, а брат его Ростислав — в Переяславль. Если Мономах единственным препятствием к занятию киевского стола считал старшинство, права Святополка Изяславича, то ясно, что он не видал никаких других препятствий, именно не предполагал препятствия со стороны граждан киевских, был уверен в их желании иметь его своим князем [94]. Нет сомнения, что уже и тогда Мономах успел приобресть народную любовь, которою он так славен в нашей древней истории. Мономах вовсе не принадлежит к тем историческим деятелям, которые смотрят вперед, разрушают старое, удовлетворяют новым потребностям общества: это было лицо с характером чисто охранительным. Мономах не возвышался над понятиями своего века, не шел наперекор им, не хотел изменить существующий порядок вещей, но личными доблестями, строгим исполнением обязанностей прикрывал недостатки существующего порядка, делал его не только сносным для народа, но даже способным удовлетворять его общественным потребностям. Общество, взволнованное княжескими усобицами, столько потерпевшее от них, требовало прежде всего от князя, чтобы он свято исполнял свои родственные обязанности, не *которовался* (не спорил) с братьею, мирил враждебных родичей, вносил умными советами наряд в семью; и вот Мономах во время злой вражды между братьями умел заслужить название братолюбца. Для людей благочестивых Мономах был образцом благочестия: по свидетельству современников, все дивились, как он исполнял обязанности, требуемые церковью [95]. Для сдержания главного зла — усобиц нужно было, чтобы князья соблюдали клятву, данную друг другу: Мономах ни под каким предлогом не соглашался переступать крестного целования. Народ испытал уже при других князьях бедствие от того, что людям не доходила княжая правда, тиуны и отроки грабили без ведома князя: Мономах не давал сильным обижать ни худого смерда, ни убогой вдовицы, сам *оправливал* (давал правду, суд) людей. При грубости тогдашних нравов люди сильные не любили сдерживать своего гнева, причем подвергнувшийся ему платил жизнью; Мономах наказывал детям своим, чтобы они не убивали ни правого, ни виноватого, не губили душ христианских. Другие князья позволяли себе невоздержание: Мономах отличался целомудрием. Обществу сильно не нравилось в князе корыстолюбие; с неудовольствием видели, что внуки и правнуки св. Владимира отступают от правил этого князя, копят богатство, сбирая его с тягостию для народа; Мономах и в этом отношении был образцом добрых князей: с ранней молодости рука его простиралась ко всем, по свидетельству современников [96]; никогда не прятал он сокровищ, никогда не считал он денег, но раздавал их обеими руками; а между

тем казна его была всегда полна, потому что при щедрости он был образцом доброго хозяина, не смотрел на служителей, сам держал весь наряд в доме. Больше всех современных князей Мономах напоминал прадеда своего, *ласкового* князя Владимира: «Если поедете куда по своим землям (наказывает Мономах детям), не давайте отрокам обижать народ ни в селах, ни на поле, чтоб вас потом не кляли. Куда пойдете, где станете, напойте, накормите бедняка; больше всего чтите гостя, откуда бы к вам ни пришел, добрый или простой человек или посол; не можете одарить его, угостите хорошенько, напойте, накормите: гость по всем землям прославляет человека либо добрым, либо злым». Что детям наказывал, то и сам делал: позвавши гостей, сам служил им, и когда они ели и пили досыта, он только смотрел на них. Кроме усобиц княжеских, земля терпела от беспрестанных нападений половцев; Мономах с ранней молодости стоял на стороже Русской земли, бился за нее с погаными, приобрел имя доброго страдальца (труженика) за Русскую землю по преимуществу. В тот век народной юности богатырские подвиги Мономаха, его изумительная деятельность не могли не возбудить сильного сочувствия, особенно когда эти подвиги совершались на пользу земле. Большую часть жизни провел он вне дома, большую часть ночей проспал на сырой земле; одних дальних путешествий совершил он 83; дома и в дороге, на войне и на охоте делал все сам, не давал себе покою ни ночью, ни днем, ни в холод, ни в жар; до света поднимался он с постели, ходил к обедне, потом думал с дружиною, *оправливал* (судил) людей, ездил на охоту, или так куда-нибудь, в полдень ложился спать и потом снова начинал ту же деятельность. Дитя своего века, Мономах, сколько любил пробовать свою богатырскую силу на половцах, столько же любил пробовать ее и на диких зверях, был страстный охотник: диких коней в пущах вязал живых своими руками; тур не раз метал его на рога, олень бодал, лось топтала ногами, вепрь на боку меч оторвал, медведь кусал, волк сваливал вместе с лошадью. «Не бегал я для сохранения живота своего, не щадил головы своей, — говорит он сам. — Дети! не бойтесь ни рати, ни зверя, делайте мужеское дело; ничто не может вам вредить, если бог не повелит; а от бога будет смерть, так ни отец, ни мать, ни братья не отнимут; божье блюдение лучше человеческого!» Но с этою отвагою, удалью, ненасытною жаждою деятельности в Мономахе соединялся здравый смысл, сметливость, уменье смотреть на следствие дела, извлекать пользу; из всего можно заметить, что он был сын доброго Всеволода и вместе сын царевны греческой. Из родичей Мономаха были и другие не менее храбрые князья, не менее деятельные, как, например, чародей Всеслав полоцкий, Роман и Олег Святославичи; но

храбрость, деятельность Мономаха всегда совпадала с пользою для Русской земли; народ привык к этому явлению, привык верить в доблести, благоразумие, благонамеренность Мономаха, привык считать себя спокойным за его щитом и потому питал к нему сильную привязанность, которую перенес и на все его потомство. Наконец, после личных доблестей не без влияния на уважение к Мономаху было и то, что он происходил по матери от царской крови; особенно, как видно, это было важно для митрополитов-греков[97] и вообще для духовенства.

Киевляне должны были желать, чтоб Мономах занял отцовское место; они могли желать этого тем более, что Мономах был им хорошо известен и известен с самой лучшей стороны, тогда как Святополк Изяславич жил постоянно на отдаленном севере и только недавно, по смерти брата своего Ярополка, перешел из Новгорода в Туров, без сомнения, для того, чтобы быть поближе к Киеву на случай скорой смерти Всеволода. Но мы видели причины, которые заставляли Мономаха отказаться от старшего стола: он опасался, что Святополк не откажется от своих прав и будет доискиваться их оружием; Мономах должен был хорошо знать, к чему ведут подобные нарушения прав; должен был также опасаться, что если Святополк будет грозить ему с запада, то с востока Святославичи также не оставят его в покое. Киевляне не могли не уважать основание, на котором Владимир отрекся от их стола, не могли не сочувствовать уважению к старшинству и притом не имели права отвергать Святополка, потому что еще не знали его характера; и когда он явился из Турова в Киев по приглашению Мономаха, то граждане вышли к нему с поклоном и приняли его с радостию. Но радость их не могла быть продолжительна: характер сына Изяславова представлял разительную противоположность с характером сына Всеволодова: Святополк был жесток, корыстолюбив и властолюбив без ума и твердости; сыновья его были похожи на отца. Киевляне немедленно испытали неспособность своего нового князя[98]. В это время пошли половцы на Русскую землю; услыхавши, что Всеволод умер, они отправили послов к Святополку с предложением мира, т. е. с предложением купить у них мир: Мономах говорит детям, что он в свою жизнь заключил с половцами девятнадцать миров, причем передавал им много своего скота и платья. Святополк, по словам летописца, посоветовался при этом случае не с большою дружиною отца и дяди своего, т. е. не с боярами киевскими, но с теми, которые пришли с ним, т. е. с дружиною, которую он привел из Турова или, вероятнее, из Новгорода; мы видим здесь, следовательно, опять ясную жалобу на *заезд* старых бояр пришлою дружиною нового князя, явление необходимое при

отсутствии отчинности, наследственности волостей; по совету своей дружины Святополк велел посадить половецких послов в тюрьму: или жалели скота и платья на покупку мира, или стыдились начать новое княжение этою покупкою. Половцы, услыхавши о заключении послов своих, стали воевать, пришло их много, и обступили торческий город[99], т. е. город, заселенный торками. Святополк испугался, захотел мира, отпустил половецких послов; но уже теперь сами половцы не хотели мира и продолжали воевать. Тогда Святополк начал собирать войско; умные люди говорили ему: «Не выходи к ним, мало у тебя войска»; он отвечал: «У меня 800 своих отроков могут против них стать»; несмысленные подстрекали его: «Ступай князь!», а смышленные говорили: «Хотя бы ты пристроил и восемь тысяч, так и то было бы только впору; наша земля оскудела от рати и от продаж: пошли-ка лучше к брату своему Владимиру, чтоб помог тебе». Святополк послушался и послал к Владимиру; тот собрал войско свое, послал и к брату Ростиславу в Переяславль, веля ему помогать Святополку, а сам пошел в Киев. Здесь, в Михайловском монастыре, свиделся он с Святополком и начались у них друг с другом распри да которы; смышленные мужи говорили им: «Что вы тут спорите, а поганые губят Русскую землю; после уладитесь, а теперь ступайте против поганых либо с миром, либо с войною». Владимир хотел мира, а Святополк хотел рати; наконец, уладились, поцеловали крест и пошли втроем — Святополк, Владимир и Ростислав — к Треполю[100]. Когда они пришли к реке Стугне, то, прежде чем переходить ее, созвали дружину на совет и начали думать. Владимир говорил: «Враг грозен; остановимся здесь и будем с ним мириться». К совету этому пристали смышленные мужи — Ян и другие; но киевляне говорили: «Хотим биться, пойдем на ту сторону реки». Они осилили и рать перешла реку, которая тогда сильно наводнилась. Святополк, Владимир и Ростислав, исполчивши дружину, пошли: на правой стороне шел Святополк, на левой — Владимир, по середине — Ростислав; минули Треполь, прошли и вал, и вот показались половцы с стрельцами впереди. Наши стали между двумя валами, поставили стяги (знамена) и пустили стрельцов своих вперед из валов; а половцы подошли к валу, поставили также стяги свои, налегли прежде всего на Святополка и сломили отряд его. Святополк стоял крепко; но когда побежали люди, то побежал и он. Потом половцы наступили на Владимира; была у них брань лютая; наконец, побежал и Владимир с Ростиславом; прибежав к реке Стугне, стали переправляться вброд, и при этой переправе Ростислав утонул перед глазами брата, который хотел было подхватить его, но едва сам не утонул; потерявши брата и почти всю дружину,

печальный Владимир пришел в Чернигов, а Святополк сперва вбежал в Треполь, затворился, пробыл тут до вечера и ночью пришел в Киев. Половцы, видя, что одолели, пустились воевать по всей земле, а другие возвратились к торческому городу. Торки противились, боролись крепко из города, убили много половцев; но те не переставали налегать, отнимали воду, и начали изнемогать люди в городе от голода и жажды; тогда торки послали сказать Святополку: «Если не пришлешь хлеба, то сдадимся»; Святополк послал; но обозу нельзя было прокрасться в город от половцев. Девять недель стояли они под Торческом, наконец, разделились: одни остались продолжать осаду, а другие пошли к Киеву; Святополк вышел против них на реку Желань [101]; полки сошлись, и опять русские побежали; здесь погибло их еще больше, чем у Треполя; Святополк пришел в Киев сам-третей только, а половцы возвратились к Торческу. Лукавые сыны Измаиловы, говорит летописец, жгли села и гумна и много церквей запалили огнем; жителей били, оставшихся в живых мучили, уводили в плен; города и села опустели; на полях, где прежде паслись стада коней, овец и волов, теперь все стало пусто, нивы поросли: на них живут звери. Когда половцы с победою возвратились к Торческу, то жители, изнемогши от голода, сдались им. Половцы, взявши город, запалили его, а жителей, разделивши, повели в вежи к *сердоболям* и сродникам своим, по выражению летописца. Печальные, изнуренные голодом и жаждою, с осунувшимися лицами, почерневшим телом, нагие, босые, исколотые терновником, шли русские пленники в степи, со слезами рассказывая друг другу, откуда кто родом — из какого города или из какой веси.

Святополк, видя, что нельзя ничего взять силою, помирился с половцами, разумеется, заплативши им сколько хотели, и женился на дочери хана их Тугоркана. Но в том же 1094 году половцы явились опять, и на этот раз ими предводительствовал Олег Святославович из Тмутаракани: жестокое поражение, потерпенное двоюродными братьями в прошлом году от половцев, дало Олегу надежду получить не только часть в Русской земле, но и все отцовские волости, на которые он с братьями имел полное право: внуки Ярослава находились теперь друг к другу по роду и, следовательно, по волостям точно в таком же отношении, в каком находились прежде сыновья, а считать себя изгоем Олег не хотел. Он пришел к Чернигову, где осадил Мономаха в остроге; окрестности города, монастыри были выжжены; восемь дней билась с половцами дружина Мономахова и не пустила их в острог; наконец, Мономах пожалел христианской крови, горящих сел, монастырей, сказал: «Не хвалиться поганым», и отдал Олегу Чернигов, стол отца его, а сам пошел на стол

своего отца, в Переяславль. Так описывает сам Мономах свои побуждения; нам трудно решить, на сколько присоединялся к ним еще расчет на невозможность долгого сопротивления с маленькою дружиною, в которой по выезде его из Чернигова не было и ста человек, считая вместе с женами и детьми; мы видели, что большую часть дружины потерял он в битве при Стугне, где пали все его бояре; попавшихся в плен он после выкупил [102], но их было, как видно, очень мало. С этою-то небольшою дружиною ехал Мономах из Чернигова в Переяславль через полки половецкие; варвары облизывались на них, как волки, говорит сам Мономах, но напасть не смели. Олег сел в Чернигове, а половцы пустошили окрестную страну: князь не противился, он сам велел им воевать, ибо другим нечем ему было заплатить союзникам, доставившим ему отцовскую волость. «Это уже в третий раз, говорит летописец, навел он поганых на Русскую землю; прости, господи, ему этот грех, потому что много христиан было погублено, а другие взяты в плен и расточены по разным землям». На Руси Олегу этого не простили, и сколько любили Мономаха как доброго страдальца за Русскую землю, защищавшего ее от поганых, столько же не любили Олега, опустошавшего ее с половцами; видели гибельные следствия войн Олеговых, забыли обиду ему нанесенную, забыли, что он принужден был сам добывать себе отцовское место, на которое не пускали его двоюродные братья [103].

Незавидно было житье Мономаха в Переяславле: «Три лета и три зимы, говорит он, прожил я в Переяславле с дружиною, и много бед натерпелись мы от рати и от голода». Половцы не переставали нападать на Переяславскую волость, и без того уже разоренную; Мономаху удалось раз побить их и взять пленников [104]. В 1095 году пришли к нему два половецких хана, Итларь и Китан, на мир, т. е. торговаться, много ли переяславский князь даст за этот мир? Итларь с лучшими людьми вошел в город, а Китан стал с войском между валами, и Владимир отдал ему сына своего Святослава в заложники за безопасность Итларя, который стоял в доме боярина Ратибора. В это время пришел к Владимиру из Киева от Святополка боярин Славата за каким-то делом; Славата подучил [105] Ратибора и его родню [106] пойти к Мономаху и убедить его согласиться на убийство Итларя. Владимир отвечал им: «Как могу я это сделать, давши им клятву?» Те сказали ему на это: «Князь! не будет на тебе греха: половцы всегда дают тебе клятву, и все губят Русскую землю, льют кровь христианскую». Владимир послушался и ночью послал отряд дружины и торков к валам: они выкрали сперва Святослава, а потом перебили Китана и всю дружину его. Это было в субботу вечером; Итларь ночевал на дворе Ратиборовом и не знал, что сделалось с Китаном.

На другой день, в воскресенье, рано утром Ратибор приготовил вооруженных отроков и велел им вытопить избу, а Владимир прислал отрока своего сказать Итларю и дружине его: «Обувшись и позавтракавши в теплой избе у Ратибора, приезжайте ко мне». Итларь отвечал: «Хорошо!» Половцы вошли в избу и были там заперты; а между тем ратиборовцы влезли на крышку, проломали ее, и Ольбег Ратиборович, натянув лук, ударил Итларя стрелою прямо в сердце; перестреляли и всю дружину его. Тогда Святополк и Владимир послали в Чернигов к Олегу звать его с собою вместе на половцев; Олег обещался идти с ними и пошел, но не вместе: ясно было, что он не доверял им [107]; быть может, поступок с Итларем был одною из причин этого недоверия. Святополк и Владимир пошли к половцам на вежи, взяли их, попленили скот, лошадей, верблюдов, рабов и привели их в свою землю [108]. Недоверие Олега сильно рассердило двоюродных братьев; после похода они послали сказать ему: «ты не шел с нами на поганых, которые сгубили Русскую землю, а вот теперь у тебя сын Итларев; убей его, либо отдай нам: он враг Русской земле.» Олег не послушался, и встала между ними ненависть. Вероятно, в связи с этими событиями было движение на севере брата Олегова, Давыда, о котором до сих пор дошедшие до нас списки летописи ничего не говорили; только в своде летописей Татищева читаем, что остальные Святославичи при Всеволоде имели волость в Муроме — известие очень вероятное; по смерти же Всеволода, как видно, Мономах принужден был отречься не от одного Чернигова в пользу Олега, но должен был уступить также и Смоленск Давыду. В конце 1095 года, когда загорелась снова вражда между Олегом и братьями его, Святополком и Владимиром, последние отправились к Смоленску, вывели оттуда Давыда и дали ему Новгород [109], откуда сын Мономаха, Мстислав, посаженный дедом Всеволодом еще по удалении Святополка, был переведен в Ростов: вероятно, они не хотели, чтобы волости Святославичей соприкасались друг с другом, причем братья могли легко действовать соединенными силами; в Смоленской волости, которая должна была разделять волости Святославичей, Святополк и Владимир должны были посадить кого-нибудь из своих, и вот есть известие, что Владимир посадил здесь сына своего Изяслава [110]. Но Давыд, может быть, по соглашению с братом, недолго жил в Новгороде и отправился опять в Смоленск, впрочем, как видно, с тем, чтобы оставить и Новгород за собою же, потому что когда новгородцы в его отсутствие послали в Ростов за Мстиславом Владимировичем и посадили его у себя, то Давыд немедленно выступил опять из Смоленска к Новгороду; но на этот раз новгородцы послали сказать ему: «Не ходи к нам», и он принужден был возвратиться с дороги

опять в Смоленск. Изгнанный им отсюда Изяслав бросился на волости Святославичей, сперва на Курск, а потом на Муром, где схватил посадника Олегова и утвердился с согласия граждан. В следующем, 1096, году Святополк и Владимир послали сказать Олегу: «Приезжай в Киев, урядимся о Русской земле пред епископами, игуменами, мужами отцов наших и людьми городскими, чтобы после нам можно было сообща оборонять Русскую землю от поганых». Олег велел отвечать: «Не пойду на суд к епископам, игуменам да смердам». Если прежде он боялся идти в поход вместе с братьями, то мог ли он решиться ехать в Киев, где знал, что духовенство, дружина и граждане дурно расположены к нему? Мог ли он отдать свое дело на их решение? Притом князь, который привык полагаться во всем на один свой меч, им доставать себе управу, считал унизительным идти на суд пред духовенство и простых людей. Как бы то ни было, гордый ответ Олега возбудил к нему еще сильнейшее нерасположение в Киеве: летописец сильно укоряет черниговского князя за смысл буйный, за слова величавые, укоряет и злых советников Олега. Святополк и Владимир послали после этого объявить ему войну. «Ты нейдешь с нами на поганых, велели они сказать ему, нейдешь к нам на совет — значит, мыслишь на нас недоброе и поганым помогать хочешь; пусть же бог рассудит нас!» Князья выступили против Олега к Чернигову; Святославич выбежал пред ними и заперся в Стародубе, вероятно, для того, чтобы быть ближе к братним волостям и получить оттуда скорее помощь. Святополк и Владимир осадили Стародуб и стояли под ним 33 дня; приступы были сильные, но из города крепко отбивались; наконец, осажденные изнемогли: Олег вышел из города, запросил мира и получил его от братьев, которые сказали ему: «Ступай к брату своему Давыду, и приезжайте оба вместе в Киев, к столу отцов и дедов наших: то старший город во всей земле, в нем следует собираться нам и улаживаться». Олег обещался приехать, целовал крест и отправился из Стародуба в Смоленск; но смольняне не захотели принять его, и он принужден был ехать в Рязань.

Видя, что Святославичи не думают приезжать в Киев на уряжение, Святополк с Владимиром пошли было к Смоленску на Давыда, но помирились с ним; а между тем Олег с Давыдовыми полками пошел из Рязани к Мурому на Изяслава, сына Мономахова. Изяслав, узнавши, что Олег идет на него, послал за суздальцами, ростовцами, белозерцами и собрал много войска. Олег послал сказать ему: «Ступай в волость отца своего, в Ростов, а это волость моего отца, хочу здесь сесть и урядиться с твоим отцом: он выгнал меня из отцовского города, а ты неужели и здесь не хочешь дать мне моего же хлеба[111]?» Изяслав не послушался его, надеясь на

множество войска; Олег же, прибавляет летописец, надеялся на свою правду, потому что был он теперь прав. Это замечание летописца очень любопытно: Олег лишился Чернигова и Мурома вследствие войны, которую начали против него двоюродные братья, след[овательно], по понятиям современников, самая война была несправедлива: в противном случае летописец не оправил бы Олега, потому что тогда отнятие волости было бы только достойным наказанием за его неправду. Перед стенами Мурома произошла битва между Олегом и Изяславом; в лютой сечи Изяслав был убит, войско его разбежалось — кто в лес, кто в город. Олег вошел в Муром, был принят гражданами, перехватал ростовцев, белозерцев, суздальцев, поковал их и устремился на Суздаль; суздальцы сдались; Олег усмирил город: одних жителей взял в плен, других рассеял по разным местам, имение у них отнял. Из Суздаля пошел к Ростову, и ростовцы сдались; таким образом он захватил всю землю Муромскую и Ростовскую, посажал посадников по городам и начал брать дани. В это время пришел к нему посол от Мстислава Владимировича из Новгорода: «Ступай из Суздаля в Муром, велел сказать ему Мстислав, в чужой волости не сиди; а я с дружиною пошлем к отцу моему и помирю тебя с ним; хотя ты и брата моего убил — что же делать! В битвах и цари и бояре погибают». Олег не захотел мириться, он думал взять и Новгород и послал брата своего Ярослава в сторожах на реку Медведицу, а сам стал на поле у Ростова. Мстислав, посоветовавшись с новгородцами, послал от себя в сторожах Добрыню Рагуйловича, который прежде всего перехватил Олеговых *данников* (сборщиков дани). Когда Ярослав узнал, что данники перехвачены, то в ту же ночь бросился бежать к Олегу с известием, что Мстислав идет. Олег отступил к Ростову, Мстислав за ним; Олег двинулся к Суздалю, Мстислав пошел за ним и туда; Олег зажег Суздаль и побежал к Мурому; Мстислав пришел в Суздаль и, остановившись здесь, послал опять с миром к Олегу, велел сказать ему: «Я моложе тебя; пересылайся с отцом моим, да выпусти дружину, а я во всем тебя послушаю». Причина такой скромности со стороны Мстислава заключалась в том, что он был крестный сын Олегу. Последний видел, что ему трудно одолеть Мстислава силою, и потому решился действовать хитростью: послал к Мстиславу с мирным ответом, и когда тот, понадеявшись на мир, распустил дружину по селам, Олег неожиданно явился на Клязьме; Мстислав обедал в то время, когда ему дали знать о приближении Олега, который думал, что племянник, застигнутый врасплох, побежит; однако Мстислав не побежал: к нему в два дня собралась дружина — новгородцы, ростовцы и белозерцы; он выстроил ее перед городом, и когда явился Олег, то ни тот, ни другой не хотели начать нападение и

стояли друг перед другом четыре дня; а между тем Мономах прислал на помощь к Мстиславу другого сына своего, Вячеслава, с половцами. На пятый день Олег выстроил дружину и двинулся к городу; Мстислав пошел к нему навстречу и, отдав стяг (знамя) Мономахов половчину Куную, отдал ему также пеший полк и поставил его на правом крыле. Сошлись биться: полк Олегов против полка Мстиславова, полк Ярославов против полка Вячеславова. Мстислав с новгородцами перешел пожар, схватился с врагами на реке Колакче и начал одолевать, а между тем Кунуй с пешими зашел в тыл Олегу и поднял стяг Владимиров: ужас напал тогда на Олега и на все его войско, которое бросилось бежать. Олег прибежал в Муром, затворил здесь брата Ярослава, а сам пошел в Рязань. Мстислав по его следам пришел к Мурому, заключил мир с жителями, взял своих людей, ростовцев и суздальцев, захваченных прежде Олегом, и пошел на последнего к Рязани; Олег выбежал и отсюда, а Мстислав договорился и с рязанцами, которые выдали ему также пленников. Из Рязани послал он в третий раз к Олегу с мирными предложениями: «Не бегай, но шли к братьи с просьбою о мире: не лишат тебя Русской земли; а я пошлю к отцу своему просить за тебя». Олег обещал послушаться его; Мстислав возвратился к Суздалю, оттуда в Новгород и точно послал к Мономаху просить за своего крестного отца.

Мономах, получив письмо от сына, написал к Олегу: «Пишу к тебе, потому что принудил меня к тому сын твой крестный: прислал ко мне мужа своего и грамоту, пишет: уладимся и помиримся, а братцу моему суд пришел; не будем за него местники, но положимся во всем на бога: они станут на суд перед богом, а мы Русской земли не погубим Увидав такое смирение сына своего, я умилился и устрашился бога, подумал: сын мой в юности своей и в безумии так смиряется, на бога все возлагает, а я что делаю? Грешный я человек, грешнее всех людей! Послушался я сына своего, написал к тебе грамоту: примешь ли ее добром или с поруганьем — увижу по твоей грамоте. Я первый написал к тебе, ожидая от тебя смиренья и покаянья Господь наш не человек, а бог всей вселенной, что хочет — все творит в мгновенье ока; а претерпел же хуленье, и плеванье, и ударенье, и на смерть отдался, владея животом и смертью; а мы что люди грешные? Ныне живы, а завтра мертвы; ныне в славе и в чести, а завтра в гробе и без памяти: другие разделят по себе собранное нами. Посмотри, брат, на отцов наших: много ли взяли с собою, кроме того, что сделали для своей души? Тебе бы следовало, брат, прежде всего прислать ко мне с такими словами. Когда убили дитя мое и твое[112] пред тобою, когда ты увидал кровь его и тело увянувшее, как цветок, только что распустившийся, как агнца заколенного, подумать бы тебе,

стоя над ним: «увы, что я сделал! Для неправды света сего суетного взял грех на душу, отцу и матери причинил слезы! Сказать бы тебе было тогда по-давыдовски: аз знаю грех мой, предо мною есть выну! Богу бы тебе тогда покаяться, а ко мне написать грамоту утешную да сноху прислать, потому что она ни в чем не виновата, ни в добре, ни в зле: обнял бы я ее и оплакал мужа ее и свадьбу их вместо песен брачных; не видал я их первой радости, ни венчанья, за грех мой; ради бога пусти ее ко мне скорее: пусть сидит у меня, как горлица, на сухом дереве жалуючись, а меня бог утешит. Таким уж, видно, путем пошли дети отцов наших: суд ему от бога пришел. Если бы ты тогда сделал по своей воле, Муром взял бы, а Ростова не занимал и послал ко мне, то мы уладились бы; но рассуди сам: мне ли было первому к тебе посылать или тебе ко мне; а что ты говорил сыну моему: «Шли к отцу», так я десять раз посылал. Удивительно ли, что муж умер на рати, умирали так и прежде наши прадеды; не искать было ему чужого и меня в стыд и в печаль не вводить[113]: это научили его отроки для своей корысти, а ему на гибель. Захочешь покаяться пред богом и со мною помириться, то напиши грамогу с правдою и пришли с нею посла или попа: так и волость возьмешь добром, и наше сердце обратишь к себе, и лучше будем жить, чем прежде; я тебе ни враг, ни местник. Не хотел я видеть твоей крови у Стародуба; но не дай мне бог видеть крови и от твоей руки, и ни от которого брата по своему попущению; если я лгу, то бог меня ведает и крест честной. Если тот мой грех, что ходил на тебя к Чернигову за дружбу твою с погаными, то каюсь. Теперь подле тебя сидит сын твой крестный с малым братом своим, едят хлеб дедовский[114], а ты сидишь в своей волости: так рядись, если хочешь, а если хочешь их убить, они в твоей воле; а я не хочу лиха, добра хочу братьи и Русской земле. Что ты хочешь теперь взять насильем, то мы, смиловавшись, давали тебе и у Стародуба, отчину твою[115]; бог свидетель, что мы рядились с братом твоим, да он не может рядиться без тебя; мы не сделали ничего дурного, но сказали ему: посылай к брату, пока не уладимся; если же кто из вас не хочет добра и мира христианам, то пусть душа его на том свете не увидит мира от бога. Я к тебе пишу не по нужде: нет мне никакой беды; пишу тебе для бога, потому что мне своя душа дороже целого света».

Из этого письма видно, что Мономах первый писал к Олегу. Крайность, до которой был доведен последний оружием Мстислава, и смысл письма Мономахова должны были, наконец, показать Олегу необходимость искренне сблизиться с двоюродными братьями, и вот в 1097 г. князья — Святополк, Владимир, Давыд Игоревич, Василько Ростиславич, Давыд Святославич и брат его Олег — съехались на *устроенье мира*

в городе Любече, следовательно, в Черниговской волости, по ту сторону Днепра: быть может, это была новая уступка подозрительности Олеговой. Князья говорили: «Зачем губим Русскую землю, поднимая сами на себя вражду? А половцы землю нашу несут розно и рады, что между нами идут усобицы; теперь же с этих пор станем жить в одно сердце и блюсти Русскую землю». Кроме Василька Ростиславича, сидели все двоюродные братья, внуки Ярославовы; урядиться им было легко: стоило только разделить между собою волости точно так же, как они были разделены между их отцами, которых места они теперь занимали; вся вражда пошла оттого, что Святославичам не дали тех волостей, какими они имели полное право владеть по своему положению в роде, как сыновья второго Ярославича. И вот князья объявили, что пусть каждое племя (линия) держит отчину свою: Святополк — Киев вместе с тою волостию, которая изначала и до сих пор принадлежала его племени, с Туровым; Владимир получил все волости Всеволодовы, т. е. Переяславль, Смоленск, Ростовскую область, Новгород также остался за сыном его Мстиславом; Святославичи — Олег, Давыд и Ярослав — Черниговскую волость; теперь остались изгои — Давыд Игоревич и Ростиславичи; относительно их положено было держаться распоряжений великого князя Всеволода: за Давыдом оставить Владимир-Волынский, за Володарем Ростиславичем — Перемышль, за Васильком — Теребовль. Уладившись, князья целовали крест: «Если теперь кто-нибудь из нас поднимется на другого, говорили они, то мы все встанем на зачинщика и крест честной будет на него же». Все повторяли: «Крест честной на него и вся Земля русская». После этого князья поцеловались и разъехались по домам.

Мы видели, что отсутствие отчинности, непосредственной наследственности волостей было главною причиною усобиц, возникших при первом поколении Ярославичей и продолжавшихся при втором: на Любецком съезде князья отстранили эту главную причину, стараясь ввести каждого родича во владение теми волостями, которые при первом поколении принадлежали отцу его. И точно, борьба на востоке с Святославичами за волость Черниговскую прекратилась Любецким съездом; но не кончилась борьба на западе, на Волыни: там сидели вместе изгои — Ростиславичи и Давыд Игоревич. Младший из Ростиславичей, Василько, князь теребовльский отличался необыкновенно предприимчивым духом; он уже был известен своими войнами с Польшею, на опустошение которой водил половцев; теперь он затевал новые походы: на его зов шли к нему толпы берендеев, печенегов, торков; он хотел идти с ними на Польшу, завоевать ее и отмстить ей за Русскую землю, за походы обоих Болеславов; потом хотел идти на болгар дунайских и заставить их переселиться на Русь;

наконец, хотел идти на половцев, и либо найти себе славу, либо голову свою сложить за Русскую землю. Понятно, что соседство такого князя не могло нравиться Давыду, особенно если последний не знал настоящих намерений Василька, слышал только о его военных приготовлениях, слышал о приближении варварских полков и мог думать, что воинственный Василько прежде всего устремит их на его волости: известна была вражда Ростиславичей к прежнему волынскому князю, Ярополку, известно было подозрение, которое лежало на них в смерти последнего. Нашлись люди, которые возможность переменили в действительность; странным могло казаться, что двое доблестнейших князей, Мономах и Василько, не воспользуются своею доблестию, своею славою для возвышения, усиления себя на счет князей менее достойных, и вот трое мужей из дружины Давыдовой — Туряк, Лазарь и Василь начали говорить своему князю, что Мономах сговорился с Васильком на него и на Святополка, что Мономах хочет сесть в Киеве, а Василько — на Волыни. Давыд испугался: дело шло о потери волости, об изгнании, которое он уже испытал; вероятность была в словах мужей его; притом же мы не знаем, какие еще доказательства приводили они, не знаем, в какой степени поведение Мономаха и Василька в самом Любече, могло подать повод к толкам: в то время, когда князья мирились и рядились, дружинники их наблюдали и толковали и, бог весть, до чего могли дотолковаться. Как бы то ни было, летописец и, как видно, вообще современники складывали главную вину на мужей Давыдовых, а его обвиняли только за то, что, поддавшись страху, поспешил поверить лживым словам. Он приехал из Любеча в Киев вместе с Святополком и рассказал ему за верное, что слышал от мужей своих: «Кто убил брата твоего Ярополка? — говорил он ему,— а теперь мыслит и на тебя и на меня, сговорился с Владимиром, промышляй о своей голове!» Святополк смутился, не знал, верить или нет; он отвечал Давыду: «Если правду говоришь, то бог тебе будет свидетель, если же из зависти, то бог тебе судья». Потом жалость взяла Святополка по брате, да и о себе стал думать: «Ну как это правда?» Давыд постарался уверить его, что правда, и стали вместе думать о Василько; тогда как Василько с Владимиром не имели ни о чем понятия. Давыд начал говорить Святополку: «Если не схватим Василька, то ни тебе не княжить в Киеве, ни мне — во Владимире». Святополк согласился. В это время приехал Василько в Киев и пошел помолиться в Михайловский монастырь, где и поужинал, а вечером возвратился в свой обоз. На другой день утром прислал к нему Святополк с просьбою, чтоб не ходил от его именин[116]; Василько велел отвечать, что не может дожидаться, боится, не было бы рати дома. Давыд прислал к нему с тем же приглашением:

«Не ходи, не ослушайся старшего брата!» Но Василько и тут не согласился. Тогда Давыд сказал Святополку: «Видишь, не хочет тебя знать, находясь в твоей волости; что же будет, когда придет в свою землю? Увидишь, что займет города твои Туров, Пинск и другие, тогда помянешь меня; созови киевлян, схвати его и отдай мне». Святополк послушался и послал сказать Василько: «Если не хочешь остаться до именин, то зайди хотя нынче, повидаемся и посидим вместе с Давыдом». Василько обещался прийти, и уже сел на лошадь и поехал, как встретился ему один из слуг его и сказал: «Не езди, князь: хотят тебя схватить». Василько не поверил, думал: «Как меня схватить? а крест-то мне целовали, обещались, что если кто на кого первый поднимется, то все будут на зачинщика и крест честной». Подумав таким образом, он перекрестился, сказав: «Воля господня да будет!» и продолжал путь. С малою дружиною приехал он на княжий двор; Святополк вышел к нему навстречу, ввел в избу; пришел Давыд, и сели. Святополк стал опять упрашивать Василька: «Останься на праздник». Василько отвечал: «Никак не могу, брат; я уже и обоз отправил вперед». А Давыд во все время сидел, как немой. Потом Святополк начал упрашивать Василька хотя позавтракать у него; позавтракать Василько согласился, и Святополк вышел, сказавши: «Посидите вы здесь, а я пойду, распоряжусь». Василько стал разговаривать с Давыдом, но у того не было ни языка, ни ушей — так испугался! И, посидевши немного, спросил слуг: «Где брат Святополк?». Ему отвечали: «Стоит в сенях». Тогда он сказал Василько: «Я пойду за ним; а ты, брат, посиди». Но только что Давыд вышел, как Василька заперли, заковали в двойные оковы и приставили сторожей на ночь. На другой день утром Святополк созвал бояр и киевлян и рассказал им все, что слышал от Давыда, что вот Василько брата его убил, а теперь сговорился с Владимиром, хотят его убить, а города его побрать себе. Бояре и простые люди отвечали: «Тебе, князь, надобно беречь свою голову: если Давыд сказал правду, то Василька должно наказать; если же сказал неправду, то пусть отвечает перед богом». Узнали об этом игумены и начали просить Святополка за Василька; Святополк отвечал им: «Ведь это все Давыд»; а Давыд, видя, что за Василька просят и Святополк колеблется, начал подучать на ослепление. «Если ты этого не сделаешь, — говорил он Святополку, — отпустишь его, то ни тебе не княжить, ни мне». Святополк, по свидетельству летописца, хотел отпустить Василька, но Давыд никак не хотел, потому что сильно опасался теребовльского князя. Кончилось тем, однако, что Святополк выдал Давыду Василька. В ночь перевезли его из Киева в Белгород на телеге, в оковах, ссадили с телеги, ввели в маленькую избу и посадили; оглядевшись, Василько

увидал, что овчарь Святополков, родом торчин, именем Беренди, точит нож; князь догадался, что хотят ослепить его, и «возопил к богу с плачем великим и стоном». И вот вошли посланные от Святополка и Давыда — Сновид Изечевич, конюх Святополков, да Димитрий, конюх Давыдов — и начали расстилать ковер, потом схватили Василька и хотели повалить; но тот боролся с ними крепко, так что вдвоем не могли с ним сладить, и позвали других, тем удалось повалить его и связать. Тогда сняли доску с печи и положили ему на грудь, а по концам ее сели Сновид и Димитрий, и все не могли удержаться, подошло двое других, взяли еще доску с печи и сели: кости затрещали в груди Василька; тогда подошел торчин с ножем, хотел ударить в глаз и не попал, перерезал лицо; наконец, вырезал оба глаза один за другим, и Василько обеспамятел. Его подняли вместе с ковром, положили на телегу, как мертвого, и повезли во Владимир; переехавши Вздвиженский мост, Сновид с товарищами остановились, сняли с Василька кровавую сорочку и отдали попадье вымыть, а сами сели обедать; попадья, вымывши сорочку, надела ее опять на Василька и стала плакаться над ним, как над мертвым. Василько очнулся и спросил: «Где я?» Попадья отвечала: «В городе Вздвиженске» [117]. Тогда он спросил воды и, напившись, опамятовался совершенно; пощупал сорочку и сказал: «Зачем сняли ее с меня; пусть бы я в той кровавой сорочке смерть принял и стал перед богом». Между тем Сновид с товарищами пообедали и повезли Василька скоро во Владимир, куда приехали на шестой день. Приехал с ними туда и Давыд, как будто поймал какую-то добычу, по выражению летописца; к Васильку приставили стеречь 30 человек с двумя отроками княжескими.

Мономах, узнав, что Василька схватили и ослепили, ужаснулся, заплакал и сказал: «Такого зла никогда не бывало в Русской земле ни при дедах, ни при отцах наших» [118]. И тотчас послал сказать Давыду и Олегу Святославичам: «Приходите к Городцу, исправим зло, какое случилось теперь в Русской земле и в нашей братьи: бросили между нас нож; если это оставим так, то большее зло встанет, начнет убивать брат брата и погибнет Земля русская: враги наши половцы придут и возьмут ее». Давыд и Олег также сильно огорчились, плакали и, собравши немедленно войско, пришли к Владимиру. Тогда от всех троих послали они сказать Святополку: «Зачем это ты сделал такое зло в Русской земле, бросил нож между нами? Зачем ослепил брата своего? Если бы он был в чем виноват, то ты обличил бы его перед нами и тогда по вине наказал его; а теперь скажи, в чем он виноват, что ты ему это сделал?» Святополк отвечал: «Мне сказал Давыд Игоревич, что Василько брата моего убил, Ярополка,

хотел и меня убить, волость мою занять, сговорился с Владимиром, чтоб сесть Владимиру в Киеве, а Василько — на Волыни; мне поневоле было свою голову беречь, да и не я ослепил его, а Давыд: он повез его к себе, да и ослепил на дороге». Послы Мономаха и Святославичей возражали: «Нечего тебе оправдываться тем, что Давыд его ослепил: не в Давыдове городе его взяли и ослепили, а в твоем», и, поговорив таким образом, ушли. На другой день князья хотели уже переходить Днепр и идти на Святополка, и тот уже думал бежать из Киева; но киевляне не пустили его, а послали к Владимиру мачеху его, жену покойного в[еликого] князя Всеволода, да митрополита Николая; те от имени граждан стали умолять князей не воевать с Святополком: «Если станете воевать друг с другом, говорили они, то поганые обрадуются, возьмут Землю русскую, которую приобрели деды и отцы ваши; они с великим трудом и храбростью поборали по Русской земле, да и другие земли приискивали, а вы хотите погубить и свою землю». Владимир расплакался и сказал: «В самом деле, отцы и деды наши соблюли Землю русскую, а мы хотим погубить ее», и склонился на просьбу. Княгиня и митрополит возвратились назад и объявили в Киеве, что мир будет [119]; и точно, князья начали пересылаться и удалились; Владимир и Святославичи сказали Святополку: «Так как это все Давыд наделал, то ступай ты, Святополк, на Давыда, либо схвати его, либо выгони». Святополк взялся исполнить их волю.

Между тем Василька все держали под стражею во Владимире; там же находился в это время и летописец, именем Василий, оставивший нам известия об этих событиях. «В одну ночь, говорит он, прислал за мной князь Давыд; я пришел и застал около него дружину; князь велел мне сесть и начал говорить: «Этой ночью промолвил Василько сторожам своим: «Слышу, что идет Владимир и Святополк на Давыда; если бы меня Давыд послушал, то я бы послал боярина своего к Владимиру, и тот бы возвратился»; так сходи-ка ты, Василий, к тезке своему Васильку и скажи ему, что если он пошлет своего мужа и Владимир воротится, то я дам ему город, какой ему люб: либо Всеволож, либо Шеполь, либо Перемышль» [120]. Я пошел к Васильку и рассказал ему все речи Давыдовы; он отвечал мне: «Я этого не говорил, но надеюсь на бога, пошлю, чтоб не проливали ради меня крови; одно мне удивительно: дает мне свой город, а мой город — Теребовль, вот моя волость». Потом сказал мне: «Иди к Давыду и скажи ему, чтоб прислал ко мне Кульмея, я его хочу послать ко Владимиру». Но, как видно, Давыд побоялся поручить переговоры человеку, которого выбрал Василько, и послал того же Василия сказать ему, что Кульмея нет. В это свидание Василько выслал слугу и начал говорить

Василию: «Слышу, что Давыд хочет отдать меня ляхам; видно, мало еще насытился моей крови, хочет больше, потому что я ляхам много зла наделал и хотел еще больше наделать, отомстить им за Русскую землю; если он выдаст меня ляхам, то смерти не боюсь; но вот что скажу тебе: вправду бог навел на меня эту беду за мое высокоумье: пришла ко мне весть, что идут ко мне берендеи, печенеги и торки; вот я и начал думать: как придут они ко мне, то скажу братьям, Володарю и Давыду: дайте мне дружину свою младшую, а сами пейте и веселитесь; думал я пойти зимою на Польскую землю, а летом взять ее и отомстить за Русскую землю; потом хотел перенять болгар дунайских и посадить их у себя, а потом хотел проситься у Святополка и у Владимира на половцев и либо славу себе найти, либо голову свою сложить за Русскую землю; а другого помышления в сердце моем не было ни на Святополка, ни на Давыда; клянусь богом и его пришествием, что не мыслил зла братии ни в чем, но за мое высокоумье низложил меня бог и смирил».

Весною, перед Светлым днем, Давыд выступил в поход, чтобы взять Василькову волость; но у Бужска[121] на границе был встречен Володарем, братом Васильковым; Давыд не посмел встать против него и заперся в Бужске; Володарь осадил его здесь и послал сказать ему: «Зачем сделал зло и не каешься, опомнись, сколько зла ты наделал!» Давыд начал складывать вину на Святополка: «Да разве я это сделал, разве в моем городе? Я и сам боялся, чтоб и меня не схватили и не сделали со мною того же; я поневоле должен был пристать, потому что был в его руках». Володарь отвечал: «Про то ведает бог, кто из вас виноват, а теперь отпусти мне брата, и я помирюсь с тобою». Давыд обрадовался, выдал Василька Володарю, помирились и разошлись. Но мир не был продолжителен: Давыд, по некоторым известиям[122], не хотел возвратить Ростиславичам городов, захваченных в их волости тотчас по ослеплении Василька, вследствие чего тою же весною они пришли на Давыда к Всеволожу, а Давыд заперся во Владимире; Всеволож был взят *копьем* (приступом) и зажжен, и когда жители побежали от огня, то Василько велел их всех перебить; так он отомстил свою обиду на людях неповинных, замечает летописец. Потом Ростиславичи двинулись ко Владимиру, осадили здесь Давыда и послали сказать гражданам: «Мы пришли не на город ваш и не на вас, но на врагов своих — Туряка, Лазаря и Василя, которые наустили Давыда: послушавшись их, он сделал такое зло; выдайте их, а если хотите за них биться, то мы готовы». Граждане собрали вече и сказали Давыду: «Выдай этих людей, не бьемся за них, а за тебя станем биться; если же не хочешь, то отворим городские ворота, и тогда промышляй о себе». Давыд отвечал: «Нет их здесь» — он

послал их в Луцк; владимирцы послали за ними туда; Туряк бежал в Киев, а Лазарь и Василь возвратились в Турийск[123]. Владимирцы, узнавши, что они в Турийске, закричали Давыду: «Выдай их Ростиславичам, а не то сейчас же сдадимся». Давыд послал за Василем и Лазарем и выдал их; Ростиславичи заключили мир и на другое утро велели повесить и расстрелять выданных, после чего отошли от города Летописец замечает при этом: «Это уже во второй раз отомстил Василько, чего не следовало делать: пусть бы бог был мстителем».

Осенью 1097 года обещался Святополк братьям идти на Давыда и прогнать его и только через год (1099) отправился в Брест на границу для совещания с поляками: имеем право принять известие[124], что прежде он боялся напасть на Давыда, и решился на это тогда только, когда увидал, что владимирский князь побежден Ростиславичами; но и тут прежде хотел заключить союз с поляками; заключил договор и с Ростиславичами, поцеловал к ним крест на мир и любовь. Давыд, узнав о прибытии Святополка в Брест, отправился и сам к польскому князю Владиславу-Герману за помощью; таким образом поляки сделались посредниками в борьбе. Они обещались помогать и Давыду, взявши с него за это обещание 50 гривен золота, причем Владислав сказал ему: «Ступай с нами в Брест, зовет меня Святополк на сейм; там и помирим тебя с ним». Давыд послушался и пошел с ним; но союз с Святополком показался Владиславу выгоднее: киевский князь дал также ему богатые дары, договорился выдать дочь свою за его сына; поэтому Владислав объявил Давыду, что он никак не мог склонить Святополка к миру, и советовал ему идти в свою волость, обещаясь, впрочем, прислать к нему на помощь войско, если он подвергнется нападению от двоюродных братьев. Давыд сел во Владимире, а Святополк, уладившись с поляками, пришел сперва в Пинск, откуда послал собирать войска; потом в Дорогобуж, где дождался полков своих, с ними вместе двинулся на Давыда ко Владимиру и стоял под городом семь недель; Давыд все не сдавался, ожидая помощи от поляков; наконец, видя, что ждать нечего, стал проситься у Святополка, чтоб тот выпустил его из города. Святополк согласился, и они поцеловали друг другу крест, после чего Давыд выехал в Червень, а Святополк въехал во Владимир. Из этого рассказа видно, что Давыд при договоре уступил Владимир Святополку, а сам удовольствовался Червенем[125]. Выгнавши Давыда из Владимира, Святополк начал думать на Володаря и на Василька; говорил: «Они сидят в волости отца моего и брата», и пошел на них. Ход этой войны очень хорошо обнаруживает перед нами характер Святополка: сначала он долго боялся напасть на Давыда; пошел, когда тот потерпел неудачу в войне с Рости-

славичами, но прежде обезопасил себя со стороны поляков; доставши, наконец, Владимир, вспомнил, что все Волынское княжество принадлежало к Киевскому при отце его Изяславе и что после здесь сидел брат его Ярополк, а на Любецком съезде положено всем владеть отчинами; и вот Святополк идет на Ростиславичей, забывши недавний договор с ними и клятву. Но Ростиславичей трудно было вытеснить из их волости: они выступили против Святополка, взявши с собою крест, который он целовал к ним, и встретили его на границах своих владений, на Рожни поле[126]; перед началом битвы Василько поднял крест и закричал Святополку: «Вот что ты целовал; сперва ты отнял у меня глаза, а теперь хочешь взять и душу; так пусть будет между нами этот крест», и после ходила молва, что многие благочестивые люди видели, как над Васильком возвышался крест. Битва была сильная, много пало с обеих сторон, и Святополк, увидавши, наконец, что брань люта, побежал во Владимир; а Володарь и Василько, победивши, остановились и сказали: «Довольно с нас, если стоим на своей меже», и не пошли дальше[127]. Святополк между тем прибежал во Владимир с двумя сыновьями — Мстиславом и Ярославом, с двумя племянниками, сыновьями Ярополка, и Святославом, или Святошею, сыном Давыда Святославича; он посадил во Владимире сына своего, Мстислава, другого сына, Ярослава, послал в Венгрию, уговаривать короля идти на Ростиславичей, а сам поехал в Киев. Ярославу удалось склонить венгров к нападению на волость Володаря: король Коломан пришел с двумя епископами и стал около Перемышля по реке Вагру, а Володарь заперся в городе. В это время возвратился Давыд из Польши, куда бежал из Червена перед началом неприятельских действий Святополка с Ростиславичами; как видно, он не нашел помощи в Польше; общая опасность соединила его теперь с Ростиславичами, и потому, оставивши жену свою у Володаря, он отправился нанимать половцев; на дороге встретился с знаменитым ханом их Боняком и вместе с ним пошел на венгров В полночь, когда все войско спало, Боняк встал, отъехал от стана и начал выть по-волчьи, и вот откликнулся ему один волк, за ним много других; Боняк приехал и сказал Давыду: «Завтра будет нам победа над венграми». Утром на другой день Боняк выстроил свое войско: у него было 300 человек, а у Давыда 100; он разделил всех на три полка и пустил вперед Алтунопу на венгров с отрядом из 50 человек, Давыда поставил под стягом, а свой полк разделил на две половины, по 50 человек в каждой. Венгры расположились *заступами*, или *заставами*, т. е отрядами, стоявшими один за другим; отряд Алтунопы пригнал к первому *заступу*, пустил стрелы и побежал; венгры погнались за ним, и, когда бежали мимо Боняка, тот ударил им в тыл; Алтунопа в это

время также вернулся; таким образом венгры очутились между двумя неприятельскими отрядами и не могли возвратиться к своим; Боняк сбил их в мяч точно так, как сокол сбивает галок, по выражению летописца. Венгры побежали, много их потонуло в реках Вагре и Сане, потому что бежали горою подле Сана и спихивали друг друга в реку; половцы гнались за ними и секли их два дня, убили епископа и многих бояр [128]. Ярослав, сын Святополка, убежал в Польшу, а Давыд, пользуясь победою, занял города: Сутейск, Червен [129], пришел внезапно на Владимир и занял посады; но Мстислав Святополчич заперся в крепости с *засадою*, или *заставою* (гарнизоном), состоявшею из берестьян, пенян, выгошевцев [130]. Давыд осадил крепость и часто приступал к ней; однажды, когда осажденные перестреливались с осаждающими и летели стрелы, как дождь, князь Мстислав хотел также выстрелить, но в это время стрела, пройдя в скважину стенного досчатого забрала, ударила ему под пазуху, от чего он в ту же ночь умер. Три дня таили его смерть, в четвертый объявили на вече; народ сказал: «Вот князя убили; если теперь сдадимся, то Святополк погубит всех нас», и послали сказать ему: «Сын твой убит, а мы изнемогаем от голода; если не придешь, то народ хочет передаться». Святополк послал к ним воеводу своего Путяту; когда тот пришел с войском в Луцк, где стоял Святоша Давыдович, то застал у него посланцев Давыда Игоревича; Святоша поклялся последнему, что даст знать, когда пойдет на него Святополк; но теперь, испугавшись Путяты, схватил послов Давыдовых и сам пошел на него с киевским воеводою. В полдень пришли Святоша и Путята ко Владимиру, напали на сонного Давыда, начали рубить его дружину [131], а владимирцы сделали вылазку из крепости с другой стороны; Давыд побежал с племянником своим Мстиславом, а Святоша и Путята взяли город, посадили в нем посадника Святополкова Василя и разошлись: Святоша — в Луцк, а Путята — в Киев. Между тем Давыд побежал к половцам, опять встретился на дороге с Боняком и вместе с ним пришел осаждать Святошу в Луцке; Святоша заключил с ними мир и ушел к отцу в Чернигов; а Давыд взял себе Луцк, откуда пошел ко Владимиру, выгнал из него Святополкова посадника Василя и сел опять на прежнем столе своем, отпустивши племянника Мстислава на море перенимать купцов.

Под 1100 годом сообщает летописец это известие об отправлении Мстислава на море и тотчас же говорит о новом съезде всех князей в Уветичах или Витичеве [132]; собрались Святополк, Владимир, Олег и Давыд Святославичи; пришел к ним и Давыд Игоревич и сказал: «Зачем меня призвали? Вот я! Кому на меня жалоба?» Владимир отвечал ему: «Ты сам присылал к нам: хочу, говорил, братья, придти к вам и

пожаловаться на свою обиду; теперь ты пришел и сидишь с братьею на одном ковре, что же не жалуешься? На кого тебе из нас жалоба?» Давыд не отвечал на это ничего. Тогда все братья встали, сели на коней и разъехались; каждый стал особо с своею дружиною, а Давыд сидел один: никто не допустил его к себе, особо думали о нем. Подумавши, послали к нему мужей своих: Святополк — Путяту, Владимир — Орогаста и Ратибора, Давыд и Олег — Торчина; посланцы сказали Давыду от имени всех князей: «Не хотим тебе дать стола владимирского, потому что ты бросил нож между нами, чего прежде не бывало в Русской земле; мы тебя не заключим, не сделаем тебе никакого другого зла, ступай садись в Бужске и в Остроге, Святополк дает тебе еще Дубно и Чарторыйск[133], Владимир двести гривен, Давыд и Олег также двести гривен». После этого решения князья послали сказать Володарю Ростиславичу: «Возьми брата своего Василька к себе и пусть будет вам одна волость — Перемышль; если же не хочешь, то отпусти Василька к нам, мы его будем кормить; а холопов наших и смердов выдайте». Но Ростиславичи не послушались, и каждый из них остался при своем. Князья хотели было идти на них и силою принудить согласиться на общее решение; но Мономах отрекся идти с ними, не захотел нарушить клятвы, данной прежде Ростиславичам на Любецком съезде[134].

Здесь должно дополнить опущенную летописцем связь событий: мы видели, что Давыд остался победителем над Святополком, удержал за собою Владимир; Святополк, не имея возможности одолеть его, должен был обратиться к остальным двоюродным братьям, поручившим ему наказать Давыда, который с своей стороны, вероятно, прежде при неблагоприятных для себя обстоятельствах присылал также к ним с просьбою о защите от Святополка. В Витичеве 10-го августа, как сказано в летописи, братья заключили мир между собою, т. е., как видно, посредством мужей своих решили собраться всем в том же месте, и действительно собрались 30-го августа[135]. К Давыду было послано приглашение явиться; он не смел ослушаться, потому что не мог надеяться восторжествовать над соединенными силами всех князей, как прежде восторжествовал над Святополком; притом же, по некоторым известиям, князья посылали к нему с любовью, обещаясь утвердить за ним Владимир[136]; и точно, над ним произнесли мягкий приговор: схватить князя, добровольно явившегося на братское совещание, было бы вероломством, которое навсегда могло уничтожить возможность подобных съездов; отпустить его без волости значило продолжать войну: Давыд доказал, что он умел изворачиваться при самых трудных обстоятельствах, и потому решили дать ему достаточную волость, наказавши только отнятием владимир-

ского стола, который был отдан Святополку как отчина на основании любецкого решения, причем Святополк дал еще Давыду Дорогобуж, где тот и умер. Так кончилась посредством двух княжеских съездов борьба, начавшаяся при первом преемнике Ярослава и продолжавшаяся почти полвека; изгои и потомки изгоев нигде не могли утвердиться на цельных отчинах; из них только одни Ростиславичи успели укрепить за собою отдельную волость и впоследствии дать ей важное историческое значение; но потомство Вячеслава Ярославича сошло со сцены при первом поколении; потомство Игоря — при втором; после оно является в виде князьков незначительных волостей без самостоятельной деятельности; полноправными родичами явились только потомки трех старших Ярославичей после тщетной попытки включить в число изгоев потомство второго из них Святослава; его дети после долгой борьбы получили отцовское значение, отцовскую волость. Не легко было усмотреть неравенство в распределении волостей между тремя линиями, преимущество, которое получил сын Всеволода и вследствие личных достоинств и вследствие благоприятных обстоятельств: Мономах держал в своей семье Переяславскую, Смоленскую, Ростовскую и Новгородскую волости. Святополк только после Витичевского съезда получил Владимир-Волынский; но Великий Новгород, который был всегда так тесно связан с Киевом, Новгород принадлежал не ему; всех меньше была волость Святославичей: они ничего не получили в прибавок к первоначальной отцовской волости, притом же их было три брата, Святополку, как видно, очень не нравилось, что Новгород не находится в его семье; но отнять его у Мономаха без вознаграждения было нельзя; вот почему он решился пожертвовать Волынью для приобретения Новгорода и уговорился с Мономахом, что сын последнего, Мстислав, перейдет во Владимир-Волынский, а на его месте, в Новгороде, сядет Ярослав, сын Святополков, княживший до сих пор во Владимире. Но тут новгородцы в первый раз воспротивились воле князей: зависимость Новгорода от Киева была тем невыгодна для жителей первого, что все перемены и усобицы, происходившие на Руси, должны были отражаться и в их стенах: мы видели, что изгнание Изяслава из Киева необходимо повлекло перемену и в Новгороде: здесь является князем сын Святослава Глеб, но последний в свою очередь должен был оставить Новгород вследствие вторичного торжества Изяслава, который послал туда сына своего Святополка. Святополк в конце княжения Всеволода покинул Новгород для Турова, чтобы быть ближе к Киеву, и Всеволод послал в Новгород внука своего Мстислава. Потом Святополк и Мономах выводят Мстислава и посылают на его место Давыда Святославича; Давыд также оставил Новгород, и на его место приехал туда опять

Мстислав. Таким образом, в продолжение 47 лет, от 1054 до 1101 г., в Новгороде шесть раз сменялись князья: двое из них ушли сами, остальные выводились вследствие смены великих князей или ряду их с другими. Теперь, в 1102 году, князья опять требуют у новгородцев, чтобы они отпустили от себя Мстислава Владимировича и приняли на его место сына Святополкова; новгородцы решительно отказываются; при этом, вероятно, они знали, что, не исполняя волю Святополкову, они тем самым исполняют волю Мономахову, в противном случае они не могли против воли последнего удержать у себя его сына, не могли поссориться с двумя сильнейшими князьями Руси и сидеть в это время без князя. В Киеве, на княжом дворе в присутствии Святополка произошло любопытное явление: Мстислав Владимирович пришел туда в сопровождении новгородских посланцев; посланцы Мономаха объявили Святополку: «Вот Владимир прислал сына своего, а вот сидят новгородцы; пусть они возьмут сына твоего и едут в Новгород, а Мстислав пусть идет во Владимир». Тогда новгородцы сказали Святополку: «Мы, князь, присланы сюда, и вот что нам велено сказать: не хотим Святополка, ни сына его; если у твоего сына две головы, то пошли его; этого (т. е. Мстислава) дал нам Всеволод, мы его вскормили себе в князья, а ты ушел от нас» Святополк много спорил с ними; но они поставили на своем, взяли Мстислава и повели его назад в Новгород. Указание на распоряжение Всеволода, вероятно, имело тот смысл в устах новгородцев, что сами князья на Любецком съезде решили сообразоваться с последними распоряжениями его; слова, что они вскормили себе Мстислава, показывают желание иметь постоянного князя, у них выросшего, до чего именно не допускали их родовые счеты и усобицы князей; наконец, выражение: «А ты ушел от нас» — показывает неудовольствие новгородцев на Святополка за предпочтение Турова их городу и указание, что, оставив добровольно Новгород, он тем самым лишился на него всякого права.

После Витичевского съезда прекратились старые усобицы вследствие изгойства; но немедленно же начались новые, потому что и второе поколение Ярославичей имело уже своих изгоев: у Святополка был племянник — Ярослав, сын брата его Ярополка. В 1101 году он *затворился* в Бресте от дяди Святополка — ясный знак, что дядя не хотел давать ему волостей, и Ярослав насильно хотел удержать за собою хотя Брест. Святополк пошел на него, заставил сдаться и в оковах привел в Киев. Митрополит и игумены умолили Святополка оставить племянника ходить на свободе, взявши с него клятву при гробе Бориса и Глеба, вероятно, в том, что он не будет больше посягать на дядины волости и станет жить спокойно в Киеве. Но в следующем году Ярослав ушел от дяди; за ним

погнался двоюродный брат его, Ярослав Святополчич, обманом схватил его также за Брестом, на польских границах[137] и в оковах привел к отцу; на этот раз Ярополковича уже не выпускали на свободу, и он умер в заточении в том же году[138].

Знаменитый чародей Всеслав полоцкий на старости уже не беспокоил Ярославичей и дал им возможность управиться со своими делами; он умер в 1101 г. С его смертию кончилась сила Полоцкого княжества: между сыновьями его (их было человек семь) тотчас же, как видно, начались несогласия, в которые вмешались Ярославичи; так, в 1104 году встречаем известие, что Святополк посылал на Минск, на Глеба, воеводу своего Путяту, Владимир — сына своего Ярополка, а Олег сам ходил вместе с Давыдом Всеславичем — знак, что поход был предпринят для выгоды последнего, которого и прежде видим в связи с Ярославичами; поход, впрочем, кончился ничем.

Таковы были междукняжеские отношения при первом старшем князе из второго поколения Ярославичей. Теперь взглянем на отношения внешние. Мы видели, как народ на Руси боялся княжеских усобиц более всего потому, что ими могут воспользоваться поганые, половцы; видели, что и для самих князей этот страх служил также главным побуждением к миру. Южная Русь, как европейская Украйна, должна была, подобно греческим припонтийским колониям древности, стоять всегда на-стороже вооруженною. Мы видели, как несчастно в этом отношении началось княжение Святополка, который первый подал пример брачных союзов с ханами половецкими. После убиения Итларя и удачного похода русских князей в степи половцы в том же 1095 г. явились при реке Роси, границе собственной Руси с степью, и осадили Юрьев, один из городов, основанных здесь Ярославом Первым, и названный по его имени; варвары целое лето стояли под городом и едва не взяли; Святополк *омирил* их, сказано в летописи, т. е. заплатил им за мир; несмотря на то, они все оставались в пределах Руси, не уходили за Рось в степи. Юрьевцы, видя это и наскучив жить в беспрестанном страхе, выбежали из своего города и пришли в Киев, а половцы сожгли пустой Юрьев — явление замечательное, показывающее тогдашнее состояние Украйны, или Южной Руси. Святополк велел строить новый город на Витичевском холму, в 56 верстах от Киева, при Днепре, назвал его Святополчем и велел сесть в нем юрьевцам с своим епископом; нашлись и другие охотники селиться здесь из разных близких к степи мест, которых также гнал страх половецкий. В следующем, 1096 году, пользуясь отсутствием Святополка и Мономаха, воевавших на севере, с Святославичами, половцы уже не ограничились опустошением пограничных городков, но хан их Боняк, приобретший черную знаменитость в наших

летописях, явился под Киевом, опустошил окрестности, сжег княжеский загородный дом на Берестове; а на восточной стороне Днепра другой хан — Куря — пустошил окрестности Переяславля [139]. Успех Боняка и Кури прельстил и тестя Святополкова, Тугоркана: он также пришел к Переяславлю и осадил его; но в это время князья уже возвратились из похода; они выступили против половцев к Переяславлю и поразили их, причем Тугоркан с сыном и другими князьями был убит: Святополк велел поднять тело Тугорканово и погребсти в селе Берестове. Но, в то время как русские князья были заняты на восточной стороне Днепра, *шелудивый хищник* Боняк явился опять нечаянно перед Киевом; половцы едва не въехали в самый город, сожгли ближние деревни, монастыри, в том числе и монастырь Печерский: «Пришли, говорит летописец-очевидец, к нам в монастырь, а мы все спали по кельям после заутрени; вдруг подняли крик около монастыря и поставили два стяга перед воротами; мы бросились бежать задом [140] монастыря, другие взобрались на полати; а безбожные дети Измаиловы высекли ворота и пошли по кельям, выламывая двери, вынося из келий все, что ни попадалось; потом выжгли Богородичную церковь, вошли в притвор у Федосиева гроба, взяли иконы; зажгли двери, ругаясь богу и закону нашему». Тогда же зажгли двор красный, что поставил в[еликий] князь Всеволод на холму Выдубецком.

После Витичевского съезда, покончившего усобицы, князья получили возможность действовать наступательно против половцев: в 1101 году Святополк, Мономах и трое Святославичей собрались на реке Золотче, на правом берегу Днепра, чтоб идти на половцев; но те прислали послов ото всех ханов своих ко всей братьи просить мира; русские князья сказали им: «Если хотите мира, то сойдемся у Сакова» [141]; половцы явились в назначенное место и заключили мир, причем взяты были с обеих сторон заложники. Но, заключивши мир, русские князья не переставали думать о походе на варваров; мысль о походе на поганых летописец называет обыкновенно мыслию *доброю,* внушением божиим. В 1103 году Владимир стал уговаривать Святополка идти весною на поганых [142]; Святополк сказал об этом дружине, дружина отвечала: «Не время теперь отнимать поселян от поля», после чего Святополк послал сказать Владимиру: «Надобно нам где-нибудь собраться и подумать с дружиною»; согласились съехаться в Долобске (при озере того же имени), выше Киева, на левой стороне Днепра; съехались и сели в одном шатре — Святополк с своею дружиною, а Владимир с своею; долго сидели молча, наконец, Владимир начал: «Брат! Ты старший, начни же говорить, как бы нам промыслить о Русской земле?» Святополк отвечал: «Лучше ты, братец, говори первый!» Владимир сказал на это: «Как мне

говорить? Против меня будет и твоя и моя дружина, скажут: хочет погубить поселян и пашни; но дивлюсь я одному, как вы поселян жалеете и лошадей их, а того не подумаете, что станет поселянин весною пахать на лошади, и приедет половчин, ударит его самого стрелою, возьмет и лошадь, и жену, и детей, да и гумно зажжет; об этом вы не подумаете!» Дружина отвечала: «В самом деле так»; Святополк прибавил: «Я готов», и встал, а Владимир сказал ему: «Великое, брат, добро сделаешь ты Русской земле». Они послали также и к Святославичам звать их в поход: «Пойдем на половцев, либо живы будем, либо мертвы»; Давыд послушался их, но Олег велел сказать, что нездоров. Кроме этих старых князей, пошли еще четверо молодых: Давыд Всеславич полоцкий, Мстислав, племянник Давыда Игоревича волынского (изгой), Вячеслав Ярополчич, племянник Святополка (также изгой) и Ярополк Владимирович, сын Мономаха. Князья пошли с пехотою и конницею: пешие ехали в лодках по Днепру, конница шла берегом. Прошедши пороги, у Хортицкого острова пешие высадились на берег, конные сели на лошадей и шли степью четыре дня. Половцы, услыхав, что идет Русь, собрались во множестве и начали думать; один из ханов, Урусоба, сказал: «Пошлем просить мира у Руси; они станут с нами биться крепко, потому что мы много зла наделали их Земле». Молодые отвечали ему: «Если ты боишься Руси, то мы не боимся; избивши этих, пойдем в их Землю, возьмем их города, и кто тогда защитит их от нас?» А русские князья и все ратники в это время молились богу, давали обеты, кто кутью поставить, кто милостыню раздать нищим, кто в монастырь послать нужное для братии. Половцы послали впереди в сторожах Алтунопу, который славился у них мужеством; русские выслали также передовой отряд проведать неприятеля; он встретился с отрядом Алтунопы и истребил его до одного человека; потом сошлись главные полки, и русские победили, перебили 20 ханов, одного, Белдюза, взяли живьем и привели к Святополку; Белдюз начал давать за себя окуп — золото и серебро, коней и скот; Святополк послал его ко Владимиру, и тот спросил пленника: «Сколько раз вы клялись не воевать, и потом все воевали Русскую землю? Зачем же ты не учил сыновей своих и родичей соблюдать клятву, а все проливал кровь христианскую? Так будь же кровь твоя на голове твоей», и велел убить его; Белдюза рассекли на части. Потом собрались все братья, и Владимир сказал: «Сей день, его же сотвори господь, возрадуемся и возвеселимся в онь; господь избавил нас от врагов, покорил их нам, сокрушил главы змиевы и дал их брашно людям русским». Взяли тогда наши много скота, овец, лошадей, верблюдов, вежи со всякою рухлядью и рабами, захватили печенегов и торков, находившихся под властию половцев, и пришли в Русь с полоном

великим, славою и победою. Святополк думал, что надолго избавились от половцев, и велел возобновить город Юрьев, сожженный ими перед тем.

Но жив был страшный Боняк; через год он подал о себе весть, пришел к Зарубу, находившемуся на западной стороне Днепра, против трубежского устья, победил торков и берендеев. В следующем 1106 году Святополк должен был выслать троих воевод своих против половцев, опустошавших окрестности Заречьска; воеводы отняли у них полон. В 1107 году Боняк захватил конские табуны у Переяславля; потом пришел со многими другими ханами и стал около Лубен[143], на реке Суле. Святополк, Владимир, Олег с четырьмя другими князьями ударили на них внезапно с криком; половцы испугались, от страха не могли и стяга поставить и побежали: кто успел схватить лошадь — на лошади, а кто пешком; наши гнали их до реки Хороля и взяли стан неприятельский; Святополк пришел в Печерский монастырь к заутрене на Успеньев день и с радостию здоровался с братиею после победы. Несмотря, однако, на эти успехи, Мономах и Святославичи — Олег и Давыд в том же году имели съезд с двумя ханами и взяли у них дочерей замуж за сыновей своих. Поход троих князей — Святополка, Владимира и Давыда в 1110 году кончился ничем: они возвратились из города Воина[144] по причине стужи и конского падежа[145]; но в следующем году, *думою* и *похотением* Мономаха, князья вздумали навестить половцев на Дону, куда еще прежде, в 1109 году, Мономах посылал воеводу своего Дмитра Иворовича, который и захватил там половецкие вежи. Пошли Святополк, Владимир и Давыд с сыновьями, пошли они во второе воскресенье Великого поста, в пятницу дошли до Сулы, в субботу были на Хороле, где бросили сани; в крестопоклонное воскресенье пошли от Хороля и достигли Псела; оттуда пошли и стали на реке Голте, где дождались остальных воинов и пошли к Ворскле; здесь в середу целовали крест со многими слезами и двинулись далее, перешли много рек и во вторник на шестой неделе достигли Дона. Отсюда, надевши брони и выстроивши полки, пошли к половецкому городу Шаруканю, причем Владимир велел священникам своим ехать перед полками и петь молитвы; жители Шаруканя вышли навстречу князьям, поднесли им рыбу и вино; русские переночевали тут и на другой день, в среду, пошли к другому городу, Сугрову, и зажгли его; в четверг пошли с Дона, а в пятницу, 24 марта, собрались половцы, изрядили полки свои и двинулись против русских. Князья наши возложили всю надежду на бога, говорит летописец, и сказали друг другу: «Помереть нам здесь; станем крепко!» перецеловались и, возведши глаза на небо, призывали бога вышнего. И бог помог русским князьям: после жестокой битвы половцы были побеждены, и пало их много.

Весело на другой день праздновали русские Лазарево воскресение и Благовещение, а в воскресенье пошли дальше. В страстной понедельник собралось опять множество половцев, и обступили полки русские на реке Салнице. Когда полки русские столкнулись с полками половецкими, то раздался точно гром, брань была лютая, и много падало с обеих сторон; наконец, выступили Владимир и Давыд с своими полками; увидавши их, половцы бросились бежать и падали пред полком Владимировым, невидимо поражаемые ангелом; многие люди видели, как головы их летели, ссекаемые невидимою рукою. Святополк, Владимир и Давыд прославили бога, давшего им такую победу на поганых; русские взяли полона много — скота, лошадей, овец и колодников много побрали руками. Победители спрашивали пленных: «Как это вас была такая сила, и вы не могли бороться с нами, а тотчас побежали?» Те отвечали: «Как нам с вами биться? Другие ездят над вами в бронях светлых и страшных и помогают вам». Это ангелы, прибавляет летописец, от бога посланные помогать христианам; ангел вложил в сердце Владимиру Мономаху возбудить братьев своих на иноплеменников. Так, с божиею помощию, пришли русские князья домой, к своим людям со славою великою, и разнеслась слава их по всем странам дальним, дошла до греков, венгров, ляхов, чехов, дошла даже до Рима.

Мы привели известие летописца о донском походе князей на половцев со всеми подробностями, чтоб показать, какое великое значение имел этот поход для современников. Времена Святослава Старого вышли из памяти, а после никто из князей не ходил так далеко на восток, и на кого же? На тех страшных врагов, которых Киев и Переяславль не раз видели под своими стенами, от которых бегали целые города; половцы побеждены не в волостях русских, не на границах, но в глубине степей своих; отсюда понятно религиозное одушевление, с каким рассказано событие в летописи: только ангел мог внушить Мономаху мысль о таком важном предприятии, ангел помог русским князьям победить многочисленные полчища врагов: слава похода разнеслась по дальним странам; понятно, как она разнеслась на Руси и какую славу заслужил главный герой предприятия, тот князь, которому ангел вложил мысль возбудить братьев к этому походу; Мономах явился под особенным покровительством неба; пред его полком, сказано, падали половцы, невидимо поражаемые ангелом. И надолго остался Мономах в памяти народной как главный и единственный герой донского похода, долго ходило предание о том, как пил он Дон золотым шеломом, как загнал окаянных агарян за Железные ворота [146].

Так славно воспользовались князья, т. е. преимущественно Мономах, прекращением усобиц. Мы видели, что для

Руси борьба с половцами и отношения княжеские составляли главный интерес; но из отдаленных концов, с севера, запада и востока доходил слух о борьбе русских людей с другими варварами, окружавшими их со всех сторон. Новгородцы с князем своим Мстиславом ходили на чудь, к западу от Чудского озера [147]. Полоцкие и волынские князья боролись с ятвягами и латышами: иногда поражали их, иногда терпели поражение [148], наконец, на востоке младший Святославич, Ярослав бился несчастно с мордвою [149]; как видно, он княжил в Муроме.

При Святополке начинается связь нашей истории с историею Венгрии. Мы видели, какое значение для западных славянских народов имело вторжение венгров и утверждение их в Паннонии на развалинах Моравского государства. Любопытно читать у императора Льва Мудрого описание, каким образом венгры вели войну, потому что здесь находим мы объяснение наших летописных известий о венграх, равно как и о половцах: «Венгры, говорит Лев, с младенчества привыкают к верховой езде и не любят ходить пешком; на плечах носят они длинные копья, в руках — луки, и очень искусны в употреблении этого оружия. Привыкши стреляться с неприятелем, они не любят рукопашного боя; больше нравится им сражаться издали. В битве разделяют они свое войско на малые отряды, которые становят в небольшом расстоянии друг от друга». Мы видели, что именно так, *заступами* расположили они свое войско в битве с Давыдом Игоревичем и Боняком половецким. В конце X века прекращает эта кочевая орда свои опустошительные набеги на соседей и начинает привыкать к оседлости, гражданственности, которая проникла к венграм вместе с христианством: в 994 году князь Гейза вместе с сыном своим принял крещение; этот сын его, св. Стефан, хотел дать новой религии окончательное торжество, для чего повестил, чтоб всякий венгерец немедленно крестился; но следствием такого приказа было сильное восстание язычников, которое кончилось только после поражения, претерпенного ими в кровопролитной битве против войска княжеского. По смерти бездетного Стефана, первого короля Венгрии, начинаются усобицы между разными князьями из Арпадовой династии; этими усобицами пользуются императоры немецкие, чтоб сделать венгерских королей своими вассалами; пользуются вельможи, чтоб усилить свою власть на счет королевской, наконец, пользуется язычество, чтоб восстать еще несколько раз против христианства. Только в конце XI века, при королях Владиславе Святом и Коломане, Венгрия начинает отдыхать от внутренних смут и вместе усиливаться на счет соседей, вмешиваться в их дела; вот почему мы видели Коломана в союзе с Святополком, против Давыда и Ростиславичей. Союз Коломана с Свято-

полком был даже скреплен браком одного из королевичей венгерских на Предславе, дочери князя киевского. Сам Коломан незадолго перед смертью женился на дочери Мономаховой, Евфимии; но через год молодая королева была обвинена в неверности и отослана к отцу в Русь, где родила сына Бориса, так долго беспокоившего Венгрию своими притязаниями. Коломан умер в начале 1114 года, оставив престол сыну своему, Стефану II.

В начале 1113 года видели в Киеве солнечное затмение: небесное знамение предвещало смерть Святополкову, по словам летописца: князь умер 16 апреля, недолго переживши Давыда Игоревича, умершего в мае 1112 года. По Святополке плакали бояре и дружина его вся, говорит летописец, но о плаче народном не упоминает ни слова; княгиня его раздала много богатства по монастырям, попам, нищим, так что все дивились: никогда не бывало такой милостыни; Святополк был благочестив: когда шел на войну или куда-нибудь, то заходил прежде в Печерский монастырь поклониться гробу св. Феодосия и взять молитву у игумена; несмотря на то, летописец не прибавил ни слова в похвалу его, хотя любит сказать что-нибудь доброе о каждом умершем князе. В житиях святых печерских находим дополнительные известия, которые объясняют нам причину молчания летописца: однажды вздорожала соль в Киеве; иноки Печерского монастыря помогали народу в такой нужде; Святополк, узнав об этом, пограбил соль у монахов, чтоб продать ее самому дорогою ценою; игумен Иоанн обличал ревностно его корыстолюбие и жестокость: князь заточил обличителя, но потом возвратил из опасения вооружить против себя Мономаха. Сын Святополка, Мстислав, был похож на отца: однажды разнеслась весть, что двое монахов нашли клад в пещере; Мстислав мучил без пощады этих монахов, выпытывая у них, где клад. Этот Мстислав был рожден от наложницы [150], которая, по некоторым известиям [151], имела сильное влияние на бесхарактерного Святополка. При нем, говорит автор житий, много было насилия от князя людям; домы вельмож без вины искоренил, имение у многих отнял; великое было тогда нестроение и грабеж беззаконный [152].

Таково было княжение Святополка для киевлян. Легко понять, что племя Изяславово потеряло окончательно народную любовь на Руси; дети Святослава никогда не пользовались ею: мы видели, какую славу имел Олег Гориславич в народе; в последнее время он не мог поправить ее, не участвуя в самых знаменитых походах других князей. Старший брат его, Давыд [153], был лицо незначительное; если он сделал менее зла Русской земле, чем брат его, то, как видно, потому, что был менее его деятелен; но если бы даже Давыд и имел большое значение, то оно исчезало пред значением Мономаха,

который во все княжение Святополка стоял на первом плане; от него одного только народ привык ждать всякого добра; мы видели, что в летописи он является любимцем неба, действующим по его внушению, и главным зачинателем добрых предприятий; он был старшим на деле; любопытно, что летописец при исчислении князей постоянно дает ему второе место после Святополка, впереди Святославичей: могли ли они после того надеяться получить старшинство по смерти Святополковой? При тогдашних неопределенных отношениях, когда княжил целый род, странно было бы ожидать, чтоб Святополково место занято было кем-нибудь другим, кроме Мономаха. Мы видели, как поступили новгородцы, когда князья хотели вывести из города любимого ими Мстислава; также поступают киевляне по смерти Святополка, желая видеть его преемником Мономаха. Они собрали вече, решили, что быть князем Владимиру, и послали к нему объявить об этом [154]: «Ступай, князь, на стол отцовский и дедовский», — говорили ему послы. Мономах, узнав о смерти Святополка, много плакал и не пошел в Киев: если по смерти Всеволода он не пошел туда, уважая старшинство Святополка, то ясно, что и теперь он поступал по тем же побуждениям, уважая старшинство Святославичей. Но у киевлян были свои расчеты: они разграбили двор Путяты тысяцкого за то, как говорит одно известие [155], что Путята держал сторону Святославичей, потом разграбили дворы сотских и жидов; эти слова летописи подтверждают то известие, что Святополк из корыстолюбия дал большие льготы жидам, которыми они пользовались в ущерб народу и тем возбудили против себя всеобщее негодование. После грабежа киевляне послали опять к Владимиру с такими словами: «Приходи, князь, в Киев; если же не придешь, то знай, что много зла сделается: ограбят уже не один Путятин двор или сотских и жидов, но пойдут на княгиню Святополкову, на бояр, на монастыри, и тогда ты, князь, дашь богу ответ, если монастыри разграбят». Владимир, услыхавши об этом, пошел в Киев; навстречу к нему вышел митрополит с епископами и со всеми киевлянами, принял его с честью великою, все люди были рады, и мятеж утих.

Так после первого же старшего князя во втором поколении нарушен уже был порядок первенства вследствие личных достоинств сына Всеволодова, племя Святославово потеряло старшинство, должно было ограничиться одною Черниговскою волостию, которая таким образом превращалась в отдельную от остальных русских владений отчину, подобно Полоцкой отчине Изяславичей. На первый раз усобицы не было: Святославичам нельзя было спорить с Мономахом; но они затаили обиду свою только на время.

В непосредственной связи с приведенными обстоятельствами избрания Мономахова находится известие, что Владимир тотчас по вступлении на старший стол собрал мужей своих, Олег Святославич прислал также своего мужа, и порешили ограничить росты [516]; очень вероятно, что жиды с позволения Святополкова пользовались неумеренными ростами, за что и встал на них народ [157].

Святославичи не предъявляли своих прав, с ними не было войны; несмотря на то, и княжение Мономаха не обошлось без усобиц. Мы видели еще при Святополке поход князей на Глеба Всеславича минского; этот князь, как видно, наследовал дух отца своего и деда и вражду их с Ярославичами: он не побоялся подняться на сильного Мономаха, опустошил часть земли дреговичей, принадлежавшую Киевскому княжеству, сжег Слуцк [158], и когда Владимир посылал к нему с требованием, чтоб унялся от насилий, то он не думал раскаиваться и покоряться, но отвечал укоризнами. Тогда Владимир в 1116 году, надеясь на бога и на правду, по выражению летописца, пошел к Минску с сыновьями своими, Давыдом Святославичем и сыновьями Олеговыми. Сын Мономаха, Вячеслав, княживший в Смоленске, взял Оршу и Копыс; Давыд с другим сыном Мономаховым, Ярополком, княжившим в Переяславле, на отцовском месте, взяли Друцк приступом, а сам Владимир пошел к Минску и осадил в нем Глеба. Мономах решился взять Минск, сколько бы ни стоять под ним, и для того велел у стана строить прочное жилье (избу); Глеб, увидав приготовление к долгой осаде, испугался и начал слать послов с просьбами: Владимир, не желая, чтоб христианская кровь проливалась великим постом, дал ему мир; Глеб вышел из города с детьми и дружиною, поклонился Владимиру и обещался во всем его слушаться; тот, давши ему наставление, как вперед вести себя, возвратил ему Минск и пошел назад в Киев; но сын его Ярополк переяславский не думал возвращать свой плен, жителей Друцка; тяготясь более других князей малонаселенностью своей степной волости, так часто опустошаемой половцами, он вывел их в Переяславское княжество и срубил для них там город Желни [159]. Минский князь, как видно, недолго исполнял наказ Владимиров: в 1120 году у Глеба отняли Минск и самого привели в Киев, где он в том же году и умер [160].

Другая усобица происходила на Волыни. Мы видели, что Владимир жил дружно с Святополком; последний хотел еще более скрепить эту дружбу, которая могла быть очень выгодна для сына его Ярослава, и женил последнего на внучке Мономаховой, дочери Мстислава новгородского. Но самый этот брак, если не был единственною, то по крайней мере одною из главных причин вражды между Ярославом и Мономахом. Под 1118 годом встречаем известие, что Мономах

ходил войною на Ярослава к Владимиру-Волынскому вместе с Давыдом Святославичем, Володарем и Васильком Ростиславичами. После двухмесячной осады Ярослав покорился, ударил челом перед дядею; тот дал ему наставление, велел приходить к себе по первому зову и пошел назад с миром в Киев. В некоторых списках летописи прибавлено, что причиною похода Мономахова на Ярослава было дурное обращение последнего с женою своею[161], известие очень вероятное, если у Ярослава были наследственные от отца наклонности. Но есть еще другое известие, также очень вероятное, что Ярослав был подучаем поляками ко вражде с Мономахом и особенно с Ростиславичами. Мы видели прежде вражду последних с поляками, которые не могли простить Васильку его опустошительных нападений и завоеваний; Ярослав, подобно отцу, не мог забыть, что волость Ростиславичей составляла некогда часть Волынской волости: интересы, следовательно, были одинакие и у польского и у волынского князя; но, кроме того, их соединяла еще родственная связь. Мы видели, что еще на Брестском съезде между Владиславом-Германом и Святополком было положено заключить брачный союз: дочь Святополкову Сбыславу выдали за сына Владиславова, Болеслава Кривоустого; но брак был отложен по малолетству жениха и невесты. В 1102 году умер Владислав-Герман, еще при жизни своей разделивши волости между двумя сыновьями — законным Болеславом и незаконным Збигневом. Когда вельможи спрашивали у него, кому же из двоих сыновей он дает старшинство, то Владислав отвечал: «Мое дело разделить волости, потому что я стар и слаб; но возвысить одного сына перед другим или дать им правду и мудрость может только один бог. Мое желание — чтоб вы повиновались тому из них, который окажется справедливее другого и доблестнее при защите родной земли». Эти слова, приводимые польским летописцем, очень замечательны: они показывают всю неопределенность в понятиях о порядке наследства, какая господствовала тогда в славянских государствах. Лучшим между братьями оказался Болеслав, который вовсе не был похож на отца, отличался мужеством, деятельностию. Болеслав остался верен отцовскому договору с Святополком, женился на дочери последнего — Сбыславе[162] и вследствие этого родственного союза Ярослав волынский постоянно помогал Болеславу в усобице его с братом Збигневом[163]; нет ничего странного, следовательно, что князья польский и волынский решились действовать вместе против Ростиславичей. Но мог ли Мономах спокойно смотреть на это, тем более что он находился с Ростиславичами в родственной связи: сын его Роман был женат на дочери Володаря· ясно, что он должен был вступиться за последнего и за брата его; сначала, говорит то же известие,

он посылал уговаривать Ярослава, потом звал его на суд пред князей[164], наконец, когда Ярослав не послушался, пошел на него войною, исход которой мы изложили по дошедшим до нас летописям. В них встречаем еще одно важное известие, что перед походом на Ярослава Мономах перезвал из Новгорода старшего сына своего Мстислава и посадил его подле себя, в Белгороде: это могло заставить Ярослава думать, что Мономах хочет по смерти своей передать старшинство сыну своему, тогда как Мономах мог это сделать именно вследствие неприязненного поведения Ярослава. Принужденная покорность последнего не была продолжительна: скоро он прогнал свою жену, за что Мономах выступил вторично против него; разумеется, Ярослав мог решиться на явный разрыв, только собравши значительные силы и в надежде на помощь польскую и венгерскую, потому что и с королем венгерским он был также в родстве; но собственные бояре отступили от волынского князя, и он принужден был бежать сперва в Венгрию, потом в Польшу. Мономах посадил во Владимире сперва сына своего Романа, а потом, по смерти его, другого сына — Андрея. Что эти события были в связи с польскою войною, доказательством служит поход нового владимирского князя Андрея с половцами в Польшу в 1120 году. В следующем году Ярослав с поляками подступил было к Червеню; Мономах принял меры для безопасности пограничных городов: в Червени сидел знаменитый муж Фома Ратиборович, который и заставил Ярослава возвратиться ни с чем. Для поляков, как видно, самым опасным врагом был Володарь Ростиславич, который не только водил на Польшу половцев, но был в союзе с другими опасными ее врагами, поморянами и пруссаками. Не будучи в состоянии одолеть его силою, поляки решились схватить его хитростию. В то время при дворе Болеслава находился знаменитый своими похождениями Петр Власт, родом, как говорят, из Дании. В совете, который держал Болеслав по случаю вторжений Володаря, Власт объявил себя против открытой войны с этим князем, указывал на связь его с половцами, поморянами, пруссаками, которые все в одно время могли напасть на Польшу, и советовал схватить Ростиславича хитростию, причем предложил свои услуги. Болеслав принял предложение, и Власт отправился к Володарю в сопровождении тридцати человек, выставил себя изгнанником, заклятым врагом польского князя и успел приобресть полную доверенность Ростиславича. Однажды оба они выехали на охоту; князь, погнавшись за зверем, удалился от города, дружина его рассеялась по лесу, подле него остался только Власт с своими; они воспользовались благоприятною минутою, бросились на Володаря, схватили и умчали к польским границам[165] Болеслав достиг своей цели: Василько Ростиславич

отдал всю свою и братнюю казну, чтоб освободить из плена Володаря; но, что было всего важнее, Ростиславичи обязались действовать заодно с поляками против всех врагов их: иначе мы не можем объяснить присутствие обоих братьев в польском войске во время похода его на Русь в 1123 году. В этот год Ярослав пришел под Владимир с венграми, поляками, чехами, обоими Ростиславичами — Володарем и Васильком; было у него множество войска, говорит летописец. Во Владимире сидел тогда сын Мономахов Андрей, сам Мономах собирал войска в Киевской волости, отправив наперед себя ко Владимиру старшего сына Мстислава с небольшим отрядом; но и тот не успел придти, как осада была уже снята. В воскресенье рано утром подъехал Ярослав самтретей к городским стенам и начал кричать Андрею и гражданам: «Это мой город; если не отворитесь, не выйдете с поклоном, то увидите: завтра приступлю к городу и возьму его». Но в то время, когда он еще ездил под городом, из последнего вышли тихонько два поляка, без сомнения, находившиеся в службе у Андрея [166], что тогда было дело обыкновенное, и спрятались при дороге; когда Ярослав возвращался от города мимо их, то они вдруг выскочили на дорогу и ударили его копьем; чуть-чуть живого успели примчать его в стан, и в ночь он умер. Король венгерский Стефан II решился было продолжать осаду города, но вожди отдельных отрядов его войска воспротивились этому, объявили, что не хотят без цели проливать кровь своих воинов, вследствие чего все союзники Ярославовы разошлись по домам, отправив послов ко Владимиру с просьбою о мире и с дарами. Летописец распространяется об этом событии: «Так умер Ярослав, — говорит он, — одинок при такой силе; погиб за великую гордость, потому что не имел надежды на бога, а надеялся на множество войска; смотри теперь, что взяла гордость? Разумейте, дружина и братья, по ком бог: по гордом или по смиренном? Владимир, собирая войско в Киеве, плакался пред богом о насильи и гордости Ярославовой; и была великая помощь божия благоверному князю Владимиру за честное его житие и за смирение; а тот молодой гордился против деда своего, и потом опять против тестя своего Мстислава». Эти слова замечательны, во-первых, потому, что в них высказывается современный взгляд на междукняжеские отношения: Ярослав в глазах летописца виноват тем, что. будучи молод, гордился перед дядею и тестем, — чисто родовые отношения, за исключением всяких других. Во-вторых, очень замечательны слова об отношениях Ярослава к Мстиславу: Ярослав выставляется молодым пред Мстиславом, порицается за гордость пред ним: не заключают ли эти слова намека на столкновение прав тестя и зятя на старшинство? не заключалась ли гордость Ярослава преимущественно в том, что он, будучи молод

и зять Мстиславу, вздумал выставлять права свои перед ним, как сын старшего из внуков Ярославовых? Нам кажется это очень вероятным. Как бы то ни было, однако и самая старшая линия в Ярославовом потомстве потеряла право на старшинство смертию Ярослава; если и последний, по мнению летописца, был молод пред Мстиславом, то могли ли соперничать с ним младшие братья Ярославовы, Изяслав и Брячислав: оба они умерли в 1127 году[167]; потомство Святополково вместе с Волынью лишилось и Турова, который также отошел к роду Мономахову; за Святополковичами остался здесь, как увидим после, один Клецк. Наконец, заметим, что Мономаху и племени его везде благоприятствовало народное расположение: Ярослав не мог противиться Мономаху во Владимире; бояре отступили от него, и когда он пришел с огромным войском под Владимир, то граждане не думали отступать от сына Мономахова.

Так кончились при Владимире междукняжеские отношения и соединенные с ними отношения польские. Касательно других европейских государств при Мономахе останавливают нас летописные известия об отношениях греческих. Дочь Мономаха Мария была в замужестве за Леоном, сыном императора греческого Диогена; известны обычные в Византии перевороты, которые возвели на престол дом Комненов в ущерб дома Диогенова. Леон, без сомнения, не без совета и помощи тестя своего, русского князя, вздумал в 1116 году вооружиться на Алексея Комнена и добыть себе какую-нибудь область; несколько дунайских городов уже сдались ему; но Алексей подослал к нему двух арабов, которые коварным образом умертвили его в Доростоле. Владимир хотел по крайней мере удержать для внука своего Василия приобретения Леоновы и послал воеводу Ивана Войтишича, который посажал посадников по городам дунайским; но Доростол захвачен был уже греками: для его взятия ходил сын Мономаха Вячеслав с воеводою Фомою Ратиборовичем на Дунай, но принужден был возвратиться без всякого успеха[168]. По другим известиям, русское войско имело успех во Фракии, опустошило ее, и Алексей Комнен, чтобы избавиться от этой войны, прислал с мирными предложениями к Мономаху Неофита, митрополита ефеского и других знатных людей, которые поднесли киевскому князю богатые дары — крест из животворящего древа, венец царский, чашу сердоликовую, принадлежавшую императору Августу, золотые цепи и проч., причем Неофит возложил этот венец на Владимира и назвал его царем[169]. Мы видели, что царственное происхождение Мономаха по матери давало ему большое значение, особенно в глазах духовенства; в памятниках письменности XII века его называют *царем*[170]; какую связь имело это название с вышеприведенным известием — было ли его причиною или

следствием, решить трудно; заметим одно, что известие это не заключает в себе ничего невероятного; очень вероятно также, что в Киеве воспользовались этим случаем, чтоб дать любимому князю и детям его еще более прав на то значение, которое они приобрели в ущерб старшим линиям. Как бы то ни было, мы не видим после возобновления военных действий с греками и под 1122 годом встречаем известие о новом брачном союзе внучки Мономаховой, дочери Мстислава, с одним из князей династии Комненов[171].

Мы вправе ожидать, что половцам и другим степным ордам стало не легче, когда Мономах сел на старшем столе русском. Узнавши о смерти Святополка, половцы явились было на восточных границах[172]; но Мономах, соединившись с Олегом, сыновьями своими и племянниками, пошел на них и принудил к бегству. В 1116 году видим опять наступательное движение русских: Мономах послал сына своего Ярополка, а Давыд — сына своего Всеволода на Дон, и князья эти взяли у половцев три города. Ряд удачных походов русских князей, как видно, ослабил силы половцев и дал подчиненным торкам и печенегам надежду освободиться от их зависимости; они встали против половцев и страшная резня происходила на берегах Дона: варвары секлись два дня и две ночи, после чего торки и печенеги были побеждены, прибежали в Русь и были поселены на границах. Но движения в степях не прекращались: в следующем году пришли в Русь беловежцы, также жители донских берегов; так русские границы населялись варварскими народами разных названий, которые будут играть важную роль в нашем дальнейшем рассказе; но сначала, как видно, эти гости были очень беспокойны, не умели отвыкнуть от своих степных привычек и уживаться в ладу с оседлым народонаселением: в 1120 г[оду] Мономах принужден был выгнать берендеев из Руси, а торки и печенеги бежали сами. Ярополк после того ходил на половцев за Дон, но не нашел их там: недаром предание говорит, что Мономах загнал их на Кавказ. Новгородцы и псковичи продолжали воевать с чудью на запад от Чудского озера: в 1116 г[оду] Мстислав взял город Оденпе, или Медвежью голову, погостов побрал бесчисленное множество и возвратился домой с большим полоном; сын его Всеволод в 1122 году ходил на финское племя ямь и победил его; но дорога была трудна по дороговизне хлеба[173]. На северо-востоке борьба с иноплеменниками шла также удачно: прежде мы встречали известия о поражениях, которые претерпевали муромские волости от болгар и мордвы, но теперь под 1120 годом читаем, что сын Мономахов, Юрий, посаженный отцом в Ростовской области, ходил по Волге на болгар, победил их полки, взял большой полон и пришел назад с честью и славою.

Так во всех концах русских волостей оправдались надежды народа на благословенное княжение Мономаха. После двенадцатилетнего правления в Киеве, в 1125 году, умер Мономах, просветивший Русскую землю, как солнце, по выражению летописца; слава его прошла по всем странам, особенно же был он страшен поганым; был он братолюбец и нищелюбец и добрый страдалец (труженик) за Русскую землю. Духовенство плакало по нем как по святом и добром князе, потому что много почитал он монашеский и священнический чин, давал им все потребное, церкви строил и украшал; когда входил в церковь и слышал пение, то не мог удержаться от слез, потому-то бог и исполнял все его прошения и жил он в благополучии; весь народ плакал по нем, как плачут дети по отце или по матери[174].

Рассмотревши деятельность второго поколения Ярославичей, взглянем и на деятельность дружинников княжеских. Мы видели, что с приходом Святополка из Турова в Киев в последнем городе явились две дружины: старая, бывшая при Изяславе и Всеволоде, и новая, приведенная Святополком. Мы заметили, что летописец явно отдает предпочтение старой пред новою: члены первой являются у него людьми разумными, опытными, члены второй называются несмысленными. Любопытно заметить также при этом, что члены старой дружины, люди разумные, держатся постоянно Мономаха и его думы. Из них на первом месте у летописца является Ян Вышатич, которого деятельность видели мы при первом поколении; в последний раз является Ян под 1106 годом, когда он вместе с братом своим Путятою и Иваном Захарьичем прогнал половцев и отнял у них полон. Вслед за этим встречаем известие о смерти Яна, старца доброго, жившего лет 90: «жил он по закону божию, — говорит летописец, — не хуже первых праведников, от него и я слышал много рассказов, которые и внес в летопись». Трудно решить, разумел ли здесь летописец нашего Вышатича или другого какого-нибудь Яна; кажется в первом случае он прибавил бы что-нибудь и о его гражданских подвигах. Гораздо чаще упоминается имя брата Янова, Путяты, который был тысяцким при Святополке в Киеве; вы видели, что при Всеволоде был киевским тысяцким Ян; каким образом эта должность перешла к младшему брату от старшего при жизни последнего, мы не знаем; любопытно одно, что это звание сохраняется в семье Вышаты, тысяцкого Ярославова. Деятельность Путяты мы видели в войне Святополка с Давыдом волынским, на Витичевском съезде, в походе на половцев в 1106 году; наконец, по смерти Святополка видим, что народ грабит дом Путяты за приверженность его к Святославичам; можно думать, что не столько личная привязанность к этому роду могла руководить поведением Путяты, сколько привязанность

к обычному порядку старшинства, нарушение которого неминуемо влекло за собою смуту и усобицы. Кроме братьев Вышатичей — Яна и Путяты, из мужей Святополковых, бояр киевских, упоминаются: Василь, Славата, Иванко Захарьич, Козарин. После Всеволода муж его Ратибор, которого мы видели посадником в Тмутаракани, не остался в Киеве, но перешел к Мономаху, у которого в Переяславле пользовался большим значением, что видно из рассказа об убийстве половецких ханов; потом мы видим его на Витичевском съезде; наконец, когда Мономах занял старший стол, Ратибор сделался тысяцким в Киеве, на место Путяты: в этом звании он участвует в перемене устава о ростах вместе с Прокопием, белогородским тысяцким, Станиславом (Тукиевичем) переяславским, и еще двумя мужами — Нажиром и Мирославом; здесь в другой раз замечаем, что перемена в земском уставе делается в совете тысяцких разных городов, встречаем имена двоих сыновей Ратиборовых — Ольбега и Фомы; кроме них, еще имена двоих воевод Мономаховых — Дмитра Иворовича и Ивана Войтишича, первого в походе на половцев за Дон, второго на греков к Дунаю, наконец, Орогоста, действовавшего вместе с Ратибором на Витичевском съезде. Из черниговских бояр у Святославичей встречаем имена: Торчина при рассказе о Витичевском съезде и Иванка Чудиновича, бывшего при перемене устава о ростах; если этот Иванко сын Чудина, боярина Изяславова, то любопытно, что сын очутился в дружине Святославичей. Из волынских бояр встречаем имена Туряка, Лазаря и Василя, выставленных главными виновниками ослепления Василька. Что касается до происхождения членов княжеской дружины, то имена Торчина, боярина Святославичей черниговских, и Козарина, боярина Святополкова, ясно на него указывают; имена прислуги княжеской — Торчина, овчаря Святополкова, Бяндука, отрока Мономахова, Кульмея, Улана и Колчка, отроков Давыда волынского, могут указывать также на варварское происхождение.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

СОБЫТИЯ ПРИ ПРАВНУКАХ ЯРОСЛАВА I, БОРЬБА ДЯДЕЙ С ПЛЕМЯННИКАМИ В РОДЕ МОНОМАХА И БОРЬБА СВЯТОСЛАВИЧЕЙ С МОНОМАХОВИЧАМИ ДО СМЕРТИ ЮРИЯ ВЛАДИМИРОВИЧА ДОЛГОРУКОГО (1125—1157)

Сыновья Мономаха. — Мстислав, великий князь. — Усобица между Святославичами черниговскими. — Княжество Муромское. — Присоединение Полоцка к волостям Мономаховичей. — Война с половцами, чудью и литвою. — Смерть великого князя Мстислава Владимировича. — Брат его Ярополк — великим князем. — Начало борьбы дядей с племянниками в племени Мономаховом. — Святославичи черниговские вмешиваются в эту борьбу. — События в Новгороде Великом. — Смерть Ярополка Владимировича. — Всеволод Ольгович черниговский изгоняет Вячеслава Владимировича из Киева и утверждается здесь. — Отношения между Мономаховичами; война с ними Всеволода Ольговича. — Отношения его к родным и двоюродным братьям. — Ростиславичи галицкие — Война великого князя Всеволода с Владимирком Володаревичем галицким. — Князья городенские, полоцкие, муромские. — События в Новгороде Великом. — Вмешательство русских князей в дела польские. — Морской разбой шведов. — Борьба русских с финнами и половцами. — Предсмертные распоряжения великого князя Всеволода Ольговича. — Смерть его. — Изгнание из Киева Игоря Ольговича. — Изяслав Мстиславич Мономашич княжит в Киеве. — Плен Игоря Ольговича. — Раздор между Святославичами черниговскими. — Союз Изяслава Мстиславича с Давыдовичами черниговскими; союз Святослава Ольговича с Юрием Владимировичем Мономашичем, князем ростовским, против Изяслава Мстиславича — Первое упоминовение о Москве. — Отступление Давыдовичей черниговских от Изяслава Мстиславича. — Киевляне убивают Игоря Ольговича. — Мир Изяслава Мстиславича с Святославичами черниговскими. — Сын Юрия ростовского, Ростислав, переходит к Изяславу Мстиславичу. — Изяслав в Новгороде Великом; поход его на волости дяди Юрия. — Изгнание Ростислава Юрьевича из Киева. — Движение отца его, Юрия, на юг. — Победа Юрия над племянником Изяславом и занятие Киева. — За Изяслава вступаются венгры и поляки; галицкий князь Владимирко за Юрия. — Подвиги сына Юриева, Андрея. — Он хлопочет о мире между отцом своим и Изяславом Мстиславичем. — Непродолжительность мира. — Изяслав изгоняет Юрия из Киева, но должен уступить старшинство другому дяде, Вячеславу. — Война Изяслава с Владимирком галицким. — Юрий изгоняет Вячеслава и Изяслава из Киева. — Изяслав с венграми опять изгоняет Юрия из Киева и опять отдает старшинство Вячеславу, под именем которого княжит в Киеве. — Продолжение борьбы Изяслава с Юрием — Битва на реке Руте и поражение Юрия, который принужден оставить юг. — Два других неудачных похода его на юг. — Война Изяслава Мстиславича в союзе с венгерским королем против Владимирка галицкого. — Клятвопреступление и смерть Владимирка. — Война

Изяслава с сыном Владимирковым, Ярославом. — Смерть Изяслава, его характер. — Вячеслав вызывает к себе в Киев брата Изяславова, Ростислава, из Смоленска — Смерть Вячеслава. — Ростислав уступает Киев Изяславу Давыдовичу черниговскому. — Юрий ростовский заставляет Давыдовича выехать из Киева и сам окончательно утверждается здесь. — Усобицы между Святославичами в Черниговской волости и Мономаховичами на Волыни. — Союз князей против Юрия. — Смерть его. — События полоцкие, муромские, рязанские, новгородские. — Борьба с половцами и финскими племенами. — Дружина.

По смерти Мономаха на киевском столе сел старший сын его Мстислав; соперников ему быть не могло: Олег и Давыд Святославичи умерли еще при жизни Мономаха; в Чернигове сидел младший брат их, Ярослав, но этот незначительный князь не мог удержать старшинства и в собственном роде; еще менее мог спорить с Мстиславом Брячислав Святополкович, княживший неизвестно в каком городке в пинских волостях. Но и более сильные соперники не могли быть страшны Мстиславу при народном расположении к роду Мономахову, тем более что Мстислав походил во всем на знаменитого отца своего. Недаром летописец, начиная рассказ о княжении Мстислава, говорит, что этот князь еще в молодости победил дядю своего Олега[175]: таким образом, в личных достоинствах Мономахова сына старались находить оправдание тому, что он отстранял старшее племя Святославово[176].

Кроме Мстислава, после Мономаха оставалось еще четверо сыновей: Ярополк, Вячеслав, Георгий, Андрей; Ярополк еще при отце получил стол переяславский[177] и остался на нем при брате; Ярополк был на своем месте, потому что отличался храбростию, необходимою для переяславского князя, обязанного постоянно биться с степными варварами. Третий брат Вячеслава княжил сперва в Смоленске, а потом переведен был в Туров; Георгий издавна княжил в Ростовской области[178]; Андрей — во Владимире на Волыни. В Новгороде сидел старший сын Мстислава — Всеволод; в Смоленске — третий сын его, Ростислав; где же был второй, Изяслав? Должно думать, что где-нибудь подле Киева: он также отличался храбростию и потому нужен был отцу для рати; скоро нашлась ему и волость и деятельность.

В Чернигове произошло важное явление: сын Олега, Всеволод напал врасплох на дядю своего Ярослава, согнал его с старшего стола, дружину его перебил и разграбил. В самом занятии киевского стола Мстиславом мимо Ярослава Святославича, который приходился ему дядею, Всеволод мог уже видеть пример и оправдание своего поступка: если Ярослав потерял старшинство в целом роде, то мог ли он сохранять его в своей линии? Как бы то ни было, Мстислав не хотел сначала терпеть такого нарушения старшинства дядей, тем более что, как видно, он обязался клятвенным договором

поддерживать Ярослава в Чернигове. Вместе с братом Ярополком Мстислав собрал войско, чтобы идти на Всеволода; тот не мог один противиться Мономаховичам и послал за половцами, а дядю Ярослава отпустил из неволи в Муром. Половцы явились на зов Всеволода в числе 7000 и стали за рекою Вырем [179] у Ратимировой дубравы: но послы их, отправленные к Всеволоду, были перехвачены на реке Локне [180] и приведены к Ярополку, потому что последний успел захватить все течение реки Сейма, посадил по всем городам своих посадников, а в Курске — племянника Изяслава Мстиславича. Половцы, не получая вести из Чернигова, испугались и побежали назад; это известие очень замечательно: оно показывает, как варвары стали робки после задонских походов Мономаха, сыновей и воевод его. После бегства половцев Мстислав еще больше начал стеснять Всеволода: «Что взял? — говорил он ему, — навел половцев, что же, помогли они тебе?» Всеволод стал упрашивать Мстислава, подучивал его бояр, подкупал их дарами, чтоб просили за него, и таким образом провел все лето. Зимою пришел Ярослав из Мурома в Киев и стал также кланяться Мстиславу и упрашивать: «Ты мне крест целовал, пойди на Всеволода»; а Всеволод, с своей стороны, еще больше упрашивал. В это время в киевском Андреевском монастыре был игумном Григорий, которого очень любил Владимир Мономах, да и Мстислав и весь народ очень почитали его. Этот-то Григорий все не давал Мстиславу встать ратью на Всеволода за Ярослава; он говорил: «Лучше тебе нарушить клятву, чем пролить кровь христианскую». Мстислав не знал, что ему делать? Митрополита тогда не было в Киеве, так он созвал собор из священников и передал дело на их решение; те отвечали: «На нас будет грех клятвопреступления». Мстислав послушался их, не исполнил своего обещания Ярославу и после раскаивался в том всю жизнь. На слова Григория и на приговор собора можно смотреть, как на выражение общего народного мнения: граждане не терпели княжеских усобиц и вообще войн, не приносивших непосредственной пользы, не имевших целью защиты края; но какая охота была киевлянам проливать свою кровь за нелюбимого Святославича? Со стороны же Мстислава, кроме решения духовенства, побуждением к миру со Всеволодом могла служить также и родственная связь с ним: за ним была дочь его. Как бы то ни было, племянник удержал за собою старший стол вопреки правам дяди, но эта удача была, как увидим, первою и последнею в нашей древней истории. Для Мономаховичей событие это не осталось, впрочем, без материальной выгоды: они удержали Курск и все Посемье, и это приобретение было для них очень важно, потому что затрудняло сообщение Святославичей с половцами. Ярослав должен был идти назад в Муром

и остаться там навсегда; потомки его явились уже изгоями относительно племени Святославова, потеряли право на старшинство, должны были ограничиться одною Муромскою волостию, которая вследствие этого отделилась от Черниговской. Таким образом, и на востоке от Днепра образовалась отдельная княжеская волость, подобная Полоцкой и Галицкой на западе.

Покончивши с черниговскими, в том же 1127 году Мстислав послал войско на князей полоцких: есть известие, что они не переставали опустошать пограничные волости Мономаховичей[181]. Мстислав послал войска четырьмя путями: братьев — Вячеслава из Турова, Андрея — из Владимира; сына Давыда Игоревича, Всеволодка[182], зятя Мономахова — из Городна и Вячеслава Ярославича[183] — из Клецка; этим четверым князьям велел идти к Изяславлю; Всеволоду Ольговичу черниговскому велел идти с братьями на Стрежев к Борисову, туда же послал известного воеводу своего Ивана Войтишича с торками; свой полк отправил под начальством сына Изяслава к Лагожску[184], а другого сына, Ростислава, с смольнянами — на Друцк. В Полоцке сидел в это время тот самый Давыд Всеславич, которого прежде мы видели в союзе с Ярославичами против Глеба минского; за сыном его Брячиславом, княжившим, как видно, в Изяславле, была дочь Мстислава киевского. Минск, по всем вероятностям, отошел к Ярославичам еще при Мономахе, который отвел в неволю князя его Глеба; иначе Мстислав не направил бы войско свое мимо Минска на города дальнейшие; быть может, Всеславичи не могли забыть потери Минска, и это было главным поводом к войне. Мстислав всем отправленным князьям назначил сроком один день, в который они должны были напасть на указанные места. Но Изяслав Мстиславич опередил один всю братию и приблизился к Лагожску; зять его Брячислав, князь изяславский, вел в это время лагожскую дружину на помощь отцу своему Давыду, но, узнав на середине пути, что Изяслав у города, так перепугался, что не знал, что делать, куда идти, и пошел прямо в руки к шурину, к которому привел и Лагожскую дружину; лагожане, видя своих в руках у Изяслава, сдались ему; пробыв здесь два дня, Изяслав отправился к дядьям своим Вячеславу и Андрею, которые осаждали Изяславль. Жители этого города, видя, что князь их и лагожане взяты Изяславом и не терпят никакой беды, объявили Вячеславу, что сдадутся, если он поклянется не давать их на щит (на разграбление) воинам. Вячеслав согласился, и вечером Ратислав, тысяцкий князя Андрея, и Иванко, тысяцкий Вячеславов, послали в город своих отроков, но когда на рассвете остальные ратники узнали об этом, то бросились все в город и начали грабить: едва князья с своими дружи-

нами успели уберечь имение дочери великого князя Мстислава, жены Брячиславовой, и то должны были биться с своими. Между тем с другой стороны шел к Полоцку старший сын Мстислава, Всеволод, князь новгородский[185]; тогда полочане выгнали от себя Давыда с сыновьями, взяли брата его Рогволода[186] и послали просить Мстислава, чтоб он утвердил его у них князем; Мстислав согласился. Недаром, однако, современники не умели объяснить себе этой наследственной и непримиримой вражды полоцких князей к потомству Ярослава и прибегали к помощи предания о Рогволоде и Рогнеде: как при Мономахе, так и теперь при сыне его дело могло кончиться только изгнанием Изяславичей из волостей их. Во время половецкого нашествия в 1129 году Мстислав, собирая князей, послал звать и полоцких на помощь против варваров; Рогволода, приятного Ярославичам, как видно, не было уже в это время в живых, и старшинство по-прежнему держал Давыд, который с братьями и племянниками дал дерзкий, насмешливый ответ на зов Мстислава[187]. Половецкая война помешала великому князю немедленно наказать Всеславича; но когда половцы были прогнаны, то он вспомнил обиду и послал за *кривскими* князьями, как продолжали еще называть полоцких владельцев; Давыда, Ростислава и Святослава Всеславичей вместе с племянниками их Рогволодовичами посадили в три лодки и заточили в Царьград: без всякого сомнения, полочане выдали князей своих, не желая подвергать страны своей опустошениям. По городам полоцким, говорил летописец, Мстислав посажал своих посадников, но после мы видим там сына его Изяслава, переведенного из Курска[188].

Из внешних событий по-прежнему записана в летописи борьба с половцами и другими соседними варварами. Половцы обрадовались смерти Мономаховой и немедленно явились в пределах Переяславского княжества. Мы видели, что русские князья во время счастливых походов своих в степи взяли у половцев часть подвластных им торков и печенегов; видели, что эти варвары после сами убежали от половцев в русские пределы и были поселены здесь. Разумеется, половцам хотелось возвратить их назад, и вот летописец говорит, что они именно являлись для того, чтобы перехватить русских торков. Но в Переяславле сидел Ярополк, достойный по храбрости сын Мономаха, привыкший под отцовским стягом громить варваров в степях их: узнавши о нападении и намерении половцев, Ярополк велел вогнать торков и все остальное народонаселение в города; половцы приехали, но ничего не могли сделать и, узнав, что Ярополк в Переяславле, пошли воевать Посулье (места по реке Суле). Ярополк, *благоверного князя корень и благоверная отрасль,* по выражению летописца, не дожидаясь

помощи от братьев, с одними переяславцами пошел вслед за половцами, настиг их на правом берегу реки Удая[189], призвал имя божие и *отца своего,* ударил на поганых и одержал победу: помог ему бог и молитвы отца его, продолжает летописец. После этого нападения половцев мы встретили известие об них при описании черниговских и потом полоцких происшествий. Мстислав не забыл той борьбы, которую вел он, сидя на столе новгородском, именно борьбы с чудью, и в 1130 году послал на нее сыновей своих — Всеволода, Изяслава и Ростислава; летописец говорит подробно, в чем состоял поход: самих врагов перебили, хоромы пожгли, жен и детей привели домой. Но не так был счастлив чудский поход одного Всеволода новгородского в следующем году: сотворилась пакость великая, говорит летописец, перебили много добрых мужей новгородских в *Клину: Клин* — это русский перевод эстонского слова Waija, или Wagja, как называлась часть нынешнего Дерптского уезда в XIII веке[190]. Что половцы были для Юго-Восточной Руси, то литва была для Западной, преимущественно для княжества Полоцкого. Присоединивши к волостям своего рода и это княжество, Мстислав должен был вступить в борьбу с его врагами; вот почему в последний год его княжения летописец упоминает о походе на Литву: Мстислав ходил с сыновьями своими, с Ольговичами и зятем Всеволодом городенским. Поход был удачен; Литву ожгли по обыкновению, но на возвратном пути киевские полки пошли отдельно от княжеской дружины; литовцы настигли их и побили много народу.

В 1132 году умер Мстислав; его княжение, бывшее совершенным подобием отцовского, утвердило в народе веру в достоинство племени Мономахова. Этот Мстислав Великий, говорит летописец, наследовал пот отца своего, Владимира Мономаха Великого. Владимир сам собою постоял на Дону и много пота утер за землю Русскую, а Мстислав мужей своих послал, загнал половцев за Дон, за Волгу и за Яик; и так избавил бог Русскую землю от поганых Здесь также видим выражение главного современного интереса — борьбы с степными варварами. Народ мог надеяться, что долго будет спокоен от их нашествий, потому что Мстиславу наследовал по всем правам брат его Ярополк, *благоверная отрасль,* который был известен своею храбростию, своими счастливыми походами в степи У Ярополка не было соперников: он был единственный князь, который мог сесть на старший стол по отчине и дедине; он крепко сидел в Киеве и потому еще, что люди киевские послали за ним[191]. Но их надежды на Ярополка не сбылись: спокойствие Руси кончилось смертию Мстислава; с начала княжения Ярополкова начались усобицы, усобицы в самой семье знаменитого князя братолюбца; Святославичи восполь-

зовались ими, и киевляне должны были терпеть на своем столе князя недоброго племени. Усобица, начавшаяся по смерти Мстислава Великого, носит характер, отличный от прежних усобиц. Прежние усобицы проистекали главным образом от *изгойства,* оттого, что осиротелые при жизни дедов или старших дядей князья исключались не только из старшинства, не только не получали отцовских волостей, но даже часто и никаких. Этим исключением из старшинства лучше всяких поэтических преданий объясняется непримиримая вражда полоцких Изяславичей к потомкам Ярослава, объясняются движения Ростислава Владимировича, судьба и поведение сыновей его: борьбы с изгоями на востоке и на западе, с Вячеславичем, Игоревичами, Святославичами наполняют время княжения Изяславова, Всеволодова, Святополкова Все эти борьбы благодаря последним распоряжениям князей-родичей на съездах прекратились; но теперь начинается новая борьба, борьба племянников, сыновей от старшего брата с младшими дядьми. Мы видели первый пример этой борьбы в Чернигове, где сын Олегов, Всеволод, согнал дядю своего Ярослава с старшего стола Мстислав допустил такое нарушение права дядей, хотя раскаивался в этом во всю жизнь; по смерти его одно опасение подобного явления произвело сильную усобицу в собственном племени его

Мстислав оставил княжение брату своему Ярополку, говорит летописец, ему же передал и детей своих с богом на руки: Ярополк был бездетен и тем удобнее мог заботиться о порученных ему сыновьях старшего брата. Мстислав при жизни своей уговорился с братом, чтоб тот немедленно по принятии старшего стола перевел на свое место в Переяславль старшего племянника, Всеволода Мстиславича из Новгорода; старшие Мономаховичи, как видно из слов летописца, выставляли основанием такого распоряжения волю отца своего, а об этой воле заключали они из того, что Мономах дал им Переяславль обоим вместе [192]; но при тогдашних понятиях это еще не значило, чтоб они имели право оставить этот город в наследство сыновьям своим мимо других братьев Переяславль был стольным городом Всеволода и Мономаха и по выделении Чернигова в особую, непременную волость Святославичей считался старшим столом после Киева для Мономахова племени: с переяславского стола Мономах, Мстислав и Ярополк перешли на киевский. Точно ли хотели старшие Мономаховичи переводом Всеволода в Переяславль дать ему преимущество перед дядьми, возможность наследовать Ярополку в Киеве, для чего, кроме занятия старшего переяславского стола, нужно было познакомить, сблизить его с южным народонаселением, которого голос был так важен, решителен в то время, — на это историк

не имеет права отвечать утвердительно. Как бы то ни было, младшие Мономаховичи по крайней мере видели в переводе племянника на переяславский стол шаг к старшинству мимо их, особенно когда перед глазами был пример Ярослава Святославича черниговского, согнанного с старшего стола племянником при видимом потворстве старших Мономаховичей — Мстислава и Ярополка. Вступились в дело младшие Мономаховичи, Юрий ростовский и Андрей волынский, потому что старший по Ярополке брат их, Вячеслав туровский, был неспособен действовать впереди других по бесхарактерности и недалекости умственной. По словам летописца, Юрий и Андрей прямо сказали: «Брат Ярополк хочет по смерти своей дать Киев Всеволоду, племяннику своему», и спешили предупредить последнего; утром въехал Всеволод в Переяславль и до обеда еще был выгнан дядею Юрием, который, однако, сидел в Переяславле не более восьми дней, потому что Ярополк, помня клятвенный уговор свой с покойным братом, вывел Юрия из Переяславля и посадил здесь другого Мстиславича, Изяслава, княжившего в Полоцке, давши ему клятву поддержать его на новом столе[193]; вероятно, Всеволод уже не хотел в другой раз менять верную волость на неверную. В Полоцке вместо Изяслава остался третий Мстиславич — Святополк; но полочане, не любившие, подобно новгородцам, когда князь покидал их волость для другой[194], сказали: «А! Изяслав бросает нас!» — выгнали брата его Святополка и взяли себе одного из прежних своих князей, Василька Святославича, внука Всеславова, неизвестно каким образом оставшегося на Руси или возвратившегося из заточения. Тогда Ярополк, видя, что Полоцкое княжество, оставленное храбрым Изяславом, умевшим везде приобресть народную любовь, отходит от Мономахова рода, уладился с братьями: перевел Изяслава неволею опять в Минск, единственную волость, оставшуюся у Мономаховичей от Полоцкого княжества; потом, чтоб утешить его, придал ему еще Туров и Пинск, дал ему много даров богатых; а Вячеслава из Турова перевел в Переяславль.

Таким образом, младшие Мономаховичи были удовлетворены: Переяславль перешел по порядку к самому старшему брату по Ярополке, законному его преемнику и в Киеве. Но спокойствие в семье Мономаха и на Руси было скоро нарушено Вячеславом: нашел ли он или, лучше сказать, бояре его Переяславскую волость невыгодною для себя, стало ли страшно ему сидеть на Украйне, подле торков и половцев, — только он покинул новую волость; на первый раз, однако, дошедши до Днепра[195] возвратился назад; говорят, будто Ярополк послал сказать ему: «Что ты все скитаешься, не посидишь на одном месте, точно половчин?»[196] Но Вячеслав не послушался старшего брата: бросил Переяславль

в другой раз, пошел в Туров, выгнал отсюда Изяслава и сел на его место. Тогда Ярополк должен был решиться на новый ряд: он склонился на просьбу Юрия ростовского и дал ему Переяславль, с тем, однако, чтобы тот уступил ему свою прежнюю волость; Юрий согласился уступить Ростовскую область, но не всю; вероятно, он оставлял себе на всякий случай убежище на севере; вероятно также, что Ярополк для того брал Ростовскую землю у Юрия, чтоб отдать ее Изяславу. Этою сделкою он мог надеяться успокоить братьев, поместя их всех около себя на Руси и отдав племянникам как младшим отдаленную северную область. Но он уже не был более в состоянии исполнить свое намерение: вражда между дядьми и племянниками разгорелась; Изяслав, дважды изгнанный, решился не дожидаться более никаких новых сделок между дядьми, а отдать дело, по тогдашним понятиям, на суд божий, т. е. покончить его оружием [197]. Он ушел в Новгород к брату Всеволоду и уговорил его идти с новгородцами на область Юрия. Тогда-то Святославичи увидели, что пришла их пора: они заключили союз с недовольными Мстиславичами (сами предложили им его или приняли от них предложение — из дошедших до нас летописей неизвестно [198]), послали за половцами и начали вооружаться против Мономаховичей: «Вы первые начали нас губить», говорили они им. Тогда народ увидал, что прошло счастливое время Мономаха и Мстислава; встала опять усобица; черниговские по отцовскому обычаю привели половцев на Русскую землю, и, что всего хуже, с ними пришли сыновья Мстислава Великого — Изяслав с братом Святополком. Ярополк с братьями — Юрием и Андреем выступил против Всеволода Ольговича, переправился через Днепр, взял села около Чернигова. Всеволод не вышел против них биться, потому что половцы еще не пришли к нему; Ярополк, постояв несколько дней у Чернигова, возвратился в Киев и распустил войско, не уладившись с Всеволодом; вероятно, он думал, что довольно напугать его. Но вышло иначе: когда ко Всеволоду пришли с юга половцы, а с севера Мстиславичи, то он вошел с ними в Переяславскую волость, начал воевать села и города, бить людей, дошел до Киева, зажег Городец [199]. Половцы опустошили все на восточном берегу Днепра, перебив и перехватав народ, который не мог перевезтись на другой, киевский берег, потому что Днепр покрыт был пловучими льдами; взяли и скота бесчисленное множество; Ярополку по причине тех же льдов нельзя было перевезтись на ту сторону и прогнать их. Три дня стоял Всеволод за Городцом в бору, потом пошел в Чернигов, откуда начал пересылаться с Мономаховичами, и заключил мир; гораздо вероятнее, впрочем, то известие, по которому заключено было только перемирие до общего съезда [200],

потому что немедленно за этим летописец начинает говорить о требованиях Ольговичей, чтоб Ярополк возвратил им то, что̀ их отец держал при его отце: «Что̀ наш отец держал при вашем отце, того и мы хотим; если же не дадите, то не жалейте после; если что случится, вы будете виноваты, на вас будет кровь». Без сомнения, Ольговичи просили города Курска и всего Посемья, взятых у них Мономаховичами тотчас после изгнания Ярослава Всеволодом. В ответ на это требование Ярополк собрал войско киевское, а Юрий — переяславское, и 50 дней стояли у Киева; потом помирились со Всеволодом и отдали Переяславль младшему брату своему Андрею Владимировичу, а прежнюю его волость, Владимир-Волынский, — племяннику Изяславу Мстиславичу. По всему видно, впрочем, что это распоряжение было не следствием, но причиною мира с Ольговичами: дядья, чтоб отвлечь племянников от Святославичей, отнять у последних предлог к войне и правду в глазах народа, удовлетворили Изяслава, отдавши ему Волынь; Юрий ростовский, видя, вероятно, как спорны русские столы и как незавидна Переяславская волость, беспрестанно подвергавшаяся нападениям Ольговичей и половцев, не хотел более менять на нее своей северной, верной волости; занятие же Переяславля младшим братом не могло быть для него опасно: никогда младший брат не восставал против прав старшего, тогда как был пример, что племянник от старшего брата восставал против младшего дяди (1134 год).

Что Ольговичи принуждены были мириться поневоле, будучи оставлены Мстиславичами, доказательством служит их нападение на Переяславскую область в следующем, 1135 году. Всеволод со всею братьею пришел к Переяславлю, стоял под городом три дня, бился у ворот; но, узнавши, что Ярополк идет на помощь к брату, отступил к верховью реки Супоя и там дождался киевского князя. Мы заметили уже, что Ярополк был в отца отвагою: завидя врага, не мог удержаться и ждать, пока подойдут другие полки на помощь, но бросался на него с одною своею дружиною; мы видели, что такая удаль сошла для него благополучно, принесла даже большую славу в битве с половцами при начале Мстиславова княжения. Точно так же вздумал он поступить и теперь: не дождавшись киевских полков, с одною своею дружиною и с братьею, даже не выстроившись хорошенько, ударил на Ольговичей, думая: «Где им устоять против нашей силы!» Сначала бились крепко с обеих сторон, но скоро побежали Всеволодовы половцы, и лучшая дружина Мономаховичей с тысяцким киевским погналась за ними, оставя князей своих биться с Ольговичами на месте. После злой сечи Мономаховичи должны были уступить черниговским поле битвы, и когда тысяцкий с боярами, поразивши полов-

цев, приехали назад, то уже не застали князей своих и попались в руки победителям Ольговичам, обманутые Ярополковым стягом, который держали последние[201]. Кроме лучших мужей своих, взятых в плен, Ярополк потерял в числе убитых племянника Василька Леоновича, греческого царевича, внука Мономахова по дочери. Возвратясь за Днепр, киевский князь начал набирать новое войско, а Всеволод перешел Десну и стал против Вышгорода[202]; но, постоявши 7 дней у Днепра, не решился переправиться, пошел в Чернигов, откуда стал пересылаться с киевским князем о мире, без всякого, однако, успеха. Это было в конце лета; зимою Ольговичи с половцами перешли Днепр и начали опустошать всю Киевскую область, доходили до самого Киева, стрелялись через Лыбедь; из городов, впрочем, удалось им взять только два, да и те пустые: мы видели уже обычай украинских жителей покидать свои города при нашествии неприятелей[203]. Ярополк, по словам летописца, собрал множество войска изо всех земель, но не вышел против врагов, не начал кровопролития; он побоялся суда божия, смирился пред Ольговичами, хулу и укор принял на себя от братьи своей и от всех, исполняя заповедь: любите враги ваша; он заключил с Ольговичами мир, отдал им то, чего прежде просили, т. е. отчину их, города по Сейму. Трудно решить, что собственно заставило Ярополка склониться на уступку: был ли он из числа тех людей, на которых неудача после продолжительных успехов сильно действует, или в самом деле духовенство и преимущественно митрополит Михаил[204] постарались прекратить войну, столь гибельную для края[205], и Ярополк действительно заслужил похвалы летописца за христианский подвиг смирения для блага народа, быть может, то и другое вместе; не забудем также, что успех битвы не мог быть верен: мы знаем, что Всеволод Ольгович вовсе не отличался безрасчетною отвагою, уступал, когда видел превосходство сил на стороне противника, и если теперь не уступил, то это значило, что силы Ярополка вовсе не были так велики, как выставляет их летописец, по крайней мере сравнительно с силами Ольговичей (1135 г.).

Мир не мог быть продолжителен: главная причина вражды Ольговичей к Мономаховичам — исключение из старшинства — существовала во всей силе и при этом еще Черниговские испытали возможность успешной войны с Мономаховичами, особенно при разделении последних. Изгнание брата Всеволодова, Святослава, из Новгорода было поводом к новой войне в 1138 году. Ольговичи опять призвали половцев и начали воевать Переяславскую волость по реке Суле; Андрей Владимирович не мог им сопротивляться и, не видя помощи от братьев, хотел уже бежать из Переяславля. Но Ольговичи, узнав, что Андрею нет помощи от братьев, успо-

коили его *льстивыми* словами, по выражению летописца: из этого известия имеем право заключить, что Ольговичи хотели поссорить Андрея с братьями и привлечь на свою сторону, показывая ему, как мало заботятся об нем братья. Весть о задержке Святослава Ольговича в Смоленске, на дороге его из Новгорода, еще более усилила войну; брат его Всеволод призвал множество половцев, взял Прилук и собирался уже старым путем к Киеву, как узнал об огромных приготовлениях Мономаховичей и поспешил отступить в свою волость, к Чернигову. Ярополк созвал братьев и племянников, собрал, кроме киевлян и переяславцев, также рать из *верхних* земель, суздальцев, ростовцев, полочан и смольнян; Ростиславичи галицкие и король венгерский прислали ему также помощь, наконец, присоединились к нему многочисленные толпы пограничных варваров, берендеев; с такими силами Ярополк уже не стал дожидаться Ольговича в Киевской волости, но отправился к нему в Черниговскую; Всеволод испугался и хотел было уже бежать к половцам, как черниговцы остановили его: «Ты хочешь бежать к половцам, говорили они, а волость свою погубить, но к чему же ты тогда после воротишься? Лучше отложи свое высокоумье и проси мира; мы знаем Ярополково милосердие: он не радуется кровопролитию, бога ради он помирится, он соблюдает Русскую землю». Всеволод послушался и стал просить мира у Ярополка; тот, по выражению летописца, будучи добр, милостив нравом, богобоязлив, подобно отцу своему, поразмыслил о всем хорошенько и не захотел кровопролития, а заключил мир у Моравска[206], на правом берегу Десны. Потом заключен был новый договор между ним и Ольговичами, неизвестно на каких условиях[207] (1136—1139).

Так кончились усобицы на юге при старшинстве Ярополковом; но эти усобицы сильно отозвались также на севере, в Новгороде Великом. Мы видели, как при Святополке новгородцы настояли на том, чтобы князем у них оставался выросший в Новгороде Мстислав Владимирович. Однако они недолго жили с этим любимым князем: Мономах в 1116 году вызвал его на юг, и в Новгороде остался сын его Всеволод. Молодость князя и смерть двух посадников, случившаяся почти в один год[208], как видно, подали повод к смятениям в городе: некоторые бояре и сотский Ставр ограбили каких-то двух граждан; неизвестно, впрочем, какого рода был этот грабеж, потому что иногда грабеж происходил вследствие судного приговора, и потому трудно решить, виновны ли были Ставр и бояре в насилии или только в несправедливости. Как бы то ни было, Мономах и Мстислав вызвали всех бояр новгородских в Киев: товарищи Ставра были заточены, другие отпущены назад в Новгород, после того как дали клятву, вероятно, в том, что вперед не будет подобных

происшествий. Кем был избран в то время посадник Константин Моисеевич, неизвестно: вероятно, киевским князем, если обратим внимание на обстоятельства. На следующий год он умер, и на его место пришел посадничать из Киева Борис, разумеется, присланный Мономахом [209]. По смерти последнего в Киеве посадили сына его Мстислава, а в Новгороде — внука Всеволода; относительно обоих в летописи употребляется одинаковое выражение: *посадиша* в смысле: граждане хотели, просили, призвали. Новгородцы посадили у себя Всеволода вторично, потому что по вступлении своем на старший стол Мстислав мог перевести его куда-нибудь поближе к себе в Русь по примеру отцовскому; как видно, в это время новгородцы взяли со Всеволода клятву не разлучаться с ними. На следующий год Всеволод ходил к отцу в Киев, но пришел опять в Новгород на стол; в тот же год дали посадничество Мирославу Гюрятиничу, причем летописец не упоминает о смерти прежнего посадника Бориса; к кому относится выражение: *вдаша посадничество* — к князьям ли Мстиславу и Всеволоду или к гражданам, решить трудно. Через год, не упоминая о смерти Мирослава, летопись говорит о назначении ему преемника Давыда Дмитриевича, шурина великого князя Мстислава [210] и сына прежде бывшего посадника. Этот посадник умер в том же 1128 году, и на его место в 1129 г. пришел из Киева Даниил; но в 1130 опять летопись упоминает о назначении нового посадника Петрилы с выражением *даша* и в то же время говорит о походе Всеволода на чудь, и о поездке его в Киев к отцу; имела ли связь смена посадника с этими событиями, решить трудно. Так было при старшинстве Мстислава. Тотчас по смерти его начались смуты. Всеволод, несмотря на клятву не разлучаться с новгородцами, прельстился столом переяславским и уехал в Русь, не оставивши, как видно, князя в Новгороде. Мы уже видели раз, как новгородцы обижались, когда князья меняли их город на другой; кроме того, что перемена князя нарушала наряд в городе, новгородцев должно было оскорблять и то, что князь, отдавая преимущество какому-нибудь Турову или Переяславлю, тем самым унижал значение стола Рюрикова, ибо и между самими князьями, как увидим, не исчезала память, что Новгород был старейшим столом в Русской земле. Легко понять теперь, что когда Всеволод, прогнанный Юрием из Переяславля, явился назад в Новгород, то нашел здесь сильное волнение — *встань великую в людях,* по выражению летописца; пришли псковичи и ладожане в Новгород, и Всеволод должен был выехать из него [211]; потом, однако, граждане скоро одумались и возвратили его назад. Можно, впрочем, с вероятностию полагать, что Всеволод был принят не так уже, как прежде, что здесь положено начало условиям или рядам новгородцев с князьями;

вероятно, также с этого времени и посадник переменяет свой характер чиновника княжеского на характер чиновника народного, от веча избираемого, хотя и не без участия князя, в это время по крайней мере избрали посадников для пригородов — Мирослава для Пскова и Рагуила для Ладоги; это известие может навести на мысль, что псковичи и ладожане затем и приходили в Новгород, чтоб требовать назначения себе новых посадников. Есть также прямое известие, что с этих пор Всеволод не имел надлежащего значения в Новгороде, не мог заставить его жителей выслать в Киев обычную печерскую дань, за которою великой князь Ярополк должен был послать другого племянника Изяслава: последнему удалось взять дань [212].

Между тем дела на юге запутывались все более и более. В 1134 году явился в Новгород Изяслав Мстиславич, с тем чтобы уговаривать брата и граждан идти войною на дядю Юрия, добыть для Мстиславичей хотя Ростовскую волость, если им нет части в Русской земле. Начали толковать о суздальской войне новгородцы и убили мужей своих, свергнули их с моста, говорит летописец. Из этих слов видно, что после предложения, сделанного Всеволодом о суздальском походе, вече было самое бурное: одни хотели защищать Мстиславичей, достать им волость, другие нет; большинство оказалось на стороне первых, положено идти в поход, а несогласное меньшинство отведало Волхова. Мстиславичи с посадником Петрилою отправились на войну, но едва достигли они до реки Дубны [213], как несогласия городского веча повторились в полках: противники похода против дядей в пользу племянников, против сына Мономахова в пользу внуков его опять подняли голос и на этот раз пересилили, заставили князя возвратиться и тут же, отняв посадничество у Петрила, как видно, желавшего войны, отдали его Ивану Павловичу. Так посадники уже начали сменяться вследствие перевеса той или другой враждебной стороны; видно также, что к противникам войны принадлежали люди, вообще не расположенные ко Всеволоду, не хотевшие принять его по возвращении из Переяславля. Но в Новгороде ждало их поражение: здесь противники их опять пересилили, и опять Всеволод со всею Новгородскою областью пошел на Ростовскую землю в жестокие морозы и мятели, несмотря на увещания митрополита Михаила, который пришел тогда в Новгород: «Не ходите, грозил им митрополит, меня бог послушает»; новгородцы задержали его и отправились: на Ждановой горе встретились они с ростовскими полками и потерпели поражение, потеряли храброго посадника своего Ивана, также Петрилу Николаича, быть может, его предшественника, и много других добрых мужей, а суздальцев пало больше, прибавляет новгородский летописец; но ростовский говорит, что его земляки победили

новгородцев, побили их множество и возвратились с победою великою. Новгородцы, возвратясь домой, выпустили митрополита и выбрали посадником старого Мирослова Гюрятинича.

Испытав вредные для себя следствия княжеских усобиц, новгородцы в 1135 году отправили посадника своего Мирослава в Русь мирить Мономаховичей с Ольговичами; но он возвратился, не сделав ничего, потому что сильно взмялась вся Земля русская, по выражению летописца. Князья не помирились при посредничестве новгородцев, но каждый стал переманивать их на свою сторону, давать им, следовательно, право выбора. Новгородцы не замедлят воспользоваться этим правом, но кого же выберут они? Кому бог поможет, на чьей стороне останется победа? Бог помог Ольговичам при Супое, и противники Мономаховича Всеволода воспользовались этим, чтоб восстать против него. В 1136 году новгородцы призвали псковичей и ладожан и стали думать, как бы выгнать князя своего Всеволода; подумавши, посадили его в епископском дворе с женою, детьми и тещею, приставили сторожей стеречь его день и ночь с оружием, по 30 человек на день, и не выпускали до тех пор, пока приехал новый князь, Святослав Ольгович из Чернигова. Вины Всеволода так означены в летописи: 1) не блюдет смердов; 2) зачем хотел сесть в Переяславле? 3) в битве при Ждановой горе прежде всех побежал из полку; 4) вмешивает Новгород в усобицы: сперва велел приступить к Ольговичам, а теперь велит отступить. Но изгнание сына Мстиславова и принятие Ольговича не могли пройти спокойно в Новгороде, потому что оставалась сильная сторона, приверженная к Мстиславичам: Новгород *разодрался,* как *разодралась* Русская земля, по выражению летописца. В год прибытия Святослава Ольговича (1136) уже встречаем известие о смуте: какого-то Юрия Жирославича, вероятно, приверженца Всеволодова, сбросили с моста. Но у Мстиславича оставалось много других приверженцев; они решились умертвить Святослава, стреляли в него, но без успеха. Тогда несколько добрых мужей и в том числе посадник Константин (избранный на место Мирослава Гюрятинича, умершего в 1135 году[214]) побежали ко Всеволоду в Вышгород, где приютил его дядя Ярополк; вместо Константина избрали посадником Якуна Мирославича, вероятно, сына прежнего посадника Мирослава Гюрятинича. Новгородские беглецы сказали Всеволоду, что у него много приятелей в Новгороде и Пскове, которые ждут только его появления: «Ступай, князь, хотят тебя опять». Всеволод отправился с братом Святополком и точно был принят в Пскове; когда он ехал мимо Полоцка, то Василько, тамошний князь, сам вышел к нему навстречу и проводил с честию, ради заповеди божией забыв все зло, которое сделал отец Все-

володов Мстислав всему роду их; Всеволод был в его руках теперь, но он и не подумал мстить ему за отцовское зло; оба целовали друг другу крест не поминать прошлого. Когда в Новгороде узнали, что Всеволод во Пскове, хочет сесть и у них, то встал сильный мятеж; большинство не захотело Мстиславича, приятели его принуждены были бежать к нему во Псков; большинство разграбило их домы, стали искать между оставшимися боярами, нет ли между ними приятелей Всеволодовых, с заподозренных взяли полторы тысячи гривен и дали эти деньги купцам на сборы к войне; между виноватыми пострадали и невинные. Можно заметить, что к стороне Всеволодовой преимущественно принадлежали бояре, между которыми искали и находили его приятелей; а к противникам его преимущественно принадлежали простые люди, что видно также из главного обвинения: не блюдет смердов. Святослав Ольгович собрал всю землю Новгородскую, призвал на помощь брата Глеба с жителями города Курска и с половцами и пошел выгонять Всеволода изо Пскова, но псковичи с первого раза уже показали стойкость, какою отличались после, тем более что выгодно было для них получить особого князя и освободиться таким образом от влияния старшого города; они не покорились новгородцам, не выгнали от себя Всеволода, но приняли меры предосторожности на случай нападения, сделали повсюду засеки. Святослав и новгородцы увидали, что война будет трудная, успех неверный, и потому возвратились с дороги, говоря: «Не хотим проливать крови братьев своих; пусть бог все управит своим промыслом»[215]. Всеволод умер в том же 1137 году; псковичи взяли на его место брата его Святополка, а между тем новгородцы испытывали большие неприятности: Мономаховичи и союзники их сердились на них за то, что они держали у себя Ольговича, и потому прекратили с ними торговлю; не было мира ни с Суздалем, ни с Смоленском, ни с Киевом, ни с Полоцком; от прекращения подвозов сделалась дороговизна в съестных припасах. Но и здесь враждебное разделение, происшедшее в княжеском роде, помогло Новгороду выйти из затруднительного положения. Мы видели, что причиною торжества Ольговичей было разделение в самой семье Мономаха, раздвоение между старшими племянниками и младшими дядьми; пользуясь этим раздвоением, Ольговичи будут иметь случай давать силу своим утраченным правам, получать старшинство и Киев. Это тройное разделение потомства Ярослава очень важно относительно новгородской истории: с одной стороны, частая смена великих князей из трех враждебных линий заставляла новгородцев, признававших зависимость свою всегда от старшего Ярославича, сообразоваться с этою сменою и также переменять своих князей, что усиливало внутренние волнения, производимые приверженцами

изгоняемых князей и врагами их; с другой стороны, давала Новгороду возможность выбора из трех линий, что необходимо усиливало произвол веча и вместе с тем увеличивало его значение, его требования, давало новгородцам вид народа вольного. Так Новгород, сообразуясь с переменою, последовавшею на юге в пользу Ольговичей, сменяет Мономаховича; будучи приведен этою сменою в затруднительное положение, он находит средство выйти из него без вреда себе и унижения: он может примириться с Мономаховичами, не имея нужды принимать опять Мстиславича; он может отдаться в покровительство Юрия ростовского, взять себе в князья его сына; Юрий защитит его от Ольговичей, как ближайший сосед, и примирит с Мономаховичами, избавив от унижения принять Святополка, т. е. признать торжество псковичей; наконец, призвание Юрьевича примиряло в Новгороде все стороны; для приверженцев племени Мономахова он был внук его, для врагов Всеволода он не был Мстиславичем; расчет был верен, и Ростислав Юрьевич призван на стол новгородский, а Святославу Ольговичу указан путь из Новгорода

Усобицы заняли все внимание князей в княжение Ярополково, и не было походов на врагов внешних: половцы опомнились от ударов, нанесенных им при Мономахе и Мстиславе, и опять получили возможность пустошить Русскую землю; в 1138 году они опустошили Курскую волость; союзные отряды их являлись даже в области Новгородской. Чудь также воспользовалась смутами, возникшими в Новгороде, и не только перестала платить дань, но, собравшись, овладела Юрьевым и перебила тамошних жителей. В 1133 году Всеволод по вторичном утверждении в Новгороде предпринимал поход на чудь и отнял у ней опять Юрьев [216].

В 1139 году умер Ярополк. В летописи замечаем сильную привязанность к этому князю, который напоминал народу отца своего мужеством, славою удачных походов на половцев и, как видно, нравственными качествами. Мы видели, что излишняя отвага, самонадеянность были гибельны при Супое для Ярополка и всего его племени; мы видели также, что несчастный уговор его с старшим братом был причиною усобиц, раздиравших Русскую землю во все время его старшинства; но прежде, нежели станем обвинять Ярополка в недостатке уменья или твердости, вспомним о неопределенности родовых отношений, о слабой подчиненности младших членов рода старшему, особенно когда старший был не отец и даже не дядя, но брат, и то не самый уже старший; младшие братья и племянники считали себя в полном праве вооруженною рукою противиться распоряжениям старшего, если им казалось, что эти распоряжения клонятся к их невыгоде; мы видели всю затруднительность положения

Ярополкова: что ему было делать с странным Вячеславом, который двигался из одной волости в другую, и стал, по летописи, главным виновником усобицы? В народе видели это несчастное положение великого князя, его благонамеренность и потому не утратили прежней любви к благоверной отрасли знаменитого Мономаха.

По смерти Ярополка преемником его на старшем столе был по всем правам брат его Вячеслав, который вступил в Киев беспрепятственно. Но как скоро Всеволод Ольгович узнал о смерти Ярополка и что в Киеве на его месте сидит Вячеслав, то немедленно собрал небольшую дружину и с братьями, родным Святославом и двоюродным Владимиром Давыдовичем, явился на западной стороне Днепра и занял Вышгород; отсюда, выстроив полки, пошел к Киеву, стал в Копыреве конце и начал зажигать дворы в этой части города, послав сказать Вячеславу: «Иди добром из Киева». Вячеслав отправил к нему митрополита с таким ответом: «Я, брат, пришел сюда на место братьев своих, Мстислава и Ярополка, по завещанию наших отцов; если же ты, брат, захотел этого стола, оставя свою отчину, то, пожалуй, я буду меньше тебя, пойду в прежнюю свою волость, а Киев тебе»[217], и Всеволод вошел в Киев с честию и славою великою, говорит летописец. Таким образом Ольговичу, мимо старого, отцовского обычая, удалось овладеть старшим столом. Какие же были причины такого странного явления? Каким образом Мономаховичи позволили Святославову внуку занять Киев не по отчине? В это время племя Мономахово было в самом затруднительном положении, именно было без главы, и вражда шла между его членами. Старшим в этом племени оставался Вячеслав; но мы видели его характер, делавший его неспособным блюсти выгоды рода, поддерживать в нем единство, наряд. Деятельнее, способнее его был следующий брат, Юрий ростовский, но, как младший, он не мог действовать от своего имени, мимо Вячеслава; притом его мало знали на юге, а это было очень важно относительно народонаселения; да и когда узнали его, то нашли, что он мало похож на отца своего и двух старших братьев. Добрым князем слыл последний Мономахович — Андрей, но, как самый младший, он также не мог действовать в челе племени. Князь, который по своим личным доблестям один мог быть представителем Мономахова племени для народа, — это был Изяслав Мстиславич владимиро-волынский, теперь старший сын старшего из Мономаховичей: необыкновенно храбрый, щедрый к дружине, приветливый к народу, Изяслав был образцом князя, по тогдашним понятиям, напоминал народу своего знаменитого деда и был потому в его глазах единственною отраслию доброго племени. Но мы видели, как Изяслав был поставлен во враждебные отношения к старшим чле-

нам рода, к дядьям своим, от которых не мог ждать ничего хорошего ни для себя, ни для детей своих. Находясь, с одной стороны, во вражде с родными дядьми, с другой — Изяслав был в близком свойстве со Всеволодом Ольговичем, который был женат на старшей его сестре, и, по тогдашним понятиям, как старший зять, заступал место старшего брата и отца. Всеволод видел, что только вражда между членами Мономахова племени могла доставить ему старшинство, и потому спешил привлечь на свою сторону самого доблестного из них, Изяслава, что̀ ему было легко сделать по близкому свойству и по прежним связям: он мог хвалиться пред Изяславом, что только благодаря ему тот мог помириться с дядьми и получить от них хорошую волость. По некоторым известиям, Всеволод послал сказать Изяславу: «После отца твоего Киев принадлежит тебе (это мог сказать Всеволод, выгнавший дядю); но дядья твои не дадут тебе в нем сесть; сам знаешь, что и прежде вас отовсюду выгоняли, и если б не я, то никакой волости вам бы не досталось, поэтому теперь я хочу Киев взять, а вас буду держать как родных братьев и не только теперь дам вам хорошие волости, но по смерти моей Киев отдам тебе; только вы не соединяйтесь с дядьми своими на меня». Изяслав согласился, и утвердили договор крестным целованием. Этим только известием можно объяснить равнодушие киевлян при занятии Ольговичем их города, тогда как они могли с успехом сопротивляться его *малой* дружине[218]. Без сомнения, Всеволод явился к Киеву с такими ничтожными силами, зная, что сопротивления не будет. Но, уладивши дело относительно шурьев своих, Мстиславичей, Всеволод должен был улаживаться с собственным племенем, родными и двоюродными братьями — Ольговичами и Давыдовичами. Чтоб иметь себе и в тех и в других помощь при овладении Киевом, Всеволод, по известиям летописи[219], родному Игорю и двоюродному Владимиру обещал после себя Чернигов, но, севши в Киеве, отдал Чернигов Владимиру Давыдовичу и таким образом перессорил родных братьев с двоюродными. Но по другим, очень вероятным известиям[220], он обещал, что как скоро овладеет Киевом, то выгонит Мономаховичей из их волостей, которые отдаст родным братьям, а двоюродные останутся в Чернигове; боясь же теперь действовать против Мономаховичей, чтоб не заставить их соединиться против себя, он не мог сдержать обещания родным братьям и рад был, перессорив их с двоюродными, иначе трудно себе представить, чтобы он мог с успехом обмануть братьев, обещая всем одно и то же.

Несмотря, однако, на все хитрости Всеволода и на то, что он хотел сначала щадить Мономаховичей, только разъединяя их, последние не хотели спокойно уступать ему старшинства. Первый, как следовало ожидать, начал Юрий: он

приехал в Смоленск к племяннику Ростиславу Мстиславичу, который был всегда почтителен к дядьям и потому мог быть посредником между ними и братьями своими. Из летописи можно заключить, что переговоры между Мономаховичами сначала шли успешно, потому что когда Всеволод стал делать им мирные предложения, а Изяслава Мстиславича звал к себе в Киев на личное свидание, то Мономаховичи не захотели вступать с ним ни в какие соглашения, продолжали пересылаться между собою, сбираясь идти на него ратью[221]. Тогда Всеволод решился предупредить их, напасть на каждого поодиночке, отнять волости и раздать их братьям по уговору; он надеялся на свою силу, говорит летописец, сам хотел всю землю держать. Пославши двоюродного брата своего, Изяслава Давыдовича, и галицких князей, внуков Ростиславовых, с половцами на Изяслава волынского и дядю его Вячеслава туровского, Всеволод сам с родным братом Святославом пошел к Переяславлю на Андрея. Он хотел посадить здесь Святослава и, ставши на Днепре, послал сказать Андрею: «Ступай в Курск». Согласиться Андрею на это требование, взять незначительную, отдаленную Черниговскую волость и отдать во враждебное племя Переяславль, стол дедовский и отцовский, значило не только унизить себя, но и нанести бесчестье целому племени, целой линии Мономаховой, отняв у нее то значение, те преимущества и волости, которые были утверждены за нею Владимиром и двумя старшими его сыновьями; Ольговичи были исключены из старшинства, должны были ограничиться одними черниговскими волостями, вследствие чего все остальные русские волости стали исключительно отчиною Мономаховичей, а теперь Ольговичи насилием, мимо отцовского обычая, хотят отнять у них полученные от отца волости и дать вместо их свои черниговские, худшие! Вспомним, как после члены родов боялись занять какое-нибудь место, которого не занимали их старшие, чтоб не нанести *порухи* роду, и для нас не удивителен будет ответ Андрея; подумавши с дружиною, он велел сказать Всеволоду: «Лучше мне умереть с дружиною на своей отчине и дедине, чем взять курское княжение; отец мой сидел не в Курске, а в Переяславле, и я хочу на своей отчине умереть; если же тебе, брат, еще мало волостей, мало всей Русской земли, а хочешь взять и эту волость, то убей меня и возьми ее, а живой не пойду из своей волости. Это не в диковину будет нашему роду; так и прежде бывало: разве Святополк не убил Бориса и Глеба за волость? Но сам долго ли пожил? И здесь жизни лишился, да и там вечно мучится». Всеволод не пошел сам к Переяславлю, но послал туда брата Святослава, который встретился на дороге с дружиною Андреевою и был разбит: победители гнались за ними до места Корани[222], далее Андрей не велел преследовать. На другой

день Всеволод помирился с переяславским князем — на каких условиях неизвестно: вероятно, Андрей обещался отстать от союза с своими, признать старшинство Всеволода, а тот — оставить его в Переяславле. Андрей уже поцеловал крест, но Всеволод еще не успел, как в ночь загорелся Переяславль. Всеволод не воспользовался этим несчастием и послал на другой день сказать Андрею: «Видишь, я еще креста не целовал, так, если б хотел сделать тебе зло, мог бы; бог мне давал вас в руки, сами зажгли свой город; что мне было годно, то б я и мог сделать; а теперь ты целовал крест; исполнишь свою клятву — хорошо, не исполнишь — бог тебе будет судья». Помирившись с Андреем, Всеволод пошел назад в Киев.

Между тем война шла на западе: сначала войско, посланное против Изяслава ко Владимиру, дошедши до реки Горыни, испугалось чего-то и возвратилось назад; потом галицкие князья призвали к себе Изяслава Мстиславича для переговоров, но не могли уладиться: быть может, они хотели воспользоваться затруднительным положением волынского князя и распространить свою волость на его счет. Поляки, помогая Всеволоду, повоевали Волынь; Изяслав Давыдович — Туровскую волость; но дело этим и кончилось: и дядя и племянник остались на своих столах. С севера, однако, не было сделано никаких движений в их пользу, ни из Суздаля, ни из Смоленска; Юрий, будучи в последнем городе, послал к новгородцам звать их на Всеволода; но те не послушались, и сын его Ростислав прибежал из Новгорода к отцу в Смоленск; тогда Юрий, рассердившись, возвратился назад в Суздальскую область и оттуда захватил у новгородцев Торжок — вот единственная причина, которую находим в летописи для объяснения недеятельности Юрия; Ростислав один не отважился идти на помощь к своим, которые, будучи предоставлены собственным силам, принуждены были отправить послов ко Всеволоду с мирными предложениями; Всеволод сперва было не хотел заключать мира на предложенных ими условиях, но потом рассудил, что ему нельзя быть без Мономаховичей, согласился на их условия и целовал крест. Какие были эти условия, летописец не говорит; как видно, договорились, чтобы каждому из Мономаховичей остаться при своих волостях. Почему Всеволод думал, что ему нельзя обойтись без Мономаховичей, довольно ясно: при черниговской, галицкой и польской помощи ему не удалось силою лишить волости ни одного из них; несмотря на то что южные были оставлены северными, действовали порознь, только оборонительно, народное расположение было на их стороне.

Мономаховичи были разъединены враждою, чем единственно и держался Всеволод в Киеве; но зато и между Ольговичами была постоянная размолвка. Святослав Ольгович,

призванный в другой раз в Новгород, опять не мог ужиться с его жителями и бежал оттуда в Стародуб; Всеволод вызвал его к себе в Киев, но братья не уладились о волостях; Святослав пошел в Курск, которым владел вместе с Новгородом-Северским; чем владел Игорь — неизвестно; потом скоро Всеволод дал Святославу Белгород[223] Игорь продолжал враждовать с Давыдовичем за Чернигов, ходил на него войною, но заключил мир. Смерть Андрея Владимировича переяславского, случившаяся в 1142 г, подала повод к новым перемещениям и смутам: Всеволоду, как видно, неловко было сидеть в Киеве, окруженном со всех сторон волостями Мономаховичей, и потому он послал сказать Вячеславу туровскому: «Ты сидишь в Киевской волости, а она мне следует ступай в Переяславль, отчину свою». Вячеслав не имел никакого предлога не идти в Переяславль и пошел; а в Турове посадил Всеволод сына своего Святослава Это распоряжение должно было озлобить Ольговичей, тяжко стало у них на сердце, говорит летописец: волости дает сыну, а братьев ничем не наделил Тогда Всеволод позвал к себе рядиться всех братьев, родных и двоюродных; они пришли и стали за Днепром Святослав Ольгович, Владимир и Изяслав Давыдовичи — в Ольжичах, а Игорь — у Городца; прямо в Киев, следовательно, не поехали, вели переговоры через Днепр; Святослав поехал к Игорю и спросил· «Что тебе дает брат старший?» Игорь отвечал «Дает нам по городу: Брест и Дрогичин[224], Чарторыйск и Клецк, а отчины своей, земли вятичей, не дает» Тогда Святослав поцеловал крест с Игорем, а на другои день целовали и Давыдовичи на том, чтобы стоять всему племени заодно против неправды старшего брата; сказали при этом «Кто из нас отступится от крестного целования, тому крест отомстит» Когда после этого Всеволод прислал звать их на обед, то они не поехали и велели сказать ему: «Ты сидишь в Киеве; а мы просим у тебя Черниговской и Новгородской (Северской) волости, Киевской не хотим» Всеволод никак не хотел уступить им вятичей, верно, приберегал их на всякий случай своим детям, а все давал им те четыре города, о которых было прежде сказано Братья велели сказать ему на это: «Ты нам брат старший, но если не дашь, так мы сами будем искать», и, рассорившись со Всеволодом, поехали ратью к Переяславлю на Вячеслава: верно, надеялись так же легко выгнать его из этого города, как брат их Всеволод выгнал его из Киева; но обманулись в надежде, встретили отпор у города, а между тем Всеволод послал на помощь Вячеславу воеводу Лазаря Саковского с печенегами и киевлянами; с другой стороны, Изяслав Мстиславич, услыхав, что черниговские пришли на его дядю, поспешил отправиться с полком своим к Переяславлю и разбил их: четверо князей не могли устоять против одного и побежали в свои города; а

между тем явился Ростислав с смоленским полком и повоевал Черниговскую волость по реке Соже[225], тогда Изяслав, услыша, что брат его выгнал Черниговских, бросился на волость их от Переяславля, повоевал села по Десне и около Чернигова и возвратился домой с честью великою Игорь с братьями хотел отомстить за это: поехали в другой раз к Переяславлю, стали у города, бились три дня и опять, ничего не сделавши, возвратились домой. Тогда Всеволод вызвал из монастыря брата своего двоюродного, Святошу (Святослава-Николая Давыдовича, постригшегося в 1106 году), и послал к братьям, велев сказать им: «Братья мои! Возьмите у меня с любовию, что вам даю, — Городец[226], Рогачев, Брест, Дрогичин, Клецк, не воюйте больше с Мстиславичами». На этот раз, потерявши смелость от неудач под Переяславлем, они исполнили волю старшего брата, и когда он позвал их к себе в Киев, то все явились на зов Но Всеволоду, который сохранил свое приобретение только вследствие разъединения, вражды между остальными князьями, не нравился союз между братьями; чтоб рассорить их, он сказал Давыдовичам: «Отступите от моих братьев, я вас наделю»; те прельстились обещанием, нарушили клятву и перешли от Игоря и Святослава на сторону Всеволода. Всеволод обрадовался их разлучению и так распорядился волостями: Давыдовичам дал Брест, Дрогичин, Вщиж и Ормину[227], а родным братьям дал: Игорю — Городец Остерский и Рогачев, а Святославу — Клецк и Чарторыйск Ольговичи помирились поневоле на двух городах и подняли снова жалобы, когда Вячеслав по согласию с Всеволодом поменялся с племянником своим Изяславом: отдал ему Переяславль, а сам взял опять прежнюю свою волость Туров, откуда Всеволод вывел своего сына во Владимир; понятно, что Вячеславу не нравилось в Переяславле, где его уже не раз осаждали Черниговские, тогда как храбрый Изяслав мог отбиться от какого угодно врага. Не понравилось это перемещение Ольговичам; стали роптать на старшего брата, что поблажает шурьям своим Мстиславичам: «Это наши враги, говорили они, а он осажался ими около, нам на безголовье и безместье, да и себе» Они наскучивали Всеволоду просьбами своими идти на Мстиславичей; но тот не слушался: это все показывает, что прежде точно Всеволод обещал братьям поместить их в волостях Мономаховских; но теперь Ольговичи должны были видеть, что исполнение этого обещания вовсе не легко, и настаивание на это может показывать только их нерасчетливость, хотя очень понятны их раздражительность и досада на старшего брата. Изяслава Мстиславича, однако, как видно, беспокоила вражда Ольговичей; из поведения Всеволода с братьями он очень ясно видел, что это за человек, можно ли на него в чем-нибудь положиться Мог ясно видеть, что Всеволод только по нужде

терпит Мономаховичей в хороших волостях, и потому решился попытаться, нельзя ли помириться с дядею Юрием Он сам отправился к нему в Суздаль, но не мог уладиться и поехал из Суздаля сперва к брату Ростиславу в Смоленск, а потом к брату Святополку в Новгород, где и зимовал.

Таковы были отношения между двумя главными линиями Ярославова потомства, при старшинстве внука Святославова; обратимся теперь к другим Здесь первое место занимают Ростиславичи, которые начали тогда носить название князей галицких. Известные нам Ростиславичи — Володарь и Василько умерли оба в 1124 году; после Володаря осталось два сына — Ростислав[228] и Владимир, известный больше под уменьшительным именем Владимирка; после Василька — Григорий и Иван Из князей этих самым замечательным явился второй Володаревич, Владимирко: несмотря на то, что отовсюду был окружен сильными врагами, Владимирко умел не только удержаться в своей волости, но и успел оставить ее своему сыну могущественным княжеством, которого союз или вражда получили большую важность для народов соседних. Будучи слабым между многими сильными, Владимирко не разбирал средств для достижения цели: большею частию действовал ловкостию, хитростию, не смотрел на клятвы. Призвав на помощь венгров, он встал на старшего брата своего Ростислава в 1127 году; но Ростиславу помогли двоюродные братья Васильковичи и великий князь киевский — Мстислав Владимирович С Ростиславом ему не удалось сладить; но когда умер Ростислав, равно как оба двоюродные братья Васильковичи, то Владимирко взял себе обе волости — Перемышльскую и Теребовльскую — и не поделился с племянником своим Иваном Ростиславичем, княжившим в Звенигороде. Усобицы, возникшие на Руси по смерти Мстислава Великого, давали Владимиру полную свободу действовать. Мы видели, что в войне Всеволода Ольговича с Мономаховичами, Владимирко с одним из двоюродных братьев своих, Иваном Васильковичем[229], помогал Всеволоду; но отношения переменились, когда на столе волынском вместо Изяслава Мстиславича сел сын Всеволодов — Святослав; князь с таким характером и стремлениями, как Владимирко, не мог быть хорошим соседом; Святослав и отец его также не были уступчивы, и потому неудивительно читать в летописи под 1144 годом, что Всеволод рассорился с Владимирком за сына, начали искать друг на друге вины, и Владимирко отослал в Киев крестную грамоту. Всеволод пошел на него с обоими родными братьями, с двоюродным Владимиром Давыдовичем, Мономаховичем — Вячеславом туровским, двумя Мстиславичами — Изяславом и Ростиславом, с сыном Святославом, двумя сыновьями Всеволода городенского, с Владиславом польским князем; нудили *многоглаголивого*

Владимирка неволею приехать ко Всеволоду поклониться; но тот не хотел и слышать об этом и привел к себе на помощь венгров. Всеволод пошел к Теребовлю; Владимирко вышел к нему навстречу, но биться не могли, потому что между ними была река Сереть, и оба пошли по берегам реки к Звенигороду [230]. Всеволод, к которому пришел двоюродный брат, Изяслав Давыдович, с половцами, стал об одну сторону Звенигорода, а Владимирко — по другую; мелкая река разделяла оба войска. Тогда Всеволод велел чинить гати; войска его перешли реку и зашли в тыл Владимирку, отрезав его от Перемышля и Галича. Видя это, галичане встосковались: «Мы здесь стоим, говорили они, а там жен наших возьмут». Тогда ловкий Владимирко нашелся, с какой стороны начать дело: он послал сказать брату Всеволодову Игорю: «Если помиришь меня с братом, по его смерти помогу тебе сесть в Киеве». Игорь прельстился обещанием и начал хлопотать о мире, приступая к брату то с мольбою, то с сердцем: «Не хочешь ты мне добра, зачем ты мне назначил Киев после себя, когда не даешь друга сыскать?» Всеволод послушался его и заключил мир Владимирко выехал к нему из стана, поклонился и дал за труд 1400 гривен серебра: прежде он много говорил, а после много заплатил, прибавляет летописец. Всеволод, поцеловавшись с Владимирком, сказал ему. «Се цел еси, к тому не согрешай», и отдал ему назад два города, Ушицу и Микулин, захваченные Изяславом Давыдовичем Серебра себе Всеволод не взял один всего, но разделил со всею братьею. Неудача Владимирка ободрила внутренних врагов его, приверженцев племянника Ивана Ростиславича Когда зимою Владимирко отправился на охоту [231], то жители Галича послали в Звенигород за Иваном и ввели его к себе в город [232] Владимирко, услыхав об этом, пришел с дружиною к Галичу, бился с осажденными три недели и все не мог взять города, как однажды ночью Иван вздумал сделать вылазку, но зашел слишком далеко от города и был отрезан от него полками Владимирковыми; потеряв много дружины, он пробился сквозь вражье войско и бросился к Дунаю, а оттуда степью в Киев к Всеволоду; Владимирко вошел в Галич, многих людей перебил, а иных показнил казнью злою, по выражению летописца Быть может, покровительство, оказанное Всеволодом Ростиславичу, послужило поводом к новой войне между киевским и галицким князьями: в 1146 году Владимирко взял Прилук [233] — пограничный киевский город. Всеволод опять собрал братьев и шурьев, соединился с новгородцами, которые прислали отряд войска под воеводою Неревином, с поляками и дикими половцами и осадил Звенигород со множеством войска, на первый день осады пожжен был острог, на другой звенигородцы собрали вече и решили сдаться; но не хотел сдаваться воевода, Владимирков боярич,

Иван Халдеевич: чтоб настращать граждан, он схватил у них три человека, убил их и, рассекши каждого пополам, выбросил вон из города. Он достиг своей цели: звенигородцы испугались и с тех пор начали биться без лести Видя это, Всеволод решился взять город приступом; на третий день все войско двинулось на город; бились с зари до позднего вечера, зажгли город в трех местах; но граждане утушили пожар. Всеволод принужден был снять осаду и возвратился в Киев; как видно, впрочем, продолжению войны много помешала болезнь его.

Относительно других княжеских линий встречаем известие о смерти Всеволода Давыдовича городенского в 1141 году; после него осталось двое сыновей. Борис и Глеб, да две дочери, из которых одну великий князь Всеволод отдал за двоюродного брата своего Владимира Давыдовича, а другую — за Юрия Ярославича. Здесь в первый раз упоминается этот Юрий, сын Ярослава Святополчича, следовательно, представитель Изяславовой линии; где он княжил, неизвестно. Полоцкие князья воспользовались смутами, ослабившими племя Мономахово, и возвратились из изгнания в свою волость Мы видели, что при Ярополке княжил в Полоцке Василько Святославич; о возвращении двоих других князей полоцких из изгнания летописец упоминает под 1139 годом. Ярославичи обеих линий — Мономаховичи и Ольговичи теперь вместо вражды входили в родственные союзы с полоцкими: так, Всеволод женил сына своего Святослава на дочери Василька; а Изяслав Мстиславич отдал дочь свою за Рогволода Борисовича В линии Ярослава Святославича муромского умер сын его Святослав в 1144 году; его место заступил брат его Ростислав, пославши сына своего Глеба княжить в Рязань.

Что касается до Новгорода, то легко предвидеть, что при усобицах между Мономаховичами и Ольговичами в нем не могло быть спокойно. По изгнании Вячеслава Всеволодом из Киева при торжестве Ольговичей новгородцы опять стали между двух огней, опять вовлекались в междоусобие; должны были поднять оружие против великого князя киевского, от которого обязаны были зависеть. Мы видели, что Юрий ростовский, собравшись на Всеволода, потребовал войска у новгородцев; граждане отказались поднять руки на великого князя, как прежде отказались идти против Юрия; отказ на требование отца послужил знаком к отъезду сына: Ростислав уехал в Смоленск, Новгород остался без князя; а между тем рассерженный Юрий взял Торжок. В такой крайности новгородцы обратились к Всеволоду, должны были принять снова Святослава Ольговича, прежде изгнанного, т. е. поднять опять у себя все потухшие было вражды Новгородцы принуждены были дать клятву Святославу[234]; в чем она состо-

яла, неизвестно; но еще до приезда Святослава в Новгород летописец упоминает о мятеже, произведенном, без сомнения, врагами Святослава, приверженцами Мономаховича. Святослав не забыл также врагов своих, бывших причиною его изгнания, вследствие чего новгородцы начали вставать на него на вечах за его злобу, по выражению летописца. Святославу самому скоро наскучило такое положение; он послал сказать Всеволоду: «Тяжко мне, брат, с этими людьми, не могу с ними жить; кого хочешь, того и пошли сюда». Всеволод решился отправить сына своего Святослава и послал сказать об этом новгородцам известного уже нам Ивана Войтишича; но, вероятно, для того, чтоб ослабить сторону Мономаховскую и приготовить сыну спокойное княжение, велел Войтишичу выпросить у новгородцев лучших мужей и прислать их в Киев, что и было исполнено: так, заточен был в Киев Константин Микулинич, который был посадником прежде при Святославе и потом бежал к Всеволоду Мстиславичу; вслед за Константином отосланы были в оковах в Киев еще шестеро граждан. Но эти меры, как видно, только усилили волнения. На вечах начали бить Святославовых приятелей за его насилия; кум его, тысяцкий, дал ему знать, что собираются схватить и его; тогда Святослав тихонько ночью убежал из Новгорода вместе с посадником Якуном; но Якуна схватили, привели в Новгород вместе с братом Прокопием, чуть не убили до смерти, раздели донага и сбросили с моста. Ему посчастливилось, однако, прибресть к берегу; тогда уже больше его не стали бить, но взяли с него 1000 гривен, да с брата его сто гривен и заточили обоих в Чудь, приковавши руки к шее; но после перевел их к себе Юрий ростовский и держал в милости. Между тем епископ новгородский с другими послами приехал в Киев и сказал Всеволоду: «Дай нам сына твоего, а Святослава, брата твоего, не хотим». Всеволод согласился и отправил к ним сына Святослава; но когда молодой князь был уже на дороге в Чернигов, новгородцы переменили мнение и объявили Всеволоду: «Не хотим ни сына твоего, ни брата и никого из вашего племени, хотим племени Владимирова; дай нам шурина твоего Мстиславича». Всеволод, услыхав это требование, воротил епископа с послами, и задержал их у себя. Не желая передать Новгорода Владимирову племени, Всеволод призвал к себе шурьев своих — Святополка и Владимира, дал им Брест и сказал: «О Новгороде не хлопочите, пусть их сидят одни, пусть берут себе князя, какого хотят». 9 месяцев сидели новгородцы без князя, чего они не могли терпеть, по выражению летописца; притом же сделалась дороговизна, хлеб не шел им ниоткуда. При таких обстоятельствах, естественно, упала сторона, так сильно действовавшая против Святослава, и восторжествовала сторона противная; но эта сторона переме-

нила теперь направление: мы видели, что Юрий ростовский принял к себе Якуна и держал его в милости; в Суздаль же бежали и другие приятели Святослава и Якуна — Судила, Нежата, Страшко; ясно, что Юрий милостивым приемом привлек их всех на свою сторону; теперь, когда сторона их усилилась и они были призваны в Новгород, а Судила был избран даже посадником, то легко понять, что они стали действовать в пользу своего благодетеля Юрия, тем более что теперь не оставалось другого средства, как обратиться к последнему, и вот новгородцы послали за Юрием; тот сам к ним не поехал, а отправил сына своего Ростислава. Тогда Всеволод увидал, что ошибся в своем расчете, сильно рассердился на Юрия, захватил его город, Городец на Остре, и другие, захватил коней, рогатый скот, овец, всякое добро, какое только было у Юрия на юге; а между тем Изяслав Мстиславич послал сказать сестре своей, жене Всеволодовой: «Выпроси у зятя Новгород Великий брату своему Святополку». Она стала просить мужа, и тот, наконец, согласился; разумеется, не одна просьба жены заставила его согласиться на это: ему выгоднее было видеть в Новгороде шурина своего Мстиславича, чем сына Юрьева; притом изгнание последнего в пользу первого усиливало еще больше вражду между Юрием и племянниками, что было очень выгодно для Всеволода. Когда в Новгороде узнали, что из Киева идет к ним Святополк Мстиславич с епископом и лучшими людьми, задержанными прежде Всеволодом, то сторона Мстиславичей поднялась опять, тем более, что теперь надобно было выбрать из двух одно: удержать сына Юриева и войти во вражду с великим князем и Мстиславичами или принять Святополка и враждовать с одним Юрием. Решились на последнее: Святополк был принят, Ростислав отправлен к отцу, и Новгород успокоился.

Таковы были внутренние отношения во время старшинства Всеволода Ольговича; обратимся теперь ко внешним. Мы оставили Польшу под правлением Болеслава III Кривоустого; княжение Болеслава было одно из самых блистательных в польской истории по удачным войнам его с поморянами, чехами, немцами. Мы видели также постоянную борьбу его с братом Збигневом, против которого он пользовался русскою помощию. Очень важно было для Руси, что деятельность такого энергического князя отвлекалась преимущественно на запад, сдерживалась домашнею борьбою с братом и что современниками его на Руси были Мономах и сын его Мстислав, которые могли дать всегда сильный отпор Польше в случае вражды с ее князем; так кончилось ничем вмешательство Болеслава в дела волынские, когда он принял сторону Изяславовой линии, ему родственной. По смерти Мстислава Великого, когда начались смуты на Руси, герой

польский уже устарел, да и постоянно отвлекался западными отношениями; а по смерти Болеслава усобицы между сыновьями его не только помешали им воспользоваться русскими усобицами, но даже заставили их дать место вмешательству русских князей в свои дела. Болеслав умер в 1139 году, оставив пятерых сыновей, между которыми начались те же самые родовые отношения, какие мы видели до сих пор между князьями русскими и чешскими. Старший из Болеславичей сидел на главном столе в Кракове; меньшие братья имели свои волости и находились к старшему только в родовых отношениях. Легко понять, какое следствие для Польши должны были иметь подобные отношения между князьями, когда значение вельмож успело уже так усилиться. Владислав II, старший между Болеславичами, был сам человек кроткий и миролюбивый; но не такова была жена его, Агнесса, дочь Леопольда, герцога австрийского. Немецкой принцессе казались дикими родовые отношения между князьями, ее гордость оскорблялась тем, что муж ее считался только старшим между братьями; она называла его полукнязем и полумужчиною за то, что он терпел подле себя столько равноправных князей. Владислав поддался увещаниям и насмешкам жены: он начал требовать дани с волостей, принадлежавших братьям, забирать города последних и обнаруживал намерение совершенно изгнать их из Польши. Но вельможи и прелаты встали за младших братьев, и Владислав принужден был бежать в Германию; старшинство принял второй после него брат, Болеслав IV, Кудрявый. В этих усобицах принимал участие Всеволод Ольгович, по родству с Владиславом, за старшим сыном которого, Болеславом, была дочь его Звенислава, или Велеслава[235]. В 1142 году Всеволод посылал сына своего Святослава, двоюродного брата Изяслава Давыдовича и Владимирка галицкого на помощь Владиславу против меньших братьев; русские полки не спасли Владислава от изгнания; наш летописец сам признается, что они удовольствовались только опустошением страны, побравши в плен больше мирных, чем ратных людей. В походе на Владимирка Владислав был в войске Всеволодовом; в 1145 году на зов Владислава, не переставшего хлопотать о возвращении стола то на Руси, то у немцев, отправился на меньших Болеславичей Игорь Ольгович с братьями: в средине земли Польской, говорит летописец, встретились они с Болеславом Кудрявым и братом его Мечиславом (Межко); польские князья не захотели биться, приехали к Игорю с поклоном и помирились на том, что уступили старшему брату Владиславу четыре города во владение, а Игорю с братьями дали город Визну[236], после чего русские князья возвратились домой и привели с собою большой полон; тем и кончились польские отношения. Шведскому князю, который в 1142 году приходил в 60 шне-

ках на заграничных купцов, шедших в трех лодьях, не удалось овладеть последними; купцы отбились от шведов, убивши у них полтораста человек. С финскими племенами продолжалась борьба по-прежнему: в 1142 году приходила емь из Финляндии и воевала область Новгородскую; но ни одного человека из них не возвратилось домой: ладожане истребили у них 400 человек; в следующем году упоминается о походе корелы на емь. О половецких нашествиях не встречаем известий в летописях: под 1139 годом читаем, что приходила вся Половецкая земля, все князья половецкие на мир; ходил к ним Всеволод из Киева и Андрей из Переяславля к Малотину[237] и помирились; разумеется, мир этот можно было только купить у варваров. После видим, что половцы участвуют в походе Всеволода на Галич.

Мы видели, что еще во время галицкого похода Игорь Ольгович упоминал об обещании брата Всеволода оставить ему после себя Киев; в 1145 Всеволод в присутствии братьев своих, родных, двоюродных, и шурина Изяслава Мстиславича прямо объявил об этом распоряжении своем: «Владимир Мономах, говорил он, посадил после себя на старшем столе сына своего Мстислава, а Мстислав — брата своего Ярополка: так и я, если бог меня возьмет, отдаю Киев по себе брату своему Игорю». Преемство Мстислава после Мономаха и преемство Ярополка после Мстислава нарушило в глазах Ольговича старый порядок, по которому старшинство и Киев принадлежали всегда самому старшему в роде; так как Мономаховичи первые нарушили этот обычай в пользу своего племени, то теперь он, Всеволод, считает себя вправе поступить точно так же, отдать Киев после себя брату, хотя Игорь и не был после него самым старшим в целом роде Ярославовом. Изяслав Мстиславич сильно вооружился против этого распоряжения, но делать было нечего, по нужде целовал он крест, что признает старшинство Игоря. Когда все братья, продолжает летописец, сели у Всеволода на сенях, то он начал говорить: «Игорь! Целуй крест, что будешь любить братьев; а вы, Владимир, Святослав и Изяслав, целуйте крест Игорю и будьте довольны тем, что вам даст по своей воле, а не по нужде». И все братья целовали крест. Когда в 1146 году Всеволод больной возвратился из галицкого похода, то остановился под Вышгородом на острове, велел позвать к себе лучших киевлян и сказал им: «Я очень болен; вот вам брат мой Игорь, возьмите его себе в князья»; те отвечали: «Возьмем с радостию». Игорь отправился с ними в Киев, созвал всех граждан, и все целовали ему крест, говоря: «Ты нам князь»; но они обманывали его, прибавляет летописец. На другой день поехал Игорь в Вышгород, и вышгородцы также целовали ему крест. Всеволод был еще все жив: он послал зятя своего Болеслава поль-

ского к Изяславу Мстиславичу, а боярина Мирослава Андреевича к Давыдовичам спросить, стоят ли они в крестном целовании Игорю, и те отвечали, что стоят. 1 августа умер Всеволод, князь умный, деятельный, где дело шло об его личных выгодах, умевший пользоваться обстоятельствами, но не разбиравший средств при достижении цели [238].

После братних похорон Игорь поехал в Киев, опять созвал всех киевлян на гору, на двор Ярославов, и опять все присягнули ему. Но потом вдруг собрались все у Туровой божницы и послали сказать Игорю «Князь! приезжай к нам». Игорь вместе с братом Святославом поехал, остановился с дружиною, а брата Святослава послал на вече. Киевляне стали жаловаться на тиуна Всеволодова, Ратшу, и на другого тиуна вышгородского, Тудора, говорили: «Ратша погубил у нас Киев, а Тудор — Вышгород; так теперь, князь Святослав, целуй крест нам и с братом своим, что если кого из нас обидят, то ты разбирай дело». Святослав отвечал: «Я целую крест за брата, что не будет вам никакого насилия, будет вам и тиун по вашей воле». Сказавши это, он сошел с лошади и целовал крест на вече, киевляне также все сошли с лошадей и целовали крест, говоря: «Брат твой князь и ты клялись и с детьми не мыслить зла ни против Игоря, ни против Святослава». После этого Святослав, взявши лучших мужей, поехал с ними к Игорю и сказал ему: «Брат! Я поклялся им, что ты будешь судить их справедливо и любить». Игорь сошел с лошади и целовал крест на всей их воле и на братней, после чего князья поехали обедать. Но киевляне бросились с веча на Ратшин двор грабить и на мечников; Игорь выслал к ним брата Святослава с дружиною, и тот едва утишил их. В то же самое время Игорь послал сказать Изяславу Мстиславичу: «Брата нашего бог взял; стоишь ли в крестном целовании?» Изяслав не дал ответа и даже не отпустил посла назад, потому что Игорь не сдержал обещания, данного киевлянам, и те послали сказать Изяславу в Переяславль: «Поди, князь, к нам: хотим тебя». Изяслав принял приглашение, собрал своих ратных людей и пошел из Переяславля; когда он перешел Днепр у Заруба, то прислало к нему все пограничное варварское народонаселение, черные клобуки и все жители пограничных городов на реке Роси (все Поросье); посланные говорили: «Ты наш князь, Ольговичей не хотим; ступай скорее, а мы с тобою» [239]. Изяслав пошел к Дерновому, и тут соединились с ним все черные клобуки и поршане (жители городов по Роси); туда же прислали к нему белгородцы и василевцы с теми же речами: «Ступай, ты наш князь, Ольговичей не хотим»; скоро явились новые послы из Киева и сказали: «Ты наш князь, ступай, не хотим переходить к Ольговичам точно по наследству [240]; где увидим твой стяг, тут и мы будем готовы с

тобою». Эти слова очень важны: они показывают, что современники не были знакомы с понятиями о наследственности в одной линии. Изяслав собрал все свое войско в степи, христиан и поганых, и сказал им: «Братья! Всеволода я считал по правде братом старшим, потому что старший брат и зять мне как отец; а с этими как меня бог управит и сила крестная: либо голову свою положу перед вами, либо достану стол дедовский и отцовский». Сказавши это, он двинулся к Киеву, а между тем Игорь послал к двоюродным братьям своим, Давыдовичам, спросить у них, стоят ли они в крестном целовании. Те хотели дорого продать свою верность клятве и запросили у него волостей много; Игорь в крайности дал им все, лишь бы только шли к нему на помощь; и они отправились. Но еще важнее было для Игоря уладиться с дружиною, привязать ее к себе; он призвал к себе главных бояр — Улеба, Ивана Войтишича, Лазаря Саковского и сказал им: «Как были у брата моего, так будете и у меня»; а Улебу сказал: «Держи ты тысячу (т. е. будь тысяцким), как у брата моего держал». Из этого видно, что при каждой перемене князя бояре боялись лишиться прежнего значения, и теперь Игорь спешит уверить их, что они ничего не потеряют при нем. Но Ольгович опоздал: эти бояре уже передались Изяславу; они могли видеть всеобщее нерасположение к Игорю, видеть, что вся Русь становится под стяг Мономахова внука, и спешили отстать от проигранного дела. Они послали сказать Изяславу: «Ступай, князь, скорее: идут Давыдовичи Игорю на помощь». Кроме означенных бояр в Святославовом полку передались на сторону Мстиславича Василь Полочанин и Мирослав (Андреевич), внук Хилич; они впятером собирали киевлян и советовались, как бы обмануть Игоря; а к Изяславу послали сказать: «Ступай, князь, мы уговорились с киевлянами; бросим стяг Ольговича и побежим с полком своим в Киев». Изяслав подошел к Киеву и стал с сыном своим Мстиславом у вала, подле Надова озера, а киевляне стояли особо, у Ольговой могилы, огромною толпою. Скоро Игорь и все войско его увидали, что киевляне послали к Изяславу и взяли у него тысяцкого со стягом; а вслед за тем берендеи переехали чрез Лыбедь и захватили Игорев обоз перед Золотыми воротами и под огородами. Видя это, Игорь сказал брату Святославу и племяннику Святославу Всеволодовичу. «Ступайте в свои полки, и как нас с ними бог рассудит»; велел ехать в свои полки также и Улебу тысяцкому с Иваном Войтишичем. Но как скоро приехали они в свои полки, то бросили стяги и поскакали к Жидовским воротам. Ольгович с племянником не смутились от этого и пошли против Изяслава; но им нельзя было проехать к нему Надовым озером; они пошли верхом и попали в самое невыгодное место между двумя канавами из озера и из сухой Лыбеди. Берендеи

заехали им взад и начали сечь их саблями, а Изяслав с сыном Мстиславом и дружиною заехали сбоку; Ольговичи побежали, Игорь заехал в болото, конь под ним увяз, а идти он не мог, потому что был болен ногами; брат его Святослав бежал на устье Десны, за Днепр, а племянник Святослав Всеволодич прибежал в Киев и спрятался в Ирининском монастыре, где его и взяли; дружину Ольговича гнали до самого Днепра, до устья Десны и до киевского перевоза.

Изяслав с великою славою и честью въехал в Киев; множество народа вышло к нему навстречу; игумены с монахами и священниками со всего Киева в ризах; он приехал к св. Софии, поклонился богородице и сел на столе отцовском и дедовском. Когда привели к нему Святослава Всеволодовича, то он сказал ему: «Ты мне родной племянник», и начал водить его подле себя; бояр, верных Ольговичам, перехватали много — Данила Великого, Юрья Прокопьича, Ивора Юрьевича, внука Мирославова и других и пустили их, взявши окуп. Через четыре дня схватили в болоте Игоря и привели к Изяславу, который сначала послал его в Выдубицкий монастырь, а потом, сковавши, велел посадить в переяславский-Ивановский; тогда же киевляне с Изяславом разграбили домы дружины Игоревой и Всеволодовой, села, скот, взяли много именья в домах и монастырях. Таким образом старший стол перешел опять в род Мономаха, но перешел к племяннику мимо двух дядей; причины этого явления мы уже видели прежде: племянник Изяслав личною доблестию превосходил дядей, был представителем Мономахова племени в глазах народа. Сам Изяслав сначала не хотел нарушать право дяди Вячеслава; отправившись в поход против Игоря Ольговича, он объявил, что идет возвратить старший стол Вячеславу. Но дела переменились, когда он действительно овладел Киевом; если жители этого города заставили Мономаха нарушить старшинство Святославичей, то нет сомнения, что они же заставили и внука его Изяслава нарушить старшинство дяди Вячеслава· желая избавиться от Ольговичей, они прямо послали к Изяславу, ему говорили: «Ты наш князь!» После увидим, что, призывая его вторично к себе, они прямо скажут ему, что не хотят Вячеслава; когда Юрий хотел было также уступить Киев Вячеславу, то бояре сказали, что он напрасно это делает, ибо Вячеславу все равно не удержать же Киева — таково было общее мнение о старшем из Мономаховичей; Юрий подчинился этому общему мнению, должен был подчиниться ему и племянник его Изяслав. Но если Русь не хотела Вячеслава, признавая его неспособным, то не так смотрели на дело собственные бояре Вячеславовы, которые управляли слабым князем и хотели управлять Киевом при его старшинстве. Послушавши бояр, Вячеслав стал распоряжаться как старший: захватил города, которые

отняты были у него Всеволодом [241]; захватил и Владимир-Волынский и посадил в нем племянника, Владимира Андреевича, сына покойного переяславского князя. Но Изяслав поспешил уверить его, что не он старший; он послал на дядю брата Ростислава и племянника Святослава Всеволодовича; те взяли у Вячеслава Туров, схватили в нем епископа Иоакима и посадника Жирослава. В Турове посадил Изяслав сына своего Ярослава, старший сын его Мстислав сел в Переяславле. Такое распоряжение могло оскорбить братьев Изяславовых, особенно старшего Ростислава смоленского, но, вероятно, этот князь не хотел менять верное на неверное и сам отказался от Переяславля: здесь он беспрестанно должен был отбиваться от Черниговских и от половцев; притом украинское Переяславское княжество, вероятно, было беднее смоленского; наконец, в предшествовавшие смуты Переяславль много потерял из прежнего своего значения: мы видели, что Юрий ростовский отказался от него в пользу младшего брата Андрея; дядя Вячеслав — в пользу племянника Изяслава. У племянника от сестры, Святослава Всеволодовича, Изяслав взял Владимир-Волынский и вместо того дал ему пять городов на Волыни [242]. Города в земле южных дреговичей, которые Всеволод Ольгович роздал по братьям своим, остались за Давыдовичами.

Так устроились дела в собственной Руси; между тем Святослав Ольгович с малою дружиною прибежал в Чернигов и послал спросить у двоюродных братьев, Давыдовичей, хотят ли они сдержать клятву, которую дали пять дней тому назад. Давыдовичи отвечали, что хотят. Тогда Святослав, оставя у них мужа своего Коснятка, поехал в свои волости *уставливать* людей, то есть взять с них присягу в верности, сперва в Курск, а потом в Новгород-Северский. Но как скоро Святослав уехал, Давыдовичи начали думать втайне от его боярина. Коснятко, узнав, что они замышляют схватить Святослава, послал сказать ему: «Князь! думают о тебе, хотят схватить; когда они за тобой пришлют, то не езди к ним». Давыдовичи боялись, что теперь Ольговичи, лишенные надежды получить волости на западной стороне Днепра, будут добиваться волостей черниговских, и положили соединиться с Мстиславичем против двоюродных братьев; они послали сказать Изяславу: «Игорь как до тебя был зол, так и до нас: держи его крепко», а к Святославу послали сказать: «Ступай прочь из Новгорода-Северского в Путивль, а от брата Игоря отступись». Святослав отвечал: «Не хочу ни волости, ничего другого, только отпустите мне брата»; но Давыдовичи все настаивали: «Целуй крест, что не будешь ни просить, ни искать брата, а волость держи». Святослав заплакал и послал к Юрию в Суздаль: «Брата моего Всеволода бог взял, а Игоря Изяслав взял; пойди в Русскую землю в Киев,

помилосердуй, сыщи мне брата; а я здесь, с помощию божиею, буду тебе помогать». В самом деле Святослав действовал: послал к половецким ханам, дядьям жены своей [243], за помощью, и те прислали ему немедленно 300 человек. В то же время прибежал к нему от дяди из Мурома Владимир Святославич, внук Ярославов; мы видели, что по смерти Святослава Ярославича в Муроме сел брат его Ростислав, а в Рязань послал сына своего Глеба; это уже самое распоряжение обижало сына Святославова Владимира, который, не получив, быть может, и вовсе волостей, прибежал теперь к Святославу Ольговичу; вслед за ним прибыл в Новгород-Северский и другой изгнанник — Иван Ростиславич галицкий, который носит название Берладника: молдавский город Берлад был, подобно Тмутаракани, притоном всех беглецов, князей и простых людей; Иван также находил в нем убежище и дружину [244]. Между тем Давыдовичи спешили кончить дело с опасным Ольговичем; по словам летописца, они говорили: «Мы начали злое дело, так уже окончим братоубийство; пойдем, искореним Святослава и переймем волость его»; они видели, что Святослав употребит все средства для освобождения брата; помнили, что и при жизни Всеволода Игорь с братом не давали им покоя, требуя Чернигова и волостей его, и сдерживались только обещанием Киева и волостей заднепровских; а теперь что будет их сдерживать? Отсюда понятна раздражительность Давыдовичей. Они стали проситься у Изяслава идти на Святослава к Новгороду-Северскому. Изяслав ходил к ним на съезд, где порешили — Давыдовичам вместе с сыном Изяславовым Мстиславом, переяславцами и берендеями идти к Новгороду-Северскому. Изяслав сказал им: «Ступайте! если Святослав не выбежит перед вами из города, то осадите его там; когда вы устанете, то я с свежими силами приду к вам и стану продолжать осаду, а вы пойдете домой». Давыдовичи отправились к Новгороду, стали у вала и два раза приступали к двум воротам; бились у них сильно, как вдруг получили весть от Мстислава Изяславича, чтоб не приступали без него к городу, потому что так отец его велел. Давыдовичи послушались, дождались Мстислава, и все вместе пустили стрельцов своих к городу, христиан и берендеев, и сами стали полками и начали биться; граждане были сильно стеснены: их втиснули в острожные ворота, причем они много потеряли убитыми и ранеными. Бой продолжался до самого вечера, но город не был взят; осаждающие отступили, стали в селе Мелтекове и, пославши отсюда, заграбили стада Игоревы и Святославовы в лесу по реке Рахне, кобыл 3000, да коней 1000; послали и по окрестным селам жечь хлеб и дворы.

В это время пришла весть, что Юрий ростовский заключил союз с Святославом и идет к нему на помощь. Услыхав, что

дядя поднялся на него, Изяслав Мстиславич отправил степью гонца в Рязань к Ростиславу Ярославичу с просьбою, чтоб напал на Ростовскую область и таким образом отвлек бы Юрия; Ростислав согласился; мы видели, что враждебный ему племянник находился у Святослава Ольговича, союзника Юриева и ему следовало вступить в союз с врагами последнего; да и без того Ярославичи муромские едва ли могли быть в дружелюбных отношениях к Ольговичам, изгнавшим отца их из Чернигова. Юрий был уже в Козельске, когда узнал, что Ростислав рязанский воюет его волость; это известие заставило его возвратиться и отпустить к Святославу только сына Ивана; когда тот пришел в Новгород к Святославу, то последний дал ему Курск с волостями по реке Сейму: как видно, Ольгович решился не щадить ничего, отдавать последнее, лишь бы только удержать в союзе Юрия и с его помощию достигнуть своей цели, освободить брата. Отдавши половину волости Юрьевичу, Святослав по думе бояр своих попробовал еще раз разжалобить Давыдовичей и послал священника своего сказать им: «Братья! Землю мою вы повоевали, стада мои и братние взяли, хлеб пожгли и *всю жизнь мою* (все имение, все животы) погубили: теперь вам остается убить меня». Давыдовичи отвечали по-прежнему, чтоб оставил брата; Святослав на это отвечал также по-прежнему: «Лучше мне помереть, чем оставить брата; буду искать его, пока душа в теле». Давыдовичи продолжали пустошить волости Ольговичей; взяли сельцо Игорево, где он устроил себе двор добрый; было тут в погребах наготовлено много вина и меду, и всякого тяжелого товару, железа и меди, так что нельзя было всего и вывезти; Давыдовичи велели все это покласть на возы и потом велели зажечь двор и церковь св. Георгия, и гумно, где было 900 стогов. Потом, услыхав, что Изяслав Мстиславич идет к ним на помощь из Киева, они пошли к Путивлю и приступили к городу, послав сказать жителям: «Не бейтесь; клянемся св. богородицею, что не дадим вас в полон». Но путивльцы не послушались и крепко бились до тех пор, пока пришел Изяслав Мстиславич с силою киевскою; тогда путивльцы послали к нему сказать с поклоном: «Мы тебя только дожидались, князь, целуй нам крест». Изяслав поцеловал крест и только вывел от них прежнего посадника и посадил своего; этот поступок путивльцев очень замечателен: он показывает доверенность ко внуку Мономахову и недоверие ко внукам Святославовым у самих жителей черниговских волостей; неудивительно, что на той стороне Днепра так не любили Святославичей. В Путивле Изяслав и Давыдовичи взяли двор Святославов и все добро, какое нашли там, разделили на четыре части, взяли 500 берковцев меду, 80 корчаг вина; взяли всю утварь из церкви Вознесения и 700 человек рабов. Узнавши,

что Путивль взят, именье его пограблено и что Изяслав идет на него, хочет осадить в Новгороде, Святослав позвал на совет князей Ивана Юрьича, Ивана Ростиславича Берладника, дружину, половцев диких, дядей своих и спрашивал, что делать. Те отвечали ему: «Князь! Ступай отсюда, не мешкая; здесь тебе не при чем оставаться: нет ни хлеба, ничего; ступай в лесную землю; там тебе близко будет пересылаться с *отцом своим* Юрием». Святослав послушался и побежал из Новгорода в Корачев с женою и детьми и с женою брата своего Игоря; из дружины одни пошли за ним, другие оставили его.

Новгородцы-северские дали знать Изяславу и его союзникам, что Святослав убежал от них; это известие сильно раздосадовало Давыдовичей: они знали, что пока Святослав будет на свободе, до тех пор не перестанет отыскивать свободы брату; в сердцах Изяслав Давыдович сказал братьям: «Пустите меня за ним; если ему самому удастся уйти от меня, то жену и детей у него отниму, имение его возьму!» — и, взявши с собою три тысячи конной дружины, без возов, налегке отправился в погоню за Ольговичем, которому не оставалось более ничего делать, как или семью и дружину свою отдать в плен, или голову свою сложить. Подумав с союзными князьями, половцами и дружиною, он вышел навстречу к Давыдовичу и разбил его. Изяслав Мстиславич и Владимир Давыдович шли с полками вслед за Изяславом Давыдовичем и, остановившись в лесу, сели было обедать, как вдруг пригнал к ним один муж с вестию, что Изяслав разбит Ольговичем. Эта весть сильно раздосадовала Изяслава Мстиславича, который, по выражению летописца, был храбр и крепок на рать; он выстроил свое войско и пошел на Святослава к Корачеву; на дороге встречали его беглецы из дружины Изяслава Давыдовича и присоединялись к войску; самого Давыдовича долго не было, наконец, и он явился в полдень; князья шли весь этот день до ночи и остановились ночевать недалеко от Корачева, а Святослав, узнав о их приходе, ушел за лес в землю вятичей. Тогда Изяслав Мстиславич сказал Давыдовичам: «Каких хотели вы волостей, те я вам добыл: вот вам Новгород-Северский и все Святославовы волости; что же будет в этих волостях Игорево — рабы или товар какой, то мое; а что будет Святославовых рабов и товара, то разделим на части». Урядившись таким образом, Изяслав возвратился в Киев, а между тем Игорь Ольгович сильно разболелся в тюрьме и прислал сказать ему: «Брат! Я очень болен и прошу у тебя пострижения; хотел я этого, когда еще был князем; а теперь в нужде я сильно разболелся и не думаю, что останусь в живых». Изяслав сжалился и послал сказать ему: «Если была у тебя мысль о пострижении, то ты волен; а я тебя и без того выпускаю для твоей

болезни». Над Игорем розняли верх тюрьмы и вынесли больного в келью; восемь дней он не пил, не ел, но потом ему полегчало, и он постригся в киевском Федоровском монастыре в схиме.

Между тем в земле Северской и у вятичей по-прежнему шла война между Давыдовичами и Ольговичами. Изяслав Мстиславич, уходя в Киев, имел неосторожность оставить с Давыдовичами Святослава Всеволодовича, родного племянника Святославова, которого выгоды были тесно связаны с выгодами дяди, с выгодами племени Ольговичей· окончательное поражение дяди Святослава, окончательное торжество Давыдовичей отнимало у него навсегда надежду княжить в Чернигове, на что он имел со временем полное право, как сын старшего из Ольговичей. Вот почему он должен был поддерживать дядю и, точно, вместо преследования уведомлял его о движениях неприятельских[245]. Несмотря на отступление Ивана Берладника, который, взявши у Святослава 200 гривен серебра и 12 золота, перешел к Ростиславу Мстиславичу смоленскому, дела Ольговича поправились, потому что Юрий ростовский прислал ему на помощь белозерскую дружину. Святослав уже хотел идти с нею на Давыдовичей, как вдруг опасно занемог сын Юрьев, Иван; Ольгович не поехал от больного и дружины не отпустил. Давыдовичи, с своей стороны, услыхав, что Святослав получил помощь от Юрия, не посмели идти на него, но, созвавши лучших вятичей, сказали им: «Святослав такой же враг и вам, как нам: старайтесь убить его как-нибудь обманом и дружину его перебить, а именье его вам», — после чего сами пошли назад. Двое сыновей Юрьевых — Ростислав и Андрей действовали успешно с другой стороны: заставили рязанского князя Ростислава бежать к половцам; но в это время умер брат их Иван у Святослава, который после того перешел на устье реки Протвы. Сюда прислал утешать его Юрий: «Не тужи о моем сыне, велел он сказать ему; если этого бог взял, то другого к тебе пришлю»; тогда же прислал он и богатые дары Святославу — ткани и меха, дарил и жену его, и дружину (1146 г.).

Весною Юрий с союзником своим начал наступательное движение· сам вошел в область Новгородскую, взял Торжок и землю по Мсте; а Святослав пошел на Смоленскую волость, взял Голядей, на верховьях Протвы, и обогатил дружину свою полоном, после чего получил зов от Юрия приехать к нему в Москву, имя которой здесь впервые упомянуто. Святослав поехал к нему с сыном Олегом, князем Владимиром рязанским и с небольшою дружиною; Олег поехал наперед и подарил Юрию барса (вероятно, кожу этого зверя). Дружески поздоровались Юрий с Ольговичем и начали пировать; на другой день Юрий сделал большой обед для гостей, богато одарил Святослава, сына его, Владимира рязанского и

всю дружину. Но одними дарами дело не ограничилось: Юрий обещал Святославу прислать сына на помощь, и обещание было исполнено. Получивши также наемное войско от половцев, Святослав начал с успехом наступательные движения: послал половцев воевать Смоленскую волость, и они опустошили земли у верховьев Угры; тогда посадники Давыдовичей бросились бежать из городов вятичских, и Святослав занял последние; а между тем из степей пришли к нему новые толпы половцев, да с севера Глеб, сын Юрия ростовского. Изяслав Давыдович не смел долее оставаться в Новгороде-Северском, ушел к брату Владимиру в Чернигов, и Давыдовичи вместе с Святославом Всеволодовичем отправили к Ольговичу послов, которые должны были сказать ему: «Не жалуйся на нас, будем все за одно, позабудь нашу злобу; целуй к нам крест и возьми свою отчину, а что мы взяли твоего, то все отдадим назад». Из этого видно, что Святослав Всеволодович уже успел снестись с Давыдовичами; без сомнения, он был здесь главным действователем, тем более, что прежнее усердие его к дяде Ольговичу давало ему возможность быть посредником. Как видно, уже тогда между Давыдовичами и Всеволодовичем положено было заманить Изяслава Мстиславича на восточный берег Днепра, потому что, прося мира и союза у Ольговича, Давыдовичи в то же время послали сказать Изяславу: «Брат! Святослав Ольгович занял нашу волость Вятичи; пойдем на него; когда его прогоним, то пойдем на Юрия в Суздаль и либо помиримся там с ним, либо будем биться». Изяслав согласился; но Всеволодовичу нужно было прежде него быть на восточном берегу Днепра, чтоб окончательно устроить все дело; для этого он приехал к Изяславу и стал проситься у него в Чернигов: «Батюшка, говорил он, отпусти меня в Чернигов, там у меня вся жизнь; хочу просить волости у братьев, у Изяслава и Владимира». «И прекрасно ты это придумал, отвечал ему Изяслав, ступай скорее». Всеволодович поехал, и дело было окончательно улажено: уговорились перезвать Изяслава киевского на ту сторону Днепра и схватить его обманом, после чего, видя медленность киевского князя, Давыдовичи послали торопить его: «Земля наша погибает, а ты нейдешь», велели они сказать ему. Изяслав созвал бояр своих, всю дружину и киевлян, и сказал им: «Я уговорился с братьями своими Давыдовичами и Святославом Всеволодовичем: хотим пойти на дядю Юрия и на Святослава Ольговича к Суздалю за то, что дядя принял врага моего Святослава. Брат Ростислав придет также к нам с смолнянами и новгородцами». Киевляне отвечали на это: «Князь! не ходи с Ростиславом на дядю своего, лучше уладься с ним; Ольговичам [246] не верь и в путь с ними вместе не ходи». Изяслав отвечал: «Нельзя; они мне крест целовали, я с ними вместе думу думал, не могу никак

отложить похода; собирайтесь». Тогда киевляне сказали: «Ну, князь, ты на нас не сердись, а мы не можем на Владимирово племя рук поднять; вот если б на Ольговичей, то пошли бы и с детьми». Изяслав отвечал на это: «Тот будет добрый человек, кто за мною пойдет»; набралось много таких добрых людей, и он выступил с ними в поход, оставив в Киеве брата Владимира. Переправившись за Днепр и ставши между Черниговскою и Переяславскою волостию, Изяслав послал в Чернигов боярина своего Улеба разузнать, что там делается. Улеб скоро возвратился с вестию, что Давыдовичи и Всеволодовичи отступили от него и соединились с Ольговичем; тогда же черниговские приятели Изяслава прислали сказать ему: «Князь! Не двигайся никуда с места: ведут тебя обманом, хотят убить, либо схватить вместо Игоря; целовали крест Ольговичу, послали и к Юрию с крестом: задумали и с ним на тебя».

Изяслав возвратился и отправил послов в Чернигов сказать Давыдовичам: «Мы замыслили путь великий и утвердились крестным целованием по обычаю дедов и отцов наших; утвердимся еще, чтобы в походе после не было никакой ссоры, никакого препятствия. Те отвечали: «Что это нам без нужды еще крест целовать? Ведь мы уже поклялись Изяславу; в чем же провинились?» Посол сказал на это: «Какой же тут грех еще крест поцеловать по любви? То нам на спасение». Но Давыдовичи никак не соглашались; Изяслав, отпуская посла, наказал ему, что если черниговские не станут в другой раз крест целовать, то скажи им все, что мы слышали; и вот посол объявил Давыдовичам от имени своего князя: «Дошел до меня слух, что ведете меня обманом: поклялись Святославу Ольговичу схватить меня на дороге, либо убить меня за Игоря; так, братья, было дело, или не так?» Давыдовичи не могли ничего отвечать на это; только молча переглядывались друг с другом; наконец, Владимир сказал послу: «Выйди вон, посиди; мы тебя опять позовем». Долго они думали вместе, потом позвали посла и велели ему передать Изяславу: «Брат! Точно мы целовали крест Святославу Ольговичу; жаль нам стало брата нашего Игоря; он уже чернец и схимник, выпусти его, тогда будем подле тебя ездить; разве тебе было бы любо, если б мы брата твоего держали?» В ответ на это Изяслав послал бросить им договорные грамоты, причем велел сказать: «Вы клялись быть со мною до самой смерти, и я отдал вам волости обоих Ольговичей; прогнал с вами Святослава, волость его вам добыл, дал вам Новгород и Путивль, именье его мы взяли и разделили на части, Игорево я взял себе; а теперь, братья, вы клятву свою нарушили, привели меня сюда обманом, хотели убить; да будет со мною бог и сила животворящего креста, стану управляться как мне бог даст». Тогда же Изяслав послал сказать брату

своему Ростиславу в Смоленск: «Брат! Давыдовичи крест нам целовали и думу думали идти вместе на дядю нашего; но все обманывали, хотели убить меня; бог и сила крестная объявили их умысел; а теперь уже, брат, где было мы думали идти на дядю, то уже не ходи, ступай сюда ко мне; а там наряди новгородцев и смольнян, пусть сдерживают Юрия, и к присяжникам своим пошли, в Рязань и всюду». Распорядившись насчет брата Ростислава, Изяслав послал в Киев к другому брату, Владимиру, к митрополиту Климу и к Лазарю тысяцкому, чтоб они созвали киевлян на двор к св. Софии, и пусть там посол его скажет народу княжеское слово и объявит обман Черниговских. Киевляне сошлись все от мала до велика, и когда стали на вече, то посол Изяславов начал говорить им: «Князь ваш вам кланяется и велел вам сказать: я вам прежде объявлял, что задумал с братом Ростиславом и Давыдовичами идти на дядю Юрия, и звал вас с собою в поход; но вы мне тогда сказали, что не можете на Владимирово племя рук поднять, на Юрия, а на Ольговичей одних пошли бы и с детьми; так теперь вам объявляю: Давыдовичи и Всеволодич Святослав, которому я много добра сделал, целовали тайком от меня крест Святославу Ольговичу, послали к Юрию, а меня хотели или схватить, или убить за Игоря; но бог меня заступил и крест честной, что ко мне целовали. Так теперь, братья киевляне, чего сами хотели, что мне обещали, то и сделайте: ступайте ко мне к Чернигову на Ольговичей, сбирайтесь все от мала до велика: у кого есть конь, — тот на коне, у кого нет, — тот в лодье. Ведь они не меня одного хотели убить, но и вас всех искоренить». Киевляне отвечали на это: «Ради, что бог сохранил тебя нам от большей беды [247], идем за тобою и с детьми». Но в это самое время кто-то из толпы сказал: «По князе-то мы своем пойдем с радостию; но прежде надобно вот о чем промыслить: как прежде при Изяславе Ярославиче злые люди выпустили из заточения Всеслава и поставили князем себе, и за то много зла было нашему городу; а теперь Игорь, враг нашего князя и наш, не в заточении, а в Федоровском монастыре; убьем его и пойдем к Чернигову за своим князем; покончим с ними». Народ, услыхавши это, бросился к Федоровскому монастырю. Напрасно говорил им князь Владимир: «Брат мой не велел вам этого делать, Игоря стерегут крепко; пойдем лучше к брату, как он нам велел». Киевляне отвечали ему: «Мы знаем, что добром не кончить с этим племенем ни вам, ни нам». Митрополит также их удерживал, и Лазарь тысяцкий, и Рагуйло, Владимиров тысяцкий; но они никого не послушали и с воплем кинулись на убийство. Тогда князь Владимир сел на коня и погнал к Федоровскому монастырю; на мосту не мог он проехать за толпами народа и поворотил направо мимо Глебова двора; но этот крюк заставил его потерять время; киевляне

пришли прежде него в монастырь, бросились в церковь, где Игорь стоял у обедни, и потащили его с криками: «Побейте! побейте!» В монастырских воротах встретился им Владимир; Игорь, увидав его, спросил: «Ох, брат! Куда это меня ведут?» Владимир бросился с лошади и одел Игоря своим корзном, уговаривая киевлян: «Братья мои! не делайте этого зла, не убивайте Игоря!» Но толпа не слушала, и начали бить Ольговича; несколько ударов пришлось и на долю Владимира, который держался близко последнего, защищая его. Владимиру, однако, с помощью боярина Михаила удалось ввести Игоря в двор своей матери и затворить за собою ворота. Но толпа, избивши Михаила, оторвавши на нем крест с цепями, выломала ворота и, увидавши Игоря на сенях, разбила сени, стащила с них Игоря и повергла его без чувств на землю; потом привязали ему веревку к ногам и потащили с Мстиславова двора, через Бабин торжок на княж двор и там его прикончили; отсюда, положивши на дровни, повезли на Подол и бросили на торгу. Владимир, услыхав, что тело Игоря лежит на торгу, послал туда двоих тысяцких, Лазаря и Рагуйла; те приехали и сказали киевлянам: «Вы уже убили Игоря, так похороним тело его». Киевляне отвечали: «Не мы его убили; убили его Давыдовичи и Всеволодич, которые замыслили зло на нашего князя, хотели убить его обманом; но бог за нашего князя и св. София» Тогда Лазарь велел взять Игоря и положить в Михайловской церкви, в Новгородской божнице; а на другой день похоронили его в Семеновском монастыре.

Изяслав стоял на верховьях Супоя, на границах Черниговского княжества, когда пришла к нему весть об убийстве Игоря, он заплакал и сказал дружине: «Если бы я знал, что это случится, то отослал бы его подальше и сберег бы его; теперь мне не уйти от людских речей, — станут говорить, что я велел убить его; но бог свидетель, что я не приказывал и не научал; бог рассудит дело». Дружина отвечала· «Нечего тебе заботиться о людских речах; бог знает, да и все люди знают, что не ты его убил, а братья его; крест к тебе целовали и потом нарушили клятву, хотели убить тебя». Изяслав сказал на это: «Если уже так случилось, то делать нечего, — всем нам там быть и судиться пред богом»; но все не перестал жаловаться на киевлян. Между тем война продолжалась. Изяслав, как видно, прежде всего поспешил овладеть Курском и городами по Сейму, чтоб прервать связь Черниговских с половцами: в Курске уже сидел сын его Мстислав, когда к этому городу пришел Святослав Ольгович с Глебом Юрьичем. Мстислав объявил жителям Курска, что неприятель близко; те отвечали точно так же, как прежде киевляне отвечали отцу его: «Ради биться и с детьми за тебя против Ольговичей; но на племя Владимирово, на Юрьевича, не можем поднять рук».

Услыхав такой ответ, Мстислав уехал к отцу, а жители Курска послали к Глебу Юрьевичу и взяли у него себе посадника; как видно, Ольгович уступил и Глебу ту самую волость, т. е. Курск с Посемьем, которую прежде отдал брату его Ивану; вот почему Глеб посадил своих посадников также по рекам Сейму и Вырю, где заключил союз со многими половецкими ордами. Впрочем, некоторые города по Вырю остались верны Изяславу, несмотря на угрозы Черниговских, что они отдадут их в плен половцам; один из этих городов, Вьяхань, с успехом выдержал осаду; другой — Попашь был взят. Услыхав о движении Черниговских и Юрьевича, Изяслав собрал большое войско, полки дяди Вячеслава и волынские, и пошел к Переяславлю, где пришла к нему весть от брата Ростислава, что тот уже на походе: «Подожди меня, велел сказать ему Ростислав: я Любеч пожег, много воевал и зла Ольговичам много наделал; сойдемся вместе и посмотрим, что нам дальше делать». Получив эту весть, Изяслав пошел потихоньку, поджидая брата, и стал на урочище Черная Могила, куда пришел к нему Ростислав с полками смоленскими. Оба брата стали думать с дружиною и черными клобуками, куда бы им пойти теперь. Ростислав говорил: «Теперь бог нас соединил в одном месте, а тебя избавил от великой беды: так медлить нам нечего, пойдем прямо к ним, где будет ближе, и как нас с ними бог рассудит». Мнение было принято, и князья пошли на Сулу. Когда в стане черниговских князей узнали, что Изяслав идет на них, то большая часть половцев покинула ночью стан и ушла в степь; оставленные союзниками Давыдовичи и Ольговичи пошли к Чернигову; Изяслав хотел пересечь им дорогу у города Всеволожа[248], но уже не застал здесь Черниговских: они прошли Всеволож. Мстиславичи не пошли за ними дальше, но *взяли на щит* (разграбили) Всеволож, в котором находились тогда жители из двух других городов, как видно, менее укрепленных: мы уже видели этот обычай на Украйне, по которому вдруг города пустели при вести о приближении неприятеля. Когда в других городах узнали, что Всеволож взят, то и они вдруг опустели: жители их бросились бежать к Чернигову[249]; Мстиславичи послали за ними в погоню и некоторых перехватили, а другие ушли; пустые города Изяслав велел зажечь. Только жители города Глебля не успели убежать и счастливо отбились от Мстиславичей, которые пошли оттуда в Киев, сказавши дружине своей — киевлянам и смольнянам: «Собирайтесь все; когда реки установятся, тогда пойдем к Чернигову, и как нас с ними бог управит». Поживши весело некоторое время в Киеве, Мстиславичи решили разлучиться; Изяслав говорил Ростиславу: «Брат! Тебе бог дал верхнюю землю: ты там и ступай против Юрия; там у тебя смольняне, новгородцы и дру-

гие присяжники, удерживай с ними дядю; а я здесь останусь и буду управляться с Ольговичами и Давыдовичами». Ростислав отправился в Смоленск.

Когда реки стали, то Черниговские начали наступательное движение: они послали дружину свою с половцами и повоевали места на правом берегу Днепра [250]; а союзник их Глеб Юрьевич занял Городец-Остерский, принадлежавший прежде отцу его [251] Изяслав послал звать его к себе в Киев, и Глеб сначала было обещался приехать, но потом раздумал, потому что вошел в сношения с переяславцами, часть которых была почему-то недовольна Изяславом или сыном его Мстиславом, княжившим у них, и звала Глеба, обещаясь предать ему город. Глеб немедленно пошел на их зов; на рассвете, когда Мстислав с дружиною еще спал, пригнали к нему сторожа и закричали: «Вставай, князь! Глеб пришел на тебя!» Мстислав вскочил, собрал дружину и выступил из города против Юрьича; оба, увидав друг друга, не решились вступить в битву; Глеб стоял до утра другого дня и возвратился; Мстислав же, соединясь с остальною дружиною и переяславцами, погнался за ним, настиг, захватил часть его войска; но самому Глебу удалось уйти в Городец. Изяслав, услыхав об этих попытках против Переяславля, собрал дружину, берендеев и пошел к Городцу; Юрьич послал объявить об этом в Чернигов: «Идет на меня Изяслав, помогите мне!» — велел он сказать тамошним князьям; а между тем Изяслав пришел и осадил Городец; не видя ниоткуда помощи, Юрьич чрез три дня поклонился Изяславу и помирился с ним, как видно, тот оставил за ним отцовский город. Но Глеб не был за это ему благодарен: как скоро Изяслав возвратился в Киев, он опять послал сказать Черниговским: «Я поневоле целовал крест Изяславу: он обступил меня в городе, а от вас не было помощи; но теперь опять хочу быть вместе с вами» [252]. В 1148 году Изяслав, наконец, собрал всю свою силу, взял полк у дяди Вячеслава и полк владимирский, призвал отряд венгров на помощь, соединился с берендеями, перешел Днепр и стал в осьми верстах от Чернигова [253]. Три дня стоял он под городом, дожидаясь, не выйдут ли Ольговичи и Давыдовичи на битву, но никто не выходил; а он между тем пожег все их села [254]. Наскучив дожидаться, Изяслав стал говорить дружине: «Вот мы села их пожгли все, именье взяли, а они к нам не выходят; пойдем лучше к Любечу, где у них вся жизнь». Когда Изяслав подошел к Любечу, то Давыдовичи и Ольговичи с рязанскими князьями и половцами явились также сюда, и оба войска стали друг против друга по берегам реки; Изяслав выстроил войско и пошел было против Черниговских, но река помешала; только стрельцам с обеих сторон можно было стреляться через нее. Ночью

пошел сильный дождь, и Днепр начал вздуваться. Тогда Изяслав начал говорить дружине и венграм: «Здесь эта река мешает биться, а там Днепр разливается: пойдем лучше за Днепр». Только что успели перейти Днепр, как на другой день лед тронулся; Изяслав дошел благополучно до Киева, но венгры обломились на озере и несколько их потонуло.

Несмотря, однако, на то, что поход Изяслава, предпринятый с такими большими сборами, кончился, по-видимому, ничем, Черниговские не могли долго вести борьбы: опустошая села их, Изяслав действительно отнимал у них *всю жизнь*, по тогдашнему выражению; нечем было содержать дружины, нечем было платить половцам; жители городов неохотно помогали князьям в их усобицах; Юрий ограничился только присылкою сына, сам не думал идти на юг, а без него силы Черниговских вовсе не были в уровень с силами Мстиславичей. В таких обстоятельствах они послали сказать Юрию: «Ты крест целовал, что пойдешь с нами на Изяслава, и не пошел; а Изяслав пришел, за Десною города наши пожег и землю повоевал; потом в другой раз пришел к Чернигову и села наши пожег до самого Любеча и всю жизнь нашу повоевал; а ты ни к нам не пошел, ни на Ростислава не наступил; теперь если хочешь идти на Изяслава, так ступай, и мы с тобою; если же не пойдешь, то мы будем правы в крестном целовании: нельзя нам одним гибнуть от рати». Не получив от Юрия благоприятного ответа, они обратились к Изяславу Мстиславичу с мирными предложениями, послали сказать ему: «То бывало и прежде при дедах и при отцах наших: мир стоит до рати, а рать до мира; не жалуйся на нас, что мы первые встали на рать: жаль было нам брата нашего Игоря; мы того только и хотели, чтоб ты выпустил его; а так как теперь он убит, пошел к богу, где и всем нам быть, то бог всех нас и рассудит, а здесь нам до каких пор губить Русскую землю? Чтоб нам уладиться?» Изяслав отвечал им: «Братья! Доброе дело христиан блюсти; но вы все вместе советовались, так и я пошлю к брату Ростиславу, подумаем и тогда пришлем ответ». Немедленно отправил Изяслав послов к брату с такими словами: «Присылали ко мне братья — Давыдовичи, Святослав Ольгович и Святослав Всеволодович: мира просят; а я с тобою хочу посоветоваться, как нам обоим будет годно; хочешь мира? Хотя они и зло нам сделали, но теперь мира просят у нас; но если хочешь войны, — скажи, как хочешь, я на тебя во всем полагаюсь». Уже из этих слов Ростислав мог понять, что сам старший брат хочет мира, и потому велел отвечать ему: «Брат! Кланяюсь тебе; ты меня старше, ты, как хочешь, так и делай, а я всюду готов с тобою; но если ты уже мне делаешь такую честь, спрашиваешь моего совета, то я бы так думал: ради русских земель и ради христиан — мир лучше; они встали на рать, но что взяли?

А теперь, брат, ради христиан и всей Русской земли помирись, если только обещают, что за Игоря всякую вражду отложат и вперед не задумают сделать с тобою того, что хотели прежде сделать; если же не перестанут злобиться за Игоря, то лучше с ними воевать, как бог управит» Получив этот ответ, Изяслав послал к Черниговским епископа белгородского Феодора и печерского игумена Феодосия с боярами сказать им: «Вы мне крест целовали, что вам брата Игоря не искать, но клятву свою нарушили и много наделали мне досад; но теперь я все это забываю для Русской земли и христиан; если вы сами ко мне прислали просить мира и раскаиваетесь в том, что хотели сделать, то целуйте крест, что отложите всякую вражду за Игоря и не задумаете вперед того, что прежде хотели сделать со мною». Черниговские поклялись отложить вражду за Игоря, блюсти Русскую землю, быть всем за один брат; Курск с Посемьем остались за Владимиром Давыдовичем.

В это время явился к Изяславу старший из сыновей Юрия, Ростислав, которого мы видели в Новгороде; Ростислав объявил, что он рассорился с отцом, который не хотел дать ему волости в Суздальской земле, и потому он пришел к Изяславу с поклоном: «Отец меня обидел, — говорил Юрьевич киевскому князю, — волости мне не дал: и вот я пришел сюда, поручивши себя богу да тебе, потому что ты старше всех нас между внуками Владимира; хочу трудиться за Русскую землю и подле тебя ездить». Изяслав отвечал ему: «Всех нас старше отец твой [255], но он не умеет с нами жить; а мне дай бог вас, братью свою всю и весь род свой иметь в правду, как душу свою; если отец тебе волости не дал, так я тебе даю». И дал ему те пять городов, которые прежде держал Святослав Всеволодич; кроме того, Ростислав получил Городец-Остерский, где Изяслав не хотел видеть брата его Глеба, которому послал сказать «Ступай к Ольговичам; ты к ним пришел, так пусть тебе и дадут волость» [256]. У этого Городца Остерского съехался осенью Изяслав Мстиславич с Давыдовичами; Ростислав Юрьевич приехал вместе с киевским князем; Ольговичи — ни дядя, ни племянник — не приехали. Изяслав сказал Давыдовичам: «Вот брат Святослав и племянник мой не приехали, а вы все клялись мне, что, кто будет до меня зол, на того вам быть вместе со мною; дядя мой Юрий из Ростова обижает мой Новгород, дани у новгородцев поотнимал, по дорогам проезду им нет; хочу пойти и управиться с ним либо миром, либо ратью; а вы крест целовали, что будете вместе со мною». Владимир Давыдович отвечал: «Это ничего, что брат Святослав и племянник твой не приехали, все равно мы здесь [257]; а мы все клялись, что, где твои будут обиды, там нам быть с тобою». Князья уладились, что, как скоро лед станет на реках, идти на Юрия к Ростову:

Изяслав пойдет из Смоленска, а Давыдовичи и Ольгович — из земли вятичей, и всем сойтись на Волге. После ряду князья весело пообедали вместе и разъехались. Возвратясь в Киев, Изяслав сказал Ростиславу Юрьичу «Ступай в Бужск и побудь там, постереги Русскую землю, пока я схожу на отца твоего и помирюсь с ним или как-нибудь иначе с ним управлюсь».

В Киеве оставил Изяслав брата Владимира, в Переяславле — сына Мстислава и пошел в Смоленск к брату Ростиславу, куда велел полкам идти за собою. В Смоленске Мстиславичи провели вместе время весело, пируя с дружиною и смольнянами, дарили друг друга богатыми дарами: Изяслав дарил Ростислава товарами, которые идут из Русской земли и из всех *царских* (греческих) земель, а Ростислав Изяслава — товарами, которые шли из *верхних* (северных) земель и от варягов. Готовясь к войне, братья пытались, однако, кончить дело мирными переговорами и отправили посла к дяде Юрию; но тот вместо ответа задержал посла Тогда, приказавши брату Ростиславу идти с полками по Волге и дожидаться при устье Медведицы, Изяслав пошел с небольшою дружиною в Новгород. Новгородцы, услыхав, что Изяслав идет к ним, сильно обрадовались и вышли к нему навстречу, одни — за день, другие — за три дня пути от города В это время княжил в Новгороде уже не брат Изяславов Святополк, но сын Ярослав; Изяслав велел им поменяться волостями, вывел Святополка во Владимир-Волынский из Новгорода «злобы его ради», как говорит новгородский летописец. В воскресенье въехал Изяслав в Новгород с великою честию; встречен был сыном Ярославом и боярами и поехал с ними к св. Софии к обедне; после обедни князья послали подвойских и биричей кликать клич по улицам, звать к князю на обед всех от мала до велика; обедали весело, и с честью разошлись по домам. На другой день, в понедельник, послал Изяслав на Ярославов двор, велел звонить к вечу, и когда сошлись новгородцы и псковичи на вече, то он сказал им: «Братья! Сын мой и вы присылали ко мне жаловаться, что дядя мой Юрий обижает вас; и вот я, оставя Русскую землю, пришел сюда на него, для вас, ради ваших обид; думайте, гадайте, братья, как на него пойти и как — мириться ли с ним, или ратью покончить дело?» Народ отвечал: «Ты наш князь, ты наш Владимир, ты наш Мстислав: рады с тобою идти всюду мстить за свои обиды; пойдем все; только одни духовные останутся бога молить». И в самом деле, новгородцы собрали в поход всю свою волость, пошли псковичи и корела. Пришедши на устье Медведицы, Изяслав ждал брата Ростислава четыре дни; потом, когда Ростислав пришел с полками русскими и смоленскими, то все вместе пошли вниз по Волге, пришли к городу Константинову на устье большой

Нерли и, не получая вестей от Юрия, стали жечь его города и села и воевать по обеим сторонам Волги; оттуда пошли к Угличу и потом на устье Мологи. Здесь получили они весть, что Владимир Давыдович и Святослав Ольгович стоят в земле вятичей, ожидая, что̀ будет между Юрием и Изяславом, и не идут к устью Медведицы, как обещали; Изяслав сказал при этом брату: «Пусть их к нам нейдут; был бы с нами бог», и отпустил новгородцев и русь воевать к Ярославлю; когда те возвратились с большою добычею, то уже стало тепло, была Вербная неделя, вода на Волге и Мологе поднялась по брюхо лошади; оставаться долее было нельзя, и Мстиславичи пошли назад: Ростислав — в Смоленск, а Изяслав — в Новгород и оттуда в Киев; из дружины русской одни пошли с Ростиславом, а другие — куда кому угодно[258]: этот поход стоил Ростовской земле 7000 жителей, уведенных в плен войсками Мстиславичей (1149 г.).

В Киеве ждали Изяслава неприятные вести: бояре донесли ему на Ростислава Юрьича, будто тот много зла замыслил, подговорил против него берендеев и киевлян; если бы бог помог его отцу, то он приехал бы в Киев, взял Изяславов дом и семью: «Отпусти его к отцу, говорили бояре князю, это твой враг, держишь его на свою голову». Изяслав немедленно послал за Юрьевичем, и когда тот приехал, то пришли к нему Изяславовы бояре и сказали от имени своего князя: «Брат! Ты пришел ко мне от отца, потому что отец тебя обидел, волости тебе не дал; я тебя принял как брата и волость тебе дал, чего и родной отец тебе не дал, да еще велел Русскую землю стеречь; а ты, брат, за это хотел, если бы отцу твоему бог помог, въехать в Киев, взять мой дом и семью!» Ростислав велел отвечать ему: «Брат и отец! Ни на уме, ни на сердце у меня того не было; если же кто донес на меня тебе, князь ли который, то я готов с ним переведаться; муж ли который из христиан или поганых, то ты старше меня, ты меня с ним и суди». Изяслав велел сказать ему на это: «Суда у меня ты не проси; я знаю, ты хочешь меня поссорить с христианами или с погаными; ступай-ка к отцу своему». Ростислава посадили в барку только с четырьмя отроками и отправили вверх по Днепру; дружину его взяли, а именье отняли. Ростислав, пришедши к отцу в Суздаль, ударил перед ним челом и сказал: «Я слышал, что хочет тебя вся Русская земля и черные клобуки; жалуются, что Изяслав и их обесчестил, ступай на него». Эти слова могут показывать, что донос на Ростислава был основателен, что Ростислав сносился с недовольными или, по крайней мере, они сносились с ним. Юрия сильно огорчил позор сыновний; он сказал: «Так ни мне, ни детям моим нет части в Русской земле!» Собрал силу свою, нанял половцев и выступил в поход на племянника. Это решение можно объяснить и не одним гневом на позор-

ное изгнание сына: мы видели, как медленно, нерешительно действовал до сих пор Юрий, несмотря на то что мог надеяться на успех, будучи в союзе с Черниговскими; теперь же мог он спешить на юг в полной уверенности, что найдет там более сильных союзников, после того как Ростислав обстоятельно уведомил его о неудовольствии граждан и варварского пограничного народонаселения на Изяслава, если даже предположим, что сам Ростислав и не был главным виновником этого неудовольствия.

Как бы то ни было, Юрий был уже в земле вятичей, когда Владимир Давыдович черниговский прислал сказать Изяславу: «Дядя идет на тебя, приготовляйся к войне». Изяслав стал собирать войско и вместе с Давыдовичами отправил послов в Новгород-Северский к Святославу Ольговичу напомнить ему о договоре. Святослав не дал послам сначала никакого ответа и задержал на целую неделю, приставив сторожей к их шатрам, чтобы никто не приходил к ним; а сам между тем послал спросить Юрия: «Вправду ли ты идешь? Скажи наверное, чтоб мне не погубить понапрасну своей волости». Юрий велел отвечать ему: «Как мне не идти вправду? Племянник приходил на меня, волость мою повоевал и пожег, да еще сына моего выгнал из Русской земли, волости ему не дал, осрамил меня; либо стыд этот с себя сложу, за землю свою отомщу и честь свою добуду, либо голову сложу». Получив от Юрия такой ответ, Святослав не хотел прямо нарушить клятвы, данной прежде Изяславу, и, чтобы найти предлог, велел сказать ему чрез его же послов: «Возврати мне братнино имение, тогда буду с тобою». Изяслав немедленно отвечал ему: «Брат! Крест честный ты целовал ко мне, что вражду всякую за Игоря и именье его отложишь; а теперь, брат, ты опять вспомнил об этом, когда дядя идет на меня? Либо соблюди клятву вполне, будь со мною, а не хочешь, так ты уже нарушил крестное целование. Я без тебя и на Волгу ходил, да разве мне худо было? Так и теперь — был бы со мною бог, да крестная сила». Святослав соединился с Юрием; они послали и к Давыдовичам звать их на Изяслава; но те отвечали Юрию: «Ты клялся быть с нами, а между тем Изяслав пришел, землю нашу повоевал и города наши пожег; теперь мы целовали крест к Изяславу: не можем душою играть».

Юрий, видя, что Давыдовичи не хотят быть с ним, пошел на старую Белувежу и стоял там месяц, дожидаясь половцев и покорения от Изяслава; но, не получив от последнего никакой вести, пошел к реке Супою. Сюда приехал к нему Святослав Всеволодич, поневоле, как говорит летописец, не желая отступить от родного дяди, Святослава Ольговича; сюда же пришло к Юрию и множество половцев диких. Тогда Изяслав послал в Смоленск сказать брату Ростиславу: «Мы с

тобой уговорились, что когда Юрий минует Чернигов, то тебе идти ко мне; теперь Юрий Чернигов уже миновал: приходи, посмотрим оба вместе, что нам бог даст». Ростислав двинулся с полками к брату; а Юрий подступил к Переяславлю, все дожидаясь, что тут по крайней мере Изяслав пришлет к нему с поклоном. Но тот не хотел кланяться дяде: «Если б он пришел только с детьми, — говорил он, — то взял бы любую волость; но когда привел на меня половцев и врагов моих Ольговичей, то хочу с ним биться». Из этих слов ясно видно, что Изяслав придумывал только предлоги; предлоги были нужны, потому что киевляне не хотели сражаться с сыном Мономаховым и теперь, как прежде: если б даже и не было на юге того неудовольствия на Изяслава, о котором объявлял отцу Ростислав Юрьевич, то и тогда трудно было киевлянам поднять руки на Юрия, во-первых, как на сына Мономахова, во-вторых, как на дядю, старшего, который по общему современному сознанию имел более права, чем Изяслав; притом же киевляне до сих пор не имели сильных причин враждовать против Юрия и потому говорили Изяславу: «Мирись, князь, мы нейдем». Изяслав все уговаривал их: «Пойдемте со мною; ну хорошо ли мне с ним мириться, когда я не побежден, когда у меня есть сила?» [259] Киевляне пошли, наконец, но, разумеется, неохотно, что не могло предвещать добра Изяславу, хотя силы его и были значительны: к нему пришел Изяслав Давыдович на помощь, пришел и брат Ростислав с большим войском. Изяслав решился перейти Днепр и приблизиться к Переяславлю, под которым и встретился с дядиными полками; передовые отряды — черные клобуки и молодая дружина Изяславова — имели дело с половцами Юрия и отогнали их от города; когда же сошлись главные полки, то целый день стояли друг против друга; только стрельцы с обеих сторон бились между ними; а в ночь Юрий прислал сказать племяннику: «Брат! [260] ты на меня приходил, землю мою повоевал и старшинство снял с меня; а теперь, брат и сын, ради Русской земли и христиан не станем проливать христианской крови, но дай мне посадить в Переяславле сына своего, а ты сиди себе, царствуя в Киеве; если же не хочешь так сделать, то бог нас рассудит». Изяславу не понравилось это предложение, он задержал посла и вывел все войско свое из города в поле.

На другой день, когда он отслушал обедню в Михайловской церкви и уже хотел выйти из нее, епископ Евфимий со слезами стал упрашивать его: «Князь! помирись с дядею; много спасения примешь от бога и землю свою избавишь от великой беды». Но Изяслав не послушался; он надеялся на множество войска и отвечал епископу: «Своею головою добыл я и Киев и Переяславль», и выехал из города. Опять до самых вечерен стояли противные полки друг против друга, разделенные рекою Трубежом; Изяслав с братьями, Ростиславом и

Владимиром, и с сыновьями, Мстиславом и Ярополком, созвал бояр и всю дружину и начали думать, переправиться ли первым за Трубеж и ударить на Юрия. Мнения разделились: одни говорили Изяславу: «Князь! не переправляйся за реку; Юрий пришел отнимать твои земли, трудился, трудился и до сих пор ни в чем не успел и теперь уже оборотился назад, в ночь непременно уйдет; а ты, князь, не езди за ним». Другие говорили противное: «Ступай, князь! Бог тебе отдает врага в руки, нельзя же упускать его». К несчастию, Изяслав прельстился последним мнением, выстроил войско и перешел реку. В полдень на другой день переметчик поскакал из войска Юрьева, оттуда погнались за ними; сторожа Изяславовы переполошились, закричали: «Рать!», и Мстиславичи повели полки свои вперед; Юрий с Ольговичами, увидав это движение, также пошли к ним навстречу и, пройдя вал, остановились; остановились и Мстиславичи, и опять дело кончилось одною перестрелкою, потому что когда наступил вечер, то Юрий оборотил полки и пошел назад в свой стан. Изяслав опять начал думать с братьями и дружиною, и опять мнения разделились: одни говорили: «Не ходи, князь! пусти их в стан; теперь верно, что битвы не будет»; но другие говорили: «Уже они бегут перед тобою; ступай скорее за ними!» И на этот раз Изяслав принял последнее мнение и двинулся вперед; тогда Юрий с Ольговичами возвратились и устроили войска: сыновей своих Юрий поставил по правую, Ольговичей — по левую сторону. На рассвете 23-го августа полки сошлись, и началась злая сеча: первые побежали поршане (жители городов поросских, к которым должно относить и черных клобуков), за ними Изяслав Давыдович, а за Давыдовичем и киевляне; переяславцы изменили: мы видели, что они и прежде сносились с сыном Юрьевым, теперь снеслись с отцом и во время битвы не вступили в дело, крича: «Юрий нам князь свой, его было нам искать издалека»[261]. Видя измену и бегство, дружины Мстиславичей смялись: в начале дела Изяслав с дружиною схватился с Святославом Ольговичем и с половиною полка Юриева, проехал сквозь них и, будучи уже за ними, увидал, что собственные полки его бегут; тут он побежал и сам, переехал Днепр у Канева и сам-третей явился в Киев. Измена переяславцев и бегство поршан всего лучше показывают справедливость известия, принесенного отцу Роспислaвом Юрьичем; да и, кроме того, несчастный исход битвы для Изяслава можно было предвидеть: этот князь вступил в борьбу за свои личные права против всеобщего нравственного убеждения; киевляне, уступая этим личным правам, пошли за сыном Мстиславовым против Юрия, но пошли неохотно, с видимым колебанием, с видимою внутреннею борьбою, а такое расположение не могло дать твердости и победы.

На другое утро Юрий вошел в Переяславль и, пробыв здесь три дня, отправился к Киеву и стал против Михайловского монастыря, по лугу. Мстиславичи объявили киевлянам: «Дядя пришел; можете ли за нас биться?» Те отвечали: «Господа наши князья! Не погубите нас до конца: отцы наши, и братья и сыновья одни взяты в плен, другие избиты и оружие с них снято, возьмут и нас в полон; поезжайте лучше в свою волость; вы знаете, что нам с Юрием не ужиться; где потом увидим ваши стяги, будем готовы с вами». Услыхав такой ответ, Мстиславичи разъехались: Изяслав — во Владимир, Ростислав — в Смоленск; а дядя их Юрий въехал в Киев; множество народа вышло к нему навстречу с *радостью великою,* и сел он на столе отца своего, хваля и славя бога, как говорит летописец. Прежде всего Юрий наградил своего союзника — Святослава Ольговича: он послал в Чернигов за Владимиром Давыдовичем и велел ему отдать Святославу Курск с Посемьем, а у Изяслава Давыдовича Ольгович взял землю южных дреговичей. Потом Юрий начал раздавать волости сыновьям своим: старшего сына Ростислава посадил в Переяславле, Андрея — в Вышгороде, Бориса — в Белгороде, Глеба — в Каневе, Василька — в Суздале.

Между тем Изяслав Мстиславич, приехав во Владимир, послал за помощью к родне[262] своей — королю венгерскому, князьям польским и чешским, прося их, чтоб сели на коней сами и пошли к Киеву, а если самим нельзя, то чтоб отпустили полки свои с меньшею братиею или с воеводами. Король венгерский Гейза II сначала отказался, велел сказать Изяславу: «Теперь у меня рать с императором греческим, когда буду свободен, то сам пойду к тебе на помощь или полки свои отпущу». Польские князья велели отвечать: «Мы недалеко от тебя; одного брата оставим стеречь свою землю, а вдвоем к тебе поедем»; чешский князь также отвечал, что готов сам идти с полками. Но Изяславу было мало одних обещаний; он опять отправил послов в Венгрию, Польшу и Богемию с большими дарами; послы должны были говорить князьям: «Помоги вам бог за то, что взялись мне помогать; садитесь, братья, на коней с рождества Христова». Те обещались, и король венгерский послал десятитысячный вспомогательный отряд, велев сказать Изяславу: «Отпускаю к тебе полки свои, а сам хочу идти на галицкого князя, чтоб не дать ему на тебя двинуться; ты между тем управляйся с теми, кто тебя обидел; когда у тебя войско истомится, то я пришлю новое, еще больше, или и сам сяду на коня»; Болеслав польский сам поехал с братом Генрихом, а Мечислава оставил стеречь землю от пруссов. Между тем Изяслав, приготовляясь к войне и зная теперь, как трудно идти против общего убеждения в правах дядей пред племянниками, обратился

к старику Вячеславу, который сидел тогда в Пересопнице[263], и послал сказать ему: «Будь мне вместо отца, ступай, садись в Киеве, а с Юрием не могу жить; если же не хочешь принять меня в любовь и не пойдешь в Киев на стол, то я пожгу твою волость». Вячеслав испугался угроз и послал сказать брату Юрию: «Венгры уже идут; польские князья сели на коней; сам Изяслав готов выступить: либо мирись с ним, дай ему, чего он хочет, либо приходи ко мне с полками, защити мою волость; приезжай, брат, посмотрим на месте, что нам бог даст — добро или зло; а если, брат, не поедешь, то на меня не жалуйся». Юрий собрал свое войско и выступил из Киева с дикими половцами; а Изяслав с своими союзниками двинулся из Владимира. В Пересопницу к Вячеславу собрались сперва племянники его — Ростислав и Андрей Юрьичи, потом пришел сам Юрий, Владимирко галицкий прислал свои полки, сам также подвинулся к границе и тем напугал поляков и венгров; страх польских князей еще увеличился, когда они получили весть от брата, что пруссы идут на их землю. Изяславу эта весть была очень не по сердцу, потому что поляки не могли теперь оставаться долее; положено было от имени союзных князей послать к Вячеславу и Юрию с такими словами: «Вы нам всем вместо отцов; теперь вы заратились с своим братом и сыном Изяславом, а мы по боге все христиане, братья между собою, и нам всем надобно быть вместе заодно; так мы хотим, чтоб вы уладились с своим братом и сыном Изяславом, вы бы сидели в Киеве — сами знаете, кому из вас приходится там сидеть, а Изяславу пусть останется Владимир да Луцк, и что еще там его городов, да пусть Юрий возвратит новгородцам все их дани». Вячеслав и Юрий велели отвечать им: «Бог помоги нашему зятю королю, и нашему брату Болеславу, и нашему сыну Генриху за то, что между нами добра хотите; но если вы велите нам мириться, то не стойте на нашей земле, животов наших и сел не губите; но пусть Изяслав идет в свой Владимир, и вы все ступайте также в свои земли; тогда мы будем ведаться с своим братом и сыном Изяславом». Союзники поспешили исполнить это требование, разъехались в свои земли, а Мономаховичи начали улаживаться с племянником; дело остановилось за тем, что Изяслав непременно хотел возвращения всех даней новгородцам, на что Юрий никак не соглашался; особенно уговаривал его не мириться Юрий Ярославич, правнук Изяслава I, которого имя мы уже раз прежде встретили: неизвестно, был ли этот Юрий обижен как-нибудь Изяславом или просто думал найти свою выгоду в изгнании Мстиславичей из Волыни. Как бы то ни было, дядя Юрий слушался его советов, тем более что теперь союзники Изяславовы ушли, и ему казалось, что нетрудно будет управиться с племянником: «Прогоню Изяслава, возьму всю его волость», гово-

рил он и двинулся с братом Вячеславом и со всеми своими детьми к Луцку. Двое старших сыновей его, Ростислав и Андрей, шли вперед с половцами и остановились ночевать у Муравицы [264]; вдруг ночью половцы от чего-то переполошились и побежали назад; но Андрей Юрьич, который находился напереди, не испугался и устоял на своем месте, не послушался дружины, которая говорила ему: «Что это ты делаешь, князь! Поезжай прочь, осрамимся мы». Дождавшись рассвета и видя, что все половцы разбежались, Андрей отступил к Дубну к братьям и половцам, ожидавшим подмоги от Юрия; потом, услыхав, что Юрий идет, подступили все к Луцку, где затворился брат Изяславов, Владимир. Когда они приближались к городу, то из ворот его вышел отряд пехоты и начал с ними перестреливаться; остальные Юрьичи никак не думали, что Андрей захочет ударить на эту пехоту, потому что и стяг его не был поднят: не величав был Андрей на ратный чин, говорит летописец, искал он похвалы от одного бога; и вот вдруг он въехал прежде всех в неприятельскую толпу, дружина его за ним, и началась жаркая схватка. Андрей переломил копье свое и подвергся величайшей опасности; неприятельские ратники окружили его со всех сторон; лошадь под ним была ранена двумя копьями, третье попало в седло, а со стен городских сыпались на него камни, как дождь; уже один немец хотел просунуть его рогатиною, но бог спас его. Сам Андрей видел беду и думал: «Будет мне такая же смерть, как Ярославу Святополчичу»; помолился богу, призвал на помощь св. Феодора, которого память праздновалась в тот день, вынул меч и отбился. Отец, дядя и все братья обрадовались, увидя его в живых, а бояре отцовские осыпали его похвалами, потому что он дрался храбрее всех в том бою. Конь его, сильно раненый, только успел вынести своего господина и пал; Андрей велел погребсти его над рекою Стырем. Шесть недель потом стоял Юрий у Луцка; осажденные изнемогли от недостатка воды; Изяслав хотел идти к ним на помощь из Владимира, но галицкий князь загородил ему дорогу. Однако последнему, как видно, хотелось продолжения борьбы между Мономаховичами, а не окончательного торжества одного соперника над другим; ему выгоднее было, чтоб соседняя Владимирская волость принадлежала особому князю; вот почему когда Изяслав прислал сказать ему: «Помири меня с дядею Юрием, я во всем виноват перед богом и перед ним», то Владимирко стал просить Юрия за Изяслава. Юрий Ярославич и старший сын Юрия Долгорукого, Ростислав, питавший ненависть к Изяславу за изгнание из Руси, не давали мириться; но второй Юрьич, Андрей, взял сторону мира и начал говорить отцу: «Не слушай Юрия Ярославича, помирись с племянником, не губи отчины своей». Вячеслав также хлопотал о мире; у

этого были свои причины: «Брат, — говорил он Юрию, — мирись; ты, не помирившись, прочь пойдешь, а Изяслав мою волость пожжет!» Юрий, наконец, согласился на мир: племянник уступил ему Киев, а он возвратил ему все дани новгородские. Изяслав приехал к дядьям в Пересопницу, и здесь уговорились возвратить друг другу все захваченное после переяславской битвы как у князей, так и у бояр их. После этого Юрий возвратился в Киев и хотел было уступить этот стол по старшинству Вячеславу, но бояре отсоветовали ему: «Брату твоему не удержать Киева, — говорили они, — не достанется он ни тебе, ни ему». Тогда Юрий вывел из Вышгорода сына своего Андрея и посадил там Вячеслава.

Между тем (1150 г.) Изяслав отправил бояр своих и тиунов искать в Киеве у Юрия именья и стад, пограбленных на войне; бояре также поехали отыскивать свое: одни — сами, другие послали тиунов своих; но когда посланные опознали свое и начали требовать его назад, то Юрий не отдал, и возвратились они ни с чем к Изяславу. Тот послал к дядьям с жалобою: «Исполните крестное целование, а не хотите, так я не могу оставаться в обиде». Дядья не отвечали, и Мстиславич снова вооружился, призываемый, как говорят, киевлянами. В Пересопнице сидел в это время вместо Вячеслава сын Юрия Глеб, который стоял тогда выше города на реке Стубле в шатрах; Изяслав неожиданно пришел на него; взял стан, дружину, лошадей; Глеб едва успел убежать в город и послал с поклоном к Изяславу: «Как мне Юрий отец, так мне и ты отец, и я тебе кланяюсь; ты с моим отцом сам ведаешься, а меня пусти к отцу и клянись богородицей, что не схватишь меня, а отпустишь к отцу, — так я к тебе сам приеду и поклонюсь». Изяслав поклялся и велел сказать ему: «Вы мне свои братья, об вас и речи нет; обижает меня отец твой и с нами не умеет жить». Угостив Глеба обедом, Изяслав отправил его с сыном своим Мстиславом, который, проводив его за Корческ[265], сказал ему: «Ступай, брат, к отцу; а эта волость отца моего и моя, по Горынь». Глеб поехал к отцу, а Изяслав вслед за ним отправился к черным клобукам, которые съехались к нему все с большою радостию. Юрий до сих пор ничего не знал о движениях Изяслава и, услыхав, что он уже у черных клобуков, побежал из Киева, переправился за Днепр и сел в своем Городке-Остерском; только что успел Юрий выехать из Киева, как на его место явился старый Вячеслав и расположился на дворе Ярославовом. Но киевляне, услыхав, что Изяслав идет к ним, вышли к нему навстречу большою толпою и сказали: «Юрий вышел из Киева, а Вячеслав сел на его место; но мы его не хотим, ты наш князь, поезжай к св. Софии, сядь на столе отцовском и дедовском». Изяслав, слыша это, послал сказать Вячеславу: «Я тебя звал на киевский стол, но ты тогда не захотел;

а теперь, когда брат твой выехал, так ты садишься? Ступай теперь в свой Вышгород». Вячеслав отвечал: «Хоть убей меня на этом месте, не съеду». Изяслав въехал в Киев, поклонился св. Софии, оттуда поехал на двор Ярославов со всеми своими полками и со множеством киевлян; Вячеслав в это время сидел на сенях, и многие начали говорить Изяславу: «Князь! возьми его и с дружиною»; а другие уже начали кричать: «Подсечем под ним сени»; но Изяслав остановил их: «Сохрани меня бог, — говорил он, — я не убийца своей братьи; дядя мне вместо отца, я сам пойду к нему», и, взявши с собою немного дружины, пошел на сени к Вячеславу и поклонился ему. Вячеслав встал, поцеловался с племянником, и когда оба сели, то Изяслав стал говорить: «Батюшка! Кланяюсь тебе, нельзя мне с тобою рядиться, видишь, какая сила стоит народу, много лиха против тебя замышляют; поезжай в свой Вышгород, оттуда и будем рядиться». Вячеслав отвечал: «Ты меня сам, сын, звал в Киев, а я целовал крест брату Юрию; теперь уже если так случилось, то Киев тебе, а я поеду в свой Вышгород», и, сошедши с сеней, уехал из Киева, а Изяслав сел здесь и послал сына Мстислава в Канев, велел ему оттуда добыть Переяславля. Мстислав послал на ту сторону Днепра к дружине и к варварскому пограничному народонаселению, которое называлось турпеями, перезывая их к себе. В Переяславле сидел в это время Ростислав Юрьич; он послал к отцу в Городок за помощью, и когда тот прислал к нему брата Андрея, то, оставив последнего в Переяславле, погнался за турпеями, настиг их у Днепра, перехватил и привел назад в Переяславль. Между тем Юрий соединился с Давыдовичами и Ольговичами; а с запада явился к нему на помощь сват его [266] Владимирко галицкий. Услыхав о приближении Владимирка, Изяслав послал сказать сыну, чтоб ехал к нему скорее с берендеями, а сам с боярами поехал в Вышгород к Вячеславу и сказал ему. «Ты мне отец; вот тебе Киев и, какую еще хочешь, волость возьми, а остальное мне дай». Вячеслав сначала отвечал на это с сердцем: «А зачем ты мне не дал Киева тогда, заставил меня со стыдом из него выехать; теперь, когда одно войско идет из Галича и другое — из Чернигова, так ты мне Киев даешь». Изяслав говорил на это: «Я к тебе посылал и Киев отдавал тебе, объявлял, что с тобою могу быть, только с братом твоим Юрием мне нельзя управиться; но тебя люблю как отца, и теперь тебе говорю: ты мне отец, и Киев твой, поезжай туда». Размягчили старика эти слова, любо ему стало, и он поцеловал крест на гробе Бориса и Глеба, что будет иметь Изяслава сыном, а Изяслав поклялся иметь его отцом; целовали крест и бояре их, что будут хотеть добра между обоими князьями, честь их беречь и не ссорить их. Изяслав поклонился св. мученикам Борису и Глебу, потом отцу своему Вячеславу и

сказал ему: «Я еду к Звенигороду против Владимирка; а ты, батюшка, сам не трудись, отпусти только со мною дружину свою, сам же поезжай в Киев, коли тебе угодно». Вячеслав отвечал: «Всю дружину свою отпускаю с тобою».

Уладивши дело с дядею, Изяслав поехал опять в Киев, ударил в трубы, созвал киевлян и пошел против Владимирка: «Кто ко мне ближе, на того и пойду прежде», — говорил он. Сначала Изяслав стал у Звенигорода; потом, слыша о приближении галичан, перешел к Тумащу, куда пришли к нему черные клобуки, затворивши жен и детей своих в городах на Поросьи. На другой день на рассвете Изяслав выстроил войско и повел его против Владимирка, который стоял у верховьев реки Ольшаницы; стрельцы начали уже перестреливаться через реку, как вдруг черные клобуки, увидав, что галичан очень много, испугались и стали говорить Изяславу: «Князь! Сила у Владимирка велика, а у тебя дружины мало; как вздумает он перейти через реку, то нам плохо придется; не погуби нас, да и сам не погибни; ты наш князь, когда силен будешь, и мы тогда с тобою, а теперь не твое время, поезжай прочь». Изяслав отвечал им: «Лучше нам, братья, помереть здесь, чем такой стыд взять на себя»; но киевляне начали то же говорить и побежали; черные клобуки бросились за ними к своим вежам; оставшись с одною дружиною, Изяслав также пошел назад в Киев. К счастию его, Владимирко никак не мог подумать, что противное войско побежало без битвы, счел это хитростию и не велел своим гнаться за Изяславом, который поэтому благополучно доехал до Киева; пострадал только задний отряд дружины, часть которого была захвачена, а другая перебита галичанами. Изяслав застал в Киеве дядю Вячеслава; потолковавши друг с другом, они сели вместе обедать, как вдруг пришла весть, что Юрий со всеми Черниговскими — у Киева, и уже множество киевлян поехали в лодках к Юрию, а другие стали перевозить его дружину на эту сторону. Видя это, Вячеслав и Изяслав сказали: «Теперь не наше время», и поехали из Киева: Вячеслав — в Вышгород, а Изяслав — во Владимир, занявши места по реке Горыне и посадивши сына Мстислава в Дорогобуже.

На другой день Владимирко галицкий подошел к Киеву и стал у Ольговой могилы; сюда приехал к нему Юрий со всеми Черниговскими и здоровались, не сходя с коней. Введя Юрия в Киев, Владимирко объехал все святыни киевские, был и в Вышгороде у Бориса и Глеба и потом, расставшись приятельски с Юрием в Печерском монастыре, отправился назад в Галич. Услыхав об его приближении, Мстислав Изяславич бросился бежать из Дорогобужа в Луцк к дяде Святополку; Владимирко, побравши города по Горыне и отдавши их Мстиславу Юрьичу, которого взял с собою из Киева [267],

подошел было к Луцку, но не мог взять его и ушел в Галич, а Мстислав Юрьич остался в Пересопнице; но скоро потом Юрий отдал этот город вместе с Туровом и Пинском сыну Андрею, который и сел в Пересопнице; цель этого перемещения и предпочтения Пересопницы Турову ясна: Андрей, самый храбрый из Юрьевичей, должен был оберегать границу со стороны Волыни, откуда Юрий ждал нападения от племянника. Зимою Изяслав прислал в Пересопницу просить Андрея: «Брат! Помири меня с отцом: мне отчины нет ни в Венгрии, ни в Польше, а только в Русской земле; выпроси мне у отца волость по Горынь». Он послал в Пересопницу как будто за этим, а между тем наказал послу рассмотреть хорошенько весь наряд Андреев и как город стоит: ему уже удалось раз напасть здесь врасплох на брата Андреева Глеба, то же хотелось теперь сделать и с Андреем; но у этого было все крепко и дружина большая. Не подозревая хитрости, Андрей стал опять просить отца за Изяслава, но Юрий не хотел ничего дать племяннику; тогда Изяслав стал думать: «Дядя мне волости не дает, не хочет меня в Русской земле, а Владимир галицкий по его приказу волость мою взял, да еще сбирается придти на меня к Владимиру», и, подумав таким образом, послал брата Владимира сказать зятю своему, королю венгерскому: «Ты мне сам говорил, что Владимирко не смеет головы высунуть; но я выгнал Юрия из Киева, Юрий передо мною бегает, а Владимирко, согласившись с Ольговичами, пришел, да погнал меня из Киева; теперь, брат, исполни свое обещание, сядь на коня». Король немедленно собрал всю свою силу и сел на коня, пославши сказать Изяславу: «Я уже выступил с братом твоим Владимиром, выступай и ты; узнает Владимирко, кого затронул».

Но у Владимирка были приятели в Венгрии; они дали ему знать, что король идет на него, и галицкий князь, бросив обоз свой у Бельза, где стоял тогда, поскакал с дружиною к Перемышлю, где уже король начал воевать. Владимирко видел, что ему нельзя бороться с венграми, и начал посылать к архиепископу да еще к двум епископам венгерским и к боярам с просьбою, чтоб уговорили короля возвратиться, не жалел золота и достиг своей цели. Король послушался подкупленных епископов и бояр и стал говорить: «Теперь уже не время воевать, реки замерзают; вот, когда реки установятся, тогда пойдем опять». Отпуская Владимира Мстиславича в Киев, король наказал ему: «Отцу моему и своему брату Изяславу поклонись и скажи ему: царь на меня греческий встает ратью, и потому этою зимою и весною нельзя мне сесть на коня для тебя; но твой щит и мой не будут розно; если мне самому нельзя, то помощь пошлю, 10 000, больше ли, сколько хочешь, а летом, бог даст, в твоей воле буду, отомстим за свои обиды». Изяслав, выслушав эти речи

от Владимира, отправил его назад в Венгрию. «Брат! — говорил он ему, — бог тебе помоги, что потрудился для моей и своей чести; ты был в Венгрии у зятя своего короля, ведаешь там всю мысль их и думу; так потрудиться бы тебе, брат, и теперь, поехать туда опять для моей чести и своей». Владимир отвечал: «Я, брат, этим не тягочусь; для твоей чести и для чести брата Ростислава с радостию поеду». Владимиру было наказано говорить королю: «Если царь встал ратью и тебе самому нельзя приехать ко мне, то отпусти помощь, как обещался, а мне бог поможет на Юрия, на Ольговичей и на галицкого князя; твоя обида — моя, а моя — твоя». Король отпустил с Владимиром десятитысячный отряд, с которым Изяслав и отправился опять к Киеву, потому что звали его бояре Вячеславовы, берендеи и киевляне. На дороге у Пересопницы получив весть, что Владимирко галицкий идет за ним с войском, Изяслав собрал на совет дружину. «Князь! — говорили бояре, — сам видишь, что нам пришлось плохо: ты идешь на Юрия, а сзади за тобою идет Владимир; очень трудно будет нам справиться!» Изяслав отвечал им: «Вы за мною из Русской земли вышли, сел своих и животов лишились, да и я своей дедины и отчины не могу покинуть: либо голову свою сложу, либо отчину свою добуду и ваши все животы; если нагонит меня Владимир, то, значит, бог дает мне с ним суд; встретит ли меня Юрий, и с тем суд божий вижу; как бог рассудит, так и будет».

Отпустив брата Святополка оберегать Владимир, Изяслав пошел вперед к Дорогобужу с братом Владимиром, сыном Мстиславом, с князем Борисом городенским, внуком известного Давыда Игоревича, и с венграми. Дорогобужцы вышли к нему навстречу с крестами и поклонились; Изяслав сказал им: «Вы люди деда моего и отца, бог вам помощь». Дорогобужцы сказали на это: «С тобою, князь, чужеземцы, венгры; как бы они не наделали зла нашему городу?» Изяслав отвечал: «Я вожу венгров и всяких других чужеземцев не на своих людей, а на врагов; не бойтесь ничего». Миновав Дорогобуж, Изяслав перешел Горынь, жители Корсуни вышли к нему также с радостию и с поклоном; Изяслав миновал и их город, не желая, как видно, пугать жителей приводом иноземной рати и подавать повод к враждебным столкновениям. Между тем Владимирко галицкий соединился с Андреем Юрьичем, которого вызвал из Пересопницы, и скоро к Изяславу пришла весть, что князь галицкий, Андрей Юрьич и Владимир Андреевич (изгой, сын младшего из Мономаховичей) переправляются с большими силами через Горынь; когда Мстиславичи переправились через реки Случь и Ушу, то на противоположном берегу последней уже показались неприятельские стрельцы и стали биться об реку, а иные поудалее перебирались даже с одного берега на другой; один из

галицких стрелков был схвачен, приведен к Изяславу и на спрос: «Где твой князь?», отвечал: «Вот за городом Ушеском первый лес, тут он остановился; узнав, что ты близко, не посмел пойти через лес, говорит: как пойдем сквозь лес, то нападут на нас, а сила наша далеко назади, подождем ее здесь». Услыхав это, Изяслав сказал своим: «пойдем на него назад». Но дружина отвечала: «Князь! Нельзя тебе на него идти, перед тобою река, да еще злая, как же ты хочешь на него ехать? Он же стоит лесом заложившись! Это уж оставь теперь, а поезжай к своим в Киев; где нас Владимирко нагонит, там и будем биться, сам же ты так прежде говорил, что если и Юрий встретится, то и с ним будем биться. А теперь, князь, не мешкай, ступай; когда будешь на Тетереве, то вся тамошняя дружина к тебе приедет; а если бог даст, дойдешь до Белгорода, то еще больше дружины к тебе приедет, больше будет у тебя силы».

Изяслав послушался, пошел вперед, Владимирко за ним; когда Изяслав стал у Святославовой криницы, то его сторожа видели галицкие огни; Изяслав велел раскласть большой огонь, чтоб обмануть неприятеля, а сам в ночь двинулся к городу Мичьску, где встретило его множество народа с берегов Тетерева с криками: «Ты наш князь!» Перешед за Тетерев, Изяслав дал себе и коням отдых и потом пошел ко Вздвиженску, где держал совет с дружиною: «Владимирко едет за нами, — говорил он, — так скажите, здесь ли нам остановиться и ждать его или уже не жалеть сил, выступить в ночь дальше? Если здесь остановимся и будем дожидаться Владимира, то не дождаться бы нам с другой стороны Юрия: тогда будет нам трудно; лучше уже, по-моему, не давать себе отдыха, ехать; как будем в Белгороде, то Юрий непременно побежит; тогда мы поедем в свой Киев, а как в сильный киевский полк въедем, то уже я знаю, будут за меня биться; если же нельзя будет ехать на Белгород, то поедем к черным клобукам, а как приедем к черным клобукам и с ними соединимся, то уже нечего нам будет бояться ни Юрия, ни Владимирка». Венгры отвечали ему на это: «Мы у тебя гости; если надеешься на киевлян, то тебе лучше знать своих людей; лошади под нами; доброе дело, когда друг прибудет и новая сила, поедем в ночь». Тогда Изяслав сказал брату Владимиру: «Ступай ты наперед к Белгороду; мы все отпустим с тобою свою младшую дружину и пойдем за вами вслед; если придешь к Белгороду и станут с тобою биться, то ты дай нам знать, а сам бейся с утра до обеда; я же между тем либо перееду на Абрамов мост, либо въеду к черным клобукам и, соединясь с ними, пойду на Юрия к Киеву; а если ты займешь Белгород, то дай нам также знать, и мы к тебе поедем». Владимир приехал к Белгороду, а тамошний князь Борис Юрьич спокойно пировал на сеннице с дружиною да

с попами белгородскими: если бы *мытник* (сборщик податей) не устерег и не развел моста, то князя захватили бы Владимирова дружина, подъехав к мосту, затрубила в трубы; Борис вскочил в испуге и ускакал с дружиною из города, а горожане побежали к мосту, кланяясь Владимиру и крича: «Ступай, князь, Борис бежал», и тотчас же опять навели мост. Въехав в Белгород, Владимир послал, как было уложено, гонца к брату: «Я в Белгород въехал, а Борис выбежал; он ничего не знал о моем приходе, и Юрий ничего не знает: ступай скорее». Изяслав тотчас же поехал к нему, до света переправил полки через мост и, оставив в Белгороде Владимира на случай приезда галицкого князя, сам с венграми отправился к Киеву. Между тем Борис прибежал к отцу с вестью, что рать идет; Юрий был в это время на Красном дворе, в испуге не нашелся за что приняться, сел в лодку, переплыл на другой берег и спрятался в Городке, а киевляне вышли с радостию навстречу к Изяславу. Есть очень вероятное известие, что Юрий поведением своим возбудил у них сильное негодование, рассердил и черных клобуков, которые вместе с киевлянами и стали звать к себе Мстиславича. Перехвативши дружину Юрьеву, Изяслав поехал к св. Софии, а оттуда — на Ярославов двор, куда позвал на обед венгров и киевлян; было тут большое веселье: после обеда венгры, славные всадники, удивляли киевский народ своим искусством в ристании!

Между тем Владимирко и Андрей Юрьич, ничего не зная, стояли у Мичьска, как вдруг пришла им весть, что Юрий в Городке, а Изяслав в Киеве; сильно раздосадовало это Владимирка, он сказал князьям Андрею и Владимиру Андреевичу: «Не понимаю, как это княжит сват мой: рать идет на него с Волыни, как об этом не узнать? И вы, сыновья его, сидели один в Пересопнице, а другой в Белгороде, — как же это вы не устерегли? Если так княжите с отцом своим, то управляйтесь сами, как хотите, а я не могу один идти на Изяслава; он хотел вчера со мною биться, идучи на вашего отца, а на меня оборачиваясь; теперь же у него вся Русская земля, я не могу один на него ехать!» Причина изумительного в самом деле успеха Изяславова заключалась не столько в оплошности Юрия и сыновей его, сколько во всеобщем нерасположении к ним народа и в старании многих людей вводить их в эту оплошность [268].

Владимирко выполнил свою угрозу, оставил дело Юрия и пошел назад в Галич; он хотел, однако, чем-нибудь вознаградить себя за поход и потому объявил жителям города Мичьска: «Дайте мне серебра, сколько хочу, а не то возьму вас на щит»; у них не было столько серебра, сколько он запрашивал, и потому они принуждены были вынимать серьги из ушей жен и дочерей своих, снимать ожерелья с шеи, слили

все это и отдали Владимирку, который пошел от них дальше и по всем городам на дороге брал также серебро до самой своей границы; а сын Юрьев Андрей и племянник Владимир Андреевич поехали на устье Припяти и оттуда к отцу в Городец-Остерский. Между тем Изяслав на другой же день, как въехал в Киев, послал сказать дяде Вячеславу: «Батюшка! Кланяюсь тебе; если бог отца моего Мстислава взял, то ты у меня отец, кланяюсь тебе; согрешил я пред тобою сначала тогда, а теперь каюсь; и снова, когда мне бог дал победить Игоря у Киева, то я на тебе чести не положил же, и потом опять у Тумаща; но теперь, батюшка, во всем том каюсь перед богом и перед тобою: если ты меня, батюшка, простишь, то и бог простит; отдаю тебе, батюшка, Киев, поезжай, сядь на столе деда и отца своего!» Этими словами Изяслав признал полное господство права по родовому старшинству, право дядей пред сыновьями старшего брата, право, против которого ничего не могли сделать ни личные достоинства, ни уважение и любовь народа. Вячеслав велел отвечать племяннику: «Сын! Бог тебе помоги, что на меня честь положил, давно бы тебе так сделать; если ты мне честь воздал, то и богу честь воздал; ты говоришь, что я твой отец, а я тебе скажу, что ты мой сын; у тебя отца нет, а у меня сына нет; ты мой сын, ты мой и брат». Здесь старый дядя ясно также выразил господствующее представление, что сыновья от старшего брата считаются братьями дядьям своим, хотя и младшими. Дядя и племянник целовали крест — не разлучаться ни в добре, ни в зле (1150 г.).

После ряду с племянником Вячеслав въехал в Киев (1151 г.) и, поклонившись св. Софии, позвал к себе на обед сына своего Изяслава, всех киевлян и венгров: и дядя и племянник оказали большую честь последним, богато одарили их сосудами, платьем, лошадьми, паволоками и всякими дарами. На другой день после пира Вячеслав послал сказать Изяславу: «Сын! Бог тебе помоги, что воздал мне честь, как отцу; а я вот что тебе скажу: я уже стар и всех рядов не могу рядить; останемся оба в Киеве; а какой нам придется ряд рядить, между христианами или погаными, то пойдем оба по месту; дружина и полки будут у нас общие, ты ими ряди; где нам можно будет обоим ехать, оба поедем, а где нельзя, там ты один поедешь с моим полком и с своим». Изяслав с великою радостию и с великою честию поклонился отцу своему и сказал: «Батюшка, кланяюсь тебе; как мы уговорились, так нам дай бог и быть до конца жизни». На третий день оба князя отпустили венгров домой и вслед за ними отправили сына Изяславова Мстислава, который должен был сказать королю: «Ты нам то сделал, что может сделать только брат родному брату или сын отцу; дай нам бог быть с тобою неразлучно во всем; где будет твоя обида,

там дай нам бог быть самим и мстить за твою обиду, или, если не самим, так братьям нашим и сыновьям, а нам тебе нечем больше заплатить за твое добро, как только своею головою; теперь же докончи доброе дело: самого тебя не зовем, потому что у тебя война с греками; но отпусти к нам войско на помощь, или такое же, какое теперь было, а хорошо, если и побольше, потому что Юрий силен: Давыдовичи и Ольговичи с ним, и половцы дикие, которых приманивают золотом; теперь, брат, этою весною помоги нам; если этою же весною мы управимся с своим делом, то пойдем с войском к тебе на помощь, а если ты управишься с греческим царем, то будь нам помощник; остальное все расскажут тебе твои мужи и *брат* твой Мстислав, как нам бог помог, как встала за нас вся Русская земля и черные клобуки». Отрядив Мстислава в Венгрию, Вячеслав послал в то же время бояр своих в Смоленск сказать Ростиславу Мстиславичу: «Брат! Бог соединил нас с твоим братом, а с моим сыном Изяславом; добыв Русскую землю, он на мне честь положил, посадил меня в Киеве; а я, сын, тебе скажу: как мне сын брат твой Изяслав, так и ты; потрудись приехать сюда к нам, чтоб всем вместе подумать о том, что вперед делать». Изяслав с своей стороны послал сказать Ростиславу: «Ты меня, брат, много понуждал положить честь на дяде и на отце; и вот когда бог привел меня опять в Русскую землю, то я посадил дядю нашего в Киеве для тебя и для всей Русской земли; а теперь я скажу тебе: там у тебя в Новгороде сын мой и твой сын же крестный Ярослав, там же у тебя и Смоленск; так, урядивши все в верхних землях у себя, приезжай к нам сюда, посмотрим вместе, что нам бог даст».

Изяслав с дядею не ошибались, призывая к себе отовсюду союзников: Юрий не думал оставлять их в покое и послал сказать Давыдовичам и Ольговичам: «Изяслав уже в Киеве, ступайте ко мне на помощь». Святослав Ольгович выступил немедленно, соединился в Чернигове с Владимиром Давыдовичем и на лодках приплыли вместе в Городок к Юрию. Но другой Давыдович, Изяслав, перешел на сторону Вячеслава и Изяслава: как видно, этот Давыдович поневоле был до сих пор с Юрием, на которого сердился за отнятие дреговичских земель в пользу Святослава Ольговича. Скоро приехал в Киев и Ростислав Мстиславич с полками смоленскими; а между тем Юрий выступил с союзниками из Городка и стал у Днепра, при устье речки Радуни, куда пришло к нему на помощь много диких половцев. На этот раз Изяслав был осторожен, не дал неприятельскому войску переправиться чрез Днепр, и потому с обеих сторон начали биться в лодках, от Киева до устья Десны. В этой речной битве Юрий не мог получить успеха, потому что Изяслав, по выражению летописца, дивно исхитрил свои лодки: гребцов на них не было видно, видны

были только одни весла, потому что лодки были покрыты досками, и на этой крешке стояли ратники в бронях и стреляли, а кормчих было по двое на каждой лодке — один на носу, а другой на корме, — куда хотят, туда и пойдут, не оборачивая лодок. Видя, что нельзя переправиться через Днепр против Киева, Юрий с союзниками решили идти вниз к Витичевскому броду; но, не смея пустить лодок мимо Киева, пустили их в Долобское озеро, оттуда волокли берегом в реку Золотчу и по Золотче уже впустили их в Днепр, а половцы шли по лугу. Но Мстиславичи с дядею Вячеславом, с Изяславом Давыдовичем, с городенским князем Борисом, киевлянами и черными клобуками шли рядом с ними по западной стороне Днепра, по нагорному берегу, а лодки плыли по реке, так что когда войско Юрия достигло Витичевского брода, то уже там стояла киевская рать, и опять началась речная битва за переправу. Тогда Юрий позвал к себе союзников и сказал: «Стоим мы здесь, и чего достоимся? Лучше постараемся перехватить у них Зарубский брод и перейти на ту сторону». Все согласились и отпустили к броду сыновей Юрьевых с половцами, да Святослава Всеволодовича; а сами, выстроивши полки, пошли подле лодок берегом. Между тем передовой отряд их приехал к Зарубскому броду, который стерег боярин Изяславов Шварн с небольшою дружиною: половцы, видя, что сторожей мало, бросились на лошадях и в полном вооружении в реку, под их прикрытием переехали и русские в лодьях; а Шварн испугался и побежал к своему князю; по замечанию летописца, вся беда произошла оттого, что при броде был не князь, а боярин, тогда как боярина не все слушались. Переправившись чрез Днепр, Юрьевичи послали сказать отцу: «Ступай скорее, мы уже перешли Днепр; чтоб не ударил на нас одних Изяслав!» Юрий пошел немедленно к Зарубу и также переправился. Получив весть об этой переправе, Мстиславичи возвратились в Киев и начали думать, что теперь делать? Оба Мстиславича хотели идти навстречу к дяде и биться, но дружина всех князей не соглашалась, особенно отговаривали от этого черные клобуки, они говорили Изяславу: «Князь! Нельзя нам ехать к ним, потому что наши ратники не все на конях; ты к ним поедешь, а они перед тобою поедут к Роси; тогда тебе надобно будет оставить свою пехоту и ехать за ними с одною конницею. По-нашему, надобно вот что сделать: ступайте вы все в Киев, а к нам приставьте брата своего Владимира; мы поедем с ним к своим вежам, заберем их жен, детей, стада и пойдем тогда к Киеву; побудьте там только до вечера, мы к вам придем непременно, хотим за отца вашего Вячеслава, за тебя, за брата твоего Ростислава и за всю вашу братью головы свои сложить; либо честь вашу отыщем, либо изомрем с вами, а Юрия не хотим». Мстиславичи с дядею послушались дружины, киевлян и чер-

ных клобуков, отрядили брата Владимира за вежами с торками, коуями, берендеями и печенегами (имена варварских народцев, слывших под общим именем черных клобуков), а сами пошли к Треполю и, переночевавши здесь, на солнечном восходе отправились к Киеву; в город не вошли, а стали около него: Изяслав Мстиславич — перед Золотыми воротами, Изяслав Давыдович — между Золотыми и Жидовскими воротами; Ростислав с сыном Романом — перед Жидовскими воротами, Борис городенский — у Лядских ворот; киевляне, конные и пешие, стали между князьями. Скоро пришел и Владимир с черными клобуками, с вежами и стадами их; эти союзники наделали вреда не меньше врагов, вламывались в монастыри, жгли села, огороды все посекли; Мстиславичи велели Владимиру пойти с берендеями, вежами и стадами их к Ольговой могиле и стать от нее до Ивановского города и потом до Щековицы; а коуи, торки и печенеги стали от Золотых ворот до Лядских и потом до Клова, Берестова, Угорских ворот и Днепра. Таким образом, князья, дружина, киевляне и черные клобуки решили не ходить к неприятелю навстречу, но подпустить его к себе и биться под Киевом; Изяслав говорил: «Если бог нам поможет, отобьем их, то ведь они не птицы: перелетевши Днепр, должны сесть где-нибудь; а когда поворотят от нас, тогда уже как бог нас с ними управит».

Но старик Вячеслав прежде битвы хотел попытаться кончить дело миром; он сказал племянникам: «Теперь, братья, мы готовы биться; но ведь Юрий мне брат, хотя и младший; хотелось бы мне послать к нему и свое старшинство оправить; когда нам будет с ним божий суд, то бог на правду призрит». Племянники согласились, и Вячеслав, подозвавши к себе своего боярина, сказал ему: «Ступай к брату Юрию, кланяйся ему от меня; а вы, братья и сыновья, Изяслав и Ростислав, слушайте, перед вами отряжаю; так ты вот что скажи от меня Юрию: я вам обоим, Изяславу и тебе, много раз говорил: не проливайте крови христианской, не губите Русской земли; вас удерживал от войны, о себе не заботился, что меня оба вы обидели, и не один раз; а ведь у меня полки есть и сила есть, бог мне дал; но я для Русской земли и для христиан не поминал того, как Изяслав, едучи биться с Игорем, говорил: я Киева не себе ищу, но отцу моему Вячеславу, он старший брат; а как бог ему помог, то он Киев себе, да еще Туров и Пинск у меня отнял, — это меня Изяслав обидел; а ты, брат, едучи к Переяславлю биться с племянником, тоже говорил: я Киева не себе ищу, есть у меня старший брат Вячеслав, все равно мне, что и отец, ему ищу Киева; а как бог тебе помог, то и ты Киев себе, да еще Пересопницу и Дорогобуж у меня отнял, обидел меня, один Вышгород мне дал; а я во всем том не искал управы для Русской земли и для христиан, не передо мною в вас правды не было, а перед богом; я еще и

вас удерживал от войны, но вы меня не слушали; ты мне тогда говорил: младшему не могу поклониться; но вот Изяслав, хотя два раза слова своего не сдерживал, зато теперь, добывши Киев, поклонился мне, честь мне воздал, в Киеве меня посадил, и отцом себе назвал, а я его сыном; ты говорил: младшему не поклонюсь; а я тебя старше не мало, а много; я уже был бородат, когда ты родился[269]; если же хочешь на мое старшинство поехать, то как нас бог рассудит». Юрий отвечал на это: «Я тебе, брат, кланяюсь, речи твои правые: ты мне вместо отца; но если хочешь со мною рядиться, то пусть Изяслав поедет во Владимир, а Ростислав — в Смоленск, тогда мы с тобою урядимся». Вячеслав послал опять сказать ему: «У тебя семеро сыновей, и я их от тебя не отгоняю, а у меня только два — Изяслав и Ростислав, да еще другие младшие; я, брат, тебе вот что скажу: для Русской земли и для христиан ступай в свой Переяславль и в Курск с сыновьями, а там у тебя еще Ростов Великий, Ольговичей отпусти домой, тогда и станем рядиться, а крови христианской не будем проливать; если же хочешь пойти по своему замыслу, то этой пречистой госпоже с сыном своим и богом нашим судить нас в этот век и в будущий». Говоря эти слова, Вячеслав показывал на образ богородицы, висевший на Золотых воротах. Юрий, не давши на это никакого ответа, на другой день явился с войском у Киева и стал по ту сторону Лыбеди. Начали перестреливаться об реку и перестреливались до вечера, а некоторые из войска Юрьева переехали Лыбедь; Андрей Юрьевич и здесь, как прежде у Луцка, занесся вперед и проскакал почти до самых неприятельских полков; один половец схватил под ним коня и воротил назад, браня своих, зачем все отстали от князя. Изяслав, видя, что неприятельские отряды переезжают Лыбедь, велел ударить на них выборной из всех полков дружине, которая и вмяла неприятеля в реку, где он потерял много убитыми и взятыми в плен; между прочими убили и Савенча Боняковича, дикого половчина, который хвастался: «Хочу ударить мечом в Золотые ворота, как отец мой в них ударил»; после этого ни один человек уже не переезжал больше чрез Лыбедь, и Юрий, оборотя полки, пошел прочь: дали ему весть, что сват его Владимирко идет к нему на помощь из Галича; так он и пошел к нему навстречу. Мстиславичи подъехали к дяде Вячеславу и сказали: «Они прочь поехали, пойдем за ними»; но Вячеслав удержал их: «Это уже начало нам божией помощи, — говорил он — они сюда приехали и ничего не успели сделать, только стыда добыли; а вам нечего спешить; бог даст — выступим вечером, а пожалуй, даже и завтра, подумавши». Тогда Изяслав обратился к Борису городенскому и сказал ему: «Они верно пойдут к Белгороду, ступай-ка, брат, туда же бором»; и Борис отправился.

Юрий в самом деле подошел к Белгороду и послал сказать гражданам: «Вы мои люди: отворите мне город». Белгородцы отвечали: «А Киев тебе разве отворил ворота? Наши князья Вячеслав, Изяслав и Ростислав». Услыхав такой ответ, Юрий пошел дальше; а между тем Мстиславичи с дядею Вячеславом выступили за ним из Киева, чтоб предупредить соединение его с Владимирком; равнодушие киевлян или нежелание их поднимать руки на Мономаховичей прошли; они сказали Мстиславичам: «Пусть идут все, кто может хоть что-нибудь взять в руки; а кто не пойдет, выдай нам того, мы его сами побьем», — такая ревность служит знаком сильного нерасположения к Юрию. Все пошли с радостию по своим князьям, говорит летописец, на конях и пеши, многое множество. На дороге Изяслав получил весть от сына Мстислава, который прислал сказать ему: «Король, твой зять, отпустил к тебе помощь, какой прежде не бывало, многое множество; я уже с ними прошел горы; если мы будем тебе скоро надобны, то дай знать, мы скорее пойдем». Изяслав велел отвечать ему: «Мы уже идем на суд божий, а вы нам всегда нужны; ступайте как можно скорее». У реки Рута настигли Мстиславича Юрия; мирные переговоры, начатые было снова, остались тщетными, потому что Ольговичи и половцы не дали мириться. понятно, что те и другие много теряли с примирением всех Мономаховичей. Юрию не хотелось вступить в битву до прихода Владимиркова; та же самая причина заставляла Изяслава как можно скорее начать сражение. Когда все уже были готовы, вдруг мгла покрыла все поле, так что можно было видеть только до конца копья, потом пошел дождь, к полдню туман рассеялся, и враги увидали, что озеро разделяет их; Юрий отступил, перешел речку Малый Рутец и остановился на ночь; Мстиславичи с дядею не отставали от него и остановились ночевать на перелет стрелы от неприятельских шатров. На другой день на заре в стане у Юрия ударили в бубны, затрубили в трубы, полки стали готовиться к бою; скоро те же звуки раздались и в стане Мстиславичей. Выстроивши полки, Юрий с сыновьями и союзниками пошел на верх Рутца, Мстиславичи также двинулись против него; но Юрий, дошедши до верховьев Рутца, поворотил полки и пошел к Большому Руту: он не хотел биться, но хотел зайти за Рут и там дожидаться Владимирка. Мстиславичи, увидав его отступление, послали вслед за ним стрельцов своих, черных клобуков и русь, которые начали наезжать на задние отряды, стреляться с ними и отнимать возы. Тогда Юрий, видя, что неприятель не дает ему перейти за Рут, принужден был остановиться и вступить в битву. Сын его Андрей, как старший между братьями (Ростислав умер в 1150 году в Переяславле), начал рядить отцовские полки; на другой стороне Мстиславичи подъехали к дяде Вячеславу и сказали ему: «Ты много хотел добра, но брат

твой не согласился; теперь, батюшка, хотим головы сложить за тебя или честь твою найти». Вячеслав отвечал им: «Братья и сыновья! От роду не охотник был я до кровопролития; брат мой довел до того, что вот стоим на этом месте, бог нас рассудит». Племянники поклонились ему и поехали в свои полки; Изяслав разослал повестить по всем войскам: «Смотрите на мой полк! Как он пойдет, так и вы все ступайте». Лишь только с обеих сторон начали сходиться на битву, Андрей Юрьевич, схватив копье, поехал напереди и прежде всех столкнулся с неприятелями; копье его было изломано, щит оторван, шлем спал с головы, конь, раненный в ноздри, начал соваться под ним в разные стороны; с противной стороны то же самое сделал Изяслав Мстиславич и подвергся той же опасности: он въехал прежде всех в неприятельские полки, изломал копье, получил рану в руку и в стегно и слетел с павшего коня. После общей схватки и злой сечи войска Мстиславичей победили; степные союзники Юрьевы, половцы, любили пускать тучи стрел издали и мало приносили пользы в схватках; не вынувши ни одной стрелы из колчанов, они пустились бежать первые, за ними — Ольговичи, а за Ольговичами побежал и Юрий с детьми; много дружины их было побито, взято в плен, потонуло в топком Руте; в числе убитых был Владимир Давыдович, князь Черниговский, в числе пленных много князей половецких. Когда победители возвратились с погони на поле битвы, то из кучи раненых один начал привставать; толпа пеших киевлян подбежала к нему и хотела убить, как вдруг он сказал: «Я князь!» «Ну так тебя-то нам и надобно», — отвечал один из киевлян, думая, что это Юрьевич или Ольгович, и начал сечь его мечом по шлему; тогда раненый сказал: «Я Изяслав, князь ваш», и снял шлем; киевляне узнали его, схватили с радостию на руки, как царя и князя своего, по выражению летописца, и воскликнули: «Кириеелейсон!» И во всех полках была большая радость, когда при победе узнали еще, что и князь жив. Мстиславич был очень слаб, изошел кровию; но, услыша, что Изяслав Давыдович плачется над братом своим Владимиром, собрал силы, сел на коня и поехал туда поплакать вместе; долго плакавши, он сказал Давыдовичу: «Уже нам его не воскресить; так, взявши тело, поезжай-ка лучше в Чернигов, я тебе помощь дам». Мстиславичи отпустили с ним Романа, сына Ростиславова, с дружиною; до вечера Давыдович с Романом были уже в Вышгороде, в ночь перевезлись чрез Днепр, а утром на другой день приехали в Чернигов, где Изяслав, похоронивши брата, сел на столе. Между тем Юрий с сыновьями переехал Днепр у Треполя и остановился в Переяславле; половцы ушли в степи, а Ольговичи переправились за Днепр выше Заруба и бежали в Городец. Святослав Ольгович был очень толст, сильно устал; потому, приехавши в Городец, не

мог уже ехать дальше и отправил к Чернигову одного племянника, Святослава Всеволодича; тот, приехавши к перевозу на Десну, узнал, что Изяслав Давыдович уже в Чернигове, и поскакал тотчас же назад, послав сказать дяде, чтоб ехал в Новгород-Северский, а Чернигов уже занят. С другой стороны Владимирко галицкий шел к свату своему Юрию на помощь, но, узнавши на дороге, что Юрий разбит, поспешно пошел назад. Так, Мстиславичам нечего было бояться с запада, и они с торжеством вступили с дядею в Киев, где начали жить очень весело и очень дружно.

Но дядя Юрий все сидел в Переяславле; Изяславу нельзя было позволить ему оставаться в таком близком соседстве, и он с дядею Вячеславом стал сбираться на него, а брата Ростислава отпустил в Смоленск. В это время пришла к нему неприятная новость с запада: Владимирко галицкий, возвращаясь домой, узнал, что Мстислав Изяславич ведет отряд венгров на помощь отцу своему, и решился напасть на него. Мстислав, ничего не зная, стал у Сапогиня, близ Дорогобужа, откуда Владимир Андреевич (посаженный здесь, как видно, Владимирком [270]) прислал к нему много вина и велел сказать, что Владимирко идет на него. Мстислав стал пить с венграми и во время пира объявил им о приближении галицкого князя; пьяные венгры отвечали: «Пусть его приходит! Мы с ним побьемся». В полночь, когда все улеглось в стане, сторожа прибежали к Мстиславу с вестию, что идет Владимирко. Мстислав с дружиною сели на коней и начали будить венгров, но те после попойки лежали, как мертвые, нельзя было никак их добудиться; на рассвете Владимирко напал на стан и перебил почти всех венгров, немного только взял в плен, а Мстислав с дружиною убежал в Луцк. Когда Изяслав в Киеве получил весть, что сын его побежден и венгры перебиты, то сказал поговорку, которую летописец и прежде слыхал от него: «Не идет место к голове, а голова к месту; но дал бы только бог здоровье мне и королю; а Владимирку будет месть». Но прежде надобно было разделаться с Юрием, и Вячеслав с племянниками — Изяславом и Святополком — и с берендеями пошли к Переяславлю, бились здесь два дня, на третий пехота ворвалась в город и зажгла предместья. Тогда Вячеслав с Изяславом послали сказать Юрию: «Кланяемся тебе; иди в Суздаль, а сына посади здесь в Переяславле; с тобою не можем быть здесь, приведешь на нас опять половцев». Юрий в это время не мог ждать скоро ниоткуда помощи, хотя пересылался и с Владимирком и с половцами: из дружины его одни были убиты, другие взяты в плен, и потому он послал сказать брату и племяннику: «Пойду в Городок и, побыв там, пойду в Суздаль»; те велели отвечать ему, что может оставаться в Городке месяц, а потом чтоб шел в Суздаль; если же не пойдет, то они осадят его в Городке

точно так же, как теперь в Переяславле. Юрию было нечего делать, неволею целовал крест с сыновьями, что пойдет через месяц в Суздаль и не будет искать Киева под Вячеславом и Изяславом; должен был также отказаться от союза с Святославом Ольговичем и не мог включить его в договор. Оставив в Переяславле сына Глеба, он пошел в Городок, а старший сын его Андрей отпросился идти наперед в Суздаль: «Нам здесь, батюшка, — говорил он, — нечего больше делать, уйдем зáтепло». Святослав Ольгович, слыша, что Юрий уладился с братом и племянником, послал в Чернигов к Изяславу Давыдовичу сказать ему от своего имени и от имени племянника Святослава Всеволодовича: «Брат! Мир стоит до рати, и рать до мира; ведь мы тебе братья, прими нас к себе; отчины у нас две — одна моего отца Олега, а другая твоего отца Давыда, ты — Давыдович, а я — Ольгович; так ты, брат, возьми отцовское давыдовское, а что ольгово, то отдай нам, мы тем и поделимся». Изяслав поступил по-христиански, говорил летописец, принял братьев и отчину им отдал, но, как видно, с условием отстать от Юрия и быть вместе с Мстиславичами. Юрий не мог расстаться с Русской землею, нарушил клятву, пробыл в Городке более месяца; но Изяслав хотел сдержать свое слово и явился осаждать его в Городке с берендеями, Изяславом Давыдовичем черниговским, Святославом Всеволодовичем и вспомогательным отрядом Святослава Ольговича; последний не пошел, однако, сам против своего старого союзника. Юрий затворился в Городке и долго отбивался; наконец, стало ему тяжко, помощи не было ниоткуда; он должен был целовать крест, что пойдет в Суздаль и на этот раз действительно пошел, оставив в Городке сына Глеба: Переяславль, как видно, был у него отнят за прежнее нарушение клятвы; Изяслав посадил в нем после сына своего Мстислава. Юрий пошел в Суздаль на Новгород-Северский, заехал к старому приятелю Святославу Ольговичу, принят был от него с честию и получил все нужное для дороги.

Быть может, это приятельское свидание Юрия с Ольговичем было одною из причин, заставивших Изяслава Мстиславича съехаться в 1152 году с Изяславом Давыдовичем черниговским и Святославом Всеволодовичем. На этом съезде решено было избавиться от опасного притона [271], который был у Юрия на Руси между Черниговскою и Переяславскою волостию, вследствие чего князья разрушили Городок и сожгли его вместе с Михайловскою церковию. Услыхав об этом, Юрий вздохнул от сердца, по выражению летописца, и начал собирать войско; пришел к нему рязанский князь Ростислав Ярославич с братьею, с полками рязанскими и муромскими; соединился с ним и Святослав Ольгович северский; наконец, пришло множество половцев, все орды, что между Волгою и Доном; Юрий сказал: «Они мой Городец пожгли и церковь,

так я им отожгу за это», и пошел прямо к Чернигову. Между тем, услыхав о дядином походе, Изяслав Мстиславич послал сказать брату Ростиславу в Смоленск: «Там у тебя Новгород сильный и Смоленск; собравшись, постереги свою землю; если Юрий пойдет на тебя, то я к тебе пойду, а если минует твою волость, то приходи ты сюда, ко мне». Когда Ростислав узнал, что дядя миновал Смоленскую область и пошел прямо на Чернигов, то отправился немедленно и сам туда же, опередил Юрия и вместе с Святославом Всеволодичем затворился в Чернигове, к которому скоро явились Юрьевы половцы и стали жечь окрестности. Осажденные князья, видя множество половцев, велели жителям всем перебраться в ночь из острога в кремль (детинец); а на другое утро подошли к городу Юрий и Святослав Ольгович со всеми своими полками; половцы бросились к городу, разломали острог, зажгли все предместия и начали биться с черниговцами, которые держались крепко. Видя это, осаждающие князья стали думать: «Не крепко станут биться дружины и половцы, если не поедем с ними сами»; Андрей Юрьич, по обычаю своему, вызвался первый идти вперед: «Я начну день свой», сказал он, взял дружину, поехал под город, ударил на осажденных, которые вздумали сделать вылазку, и втоптал их в город; другие князья, ободренные примером Андрея, также стали ездить подле города, и напуганные черниговцы уже не смели более делать вылазок. Уже 12 дней стоял Юрий под Черниговом, как пришла к нему весть о приближении Изяслава Мстиславича с дядею Вячеславом; половцы, храбрые, когда надобно было жечь черниговские предместия и стреляться издали с осажденными, теперь первые струсили и начали отъезжать прочь. Юрий и Ольгович, видя бегство половцев, принуждены были также отступить от Чернигова; Юрий пошел на Новгород-Северский, оттуда — к Рыльску, из Рыльска хотел идти уже в Суздаль, как был остановлен Святославом Ольговичем: «Ты хочешь идти прочь, — говорил ему Святослав, — а меня оставить, погубивши мою волость, потравивши половцами весь хлеб; половцы теперь ушли, а за ними вслед явится Изяслав и погубит остальную мою волость за союз с тобою». Юрий обещался оставить ему помощь и оставил сына Василька с 50 человек дружины! Ольгович не обманулся в своих опасениях: Изяслав Мстиславич стоял уже на реке Альте со всеми своими силами; отпустивши старика Вячеслава в Киев, а сына Мстислава с черными клобуками на половцев, вероятно, для того, чтоб отвлечь их от подания помощи северскому князю, Изяслав сам отправился к Новгороду-Северскому, где соединились с ним Изяслав Давыдович, Святослав Всеволодович и Роман, сын Ростислава смоленского. Когда острог был взят и осажденные вбиты в крепость, то на третий день после осады

Святослав Ольгович прислал к Изяславу с поклоном и с просьбою о мире; Изяслав сначала не хотел слушать его просьбы, но потом, раздумав, что время уже подходит к весне, помирился [272] и пошел назад к Чернигову, где получил весть от сына Мстислава, что тот разбил половцев на реках Угле и Самаре, самих прогнал, вежи их, лошадей, скот побрал и множество душ христианских избавил из неволи и отпустил по домам. После этого, в 1154 году, Юрий еще раз собрался на Русскую землю и опять неудачно: на дороге открылся в его войске сильный конский падеж; пришедши в землю вятичей, он остановился, не доходя Козельска; здесь пришли к нему половцы; он подумал и, отпустив сына Глеба к половцам в степь, сам возвратился в Суздаль. По некоторым известиям, Юрий принужден был к возвращению тем, что половцев пришло гораздо меньше, чем сколько он ожидал, и вот он отправил сына Глеба в степи для найма еще других варваров [273].

Так кончилась борьба Юрия с Изяславом. Мы видели, что в этой борьбе главным союзником ростовского князя на востоке был Святослав Ольгович, который теперь должен был принять мир на всей воле Изяславовой; но еще более деятельного союзника имел Юрий на западе в свате своем, князе галицком Владимирке: на этого Изяслав должен был еще более сердиться, чем на Ольговича; мы видели, как он обещался отомстить ему за поражение венгров. Еще в 1151 году, сбираясь выгнать Юрия из Городка, Изяслав послал сказать королю венгерскому: «Владимир галицкий дружину мою и твою избил; так теперь, брат, тебе надобно подумать об этом; не дай бог нам этого так оставить, дай бог нам отомстить за дружину; собирайся, брат, у себя, а я здесь, и как нам с ним бог даст». Король отвечал, что он уже собирается; но Изяслав боялся, чтоб сборы не были долги, и послал сына Мстислава в Венгрию торопить зятя; Гейза назначил срок, когда сбираться, и послал сказать Изяславу: «Я уже сажусь на коня и сына твоего Мстислава беру с собою; садись и ты на коня». Изяслав тотчас собрал дружину, взял с собою весь полк Вячеславов, всех черных клобуков, лучших киевлян, всю русскую дружину и пошел на Галич; на дороге у Дорогобужа соединился с ним родной брат Владимир, у Пересопницы — двоюродный Владимир Андреевич и другой родной — Святополк из Владимира [274]; Изяслав велел Святополку оставаться в своем городе и, взяв его полк, пошел далее. Перешедши реку Сан, он встретил королевского посла, который приехал с сотнею ратных и сказал Изяславу: «Зять твой король тебе кланяется и велел сказать, что он уже пятый день дожидается тебя, ступай скорее». Изяслав пошел немедленно вперед и на другой день после обеда подошел к венгерскому стану, расположенному за Ярославлем.

Король с дружиною выехал к нему навстречу; они обнялись, говорит летописец, с великою любовию и с великою честию и, вошедши в королевский шатер, стали думать, как бы на другой день рано ехать биться к реке Сану. На рассвете король ударил в бубны, выстроил полки и послал сказать Изяславу: «Ступай с своими полками подле моего полку; где я стану, там и ты становись, чтоб нам вместе можно было обо всем думать». Союзники пришли к Сану ниже Перемышля; на противоположном берегу уже стоял Владимирко, но скоро должен был отодвинуться дальше от натиска венгров; перед началом битвы Изяслав сказал своей дружине: «Братья и дружина! Бог никогда Русской земли и русских сынов в бесчестье не оставлял; везде они честь свою брали; теперь, братья, поревнуем тому: дай нам бог в этих землях и перед чужими народами честь свою взять». Сказавши это, Изяслав бросился со всеми своими полками вброд; венгры, видя, что русские уже переправляются, бросились также вброд, с разных сторон въехали в полки галицкие и обратили их в бегство; сам Владимирко, убегая от венгров, попался было к черным клобукам и едва сам-друг успел скрыться в Перемышле; этот город был бы тогда непременно взят, потому что некому было отстаивать его, но, к счастью для Владимирка, за городом на лугу находился княжий двор, где было много всякого добра: туда ринулось все войско, а о городе позабыли. Владимирко между тем, видя беду, стал посылать к королю просить мира; ночью послал, по старому обычаю, к архиепископу и к воеводам королевским, притворился, что жестоко ранен, лежит при смерти, и потому велел сказать им: «Просите за меня короля; я жестоко ранен, каюсь пред ним, что тогда огорчил его, перебивши венгров, и что теперь опять стал против него; бог грехи отпускает, пусть и король простит меня и не выдает Изяславу, потому что я очень болен; если меня бог возьмет, то отдаю королю сына моего на руки; я отцу королеву много послужил своим копьем и своими полками, за его обиду и с ляхами бился; пусть король припомнит это и простит меня». Много даров, золота, серебра, сосудов золотых и серебряных, платья выслал Владимирко архиепископам и вельможам венгерским, чтоб просили короля не губить его, не исполнять желание королевы, сестры Изяславовой. На другой день Гейза съехался с Изяславом и сказал ему: «Батюшка! Кланяюсь тебе; Владимирко присылал ко мне, молится и кланяется, говорит, что сильно ранен и не останется жив; что ты скажешь на это?» Изяслав отвечал: «Если Владимирко умрет, то это бог убил его за клятвопреступление нам обоим; исполнил ли он тебе хотя что-нибудь из того, что обещал? Мало того, опозорил нас обоих; так как ему теперь верить? Два раза он нарушал клятву; а теперь сам бог отдал нам его в руки, так возьмем его вместе

с волостью». Особенно говорил против Владимирка и выставлял все вины его Мстислав Изяславич, который был сердит на галицкого князя за дорогобужское дело. Но король не слушался их, потому что был уже уговорен архиепископом и вельможами, подкупленными Владимирком; он отвечал Изяславу: «Не могу его убить: он молится и кланяется, и в вине своей прощенья просит; но если теперь, поцеловав крест, нарушит еще раз клятву, тогда уже либо я буду в венгерской земле, либо он в галицкой». Владимирко прислал и к Изяславу с просьбою· «Брат! Кланяюсь тебе и во всем каюсь, во всем я виноват; а теперь, брат, прими меня к себе и прости, да и короля понудь, чтоб меня принял; а мне дай бог с тобою быть». Изяслав сам по себе не хотел и слышать о мире; но одному ему нельзя было противиться королю и его вельможам; поневоле должен был начать переговоры: король требовал от Владимирка клятвы в том, что он возвратит все захваченные им русские города Изяславу и будет всегда в союзе с последним, при всяких обстоятельствах, счастливых или несчастных; когда король хотел послать бояр своих к Владимирку с крестом, который тот должен был поцеловать, то Изяслав говорил, что не для чего заставлять целовать крест человека, который играет клятвами; на это король отвечал: «Это самый тот крест, на котором был распят Христос бог наш; богу угодно было, чтоб он достался предку моему св. Стефану; если Владимирко поцелует этот крест, нарушит клятву и останется жив, то я тебе, батюшка, говорю, что либо голову свою сложу, либо добуду Галицкую землю; а теперь не могу его убить». Изяслав согласился, но сын его Мстислав сказал: «Вы поступаете, как должно по-христиански, честному кресту верите и с Владимирком миритесь; но я вам перед этим честным крестом скажу, что он непременно нарушит свою клятву; тогда ты, король, своего слова не забудь и приходи опять с полками к Галичу»; король отвечал: «Ну право же тебе говорю, что если Владимирко нарушит клятву, то как до сих пор отец мой Изяслав звал меня на помощь, так тогда уже я позову его к себе на помощь». Владимирко целовал крест, что исполнит королевские требования; целовал он крест лежа, показывая вид, что изнемог от ран, тогда как ран на нем никаких не было.

Простившись с королем, Изяслав пошел назад в Русскую землю, и когда был во Владимире, то послал посадников[275] своих в города, которые Владимирко обещал ему возвратить; но посадники пришли назад: Владимирко не пустил их ни в один город Изяслав продолжал путь в Киев, только послал сказать королю: «Ни тебе, ни мне теперь уже не ворочаться назад, я только объявляю тебе, что Владимирко нарушил клятву; так не забудь своего слова». Владимирко спешил нарушить и другое условие мира: узнав, что сват его Юрий

идет на племянника, он также выступил против Изяслава, но возвратился, когда дали ему весть, что тот идет к нему навстречу. Управившись с дядею, Изяслав послал в Галич боярина своего Петра Бориславича, который был свидетелем клятвы Владимирковой пред крестом св. Стефана. Петр должен был сказать галицкому князю от имени Изяслава: «Ты нам с королем крест целовал, что возвратишь русские города, и не возвратил; теперь я всего того не поминаю; но если хочешь исполнить свое крестное целование и быть с нами в мире, то отдай мне города мои; а не хочешь отдать, то клятву свою ты нарушил, и мы с королем будем переведываться с тобою, как нам бог даст». Владимирко отвечал на это послу: «Скажи от меня Изяславу, вот что: ты нечаянно напал на меня сам и короля навел; так если буду жив, то либо голову свою сложу, либо отомщу тебе за себя». Петр сказал ему на это: «Князь! ведь ты крест целовал Изяславу и королю, что все исправишь и будешь с ними в союзе; так ты нарушил крестное целование». Владимирко отвечал: «Вот еще: что мне этот маленький крестик!» «Князь! — возразил ему киевский боярин, — хотя крестик и мал, да сила его велика на небеси и на земле; ведь тебе король объявлял, что это самый тот крест, на котором Христос был распят; да и то было тебе говорено, что если, поцеловав тот крест, ты слова своего не сдержишь, то жив не останешься; слышал ли ты обо всем этом от королевского посла?» Владимирко отвечал: «Да, помню, досыта вы тогда наговорились; а теперь ступай вон, поезжай назад к своему князю». Петр, положив пред ним крестные грамоты, пошел вон, и когда собрался ехать, то не дали ему ни повозки, ни корма, так что он принужден был отправиться на своих лошадях. Петр съезжал с княжьего двора, а Владимирко шел в то время в церковь к вечерне и, видя, что Петр уезжает, стал смеяться над ним: «Смотрите-ка, русский-то боярин поехал, побравши все волости!» Когда вечерня отошла и Владимирко, возвращаясь из церкви, дошел до того самого места, где смеялся над Петром, то вдруг сказал: «Что это, как будто кто меня ударил по плечу!» и не мог двинуть больше ногами: если б не подхватили его, то упал бы с лестницы; понесли его в горенку, положили в укроп; к вечеру стало ему хуже, а к ночи умер. Между тем Петр Бориславич, выехавши из Галича, остановился ночевать в селе Большове[276]; вдруг на рассвете скачет к нему гонец из Галича. «Князь не велел тебе ехать дальше, дожидайся пока пришлет за тобою». Петр, ничего не зная о Владимирковой смерти, стал тужить, что ему надобно ехать назад в город и, верно, придется вытерпеть там разные притеснения; и точно, еще до обеда прискакал к нему новый гонец с приказом от князя ехать в город; Петр отправился, и когда въехал на княжий двор, то к нему навстречу вышли

из сеней слуги княжие все в черном; он удивился — чтобы это такое значило? Вошел на сени, смотрит — на княжом месте сидит сын Владимирков Ярослав в черном платье и в черной шапке, также и все бояре в черном. Петру поставили стул, и когда он сел, то Ярослав, взглянувши на него, залился слезами. Петр сидел в недоумении, смотря на все стороны; наконец, спросил: да что же это такое значит? Тут ему объявили, что ночью князь умер. «Как умер? возразил Петр: когда я поехал, он был совсем здоров!» Ему отвечали, что был здоров, да вдруг схватился за плечо, начал с того изнемогать и умер. «Воля божия, — сказал на это Петр, — нам всем там быть». Тогда Ярослав начал говорить Петру: «Мы позвали тебя для того, что вот бог сотворил волю свою; поезжай ты теперь к отцу моему Изяславу, поклонись ему от меня и скажи: «Бог взял моего отца, так ты будь мне вместо него; ты с покойником сам ведался, что там между вас было, уже бог рассудил вас; бог отца моего к себе взял, а меня оставил на его место, полк и дружина его у меня, только одно копье поставлено у его гроба, да и то в моих руках; теперь кланяюсь тебе, батюшка! Прими меня, как сына своего Мстислава: пусть Мстислав ездит подле твоего стремени с одной стороны, а я буду ездить по другой стороне со всеми своими полками». Петр с этим и отправился.

Ярослав или, по некоторым известиям[277], бояре его только манили Изяслава, чтоб выиграть время, а в самом деле и не думали возвращать ему городов, захваченных Владимирком. Это заставило киевского князя пойти в другой раз на Галич (1153 г.); с ним пошли сын его Мстислав с переяславцами, полк Изяслава Давыдовича черниговского и все черные клобуки; а на дороге присоединились к нему братья — Владимир из Дорогобужа, Святополк из Владимира, Владимир Андреич из Бреста[278]. У Теребовля встретился Изяслав с полками Ярославовыми, и перед битвою галицкие бояре сказали своему князю: «Ты, князь, молод, отъезжай прочь и смотри на нас; отец твой нас кормил и любил, так мы хотим за честь твоего отца и за твою сложить свои головы; ты у нас один; если с тобой что случится, то что нам тогда делать? Так ступай-ка, князь, к городу, а мы станем биться с Изяславом, и кто из нас останется жив, тот прибежит к тебе и затворится с тобою в городе». Злая сеча продолжалась уже от полудня до вечера, когда сделалось в обеих ратях смятение: не видно было, которые победили. Изяслав гнал галичан, а братья бежали от них; Изяслав побрал в плен галицких бояр, а галичане Изяславовых. Время шло уже к ночи, когда киевский князь остановился с небольшою дружиною на месте боя и поднял галицкие стяги; галичане побежали к ним, думая, что тут свои, и были перехватаны; но в ночь Изяславу стало страшно: дружины у него осталось

мало, пленников было больше, чем дружины, а между тем из Теребовля Ярослав мог напасть на него; подумавши, Изяслав велел перебить пленников, оставя только лучших мужей, и выступил назад к Киеву, потому что братья и дружина его разбежались, не с кем было продолжать поход. Был после этого плач великий по всей земле Галицкой, говорит летописец.

Этим печальным походом заключилась деятельность Изяслава. В 1154 году, женившись во второй раз на царевне грузинской, Изяслав схоронил брата Святополка, а потом скоро сам занемог и умер. Летописец называет его честным, благородным, христолюбивым, славным; говорит, что плакала по нем вся Русская земля и все черные клобуки, как по царе и господине своем, а больше, как по отце; причина такой любви народной ясна: при необыкновенной храбрости (в которой равнялся с ним, быть может, из князей один Андрей Юрьевич), не уступая никому первого места в битве, гоня врагов и в то время, когда полки его бывали разбиты, Изяслав отличался также искусством, был хитер на воинские выдумки; но, будучи похож на знаменитого деда своего храбростию, отвагою, он напоминал его также ласковостию к народу; мы видели, как он обращался с ним в Киеве, в Новгороде; неприятное правление дяди Юрия только оттенило добрые качества Изяслава, заставило смолкнуть всякое нерасположение, какое у кого было к нему, и мы видели, как ревностно бились за него и граждане и черные клобуки, прежде равнодушные. Поговорка его: *«Не идет место к голове, а голова к месту»,* показывает его стремление, его положение и, по всем вероятностям, служила для него оправданием этих стремлений и происшедшей от них новизны положения его; поговорка эта оправдывает стремление дать личным достоинствам силу пред правом старшинства. Действительно, Изяслав в сравнении с своими старшими, дядьями, был в роде Мономаховом единственною головою, которая шла к месту. Но мы видели, что Изяслав должен был уступить; ему не удалось дать преимущества личным достоинствам своим и даже другому праву своему, праву завоевателя, первого приобретателя старшей волости; несмотря на то, что он *головою* добыл Киев, он принужден был, наконец, признать старшинство и права дяди Вячеслава, которого голова уже никак не шла к месту; а преждевременная смерть Изяслава нанесла окончательный удар притязаниям племянников и Мстиславовой линии: из братьев Изяславовых ни один не был способен заменить его; деятельнее, предприимчивее дядей был сын его Мстислав, но он не мог действовать один мимо родных дядей и против них; его положение было одинаково с положением отца, только гораздо затруднительнее; заметим еще, что преждевременная смерть отца Изяслава, отказавшегося от стар-

шинства в пользу дяди, в глазах многих должна была отнимать у молодого Мстислава право считаться отчичем на столе киевском.

Старый дядя Вячеслав плакал больше всех по племяннике, за щитом которого он только что успокоился: «Сын! — причитал старик над его гробом, — это было мое место; но, видно, перед богом ничего не сделаешь!» В Киеве все плакали, а на той стороне Днепра сильно радовались смерти Изяславовой и не тратили времени. Изяслав Давыдович черниговский немедленно поехал в Киев; но на перевозе у Днепра встретил его посол от старика Вячеслава с вопросом: «Зачем приехал, и кто тебя звал? Ступай назад в свой Чернигов». Изяслав отвечал: «Я приехал плакаться над братом покойником, я не был при его смерти, так позволь теперь хотя на гробе его поплакать». Но Вячеслав, по совету с Мстиславом Изяславичем и боярами своими, не пустил его в Киев. Трудно решить, насколько было справедливо подозрение Мстислава и киевских бояр; для оправдания их мы должны припомнить, что в 1153 году Изяслав Давыдович имел съезд с Святославом Ольговичем, где двоюродные братья обещали друг другу стоять заодно. В Киеве с нетерпением дожидались приезда Ростислава Мстиславича из Смоленска и между тем решились разъединить Черниговских, привлекши на свою сторону Святослава Всеволодича, которому легче всего было стать на стороне Мстиславичей и по родству, да и потому, что из всех Черниговских он один был отчич относительно старшинства и Киева. К нему-то старик Вячеслав послал сказать: «Ты Ростиславу сын любимый, также и мне; приезжай сюда, побудь в Киеве, пока приедет Ростислав, а тогда все вместе урядимся о волостях». Всеволодич, не сказавшись дядьям своим, поехал в Киев и дождался там Ростислава, которому все очень обрадовались, по словам летописца· и старик Вячеслав, и вся Русская земля, и все черные клобуки. Вячеслав, увидав племянника, сказал ему: «Сын! Я уже стар, всех рядов не могу рядить; даю их тебе, как брат твой держал и рядил; а ты почитай меня, как отца, и уважай, обходись, как брат твой со мною обходился; вот мой полк и дружина моя, ты их ряди». Ростислав поклонился и сказал: «Очень рад, господин батюшка, почитаю тебя, как отца господина, и буду уважать тебя, как брат мой Изяслав уважал тебя и в твоей воле был». Киевляне, посадивши у себя Ростислава, также сказали ему: «Как брат твой Изяслав обходился с Вячеславом, так и ты обходись, а до твоей смерти Киев твой».

Первым делом Ростислава было урядиться *с сестричичем* своим (племянником от сестры), Святославом Всеволодичем; он сказал ему· «Даю тебе Туров и Пинск за то, что ты приехал к отцу моему Вячеславу и волости мне сберег, за то и наделяю тебя волостию»; Святослав принял это наделение

с радостию. Нужно было богатою волостию привязать к себе сына Всеволодова, потому что на той стороне Днепра дядья его уже действовали заодно с Юрием суздальским; еще до приезда Ростислава в Киев они стали пересылаться с Юрием, следствием чего было движение сына Юрьева Глеба со множеством половцев на Переяславль: мы видели, что этот князь был послан отцом в кочевья привесть как можно более варваров. Переяславля взять Глебу не удалось, но он взял Пирятин на реке Удае. Ростислав и Святослав Всеволодичи выступили к Днепру и стали собирать дружину, как пригнал к ним посол от Мстислава Изяславича переяславского с вестию, что половцы уже у города и стреляются с жителями; тогда Ростислав немедленно отрядил сына своего Святослава в Переяславль, куда тот и успел пробраться На другой день половцы начали крепче приступать к городу; но когда узнали, что к Мстиславу пришла подмога, то испугались и ушли за Сулу. Узнав о бегстве половцев, Ростислав, по совету с братьею, решился, не заходя в Киев, идти прямо на Изяслава Давыдовича черниговского. «Нужно нам, — говорил Ростислав, — предупредить Юрия, либо прогнать его, либо мир заключить». Киевские полки и торки под начальством трех князей — Ростислава, Святослава Всеволодича и Мстислава Изяславича перешли уже Днепр у Вышгорода и хотели идти к Чернигову, как вдруг прискакал к Ростиславу гонец из Киева и объявил: «Отец твой Вячеслав умер». «Как умер? — сказал Ростислав, — когда мы поехали, он был здоров?» Гонец отвечал: «В эту ночь пировал он с дружиною и пошел спать здоров; но как лег, так больше не вставал». Ростислав тотчас же поскакал в Киев, похоронил дядю, роздал все имение его духовенству и нищим и, поручив остальные дела все матери своей, вдове Мстиславовой, отправился опять на ту сторону Днепра. Приехавши к войку, он начал думать с племянниками и дружиною — идти или нет на Чернигов? бояре советовали не ходить: «Дядя твой Вячеслав умер, — говорили они, — а ты еще с людьми киевскими не утвердился; лучше поезжай в Киев, утвердись там с людьми и тогда, если дядя Юрий придет на тебя, то захочешь помириться с ним, помиришься, а не захочешь, будешь воевать». Любопытно, что киевские бояре хотят, чтоб Ростислав ехал в Киев и урядился с его жителями, тогда как последние уже прежде объявили ему, что Киев принадлежит ему до самой смерти; притом Ростислав только что приехал из Киева; если бы граждане хотели объявить ему что-нибудь новое, то объявили бы после похорон Вячеславовых. Должно думать, что боярам самим хотелось возвратиться в Киев и урядить там свои дела по смерти старого князя; быть может, им хотелось заставить киевлян утвердиться с Ростиславом насчет новой дружины его смоленской. Как бы то ни было, Ростислав не

послушался бояр и пошел к Чернигову, пославши наперед сказать Изяславу Давыдовичу: «Целуй крест, что будешь сидеть в своей отчине, в Чернигове, а мы будем в Киеве». Изяслав отвечал: «Я и теперь вам ничего не сделал; не знаю, зачем вы на меня пришли; а пришли, так уже как нам бог даст». Но ведь он подвел Глеба Юрьевича с половцами и был с ним вместе у Переяславля, замечает летописец. На другой день Давыдович соединился с Глебом и половцами и вышел против Мстиславичей; Ростислав, увидав множество врагов, а у себя небольшую дружину, испугался и стал пересылаться с Изяславом насчет мира, отдавал ему под собою Киев, а под племянником Мстиславом — Переяславль. Такое недостойное поведение, трусость, неуменье блюсти выгоды племени сильно раздосадовали Мстислава Изяславича: «Так не будут же ни мне Переяславля, ни тебе Киева», — сказал он дяде и поворотил коня в Переяславль; Ростислав, оставленный племянником, был обойден половцами и после двухдневной битвы обратился в бегство; преследуемый врагами, он потерял коня, сын Святослав отдал ему своего, а сам стал отбиваться от половцев и таким образом дал отцу время уйти.

Ростислав переправился за Днепр ниже Любеча и поехал в Смоленск; Мстислав Изяславич с двоюродным братом Святославом Ростиславичем ускакал в Переяславль, здесь взял жену и уехал в Луцк; а Святослав Всеволодич был захвачен половцами; Изяслав Давыдович с женою выручили его из плена и других русских много выручили, много добра сделали, говорит летописец: если кто из пленников убегал в город, тех не выдавали назад. Быть может, Давыдович с намерением поступал так, желая приобресть расположение жителей Русской земли, которых нелюбовь ко всему его племени он должен был знать хорошо. Он послал сказать киевлянам: «Хочу к вам поехать». Киевляне были в самом затруднительном положении. покинутые Ростиславом, они видели приближение половцев, от которых могло спасти их только немедленное принятие Давыдовича, и они послали сказать ему: «Ступай в Киев, чтоб нас не взяли половцы, ты наш князь, приезжай». Изяслав приехал в Киев и сел на столе, а Глеба Юрьевича послал княжить в Переяславль, окрестности которого были сильно опустошены союзниками их — половцами. Но Юрия ростовского нельзя было удовлетворить одним Переяславлем: только что услыхал он о смерти Изяславовой и о приезде другого Мстиславича в Киев, как уже выступил в поход и приблизился к Смоленску, имея теперь дело преимущественно с тамошним князем; тут пришла к нему весть, что Вячеслав умер, Ростислав побежден, Давыдович сидит в Киеве, а Глеб — в Переяславле. Ростислав между тем, прибежавши в Смоленск, успел собрать войско и вышел против дяди; но мы видели, что Рости-

слав не был похож на брата отвагою, видели также, что он не был охотником и до споров с дядьми, и потому послал к Юрию просить мира: «Батюшка! — велел он сказать ему, — кланяюсь тебе: ты и прежде до меня был добр и я до тебя; и теперь кланяюсь тебе, дядя мне вместо отца». Юрий отвечал: «Правду говоришь, сын; с Изяславом я не мог быть; но ты мне свой брат и сын». После этой пересылки дядя с племянником поцеловали крест на всей любви, по выражению летописца, и Юрий отправился к Киеву, а Ростислав — в Смоленск; вероятно, что необходимость спешить в Киев и большое войско Ростислава также имели влияние на миролюбие дяди. Недалеко от Стародуба встретил Юрия сват его и старый союзник Святослав Ольгович, приехал к нему и Святослав Всеволодич с повинною. «Совсем обезумел я, — говорил он Юрию, — прости». По просьбе дяди Ольговича Юрий помирился с Всеволодичем, заставив его поклясться не отступать от себя и от дяди, после чего все трое пошли к Чернигову. Не доходя еще до города, Святослав Ольгович послал в Киев сказать Давыдовичу: «Ступай, брат, из Киева, идет на тебя Юрий; ведь мы оба с тобою позвали его». Но Давыдович не слушался; тогда Святослав в другой раз послал к нему из Чернигова: «Ступай из Киева, идет туда Юрий; а я тебе Чернигов уступаю ради христианских душ». Изяслав все не хотел выйти из Киева, потому что этот город сильно понравился ему, говорит летописец. Наконец, сам Юрий послал сказать ему: «Мне отчина Киев, а не тебе». Без права и без особенного народного расположения Давыдович не мог более оставаться в Киеве и потому послал сказать Юрию: «Разве я сам поехал в Киев? Посадили меня киевляне; Киев твой, только не делай мне зла».

Юрий помирился с ним (1156 г.) и вошел в Киев с четырьмя старшими сыновьями, которых посажал около себя: Андрея — в Вышгороде, Бориса — в Турове, Глеба — в Переяславле, Василька — на Поросье. На Волыни сидели Мстиславичи: Владимир с племянниками — Мстиславом и Ярославом; первый, как видно, успел помириться с Юрием, обещаясь действовать заодно с ним против племянников, на которых Юрий послал старого союзника своего и врага Мстиславичей — Юрия Ярославича с внуками брата его Вячеслава [279]; они прогнали Мстислава из Пересопницы в Луцк; но и здесь он не мог долго оставаться спокойным; Юрий велел идти на Луцк зятю своему Ярославу галицкому; тогда Мстислав, оставив брата Ярослава в Луцке, сам ушел в Польшу за помощью; галицкий князь вместе с Владимиром Мстиславичем подошел к Луцку, но, постоявши несколько времени под городом, ушел, ничего не сделав ему. Юрий не мог продолжать войны с Изяславичами, потому что черниговский Давыдович в надежде на вражду Юрия с остальными

Мономаховичами и на нерасположение к нему народа в Руси, не оставлял своих притязаний: немедленно по приезде в Чернигов он уже начал уговаривать Святослава Ольговича к войне с Юрием; но тот удовольствовался тем, что отобрал у племянника Святослава Всеволодовича три города (Сновск, Корачев, Воротынск), давши ему взамен какие-то три похуже, и не захотел вооружиться против старого союзника; Юрий, вероятно, знал о замыслах Давыдовича; с другой стороны, беспокоили его половцы; и потому он послал в Смоленск сказать Ростиславу Мстиславичу: «Сын! Приезжай сюда, а то мне не с кем удержать Русской земли». Ростислав приехал к нему и устроил мир между дядею и племянниками своими, причем Владимир Мстиславич и Ярослав Изяславич имели личное свидание с Юрием; но Мстислав Изяславич не поехал из страха, что киевский князь схватит его. Уладившись теперь с своими, Юрий послал сказать Давыдовичу решительно: «Приходи к нам на мир, а не придешь, так мы к тебе придем». Давыдович, видя, что все Мономаховичи в соединении, испугался и приехал вместе с Святославом Ольговичем на съезд, где уладились: Юрий дал им по городу на западной стороне Днепра: Давыдовичу — Корецк на Волыни, Ольговичу — Мозырь в Туровской области; кроме того, Юрий женил сына своего Глеба на дочери Изяслава черниговского.

Казалось, что после этого мир должен был водвориться во всех волостях русских; но вышло иначе: в разных концах обнаружилась борьба с тем же характером, с каким велась она незадолго прежде, обнаружились усобицы между племянниками и дядьми: так, в Черниговской волости племянник Изяславов Святослав, сын старшего брата его Владимира, вероятно, будучи недоволен волостию, полученною от дяди, выбежал из Березого (в окрестностях Чернигова) во Вщиж, захватил все города по Десне и, отступив от родного дяди, отдался в покровительство Ростислава Мстиславича смоленского; Святослав Всеволодич также встал против дядей; последние пошли было против племянников, но заключили с ними мир, неизвестно на каких условиях. В то же время подобное явление обнаружилось на Волыни; мы видели, что здесь сидел Владимир Мстиславич с двумя племянниками — Мстиславом и Ярославом Изяславичами; Мстислав по примеру отца думал, что голова Владимира нейдет к старшему месту, ибо Владимир хотя был ему и дядя, но, вероятно, даже моложе его летами [230] и притом был сыном мачехи Изяславовой, второй жены Мстислава Великого, почему и называется в летописи относительно Изяславичей не дядею (стрыем), но *мачешичем*. Как бы то ни было, впрочем, Мстислав напал нечаянно на дядю во Владимире, захватил его жену, мать, все имение, а самого прогнал в Венгрию. Юрий, сам будучи младшим дядею, должен был вступиться

за Владимира и действительно пошел на Мстислава (1157 г.) с зятем своим Ярославом галицким, сыновьями, племянником Владимиром Андреевичем, княжившим, как мы видели, в Бресте, и с берендеями; черниговские также хотели с ним идти, но по совету Ярослава галицкого Юрий не взял их с собою. Скоро оказалось, что Юрий начал эту войну не за Владимира Мстиславича, но за другого племянника своего, Владимира Андреевича, потому что дал клятву покойному брату своему Андрею и потом сыну его — добыть для последнего Владимир-Волынский. Взять нечаянно этот город Юрию не удалось; он начал осаду, во время которой Владимир Андреевич отпросился у Юрия воевать другие города, и когда подъехал к Червеню, то начал говорить жителям: «Я пришел к вам не ратью, потому что вы были люди, милые отцу моему, и я вам свой княжич, отворитесь». В ответ один из жителей пустил стрелу и угодил в горло Владимиру; рана была, впрочем, не опасна, и Владимир успел отомстить червенцам страшным опустошением их волости. Десять дней стоял Юрий у Владимира, не видя ни малейшего успеха; есть даже известие, что Мстислав сделал вылазку и нанес сильное поражение галицким полкам [281]; тогда Юрий, посоветовавшись с сыновьями и дружиною, пошел назад в Киев, а Ярослав — в Галич; Мстислав шел вслед за Юрием до самого Дорогобужа, пожигая села, и много зла наделал, говорит летописец. Пришедши в Дорогобуж, Юрий сказал в утешение Владимиру Андреевичу: «Сын! Мы целовали крест с твоим отцом, что, кто из нас останется жив, тот будет отцом для детей умершего и волости за ним удержит, а потом я и тебе поклялся иметь тебя сыном и Владимира искать тебе; теперь, если Владимира не добыл, то вот тебе волость — Дорогобуж, Пересопница и все погоринские города».

Нападение Юрия на племянников и не в пользу брата, отнятие у них волости в пользу Владимира Андреевича должно было рассердить Ростислава смоленского, обязанного заботиться о выгодах племени Мстиславова. Это помогло Изяславу Давыдовичу черниговскому уговорить его начать войну против Юрия; разумеется, что Мстислава волынского не нужно было уговаривать к союзу против деда. Давыдович попытался было уговорить к тому же и Святослава Ольговича, но понапрасну, тот отвечал: «Я крест целовал Юрию, не могу без причины встать на него». Отказ Ольговича не помешал, однако, союзникам порешить походом против Юрия: Изяслав должен был выступить с полками черниговскими и смоленскими, которыми начальствовал Роман, сын Ростиславов; в то же время Мстислав Изяславич должен был ударить на Юрия с запада; но в тот самый день, когда Давыдович хотел двинуться к Киеву, оттуда прискакал к нему гонец в вестию: «Ступай, князь, в Киев, Юрий умер». Это посоль-

ство от киевлян служит доказательством, что они знали о намерении союзников и были готовы к принятию Давыдовича, иначе не послали бы прямо к нему с вестию о смерти Юрия и с приглашением приехать княжить у них. Изяслав, получив эту весть, заплакал и сказал: «Благословен еси, господи, что рассудил меня с ним смертию, а не кровопролитием». 10-го мая (1157 г.) Юрий пировал у осменика Петрилы [282], в ночь занемог и через пять дней умер. В день похорон (16-го мая) наделалось много зла, говорит летописец: разграбили двор Юрьев Красный и другой двор его за Днепром, который он сам звал раем, также двор Василька — сына его — в городе; перебили суздальцев по городам и селам, имение их разграбили: эти действия киевлян служат ясным знаком нерасположения их к Юрию и его суздальской дружине, которую он привел с севера [283].

Смертию Юрия кончилось третье поколение Ярославичей. Главным характером княжеских отношений в их время была, как мы видели, борьба младших дядей с племянниками от старшего брата, кончившаяся торжеством дядей, т. е. торжеством права всех родичей на старшинство; в это же время успели восстановить свое право на старшинство обе линии Святославичей — Ольговичи и Давыдовичи. Из событий в отдельных княжествах мы упоминали о деятельности Владимирка галицкого и сына его Ярослава; видели деятельность потомков Изяслава Ярославича — Юрия Ярославича и внуков Вячеслава Ярославича, причем, однако, ничего не знаем о их волостях; из потомков Давыда Игоревича встречали известия о внуке его Борисе Всеволодовиче, князе городенском. Мы видели, что Изяславичи полоцкие по смерти Мстислава возвратились из изгнания в свою волость, успели овладеть и Минском; после Василька Святославича княжил в Полоцке Рогволод Борисович, женатый на дочери Изяслава Мстиславича; во все продолжение борьбы в Днепровской области не слышно о полоцких князьях, хотя по родственному союзу Рогволод и мог бы помогать Изяславу Мстиславичу, — знак, что он не имел к тому или средств, или времени. В 1151 году полочане не без участия князей схватили Рогволода, отослали в Минск, держали его здесь в большой нужде, а к себе приняли, вероятно, из Минска, Ростислава, сына известного нам Глеба Всеславича; но, как видно, полочане боялись, чтобы торжествующий тогда Изяслав Мстиславич не вступился за зятя своего Рогволода, и потому отдались в покровительство Изяславова врага, Святослава Ольговича северского; Глебович поклялся Святославу почитать его отцом и ходить в его послушаньи. Быть может, этот союз Ольговича с полоцким князем, врагом зятя Изяславова Рогволода, был не без влияния на враждебные действия Изяслава против Юрия, приятеля Святославова: мы видели, что тотчас после этого союза

Изяслав разоряет Городец Юрия. В областях муромских и рязанских мы видели борьбу между дядею Ростиславом Ярославичем и племянником Владимиром Святославичем: племянник действовал заодно с Ольговичем и Юрием, дядя — с Мстиславичами против Юрия, за что и был изгнан в степи к половцам сыновьями последнего; когда он возвратился, не знаем; знаем только то, что в 1147 году князья рязанские являются *ротниками* Ростислава Мстиславича смоленского, т. е. признают его за отца и ходят в его послушаньи [284]; но в 1152 году тот же самый Ростислав Ярославич муромский с братьею шел вместе с Юрием на его племянников; в 1154 году видим опять вражду Юрия с Ростиславом: возвратясь из-под Козельска, Юрий выгнал Ростислава из его волости и отдал ее сыну своему Андрею; но Ростислав скоро явился опять с половцами, напал на Андрея ночью, перебил его дружину; сам Андрей об одном сапоге бежал из Рязани в Муром, а оттуда — в Суздаль; наконец, в 1155 году опять встречаем известие, что Ростислав Мстиславич смоленский целовал крест с рязанскими князьями на всей любви: они все смотрели на Ростислава, имели его себе отцом. В Новгороде мы оставили князем Святополка Мстиславича; посадником, как видно, оставался по-прежнему Судила: Святополк, принявши Новгород из рук Всеволода Ольговича, не мог свергнуть старого приятеля Ольговичей; только через год или больше, в 1144 году, читаем известие, что посадничество было дано Нежате Твердятичу, также товарищу Судилину. Смерть Всеволода Ольговича и утверждение в Киеве Изяслава Мстиславича не могло переменить хода дел в Новгороде: Святополк оставался по-прежнему там князем; только отняли посадничество у Нежаты, старого приятеля Ольговичей, и дали его Константину Микулиничу, старому приверженцу Мстиславичей, за что он и страдал в заточении у Ольговича в Киеве. В 1147 году, по смерти Константина, посадником избран опять Судила Иванович, как видно, успевший примириться со стороною Мономаховичей Между тем шла война у Новгорода с соседом Юрием ростовским: в 1147 году Святополк со всею областию Новгородскою выступил против дяди, но возвратился от Торжка за распутьем. В следующем году архиепископ Нифонт отправился в Суздаль к Юрию за миром; Юрий принял его с любовию, освободил по его просьбе всех новоторжцев и гостей и отпустил их с честию в Новгород, но мира не дал. В том же году, как мы видели, Изяслав вывел из Новгорода брата Святополка, *злобы его ради,* и прислал на его место сына Ярослава. По некоторым, очень вероятным, известиям [285], Изяслав вывел Святополка за то, что тот позволил новгородцам без его ведома сноситься с Юрием о мире; быть может, это желание новгородцев помириться с Юрием было в связи с избранием Судилы, приятеля ростовского князя. Мы

видели подробности приезда Изяславова в Новгород и похода его с новгородцами на Ростовскую землю. Должно быть, пребывание ласкового Мстиславича надолго оставило в Новгороде приятную память, потому что во время борьбы его с дядею Юрием на юге, несмотря на неоднократное торжество последнего, новгородцы продолжали держать Ярослава Изяславича и враждовать в ущерб себе с ростовским князем: так, в 1149 году небольшой отряд новгородцев пошел за данью в Двинскую область; Юрий, узнавши, что новгородцев немного, послал перехватить их известного Ивана Берладника, находившегося тогда, как видно, в его службе, но Ивану не удалось перехватать новгородцев: они отбились, причем много лежало с обеих сторон, впрочем, суздальцев гораздо больше, по замечанию новгородского летописца. Но, держа Изяславича во время неудач отца его, новгородцы вдруг выгнали его в 1154 году; о причинах летописец молчит; видно только одно, что Ярослав нарушил наряд, т. е. был причиною борьбы сторон, для примирения которых новгородцы призывают из Смоленска Ростислава Мстиславича — знак, что они не хотели разрывать с Мстиславичами и киевским князем: не мог Ростислав без согласия старшего брата занять Новгород. Но и Ростислав не установил наряда; позванный в Киев по смерти Изяславовой, он оставил в Новгороде сына Давыда при самых неблагоприятных обстоятельствах, при сильном неудовольствии на последние его распоряжения; новгородцы, говорит летописец, рассердились на Ростислава за то, что он не установил у них порядка, но еще больше наделал смуты, и показали по нем путь сыну его, взявши к себе в князья Мстислава, сына Юриева; утверждение самого Юрия на столе киевском утвердило и сына его на столе новгородском. Но мы видели, что Юрий недолго был спокоен в Киеве, недолго спокойствие могло сохраняться и в Новгороде: союз всех Мстиславичей и Давыдовича против Юрия, как видно, послужил знаком к восстанию стороны Мстиславичей и в Новгороде; еще в 1156 году отнято было посадничество у Судилы и отдано старому Якуну Мирославичу; в 1157 году встала злая распря между жителями Новгорода: вооружились против князя Мстислава Юрьевича и начали выгонять его, но Юрьевич успел уже приобрести приверженцев: торговая сторона вооружилась за него, и едва дело не дошло до кровопролития. Приезд двоих Ростиславичей, Святослава и Давыда, и бегство Юрьевича дало торжество стороне Мстиславичей. Через три дня приехал в Новгород сам Ростислав из Смоленска и на этот раз успел примирить стороны: зла не было никакого, говорит летописец; уезжая из Новгорода, Ростислав оставил здесь сына Святослава, а Давыда посадил в Торжке, как видно, для оберегания границы со стороны суздальской.

Касательно внешних отношений по-прежнему продолжалась борьба с пограничными варварами, на юге — с половцами, на севере — с финскими племенами. Усобица Юрия с племянником Изяславом давала половцам средства жить на счет Руси. Мы видели, что по утверждении Юрия в Киеве, в 1155 году, Поросье получило особого князя, сына его, Василька; половцы не замедлили навестить последнего в новой волости; но Василько с берендеями разбил их и приехал к отцу со славою и честью, по выражению летописца. Скоро после этого Юрий отправился к Каневу на съезд с ханами половецкими; они начали просить освобождения пленников своих, взятых берендеями в последней битве, но берендеи не отдали и сказали Юрию: «Мы умираем за Русскую землю с твоим сыном и головы свои складываем за твою честь». Юрий не захотел насильно взять у них пленников, потому что опасно было раздражить эту пограничную стражу; он обдарил половцев и отпустил их; это любопытное известие показывает нам отношения пограничных варваров к князьям, за честь которых они складывали свои головы. В том же году половцы опять пришли на границу за миром; Юрий пошел толковать с ними о мире так, как обыкновенно ходили на добрую войну, взял с собою обоих Мстиславичей — Ростислава и Владимира, Ярослава Изяславича, отряд галицкого войска и послал сказать половцам: «Ступайте ко мне на мир». Половцы приехали сначала в небольшом числе поглядеть только, много ли у русских войска, и сказали Юрию: «Завтра придем к тебе все»; но в ночь все убежали На севере в 1149 году финны (ямь) пришли ратью на Новгородскую волость, на Водскую пятину; новгородцы с водью вышли к ним навстречу в числе 500 человек и не упустили ни одного человека из неприятелей: всех перебили или побрали в плен.

Что касается бояр, действовавших в рассмотренный период времени, то из тех, которых мы видели у Мономаха, Иван Войтишич продолжал служить и сыну Мономахову Мстиславу, ходил с торками на полоцких князей, оставался в Киеве и при Всеволоде Ольговиче, который посылал его устанавливать наряд в Новгороде, но вместе с другими главными боярами действовал против брата его Игоря в пользу внука Мономахова. Мы видели при Мономахе переяславским тысяцким Станислава; в рассказе о супойской битве при Ярополке летописец говорит, что в числе убитых бояр находился Станислав Добрый Тукиевич: имеем право принять этого Станислава за прежнего переяславского тысяцкого и считать его сыном Тукия, Чудинова брата, известного нам прежде. Вместе с Станиславом в супойской битве пал и тысяцкий киевский Ярополков — Давыд Ярунович; по его смерти неизвестно, кто был тысяцким; при Всеволоде Ольговиче эту должность исправлял Улеб, действовавший против Игоря Ольго-

вича в пользу Изяслава Мстиславича и потом ездивший послом от Изяслава Мстиславича к Давыдовичам в 1147 году; вместе с Улебом действовали заодно и Лазарь Саковский, бывший тысяцким после Улеба, Василий Полочанин и Мирослав (Андреевич) Хилич внук; мы встречали имя Василя при Святополке, известное время Василь был посадником этого князя во Владимире-Волынском; если это тот самый, то ему могло быть в 1146 году лет 75—80; имя Мирослава видели мы в числе бояр, участвовавших в составлении устава Мономахова. После торжества Изяславова над Игорем взяты были бояре, преданные Ольговичам; нет права утверждать, что эти бояре были именно бояре черниговские, бояре Ольговичей, они могли быть и старинные киевские, но преданные Ольговичам; их имена: Данило Великий, Юрий Прокопьич, Ивор Юрьевич, внук Мирославов. Что касается до отчества второго из них — Юрия Прокопьича, то мы видели Прокопия, белгородского тысяцкого, участником при составлении Мономахова устава о ростах. В 1146 году при осаде Новгорода-Северского Давыдовичами и Мстиславом Изяславичем упоминаются в числе убитых Димитрий Жирославич и Андрей Лазаревич; если последний был с Мстиславом, то мог быть сыном Лазаря Саковского. В 1147 году по случаю убиения Игоря Ольговича упоминаются в Киеве известный уже Лазарь Саковский, имевший теперь должность тысяцкого, и Рагуйло Добрынич (быть может, сын Добрыни, или Добрынка, боярина в дружине Изяслава Мстиславича), тысяцкий Владимира Мстиславича и другой боярин его, Михаил, помогавший своему князю защищать Игоря от убийц; послами от Изяслава в Киеве с вестию об измене черниговских князей были — Добрынко и Радил. Любопытно, что Лазарь был тысяцким еще при жизни прежнего тысяцкого Улеба, который находился в это время в войске вместе с князем Изяславом; быть может, отказ киевлян идти с Изяславом против Юрия был причиною отречения Улебова от должности тысяцкого. Под 1151 годом упоминается воевода Изяслава Мстиславича — Шварно, который не умел уберечь Зарубского брода; под следующим годом видим Изяславова боярина Петра Борисовича, который ездил послом к Владимирку галицкому. Наконец, по случаю смерти Юрия Долгорукого летопись упоминает о каком-то Петриле-Осменике, у которого Юрий пировал перед кончиною. Из бояр Вячеслава Владимировича туровского упоминается под 1127 годом тысяцкий его Иванко, ходивший вместе с своим князем на Полоцкую волость при в[еликом] князе Мстиславе Быть может, это лицо тождественно с известным нам прежде Иванком Захарьичем, потом не раз упоминается имя сына этого Иванка, Жирослава Ивановича. в 1146 году Вячеслав по наученью бояр своих начал распоряжаться как старший, не обращая внимания на пле-

мянника Изяслава; последний отнял у него за это Туров, где вместе с епископом Иоакимом захвачен был посадник Жирослав; по связи рассказа можно заключать, что этот Жирослав был одним из главных советников Вячеслава; после, неизвестно каким образом, Жирослав освободился из плена, и мы видим уже его в дружине Юрия ростовского; он пришел вместе с сыном последнего Глебом на юг и подучал его захватить Переяславль, представлял, что переяславцы охотно передадутся ему; быть может, он же был воеводою половецкого отряда в войне Юрия с Изяславом в 1149 году; наконец, в 1155 году Юрий посылал Жирослава выгнать Мстислава Изяславича из Пересопницы Из волынских бояр Андрея Владимировича упоминается тысяцкий его Вратислав. Из галицких бояр упоминаются Иван Халдеевич, так деятельно защищавший Звенигород от Всеволода Ольговича в 1146 году, потом Избыгнев Ивачевич, с которым сам-друг бежал Владимирко с поля битвы в Перемышль в 1152 году; наконец, Кснятин, или Константин Серославич, под 1157 годом в посольстве от Ярослава к Юрию Долгорукому. Из бояр Святослава Ольговича северского упомянут Коснятко, хлопотавший по делам своего князя у Давыдовичей в Чернигове в 1146 году; потом Петр Ильич, бывший боярином еще у Олега Святославича; он умер в 1147 году 90 лет, не будучи в состоянии уже от старости садиться на коня; летописец называет его добрым старцем [286]; тиунами Всеволода Ольговича были в Киеве Ратша, а в Вышгороде Тудор, которые так раздражили народ своими грабительствами Из ростовских бояр упоминается под 1130 годом ростовский тысяцкий Юрий. В битве Глеба Юрьевича с Мстиславом Изяславичем у Переяславля в 1118 году последний взял в плен какого-то Станиславича, который был казнен казнью злою, вероятно, за крамолу с переяславцами; быть может, это был сын переяславского тысяцкого Станислава Тукиевича, о котором мы говорили выше; Станиславич в это время передался на сторону Юрия, за что и был казнен казнью злою.

ГЛАВА ПЯТАЯ

СОБЫТИЯ ОТ СМЕРТИ ЮРИЯ ВЛАДИМИРОВИЧА ДО ВЗЯТИЯ КИЕВА ВОЙСКАМИ АНДРЕЯ БОГОЛЮБСКОГО (1157—1169)

Изяслав Давыдович вторично княжит в Киеве; причины этого явления — Перемещения в Черниговской волости. — Неудачный поход князей на Туров — Изяслав Давыдович заступается за галицкого изгнанника Ивана Берладника Это вооружает против него многих князей. — Неудачный поход Изяслава на князей Ярослава галицкого и Мстислава Изяславича волынского — Он принужден оставить Киев, куда Мстислав Изяславич волынский перезывает дядю своего Ростислава Мстиславича из Смоленска. — Уговор дяди и племянника насчет двоих митрополитов-соперников — Война с Изяславом Давыдовичем — Смерть последнего. — Ссора великого князя Ростислава с племянником, Мстиславом волынским. — Смерть Святослава Ольговича черниговского и смута по этому случаю на восточной стороне Днепра. — Смерть великого князя Ростислава; характер его. — Мстислав Изяславич княжит в Киеве. — Неудовольствие князей на него. — Войско Андрея Боголюбского изгоняет Мстислава из Киева и опустошает этот город. — Смерть Ивана Берладника. — Смуты полоцкие. — События в Новгороде Великом. — Борьба новгородцев со шведами. — Война Андрея Боголюбского с камскими болгарами. — Борьба с половцами. — Дружина.

В другой раз Святославич, теперь племени Давыдова, получил родовое старшинство и Киев; успехом своим Изяслав Давыдович был обязан тем же самым обстоятельствам, какие дали возможность получить Киев и двоюродному брату его Всеволоду Ольговичу; старшим в племени Мономаховом был Ростислав Мстиславич, нисколько не похожий на доблестного брата своего, могший с успехом действовать только при последнем и резко обнаруживший свою незначительность, когда пришлось действовать одному в челе родичей; бегство его пред полками Изяслава Давыдовича по смерти Вячеславовой могло ли ручаться за успех вторичной его борьбы с тем же князем? Нет сомнения, что, заключая союз против Юрия с черниговским князем, Ростислав отказался от старшинства в пользу последнего, который по родовым счетам, точно, приходился ему дядею; Мстислав Изяславич, самый даровитый и деятельный князь в племени Мстиславичей, не мог действо-

вать один ни в пользу дяди против воли последнего, тем менее — в свою собственную пользу: пример отца показывал ему, что нельзя затрагивать господствующих понятий о правах дядей, особенно старших. И вот вследствие этих-то причин Изяслав Давыдович в другой раз въехал в Киев, теперь уже по согласию всех Мономаховичей: о сыне Юрия, Андрее Боголюбском, не было, по крайней мере, ничего слышно. Но перемещение Давыдовича на стол киевский не могло не повлечь за собою перемещений в Черниговской волости: по родовым счетам Чернигов должен был перейти к Святославу Ольговичу, не только старшему по Изяславе в племени Святославовом, но и в целом роде Ярославичей, и вот Ольгович с племянником своим Святóславом Всеволодовичем явился перед Черниговом, но не был впущен туда родным племянником Изяслава, Святославом Владимировичем, которого дядя, отъезжая в Киев, оставил здесь со всем полком своим; летописец говорит *оставил*, а не посадил — знак, что Изяслав не передал ему Чернигова во владение, но не хотел только, как видно, впускать туда Ольговича, с которым был не в ладах, потому что последний не согласился идти с ним вместе на Юрия. Ольговичи, не впущенные в Чернигов, отступили от города и стали за Свиною рекою, на противоположном берегу которой скоро показались полки Изяслава Давыдовича, пришедшего вместе с Мстиславом Изяславичем. Дело не дошло, однако, до битвы; Давыдовичу трудно было удержать Чернигов за собою, странно отдать племяннику вместо дяди: оба действия одинаково сильно противоречили современным понятиям; вот почему Давыдович стал пересылаться с Ольговичем и положили на том, что Чернигов достанется последнему, а Северская область — Святославу Всеволодовичу; но Святославу Ольговичу досталась не вся Черниговская волость: большую часть ее удержал Изяслав за собою и за родным племянником Святославом Владимировичем; Мозырь, уступленный прежде Юрием Святославу, также отошел к Киевской волости.

На западе, в области Туровской, произошло также любопытное явление: мы видели, что Юрий, утвердившись в Киеве, отдал Туров сыну своему Борису; по смерти отца, при всеобщем нерасположении к нему на юге, Борис не мог удержаться в Турове и был сменен здесь известным Юрием Ярославичем, представителем Изяславовой линии; очень вероятно даже, что Юрий выгнал Бориса [287]. Но ни Давыдович, ни Мстиславичи не хотели позволить этому изгою владеть такою важною волостию, тем более что, как видно, они прежде уговорились отдать ее младшему Мстиславичу — Владимиру, не имевшему стола. Вследствие этого Изяслав отправился на Ярославича к Турову; с ним пошел Владимир Мстиславич, Ярослав Изяславич — из Луцка, Ярополк Андреевич — от брата из Доро-

гобужа, Рюрик Ростиславич — от отца из Смоленска, пошли полоцкий и галицкий отряды; не пошел Мстислав Изяславич волынский: верно, не хотел он добывать сильной волости враждебному дяде, который в случае удачи похода должен был сделаться опасным ему соседом. Туровская и Пинская волость были опустошены; но Юрий бился крепко на вылазках из Турова. Несмотря на то он видел, что ему одному не устоять против союзников и посылал с просьбою к Изяславу: «Брат! Прими меня к себе в любовь!» Изяслав не соглашался, хотел непременно взять Туров и Пинск, но, простоявши 10 недель понапрасну, принужден был отступить, потому что в войске открылся конский падеж; изгой Ярославич остался спокойно княжить в Турове, а Владимир Мстиславич — попрежнему без волости.

В следующем 1158 году встала смута в Галиче, подавшая повод к изгнанию Изяслава Давыдовича из Киева и переходу последнего опять в род Мономахов. Не раз упоминали мы об изгнанном галицком князе Иване Ростиславиче Берладнике, который принужден был служить разным князьям русским; в последний раз мы видели его на севере, в службе Юрия Долгорукого, который посылал его перехватывать новгородцев. Когда Юрий окончательно утвердился в Киеве, то, нуждаясь в помощи зятя своего, Ярослава галицкого, согласился выдать ему несчастного Берладника, которого уже и привели в оковах из Суздаля в Киев, где дожидались его послы от Ярослава с большею дружиною. Но духовенство вооружилось против такого гнусного поступка; митрополит и все игумены сказали Юрию: «Грешно тебе, целовавши крест, держать Ивана в такой нужде, да еще теперь хочешь выдать его на убийство». Юрий послушался, не выдал Берладника галичанам, только отправил его назад в Суздаль в оковах. Но Изяслав Давыдович черниговский, узнав, что Берладника ведут опять в Суздаль, послал перехватить его на дороге и привести к себе. По смерти Юрия, когда Изяслав занял его место в Киеве, Берладник оставался здесь на свободе, имел полную возможность сноситься с недовольными галичанами. Легко понять, что Ярослав не мог оставаться при этом покойным: он начал искать двоюродного брата своего Ивана, говорит летописец, и подмолвил всех князей русских, короля венгерского, польских князей; чтоб были ему помощниками на Ивана; трудно теперь объяснить, что заставило всех этих князей и короля согласиться на просьбу Ярослава? Что возбуждало их ненависть против несчастного Берладника? Разве то, что, взявши деньги у одного князя, он переходил к другому, потом к третьему; быть может, также Ярослав подобно отцу действовал хитро, каждому князю умел обещать что-нибудь выгодное. Как бы то ни было, один Изяслав Давыдович продолжал защищать Берладника, и когда явились к

нему послы от всех почти князей русских (Ярослава галицкого, Святослава Ольговича, Ростислава Мстиславича, Мстислава Изяславича, Ярослава Изяславича, Владимира Андреевича, Святослава Всеволодовича), от венгерского короля и князей польских с требованием выдачи Берладника, то Изяслав переспорил их всех и отпустил с решительным отказом. Берладник, однако, испугался почти всеобщего союза князей против себя, убежал в степь к половцам, занял с ними подунайские города, перехватил два судна галицкие, взял много товару и начал преследовать галицких рыболовов. Собравши много половцев, присоединивши к ним еще 6000 берладников, таких же изгнанников, козаков, как он сам, Иван вошел с ними с Галицкую область, захватил город Кучельмину и осадил Ушицу: *засада* (гарнизон) Ярослава крепко билась из города, но смерды начали перескакивать через стену к Ивану, и перескочило их 300 человек; половцы хотели взять город, но Иван не позволил, за что варвары озлобились на него и ушли, а между тем Изяслав прислал звать его с остальным войском в Киев, готовясь к войне. Мономаховичам южным, главным из которых на деле был Мстислав Изяславич волынский, открылся теперь удобный случай изгнать Давыдовича из Киева и опять перевести этот город в свое племя: все князья были сердиты на Изяслава за отказ выдать Берладника, и вот Мстислав и Владимир Андреевич согласились с Ярославом галицким идти на киевского князя. Изяслав, видя беду, спешил по крайней мере примириться с собственным племенем и послал сказать Святославу Ольговичу, что уступает ему два города — Мозырь и Чичерск, в Киевской волости. Святослав велел отвечать ему: «Правду сказать, брат, я сердился на тебя за то, что не отдаешь мне всей Черниговской волости, но лиха тебе не хотел; а если теперь хотят на тебя идти, то избави меня бог *волоститься* (помогать тебе из волости): ты мне брат, дай мне бог с тобою пожить в добре». В Лутаве (4 версты от Остра) съехались все Святославичи — Ольгович с сыновьями и родным племянником Всеволодовичем, Давыдович с своим племянником Владимировичем, была любовь великая между ними три дня и дары большие, по выражению летописца: они немедленно отправили послов в Галич и на Волынь объявить тамошним князьям о своем тесном союзе, и это объявление достигло цели: Ярослав и Мстислав отложили поход. Но Изяслав видел, что он может быть покоен только на короткое время; вести приходили к нему из Владимира, что Ярослав галицкий и Мстислав волынский все думают идти к Киеву, и потому он решился предупредить их; обстоятельства были благоприятны, потому что Берладник получил приглашение от галичан: «Только покажутся твои знамена, то мы тотчас же отступим от Ярослава», — приказывали они говорить ему. Только свергнувши Ярослава и

посадивши на его место Берладника, Давыдович мог спокойно сидеть в Киеве и потому послал сказать Ольговичам, чтоб шли к нему с войском на помощь. Но черниговский князь не умел или не хотел понять необходимости войны для Изяслава и посылал не раз говорить последнему: «Брат! Кому ищешь волости — брату или сыну? Лучше б тебе не начинать первому; а если пойдут на тебя с похвальбою, то и бог будет с тобою, и я, и племянники мои». Мало того, когда Изяслав, не послушавшись этих увещаний, выступил в поход, то в Василев явился к нему посол от Святослава с такими словами: «Брат не велит тебе начинать рати, велит тебе возвратиться». Справедливо раздосадованный Изяслав не удержался и с сердцем отвечал послу: «Скажи брату, что не возвращусь, когда уже пошел, да прибавь еще: если ты сам нейдешь со мной и сына не отпускаешь, то смотри: когда, бог даст, успею в Галиче, то уже не жалуйся тогда на меня, как начнешь ползти из Чернигова к Новгороду-Северскому». Святослав сильно разобиделся этими словами: «Господи! — говорил он, — ты видишь мое смирение: я на свои выгоды не смотрел, хотел только одного, чтоб кровь христианская не лилась и отчина моя не гибла, взял Чернигов с семью городами пустыми, в которых сидят только псари да половцы, а всю волость Черниговскую он за собою держит, да за своим племянником; и того ему мало: велит мне из Чернигова выйти; ну, брат, бог рассудит нас и крест честный, который ты целовал, что не искать подо мною Чернигова никаким образом; а я тебе не лиха хотел, когда запрещал идти на войну, хотел я добра и тишины Русской земле».

Между тем Изяслав, отойдя немного от Киева, остановился, чтоб дождаться племянника, которого послал за половцами, и когда тот пришел, то двинулся к Белгороду, уже занятому союзными князьями, волынским и галицким. Изяслав осадил их в городе и не сомневался в успехе, имея 20 000 половцев, как измена берендеев переменила все дело; или надеясь выиграть с переменою, или действительно доброхотствуя сыну любимого князя своего Изяслава, они вошли в сношения с осажденными, послали сказать Мстиславу: «От нас теперь зависит, князь, и добро твое и зло; если хочешь нас любить, как любил нас отец твой, и дашь нам по городу лучшему, то мы отступим от Изяслава»[287]. Мстислав обрадовался такому предложению и в ту же ночь поцеловал крест, что исполнит все их желания, после чего берендеи не стали медлить и в полночь поскакали с криком к Белгороду. Изяслав понял, что варвары затеяли недоброе, сел на коня и поскакал к их стану; но, увидав, что стан горит, возвратился назад, взял племянника Святослава Владимировича с безземельным Владимиром Мстиславичем и побежал к Днепру на Вышгород; в Гомеле дождался жены и бросился в землю

вятичей, которую занял за то, что Святослав Всеволодович ни сам не пришел к нему на помощь, ни сына не отпустил; Святослав отомстил дяде на боярах его, велел побрать всюду их имение, жен и взял на них окуп.

Освобожденный берендеями от осады, Мстислав с двумя союзниками вошел в Киев, захватил имение дружины Изяславовой, отправил его к себе во Владимир-Волынский и послал в Смоленск звать дядю Ростислава на старший стол, потому что прежде похода еще союзники целовали крест — искать Киева Ростиславу. Но последний понимал затруднительность своего положения в Киеве, где его после бегства перед Давыдовичем не могли много любить и много уважать; на первом месте здесь стоял деятельный и храбрый племянник, который теперь подобно отцу своему добыл головою Киева и только по необходимости уступает его дяде; Ростислав мог думать, что племянник захочет смотреть на него, как прежде Изяслав смотрел на старого дядю Вячеслава: оказывать наружное уважение, называть отцом и между тем на деле быть настоящим князем-правителем; вот почему Ростислав послал сказать союзным князьям: «Если зовете меня вправду с любовию, то я пойду в Киев на свою волю, чтоб вы имели меня отцом себе вправду и в моем послушаньи ходили; и прежде всего объявляю вам: не хочу видеть Клима митрополитом, потому что он не взял благословения от св. Софии и от патриарха». Но Мстислав крепко держался за Клима и никак не хотел признать митрополита грека Константина за то, что последний проклинал отца его, Изяслава. Тогда Ростислав послал в Вышгород старшего сына своего Романа, уговариваться с Мстиславом насчет митрополита; после долгих и крепких речей князья положили свести обоих, и Клима и Константина, и принять нового митрополита из Константинополя.

Уладившись с племянником, Ростислав въехал в Киев в 1159 году и сел на столе отцовском и дедовском; а Мстислав получил из киевских волостей Белгород, Торческ, Триполь. Имея одного врага в Изяславе Давыдовиче, князья киевские и черниговские должны были необходимо соединиться и действительно скоро съехались в Моравске на великую любовь, по выражению летописца; князья обедали друг у друга без всякого извета и дарились: Ростислав дарил Святослава соболями, горностаями, черными куницами, песцами, белыми волками, рыбьими зубьями; Святослав отдаривал Ростислава барсом и двумя борзыми конями в кованых седлах; летописец счел нужным прибавить, что князья — Мономахович и Ольгович — угощали друг друга безо всякого извета; странен и подозрителен казался этот союз в Киеве, не ждали здесь ничего доброго от Святослава Ольговича, постоянного врага Мстиславичей, постоянного союзника Юрьева, не думали, чтоб

он мог забыть убийство брата своего, Игоря. Чтоб успокоить киевлян и берендеев, Ростислав должен был взять к себе Всеволода, сына Святослава Всеволодовича[288], взамен своего сына Рюрика, которого отправил к Святославу в Чернигов на помощь против Давыдовича. Последний не остался сидеть спокойно в земле вятичей: он набрал множество половцев и стал с ними по Десне, но принужден был ограничиться одним опустошением сел, потому что войска Ольговича не пустили его через реку. Несмотря на то, однако, оба Святослава — и дядя и племянник, видели недостаточность своих сил и послали в Киев за новою помощию, Ростислав отправил к ним Ярослава Изяславича луцкого, Владимира Андреевича дорогобужского и галицкий отряд; Давыдович испугался и ушел с половцами в степь, но на дороге нагнал его гонец от черниговских приятелей, которые велели сказать ему: «Не уходи, князь, никуда; брат твой Святослав болен, а племянник его пошел в Новгород-Северский, отпустивши дружину». Получив эту весть, Изяслав немедленно поскакал к Чернигову, а Святослав Ольгович ничего не знал и стоял спокойно перед городом в палатках с женою и детьми, как вдруг пришли сказать ему, что Изяслав уже переправляется через Десну, и половцы жгут села; Святослав тотчас же выстроил полки, послал возвратить с дороги Владимира Андреевича и Рюрика, и те явились в тот же день вместе с галичанами. Таким образом, Изяславу не удалось напасть врасплох на Ольговича: тот ждал с многочисленными и выстроенными полками, а берендеи между тем напали на половцев и побили их; видя, что половцы бегут раненые, а другие тонут в Десне, Изяслав спросил: «Что это значит?» и, получив в ответ, что у города стоят сильные полки, бросился опять за Десну и потом в степь, а союзники стали опустошать занятые им волости; но Изясляв скоро опять явился с толпами половцев, из Черниговской прошел в Смоленскую волость и страшно опустошил ее. Половцы повели в плен более 10 000 человек, не считая убитых.

Видя против себя и Мстиславича и Ольговича, Изяслав обратился к северному князю, Андрею Юрьевичу, сидевшему во Владимире-Клязменском: Изяслав послал просить у него дочери в замужество за племянника своего Святослава Владимировича, князя вщижского, и вместе помощи, потому что жених был осажден в своем городе Ольговичами — дядею и племянником, и Рюриком Ростиславичем. Андрей отправил к нему на помощь сына своего, Изяслава, со всеми своими полками и муромскою помощию; весть о приближении большой ростовской силы заставила сначала Ольговича отступить от Вщижа; но когда Андреевы полки ушли назад в Ростовскую землю, то Ольговичи с союзниками опять обступили Вщиж, стояли около него пять недель и заставили Владимировича отстать от союза с родным дядею, признать старшин-

ство двоюродного, Ольговича, иметь его вместо отца и ходить в его воле.

Несмотря, однако, на все неудачи, Изяслав не думал еще уступать; в Киеве и в степной Украйне смотрели с неудовольствием и подозрительностию на тесный союз Ростислава с Ольговичем; этим нерасположением мог воспользоваться Давыдович, чтоб разорвать союз киевского князя с черниговским, союз, отнимавший у него всякую надежду на успех; есть известие, что он действительно воспользовался им, успел подкупить бояр киевских и черниговских, которые взялись перессорить князей своих; но сначала им это не удалось: князья не верили наветам, переслались между собою и еще крепче утвердили союз свой [289]. Чтоб сблизить, помирить Ольговича с киевлянами и пограничным варварским народонаселением, принимавшим такое важное участие в делах Южной Руси, Ростислав послал сказать черниговскому князю: «Отпусти ко мне сына своего Олега, пусть ознакомится с лучшими киевлянами, берендеями и торками». Святослав, ничего не подозревая, отпустил сына, который был принят очень хорошо Ростиславом, два дня сряду обедал у него; но на третий день, выехавши из стана на охоту [290], Олег встретил одного киевского боярина, который сказал ему: «Князь! Есть у меня до тебя важное дело; поклянись, что никому ничего не скажешь»; Олег поклялся, и боярин объявил ему, чтоб он остерегался, потому что хотят его схватить. Олег поверил и под предлогом материнской болезни стал проситься у Ростислава назад в Чернигов; тот сначала не хотел отпустить его, но потом отпустил; надобно заметить, что летописец совершенно оправдывает Ростислава и складывает всю вину на бояр: князь, говорит он, не имел на сердце никакого злого умысла; все это сделали злые люди, не хотевшие видеть добра между братьею [291]. Когда Олег приехал назад в Чернигов, то не сказал ничего отцу, но втайне сердился на него и стал проситься в Курск; Святослав, ничего не зная, отпустил его туда; на дороге Олега встретили послы Давыдовича с дружелюбными речами, с приглашением вступить в союз с их князем, с известием, что двоюродные братья его, Святослав и Ярослав Всеволодовичи, уже приступили к этому союзу. Олег объявил обо всем этом своим боярам, и те отвечали: «Князь, разве это хорошо, что хотели схватить тебя в Киеве, а Чернигов отдают под отцом твоим; после этого вы оба правы в крестном целовании к ним». Олег послушался и вступил в союз с Изяславом без отцовского совета. Когда старик Святослав узнал, что племянники Всеволодовичи и родной сын его Олег соединились с Изяславом, то с большим горем рассказал об этом боярам своим, но те отвечали ему: «Удивительно нам, князь, что жалуешься на племянников и на Олега, а жизни своей не бережешь; уж это не ложь, что Роман Рости-

славич из Смоленска посылал попа своего сказать Изяславу: отдает тебе батюшка Чернигов, живи со мною в мире; а потом сам Ростислав хотел схватить сына твоего в Киеве; ты, князь, волость свою погубил, держась за Ростислава, а он тебе очень лениво помогает». Таким образом, Святослав по неволе отведен был от Ростиславовой любви к Изяславу, говорит летописец. Давыдович спешил пользоваться выгодным оборотом дел, собрал большие толпы половцев, соединился со Всеволодовичами северскими, с родным племянником Владимировичем, с Олегом Святославичем; но отец последнего, несмотря ни на что, не пошел вместе с Изяславом, остался в Чернигове. Давыдовичу хотелось поднять на Ростислава и зятя своего, Глеба Юрьевича, княжившего в Переяславле; но тот не поехал с ним, вследствие чего союзники подошли к Переяславлю, простояли под ним две недели и ничего не сделали. Этим временем воспользовался Ростислав, собрал большое войско, выступил к Днепру и находился в Триполе, когда Изяслав, узнавши о его приближении, обратился в бегство и все половцы его ушли в степь; вероятно, бегство половцев, которые не любили сражаться с многочисленными войсками, и заставило Давыдовича бежать пред Ростиславом. Но как скоро последний, возвратясь в Киев, распустил войско, то Изяслав опять собрал союзных себе князей и половцев, перешел замерзший Днепр за Вышгородом и явился у Киева. Здесь с Ростиславом был только один двоюродный брат его Владимир Андреевич; после кровопролитной схватки, которая показалась летописцу вторым пришествием, Изяслав начал одолевать, и половцы пробивались уже сквозь частокол в город, когда дружина Ростислава сказала своему князю: «Князь! Братьев твоих еще нет, нет ни берендеев, ни торков, а у неприятелей сила большая; ступай лучше в Белгород и там поджидай помощи». Ростислав послушался, поехал в Белгород с полками и с княгинею, и в тот же день пришел к нему племянник Ярослав Изяславич луцкий с братом Ярополком, а Владимир Андреевич отправился в Торческ за торками и берендеями [292]. Давыдович вошел в третий раз в свой любимый Киев, простил всех граждан, попавшихся в плен, и пошел немедленно осаждать Белгород Ростиславов; но Святослав черниговский опять прислал ему сказать, чтоб мирился: «Если даже и не помирятся с тобою, во всяком случае ступай за Днепр; когда будешь за Днепром, то вся твоя правда будет». Изяслав велел отвечать ему: «Братья мои, возвратившись за Днепр, пойдут в свои волости; а мне куда возвращаться? К половцам нельзя мне идти, а у Выря не хочу помирать с голоду; лучше мне здесь умереть». Четыре недели понапрасну простоял он около белгородского кремля; а между тем Мстислав Изяславич из Владимира шел на выручку к дяде с галицкою помощию; с другой стороны шел Рюрик

Ростиславич с Владимиром Андреевичем и Васильком Юрьичем из Торческа, ведя с собою толпы пограничных варваров — берендеев, коуев, торков, печенегов; у Котельницы соединились они с Мстиславом и пошли вместе к Белгороду[293]. На дороге черные клобуки стали проситься у Мстислава ехать наперед: «Мы посмотрим, князь, говорили они, велика ли рать?» Мстислав отпустил их, а между тем дикие половцы Изяславовы с своей стороны также подстерегали неприятельское войско и, прискакавши к Изяславу, сказали ему, что идет рать огромная. Давыдович испугался и, не видавши сам Мстиславовых полков, побежал от Белгорода; осажденные князья вышли тогда из города и, дождавшись своих избавителей, погнались вместе за Черниговскими; торки нагнали их, стали бить и брать в плен; один из торков, Воибор Негечевич[294], нагнал самого Изяслава и ударил его по голове саблею; другой торчин проколол его в стегно и повалил с лошади; при последнем издыхании уже нашел его Мстислав и отправил в киевский Семеновский монастырь, где он и умер; тело его отослали в Чернигов[295] (1160—1161 гг.).

В другой раз Ростислав получил Киев благодаря племяннику своему Мстиславу, и это уже самое обстоятельство могло вести к ссоре между князьями: Мстислав мог считать себя вправе предъявлять большие требования за свои услуги, тем более что он, подобно отцу, держась пословицы: нейдет место к голове, а голова к месту, не отличался сыновнею покорностию перед дядьями; мы видели, как прежде поступил он с Ростиславом, когда тот вздумал было ему в ущерб мириться с Давыдовичем. Ростислав с своей стороны не хотел походить на дядю своего Вячеслава; мы видели, что он пошел в Киев на условии быть настоящим старшим в роде. Вот почему неудивительно нам читать в летописи, что скоро после вторичного вступления Ростислава в Киев, Мстислав выехал из этого города всердцах на дядю и что между ними были крупные речи. В то же время один из сыновей Ростиславовых, Давыд, без отцовского, впрочем, приказа поехал в Торческ и схватил там посадника Мстиславова, которого привел в Киев: было необходимо занять Торческ, для того чтоб отрезать Мстиславу сообщение с черными клобуками; в Белгород Ростислав отправил другого сына своего — Мстислава. Волынскому князю трудно было одному бороться с дядею; он хотел приобресть союзников, но придумал для этого странное средство: с войском двинулся к Пересопнице, приказывая Владимиру Андреевичу отступить от Ростислава; Владимир не послушался, и Мстислав принужден был возвратиться назад[296]; а между тем Ростислав помирился с Ольговичами — и дядею и племянниками[297], помирился и с Юрием Ярославичем, которому благодаря вражде и слабости Мономаховичей удалось утвердиться в Турове.

Оставался еще один безземельный князь, младший брат Ростислава, Владимир Мстиславич; мы видели, что он был прогнан из Волыни племянником Мстиславом, потом находился в войске Изяслава Давыдовича и вместе с последним бежал от Белгорода за Днепр; что случилось с ним после того, неизвестно; но под 1162 годом летописец говорит о походе князей — Рюрика Ростиславича, Святополка, сына Юрия туровского, обоих Всеволодовичей северских — Святослава и Ярослава, Святослава Владимировича вщижского, Олега Святославича и полоцких князей к Слуцку[298] на Владимира Мстиславича; когда и как последний овладел этим городом, неизвестно. Видя, что нельзя противиться такому большому войску, Владимир отдал город союзным князьям, а сам отправился к брату Ростиславу в Киев: тот дал ему Триполь с четырьмя городами. Наконец, в следующем 1163 году Ростислав заключил мир и с племянником своим Мстиславом; вероятно, последний, видя, что все остальные князья в дружбе с дядею, стал посговорчивее; Ростислав возвратил ему Торческ и Белгород, а за Триполь дал Канев.

Но в то время, как все успокоилось на западной стороне Днепра, встала смута на восточной по случаю смерти Святослава Ольговича, последовавшей в 1164 году. Чернигов по всем правам принадлежал после него племяннику от старшего брата, Святославу Всеволодовичу, но вдова Ольговича по согласию с епископом Антонием и лучшими боярами мужа своего три дня таила смерть последнего, чтоб иметь время послать за сыном своим Олегом и передать ему Чернигов; Олегу велели сказать: «Ступай, князь, поскорее, потому что Всеволодович неладно жил с отцом твоим и с тобою, не замыслил бы какого лиха?» Олег успел приехать прежде Святослава, который узнал о дядиной смерти от епископа Антония; мы видели, что этот Антоний был в заговоре с княгинею и даже целовал спасителев образ с клятвою, что никому не откроет о княжеской смерти, причем еще тысяцкий Юрий сказал: «Не годилось бы нам давать епископу целовать спасов образ, потому что он святитель, а подозревать его было нам нельзя, потому что он любил своих князей», и епископ отвечал на это: «Бог и его матерь мне свидетели, что сам не пошлю к Всеволодовичу никаким образом, да и вам, дети, запрещаю, чтоб не погинуть нам душою и не быть предателями, как Иуда». Так говорил он на словах, а в сердце затаил обман, потому что был родом грек, прибавляет летописец, первый целовал он спасов образ, первый и нарушил клятву, послал к Всеволодовичу грамоту, в которой писал: «Дядя твой умер; послали за Олегом; дружина по городам далеко; княгиня сидит с детьми без памяти, а именья у нее множество; ступай поскорее, Олег еще не приехал, так ты урядишься с ним на всей своей воле». Святослав, прочтя грамоту,

немедленно отправил сына в Гомель, по другим городам послал посадников, а сам сбирался ехать в Чернигов, но, услыхав, что Олег предупредил его, стал пересылаться с ним, улаживаясь насчет волостей; Олег уступил ему Чернигов, а себе взял Новгород-Северский; Всеволодович целовал также крест, что наделит из своих волостей братьев Олеговых, Игоря и Всеволода, но не исполнил клятвы. Олег, как видно, на первый раз смолчал, но скоро представился новый случай к ссоре: в 1167 году умер князь вщижский Святослав Владимирович, представитель старшей линии в Святославовом роде, имевший поэтому более Ольговичей права на Чернигов, но, как видно, не хотевший вступать в спор по болезни или по каким-нибудь другим причинам. Выморочную волость должны были поделить между собою остальные родичи[299], но Святослав не дал ничего Олегу, отдал лучшую волость родному брату своему Ярославу, а во Вщиже посадил сына. Тогда Ростислав киевский, видя, что Святослав обижает Олега, вступился за последнего, тем более что за ним была его дочь[300], и несколько раз посылал уговаривать Всеволодовича, чтоб наделил Олега как следует; а между тем стародубцы, недовольные почему-то Всеволодовичем, послали также звать к себе Олега; тот было поехал, но был предупрежден Ярославом Всеволодовичем, и гражданам нельзя было исполнить своего намерения; тогда Олег всердцах на неудачу побрал в плен множество сельских жителей около Стародуба. Святослав хотел отмстить ему тем, что послал брата Ярослава с половцами к Новгороду-Северскому, но это войско, не дошедши 15 верст от города, возвратилось назад. Олег не мог сам продолжать военные действия, потому что сильно занемог, и потому легко согласился на предложение Ростислава помириться с черниговским князем, взявши у последнего четыре города.

Таким образом, Ростиславу удалось умирить всех князей и на восточной и на западной стороне Днепра; оставалось урядить дела на севере. В 1168 году он отправился туда, заехавши наперед к зятю своему, Олегу северскому; смольняне, лучшие люди, начали встречать его еще за 300 верст от своего города, потом встретили его внуки, за ними — сын Роман, епископ, тысяцкий и мало не весь город вышел к нему навстречу: так все обрадовались его приходу и множество даров надавали ему. Из Смоленска Ростислав отправился в Торопец, откуда послал в Новгород к сыну Святославову, чтоб приезжал с лучшими гражданами к нему в Великие Луки, потому что болезнь не позволяла ему ехать дальше. Урядившись с новгородцами, взявши много даров у них и у сына, он возвратился в Смоленск совсем больной; сестра Рогнеда начала просить его, чтоб остался в Смоленске и лег в построенной им церкви, но Ростислав отвечал: «Не могу здесь лечь, везите меня в Киев; если бог пошлет по душу на дороге, то

положите меня в отцовском благословении у св. Феодора, а если, бог даст, выздоровлю, то постригусь в Печерском монастыре». Перед смертию он говорил духовнику своему, священнику Семену: «Отдашь ты ответ богу, что не допустил меня до пострижения». Ростислав постоянно имел эту мысль и часто говорил печерскому игумену Поликарпу: «Тогда мне пришла мысль о пострижении, как получил я весть из Чернигова о смерти Святослава Ольговича». С тех пор он все твердил игумену: «Поставь мне келью добрую, боюсь напрасной смерти». Но Поликарп отговаривал ему: «Вам бог так велел быть, — говорил игумен, — правду блюсти на этом свете, суд судить праведный и стоять в крестном целовании». Ростислав отвечал на это: «Отец! Княжение и мир не могут быть без греха, а я уже немало пожил на этом свете, так хотелось бы поревновать святым». Поликарп не хотел больше противиться и отвечал: «Если уже ты так сильно этого хочешь, князь, то да будет воля божия». Ростислав сказал на это: «Подожду еще немного, есть у меня кое-какие дела». Теперь все дела были устроены, и больной Ростислав спешил в Киев с тем, чтобы лечь там или постричься, как на дороге из Смоленска, будучи в сестрином селе Зарубе, почувствовал приближение смерти и послал за духовником; сам прочел отходную и умер в полной памяти, отирая платком слезы. И этот Мстиславич представляет также замечательное явление между древними князьями нашими: далеко уступая старшему брату своему Изяславу в деятельности, отваге и распорядительности ратной, Ростислав отличался охранительным характером: постоянно почтительный пред старшим братом, покорный его воле, он был почтителен и перед дядьми, с неудовольствием смотрел на борьбу с ними старшего брата, уговаривал его уступить им; и когда самому пришла очередь быть старшим в роде, то потребовал от младших такого же повиновения, какое сам оказывал своим старшим. Принявши старшинство, он не уступил пылкому племяннику своему Мстиславу в требованиях, как по всему видно, неумеренных, но и его после, и всех остальных младших родичей ни в чем не обидел, всех старался примирить, всех наделил волостями, так что при конце его жизни повсюду водворилось спокойствие (1168 г.).

По смерти Ростислава старшинство в роде принадлежало прежде всего Святославу Всеволодовичу черниговскому по страшинству племени, но Мономаховичи не хотели признавать этого страшинства; в племени Мономаховом старшим по линии был последний сын Мстислава Великого, Владимир Мстиславич; но этот князь, как мы видели, был *мачешич* и, вероятно, моложе своего племянника летами, был изгнан Мстиславом даже из Волыни: мог ли он надеяться, что последний уступит ему Киев? Наконец, после Владимира на

старшинство в роде имел право сын Юрия Долгорукого — Андрей Боголюбский; но северных князей вообще не любили на юге, и Андрей поведением своим относительно братьев не мог нисколько уменьшить этого нерасположения. Вот почему по смерти Ростислава взоры всех обратились на смелого племянника его, князя владимирского на Волыни, который два раза уже овладевал Киевом, два раза уступал его родному и старшему дяде, но кроме последнего не мог уступить никому другому. Несмотря, однако, на это, спорность прав Мстислава, спорность самой отчинности его (ибо отец его умер, не будучи собственно старшим в роде), давала родичам его надежду, что Изяславич щедро наградит их за уступку ему старшинства, даст им все, чего они сами захотят, но они ошиблись в своем расчете: Мстислав, подобно дяде Ростиславу, хотел быть старшим на деле, а не по имени только. Получив приглашение ехать в Киев от братьи — Владимира Мстиславича, Рюрика и Давыда Ростиславичей, также особое приглашение от киевлян и особое от черных клобуков, Мстислав отправил немедленно в Киев племянника Василька Ярополчича с своим тиуном. Здесь в Киеве приятели Мстислава рассказали Васильку, что князья Владимир Мстиславич и Андреевич, также Ярослав Изяславич луцкий и Ростиславичи целовали крест, что будут стоять заодно и возьмут у Мстислава волости по своей воле: Владимир Мстиславич возьмет в придачу к Триполю Торческ со всем Поросьем, Владимир Андреевич — Брест, Ярослав — Владимир. Василько немедленно дал знать об этом дяде Мстиславу, и тот, передавши весть союзникам своим — Ярославу галицкому, Всеволодовичам городенским и князьям польским, выступил с своими полками и с галицкою помощию к Киеву. Как видно, главою княжеского заговора был Владимир Мстиславич, давний враг своего племянника; вот почему, услыхав о приближении последнего к Киеву, он бросился бежать с семьею из Триполя в Вышгород, где и затворился вместе с Ростиславичами. Мстислав между тем вошел в Киев, урядился с братьями, дружиною и киевлянами и в тот же день отправился осаждать Вышгород; после крепких схваток между осаждающими и осажденными князья начали пересылаться и уладились, наконец, на счет волостей, после чего Мстислав вторично вошел в Киев и сел на столе Ярославовом, на столе отца своего и дедов своих.

Но легко понять, что князья, особенно старые, обманувшись в своих надеждах, затаили горечь в сердце; особенно злобился на племянника Владимир Мстиславич и тотчас после ряду уже начал затевать новые замыслы против Мстислава; боярин Давыда Ростиславича, Василь Настасьич, узнавши об этих замыслах, объявил об них своему князю, а тот рассказал все Мстиславу. Когда Владимир увидал, что

умысел его открылся, то приехал в Киев оправдываться пред племянником. Почти в одно время съехались они в Печерском монастыре; Мстислав вошел в игуменскую келью, а Владимиру велел сесть в экономской и послал спросить его: «Брат! Зачем ты приехал? Я за тобою не посылал». Владимир велел отвечать: «Брат! Слышал я, что злые люди наговорили тебе на меня». «Говорил мне брат Давыд», — велел отвечать на это Мстислав. Послали к Давыду в Вышгород; Давыд прислал Василя для улики, приставили к нему тысяцкого и еще другого боярина, и начался суд. Через три дня Мстислав опять приехал в Печерский монастырь; Владимир прислал двоих бояр своих, которые начали спорить с Василем; но за последнего явился новый свидетель. Дело это, наконец, наскучило Мстиславу, он сказал дяде: «Брат! Ты крест целовал, и еще губы у тебя не обсохли; ведь это отцовское и дедовское утверждение; кто нарушает клятву, тому бог будет судья; так теперь, если ты не думал никакого зла и не думаешь, то целуй крест». Владимир отвечал: «С радостию, братец, поцелую; все это на меня выдумали ложь», — поцеловал крест и поехал в Котельницу. Но в том же году стал он опять сноситься с черными клобуками, подучать их на племянника; и когда последние дали ему слово действовать заодно, то он объявил об этом своим боярам; но дружина отвечала ему: «Ты, князь, задумал это сам собою: так не едем по тебе, мы ничего не знали». Владимир рассердился и, взглянув на молодых дружинников, сказал: «Вот у меня будут бояре», и поехал к берендеям, с которыми встретился ниже Ростовца. Но варвары, увидавши, что он приехал один, встретили его словами: «Ты нам сказал, что все братья с тобою заодно; где же Владимир Андреевич, где Ярослав и Давыд? Да и дружины-то у тебя нет; ты нас обманул: так и нам лучше в чужую голову, чем в свою», и начали пускать во Владимира стрелы, из которых две и попали в него. Владимир сказал тогда: «Сохрани бог верить поганому, а я уже погиб и душою и жизнию», и побежал к Дорогобужу, потеряв своих отроков, которых перебили черные клобуки. Но Владимир Андреевич разорил мост на реке Горыне и не пустил к себе Мстиславича, который принужден был обратиться к востоку и чрез землю радимичей пустился в Суздальскую область к Андрею Боголюбскому; и последний не принял его к себе, а послал сказать ему: «Ступай в Рязань к тамошнему князю, а я тебя наделю»[301]. Владимир послушался и отправился в Рязань. Мстислав киевский не хотел после того терпеть, чтоб и мать Владимирова оставалась где-нибудь на Руси, и велел сказать ей: «Ступай за Днепр в Городок, а оттуда иди, куда хочешь: не могу жить с тобою в одном месте, потому что сын твой всегда ловит головы моей, вечно нарушает клятвы». Она отправилась в Чернигов к Святославу Всеволодовичу.

Казалось, что с удалением дяди Владимира на дальний северо-восток Мстислав должен был успокоиться, но вышло иначе. Мы видели, что князья не могли распорядиться волостями так, как им хотелось при вступлении на старший стол Мстислава; это оставило горечь во всех сердцах, которая должна была обнаруживаться при всяком удобном случае. После удачного похода на половцев в 1168 году князья рассердились на Мстислава за то, что он тайком от них отпускал слуг своих разорять половецкие вежи; скоро после этого Мстислав снова собрал всю братью в Киеве и предложил новый поход в степи. Речь его полюбилась всем князьям, они выступили в поход и остановились у Канева. В это время двое из дружины, Ярославичи, родные братья Петр и Нестор, начали говорить Давыду Ростиславичу злые речи на Мстислава: последний прогнал их от себя за то, что холопы их покрали его лошадей из стада и положили на них свои пятна (клейма); так теперь Ярославичи хотели отомстить ему клеветою. Давыд поверил им и начал говорить брату Рюрику: «Брат! Приятели говорят мне, что Мстислав хочет нас схватить». «А за что? За какую вину? — отвечал Рюрик, — давно ли он к нам крест целовал?» Чтоб уверить больше Ростиславичей, клеветники сказали им: «Мстислав положил схватить вас у себя за обедом; так если он начнет звать вас на обед, то значит, что мы сказали правду». И точно, Мстислав, ничего не зная, позвал на обед Рюрика и Давыда. Те послали сказать ему в ответ на зов: «Поцелуй крест, что не замыслишь на нас никакого лиха, так поедем к тебе». Мстислав ужаснулся и сказал дружине: «Что это значит? Братья велят мне крест целовать, а я не знаю за собою никакой вины!» Дружина отвечала: «Князь! Нелепо велят тебе братья крест целовать; это, верно, какие-нибудь злые люди, завидуя твоей любви к братьи, пронесли злое слово. Злой человек хуже беса; и бесу того не выдумать, что злой человек замыслит; а ты прав пред богом и пред людьми; ведь тебе без нас нельзя было ничего замыслить, ни сделать, а мы все знаем твою истинную любовь ко всей братье; пошли сказать им, что ты крест целуешь, но чтоб они выдали тех, кто вас ссорит». Давыд не согласился выдать Ярославичей. «Кто же мне тогда что-нибудь скажет после, если я этих выдам», — говорил он. Несмотря на то, Мстислав целовал крест, и Ростиславичи оба поцеловали; однако сердце их не было право с ним, прибавляет летописец. В то же самое время Владимир Андреевич начал припрашивать волости у Мстислава; тот понял, что Владимир припрашивает нарочно, чтоб иметь только случай к ссоре, и послал сказать ему: «Брат Владимир! Давно ли ты крест целовал ко мне и волость взял?» Владимир в сердцах уехал в свой Дорогобуж. Этим всеобщим нерасположением южных князей к Мстиславу воспользовался Андрей

Боголюбский, чтоб предъявить права свои на старшинство и на Киев: он так же не любил Мстислава, как отец его Юрий не любил отца Мстиславова Изяслава, и точно так же, как прежде отец его, начал открытую войну, удостоверившись, что найдет союзников на юге. Ждали только повода; повод открылся, когда Мстислав исполнил просьбу новгородцев и отправил к ним на княжение сына своего Романа; тогда все братья стали сноситься друг с другом и утвердились крестом на Мстислава, объявивши старшим в роде Андрея Юрьевича. Боголюбский выслал сына своего Мстислава и воеводу Бориса Жидиславича с ростовцами, владимирцами, суздальцами; к этому ополчению присоединилось 11 князей: Глеб Юрьевич из Переяславля, Роман из Смоленска, Владимир Андреевич из Дорогобужа, Рюрик Ростиславич из Овруча, братья его — Давыд и Мстислав из Вышгорода, северские — Олег Святославич с братом Игорем, наконец, младший брат Боголюбского, знаменитый впоследствии Всеволод Юрьевич и племянник от старшего брата, Мстислав Ростиславич. Не пошел Святослав Всеволодович черниговский, не желая, как видно, отнимать Киев у Мстислава в пользу князя, старшинства которого не мог он признать; не пошел и один из родных братьев Боголюбского — Михаил Юрьевич; его Мстислав отправил с черными клобуками в Новгород на помощь сыну своему Роману; но Ростиславичи — Рюрик и Давыд, узнавши, что рать Боголюбского и родного брата их Романа уже приближается, послали в погоню за Михаилом и схватили его недалеко от Мозыря благодаря измене черных клобуков.

Знал ли Мстислав о сбиравшейся на него грозе или нет, трудно решить; скорее можно предположить, что не знал, иначе не послал бы он черных клобуков с Юрьевичем в Новгород. В Вышгороде соединились все князья — неприятели Мстислава и отсюда пошли и обступили Киев. Мстислав затворился в городе и крепко бился за него: любовь к сыну Изяславову и еще больше, быть может, нелюбовь к сыну Юриеву заставила киевлян в первый раз согласиться выдержать осаду; летописец не говорит, чтоб кто-нибудь из них, как прежде, вышел навстречу к осаждавшим князьям или все вечем говорили Мстиславу: «Ступай, князь, теперь не твое время»; одни только черные клобуки по обычаю начали предательствовать. После трехдневной осады дружины осаждавших князей успели ворваться в город; тогда дружина Мстиславова сказала своему князю: «Что стоишь? Поезжай из города; нам их не перемочь»; Мстислав послушался и побежал на Василев; отряд черных клобуков гнался за ним, стрелял взад, побрал в плен много дружины; но самому Мстиславу удалось соединиться с братом Ярославом и пробраться вместе с ним во Владимир-Волынский. В первый раз[302] Киев был взят вооруженною рукою при всеобщем

сопротивлении жителей и в первый раз мать городов русских должна была подвергнуться участи города, взятого *на щит:* два дни победители грабили город, не было никому и ничему помилования; церкви жгли, жителей — одних били, других вязали, жен разлучали с мужьями и вели в плен, младенцы рыдали, смотря на матерей своих; богатства неприятели взяли множество, церкви все были пограблены; половцы зажгли было и монастырь Печерский, но монахам удалось потушить пожар; были в Киеве тогда, говорит летописец, на всех людях стон и тоска, печаль неутешная и слезы непрестанные.

Но не старший сын Юрия, во имя которого совершен был поход, взят и разорен стольный город отцов, не Боголюбский сел в Киеве; сын его Мстислав посадил здесь дядю, Глеба переяславского, который отдал Переяславль сыну своему Владимиру; старший в роде князь остался жить на севере, в далеком Владимире Клязменском, и сын его Мстислав пошел назад к отцу с великою честию и славою, говорит летописец, но в некоторых списках стоит: с проклятием.

Из событий в особых княжествах по смерти Юрия Долгорукого мы упоминали, как потомству Изяслава Ярославича удалось утвердиться в Турове; потомство Игоря Ярославича продолжало княжить в Городне. Ярослав галицкий освободился, наконец, от опасного соперника своего — Ивана Берладника: под 1161 годом летописец говорит, что Берладник умер в Солуне; есть слух, прибавляет он, что смерть приключилась ему от отравы. В Полоцке происходили большие смуты. Мы видели, что в 1151 году полочане выгнали князя Рогволода Борисовича и взяли на его место Ростислава Глебовича, который вошел в сыновние отношения к Святославу Ольговичу. Но, как видно, Ростислав впоследствии позабыл о своих обязанностях относительно черниговского князя, потому что последний принял к себе изгнанника Рогволода и даже в 1158 году дал ему свои полки для отыскания волостей. Приехавши в Слуцк, Рогволод начал пересылаться с жителями Друцка; те обрадовались ему, стали звать к себе: «Приезжай, князь, не мешкай, рады мы тебе; если придется, станем биться за тебя и с детьми». И в самом деле, больше трехсот лодок выехало к нему навстречу, с честью ввели его дручане в свой город, а Глеба Ростиславича выгнали, двор и дружину его разграбили. Когда Глеб пришел к отцу Ростиславу в Полоцк и когда узнали здесь, что Рогволод сидит в Друцке, то сильный мятеж встал между полочанами, потому что многие из них захотели Рогволода, и с большим трудом мог Ростислав установить людей. Обдаривши их богато и приведя ко кресту, он пошел со всею братьею на Рогволода к Друцку, но встретил сильный отпор: дручане бились крепко, и много падало людей с обеих сторон; тогда Ростислав, видя, что не возьмет ничего силою, помирился с Рогволодом, при-

дал ему волостей и возвратился домой. Но дело этим не кончилось: в том же году полочане сговорились выгнать Ростислава, позабывши что̀ говорили ему при крестном целовании: «Ты наш князь, и дай нам бог с тобою пожить». Они послали тайком в Друцк сказать Рогволоду Борисовичу: «Князь наш! Согрешили мы пред богом и пред тобою, что встали на тебя без вины, именье твое и дружины твоей все разграбили, а самого, схвативши, выдали Глебовичам на великую муку; если ты позабудешь все то, что мы тебе сделали своим безумием, и поцелуешь к нам крест, то мы твои люди, а ты наш князь; Ростислава отдадим тебе в руки, делай с ним, что хочешь». Рогволод поклялся, что забудет все прошлое; но, как обыкновенно водилось в городах, у Ростислава между полочанами были также приятели, которые дали ему знать, что остальные сбираются схватить его. Положено было позвать его обманом на братовщину к святой богородице к старой на Петров день и тут его схватить; но Ростислав, предуведомленный, как сказано выше, приятелями, поддел броню под платье, и заговорщики не смели напасть на него тут, но на другой день опять послали звать его к себе на вече: «Приезжай к нам, князь! — велели они сказать ему, — нам с тобою нужно кой о чем переговорить». Ростислав отвечал послам: «Ведь я вчера был у вас: что ж вы со мною ни о чем не говорили?» Несмотря, однако, на прежнее предуведомление, он поехал на этот раз в город, (а жил он тогда на загородном дворе в Белчице, в трех верстах от Полоцка, на другом берегу Двины). Но не успел Ростислав еще доехать до города, как встретил отрока своего, который сказал ему: «Не езди, князь! В городе на тебя вече, уже дружину твою бьют и тебя хотят схватить». Ростислав возвратился, собрал дружину на Белчице и пошел полком в Минск, к брату Володарю, опустошая Полоцкую волость, забирая скот и челядь. Рогволод, по зову полочан, приехал княжить на его место и не хотел оставить Глебовичей в покое: собрал большое войско из полочан, выпросил у Ростислава смоленского на помощь двух сыновей его, Романа и Рюрика, с боярином Внездом, полками смоленскими, новгородскими и псковскими и пошел сперва к Изяславлю, где затворился Всеволод Глебович; этот Всеволод был прежде большим приятелем Рогволоду и потому, понадеявшись на старую дружбу, поехал в стан к Борисовичу и поклонился ему; Рогволод принял его хорошо, но не отдал назад Изяславля, который следовал, как отчина, Брячиславу Васильковичу, а дал вместо того Стрежев; потом Рогволод отправился к Минску, но, простоявши под городом 10 дней без успеха, заключил с Ростиславом мир и возвратился домой. Глебовичи, уступая на время силе, скоро начали опять действовать против остальных двоюродных братьев: в 1159 году овладели опять Изяславлем, схватили там двоих Василькови-

чей, Брячислава и Володаря, и заключили их в Минске. Это заставило Рогволода опять идти на Минск, и Ростислав Мстиславич из Киева прислал ему на помощь 600 торков; Рогволод шесть недель стоял около города и заключил мир на всей своей воле, т. е. заставил освободить Васильковичей; но торки, потерявши лошадей и сами помирая с голоду, возвратились пешком на юг, не дождавшись мира. Потом летописец опять упоминает о новом походе Рогволода на Ростислава к Минску и о новом мире. В 1161 году Рогволод предпринимал новый поход на одного из Глебовичей, Володаря, княжившего теперь в Городце; Володарь не стал биться с ним днем, но сделал вылазку ночью и с литвою нанес осаждавшим сильное поражение; Рогволод убежал в Слуцк и, пробыв здесь три дня, пошел в старую свою волость — Друцк, а в Полоцк не посмел явиться, погубивши столько тамошней рати под Городцом; полочане посадили на его место одного из Васильковичей — Всеслава. Из полоцких волостей мы встречаем упоминовение о Минске, Изяславле, Друцке, Городце как об отдельных столах княжеских; мы видели выше, что Ярослав I уступил полоцкому князю Брячиславу Витебск[303]; теперь под 1165 годом встречаем известие, что в Витебске сел Давыд Ростиславич смоленский, отдавши прежнему витебскому князю Роману два смоленских города — Васильев и Красный[304]. Между тем Глебовичи не могли равнодушно видеть, что Полоцк вышел из их племени и от Борисовича перешел к Васильковичу; в 1167 году Володарь Глебович городецкий пошел на Полоцк. Всеслав Василькович вышел к нему навстречу, но Володарь, не давши ему собраться и выстроить хорошенько полки, ударил внезапно на полочан, многих убил, других побрал руками и заставил Всеслава бежать в Витебск, а сам пошел в Полоцк и уладился с тамошними жителями, целовал с ними крест, как говорит летописец. Утвердившись здесь, Володарь пошел к Витебску на Давыда и Всеслава, стал на берегу Двины и начал биться об реку с неприятелями; Давыд не хотел вступать с ним в решительное сражение, поджидая брата своего Романа с смольнянами, как вдруг в одну ночь ударил страшный гром, ужас напал на все войско полоцкое, и дружина стала говорить Володарю: «Чего стоишь, князь, не едешь прочь? Роман переправляется через реку, а с другой стороны ударит Давыд». Володарь испугался и побежал от Витебска; на другое утро, узнав о бегстве врага, Давыд послал за ним погоню, которая, однако, не могла настичь самого князя, а переловила только многих ратников его, заблудившихся в лесу; Всеслав, впрочем, отправился по следам Володаревым к Полоцку и опять успел занять этот город.

Мы видели, что в Новгороде наряд был установлен Ростиславом, который в 1158 году посадил здесь сына своего Святослава, а в Торжке другого сына — Давыда. Скоро сам

Ростислав был позван племянником на стол киевский, и следовало ожидать, что это обстоятельство упрочит тишину в Новгороде; но вышло противное. Андрей Боголюбский, вступившись за Изяслава Давыдовича, вошедши с ним в родственную связь, захотел нанести Ростиславу чувствительный удар на севере и послал сказать новгородцам: «Будь вам ведомо: хочу искать Новгорода и добром и лихом»[305]. Услыхав грозное слово, новгородцы не знали, что делать; начались волнения и частые веча. Не желая оскорбить киевского князя, они начали сперва действовать полумерами, надеясь, что Святослав догадается и сам выедет от них. Так они стали просить его, чтоб вывел брата Давыда из Торжка, потому что содержание двух князей тяжко для их области. Святослав исполнил их требование, не рассердился и не оставил города. Тогда надобно было приступить к мерам решительным; не должно забывать также, что в Новгороде существовала сторона, противная Мстиславичам и которая должна была теперь сильно действовать при этих благоприятных для нее обстоятельствах. Святослав сидел в Городище у св. благовещения, как вдруг пригнал к нему вестник и сказал: «Князь! Большое зло делается в городе, хотят тебя люди схватить». Святослав отвечал: «А какое я им зло сделал? Разве они не целовали крест отцу моему, что будут держать меня князем пока я жив, да вчера и мне самому все целовали образ богородицы?» Не успел он еще сказать этого, как толпа народа нахлынула, схватили его, заперли в избе, княгиню послали в монастырь, дружину поковали, именье разграбили; потом отправили Святослава в Ладогу, приставивши к нему крепкую стражу. Когда Ростислав в Киеве узнал, что сына его схватили в Новгороде, то велел перехватать всех новгородцев и пометать их в пересеченское подземелье, где в одну ночь померло их четырнадцать человек; узнавши об этом несчастии, Ростислав стал сильно тужить и велел остальных выпустить из подземелья и развести по разным городам. Между тем новгородцы послали к Андрею просить у него сына к себе на княжение; он не дал им сына, давал брата своего Мстислава, а новгородцы не хотели Мстислава, потому что он уже прежде у них княжил; наконец, уладились так, что в Новгород поехал Мстислав Ростиславич, племянник Андреев от старшего брата; а Святославу удалось бежать из Ладоги в Полоцк, откуда Рогволод Борисович проводил его к родным в Смоленск. Смена князя, как обыкновенно бывало, повлекла смену посадника: вместо Якуна Мирославича выбран был Нежата. Но это не положило конца новгородским смутам: скоро Андрей урядился с Ростиславом; князья уговорились, чтоб Новгород опять перешел к сыну киевского князя — Святославу. Мы видели, что новгородцы не любили брать князей, которые прежде были у них, по очень естественной причине: такой

князь не мог установить наряда, доброхотствуя своим прежним приятелям, преследуя врагов, усилиями которых был изгнан. Но что они могли сделать теперь против согласной воли двух сильнейших князей на Руси? Они принуждены были принять Святослава *на всей воле его*. Это выражение в первый раз упомянуто здесь летописцем: если Святослав был принят на всей воле его, то мы должны прямо заключить, что предшественники его были принимаемы на всей воле новгородской, т. е. что прежде Святослава начали заключаться между Новгородом и князьями условия, изложение которых мы видим в последующих грамотах. Иначе и быть не могло в смутное время, последовавшее за смертию Мстислава Владимировича; вторичное принятие Всеволода Мстиславича после бегства его из Переяславля можно считать временем, когда возникли первые условия, первый ряд новгородцев с князем; вторичное принятие Святослава, когда он дан был новгородцам против воли их силою двух соединенных князей, нарушало установившийся было обычай; это лишение приобретенных льгот произвело сильную ненависть новгородцев к Святославу, которая видна будет из последующих событий. Первым следствием перемены князя была смена посадника: Нежата был избран после изгнания Святослава вследствие торжества неприязненной последнему стороны; теперь, после вторичного принятия Святослава, Нежата был свергнут, и должность его отдана Захарии. Но, как надобно было ожидать, силою посаженный князь не мог сидеть спокойно в Новгороде. Мы видели, что Ростислав киевский при конце жизни своей должен был отправиться на север для установления спокойствия в Новгороде: он знал, что новгородцы дурно живут с его сыном. В Великих Луках имел Ростислав свидание с лучшими новгородцами и взял с них клятву не искать другого князя, кроме сына его Святослава, только смертью разлучиться с ним [306]. Но в самый год смерти Ростислава недовольные уже начали собирать тайные веча по домам на сына его. Приятели последнего приехали к нему на городище и сказали: «Князь! Народ сбирается на веча по ночам, хотят тебя схватить; промышляй о себе». Святослав объявил об этом дружине; та отвечала: «Только что теперь целовали все они тебе крест после отцовской смерти; но что же с ними делать? Кому из князей были они верны? Станем промышлять о себе, не то начнут об нас другие промышлять». Святослав выехал из города, засел в Великих Луках и послал оттуда сказать новгородцам, что не хочет у них княжить. Те в ответ поцеловали образ богородицы с клятвою не хотеть Святослава и пошли прогонять его из Лук; Святослав выехал в Торопец, оттуда отправился на Волгу и, получив помощь от Андрея суздальского, пожег Новый Торг; братья его, Роман и Мстислав, пожгли Луки, из лучан — одни заперлись в крепости, другие

ушли во Псков; собрался на Новгород Андрей суздальский с смольнянами и полочанами, пути все заняли, послов перехватали, не дали им послать вести в Киев, к тамошнему князю Мстиславу Изяславичу, чтоб отпустил к ним сына; Андрей с Ростиславичами хотели силою поместить опять Святослава в Новгороде: «Нет вам другого князя, кроме Святослава», — говорили они. Это известие летописца показывает нам, что новгородцы входили в переговоры с Андреем и просили себе князя от его руки, только не Святослава. Но упорство Андрея пуще ожесточило новгородцев: они убили приятелей Святославовых: Захарию посадника, Неревина, знатного боярина, которого мы уже видели раз воеводою, Незду бирича, обвинивши всех троих в перевете к Святославу; наконец, отыскали путь на юг чрез владения полоцких князей, Глебовичей, враждебных Ростиславичам смоленским по вышеописанным отношениям, и Данислав Лазутинич с дружиною отправился в Киев к Мстиславу за сыном его, а другой воевода Якун (вероятно, Мирославич, старый посадник) отправился навстречу к Святославу, шедшему к Русе с братьями, смольнянами и полочанами. Неприятели не дошли до Русы, возвратились назад, ничего не сделавши, а новгородцы выбрали Якуна в посадники и стали с ним дожидаться прихода Романа Мстиславича с юга. В 1168 году Роман пришел, и рады были новгородцы своему хотению, говорит их летописец. Получив желанного князя, новгородцы пошли с ним мстить за свои обиды: пошли сперва с псковичами к Полоцку, опустошили всю волость и возвратились, не дойдя тридцати верст до города; потом Роман ходил на Смоленскую волость, к Торопцу, пожег домы, взял множество пленников. Но мы видели, как посылка Романа в Новгород ускорила грозу, сбиравшуюся над отцом его Мстиславом, как заставила раздраженных Ростиславичей тесно соединиться с Андреем, чтоб отмстить киевскому князю, вытеснявшему их с сыном из Новгорода; изгнание отца из Киева не могло предвещать сыну долгого княжения в Новгороде.

При сильных внутренних волнениях, происходивших во время вторичного княжения Святослава Ростиславича, новгородцы должны были выдержать довольно значительную внешнюю борьбу с шведами. Со времен Рюрика шведы не беспокоили русских владений [307], и было замечено [308], что такою безопасностью северо-западные русские волости были обязаны внутренним волнениям, происходившим в Швеции вследствие принятия христианства, которое повело к разложению древних языческих форм жизни. Тесть Ярослава I, король Олоф (Schoosskönig), принявши христианство, не мог более называться упсальским королем, потому что это название означало верховного жреца; таким образом он потерял свое значение в верхней Швеции, жители которой большею

частию были язычники. По прекращении рода упсальских королей, происходивших от знаменитого Сигурда Ринга, избран был королем Стенкиль, сын известного нам ярла Рагнвальда, ревностный христианин; его избрание показывало уже господство христианской стороны; несмотря на то, когда христианские проповедники убеждали его разорить языческий храм в Упсале, то он отвечал им, что следствием такого поступка будет их смерть, а его изгнание. По смерти Стенкиля, последовавшей в 1066 году, в Швеции встала сильная усобица: два короля, оба носившие одно имя — Ериха, стали спорить о престоле, и оба пали в этой войне вместе со всеми знатнейшими шведами; язычество опять так усилилось во время усобицы, что ни один епископ не хотел ехать в Швецию, боясь преследований. Борьба продолжалась до половины XII века (1150 г.), т. е. до вступления на престол Ериха Святого, который дал окончательное торжество христианству. Но усобицы между разными претендентами на престол продолжались: Ерих Св[ятой] лишился жизни в битве с датским принцем Магнусом, который имел притязания на шведский престол по родству с домом Стенкиля; Магнус через год был также убит, и ему наследовал готский король Карл Сверкерсон, первый, который носит название короля шведов и готов; он оставил по себе память короля мудрого и благонамеренного, при нем не было усобиц, вследствие чего шведы получили возможность к наступательному движению на соседей; под 1164 годом летописец новгородский говорит, что они пришли под Ладогу; ладожане пожгли свои хоромы, затворились в кремле с посадником Нежатою и послали звать князя Святослава с новгородцами на помощь. Шведы приступили к крепости, но были отражены с большим уроном и отступили к реке Воронай [309], а на пятый день пришел князь Святослав с новгородцами и посадником Захариею, ударил на шведов и разбил их: из 55 шнек шведы потеряли 43; мало их спаслось бегством, да и то раненые.

В том самом году, как новгородцы так счастливо отбились от шведов, Андрей Боголюбский с сыном Изяславом, братом Ярославом и муромским князем Юрием удачно воевал с камскими болгарами, перебил у них много народу, взял знамена, едва с малою дружиною успел убежать князь болгарский в Великий город; после этой победы Андрей взял славный город болгарский Бряхимов и пожег три другие города. На юго-востоке по-прежнему продолжалась борьба с половцами. В начале княжения Ростислава они понесли поражение от волынских князей и галичан; неудачно кончилось в 1162 году нападение их под Юрьевым на черных клобуков, у которых сначала побрали они много веж, но потом черные клобуки собрались все и побили их на берегах Роси, отняли весь полон и самих взяли больше 500 человек с несколькими княжи-

чами. Несмотря на то, в следующем году Ростислав почел за нужное заключить с ними мир и женить сына своего Рюрика на дочери хана Белука. Общего продолжительного мира не могло быть с этими варварами, разделявшимися на многие орды под начальством независимых ханов: в 1165 году племянник Ростислава Василько Ярополкович побил половцев на реке Роси, много взял пленников, которых дал на выкуп за дорогую цену; дружина его обогатилась оружием и конями. В следующем году половцы потерпели поражение в черниговских пределах от Олега Святославича; но другим половцам в то же время за Переяславлем удалось разбить Шварна, перебить его дружину; Шварн должен был заплатить за себя большой окуп. Одни известия говорят, что этот Шварн был воевода князя Глеба переяславского [310], другие, — что богатырь [311]. После этого в лютую зиму Ольговичи — Олег Святославич и двоюродный брат его Ярослав Всеволодович ходили удачно на половцев, взяли их вежи. Но варвары были опасны не одними только прямыми опустошениями своими; они вредили торговле Руси с греками, которая была главною причиною благосостояния Киева, обогащения казны великокняжеской. Мы знаем из свидетельства Константина Багрянородного, как опасно было в старину плавание русских в низовьях Днепра, в степи, где ждали их обыкновенно толпы печенегов; эти затруднения не прекратились и теперь, когда в степях приднепровских господствовали кочевые варвары с новым только именем; торговые лодки не могли безопасно плавать вниз и вверх по Днепру; в 1166 году половцы засели в порогах и начали грабить *гречников,* т. е. купцов греческих, или вообще купцов, производящих торговлю с Грециею; Ростислав послал боярина своего, Владислава Ляха, с войском, под прикрытием которого гречники безопасно прошли пороги и поднялись до Киева. Как важна была греческая торговля для русских князей и как важна была опасность для этой торговли от половцев, доказывает известие летописца под 1166 годом; Ростислав послал к братьям и сыновьям своим с приказом собираться им у себя со всеми своими полками, и пришли: Мстислав Изяславич из Владимира с братьями — Ярославом из Луцка и Ярополком из Бужска, Владимир Андреевич, Владимир Мстиславич, Глеб Юрьевич, Глеб городенский, Иван Юрьевич туровский, сыновья Ростислава — Рюрик, Давыд и Мстислав, галицкая помощь, и все стояли у Канева долгое время, дожидаясь до тех пор, пока поднялись торговые суда, тогда все князья разошлись по домам. При наследнике Ростислава, Мстиславе, походы на половцев с тою же целию продолжались: в 1167 году вложил бог в сердце Мстиславу мысль добрую о Русской земле, говорит летописец, созвал он братью свою и начал им говорить: «Братья! Пожалейте о Русской земле, о

своей отчине и дедине: ежегодно половцы уводят христиан в свои вежи, клянутся нам не воевать и вечно нарушают клятву, а теперь уже у нас все торговые пути отнимают[312]; хорошо было бы нам, братья, возложивши надежду на помощь божию и на молитву святой богородице, поискать отцов и дедов своих пути и своей чести». Речь Мстислава была угодна богу, всей братьи и мужам их; князья отвечали: «Помоги тебе бог, брат, за такую добрую мысль; а нам дай бог за христиан и за всю Русскую землю головы свои сложить и к мученикам быть причтенным». Мстислав послал и за черниговскими князьями, и всем была угодна его дума; собрались в Киев с полками: два Ростиславича — Рюрик и Давыд, четверо черниговских — Всеволодовичи — Святослав и Ярослав, Святославичи — Олег и Всеволод, Изяславичи волынские — Ярослав и Ярополк, Мстислав Всеволодкович городенский, Святополк Юрьевич туровский, Юрьевичи — Глеб переяславский с братом Михаилом. Уже девять дней шли князья из Киева по каневской дороге, как один из их войска дал знать половцам о приближении русских полков, и варвары побежали, бросивши своих жен и детей; князья русские погнались за ними налегке, оставивши за собою у обоза Ярослава Всеволодовича; по рекам Углу и Снопороду захвачены были вежи, у Черного леса настигли самих половцев, притиснули к лесу, много перебили, еще больше взяли в плен; все русские воины обогатились добычею, колодниками, женами и детьми, рабами, скотом, лошадьми; отполоненных христиан отпустили всех на свободу, причем из русских полков было только двое убитых и один взят в плен. Мстислав, впрочем, не думал успокаиваться после такой удачи; скоро он созвал опять князей и стал говорить им: «Мы, братья, половцам много зла наделали, вежи их побрали, детей и стада захватили, так они будут мстить над нашими гречниками и залозниками; надобно нам будет выйти навстречу к гречникам». Братье полюбилась эта речь, они все отвечали: «Пойдем, ведь это будет выгодно и нам, и всей Русской земле». По-прежнему, как при Ростиславе, князья дошли до Канева и *здесь дожидались* гречников. Не одни только половцы мешали греческой торговле: в 1159 году берладники овладели Олешьем; великий князь Ростислав отправил на них Днепром двух воевод, которые настигли разбойников, перебили их и отняли награбленное.

Из дружины княжеской в описанное время упоминаются следующие имена: в Киеве при Изяславе Давыдовиче был Глеб Ракошич, которого князь посылал к двоюродному брату своему Святославу черниговскому; после, при Изяславе, во время борьбы его с Ростиславом, видим Шварна, быть может, того самого, который был воеводою при Изяславе Мстиславиче, двоих братьев Милятичей — Степана и Якуна и

Нажира Переяславича; все они были захвачены в плен в той битве, где погиб Изяслав; потом при Ростиславе упоминаются Юрий Нестерович и Якун, ходившие на берладников, которые взяли Олешье, и Жирослав Нажирович, ходивший с торками из Киева на помощь Рогволоду полоцкому; Гюрата Семкович, посланный Ростиславом в Константинополь к императору по делам церковным; Владислав Вратиславич Лях, посыланный Ростиславом для охраны гречников от половцев; по некоторым известиям, тысяцким в Киеве при Ростиславе был Жирослав Андреевич [313]; близкими людьми к этому князю были также *покладник,* или спальник, его Иванко Фролович и Борис Захарьич. Из дружины Мстислава Изяславича, когда еще он сидел на Волыни, упоминаются Жирослав Васильевич, которого он отправлял послом к Изяславу Давыдовичу по делу Берладника; потом, во время войны его с Изяславом, Кузьма Сновидич и Олбырь Шерошевич (происхождение которого явно нерусское); посадником его в Торческе был Вышко, которого схватил Давыд Ростиславич; Владислав Вратиславич Лях, которого Мстислав посылал пред собою в Киев, позванный туда братьями и гражданами; но мы видели этого Владислава боярином и воеводою Ростислава в Киеве; можно думать, что немедленно по смерти Ростислава Владислав явился к Мстиславу в послах от киевлян с приглашением на стол; наконец, при бегстве Мстислава из Киева упоминаются дружинники, взятые в плен врагами: Димитрий Храбрый, Алексей Дворский, Сбыслав Жирославич, быть может, сын упомянутого Жирослава Васильевича, Иванко Творимирич, Род или Родион. Из галицких упоминаются известный уже нам прежде Избигнев Ивачевич, отправленный в послах к Изяславу Давыдовичу; в войне с последним воеводою галицкого отряда упоминается Тудор Елцич. Из бояр других юго-западных князей упоминаются бояре Владимира Мстиславича трепольского — Рагуйло Добрынич и Михаил, которые спорили с Василем Настасьичем, обвинявшим их князя во враждебных замыслах против Мстислава Изяславича; потом эти Рагуйло и Михаил вместе с третьим боярином Завидом отъехали от него, когда он без них замыслил опять вражду на киевского князя; обоих первых — Рагуила и Михаила — мы видели прежде: они вместе с своим князем старались защитить Игоря Ольговича от убийц; Рагуил был тогда в сане тысяцкого при Владимире; упоминаются луцкий боярин Онофрий и дорогобужский Гаврило Васильевич в послах от князей своих к Изяславу Давыдовичу. Из черниговских бояр Святослава Ольговича упоминается известный нам Жирослав Иванкович, старый боярин Вячеслава и Юрия; естественно, что по смерти последнего Жирослав отъехал к Святославу Ольговичу, постоянному и единственному приятелю Юриеву; потом упоминается Георгий

Иванович, брат Шакушанов, которого Святослав отправлял в послах к Давыдовичу в Киев с увещанием не вступаться за Берладника; по всем вероятностям, он же и был тысяцким в Чернигове во время смерти Святославовой; у сына Святославова, Олега, упоминается боярин Иван Радиславич. Из северских бояр Святослава Всеволодовича упоминается *Киянин,* имя указывает в нем выходца из Киева. Из переяславских бояр в битве с половцами упоминается Шварн, по некоторым известиям воевода князя Глеба, по другим — богатырь. Из смоленских бояр Ростислава Мстиславича упоминается Иван Ручечник в послах от своего князя к южным князьям, звавшим Ростислава на стол киевский; потом Внезд, как видно, тысяцкий смоленский, занимающий место после князя и епископа[314]; его видим также вместе с смоленскими князьями в походе на помощь полоцкому князю Рогволоду против родичей Из вышегородских бояр Давыда Ростиславича упоминаются Василь Настасьич, тысяцкий вышегородский Радило[315], быть может, тот самый, которого мы видели прежде в дружине Изяслава Мстиславича, и Василий Волкович; потом, как видно, двое братьев Борисловичей отъехали от Мстислава киевского также к Давыду; имя одного из них, Петр, может указывать нам в нем одно лицо с упомянутым прежде боярином Изяславовым Петром Борисовичем, или Борисловичем. Из суздальских бояр Андрея Боголюбского упоминается воевода Борис Жидиславич, участвовавший во взятии Киева; взявши в соображение перемену его отчества Жидиславич на Жирославич, можно предположить, что это был сын известного Жирослава Иванковича. Наконец, упоминаются имена лиц, неизвестно к чьей дружине принадлежавших, напр[имер] Давыд Борынич, который подтверждал известие Василя Настасьича на счет замыслов Владимира Мстиславича; потом в битве с половцами убит был Константин Васильевич, Ярунов брат, и Константин Хотович взят в плен.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ОТ ВЗЯТИЯ КИЕВА ВОЙСКАМИ БОГОЛЮБСКОГО ДО СМЕРТИ МСТИСЛАВА МСТИСЛАВИЧА ТОРОПЕЦКОГО

(1169—1228)

Андрей Боголюбский остается на севере; значение этого явления. — Характер Андрея и его поведение на севере. — Владимир-на-Клязьме. — Брат Андрея, Глеб княжит в Киеве. — Война его с Мстиславом Изяславичем. — Смерть обоих соперников. — Андрей Боголюбский отдает Киев Роману Ростиславичу смоленскому. — Ссора Ростиславичей с Андреем. — Мстислав Ростиславич Храбрый. — Неудачный поход рати Андреевой против Ростиславичей. — Ярослав Изяславич княжит в Киеве. — Борьба его с Святославом Всеволодовичем черниговским. — Убиение Андрея Боголюбского и следствия этого события. — Соперничество Ростова и Владимира; соперничество дядей Юрьевичей и племянников Ростиславичей северных. — Торжество Михаила Юрьевича над племянниками и Владимира над Ростовом — Возобновление борьбы по смерти Михаила. — Торжество Всеволода Юрьевича над племянниками и окончательное падение Ростова. — На юге усобица между Мономаховичами и Ольговичами. — Поход Святослава Всеволодовича черниговского на Всеволода Юрьевича суздальского. — Святослав утверждается в Киеве. — Слабость киевского князя перед суздальским. — Борьба Ярослава галицкого с боярами. — Смерть его. — Усобица между его сыновьями, Владимиром и Олегом. — Бояре изгоняют Владимира и принимают к себе Романа Мстиславича волынского. — Венгерский король Бела III вмешивается в эту усобицу и сажает в Галиче сына своего Андрея. — Гибель Берладникова сына Ростислава. — Насилия венгров в Галиче. — Владимир Ярославич с помощью поляков утверждается здесь. — Смерть Святослава Всеволодовича киевского. — Рюрик Ростиславич занимает его место по воле Всеволода суздальского. — Последний ссорит Рюрика с зятем его, Романом волынским. — Участие Романа в польских усобицах. — Война Мономаховичей с Ольговичами. — Роман волынский утверждается в Галиче по смерти Владимира Ярославича. — Он изгоняет Рюрика Ростиславича из Киева. — Рюрик опять в Киеве и отдает его на разграбление половцам. — Роман постригает Рюрика в монахи. — Роман гибнет в битве с поляками; его характер. — Малолетние сыновья его, Даниил и Василько, окружены врагами. — Рюрик снова в Киеве и воюет против Романовичей. — Последние должны бежать из Галича. — Галицкие бояре призывают к себе на княжение Игоревичей северских. — Бедственная судьба маленьких Романовичей. — Венгры овладевают Галичем и свирепствуют здесь. — Игоревичи северские изгоняют венгров, но вооружают против себя бояр, которые с помощью венгров возводят на престол Даниила Романовича. — Новые волнения бояр и бегство Даниила. — Боярин Владислав княжит в Галиче. — Венгры и поляки делят между собою Галич. — Продолжение усобицы между Мономаховичами и Ольго-

вичами за Киев; Мономахович в Чернигове. — Усиление Всеволода III Юрьевича на севере. — Отношения его к Рязани, Смоленску и Новгороду Великому. — Деятельность Мстислава Храброго на севере. — Смерть его. — Перемены в Новгороде Великом. — Мстислав Мстиславич торопецкий, сын Храброго, избавляет Новгород от Всеволода III. — Предсмертные распоряжения Всеволода III. — Кончина его. — Усобица между его сыновьями Константином и Юрием. — Мстислав торопецкий вмешивается в эту усобицу и Липецкою победою дает торжество Константину. — Смерть последнего. — Юрий опять великим князем во Владимире. — События рязанские и новгородские. — Деятельность Мстислава торопецкого в Галиче. — Перемены в Киеве, Чернигове и Переяславле. — Дружина. — Немцы в Ливонии. — Смуты в Новгороде и Пскове. — Войны новгородцев с ямью. — Их заволоцкие походы. — Борьба суздальских князей с болгарами. — Основание Нижнего Новгорода. — Войны с Литвою, ятвягами и половцами. — Татарское нашествие. — Общий обзор событий от кончины Ярослава I до кончины Мстислава торопецкого.

Казалось, что по смерти Ростислава Мстиславича события на Руси примут точно такой же ход, какой приняли они прежде по смерти Всеволода Ольговича: старший стол, Киев, занял Мстислав Изяславич вопреки правам дяди своего Андрея суздальского, точно так же, как отец Мстислава, Изяслав, занял Киев вопреки правам отца Андреева, Юрия; как последний вооружился за это на племянника и несколько раз изгонял его из Киева, так теперь и Андрей вооружается против Мстислава, изгоняет его, берет старшинство — имеем право ожидать продолжения борьбы, которая опять может быть ведена с переменным счастием смотря по тому, поддержится ли союз Андрея с одиннадцатью князьями, удовлетворит ли он их желаниям или нет. Но мы обманываемся совершенно в своих ожиданиях: Андрей не сам привел войска свои к Киеву, не пришел в стольный город отцов и дедов и после, отдал его опустошенный младшему брату, а сам остался на севере, в прежнем месте своего пребывания — во Владимире-на-Клязьме. Этот поступок Андрея был событием величайшей важности, событием *поворотным,* от которого история принимала новый ход, с которого начинался на Руси новый порядок вещей. Это не было перенесение столицы из одного места в другое, потому что на Руси не было единого государя; в ней владел большой княжеский род, единство которого поддерживалось тем, что ни одна линия в нем не имела первенствующего значения и не подчиняла себе другие в государственном смысле, но каждый член рода в свою очередь вследствие старшинства физического имел право быть старшим, главным, великим князем, сидеть на главном столе, в лучшем городе русском — Киеве: отсюда для полноправных князей-родичей отсутствие отдельных волостей, отчин; отчиною для каждого была целая Русская земля; отсюда общность интересов для всех князей, понятие об общей, одинаковой для всех обязанности защищать Русскую землю — эту общую отчину, складывать за нее свои

головы; отсюда то явление, что во все продолжение описанных выше княжеских усобиц пределы ни одной волости, ни одного княжества не увеличивались по крайней мере приметно, на счет других, потому что князю не было выгоды увеличивать волость, которой он был только временным владельцем; мы видели, например, что Изяслав Мстиславич переменил в свою жизнь шесть волостей; какую надобность имел он заботиться об увеличении пределов, об усилении какой-нибудь из них, когда главная забота всей его жизни состояла в борьбе с дядьми за право старшинства, за возможность быть старшим и княжить в Киеве? Или какая надобность была князю Новгорода-Северского заботиться о своей волости, когда он знал, что по смерти дяди своего, князя черниговского, он перейдет в Чернигов и прежнюю свою волость Северскую должен будет уступить двоюродному брату, сыну прежнего князя черниговского? Потом он знал, что и в Чернигове долго не останется, умрет князем киевским, а сына своего оставит в Турове или на Волыни, или в Новгороде Великом; след[овательно], главная цель усобиц была поддержать свое право на старшинство, свое место в родовой лествице, от чего зависело владение тою или другою волостию. Но если верховным желанием, главною заветною целию для каждого полноправного князя-родича было достижение первой степени старшинства в целом роде и если с этою степенью старшинства необходимо связывалось владение лучшим городом на Руси, матерью городов русских — Киевом, то понятно великое значение этого города для князей. Самою крепкою основою для родового единства княжеского было отсутствие отдельности владений, отсутствие отдельной собственности для членов рода, общее право на главный стол; к Киеву стремились самые пламенные желания князей, около Киева сосредоточивалась их главная деятельность; Киев был представителем единства княжеского рода и единства земского, наконец, единства церковного, как местопребывания верховного пастыря русской церкви; Киев, по словам самих князей, был *старшим* городом во всей земле [316]; Изяслав Давыдович не хотел выйти из Киева, «потому что, — говорит летописец [317], — сильно полюбилось ему великое княжение киевское, да и кто не полюбит киевского княжения? Ведь здесь вся честь и слава, и величие, глава всем землям русским Киев; сюда от многих дальних царств стекаются всякие люди и купцы, и всякое добро от всех стран собирается в нем».

И вот нашелся князь, которому не полюбилось киевское княжение, который предпочел славному и богатому Киеву бедный, едва только начавший отстраиваться город на севере — Владимир-Клязменский. Легко понять следствие переворота, произведенного таким поступком Боголюбского:

если б перемена в местопребывании старшего князя произошла с согласия всех князей родичей, если бы Киев для всех них утратил совершенно свое прежнее значение, передал его Владимиру Клязменскому, если б все князья, и северные и южные, и Мономаховичи и Ольговичи, стали теперь добиваться Владимира, как прежде добивались Киева, то и тогда произошли бы большие перемены в отношениях княжеских, и тогда велики были бы следствия этого перенесения главной сцены действия на новую почву, имевшую свои особенности. Но этого не было и быть не могло: для всех южных князей, и для Мономаховичей, и для Ольговичей, Киев не потерял своего прежнего значения; ни один из них не хотел предпочитать далекой и бедной Суздальской земли той благословенной стороне, которая по преимуществу носила название Земли Русской; Киев остался по-прежнему старшим городом Русской земли, и между тем самый старший и самый могущественный князь не живет в нем, но, оставаясь на отдаленном севере, располагает Киевом, отдает его старшему после себя князю; таким образом северный суздальский князь, несмотря на то, что, подобно прежним великим князьям, признается только старшим в роде, является внешнею силою, тяготеющею над Южною Русью, силою отдельною, независимою; и прежде было несколько отдельных волостей — Галицкая, Полоцкая, Рязанская, Городенская, Туровская, но эти волости обособились вследствие изгойства князей их, которые были относительно так слабы, что не могли обнаруживать решительного влияния на дела Руси, но северная Ростовская и Суздальская область обособилась не вследствие изгойства своих князей: князь ее признается первым, старшим в целом роде и, кроме того, материально сильнейшим, обладающим, следовательно, двойною силою; сознание этой особенности, независимости и силы побуждает его переменить обращение с слабейшими, младшими князьями, требовать от них безусловного повиновения, к чему не привыкли князья при господстве неопределенных, исключительно родовых отношений между старшим и младшими; таким образом, родовым отношениям впервые наносится удар, впервые сталкиваются они с отношениями другого рода, впервые высказывается возможность перехода родовых отношений в государственные. Если б северные князья могли постоянно удерживать свое господствующее положение относительно южных, то судьба последних, разумеется, скоро стала бы зависеть от произвола первых, от чего произошло бы необходимо изменение в целом быте Южной Руси, в отношениях ее к Северной. Если же северные князья потеряют на время свою силу, свое влияние на судьбу Южной Руси, то отсюда необходимо произойдет окончательное разделение обеих половин Руси, имеющих теперь каждая свое особое средоточие,

свою особую сферу. Но легко понять, что это отделение Северной Руси от Южной будет гораздо богаче последствиями, чем, например, отделение небольших волостей — Галицкой, Полоцкой или Рязанской; теперь отделится обширная область с особым характером природы, народонаселения, с особыми стремлениями, особыми гражданскими отношениями. То важное явление, которое послужило поводом к разделению Южной и Северной Руси, именно поступок Боголюбского, когда он не поехал в Киев, остался на севере и создал себе там независимое, могущественное положение, давшее ему возможность переменить прежнее поведение старшего князя относительно младших, — это явление будет ли иметь следствия, повторится ли оно, станут ли старшие князья подражать Боголюбскому, станет ли каждый оставаться в своей прежней волости, ее увеличивать, усиливать, создавать для себя в ней независимое, могущественное положение и, пользуясь этим могуществом, изменять родовые отношения к младшим или слабейшим князьям в государственные? И в какой именно части Руси, в Южной или Северной, пример Боголюбского окажется плодотворным, найдет подражателей?

В южной половине Руси он не нашел подражателей, здесь не умели и не хотели понять важности этого явления, не могли подражать ему, здесь самые доблестные князья обнаружили отчаянное сопротивление ему, здесь старые предания были слишком сильно укоренены, здесь ни один князь не обладал достаточною материальною силою, для того чтоб создать для себя независимое и могущественное положение в своей волости; здесь при борьбе разных племен (линий) Ярославова потомства за старшинство это старшинство и стол киевской обыкновенно доставались старшему в том племени, которое одерживало верх; власть великого князя была крепка не количеством волостей, но совокупною силою всей родовой линии, которой он был старшим; он не поддерживался этою совокупною силою и раздавал ближайшие к Киеву города своим сыновьям, братьям, племянникам, что было для него все равно или даже еще выгоднее, чем раздавать их посадникам: посадник скорее мог отъехать к чужому князю, чем князь изменить своему племени и его старшему; наконец, утверждению нового порядка вещей на юге препятствовали разные другие отношения, основанные или по крайней мере развивавшиеся, укреплявшиеся в силу родовых отношений княжеских, — мы говорим об отношениях к дружине, городам, войску, составленному из пограничного варварского народонаселения, известного под именем черных клобуков и т. п. Но другое дело на севере: здесь была почва новая, девственная, на которой новый порядок вещей мог приняться гораздо легче и, точно, принялся, как увидим

впоследствии; здесь не было укорененных старых преданий о единстве рода княжеского; север начинал свою историческую жизнь этим шагом князя своего к новому порядку вещей; Всеволод III наследует стремления брата своего; все князья северные происходят от этого Всеволода III, следовательно, между ними новое предание о княжеских отношениях есть предание родовое, предание отцовское и дедовское, но главное обстоятельство здесь было то, что новым стремлениям князей на севере открывалось свободное поприще, они не могли встретить себе препятствий в других отношениях, в отношениях к народонаселению страны. Мы видели, какое значение имели города при родовых счетах и усобицах княжеских, какое влияние оказывали они на исход этих усобиц, на изменения в этих счетах; мы видели значение Киева при нарушении прав Святославова племени в пользу Мономаха и сыновей его, видели, как по смерти Всеволода Ольговича киевляне объявили, что не хотят переходить к его брату, как будто по *наследству,* следовательно, зовя Мономаха к себе на стол и передавая этот стол сыновьям его мимо черниговских, киевляне не хотели утвердить прав наследства в одном каком-нибудь племени, вообще были против наследства; в Полоцке мы видели также явления в этом роде, увидим такие же явления и в Смоленске; следовательно, если бы на юге какой-нибудь князь захотел ввести новый порядок вещей относительно счетов по волостям, то встретил бы сильное сопротивление в городах, которое вместе с сопротивлением многочисленной толпы князей-родичей помешало бы ему достигнуть своей цели. Но существовало ли это препятствие на севере? Господствовали ли там те неопределенные отношения между князьями и гражданами, какие существовали в старых городах, старых общинах, какие были остатком прежних родовых отношений народонаселения к старшинам и поддерживались родовыми отношениями, беспрестанными переходами и усобицами князей-Рюриковичей? Здесь, на севере, в обширной области, граничащей, с одной стороны, с областями, принадлежавшими изгнанной линии Святославичей, а с другой — соприкасавшейся с владениями Великого Новгорода, в этой суровой и редко населенной стране находился только один древний город, упоминаемый летописцем еще до прихода варягов, — то был Ростов Великий, от которого вся окружная страна получила название земли Ростовской Скоро начали возникать около него города новые. сын Мономаха, Юрий, особенно прославил себя как строитель неутомимый [318], но мы знаем, что города новопостроенные входили к древним в отношении младших к старшим, становились их пригородами и должны были находиться в их воле; отсюда младшие города или пригороды не имели самостоятельного быта и во всем зависели от

решения старших, которые для их управления посылали своего посадника или тиуна, эта зависимость выражается в летописи так: «на чем старшие положат, на том и пригороды станут». Ясно, что если в этих младших городах, не имевших самостоятельности, привыкших повиноваться вечевым приговорам старших, князь утвердит свой стол, то власть его будет развиваться гораздо свободнее, при этом не забудем, что в Ростовской области все эти новые города были построены и населены князьями; получив от князя свое бытие, они необходимо считали себя его собственностию. Таким образом на севере, в области Ростовской, вокруг старых вечников, вокруг одинокого Ростова, князь создал себе особый мир городов, где был властелином неограниченным, хозяином полновластным, считал эти города своею собственностию, которою мог распоряжаться: неудивительно после того, что здесь явился первый князь, которому летописец приписывает стремление к единовластию, неудивительно, что здесь впервые явились понятия об отдельной собственности княжеской, которую Боголюбский поспешил выделить из общей родовой собственности Ярославичей, оставив пример своим потомкам, могшим беспрепятственно им воспользоваться. Если вникнем в свидетельство летописи о различии старых и новых городов, о торжестве последних над единственным из первых на севере, если вникнем в ту противоположность и враждебность, какая обнаружилась впоследствии между городами Северо-Восточной и городами Западной России, если вникнем в быт западнорусских городов в период литовского владычества, быт, явно носящий следы древности и не сходный с бытом городов северо-восточных, то, конечно, не усумнимся уступить этому различию важное влияние на быт Северо-Восточной и потом на быт России вообще; если нам укажут вначале и на северо-востоке такие же явления, какие видим на западе и юге, то мы спросим: почему же эти явления, происходившие на северо-востоке вследствие известных благоприятных обстоятельств, не повторились, остались без следствий? Ясно, что почва здесь была не по них. Наконец, не забудем обратить внимание на указанное выше[319] различие между Северною и Южною Русью, различие в характере ее народонаселения; это различие необходимо содействовало также установлению нового порядка вещей на севере, содействовало тому значению, какое имела северная Суздальская волость для остальных частей России.

Мы видели второго сына Юриева, Андрея, во время борьбы отца его с племянником своим Изяславом Мстиславичем за старшинство, за Киев: он выдавался здесь своею необыкновенною храбростию, любил начинать битву впереди полков, заноситься на ретивом коне в середину вражьего войска, пренебрегать опасностями, но в то же время видно

было в нем какое-то нерасположение к югу, к собственной Руси, влечение к северу, что резко отличало его от отца и других братьев, разделявших со всеми остальными Ярославичами любовь к Киеву; когда Юрий, проигравши свое дело на юге, все еще не хотел расстаться с ним, медлил исполнить требования брата и племянника, объявивших, что не могут жить с ним вместе, Андрей спешил впереди отца на север, утверждая, что на юге уже больше делать нечего. Потом, когда Юрий по смерти старшего брата и племянника окончательно утвердился в Киеве и посадил Андрея подле себя в Вышгороде [320], то он не просидел и году в своей южной волости, без отцовского позволения ушел на север, который после никогда уже не оставлял. Для объяснения этого явления заметим, что Андрей, бесспорно и родившийся на севере [321], провел там большую половину жизни и ту именно половину, впечатления которой ложатся крепко на душу человека и никогда его не покидают; Юрий жил уже не в Ростове, а в Суздале, городе относительно новом, подчиненном; Андрей, как видно, получил от отца в волость Владимир-на-Клязьме; следовательно, он воспитывался и окреп в новой среде, при тех отношениях, которые господствовали в новых городах или пригородах ростовских Уже только в 1149 году, лет 30 с лишком от рождения, пришел Андрей на юг, в Русь, с полками отца своего; он привык к северу, к тому порядку вещей, который там господствовал: не мудрено, что не понравился ему юг, что чужд, непонятен и враждебен показался ему порядок вещей, здесь существовавший. На юге все князья с ранней молодости привыкли жить в общем родовом кругу, видеться друг с другом в челе полков и во время мирных совещаний; живя вблизи друг от друга, находясь в беспрерывных сношениях, с ранней молодости привыкали деятельно участвовать во всех родовых столкновениях и принимать к сердцу все родовые счеты и распри, находя в этом самый главный, самый живой интерес. Но Андрей 30 с лишком лет прожил на севере, в одной своей семье, в удалении от остальных племен (линий) княжеских, редко видясь, мало зная в лице остальных князей родственников своих, близких и дальних; издали только доносились до него слухи о событиях из этого чуждого для него мира; таким образом, вследствие долговременного удаления для Андрея необходимо должна была ослабеть связь, соединявшая его с остальными родичами, почему приготовлялась для него возможность явиться впоследствии таким старшим князем, который станет поступать с младшими не по-родственному; но мало одного удаления: Андрея отделяла от южных родичей и самых близких, от двоюродных братьев Мстиславичей вражда; он привык смотреть на них как на заклятых врагов, которые старались отнять у отца его и у всей

семьи Юрия должное ей значение. Это отчуждение, холодность относительно всех родичей, вражда к Мстиславичам и отчуждение от юга вообще не могли измениться, когда Андрей явился на Руси, где, как мы видели, отец и вся семья его не могли приобрести народного расположения, когда вследствие этого было так мало надежды скоро или даже когда-нибудь занять старший стол и удержать его. После всего этого неудивительно покажется нам удаление Андрея из Вышгорода на север: здесь он утвердился в своей прежней волости, Владимире Клязменском [322], и во все остальное время отцовской жизни не был князем главных северных волостей, ни Ростова, ни Суздаля, потому что все северные волости вообще Юрий хотел оставить младшим сыновьям своим, а старших испоместить на юге, в собственной Руси, и, как видно, города при жизни Юрия не хотели прямо восстать против его распоряжения. Но как скоро Юрий умер, то ростовцы и суздальцы, посоветовавшись вместе, взяли к себе в князья Андрея и посадили его в Ростове на отцовском столе и в Суздале [323]. Из этого известия летописца мы видим ясно, что жители Ростова, как жители других старых городов, не считали своею обязанностию исполнить волю покойного князя, отдавшего их волость младшим сыновьям своим; думали, что имеют право выбирать кого хотят в князья. Андрей принял стол ростовский и суздальский, но утвердил свое пребывание в прежней волости — Владимире [324], его украшал по преимуществу, в нем хотел даже учредить особую митрополию для Северной Руси, чтоб дать ей независимость от Южной и в церковном отношении, зная, какое преимущество будет сохранять Киев, если в нем будет по-прежнему жить верховный пастырь русской церкви. Такое поведение Андрея не могло нравиться ростовцам, его поведение не нравилось, как видно, почему-то и старым боярам отцовским; как видно, Андрей не жил с ними по-товарищески, не объявлял им всех своих дум, к чему привыкли бояре в старой Руси; предлог к смуте недовольные могли найти легко: Андрей овладел волостью вопреки отцовскому распоряжению; младшие Юрьевичи, которым отец завещал Суздальскую землю, жили там, их именем недовольные могли действовать, и вот Андрей гонит с севера своих младших братьев, этих опасных соперников — Мстислава, Василька и Всеволода, которые отправились в Грецию [325]; мы видели, что двое других Юрьевичей имели волости на юге: Глеб княжил в Переяславле, Михаил, как видно, — в Торческе; скоро Всеволод Юрьевич с племянниками Ростиславичами возвратился также из Греции и, по некоторым известиям [326], княжил в Городце Остерском. Вместе с братьями Андрей выгнал племянников своих от старшего брата Ростислава; наконец, выгнал старых отцовских бояр, мужей отца своего, передних,

по выражению летописца; он это сделал, продолжает летописец, желая быть самовластцем во всей Суздальской земле. Но при этом необходимо рождается вопрос: если ростовцы и суздальцы были недовольны, если передние мужи были недовольны, если братья княжеские были недовольны, то какая же сила поддерживала Андрея, дала ему возможность, несмотря на неудовольствие ростовцев и суздальцев, выгнать братьев, выгнать бояр и сделаться самовластцем? Необходимо должно предположить, что сила его утверждалась на повиновении младших, новых городов или пригородов. Андрей, как видно, хорошо понимал, на чем основывается его сила, и не оставил этих новых городов, когда войска его взяли самый старший и самый богатый из городов русских — Киев.

Глеб Юрьевич, посаженный племянником в Киеве, не мог княжить здесь спокойно, пока жив был изгнанный Мстислав Изяславич. Последний начал с ближайшего соседа своего, Владимира Андреевича дорогобужского, который, как мы видели, был союзником Юрьевичей при его изгнании; с братом Ярославом и с галичанами приступил Мстислав к Дорогобужу, стал биться около города, но, несмотря на болезнь Владимира Андреевича, который не мог лично распоряжаться своим войском, несмотря на то, что Глеб киевский вопреки своему обещанию не дал ему никакой помощи, Мстиславу не удалось взять Дорогобуж: он должен был удовольствоваться опустошением других, менее крепких городов Владимировых и возвратился к себе домой. Скоро Владимир Андреевич умер, как видно, не оставив детей, но волости его уже дожидался безземельный князь Владимир Мстиславич, приехавший с северо-востока и живший теперь в волынском городе Полонном, который принадлежал киевской Десятинной церкви. Узнав о смерти Андреевича, он явился перед Дорогобужем, но дружина покойного князя не пустила его в город, тогда он послал сказать ей: «Целую крест вам и княгине вашей, что ни вам, ни ей не сделаю ничего дурного»; поцеловал крест, вошел в город и тотчас же позабыл свою клятву, потому что, говорит летописец, был он вертляв между всею братьею; он накинулся на имение, на стада и на села покойного Андреевича и погнал княгиню его из города. Взявши тело мужа своего, она отправилась в Вышгород, откуда хотела ехать в Киев, но князь Давыд Ростиславич не пустил ее: «Как я могу отпустить тебя, — говорил он, — ночью пришла мне весть, что Мстислав в Василеве; пусть кто-нибудь пойдет с телом из дружины». Но дружина дорогобужская отвечала ему на это: «Князь! Сам ты знаешь, что мы наделали киевлянам, нельзя нам идти, убьют нас». Тогда игумен Поликарп сказал Давыду: «Князь! Дружина его не едет с ним, так отпусти кого-нибудь из своей, чтоб было

кому коня повести и стяг (знамя) понести». Но Давыду не хотелось отпускать своей дружины в такое опасное время, он отвечал Поликарпу: «Его стяг и почесть отошли вместе с душою, возьми попов борисоглебских, и ступайте одни». Поликарп отправился и вместе с киевлянами похоронил Владимира в Андреевском монастыре.

Между тем Мстислав с большою силою, братом Ярославом, полками галицкими, туровскими и городенскими, пошел к черным клобукам, соединившись с ними, отправился к Триполю, оттуда к Киеву и беспрепятственно вошел в него, потому что Глеб был в это время в Переяславле по делам половецким. Первым делом Мстислава по занятии Киева был ряд с союзниками своими, которые помогли ему овладеть опять старшим столом; тут же договорился он и с Владимиром Мстиславичем: как видно из последующих известий, Владимир отказался искать Киева не только под Мстиславом, но и под братом его Ярославом и под сыновьями, за что племянники позволили ему остаться в Дорогобуже; о содержании договоров с другими союзниками ничего неизвестно; заключен был ряд с киевлянами, также и с черными клобуками, но последние по обычаю только обманывали князей. Урядившись со всеми, Мстислав пошел к Вышгороду и стал крепко биться с осажденными; те не уступали, потому что у князя их, Давыда, было много своей дружины, да братья прислали ему помощь, князь Глеб прислал также тысяцкого своего с отрядом; кроме того, были у него половцы дикие и свои берендеи, тогда как союзники Мстислава начали расходиться; первый ушел галицкий воевода Константин с своими полками, он послал сказать Мстиславу: «Князь Ярослав велел мне только пять дней стоять под Вышгородом, а потом идти домой». Мстислав велел отвечать ему на это: «Брат Ярослав мне так говорил: пока не уладишься с братьею, до тех пор не отпускай полков моих от себя». Тогда Константин написал ложную грамоту, в которой будто бы князь Ярослав приказывал ему возвратиться, и ушел с галичанами; по некоторым очень вероятным известиям Константин был подкуплен Давыдом вышегородским [327]; иначе трудно объяснить причину его поступка. По удалению галичан Мстислав отступил к Киеву и стал перед Золотыми воротами, в огородах, а из Вышгорода выезжали половцы с берендеями и наносили большой вред его полкам. Видя, что союзники его все расходятся, изнемогли от упорного боя, и слыша, с другой стороны, что Глеб с половцами переправляется через Днепр, а к Давыду пришли еще вспомогательные отряды, Мстислав созвал на совет братью; те сказали: «от нас войско расходится, а к тем приходит свежее, черные клобуки нас обманывают: нельзя нам дольше стоять, поедем лучше в свои волости и, отдохнувши немного, возвратимся назад». Мсти-

слав видел, что князья говорят правду, и пошел на Волынь. выдержавши на дороге перестрелку с половцами, которых Давыд послал за ним в погоню. Половцы не могли нанести большого вреда Мстиславу, но зато сильно опустошили страну, чрез которую проходили; племянник Мстислава, Василько Ярополкович, сидевший в Михайлове, одном из городов поросских, хотел было ударить на него нечаянно, но потерял только дружину и едва сам успел убежать в свой город, где скоро был осажден Глебом с тремя Ростиславичами: Рюриком, Давыдом и Мстиславом; союзники сожгли Михайлов, раскопали ров, а Василька отпустили в Чернигов.

Мстислав обещал, отдохнувши немного, возвратиться опять к Киеву, но не мог исполнить своего обещания: в августе 1170 года он сильно разболелся и послал за братом Ярославом, чтоб урядиться с ним насчет детей своих; Ярослав поклялся ему, что не отнимет у них волости, после чего Мстислав скоро умер [328], не успевши, подобно отцу, удержать старшинства пред дядьми. Неизвестно, что заставило Ярослава отказаться от Владимира в пользу племянников и остаться в прежней волости своей Луцке, хотя старшинство в племени осталось за ним: мы увидим после, что он располагал силами всей Волынской земли и явился представителем племени, удерживая свое право на Киев; мы видели примеры, как волости переменяли иногда свое значение смотря по обстоятельствам, как, например, киевский князь сажал старшего сына в Вышгороде или Белгороде, а младшего в Переяславле; с другой стороны, Мстислав добыл силою себе Владимир и отстоял его от Юрия и его союзников, следовательно, имел полное право требовать от брата, чтоб он уже не отнимал у племянников волости, которую отец их добыл *головою*. Глеб Юрьевич киевский не долго пережил своего соперника: он умер в следующем 1171 году, оставив по себе добрую память братолюбца, свято сохранявшего клятвы. Преемником его в Киеве был князь, отличавшийся противоположным свойством, — именно Владимир Мстиславич. Трое Ростиславичей, сидевших около Киева, послали звать его как дядю на старший стол; все Ростиславичи, следуя отцовскому примеру, уважали старшинство, притом не имели пред Владимиром того преимущества, какое имел Мстислав, т. е. старшинства физического, наконец, им выгоднее было видеть в Киеве Владимира, чем Изяславича, с которым были в явной вражде. Таким образом, Владимир, так долго безземельный, изгнанный отовсюду, вдруг благодаря обстоятельствам получил возможность сесть в Киеве; тайком от остальных волынских князей — Ярослава с племянниками, которым прежде поклялся не искать старшинства, Владимир уехал в Киев, оставив Дорогобуж сыну Мстиславу, но счастие его и тут было непродолжительно:

Киев был уже теперь в зависимости от северного князя Андрея Боголюбского, которому, говорит летописец, было нелюбо, что Владимир сел в Киеве; он послал сказать ему, чтоб шел оттуда, а на его место приказывал идти Роману Ростиславичу смоленскому; он мог сердиться на Владимира и за то, что тот вступил в союз с Изяславичами волынскими, и за то, что сел без его позволения в Киеве; родных младших братьев своих он не любил по известным причинам и был расположен к одним Ростиславичам, которые признали его старшинство и крепко до сих пор держались его: «Вы назвали меня отцом, — велел он сказать им, — так я хочу вам добра и даю брату вашему Роману Киев». Так скоро обнаружились уже те следствия, какие должны были произойти для Южной Руси от усиления Северной, которой самовластец вместо всех родовых прав поставлял свой произвол и таким образом перепутывал все прежние родовые счеты: по родовым правам Киев прежде всего принадлежал Владимиру Мстиславичу, потом младшим братьям Андрея, если он сам не хотел сидеть в нем, наконец Ярославу Изяславичу луцкому, но Андрей мимо всех этих князей отдает его Ростиславичу. Смерть избавила Владимира от изгнания: он умер в Киеве, побывши только четыре месяца старшим князем: «Много перенес он бед, — говорит летописец, — бегая от Мстислава то в Галич, то в Венгрию, то в Рязань, то к половцам, но все по своей вине, потому что неустойчив был в крестном целовании».

Роман по приказу Андрея приехал в Киев и был принят всеми людьми с радостию, но радость эта не могла быть продолжительна: мы видели, как самовластно начал обходиться Андрей с младшими, южными князьями, изгоняя одного из Киева, посылая другого на его место, не разбирая прав их. Ростиславичи молчали, когда это самовластие было в их пользу, но скоро и они должны были увидать необходимость или беспрекословно исполнять все приказания Андрея, или вступить с ним в отчаянную борьбу за старые права родичей В этой борьбе Ростиславичей с Юрьевичами высказалась противоположность характеров северных и южных князей, противоположность их стремлений. До сих пор мы были свидетелями борьбы или вследствие изгойства, когда князья-сироты по отсутствию отчинности лишались волостей и принуждены бывали добывать их силою, или борьба шла за старшинство между различными племенами (линиями), или в одном племени между дядьми и племенниками Борьба за старшинство в племени Мономаховом, во время которой нельзя не заметить также борьбы между Северною и Южною Русью, оканчивается, собственно, взятием Киева войсками Боголюбского, торжеством Северной Руси над Южною; с этих пор потомство старшего сына Мстислава Вели-

кого, Изяслава, сходит со сцены в борьбе за старшинство, в которой до этого времени играло главную роль, и удаляется на запад, где начинает играть другую роль, не менее блестящую. Ему на смену в борьбе с князьями северными, или Юрьевичами, выступает потомство второго сына Мстислава Великого, Ростислава, но эта третья борьба наших князей носит опять новый характер: здесь борются не безземельные князья, изгои, для того чтоб получить волости, борьба идет и не за старшинство, но князья южные, или Ростиславичи, борются за старый порядок вещей, за старую Русь, за родовые отношения, которые хотят упразднить Юрьевичи. В этой многозначительной борьбе оба враждебные племени или, лучше сказать, обе Руси, выставляют каждая по двое князей для борьбы: Русь старая, Ростиславичи, выставляют двоих Мстиславов — отца и сына; новая, Северная Русь имеет представителями двоих братьев Юрьевичей — Андрея Боголюбского и Всеволода III.

Андрею дали знать, что брат его Глеб умер в Киеве насильственною смертию и указали убийц: Григория Хотовича, бывшего, как мы видели, тысяцким у Глеба, потом какого-то Степанца и Олексу Святославича; Андрей мог легко поверить извету, зная, как не терпели Юрьевичей на юге[329], и потому прислал сказать Ростиславичам: «Выдайте мне Григория Хотовича, Степанца и Олексу Святославича — это враги всем нам, они уморили брата моего Глеба». Ростиславичи, считая, как видно, донос на бояр неосновательным, не послушались Андрея, но только отпустили от себя Григория Хотовича. Тогда Андрей послал сказать Роману: «Не ходишь в моей воле с братьями своими, так ступай вон из Киева, Давыд — из Вышгорода, Мстислав — из Белгорода; ступайте все в Смоленск и делитесь там, как хотите». Сильно обиделись Ростиславичи, что Андрей гонит их из русской земли и отдает Киев брату своему, Михаилу; старший из них, Роман, не хотел противиться и выехал в Смоленск, но остальные братья не выезжали из своих волостей; боясь, как видно, их, и Михаил не ехал из Торческа в Киев, а послал туда младшего брата Всеволода с племянником Ярополком Ростиславичем. Уже пять недель сидел Всеволод в Киеве, когда Ростиславичи — Рюрик, Давыд и Мстислав — послали сказать Андрею: «Брат! Мы назвали тебя отцом себе, крест тебе целовали и стоим в крестном целовании, хотим тебе добра, но вот теперь брата нашего, Романа, ты вывел из Киева и нам путь кажешь из Русской земли без нашей вины: так пусть рассудит нас бог и сила крестная». Не получивши на это никакого ответа, Ростиславичи, сговорившись, въехали тайно ночью в Киев, схватили Всеволода Юрьевича, племянника его Ярополка, всех бояр их и посадили в Киеве брата своего Рюрика. Потом отправились они

к Торческу на Михаила: тот держался шесть дней, а на седьмой помирился с Ростиславичами, обещал быть с ними заодно против Андрея и Святослава черниговского, за что Ростиславичи обещали добыть ему к Торческу Переяславль, где сидел молодой племянник его, Владимир, сын покойного Глеба; брат Михаилов, Всеволод, был выпущен из плена, но племянник Ярополк удержан и брат его, Мстислав, выгнан из своей волости Треполя [330].

Услышав об этих происшествиях на юге, Андрей сильно рассердился, чему очень обрадовались Ольговичи черниговские: они послали к Андрею подущать его на Ростиславичей, велели сказать ему: «Кто тебе враг, тот и нам; мы готовы идти с тобою». Андрей, говорит летописец, принял совет их, исполнился высокоумия, сильно рассердился, надеясь на плотскую силу, огородившись множеством войска, разжегся гневом, призвал мечника своего Михна и наказал ему: «Поезжай к Ростиславичам и скажи им: не хóдите в моей воле, так ступай же ты, Рюрик, в Смоленск к брату, в свою отчину; Давыду скажи: ты ступай в Берлад, в Русской земле не велю тебе быть; а Мстиславу молви: ты всему зачинщик, не велю тебе быть в Русской земле». Мстислав, по словам летописца, смолоду привык не бояться никого, кроме одного бога: он велел Андрееву послу остричь перед собою голову и бороду и отослал его назад к Андрею с такими словами: «Ступай к своему князю и скажи от нас ему: мы до сих пор почитали тебя, как отца, по любви, но если ты прислал к нам с такими речами не как к князю, но как к подручнику и простому человеку, то делай, что замыслил, а бог нас рассудит». Роковое слово *подручник,* в противоположность князю, было произнесено, южные князья поняли перемену в обхождении с ними северного самовластца, поняли, что он хочет прежние родственные отношения старшего к младшим заменить новыми, подручническими, не хочет более довольствоваться только тем, чтоб младшие имели его, как отца, по любви, но хочет, чтоб они безусловно исполняли его приказания, как подданные. Андрей опал в лице, когда услышал от Михна ответ Мстиславов, и велел тотчас же собирать войско: собрались ростовцы, суздальцы, владимирцы, переяславцы, белозерцы, муромцы, новгородцы и рязанцы; Андрей счел их и нашел 50 000, он послал с ними сына своего, Юрия, да воеводу Бориса Жидиславича с таким наказом: «Рюрика и Давыда выгоните из моей отчины, а Мстислава схватите и, не делая ему ничего, приведите ко мне». Умен был князь Андрей, говорит летописец, во всех делах и доблестен, но погубил смысл свой невоздержанием и, распалившись гневом, сказал такие дерзкие слова. Когда рать Андреева шла мимо Смоленска, то князь тамошний, Роман, принужден был отпустить с нею свои полки и сына на род-

ных братьев, потому что был в руках Андреевых; князьям полоцким, туровским, пинским и городенским так же велено было идти всем; в земле Черниговской присоединились к Андреевой рати Ольговичи, потом подошли Юрьевичи, Михаил и Всеволод, племянники их Мстислав и Ярополк[331] Ростиславичи, Владимир Глебович из Переяславля, берендеи, Поросье; всех князей было больше двадцати. Они перешли Днепр и въехали в Киев беспрепятственно, потому что Ростиславичи не затворились в этом городе, но разъехались каждый в свои прежние волости: Рюрик затворился в Белгороде, Мстислава с Давыдовым полком затворили в Вышгороде, а сам Давыд поехал в Галич просить помощи у князя Ярослава. Старшим летами и племенем между всеми союзными князьями был Святослав Всеволодович черниговский, почему и получил главное начальство над всею ратью; он отрядил сперва к Вышгороду Всеволода Юрьевича с Игорем Святославичем северским и другими младшими князьями. Когда они подошли к городу, то Мстислав Ростиславич выстроил свои полки и выехал против неприятеля; с обеих сторон сильно желали боя, и стрельцы уже начали свое дело; Андреева рать была расположена тремя отделами: с одной стороны, стояли новгородцы, с другой — ростовцы, а в середине их — Всеволод Юрьевич с своим полком; Мстислав, видя, что его стрельцы смешались уже с неприятельскими ратниками, погнал вслед за ними, закричал дружине: «Братья! Ударим с божиею помощию и святых мучеников Бориса и Глеба». Они смяли средний полк Всеволодов и смешались с неприятелем, который обхватывал со всех сторон малочисленную дружину; встало страшное смятение, говорит летописец, слышались стоны, крики, какие-то странные голоса, раздавался треск копий, звук мечей, в густой пыли нельзя было различить ни конного, ни пешего; наконец после сильной схватки войска разошлись, много было раненых, но мертвых немного. После этой битвы младших князей подступили к Вышгороду все остальные старшие со своими полками; каждый день делались приступы; Мстислав много терял своих добрых воинов убитыми и ранеными, но не думал о сдаче. Таким образом, девять недель стояли уже князья под Вышгородом, когда явился Ярослав Изяславич луцкий со всею Волынскою землею; он пришел искать себе старшинства, но Ольговичи не хотели уступить ему Киева. Тогда он завел переговоры с Ростиславичами: те уступили ему Киев, и он отправился к Рюрику в Белгород. Страх напал на Андреевых союзников, они говорили, что Ростиславичи непременно соединятся с галичанами и черными клобуками и нападут на них; в войске наступило страшное смятение, и, не дождавшись света, все бросилось переправляться через Днепр, причем много людей перетонуло. Мстислав,

увидевши всеобщее бегство, выехал с дружиною из Вышгорода и ударил на неприятельский стан, где взял много пленников. Так возвратилась вся сила Андрея, князя суздальского, говорит летописец; собрал он все земли и войску его не было числа; пришли они с высокомыслием и со смирением отошли в домы свои. Причина такого неожиданного успеха Ростиславичей ясна из рассказа летописца. Огромная рать пришла в надежде на верный успех и с первого же раза увидала, что успех этот должен быть куплен большим трудом — это уже одно обстоятельство должно было произвести упадок духа в войске осаждающих; известно из последующих событий, что северное народонаселение вовсе не отличалось воинским духом; смоленские полки бились поневоле; нельзя думать, чтоб и новгородцы сражались с большою охотою, равно как и князья полоцкие, туровские, пинские, городенские, которым решительно было все равно, кто победит — Андрей или Ростиславичи; Юрьевичи не могли усердно сражаться в угоду брату, с которым вовсе не были в дружеских отношениях, особенно когда видели, что двое князей — черниговский и волынский — спорят, кому должен достаться Киев; можно думать, что Андрей обещал Киев Святославу черниговскому, а если не обещал никому, то ни один из князей не знал, кто воспользуется победою суздальского князя над Ростиславичами, на кого из них северный самовластец бросит благосклонный взгляд, то ясно, как это незнание должно было ослаблять усердие князей; и вот когда увидали, что волынский князь перешел на сторону Ростиславичей, когда, следовательно, он с Рюриком мог ударить на осаждающих, с одной стороны, от Белгорода, Мстислав — из Вышгорода, Давыд мог явиться с галицкою помощью и черные клобуки перейти на сторону Ростиславичей, то неудивительно, что ужас напал на сборную Андрееву рать, и она бросилась бежать за Днепр [332].

Ростиславичи после победы исполнили свое обещание, положили старшинство на Ярослава и дали ему Киев, но он недолго сидел здесь спокойно: Святослав Всеволодович черниговский прислал сказать ему: «Вспомни прежний наш уговор, на чем ты мне целовал крест; ты мне говорил: если я сяду в Киеве, то я тебя наделю, если же ты сядешь в Киеве, то ты меня надели; теперь ты сел — право ли, криво ли — надели же меня». Ярослав велел отвечать ему: «Зачем тебе наша отчина? Тебе эта сторона не надобна». Святослав прислал опять сказать ему на это: «Я не венгерец и не лях, мы все одного деда внуки, и сколько тебе до него, столько же и мне (т. е. я имею одинаковую с тобой степень старшинства на родовой лествице); если не хочешь исполнять старого договора, то твоя воля». В то время, когда Мстиславичи боролись с новыми стремлениями, явившимися на

севере, отстаивали родовые отношения между старшим князем и младшими, в то самое время, с другой стороны, они должны были вести борьбу с князем, для которого они сами являлись нововводителями, нарушителями старого порядка вещей, с князем, который стоит не только за родовые отношения между старшим и младшими князьями, но напоминает об единстве всего потомства Ярославова, борется за общность владения всею Русскою землею, тогда как Мстиславичи хотят удержать Киев навсегда за собою. Черниговский князь, видя, что Ярослав не хочет вспоминать старинных уговоров, решился по примеру отца и дяди попытаться силою овладеть Киевом; время было благоприятное: Андрей утратил свое влияние на юг; Ростиславичи, силою обстоятельств вынужденные признать старшинство Ярослава, равнодушны к нему, Юрьевичи также; и вот Святослав, соединясь с братьею, явился нечаянно под Киевом; Ярослав, боясь затвориться в городе один, побежал в Луцк, а черниговский князь въехал в Киев, захватил все имение Ярославово, жену его, сына, всю дружину и отослал в Чернигов. Но он сам не мог долго оставаться в Киеве, потому что двоюродный брат его, Олег Святославич, напал на Черниговскую волость, желая, как видно, быть здесь преемником Святослава. Но последний, занявши Киев нечаянно (изъездом), не надеялся окончательно утвердиться здесь, боялся судьбы Изяслава Давыдовича и потому не хотел уступить прежней волости двоюродному брату: он пошел на Олега, пожег его волость, наделал по обычаю много зла, а между тем Ярослав, узнав, что Киев стоит без князя, приехал опять и в сердцах задумал взять на киевлянах то, что отнято было у него Святославом: «Вы подвели на меня Святослава, — сказал он им, — так промышляйте, чем выкупить княгиню и сына». Когда киевляне не знали, что ему на это отвечать, то он велел грабить весь Киев, игуменов, попов, монахов, монахинь, иностранцев, гостей, даже кельи затворников. Святослава было ему нечего бояться: тот, сбираясь идти на Олега, помирился с Ярославом, чтоб свободнее защищать свою верную волость. В это время Ростиславичи вошли опять в сношения с Андреем: они, вероятно, знали или по крайней мере должны были догадываться, как неприятно смотрел он на то, что Киев достался опять враждебному племени Изяславичей, которое не думало признавать его старшинства, и потому решились послать к нему с просьбою, чтобы помог овладеть Киевом опять брату их Роману, против которого он не мог питать вражды: «Подождите немного, — велел отвечать им Андрей, — послал я к братье своей в Русь; как придет мне от них весть, тогда дам вам ответ». Из этих слов видно, что Андрей не хотел оставлять в покое юга, сносился с братьями, вероятно, замышляя там новые перемены, и Ростиславичи

спешили хлопотать о том, чтоб эти перемены были к их выгоде Но Андрей не дождался вестей от братьев.

Мы видели, что Андрей выгнал из своей волости старых бояр отцовских и окружил себя новыми, видели также, каким повелительным тоном говорил Андрей даже и с князьями: можем заключить, что он был повелителен и строг с окружавшими его; так, он казнил смертью одного из ближайших родственников своих по жене, Кучковича; тогда брат казненного, Яким, вместе с зятем своим Петром и некоторыми другими слугами княжескими решился злодейством освободиться от строгого господина. Мы знаем также, что русские князья принимали к себе в службу пришельцев из разных стран и народов; Андрей подражал в этом отношении всем князьям, охотно принимал пришельцев из земель христианских и нехристианских, латинов и православных, любил показывать им свою великолепную церковь Богоматери во Владимире, чтоб иноверцы видели истинное христианство и крестились, и многие из них крестились действительно В числе этих новокрещенных иноземцев находился один яс, именем Анбал: он пришел к Андрею в самом жалком виде, был принят в княжескую службу, получил место ключника и большую силу во всем доме; в числе приближенных к Андрею находился также какой-то Ефрем Моизич, которого отчество — Моизич, или Моисеевич, указывает на жидовское происхождение. Двое этих-то восточных рабов выставлены летописцем вместе с Кучковичем и зятем его, как зачинщики дела, всех же заговорщиков было двадцать человек; они говорили: «Нынче казнил он Кучковича, а завтра казнит и нас, так промыслим об этом князе!» Кроме злобы и опасения за свою участь, заговорщиков могла побуждать и зависть к любимцу Андрееву, какому-то Прокопию. 28 июня 1174 года, в пятницу, в обеднюю пору, в селе Боголюбове, где обыкновенно жил Андрей, собрались они в доме Кучкова зятя, Петра, и порешили убить князя на другой день, 29 числа, ночью. В условленный час заговорщики вооружились и пошли к Андреевой спальне, но ужас напал на них, они бросились бежать из сеней, зашли в погреб, напились вина и, ободрившись им, пошли опять на сени. Подошедши к дверям спальни, один из них начал звать князя: «Господин! Господин!», чтоб узнать, тут ли Андрей. Тот, услышавши голос, закричал: «Кто там?» Ему отвечали: «Прокопий» «Мальчик! — сказал тогда Андрей спавшему в его комнате слуге, — ведь это не Прокопий?» Между тем убийцы, услыхавши Андреев голос, начали стучать в двери и выломили их. Андрей вскочил, хотел схватить меч, который был всегда при нем (он принадлежал св. Борису), но меча не было. Ключник Анбал украл его днем из спальни. В это время, когда Андрей искал меча, двое убийц вскочили в

спальню и бросились на него, но Андрей был силен и уже успел одного повалить, как вбежали остальные и, не различив сперва впотьмах, ранили своего, который лежал на земле, потом бросились на Андрея; тот долго отбивался, несмотря на то что со всех сторон секли его мечами, саблями, кололи копьями: «Нечестивцы! — кричал он им, — зачем хотите сделать то же, что Горясер (убийца св. Глеба)? Какое я вам зло сделал? Если прольете кровь мою на земле, то бог отомстит вам за мой хлеб». Наконец, Андрей упал под ударами; убийцы, думая, что дело кончено, взяли своего раненого и пошли вон из спальни, дрожа всем телом, но, как скоро они вышли, Андрей поднялся на ноги и пошел под сени, громко стоная; убийцы услыхали стоны и возвратились назад, один из них говорил: «Я сам видел, как князь сошел с сеней». «Ну так пойдемте искать его», — отвечали другие; войдя в спальню и видя, что его тут нет, начали говорить: «Погибли мы теперь! Станем искать поскорее». Зажгли свечи и нашли князя по кровавому следу: Андрей сидел за лестничным столпом; на этот раз борьба не могла быть продолжительна с ослабевшим от ран князем: Петр отсек ему руку, другие прикончали его.

Порешивши с князем, заговорщики пошли — убили любимца его, Прокопия; потом пошли на сени, вынули золото, дорогие камни, жемчуг, ткани и всякое имение, навьючили на лошадей и до света отослали к себе по домам, а сами разобрали княжое оружие и стали набирать дружину, боясь, чтоб владимирцы не ударили на них; для отнятия у последних возможности к этому они придумали также завести смуту в городе, произвести рознь, вражду между гражданами, для чего послали сказать им: «Не сбираетесь ли вы на нас? Так мы готовы принять вас и покончить с вами; ведь не одною нашею думою убит князь, есть и между вами наши сообщники». Владимирцы отвечали: «Кто с вами в думе, тот пусть при вас и останется, а нам не надобен». Убийцы, впрочем, боялись напрасно. Владимирцы не двинулись на них: без князя в неизвестности о будущей судьбе, не привыкши действовать самостоятельно, они не могли ничего предпринять решительного, дожидались, что начнут старшие города, а между тем безначалие везде произвело волнения, грабежи; мы видели, что убийцы начали расхищение казны княжеской; вслед за ними явились на княжий двор жители Боголюбова и остальные дворяне, пограбили, что осталось от заговорщиков, потом бросились на церковных и палатных строителей, призванных Андреем в Боголюбов, пограбили их [333]; грабежи и убийства происходили по всей волости; пограбили и побили посадников княжеских, тиунов, детских, мечников; надежда добычи подняла и сельских жителей: они приходили в города и помогали грабить. Грабежи начались

и во Владимире, но прекратились, когда священники с образом богородицы стали ходить по городу. По словам летописца, народ грабил и бил посадников и тиунов, не зная, что, где закон, там и обид много; эти слова показывают, что при Боголюбском, точно, было много обид на севере.

Во время этих смут тело убитого князя оставалось непогребенным; в первый же день после убийства преданный покойному слуга Кузьма Киевлянин пошел на княжий двор и, видя, что тела нет на том месте, где был убит Андрей, стал спрашивать: «где же господин?» Ему отвечали: «Вон лежит выволочен в огород, да ты не смей брать его: все хотят выбросить его собакам, а если кто за него примется, тот нам враг, убьем и его». Кузьма пошел к телу и начал плакать над ним: «Господин мой, господин мой! Как это ты не почуял скверных и нечестивых врагов, когда они шли на тебя? Как это ты не сумел победить их: ведь ты прежде умел побеждать полки поганых болгар?» Когда Кузьма плакался над телом, подошел к нему ключник Анбал. Кузьма, взглянувши на него, сказал: «Анбал, вражий сын! Дай хоть ковер или что-нибудь подослать и прикрыть господина нашего». «Ступай прочь, — отвечал Анбал, — мы хотим бросить его собакам». «Ах, ты, еретик, — сказал ему на это Кузьма, — собакам выбросить? Да помнишь ли ты, жид, в каком платье пришел ты сюда? Теперь ты стоишь в бархате, а князь нагой лежит, но прошу тебя честью, сбрось мне что-нибудь». Анбал усовестился и сбросил ковер и корзно; Кузьма обвертел тело и понес его в церковь. Но когда стал просить, чтоб отворили ему ее, то ему отвечали: «Брось тут в притворе, вот носится, нечего делать», — уже все были пьяны. Кузьма стал опять плакаться: «Уже тебя, господин, и холопы твои знать не хотят; бывало, придет гость из Царя-города или из иной какой страны, из Руси ли, латынец, христианин или поганый, прикажешь: поведите его в церковь, в ризницу, пусть посмотрит на истинное христианство и крестится, что и бывало, крестилось много; болгары и жиды и всякая погань, видевши славу божию и украшение церковное, сильно плачут по тебе, а эти не пускают тебя и в церковь положить». Поплакавши, Кузьма положил тело в притворе, покрыв корзном, и здесь оно пролежало двое суток. На третий день пришел козмодемьянский игумен Арсений и сказал: «Долго ли нам смотреть на старших игуменов, и долго ли этому князю лежать? Отоприте церковь, отпою над ним и положим его в гроб; когда злоба эта перестанет, придут из Владимира и понесут его туда». Пришли клирошане боголюбские, внесли тело в церковь, положили в каменный гроб и отпели с Арсением. На шестой уже день, когда волнение утихло во Владимире, граждане сказали игумену Феодулу и Луке, демественнику Богородичной церкви: «Нарядите носильщиков, поедем,

возьмем князя и господина нашего Андрея», а протопопу Микулице сказали: «Собери всех попов, облачитесь в ризы и выходите перед Серебряные ворота с святою богородицею, тут и дожидайтесь князя». Феодул исполнил их волю: с клирошанами Богородичной церкви и с некоторыми владимирцами поехал в Боголюбов и, взявши тело, привез во Владимир с честию и с плачем великим. Увидавши издали княжеский стяг, который несли перед гробом, владимирцы, оставшиеся ждать у Серебряных ворот, не могли удержаться от рыданий и начали приговаривать: «Уже не в Киев ли поехал ты, господин наш, в ту церковь у Золотых ворот, которую послал ты строить на великом дворе Ярославовом; говорил ты: хочу построить церковь такую же, как и ворота эти Золотые, да будет память всему отчеству моему». Андрея похоронили в построенной им церкви Богородичной (1174 г.).

Как скоро весть о смерти Андреевой разнеслась по волости, то ростовцы, суздальцы, переяславцы и вся дружина от мала до велика съехались во Владимир и сказали: «Делать нечего, так уже случилось, князь наш убит, детей у него здесь нет, сынок его молодой — в Новгороде, братья — в Руси; за каким же князем нам послать? Соседи у нас князья муромские и рязанские, надобно бояться, чтоб они не пришли на нас внезапно ратью; пошлем-ка к рязанскому князю Глебу (Ростиславичу), скажем ему: «Князя нашего бог взял, так мы хотим Ростиславичей Мстислава и Ярополка, твоих шурьев» (сыновей старшего сына Юриева). Они забыли, говорит летописец, что целовали крест князю Юрию, посадить у себя меньших сыновей его, Михаила и Всеволода, нарушили клятву, посадили Андрея, а меньших его братьев выгнали, и теперь после Андрея не вспомнили о своей прежней клятве, но все слушали Дедильца да Бориса — рязанских послов. Как было решено, так и сделано: поцеловали образ богородицы и послали сказать Глебу: «Твои шурья будут нашими князьями, приставь к нашим послам своих и отправь всех вместе за ними в Русь». Глеб обрадовался такой чести, что выбрали его шурьев в князья, и отправил к ним послов в Чернигов, где они тогда жили. Послы от северной дружины сказали Ростиславичам: «Ваш отец добр был, когда жил у нас; поезжайте к нам княжить, а других не хотим». Эти другие были младшие Юрьевичи, Михаил и Всеволод, которые тогда находились также в Чернигове, как видно, все четверо, и дяди и племянники, прибежали вместе с Святославом из-под Вышгорода и не смели после того возвратиться в прежние свои волости на Поросьи. Ростиславичи отвечали послам: «Помоги бог дружине, что не забывает любви отца нашего», но, несмотря на то, что звали их одних, они не захотели ехать без дядей Юрьевичей и сказали: «Либо добро, либо лихо всем нам; пойдем все четверо:

Юрьевичей двое да Ростиславичей двое». Наперед поехали двое — Михаил Юрьевич и Ярополк Ростиславич; Михаилу дали старшинство, причем все целовали крест из рук черниговского епископа [334]. Когда князья приехали в Москву, то ростовцы рассердились, узнавши, что вместе с Ростиславичем приехал и Юрьевич; они послали сказать Ярополку: «Ступай сюда», а Михаилу — «Подожди немного на Москве». Ярополк тайком от дяди поехал к Переяславлю, где стояла тогда вся дружина, выехавшая навстречу к князьям, а Михаил, узнав, что Ростиславич отправился по ростовской дороге, поехал во Владимир и затворился здесь с одними гражданами, потому что дружина владимирская в числе 1500 человек отправилась также в Переяславль по приказанию ростовцев. Здесь вся дружина поцеловала крест Ярополку и отправилась с ним ко Владимиру выгонять оттуда Михаила. Ко всем силам земли Ростовской присоединились полки муромские и рязанские, окрестности были пожжены, город обложен. Что же заставило владимирцев, не привыкших к самостоятельной деятельности, воспротивиться приговору старших городов, взять себе особого князя и отстаивать его против соединенных сил всей земли Ростовской и Рязанской? К этому принудила их явно высказавшаяся вражда старого города Ростова, который с ненавистью смотрел на свой пригород, населенный большею частию людьми простыми, ремесленными, жившими преимущественно от строительной деятельности князя Андрея, и, несмотря на то, похитивший у старого города честь иметь у себя стол княжеский. Ростовцы и суздальцы говорили: «Пожжем Владимир или пошлем туда посадника: то наши холопы каменщики». Нельзя не заметить также, что здесь, в этих словах, слышится преимущественно голос высшего разряда ростовских жителей — бояр, дружины вообще, которая, как видно, особенно не любила Андрея за нововведения [335]. Как бы то ни было, важно было начало борьбы между старыми и новыми городами, борьбы, которая должна была решить вопрос: где утвердится стол княжеский — в старом ли Ростове или новом Владимире, от чего зависел ход истории на севере. Заодно с Владимиром, как следует ожидать, были и другие новые города. Переяславцы хотели также Юрьевичей и поневоле признали Ростиславичей [336]. Семь недель владимирцы отбивались от осаждающих. Наконец, голод принудил их сказать Михаилу: «Мирись либо промышляй о себе». Михаил отвечал: «Вы правы: не погибать же вам для меня» и поехал из города назад в Русь; владимирцы проводили его с плачем великим, говорит летописец. По отъезде Михаила они заключили договор с Ростиславичами, те поклялись что не сделают никакого зла городу, после чего владимирцы отворили ворота и встретили князей со крестами; в Богородичной церкви

заключен был окончательный договор: во Владимире оставался княжить младший Ростиславич, Ярополк, а в Ростове старший, Мстислав. Таким образом, благодаря мужеству владимирцев торжество ростовцев было неполное: правда, стол старшего брата поставлен был у них, но зато ненавистный пригород, Владимир, получил своего князя, а не посадника из Ростова. Но ростовцы и особенно бояре, принужденные уступить требованиям владимирцев, продолжали враждовать к последним и вызвали их к возобновлению борьбы, столь важной для судеб севера. Южные волости нередко испытывали неудобство от перемещения князей, когда новые князья приводили с собою свою дружину, своих слуг, которым раздавали разные должности, и те спешили обогащаться за счет граждан, зная, что недолго среди них останутся; теперь север в свою очередь испытал то же неудобство: Ростиславичи приехали в Ростовскую область с дружинниками, набранными на юге, и роздали им посадническое должности; эти *русские* (т. е. южнорусские) детские, как называет их летописец, скоро стали очень тяжки для народа судебными взысками и взятками, но владимирцы терпели не от одних русских детских; князья, говорит летописец, были молоды, слушались бояр, а бояре подучали их как можно больше брать, и вот взяли они из церкви Владимирской богородицы золото и серебро, в первый же день отобрали ключи от ризницы, отняли город и все дани, которые назначил для этой церкви князь Андрей. Видно, что, кроме корыстолюбия, здесь действовала ненависть к памяти Андрея, ко всему им сделанному: хотели ограбить Владимирский собор — великолепный памятник, который оставил по себе Андрей. Грабеж церквей позволяли себе князья и дружины их только в завоеванных городах; легко после этого понять, как должны были смотреть владимирцы на ограбление своего собора, лучшего украшения, которым так гордился их город; они стали сбираться и толковать: «Мы приняли князей на всей нашей воле, они крест целовали, что не сделают никакого зла нашему городу, а теперь они точно не в своей волости княжат, точно не хотят долго сидеть у нас, грабят не только всю волость, но и церкви; так промышляйте, братья!» Из этих слов видно как будто, что владимирцы не только оскорблялись тем, что князья поступают с их волостью, как с завоеванною, но еще боялись, что Ярополк, ограбивши волость, уйдет от них и ростовцы пришлют к ним своего посадника: «Князь поступает так, как будто не хочет сидеть у нас», — говорили они. Но по старой привычке владимирцы прежде обратились к старшим городам — Ростову и Суздалю — с жалобою на свою обиду; ростовцы и суздальцы на словах были за них, а на деле нисколько не думали за них вступаться; бояре же крепко держались за

Ростиславичей, прибавляет летописец и тем опять дает знать, что преимущественно боярам хотелось вести дела в противность тому, как шли они при Андрее. Тогда владимирцы, видя явное недоброжелательство старших городов и бояр, решились вместе с переяславцами действовать собственными силами и послали в Чернигов сказать Михаилу: «Ты старший между братьями: приходи к нам во Владимир; если ростовцы и суздальцы задумают что-нибудь на нас за тебя, то будем управляться с ними как бог даст и святая богородица». Михаил с братом Всеволодом и с Владимиром Святославичем, сыном черниговского князя, отправился на север, но едва успел он отъехать верст 11 от Чернигова, как сильно занемог и больной приехал в Москву, где дожидался его отряд владимирцев с молодым князем Юрием Андреевичем, сыном Боголюбского, который жил у них, будучи изгнан из Новгорода. Между тем Ростиславичи, узнав о приближении Михаила, советовались в Суздале с дружиною, что делать. Решено было, чтоб Ярополк шел с своим войском против Юрьевичей к Москве, биться с ними и не пускать ко Владимиру. Михаил сел обедать, когда пришла весть, что племянник Ярополк идет на него; Юрьевичи собрались и пошли по владимирской дороге навстречу неприятелю, но разошлись с Ярополком в лесах, тогда москвичи, услыхавши, что Ярополк, миновав их войско, продолжает идти к Москве, возвратились с дороги от Михаила для оберегания своих домов, а Ярополк, видя, что разошелся с Михаилом, пошел от Москвы вслед за ним, послав, между тем, сказать брату Мстиславу в Суздаль: «Михалко болен, несут его на носилках и дружины у него мало; я иду за ним, захватывая задние его отряды, а ты, брат, ступай поскорее к нему навстречу, чтоб он не вошел во Владимир». Мстислав объявил об этой вести дружине и на другой день рано выехал из Суздаля, помчался быстро, точно на зайцев, так что дружина едва успевала за ним следовать, и в пяти верстах от Владимира встретился с Юрьевичами; полк Мстиславов, готовый к битве, в бронях, с поднятым стягом вдруг выступил от села Загорья; Михаил начал поскорее выстраивать свое войско, а враги шли на него с страшным криком, точно хотели пожрать его дружину, по выражению летописца. Но эта отвага была непродолжительна: когда дошло до дела и стрельцы начали перестреливаться с обеих сторон, то Мстиславова дружина, не схватившись ни разу с неприятелем, бросила стяг и побежала; Юрьевичи взяли много пленных, взяли бы и больше, но многих спасло то, что победители не могли различать, кто свои и кто чужие; Мстислав убежал в Новгород; Ярополк, узнавши о его поражении, побежал в Рязань, но мать их и жены попались в руки владимирцам. С честию и славою вступил Михаил во Владимир; дружина

и граждане, бывшие в сражении, вели пленников. Первым делом Юрьевича было возвращение городов, отнятых у Богородичной церкви Ярополком; и была, говорит летописец, радость большая во Владимире, когда он увидал опять у себя великого князя всей Ростовской земли. Подивимся, продолжает тот же летописец, чуду новому, великому и преславному божия матери, как заступила она свой город от великих бед и граждан своих укрепляет: не вложил им бог страха, не побоялись двоих князей и бояр их, не посмотрели на их угрозы, семь недель прожили без князя, положивши всю надежду на святую богородицу и на свою правду[337]. Новгородцы, смольняне, киевляне и полочане и все власти как на думу на веча сходятся, и на чем старшие положат, на том и пригороды станут, а здесь город старый — Ростов и Суздаль, и все бояре захотели свою правду поставить, а не хотели исполнять правды божией, говорили: «Как нам любо, так и сделаем: Владимир — пригород наш». Воспротивились они богу и святой богородице и правде божией, послушались злых людей, ссорщиков, не хотевших нам добра по зависти. Не сумели ростовцы и суздальцы правды божией исправить, думали, что они старшие, так и могут делать все по своему, но люди новые, худые владимирские, уразумели, где правда, стали за нее крепко держаться, сказали: «Либо Михаила князя себе добудем, либо головы свои сложим за святую богородицу и за Михаила князя». И вот утешил их бог и св. богородица: прославлены стали владимирцы по всей земле за их правду[338].

Скоро явились во Владимир к Михаилу послы от суздальцев: «Мы, князь, — говорили они, — не воевали против тебя с Мстиславом, а были с ним одни наши бояре: так не сердись на нас и приезжай к нам». Михаил поехал в Суздаль, оттуда в Ростов, устроил весь наряд людям, утвердился с ними крестным целованием, взял много даров у ростовцев и, посадивши брата своего Всеволода в Переяславле, сам возвратился во Владимир. Таким образом последний пригород, населенный холопами-каменщиками, сделался опять стольным городом князя всей Ростовской земли; князь опять освобождал себя из-под влияния городов, которые привыкли решать дела на вече и приговоров этого веча должны были слушаться города младшие; мало того, младший брат Михаила, Всеволод, сел также в новом городе Переяславле Залесском, а не в Ростове: выказалось ли в этом явное предпочтение князей к новым городам пред старыми, хотели ли наградить усердие переяславцев, действовавших заодно с владимирцами, — во всяком случае явление было очень важное, свидетельствовавшее полную победу пригородов, полное низложение того начала, которое могло противодействовать новому порядку вещей.

Если первым делом Михаила по вступлении во Владимир было возвращение соборной церкви городов, отнятых у нее Ростиславичами, то по утверждении своем в целой земле Ростовской он должен был прежде всего идти на рязанского князя Глеба, в руках которого также находилось много сокровищ, пограбленных из этой церкви, и, между прочим, самый образ богородицы, привезенный Андреем из Вышгорода, и книги. Михаил отправился с полками на Рязань, но встретил на дороге послов Глебовых, которым поручено было сказать ему: «Князь Глеб тебе кланяется и говорит: я во всем виноват и теперь возвращаю все, что взял у шурьев своих, Ростиславичей, все до последнего золотника». И, точно, возвратил все. Михаил, уладившись с ним [339], поехал назад во Владимир; здесь по некоторым, очень вероятным известиям казнил убийц Андреевых и потом отправился за чем-то в Городец-Волжский, занемог в нем и умер (1176 г.). Ростовцы, не дождавшись даже верного известия о смерти Михаиловой, послали сказать в Новгород прежнему своему князю Мстиславу Ростиславичу: «Ступай, князь, к нам: Михалка бог взял на Волге в Городце, а мы хотим тебя, другого не хотим». Мстислав приехал на зов, собрал ростовцев, всю дружину и отправился с ними ко Владимиру. Но здесь был уже князь: тотчас по смерти Михаиловой владимирцы вышли перед Золотые ворота и, помня старую присягу свою Юрию Долгорукому, целовали крест Всеволоду Юрьевичу и детям его — явление любопытное: владимирцы присягают не только Всеволоду, но и детям его; значит, не боятся, подобно киевлянам, переходить по наследству от отца к сыновьям, не думают о праве выбирать князя. Всеволод, узнавши о приезде Ростиславича в Ростов, собрал владимирцев, дружину свою, бояр, оставшихся при нем (большая часть бояр, как видно, перешла к ростовскому князю [340]), и отправился с ними навстречу к сопернику, а за переяславцами послал племянника Ярослава Мстиславича. Но по своему характеру Всеволод не хотел отдать всей своей будущности на произвол военного счастия, не хотел судиться с племянником судом божиим, битвою, как любили судиться южные князья, и послал сперва сказать Ростиславичу: «Брат! Если тебя привела старшая дружина, то ступай в Ростов, там и помиримся; тебя ростовцы привели и бояре, а меня с братом бог привел да владимирцы с переяславцами, а суздальцы пусть выбирают из нас двоих, кого хотят». Но ростовцы и бояре не дали мириться своему князю: их злоба на владимирцев и Юрьевичей еще более усилилась от недавнего унижения; они сказали Ростиславичу: «если ты хочешь с ним мириться, то мы не хотим»; особенно подстрекали к войне бояре — Добрыня Долгий, Матеяш Бутович и другие. Всеволод, получив отказ, поехал к Юрьеву, здесь дождался переяславцев и объ-

явил им, что ростовцы не хотят мира; переяславцы отвечали: «Ты Мстиславу добра хотел, а он головы твоей ловит, так ступай, князь, на него, а мы не пожалеем жизни за твою обиду, не дай нам бог никому возвратиться назад; если от бога не будет нам помощи, то пусть, переступив через наши трупы, возьмут жен и детей наших[341]; брату твоему еще девяти дней нет как умер, а они уже хотят кровь проливать». На Юрьевском поле, за рекою Кзою, произошла битва: владимирцы с своим князем опять победили с ничтожною для себя потерею, тогда как со стороны неприятелей часть бояр была побита, другие взяты в плен; сам Мстислав бежал сперва в Ростов, а оттуда в Новгород; победители взяли боярские села, коней, скот; в другой и последний раз старый город был побежден новым, после чего уже не предъявлял больше своих притязаний.

Но Юрьевская победа не прекратила борьбы Всеволода с племянниками: когда Мстислав Ростиславич прибежал в Новгород, то жители встретили его словами: «Как тебя позвали ростовцы, так ты ударил Новгород пятою, пошел на дядю своего Михаила; Михаил умер, а с братом его, Всеволодом, бог рассудил тебя; зачем же к нам идешь?» Не принятый новгородцами Мстислав поехал к зятю своему, Глебу рязанскому, и стал подстрекать его к войне со Всеволодом. Глеб тою же осенью пришел на Москву и пожег весь город; Всеволод поехал к нему навстречу, но, когда был за Переяславлем, явились новгородцы и сказали ему: «Князь! Не ходи без новгородцев, подожди их». Всегда осторожный, любивший действовать наверное, Всеволод согласился ждать новгородцев, чтоб с удвоенными силами ударить на врагов, и возвратился. Но он понапрасну дожидался новгородцев: те не приходили, вместо их явились на помощь двое княжичей черниговских — Олег и Владимир Святославичи, да князь Переяславля Южного или Русского — Владимир Глебович. Всеволод выступил с ними к Коломне, но здесь получил известие, что Глеб с половцами другою дорогою пошел к Владимиру, разграбил соборную церковь Андрееву, пожег другие церкви, села боярские, а жен, детей и всякое имение отдал на щит (в добычу) поганым. Всеволод немедленно пошел назад в свою волость и встретил Глеба на реке Колакше; целый месяц стояли неприятели без действия по обеим сторонам реки, наконец завязался бой, и Всеволод победил опять, опять Мстислав Ростиславич первый обратился в бегство, а за ним побежал и Глеб, но враги догнали их обоих, взяли также в плен сына Глебова, Романа, перевязали всю дружину рязанскую; между прочими попался в плен Борис Жидиславич — знаменитый воевода Боголюбского, который, как видно, отъехал в Рязань или прямо, или вместе с Ростиславичем, не желая служить Юрьевичам;

попался в плен и Дедилец, который так сильно способствовал призванию Ростиславичей в Ростов по смерти Боголюбского. Была большая радость во Владимире, говорит летописец, но тут же он говорит: суд без милости тому, кто сам не знал милости. Эти слова показывают расположение духа владимирцев, которых ненависть к Глебу и Ростиславичам должна была дойти до высшей степени вследствие еще нового бедствия, претерпенного ими от последних. Два дня ждали они от Всеволода суда без милости над племянниками, на третий день поднялся сильный мятеж, встали бояре и купцы и сказали ему: «Князь! Мы тебе добра хотим и головы за тебя складываем, а ты держишь врагов своих на свободе; враги твои и наши — суздальцы и ростовцы [342]: либо казни их, либо ослепи, либо отдай нам». Всеволод не хотел исполнить этого требования и для утишения мятежа велел только посадить пленников в тюрьму, после чего послал сказать рязанцам: «Выдайте мне нашего врага (Ярополка Ростиславича), или я приду к вам». Рязанцы решили исполнить это требование: «Князь наш и братья наши погибли из-за чужого князя», — говорили они; поехали на Воронеж, схватили там Ярополка и привезли во Владимир, где Всеволод велел посадить и его также в тюрьму. Между тем зять Глеба рязанского, знаменитый Мстислав Ростиславич смоленский, послал сказать Святославу черниговскому, чтоб он попросил Всеволода за Ростиславичей; и княгиня рязанская, жена Глебова, присылала с тем же, прося за мужа и сына; Святослав отправил во Владимир черниговского епископа Порфирия и Ефрема игумена вести переговоры по делу пленников; он предлагал, чтоб Глеб, получив свободу, отказался от Рязани и ехал на житье в Русь, но Глеб никак не соглашался на такие условия: «лучше умру в тюрьме, — говорил он, — а не пойду в Русь на изгнание». Дело затянулось на два года; Глеб между тем умер, а сын его Роман был отпущен в Рязань под условием полной покорности владимирскому князю [343]. Иначе решена была судьба Ростиславичей: владимирцы, видя, что идут переговоры об освобождении пленников, никак не хотели отпустить Ростиславичей, не отмстивши им за свои обиды; они собрались опять большою толпою, пришли на княжий двор и стали говорить Всеволоду: «До чего их еще додержать? Хотим ослепить их». Всеволоду очень не нравилось это требование, но делать было нечего: Ростиславичей ослепили, или по крайней мере сделали вид, что ослепили, и отослали в Смоленск [344] Таким образом кончилась борьба на севере в пользу последнего из Юрьевичей, который стал так же силен, как и брат его Андрей, и немедленно пошел по следам братним: приведши рязанских князей в свою волю, он захотел также быть самовластцем в Суздальской земле, единодержателем всего от-

цовского наследства и выгнал из своей волости племянника Юрия Андреевича, который принужден был искать счастия в Грузии [345]; второй племянник, Ярослав Мстиславич, также не получил волости в земле Ростовской. Но если Всеволод вошел совершенно в положение Андрея на севере, то мы должны ожидать, что и относительно Южной, старой Руси, и относительно Новгорода Великого он примет то же самое значение.

На юге смерть Андрея дала свободу разыграться прежним усобицам между Мономаховичами и Ольговичами; к этим усобицам присоединились, с одной стороны, враждебные отношения в самом племени Олеговом, а с другой, между Ростиславичами и Изяславичами в племени Мономаховом Мы видели, как Святослав Всеволодович черниговский принужден был оставить намерения свои относительно Киева, чтоб свободнее отбивать Черниговскую волость от нападения двоюродного брата своего Олега северского; мы видели, что он опустошением отплатил последнему за опустошение и возвратился в Чернигов, но Олег не думал так окончить это дело: он заключил союз с шурьями своими, Ростиславичами, также с Ярославом киевским, и союзники решились с двух сторон напасть на Святослава. Но Ростиславичи и Ярослав, пожегши два черниговских города [346], заключили мир с Святославом и предоставили Олега одним собственным средствам. Тот с братьями пришел к Стародубу, города не взял, но захватил скот изо всех окрестностей Стародуба и погнал его к Новгороду-Северскому, куда скоро явился за ним Святослав с черниговским войском и приступил к городу; Олег вышел было к нему навстречу, но не успела дружина его пустить по стреле, как обратилась в бегство; сам князь успел вбежать в город, но половина дружины его была перехвачена, другая перебита, острог пожжен; Олег на другой день запросил мира и получил его, неизвестно на каких условиях. Между тем на другой стороне Днепра произошла перемена: к Ростиславичам пришел на помощь старший брат их, Роман, из Смоленска, и Ярослав Изяславич увидал в этом намерение Ростиславичей выгнать его из Киева; он послал сказать им: «Вы привели брата своего Романа, даете ему Киев», и выехал добровольно из этого города в прежнюю волость свою — Луцк; мы видели, что Ростиславичи просили еще прежде у Андрея Киева для Романа, следовательно, Ярослав имел право подозревать их во враждебных для себя замыслах; скорая же уступка его двоюродным братьям объясняется тем, что он никак не мог полагаться на защиту киевлян после недавнего поступка с ними, когда он ограбил весь город. Ростиславичи послали за ним, чтоб ехать опять в Киев, но он не послушался, и Роман сел на его место:

действительно ли Ростиславичи не хотели его выгонять или показывали только вид, что не хотели, — решить трудно. Роман недолго княжил спокойно в Киеве: половцы напали на Русь, взяли шесть городов берендеевских и сильно поразили Ростиславичей у Ростова по вине Давыда Ростиславича, который завел ссору с братьями и помешал успеху дела. Бедою Ростиславичей спешил воспользоваться Святослав черниговский; нужен был, однако, предлог, и он послал сказать Роману: «Брат! Я не ищу под тобою ничего, но у нас такой ряд: если князь провинится, то платит волостью, а боярин — головою; Давыд виноват, отними у него волость». Роман не послушался, тогда братья Святослава — Ярослав и Олег — перешли Днепр и послали сказать зятю своему Мстиславу Владимировичу, сыну покойного Владимира Мстиславича, чтоб перешел на их сторону; Мстислав послушался и сдал им Треполь. В это время сам Святослав стоял с полками своими у Витичева, куда приехали к нему черные клобуки с киевлянами и объявили, что Роман ушел в Белгород. Святослав поехал в Киев и сел там, но опять ненадолго: на помощь к братьям явился знаменитый Мстислав из Смоленска, и Ростиславичи объявили, что на другой же день дадут битву Святославу; Святослав испугался и побежал за Днепр, потому что половцы, за которыми он послал, еще не пришли, а с одною дружиною выступить против Мстислава трудно было решиться. Несмотря на то, однако, Ростиславичи почли за лучшее уступить Киев Святославу: Роман, князь, как видно, вовсе не воинственый, знал, что он будет сидеть в Киеве в беспрерывном страхе от Святослава, который уже раз выгнал его и, конечно, не откажется от дальнейших попыток на Киев, вследствие чего будут беспрерывные усобицы; союзники Святослава половцы уже явились у Торческа и захватили много людей; и вот Ростиславичи, не желая губить Русской земли и проливать христианской крови, по словам летописца, подумали и отдали Киев Святославу, а Роман пошел назад в Смоленск[347]; Чернигов, как видно, достался Олегу Святославичу, но он скоро умер, и в Чернигове сел брат киевского князя, Ярослав Всеволодович, а брат Олегов, Игорь, сел в Новгороде-Северском: так и следовало по родовому счету[348].

До сих пор Святослав Всеволодович жил в дружбе со Всеволодом суздальским: мы видели, какую деятельную помощь оказал он последнему в борьбе его с племянниками; союз этот был еще более скреплен родством: Всеволод вызвал к себе сына Святославова, Владимира, и женил его на родной племяннице своей, дочери Михаила Юрьевича. Но скоро эта дружба переменилась во вражду, виною которой были отношения рязанские. Мы видели, что Роман Глебович с братьями поклялся ходить по воле Всеволодовой, но

Роман был зять Святослава, который вследствие этого родства считал себя также вправе вмешиваться в рязанские дела, причем его влияние необходимо сталкивалось с влиянием Всеволода; Святослав мог думать, что Всеволод в благодарность за прежнее добро уступит его влиянию в Рязани, но жестоко обманулся в своем ожидании. В 1180 году младшие братья Романа рязанского, Всеволод и Владимир Глебовичи, прислали сказать Всеволоду Юрьевичу владимирскому: «Ты наш господин, ты наш отец; брат наш старший Роман отнимает у нас волости, слушаясь тестя своего Святослава, а тебе крест целовал и нарушил клятву». Всеволод немедленно выступил в поход, и когда приближался к Коломне, то двое Глебовичей встретили его с поклоном, но в Коломне сидел сын Святослава, Глеб, посланный отцом на помощь Роману рязанскому; Всеволод послал сказать Глебу, чтоб явился к нему, тот сначала не хотел, но потом, видя, что сопротивляться нельзя, поехал; Всеволод велел его схватить и в оковах отослал во Владимир, где приставили к нему стражу, дружина его подверглась той же участи. Между тем передовой отряд Романа, переправившийся через Оку, потерпел поражение от передового отряда Всеволодова, часть его попалась в плен, часть потонула в реке; Роман, услыхавши об этом несчастии, побежал мимо Рязани в степь, затворивши в городе двоих братьев, Игоря и Святослава, которые не думали сопротивляться Всеволоду, когда тот явился под Рязанью, и заключили с ним мир на всей его воле: владимирский князь урядил всю братью, роздал каждому волости по старшинству и возвратился домой.

Легко понять, как раздосадован был Святослав, когда узнал о поступке Всеволода с его сыном; чем меньше ждал он этого, тем сильнее была его ярость. Он распалился гневом, разжегся яростию, по словам летописца, и сказал: «Отомстил бы я Всеволоду, да нельзя: подле меня Ростиславичи — эти мне во всем делают досады в Русской земле; ну да мне все равно: кто ко мне из Владимирова племени ближе, тот и мой». Из этих слов видно также, что Святославу очень не нравилось близкое соседство Ростиславичей, которыми был окружен. В это самое время Давыд Ростиславич охотился в лодках по Днепру, а Святослав охотился против него на Черниговской стороне; случай этот показался киевскому князю очень удобным для исполнения своего замысла: посоветовавшись только с княгинею да с любимцем своим Кочкарем, не сказавши ничего лучшим боярам своим, он переправился через Днепр и ударил на Давыдов стан, рассуждая: «Схвачу Давыда, Рюрика выгоню, завладею один с братьями Русскою землею и тогда стану мстить Всеволоду за свою обиду». Но замысел не удался: Давыд с женою своею успел сесть в лодку и уплыть, неприятельские стрелы

не сделали ему никакого вреда; успев захватить только дружину и стан Давыдов, Святослав отъехал к Вышгороду и, проведши под ним ночь, стал искать повсюду Давыда, но после долгих безуспешных поисков отправился на восточный берег Днепра, сказавши своим: «Теперь уже я объявил свою вражду Ростиславичам, нельзя мне больше оставаться в Киеве». Приехавши в Чернигов, он созвал всех сыновей своих, младшую братью, собрал все силы Черниговской волости, всю дружину и стал говорить им: «Куда нам ехать? В Смоленск или в Киев?» На это отвечал ему двоюродный брат Игорь северский: «Батюшка! Лучше была бы тишина, но если уже так случилось, то дал бы только бог тебе здоровья». Святослав тогда сказал: «Я старше Ярослава, а ты, Игорь, старше Всеволода: так я теперь вам остался вместо отца и приказываю тебе, Игорь, оставаться здесь с Ярославом оберегать Чернигов и всю волость, а я со Всеволодом пойду к Суздалю выручать сына своего Глеба, как нас там бог рассудит со Всеволодом Юрьевичем». Святослав разделил и половцев надвое: половину взял с собою, а другую половину оставил братьи, после чего отправился в поход, взявши с собою Ярополка Ростиславича; подле устья Тверцы соединился он с сыном Владимиром и со всеми полками новгородскими (потому что Владимир княжил тогда в Новгороде), положил всю Волгу пусту, по выражению летописца, пожег все города и в сорока верстах от Переяславля Залесского, на реке Влене, встретился со Всеволодом, который вышел с полками суздальскими, рязанскими и муромскими. Прежде обыкновенно князья любили находиться в челе полков своих, любили первые врезываться в ряды неприятелей, спешили решить дело битвою, в которой видели суд божий. Но Всеволод руководствовался другими понятиями: он выбрал для своего войска выгодное положение, огородился горами, рытвинами и, несмотря на просьбу дружины, не хотел вступить в решительную битву с южными полками, отличавшимися своею стремительностию в нападениях, тогда как северное народонаселение отличалось противоположным характером, было слабо в чистом поле и неодолимо при защите мест Всеволод послал только рязанских князей, которые ворвались в обоз Святославов и сначала имели было успех, но потом были прогнаны с большим уроном. Уже две недели стояли таким образом неприятели друг против друга, перестреливаясь через реку; Святославу, наконец, наскучило такое положение, и он послал своих священников сказать Всеволоду: «Брат и сын! Много я тебе добра сделал и не чаял получить от тебя такой благодарности; если же ты уже задумал на меня зло, захватил сына моего, то недалеко тебе меня искать: отступи подальше от этой речки, дай мне дорогу, чтоб мне можно было к тебе переехать, и тогда нас бог

рассудит; если же ты мне не хочешь дать дороги, то я тебе дам, переезжай ты на эту сторону, и пусть нас бог рассудит». Вместо ответа Всеволод задержал послов, отослал их во Владимир, а сам по-прежнему не двигался с места; Святослав постоял еще несколько времени и, боясь оттепели, пошел назад налегке, бросив обозы, которыми овладели полки Всеволодовы, но по приказанию князя своего не смели гнаться за удалявшимся Святославом. Последний, отпустив брата Всеволода, сына Олега, и Ярополка Ростиславича в Русь, сам с сыном Владимиром поехал в Новгород Великий.

Между тем Давыд Ростиславич, спасшись от плена, которым угрожал ему Святослав, прибежал в Белгород, к брату Рюрику; тот, услыхавши, что Киев оставлен Святославом, поехал туда и сел на столе отцовском и дедовском, но, предвидя сильную борьбу, стал набирать союзников: послал за князьями луцкими, сыновьями Ярослава, Всеволодом и Ингварем, и привел их к себе; послал за помощию к галицкому князю Ярославу, которая явилась с боярином Тудором, а брата Давыда послал в Смоленск на помощь к старшему брату Роману. Но Давыд встретил на дороге гонца, который вез ему весть о смерти Романа; Давыд со слезами продолжал путь, при въезде в Смоленск был встречен духовенством со крестами, всеми гражданами и занял братнее место. По Романе, говорит летописец, плакали все смольняне, вспоминая его доброту (добросердие), а княгиня его, стоя у гроба, причитала: «Царь мой добрый, кроткий, смиренный и правдивый! Вправду дано было тебе имя Роман, всею добродетелию похож ты был на св. Романа (т. е. св. Бориса); много досад принял ты от смольнян, но никогда не видела я, чтоб ты мстил им злом за зло» И летописец повторяет, что этот князь был необыкновенно добр и правдив. Давыд, похоронивши брата, прежде всего должен был думать о защите своей волости, потому что оставшиеся в Чернигове князья, Ярослав с Игорем, не видя ниоткуда нападения на свою волость, решились сами напасть на волость Смоленскую и пошли с половцами сначала к Друцку, где сидел союзник Ростиславичей, Глеб Рогволодович. Но если один из полоцких князей был за Ростиславичей, то большинство его родичей было против них; мы видели здесь усобицу между тремя племенами или линиями — Борисовичами, Глебовичами и Васильковичами, причем Ростиславичи смоленские деятельно помогали Борисовичам и Васильковичам; но теперь, вероятно, вследствие родственной связи с Ростиславичами северными[349] видим Васильковичей в союзе с черниговскими князьями против Ростиславичей смоленских. У Друцка соединились с Черниговскими полками Всеслав Василькович полоцкий, брат его Брячислав витебский и некоторые другие родичи их с толпами ливов и литвы: так,

вследствие союза полоцких князей с Черниговскими в одном стане очутились половцы вместе с ливами и литвою, варвары черноморские с варварами прибалтийскими. Давыд смоленский со всеми полками приехал к Глебу в Друцк и хотел дать сражение Черниговским до прихода Святослава из Новгорода, но Ярослав с Игорем не смели начать битвы без Святослава, выбрали выгодное положение на берегу Дручи и стояли целую неделю, перестреливаясь с неприятелем через реку, но как скоро явился к ним Святослав, то построили гать на Друче с тем, чтоб перейти реку и ударить на Давыда: тогда последний, в свою очередь, не захотел биться и побежал в Смоленск. Святослав приступил к Друцку, пожег острог, но не стал медлить под городом и, отпустив новгородцев, сам пошел в Рогачев, а из Рогачева Днепром поплыл в Киев, тогда как Игорь с половцами дожидался его против Вышгорода.

Услыхав о приближении Святослава, Рюрик выехал из Киева в Белгород и отправил войско против половцев, которые с Игорем северским расположились станом у Долобского озера; войском начальствовал князь Мстислав Владимирович, при нем находился тысяцкий Рюриков Лазарь с младшею дружиною, Борис Захарыч, любимый воевода Мстислава Храброго, с людьми молодого княжича своего Владимира, которого отец, умирая, отдал ему на руки, и Сдеслав Жирославич — воевода Мстислава Владимировича с трипольскими полками. Половцев было много: они лежали без всякой осторожности, не расставив сторожей, надеясь на силу свою и на Игорев полк. Черные клобуки, не слушаясь приказа русских воевод, бросились на половцев, врезались в их стан, но были отброшены назад и в бегстве смяли дружину Мстиславову, которая также обратилась в бегство, а за нею и сам князь. Но лучшие люди остались: Лазарь, Борис Захарыч и Сдеслав Жирославич; не смутившись нимало, они ударили на половцев и потоптали их; много варваров перетонуло в реке Чарторые, другие были перебиты или захвачены в плен, а князь Игорь сел в лодку и переправился на восточный берег. Но Рюрик воспользовался этою победою только для того, чтоб получить выгодный мир у Святослава, у которого никак не надеялся отнять старшинство; Святославу также не хотелось еще раз выезжать из Киева, и он обрадовался предложению Рюрика, который уступал ему старшинство и Киев, а себе брал всю Русскую землю, т. е. остальные города Киевской волости. Вслед за этим был заключен мир и со Всеволодом суздальским, который возвратил Святославу сына его, Глеба; мир между Мономаховичами и Ольговичами был скреплен двойным родственным союзом: один сын Святослава, Глеб, женился на Рюриковне, другой, Мстислав, — на свояченице Всеволода (1182 г.).

Таким образом, сыну Всеволода Ольговича удалось окончательно утвердить за собою старшинство и Киев, но это старшинство имело значение только на юге; старший в племени Мономаховом не вступал с Святославом в борьбу за Киев, потому что Киев не имел уже для него прежнего значения, какое имел для отца его, Юрия; Всеволод наследовал все могущество того князя, который давал Киев из своих рук кому хотел; как много потерял Киев из своего материального значения после погрома от войск Боголюбского, ясно видно из всех описанных событий: при всех сменах и усобицах князей не слышно об участи киевлян, о сильном полку киевском, который решал судьбу Руси, судьбу князей во время борьбы Юрия Долгорукого с племянником; теперь страдательно подчиняются киевляне всем переменам, ничем не обнаруживают признаков жизни. Как силен был северный князь Всеволод и как слаб был пред ним старший князь Южной Руси, Святослав, доказательством служит следующее происшествие: в 1194 году Святослав созвал братьев своих — родного Ярослава и двоюродных Игоря и Всеволода и начал с ними советоваться, как бы пойти на рязанских князей, с которыми давно уже у Черниговских были ссоры за пограничные волости, но Ольговичи не смели прямо выступить в поход, а послали сперва ко Всеволоду суздальскому просить у него на то позволения; Всеволод не согласился, и Святослав должен был отложить поход. С Ростиславичами Святослав жил мирно, так же как видно из страха пред Всеволодом; в 1190 году грозила было вспыхнуть между ними ссора по причинам, о которых летопись говорит очень неопределенно: у Святослава, по ее словам, была тяжба с Рюриком, Давыдом и Смоленскою землею, поэтому он ездил и за Днепр сговориться с братьями, чтоб как-нибудь не потерять своих выгод, но Рюрик принял также свои меры: он переслался со Всеволодом и с братом Давыдом Смоленским, и все втроем послали сказать Святославу: «Ты, брат, нам крест целовал на Романовом ряду, который был заключен тобою, когда брат наш Роман сидел в Киеве; если стоишь на этом ряду, то ты нам брат, а если хочешь вспомнить давнишние тяжбы, которые были при Ростиславе, то ты договор нарушил, чего мы терпеть не будем; а вот тебе и крестные грамоты назад». Святослав сначала много спорил с послами и отпустил было уже их с отказом, но потом надумался, возвратил их с дороги и целовал крест на всей воле Мономаховичей.

Могущественное влияние Всеволода суздальского обнаружилось даже и в судьбах отдаленного Галича В этом пограничном Русском княжестве в семидесятых годах XII века обнаружилось явление, подобных которому не видим в остальных волостях русских, именно важное значение бояр,

пред которым никнет значение князя. Мы уже раз имели случай заметить своевольный поступок галицкого боярина Константина Серославича, который вопреки воле князя своего Ярослава увел свои полки от Мстислава Изяславича. Этот Константин играет важную роль и в смутах своего княжества. Велико, казалось, в других странах могущество Ярослава Владимировича галицкого — единовластного князя богатой и цветущей волости; вот как описывается это могущество в Слове о полку Игореву: «Ярослав Осмосмысл галицкий! Высоко сидишь ты на своем златокованном столе; ты подпер горы Венгерские своими железными полками, заступил путь королю венгерскому, затворил ворота к Дунаю, отворяешь ворота к Киеву». Но этот могущественный князь окружен был людьми, которые были сильнее его, могли подчинять его волю своей. Ярослав дурно жил с женою своею, Ольгою, сестрою суздальских Юрьевичей, и держал любовницу, какую-то Настасью; в 1173 году Ольга ушла из Галича в Польшу с сыном Владимиром, известным уже нам боярином Константином Серославичем и многими другими боярами. Проживши восемь месяцев в Польше, Владимир с матерью пошел на Волынь, где думал поселиться на время, как на дороге встретил его гонец от бояр из Галича: «Ступай домой, велели они сказать ему: отца твоего мы схватили, приятелей его перебили, и враг твой Настасья в наших руках». Галичане сожгли несчастную на костре, сына ее послали в заточение, а с Ярослава взяли клятву, что будет жить с княгинею как следует. В 1187 году умер Ярослав, князь, по словам летописца, мудрый, красноречивый, богобоязливый, честный во всех землях и славный полками; когда бывала ему от кого обида, то он сам не ходил с полками, а посылал воевод; чувствуя приближение смерти, он созвал бояр, белое духовенство, монахов, нищих и говорил им со слезами: «Отцы, братья и сыновья! Вот я отхожу от этого света суетного и иду к творцу моему, согрешил я больше всех; отцы и братья! простите и отдайте». Три дня плакался он пред всеми людьми и велел раздавать имение свое по монастырям и нищим; три дня раздавали по всему Галичу и не могли всего раздать. Обратясь к боярам, умирающий князь сказал: «Я одною своею худою головою удержал Галицкую землю, а вот теперь приказываю свое место Олегу, меньшому сыну моему, а старшему, Владимиру, даю Перемышль». Этот Олег родился от Настасьи и потому был мил Ярославу, говорит летописец, а Владимир не ходил в его воле: мы видели, что он уезжал от отца вместе с матерью и возвратился вследствие торжества врагов Настасьи; Владимир вместе со всеми боярами должен был присягнуть отцу, что не будет искать под братом Галича. Но можно ли было надеяться на эту клятву, можно ли было думать, что

убийцы Настасьи будут спокойно видеть на старшем столе сына ее? И вот, едва только умер Ярослав, как сильный мятеж встал в Галицкой земле; Владимир и бояре нарушили клятву и выгнали Олега из Галича; тот принужден был бежать в Овруч к Рюрику, а Владимир сел на столе отцовском и дедовском. Но бояре скоро увидали, что ошиблись в своем выборе: Владимир, по словам летописца, любил только пить, а не любил думы думать с своими боярами; отнял у попа жену и стал жить с нею, прижил двоих сыновей; мало того, понравится ему чья-нибудь жена или дочь, брал себе насильно. В то время ближайшим соседом галицкого князя на столе владимиро-волынском сидел Роман Мстиславич, получивший в наследство от отца и деда необыкновенную деятельность, предприимчивость, неутомимость; не любил он отставать от раз предпринятого намерения и не разбирал средств при его выполнении. Роман находился в близком свойстве с Владимиром галицким: дочь его была за старшим сыном последнего [350]. Несмотря на то, узнавши, что бояре галицкие нехорошо живут с своим князем, Роман стал пересылаться с ними, побуждая их выгнать Владимира, на место которого предлагал им себя в князья. Многие бояре охотно согласились на его предложение, собрали полки, утвердились крестным целованием между собою, но не смели явно восстать на Владимира, схватить или убить его, потому что не все бояре были против князя, были между ними и его приятели; заговорщики придумали другое средство освободиться от Владимира, они послали сказать ему: «Князь! Мы не на тебя встали, но не хотим кланяться попадье, хотим ее убить; а ты, где хочешь, там и возьми жену». Они надеялись, что он никак не отпустит попадьи и потому грозились убить ее, чтоб тем скорее прогнать его самого, в чем и не ошиблись: Владимир, опасаясь, чтобы и его любовницу не постигла та же участь, какая постигла Настасью, забрал много золота и серебра, жену, двоих сыновей, дружину и поехал в Венгрию. Мы оставили эту страну под властию короля Гейзы II, зятя и союзника Изяславова; самым опасным врагом Гейзы был знаменитый греческий император Мануил Комнен — последний из великих государей, сидевших на престоле византийском; вмешательство Гейзы в дела Сербии дали Мануилу повод враждебно выступить против венгров с целью распространить пределы империи за их счет; сначала он поддерживал против Гейзы известного уже нам Бориса, сына дочери Мономаховой, а потом, когда Борис пал в битве, стал поддерживать родных братьев Гейзы, Стефана и Владислава, нашедших убежище при дворе византийском. Гейза умер в 1161 году, оставив престол двенадцатилетнему сыну своему Стефану III, малолетство короля дало Мануилу полную возможность к осуществлению своих

честолюбивых планов относительно Венгрии, и немедленно выступил он с большим войском и обоими князьями, Стефаном и Владиславом, к границам этой страны, послав сказать ее вельможам, что по старому обычаю престол должен переходить не к сыну, а к брату умершего короля, и что потому они должны возвести на престол Стефана, брата покойного Гейзы; венгры велели ему отвечать на это, что они не знают ни о каком подобном обычае в своем отечестве, где с незапамятных пор наследует корону старший сын, а не брат умершего короля; они не могут, следовательно, принять к себе в короли герцога Стефана-старшего; не примут его уже и потому, что не хотят иметь королем подручника императорского. Несмотря, однако, на этот смелый ответ, деньги и обещания Мануила произвели свое действие, и многие из вельмож отстали от молодого Стефана, который и принужден был уступить престол дяде своему, не Стефану, впрочем, а младшему Владиславу. Владислав через полгода умер, тогда брату его, Стефану, удалось захватить престол, но ненадолго, ибо когда в Венгрии узнали, что он обещал Мануилу в награду за помощь отдать Сирмию, то почти все перешли на сторону племянника его, который вследствие этого и утвердился окончательно на престоле. Тогда Мануил, видя всеобщее нерасположение венгров к Стефану-дяде, объявил, что признает королем племянника; мало того, не имея сыновей, выдает дочь свою за Белу, младшего брата Стефана III, и назначает его наследником своего престола с тем только условием, чтоб он был воспитан в Константинополе и удержал за собою Сирмию, как полученный от отца удел. Король и вельможи согласились на предложение, и молодой Бела отправился в Константинополь, где получил имя Алексея, был обручен с дочерью императора, провозглашен наследником престола, как вдруг неожиданное обстоятельство переменило совершенно ход дела: у Мануила от второй жены его родился сын. Обрадованный император велел немедленно короновать младенца и отнял у Белы не только надежду на престол, но даже невесту, свою дочь, и обручил его на свояченице. Но в это время умер брат Белы, король венгерский, двадцатичетырехлетний Стефан III, как говорят, отравленный братом (1173 г.); Бела поспешил в Венгрию, но застал там уже три партии: одна хотела иметь его королем; другая, состоящая преимущественно из высшего духовенства, боясь, чтоб воспитанный в Константинополе Бела не стал действовать под влиянием императора и враждовать к католицизму, хотела ждать разрешения от бремени жены Стефана III, третья, наконец, стояла за младшего брата Белы — в челе этой партии находилась старая вдовствующая королева — жена Гейзы II, Евфросинья Мстиславовна, которой хотелось видеть на престоле младшего,

любимого сына Долго боролся Бела III с двумя враждебными партиями, наконец, осилил их.

Более десяти лет Бела спокойно правил Венгриею, как явился к нему галицкий изгнанник Владимир с просьбой о помощи; спокойствие внутри и вне давали Беле полную возможность вмешаться в галицкие дела, и он пошел к Галичу со всеми своими полками. Роман, севший было здесь на столе, не видал средств противиться войскам Белы и, захватив остаток княжеской казны, убежал назад на Волынь, но и Владимир не получил отцовского стола, потому что Бела, устроивши галичанам все их дела, счел полезнее для себя и для них дать им в князья сына своего, Андрея, а Владимира повел опять в Венгрию неволею, отнял у него все имение и посадил в башню [351], он взял также с собою в Венгрию сыновей или братьев лучших бояр, чтоб иметь ручательство в верности последних. Между тем Роман с теми из галицких бояр, которые перезвали его к себе, скитался по разным странам, ища волости. Отъезжая княжить в Галич, он отдал Владимир брату своему, Всеволоду, сказавши ему: «Больше мне не нужно этого города». Теперь, убегая пред венграми из Галича, он приехал было назад во Владимир, но уже не был впущен сюда братом; тогда он поехал в Польшу искать там помощи, а жену свою отправил в Овруч к отцу ее, Рюрику Ростиславичу. Не получивши от польских князей никакой помощи, он и сам отправился к тестю Рюрику вместе с преданными ему галицкими боярами. Приехавши к тестю, он стал проситься у него опять на Галич: «Галичане зовут меня к себе на княжение, — говорил он ему, — отпусти со мной сына своего, Ростислава». Рюрик согласился, и Роман отправил передовой отряд свой, чтоб занять один из пограничных городов, Плеснеск [352], но отряд этот был разбит наголову венграми и галичанами. Роман, услыхав об этом несчастии, отпустил шурина Ростислава домой, а сам опять поехал в Польшу. На этот раз он был здесь счастливее, получил помощь и пошел с нею на брата Всеволода ко Владимиру, но Всеволод в другой раз не пустил его, и Роман опять отправился к тестю; тот дал ему пока волость — Торческ, а между тем послал ко Всеволоду с угрозами, которые подействовали, и Роман получил опять Владимир, а Всеволод отправился в свою прежнюю волость Бельз.

Романа звали опять в Галич, следовательно, были там люди, недовольные венгерским королевичем; с другой стороны, Бела не мог думать, чтобы русские князья спокойно стали смотреть на владычество иноземца в старинной Русской волости, вот почему он спешил обещаниями склонить на свою сторону Святослава киевского. В 1189 году он прислал сказать ему: «Брат! Присылай сына своего ко мне: хочу исполнить свое обещание, в чем тебе крест целовал». Тогда

Святослав тайком от Рюрика отправил к королю сына своего, Глеба, думая, что Бела даст ему Галич [353]. Рюрик, узнавши об этом, послал сказать Святославу [354]: «Ты отправил сына своего к королю, не спросившись со мною, так ты уговор наш нарушил [355]». Начались сильные споры между князьями; однако дело не дошло до ссоры; Святослав послал сказать Рюрику: «Брат и сват! Ведь я сына своего посылал не на тебя поднимать короля, а за своими делами; если хочешь идти на Галич, так я также готов с тобою идти». Особенно помогал прекращению спора митрополит, которому очень не нравилось, что католик владеет Галичем; он говорил и Святославу и Рюрику: «Иноплеменники отняли вашу отчину, надобно б вам потрудиться возвратить ее опять себе». Князья послушались и отправились вместе добывать Галич — Святослав с сыновьями, а Рюрик с братьями, но прежде чем добыли волость, стали рядиться насчет ее и опять поссорились: Святослав отдавал Галич Рюрику, а себе хотел взять всю русскую землю около Киева, но Рюрик не хотел лишиться своей отчины и променять старое, верное, на новое и неверное, а хотел поделиться Галичем с Святославом [356]; на это не соглашался последний, и, таким образом, сваты разошлись по домам, ничего не сделавши.

Потерявши надежду получить помощь от кого-либо из сильных русских князей, недовольные королевичем галичане обратились к потомку своих родных князей — Ростиславичей, Ростиславу Ивановичу, сыну знаменитого Берладника. Ростислав, безземельный князь, подобно отцу, жил в это время у смоленского князя Давыда Ростиславича; получивши приглашение, он отправился немедленно к галицким пределам, захватил два пограничных города и оттуда поехал к самому Галичу. Тамошние бояре не все одинаково ему благоприятствовали: некоторые из них крепко держались за королевича, потому что сыновья их и братья находились у Белы, который в это время прислал на помощь сыну большое войско, боясь враждебных покушений со стороны русских князей. Королевич и венгерские воеводы, услыхавши о приходе Ростислава, вызванного галицкими боярами, собрали последних и начали приводить их к кресту: правые целовали охотно, ничего за собою не зная, а виноватые — по нужде, боясь венгров. Между тем Ростислав с малою дружиною подошел к галицким полкам в надежде, что те по обещанию своему тотчас перейдут на его сторону, как только завидят его полк; и, точно, несколько галицких бояр приехало к нему, но они бросили его, как только увидали, что остальные не трогаются. Тогда дружина сказала Ростиславу: «Видишь, что они тебя обманули; поезжай прочь!» «Нет, братья! — отвечал Ростислав, — вы знаете, на чем они мне целовали крест; если же теперь ищут головы моей, то

бог им судья и тот крест, что мне целовали, а уже мне наскучило скитаться на чужой земле, хочу голову положить на своей отчине». Сказавши это, он бросился в середину галицких и венгерских полков; те обхватили его со всех сторон, сбили с лошади и полумертвого от ран понесли в Галич; в городе встало смятение, жители начали толковать, как бы отнять Ростислава у венгров и провозгласить его своим князем; тогда венгры нашли средство покончить дело: они приложили яду к ранам Ростиславовым, и желание Берладникова сына исполнилось: он лег на отчине подле своих предков.

Удостоверившись при этом случае, что галичане хотят русского князя, венгры начали мстить им насилиями: стали отнимать у них жен и дочерей и брать себе в наложницы, начали ставить лошадей своих в церквах и избах; встужили тогда галичане и сильно раскаялись, что прогнали своего князя Владимира. И вот пронесся слух, что Владимиру удалось убежать из венгерской неволи (1190 г.): на башне ему поставлен был шатер; он изрезал полотно, свил из него веревку и спустился по ней на землю; двое сторожей было подкуплено, они довели его до Немецкой земли, к императору Фридриху Барбароссе, который, узнавши, что Владимир родной племянник по матери князю Всеволоду суздальскому, принял его с любовию и большою честию, и когда Владимир обещал ему давать ежегодно по две тысячи гривен серебра, то Фридрих отправил его при своем после к польскому князю Казимиру с приказом, чтоб тот помог ему получить обратно галицкий стол; Казимир послушался и отправил с Владимиром к Галичу воеводу своего, Николая. Когда галичане узнали о приближении своего *дедича* с польскими войсками, то с радостию вышли к нему навстречу, провозгласили князем своим, а королевича прогнали из земли. Но Владимир не считал себя безопасным от соседних князей, иноземных и русских, до тех пор, пока не приобретет покровительства дяди своего, сильного князя суздальского, и потому послал к нему с следующими словами: «Отец и господин! Удержи Галич подо мною, а я божий и твой со всем Галичем и в твоей воле всегда». Всеволод отправил послов ко всем русским князьям и в Польшу и взял со всех присягу не искать Галича под его племянником. И с тех пор, говорит летописец, Владимир утвердился в Галиче, и никто не поднимался на него войною.

Влияние северного князя на дела Южной Руси еще более обозначилось по смерти Святослава Всеволодовича (1194 г.), оставившего по себе в летописи память мудрого князя. Преемником его в Киеве был Рюрик Ростиславич, которого все на Руси приняли с большою радостию, и киевляне, и христиане, и поганые, потому что, говорит летописец, он всех принимал с любовию, и христиан и поганых, и не отгонял от себя никого. Севши в Киеве, Рюрик послал сказать брату своему

Давыду в Смоленск: «Брат! Мы теперь остались старше всех в Русской земле; приезжай ко мне в Киев, повидаемся и подумаем, погадаем вместе о Русской земле, о братьях, о Владимировом племени и покончим все дела». Но этот князь, считавший себя старшим в Русской земле, получил старшинство по воле другого князя, старейшего и сильнейшего князя Суздальской земли: Всеволод, говорит северный летописец, послал мужей своих в Киев, и те посадили там Рюрика Ростиславича. Давыд смоленский согласился на предложение брата и поплыл к нему вниз по Днепру; в Вышгороде свиделись братья и стали пировать: сперва Рюрик позвал на обед Давыда; князья повеселились, обдарили друг друга и расстались в большой любви; потом позвал Давыда к себе в Белгород племянник его, Ростислав Рюрикович, — здесь было также большое веселье. Давыд отплатил также угощениями и дарами: сперва позвал на обед брата Рюрика и племянников; потом позвал на обед монахов из всех монастырей, роздал им и нищим большую милостыню; наконец, позвал черных клобуков, напоил их всех и одарил богато. Киевляне с своей стороны позвали Давыда на обед и обдарили, и Давыд отблагодарил их веселым пиром. Пируя, братья занимались и делом: покончили все ряды о Русской земле, о братье своей, о Владимировом племени, после чего Давыд отправился назад в Смоленск. Но Ростиславичи скоро увидали, что им не приходилось оканчивать всех рядов своих о Русской земле без ведома князя суздальского; в Киев приехали послы из Владимира и сказали Рюрику от имени своего князя: «Вы назвали меня старшим в своем Владимировом племени; теперь ты сел в Киеве, а мне не дал никакой части в Русской земле, роздал другим, младшей братье; ну если мне в ней нет части, то как ты там себе хочешь: кому дал в ней часть, с тем ее и стереги; посмотрю, как ты ее с ним удержишь, а мне не надобно». По словам владимирских послов выходило, что князь их сердился на Рюрика за то, что он отдал лучшую волость зятю своему, Роману волынскому, именно пять городов: Торческ, Треполь, Корсунь, Богуслав, Канев, лежащих на реке Роси, по границе с степью, в стране, населенной черными клобуками, игравшими такую важную роль в усобицах княжеских. Рюрик начал думать с боярами, как бы уладить дело; ему никак не хотелось брать назад волость у Романа, потому что он поклялся ему не давать ее никому другому; он предлагал Всеволоду другие города, но тот не хотел ничего, кроме Поросья, и грозился начать войну в случае отказа. В таких затруднительных обстоятельствах Рюрик обратился к митрополиту Никифору и рассказал ему все дело, как он целовал крест Роману не отнимать у него Поросья, как не хочет нарушить клятвы, и из-за этого начинается у него война со Всеволодом. Митрополит отвечал: «Князь! Мы приставле-

ны от бога в Русской земле удерживать вас от кровопролития; если станет проливаться христианская кровь в Русской земле из-за того, что ты дал волость младшему, обойдя старшего, и крест целовал, то я снимаю с тебя крестное целование и беру его на себя, а ты послушайся меня: возьми волость у зятя и отдай ее старшему, а Роману дай вместо нее другую». Рюрик послал сказать Роману: «Всеволод просит под тобою волости и жалуется на меня из-за тебя». Роман отвечал: «Батюшка! Нечего тебе из-за меня начинать ссору с сватом: ты мне можешь или другую волость дать вместо прежней, или заплатить за нее деньгами». Рюрик, подумав с братьею и боярами, послал сказать Всеволоду: «Ты жаловался на меня, брат, за волость; так вот тебе та самая, которую просил». Нельзя думать, чтоб одно только наследственное нерасположение Всеволода к Изяславовым потомкам заставляло его требовать именно той волости, которая была отдана Роману: Юрий мог ненавидеть деда Романова Изяслава, потому что тот отнимал у него старшинство; Андрей Боголюбский мог не любить отца Романова, Мстислава, потому что и этот не признавал его старшинства, хотел сидеть в Киеве старшим и независимым князем, но Всеволоду не за что было сердиться на Романа, который не предъявлял никаких притязаний: Всеволод был признан ото всех и старшим и сильнейшим князем. Он мог желать волости для приобретения большей материальной силы на Руси, но почему же он требовал именно Поросья? Он мог придавать большое значение этой пограничной волости и поселенным в ней черным клобукам, но после он не обратил большого внимания, когда Рюрик отобрал ее у него назад. Всеволод мог не желать усиления Романа, обнаружившего уже в галицких событиях предприимчивость и честолюбие, но все равно Рюрик дал бы ему другую волость, равнозначительную, или деньги, на которые можно было нанять половцев и переманить черных клобуков. Наконец, Всеволод мог оскорбляться, что Рюрик, распоряжаясь волостями, не сделал ему чести, обошел волостию, но такое притязание было странно в положении Всеволода; он был признан старшим, Киев принадлежал ему, он мог приехать в этот город и распоряжаться всеми окружными волостями, но он, по примеру брата, пренебрег Киевом, отдал его младшему, а теперь оскорбляется, что этот младший не наделил его волостью![357] Если все эти расчеты и могли в какой-нибудь мере иметь влияние на поведение Всеволода, то главным, однако, побуждением его мы должны принять желание поссорить южных Мономаховичей, тесный дружественный союз которых необходимо уменьшал влияние северного князя на юге. Получив от Рюрика требуемую волость, Всеволод немедленно отдал лучший город Торческ сыну его, а своему зятю, Ростиславу, а в остальные четыре города послал своих

посадников. Расчет был верен, ибо когда Роман узнал, что Торческ взят у него и через руки Всеволода передан Рюрикову же сыну, то начал посылать к тестю с жалобами, будучи уверен, что тот сговорился нарочно со Всеволодом и отнял у него волость для того только, чтоб передать ее своему сыну. Рюрик послал отвечать ему на его жалобы: «Я прежде всех дал тебе эту волость, как вдруг Всеволод наслал на меня с жалобами, что чести на него не положили прежде всех; ведь я тебе объявлял все его речи, и ты добровольно отступился от волости; сам знаешь, что нам нельзя было не сделать по его, нам без него нельзя быть: вся братья положила на нем старшинство во Владимировом племени; а ты мне сын свой, вот тебе и волость, такая же, как та». Но Романа нельзя уже было успокоить и уверить, что тут не было никакого злого умысла против него; он начал советоваться с своими боярами, как бы отомстить за обиду, и придумали послать в Чернигов, к Ярославу Всеволодовичу, уступить ему старшинство и звать в Киев на Рюрика; Ярослав обрадовался случаю и принял предложение. Тогда Рюрик послал объявить Всеволоду о замыслах Романа и Ольговичей: «Ты, брат, во Владимировом племени старше всех нас, — велел он сказать ему, — так думай, гадай о Русской земле, о своей части и о нашей», а к зятю Роману послал бояр своих обличить его и бросить пред ним крестные грамоты. Роман испугался, увидев, что тесть узнал о его сношениях с Ольговичами, и, не будучи приготовлен так скоро начать войну, отправился в Польшу за помощью.

Мы оставили польские события после изгнания Владислава II, когда старшинство принял брат его Болеслав IV Кудрявый (1142 г.). Изгнанник Владислав после неудачных попыток получить опять старшинство умер в Германии, но три сына его — Болеслав, Мечислав и Конрад, — вероятно, по настоянию императора возвратились в отечество и получили Силезию. По смерти Болеслава IV Кудрявого старшинство перешло к брату его, третьему Болеславичу, Мечиславу III, но Мечислав скоро возбудил против себя негодование вельмож, которые, изгнав его, провозгласили великим князем последнего из Болеславичей, Казимира Справедливого (четвертый Болеславич, Генрих, умер прежде). Мы видели участие, какое принимал Казимир и знаменитый палатин его, Николай, при восстановлении Владимира Ярославича на столе галицком. По смерти Казимира (1194 г.) рождался вопрос: кому должно достаться старшинство, потому что жив еще один из Болеславичей, прежде лишенный старшинства, Мечислав Старый. Мечиславу нельзя было надеяться вторично занять краковский стол: прежнее нерасположение к нему было еще живо в вельможах, которым, сверх того, было гораздо выгоднее иметь князем несовершеннолетнего племянника, чем

старого дядю, и вот прелаты и вельможи, собранные в Кракове, решили передать старший стол Лешку, малолетнему сыну Казимира Справедливого. Но Мечислав не думал отказываться от своих прав и стал готовиться к войне с племянниками. В это самое время явился к последним в Краков Роман волынский с просьбой о помощи против тестя Рюрика; он имел право надеяться на помощь, потому что вдова Казимирова, Елена, была ему родная племянница от брата Всеволода Мстиславича бельзского. Казимировичи отвечали Роману: «Мы бы рады были тебе помочь, но обижает нас дядя Межко (Мечислав), ищет под нами волости; прежде помоги ты нам, а когда будем все мы поляки за одним щитом, то пойдем мстить за твои обиды». Роман послушался и поехал на Межка с Казимировичами; тот не хотел биться с Романом, но прислал к нему с просьбою быть посредником в споре между ним и племянниками. Роман не послушался ни его, ни бояр своих и вступил в битву, в которой потерпел сильное поражение, и раненный убежал в Краков к Казимировичам, откуда дружина принесла его во Владимир Волынский. Видя над собою такую беду, он отправил посла к тестю Рюрику с поклонами и мольбою, чтоб простил его, послал просить и митрополита Никифора, чтоб тот ходатайствовал за него пред Рюриком. Митрополит исполнил просьбу, и Рюрик, послушавшись его, созвал бояр и сказал им: «Если Роман просит и раскаивается в своей вине, то я его приму, приведу ко кресту и волость дам; если он устоит в крестном целовании, будет вправду иметь меня отцом и добра моего хотеть, то я буду иметь его сыном, как прежде имел и добра ему хотел». И, действительно, Рюрик послал сказать Роману, что перестал на него сердиться, привел его к кресту на всей своей воле и дал ему волость [358].

Роман был смирён, но нельзя было забыть, что он предлагал старшинство и Киев Ярославу черниговскому и тот принял предложение; вот почему Рюрик, переславшись с сватом Всеволодом и братом Давыдом, послал сказать Ярославу и всем Ольговичам от имени всех Мономаховичей: «Целуй нам крест со всею своею братьею, что не искать вам нашей отчины, Киева и Смоленска, под нами и под нашими детьми и под всем нашим Владимировым племенем: дед наш Ярослав разделил нас по Днепр, потому и Киева вам ненадобно» [359]. Ольговичи обиделись таким предложением и послали сказать Всеволоду: «У нас был уговор не искать Киева под тобою [360] и под сватом твоим, Рюриком, мы и стоим в этом договоре, но если ты приказываешь нам отказаться от Киева навсегда, то мы не венгры и не ляхи, а внуки одного деда: при вашей жизни мы не ищем Киева, но после вас кому бог его даст». И были между ними распри многие и речи крупные и не уладились, говорит летописец [361]. Всеволод хотел

тою же зимою идти на Чернигов, Ольговичи испугались и послали к нему игумена с поклоном и обещанием исполнить его волю; тот поверил им и сошел с коня. В то же время черниговские послы явились и к Рюрику с следующими словами от своих князей: «Брат! У нас с тобою не было никогда ссоры, мы этой зимой еще не успели заключить окончательного договора ни со Всеволодом, ни с тобою, ни с братом твоим, Давыдом, а так как ты ближе всех к нам, то целуй крест не начинать с нами войны до тех пор, пока мы кончим переговоры со Всеволодом и Давыдом». Рюрик, посоветовавшись с боярами, принял предложение Ярослава, отправил в Чернигов своего посла и взялся хлопотать о том, чтоб помирить с Ольговичами Всеволода и Давыда; при этом Рюрик обещал Ярославу уступить ему Витебск и отправил в Смоленск посла объявить об этой уступке брату своему, Давыду, после чего, надеясь на мир, распустил по домам дружину, братьев, сыновей, половцев, богато одаривши их, а сам отправился в Овруч по своим делам. Но Ярослав, не дождавшись окончания переговоров о Витебске, послал племянника своего, Олега Святославича, захватить этот город, где сидел один из полоцких князей, зять Давыда смоленского. Последний, ничего еще не зная о сделке Рюрика с Ярославом и слыша, что отряд Ольговичей, не доехавши до Витебска, стал пустошить Смоленскую область, выслал против него войско под начальством племянника своего Мстислава Романовича. Мстислав ударил на Олега, потоптал его стяги, изрубил его сына. Но в то время как Мстислав получил успех на одной стороне, смоленский тысяцкий Михалко потерпел поражение от полочан — союзников черниговского князя; Мстислав, возвращаясь с преследования побежденного Олега, встретил победителей полочан; думая, что это свои, спокойно въехал в ряды их и был взят в плен; тогда обрадованный Олег Святославич послал весть к дяде в Чернигов, приписывая себе весь успех дела: «Мстислава я взял в плен и полк его победил и Давыдов полк смоленский, а пленные смольняне сказывают мне, что братья их не в ладу живут с Давыдом; такого, батюшка, удобного времени уже больше не будет; собравши братью, поезжай поскорее, возьмем честь свою». Ярослав и все Ольговичи обрадовались, помчались к Смоленску, но перехвачены были на дороге послом Рюриковым, который сказал Ярославу от своего князя: «Если ты, обрадовавшись случаю, поехал убить моего брата, то нарушил наш договор и крестное целование, и вот тебе твои крестные грамоты; ступай к Смоленску, а я пойду к Чернигову, и как нас бог рассудит да крест честный». Ярослав испугался, возвратился в Чернигов и отправил своего посла к Рюрику, оправдывая себя, обвиняя Давыда, зачем помогает зятю своему. Рюрик отвечал ему на это: «Я тебе Витебск уступил и посла отправил к брату Да-

выду, давая ему знать об этой уступке; ты, не дождавшись конца делу, послал своих племянников к Витебску, а они, идучи, стали воевать Смоленскую волость: Давыд и послал на них племянника своего Мстислава». Долго спорили и не могли уладиться [362].

В 1196 году Рюрик послал сказать свату своему Всеволоду суздальскому: «Мы уговорились садиться всем на коней с рождества Христова и съехаться в Чернигове: я и собрался с братьею, дружиною, с дикими половцами и сидел наготове, дожидаясь от тебя вести, но ты той зимой не сел на коня, поверил Ольговичам, что станут на всей нашей воле; я, услыхав, что ты на коня не садишься, распустил братью, диких половцев и поцеловал с черниговским Ярославом крест, что не воевать до тех пор, пока или уладимся все, или не уладимся, а теперь, брат, и твой и мой сын Мстислав сидят в плену у Ольговичей: так не мешкая, сел бы ты на коня, и, съехавшись все, помстили бы мы за свою обиду и срам, а племянника своего выстояли и правду свою нашли». Долго не было вести от Всеволода; наконец, он прислал сказать Рюрику: «Ты начинай, а я буду готов». Рюрик собрал братью свою, диких половцев и стал воевать с Ольговичами, тогда Ярослав прислал сказать ему: «Зачем, брат, стал ты воевать мою волость и поганым руки наполнять? Из-за чего нам с тобою ссориться: разве я ищу под тобою Киева? А что Давыд послал на моих племянников Мстислава, а бог нас там рассудил, то я выдаю тебе Мстислава без выкупа, по любви. Целуй со мною крест да и с Давыдом меня помири, а Всеволод захочет с нами уладиться — уладимся, а тебе с братом Давыдом нет до того дела». Рюрик отвечал ему: «Если вправду хочешь мира, то дай мне путь через твою волость: я отправлю посла и ко Всеволоду и к Давыду и, согласившись все, уладимся с тобою». Рюрик, по словам летописца, точно, хотел отправить посла для того только, чтоб устроить общий мир, но Ярослав не верил Рюриковым речам: он думал, что Мономаховичи хотят сговориться на него и потому не пускал Рюриковых послов через свою волость; Ольговичи заняли все пути, и целое лето до самой осени продолжалась война набегами. Осенью Ольговичи приобрели себе союзника: Роман волынский, принужденный в беде прибегнуть к милости тестя, теперь оправился и хотел воспользоваться случаем, чтоб отомстить за прежнее унижение; он послал отряд своих людей в пограничный город Полонный и велел им оттуда опустошать Киевскую волость набегами. Услыхав об этом новом враге [363], Рюрик обратился к князю, которого мог считать естественным союзником своим по вражде к Роману, именно к Владимиру Ярославичу, князю галицкому, и послал к нему племянника своего, Мстислава Мстиславича, сына знаменитого Мстислава Ростиславича, соперника Андреева. Мстислав должен был

сказать Владимиру от имени Рюрика: «Зять мой нарушил договор и воевал мою волость, так ты, брат, с племянником моим из Галича воюйте его волость; я и сам хотел идти ко Владимиру (Волынскому), да пришла мне весть, что сват мой Всеволод сел на коня, соединился с братом моим Давыдом и вместе жгут волость Ольговичей, города вятичей взяли и пожгли: так я сижу наготове, дожидаясь вести верной». Владимир поехал с Мстиславом, повоевал и пожег волость Романову, а с другой стороны, повоевал и пожег ее Ростислав Рюрикович с Владимировичами (сыновьями Владимира Мстиславича) и с черными клобуками, набрали много рабов и скота.

Весть, полученная Рюриком о движении Всеволода и Давыда, была справедлива: они действительно вступили в землю Ольговичей и пожгли ее. Услыхав об этом, Ярослав собрал братью, посадил двоих Святославичей, Олега и Глеба, в Чернигове, укрепил остальные города, боясь Рюрикова прихода, а сам с остальными родичами и половцами отправился против Всеволода и Давыда; он стал под своими лесами, огородился засеками, на реках велел мосты разобрать и, приготовившись таким образом, послал сказать Всеволоду: «Брат и сват! Отчину нашу и хлеб наш ты взял; если хочешь мириться с нами и жить в любви, то мы любви не бегаем и на всей воле твоей станем, а если ты замыслил что другое и от того не бегаем, как нас бог рассудит с вами и св. спас». Всеволод был не охотник до решительных битв — этих судов божиих, по понятиям южных князей; притом же Ольговичи обещали без битвы стать на всей его воле; он начал думать с Давыдом, рязанскими князьями, боярами, на каких бы условиях помириться с Ольговичами? Давыд никак не хотел мира, но требовал непременно, чтоб Всеволод шел к Чернигову, он говорил ему: «Ты уговорился с братом Рюриком и со мною сойтись всем в Чернигове и там мириться на всей нашей воле, а теперь ты не дал знать Рюрику о своем приходе; он воюет с ними, волость свою пожег для тебя, а мы без его совета и ведома хотим мириться; как хочешь, брат, а я только тебе то скажу, что такой мир не понравится брату моему». Но Всеволоду не понравились речи Давыдовы и рязанских князей; он начал переговоры с Ольговичами, требуя у них, во-первых, отречения от Киева и Смоленска, во-вторых, освобождения Мстислава Романовича, в-третьих, изгнания давнего врага своего, Ярополка Ростиславича, который жил тогда в Чернигове, в-четвертых, прекращения связи с Романом волынским. Ярослав соглашался на три первые требования, но не хотел отступать от Романа, который оказал ему такую важную услугу, нападши на тестя и отвлекши его от похода на Чернигов. Всеволод не настаивал и тем подтвердил подозрение, что хотел продолжения беспокойств на юге, не хотел оконча-

тельного усиления здесь Ростиславичей Помирившись с Ярославом, он послал сказать Рюрику: «Я помирился с Ярославом, он целовал крест, что не будет искать Киева под тобою, а Смоленска — под братом твоим». Рюрик сильно рассердился и послал ему такой ответ: «Сват! Ты клялся, что кто мне враг, тот и тебе враг; просил ты у меня части в Русской земле, и я дал тебе волость лучшую, не от изобилья, но отнявши у братьи своей и у зятя своего Романа; Роман после этого стал моим врагом не из-за кого другого, как только из-за тебя, ты обещал сесть на коня и помочь мне, но перевел все лето и зиму, а теперь и сел на коня, но как помог? Сам помирился, заключил договор, какой хотел, а мое дело с Романом оставил на волю Ярославову: Ярослав будет нас с ним рядить? А из-за кого же все дело-то стало? Для чего я тебя и на коня-то посадил? От Ольговичей мне какая обида была? Они подо мною Киев не искали; для твоего добра я был с ними недобр и воевал, и волость свою пожег; ничего ты не исполнил, о чем уговаривался, на чем мне крест целовал». В сердцах Рюрик отнял у Всеволода все города, которые прежде дал, и роздал опять своей братье. Всеволод, по-видимому, оставил это без внимания, но уже, разумеется, не мог после этого желать добра Рюрику. На западном берегу Днепра Всеволод потерял волость, но на восточном продолжал держать в своем племени Переяславль Южный, или Русский, — здесь по смерти Владимира Глебовича сидел другой племянник Всеволодов, Ярослав Мстиславич, ходивший совершенно по воле дяди; доказательством служит то, что Переяславль даже и в церковном отношении зависел от Всеволода: в 1197 году он послал туда епископа. В следующем, 1198 году умер Ярослав Мстиславич, и на его место Всеволод отправил в Переяславль сына своего, Ярослава (1201); Всеволод послал также (1194 г.) возобновить отцовский Городок на Остре, разрушенный еще Изяславом Мстиславичем.

Недаром Рюрик так беспокоился насчет отношений своих к волынскому князю: скоро (1198) могущество последнего удвоилось, потому что по смерти Владимира Ярославича ему удалось опять с помощью поляков сесть на столе галицком и на этот раз уже утвердиться здесь окончательно Летопись ничего не говорит, почему через три года после этого (1201) Рюрик собрался идти на Романа. Очень естественно, что киевскому князю не нравилось утверждение Романа в Галиче, но почему же он так долго медлил походом на зятя [364]? Под 1197 годом летопись говорит о смерти брата Романова, Давыда смоленского, который по обычаю передал стол свой племяннику от старшего брата, Мстиславу Романовичу, а своего сына Константина отослал старшему брату Рюрику на руки. В 1198 г. умер Ярослав черниговский, и его стол по тому же обычаю занял двоюродный брат его Игорь Свято-

славич северский, знаменитый герой Слова о Полку, но скоро и он умер (1202), оставя черниговский стол старшему племяннику Всеволоду Святославичу Чермному, внуку Всеволода Ольговича. Все эти перемены и особенно, как видно, неуверенность в Ольговичах, могли мешать Рюрику вооружиться на Романа, но в 1202 году он успел уговорить Всеволода Чермного черниговского действовать с ним заодно против галицко-волынского князя; Ольговичи явились в Киев, как союзники тамошнего князя, Мономаховича, чего давно уже не бывало, но Роман предупредил врагов, собрал полки галицкие и владимирские и въехал в Русскую землю; произошло любопытное явление, напомнившее время борьбы деда Романова, Изяслава, с дядею Юрием: или Рюрик не умел приобресть народного расположения, или жива была память и привязанность к деду и отцу Романову, или, наконец, Роман успел переманить черных клобуков на свою сторону обещаниями, или, наконец, все эти причины действовали вместе — Русь (Киевская область) поднялась против Рюрика, все бросилось к Роману: первые отъехали к нему от Рюрика сыновья Владимира Мстиславича, как видно, безземельные, подобно отцу[365], за ними приехали все черные клобуки, наконец, явились отряды из жителей всех киевских городов; Роман, видя это всеобщее движение в свою пользу[366], со всеми полками спешил к Киеву; киевляне отворили ему Подольские ворота, и он занял Подол, тогда как Рюрик с Ольговичами стояли в верхней части города (на горе); видя все против себя, они, разумеется, не могли более держаться в Киеве и вступили в переговоры с Романом: Рюрик отказался от Киева и поехал в Овруч, Ольговичи отправились за Днепр в Чернигов, а Киев отдан был великим князем Всеволодом и Романом двоюродному брату последнего Ингварю Ярославичу луцкому. Явление замечательное, бывшее необходимым следствием преобладания сильнейшего северного князя и вместе старшего в роде, который перестал жить в Киеве: Всеволод, враждуя с Рюриком, не хочет поддерживать его против Романа и, по уговору с последним, отдает Киев младшему из Мстиславичей, не имевшему никакого права даже пред Романом, не только пред Рюриком. Сам Роман не мог сесть в Киеве: очень вероятно, что и Всеволод не хотел позволить этого, не хотел допустить соединения Киевской, Владимиро-Волынской и Галицкой волостей в руках одного князя и особенно в руках такого князя, каков был Роман; а с другой стороны, и сам Роман не искал чести сидеть в Киеве: его присутствие было необходимо в новоприобретенном Галиче.

Но Рюрик не хотел спокойно перенесть своего изгнания и видеть в Киеве племянника: в следующем (1203) году он опять соединился с Ольговичами, нанял множество половцев и взял с ними Киев. Как видно, союзники, не имея чем запла-

тить варварам, обещали отдать им Киев на разграбление; Рюрику нечего было жалеть киевлян, которые отворили ворота Роману: и вот половцы, рассыпались по городу, пожгли не только Подол, но и Гору, ограбили Софийский собор, Десятинную церковь и все монастыри[367], монахов и монахинь, священников и жен их, старых и увечных перебили, а молодых и здоровых повели в плен, также и остальных киевлян; пощадили только иностранных купцов, спрятавшихся по церквам, — у них взяли половину имения и выпустили на свободу. После этого страшного опустошения Рюрик не хотел сесть в Киеве: или не хотел он княжить в пожженном, ограбленном и пустом городе, ждал времени, пока он оправится, или боялся опять прихода Романова; как бы то ни было, он уехал назад в Овруч, где скоро был осажден Романом, пришедшим, по выражению летописца, отвести его от Ольговичей и от половцев; Рюрик принужден был целовать крест великому князю Всеволоду и *детям его,* т. е. отказался от старшинства в роде и по смерти Всеволода, обещался снова быть в воле великого князя суздальского и детей его, после чего Роман сказал ему: «Ты уже крест целовал, так отправь посла к свату своему, а я пошлю своего боярина к отцу и господину великому князю Всеволоду: и ты проси, и я буду просить, чтоб дал тебе опять Киев». Всеволод согласился, и Рюрик опять стал княжить в Киеве; Всеволод помирился и с Ольговичами, также по просьбе Романа.

Из всех этих известий видно, что Роман действительно хотел мира на Руси, вероятно, для того, чтоб свободнее управляться в Галиче и действовать против врагов внешних, но его желание не исполнилось. Возвратившись в 1203 году из похода против половцев, князья Роман и Рюрик с сыновьями остановились в Треполе и начали толковать о распределении волостей, подняли спор и дело кончилось тем, что Роман схватил Рюрика, отослал в Киев и там велел постричь в монахи вместе с женою и дочерью, своею женою, с которою развелся, а сыновей Рюриковых, Ростислава и Владимира, взял с собою в Галич; кого оставил в Киеве, дошедшие до нас летописи не говорят[368]. Но Всеволод суздальский не мог смотреть на это спокойно: он отправил послов своих к Роману, и тот принужден был отпустить сыновей Рюриковых, и старшему из них, Ростиславу, зятю Всеволодову, отдать Киев. Рюрик, однако, недолго оставался в монастыре. Мы видели тесную связь Романа с князьями польскими — Казимиром Справедливым и сыновьями его, видели, как он помогал последним в борьбе с дядею их Мечиславом и как они в свою очередь помогли ему овладеть Галичем по смерти Владимира Ярославича. Несмотря на неудачу Романа в битве с Мечиславом, последнему не удалось овладеть старшинством и Краковым, но, не успевши достигнуть своей цели оружием, он

прибегнул к переговорам, убеждениям и успел, наконец, склонить вдову Казимира и сына ее Лешка к уступке ему старшинства: им показалось выгоднее отказаться на время от Кракова и потом получить его по праву родового княжеского преемства, чем владеть им по милости вельмож и в зависимости от последних. Вторично получил Мечислав старшинство и Краков и вторично был изгнан; вторично успел обольстить вдову Казимирову и ее сына обещаниями, в третий раз занял Краков и удержался в нем до самой смерти, последовавшей в 1202 году. Смертию Мечислава Старого пресеклось первое поколение Болеславичей Краковские вельможи опять мимо старших двоюродных братьев отправили послов к Лешку Казимировичу звать его на старший стол, но с условием, чтоб он отдалил от себя сендомирского палатина Говорека, имевшего на него сильное влияние; краковские вельможи, следовательно, хотели отвратить от себя ту невыгоду, которую терпели русские бояре от княжеских перемещений из одной волости в другую, причем новые бояре *заезжали* старых; здесь же видим и начало условий, предлагаемых польскими вельможами князьям их, но легко понять, что при таковом значении вельмож родовые счеты княжеские не могли продолжаться в Польше. Лешко, который прежде уступил старшинство дяде для того, чтоб избавиться зависимости от вельмож (особенно самого могущественного из них, известного уже нам палатина краковского Николая), и теперь не хотел для Кракова согласиться на условие, предложенное вельможами: он отвечал послам, что пусть вельможи выбирают себе другого князя, который способен будет согласиться на их условия. Тогда вельможи обратились к князю, имевшему более права на старшинство, чем Лешко, именно к Владиславу Ласконогому, сыну Мечиславову и провозгласили его великим князем, но Владислав скоро вооружил против себя прелатов, которые вместе с вельможами изгнали его из Кракова и перезвали на его место опять Лешка Казимировича, на этот раз, как видно, без условий, вероятно потому, что палатина Николая не было более в живых. Обязанный старшинством преимущественно старанию прелатов и, вероятно, желая найти в духовенстве опору против влияния вельмож, Лешко немедленно после занятия краковского стола предал себя и свои земли в покровительство св. Петра, обязавшись платить в Рим ежегодную подать. Духовенство поспешило отблагодарить своего доброжелателя: уже давно оно смотрело враждебно на родовые отношения и счеты между князьями; уже по смерти Казимира Справедливого епископ краковский Фулкон защищал порядок преемства от отца к сыну против родового старшинства и успел утвердить Краков за сыном Казимировым; теперь же, когда Лешко отдал себе и потомство свое в покровительство св. Петра, церковь римская тор-

жественно утвердила его наследственным князем Кракова с правом передать этот стол после себя старшему сыну своему. Так родовые отношения княжеские встретили в Польше два могущественные начала — власть вельмож и власть духовенства, пред которыми и должны были поникнуть.

Роман волынский, постоянный союзник Лешка, продолжал враждовать и с Мечиславом и с сыном его, Владиславом Ласконогим, но когда Лешко утвердился в Кракове, то Роман потребовал от него волости в награду за прежнюю дружбу; Лешко не согласился; притом же, по словам летописца, Владислав Ласконогий много содействовал ссоре Лешка с Романом [369], вследствие чего галицкий князь осадил Люблин; потом, услыхав, что Лешко с братом Кондратом идут против него, оставил осаду и двинулся к ним навстречу; перейдя Вислу, он расположился станом под городом Завихвостом, куда прибыли к нему послы от Лешка и завязали переговоры; положено было прекратить военные действия до окончания последних, и Роман, понадеявшись на это, с малою дружиною отъехал от стана на охоту, но тут в засаде ждал его польский отряд, и Роман после мужественного сопротивления лег на месте с дружиною (1205 г.). Так погиб знаменитый внук Изяслава Мстиславича; предприимчивостию, отвагою будучи похож на отца и деда, получивши чрез приобретение Галича и большие материальные средства, находясь в беспрестанных сношениях с пограничными иностранными государствами, где в это время родовые отношения княжеские сменились государственными, Роман, необходимо подчиняясь влиянию того порядка вещей, который господствовал в ближайших западных странах, мог, по-видимому, явиться проводником этих новых понятий для Южной Руси [370], содействовать в ней смене родовых княжеских отношений государственными; он мог, подобно отцу и деду, вступить в борьбу с северными князьями, в борьбу, которая, однако, должна была носить уже новый характер, если б и Роман стал стремиться к самовластию на юге, точно так же, как стремились к нему Юрьевичи на севере. Но это сходство положения Романа с положением северных князей есть сходство обманчивое, потому что почва Юго-Западной Руси, преимущественно почва Галицкого княжества, вовсе не заключала в себе тех условий крепкого государственного быта, которые существовали на севере и которыми воспользовались тамошние князья для собрания Русской земли, для утверждения в ней единства и наряда. Мы видели, какою силою пользовались бояре в Галиче, силою, пред которою никло значение князя; легко понять, что князь с таким характером, как Роман, скоро должен был враждебно столкнуться с этою силою: «Не передавивши пчел, меду не есть», — говорил он, и вот лучшие бояре погибли от него, как говорит, в страшных муках,

другие — разбежались; Роман возвратил их обещанием всяких милостей, но скоро под разными предлогами поверг их той же участи [371]. Оставя по себе такую кровавую память в Галиче, в остальной Руси, Роман слыл грозным бичом окрестных варваров — половцев, литвы, ятвягов, добрым подвижником за Русскую землю, достойным наследником прадеда своего, Мономаха: «он стремился на поганых, как лев, — говорит народное поэтическое предание, — сердит был, как рысь, губил их, как крокодил, перелетал земли их, как орел, и храбр он был, как тур, ревновал деду своему, Мономаху». Мы видели, что одною из главных сторон деятельности князей наших было построение городов, население пустынных пространств: Роман заставлял побежденных литовцев расчищать леса под пашню, но тщетно казалось для современников старание Романа отучить дикарей от грабежа, приучить к мирным, земледельческим занятиям, и вот осталась поговорка: «Роман! Роман! худым живешь, литвою орешь» [372].

Как видно, Роман не успел передавить всех пчел, и дети его долго не могли спокойно есть меда. У него от второго брака осталось двое сыновей: Даниил, четырех лет, и Василько — двух. Но кроме бояр галицких Роман оставил других врагов своим детям: Рюрик, как только узнал о смерти Романа, так тотчас же скинул монашескую рясу и объявил себя князем киевским вместо сына; он хотел было расстричь и жену, но та не согласилась и постриглась в схиму. Ольговичи также поднялись, явились с полками у Днепра; Рюрик вышел к ним навстречу и уговорились всем вместе идти на Галич, отнимать наследство у сыновей Романовых. На реке Серете [373] встретили союзники галицкое и владимиро-волынское войско, бились с ним целый день и принудили отступить к Галичу, но они не могли ничего сделать этому городу и возвратились домой безо всякого успеха. Причиною неудачи было то, что в Галиче находился сильный венгерский гарнизон, из страха перед которым галичане не смели передаться неприятелям Романовичей. В Венгрии в это время королем был сын Белы III, Андрей II, который некоторое время княжил в Галиче; Андрей по смерти отца вел постоянную борьбу с старшим братом своим, королем Емерихом и потом с сыном последнего, малолетним Владиславом III до тех пор, пока последний не умер и не очистил для него престола. Как видно из летописи, Андрей во время этой борьбы не только не предъявлял своих притязаний на Галич, но даже находился в тесном союзе с Романом: они поклялись друг другу, что кто из них переживет другого, тот будет заботиться о семействе последнего. Андрей вступил на королевский престол в год смерти Романовой и должен был исполнить свою обязанность относительно семейства последнего; в Саноке он имел свидание со вдовствующей княгиней галицкой, принял

Даниила, как милого сына, по выражению летописца, и послал пятерых вельмож с сильным войском, которое и спасло Галич от Рюрика и его союзников.

Но опасности и беды для сыновей Романовых только еще начинались. В следующем 1206 году все Ольговичи собрались в Чернигов на сейм — Всеволод Святославич Чермный с своею братьею, и Владимир Игоревич северский со своею братьею; к ним пришел смоленский князь Мстислав Романович с племянниками, пришло множество половцев, и все двинулись за Днепр; в Киеве соединился с ними Рюрик с двумя сыновьями, Ростиславом и Владимиром, и племянниками, берендеи и пошли к Галичу, а с другой стороны шел туда же Лешко польский. Галицкая княгиня с приверженными к ней людьми, слыша новую сильную рать, идущую со всех сторон, испугалась и послала просить помощи у венгерского короля; Андрей поднялся сам со всеми своими полками. Но вдова Романова с детьми не могла дожидаться прихода королевского: около них встал сильный мятеж, который принудил их бежать в старинную отцовскую волость Романову — Владимир-Волынский. Галичане остались без князя, а между тем король перешел Карпаты, с двух других сторон приближались русские князья и поляки, но те и другие остановились, услыхав о приходе королевском; Андрей также остановился, боясь столкнуться вдруг с двумя неприятельскими войсками. Внутренние смуты, возбуждаемые поведением королевы Гертруды и братьев ее, отзывали Андрея домой: он спешил вступить в мирные переговоры с Лешком польским, уговорился с галичанами, чтоб они приняли к себе в князья Ярослава, князя переяславского, сына великого князя Всеволода суздальского и отправился назад в Венгрию. Русские князья прежде еще двинулись назад, но галичане, ожидая две недели приезда Ярославова и боясь, чтоб Ольговичи, узнав об отступлении короля, не возвратились к их городу, решились послать тайно к Владимиру Игоревичу северскому звать его к себе в князья: этому решению их много содействовали два боярина, которые, будучи изгнаны Романом, проживали в Северской области, а теперь возвратились и расхваливали Игоревичей. Владимир Игоревич с братом Романом, получив приглашение, в ночь украдкою от остальных князей поскакали в Галич, Владимир сел здесь, а Роман — в Звенигороде: Ярослав Всеволодович также был на дороге в Галич, но опоздал тремя днями и, узнав, что Игоревич уже принят галичанами, возвратился назад в Переяславль.

Но ни Игоревичи, ни галицкие бояре, затеявшие мятеж против сыновей Романовых, не хотели успокоиться до тех пор, пока последние были живы и на свободе в своей отчине — Владимире-Волынском: сюда явился священник, посол от галицкого князя и объявил гражданам от имени

последнего: «Не останется в вашем городе камня на камне, если не выдадите мне Романовичей и не примите к себе княжить брата моего, Святослава». Рассерженные владимирцы хотели было убить священника, но трое каких-то людей уговорили их, что не годится убивать посла. Эти трое людей[374] действовали, впрочем, не из уважения к званию посла, а потому что благоприятствовали галицкому князю. Когда на другой день княгиня узнала, что приезжал посол из Галича и что во Владимире есть люди, которые стоят за Игоревичей, то начала советоваться с дядькою сына своего, Мирославом: тот говорил, что делать нечего, надобно скорее бежать из города. Ночью в пролом городской стены вышла жена Романа Великого вчетвером с дядькою Мирославом, священником и кормилицею, которые несли маленьких князей, Даниила и Василька, беглецы не знали, куда им идти? Со всех сторон враги! Решились бежать в Польшу к Лешку, хотя и от этого не могли ожидать хорошего приема: Роман был убит на войне с ним, после чего мир еще не был заключен. К счастью в Лешке жалость пересилила вражду: он с честию принял беглецов, говоря: «Не знаю, как это случилось, сам дьявол поссорил нас с Романом». Он отправил малютку Даниила в Венгрию и с ним посла своего сказать королю: «Я позабыл свою ссору с Романом, а тебе он был друг: вы клялись друг друга, что кто из вас останется в живых, тот будет заботиться о семействе умершего; теперь Романовичи изгнаны отовсюду: пойдем возвратим им отчину их». Андрей сначала принял было к сердцу предложение Лешка, но потом, когда галицкий князь Владимир прислал богатые дары им обоим, то усердие их к Романовой семье охладело, и когда Игоревичи перессорились друг с другом, то один из них, Роман, приехавши в Венгрию, успел убедить Андрея дать ему войско на помощь и с этим войском выгнал из Галича брата Владимира, который принужден был бежать назад в свою волость, в Путивль[375]. В следующем (1207) году польские князья — Лешко и брат его Кондрат — двинулись, наконец, на Владимир, где после бегства сыновей Романовых княжил третий Игоревич — Святослав, но и тут Лешко шел на Владимир не для того, чтобы возвратить этот город Романовичам: он хотел посадить там своего дядю по матери, родного племянника Романова, Александра Всеволодовича бельзского. Жители Владимира отворили ворота перед Александром: «ведь это племянник Романа», — говорили они. Но союзники Александра, поляки, несмотря на то, что вошли в город беспрепятственно, ограбили его, стали было уже отбивать двери и у соборной Богородичной церкви, как по просьбе Александровой приехали Лешко с братом и отогнали их. Владимирцы сильно жаловались на поляков: «Мы поверили их клятве, — говорили они, — ведь если б с ними не было Александра, то мы не дали б

им перейти и Буг». Святослава Игоревича взяли в плен и отвели в Польшу, на его место польские князья посадили сперва Александра, но потом передумали: старшим во всем племени Изяслава Мстиславича был Ингварь Ярославич луцкий, которого мы видели в Киеве, его-то посадили теперь во Владимире, но и здесь он сидел недолго: бояре не полюбили его и с согласия Лешка Александр опять приехал княжить во Владимир, а Ингварь отправился назад в свой Луцк; младший брат его Мстислав, прозвищем Немой, княжил в Пересопнице; малолетнему Василько Романовичу Лешко отдал Брест по просьбе тамошних граждан, которые с радостию приняли малютку, видя в нем как бы живого Романа; после мать Василька прислала к Лешку с новою просьбою: «Александр, — говорила княгиня, — держит всю нашу землю и отчину, а сын мой сидит в одном Бресте». Лешко велел Александру отдать Бельз Романовичу [376], а брат Александра, Всеволод, сел в Червне. Таким образом, смерть сильного Романа дала польскому князю возможность распоряжаться Волынскими волостями.

Между тем в Галиче продолжали происходить беспокойства. Киевский князь Рюрик по соглашению с венгерским королем отправил в Галич сына своего, Ростислава, галичане приняли его с честию, выгнали Романа, но потом скоро выгнали Ростислава и опять приняли Романа [377]; это побудило короля Андрея покончить с Галичем, присоединить его к своим владениям. Он послал на Романа Игоревича палатина Бенедикта Бора, который схватил Романа в бане, стал именем королевским сам управлять в Галиче и управлял так, что его прозвали антихристом: мучил и бояр, и простых граждан, сладострастию своему не знал пределов, бесчестил жен, монахинь, попадей. Угнетенные галичане послали звать к себе на помощь Мстислава Ярославича, князя пересопницкого; тот приехал, но не нашел еще галичан, готовых к восстанию, или, что всего вероятнее, дружина, приведенная Мстиславом, была, по мнению галичан, слишком слаба для того, чтоб с нею можно было восстать против венгров, и один из главных бояр, Илья Щепанович, взведши Мстислава на Галичину могилу, сказал ему в насмешку: «Князь! Ты на Галичине могиле посидел, так все равно, что княжил в Галиче». Осмеянный Мстислав отправился назад в Пересопницу. Тогда галичане обратились опять к Игоревичам северским, послали сказать Владимиру и Роману, которому удалось между тем уйти из венгерского плена: «Виноваты мы перед вами, избавьте нас от этого томителя Бенедикта». Игоревичи явились на зов с сильною ратью, заставили Бенедикта бежать в Венгрию и уселись опять в Галицком княжестве: Владимир в самом Галиче, Роман — в Звенигороде, Святослав — в Перемышле; сыну своему, Изяславу, Владимир дал Теребовль, а другого —

Всеволода отправил в Венгрию задаривать короля, чтоб тот оставил их спокойно княжить за Карпатами.

От венгерского короля можно было избавиться дарами, притом же у него было много дела внутри своего государства, но чем было Игоревичам избавиться от бояр галицких, которые не давали им покоя своими крамолами? Игоревичи решились действовать по примеру Романа, решились передавить пчел, чтобы есть спокойно мед, и вот, воспользовавшись первым удобным случаем, они велели бить галицкую дружину: 500 человек из нее погибло, в том числе двое знатнейших бояр — Юрий Витанович и Илья Щепанович, но другие разбежались; между ними Владислав, которому преимущественно Игоревичи были обязаны Галицкою волостью, и двое других, Судислав и Филипп, отправились в Венгрию. Они стали просить короля Андрея: «Дай нам отчича нашего Даниила; мы пойдем с ним и отнимем Галич у Игоревичей». Король согласился, послал изгнанных бояр и с ними молодого Даниила в Галич, давши ему сильное войско под начальством осьми воевод. Владислав пришел прежде всего к Перемышлю и послал сказать тамошним жителям: «Братья! Что вы колеблетесь? Не Игоревичи ли перебили отцов ваших и братьев, имение ваше разграбили, дочерей ваших отдали за рабов ваших, наследством вашим завладели пришельцы! Так неужели вы хотите положить за них свои души?» Слова эти подействовали на перемышльцев: они схватили князя своего Святослава Игоревича и сдали город на имя Даниилово. Оттуда бояре с венграми пошли к Звенигороду, но звенигородцы были за Игоревичей и стали сильно отбиваться от осаждающих, несмотря на то, что на помощь к последним пришли полки из Бельза от Василька Романовича, из Польши от Лешка, пришли волынские князья — Мстислав Немой из Пересопницы, Александр с братом из Владимира, луцкий князь Ингварь также прислал свои полки. На помощь к Роману Игоревичу звенигородскому явились только половцы, которых привел племянник его, Изяслав Владимирович, и, несмотря на успех, который получили половцы и звенигородцы в деле с венграми, Роман видел, что не мог долго держаться в городе и бежал, но на дороге был схвачен и приведен в стан к Даниилу и воеводам венгерским, которые тотчас же послали сказать звенигородцам: «Сдавайтесь, князь ваш схвачен». Те сначала было не поверили, но потом, узнавши, что Роман действительно в плену, сдали свой город. От Звенигорода Даниил с союзниками пошел к Галичу; Владимир Игоревич с сыном, не дожидаясь неприятельского прихода, бежали, и Даниил беспрепятственно въехал в Галич, где все бояре владимирские и галицкие посадили его на отцовский стол в соборной церкви богородицы.

Но бояре недовольны были торжеством своим и хотели мести: в руках у венгров были пленные Игоревичи; воеводы хотели вести их к королю, но бояре галицкие, задаривши воевод, выпросили себе Игоревичей и повесили их. Легко понять, что эти бояре посадили Даниила не для того, чтоб усердно повиноваться малютке; за последнего хотела было управлять его мать, приехавшая в Галич, как скоро узнала об успехе сына, но бояре немедленно же ее выгнали. Маленький Даниил не хотел расстаться с матерью, плакал, и когда Александр, шумавинский тиун, хотел насильно отвести его коня, то Даниил выхватил меч, чтоб ударить Александра, но не попал и ранил только его коня; мать поспешила вырвать у него из рук меч, упросила успокоиться и остаться в Галиче, а сама отправилась в Бельз опять к Василько и оттуда к королю в Венгрию. Андрей принял ее сторону, призвал бояр владимирских, князя Ингваря луцкого и пошел в Галич, где по изгнании княгини всем управлял боярин Владислав с двумя другими своими товарищами — Судиславом и Филиппом. Король велел схватить всех троих и подвергнуть тяжкому заключению; Судислав успел деньгами откупиться от неволи, но Владислав принужден был следовать за королем в Венгрию, где, впрочем, пробыл недолго: двое братьев его, Яволд и Ярополк, успели спастись бегством в Пересопницу и убедили тамошнего князя, Мстислава Немого, пойти с ними в другой раз на Галич; бояре, узнавши о вступлении Мстислава в их землю, передались ему, и Даниил с матерью опять принужден был бежать в Венгрию, а брат его, Василько, потерял Бельз, который взял у него Лешко польский, чтоб отдать опять Александру Всеволодовичу владимирскому; Василько принужден был удалитья в Каменец [378]. Но в то время как братья Владиславовы так успешно хлопотали в Пересопнице и Галиче, сам Владислав действовал в Венгрии у короля Андрея: как видно из последующего летописного рассказа, он убедил Андрея не давать Галича никому из русских князей, а взять его себе, причем обещал приготовить все в Галиче к новому порядку. Иначе трудно будет объяснить то известие, что король, сбираясь идти на Галич, отправил туда в передовых Владислава. Король, однако, не мог следовать за Владиславом, его задержали страшные события в Венгрии, на которые мы должны обратить внимание по однородности их с знаменитыми явлениями в Галиче, не могшем загородиться Карпатами от венгерского влияния; поведение галицких бояр объясняется поведением вельмож венгерских. Во время усобиц, предшествовавших воцарению Андрея, значение вельмож так возросло, что Андрей, вступая на престол, первый из королей венгерских должен был клятвенно подтвердить права и преимущества высшего сословия, но мы уже заметили, что при этом поведение королевы Гертруды и ее братьев посто-

янно возбуждало неудовольствие вельмож и, наконец, повело к явному восстанию, когда один из братьев королевы, Екберт, с ведома сестры и даже в ее комнатах обесчестил жену известного нам галицкого антихриста, палатина Бенедикта Бора. Бенедикт, несмотря на то, что сам позволял себе подобные поступки в Галиче, пылал местию к виновникам своего позора и составил заговор вместе с другими вельможами. Пользуясь выступлением Андрея в галицкий поход, заговорщики ворвались во дворец и изрубили королеву в куски, после чего дворец был разграблен. Король должен был отложить поход, чтоб иметь возможность управиться с своими мятежниками; этим обстоятельством воспользовался Владислав: въехал с торжеством в Галич после бегства оттуда Мстислава пересопницкого, *вокняжился и сел на столе,* по выражению летописца, признавая, впрочем, как видно, верховную власть венгерского короля.

Между тем Даниил, видя страшную смуту в Венгрии, удалился оттуда сперва в Польшу и, не получив от Лешка ничего, кроме почетного приема, поехал в Каменец к брату Василько. На этот раз начал дело Мстислав Немой пересопницкий: он поднял Лешка в поход на Галич; тот взял Даниила из Каменца, Александра из Владимира, брата его Всеволода из Бельза и отправился против нового галицкого князя из бояр. Владислав оставил братьев защищать Галич, а сам с войском, набранным из венгров и чехов (как видно, наемных) вышел навстречу к неприятелю на реку Боброк. Союзникам удалось поразить Владислава, но не удалось взять Галича; они должны были удовольствоваться опустошением волости и возвратились назад, после чего Лешко велел Александру, князю владимирскому, отдать Романовичам два города — Тихомль и Перемышль: здесь, говорит летописец, стали княжить Даниил и Василько с матерью, а на Владимир смотрели, говоря: «Рано или поздно Владимир будет наш». Между тем король Андрей, освободившись несколько от внутренних своих дел, выступил в поход на Лешка за опустошение Галицкой волости, которую он считал своею; Лешко не хотел войны с королем и послал к нему воеводу своего Пакослава с предложением следующей сделки: «Не годится боярину княжить в Галиче, но возьми лучше дочь мою за своего сына Коломана и посади его там» Андрей согласился, имел личное свидание с Лешком, свадьба устроилась, и молодой Коломан стал княжить в Галиче, а боярин Владислав был схвачен и умер в заточении, наделав много зла детям своим и всему племени, потому что ни один князь не хотел приютить у себя сыновей боярина, который осмелился похитить княжеское достоинство. Кроме выгодного брака для своей дочери, Лешко получил от короля из Галицкой волости Перемышль и Любачев, последний город был отдан воеводе

Пакославу, который умел устроить этот выгодный союз Пакослав был приятель молодым Романовичам и их матери, по его совету Лешко послал сказать Александру Всеволодовичу: «Отдай Владимир Романовичам, а не дашь, так пойду на тебя вместе с ними». Александр не дал волею и потом принужден был отдать неволею.

Таким образом иноплеменники поделили между собою отчину Ростиславичей; русские князья один за другим должны были оставить Галич или гибли в нем позорною смертию, остальные князья на Руси сильно сердились на галичан за бесчестье, которое они нанесли роду их, повесивши Игоревичей, но были бессильны отмстить им за это бесчестье, потому что Мономаховичи с Ольговичами продолжали свою обычную борьбу. В 1206 году, по возвращении из второго похода под Галич, Ольговичи, обрадовавшись тому, что успели занять его своими родичами, Игоревичами, решились отнять у Мономаховичей старшинство и Киев; Всеволод Святославич Чермный сел в Киеве, надеясь на свою силу, как говорит летописец, и послал посадников по киевским городам, а Рюрик, видя свое бессилие, или, как выражается летописец, *непогодье,* уехал в свою прежнюю волость, Овруч, сын его — Ростислав — в Вышгород, а племянник Мстислав Романович — в Белгород[379]. Отнявши Киев у Мономаховичей, Ольговичи захотели отнять у них и Переяславль, тем больше, что, как мы видели, переяславский князь Ярослав Всеволодович был соперником Игоревичей по галицкому столу, и вот Всеволод Чермный посылает сказать Ярославу: «Ступай из Переяславля к отцу в Суздаль, а Галича не ищи под моею братьею; если же не пойдешь добром, так пойду на тебя ратью». Ярослав, не имея надежды получить от кого-либо помощь, послал ко Всеволоду просить свободного пропуска на север чрез Черниговские владения и получил его, поцеловавши крест Ольговичам на всей их воле, а в Переяславле сел на его место сын Чермного. Но последний сам недолго сидел в Киеве: в том же году Рюрик, соединясь с сыновьями и племянниками своими, выгнал Ольговичей из Киева и из Переяславля, сам сел в Киеве, а сына своего, Владимира, посадил в Переяславле; Чермный явился зимою с братьею и с половцами добывать Киева, стоял под ним три недели, но не мог взять и ушел назад ни с чем. Счастливее был он в следующем 1207 году: с трех сторон пришли враги Мономаховичей — из Чернигова — Чермный с братьею, из Турова — князь Святополк, из Галича — Владимир Игоревич; Рюрик, слыша, что идет на него отовсюду бесчисленная рать, а помощи нет ни от кого, бежал из Киева в Овруч; Триполь, Белгород, Торческ были отняты у Мономаховичей, которые по причине голода не могли выдерживать продолжительных осад; Всеволод сел опять в Киеве, наделав много зла Русской земле чрез своих

союзников-половцев. Тогда поднялся было на него Всеволод суздальский: услыхав, что Ольговичи с погаными воюют землю Русскую, он пожалел об ней и сказал: «Разве тем одним отчина — Русская земля, а нам уже не отчина? Как меня с ними бог управит, хочу пойти к Чернигову». Всеволод собрал сильное войско, но дела рязанские помешали его походу на Чернигов; когда рязанские князья были схвачены, то Рюрик, обрадовавшись успеху Всеволода над союзниками Ольговичей, явился нечаянно у Киева и выгнал из него Чермного; тот напрасно после старался получить обратно этот город силою, ему удалось овладеть им только посредством переговоров со Всеволодом: в 1210 году Чермный и все Ольговичи прислали в Суздаль митрополита Матфея, прося мира и во всем покоряясь Всеволоду; последний, получивши незадолго перед тем неприятность от одного из Ростиславичей, Мстислава Мстиславича Удалого, в Новгороде, не мог быть очень расположен в пользу этого племени и потому согласился, чтоб Всеволод Чермный, как старший между пятиюродными братьями в Ярославовом роде, сел в Киеве, а Рюрику отдал Чернигов. Таким образом, когда на севере обозначились ясно стремления к новому порядку вещей, в южной Руси после долгой борьбы старинные представления об единстве рода Ярославова и ненаследственности волостей в одном племени получают полное торжество: мало того, что Ольгович получает Киев, старший по нем Мономахович садится в Чернигове, возобновляется, следовательно, тот первоначальный порядок княжеских переходов по волостям, который был нарушен еще при Мономахе исключением Ольговичей из старшинства. Мир суздальского князя с Ольговичами был скреплен браком сына Всеволодова, Юрия, на дочери Чермного.

Но в то время, когда Южная Русь оставалась так верна своей старине, которая не могла дать ей силы, возвратить утраченное значение, первенство, северный князь усиливал себя все более и более. С 1179 года рязанские князья, Глебовичи, находились в воле Всеволодовой; в 1186 году встала между ними опять усобица: старшие братья — Роман, Игорь и Владимир, вооружились против младших — Всеволода и Святослава, сидевших в Пронске. Чтоб легче разделаться с последними, старшие братья послали звать их на общий съезд, намереваясь тут схватить их; младшие узнали об умысле и, вместо того, чтобы ехать к старшим, стали укреплять свой город, ожидая нападения; ждали они недолго: старшие явились с большим войском и стали опустошать все около города. Тогда Всеволод суздальский послал сказать им: «Братья! Что это вы делаете? Удивительно ли, что поганые воевали нас: вы вот теперь хотите и родных братьев убить».

Но те вместо послушания стали сердиться на Всеволода за его вмешательство и еще больше поднимать вражду на братьев. Тогда младшие Глебовичи послали просить Всеволода о помощи, и тот отправил с ним сперва триста человек из владимирской дружины, которые сели в Пронске и отбивались вместе с осажденными, а потом отправил еще другое войско, к которому присоединились князья муромские. Слыша о приближении войска из Владимира, старшие Глебовичи сняли осаду Пронска и побежали к себе в Рязань, а Всеволод Глебович поехал навстречу к полкам *Великого* Всеволода; те, узнавши от него, что осада Пронска снята и им идти дальше незачем, пошли назад во Владимир, куда поехал также и Глебович, чтоб посоветоваться со Всеволодом, как быть им с старшими братьями. Но в это время рязанские князья, узнавши, что владимирское войско возвратилось и что в Пронске один Святослав, пошли и осадили опять этот город, перехватили воду у жителей, а к брату Святославу послали сказать: «Не мори себя голодом с дружиною и людей не мори, ступай лучше к нам, ведь ты нам свой брат, разве мы тебя съедим? Только не приставай к брату своему Всеволоду». Святослав объявил об этом своим боярам, те сказали: «Брат твой ушел во Владимир, а тебя выдал: так что ж тебе его дожидаться?». Святослав послушался и отворил город. Братья отдали ему Пронск назад, но взяли жену, детей, дружину Всеволода Глебовича и повели в Рязань; вместе с дружиною Всеволода Глебовича перевязали дружину Великого Всеволода, сидевшую в Пронске в осаде. Всеволод Глебович, услыхав, что семья и дружина его взяты, а брат Святослав передался на сторону старших, стал сначала сильно горевать, потом захватил Коломну и начал из нее пустошить волости братьев; те мстили ему тем же, и ненависть между ними разгоралась все больше и больше.

Всеволода Великого также сильно раздосадовал поступок Святослава, который позволил братьям перевязать владимирскую дружину, он послал сказать ему: «Отдай мне мою дружину добром, как ты ее у меня взял; захотел помириться с братьями — мирись, а людей моих зачем выдал? Я к тебе их послал по твоей же просьбе, ты у меня их челом выбил; когда ты был ратен, и они были ратны, когда ты помирился, и они стали мирны». Глебовичи, услыхав, что Всеволод Великий хочет идти на них, послали ему сказать: «Ты отец наш, ты господин, ты брат; где твоя обида будет, то мы прежде тебя головы свои положим за тебя, а теперь не сердись на нас; если мы воевали с братом своим, то оттого, что он нас не слушается, а тебе кланяемся и дружину твою отпускаем». Всеволод не захотел мира, а когда Всеволод не хотел мира, то это значило, что война была очень выгодна и успех верен. Но в следующем году (1187) явился во Владимир черниговский

епископ Порфирий с ходатайством за Глебовичей, потому что Рязань принадлежала к черниговской епархии; он уговорил владимирского епископа Луку действовать с ним заодно, и оба вместе стали просить Всеволода за Глебовичей: Всеволод послушался их и послал Порфирия в Рязань с миром; вместе с епископом отправились послы Всеволодовы и послы князей черниговских, они повели и пленников рязанских, отпущенных Всеволодом в знак своего расположения к миру. Но Порфирий, пришедши в Рязань, повел дело не так, как хотел Всеволод, и тайком от его послов Всеволод рассердился, хотел было послать в погоню за Порфирием, но потом раздумал; впрочем, оставя в покое Порфирия, он не хотел оставить в покое Глебовичей и тем же годом выступил против них в поход, взявши с собою князя муромского и Всеволода Глебовича из Коломны; он переправился чрез Оку и страшно опустошил Рязанскую волость[380]. Этим походом Всеволод, как видно, достиг своей цели, потому что после, во время войны с Ольговичами, мы видим рязанских князей в его войске; притом же Пронск был возвращен Всеволоду Глебовичу, который там вскоре и умер. Но когда в 1207 году Всеволод Великий собрался идти на Ольговичей к Чернигову и, соединившись в Москве с сыном своим, Константином новгородским, дожидался здесь также и прихода князей рязанских, то вдруг пришла к нему весть, что последние обманывают его, сговорились с Ольговичами и идут к нему для того, чтоб после удобнее предать его. Все рязанские действительно явились с дружинами, их было восьмеро: Роман и Святослав Глебовичи, последний с двумя сыновьями, да племянники их, сыновья умерших Игоря и Владимира, двое Игоревичей — Ингварь и Юрий, и двое Владимировичей — Глеб и Олег. Всеволод принял их всех радушно и позвал к себе на обед; стол был накрыт в двух шатрах: в одном сели шестеро рязанских князей, а в другом — великий князь Всеволод и с ним двое остальных рязанских, именно Владимировичи — Глеб и Олег. Последние стали говорить Всеволоду: «Не верь, князь, братьям нашим: они сговорились на тебя с черниговскими»[381]. Всеволод послал уличать рязанских князей князя Давыда муромского и боярина своего Михаила Борисовича: обвиненные стали клясться, что и не думали ничего подобного; князь Давыд и боярин Михаил долго ходили из одного шатра в другой, наконец, в шатер к рязанским явились родичи их — Глеб и Олег и стали уличать их; Всеволод, слыша, что истина обнаружилась, наконец[382], велел схватить уличенных князей вместе с их думцами, отвести во Владимир, а сам на другой же день переправился через Оку и пошел к Пронску, где сидел сын умершего Всеволода Глебовича, Михаил; этот князь, слыша, что дядья его схвачены и Всеволод приближается с войском к его городу, испугался и убежал к тестю своему в

Чернигов — знак, что он был также на стороне схваченных князей и на стороне черниговского князя, своего тестя: иначе для чего было бы ему бояться Всеволода, всегда благосклонного к отцу его?

Жители Пронска взяли к себе третьего Владимировича, Изяслава, не бывшего, как видно, заодно с родными братьями, и затворились в городе. Всеволод послал к ним боярина Михаила Борисовича с мирными предложениями, но они не хотели о них слышать, летописец называет ответ их буйною речью. Тогда Всеволод велел приступить к городу со всех сторон и отнять воду у жителей, но те не унывали, бились крепко из города и ночью крали воду; Всеволод велел стеречь и день и ночь и расставил полки свои у всех ворот. Старшего сына своего, Константина, с новгородцами и белозерцами поставил на горе у одних ворот, Ярослава с переяславцами — у других, Давыда с муромцами — у третьих, а сам с сыновьями Юрием и Владимиром и с двумя Владимировичами стал за рекою с поля Половецкого (степи). Проняне все не сдавались и делали частые вылазки не для того, впрочем, чтоб биться с осаждающими, но чтоб достать воды, потому что помирали от жажды. Между тем у осаждающих стали выходить съестные припасы и Всеволод отправил отряд войска под начальством Олега Владимировича на Оку, где стояли лодки его с хлебом. На дороге Олег узнал, что двоюродный брат его, третий Игоревич, Роман, оставленный дядьями в Рязани, вышел из нее с войском и напал на владимирских лодочников, стоявших у Ольгова[383]; получивши эту весть, Владимирович бросился на помощь к лодочникам; рязанцы оставили последних и сразились с новоприбывшим отрядом, но были побеждены, ставши между двумя неприятелями — между полком Олега и лодочниками. Олег возвратился к войску с победою и хлебом, тогда проняне после трехнедельной осады принуждены были сдаться; Всеволод дал им в князья Олега Владимировича, а сам пошел к Рязани, сажая по всем городам своих посадников, чем обнаруживал намерение укрепить их за собою. Он уже был в двадцати верстах от старой Рязани, у села Доброго Сота, и хотел переправляться через реку Проню, как явились к нему рязанские послы с поклоном, чтоб не приходил к их городу; епископ рязанский Арсений также не раз присылал к нему говорить: «Князь великий! Не пренебреги местами честными, не пожги церквей святых, в которых жертва богу и молитва приносится за тебя, а мы исполним всю твою волю, чего только хочешь». Всеволод склонился на их просьбу и пошел назад через Коломну во Владимир; воля Всеволода состояла в том, чтобы рязанцы выдали ему всех остальных князей своих и с княгинями; рязанцы повиновались, и в следующем, 1208, году приехал к ним княжить сын Всеволода — Ярослав. Рязанцы присягнули ему, но за-

мышляя измену: стали хватать и ковать людей его и некоторых уморили, засыпавши в погребах. Тогда Всеволод пошел опять на Рязань, под которою был встречен сыном Ярославом; рязанцы по приказанию Всеволода вышли на Оку *на ряды,* т. е. на суд с князем своим Ярославом, но вместо оправдания прислали буйную речь по своему обычаю и непокорству, говорит летописец, тогда Всеволод приказал захватить их, потом послал войско в город захватить их жен и детей; город был зажжен, а жители его расточены по разным городам; таким же образом поступил он и с Белгородом и пошел назад во Владимир, ведя с собою всех рязанцев и епископа их, Арсения. Прежний князь пронский, Михаил Всеволодович, с двоюродным братом Изяславом Владимировичем (выпущенным, как видно, по сдаче Пронска) приходили в том же году воевать волости Всеволодовы около Москвы, но были побеждены сыном великого князя Юрием и спаслись только бегством, потерявши всех своих людей [384]. Так рассказывается в большей части известных нам летописей, но в летописи Переяславля Суздальского читаем, что Всеволод, взявши Пронск, посадил здесь муромского князя Давыда и что в следующем году Олег, Глеб, Изяслав Владимировичи и князь Михаил Всеволодович рязанские приходили к Пронску на Давыда, говоря: «Разве ему отчина Пронск, а не нам?» Давыд послал им сказать: «Братья! Я бы сам не набился на Пронск: посадил меня в нем Всеволод, а теперь город ваш, я иду в свою волость». В Пронске сел кир Михаил, Олег же Владимирович умер в Белгороде в том же году. Думаем, что должно предпочесть это известие, ибо трудно предположить, чтобы приход рязанских князей к Пронску на Давыда был выдуман со всеми подробностями. Под тем же 1208 годом у переяславского летописца находится новое любопытное известие, что Всеволод III посылал воеводу своего Степана Здиловича к Серенску и город был пожжен. Посылка эта очень вероятна, как месть Всеволода черниговским князьям за изгнание сына его Ярослава из Переяславля Южного.

Так же грозен был Всеволод и другим соседним князьям смоленским: под 1206 годом находим в летописи известие, что смоленский епископ Михаил вместе с игуменом Отроча монастыря приезжали во Владимир упрашивать Всеволода, чтоб простил их князя Мстислава Романовича за союз с Ольговичами [385]. Новгороду Великому при Всеволоде также начинала было грозить перемена в его старом быте. Мы оставили Новгород в то время, когда вопреки воле Боголюбского и Ростиславичей жители его приняли к себе в князья сына Мстислава Изяславича, знаменитого Романа, вследствие чего должны были готовиться к опасной борьбе с могущественным князем суздальским. В 1169 году Данислав Лазутинич, тот самый, который успел провести Романа в Новгород, отправился на

Северную Двину за данью с 400 человек дружины; Андрей послал семитысячный отряд войска перехватить его, но Даниславобратил в бегство суздальцев[386], убивши у них 1300 человек, а своих потерявши только 15. После этого Лазутинич отступил, как видно, боясь идти дальше, но потом спустя несколько времени двинулся опять вперед и благополучно взял всю дань, да еще на суздальских подданных другую. Андрей, однако, недолго сносил торжество новгородцев; выгнавши отца из Киева, он послал сильную рать выгонять сына из Новгорода: это было зимою 1169 года; войско повели сын Андреев, Мстислав, да воевода Борис Жирославич, была тут вся дружина и все полки ростовские и суздальские, к ним присоединились князья смоленские — Роман и Мстислав Ростиславичи, потом князья рязанские и муромские, войску, по свидетельству летописца, и числа не было. После страшного опустошения Новгородской волости оно подошло к городу, но жители его затворились с своим молодым князем Романом, с посадником Якуном и бились крепко; четыре приступа не удались; в последний из них, продолжавшийся целый день, князь Мстислав[387] въехал было уже в ворота городские и убил несколько человек, но был принужден возвратиться к своим. Новгородцы и Роман торжествовали победу, а между тем в полках у осаждающих обнаружился мор на людях и конский падеж. Рать Андреева должна была отступить, ничего не сделавши, и отступление это было гибельно по опустошенной стране: одни померли в дороге, другие кое-как дошли пешком до домов, много попалось в плен к новгородцам, которые продавали по две ногаты человека. Но опустошение, причиненное Андреевою ратью, имело тяжкие следствия и для Новгорода: в нем сделался сильный голод, а хлеба можно было только достать с востока, из областей Андреевых; притом же Мстислав Изяславич умер, не было больше основания держать его сына, и вот новгородцы показали путь Роману, а сами послали к Андрею за миром и за князем. К ним явился княжить Рюрик Ростиславич; неизвестно, каким образом Якун лишился посадничества: по всем вероятностям, мир с Андреем и Ростиславичами условливал смену посадника, так сильно поддерживавшего в новгородцах сопротивление суздальскому князю. Преемником Якуна является Жирослав, но Рюрик отнял посадничество и у этого и дал его Ивану Захарьичу, сыну прежнего посадника Захарии, который был убит народом за приверженность к брату Рюрикову, Святославу; Рюрик не только отнял посадничество у Жирослава, но даже выгнал его из города, и тот ушел к Андрею в Суздаль. Но в тот же год сам Рюрик ушел из Новгорода: брат его Роман, севши в Киеве, дал ему волость на Руси, и новгородцы отправили к Андрею послов просить другого князя; Андрей пока отпустил к ним Жирослава посадничать с сво

ими боярами, а потом в следующем году прислал сына Юрия, но Жирославом, как видно, были недовольны в Новгороде, и архиепископ Илья отправился во Владимир к Андрею, чтоб уладить окончательно все дела; следствием поездки было то, что посадничество опять отдали Ивану Захарьевичу.

Смерть Боголюбского повела снова к переменам в Новгороде: сын его Юрий должен был уступить место сыну Мстислава Ростиславича, призванного ростовцами, но в тот же год сам Мстислав, разбитый дядею Михаилом и выгнанный из Ростова, сменил сына в Новгороде. В том же 1175 году умер посадник Иван Захарьевич, посадничество получил опять было Жирослав, но в конце года лишился его снова, и место его заступил Завид Неревинич, сын того боярина Неревина, который был убит вместе с Захариею. Только что успел Мстислав Ростиславич жениться в Новгороде на дочери старого Якуна Мирославича, как был позван опять ростовцами, опять был побежден, выгнан дядею Всеволодом и пришел назад в Новгород, но здесь показали ему путь вместе с сыном, которого, как видно, он вторично оставил вместо себя, и взяли князя из рук победителя Всеволода, который прислал в Новгород племянника своего Ярослава Мстиславича. Но Ростиславич, по всем вероятностям, оставил по себе в Новгороде сильную сторону, в челе которой, разумеется, должен был стоять тесть его Якун; в следующем же 1177 году он явился в Новгороде, был посажен на стол, брату его Ярополку дали Торжок, а Ярославу, прежнему князю, — Волок-Ламский — знак, что он отступил от Всеволода к врагам его, Ростиславичам. Легко понять, что Всеволод не мог спокойно видеть последних князьями в соседних волостях новгородских, притом же не мог он простить новгородцам нарушение обещания признавать его верховную власть и другого обещания придти к нему на помощь в войне с Глебом рязанским; в 1178 году, когда Мстислав Ростиславич умер и новгородцы посадили себе князем брата его, Ярополка, Всеволод велел захватить по своей волости купцов новгородских; новгородцы испугались и выгнали Ярополка, но князю новых городов мало было одной чести давать из своих рук князей старому городу: он хотел какой-нибудь более существенной пользы и выступил в поход к Торжку, жители которого обещали давать ему дань; подойдя к городу, Всеволод сначала не хотел было брать его приступом, дожидаясь исполнения обещаний, но дружина стала жаловаться и побуждать его к приступу, говоря: «Мы не целоваться с ними приехали; они, князь, богу лгут и тебе». Войско бросилось к городу и взяло его, жителей перевязали, город сожгли — за новгородскую неправду, прибавляет летописец, потому что новгородцы на одном дне целуют крест и нарушают свою клятву. Отправив пленных новоторжан во Владимир, Всеволод пошел к Волоку-Лам-

скому; жители его успели выбежать, но князь их Ярослав Мстиславич был схвачен и город сожжен. Новгородцы между тем послали за ближайшим к себе князем Романом Ростиславичем смоленским, который и приехал к ним, а Всеволод, довольный большою добычею и не желая, как видно, иметь дела с Ростиславичами южными, возвратился во Владимир.

Роман недолго пожил в Новгороде: в следующем же 1179 году он уехал назад в Смоленск, и новгородцы послали звать на княжение брата его, Мстислава Ростиславича, знаменитого своею борьбою с Боголюбским. Здесь начинается союз Новгорода с двумя Мстиславами — отцом и сыном — самыми блестящими представителями старой, Юго-Западной, Руси в борьбе ее с новою, Северо-Восточною. Союз этот был необходим по одинаковости стремлений: как Новгород, так и Мстиславы хотели поддержать старый порядок вещей против нового, поддержать родовые отношения между князьями и вместе старый быт старых городов. Сперва Мстислав не хотел было идти в Новгород по общей князьям того племени привязанности к югу, к собственной Руси и по опасности, которая грозила там Мономаховичам от Ольговичей: «Не могу выйти из своей отчины и разойтись с братьями», — говорил Мстислав. Он всеми силами старался, говорит летописец, трудиться для отчины своей, всегда стремился он к великим делам, думая думу с мужами своими, желая быть верен своему происхождению, своему значению княжескому (хотя исполнити отечествие свое). Но братья и дружина уговаривали его идти в Новгород, они говорили ему: «Если зовут тебя с честию, то ступай, разве там не наша же отчина?» Мстислав пошел, но положил на уме: «Если бог даст мне здоровья, то никак не могу забыть Русской земли». Каков был характер этого Мстислава, представителя наших старых князей, как понимал он обязанности своего звания, *исполнение отечествия своего,* видно из того, что едва успел он придти в Новгород, как начал думать, куда бы пойти повоевать? Незадолго перед тем, в 1176 году, чудь приходила на Псковскую землю, имела злую битву с псковичами, в которой с обеих сторон легло много народу. И вот Мстислав вздумал пойти на чудь; он созвал новгородцев и сказал им: «Братья! Поганые нас обижают; чтобы нам, призвавши на помощь бога и святую богородицу, отомстить за себя и освободить землю Новгородскую от поганых?» Люба была его речь всем новгородцам, и они отвечали ему: «Князь! Если это богу любо и тебе, то мы готовы». Мстислав собрал новгородское войско и, сочтя его, нашел 20 000 человек; с такими-то сильными полками вошел он в Чудскую землю, пожег ее всю, набрал в плен челяди и скота и возвратился домой с победою, славою и честью великою, по словам летописца. Возвращаясь из Чудской земли, по дороге заехал Мстислав во Псков, перехватил там сот-

ских, которые не хотели иметь князем племянника его, Бориса Романовича, и, утвердившись с людьми, пошел в Новгород, где и провел зиму.

На весну он опять стал думать с дружиною, куда бы еще пойти повоевать? И придумал пойти на зятя своего, полоцкого князя Всеслава: с лишком лет сто тому назад ходил дед Всеславов на Новгород, взял утвари церковные и один новгородский погост завел за Полоцк; так теперь Мстислав хотел возвратить Новгородскую волость и отомстить за обиду; он уже стоял с войском на Луках, когда явился к нему посол от старшего брата Романа из Смоленска; Роман велел сказать ему: «Всеслав тебя ничем не обижал, а если идешь на него так, без причины, то прежде ступай на меня». Верный во всем старине, Мстислав не хотел оскорбить старшего брата, тем более, что последний уже отправил сына своего на помощь Всеславу, и новгородцам пришлось бы сражаться с смолянами вместо полочан. По возвращении в Новгород Мстислав крепко занемог, потерял все силы, едва мог говорить; чувствуя, что должен скоро умереть, он взглянул на дружину свою, потом на княгиню, вздохнул глубоко, заплакал и начал говорить: «Приказываю дитя свое, Владимира, Борису Захарьевичу и обоих их отдаю братьям Рюрику и Давыду и с волостью на руки, а обо мне как бог промыслит»[388]. После этого распоряжения Мстислав поднял руки к небу, вздохнул, прослезился опять — и умер. Новгородцы похоронили его в той же гробнице, где лежал первый князь, умерший у них, Владимир Ярославич, основатель Софийской церкви. Плакала по Мстиславе вся земля Новгородская, говорит летописец, особенно плакали горько лучшие мужи, они так причитали на похоронах: «Уже нельзя теперь нам будет поехать с тобою на чужую землю, привести поганых рабами в область Новгородскую; ты замышлял много походов на все стороны поганые; лучше бы нам теперь было умереть с тобою! Ты дал нам большую свободу от поганых, точно так как дед твой Мстислав освободил нас ото всех обид, ты поревновал ему и наследовал путь деда своего, а теперь уже не увидим тебя больше, солнце наше зашло, и остались мы беззащитные, всякий может теперь обижать нас». Мстислав, по свидетельству летописца, был среднего роста, хорош лицом, украшен всякою добродетелию и благонравен, имел ко всем любовь, особенно был щедр к бедным, снабжал монастыри, кормил монахов и с любовию принимал их, снабжал и мирские церкви, потом и всему святительскому чину воздавал достойную честь; был крепок на рати, не жалел жизни за Русскую землю и за христиан; когда видел христиан, уводимых в плен погаными, то говорил дружине своей: «Братья! Не сомневайтесь: если теперь умрем за христиан, то очистимся от грехов, и бог вменит кровь нашу в мученическую; если бог подаст милость свою, то слава

богу, а если придется умереть, то все равно: надобно же когда-нибудь умирать». Такими словами он придавал смелость дружине и от всего сердца бился за отчину свою, а дружину свою любил, имения не щадил для нее, золота и серебра не собирал, а раздавал дружине или раздавал церквам и нищим для спасения души своей. Не было уголка на Руси, где бы его не хотели и не любили; сильно горевали братья, услыхавши о его смерти, плакала по нем вся Русская земля, не могши забыть доблестей его, и черные клобуки все не могли забыть его *приголубления* (1180 г.).

По смерти Мстислава новгородцам предстоял выбор: у кого просить себе князя? Взять ли его из рук Всеволода III суздальского, князя новой, Северной Руси, или из рук Святослава Всеволодовича, который сидел в Киеве и потому считался старшим в старой, Южной, Руси? Новгородцы поступили по старине и взяли у Святослава сына его, Владимира, тем более, что Всеволод недавно показал уже свою неприязнь к Новгороду, показал, что был братом Боголюбского.

Взявши себе в князья Владимира, новгородцы участвовали в войне отца его, Святослава, со Всеволодом и, конечно, по желанию Святослава посадили опять в Торжке племянника и старого врага Всеволодова, Ярополка Ростиславича, что не могло не повести к враждебным столкновениям с суздальским князем: в то время, когда новгородцы отправили полки свои к Друцку на помощь Святославу, Всеволод явился в другой раз у Торжка и осадил в нем Ярополка; новоторжане пять недель сидели в осаде, терпя страшный голод, и когда князь их, Ярополк, был ранен в сшибке, то сдались Всеволоду, тот повел с собою в оковах Ярополка, вывел и всех новоторжан с женами и детьми, а город их сжег. Новгородцы увидали, что опасность от Всеволода близка и велика, а на помощь из Чернигова плохая надежда и потому, выгнавши Владимира Святославича, послали за князем ко Всеволоду: тот дал им свояка своего, Ярослава Владимировича, безземельного сына безземельного отца Владимира Мстиславича. Но Ярослав немного нажил в Новгороде: он возбудил против себя сильное негодование, и Всеволод вывел его из Новгорода, жители которого, как видно, не без ведома и согласия его призвали к себе из Смоленска Мстислава Давыдовича [389]. Посадник Завид Неревинич был сменен тотчас по прибытии Владимира Святославича в Новгород — знак, что он не был за Ольговича; место его получил Михаил Степанович; изгнание Ольговича должно было повести и к смене посадника: Михаил Степанович был свержен, и на его место возведен опять Завид, но в 1186 году Завид снова потерял свою должность и ушел к Давыду в Смоленск, а на его место был возведен опять Михаил Степанович. Родственники и приятели Завида не переставали, однако, действовать, но были пере-

силены противною стороною: родной брат Завида, Гаврило Неревинич, был свергнут с моста вместе с каким-то Ивачем Свеневичем. Любопытно, что в то же время вспыхнуло восстание смольнян против князя Давыда и пало, говорит летописец, много голов лучших мужей. Быть может, эти события в Новгороде и Смоленске имеют какую-нибудь связь между собою; нет сомнения, что новгородские волнения, борьба сторон Завидовой и Михайловой были связаны с переменою князей: Завид, бывший посадником при Мстиславе Храбром, стоял за Ростиславичей, на это указывает смена его при Ольговиче и уход к Давыду в Смоленск после вторичной потери должности; сторона Михаила Степановича была вместе стороною князя Ярослава и потому неудивительно, что когда она восторжествовала над противною стороною, то в следующем же 1187 году Мстислав Давыдович был изгнан, и новгородцы послали ко Всеволоду во Владимир опять просить Ярослава Владимировича — знак, что последний был прежде выведен не вследствие всеобщего негодования, но вследствие негодования одной только стороны. Посадник при этом не был сменен, но через год противная сторона начала брать верх: у Михаила Степановича отняли посадничество и дали его Мирошке Нездиничу, которого отец Незда был убит за приверженность к Ростиславичам смоленским, следовательно, имеем право думать, что Мирошка наследовал от отца эту приверженность и стоял за Мстислава Давыдовича против Ярослава. В справедливости последнего утверждает нас известие, что в 1195 году Мирошка вместе с Борисом Жирославичем и сотским Никифором, Иванком, Фомою отправились к Всеволоду с просьбою сменить Ярослава и дать на его место сына своего. Что же сделал Всеволод? Чтоб оставить Ярослава спокойным в Новгороде, он задержал Мирошку с товарищами как глав противной Ярославу стороны, потом отпустил Бориса и Никифора, но продолжал держать Мирошку, Иванка и Фому, несмотря на просьбы из Новгорода о их возвращении; наконец, отпустил Фому, но все держал Мирошку и Иванка. Это рассердило новгородцев, т. е. сторону, противную Ярославу, последний был изгнан, и посол отправился в Чернигов просить сына у тамошнего князя; что здесь действовала только одна сторона, доказывают слова летописца, который говорит, что добрые люди жалели об Ярославе, а злые радовались его изгнанию. Но прошло то время, когда изгнанные князья уезжали из Новгорода, не думая о мести; мы видели, что уже Святослав Ростиславич, надеясь на помощь Боголюбского, не хотел спокойно оставить области Новгородской; Ярослав Владимирович последовал его примеру: он засел в Торжке, где жители приняли его с поклоном, и стал брать дани по всему верху, по Мсте, и даже за Волоком, а Всеволод в то же время

перехватывал везде новгородцев и не пускал из Владимира; впрочем, здесь держал их не взаперти.

Между тем из Чернигова приехал князь Ярополк Ярославич, но просидел в Новгороде только шесть месяцев: вражда с владимирским князем и с Ярославом, который сидел в Торжке и брал дани, не могла быть выгодна для новгородцев; пользуясь этим, сторона Ярославова восторжествовала, изгнала в 1197 году Ярополка и послала в Торжок за Ярославом; тот, однако, не поехал прямо в Новгород, но сперва отправился во Владимир ко Всеволоду, который, как видно, не хотел позволить, чтоб новгородцы присвоили себе право ссориться и мириться с князьями без его ведома; во Владимир должны были ехать из Новгорода лучшие люди (передние мужи) и сотские; там из рук Всеволода приняли они Ярослава со всею правдою и честию, по выражению летописца; когда, говорит тот же летописец, Ярослав приехал в Новгород, то помирился с людьми, и стало все по добру, возвратился по здорову и посадник Мирошка, просидевши два года за Новгород, и рады были в Новгороде все от мала и до велика; сын Ярославов, Изяслав был посажен в Луках, чтоб быть защитою (оплечьем) Новгороду от Литвы [390]. Есть очень вероятное по обстоятельствам известие [391], что новгородцы приняли Ярослава на всей воле великого Всеволода, который с этих пор стал располагать Новгородом, как располагал им Мономах или сын его Мстислав. Но мир Ярослава с Мирошкою и его стороною был непродолжителен, и через год (1199 г.) приехали во Владимир из Новгорода лучшие люди, родственники и приятели Мирошки, которые отдали князю поклон и просьбу от всего Новгорода: «Ты господин, — говорили они, — ты Юрий, ты Владимир! Просим у тебя сына княжить в Новгород, потому что тебе отчина и дедина Новгород». Всеволод согласился, вывел Ярослава из Новгорода, приказал ехать к себе, а владыке, посаднику Мирошке и лучшим людям велел также явиться во Владимир и взять оттуда к себе на княжение сына своего, десятилетнего Святослава, на всей воле великокняжеской [392]; на дороге преставился архиепископ Мартирий, и Всеволод вопреки старому обычаю новгородцев — выбирать владыку на вече — сам, поговоря только с посадником, выбрал и послал к ним архиепископа Митрофана, которого потом отправили к митрополиту на постановление с новгородскими мужами и Всеволодовыми. В 1203 году умер посадник Мирошка, и его место заступил соперник его, старый посадник Михаил Степанович; через год Всеволод прислал сказать новгородцам: «в земле вашей рать ходит [393], а князь ваш, сын мой Святослав, мал, так даю вам старшего сына своего, Константина». О рати в продолжение трех предыдущих лет нет известий, а что Всеволод при этой перемене мог руководиться какими-нибудь внутренними волнениями в Новгороде, дока-

зательством служит смена посадника тотчас по смене князя или, лучше сказать, по смене бояр владимирских, управлявших именем малолетнего Святослава, у Михаила Степановича посадничество отняли и дали сыну покойного Мирошки Дмитрию[394]; что малолетний Святослав и посадник Михаил были сменены по жалобам новгородцев, доказывают слова летописца, что по прибытии Константина весь город обрадовался исполнению своего желания. Владимирский летописец говорит, что когда Всеволод отпускал Константина в Новгород, то сказал ему: «Сын мой Константин! На тебя бог положил старшинство во всей братье твоей, а Новгород Великий — старшее княжение во всей Русской земле; по имени твоем и хвала твоя такая: не только бог положил на тебе старшинство в братьи твоей, но и во всей Русской земле, и я тебе даю старшинство, поезжай в свой город».

Новый посадник Мирошкинич с братьею и приятелями, опираясь на силу суздальского князя, захотели обогатиться на счет жителей и позволили себе такие поступки, которые восстановили против них весь город; в числе недовольных, как видно, стоял какой-то Алексей Сбыславич; брат посадника, Борис Мирошкинич, отправился во Владимир ко Всеволоду и возвратился оттуда с боярином последнего, Лазарем, который привез повеление убить Алексея Сбыславича, и повеление было исполнено: Алексея убили на Ярославовом дворе — без вины, прибавляет летописец, потому что обычного условия с князем — не казнить без объявления вины, не существовало более: Всеволод распоряжался самовластно в Новгороде. Вслед за этим событием Всеволод пошел на Чернигов и велел Константину с новгородскими полками следовать за собою в поход; мы видели, что Константин соединился с отцом в Москве, но вместо Чернигова пошли на Рязань. Как видно, во время этого похода новгородцам удалось довести до сведения великого князя о поступках посадника с товарищами; по окончании похода, отпуская новгородцев с Коломны домой, Всеволод щедро одарил их и, по выражению летописца, дал им всю волю и уставы старых князей, чего они именно хотели; он сказал им: «Кто до вас добр, того любите, а злых казните»; сына Константина, посадника Димитрия, тяжело раненного под Пронском, и семерых из лучших мужей он оставил при себе; первое и последнее обстоятельство могут показывать, что новые распоряжения Всеволода происходили именно вследствие жалоб новгородских, возбудивших неудовольствие великого князя на посадника с приятелями его и на самого сына, который позволял им насильственные поступки. Как бы то ни было, когда новгородские полки пришли домой, то немедленно созвали вече на посадника Дмитрия и на братью его, обвиняя их в том, что они приказывали на новгородцах и по волости брать лишние поборы, купцам

велели платить дикую виру и возить повозы и в разных других насильственных поступках, во всяком зле, по выражению летописца. На вече положили идти на домы обвиненных грабежом, двор Мирошкин и двор Дмитриев зажгли[395], имение их взяли, села и рабов распродали и разделили по всему городу, а долговые записи оставили князю; кто при этом тайком нахватал разных вещей, о том бог один знает, говорит летописец; известно только, что многие разбогатели после грабежа Мирошкиничей. Народное озлобление против бывшего посадника дошло до того, что когда привезли тело Дмитрия, умершего во Владимире, то новгородцы хотели сбросить его с моста, едва архиепископ Митрофан успел удержать их. Князем явился в Новгород прежде бывший здесь Святослав Всеволодович, а в посадники выбрали Твердислава Михайловича, по всем вероятностям, сына покойного Михаила Степановича — соперника Мирошки: ненависть к роду последнего естественно должна была побудить к этому выбору; новгородцы поцеловали крест, что не хотят держать у себя ни детей Дмитриевых, ни братьев, ни приятелей, и новый князь Святослав отослал их в заточение к отцу, другие откупились большими деньгами.

Перемена князя, впрочем, не переменила дел в Новгороде, не удовлетворила всем сторонам: сын Всеволода, как бы он ни назывался — Константин или Святослав, не мог обходиться с новгородцами, как обходились с ними прежние князья из Юго-Западной Руси, и вот по некоторым очень вероятным известиям недовольные послали в Торопец к тамошнему князю Мстиславу, сыну знаменитого Мстислава Храброго, с просьбою избавить Новгород от суздальских притеснений. Мстислав согласился принять на себя наследственную обязанность ратовать за старую Русь, за старый порядок вещей против нового, который вводили Юрьевичи северные, но не будучи уверен еще, как видно, хотят ли его новгородцы всем городом, захватил сперва Торжок, заковал дворян Святославовых и посадников, имение их разграбили, чья только рука до него дошла, после чего послал сказать новгородцам: «Кланяюсь св. Софии, гробу отца моего и всем новгородцам, пришел я к вам, услыхав о насилиях, которые вы терпите от князей, жаль мне стало своей отчины». Новгородцы послали к нему с ответом: «Ступай, князь, на стол», а Святослава Всеволодовича заперли в архиепископском доме и с дружиною до тех пор, пока управятся с отцом. Мстислав приехал в Новгород, был принят с большою радостию и тотчас же двинулся к Торжку, потому что Всеволод захватил купцов новгородских по своим волостям и отправил сыновей с войском к новгородским границам; но битвы не было: мы видели, как Всеволод остерегался вступать в решительные сражения с князьями старой Руси, притом же теперь сын его сидел пленником

в Новгороде; Всеволод, по словам летописца, прислал сказать Мстиславу слова, совершенно тому понятные: *«Ты мне сын, а я тебе отец;* отпусти Святослава с дружиною и отдай все, что захватил, а я так же отпущу гостей и товары их». Мстислав согласился, и мир был заключен [396]. Как видно из последующего поведения посадника Твердислава, так сильно стоявшего за старину, он не мог быть на стороне Юрьевичей: вероятно, он не менее других радовался и содействовал перемене и потому не мог быть сменен вследствие этой перемены. Но скоро по утверждении Мстислава в Новгороде явился с юга из Руси Дмитрий Якунович, сын старого посадника Якуна Мирославича; мы видели, что Якун был в тесной связи с Ростиславичами северными, врагами Всеволода, дочь его была за Мстиславом Ростиславичем; когда Всеволод утвердил свою власть над Новгородом, то сын Якуна, Димитрий, принужден был искать убежища в Руси и возвратился теперь в Новгород, когда уже нечего было более бояться суздальского князя; Твердислав уступил ему добровольно посадничество, как старшему. Но если Твердислав не мог быть заподозрен в приязни ко Всеволоду, то очень легко мог быть заподозрен ерхиепископ Митрофан, данный Новгороду Всеволодом вопреки старому обычаю: и вот Мстислав вместе с новгородцами свергнул Митрофана, который был отведен в Торопец (1211 г.).

Таким образом, и Великий Всеволод при конце жизни своей, подобно брату Андрею, должен был потерпеть неудачу в своих стремлениях благодаря князьям старой Руси: войска Андрея бежали со стыдом от Мстислава — отца, Всеволод должен был уступить Новгород Мстиславу — сыну, должен был заговорить с ним его языком. В 1212 году Всеволод стал изнемогать и хотел при жизни урядить сыновей, которых у него было шестеро — Константин, Юрий, Ярослав, Святослав, Владимир, Иван. Он послал за старшим Константином, княжившим в Ростове, желая дать ему после себя Владимир, а в Ростов послать второго сына Юрия. Но Константин не соглашался на такое распоряжение, ему непременно хотелось получить и Ростов, и Владимир: старшинство обоих городов, как видно, было еще спорное и тогда, и Константин боялся уступить тот или другой младшему брату; как видно, он опасался еще старинных притязаний ростовцев, которыми мог воспользоваться Юрий: «Батюшка! — велел он отвечать Всеволоду, — если ты хочешь меня сделать старшим, то дай мне старый начальный город Ростов и к нему Владимир или, если тебе так угодно, дай мне Владимир и к нему Ростов» [397]. Всеволод рассердился, созвал бояр и долго думал с ними, как быть; потом послал за епископом Иоанном и, по совету с ним, порешил отдать старшинство младшему сыну Юрию, мимо старшего, ослушника воли отцовской — явление

важное! Мало того, что на севере отнято было старшинство у старого города и передано младшему, пригороду, отнято было отцом старшинство и у старшего сына в пользу младшего; нарушен был коренной обычай, и младшие князья на севере не приминут воспользоваться этим примером; любопытно, что бояре не решились присоветовать князю эту меру, решился присоветовать ее епископ. 14 апреля умер Всеволод на 64 году своей жизни, княжив в Суздальской земле 37 лет. Он был украшен всеми добрыми нравами, по отзыву северного летописца, который не упускает случая оправдывать вводимый Юрьевичами порядок и хвалить их за это: Всеволод, по его словам, злых казнил, а добромысленных миловал, потому что князь не даром меч носит в месть злодеям и в похвалу добро творящим; одного имени его трепетали все страны, по всей земле пронеслась его слава, всех врагов (зломыслов) бог покорил под его руки. Имея всегда страх божий в сердце своем, он подавал требующим милостыню, судил суд истинный и нелицемерный, невзирая на сильных бояр своих, которые обижали меньших людей.

Северная Русь лишилась своего Всеволода; умирая, он ввергнул меч между сыновьями своими и злая усобица между ними грозила разрушить дело Андрея и Всеволода, если только это дело было произведением одной их личности; Юго-Западная, старая, Русь высвобождалась от тяготевшего над нею влияния Северной, последняя связь между ними — старшинство и сила Юрьевичей — рушилась, и надолго теперь они разрознятся, будут жить особою жизнию до тех пор, пока на севере не явятся опять государи единовластные, собиратели Русской земли; тогда опять послышится слово, что нельзя Южной Руси быть без Северной, и последует окончательное соединение их. Но по смерти Всеволода казалось, что Южная Русь не только освободится от влияния Северной, но, в свою очередь, подчинит ее своему влиянию, ибо когда Северная Русь лишилась Всеволода и сыновья его губили свои силы в усобицах, у Руси Южной оставался Мстислав, которого доблести начали с этих пор обнаруживаться самым блистательным образом: ни в русской, ни в соседних странах не было князя храбрее его; куда ни явится, всюду принесет с собою победу; он не будет дожидаться, пока северный князь пришлет на юг многочисленные полки, чтобы отразить их, как отец его отразил полки Андреевы, он сам пойдет в глубь этого страшного сурового сжимающего севера и там поразит его князей, надеющихся на свое громадное ополчение, и вместе уничтожит завещание Всеволода; в Руси Днепровской он не даст Мономахова племени в обиду Ольговичам; наконец, вырвет Галич из рук иноплеменников. Казалось бы, какая блистательная судьба должна была ожидать Юго-Западную Русь при Мстиславе, какие важные, продолжительные следствия

должна была оставить в ней его деятельность, если только судьба Юго-Западной Руси могла зависеть от одной личности Мстиславовой!

В 1212 году умер Всеволод Великий, и в 1213 г. уже встречаем известие об усобице сыновей его. Константин не мог спокойно сносить потерю старшинства, по словам летописи, он разгорелся яростию, воздвигнул брови свои гневом на брата Юрия и на всех думцев, которые присоветовали старому Всеволоду отнять у него старшинство, и тотчас же наступило сильное волнение в Суздальской земле: люди толпами стали перебегать с одной стороны на другую[398]. Между прочими князь Святослав Всеволодович, рассердившись за что-то на брата Юрия, бежал от него к большому брату, Константину, в Ростов; другой Всеволодович, Владимир, князь юрьевский, также был против владимирского князя. Видя это, последний спешил заключить крепкий союз по крайней мере с Ярославом Всеволодовичем, князем переяславским; он сказал ему: «Брат Ярослав! Если пойдет на меня Константин или Владимир, будь ты со мною заодно, а если против тебя пойдут, то я приду к тебе на помощь». Ярослав согласился, поцеловал с Юрием крест и отправился в свой Переяславль, где созвал жителей к св. спасу и сказал им: «Братья переяславцы! Отец мой отошел к богу, вас отдал мне, а меня дал вам на руки; скажите же, братцы: хотите ли иметь меня своим князем и головы свои сложить за меня?» Переяславцы отвечали в один голос: «И очень хотим; ты наш господин, ты Всеволод!» После чего все целовали ему крест[399].

В то время, как это происходило в Переяславле, в Ростове Константин все злобился на Юрия, толковал: «Ну разве можно сидеть на отцовском столе меньшему, а не мне, большему?» и сбирался идти на Владимир с братом Святославом. Юрий боялся войны и послал сказать ему: «Брат Константин! Если хочешь Владимира, то ступай садись в нем, а мне дай Ростов». Но Константин не хотел этого; он хотел в Ростове посадить сына своего Василька, а сам хотел сесть во Владимире и отвечал Юрию: «Ты садись в Суздале». Юрий не согласился и послал сказать брату Ярославу. «Идет на меня брат Константин; ступай к Ростову, и как там бог даст: уладимся или станем биться». Ярослав пошел с своими переяславцами, а Юрий с владимирцами и суздальцами и стали у Ростова за рекою Ишнею, а Константин расставил свои полки на бродах подле реки, и начали биться об нее; река была очень грязна, и потому Юрию с Ярославом нельзя было подойти к городу, они пожгли только села вокруг, скот угнали, да жито потравили; потом, простоявши друг против друга четыре недели, братья помирились и разошлись по своим городам. Но усобица была далека до конца; Юрий знал, что мир ненадежен, и принимал свои меры: ему, как видно,

трудно было удерживать за собою отцовское приобретение, рязанские волости, которых князья и дружины их томились в тюрьмах владимирских; он освободил их, одарил и князей и дружину золотом, серебром, конями, утвердился крестным целованием и отпустил в Рязань.

Скоро началась опять усобица, начал ее Владимир Всеволодович: он выбежал из своего Юрьева сперва на Волок, а оттуда на Москву и сел здесь, отнявши этот город у Юрия. Потом начал наступать и Константин: отнял у Юрия Солигалич, пожег Кострому, а у Ярослава отнял Нерехту; обиженные братья собрали полки и пошли опять к Ростову вместе с князем Давыдом муромским, остановились на старом месте за рекою Ишнею и велели людям своим жечь села. Между тем Владимир с москвичами и дружиною своею пошел к Дмитрову, городу Ярославову; дмитровцы сами пожгли все посады, затворились и отбили все приступы, и Владимир, испуганный вестию о приближении Ярослава, бежал от города назад в Москву, потерявши задний отряд своей дружины, который перерезали дмитровцы, гнавшиеся за беглецами. Юрий и Ярослав стояли все у Ростова, не вступая в битву по северному обычаю, и опять помирились, выговоривши у Константина, чтоб он не только не помогал Владимиру, но чтоб еще дал полки свои для отнятия у последнего Москвы. Пришедши к Москве, Юрий послал сказать Владимиру: «Приезжай ко мне, не бойся, я тебя не съем, ты мне свой брат» Владимир поехал, и братья уговорились, чтоб Владимир отдал Москву назад Юрию, а сам отправился княжить в Переяславль Южный.

Таким образом два раза младший Всеволодович, Юрий, одержал верх над старшим Константином, и казалось, что последний, потерпя два раза неудачу, должен был отказаться от попыток добыть Владимир, как вдруг Северная Русь пришла в столкновение с Южной, последняя одержала блистательную победу над первою, необходимым следствием чего было восстановление старины, хотя на время. Местом столкновения был Новгород Великий. Три года княжил здесь Мстислав, ходил на чудь до самого моря, брал с нее дань, две части отдавал новгородцам, третью — дружине своей; новгородцам нравился такой князь, все было тихо, как вдруг в 1214 году пришла к Мстиславу весть из Руси от братьев, что Ольговичи обижают там Мономаховичей. Рюрик Ростиславич, как видно, умер почти в одно время с сватом своим, Всеволодом Великим[400], и Всеволод Чермный спешил воспользоваться их смертию, чтобы вытеснить из Руси Мономаховичей; предлогом к войне послужили события галицкие, именно повешение Игоревичей боярами; так как место Ольговичей занял в Галиче Мономахович Даниил, то Чермный объявил ближайшим к себе Мономаховичам: «Вы повесили в Галиче

двоих братьев моих, князей, как злодеев, и положили укоризну на всех: так нет вам части в Русской земле!» Тогда внуки Ростиславовы послали в Новгород сказать Мстиславу: «Всеволод Святославич не дает нам части в Русской земле; приходи, поищем своей отчины». Мстислав созвал вече на Ярославовом дворе и стал звать новгородцев в Киев на Всеволода Чермного; новгородцы отвечали ему: «куда, князь, ты посмотришь, туда мы бросимся головами своими». Мстислав пошел с ними на юг, но в Смоленске новгородцы завели ссору с жителями, убили одного смольнянина и не хотели идти дальше; по некоторым очень вероятным известиям [401], новгородцы не хотели уступить первого места полкам смоленским, которые вел Мстислав Романович, старший между внуками Ростиславовыми. Мстислав Мстиславич стал звать новгородцев на вече, но они не пошли, тогда он, перецеловавши всех, поклонился и пошел один с дружиною при смоленских полках. Новгородцы начали одумываться, собрались на вече и стали рассуждать, что делать? Посадник Твердислав [402] сказал им: «Как трудились наши деды и отцы за Русскую землю, так, братья, и мы пойдем за своим князем». Новгородцы послушались посадника, нагнали Мстислава и начали все вместе воевать черниговские волости по Днепру, взяли Речицу *на щит* и многие другие города; под Вышгородом встретил их Чермный и дал битву, в которой Мстислав с братьями остался победителем: двое Ольговичей [403] попались в плен, вышгородцы отворили ворота, а Всеволод бежал за Днепр, в Черниговскую область; посадивши в Киеве Мстислава Романовича, Мстислав новгородский осадил Чернигов, простоял под ним 12 дней и заключил мир с Чермным, который скоро после того умер.

Мстислав Мстиславич возвратился в Новгород, но недолго здесь оставался: при постоянной борьбе сторон, при наследственных ненавистях и стремлениях ни один князь не мог быть приятен всем одинаково; каждый должен был держаться одной какой-нибудь стороны, которая в свою очередь поддерживала его самого. Сторона, державшаяся князей суздальских, должна была уступить враждебному большинству, образовавшемуся вследствие поведения Всеволодова, но теперь Всеволода не было более, а между тем Мстислав и его сторона преследовали сторону противную, что̀ ясно показывает известие об участии владыки Митрофана; Якунич пришел из Руси и получил посадничество, а каждый знаменитый дом имел своих приверженцев и своих врагов; враги тех бояр, которые держались Мстислава, необходимо поэтому были и врагами последнего, искали случая, как бы избавиться от него. И вот Мстислав узнал, что враждебная сторона собирает тайные веча, хочет изгнать его [404]; быть может, она воспользовалась его отсутствием, чтоб усилиться; посадником

был уже ни Дмитрий Якунич, ни Твердислав, но Юрий Иванович [405].

Мстислав не стал дожидаться, чтоб ему показали путь, но созвал сам вече на Ярославовом дворе и сказал новгородцам: «У меня есть дела в Руси, а вы вольны в князьях». Проводивши Мстислава, новгородцы долго думали; наконец, отправили посадника Юрия Ивановича, тысяцкого Якуна и старших купцов 10 человек за Ярославом Всеволодовичем, князем переяславским — ясный знак, что пересилила сторона, державшаяся суздальских князей; знаком ее торжества служит и то, что Ярослав, приехавши в Новгород, схватил двоих бояр и, сковавши, заточил в свой ближний город [406] Тверь; оклеветан был и тысяцкий Якун Намнежич; князь Ярослав созвал вече, народ бросился с него ко двору Якуна, дом его разграбили, жену схватили: сам Якун с посадником пришел к князю, и тот велел схватить сына его Христофора [407]. Но волнение, возбужденное враждою сторон, этим не кончилось: жители Прусской улицы убили боярина Овстрата с сыном и бросили тела их в ров. Такое своеволие не понравилось Ярославу, он не захотел оставаться долее в Новгороде, выехал в Торжок, сел здесь княжить, а в Новгород послал наместника, последовавши в этом случае примеру деда, дядей и отца, которые покинули старый город Ростов и утвердили свое пребывание в новых.

Скоро предоставился ему благоприятный случай стеснить Новгород и привести его окончательно в свою волю: мороз побил осенью весь хлеб в Новгородской волости, только на Торжку все было цело; Ярослав не велел пропускать в Новгород ни одного воза с хлебом из Низовой земли; в такой нужде новгородцы послали к нему троих бояр с просьбою переехать к ним опять; князь задержал посланных. А между тем голод усиливался: кадь ржи покупали по десяти гривен, овса — по три гривны, воз репы — по две гривны, бедные люди ели сосновую кору, липовый лист, мох, отдавали детей своих в вечное холопство; поставили новую скудельницу, наклали полную трупов — недостало больше места, по торгу валялись трупы, по улицам трупы, по полю трупы, собаки не успевали съедать их; большая часть вожан померла с голоду, остальные разбежались по чужим странам; так разошлась наша волость и наш город, говорит летописец. Новгородцы, оставшиеся в живых, послали к Ярославу посадника Юрия Ивановича, Степана Твердиславича и других знатных людей звать его опять к себе, он велел задержать и этих, а вместо ответа послал в Новгород двух своих бояр вывести оттуда жену свою, дочь Мстислава Мстиславича. Тогда новгородцы послали к нему Мануила Яголчевича с последнею речью: «Ступай в свою отчину, к св. Софии, а найдешь, так скажи прямо». Ярослав задержал Яголчевича, задержал и всех гостей

новгородских, и были в Новгороде печаль и вопль, говорит летописец. Расчет Ярослава был верен, старине новгородской трудно было устоять при таких обстоятельствах, но старая Русь была еще сильна своим Мстиславом: узнавши, какое зло делается в Новгороде, Мстислáв приехал туда (11 февраля 1216 г.), схватил Ярославова наместника Хота Григорьевича, перековал всех его дворян, въехал на двор Ярославов и целовал крест к новгородцам, а новгородцы к нему — не расставаться ни в животе, ни в смерти: «Либо отыщу мужей новгородских и волости, либо головою повалю за Новгород», — сказал Мстислав.

Между тем Ярослав, узнавши о новгородских новостях, стал готовиться к защите, велел поделать засеки по новгородской дороге и реке Тверце, а в Новгород отправил сто человек из его жителей, казавшихся ему преданными, с поручением поднять противную Мстиславу сторону и выпроводить его из города, но эти сто человек как скоро пришли в Новгород, так единодушно стали вместе со всеми другими за Мстислава, который отправил в Торжок священника сказать Ярославу: «Сын! Кланяюсь тебе: мужей и гостей отпусти, из Торжка выйди, а со мною любовь возьми». Ярославу не полюбилось такое предложение, он отпустил священника без мира и всех новгородцев, задержанных в Торжке, числом больше 2000, созвал на поле за город, велел схватить их, перековать и разослать по своим городам, имение их и лошадей роздал дружине. Весть об этом сильно опечалила новгородцев, их оставалось мало: лучшие люди были схвачены Ярославом, а из меньших одни разошлись, другие померли с голоду, но Мстислав не унывал, он созвал вече на Ярославовом дворе и сказал народу: «Пойдемте искать свою братью и своих волостей, чтоб не был Торжок Новгородом, а Новгород — Торжком, но где св. София, там и Новгород; и в силе бог, и в мале бог да правда!» — и новгородцы решились идти за ним.

1-го марта 1216 года, в первый день нового года по тогдашнему счету, выступил Мстислав с новгородцами на зятя своего Ярослава, и через день же обнаружилось, как сильно было разделение и вражда сторон в Новгороде: несмотря на то, что в Новгороде все целовали крест стоять единодушно за Мстислава, четыре человека, собравшись с женами и детьми, побежали к Ярославу [408]. Мстислав отправился озером Селигером и, вошедши в свою Торопецкую волость, сказал новгородцам: «Ступайте сбирать припасы, только людей не берите в плен»; — те пошли, набрали корму для себя и для лошадей, и когда достигли верховьев Волги, то получили весть, что брат Ярославов, Святослав Всеволодович, с десятитысячным войском осадил Мстиславов город Ржевку, где посадник Ярун отбивался от него с сотнею человек. У Мстислава с братом Владимиром псковским было всего 500 человек войска; не-

смотря на то, они двинулись на выручку Ржевки, и Святослав побежал от нее, не дождавшись новгородских полков, а Мстислав пошел дальше и занял Зубцов, город Ярославов. На реке Вазузе настиг его двоюродный брат Владимир Рюрикович смоленский с своими полками; несмотря на эту помощь, Мстислав не хотел идти дальше и, ставши на реке Холохольне [409], послал в Торжок к Ярославу с мирными предложениями, но тот велел отвечать: «Мира не хочу; пошли — так ступайте; на одного вашего придется по сту наших». Ростиславичи, получив этот ответ, сказали друг другу: «Ты, Ярослав, с плотию, а мы с крестом честным», и стали думать, куда бы пойти дальше; новгородцы, которым прежде всего хотелось очистить свою волость, уговаривали князей идти к Торжку, но те отвечали им: «Если пойдем к Торжку, то попустошим Новгородскую волость; пойдем лучше к Переяславлю: там у нас есть третий друг». Ростиславичи были уверены, что Константин ростовский вступит в союз с ними против младших братьев. Они двинулись к Твери и стали брать села и жечь их, а об Ярославе не знали, где он — в Торжке или Твери. Услыхав, что Ростиславичи воюют тверские села, он выехал из Торжка в Тверь, взявши с собою старших бояр и новгородцев, молодых — по выбору, а новоторжцев — всех, и послал из них сто человек с небольшим отборных людей в сторожу, но в 15 верстах от города 25 марта наехал на них воевода Мстислав Ярун с молодою дружиною, тридцать три человека взял в плен, семьдесят положил на месте, остальным удалось убежать в Тверь.

Получивши этот первый успех, который дал ратникам их возможность беспрепятственно собирать съестные припасы, Ростиславичи послали смоленского боярина Яволода в Ростов к князю Константину Всеволодовичу приглашать его к союзу против братьев; провожать посла до рубежа отправили Владимира псковского с псковичами и смольнянами, а сами с новгородцами пошли дальше, пожгли села по рекам Шоше и Дубне, тогда как Владимир псковский взял город Константинов (Кснятин) на устье большой Мерли и пожег все Поволжье. Константин ростовский не замедлил ответом; он послал воеводу своего Еремея сказать Ростиславичам: «Князь Константин кланяется вам; обрадовался он, услыхавши о вашем приходе, и посылает вам в помощь 500 человек, а для остальных рядов пошлите к нему шурина его Всеволода (сына Мстислава Романовича киевского)». Ростиславичи отпустили к нему Всеволода с сильным отрядом, а сами пошли вниз по Волге; потом, чтоб скорее окончить поход, бросили возы и, севши на коней, поехали к Переяславлю. 9 апреля, в Светлое воскресенье, к Ростиславичам, стоявшим на реке Саре [410], пришел Константин ростовский с своими полками, но он боялся, что оставил свой город без защиты, почему

Ростиславичи отправили в Ростов Владимира псковского с дружиною, а сами с Константином пошли к Переяславлю и стали против него на Фоминой неделе. Здесь под городскими стенами они захватили в плен одного человека, от которого узнали, что Ярослава нет в городе — пошел к брату Юрию с полками, с новгородцами и новоторжанами, а князь Юрий с братьями Святославом и Владимиром выступил также из своего города. Войско младшие Всеволодовичи собрали большое: муромцев, бродников, городчан и всю силу Суздальской земли, погнали всех и из сел, у кого не было лошади, тот шел пешком. Страшное было чудо и дивное, братья, говорит летописец: пошли сыновья на отца, отцы на детей, брат на брата, рабы на господина, а господин на рабов [411].

Ярослав и Юрий с братьями стали на реке Кзе, Мстислав и Владимир с новгородцами поставили полки свои близь Юрьева, а Константин ростовский стал дальше с своими полками на реке Липице. Когда Ростиславичи завидели полки Ярославовы и Юрьевы, то послали сотского Лариона сказать Юрию: «Кланяемся; у нас с тобою нет ссоры, ссора у нас с Ярославом»; Юрий отвечал: «Мы с братом Ярославом один человек». Тогда они послали сказать Ярославу: «Отпусти новгородцев и новоторжан, возврати волости новгородские, которые ты захватил, Волок; с нами помирись и крест целуй, а крови не проливай». Ярослав отвечал: «Мира не хочу, новгородцев и новоторжан при себе держу; вы далеко шли и вышли, как рыба насухо». Когда Ларион пересказал все эти слова Ростиславичам, те отправили к обоим братьям с последнею речью: «Мы пришли, брат князь Юрий и Ярослав, не на кровопролитие, крови не дай нам бог видеть, лучше управиться прежде; мы все одного племени: так дадим старшинство князю Константину, и посадите его во Владимире, а вам Суздальская земля вся». Юрий отвечал на это послу: «Скажи братье моей, князьям Мстиславу и Владимиру: пришли, так ступайте куда хотите, а брату князю Константину скажи: перемоги нас, и тогда тебе вся земля».

Младшие Всеволодовичи, ободренные мирными предложениями врагов, видя в этом признак слабости, отчаянного положения, начали пировать с боярами; на пиру один старый боярин, Андрей Станиславович [412], стал говорить молодым князьям: «Миритесь, князья Юрий и Ярослав! А меньшая братья в вашей воле; по-моему, лучше бы помириться и дать старшинство князю Константину, нечего смотреть, что перед нами мало Ростиславова племени, да князья-то все они мудрые, смышленые, храбрые; мужи их, новгородцы и смольняне, смелы на бою, а про Мстислава Мстиславича и сами знаете в том племени, что дана ему от бога храбрость больше всех; так подумайте-ка, господа, об этом!» Не люба была эта речь князьям Юрию и Ярославу, и один из юрьевых бояр ска-

зал: «Князья Юрий и Ярослав! Не было того ни при прадедах, ни при деде, ни при отце вашем, чтоб кто-нибудь вошел ратью в сильную землю Суздальскую и вышел из нее цел, хотя б тут собралась вся Русская земля, и Галицкая, и Киевская, и Смоленская, и Черниговская, и Новгородская, и Рязанская, никак им не устоять против нашей силы; а эти-то полки — да мы их седлами закидаем». Эта речь понравилась князьям, они созвали бояр своих и начали им говорить: «Когда достанется нам неприятельский обоз в руки, то вам будут кони, брони, платье, а кто вздумает взять живого человека, тот будет сам убит; у кого и золотом будет шитое платье, и того убивай, не оставим ни одного в живых; кто из полку побежит и будет схвачен, таких вешать или распинать, а о князьях, если достанутся нам в руки, подумаем после». Отпустивши людей своих, князья вошли в шатер и начали делить волости; князь Юрий сказал: «Мне, брат Ярослав, Владимирская земля и Ростовская, тебе Новгород, Смоленск — брату нашему Святославу, Киев отдай черниговским князьям, а Галич нам же». Младшие братья согласились, поцеловали крест и написали грамоты. Здесь всего любопытнее для нас презрение северных князей к Киеву, с которым для их предков и для всех южных князей соединялась постоянно мысль о старшинстве, о высшей чести, но богатый Галич Всеволодовичи берут себе.

Поделивши между собою все русские города, Юрий с Ярославом стали звать врагов к бою; Ростиславичи с своей стороны призвали князя Константина, долго думали с ним, взяли с него клятву, что не будет в нем перевету к братьям, и двинулись в ночь к ростовскому стану на реку Липицу; во всех полках их раздавались крики, в Константиновом войске трубили в трубы — это навело страх на Юрия и Ярослава, они отступили за дебрь и расположили свои полки на Авдовой горе; Ростиславичи на рассвете пришли к Липицам и, видя, что враги отступили на Авдову гору, расположились на противоположной горе Юрьевой и послали ко Всеволодовичам троих мужей опять с мирными предложениями: «А не дадите мира, — велели они сказать им, — так отступите подальше на ровное место, а мы пойдем на вашу сторону; или мы отойдем к Липицам, а вы перейдете на наши станы». Князь Юрий отвечал: «Ни мира не беру, ни отступаю; вы прошли через всю землю, так неужели этой дебри не перейдете?» Всеволодовичи надеялись на свои укрепления: они обвели свой стан плетнем и насовали кольев, боясь, чтоб Ростиславичи не ударили на них в ночь. Получивши их ответ, Ростиславичи послали своих молодых людей биться против Ярославовых полков; те бились целый день до ночи, но бились неусердно, потому что была буря и очень холодно. На другое утро, 21 апреля в четверг, на второй неделе по Пасхе,

Ростиславичи решились было идти прямо ко Владимиру, не схватываясь с неприятелем, и полки их стали уже готовиться к выступлению; видя это, полки Юрьевы начали также сходить с своей горы, думая, что враги бегут, но те остановились и опрокинули их назад. В это время явился князь Владимир псковский из Ростова, Ростиславичи стали думать, куда идти, причем Константин сказал им: «Братья, князь Мстислав и Владимир! Если пойдем мимо них, то ударят на нас в тыл, а потом мои люди на бой не охочи, того и гляди, что разойдутся по городам». На это Мстислав отвечал: «Князь Владимир и Константин! Гора нам не поможет, гора нас и не победит; призвавши на помощь крест честный и свою правду, пойдем к ним». Все согласились и начали ставить полки: Владимир Рюрикович смоленский поставил полки свои с краю, подле него стал Мстислав и Всеволод с новгородцами, да Владимир псковский с псковичами, а подле него стал князь Константин с ростовцами; с противной стороны Ярослав стал с своими полками, т. е. переяславскими и тверскими, также с муромскими, с городчанами и бродниками против Владимира и смольнян, Юрий стал против Мстислава и новгородцев со всею землею Суздальскою, а меньшие братья — против князя Константина.

Мстислав и Владимир начали ободрять своих новгородцев и смольнян: «Братья! — говорили они им, — вошли мы в землю сильную, так, положивши надежду на бога, станет крепко; нечего нам озираться назад; побежавши не уйти; забудем, братья, про домы, жен и детей; ведь надобно же будет когда-нибудь умереть! Ступайте, кто как хочет, кто пеш, кто на коне». Новгородцы отвечали: «Мы не хотим помирать на конях, хотим биться пеши, как отцы наши бились на Кулакше». Мстислав обрадовался этому и новгородцы, сойдя с лошадей, посметавши с себя порты и сапоги, ударились бежать босые на врагов, смольняне побежали за ними также пешком, за смольнянами князь Владимир отрядил Ивора Михайловича с полком, а старшие князья и все воеводы поехали сзади на лошадях. Когда полк Иворов въехал в дебрь, то под Ивором споткнулся конь, что заставило его приостановиться, но пешие, не дожидаясь Ивора, ударили на пешие полки Ярославовы с криком, бросая палки и топоры, суздальцы не выдержали и побежали, новгородцы и смольняне стали их бить, подсекли стяг Ярославов, а когда приспел Ивор, то досеклись и до другого стяга. Увидавши это, Мстислав сказал Владимиру Рюриковичу: «Не дай нам бог выдать добрых людей!» — и все князья разом ударили на врагов сквозь свою пехоту. Мстислав трижды проехал по вражьим полкам, посекая людей: был у него на руке топор с паворозою, которым он и рубил; князь Владимир не отставал от него, и после лютой битвы досеклись, наконец, до обоза Всеволодовичей;

тогда последние, видя, что Ростиславичи жнут их полки, как колосья, побежали вместе с муромскими князьями, а князь Мстислав закричал своим: «Братья новгородцы! Не останавливайтесь над товаром, доканчивайте бой, а то воротятся назад и взметут вас». Новгородцы, говорит летописец, отстали от обоза и бились, а смольняне напали на добычу, одирали мертвых, о битве же не думали. Велик, братья, промысл божий, говорит тот же летописец: на этом страшном побоище пало только пять человек новгородцев да один смольнянин, все сохранены были силою честного креста и правдою; с противной стороны было убито множество, а в плен взято 60 человек во всех станах; если бы князья Юрий и Ярослав знали это да ведали, то мирились бы, потому что слава их и хвала погибла, и полки сильные ни во что пошли: было у князя Юрия 13 стягов, труб и бубнов 60, говорили и про Ярослава, что у него было стягов 16, а труб и бубнов 40. Люди больше всего жаловались на Ярослава: от тебя, говорили они, потерпели мы такую беду, о твоем клятвопреступлении сказано: придите, птицы небесные, напитайтесь крови человеческой; звери! наешьтесь мяс человеческих. Не десять человек убито, не сто, но всех избито 9233 человека; крик, вытье раненых слышны были в Юрьеве и около Юрьева, не было кому погребать, многие перетонули во время бегства в реке; иные раненые, зашедши в пустое место, умерли без помощи; живые побежали одни к Владимиру, другие к Переяславлю, некоторые в Юрьев.

Юрий прибежал во Владимир на четвертом коне, а трех заморил, прибежал в одной первой сорочке, подклад и тот бросил; он приехал около полудня, а схватка была в обеденную пору. Во Владимире оставался один безоружный народ: попы, монахи, жены да дети; видя издали, что кто-то скачет к ним на коне, они обрадовались, думая, что то вестник от князя с победою; «Наши одолевают», — говорили они. И вдруг приезжает князь Юрий один, начинает ездить около города, кричит: «Укрепляйте стены!» Все смутились, вместо веселья поднялся плач; к вечеру и в ночь стали прибегать и простые люди: один прибежит раненый, другой нагой. На другое утро Юрий созвал народ и стал говорить: «Братья владимирцы! Затворимся в городе, авось отобьемся от них». Ему отвечали: «Князь Юрий! С кем нам затвориться? Братья наши избиты, другие взяты в плен, остальные пришли без оружия, с кем нам стать?» Юрий сказал: «Все это я сам знаю, только не выдавайте меня брату Константину и Ростиславичам, чтоб мне можно было выйти по своей воле из города». Это владимирцы ему обещали. Ярослав также прибежал в Переяславль на пятом коне, а четырех заморил и затворился в городе. Недовольно было ему первого зла, говорит летописец, не насытился крови человеческой: избивши в

Новгороде много людей и в Торжке, и на Волоке, этого было ему все мало; прибежавши в Переяславль, он велел и тут теперь перехватить всех новгородцев и смольнян, зашедших в землю его для торговли, и велел их покидать одних в погреба, других запереть в тесной избе, где они и перемерли все, числом полтораста; на смольнян он не так злобился и велел запереть их 15 человек особо, отчего они все и остались живы.

Не так поступали князья из милостивого племени Ростиславова: они остальную часть дня оставались на месте побоища, а если бы погнались за неприятелем, то князьям Юрию и Ярославу не уйти бы, да и Владимир был бы взят врасплох, но Ростиславичи тихо пришли ко Владимиру, объехали и стали думать, откуда взять, а когда ночью загорелся княжий двор, и новгородцы хотели воспользоваться этим случаем для приступа, то Мстислав не пустил их; через день вспыхнул опять пожар в городе, и горело до света, смольняне также стали проситься на приступ, но князь Владимир не пустил их[413]. Тогда князь Юрий выслал к осаждающим князьям с челобитьем: «Не ходите на меня нынче, а завтра сам пойду из города». И, точно, на другой день рано утром выехал он из города, поклонился князьям Мстиславу и Владимиру Рюриковичу и сказал: «Братья! Вам челом бью, вам живот дать и хлебом меня накормить, а брат мой, Константин, в вашей воле». Он дал им богатые дары; те помирились с ним, помирили его и с братом Константином, который взял себе Владимир, а Юрий должен был удовольствоваться Радиловым Городцем на Волге; владыка, княгиня и весь двор его сели немедленно в лодки и поплыли вниз по Клязьме, а сам князь Юрий, зашедши перед отъездом в Соборную церковь, стал на колени у отцовского гроба и со слезами сказал: «Суди, бог, брату моему, Ярославу, что довел меня до этого».

Проводивши Юрия, владимирцы — духовенство и народ — пошли встречать нового князя, Константина, который богато одарил в тот день князей и бояр, а народ привел к присяге себе. Между тем Ярослав все злобился и не хотел покоряться, заперся в Переяславле и думал, что отсидится здесь, но когда Ростиславичи с Константином двинулись к Переяславлю, то он испугался и стал слать к ним с просьбою о мире, а наконец и сам приехал к брату Константину, ударил ему челом и сказал: «Господин! Я в твоей воле: не выдавай меня тестю моему, Мстиславу, и Владимиру Рюриковичу, а сам накорми меня хлебом». Константин помирил его с Мстиславом еще на дороге, и когда князья пришли к Переяславлю, то Ярослав одарил их и воевод богатыми дарами; Мстислав, взявши дары, послал в город за дочерью своею, женою Ярославовою, и за новгородцами, которые остались в живых и которые находились в полках с Ярославом, тот не раз после этого

посылал к нему с просьбою отдать ему жену, но Мстислав не согласился.

Так Мстислав уничтожил завещание Всеволода III, восстановил, по-видимому, старину на севере, хотя, собственно, здесь торжеством Константина прокладывался путь к торжеству нового порядка вещей, потому что старший брат становился материально несравненно сильнее младших, получив и Ростов и Владимир, чего прежде желал; племени Константинову следовало теперь усиливаться на счет остальных сыновей Всеволодовых, но судьба хотела иначе и предоставляла честь собрания Северной Руси племени третьего сына Всеволода, того самого Ярослава, который был виновником описанных событий.

Слабый здоровьем Константин недолго накняжил во Владимире, он чувствовал приближение смерти, видел сыновей своих несовершеннолетними и потому спешил помириться с братом Юрием, чтоб не оставить в нем для последних опасного врага: уже в следующем 1217 году он вызвал к себе Юрия, дал ему Суздаль, обещал и Владимир по своей смерти, много дарил и заставил поцеловать крест, разумеется, на том, чтобы быть отцом для племянников. В 1218 году Константин послал старшего сына своего, Василька, на стол ростовский, а Всеволода — на ярославский; по словам летописца, он говорил им: «Любезные сыновья мои! Будьте в любви между собою, всею душою бойтесь бога, соблюдая его заповеди, подражайте моим нравам и обычаям: нищих и вдов не презирайте, церкви не отлучайтеся, иерейский и монашеский чин любите, книжного поученья слушайтесь, слушайтесь и старших, которые вас добру учат, потому что вы оба еще молоды; я чувствую, дети, что конец мой приближается и поручаю вас богу, пречистой его матери, брату и господину Юрию, который будет вам вместо меня».

Константин умер 2 февраля 1218 года; летописец распространяется в похвалах его кротости, милосердию, попечению о церквах и духовенстве, говорит, что он часто читал книги с прилежаньем и делал все по-писаному в них После имя Константина поминается с прозванием *добрый*. Брат его, Юрий, стал по-прежнему княжить во Владимире.

С княжеством Суздальским по природным условиям тесно были соединены княжества Рязанское и Муромское. Князь муромский, Давыд [414], ходил постоянно в воле великого Всеволода, помогал ему в покорении рязанских князей; во время Липецкой битвы муромские князья с своими полками находились в войске младших Всеволодовичей. Рязанские князья были отпущены Юрием из плена в свои волости, но недолго жили здесь в мире: тот самый Глеб Владимирович, который прежде с братом Олегом обносил остальную братью пред Всеволодом III, теперь с другим братом,

Константином, вздумал истребить всех родичей и княжить вдвоем во всей земле Рязанской. Мы видели причины сильной вражды между Ярославичами рязанскими в крайнем размельчении волостей; причину же братоубийственного намерения Владимировичей, почти единственного примера[415] между русскими князьями после Ярослава, можно объяснить из большой грубости и одичалости нравов в Рязани, этой оторванной, отдаленной славяно-русской колонии на финском востоке. Как бы то ни было, в 1217 году, во время съезда рязанских князей для родственного совещания, Владимировичи позвали остальную братью, шестерых князей[416], на пир к себе в шатер; те, ничего не подозревая, отправились к ним с своими боярами и слугами, но когда начали пить и веселиться, то Глеб с братом, вынувши мечи, бросились на них с своими слугами и половцами, скрывавшимися подле шатра: все гости были перебиты. Остался в живых не бывший на съезде Ингварь Игоревич, который и удержал за собою Рязань; Глеб в 1219 году пришел на него с половцами, но был побежден и едва успел уйти.

Мстислав, возвратившись с победою в Новгород, недолго оставался в нем: в следующем же 1217 году он ушел в Киев, оставив в Новгороде жену и сына Василия и взявши с собою троих бояр, в том числе старого посадника Юрия Иванковича; как видно, он взял их в заложники за безопасность жены и сына: так сильна была вражда сторон и возможность торжества стороны суздальской! На существование этой вражды, на существование в Новгороде людей, неприязненных Мстиславу, указывает известие, что Мстислав по возвращении в Новгород в том же году должен был схватить Станимира Дерновича с сыном Нездилою, заточить их в оковах, взявши себе богатое имение их, а в 1218 году он пошел в Торжок и схватил там Борислава Некуришинича, причем так же овладел большим имением; после, однако, все эти люди были выпущены на свободу. В том же году Мстислав созвал вече на Ярославовом дворе и сказал новгородцам: «Кланяюсь св. Софии, гробу отца моего и вам; хочу поискать Галича, а вас не забуду; дай мне бог лечь подле отца у св. Софии». Новгородцы сильно упрашивали его: «Не ходи, князь», но не могли удержать его.

Проводивши Мстислава, новгородцы послали в Смоленск за племянником его, Святославом, сыном Мстислава Романовича, но в том же, 1218 году встала смута: как-то Матей Душильчевич, связавши одного чиновника, Моисеича, убежал; беглеца схватили и привели на Городище, как вдруг пронесся в городе ложный слух, что посадник Твердислав выдал Матея князю[417]; встало волнение: жители Заречья (ониполовцы) зазвонили у св. Николы и звонили целую ночь, а жители Неревского конца стали звонить у 40 святых, сбирая также

людей на Твердислава. Князь, услыхав о мятеже, выпустил Матея, но народ уже не мог успокоиться; ониполовцы выступили в бронях[418], как на рать, неревляне также, а загородцы не присоединялись ни к тем, ни к другим, но смотрели, что будет. Тогда Твердислав, взглянувши на св. Софию, сказал: «Если я виноват, то пусть умру; если же прав, то ты меня оправи, господи!» — и пошел на бой с Людиным концом и с жителями Прусской улицы. Битва произошла у городских ворот, и ониполовцы с неревцами обратились в бегство, потерявши из своих Ивана Душильчевича, Матеева брата, а неревляне Константина Прокопьича, да кроме этих еще шесть человек; победители, жители Людина конца и Прусской улицы, потеряли по одному человеку, а раненых было много с обеих сторон. Целую неделю после этого побоища все были веча в городе; наконец, сошлись братья вместе единодушно и целовали крест. Но тут князь Святослав прислал своего тысяцкого на вече: «Не могу, — говорил князь, — быть с Твердиславом и отнимаю у него посадничество». Новгородцы спросили: «А какая вина его?» «Без вины», — велел отвечать князь. Тогда Твердислав сказал: «Тому я рад, что вины на мне нет никакой, а вы, братья, вольны и в посадничестве и в князьях». Новгородцы велели отвечать Святославу: «Князь! Если Твердислав ни в чем не виноват, то ты нам клялся без вины не отнимать ни у кого должности; тебе кланяемся, а вот наш посадник, и до того не допустим, чтоб отняли у него без вины посадничество». Святослав не настаивал больше, и наступило спокойствие.

В следующем году Мстислав Романович, князь киевский, прислал в Новгород сына своего, Всеволода: «Примите к себе, — велел он сказать новгородцам, — этого Всеволода, а Святослава, старшего, отпустите ко мне». Новгородцы исполнили его волю. Тою же зимою Семьюн Емин с отрядом из четырехсот человек пошел на финское племя тоймокаров[419], но суздальские князья, ни Юрий, ни Ярослав, не пропустили их чрез свою землю; принужденные возвратиться назад в Новгород, Семьюн с товарищами стали шатрами по полю, а в городе начали распускать слух, что посадник Твердислав и тысяцкий Якун нарочно заслали к Юрию, чтоб он не пускал их, и этими слухами взволновали город: Твердислав и Якун лишены были своих должностей, посадничество отдано Семену Борисовичу, кажется, внуку знаменитого Мирошки, а тысяча — Семьюну Емину. Но оба они и году не пробыли в своих должностях: в том же 1219 году посадничество опять отдано было Твердиславу, а тысяча — Якуну. Смуты, борьба сторон касались даже и владык: мы видели, что Мстислав с своими приверженцами свергнул владыку Митрофана как избранника Всеволодова, но по уходе Мстислава в 1218 году Митрофан возвратился из Владимира в Новгород и стал

жить в Благовещенском монастыре; в 1219 году, когда преемник его, Антоний, пошел в Торжок, новгородцы провозгласили опять Митрофана своим владыкою, а к Антонию послали сказать: «ступай, куда тебе любо»; он отправился на житье в Спасонередицкий монастырь; наконец, князь Всеволод и новгородцы сказали обоим владыкам: «Ступайте к митрополиту в Киев, и кого он из вас пришлет опять к нам, тот и будет нашим владыкою». В 1220 году пришел назад архиепископом Митрофан, оправданный богом и св. Софиею, по выражению летописца. Антония же митрополит удержал у себя в чести и дал ему епископство Перемышльское.

Всеволод Мстиславич наследовал вражду брата своего, Святослава, к посаднику Твердиславу: в 1220 году он отправился по своим делам в Смоленск, оттуда проехал в Торжок, и когда возвратился в Новгород, то поднял половину его жителей на Твердислава, хотел убить его, а Твердислав был в это время болен. Всеволод пошел с Городища, где жил со всем своим двором, одевшись в брони, как на рать, и приехал на двор Ярославов, куда сошлись к нему новгородцы также вооруженные и стали полком на княжом дворе; больного Твердислава вывезли на санях к Борисоглебской церкви, куда к нему на защиту собрались жители Прусской улицы, Людина конца, загородцы и стали около него пятью полками. Князь, увидавши, что они хотят крепко отдать свой живот, по выражению летописца, не поехал на них, но прислал владыку Митрофана с добрыми речами, и владыка успел помирить обе стороны. Но Твердислав сам отказался от посадничества по причине болезни и, видя, что болезнь все усиливается, тайком от жены, детей и всей братьи ушел в Аркажь монастырь и там постригся. В преемники ему был избран Иванко Дмитриевич, как видно, сын Дмитрия Якунича.

Между тем примирение князя Всеволода с Твердиславовою стороною не было прочно; в следующем же 1221 году новгородцы показали путь Всеволоду: «Не хотим тебя, ступай, куда хочешь», — сказали они ему. Необходимым следствием изгнания Ростиславича было обращение к Юрьевичам суздальским, и вот владыка Митрофан, посадник Иванко, старейшие мужи отправились во Владимир к Юрию Всеволодовичу за сыном, и тот дал им своего Всеволода на всей их воле; после Липецкой битвы суздальским князьям нельзя было вдруг опять начать прежнее поведение с новгородцами; Юрий, как видно, был очень рад обращению новгородцев к своему племени: богато одарил владыку и других послов и прислал брата своего Святослава с войском на помощь новгородцам против чуди. Но Юрьеву сыну не понравилось в Новгороде, в том же году он тайком выехал оттуда со всем двором своим; новгородцы опечалились и отправили снова старших мужей сказать Юрию: «Если тебе неугодно держать

Новгорода сыном, так дай нам брата». И Юрий дал им брата своего Ярослава, того самого, который прежде поморил их голодом. Новгородцы были рады Ярославу, говорит летописец, и когда в 1223 году он ушел от них в свою волость — Переяславль Залесский, то они кланялись ему, уговаривали: «Не ходи, князь», но он не послушал их просьбы; опять новгородцы послали за князем к Юрию, и тот опять дал им сына своего Всеволода. В 1224 году пришел Всеволод вторично в Новгород и в том же году опять тайком ночью ушел оттуда; на этот раз, впрочем, дело только этим не кончилось: Всеволод по примеру дяди засел в Торжке, куда пришел к нему отец Юрий с полками, дядя Ярослав, двоюродный брат Василько Константинович с ростовцами, шурин Юрьев Михаил с черниговцами. Новгородцы послали сказать Юрию: «Князь! Отпусти к нам сына своего, а сам пойди с Торжка прочь». Юрий велел отвечать: «Выдайте мне Якима Ивановича, Никифора Тудоровича, Иванка Тимошкинича, Сдилу Савинича, Вячка, Иваца, Радка, а если не выдадите, то я поил коней Тверцою, напою и Волховом». Новгородцы собрали всю волость, около города поставили острог и послали опять сказать Юрию: «Князь! Кланяемся тебе, а братьи своей не выдаем; и ты крови не проливай, впрочем, как хочешь: твой меч, а наши головы». И в то же время новгородцы расставили сторожей по дорогам, поделали засеки, твердо решась умереть за св. Софию; Юрий не решился идти поить коней Волховом и послал сказать новгородцам: «Возьмите у меня в князья шурина моего Михаила черниговского». Новгородцы согласились и послали за Михаилом, Юрий вышел из Торжка, но не даром: новгородцы заплатили ему семь тысяч; здесь в первый раз они принуждены были откупиться деньгами от северного князя; преемники Юрия не преминут воспользоваться его примером.

Южный князь из старой Руси был по нраву новгородцам; при нем было легко их волости. Но подобно всем князьям Михаил не мог долго у них оставаться. Он пошел сперва во Владимир выпрашивать у Юрия назад товаров новгородских, которые тот захватил на Торжку и по своей волости; возвратясь с товарами в Новгород, он стал на Ярославовом дворе и сказал новгородцам: «Не хочу у вас княжить, иду в Чернигов; пускайте ко мне купцов, пусть ваша земля будет, как моя земля». Новгородцы много упрашивали его остаться и не могли упросить.

Проводивши Михаила с честию, новгородцы принуждены были опять послать в Переяславль к Ярославу. Тот пришел к ним и на этот раз пробыл в Новгороде почти три года, и когда уходил назад в свой Переяславль, то оставил новгородцам двоих сыновей Федора и Александра с боярином Федором Даниловичем и с тиуном Якимом. Но при Ярославе и

сыновьях его Новгородской волости не было так легко, как при Михаиле черниговском: явились новые подати, новые распоряжения, каких не было означено в старых грамотах Ярославовых. С другой стороны, молодым князьям или, лучше сказать, дядьке их Федору Даниловичу не могло нравиться в Новгороде, где происходили беспрерывные волнения и вечевые самоуправства, неизвестные в Низовой земле. Осенью 1228 года полили сильные дожди день и ночь, с Успеньева дня до Николина не видать было солнца; ни сена нельзя было добыть, ни пашни пахать. Тогда дьявол, по выражению летописца, завидуя христианским подвигам владыки Арсения, возбудил против него чернь: собрали вече на Ярославовом дворе и пошли на двор владычин, крича: «Это из-за Арсения так долго стоит у нас тепло, он выпроводил прежнего владыку Антония на Хутынь, а сам сел, задаривши князя»; вытолкали его за ворота, как злодея, чуть-чуть не убили; едва успел он запереться в Софийской церкви, откуда пошел в Хутынь монастырь. На его место вывели опять прежнего архиепископа Антония, но этим дело не кончилось: взволновался весь город, вооружились и пошли с веча на тысяцкого Вячеслава, разграбили двор его, двор брата его Богуслава, двор Андреича, владыкина стольника и других; послали грабить двор и Душильца, липитского старосты, а самого хотели повесить, но он успел убежать к Ярославу, так взяли его жену, говоря: «Эти люди наводят князя на зло».

Отнявши должность тысяцкого у Вячеслава и давши ее Борису Негочевичу, новгородцы послали сказать князю Ярославу: «Приезжай к нам, новые пошлины оставь, судей по волости не шли, будь нашим князем на всей воле нашей и на всех грамотах Ярославовых, или ты себе, а мы себе»[420]. Вместо ответа Федор Данилович и тиун Яким, взявши двух княжичей, побежали из Новгорода, новгородцы сказали: «Что же это он побежал? Разве какое зло задумал на св. Софию, а мы их не гнали, только братью свою казнили, а князю никакого зла не сделали, пусть на них будет бог и крест честный, а мы себе князя промыслим»; поцеловали образ богородицы, что быть всем заодно, и послали за Михаилом в Чернигов; послы их были задержаны в Смоленске тамошними князьями по Ярославову научению, да и потому, вероятно, что Ростиславичи не могли желать добра новгородцам после изгнания Всеволода.

Несмотря на то что Михаил как-то узнал о новгородских происшествиях, о том, что послы, отправленные за ним, задержаны в Смоленске и поскакал в Торжок, а оттуда в 1229 году явился в Новгороде, к величайшей радости новгородцев, которым целовал крест на всей их воле и на всех грамотах Ярославовых, освободил смердов от платежа дани за пять лет, платеж сбежавшим на чужую землю установил

на основании распоряжений прежних князей. Получив желанного князя, сторона Михаилова обратилась против своих противников, приверженцев Ярославовых, преимущественно городищан: дворов их не грабили, но взяли с них много денег и дали на строение большого моста. Тогда же отняли посадничество у Ивана Дмитриевича и отдали его Внезду Водовику, а Иванку дали Торжок; но жители этого города не приняли его, и он пошел к Ярославу.

Михаил, впрочем, и на этот раз недолго оставался в Новгороде: в том же 1229 году, оставив здесь сына Ростислава и взявши с собою несколько знатных новгородцев, он пошел в Чернигов к братьям; к Ярославу послали сказать: «Отступись от Волока и от всего новгородского, что взял силою, и целуй крест». Ярослав отвечал: «Ни от чего не отступаюсь и креста не целую: вы себе, а я себе» и продержал послов все лето. В следующем году Михаил явился в Новгород, справил постриги своему сыну Ростиславу, посадил его на столе, а сам опять пошел в Чернигов. Иметь малолетнего князя для новгородцев было все равно, что не иметь его вовсе; начались опять сильные волнения: новый посадник Водовик поссорился с сыном старого посадника Степаном Твердиславичем, сторону которого принял Иванко Тимошкинич; слуги посадничьи прибили Тимошкинича, который на другой день собрал вече на Ярославовом дворе, вследствие чего двор посадничий был разграблен. Но Водовик вместе с Семеном Борисовичем, старым посадником, соперником Твердислава, а следовательно, и сына его, подняли снова весь город на Иванка и его приятелей, пошли с веча и много дворов разграбили, а Волоса Блудкинича убили на вече, причем Водовик приговаривал: «Ты мой двор хотел зажечь». Водовик после убил также и Тимошкинича, сбросивши его в Волхов. Но зимою, когда посадник вместе с княжичем Ростиславом поехал в Торжок, то на другой же день враги его убили Семена Борисовича, дом и села его разграбили, жену схватили; также разграбили двор и села Водовиковы, брата его и приятелей, тысяцкого Бориса. Услыхав об этом, Водовик с братьями, тысяцкий Борис и торжокские бояре побежали к Михаилу в Чернигов, а в Новгороде дали посадничество Степану Твердиславичу, должность тысяцкого — Никите Петриловичу, имение Семена и Водовика разделили по сотням, а князю Ростиславу показали путь из Торжка, послали сказать ему: «Твой отец обещался сесть на коня и в поход идти с Воздвижения, а теперь уже Николин день; с нас крестное целование долой, а ты ступай прочь, мы себе князя промыслим», — и послали за Ярославом на всей воле новгородской [421]; тот приехал немедленно, поклялся исполнять все грамоты Ярославовы, но по-прежнему непостоянно жил в Новгороде, где занимали его

место сыновья — Федор и Александр; новые льготы, данные Михаилом, были уничтожены по некоторым известиям.

Таким образом, следствия дела Мстиславова, Липецкой победы, не были продолжительны на севере· Юрий по-прежнему сидел во Владимире, и новгородцы после многих волнений и перемен должны были опять принять Ярослава, который, несмотря на все неудачи, не переменяет своего поведения, не отказывается от намерения стеснять старинный быт новгородский вопреки южному черниговскому князю, который дает старым вечникам новые льготы. Обратимся теперь к деятельности Мстиславовой на Юго-Западе. Сваты, Андрей венгерский и Лешко польский, скоро поссорились; король отнял у Лешка Перемышль и Любачев и тот, не имея возможности сам отомстить за свое бесчестье и овладеть Галичем, послал сказать Мстиславу: «Ты мне брат: приходи и садись в Галиче». Мстислав должен был обрадоваться этому приглашению, потому что в Новгороде в это время (1215 г.[422]) приходилось ему плохо; он явился в Галич, венгры побежали, и Мстислав утвердился на столе Романа, выдавши за сына его, Даниила, дочь свою Анну. Даниил возмужал, и скоро все увидали, что он пойдет в знаменитого отца своего. Пользуясь слабостию Волыни по смерти Романа и во время малолетства сыновей его, поляки овладели пограничными местами, украйною; теперь Даниил вздумал отнять у них эту украйну и, приехав к тестю Мстиславу, сказал ему· «Батюшка! Ляхи держат мою отчину!»; тот отвечал ему: «Сын! За прежнюю любовь я не могу подняться на Лешка, ищи себе других союзников». У Даниила был один неизменный союзник во всю жизнь — родной брат Василько; вместе с ним он пошел на поляков и возвратил Волынскую украйну. Лешко сильно рассердился за это на Романовичей, послал против них войско, но войско это возвратилось пораженное. Несмотря на то, что Мстислав отказался помогать зятю против Лешка, он не избежал подозрения, что война начата по его совету, и Лешко, злобясь на него, соединился снова с венгерским королем, приглашая его снова овладеть Галичем для сына своего, зятя Лешкова. Королевич Коломан пришел с сильными полками, против которых Мстислав, по нерасположении бояр, с одною своею дружиною не мог бороться; он вышел из страны, сказавши молодому Даниилу, который отличался необыкновенною храбростию при отступлении из Галича: «Князь! Ступай во Владимир, а я пойду к половцам: отомстим за стыд свой».

Но не к половцам отправился Мстислав: он пошел на север, там освободил Новгород от Ярослава Всеволодовича, одержал Липецкую победу и только в 1218 году явился опять на юге. Нанявши половцев, в следующем году он пошел на Галич; войсками Коломана начальствовал воевода Филя,

которому летописец придает название прегордого, Филя с презрением отзывался о русских полках, он говаривал: «Один камень много горшков побивает»; говаривал также: «Острый меч, борзый конь — много Руси». Но в тяжкой битве с Мстиславом не спасли его ни острый меч, ни борзый конь, ни польская помощь: он проиграл битву и был взят в плен. После победы Мстислав осадил Галич; венгры заперлись на крепкой башне, которую Филя построил над Богородичною церковию, и там защищались, стреляя и метая камни на граждан; летописец смотрит на это обращение церкви в крепость, как на осквернение святого места, укоряет Филю и говорит, что богородица, не стерпевши поругания над домом своим, предала башню и защитников ее в руки Мстиславу — венгры, изнемогая от жажды, сдались. Была радость большая, — говорит летописец, — спас бог от иноплеменников, потому что из венгров и ляхов одни были перебиты, другие взяты в плен, иные перетонули в реках, некоторых перебили сельские жители, ни один не ушел. Между пленными находился и знаменитый боярин Судислав; когда его привели к Мстиславу, то он припал к ногам победителя, клянясь быть ему верным слугою; Мстислав поверил, стал держать его в большой чести и отдал Звенигород в управление. Когда Романовичи во время отсутствия Мстиславова должны были бороться с опасными врагами венграми и поляками и не было им ниоткуда помощи, кроме одного бога, по выражению летописца, против них встал также ближний родственник, двоюродный брат Александр Всеволодович бельзский, но теперь, когда Мстислав восторжествовал над венграми и Лешко поспешил примириться с Романовичами, то последние пошли отомстить Александру и попленили всю его землю; только заступничеству Мстислава бельзский князь был обязан сохранением своей волости.

Но понятно, что злоба Александрова на двоюродных братьев не уменьшилась от этого, и ему скоро представился случай отомстить им, потому что Даниил недолго жил в дружбе с тестем. Причин к нерасположению не могло не быть, потому что права их на Галич сталкивались: Мстислав добыл Галич оружием от иноплеменников, но Даниил не забывал, что это была волость отца его; притом же смутников было много: бояре крамолили, Александр бельзский поджигал еще больше. Узнавши, что Мстислав не в ладах с зятем, он сильно обрадовался и стал понуждать Мстислава к рати против Романовичей. Началась усобица между двумя из знаменитейших князей русских — старого и нового поколения: Даниил соединился с поляками, Мстислав привел половцев, поднял и Владимира Рюриковича, князя киевского, но в этой усобице больше всех потерпел главный ее виновник, Александр бельзский; Мстислав действовал как-то вяло в его пользу, и волость Бельзская снова была страшно опустошена Романо-

вичами; озлобленный Александр еще больше стал поджигать Мстислава на Даниила: «Зять твой хочет тебя убить», — твердил он ему; но напоследок Удалому открыли глаза: он увидал, что все это была клевета на Даниила, и помирился с зятем. Но и после этого спокойствие не восстановилось, боярин Жирослав завел смуту: он уверил остальных бояр, что Мстислав идет в степь к тестю своему, половецкому хану Котяну, дабы там перебить их всех. Бояре всполошились и побежали в Перемышльский округ, в Карпатские горы, откуда послали объявить Мстиславу о причине своего бегства, прямо указывая на Жирослава. Мстислав, который, по уверению летописца, и не думал ничего предпринимать против бояр, послал к ним духовника своего Тимофея разуверить их; Тимофей исполнил поручение и привел назад бояр, после чего Жирослав был изгнан Мстиславом от себя. Жирослав был изгнан, но товарищи его остались, и потому смута следовала за смутой. Бояре уговорили Мстислава обручить меньшую дочь свою венгерскому королевичу Андрею и дать нареченному зятю Перемышль; Андрей недолго пожил здесь в покое: послушавшись боярина Семена Чермного, он бежал к отцу в Венгрию и поднял его на войну против тестя Мстислава; с венграми соединились поляки, и король с сильным войском стал забирать галицкие города, но под Звенигородом потерпел сильное поражение от Мстислава и поспешил уйти назад в свою землю. Романовичи, приехавши на помощь к Мстиславу, побуждали его преследовать короля, но последнему благоприятствовали бояре, и один из самых знаменитых, Судислав, да другой еще, Глеб Зеремеевич, — они не только удержали Мстислава от преследования, но уговорили его выдать дочь за обрученного жениха, королевича, и отдать последнему не Перемышль только, но все Галицкое княжество; они говорили Мстиславу: «Князь! Сам ты не можешь держать Галича: бояре не хотят тебя; если отдашь его королевичу, то можешь взять его под ним назад, когда захочешь; если же отдашь Даниилу, то уже никогда не будет больше твой Галич, потому что народ крепко любит Даниила». Мстислав исполнил желание бояр, отдал королевичу Андрею Галич, а сам взял Понизье; потом раскаялся и послал сказать Даниилу: «Сын! Согрешил я, что не дал тебе Галича, но отдал его иноплеменнику по совету льстеца Судислава — обольстил он меня, но если богу угодно, то дело еще можно поправить: пойдем на них — я с половцами, а ты с своими; когда бог нам поможет, то ты возьмешь Галич, а я Понизье». Но Удалой не успел загладить своей неосторожности и до самой смерти не мог освободиться из-под влияния Глеба Зеремеевича, который не допустил его перед кончиною повидаться с Даниилом и отдать последнему дом свой и детей на руки.

Мстислав умер в 1228 году[423]: князь знаменитый подвигами славными, но бесполезными, показавший ясно несостоятельность старой, Южной, Руси, неспособность ее к дальнейшему государственному развитию. На севере Мстислав освободил Новгород сперва от Всеволода, потом от сына Всеволодова, наконец, Липецкою победою нарушил завещание Всеволода, но мы видели, продолжительны ли были следствия Липецкой победы; на юге Мстислав овладел Галичем, отнял его у венгров, но потом сам добровольно отдал им назад это русское княжество, изъявил только перед смертию бесполезное раскаяние в своей бесхарактерности; и все здесь на юге осталось по-прежнему, как будто бы Мстислава и не было: по-прежнему Южная Русь стала доживать свой век в бесконечных ссорах Мономаховичей с Ольговичами, Ростиславичей с Изяславичами.

Мы видели, что Мстислав Удалой в 1214 году, выгнавши из Киева Всеволода Чермного, посадил на его место старшего между Ростиславовыми внуками Мстислава Романовича, который и сидел на старшем столе до 1224 года; по смерти Романовича Киев достался по очереди старшему по нем двоюродному брату Владимиру Рюриковичу. В Чернигове по смерти Всеволода Чермного княжил брат его Мстислав, а по смерти последнего в 1224 году — племянник его, сын Всеволода Чермного Михаил, которого мы видели действующим в Новгороде, но занял ли Михаил Чернигов тотчас по смерти Мстислава, трудно решить утвердительно, ибо как-то странно, что в 1224 году он решился променять Чернигов на Новгород; верно одно, что Михаил не мог утвердиться в Чернигове без борьбы с дядею своим Олегом курским; неизвестно, чем бы кончилась эта борьба, если бы на помощь к Михаилу не явился сильный союзник, зять его, князь суздальский Юрий с двумя племянниками Константиновичами (1226 г.); разумеется, курский князь не мог противиться соединенным силам суздальского и черниговского князей и должен был уступить права свои племяннику; в летописи сказано, что Юрий помирил их с помощию митрополита Кирилла; так северному князю удалось нарушить старину и на юге еще при жизни Мстислава Удалого. Племя Ольговичей было многочисленно: летопись упоминает о князьях козельских, трубчевских, путивльских, рыльских. Старшие Юрьевичи суздальские, уступая Киев следующим после них по племенному старшинству Мстиславичам, удерживают Переяславль для своих младших Юрьевичей, которые соответствуют по старшинству Мстиславичам, сидящим в Киеве. Мы видели, как сын Всеволода, Ярослав, был изгнан из Переяславля Всеволодом Чермным в 1207 году, после чего Переяславль одно время был за Ростиславичами, но в 1213 году Всеволодовичи послали туда младшего брата своего Владимира, который было засел на

время в Москве, взятый в плен половцами в 1215 году и освободившись из плена в 1218 г., Владимир отправился с братьями на север, где получил от них Стародуб и некоторые другие волости, и умер в 1227 году; в этом же самом году Юрий Всеволодович отправил в Переяславль на стол племянника своего Всеволода Константиновича; кто же сидел здесь во время плена Владимирова и пребывания его на севере — неизвестно; но Всеволод Константинович не пробыл и года в Переяславле, куда на его место Юрий отправил брата своего Святослава. На запад от Днепра мы видели судьбу старшей линии Изяслава Мстиславича, княжившей во Владимире Волынском, что касается до младшей линии князей луцких, то по смерти Ярослава Изяславича в Луцке княжил Ингварь, сын его, которого мы видели одно время и в Киеве; по смерти Ингваря в Луцке сел брат его Мстислав Немой, который, умирая, поручил отчину свою и сына Ивана Даниилу Романовичу; Иван скоро умер, и Луцк был занят двоюродным братом его Ярославом Ингваревичем, а Чарторыйск — князем пинским Ростиславом, но Даниил взял и Луцк, и Чарторыйск и отдал Луцк и Пересопницу брату своему Василько, который владел также и Брестом, а Ярославу дал Перемышль и Межибожь. Мы упомянули о князе пинском; после того как внуку Святополкову, Юрию Ярославичу, удалось утвердиться в Туровской волости, волость эта стала делиться в его поколении между двумя княжескими линиями, пошедшими от сыновей его — Святополка и Глеба; главным образом Туровская волость делилась на два княжества — Туровское и Пинское, кроме того были другие мельчайшие волости. Святополк Юрьевич, шурин Рюрика Ростиславича, умер в 1195 году[424]. Между разными линиями князей полоцких попрежнему происходили усобицы, ничем особенно не замечательные[425].

Рассматривая деятельность князей русских в период времени от взятия Киева войсками Боголюбского до смерти Мстислава Удалого, мы заметили при них бояр и слуг: на севере, в Суздальской области, видели знаменитого воеводу Боголюбского, Бориса Жидиславича, который по смерти Андрея вместе с другими своими товарищами держал сторону Ростиславичей против Юрьевичей, вследствие торжества последних перешел в службу к врагу их, князю Глебу рязанскому, вместе с которым попался в плен ко Всеволоду III в сражении при Прусковой горе. На одной стороне с Борисом были Добрыня Долгий, Иванко Степанович, Матеяш Бутович; двое первых погибли в битве Всеволода III с Мстиславом ростовским, последний, как видно, тут же был взят в плен. Кроме имен лиц, находившихся при дворе Андреевом и участвовавших в заговоре на его жизнь, мы встречаем имя Михна — посла его к Ростиславичам южным. Из мужей Все-

волода III встречаем исполнителями его поручений Михаила Борисовича (быть может, сына Бориса Жидиславича), который водил Ольговичей ко кресту в 1207 году, участвовал в делах рязанских и новгородских; Лазаря, который распоряжался именем своего князя в Новгороде; тиуна Гюря, которого Всеволод посылал на юг для обновления Городца Остерского в 1195 году; меченошу Кузьму Ратьшича, который воевал Тепру в 1210 году; Фому Лазковича и Дорожая, участвовавших в болгарском походе 1182 года; боярина Якова — племянника великого князя Всеволода от сестры. Из бояр при сыновьях Всеволодовых упоминается Иван Родиславич, убитый в сражении под Ростовом [426]; Андрей Станиславич, который уговаривал младших Всеволодовичей перед Липецкою битвою мириться с Мстиславом Удалым [427]; Еремей Глебович, служивший сперва Константину, а потом Юрию; Воислав Добрынич — ростовский воевода при сыновьях Константиновых. Из бояр при князьях Южной Руси под 1171 годом упоминается шумский посадник Паук — кормилец дорогобужского князя Владимира Андреевича; при Глебе Юрьевиче в Киеве тысяцким был Григорий — неизвестно, киевский ли боярин или пришлый с Глебом из Переяславля. Известный нам прежде выезжий поляк Владислав Вратиславич по изгнании Мстислава из Киева отступил от последнего к враждебным ему князьям: Давыд Ростиславич вышегородский посылает его преследовать Мстислава в 1127 году; во время войны Глеба и Михаила Юрьевичей с половцами (1172 г.) воеводою у них был Владислав, Янев брат — быть может, тот же самый лях, быть может, и другой, *и Янев брат* сказано именно для отличия его от известного ляха; по смерти Глеба последний оставался в Киеве и держал сторону Боголюбского против Ростиславичей, которые захватили его там вместе со Всеволодом Юрьевичем в 1174 году. Поводом к знаменитой борьбе Боголюбского с Ростиславичами было обвинение троих киевских бояр — Григория Хотовича, Степанца и Олексы Святославича в отравлении князя Глеба; Григорий Хотович был, вероятно, упомянутый выше тысяцкий Григорий, брат Константина Хотовича, плененного прежде половцами. Из бояр в Киеве при Святославе Всеволодовиче упоминается любимец его Кочкарь, по всем вероятностям, приведенный им из Чернигова; летописец говорит, что князь открывал свои тайные намерения одному этому Кочкарю, мимо других. По походам на половцев известны черниговские бояре Ольстин Олексич и Роман Нездилович (1184, 1185, 1187 г.). У Рюрика Ростиславича белгородского и потом киевского упоминается воевода Лазарь, Сдеслав Жирославич, Борис Захарьич — кормилец Владимира, сына Мстислава Храброго; Сдеслав Жирославич упоминается после в числе бояр Мстислава Удалого; потом у Рюрика в Белграде встречаем

воеводу Славна Борисовича, бывшего потом тысяцким в Киеве, где видим также при Рюрике боярина Чурыню, посланного в 1187 году вместе с Славном за дочерью Всеволода III; у сына Рюрикова, Ростислава, был боярин Рогволд, которого он в 1192 году посылал к отцу толковать о половецком походе. Смоленским тысяцким при князе Давыде Ростиславиче был Михалко; у Владимира Рюриковича во время Липецкого боя упоминается боярин Яволод и потом Ивор Михайлович, быть может, сын упомянутого выше Михалка. Из бояр князя Глеба рязанского упоминаются Борис и Дедилец, которые так много содействовали отстранению Юрьевичей в пользу Ростиславичей по смерти Боголюбского; Дедилец вместе с другим рязанским боярином Олстиным попался в плен Всеволоду III в 1177 году [428]; потом из рязанских бояр во время войны Святослава черниговского со Всеволодом III упоминается Иван Мирославич.

Рассмотревши отношения внутренние, обратимся ко внешним, которые в последнее время начинают принимать особый, очень важный характер. Мы знаем, что древние русские владения в прибалтийских областях делились на две части: северную, зависевшую более или менее от Новгорода, и южную, зависевшую от Полоцка. К берегам этой-то южной части русских владений, к устью Двины, в 1158 году прибит был бурею корабль бременских купцов. Негостеприимно встретили их туземцы, но после схватки, в которой победа осталась на стороне немцев, ливы стали сговорчивее и позволили пришельцам производить мену. Выгода этой мены заставила бременцев несколько раз возвращаться с товарами к устью Двины, наконец выпросили они себе у туземцев позволения основать здесь постоянную контору; место было выбрано подле Двины на горе, где построили большой дом и острожек, который получил название Укскуль; скоро потом построена была другая фактория Дален [429].

Известие о поселениях, заведенных немцами при устье Двины среди языческого народонаселения, обратило на себя внимание бременского архиепископа, который не мог пропустить благоприятного случая для распространения пределов церкви. Он объявил об этом папе Александру III, и тот велел ему отправить в Ливонию искусного миссионера; архиепископ отправил туда Мейнгарда — монаха Августинского ордена [430]. Мейнгард выпросил позволение у князя полоцкого проповедовать евангелие между подвластными ему язычниками, построил церковь в Укскуле и успел обратить несколько туземцев. Скоро литовцы напали на окрестности Укскуля, Мейнгард с жителями последнего спрятался в лесах, где имел бой с врагами. По их удалении начал укорять ливов за то, что они живут оплошно, не имеют крепостей, и обещал им построить крепкие замки, если они за это обяжутся принять хри-

стианство. Ливы согласились, и на следующее лето явились из Готланда строители и каменосечцы Еще прежде, чем начали строить замок Укскуль, часть народа окрестилась, остальные обещали креститься как скоро весь замок будет готов. Замок выстроили, Мейнгард посвящен был в епископы, но никто не думал креститься; под условием такого же обещания выстроили другой замок — Гольм, и также никто не думал принимать христианство; мало того, язычники начали явно обнаруживать неприязненные намерения против епископа, грабили его имение, били его домашних, но всего больше огорчало Мейнгарда то, что уже крещенные туземцы стали погружаться в Двину, чтоб, по их словам, смыть с себя крещение и отослать его в Германию [431]. У Мейнгарда был товарищ в деле проповеди, брат Феодорих — монах Цистерциенского ордена, этого Феодориха ливонцы вздумали однажды принесть в жертву богам, чтоб жатва была обильнее, чтоб дожди не повредили ей. Народ собрался, положили копье на землю, вывели священного коня, смотрят, какою ногою прежде ступит конь: правою — определит смерть, левою — жизнь; конь ступает ногою жизни, но волхв противится, утверждает, что тут чары со стороны враждебной религии; опять ведут коня, опять ступает он левою ногою, и Феодорих спасен. В другой раз тот же Феодорих находился в Эстонии, когда в день св. Иоанна Крестителя случилось солнечное затменение; несчастному монаху грозила опять страшная опасность от язычников, которые приписали затмение ему, говоря, что он съедает солнце.

Когда Мейнгард увидал, что мирными средствами трудно будет распространить христианство между ливами, то отправил посла к папе представить жалкое положение юной церкви своей; папа велел проповедовать крестовый поход против ливонских язычников, но Мейнгард не дождался прибытия крестового ополчения — он умер в 1196 году; в этом же году датский король Канут VI пристал к эстонскому берегу и утвердился здесь, принудив туземцев силою принять христианство. Между тем ливонские христиане отправили посольство к бременскому архиепископу с просьбою о присылке преемника Мейнгарду; новый епископ, Бартольд, явился сперва без войска, собрал туземных старшин и пытался привлечь их к себе угощениями и подарками, однако напрасно, при первом удобном случае они завели спор о том, каким способом погубить нового епископа: сжечь ли его в церкви или убить, или утопить в Двине. Бартольд тихонько ушел на корабль и отплыл сперва на Готланд, а потом в Германию, откуда послал к папе с известием о своем печальном положении; папа объявил отпущение грехов всем, кто отправится в крестовый поход против ливонцев, вследствие чего около Бартольда собрался значительный отряд крестоносцев, с которым он и отправился

назад в Ливонию. Туземцы вооружились и послали спросить епископа, зачем он привел с собою войско? Когда Бартольд отвечал, что войско пришло для наказания отступников, то ливонцы велели сказать ему: «Отпусти войско домой и ступай с миром на свое епископство: кто крестился, тех ты можешь принудить оставаться христианами, других убеждай словами, а не палками»[432]. Урок не подействовал на Бартольда: он позволил себе принять участие в битве между крестоносцами и туземцами, и когда последние были обращены в бегство, то быстрый конь занес епископа в ряды язычников, которые изрубили его. Немцы воспользовались своею победою и страшно опустошили страну; туземцы принуждены были к покорности, крестились, приняли к себе священников, определили на их содержание известное количество съестных припасов с плуга, но только что крестоносцы успели сесть на корабли, как уже ливонцы начали окунываться в Двину, чтоб смыть с себя крещение, ограбили священников, выгнали их из страны; хотели сделать то же и с купцами, но те задарили старшин и остались.

Скоро возвратились также и священники; с ними приехал новый епископ, Альберт, в сопровождении крестового отряда, помещавшегося на 23 кораблях. Альберт принадлежал к числу тех исторических деятелей, которым предназначено изменять быт старых обществ, полагать твердые основы новым: приехавши в Ливонию, он мгновенно уразумел положение дел, нашел верные средства упрочить торжество христианства и своего племени над язычеством и туземцами, с изумительным постоянством стремился к своей цели и достиг ее. Враждебно встретили туземцы нового епископа, он должен был выдержать от них осаду в Гольме; новоприбывшие крестоносцы освободили его, но Альберт хорошо видел, что с помощию этих временных гостей нельзя утвердиться в Ливонии; туземцы не умели выдерживать битв с искусными немецкими ополчениями; потерпев поражение, видя жилища и нивы свои опустошенными, они покорялись, обещаясь принять христианство, но стоило только крестоносцам сесть на корабли, как они возвращались к прежней вере и начинали враждебно действовать против пришельцев. Нужно было, следовательно, вести борьбу не временными, случайными наездами; нужно было стать твердою ногою на новой почве, вывести сильную немецкую колонию, основать город, в стенах которого юная церковь могла бы находить постоянную защиту. С этою целию в 1200 году Альберт основал при устье Двины город Ригу; но мало было основать, нужно было дать народонаселение новому городу, и Альберт сам ездил в Германию набирать колонистов и привозил их с собою. Но одного города с немецким народонаселением было еще недостаточно: народонаселение это не могло предаваться мирным занятиям, по-

тому что должно было вести постоянную борьбу с туземцами; нужно было, следовательно, военное сословие, которое бы приняло на себя обязанность постоянно бороться с туземцами, обязанность защищать новую колонию; для этого Альберт сперва начал было вызывать рыцарей из Германии и давать им замки в ленное владение, но это средство могло вести к цели только очень медленно, и потому он скоро придумал другое, более верное, именно основание ордена воинствующих братий по образцу военных орденов в Палестине; папа Иннокентий III одобрил мысль Альберта, и в 1202 году был основан орден рыцарей Меча, получивший устав Храмового ордена; новые рыцари носили белый плащ с красным мечом и крестом, вместо которого после стали нашивать звезду; первым магистром их был Винно фон Рорбах.

Таким образом немцы стали твердою ногою при устьях Двины; как же смотрели на это князья полоцкие? Они привыкли ходить войною на чудь и брать с нее дань силою, если она не хотела платить ее добровольно. Точно так же хотели они теперь действовать против немцев: в 1203 году полоцкий князь внезапно явился пред Укскулем и осадил его; неприготовленные к осаде жители предложили ему дань, он взял ее и пошел осаждать другой замок — Гольм, но сюда епископ уже успел послать гарнизон, и русские, потеряв много лошадей от стрельбы осажденных, отступили от замка. В Ливонии по берегам Двины роду полоцких князей принадлежали две волости — Кукейнос (Кокенгузен) и Герсик; князь последнего с литовцами (которые для полоцких князей служили тем же, чем половцы служили для остальных русских князей) опустошил окрестности Риги, но все эти набеги не могли нанести большого вреда пришельцам. Наконец, в 1206 году отношения между последними и полоцкими князьями начали, по-видимому, принимать более важный оборот. Альберт, желая беспрепятственно утвердиться в низовьях Двины, решился на время усыпить внимание полоцкого князя и потому отправил к нему аббата Феодориха с подарками и дружелюбными предложениями. Прибывши в Полоцк, Феодорих узнал, что там находятся посланцы от ливонских старшин, приехавшие жаловаться князю на насилия немцев и просить его об изгнании ненавистных пришельцев. В присутствии ливонцев князь спросил Феодориха, за чем он пришел к нему, и когда тот отвечал, что за миром и дружбою, то ливонцы закричали, что немцы не хотят и не умеют сохранять мира[433]. Князь отпустил епископских послов, приказав им дожидаться решения в отведенном для них доме: он не хотел отпустить их тотчас в Ригу, чтоб там не узнали о его неприятельских намерениях. Но аббату удалось подкупить одного боярина, который и открыл ему, что русские в согласии с туземцами готовятся к нападению на пришельцев; аббат, узнавши об этом, не

терял времени: он отыскал в городе какого-то нищего из замка Гольм и нанял его отнести к епископу в Ригу письмо, в котором извещал его о всем виденном и слышанном. Епископ приготовился к обороне, а князь, узнавши, что его намерение открылось, вместо войска отправил послов в Ригу с наказом выслушать обе стороны — как епископа, так и ливонцев, и решить, на чьей стороне справедливость. Послы, приехавши в Кукейнос, послали оттуда дьякона Стефана в Ригу к епископу звать его на съезд с ними и ливонскими старшинами для решения всех споров, а сами между тем рассеялись по стране для созвания туземцев. Альберт оскорбился предложением Стефана и отвечал, что по обычаю всех земель послы должны являться к тому владельцу, к которому посланы, а не он должен выходить к ним навстречу. Между тем ливонцы, собравшись в назначенное время и место и видя, что немцы не явились на съезд, решили захватить замок Гольм и оттуда добывать Ригу, но их намерение не имело желанного конца: потерпев сильное поражение, потеряв старшин, из которых одни пали в битве, другие были отправлены в оковах в Ригу, они принуждены были снова покориться пришельцам; в числе убитых находился старшина Ако, которого летописец называет виновником всего зла — он возбудил полоцкого князя против рижан, он собрал леттов и всю Ливонию против христиан[434]. Епископ после обедни находился в церкви, когда ему один рыцарь поднес окровавленную голову Ако как весть победы.

Когда все опять успокоились, хотя на время, неутомимый Альберт поспешил в Германию, чтоб набрать новых крестоносцев: он предвидел новую, продолжительную борьбу. Его отсутствием воспользовались туземцы и отправили опять послов к полоцкому князю с просьбою освободить их от притеснителей. Князь приплыл с войском по Двине и осадил Гольм; по его призыву встало окружное народонаселение, но мало принесло ему пользы при осаде: гарнизон гольмский при всей своей малочисленности наносил сильный вред русскому войску камнестрельными машинами, употребление которых не знали полочане; они сделали было себе также маленькую машину по образцу немецких, но первый опыт не удался — машина била своих. Несмотря, однако, на это, жители Гольма и Риги недолго могли держаться против русских, потому что должны были бороться также против врагов, находившихся внутри стен, — туземцев, которые беспрестанно сносились с русскими; как вдруг на море показались немецкие корабли; князь, потерявши много народу от камнестрельных машин при осаде Гольма, не решился вступить в борьбу с свежими силами неприятеля и отплыл назад в Полоцк. Эта неудача нанесла страшный удар делу туземцев: самые упорные из них отправили послов в Ригу требовать крещения и

священников; немцы исполнили их просьбу, взявши наперед от старшин их сыновей в заложники. Торжество пришельцев было понятно: в челе их находился человек, одаренный необыкновенным смыслом и деятельностью, располагавший сильными средствами — рыцарским орденом и толпами временных крестоносцев, приходивших на помощь Рижской церкви; против него были толпы безоружных туземцев; что же касается до русских, то епископ и орден имели дело с одним полоцким княжеством, которое вследствие известного отделения Рогволодовых внуков от Ярославичей предоставлено было собственным силам, а силы эти были очень незначительны; князья разных полоцких волостей вели усобицы друг с другом, боролись с собственными гражданами, наконец, имели опасных врагов в литовцах; могли ли они после того успешно действовать против немцев? Доказательством разъединения между ними и происходившей от того слабости служит поступок князя кукейносского Вячеслава [425]: не будучи в состоянии собственными средствами и средствами родичей бороться с Литвою, он в 1207 году явился в Ригу и предложил епископу половину своей земли и города, если тот возьмется защищать его от варваров. Епископ с радостию согласился на такое предложение; несмотря на то, однако, из дальнейшего рассказа летописца не видно, чтоб он немедленно воспользовался им, вероятно, Вячеслав обещался принять к себе немецкий гарнизон только в случае литовского нападения. Как бы то ни было, русский князь скоро увидал на опыте, что вместо защитников он нашел в рыцарях врагов, которые были для него опаснее литовцев. Между ним и рыцарем Даниилом фон Леневарден произошла частная ссора; последний напал нечаянно ночью на Кукейнос, овладел им без сопротивления, перевязал жителей, забрал их имение, самого князя заключил в оковы. Епископ, узнав об этом, послал приказ Даниилу немедленно освободить князя, возвратить ему город и все имение; потом позвал Вячеслава к себе, принял с честию, богато одарил лошадьми и платьем, помирил с Даниилом, но при этом припомнил прежнее обещание его сдать немцам половину крепости и отправил в Кукейнос отряд войска для занятия и укрепления города на случай литовского нападения. Князь выехал из Риги с веселым лицом, но в душе затаил месть: он видел, что в Риге все готово было к отъезду епископа и многих крестоносцев в Германию, и решился воспользоваться этим удобным случаем для освобождения своего города от неприятных гостей. Думая, что епископ с крестоносцами уже в море, он посоветовался с дружиною, и вот в один день, когда почти все немцы спустились в ямы, где добывали камень для городских построек, а мечи свои и прочее оружие оставили наверху, отроки княжеские и мужи прибегают к ямам, овладевают оружием и умерщвляют беззащит-

ных его владельцев. Троим из последних, однако, удалось спастись бегством и достигнуть Риги: они рассказали, что случилось с ними и их товарищами в Кукейносе. Вячеслав, думая, что положено доброе начало делу, послал к полоцкому князю коней и оружие неприятельское с приглашением идти как можно скорее на Ригу, которую легко взять, лучшие люди перебиты им в Кукейносе, другие отъехали с епископом в Германию. Полоцкий князь поверил и начал уже собирать войска. Но Вячеслав жестоко ошибался в своих надеждах; противные ветры задержали Альберта в двинском устье, и когда пришла в Ригу весть о происшествиях в Кукейносе, то он немедленно возвратился, убедил и спутников своих опять послужить святому делу; немцы, рассеянные по всем концам Ливонии, собрались в Ригу. Тогда русские, видя, что не в состоянии бороться против соединенных сил ордена, собрали свои пожитки, зажгли Кукейнос и ушли далее на восток, а окружные туземцы в глубине дремучих лесов своих искали спасения от мстительности пришельцев, но не всем удалось найти его: немцы преследовали их по лесам и болотам и если кого отыскивали, то умерщвляли жестокою смертию.

Падение Кукейноса скоро повлекло за собою покорение и другого княжества русского в Ливонии — Герсика. В 1209 году епископ, говорит летописец, постоянно заботясь о защите лифляндской церкви, держал совет с разумнейшими людьми, как бы освободить юную церковь от вреда, который наносит ей Литва и Русь. Решено было выступить в поход против врагов христианского имени; летописец, впрочем, спешит оговориться, и прибавляет, что князь Герсика, Всеволод, был страшным врагом христианского имени, *преимущественно латынян*[436]; он женат был на дочери литовского князя, был с литовцами в постоянном союзе и часто являлся предводителем их войска, доставлял им безопасную переправу через Двину и съестные припасы. Литовцы тогда, продолжает летописец, были ужасом всех соседних народов: редкие из леттов отваживались жить в деревнях; большая часть их искали безопасности от Литвы в дремучих лесах, но и там не всегда находили ее; литовцы преследовали их и в лесах, били одних, уводили в плен других, отнимали у них все имение. И русские бегали также пред литовцами, многие пред немногими, как зайцы пред охотниками; ливы и летты были пищею литовцев, как овцы без пастыря бывают добычею волков. И вот бог послал им доброго и верного пастыря, именно епископа Альберта. Добрый и верный пастырь нечаянно напал с большим войском на Герсик и овладел им; князь Всеволод успел спастись на лодках через Двину, но жена его со всею своею прислугою попалась в плен. Немецкое войско пробыло целый день в городе, собрало большую добычу, снесло изо всех углов города платье, серебро, из церквей колокола, ико-

ны и всякие украшения На следующий день, приведши все в порядок, немцы собрались в обратный путь и зажгли город. Когда князь Всеволод увидал с другого берега Двины пожар, то стал жалостно вопить: «Герсик! Любимый город, дорогая моя отчина! Пришлось мне увидать, бедному, сожжение моего города и гибель моих людей!» Епископ и все войско, поделивши между собою добычу, с княгинею и со всеми пленниками возвратились в Ригу, куда послали звать и князя Всеволода, если хочет получить мир и освобождение своих. Князь приехал в Ригу, называл епископа отцом, всех латынцев братьями, просил только, чтоб выпустили из плена жену и других русских. Ему предложили условие: «Хочет он отдать свое княжество на веки в дар церкви св. богородицы, и потом взять его назад из рук епископа, так отдадут ему княгиню и других пленников». Всеволод согласился [437] и поклялся открывать епископу и ордену все замыслы русских и литовцев, но когда возвратился домой с женою и дружиною, то забыл обещание, начал опять сноситься с литовцами и подводить язычников против немцев кукейносских.

В то время, когда немцы утверждались в Ливонии, отнимая низовые двинские страны у Полоцка, новгородцы и псковичи продолжали бороться с чудью, жившею на юге и на севере от Финского залива; в 1176 году вся Чудская земля, по выражению летописца, приходила под Псков, но была отбита с большим уроном; но мы видели, как Мстислав Храбрый отомстил чуди за эти обиды; обыкновенно наступательные движения новгородцев на чудь происходили в минуты ладов их с своими князьями, но такие минуты были очень редки, и потому движения новгородцев не могли отличаться постоянством — вот причина, почему они не могли утвердиться в Эстонии и успешно спорить с немцами о господстве над нею. В 1190 году чудь снова пришла ко Пскову на судах по озеру, но и на этот раз псковичи не упустили из нее ни одного живого. Юрьев был снова захвачен чудью и снова взят новгородцами и псковичами в 1191 году, причем по обычаю земля Чудская была пожжена, полону приведено бесчисленное множество, а в следующем году псковичи снова ходили на чудь и взяли у нее Медвежью-Голову (Оденпе). Потом не слышно о походах на Эстонию до 1212 года — в этом году, по счету нашего летописца, и двумя годами ранее, по счету немецкого, Мстислав Удалой с братом Владимиром вторгнулись в страну Чуди-Тормы, обитавшей в нынешнем Дерптском уезде, и по обычаю много людей попленили, скота бесчисленное множество домой привели. Потом на зиму пошел Мстислав с новгородцами на чудской город Медвежью-Голову, истребивши села вокруг, пришли под город: чудь поклонилась, дала дань, и новгородцы по здорову возвратились домой. Но летописец немецкий гораздо подробнее описывает этот поход: князь

новгородский с князем псковским и со всеми своими русскими пришли с большим войском в Унганнию и осадили крепость Оденпе; восемь дней отбивалась от них чудь; наконец, почувствовавши недостаток в съестных припасах, запросила мира. Русские дали ей мир, окрестили некоторых своим крещением, взяли 400 марок *ногат*[438] и отступили в свою землю, обещавшись, что пришлют своих священников, чего, однако, потом не сделали из страха пред немцами, прибавляет летописец; должно думать, что не столько из страха пред немцами, сколько по недостатку надлежащего внимания к делам эстонским. Так новгородцы, пока жил у них Мстислав, ходили сквозь Чудскую землю к самому морю, села жгли, укрепления брали и заставляли чудь кланяться и давать дань[439], но Мстислав скоро ушел на юг, новгородцы по-прежнему начали ссориться с северными суздальскими князьями, чудь была опять забыта, а немцы между тем соединенными силами действовали постоянно в одном направлении, с одною целию. Чтоб удобнее заняться покорением эстов, леттов и других туземцев и чтоб обогатить Ригу торговлею с странами, лежащими при верхних частях Двины и Днепра, они решились заключить мирный договор с полоцким князем, причем епископ обязался вносить последнему ежегодную дань за ливов, порабощенных рижской церкви и ордену.

В то время, когда полоцкий князь, довольный данью, заключил мир с опасными пришельцами, Псков впервые обнаруживает к ним ту сильную неприязнь, какою будет отличаться во всей последующей истории своей: в 1213 году псковичи выгнали князя своего Владимира за то, что он выдал дочь свою за брата епископа Альберта; изгнанник пошел было сначала в Полоцк, но найдя там не очень приветливый прием, отправился к зятю в Ригу, где принят был с честию, по свидетельству немецкого летописца. Владимир скоро имел случай отблагодарить епископа за это гостеприимство. Полоцкий князь, видя, что орден воспользовался временем мира с русскими для того только, чтобы тем удобнее покорить туземцев и принудить их к принятию христианства, назначил в Герсике съехаться Альберту для переговоров. Епископ явился на съезд с князем Владимиром, рыцарями, старшинами ливов и леттов и с толпою купцов, которые были все хорошо вооружены. Князь сперва говорил с Альбертом ласково, потом хотел угрозами принудить его к тому, чтоб он перестал насильно крестить туземцев, его подданных. Епископ отвечал, что не отстанет от своего дела, не пренебрежет обязанностью, возложенною на него великим первосвященником Рима. Но, кроме насильственного крещения, из слов летописца можно заметить, что епископ не соблюдал главного условия договора, не платил дани князю под тем предлогом, что туземцы, не желая работать двум господам, и немцам и русским, умо-

ляли его освободить их от ига последних[440] Князь, продолжает летописец, не хотел принимать справедливых причин, грозился, что сожжет Ригу и все немецкие замки, и велел войскам своим выйти из стана и выстроиться к бою, провожатые епископа сделали то же самое; в это время Иоанн, пробст рижской Богородичной церкви и псковский изгнанник, князь Владимир подошли к полоцкому князю и начали уговаривать его, чтоб он не начинал войны с христианами, представили, как опасно сражаться с немцами — людьми храбрыми, искусными в бою и жаждущими померить силы свои с русскими. Князь будто бы удивился их отваге, велел войску своему возвратиться в стан, а сам подошел к епископу, называя его духовным отцом; тот, с своей стороны, принял его как сына; начались мирные переговоры, и князь, как будто под внушением свыше, уступил епископу всю Ливонию безо всякой обязанности платить дань, с условием союза против Литвы и свободного плавания по Двине.

Как ни мало удовлетворителен является этот рассказ немецкого летописца, историк должен принять одно за достоверное, что епископ перестал платить дань полоцкому князю, и что тот не имел средств принудить его к тому. Владимир псковский был награжден за свои услуги местом фохта в одной из провинций ливонских, но, творя суд и расправу над туземцами, он много пожинал такого, чего никогда не сеял, по выражению летописца; не понравился его суд ратцебургскому епископу и всем другим, так что он увидел себя в необходимости отправиться в Россию, исполняя желание многих, прибавляет летописец; скоро, однако, он опять возвратился с женою, сыновьями и всем семейством и вступил снова в исправление своей должности, не к удовольствию подчиненных, прибавляет тот же летописец, потому что скоро опять поднялись против него жалобы, опять он должен был выслушивать упреки немецких духовных: это ему наскучило, наконец, и он в другой раз выехал в Россию, где был принят снова псковичами.

Избавившись от Владимира. немцы захотели избавиться и от другого русского князя, остававшегося в Ливонии, хотя в качестве подручника епископского — князя Всеволода герсикского. Кокенгаузенские (кукейносские) рыцари начали обвинять его в том, что он не является к епископу, своему отцу и господину, держит совет с литвою, подает ей помощь во всякое время. Несколько раз требовали они его к ответу, Всеволод не являлся; тогда рыцари, по согласию с епископом, подступили нечаянно к городу, взяли его хитростью, ограбили жителей и ушли назад; это было в 1214 году; в следующем, 1215, немцы опять собрали войско и в другой раз овладели Герсиком, в другой раз опустошили его, но Всеволод уже успел послать к литовцам за помощию; те явились, принудили

немцев оставить город и нанесли им сильное поражение. Так рассказывает древнейший летописец ливонский [441], но в позднейших хрониках читаем иное, а именно, что князь Всеволод был убит во время второго нападения немцев на его город и последний окончательно разрушен; о литовской помощи не говорится ни слова [442], тогда как в древнейшей летописи под 1225 годом упоминается опять о герсикском князе Всеволоде, который приезжал в Ригу видеться с папским легатом [443]. Как бы то ни было, верно одно, что Герсик раньше или позднее подпал власти немцев. Между тем Владимиру псковскому удалось отомстить за свои обиды: в 1217 году он отправился с новгородцами и псковичами к постоянной цели русских походов — к Оденпе и стал под городом. Чудь по обычаю начала слать с поклоном, но на этот раз обманывала, потому что послала звать немцев на помощь; новгородцы собрали вече поодаль от стану и начали толковать с псковичами о предложениях чуди; ночные сторожа сошли с своих мест, а дневные еще не пришли к ним на смену, как вдруг нечаянно явились немцы и ворвались в покинутые палатки; новгородцы побежали с веча в стан, схватили оружие и выбили немцев, которые побежали к городу, потерявши трех воевод, новгородцы взяли также 700 лошадей и возвратились по здорову домой [444]; немецкий летописец прибавляет, что русские заключили договор с немцами, чтоб последние оставили Оденпе, причем Владимир захватил зятя своего Феодориха, епископского брата, и отвел во Псков. Вероятно, удачный поход Владимира ободрил эстов, и они решились свергнуть иго пришельцев. С этою целью они отправили послов в Новгород просить помощи; новгородцы обещали прийти к ним с большим войском и не исполнили обещания, потому что у них с 1218 по 1224 год пять раз сменялись князья, происходили постоянные смуты, ссоры князей с знаменитым посадником Твердиславом. Эсты, понадеявшись на новгородские обещания, встали, но не могли одни противиться немцам и принуждены были опять покориться.

Новгородцы явились уже поздно в Ливонию с князем своим Всеволодом, в 1219 году, имели успех в битве с немцами, но понапрасну простояли две недели под Венденом и возвратились домой по здорову. Так же без следствий остались два других похода новгородцев в 1222 под Венден и 1223 году под Ревель; в обычных выражениях рассказывает летописец, что они повоевали всю Чудскую землю, полона привели без числа, золота много взяли, но городов не взяли и возвратились все по здорову. Тут же в летописи видим и причины, почему все эти походы, кроме опустошения страны, не имели других следствий: после первого похода в 1223 году князь Всеволод тайком ушел из Новгорода со всем двором своим и оставил граждан в печали, после второго — князь

Ярослав также ушел в свою постоянную волость — Переяславль Залесский, сколько новгородцы ни упрашивали его остаться. А между тем немцы действовали: в роковой 1224 год, когда Южная Русь впервые узнала татар, на западе пало пред немцами первое и самое крепкое поселение русское в Чудской земле — Юрьев, или Дерпт. Здесь начальствовал в это время тот самый князь Вячеслав, или Вячко, который принужден был немцами покинуть свою отчину Кукейнос. Вячко хорошо помнил обиду и был непримиримым врагом своих гонителей: брал он дань со всех окружных стран, говорит немецкий летописец, а которые не давали дани, на те посылал войско и опустошал, причиняя немцам всякое зло, какое только было в его власти [445]; в нем находили себе защиту все туземцы, восставшие против пришельцев. Это особенно возбуждало злобу последних к Вячку; наконец решились они собрать все свои силы, чтоб овладеть ненавистным притоном, где, по словам их летописца, собраны были все злодеи, изменники и убийцы, все враги церкви ливонской, под начальством того князя, который исстари был корнем всех зол для Ливонии. Отправились под Юрьев все рыцари ордена, слуги римской церкви, пришлые крестоносцы, купцы, граждане рижские, крещеные ливы и летты, и 15 августа, в день Успения богородицы, Юрьев был осажден. Немцы приготовили множество осадных машин, из огромных деревьев выстроили башню в уровень с городскими стенами, и под ее защитою начали вести подкоп; ночь и день трудилась над этим половина войска, одни копали, другие относили землю. На следующее утро большая часть подкопанного рухнула и машина была придвинута ближе к крепости. Несмотря на то, осаждающие попытались еще завести переговоры с Вячко: они послали к нему несколько духовных особ и рыцарей предложить свободный выход из крепости со всею дружиною, лошадьми, имением, если согласится покинуть отступников-туземцев; Вячко, ожидая прихода новгородцев, не принял никаких предложений. Тогда осада началась с новою силою и продолжалась уже много дней без всякого успеха: искусство и мужество с обеих сторон было равное, осаждающие и осажденные равно не знали покоя ни днем, ни ночью: днем сражались, ночью играли и пели. Наконец, немцы собрали совет: двое вождей пришлых крестоносцев, Фридрих и Фредегельм, подали мнение: «Необходимо, — сказали они, — сделать приступ и, взявши город, жестоко наказать жителей в пример другим. До сих пор при взятии крепостей оставляли гражданам жизнь и свободу и оттого остальным не задано никакого страха. Так теперь положим: кто из наших первый взойдет на стену, того превознесем почестями, дадим ему лучших лошадей и знатнейшего пленника, исключая этого вероломного князя, которого мы вознесем выше всех, повесивши на

самом высоком дереве». Мнение было принято. На следующее утро осаждающие устремились на приступ и были отбиты. Осажденные сделали в стене большое отверстие и выкатили оттуда раскаленные колеса, чтоб зажечь башню, которая наносила столько вреда крепости; осаждающие должны были сосредоточить все свои силы, чтоб затушить пожар и спасти свою башню. Между тем брат епископа Иоганн фон Аппельдерн, неся огонь в руке, первый начинает взбираться на вал, за ним следует слуга его Петр Оге, и оба беспрепятственно достигают стены; увидав это, остальные ратники бросаются за ними, каждый спешит, чтоб взойти первому в крепость, но кто взошел первый — осталось неизвестным; одни поднимали друг друга на стены, другие ворвались сквозь отверстие, сделанное недавно самими осажденными для пропуска раскаленных колес; за немцами ворвались летты и ливы и началась резня: никому не было пощады, русские долго еще бились внутри стен, наконец были истреблены; немцы окружили отовсюду крепость и не позволили никому спастись бегством. Из всех мужчин, находившихся в городе, оставили в живых только одного, слугу князя суздальского: ему дали лошадь и отправили в Новгород донести своим о судьбе Юрьева, и новгородский летописец записал: «Того же лета убиша князя Вячка немцы в Гюргеве, а город взяша» [446].

Что же новгородцы? Перенесли спокойно уничтожение русских владений в Чудской земле? Следующий рассказ летописца всего лучше покажет нам, имели ли возможность новгородцы предпринять что-нибудь решительное. В 1228 году князь Переяславля Залесского, Ярослав Всеволодович, призванный княжить в Новгород, отправился с посадником и тысяцким во Псков. Псковичи, узнавши, что идет к ним князь, затворились в городе и не пустили его к себе: пронеслась весть во Псков, что Ярослав везет с собою оковы, хочет ковать лучших мужей. Ярослав возвратился в Новгород, созвал вече на владычнем дворе и объявил гражданам, что не мыслил никакого зла на псковичей: «Я, говорил он, вез к ним не оковы, а дары в коробьях, ткани, овощи, а они меня обесчестили», — и много жаловался на них новгородцам. Скоро после этого он привел полки из Переяславля, с тем чтобы идти на Ригу. Псковичи, узнавши об этом, заключили отдельный мир с немцами, дали им 40 человек в заложники с условием, чтоб они помогли им в случае войны с новгородцами. Но последние также заподозрили Ярослава, стали говорить: «Князь-то нас зовет на Ригу, а сам хочет идти на Псков». Ярослав опять послал сказать псковичам: «Ступайте со мною в поход: зла на вас не думал никакого, а тех мне выдайте, кто наговорил вам на меня?» Псковичи велели отвечать ему: «Тебе князь, кланяемся и вам, братья новгородцы, но в поход нейдем и

братьи своей не выдаем, а с рижанами мы помирились; вы к Колыванью (Ревелю) ходили, взяли серебро и возвратились, ничего не сделавши, города не взявши, также и у Кеси (Вендена), и у Медвежьей Головы (Оденпе), и за то нашу братью немцы побили на озере, а других в плен взяли; немцев только вы раздразнили, да сами ушли прочь, а мы поплатились. А теперь на нас что ли идти вздумали? Так мы против вас с святой богородицей и с поклоном: лучше вы нас перебейте, а жен и детей наших в полон возьмите, чем поганые; на том вам и кланяемся». Новгородцы сказали тогда князю: «Мы без своей братьи, без псковичей, нейдем на Ригу, а тебе, князь, кланяемся»; много уговаривал их Ярослав, но все понапрасну, тогда он отпустил свои полки назад в Переяславль. Можно ли было при таких отношениях успешно бороться с немцами?

На север от Финского залива новгородцы ходили на чудское племя — ямь; походы эти имели такой же характер, как и походы на эстов: так, в 1188 ходили на ямь новгородские *молодцы* с каким-то Вышатою Васильевичем и пришли домой по здорову, добывши полона. В 1191 году ходили новгородцы вместе с корелою на ямь, землю ее повоевали и пожгли и скот перебили. В 1227 году князь Ярослав Всеволодович пошел с новгородцами на ямь, землю всю повоевали, полона привели без числа, но в следующем году ямь захотела отомстить за опустошение своей земли, пришла Ладожским озером на судах и стала опустошать новгородские владения [447]; новгородцы, услыхавши о набеге, сели на суда и поплыли Волховом к Ладоге, но ладожане с своим посадником Владиславом не стали дожидаться их, погнались на лодках за ямью, настигли и вступили в битву, которую прекратила ночь; ночью ямь прислала просить мира, но ладожане не согласились; тогда финны, перебивши пленников и побросавши лодки, побежали в лес, где большая часть их была истреблена корелою; что же делали в это время новгородцы? Они стояли на Неве, да вече творили, хотели убить одного из своих, какого-то Судимира, да князь скрыл его в своей лодье, потом возвратились домой, ничего не сделавши.

Были также столкновения у новгородцев с финскими племенами и за Волоком, в области Северной Двины и далее на восток: под 1187 годом встречаем известие, что новгородские сборщики даней (ясака) были перебиты в Печоре и за Волоком, погибло их человек сто; восстание, как видно, было в разных местах в одно время. В 1193 году новгородцы пошли ратью за Урал, в Югру, с воеводою Ядреем; пришли в Югру, взяли один город, потом осадили другой и стояли под ним пять недель; осажденные стали подсылать к ним обманом, говорили: «Мы копим серебро, соболей и разное другое добро, зачем же вы хотите погубить своих смердов и свои

дани?» Но вместо серебра и соболей они копили войско да сносились с изменником новгородским, каким-то Савкою, который держал перевет к югорскому князю. Когда войско было собрано, то осажденные послали сказать новгородскому воеводе, чтоб приходил к ним в город с 12 лучшими людьми за данью; тот, ничего не подозревая, пошел и был убит вместе с товарищами, потом было приманено в город еще тридцать человек, потом еще пятьдесят. Изменник Савка сказал при этом князю югорскому: «Если, князь, не убьешь Якова Прокшинича и пустишь его в Новгород живого, то он опять приведет сюда войско и опустошит твою землю, вели убить его», и Яков был убит, сказавши перед смертию Савке: «Брат! Судит тебя бог и св. София, что подумал на свою братью; станешь ты с нами перед богом и отдашь ответ за кровь нашу». Наконец осажденные, истребивши лучших людей, ударили на остальных, полумертвых от голода, и большую часть их истребили; спаслось только 80 человек, которые с великою нуждою добрались до Новгорода. Приход их, разумеется, должен был произвести сильное волнение, когда узнали, что беда приключилась от измены; сами путники убили троих граждан, обвиняя их в злом умысле на свою братью, другие обвиненные откупились деньгами; летописец говорит, что одному богу известно, кто тут был прав, кто виноват [448].

Из этих, хотя очень редких, известий летописи, мы можем составить себе понятие об отношениях Новгорода к его Заволоцким владениям, к тамошнему финскому народонаселению: ходили отряды так называемых *данников* (сборщиков дани) собирать ясак с туземцев серебром и мехами, иногда эти данники встречали сопротивление, были истребляемы вдруг в разных местах; неизвестно поход Ядрея был ли попыткою взять ясак с племен, еще до сих пор его не платившших, или с старых плательщиков, отказавшихся на этот раз платить; слова князька «Мы копим серебро... зачем вы хотите губить своих смердов» могут указывать на последнее [449]. Но если новгородские данники не всегда были счастливы в своих заволоцких походах, то новгородским выходцам, принужденным оставить по разным причинам родную землю, удалось в последней четверти XII века утвердиться в стороне Прикамской на берегах реки Вятки, где они основали независимую общину, ставшую на северо-востоке притоном всех беглецов, подобно южному Берладу и Тмутараканю.

Если новгородцы боролись с финскими племенами за Волоком, в нынешней Финляндии и Эстонии — там для того, чтоб сбирать с них богатый ясак серебром и мехами, здесь — частию также для добычи, частию для защиты собственных владений, опустошаемых дикарями, то северные, суздальские князья, повинуясь природным указаниям, распространяли свои владения вниз по Волге, причем постоянно должны

были бороться с болгарами, мордвою и другими инородцами. Зимою 1172 года Андрей Боголюбский отправил на болгар сына своего Мстислава, с которым должны были соединиться сыновья муромского и рязанского князей; поход этот, говорит летописец, не нравился всем людям, потому что не время воевать зимою болгар, и полки шли очень медленно и неохотно; при устье Оки соединенные князья две недели дожидались разных людей и решились, наконец, ехать с одною передовою дружиною, в которой всем распоряжался тогда воевода Борис Жидиславич. Русские неожиданно въехали в поганую землю, взяли шесть сел да седьмой город, мужчин перебили, женщин и детей побрали в плен; болгары, услыхав, что князья пришли с небольшою дружиною, собрали шесть тысяч человек рати и погнались за русскими, но, не дошедши до них 20 верст, возвратились. Наши, говорит летописец, прославили бога, потому что, очевидно, спасла их от неминуемой беды святая богородица и христианская молитва.

В 1184 году Всеволод III вздумал пойти на болгар и послал просить помощи у киевского князя Святослава Всеволодовича; тот отправил к нему сына Владимира, велел сказать северному князю: «Дай бог, брат и сын, повоевать нам в наше время с погаными». С осьмью князьями [450] выступил Всеволод в поход водою по Оке и Волге; вышедши на берег, великий князь оставил у лодок белозерский полк с двумя воеводами — Фомою Ляскoвичем и Дорожаем и пошел с остальным войском на конях к Великому городу Серебряных болгар, отправя вперед сторожевой отряд. Сторожа увидали в поле войско и подумали сначала, что это болгары, но оказалось, что то были половцы; пять человек из них приехали к Всеволоду, ударили перед ним челом и сказали: «Кланяются тебе, князь, половцы ямяковские, пришли мы также воевать болгар». Всеволод, подумавши с князьями и дружиною, привел половцев к присяге по их обычаю и пошел с ними вместе к Великому городу, приблизившись к которому стал думать с дружиною; в это время племянник его Изяслав Глебович, схватив копье, помчался с своею дружиною к городу, подле которого пешие болгары устроили себе укрепление; Изяслав выбил их отсюда и проскакал к самым городским воротам, но здесь изломал свое копье, получил рану стрелою сквозь броню под самое сердце и полумертвый принесен был в стан. А между тем белозерский полк, оставленный при лодках, выдержал нападение от болгар, приплывших Волгою из разных городов в числе 5000 человек, и обратил их в бегство, причем перетонуло их больше тысячи человек. Всеволод стоял еще 10 дней под Великим Городом, но видя, что племянник изнемогает, а болгары просят мира, отправился назад к своим лодкам, где Изяслав и умер; великий князь после этого возвратился во Владимир, пославши конницу на мордву.

В 1186 году Всеволод посылал опять воевод своих с городчанами на болгар, — русские взяли много сел и возвратились с полоном. После того при Всеволоде не встречаем больше известий о походах на болгар; по смерти его усобица между его сыновьями долго не давала русским возможности обратить внимание на соседние народы, пользуясь тем болгары предприняли наступательное движение и взяли Устюг в 1217 году. Только в 1220 году великий князь Юрий Всеволодович собрался послать сильную рать на болгар: он послал брата своего Святослава, князя юрьевского, и с ним полки свои под начальством воеводы Еремея Глебовича; Ярослав Всеволодович переяславский послал также свои полки; племяннику Василько Константиновичу великий князь велел послать полки из Ростова и из Устюга на верх Камы; муромский князь Давыд послал сына своего Святослава, Юрий — Олега, и все снялись на устье Оки, откуда поплыли на лодках вниз по Волге и высадились на берег против города Ошела. Святослав выстроил войско: ростовский полк поставил по правую руку, переяславский — по левую, а сам стал с муромскими князьями посередине и в таком порядке двинулся к лесу, оставив один полк у лодок. Прошедши лес, русские полки вышли на поле к городу; здесь были они встречены болгарскою конницею, которая, постоявши немного, пустила в наших по стреле и помчалась к городу; Святослав двинулся за нею и осадил Ошел. Около города был сделан острог, огороженный крепким дубовым тыном, за острогом были еще два укрепления и между ними вал: по этому валу бегали осажденные и бились с русскими. Князь Святослав, подошедши к городу, отрядил наперед людей с огнем и топорами, а за ними стрельцов и копейников; русские подсекли тын, разорили и два других укрепления и зажгли их, потом зажгли и самый город, но тут поднялся противный ветер и понес клубы дыма на русские полки; дым, в котором нельзя было различить человека, зной и пуще всего безводие заставили осаждающих отступить от города. Когда они отдохнули от трудов, то Святослав сказал: «Пойдем теперь за ветром на другую сторону города!» Полки встали и пошли, и когда были у городских ворот, то князь сказал им: «Братья и дружина! Сегодня предстоит нам или добро или зло, так пойдемте скорее!» И сам князь поскакал впереди всех к городу, за ним остальное войско, подсекли тын и оплоты и зажгли их, потом зажгли город со всех сторон, причем встала сильная буря, так что страшно было смотреть, а в городе раздавался громкий вопль; князь болгарский успел убежать на лошадях с малою дружиною, а которые болгары выбежали пешком, тех всех русские перебили, жен и детей в плен побрали, другие болгары сгорели в городе, а иные перебили сперва своих жен и детей, а потом и сами себя лишили жизни; некоторые из

русских ратников осмелились войти в город за добычею, но едва убежали от пламени, а иные так и сгорели. Пожегши город, Святослав пошел назад к лодкам; когда он пришел к ним, то поднялась сильная буря с дождем, так что с трудом можно было удержать лодки у берега; потом буря начала стихать, и Святослав, переночевавши тут и пообедавши на другой день, поплыл назад вверх по Волге.

Между тем болгары из Великого и других городов, услыхавши об истреблении Ошела, собрались с князьями своими и пришли к берегу; Святослав знал о приближении врагов и велел своим приготовиться к битве: пошли полк за полком, били в бубны, играли в трубы и сопели, а князь шел сзади всех. Болгары, подошедши к берегу, увидали между русскими своих пленников — кто отца, кто сына и дочь, кто братьев и сестер — и стали вопить, кивая головами и закрывая глаза, но напасть на русских не посмели, и Святослав благополучно достиг устья Камы, где соединился с ростовским и устюжским полками, бывшими под начальством воеводы Воислава Добрынича. Ростовцы и устюжане пришли с большою добычею, потому что воевали вниз по Каме, взяли много городов и сел. С устья Камы пошли все к Городцу, здесь вышли на берег и отправились на конях к Владимиру. Князь Юрий встретил брата у Боголюбова и задал ему и всему войску большой пир: пировали три дня, причем Святослав и все войско получили богатые подарки. Следствием Святославова похода было то, что на ту же зиму болгарские послы явились к великому князю с просьбою о мире, но Юрий сначала не согласился на мир и послал собирать войско, хотел сам теперь идти в поход и действительно выступил к Городцу; на дороге встретили его новые послы от болгар с челобитьем, но он и тех не послушал; наконец, уже в Городец пришли к нему еще послы с дарами и с выгодными условиями, на которые великий князь и согласился: заключен был мир по-прежнему, как было при отце и дяде Юрия.

После этого удачного похода на болгар Юрий решился укрепить за Русью важное место при устье Оки в Волгу, где привыкли собираться суздальские и муромские войска: здесь в 1221 году заложен был Нижний Новгород. Он был основан на земле мордвы, с которою, следовательно, необходимо должна была возникнуть борьба; в 1226 году великий князь посылал братьев своих Святослава и Ивана на мордву, которую они победили и взяли несколько сел. В 1228 году в сентябре Юрий послал было на мордву племянника Василька Константиновича ростовского с воеводою своим, известным Еремеем Глебовичем, но возвратил их за непогодою, потому что лили дожди день и ночь, а зимою в генваре месяце отправился в поход сам с братом Ярославом, племянниками Константиновичами и муромским князем Юрием; русские вошли

в землю мордовского князя Пургаса, пожгли и потравили хлеб, перебили скот, а пленников отправили домой; мордва скрылась в лесах и твердях, а которые не успели спрятаться, тех перебила младшая дружина Юриева. Видя успех Юрьевой дружины, младшая дружина Ярославова и Константиновичей тайком отправилась на другой день в дремучий лес на поиски за мордвою; мордва дала им зайти в глубину леса, потом окружила их и одних истребила на месте, других поволокла в свои укрепления и там перебила [451]. Между тем болгарский князь пришел было на Пуреша, присяжного князька Юрьева, но услыхав, что великий князь жжет села мордовские, побежал ночью назад, а Юрий с братьею и со всеми полками возвратился домой по здорову. Вообще, несмотря на всю медленность, недружность наступательного движения Руси на финские племена, последним не было возможности с успехом противиться ей, потому что Русь мимо всех препятствий к государственному развитию все шла вперед по пути этого развития, тогда как финские племена оставались и теперь на той же ступени, на какой славянские племена дреговичи, северяне, вятичи находились в половине IX века, жили особными и потому бессильными племенами, которые, раздробляясь, враждовали друг с другом. Местное предание очень верно указывает на причину подчинения финских племен Руси: на месте Нижнего Новгорода, говорит оно, жил некогда Мордвин Скворец, друг Соловья Разбойника, у него было 18 жен и 70 сыновей. Чародей Дятел предсказал ему, что если дети его будут жить мирно, то останутся владетелями отцовского наследия, а если поссорятся, то будут покорены русскими; потомки Скворца начали враждовать между собою, и Андрей Боголюбский изгнал их с устья Оки.

Не таковы были отношения Руси к западным ее диким соседям — литовцам, которых набеги становятся все сильнее и дружнее; в 1190 году Рюрик Ростиславич, будучи еще князем белгородским, по родству своему с князьями пинскими, которые должны были особенно терпеть от Литвы, предпринял было поход на нее, но не мог дойти до земли Литовской, потому что сделалось тепло и снег растаял, а в этой болотистой стране только и можно было воевать в сильные холода. Счастливее был зять его, знаменитый Роман волынский, о поведении которого относительно пленных литвы и ятвягов уже было упомянуто; в 1196 году, по словам летописи, Роман ходил на ятвягов *отмщеваться,* потому что они воевали его волость; когда Роман вошел в их землю, то они не могли стать против его силы и бежали в свои тверди, а Роман пожег их волость и, *отомстившись,* возвратился домой [452]. Усобицы, возникшие на Волыни по смерти Романа Великого, дали ятвягам и литве возможность опустошать эту страну: под 1205 годом читаем известие, что литва и ятвяги повоевали землю от

Турийского до Червеня, бились у самых ворот Червенских; беда была в земле Владимирской от воеванья литовского и ятвяжского, говорит летописец. В 1215 году литовские князья, числом 21, дали мир вдове Романовой, которая немедленно употребила их против поляков. В 1227 году ятвяги пришли было воевать около Бреста, но потерпели поражение от Даниила Романовича. Северо-западные русские границы не были также безопасны от литвы: в 1183 году бились псковичи с литвою и много потерпели зла от нее. В 1200 году литовцы опустошили берега Ловати [453], новгородцы погнались за ними и обратили их в бегство, убивши 80 человек и отнявши добычу. В тот же год воевода великолуцкий Нездила Пехчинич ходил с небольшою дружиною на летголу, застал неприятелей спящими, убил 40 человек, а жен и детей увел в плен. Под 1210 годом упоминается снова о набеге литовском на Новгородскую область; в 1213 году литовцы пожгли Псков; в 1217 литва опять воевала по Шелони; в 1225 около Торопца; в 1224 пришла к Русе: посадник Федор выехал было против нее, но был побежден; в 1225 литовцы, в числе 7000, страшно опустошили села около Торжка, не дошедши до города только трех верст, побили много купцов, попленили и Торопецкую волость всю; князь Ярослав Всеволодович нагнал их близь Усвята, разбил, истребил 2000 человек, отнял добычу, из русских пал здесь торопецкий князь Давыд — сын Мстислава Храброго.

На юге и юго-востоке продолжалась прежняя борьба с степняками или половцами. Когда Андрей Боголюбский посадил брата своего Глеба в Киеве, то в русских пределах явилось множество половцев; одна половина их вошла в пределы Переяславского княжества, а другая — Киевского, и обе послали к Глебу с такими речами: «Бог и князь Андрей посадили тебя на твоей отчине и дедине в Киеве, а мы хотим урядиться с тобою обо всем, после чего мы присягнем тебе, а ты нам, чтоб вы нас не боялись, а мы вас». Глеб отвечал: «Я готов идти к вам на сходку» и стал думать с дружиною, к каким половцам идти прежде? Решили, что лучше идти сперва к Переяславлю, потому что князь тамошний, Владимир Глебович, был тогда мал, всего 12 лет. Глеб и пошел на сходку к переяславским половцам, а другим русским (т. е. киевским) послал сказать: «Подождите меня здесь: теперь я еду к Переяславлю, и когда умирюсь с теми половцами, то приду и к вам на мир». Но киевские половцы, услыхав, что Глеб пошел на ту сторону Днепра, начали рассуждать: «Глеб-то поехал на ту сторону, к тем половцам, и там долго пробудет, а к нам не поехал, так мы пойдем на Киев, возьмем села и пойдем домой с добычею».

И, действительно, отправились воевать киевские волости, жители которых, не ожидая нападения, не успели убежать [454],

были все перехватаны и вместе со стадами погнаны в степи. Глеб возвращался от Переяславля и хотел было отправиться к Корсуню, где стояли прежде половцы, как дали ему знать, что варвары, не дождавшись съезда, поехали воевать и воюют. Глеб хотел немедленно сам гнаться за ними, но берендеи схватили за повод его коня и сказали: «Князь не езди! Тебе пристойно только ездить в большом полку, когда соберется вся братья, а теперь пошли кого-нибудь из князей да с ним отряд из нас, берендеев».

Глеб послушался и отправил брата своего Михаила с сотнею переяславцев и с 1500 берендеев; Михаил перенял у половцев дорогу, напал без вести на сторожей их, которых было 300 человек, и одних перебил, а других взял в плен; когда у этих начали спрашивать, много ли ваших назади, и они отвечали, что много, тысяч семь, то русские стали думать: «Половцев назади много, а нас мало, если оставим пленников в живых, то во время битвы они будут нам первые враги» — и перебили их всех; потом пошли на других половцев, разбили их, добычу отняли и опять спросили у пленников: «Много ли еще ваших назади?», те отвечали: «Теперь великий полк идет». Русские дождались и великого полка и поехали против него: у поганых было 900 копий, а у русских только 90. Переяславцы хотели было ехать наперед с князем Михаилом, но берендеи опять схватили у Михаила коня за повод и сказали: «Вам не след ехать наперед, потому что вы наш *город* (защита), а мы, стрельцы, пойдем наперед». Битва была злая, князь Михаил получил три раны, наконец, половцы побежали, причем полторы тысячи их попалось нашим в плен. Зимою 1174 года половцы снова явились на Киевской стороне и взяли множество сел, больной Глеб выслал против них торков и берендеев под начальством братьев своих Михаила и Всеволода, которые нагнали и разбили половцев за рекою Бугом, причем отполонили 400 человек своих.

По смерти Глеба, в княжение Романа Ростиславича в Киеве, летописец упоминает о половецких набегах на пограничные земли по реке Роси, но гораздо замечательнее шла борьба с варварами по ту сторону Днепра, где северский князь Игорь Святославич пошел на половцев в степи за Ворсклу. Узнавши на дороге, что два хана, Кобяк и Кончак, отправились пустошить Переяславскую волость, Игорь погнался за ними, принудил бежать и отнял всю добычу: так счастливо начал борьбу свою с половцами Игорь Святославич, которому суждено было приобрести такую знаменитость от несчастного похода своего на них. В 1179 году Кончак много зла наделал христианам у Переяславля, в 1184 году — новое известие о нашествии Кончака. До сих пор усобицы между Мономаховичами и Ольговичами на юге не давали князьям возможности отплачивать половцам походами в

степи, но теперь с окончательным утверждением Святослава Всеволодовича в Киеве усобицы прекратились, и начинается ряд степных походов. Уже в 1184 году, после нашествия Кончака, князь Святослав, посоветовавшись с сватом своим Рюриком, пошел на половцев и стал у Ольжич, ожидая Ярослава Всеволодовича из Чернигова; Ярослав приехал и сказал им: «Теперь, братья, не ходите, но лучше назначим срок и пойдем, даст бог, на лето». Старшие князья послушались и возвратились, приказавши вместо себя идти в степь младшим: Святослав отправил Игоря Святославича северского, а Рюрик — Владимира Глебовича переяславского. Но эти младшие — Мономахович Владимир и Ольгович Игорь сейчас же начали спор за старшинство и поссорились: Владимир стал проситься у Игоря ехать напереди, а Игорь не пустил его, тогда Владимир рассердился и вместо половцев пошел на северские города, где взял большую добычу; Игорь один с своими Ольговичами отправился на половцев и принудил их бежать, но далеко не мог идти за ними, потому что от дождя вода поднялась в реках.

Старшие князья Святослав и Рюрик исполнили свое обещание, летом повестили поход на половцев, собрали князей — переяславского, волынских, смоленских, туровских, взяли вспомогательный галицкий отряд и пошли вниз по Днепру. Черниговские отказались идти вместе, они послали сказать Святославу Всеволодовичу: «Далеко нам идти вниз Днепром, не можем своих земель оставить пустыми, но если пойдешь на Переяславль, то сойдемся с тобою на Суле». Святославу не понравилось это неповиновение младшей братьи; он продолжал без них путь по Днепру, вышел на восточный берег при Инжире броде и отрядил младших князей на поиски за половцами с 2100 берендеев; Владимир Глебович переяславский отпросился у него ехать прежде всех: «Моя волость пуста от половцев, говорил он, так пусти меня, батюшка Святослав, наперед с сторожами!» Половцы, увидавши идущий на себя полк Владимиров, ударились бежать, так что русский сторожевой отряд не мог нагнать их и возвратился к реке Ерелу; остановились и половцы, и хан Кобяк, думая, что русских всего только, что с Владимиром, погнался за последним и стал перестреливаться с его отрядом через реку; услыхав об этом, Святослав и Рюрик отправили на помощь к сторожам большие полки, вслед за которыми пошли и сами, но половцы, увидавши первые полки, отправленные на помощь к сторожам, подумали, что это сами Святослав и Рюрик идут и побежали, русские — за ними, стали их бить и хватать в плен и набрали 7000 человек; взяли тут самого Кобяка с двумя сыновьями и много других князей [455], возвратились Святослав и Рюрик со славою и честию великою, по словам летописца.

Между тем Игорь Святославич северский, услыхав, что киевский Святослав пошел на половцев, призвал к себе брата Всеволода, племянника Святослава Ольговича, сына Владимира, дружину и сказал им: «Половцы обратились теперь против русских князей, так мы без них ударим на их вежи». Князья поехали и за рекою Мерлом встретились с половецким отрядом в 400 человек, которые пробирались воевать Русь, Игорь ударил на них и прогнал назад.

В следующем 1185 году пошел окаянный, безбожный и треклятый Кончак со множеством половцев на Русь с тем, чтоб попленить города русские и пожечь их огнем; нашел он одного бусурманина, который стрелял живым огнем, были у половцев также луки тугие самострельные, которые едва могли натянуть 50 человек. Половцы сначала пришли и стали на реке Хороле; Кончак хотел обмануть Ярослава Всеволодовича черниговского, послал к нему как будто мира просить, и Ярослав, ничего не подозревая, отправил к нему своего боярина для переговоров. Но Святослав киевский послал сказать Ярославу: «Брат! Не верь им и не посылай боярина, я на них пойду» — и, действительно, вместе с Рюриком Ростиславичем и всеми своими полками пошел на половцев, отправивши вперед молодых князей — Владимира Глебовича и Мстислава Романовича. На дороге купцы, ехавшие из земли Половецкой, указали князьям место, где стоял Кончак; Владимир и Мстислав напали на него и обратили в бегство, причем был взят в плен и тот бусурман, что стрелял живым огнем, хитреца привели к Святославу со всем снарядом его.

Ярослав черниговский не ходил с братом на половцев, он велел сказать ему: «Я уже отправил к ним боярина и не могу ехать на своего мужа». Но не так думал Игорь Святославич северский, он говорил: «Не дай бог отрекаться от похода на поганых, поганые всем нам общий враг» — и начал думать с дружиною, куда бы поехать, чтоб нагнать Святослава; дружина сказала ему: «Князь! По-птичьи нельзя перелететь: приехал к тебе боярин от Святослава в четверг, а сам он идет в воскресенье из Киева; как же тебе его нагнать?» Игорю не нравилось, что дружина так говорит, он хотел ехать степью возле Сулы реки, но вдруг сделалась такая оттепель, что никак нельзя было никуда идти. Святослав, возвратясь в Киев, тою же весною послал боярина своего Романа Нездиловича с берендеями на половцев, и Роман в самое Светлое воскресенье (21 апреля) взял половецкие вежи, забрал в них много пленников и лошадей.

Между тем Игорь Святославич не хотел оставить своего намерения идти на половцев; северским князьям не давали покоя счастливые походы с той стороны Днепра, в которых они не участвовали: «Разве уже мы не князья, говорили они: добудем и мы такой же себе чести». И вот 23 апреля Игорь

выехал из Новгорода Северского, велевши идти с собою брату Всеволоду из Трубчевска, племяннику Святославу Ольговичу из Рыльска, сыну Владимиру из Путивля, а у Ярослава черниговского выпросил боярина Олстина Олексича с коуями черниговскими; северские князья шли тихо, собирая дружину, потому что кони у них были очень тучны. Как дошли они до реки Донца, время было уже к вечеру, Игорь взглянул на небо и увидел, что солнце стоит точно месяц; «Посмотритека, что это значит?» — спросил он у бояр и у дружины. Те посмотрели и опустили головы. «Князь! Сказали они потом: не на добро это знамение». Игорь отвечал им на это. «Братья и дружина! Тайны божией никто не знает, а знамению всякому и всему миру своему бог творец; увидим, что сотворит нам бог, на добро или на зло наше». Сказавши это, Игорь переправился за Донец и пришел к Осколу, где два дня дожидался брата Всеволода, который шел иным путем из Курска, и из Оскола отправились все к реке Сальнице, куда приехали сторожа, посланные ловить языка, и объявили князьям: «Виделись мы с неприятелем, неприятели ваши ездят наготове: так или ступайте скорее, или ворочайтесь домой, потому что не наше теперь время». Игорь и другие князья сказали на это: «Если мы теперь не бившись возвратимся, то стыд нам будет хуже смерти; поедем на милость божию» — и ехали всю ночь, а утром, в обеднее время встретили полки половецкие: поганые собрались от мала до велика и стояли по той стороне реки Сююрлия. Русские князья выстроили шесть полков: Игорев полк стоял посередине, по правую сторону — полк брата его Всеволода, по левую — племянника Святослава, а напереди полк сына Владимира с отрядом коуев черниговских, а напереди этого полка стояли стрельцы, выведенные из всех полков. Игорь сказал братьям: «Братья! Мы этого сами искали, так и пойдем» — и пошли. Из половецких полков выехали стрельцы, пустили по стреле на русь и бросились бежать, русь не успела еще переехать реку, как побежали и остальные половцы; передовой русский полк погнался за ними, начал бить их и хватать в плен, а старшие князья, Игорь и Всеволод, шли потихоньку, не распуская своего полка; половцы пробежали мимо своих веж, русские заняли последние и захватили много пленных. Три дня стояли здесь северские полки и веселились, говоря: «Братья наши с великим князем Святославом ходили на половцев и бились с ними, озираясь на Переяславль, в землю Половецкую не смели войти, а мы теперь в самой земле Половецкой, поганых перебили, жены и дети их у нас в плену, теперь пойдем на них за Дон и до конца истребим их; если там победим их, то пойдем в Лукоморье, куда и деды наши не хаживали, возьмем до конца свою славу и честь». Когда передовой полк возвратился с погони, то Игорь стал говорить братьям и боярам

своим: «Бог дал нам победу, честь и славу; мы видели полки половецкие, много их было, все ли они тут были собраны? Пойдем теперь в ночь, а остальные пусть идут за нами завтра утром». На это Святослав Ольгович отвечал дядьям: «Я далеко гонялся за половцами и утомил лошадей, если теперь опять поеду, то останусь на дороге». Дядя Всеволод принял его сторону, положено было еще переночевать тут. Но на другой день на рассвете начали вдруг выступать один за другим полки половецкие, русские князья изумились, Игорь сказал: «Сами мы собрали на себя всю землю», князья стали советоваться, как быть. «Если побежим, говорили они, то сами спасемся, но черных людей оставим, и будет на нас грех пред богом, что их выдали; уже лучше — умрем ли, живы ли будем, все на одном месте». Порешивши на этом, все сошли с коней и пошли на битву, хотя уже изнемогли от безводья: бились крепко целый день до вечера, и много было раненых и мертвых в полках русских; бились вечер и ночь, на рассвете замешались коуи и побежали. Игорь еще в начале битвы был ранен в руку и потому сел на лошадь; увидев, что коуи бегут, он поскакал к ним, чтоб удержать беглецов, но тут был захвачен в плен; окруженный половцами, которые держали его, Игорь увидал брата Всеволода, отбивавшегося от врагов, и стал просить себе смерти, чтоб только не видать гибели брата своего, но Всеволод не погиб, а был также взят в плен; из многочисленных полков северских спаслось очень мало: русских ушло человек 15, а коуев еще меньше, потому что, как стенами крепкими, были они огорожены полками половецкими. Ведомый в плен, Игорь вспомнил грех свой, как однажды, взявши на щит город Глебов у Переяславля, не пощадил крови христианской: «Недостоин был я жизни, говорил он; теперь вижу месть от господа бога моего; где теперь возлюбленный мой брат, где племянник, где сын, где бояре думающие, где мужи *храборствующие,* где ряд полчный? Где кони и оружие многоценное? Всего я лишился и связанного предал меня бог в руки беззаконным!»

В это время Святослав киевский был в Корачеве [456] и собирал в верхних землях войско, хотел идти на половцев к Дону на все лето. На возвратном пути из Корачева, будучи у Новгорода Северского, он узнал, что Игорь с братьею пошли на половцев тайком от него, и не понравилось ему это своевольство. Из Новгорода Северского Святослав приплыл по Десне в Чернигов, и тут дали ему знать о беде северских князей. Святослав заплакал и сказал: «Ах любезные мои братья и сыновья и бояре Русской земли! Дал бы мне бог притомить поганых, но вы не сдержали молодости своей и отворили им ворота в Русскую землю; воля господня да будет; как прежде сердит я был на Игоря, так теперь жаль мне его стало».

Святослав, однако, не терял времени в пустых жалобах и отправил сыновей своих Олега и Владимира в Посемье (страну по реке Сейму); плачь поднялся по всем городам посемским, в Новгороде Северском и во всей волости Черниговской о том, что князья в плену, а из дружины одни схвачены, другие перебиты; жители метались в отчаянии, по словам летописца, не стало никому мило свое ближнее, но многие отрекались от душ своих из жалости по князьям. Святослав принимал и другие меры, послал сказать Давыду смоленскому: «Мы было сговорились идти на половцев и летовать на Дону, а теперь вот половцы победили Игоря с братьею, так приезжай, брат, постереги Русскую землю». Давыд приплыл по Днепру, пришли и другие полки на помощь и стали у Треполя, а Ярослав, собравши войска свои, стоял наготове в Чернигове.

Между тем половцы, победивши Игоря с братьею, загордились, собрали весь свой народ на Русскую землю, но когда стали думать, в какую сторону идти им, то начался спор между их ханами. Кончак говорил: «Пойдем на киевскую сторону, где перебита наша братья и великий князь наш Боняк», а другой хан, Кза, говорил: «Пойдем на Сейм, где остались одни жены да дети, готов нам там полон собран, возьмем города без всякой трудности»; и разделились надвое: Кончак пошел к Переяславлю, осадил город и бился целый день; в Переяславле был князем известный Владимир Глебович, смелый и крепкий на рати, по словам летописца, он выехал из города и ударил на половцев с очень небольшою дружиною, потому что остальные не осмелились выйти на вылазку; Владимир был окружен множеством половцев и ранен тремя копьями: тогда остальная дружина, видя князя в опасности, ринулась из города и высвободила Владимира, который тяжело раненый въехал в свой город и утер мужественный пот за отчину свою. Он слал и к Святославу, и к Рюрику, и к Давыду: «Половцы у меня, помогите мне!» Святослав слал к Давыду, а Давыд не трогался с места, потому что его смольняне собрали вече и толковали: «Мы шли к Киеву только; если б здесь была рать, то мы и стали б биться, а теперь нам нельзя искать другой рати, мы уже и так устали». Давыд принужден был идти назад с ними в Смоленск. Но Святослав с Рюриком сели на суда и поплыли Днепром вниз против половцев, которые, услыхав об этом, отошли от Переяславля, но по дороге осадили город Римов[457]; римовичи затворились и взошли на стены биться, как вдруг две *городницы* (стенные укрепления) рухнули вместе с людьми прямо к половцам, ужас напал на остальных жителей, и город был взят; спаслись из плена только те из римовичей, которые вышли из города и бились с неприятелем по Римскому болоту. Таким образом половцы, благодаря медленности князей, дожидавшихся

понапрасну Давыда смоленского, успели взять Римов и с добычею безопасно возвратились в свои степи; князья не преследовали их туда, но с печалью разошлись по волостям своим. Другие половцы с ханом Кзою пошли к Путивлю, пожгли села вокруг, острог у самого Путивля и возвратились с добычею.

Игорь Святославич все жил в плену у половцев, которые, как будто стыдясь воеводства его, по выражению летописца, не делали ему никаких притеснений; приставили к нему 20 сторожей, но давали ему волю ездить на охоту, куда хочет, и брать с собою слуг своих, человек по пяти и по шести; да и сторожа слушались его и оказывали всякую честь: куда кого пошлет, исполняли приказ беспрекословно; Игорь вызвал было уже к себе и священника со всею службою, думая, что долго пробудет в плену. Но бог, говорит летописец, избавил его по христианской молитве, потому что многие проливали слезы за него. Нашелся между половцами один человек по имени Лавор; пришла ему добрая мысль, и стал он говорить Игорю: «Пойду с тобою в Русь». Игорь сперва не поверил ему, по молодости своей держал он мысль высокую, думал, схвативши Лавора, бежать с ним в Русь; он говорил: «Я для славы не бежал во время боя от дружины и теперь бесславным путем не пойду». С Игорем вместе были в плену сын тысяцкого и конюший его, оба они понуждали князя принять предложение Лавора, говорили: «Ступай, князь, в Русскую землю, если бог захочет избавить тебя»; Игорь все медлил, но когда возвратились половцы от Переяславля, то думцы его начали опять говорить: «У тебя, князь, мысль высокая и богу неугодная, ты все ждешь случая, как бы схватить Лавора и бежать с ним, а об том не подумаешь, какой слух идет: говорят, будто половцы хотят перебить вас, всех князей и всю Русь, так не будет тебе ни славы, ни жизни». На этот раз Игорь послушался их, испугался половецкого прихода и стал искать случая к бегству; нельзя было бежать ни днем, ни ночью, потому сторожа стерегли его, только и было можно, что на самом солнечном закате. И вот Игорь послал конюшего своего сказать Лавору, чтоб тот переехал на ту сторону реки с поводным конем. Наступило назначенное время, стало темнеть, половцы напились кумыса, пришел конюший и объявил, что Лавор ждет. Игорь встал в ужасе и трепете, поклонился спасову образу и кресту честному, говоря: «Господи сердцеведче, спаси меня, недостойного», — надел на себя крест, икону, поднял стену и вылез вон. Сторожа играли, веселились, думая, что Игорь спит, а он уже был за рекою и мчался по степи; в одиннадцать дней достиг он города Донца, откуда поехал в свой Новгород Северский, а из Новгорода сперва поехал к брату Ярославу в Чернигов, а потом к Святославу

в Киев просить помощи на половцев; все князья обрадовались ему и обещались помогать.

Но только через год (1187 г.) Святослав с сватом своим Рюриком собрались на половцев, хотели напасть на них внезапно, получивши весть, что половцы у Татинца на днепровском броде [458]. Владимир Глебович приехал к ним из Переяславля с дружиною и выпросился ехать наперед с черными клобуками, Святославу не хотелось было отпустить Владимира впереди своих сыновей, но Рюрик и все другие хотели этого, потому что переяславский князь был смел и крепок в битве, всегда стремился на добрые дела. В это время черные клобуки дали знать сватам своим, половцам, что русские князья идут на них, и те убежали, а князьям нельзя было их преследовать, потому что Днепр уже трогался, весна наступала. По возвращении из этого похода разболелся и умер знаменитый защитник украйны от половцев переяславский князь Владимир Глебович, плакали по нем все переяславцы, говорит летописец, потому что он любил дружину, золота не собирал, имения не щадил, но раздавал дружине, был князь добрый, мужеством крепким и всякими добродетелями исполненный. Украйна много стонала об нем и недаром, потому, что немедленно половцы начали воевать ее.

Зимою Святослав стал опять пересылаться с Рюриком, звать его на половцев, Рюрик отвечал ему: «Ты, брат, поезжай в Чернигов, сбирайся там с своею братьею, а я здесь буду сбираться с своею». Все князья собрались и пошли по Днепру: иначе нельзя было идти, потому что снег был очень велик; у реки Снопорода перехватали сторожей половецких, и те объявили, что вежи и стада половецкие у Голубого леса. Ярославу черниговскому не хотелось идти дальше, и стал он говорить брату Святославу: «Не могу идти дальше от Днепра: земля моя далеко, а дружина изнемогла». Рюрик начал слать к Святославу, понуждая его продолжать поход. «Брат и сват! — говорил он ему, — исполнилось то, чего нам следовало у бога просить, пришла весть, что половцы только за полдень пути от нас; если же кто раздумывает и не хочет идти, то ведь мы с тобою вдвоем до сих пор ни на кого не смотрели, а делали, что нам бог давал». Святославу самому хотелось продолжать поход, и он отвечал Рюрику: «Я, брат, готов, но пошли к брату Ярославу, понудь его, чтоб нам всем вместе поехать». Рюрик послал сказать Ярославу: «Брат! Не следовало бы тебе дело расстраивать; к нам дошла верная весть, что вежи половецкие всего от нас на полдень пути, велика ли эта езда? Прошу тебя, брат, поезжай еще только полдня для меня, а я для тебя десять дней еду». Но Ярослав никак не соглашался: «Не могу поехать один, — говорил он, — полк мой пеш; вы бы мне дома сказали, что так далеко идти». Князья завели распрю: Рюрик понуждал Всеволодовичей

идти вперед, Святослав хотел идти дальше, но вместе с братом, и когда тот не согласился, то все возвратились ни с чем домой. В конце года, зимою, Святослав с Рюриком отправили черных клобуков с воеводою Романом Нездиловичем на половцев за Днепр; Роман взял вежи и возвратился домой со славою и честью великою, потому что половцев не было дома — пошли к Дунаю. Под 1190 годом читаем в летописи, что Святослав с Рюриком утишили Русскую землю и половцев примирили в свою волю, после чего поехали на охоту вниз по Днепру на лодках к устью Тясмины, наловили множество зверей и провели время очень весело. Но мир с половцами не был продолжителен. Осенью того же года Святослав по доносу схватил Кондувдея, торцкого князя; Рюрик вступился за торчина, потому что был он отважен и надобен в Руси, по словам летописца, Святослав послушался Рюрика, привел Кондувдея к присяге и отпустил на свободу. Но торчин хотел отомстить за свой позор и ушел к половцам, которые обрадовались случаю и стали с ним думать, куда бы поехать им на Русскую землю; решили ехать на Чурнаев (город князя Чурная); взяли острог, зажгли княжий двор, захватили имение князя, двух жен, множество рабов; потом, давши отдохнуть коням, пошли было к другому городу, Боривому, но, услыхав, что Ростислав Рюрикович в Торческе, возвратились к своим ватагам и отсюда стали часто наезжать с Кондувдеем на места по реке Роси.

Святослава этою осенью не было в Киеве, он поехал за Днепр к братьям на думу; Рюрик также поехал в Овруч по своим делам, оставив на всякий случай сына Ростислава в Торческе: он знал, что Кондувдей станет воевать Русь из мести Святославу. С этою же мыслию он послал сказать Святославу: «Мы вот свои дела делаем, так и Русской земли не оставим без обороны; я оставил сына своего с полком, оставь и ты своего». Святослав обещал ему послать сына Глеба и не послал, потому что ссорился с Мономаховичами, но, к счастию, князья скоро помирились. Между тем зимою лучшие люди между черными клобуками приехали в Торческ к Рюриковичу и сказали ему: «Половцы этою зимою часто нас воюют, и не знаем, подунайцы что ли мы? Отец твой далеко, а к Святославу нечего и слать: он сердит на нас за Кондувдея». Ростислав после этого послал сказать Ростиславу Владимировичу, сыну Владимира Мстиславича: «Брат! Хотелось бы мне поехать на вежи половецкие; отцы наши далеко, а других старших нет, так будем мы за старших, приезжай ко мне поскорее».

Соединившись с черными клобуками, Ростислав Рюрикович внезапно напал на половецкие вежи, захватил жен, детей и стад множество. Половцы было услыхав, что вежи взяты, погнались за Ростиславом и настигли его; Рюрикович не

испугался, что половцев было много и велел молодым стрельцам своим начать дело, половцы начали было с ними перестреливаться, но когда увидали знамена самого Ростислава, то ударились бежать, причем русские стрельцы и черные клобуки взяли 600 человек пленных; черные клобуки взяли, между прочим, половецкого хана Кобана, но не повели его в полк, опасаясь князя Ростислава, а тайком договорились с ним о выкупе и отпустили. Тою же зимою половцы с двумя ханами въехали в Русь Ростиславовою дорогою, но, заслышав, что сам Святослав киевский стоит наготове, бросились бежать, побросавши знамена и копья. Святослав после этого поехал в Киев, оставив сына Глеба в Каневе, и вот половцы, услыхав, что Святослав поехал домой, возвратились с Кондувдеем, но были встречены Глебом, побежали и обломились на реке Роси: тут их много перехватали и перебили, другие потонули, а Кондувдей ушел.

В следующем 1191 году ходил Игорь северский опять на половцев и на этот раз удачно; на зиму пошли в другой раз Ольговичи в степи, но половцы приготовились встретить их, и русские не решились биться с ними, ночью ушли назад. В 1192 году Святослав с Рюриком и со всею братьею стояли целое лето у Канева, уберегли землю свою от поганых и разошлись по домам. Потом Святослав и Ростислав Владимировичи с черными клобуками пошли было на половцев, но черные клобуки не захотели идти за Днепр, потому что там сидели их сваты и, поспоривши с князьями, возвратились назад. Наконец, Рюрику удалось перезвать к себе от половцев Кондувдея: он посадил его в своей волости, дал ему город на Роси Дверен.

Помирившись с Кондувдеем, захотели договориться и с прежними союзниками его, половцами; в 1193 году Святослав послал сказать Рюрику: «Ты договорился с половцами лукоморскими, а теперь пошлем за остальными, за бурчевичами». Рюрик послал за лукоморскими, за двумя ханами, а Святослав — за бурчевичами, также за двумя ханами. На осень Святослав с Рюриком съехались в Каневе, лукоморские ханы пришли туда же, но бурчевичи остановились на той стороне Днепра и послали сказать князьям: «Если хотите договориться с нами, то приезжайте к нам на эту сторону». Князья, подумавши, велели отвечать им: «Ни деды, ни отцы наши не езжали к вам; если хотите, то приезжайте сюда к нам, а не хотите, то ваша воля». Бурчевичи не согласились и уехали прочь, тогда Святослав не захотел мириться и с лукоморцами: «Нечего нам мириться с одною половиною», — говорил он Рюрику, и таким образом князья разъехались по домам, ничего не сделавши. Рюрик после этого, подумавши с боярами своими, послал сказать Святославу: «Вот, брат, ты мира не захотел, так нам уже теперь нельзя не быть наготове, ста-

нем же думать о своей земле: идти ли нам зимою? — так ты объяви заранее, я велю тогда братьям и дружине готовиться; если же думаешь только стеречь свою землю, то объяви и об этом». Святослав отвечал: «Теперь, брат, нельзя нам идти в поход, потому что жито не родилось у нас; теперь, дай бог, только свою землю устеречь». Тогда Рюрик велел сказать ему: «Брат и сват! Если в поход мы не пойдем на половцев, то я пойду на литву по своим делам». Святослав с сердцем отвечал ему: «Брат и сват! Если ты идешь из отчины по своим делам, так и я пойду за Днепр по своим же делам, а в Русской земле кто останется?», и этими речами он помешал Рюрику идти на литву. Но зимою лучшие люди между черными клобуками приехали к Ростиславу Рюриковичу и стали опять звать его на половцев: «Князь! — говорили они, — поезжай с нами на вежи половецкие, теперь самое время; прежде мы хотели было просить тебя у отца, да услыхали, что отец твой сбирается идти на литву, так, пожалуй, тебя и не отпустит, а уж такого случая, как теперь, после долго ждать». Ростислав согласился и прямо с охоты поехал в Торческ, не сказавшись отцу, а к дружине послал сказать: «Время нам теперь вышло удобное, поедем на половцев, а что отец мой идет на литву, так еще успеем съездить до его похода». В три дня собралась дружина, Ростислав послал и в Треполь за двоюродным братом Мстиславом Мстиславичем (Удалым), тот немедленно поехал с боярином своим Сдеславом Жирославичем и нагнал Ростислава за Росью. Соединившись с черными клобуками, князья перехватали половецких сторожей, от которых узнали, что половцы стоят с вежами и стадами своими на западной, русской, стороне Днепра за день пути; по этим указаниям русские князья отправились ночью, на рассвете ударили на половцев и взяли бесчисленную добычу. Услыхав об этом, Святослав послал сказать Рюрику: «Вот уже твой сын затронул половцев, зачал рать, а ты хочешь идти в другую сторону, покинув свою землю; ступай лучше в Русь стеречь свою землю». Рюрик послушался и, отложив поход в Литву, поехал со всеми своими полками в Русь. Долго стоял Святослав с Рюриком у Василева, сторожа свою землю, половцы не показывались, но только что Святослав уехал за Днепр в Корачев, а Рюрик — в свою волость, то поганые стали опять воевать Украйну.

Святославу и Рюрику даже во время мира не под силу были наступательные движения на половцев: если они и ходили в степи, то озираясь на Переяславль; удалые северские князья вздумали было пойти подальше, но дорого заплатили за свою отвагу. Сила, которая давала Мономаху и сыну его Мстиславу возможность прогонять поганых за Дон, к морю, эта сила теперь перешла на север, и вот под 1198 годом встречаем известие, что Великий Всеволод с сыном Констан-

тином выступил в поход на половцев, каким путем, неизвестно [459]. Половцы, услыхавши об этом походе, бежали с вежами к морю; великий князь походил по зимовищам их возле Дона и возвратился назад. Скоро потом на юге явился сильный князь, который мог напомнить половцам времена Мономаховы, — то был Роман волынский и галицкий. В 1202 году зимою он ходил на половцев, взял их вежи, привел много пленных, отполонил множество христианских душ, и была радость большая в земле Русской. Но радость эта переменилась в печаль, когда в следующем году Рюрик и Ольговичи со всею Половецкою землею взяли и разграбили Киев, когда жителей последнего иноплеменники повели к себе в вежи. Потом Всеволод и Роман умирили было на время всех князей; южные князья в 1208 году, в жестокую зиму, отправились на половцев, и была поганым большая тягость, говорит летописец, и большая радость всем христианам Русской земли; в то же время рязанские князья ходили также на половцев и взяли их вежи. Но скоро опять встали смуты между князьями, знаменитый Роман умер, половцам некого стало бояться на юге, и в 1210 году они сильно опустошили окрестности Переяславля. В 1215 году половцы опять отправились к Переяславлю; тамошний князь Владимир Всеволодович вышел к ним навстречу с полками, но был разбит и взят в плен.

В то время как Русь, европейская Украйна вела эту бесконечную и однообразную борьбу с степными народами, половцами, в дальних, восточных степях Азии произошло явление, которое должно было дать иной ход этой борьбе. Исстари китайские летописцы в степях на северо-запад от страны своей обозначали два кочевых народа под именем монгкулов и тата [460]; образ жизни этих народов был одинаков с образом жизни других собратий их, являвшихся прежде в истории, — скифов, гуннов, половцев. В первой четверти XIII века среди них обнаружилось сильное движение: один из монгольских ханов, Темучин, известный больше под именем Чингис-хана, начал наступательные движения на других ханов, стал покорять их: орда присоединялась к орде под одну власть, и вот образовалась огромная воинственная масса народа, которая, пробужденная от векового сна к кровавой деятельности, бессознательно повинуясь раз данному толчку, стремится на оседлые народы к востоку, югу и западу, разрушая все на своем пути. В 1224 году двое полководцев Чингисхановых, Джебе и Субут, прошли обычные ворота кочевников между Каспийским морем и Уральскими горами, попленили ясов, обезов и вошли в землю Половецкую.

Половцы вышли к ним навстречу с сильнейшим ханом своим Юрием Кончаковичем, но были поражены и принуждены бежать к русским границам, к Днепру. Хан их Котян,

тесть Мстислава галицкого, стал умолять зятя своего и других князей русских о помощи, не жалел даров им, роздал много коней, верблюдов, буйволов, невольниц; он говорил князьям: «Нашу землю нынче отняли татары, а вашу завтра возьмут, защитите нас; если же не поможете нам, то мы будем перебиты нынче, а вы — завтра».

Князья съехались в Киеве на совет; здесь было трое старших: Мстислав Романович киевский, Мстислав Святославич черниговский, Мстислав Мстиславич галицкий, из младших были Даниил Романович волынский, Всеволод Мстиславич, сын князя киевского, Михаил Всеволодович — племянник черниговского. Мстислав галицкий стал упрашивать братью помочь половцам, он говорил: «Если мы, братья, не поможем им, то они передадутся татарам, и тогда у них будет еще больше силы». После долгих совещаний князья наконец согласились идти на татар, они говорили: «Лучше нам принять их на чужой земле, чем на своей».

Татары, узнавши о походе русских князей, прислали сказать им: «Слышали мы, что вы идете против нас, послушавшись половцев, а мы вашей земли не занимали, ни городов ваших, ни сел, на вас не приходили; пришли мы попущением божиим на холопей своих и конюхов, на поганых половцев, а с вами нам нет войны; если половцы бегут к вам, то вы бейте их оттуда, и добро их себе берите; слышали мы, что они и вам много зла делают, потому же и мы их отсюда бьем». В ответ русские князья велели перебить татарских послов и шли дальше; когда они стояли на Днепре, не доходя Олешья, пришли к ним новые послы от татар и сказали: «Если вы послушались половцев, послов наших перебили и все идете против нас, то ступайте, пусть нас бог рассудит, а мы вас ничем не трогаем». На этот раз князья отпустили послов живыми.

Когда собрались все полки русские и половецкие, то Мстислав Удалой с 1000 человек перешел Днепр, ударил на татарских сторожей и обратил их в бегство; татары хотели скрыться в половецком кургане, но и тут им не было помощи, не удалось им спрятать и воеводу своего Гемябека; русские нашли его и выдали половцам на смерть. Услыхав о разбитии неприятельских сторожей, все русские князья переправились за Днепр, и вот им дали знать, что пришли татары осматривать русские лодки; Даниил Романович с другими князьями и воеводами сел тотчас на коня и поскакал посмотреть новых врагов: каждый судил об них по-своему: одни говорили, что они хорошие стрельцы, другие, что хуже и половцев, но галицкий воевода Юрий Домамерич утверждал, что татары — добрые ратники. Когда Даниил с товарищами возвратились с этими вестями о татарах, то молодые князья стали говорить старым: «Нечего здесь стоять, пойдем на них». Старшие послу-

шались, и все полки русские перешли Днепр; стрельцы русские встретили татар на половецком поле, победили их, гнали далеко в степи, отняли стада, с которыми и возвратились назад к полкам своим. Отсюда восемь дней шло войско до реки Калки, где было новое дело с татарскими сторожами, после которого татары отъехали прочь, а Мстислав галицкий велел Даниилу Романовичу с некоторыми полками перейти реку, за ними перешло и остальное войско и расположилось станом, пославши в сторожах Яруна с половцами. Удалой выехал также из стана, посмотрел на татар, возвратившись, велел поскорее вооружаться своим полкам, тогда как другие два Мстислава сидели спокойно в стане, ничего не зная: Удалой не сказал им ни слова из зависти, потому что, говорит летописец, между ними была большая распря.

Битва началась 16 июня; Даниил Романович выехал наперед, первый схватился с татарами, получил рану в грудь, но не чувствовал ее по молодости и пылу: ему было тогда 18 лет и был он очень силен, смел и храбр, от головы до ног не было на нем порока Увидавши Даниила в опасности, дядя его Мстислав Немой луцкий бросился к нему на выручку; уже татары обратили тыл перед Даниилом с одной стороны и пред Олегом курским — с другой, когда половцы и здесь, как почти везде, побежали пред врагами и потоптали станы русских князей, которые, по милости Мстислава Удалого, не успели еще ополчиться. Это решило дело в пользу татар: Даниил, видя, что последние одолевают, оборотил коня, прискакал к реке, стал пить, и тут только почувствовал на себе рану. Между тем русские потерпели повсюду совершенное поражение, какого, по словам летописца, не бывало от начала Русской земли.

Мстислав киевский с зятем своим Андреем и Александром дубровицким [461], видя беду, не двинулся с места, стоял он на горе над рекою Калкою; место было каменистое, русские огородили его кольем и три дня отбивались из этого укрепления от татар, которых оставалось тут два отряда с воеводами Чегирканом и Ташуканом, потому что другие татары бросились в погоню к Днепру за остальными русскими князьями. Половцы дали победу татарам, другая варварская сбродная толпа докончила их дело, погубив Мстислава киевского: с татарами были бродники с воеводою своим Плоскинею; последний поцеловал крест Мстиславу и другим князьям, что если они сдадутся, то татары не убьют их, но отпустят на выкуп; князья поверили, сдались и были задавлены — татары подложили их под доски, на которые сели обедать. Шестеро [462] других князей погибло в бегстве к Днепру и между ними — князь Мстислав черниговский с сыном; кроме князей, погиб знаменитый богатырь Александр Попович с семидесятью собратиями.

Василько ростовский, посланный дядею Юрием на помощь к южным князьям, услыхал в Чернигове о Калкской битве и возвратился назад. Мстиславу галицкому с остальными князьями удалось переправиться за Днепр, после чего он велел жечь и рубить лодки, отталкивать их от берега, боясь татарской погони; но татары, дошедши до Новгорода Святополчского, возвратились назад к востоку; жители городов и сел русских, лежавших на пути, выходили к ним навстречу со крестами, но были все убиваемы; погибло бесчисленное множество людей, говорит летописец, вопли и вздохи раздавались по всем городам и волостям. Не знаем, продолжает летописец, откуда приходили на нас эти злые татары Таурмени и куда опять делись? Некоторые толковали, что это, должно быть, те нечистые народы, которых некогда Гедеон загнал в пустыню и которые пред концом мира должны явиться и попленить все страны.

Обозрев главные явления, характеризующие стосемидесятичетырехлетний период от смерти Ярослава I до смерти Мстислава Мстиславича торопецкого, скажем несколько слов вообще о ходе этих явлений. Сыновья Ярослава начали владеть Русскою землею целым родом, не разделяясь, признавая за старшим в целом роде право сидеть на главном столе и быть названным отцом для всех родичей. Но при первых же князьях начинаются уже смуты и усобицы: вследствие общего родового владения, по отсутствию отдельных волостей для каждого князя, наследственных для его потомства, являются изгои, князья-сироты; преждевременною смертию отцов лишенные права на старшинство, на правильное движение к нему по ступеням родовой лествицы, предоставленные милости старших родичей, осужденные сносить тяжкую участь сиротства, эти князья-сироты, изгои, естественно, стремятся выйти из своего тяжкого положения, силою добыть себе волости в Русской земле; средства у них к тому под руками: в степях всегда можно набрать многочисленную толпу, готовую под чьими угодно знаменами броситься на Русь в надежде грабежа.

Но сюда присоединяются еще другие причины смут: отношения городского народонаселения к князьям непрочны, неопределенны; старший сын Ярослава, Изяслав, должен оставить Киев, где на его место садится князь полоцкий, мимо родовых прав и счетов. Последний недолго оставался на старшем русском столе, Изяслав возвратился на отцовское место, но скоро был изгнан опять родными братьями; возвратился в другой раз по смерти брата Святослава, но это возвращение повело к новым усобицам, потому что Изяслав включил в число изгоев и сыновей Святославовых; Изяслав

погибает в битве с племянниками-изгоями, княжение брата его Всеволода проходит также в смутах. При первом старшем князе из второго поколения Ярославичей прекращаются усобицы, от изгойства происшедшие и на восточной и на западной стороне Днепра, прекращаются на двух съездах княжеских: Святославичи входят во все права отца своего и получают отцовскую Черниговскую волость; на западе вследствие испомещения изгоев, кроме давно отделенной Полоцкой волости, является еще отдельная волость Галицкая с князьями, не имеющими права двигаться к старшинству и переходить на другие столы, образуется также отдельная маленькая волость Городенская для потомства Давыда Игоревича.

Казалось, что после родовых княжеских рядов при сыне Изяславовом смуты должны были прекратиться, но вышло иначе, когда по смерти Святополка киевляне провозглашают князем своим Мономаха, мимо старших двоюродных братьев его, Святославичей. Благодаря материальному и нравственному могуществу Мономаха и он, и старший сын его Мстислав владели спокойно Киевом; родовая общность владения между тремя линиями Ярославова потомства и, следовательно, самая крепкая связь между ними должна была рушиться: Святославичи черниговские должны были навсегда ограничиться восточною стороною Днепра, их волость должна была сделаться такою же отдельною волостию, каковы были на западе волость Полоцкая или Галицкая; между самими Святославичами дядя потерял старшинство перед племянником, он сам и потомки его должны были ограничиться одною Муромскою волостью, которая вследствие этого явилась также особною от остальных волостей черниговских; старшая линия Изяславова теряет также старшинство и волости вследствие неуважения Ярослава Святополковича к дяде и тестю. Впоследствии она приобретает волость Туровскую в особное владение.

Но вот по смерти Мстислава Великого и в самом племени Мономаховом начинается усобица между племянниками от старшего брата и младшими дядьми, что дает возможность Ольговичам черниговским добиться старшинства и Киева и восстановить таким образом нарушенное было общее владение между двумя линиями Ярославова потомства. По смерти Всеволода Ольговича вследствие всеобщего народного нерасположения к Ольговичам на западной стороне Днепра они лишаются старшинства, которое переходит к сыну Мстислава Великого мимо старших дядей; это явление могло быть богато следствиями, если б Изяславу Мстиславичу удалось удержать за собою старшинство; благодаря исключению из старшинства и из общего владения Ольговичей, с одной стороны, и младшего Мономаховича Юрия, с другой, главные, центральные владения Рюриковичей распадались на три

отдельные части: Русь Киевскую, Русь Черниговскую и Русь Ростовскую или Суздальскую. Но крепкие еще родовые понятия на юге, в старой Руси, и другие важные характеристические черты ее древнего быта, неопределенность в отношениях городского народонаселения и пограничных варваров помешали разделению, нарушению общего родового владения между князьями: когда дядя Юрий явился на юге, то племянник его Изяслав услыхал с разных сторон: «Поклонись дяде, мирись с ним, мы не пойдем против сына Мономахова», и вот Изяслав, несмотря на все свои доблести, на расположение народное к нему, должен был покаяться в грехе своем и признать старшинство дяди Вячеслава, вступить к нему в сыновние отношения.

Изяслав умер прежде дядей, брат его не был в уровень своему положению, и вот представление о старшинстве всех дядей над племянниками торжествует, а вместе с тем торжествует представление об общности родового владения: Юрий умирает на старшем столе в Киеве; после него садится здесь черниговский Давыдович, последний изгоняется Мстиславом, сыном знаменитого Изяслава Мстиславича; Мстислав призывает в Киев из Смоленска дядю Ростислава, по смерти которого занимает старший стол, но сгоняется с него дядею — Андреем Боголюбским.

Андрей дает событиям другой ход: он не едет в Киев, отдает его младшему брату, а сам остается на севере, где является новый мир отношений, где старые города уступают новым, отношения которых к князю определеннее, где подле городов, живших по старине, нет и черных клобуков, которые не привыкли ни к чему государственному. В силу поступка Андреева Южная, старая, Русь явственно подпала влиянию Северной, где сосредоточилась и сила материальная и вместе нравственная, ибо здесь сидел старший в племени Мономаховом; все эти отношения, существовавшие при Андрее, повторяются и при брате его, Всеволоде III. Таким образом, поколение младшего сына Мономахова, Юрия, благодаря поселению его на севере усиливается пред всеми другими поколениями Ярославичей; и в этом усилении является возможность уничтожения родовых отношений между князьями, общего родового владения, является возможность государственного объединения Руси; но какая же судьба предназначена доблестному потомству старшего Мономаховича, Мстислава Великого? Мы видели, что Изяслав Мстиславич и сын его Мстислав потерпели неудачу в борьбе с господствовавшим представлением о старшинстве дядей над племянниками; Мстислав Изяславич по изгнании своем из Киева войсками Боголюбского должен был удовольствоваться одною Волынью, и здесь он сам и потомки его обнаруживают наследственные стремления, обнаруживая притом и наследственные

таланты; обстоятельства были благоприятны: Волынь была пограничною русскою областью, в беспрерывных сношениях с западными государствами, где в это время, благодаря различным условиям и столкновениям, родовые княжеские отношения рушатся: в ближайшей Польше духовные сановники рассуждают о преимуществе наследственности в одной нисходящей линии пред общим родовым владением; в Венгрии давно уже говорили, что не хотят знать о правах дядей пред племянниками от старшего брата: все это как нельзя лучше согласовалось с наследственными стремлениями потомков Изяслава Мстиславича; быть может, сначала бессознательные, вынужденные обстоятельствами, эти стремления получают теперь оправдание, освящение и вот, быть может, недаром старший стол на Волыни — Владимир — перешел по смерти Мстислава к сыну его Роману помимо брата: недаром, говорят [463], Роман увещевал русских князей переменить существовавший порядок вещей на новый, как водилось в других государствах, но князья старой Руси остались глухи к увещанию Романову; их можно было только силою заставить подчиниться новому порядку, и Роман ищет приобрести эту силу, приобретает княжество Галицкое, становится самым могущественным князем на юге, для Южной Руси, следовательно, открывается возможность государственного сосредоточения; все зависит от того, встретит ли потомство старшего Мономахова сына на юго-западе такие же благоприятные для своих стремлений условия и обстоятельства, какие потомство младшего Мономахова сына встретило на севере? Почва Юго-Западной Руси так же ли способна к восприятию нового порядка вещей, как почва Руси Северо-Восточной? История немедленно же дала ответ отрицательный, показавши ясно по смерти Романа галицкие отношения, условия быта Юго-Западной Руси. А между тем умер Всеволод III; Северная Русь на время замутилась, потеряла свое влияние на Южную, которой, наоборот, открылась возможность усилиться на счет Северной благодаря доблестям знаменитого своего представителя Мстислава Удалого.

Но в действиях этого полного представителя старой Руси и обнаружилась вся ее несостоятельность к произведению из самой себя нового, прочного государственного порядка: Мстислав явился только странствующим героем, покровителем утесненных, безо всякого государственного понимания, безо всяких государственных стремлений и отнял Галич у иноплеменника для того только, чтоб после добровольно отдать его тому же иноплеменнику! Но Северная Русь идет своим путем: с одной стороны, ее князья распространяют свои владения все дальше и дальше на восток, с другой, не перестают теснить Новгород — рано или поздно их верную добычу, наконец, обнаруживают сильное влияние на ближай-

шие к себе области Южной Руси, утверждают на черниговском столе племянника, мимо дяди.

Таким образом, вначале мы видим, что единство Русской земли поддерживается единством рода княжеского, общим владением. Несмотря на независимое в смысле государственном управление каждым князем своей волости, князья представляли ряд временных областных правителей, сменяющихся если не по воле главного князя, то, по крайней мере, вследствие рядов с ним, общих родовых счетов и рядов, так что судьба каждой волости не была независимо определена внутри ее самой, но постоянно зависела от событий, происходивших на главной сцене действия, в собственной Руси, в Киеве, около старшего стола княжеского; Северская, Смоленская, Новгородская, Волынская области переменяли своих князей смотря по тому, что происходило в Киеве: сменял ли там Мономахович Ольговича, Юрьевич — Мстиславича или наоборот, а это необходимо поддерживало общий интерес, сознание о земском единстве.

Но мы скоро видим, что некоторые области выделяются в особые княжества, отпадают от общего единства области крайние на западе и востоке, которых особность условливалась и прежде причинами физическими и историческими: отпадает область западной Двины, область Полоцкая, которая при самом начале истории составляет уже владение особого княжеского рода; отпадает область Галицкая, издавна переходная и спорная между Польшею и Русью; на востоке отпадает отдаленный Муром с Рязанью, далекая Тмутаракань перестает быть русским владением. Обособление этих крайних волостей не могло иметь влияния на ход событий в главных срединных волостях; здесь, в южной, Днепровской, половине мы не замечаем изменения в господствующем порядке вещей, обособления главных волостей, ибо никакие условия, ни физические, ни племенные, ни политические не требуют этого обособления, но как скоро одна ветвь, одно племя княжеского рода утверждается в северной, Волжской, половине Руси, как скоро князь из этого племени получает родовое старшинство, то немедленно же и происходит обособление Северной Руси, столь богатое последствиями, но обособление произошло не по требованию известных родовых княжеских отношений, а по требованию особых условий — исторических и физических; нарушение общего родового владения и переход родовых княжеских отношений в государственные условливались различием двух главных частей древней Руси и проистекавшим отсюда стремлением к особности.

Благодаря состоянию окружных государств и народов все эти внутренние движения и перемены на Руси могли происходить беспрепятственно. В Швеции еще продолжалась внутренняя борьба, и столкновения ее с Русью, происходившие

в минуты отдыха, были ничтожны. Польша, кроме внутренних смут, усобиц, была занята внешнею борьбою с опасными соседями: немцами, чехами, пруссами; Венгрия находилась в том же самом положении, хотя оба эти соседние государства принимали иногда деятельное участие в событиях Юго-Западной Руси, каково, например, было участие Венгрии в борьбе Изяслава Мстиславича с дядею Юрием, но подобное участие никогда не имело решительного влияния на ход событий, никогда не могло изменить этого хода, условленного внутренними причинами. Влияние быта Польши и Венгрии на быт Руси было ощутительно в Галиче; можно заметить его и в пограничной Волыни, но дальше это влияние не простиралось. Польша и Венгрия не могли быть для Руси проводниками западноевропейского влияния, скорее, можно сказать, уединяли ее от него, потому что и сами, кроме религиозной связи, имели мало общих форм быта с западною Европою, но если и Польша с Венгриею, несмотря на религиозную связь, мало участвовали в общих явлениях европейской жизни того времени, тем менее могла участвовать в них Русь, которая не была связана с западом церковным единением, принадлежала к церкви восточной, следовательно, должна была подвергаться духовному влиянию Византии. Византийская образованность, как увидим, проникала в Русь, греческая торговля богатила ее, но главная сцена действия перенеслась на северо-восток, далеко от великого водного пути, соединявшего Северо-Западную Европу с Юго-Восточною; Русь уходила все далее и далее вглубь северо-востока, чтоб там, в уединении от всех посторонних влияний, выработать для себя крепкие основы быта; Новгород не мог быть для нее проводником чуждого влияния уже по самой враждебности, которая проистекала от различия его быта с бытом остальных северных областей. Но если Русь в описываемое время отделялась от Западной Европы Польшею, Венгриею, Литвою, то ничем не отделялась от востока, с которым должна была вести беспрерывную борьбу.

Собственная Южная Русь была украйною, так сказать европейским берегом степи, и берегом низким, не защищенным нисколько природою, следовательно, подверженным частому наплыву кочевых орд; искусственные плотины, города, которые начали строить еще первые князья наши, недостаточно защищали Русь от этого наплыва. Мало того что степняки или половцы сами нападали на Русь, они отрезывали ее от черноморских берегов, препятствовали сообщению с Византиею: русские князья с многочисленными дружинами должны были выходить навстречу к греческим купцам и провожать их до Киева, оберегать от степных разбойников; варварская Азия стремится отнять у Руси все пути, все отдушины, которыми та сообщалась с образованною Европою.

Южная Русь, украйна, европейский берег степи заносится уже с разных сторон степным народонаселением; по границам Киевской, Переяславской, Черниговской области садятся варварские толпы, *свои поганые,* как называли их в отличие от диких, т. е. независимых степняков или половцев.

Находясь в полузависимости от русских князей, чуждое гражданских связей с новым европейским отечеством своим, это варварское пограничное народонаселение по численной значительности и воинственному характеру своему имеет важное влияние на ход событий в Южной Руси, умножая вместе с дикими половцами грабежи и безнарядье, служа самою сильною поддержкою для усобиц, представляя всегда ссорящимся князьям готовую дружину для опустошения родной страны. Точно так, как позднейшие черкасы, и пограничные варвары описываемого времени, по-видимому, служат государству, борются за него с степняками, но между тем находятся с последними в тесных родственных связях, берегут их выгоды, выдают им государство. Будучи совершенно равнодушны к судьбам Руси, к торжеству того или другого князя, сражаясь только из-за добычи, и дикие половцы и свои поганые, или черные клобуки, первые изменяют, первые обыкновенно обращаются в бегство. С такими-то народами должна иметь постоянное дело Южная Русь, а между тем историческая жизнь отливает от нее к северу, она лишается материальной силы, которая переходит к области Волжской, лишается политического значения, материального благосостояния; честь и краса ее, старший стольный город во всей Руси — Киев презрен, покинут старейшими и сильнейшими князьями, несколько раз разграблен.

ДОПОЛНЕНИЯ КО ВТОРОМУ ТОМУ

Изложенный нами во втором томе взгляд на междукняжеские отношения встретил с разных сторон возражения, когда впервые был высказан в книге нашей: «История отношений между русскими князьями Рюрикова дома»[1]. Теперь считаем не бесполезным разобрать эти возражения.

Г. Кавелин в рецензии своей, напечатанной в «Современнике» 1847 года, представил следующие возражения:

«Г. Соловьев говорит о родовых отношениях, потом о государственных, которые сначала с ними боролись и, наконец, их сменили. Но в каком отношении они находились между собою, откуда взялись государственные отношения в нашем быту вслед за родовыми — этого он не объясняет или объясняет слишком неудовлетворительно. Во-первых, он не показывает естественной преемственности быта юридического после родового, во-вторых, взгляд его не вполне отрешился от преувеличений, которые так изукрасили древнюю Русь, что ее нельзя узнать. Правда, его взгляд несравненно простее, естественнее, но надо было сделать еще один шаг, чтоб довершить полное высвобождение древней русской истории от несвойственных ей представлений, а его-то г. Соловьев и не сделал. Этим и объясняется, почему автор по необходимости должен был прибегнуть к остроумной, но неверной гипотезе о различии новых княжеских городов от древних вечевых для объяснения нового порядка вещей, народившегося в Северо-Восточной России. Представляя себе в несколько неестественных размерах Владимирскую и Московскую Русь, г. Соловьев увидел в них то, что они или вовсе не представляли, или представляли, но не в том свете, который им придает автор.

---

[1] *С. М. Соловьев* История отношений между русскими князьями Рюрикова дома. М. 1847. (Прим. ред.)

Оттого у г. Соловьева между Русью до и после XIII века целая пропасть, которую наполнить можно было чем-нибудь внешним, не лежавшим в органическом развитии нашего древнейшего быта. Таким вводным обстоятельством является у автора система новых городов; вывести эту систему из родовых начал, наполнявших своим развитием государственную историю России до Иоанна III, нет никакой возможности. Объяснимся. Мы уже сказали, что государственный, политический элемент один сосредоточивает в себе весь интерес и всю жизнь древней Руси. Если этот элемент выразился в родовых, патриархальных формах, ясно, что в то время они были высшей и единственно возможной формой быта для древней Руси. Никаких сильных переворотов во внутреннем составе нашего отечества не происходило; отсюда можно aprіori безошибочно заключить, что все изменения, происшедшие постепенно в политическом быту России, развились органически из самого патриархального, родового быта. В самом деле, мы видим, что история наших князей представляет совершенно естественное перерождение кровного быта в юридический и гражданский. Сначала князья составляют целый род, владеющий сообща всею Русскою землею. Отношений по собственности нет и быть не может, потому что нет прочной оседлости. Князья беспрестанно переходят с места на место, из одного владения в другое, считаясь между собою только по родству, старшинством. Впоследствии они начинают оседаться на местах. Как только это сделалось, княжеский род раздробился на ветви, из которых каждая стала владеть особенным участком земли — областью или княжеством. Вот первый шаг к собственности. Правда, в каждой отдельной территории продолжался еще прежний порядок вещей: общее владение, единство княжеской ветви, им обладавшей, и переходы князей. Но не забудем, что эти территории были несравненно меньше, княжеские ветви малочисленнее; стало быть, теперь гораздо легче могла возникнуть мысль, что княжество ни более, ни менее, как княжеская вотчина, наследственная собственность, которою владелец может распоряжаться безусловно Когда эта мысль, конечно бессознательно, наконец укрепилась и созрела, территориальные, владельческие интересы должны были одержать верх над личными, т. е., по-тогдашнему, кровными и родственными... Братья между собою считались старшинством и, таким образом, даже по смерти отца составляли целое, определяемое постоянными законами, но дети каждого из них имели ближайшее отношение к отцу и только второстепенное, посредственное — к роду. Для них их семейные интересы были главное и первое, род был уже гораздо дальше и не мог так живо, всецело поглощать их внимание и любовь. Прибавьте к этому, что и для их отца выгоды своей семьи были близки и, во мно-

гих случаях приходя в столкновение с выгодами рода, могли их перевешивать. Но пока род был немногочислен и линии еще недалеко разошлись, род еще мог держаться, а что ж должно было произойти, когда после родоначальника сменились три, четыре поколения, когда каждая княжеская линия имела уже свои семейные и родовые предания, а общеродовые интересы ступили на третье, четвертое место? Естественно, к роду, обратившемуся теперь в призрак, все должны были охладеть. Вследствие чего же? Вследствие того, что вотчинное, семейное начало, нисходящие разорвали род на самостоятельные, друг от друга независящие части или отрасли. Этот процесс повторялся несколько раз: из ветвей развивались роды. Эти роды разлагались семейным началом и т. д. до тех пор, пока родовое начало не износилось совершенно».

Объяснимся и мы теперь, с своей стороны.

Г. Кавелин говорит: «Сначала князья составляют целый род, владеющий сообща всею Русскою землею. Князья беспрестанно переходят с места на место; впоследствии они начинают оседаться на местах. Вот первый шаг к собственности». Но спрашиваем: почему же они вдруг начинают оседаться на местах? Что их к этому принудило? Решение этого-то вопроса, отыскание причины, почему князья начинают усаживаться на местах, и есть главная задача для историка. Князья могли усесться только тогда на местах, когда получили понятие об отдельной собственности, а по мнению г. Кавелина, выходит наоборот: у него следствие поставлено причиною, и как произошло основное явление — не объяснено. «Правда, — говорит он, — в каждой отдельной территории продолжался еще прежний порядок вещей: общее владение, единство княжеской ветви, им обладавшей, и переходы князей. Но не забудем, что эти территории были несравненно меньше, княжеские ветви малочисленнее; стало быть, теперь гораздо легче могла возникнуть мысль, что княжество ни более ни менее, как княжеская отчина, наследственная собственность». Но не забудем, что, когда территория меньше, когда княжеская ветвь малочисленнее, тогда-то и представляется полная возможность развиваться родовым отношениям, укорениться понятию об общем владении, потому что обширная территория и многочисленность княжеских ветвей всего более содействуют раздроблению рода, порванию родовой связи; таким образом, здесь г. Кавелин причиною явления ставит то, что должно необходимо вести к следствиям противоположным, но нам не нужно возражать г. Кавелину, он сам себе возражает: «Пока род, — говорит он, — был немногочислен и линии еще не далеко разошлись, род еще мог держаться, а что ж должно было произойти, когда после родоначальника сменились три, четыре поколения, когда

княжеская линия имела уже свои семейные и родовые предания и общеродовые интересы ступили на третье, четвертое место? Естественно, к роду должны были все охладеть». Разве здесь не противоречие? Сперва говорится, что родовое начало рушится, когда княжеская ветвь становится малочисленнее, а потом утверждают, что родовое начало ослабело вследствие разветвления рода! Род раздробляется вследствие разветвления, к роду все должны были охладеть. Вследствие чего же, спрашивает г. Кавелин и отвечает: «Вследствие того, что вотчинное, семейное начала нисходящие разорвали род на самостоятельные, друг от друга независящие части или отрасли». Но теперь, когда большой род разорвался на малые роды или семьи, то что мешает им развиваться опять в роды или большие семьи? Быть может, малочисленность ветвей, как прежде говорил г. Кавелин? Нет, ничто не мешает. «Этот процесс, — говорит г. Кавелин, — повторялся несколько раз; из ветвей развивались роды. Эти роды разлагались семейным началом и т. д. до тех пор, пока родовое начало не износилось совершенно».

Итак, сначала говорилось, что родовое начало ослабевало вследствие малочисленности княжеской ветви, потом говорилось, что оно ослабевало вследствие разветвления рода, многочисленности его членов; наконец, показали нам, что ни то, ни другое не могло уничтожить родовых отношений, ибо когда род раздробится на несколько отдельных княжеских линий, то эти линии стремятся опять развиваться в роды, следовательно, малочисленность княжеской ветви нисколько этому не мешает; что же уничтожило родовые отношения? Да так, ничто, родовое начало износилось само собою! Как будто бы в истории и в природе вообще может что-нибудь исчезнуть, износиться само собою, без влияния внешних условий?

Нужно ли говорить, как приведенное мнение г. Кавелина соответствует действительности, фактам? Но оно именно явилось вследствие отрешенности от фактов, от всякой живой, исторической связи событий, от живых исторических взаимодействующих начал, между которыми главное место занимают личности исторических деятелей и почва, на которой они действуют, ее условия. Родовым княжеским отношениям нанесен был первый сильный удар, когда Северо-Восточная Русь отделилась от Юго-Западной, получила возможность действовать на последнюю благодаря деятельности Андрея Боголюбского; но как образовался характер, взгляд, отношения последнего, почему он пренебрег югом, почему начал новый порядок вещей, и почему этот порядок вещей принялся и укоренился на севере и не мог приняться на юге — это объяснит только исследование почвы севера и юга, а не сухое, отвлеченное представление о том, как семейное начало разлагало родовое, но не могло разложить, пока то само не

износилось совершенно. Сперва старшие князья смотрели и могли только смотреть на младших как на равноправных родичей, ибо кроме вкорененных понятий не имели материальной силы, зависели от младших родичей, но потом явился князь, который, получив независимость от родичей, материальную силу, требует от младших, чтоб они повиновались ему беспрекословно; те ясно понимают, что он хочет переменить прежние родовые отношения на новые, государственные, хочет обращаться с ними не как с равноправными родственниками, но как с подручниками, простыми людьми; начинается продолжительная борьба, в которой мало-помалу младшие должны признать новые отношения, должны подчиниться старшему, как подданные государю. Историк смотрит на эту борьбу как на борьбу родовых отношений с государственными, начавшуюся в XII и кончившуюся полным торжеством государственных отношений в XVI веке, а ему возражают, что он о государственных отношениях не должен говорить до самого Петра В[еликого], что со времен Андрея Боголюбского начинает господствовать семейное начало, которое разлагает, сменяет родовое, а до государственного еще далеко. Но, стало быть, Андрей Боголюбский переменил родовые отношения к Ростиславичам на семейные? Новые, подручнические отношения, каких не хотели признать Ростиславичи, выходят семейные, в противоположность родовым? Что может быть проще, естественнее, непосредственнее перехода от значения в[еликого] князя как старшего в роде, только зависимого от родичей, к значению государя, как скоро он получает независимость от родичей, материальную силу? А г. Кавелин говорит, что между этими двумя значениями целая пропасть, которую мы ничем не наполнили и которая, по его мнению, наполняется господством семейного начала.

Но г. Кавелин, объясняя исчезновение родового начала разложением его посредством начала семейного, изнашиванием без причины, без всякого постороннего влияния, отвергая объяснение наше относительно старых и новых городов, сам на стр. 194 принимает влияние городов за разлагающее родовой быт начало и упрекает нас в том, что мы не выставили его как движущее начало, тогда как мы именно выставили отношения городов движущим началом, выставили отношения новых городов к князьям главным условием в произведении нового порядка вещей и отношения старых городов условием для поддержания старого, потому что старые общины не понимали наследственности и потому препятствовали князьям усаживаться в одних и тех же волостях, смотреть на последние как на отдельную собственность; если старые общины переменяли иногда княжеские родовые счеты, то этим они подавали повод к усобицам, но не могли вести к разложению родового начала, ибо предпочтенное

племя развивалось опять в род с прежними счетами и отношениями, а на отношения к старым общинам князья опереться не могли по шаткости, неопределенности этих отношений. Прежде г. Кавелин утверждает, что родовое начало исчезло само собою вследствие повторительного разложения семейным началом, без всякого участия посторонних условий, которых, по мнению г. Кавелина, вовсе не было на Руси, а потом подле семейного, или вотчинного, начала он ставит влияние общин на разложение родового быта. Мы видим здесь непоследовательность, противоречие, но все рады за автора, что он признал, наконец, возможность посторонних влияний, но если он признал влияние городов, то зачем же он так сильно вооружается на нас за то, что мы выставили это влияние, а не приняли его объяснения, по которому родовое начало должно было безо всякой причины, безо всякого постороннего влияния само собою износиться? Мы принимаем влияние городовых отношений, и он принимает теперь это влияние, следовательно, вопрос должен идти о том только, как рассматривать это влияние, а не о том, нужно или не нужно вводить его? Зачем же г. Кавелин говорит, что наша гипотеза о влиянии городовых отношений не нужна в науке?

Г. Кавелин утверждает, что рядом с родовыми, кровными, интересами у древних князей наших развивались и другие, владельческие, которые впоследствии мало-помалу вытеснили все другие. Он говорит: «Мы позволили себе даже пойти далее и утверждать в противность мнению г. Соловьева, что эти интересы уже стояли теперь на первом плане, но только прикрывались формами родовых отношений, так сказать, сдерживались ими, и потому-то борьба за старшинство, которою автор характеризует междукняжеские отношения в эту эпоху, не что иное, как выражение тех же владельческих стремлений, которые князья старались узаконить господствовавшим тогда родовым правом». Отвечаем: историку нет дела до владельческих интересов, отрешенно взятых, ему дело только до того, как выражались эти владельческие интересы, как владеют князья, что дает им возможность владеть теми или другими волостями, как эта возможность определяется ими самими и целым современным обществом, потому что только эти стремления характеризуют известный век, известное общество, а эта-то характеристика прежде всего и нужна для историка. Впрочем, это мнение о преобладании владельческих интересов более развито г. Погодиным, который в статье «О междоусобных войнах» [1] выражается так:

«Где право, там и обида, говорит русская пословица. У нас же наследственное право состояло в одном семейном

[1] *М. П. Погодин.* Междоусобные войны и иноплеменные нашествия. Исследования, замечания и лекции о русской истории, т. V, М. 1854. (Прим. ред.)

обычае, который искони передавался от отцов к детям, из рода в род, без всякой определенной формы, всего менее — юридической. Простираясь, по самому естеству вещей, только на ближайшее потомство и завися во многих отношениях от произвола действующих лиц, он подавал легко поводы к недоразумениям, спорам и, следовательно, войнам при всяких *новых* случаях вследствие неизбежного умножения княжеских родов. Присоедините бранный дух господствующего племени, избыток физической силы, неукротимость первых страстей, жажду деятельности, которая нигде более по переменившимся обстоятельствам не находила себе поприща, и вы поймете, почему междоусобия занимают самое видное место в нашей истории от кончины Ярослава до владычества монголов, 1054—1240. Впрочем, они были совсем не таковы, какими у нас без ближайшего рассмотрения представлялись и представляются. Итак, подвергнем их строгому, подробному химическому анализу или разложению и исследуем, за что, как, где, когда, кем они велися и какое могли иметь влияние на действующие лица, на всю землю и ее судьбы. Постараемся вести наши исследования путем строгим, *математическим*».

Мы видим здесь, что г. Погодин начинает свое исследование как должно, с главной причины разбираемого явления; указывает на главный источник — семейный обычай. Но, найдя главную причину, главный источник междоусобий в семейном обычае, мы должны, идя *путем строгим,* прежде всего исследовать, какой же это был семейный обычай, как подавал он поводы к спорам, какие это были новые случаи, зарождавшие войны? Для этого мы должны рассмотреть все междоусобные войны из года в год по летописям и, зная, что источник каждой войны заключался в семейном праве, должны объяснять, какая междоусобная война произошла вследствие каких семейных счетов и рассчетов, какое право по господствовавшим тогда понятиям имел известный князь считать себя обиженным и начинать войну; за то ли начата она, что младшему дали больше волостей, чем старшему, или старший обидел младшего, или, быть может, младший не уважил прав старшего? Так мы должны исследовать междоусобные войны, если хотим идти путем строгим, математическим. Но так ли поступает г. Погодин? Показав в начале статьи главную причину междоусобий в семейном обычае, он потом задает вопрос: за что̀ князья воевали? и отвечает: «Главною причиною, источником, целью всех междоусобных войн были *волости,* т. е. владения. Переберите все войны и, в сущности, при начале или конце вы не найдете никакой другой причины, именно (начинает пересчитывать): Ростислав отнял Тмутаракань у Глеба Святославича, Всеслав полоцкий взял

Новгород, Изяслав воротил себе Киев и отнял Полоцк у Всеслава» и проч.

Прежде всякого возражения попробуем взглянуть точно таким же образом на события всеобщей истории и начнем рассуждать так: главною причиною, источником, целью всех войн между народами в древней, средней и новой истории были волости, т. е. владения.

Переберите все войны и, в сущности, при начале или конце вы не найдете никакой другой причины, а именно: персы воевали с греками, взяли Афины и другие города, греки возвратили свои города от персов. Спартанцы воевали с афинянами, взяли Афины. Афиняне возвратили свой город от спартанцев. Филипп Македонский победил греков. Александр Македонский завоевал Персию. Римляне взяли Карфаген. Крестоносцы овладели Иерусалимом. Испанцы взяли Гренаду и т. д.

До сих пор мы думали, что историк обязан представлять события в связи, объяснять причины явлений, а не разрывать всякую связь между событиями; если один князь пошел и взял город, а другой пришел и отнял у него добычу, то неужели это только и значит, что князья воевали именно за этот город и, следовательно, война Юрия Долгорукого с племянником его Изяславом Мстиславичем совершенно похожа на войну карфагенян с римлянами, потому что и здесь и там воюют за волости. Войны характеризуются причинами, а не формою, которая постоянно везде и всегда одинакова. Г. Погодин назвал статью свою «Междоусобные войны», но из этой статьи нельзя догадаться, чтобы войны, о которых говорится, были междоусобные, в выписках из летописи читатель решительно не поймет, какие отношения между воюющими князьями, что они — независимые владельцы совершенно отдельных государств или есть между ними какая-нибудь связь. Видно, что они родня друг другу, но по каким отношениям действуют они, и какое значение имеют города, которые они отнимают друг у друга — этого не видно.

На пяти печатных листах помещены выписки из летописей и в конце статьи узнаем, что жили в старину князья, которые отнимали друг у друга владения — и только. Но взглянем на эти выписки. «1064 г. Ростислав отнял Тмутаракань у Глеба Святославича». Какая же причина этому явлению? Не знаем; по крайней мере, г. Погодин не объясняет нам ее; он говорит в другом месте, что Ростислав взял Тмутакарань безо всякого предлога. Да кто же такой был Ростислав? Он был сын старшего сына Ярославова, Владимира, князя новгородского; стало быть, и Ростислав был князь новгородский же? Нет, но каким же это образом могло случиться? Сын старшего сына Ярославова не получил не только старшего стола — Киева, но даже и отцовского стола — Новгорода, принужден добывать

себе волость мечом? Это явление объясняется семейным обычаем, по которому Ростислав считался изгоем. Итак, причина взятия Тмутаракани Ростиславом у Глеба — был семейный обычай, который и сам г. Погодин в начале статьи поставил главною причиною междоусобий; вследствие того же семейного обычая происходили и другие междоусобия в волости Черниговской и Волынской. Волости раздавались вследствие родовых отношений, вследствие родового обычая (который г. Погодин называет семейным, боясь употребить слово родовой, как будто здесь дело в словах), на основании старшинства: старший получал больше, младший — меньше, *обида* происходила, если тот, кто считал себя *старшим*, получал меньше, нежели тот, кого он считал младшим или равным себе; обиженный начинал действовать вооруженною рукою, и происходило междоусобие. Отчего же происходило оно? Где главная его причина, источник? Родовой счет по старшинству, а не волость, которая сама условливается старшинством, междоусобие происходило от обиды, а обида — от неправильного, по мнению обиженного, счета, неправильного представления об его старшинстве. Я обижен потому, что мне дали мало, но почему я думаю, что мне дали мало — вот главная причина, ибо ее только я могу выставить при отыскании своего права. Но пусть говорят за нас сами действующие лица: по смерти в. к. Всеволода сын его Владимир сказал: «Если я сяду на столе отца своего, то будет у меня война с Святополком, потому что этот стол принадлежал прежде отцу его». Будет междоусобие, говорит Мономах, *потому что* (главная и единственная причина междоусобий!) Святополк старше меня: он сын старшего Ярославича, который прежде моего отца сидел на старшем столе. На этот раз Мономах не нарушил права старшинства, и междоусобия не было: с уничтожением причины уничтожилось и следствие, но по смерти Святополка Мономах принужден был нарушить право старшинства Святославичей черниговских, и отсюда междоусобие между Мономаховичами и Ольговичами. Послушаем опять, как рассуждают сами действующие лица, сами князья: Всеволоду Ольговичу удалось восстановить свое право старшинства и овладеть Киевом; приближаясь к смерти, он говорил: «Мономах нарушил наше право старшинства, сел в Киеве мимо отца нашего Олега, да и после себя посадил Мстислава, сына своего, а тот после себя посадил брата своего Ярополка; так и я сделаю то же, после себя отдаю Киев брату своему Игорю». Нарушение права старшинства Святославичей со стороны Мономаха и его потомков заставляет и Ольговича действовать таким же образом. Против этого, разумеется, должны были восстать Мономаховичи, и вот междоусобие. Но опять послушаем, какую причину этому междоусобию выставляет Мономахович Изяслав — опять те

же родовые счеты, родовой обычай. «Я терпел Всеволода на столе киевском, — говорит Изяслав, — *потому что* он был *старший* брат; брат и зять старший для меня вместо отца, а с этими (братьями Всеволода) хочу управиться, как мне бог даст». Выписывая известия из летописи, где упоминаются волости, хотят убедить нас, что за них идет все дело и скрывают все причины, всю связь событий, но, раздробив события, отняв у них связь, можно доказать все, что угодно. Так и война у Мономаховичей между дядею Юрием и племянником Изяславом, причиною которой были родовые счеты, спор о старшинстве, у г. Погодина представлена только борьбою за волости; читаем: «Юрий говорил: я выгоню Изяслава и возьму его область. Изяслав возвратил Киев от Георгия и хотел взять Переяславль. Георгий отнял Киев». Но при этом выпущены из княжеских речей самые важные места. Юрий говорит Изяславу: «Дай мне Переяславль, и я посажу там сына, а ты царствуй в Киеве». Но эта речь в подлиннике начинается так: «Се брате, на мя еси приходил и землю повоевал, *старейшинство с мене снял*». Пропущена и речь Вячеслава к брату Юрию, в которой объявлена прямая причина войны: «Ты мне говорил (Юрий Вячеславу): *не могу поклониться младшему* (т. е. племяннику Изяславу); но вот теперь добыл Киев, поклонился мне, назвал меня отцом, и я сижу в Киеве; если ты прежде говорил: младшему не поклонюсь, то я старше тебя и не малым». Скажите человеку, вовсе незнакомому с русскою историею, что междоусобные войны, происходившие в древней Руси, были родовые споры между князьями, владевшими своими волостями по старшинству, и всякий поймет вас, для всякого будет ясен характер древнего периода нашей истории, отличие ее от истории других народов; но сказать, что причиною, источником наших древних междоусобных войн были волости, владения, значит все равно что не сказать ничего. Какое понятие о древней русской истории можно получить от такого определения? Чем отличить тогда древний период нашей истории от феодального периода в истории западных народов? И здесь и там происходили междоусобные войны за владения?

Вот почему в предисловии к «Истории отношений между русс. кн. Рюр. дома» мы почли необходимым вооружиться против обычных выражений: разделение России на уделы, удельные князья, удельный период, удельная система, ибо эти выражения должны приводить к ложному представлению о нашей древней истории, они ставят на первый план разделение владения, области, тогда как на первом плане должны быть отношения владельцев, то, как они владеют. Г. Кавелин говорит: «Мы не скажем с автором, что князья бьются за старшинство, тем менее, что Святославичи хотят Киева не для Киева, а для старшинства. Напротив, мы утверждаем, что

князья стараются приобрести лучшие и возможно большие владения, оправдывая себя родовым старшинством». Но прежде всего спросим у г. Кавелина, что давало князю возможность получить лучшую волость? Право старшинства? Сам г. Кавелин говорит: «Изяслав сам собою не мог удержаться в Киеве и должен был признать киевским князем и отцом ничтожного дядю своего Вячеслава, потому что последний был старший. Это признание было пустой формой; Вячеслав ни во что не вмешивался, не имел детей, и вся власть на деле принадлежала Изяславу». Здесь историк видит не ничтожную форму, но могущественное, господствующее представление о праве, которое заставило доблестного Изяслава преклониться пред слабым дядею; Вячеслав был неспособен сделать для себя что-либо, и одно право старшинства дало ему все, отнявши все у доблестного племянника его; если Вячеслав дал все ряды Изяславу, то на то была его добрая воля. Г. Кавелин говорит: «По той же самой причине, т. е. потому, что нужны были предлоги, не искали киевского престола бесспорно младшие в княжеском роде». Но это-то и важно для историка, что нужны были известные предлоги, ибо эти-то предлоги и характеризуют время: сперва младший не мог без предлога доискиваться старшего города, а потом мог делать это безо всякого предлога; историк и разделяет эти два периода: в одном показывает господство родовых отношений, в другом выставляет господство владельческих интересов с презрением родовых счетов. Во-вторых, г. Кавелин говорит, что князья стараются приобрести лучшие и возможно большие владения. Но дело в том, что в описываемое время сила князя основывалась не на количестве и качестве волостей, а на силе племени, но чтоб пользоваться силою племени, нужно было быть в нем старшим; а первое право и вместе первая обязанность старшего по занятии старшего стола была раздача волостей племени, так что ему самому иногда не оставалось кроме Киева ничего, и он не имел никакого материального значения, а одно значение нравственное, основанное на его старшинстве. Племя зовет Ростислава Мстиславича на старший киевский стол, если б он имел ввиду получить только лучшую волость, то, разумеется, он пошел бы безо всяких условий, а если б Киев давал ему материальное значение, силу, то он не хлопотал бы ни о каком другом значении, но Ростислав хочет идти в Киев только с условием, чтоб члены племени действительно признавали его старшим, отцом, и слушались бы его; следовательно, вот что нужно было Ростиславу, а не лучшая волость. Вячеслав, как скоро услыхал, что племянник зовет его отцом и честь на нем покладывает, успокоился и отказался от участия в правлении. Святослав Всеволодович, осердившись на Всеволода III, говорит: «Давыда схвачу, а Рюрика выгоню вон из земли и приму один власть

русскую *и с братьею,* и тогда мъщуся Всеволоду обиды свои». В-третьих, г. Кавелину хорошо известно, к каким поступкам побуждало бояр наших опасение нарушить родовую честь при местнических спорах; как же он хочет, чтоб древние князья, находясь в таких же отношениях, думали только о волостях? Под 1195 годом один из Ольговичей, видя возможность осилить Мономаховичей, пишет к своему старшему в Чернигов: «Теперь, батюшка, удобный случай, ступай скорее, собравшись с братьею, возьмем *честь* свою». Не говорит же он: возьмем волости, добудем Киева!

В 1867 году вышла книга г. Сергеевича: *Вече и князь* [1]. Автор говорит: «Несмотря на неполноту наших летописных источников, они представляют, однако, указания на существование веча не только во всех главных городах, но и в очень многих из городов второстепенного и даже третьестепенного значения». Затем автор начинает перечислять все известия о вечах. Но такой неосторожный прием не ведет к цели. Мы знаем, что в наших источниках слово *вече* употребляется в самом широком, неопределенном смысле, означает всякое совещание нескольких лиц и всякое собрание народа; следовательно, надобно обращать внимание на то, при каких обстоятельствах упоминается о народном собрании и его решениях, но, главное, надобно смотреть на дело исторически, следить за развитием веча, за условиями, способствовавшими его усилению или ослаблению, а не собирать из различных эпох известия о явлении и заключать, что оно было повсеместно. Первое известие, приводимое г. Сергеевичем о вече, относится к 997 году: «Белгородцы должны были выдержать продолжительную осаду печенегов. Когда все запасы истощились, а помощи от князя не предвиделось, они сотворили вече и решили сдаться». Город в страшной опасности покинут на время без помощи, предоставлен самому себе, и вот жители его собираются и решают сдаться. Но спрашивается: в каком городе, в какой стране и в какое время при подобных условиях мы не будем иметь права предположить то же явление? Если начальник школы бросит в минуту опасности вверенных ему детей, то первым делом последних будет собраться и толковать о том, как быть. Теперь пойдем путем историческим. Первое известие, приводимое г. Сергеевичем, относится к 997 году, а второе — к 1097 году. В продолжение 100 лет автор не мог отыскать известия о вече! Для историка это имеет важный смысл. С конца XI века о вечах начинаем встречать более частые упоминания; что же это значит? Это значит, что явилось благоприятное условие для усиления веча; и действительно, благоприятное условие налицо: это родовые счеты

[1] *В. И. Сергеевич.* Вече и князь. Русское государственное устройство и управление во времена князей Рюриковичей, М. 1867, 413 стр. (Прим. ред.)

княжеские с своим следствием — усобицами. Во время этих счетов и усобиц князья, воюя друг с другом, стараются поднять народонаселение известных городов против князя их, склонить его на свою сторону; народонаселение или остается глухо к этим внушениям, или склоняется на них — явление обычное во все времена, у всех народов, из которого о повсеместном развитии вечевого быта ничего заключить нельзя. Наполеон I во время нашествия на Россию также делал нашему народу разные внушения, но кому придет в голову от этого поступка заключить к формам быта нашего народа в 1812 году? А наши исследователи именно это делают, заключая из известий о подговоре городских жителей враждующими князьями к развитию вечевого быта этих городов. Историк заметит, что частое повторение подобных подговоров в известных городах, частое повторение случаев, где горожанам давалась возможность самим решать свою участь, должны были развить вечевой быт, привычку к вечам, но никак не позволит себе заключать, что это развитие было повсеместное, ибо если какому-нибудь городу во время своего существования случилось раз принять самостоятельное участие в решении своей судьбы, то этот один случай не может установить новой привычки и уничтожить старую; а в чем состояла старая привычка, — об этом свидетельствует знаменитое место летописи, что к вечам привыкли главные, старшие, города, а младшие, пригороды, привыкли исполнять решения старших: «На чем старшие положат, на том пригороды станут». Пока существует это место в летописи, до тех пор будет непоколебимо основанное на нем объяснение происхождения нового порядка вещей на севере из этого отношения старых и новых городов. Г. Сергеевич в своем стремлении приписать вечевой быт младшим городам цитует известие о народных волнениях в Москве: одно — относящееся к XIV, а другое — к XV веку; в обоих случаях жители взволновались, покинутые правительством; мы опять обращаемся к нашему сравнению и утверждаем, что даже и дети в школе сделали бы то же самое, если бы были покинуты своим надзирателем. Но почему же г. Сергеевич не пошел дальше, не указал на волнения москвичей в царствование Алексея Михайловича и потом в XVIII веке, во время чумы? Явления совершенно однородные! Неужели потому, что слово *вече* для обозначения этих явлений уже вышло из употребления? Но он указывает же вечевые явления и там, где это слово не употреблено. Он относит к вечевым явлениям и восстание северных городов против татар, но в таком случае восстания башкирцев и других инородцев будет свидетельствовать о сильном развитии у них вечевого быта.

Знаменитое место летописца об отношениях между старшими городами и пригородами стало подвергаться в нашей

литературе такой же ученой пытке, какой прежде подвергались места летописца о призвании первых князей с ясным доказательством их скандинавского происхождения. Разумеется, очень утешительно, что вопрос о происхождении варягов — руси сменен вопросом о внутренних отношениях, но не утешительно то, что при старании как-нибудь отвязаться от неприятного свидетельства употребляются прежние приемы, прежняя пытка. «На что же старейшие сдумают, на том же пригороды станут», — говорит летописец; и вот, согласно с этими отношениями, владимирцы, которые находились в пригородных отношениях к Ростову, притесняемые князьями, обращаются с жалобою к ростовцам в силу привычки к природной подчиненности старшим городам, привычки, которая не могла очень ослабеть в короткое время, хотя этому ослаблению содействовало очень важное обстоятельство — поднятие значения Владимира вследствие утверждения в нем княжеского стола Андреем Боголюбским. Ростовцы на словах были за владимирцев, но на деле не удовлетворяли их жалобам, и тогда владимирцы призывают других князей. Г. Сергеевич рассуждает: «Летописец не говорит, что владимирцы, недовольные своим князем, не должны были высказываться против него и таким образом возбуждать вопрос о его перемене. Высказанное ими желание изгнать Ростиславичей он приводит как факт и не порицает их за него. Ростовцы и суздальцы, с своей стороны, в ответ на это желание не говорят, что призвание князя есть их исключительное право и что поэтому владимирцы должны оставаться при Ростиславичах до тех пор, пока это будет угодно им, ростовцам и суздальцам. Наоборот, *на словах* они были за владимирцев и тем показали, что последним принадлежит такое же участие в деле призвания князей, как и им самим». Но с какой же стати было летописцу говорить то, чего не бывало? Будучи далеки от преувеличенных представлений о высокой степени развития древней Руси, о высокой степени свободы, которою она пользовалась, мы, однако, никак не решимся предположить, чтобы в ней существовали такие отношения, что обиженный не имел права высказываться против обидчика и жаловаться на него. Владимирцы жалуются своим старшим, ростовцам, на обижающих их князей, которых ростовцы же им дали или, лучше сказать, навязали. Ростовцам также не нужно было говорить, что призвание князей есть их исключительное право по той простой причине, что и вопроса об этом не было: владимирцы являются жалобщиками только; дело ростовцев решить, справедлива или не справедлива жалоба, а не толковать о своих правах, которых никто не затрагивал; напротив, владимирцы признали торжественно эти права, обратившись с своею жалобою в старший город. Но всего лучше следующий вывод, сделанный г. Сергеевичем: «На словах они (ростовцы) были

за владимирцев и тем показали, что последним принадлежит такое же участие в деле призвания князей, как и им самим». Город жалуется на губернатора королю, король объявляет, что жалоба справедлива, *следовательно,* король этим самым объявляет, что горожанам принадлежит такое же право в назначении губернатора, как и самому королю! Летописец заступается за владимирцев, за меньших, слабых, которым, однако, бог помог в их деле; летописец заступается за них потому, что имеет два основания для этого: во-первых, владимирцы были обижены, не получили управы и потому, естественно, возбуждали сочувствие в каждом человеке, в котором не угасло чувство правды, во-вторых, владимирцы были правы еще потому, что обратились к законным князьям, законным по старшинству и по распоряжению Юрия Долгорукого, тогда как ростовцы не обратили никакого внимания на эту законность. Следовательно, здесь двоякого рода отношения — отношения к старшему городу и отношения к князю. Отношения эти сталкиваются в данном случае, и обязанность историка обращать одинаковое внимание на обои отношения и смотреть, какие из них и при каких условиях возьмут верх.

Что касается собственно княжеских отношений, то г. Сергеевич следует взгляду г. Погодина: князья воюют, захватывают волости друг у друга, как владельцы, не имеющие никаких отношений между собою. Читая книгу г. Сергеевича, мы видим себя среди каких-то зверей, а не людей, всегда чувствующих потребность оправдывать свои действия. Отвергая родовые отношения между князьями, г. Сергеевич, естественно, старается отвергнуть господство этих отношений и в обществе. Он, разумеется, обходит молчанием известия о крепости родового союза в XVI и XVII веках; он выставляет статью Русской Правды о наследовании, где говорится, что имущество смерда, не оставившего сыновей, переходит к князю, но понятно, что в Правде разумеется имущество смерда безродного, потому что при общем родовом владении не может быть и речи о наследстве, ибо не может быть речи об отдельной собственности. Но любопытно, что г. Сергеевич, ища в Русской Правде доказательств против рода, позволил себе обойти первую статью — о родовой мести. С знаменитым местом летописи, где так ясно указывается господство родового быта у славян («живяху кождо с родом своим на своих местах» и пр.), также г. Сергеевичу много хлопот. При исследовании о *вече* ему нужно было скрыть то, что слово это *вече* имеет обширное значение; теперь относительно *рода* ему надобно показать, что слово *род* имеет обширное значение, значит и происхождение, и народ, но из этого ничего не выходит, ибо оно означает также и то, что мы разумеем под именем рода. Видя это, г. Сергеевич решается на отчаянное средство

и говорит: «Каждый полянин мог иметь свой род *единственно* в смысле семьи». Но где доказательства? Их нет. Разве принять за доказательство непосредственно следующие слова автора: «Общее владение братьев и других родственников могло встречаться и в древнейшие времена. Есть даже основание думать, что тогда оно должно было встречаться чаще, чем теперь. При отсутствии развитой правительственной власти частному человеку для самосохранения необходимо было вступать в какие-либо частные союзы; союз с родственниками представляется самым естественным». Смысл кажется ясен: обстоятельства времени были таковы, что условливали необходимо стремление к родовому союзу, к его поддержанию; следовательно, каждый полянин мог иметь свой род *единственно* в смысле семьи!

Неумолимый летописец преследует нас с своим родом. Говоря об усобицах, возникших между славянами по изгнании варягов, он говорит, что род встал на род и «Воевати почаша сами на ся». Как же рассуждает г. Сергеевич? «Восстали, — говорит он, — не разные роды один на другого, а члены одного и того же рода (т. е. происхождения), дети — на родителей, братья — на братьев. Это только применение к явлениям своего времени хорошо известных летописцу слов евангелиста Марка: предаст же брат брата на смерть и отец чада, и восстанут чада на родители и убиют их». Г. Сергеевич забывает, что летописец никак не мог иметь в виду слов евангелиста, ибо хорошо знал, что побуждало к такой страшной усобице, о которой говорится в евангелии, и хорошо знал, что причиною усобицы между славянами было отсутствие правды, а это условие не могло повести к тому, чтоб восставали чада на родителей и убивали их; отсутствие правды ведет именно к тому, что отдельные роды в своих столкновениях прибегают к самоуправству, решают дело оружием.

Есть еще любопытные примеры обращения г. Сергеевича с источниками. Летописец говорит следующее об Андрее Боголюбском: «Выгна Андрей епископа Леона из Суздаля и братью свою погна Мстислава и Василька и два Ростиславича сыновца своя, мужи отца своего передними. Се же створи хотя самовластец быти». Г. Сергеевич говорит: «Самовластец употреблено здесь по отношению к другим князьям, внукам и младшим сыновьям Юрия, оно означает собственно *единовластителя,* в противоположность разделению волости между несколькими князьями, не заключая в себе никакого указания на самый характер власти». Конечно так, если пропустить слова: «Мужи отца своего передними», как делает г. Сергеевич, но если оставить эти слова, то выйдет, что князь, изгоняющий влиятельных бояр, стремится не к единовластию, а к самовластию. Притом, как хорошо известно г. Сергеевичу, мнение о самовластии Андрея Боголюбского основано не на одном при-

веденном месте летописца: о характере Андрея свидетельствуют князья-современники, которые жалуются, что Андрей обращается с ними не как с родственниками, а как с подручниками; наконец, о характере Андрея свидетельствует смерть его, побуждения, которые заставили убийц решиться на свое дело, неслыханное прежде на Руси.

Под 1174 годом летописец говорит: «Приглашася Ростиславичи к князю Андрееви, просяче Романови Ростиславичу княжить в Киеве». Г. Сергеевич говорит: «Можно подумать, что Андрею принадлежит *право* раздавать русские княжения. Из предыдущего мы видели, что Андрей как князь сильной Владимирской волости мог в союзе с другими князьями овладеть Киевом и ограбить его, но и это только в том случае, когда на его стороне было более союзников, чем на стороне киевского князя. Лучшего же права он не имел. Обращение к нему Ростиславичей есть не что иное, как предложение ему союза, одною из целей которого долженствовало быть доставление киевского стола Роману. Подобное же выражение находим еще под 1202 годом: «Слися к свату своему, к великому князю Всеволоду, — говорит Роман Мстиславич своему тестю Рюрику, — и аз слю к нему и молимся ему, дабы ти Киев опять дал», т. е. дал в силу того фактического преобладания, которое принадлежало сильному владимирскому князю, а не в силу верховного права». Мы не слыхивали, чтоб делались предложения о союзе в виде мольбы о пожаловании чего-нибудь, но дело не в этом. Г. Сергеевичу хочется доказать, что в древней Руси признавалось только право сильного, а не какое-нибудь другое *лучшее* право. С этою целью он заботливо исключает все известия о том, что князья признавали это лучшее право. Так, он не упоминает о том, что Ростиславичи не признавали за Андреем одно право сильного, что они признавали это право и за собою, потому что вооружились против Андрея; но за последним они признавали еще другое право — право родового старшинства, по которому они считали его себе отцом и обращались к нему так: «Мы называли тебя отцом себе, мы до сих пор почитали тебя, как отца, по любви». Такое же право было и за в[еликим] к[нязем] Всеволодом, который сам свидетельствует о своем праве, говоря Ростиславичам: «Вы назвали меня старшим в своем Владимировом племени».

Что признавалось это право, по которому князья должны были занимать столы не захватом, а вследствие родового старшинства, неопровержимым свидетельством служат приведенные в летописи слова в[еликого] к[нязя] Ярослава I сыну его Всеволоду: «Аще ти подаст Бог приять власть стола моего, *по братьи* своей *с правдою* и не с насилием, то да ляжеши у гроба моего». Как же г. Сергеевич разделывается с этим местом летописи, которое он спрятал в длинном примечании,

где говорится о завещаниях московских князей? «Так как это место, — говорит г. Сергеевич, — находится в посмертной похвале Всеволоду, написанной очень дружественной ему рукой, то скорее надо думать, что оно сочинено самим летописцем для оправдания совершившихся событий». Но отчаянное средство помочь не может: если бы даже и позволительно было предположить, что летописец неизвестно для чего выдумал слова Ярославовы, то его свидетельство нисколько не теряет своего значения, ибо он мог высказать только представление о правде, какое господствовало в современном ему обществе.

ПРИМЕЧАНИЯ к 2 тому

[1] Так Ростиславичи в 1195 году говорили Всеволоду III: «А ты, брате, в Володимери племени старей еси нас, а думай, гадай о Русской земле и о своей части и о нашей». Полн. собр. русск. лет., II, 145 [1].

[2] «А ты мене старей, а ты мя с ним и суди». Там же, стр. 41. «Мстислав Владимирович поточи Полотьскии Князи... зане не бяхуть его воли и не слушахуть его, коли е зовяшеть в Рускую землю в помощь». Там же, стр. 12 и 15 [2]. — Святополку, как старшему в роде, поручено было от родичей наказать Давыда Игоревича, там же, I, 112 [3].

[3] Полн. собр. русск. лет., II, 20: «Всеволод (Ольгович) отда две Всеволодковне, Володимери внуце, едину за Володимира за Давыдовича, а другу за Ярослава за Дюрдя» [4].

[4] Там же, стр. 85: «Оже мя в правду зовете с любовию, то я всяко иду Киеву на свою волю, яко вы имети мя отцем собе в правду и в моем вы послушаньи ходити» [5].

[5] Там же, стр. 8: «И наказав его (Ярослава Святополчича) Володимер о сем, веля ему к собе приходити, когда тя позову» [6].

[6] Там же, стр. 94: «Посла Ростислав к братии своей и к сыном своим, веля им всим съвкупитися у себе с всими полкы своими» [7].

[7] Там же, стр. 73: «Ныне, отче, кланяютися, прими мя яко сына своего Мстислава такоже и мене, ать ездить Мстислав подле твой стремень по одиной стороне тобе, а яз по другой стороне подле твой стремень еждю, всими своими полкы» [8]. См. там же, стр. 32, 39. С этим выражением: *ездить подле стремени* должно сравнить древнейшее: *ходить по ком*, которое также означало сыновнее отношение младшего к старшему; так об Игоре сказано: «Игореви же взростшу, и хожаше по Ользе, и слушаше его» [9].

[8] Там же, стр. 75: «Велми рад, господине отце, имею тя отцем господином, якоже и брат мои Изяслав имел тя и в твоей воле был». Там же, стр. 88, 202 [10].

---

[1] ПСРЛ, т. II, Спб. 1843, стр. 145. См. также ПСРЛ, т. II, Спб., 1908, стб. 686.
[2] ПСРЛ, т. II, стр. 41, 12, 15. См. также ПСРЛ, т. II, 1908, стб. 373, 293, 303
[3] ПСРЛ, т. I, Спб. 1846, стр. 112. См. также ПСРЛ, т. I, вып. 1, Л. 1926, стб. 253.
[4] ПСРЛ, т. II, стр. 20. См. также ПСРЛ, т. II, 1908, стб. 317.
[5] ПСРЛ, т. II, стр. 85. См. также ПСРЛ, т. II, 1908, стб. 503.
[6] ПСРЛ, т. II, стр. 8. См. также ПСРЛ, т. II, 1908, стб. 285.
[7] ПСРЛ, т. II, стр. 94. См. также ПСРЛ, т. II, 1908, стб. 527—528.
[8] ПСРЛ, т. II, стр. 73. См. также ПСРЛ, т. II, 1908, стб. 465.
[9] ПСРЛ, т. II, стр. 32, 39. См. также ПСРЛ, т. II, 1908, стб. 346, 367.
[10] ПСРЛ, т. II, стр. 75, 88, 202. См. также ПСРЛ, т. II, 1908, стб. 471, 509, 863.

[9] Там же, стр 79: «Они же вси (рязанские князья) зряху на Ростислава, имеяхуть и отцем собе». Там же, стр. 149 [1].

[10] Там же, стр. 39 [2].

[11] Там же, стр. 18, 19 [2].

[12] Там же, стр. 39 [2].

[13] Там же, стр. 109 [2].

[14] Там же, стр. 9 [2].

[15] Там же, стр. 38 [2].

[16] Там же, I, 111 [3].

[17] Там же, II, 74, 122. «Вячеслав же посла по Святослава по Всеволодича, река ему: «Ты если Ростиславу сын любимый, такоже и мне, а поеди семо ко мне, перебуди же у мене Киеве, доколе же придет Ростислав, а тогда ряд вси учиним». Или: «Иде Святослав к Любчу и призва к собе братью свою... ряды ему деющю» [4].

[18] Русская Правда: «По Ярославе же паки совкупившеся сынове его: Изяслав, Святослав, Всеволод и муж их: Коснячко, Перенег, Никифор и отложиша убиение за голову, но кунами ся выкупати; а ино все якоже Ярослав судил, такоже и сынове его уставиша». «Володимер Всеволодичь, по Святополче, созва дружину свою на Берестовемь: Ратибора, Киевьского тысячьского, Прокопию, Белогородского тысячьского, Святослава, Переяславьского тысячьского, Нажира, Мирослава, Иванка Чюдиновича, *Олгова мужа,* и уставили до третьего реза» и проч. [5]

[19] Полн. собр. русск. лет., II, 119. «Молвяше же Романови Святослав: «брате! я не ищу под тобою ничего же, но ряд нашь так есть: оже ся. Князь извинит, то в волость, а муж у голову» [6].

[20] Там же, стр. 110. «Святослав же поча слати к Ярославу с жалобою, река ему: «на чем еси целовал крест, а помяни первый ряд; рекл бо еси, оже я сяду в Киеве, то я тебя наделю, паки ли ты сядеши в Киеве, то ты мене надели» [7].

[21] Там же, стр. 125. «Рюрик же размыслив, с мужи своими угадав, бе бо Святослав стареи леты, и урядився с ним съступися ему старейшинства и Киева» [8]. — Там же, стр. 50. «А се ми есть яко отец стрый свой» [9], там же, стр. 61, 77 [10]. — Касательно преимущества старшего брата, слова св. Бориса: «тось ми буди в отца место», — и слова Ярослава I сыновьям. — Касательно старшинства тестя перед зятем см. выше слова летописца о вине Ярослава Святополковича перед тестем своим Мстиславом; Мстислав Мстиславич Удалой доводился племянником Ярославу Всеволодовичу, и между тем называет его своим сыном, как зятя, Новгор, III, 33 [11]. О праве старшего зятя пред меньшими шурьями Изяслав Мстиславич говорит: «Всеволода есмь имел в правду брата старишаго, занеже ми брат и зять старей меня, яко отець»; там же, стр. 23 [12]. — Король венгерский, женатый на младшей сестре Изяслава Мстиславича, не иначе зовет последнего, как отцом, там же, стр. 66 [13].

[22] Никон., II, 265 [14].

[23] «Изгои трои: попов сын грамоты не умееть; холоп из холопьства

---

[1] ПСРЛ, т. II, стр. 79, 149. См. также ПСРЛ, т. II, 1908, стб. 482, 698.
[2] ПСРЛ, т. II, стр. 39, 18—19, 109, 38 См также ПСРЛ, т. II, 1908, стб 367, 311, 573, 288, 365.
[3] ПСРЛ, т. I, стр. 111. См. также ПСРЛ, т. I, вып. 1, 1926, стб. 263.
[4] ПСРЛ, т. II, стр. 74, 122. См. также ПСРЛ, т. II, 1908, стб. 470, 613.
[5] Правда Русская, т. I, Карамзинская группа, Троицкий вид, М 1940, стр. 335.
[6] ПСРЛ, т. II, стр. 119. См также ПСРЛ, т. II, 1908, стб. 604.
[7] ПСРЛ, т. II, стр. 110. См. также ПСРЛ, т. II, 1908, стб. 578.
[8] ПСРЛ, т. II, стр. 125. См. также ПСРЛ, т. II, 1908, стб. 623—624.
[9] ПСРЛ, т. II, стр. 50. См. также ПСРЛ, т. II, 1908, стб. 397.
[10] ПСРЛ, т. II, стр. 61, 77. См. также ПСРЛ, т. II, 1908, стб. 430, 470.
[11] ПСРЛ, т. III, Спб. 1841, стр. 33.
[12] ПСРЛ, т. III, стр 23.
[13] ПСРЛ, т. III, стр. 66
[14] Русская летопись по Никонову списку, ч. II. Спб. 1768, стр. 265. См. также ПСРЛ, т. X, Спб. 1885, стр. 26.

выкупиться, купец одолжаеть, а се четвертое изгойство и себе приложим, аще князь осиротееть» [1].

[24] Относительно дани вот единственное упоминовение в летописи (Полн. собр. русск. лет., I, 132): «Ярополк посла Мстиславича Изяслава в братьи Новугороду, и даша дани Печерьскые и от Смоленска дар» [2]. — От Новгорода, находившегося в особенных отношениях к великому князю, последний получает дань, но от Смоленска только дар. На особенность волостей как отдельных земель ясно указывает следующее известие (Полн. собр. русск. лет., II, 140). «Он же (Святослав Всеволодович) имяся ему послати Глеба сына, — и не посла, зане бяшеть ему тяжа с Рюриком и с Давыдом и Смоленскою землею» [3]. — Но все эти волости, все племена, в них обитавшие, сперва имели непосредственное отношение к Киеву, платили туда дань, составляли с ним одно целое: что же ослабило эту государственную связь, как не родовые отношения князей?

[25] О разноречиях в показании дня кончины Ярославовой см. у Арцыбашева, Пов. о России, I, 32, примеч. 120 [4].

[26] По всем вероятностям отвага Брячислава всего более содействовала тому, что Ярослав согласился оставить Полоцкое княжество в его владении.

[27] Место летописи о распорядке между сыновьями Ярослава I нуждается в объяснении: «Преставися великый князь Русьскый Ярослав. И еще бо живу сущю ему, наряди сыны своя, рек им: се аз отхожю света сего, сынове мои; имейте в собе любовь, понеже вы есте братья единого отца и матере, да аще будете в любви межю собою, бог будеть в вас, и покорить вы противные под вы, и будете мирно живуще; аще ли будете ненавидно живуще в распрях и которающеся, то погыбнете сами и погубите землю отець своих и дед своих, иже налезоша трудом своим великым, но пребывайте мирно послушающе брат брата. Се же поручаю в собе место стол старейшему сыну моему и брату вашему Изяславу Киев, сего послушайте, якоже послушасте мене, да то вы будеть в мене место; а Святославу даю Чернигов, а Всеволоду Переяславль (а Игорю Володимерь), а Вячеславу Смолинеск». — И тако раздели им грады, заповедав им не преступали предела братня, ни сгонити; рек Изяславу: «аще кто хощеть обидити брата своего, то ты помагай его же обидять, и тако уряди сына своя пребывати в любви». Самому же болну сущю и пришедшю Вышегороду, разболеся велми, Изяславу тогда сущю Новегороде, а Святославу Володимери, Всеволоду же тогда сущю у отця, бо бе любим отцем паче всее братьи, его же имяше присно у собе. Ярославу же приспе конець житья, и предасть дущю свою» [5].

Здесь прежде всего представляется вопрос: Ярослав делает завещание, чувствуя близость смерти, прямо говорит: я умираю; делает завещание перед всеми сыновьями, и между тем этих сыновей, кроме Всеволода, нет при его кончине и погребении? Это сомнение из самого рассказа летописца может разрешиться таким образом, что хотя Ярослав и чувствовал приближение кончины, однако находился еще не в отчаянном положении, был довольно крепок для того, чтоб отправиться в Вышгород, и здесь уже «разболеся велми». Следовательно, сыновья его могли отправиться в свои прежние волости, даже хотя бы для того, чтоб распорядиться там относительно переезда в новые волости, достававшиеся им по последнему отцовскому распределению. Другое затруднение: в некоторых списках пропущено, что Игорь получил от отца Владимир-Волынский. Разумеется, есть основание смотреть на это просто как на пропуск, тем более, что Игорь в год кончины отца своего не мог быть малолетен:

---

[1] Церковный устав кн. Всеволода. *И. Срезневский,* Материалы для словаря древнерусского языка, Спб. 1893, т. I, стр 1052

[2] ПСРЛ, т. I, стр. 132 См. также ПСРЛ, т. I, вып 2, 1927, стб 302.

[3] ПСРЛ, т. II, стр 140. См. также ПСРЛ, т II, 1908, стб 670

[4] *Н С Арцыбашев,* Повествование о России, т I, кн 2, М. 1838, стр 22, примеч 120

[5] ПСРЛ, т. I, стр. 69—70. См. также ПСРЛ, т. I, вып. 1, 1926, стб. 161—162

он родился, по Татищеву (II, 106) [1], в 1036 году, следовательно, в 1054 имел 18 лет; если б даже кто не захотел верить свидетельству Татищева, то известно, что Игорь, умерший через 6 лет, в 1060 году, был уже женат, и оставил двоих сыновей, следовательно, шесть лет назад не мог быть малолетен. В дошедших до нас списках год рождения Игоря не означен; в 1036 году помещено рождение Вячеслава, которое у Татищева помещено под 1034 годом. Рождение Всеволода под 1029, у Татищева под 1030.

Третье затруднение: Игорь получил Владимир, но при описании кончины Ярославовой говорится, что во Владимире был Святослав, а не Игорь. Дело объясняется тем, что Ярослав задолго до смерти своей уже роздал сыновьям волости; мы знаем, что старший сын его Владимир княжил в Новгороде, имеем полное право думать, что и другие сыновья получили также волости, но не те, которые были назначены пред кончиною, или которые они взяли сами по кончине, если не придерживаться буквально летописного известия; ясно, что прежнею волостью Святослава был Владимир, а не Чернигов, точно так, как прежнею волостию Изяслава был Туров, что прямо видно из свидетельства некоторых списков; но потом, по смерти старшего Ярославича, Владимира, Изяслав, как наследник старшинства, получил Новгород.

О распорядке между сыновьями Ярослава см. исследование в Studien zur gründl. Kenntniss der Vorzeit Russlands, S. 113 [2]; также в моей книге Истор. отн. между Рус. Кн. Рюр. Дома, стр. 68 и след. [3] Г. Погодин (в IV т. своих исследов.) [4] старается из каждой волости княжеской сделать наследственное владение, отчину для одной какой-нибудь линии Ярославова потомства; при таком распределении отчин ему необходимо должен был представиться вопрос: где же была отчина самой старшей линии, линии Изяслава? Г. Погодин полагает, что отчина была Туров; основанием послужили ему слова тех списков летописи, в которых говорится, что во время смерти Ярослава старший сын его Изяслав княжил в Турове: «Изяславу в Турове князящу»; но за то в других списках находится известие, что Изяслав княжил в это время в Новгороде. Г. Погодин отвергает последнее чтение, обвиняя г. Бередникова, зачем он внес в текст известие летописей новейших, а известия о Турове, находящиеся в списках Ипатьевском и Хлебниковском, поместил в вариантах. Карамзин также читал: «В Новгороде». Но если чтение «в Новгороде» есть чтение позднейших списков, а чтение «в Турове» древнейших, то это *одно* обстоятельство еще нисколько не может решить дела в пользу последнего; позднейшие списки могли быть списаны с древнейших и вернейших. Надобно, следовательно, по историческим данным определить, какое чтение будет вернее.

Изяслав был старший сын Ярослава; но мы видим изначала, что старшие сыновья великих князей обыкновенно сидят в Новгороде. Так, Владимир Св[ятой] посадил в Новгороде старшего сына своего Вышеслава, и когда тот умер, то перевел на его место Ярослава. Здесь сначала встречается затруднение: почему же по смерти Вышеслава Владимир перевел в Новгород не следующего за ним по старшинству Святополка, который княжил в Турове? Это затруднение отстраняется свидетельством Дитмара, что Святополк находился во вражде со своим отцом, и даже в заключении. Ярослав посылает в Новгород старшего сына своего Владимира, и когда тот умер, его место должен был занять старший по нем Изяслав; и вот мы в самом деле читаем в летописях, что Изяслав находился в Новгороде во время предсмертной болезни отца своего. Мы видели, как объясняется известие списков, что Изяслав княжил в Турове.

---

[1] *В. Н. Татищев,* История Российская с самых древнейших времен, т. II, М. 1773, стр 106.

[2] *J Ewers,* Studien zur gründlichen Kenntniss der Vorzeit Russland, Dorpat 1830, S. 16—26

[3] *С. М Соловьев,* История отношений между русскими князьями Рюрикова дома, М 1847, стр 68 и след

[4] *М П. Погодин,* Исследования, замечания и лекции о русской истории, т. IV, М. 1850, стр. 145, и след.

он действительно должен был княжить здесь, но прежде смерти брата своего Владимира. Что Туров не мог быть отчиною Изяслава и детей его в том смысле, в каком хочет этого г. Погодин, доказывается тем, что во время княжения Изяслава в Киеве, старший сын его, Святополк, сидит в Новгороде, а не в Турове; второй сын Ярополк сидит в Вышгороде, а не в Турове; Святополк остается в Новгороде и во время княжения Всеволода, а младшему брату его, Ярополку, последний дает Владимир-Волынский и в *придачу* Туров — ясное доказательство, что этот город не был наследственным достоянием Изяславова потомства, а зависел от в[еликого] князя. Понятно, что г. Погодину не нравится это известие о распоряжении Всеволода, и он хочет переменить смысл летописи: «Ярополк (говорит он) верно владел Туровым, а Всеволод посадил его в Володимере, придав к Турову». Но мы не можем предоставить автору права изменять смысл летописей в угоду любимой мысли.

Перед смертью Всеволода Святополк переходит из Новгорода на юг, поближе к Киеву, в Туров, и там, как ближайший наследник старшинства, дожидается дядиной смерти; точно так же сделал после Мономахов сын Мстислав, перейдя перед отцовскою смертью из Новгорода поближе к Киеву, в Белгород. Г. Погодин приводит в свою пользу слова Давыда Игоревича Святополку: «Аще ти отъидеть (Василько) в свою волость, да узришь — аще ти не заиметь град твоих Турова и Пиньска»[1]. Но города — Туров и Пинск были необходимо Святополковы, потому что они составляли часть Киевского княжества, которым тогда владел Святополк; доказательством тому служат слова Всеволода Ольговича Вячеславу Владимировичу, который владел Туровым: «Сидиши в Киевской области, а мне достоить»[2].

Г. Погодин говорит: «Важное затруднение представляется при рассмотрении этого деления (между сыновьями Ярослава): что же должно было быть отчиною старшему Ярославову сыну, Изяславу? на что имели право его дети по смерти отца, когда киевский стол должен был достаться их дяде, черниговскому князю Святославу»? Не понимаем, для чего автор затрудняет себя вопросами, прямые ответы на которые дает нам летописец; по смерти Изяслава в Киеве начал княжить брат его Всеволод: что же досталось сыновьям Изяславовым? на это летопись прямо отвечает, что один Изяславов сын княжил в Новгороде, а другой — во Владимире-Волынском. — Надобно заметить, что по Никон. сп. и Татищеву, Изяслав также был на погребении отца вместе с Всеволодом[3]. — В Воскрес. списке (I, 190) за известием о смерти Ярослава тотчас же помещено следующее: «И по сем разделиша Смоленск на три части»[4]. Это трудное для объяснения известие может показывать только одно, что известный распорядок между Ярославичами последовал не вдруг.

[28] Н. Карамз. II, примеч. 50[5].

[29] Полн. собр. русск. лет. I, 75[6]. Здесь, при описании действий волхвов сказано, что встали два волхва от Ярославля, пришли на Белоозеро; сюда же явился от *Святослава* за данью Ян, сын Вышатин, и разузнал, что эти два волхва суть смерды князя его Святослава. Событие поставлено в летописи под 1070 годом; но нельзя непременно относить его к этому году, потому что событие очень легко могло быть рассказано только по связи его с другим, именно с явлением волхва в Киеве, время которого летописец отнес к 1070 году, хотя и то не очень определенно: *«в си времена»*, говорит он вместо более определенного: «в се же лето». Если предположить, что Ян оставался постоянно в Киеве, имея там

---

[1] ПСРЛ, т. I, стр. 110. См. также ПСРЛ, т. I, вып. 1, 1926, стб. 258.
[2] ПСРЛ, т. I, стр 135 См. также ПСРЛ, т. I, вып. 2, 1927, стб. 309.
[3] ПСРЛ, т. IX, Спб. 1862, стр. 86; *В. Н. Татищев,* История Российская.., т. II, стр. 115
[4] Русская летопись с Воскресенского списка, ч. I, М. 1793, стр. 190. См также ПСРЛ, т. VII Спб. 1856, стр. 333
[5] *Н. М. Карамзин,* История государства Российского, т. II, Спб. 1816, стр. 338, примеч 50
[6] ПСРЛ, т. I, стр. 75. См. также ПСРЛ, т. I, вып. 1, 1926, стб. 175.

большое значение, как сын тысяцкого, и сам тысяцкий (таким, по крайней мере, мы видим его в 1089 году), то он мог ходить от имени Святослава только тогда, когда этот князь сидел в Киеве после изгнания Изяслава; легко подумать, что Святослав, седши в Киеве и отдавши Всеволоду Черниговскую волость со всеми принадлежностями, взял себе взамен Белозерскую и Ростовскую область.

[30] В списках то 24 года, то 28 и все неправильно, потому что был заключен в 1036 году. Судислав умер в Киеве, и погребен при церкви св. Георгия, см. Арцыб., т. I, примеч. 132 [1].

[31] Полн. собр. русск. лет. I, 92 [2].

[32] Об этом сказано только в Татищевском своде (II, 115) [3]; но мы имеем право принять известие, основываясь во-1), на том, что хотя в некоторых списках летописи и говорится, что Ростислав убежал в Тмутаракань из Новгорода, зато в других не означено вовсе места, откуда убежал. 2) По смерти Ростислава, дети его живут во Владимире-Волынском: летописец указывает нам их здесь; здесь они стараются утвердиться, враждуют с теми князьями, которые также здесь ищут себе волостей.

[33] Никон. I, 144 [4]; Воскр. I, 190 [5]. См. также припись к Остромирову евангелию. Что заставило Порея и Вышату бежать вместе с Ростиславом? страсть ли к подвигам, приключениям, личная ли привязанность к молодому князю, или, наконец, какие-нибудь также неудовольствия? может быть все это вместе.

[34] У Татищева приведена причина: они боялись мщения русских [6].

[35] Ростислав умер 3 февраля 1065 года и похоронен в тмутараканской церкви св. Богородицы. Полн. собр. русск. лет. I. 1065 (год). Ростислав, по Татищеву, был женат на дочери венгерского короля; по смерти мужа она хотела ехать к отцу в Венгрию; Изяслав ее отпустил, но сыновей удержал на Руси [7].

[36] Полн. собр. русск. лет., т. III, 2. — Карамз. II, прим. 118 [8].

[37] Это местность спорная. Обыкновенно полагали (Карамз. Арцыб.) [9], что Немизою называется здесь Неман; но в Минске есть река Немиза, которая могла брать исток свой где-нибудь дальше; между Оршею и Друцком, по древнему географическому отрывку, поставлен город Немиза. Очень вероятно, что Ярославичи, взявши Минск, направили путь к северо-востоку, в свои смоленские волости, где хотели провести весну, время неудобное для войны вследствие разлития рек и таяния снега, особенно в тех местах, но были настигнуты Всеславом. Другой спор касательно места *Рши,* где был схвачен Всеслав; летописец говорит, что это было у Смоленска, основываясь на чем, некоторые исследователи никак не хотят признать здесь Оршу, по ее отдаленности от Смоленска; но киевский летописец имел полное право сказать, что Орша находилась у Смоленска, ибо он не знал ближайшего к ней и более известного города; впрочем указывается еще подобная местность — Оршанский Ям, недалеко от Красного, следовательно, ближе к Смоленску, чем Орша — (Карамз. IX, примеч. 225) [10]. Дело в том, что в летописи указывается река: *на Рши.*

[38] По Татищеву, Ярославичи 3 марта пришли к Немизе, и битва была 10 марта; в дошедших до нас списках битва была 3 марта [11].

---

[1] *Н. С. Арцыбашев,* Повествование о России, т. I, кн. 2, стр. 24, примеч. 132.

[2] ПСРЛ, т. I, стр. 92. См. также ПСРЛ, т. I, вып. 1, 1926, стб. 216.

[3] *В. Н. Татищев,* История Российская.., т. II, стр 115. Следующая далее дата смерти Игоря Ярославича неверна В «Повести временных лет» — 6568 год.

[4] Русская летопись по Никонову списку, ч. I, стр. 144. См. также ПСРЛ, т. IX, стр. 86.

[5] Русская летопись с Воскресенского списка, ч. I, стр. 190. См. также ПСРЛ, т. VII, стр 334

[6] *В. Н. Татищев,* История Российская.., т. II, стр. 118.

[7] ПСРЛ, т. I, стр. 72. См. также ПСРЛ, т. I, вып. 1, 1926, стб. 166; *В. Н. Татищев,* История Российская.., т. II, стр. 119.

[8] ПСРЛ, т. III, стр. 2; *Н М Карамзин,* История государства Российского, т II, стр. 379, примеч 118

[9] *Н С Арцыбашев,* Повествование о России, М. 1838, т. I, кн 2, стр 25, примеч. 143.

[10] *Н М Карамзин,* История государства Российского, т. IX, Спб. 1821, стр 72.

[11] *В. Н. Татищев,* История Российская.., т. II, стр. 403,

[39] По Татищеву, Ярославичи, после битвы при Немизе разорили Полоцкую волость; Всеслав прислал просить мира; Ярославичи зазвали его для переговоров и захватили по совету Святослава.

[40] Половцы — русский перевод татарского кипчак.

[41] Слова из половецкого языка объясняются татарскими. См. статью кн. Оболонского в Москвитян. 1850, марта, кн. 1 [1].

[42] Полн. собр. русск. лет. I, 70. «Иде Всеволод на Торкы»; [2] в некоторых сп[исках] прибавлено: «зиме к Воиню». Что касается Воина, то, по замечанию гг. Надеждина и Неволина, (см. исслед. Погод. IV, стр. 263) [3] подобноименных мест много в Полтавской губернии. Если это не Войницы, означенные Арцыбашевым, то всего вероятнее нынешняя *Воинская Гребля,* большое селение Золотоношского уезда, близ слияния Сулы с Днепром.

[43] Известие о поселении пленных торков по городам находится только у Татищева [4], но мы внесли его в текст, как достоверное, потому что иначе откуда же бы взялись торки, о которых так часто будет речь впоследствии?

[44] Я решился внести в текст это место, которое находится только у Татищева [5], потому что оно совершенно верно обстоятельствам: на тысяцкого всего прежде народ должен был обратить свой ропот, как на предводителя городовых полков.

[45] Арцыбашев (I, пр. 147) [6] думает, что этот двор принадлежал полоцким князьям и был тот самый, где жила прежде Рогнеда. Но почему же в последнем случае он не называется Рогнединым, Изяславовым, а именно: Брячиславовым?

[46] *Своих,* т. е. киевлян, посаженных в тюрьму Изяславом. Из летописи видно ясно, что сначала хотели отворить и действительно отворили только одну общую тюрьму, где содержались простые граждане; потом уже, после спора с Изяславом решили, что с последним делать нечего, нужно себе добыть другого князя, вследствие чего и был освобожден Всеслав. След не нужно вместе с Арцыбашевым предполагать, что выпущенные прежде из тюрьмы были сообщники Всеслава.

[47] Не забудем, что это выражение. *бесчисленное* мы должны принимать относительно.

[48] Река Снов впадает в Десну с правой стороны в Черниговском уезде; где находился на ней город Сновск — неизвестно.

[49] См. Слово о Полку Игореву [7].

[50] Летописец молчит о судьбе Всеволода после бегства его из Киева вместе с Изяславом: видно, что он не пошел с ним в Польшу. Не могут ли дополнить нам это известие слова Мономаха в завещании: «Первое к Ростову идох, сквозе Вятиче, посла мя отець, а сам иде Курьску, и пакы второе к Смолиньску со Ставком Скордятичем, той пакы и отъиде к Берестию со Изяславом, а мене посла Смолиньску; то и Смолиньска идох Володимерю. Тое же зимы то и посласта Берестию брата на головне, иде бяху пожгли, то и ту блюд город тих. То идох Переяславлю отцю, а по велице дни из Переяславля же Володимерю, на Сутейску мира творит с Ляхы. Оттуда пакы на лето Володимерю опять» [8]. Можно думать, что Всеволод, по изгнании Изяслава, искал убежища в волостях Святославовых, именно в Курске, опасаясь жить в Переяславле, а сына послал на север в Ростов, потом Мономах отправился в Смоленск со Ставком Скордятичем, который из Смоленска отправился к Бресту с Изяславом: здесь

---

[1] Половецкие слова (письмо князя М. Ю. Оболенского к М. П. Погодину), ж. «Москвитянин», март 1850, кн. I, стр. 7—9.

[2] ПСРЛ, т. I, стр. 70. См. также ПСРЛ, т. I, вып. 1, 1926, стб. 162.

[3] *М. П. Погодин,* Исследования, замечания и лекции о русской истории, т. IV, стр 283.

[4] *В Н. Татищев,* История Российская.., т. I, М. 1768, стр. 310; т. II, стр. 116, стр 402, примеч. 171.

[5] *В Н Татищев,* История Российская.., т I, стр. 39.

[6] *Н С Арцыбашев,* Повествование о России, т. I, кн. 2, стр. 26, примеч. 147.

[7] Слово о Полку Игореве, изд АН СССР, М. 1950, стр. 25.

[8] ПСРЛ, т. I, стр. 103. См. также ПСРЛ, т. I, вып. 1, стб. 247.

намек на удаление Изяслава в Польшу через Брест, ибо мы не *знаем* никакого другого похода Изяслава к этому городу. Потом, когда половцы, после поражения при Сновске, очистили Русь, Всеволод возвратился в Переяславль; что же касается до мира с поляками на Сутейску, то можно думать, что Святослав и Всеволод посылали Мономаха договариваться с Болеславом и Изяславом насчет Киева. Что касается до Сутейска, то по Ходаковскому [1], есть и теперь село Сутиски, на левом берегу восточного Буга, Подольской губернии в Винницком повете, и деревня Сутеск, в Красноставском повете.

[51] О рассказах польских летописцев о Болеславовом походе и пребывании в Киеве, см. Roepell, Gesch, Polens, I, 193 [2].

[52] «Изяслав же възгна торг на гору» [3]. На основании союза же соединяют эти известия с предыдущим, и видят в этом меру князя против будущих волнений народных; но Татищев (II, 124) [4] прямо говорит, что Изяслав не хотел, чтоб торг и народное сборище было на низу, в отдалении от его дома.

[53] Жителей Вотской пятины.

[54] Замечательно, что Всеслав нашел убежище и помощь среди финского племени, ближайшего к Новгороду и издавна находившегося с ним в соединении.

[55] Полн. собр. русск. лет. III, 2. «Новгородцы же поставиша пълк против их» (т е. вожан); в рукописи вырван угол, и потому не достает слов: «приде Всеслав с Вожаны, у Звериньця, на Къземли» [5]. В других летописях на Гзени; Гзенью назыв. место в самом Новгороде. Карамз. II, пр. 125, Арцыб. I, пр. 156 [6]. Что такое зверинец? вероятно место, где продавали живых зверей. — Здесь представляется еще вопрос: каким образом Новгород перешел к Глебу Святославичу? Карамзин (II, прим. 118) [7], на основании летописи XV в. (в Синодал. библ. № 349) [8], где сказано: «В Новгороде Изяслав посади сына своего Мстислава и победиша и на Черехе, и бежа к Кыеву, и по взятии града преста рать», догадывается, что Мстислав, будучи побежден Всеславом, ушел в Киев; и точно мы видим его на юге: он разделяет изгнание отца, его Изяслав посылает прежде себя для наказания киевлян, выпустивших Всеслава. По всем вероятностям, после того как захватили Всеслава на Рши, Изяслав взял себе его волость Полоцк, где и посадил своего сына, а Новгород уступил Святославу, который послал туда Глеба.

Всеслава отпустили ради бога; некоторые исследователи сомневаются в таком великодушии новгородцев; но из новгородской истории мы знаем, что граждане никогда не позволяли себе жестокостей с враждебными князьями; Всеслав был богатырь, внушал к себе всеобщее уважение, об нем ходили дивные предания, притом был несчастлив, дядья поступили с ним вероломно и теперь не давали ему покоя; в первый раз случилось новгородцам видеть в своих руках пленного князя-богатыря; нет ничего удивительного, что они увлеклись непосредственным чувством, и отпустили Всеслава ради бога, взявши, разумеется, с него клятву, что не будет более нападать на Новгород. Историк не должен отрицать возможности такого непосредственного чувства, которое очень часто встречается.

[56] Голотическ упоминается в древнем географическом отрывке в числе городов литовских.

---

[1] По Ходаковскому не найдено. См. *Н С. Арцыбашев,* Повествование о России, т. I, кн. 2, стр 55, примеч. 322.

[2] *R Roepell,* Geschichte Polens, t. I, Hamburg 1840, S. 193.

[3] ПСРЛ, т I, стр. 75. См также ПСРЛ, т I, вып. 1, 1926, стб. 174.

[4] *В Н Татищев,* История Российская ., т. II, стр. 124.

[5] ПСРЛ, т III, Спб. 1841, стр. 2

[6] *Н М Карамзин,* История государства Российского, т. II, стр. 383, примеч. 125; *Н С Арцыбашев,* Повествование о России, т. I, кн 2, стр 28, примеч. 156.

[7] *Н М Карамзин,* История государства Российского, т. II, стр. 379—380, примеч 118

[8] Синодальная библиотека № 349.

[57] Полн. собр. русск. лет., I, 78: «Изяслав же иде в Ляхы со именьем многым, глаголя: «яко сим налезу вои». Еже все взяша Ляхове у него, показавше ему путь от себе» [1]. — Что ляхи взяли не все, доказывают дары, поднесенные Изяславом императору; что взяли, однако, доказывает письмо папы к королю польскому. — Мы видели, что при первом изгнании Изяслава народ разграбил княжескую казну: какими же средствами Изяслав мог в такое короткое время после своего возвращения приобресть опять значительное богатство? Должно быть, он успел возвратить все награбленное.

[58] Lamberti Schafnaburgensis Chronicon, p. 380, ann. 1075. Мы не должны также упустить из виду Татищевского известия, что за Болеславом была дочь Святослава [2].

[59] Полн. собр. русск. лет., I, 103 [3].

[60] Histor. Russiae Monum. I, № 1, 2 [4].

[61] Татищ., II, 130 [5].

[62] Полн. собр. русск. лет., I, 103. Мономах говорит о себе: «И Святослав умре, и яз паки Смолиньску, а и Смолиньска той же зиме га к Новугороду, на весну Глебови в помочь» [6].

[63] Ходаковский приурочивает это место к реке Одрову, впадающей в Днепр с правой стороны в Копысском уезде, Могилевской губернии [7].

[64] По всем вероятностям, Давыд княжил в Переяславле: так следовало по счету.

[65] Изгнанный Глеб убит был далеко на севере в странах чуди заволоцкой. Об изгнании Глеба см. летопись во II томе продолж. Древ. Вивлиоф «И посади Святослав... своего Глеба. И выгнаша... и бежа за Волок, и у ... и Чудь». Пропуски эти дополняются тождественною с напечатанною в Вивл. летописью, находящеюся в Румянц. музее под № CCXLIX: «И посади Святослав сына своего Глеба, и выгнаша из города, и бежа за Волок, и убиша и Чудь» [8]. См. Арцыб. I., пр. 181 [9].

[66] Карамз. II, 135 [10].

[67] Татищ. II, 133 [11].

[68] Полн. собр. русск. лет., I, 86: «Володимер же приступи к вратам всточным, от *стрежений* отя врата» [12]. Речка Стрижень течет в самом Чернигове, Арцыб. I, прим. 185 [13].

[69] См. прим. 199 [данного тома].

[70] Ярослава погребли точно так же, в раке мраморной.

[71] Если Всеволод признавал изгнание Изяслава справедливым, признав старшинство Святослава законным, то каким же образом потомки Всеволода могли считать это старшинство незаконным? В таком случае они обвиняли бы своего предка, как участника в беззаконии? Разве мы не видим впоследствии, что Всеволодовичи, домогаясь отнять у Святославичей право на старшинство, ни слова не говорят о беззаконном старшинстве Святослава, а выставляют только какое-то завещание Ярослава I, по которому князья восточных областей не должны были вступаться в западные. Ясно, что у Всеволодовичей не было никакого права исключать

---

[1] ПСРЛ, т. I, стр. 78. См. также ПСРЛ, т. I, вып. 1, 1926, стб. 183.

[2] Lamberti Hersfeldensis Annales. Monumenta Germaniae Historica (далее MGH), scriptorum, t. V, Hannoverae 1844, p. 219. Есть издание 1925 г. *В. Н. Татищев*, История Российская., т II, стр. 119.

[3] ПСРЛ, т. I, стр. 103. См. также ПСРЛ, т. I, вып. 1, 1926, стб. 247.

[4] Акты исторические, относящиеся к России (Historica Russiae Monumenta), т. I, Спб. 1841, № 1, 2, стр. 1—3.

[5] *В. Н. Татищев*, История Российская., т II, стр. 130

[6] ПСРЛ, т. I, стр. 103. См. также ПСРЛ, т I, вып 1, 1926, стб 247.

[7] *З. Ходаковский*, Пути сообщения в древней России. «Русский исторический сборник», М. 1837, т I, кн. I, стр. 37.

[8] *А. Х. Востоков*, Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музеума, Спб 1842, № CCXLIX, стр 351.

[9] *Н. С. Арцыбашев*, Повествование о России, т. I, кн. 2, стр. 31, примеч. 181.

[10] *Н. М. Карамзин*, История государства Российского, т. II, стр. 135.

[11] *В Н. Татищев*, История Российская.., т. II, стр. 133.

[12] ПСРЛ, т. I, стр. 86 См. также, т. I, вып. 1, 1926, стб. 201.

[13] *Н. С. Арцыбашев*. Повествование о России, т. I, кн. 2, стр. 32, примеч. 185.

Святославичей из старшинства, что они, пользуясь правом сильного, выставляли только странные предлоги.

[72] Подобноименных мест в нынешней Полтавской губернии много. См. Арцыб., I, пр. 190; Карамз., II, 145; Погод. Исслед., IV, стр. 263 [1].

[73] Татищ., II, 136 [2].

[74] Хождение игумена Даниила [3].

[75] Studien — Еверса, стр. 238 [4].

[76] Сколько? Ростиславичей было трое: Рюрик, Володарь и Василько; в некоторых списках сказано только двое — предполагается Рюрик и Василько, если Володарь еще не возвратился из Тмутараканя; но в некоторых сказано просто Ростиславичи (Кенигсб.) и прибавлен Давид: «выбегоста Ростиславича два от Ярослава» [5] и «выбегоста Ростиславичи Давид и Ярополк» [6]; смена легка, но мы предпочитаем чтение *Ростиславича два* как труднеишее.

[77] «Приходи Ярополк ко Всеволоду на Велик день. В се же время выбегоста Ростиславича 2 от Ярополка, и пришедше прогнаста Ярополка» [5] — Ниоткуда не следует, чтоб Ростилавичи овладели Владимиром в отсутствие Ярополка, иначе как могло быть сказано, что, пришедши, они прогнали этого князя; можно только допустить, что они убежали в его отсутствие; но у Татищева [5] читаем, что Ярополк на Велик день приходил уже в Киев жаловаться на изгнание.

[78] Полн. собр. русск. лет., I, [88] и 103. — «И пакы по Изяславичих за Микулин и не постигохом их» [7]. — Но что же это за Изяславичи? Святополк был в Новгороде? Мы думаем, что должно читать Ростиславичи вместо Изяславичи. — Есть местечко Микулинцы Подольской губернии, Винницкого повета, и еще город ниже Тарнополя и выше Струсова.

[79] На реке Горыне, близ Ровна. Арцыб., I, пр. 201 [8].

[80] Татищ., II, 137 [9].

[81] Прибавление нужно для верности характеру, который после придан Ярополку.

[82] Уездный город Волынской губернии на реке Стыре.

[83] По известиям польских летописцев [10], Червенские города, взятые Болеславом II, были возвращены Ростиславичами. Арцыб., I, пр. 218 [11].

[84] Здесь может быть речь только об одном каком-нибудь из четырех Звенигородов галицких. См. Исслед. Погод., IV, пр. 152 [12].

[85] Мы распространились об этом событии потому, что существует целая статья о смерти Ярополка Изяславича, автор которой старался оправдать совершенно Ростиславичей и сложить вину на Давида (Соврем., т. XVI, отд. II) [13]. Уважение, питаемое нами к ученым трудам автора статьи, заставило нас подробнее коснуться ее предмета.

[86] Что слова летописца: «Ходи Всеволод к Перемышлю» означают воинский поход, не подлежит никакому сомнению: иначе, для чего ходил

---

[1] *Н. С. Арцыбашев,* Повествование о России, т. I, кн. 2, стр. 33, примеч. 190; *Н. М. Карамзин,* История государства Российского, т. II, стр. 392, прим. 145; *М. П. Погодин,* Исследования, замечания и лекции о русской истории, т. IV, стр. 263.

[2] *В. Н. Татищев,* История Российская.., т. II, стр. 136.

[3] Путешествие игумена Даниила по святой земле в начале XII в., Спб. 1864, стр. 7, примеч. 19.

[4] *J. Ewers,* Studien zur gründlichen Kenntniss der Vorzeit Russlands,Dorpt 1830, s. 238

[5] ПСРЛ, т I, стр. 88. См. также ПСРЛ, т. I, вып. 1, 1926, стб. 205; *В. Н. Татищев,* История Российская., т. II, стр. 137.

[6] Кенигсбергская летопись. Библиотека Российская древних летописей, 1767. См. также ПСРЛ, т I, вып. 1, 1926, стб. 205 (вариант).

[7] ПСРЛ, т. I, стр. 103. См. также ПСРЛ, т. I, вып. 1, 1926, стб. 248 (стр. 88 указана ошибочно).

[8] *Н. С. Арцыбашев,* Повествование о России, т. I, кн. I, стр. 34, примеч. 201.

[9] *В. Н. Татищев,* История Российская.., т. II, стр. 137.

[10] Kronika Polska Martina Bielskiego. Warszawa 1828 [t. I], str. 204.

[11] *Н. С. Арцыбашев,* Повествование о России, т. I, кн. 2, стр. 35, примеч. 218.

[12] *М. П. Погодин,* Исследования, замечания и лекции о русской истории, т. IV, стр. 152.

[13] Смерть Ярополка Изяславича (в 1086 г.), «Современник», т. XVI, отд. 2, стр. 1—32.

Всеволод? Великий князь не мог ходить просто для свидания к младшему. У Татищева в[еликий] князь предпринял поход на Ростиславичей по жалобам Святополка Изяславича и Давида Игоревича, дошел до Звенигорода, послал за Ростиславичами и помирился с ними (II, 140) [1].

[87] Полн. собр. русск. лет., I, 130: «Пожег землю и повоевал до Лукомля и до Логожьска, та на Дрьютьск воюя» [2]. Лукомль — местечко Могилевской губернии, Сеннинского уезда; Друцк — местечко Могилевского уезда; Логойск — Минской губернии, в Борисовском уезде, на р. Гойне, впадающей в Березину.

[88] Слово о Полку Игореву [3]. — В известии о молодой дружине Всеволода и тиунах в разных списках находятся разные чтения, в одних: «Начаша тиуни грабити»; в других: «начаша тии унии» молодые, о которых говорилось перед этим. ПСРЛ, I, 93 [4].

[89] Так, в 1071 году они воевали у Ростовца и у Неятина [5] (местоположение этих городов спорное: одни полагают на западной, другие на восточной стороне Днепра, т. е. одни в Киевской, другие в Черниговской волости; см. Исслед. Погод., IV, стр. 148 [6].) Под 1092 годом читаем: «рать велика бяше от Половець и отвсюду: взяща 3 грады, Песочен, Переволоку, Прилук и многа села воеваша по обема странома» [7], все три места в Переяславской волости, в нынешней Полтавской губернии на реке Удае.

[90] Полн. собр. русск. лет., I, 103 [8].

[91] Здесь может быть только вопрос: каким образом сам Изяслав предпринимал поход против голядей? из соображения летописных известий можно полагать, что великий князь все это время находился сам на севере, в Смоленске, Пскове и соседних местах.

[92] В дошедших до нас списках говорится кратко о взятии Мурома болгарами без объяснения причин и следствий; но Татищев, основываясь на Нижегородском и Макарьевском списках, говорит, что по Оке и Волге в это время были сильные разбои, вредившие болгарской торговле; болгары прислали к князю Олегу и брату его Ярославу Святославичам, которым, по Татищеву, принадлежала в это время Тмутаракань, Рязань и Муром, просить на разбойников, но не получа управы, пошли на Муром и взяли его [9]. — Известие это очень любопытно и очень вероятно: нет основания отвергать, чтоб в это время не было *ушкуйничества,* которое мы увидим в такой силе после.

[93] Владимир сам говорит в начале поучения своего детям: «Аз худый дедом своим Ярославом, благословенным, славным, наречен в крещении Василий, Русьским именем Володимир, отцем възлюбленным и матерью своею Мьномахъ» [10]. — Из этих слов видно, что «Мономах» не был прозванием, но именем, данным при рождении, точно таким же, какими были Владимир и Василий. Ярослав хотел назвать первенца внука от любимого сына Владимиром — Василием в честь отца своего; отец и мать — Мономахом в честь деда по матери, императора греческого; естественно, что Всеволод гордился происхождением сына своего от царя.

[94] У Татищева читаем, что киевляне просили Мономаха остаться у них княжить [11].

[95] Русск. достопамят., I, стр. 63: «И видят вси и чюдяться» [12].

---

[1] *В. Н. Татищев,* История Российская.., т. II, стр. 140.

[2] ПСРЛ, т. I, стр. 103. См. также ПСРЛ, т. I, вып. 1, 1926, стб. 248. (страница 130 дана неверно).

[3] Слово о Полку Игореве, изд. АН СССР, М. 1950, стр. 16.

[4] ПСРЛ, т. I, стр. 93. См. также ПСРЛ, т. I, вып. 1, 1926, стб. 217.

[5] ПСРЛ, т. I, стр. 76. См. также ПСРЛ, т. I, вып. 1, 1926, стб. 174.

[6] *М. П. Погодин,* Исследования, замечания и лекции о русской истории, т. IV, стр. 148

[7] ПСРЛ, т. I, стр. 92. См. также ПСРЛ, т. I, вып. 1, 1926, стр. 215.

[8] ПСРЛ, т. I, стр. 103 См. также ПСРЛ, т. I, вып. 1, 1926, стб. 248.

[9] *В Н Татищев,* История Российская.., т. II, стр. 169, 164.

[10] ПСРЛ, т. I, стр. 100. См. также ПСРЛ, т. I, вып. 1, 1926, стб. 240.

[11] *В. Н. Татищев,* История Российская.., т. II, стр. 212.

[12] Русские достопамятности, издаваемые обществом истории и древностей Российских, ч. I, М. 1815, стр. 63.

[96] Там же, стр 69 [1].

[97] Там же, стр. 63: Митрополит Никифор говорит о Мономахе: «Его же бог издалеча проразуме и предповеле, его же из утробы освяти и помазав, от царское и княжеское крови смесив» [2].

[98] Мы видели, что когда Святополк пришел в Киев, то Владимир отправился в Чернигов, а брат его Ростислав в Переяславль; из этого уже одного известия имеем право заключить, что эти столы были прежде за ними при Всеволоде, но кроме того летописец прямо говорит, что Всеволод, заступив место Изяслава в Киеве, посадил сына своего Владимира в Чернигове; потом в другом месте говорит, что Мономах, примирившись с Ярополком, возвратился в Чернигов. Но сам Мономах в поучении детям говорит: «И на весну посади мя отець в Переяславли перед братьею» [3], тогда как из прежних слов того же поучения видно, что, он сидел в Чернигове, ибо ходил в поход с жителями этого города, что, следовательно, подтверждает слова летописи. Но каким же образом могло случиться, что Всеволод дал ему Переяславль после Чернигова, когда Чернигов был старше Переяславля, и что значит «перед братьею», когда у Владимира был только один брат Ростислав? Разве принимать здесь временное посажение для войны с половцами, но тогда что будет значить: перед братьею! впереди братьев, в передовой рати? или, может быть, здесь ошибка: вместо: «перед братиею» должно читать: «перед ратию»??

[99] Теперь селение Торчица, на берегу Торчи, впадающей слева в Рось.

[100] Триполье — местечко при устье реки Стугны, Киевского уезда.

[101] Между Белгородкой и Киевом, на речке, называемой ныне Борщаговкой есть селение Жиляне.

[102] Полн. собр. русск. лет., I, 103: «Мир створихом с Тугорканом и со инеми князи Половечьскыми, и у Глебови чади пояхом дружину свою всю» [4]. — Любопытно, что здесь Глеб имя половецкое.

[103] В «Слове о Полку Игореву» Олег назван Гориславичем [5]: по связи последующих выражений должно думать, что он в народном мнении был славен не своим, но чужим горем; так смотрит на него и летописец.

[104] Полн. собр. русск. лет., I, 104: «И идохом на вои их за Римов, и бог ны поможе» [6]. — Есть селение *Рим,* значащееся на границе уездов Роменского, Лохвицкого и Прилуцкого.

[105] Я внес сюда известие списков Татищевских (II, 153) [7], без которого в летописи не будет связи между приходом Славаты и советом Ратиборовичей.

[106] Я принимаю здесь чтение чад в смысле родни, а не дружины, ибо увидим после, что главным действователем будет сын Ратибора; притом, что за дружина Ратиборова?

[107] У Татищева прямо сказано: II, 155 [8].

[108] Полн. собр. русск. лет., I, 104: «И вежи их взяхом, шедше за *Голтавом*» [9]. — Теперешнее местечко Голтва находится при впадении в Псел (Полтавская губ., Кобеляцкого уезда) речки Большой Голтовы, которая принимает в себя несколько других Голтв.

[109] Полн. собр. русск. лет., III, 3 [10].

[110] Татищ., II, 156 [11].

---

[1] Русские достопамятности, издаваемые обществом истории и древностей Российских, стр. 69.
[2] Русские достопамятности.., стр. 63.
[3] ПСРЛ, т. I, стр. 103. См. также ПСРЛ, т. I, вып. 1, 1926, стб. 248.
[4] ПСРЛ, т. I, стр. 103. См. также ПСРЛ, т. I, вып. 1, 1926, стб. 249.
[5] Слово о Полку Игореве, стр. 16.
[6] ПСРЛ, т. I, стр. 104. См. также ПСРЛ, т. I, вып. 1, 1926, стб. 249.
[7] *В. Н. Татищев,* История Российская.., т. II, стр. 153.
[8] *В. Н. Татищев,* История Российская.., т. II, стр. 155.
[9] ПСРЛ, т. I, стр. 104. См. также ПСРЛ, т. I, вып. 1, 1926, стб. 249.
[10] ПСРЛ, т. III, Спб. 1841, стр. 3.
[11] *В. Н. Татищев,* История Российская.., т. II, стр. 156.

[111] Эти слова вовсе не доказывают существования безусловной отчинности, как хотят некоторые исследователи. Олег занимал между двоюродными братьями то же самое место, какое отец его занимал между Ярославичами, следовательно, он имел право владеть и всеми волостями последнего.

[112] Дядя племяннику также считался отцом, см. выше первую главу.

[113] Этими словами Мономах прямо говорит, что Изяслав занял волости Святославичей без его ведома и согласия [1].

[114] Стало быть в[еликий] кн[язь] Всеволод посадил их там [1].

[115] «А его же то и хощеши насильем, тако *ведаяла* у Стародуба и *Милкусяюча* по тебе отчину твою» [2]. — Здесь вся запутанность произошла от слитного написания двух слов ве (мы) *даяла* (давали) двойственное число, т. е. мы с Святополком давали тебе и у Стародуба еще Рязань и Муром, что теперь ты хочешь взять насилием. *Милкусяюча* есть явно искаженное *милующися.*

[116] Это было 5 ноября, а именины были 8-го; Святополка звали Михаилом.

[117] Быть может, нынешняя деревня Здвишка, на реке Здвижи, Радомысльского уезда, Киевской губернии.

[118] Т. е. родичи не ослепляли еще друг друга; погибали князья в бою; было подозрение, что Ярополк Изяславич погиб от Ростиславичей, но подозрение только; притом здесь была также явная вражда, смута; Всеволод был схвачен вероломно, но не ослеплен; но никогда еще не было такого вопиющего вероломства и насилия.

[119] Может возникнуть вопрос: зачем киевляне удержали Святополка от бегства, им должно было быть приятно избавиться от такого князя? Но они хорошо помнили следствия изгнания отца Святополкова; хорошо знали, что Святополк будет стараться всеми силами добыть себе опять свой стол, следствием чего будут усобицы, за которые поплатятся города и села, и особенно их город; усобица княжеская была страшнее всего, потому что ею пользовались половцы.

[120] *Всеволожь* — быть может нынешнее селение Воложки, в 12 верстах от Ковеля, города Волынской губернии. *Шеполь* — есть селение *Шепель* в Луцком уезде, Волынской губернии, в 18 верстах от уездного города, на реке Ставе, впадающей в Стырь. *Перемиль* — есть Перемиль в Дубенском повете, к северо-востоку от Берестечка, на Стыре.

[121] Теперь *Буск,* местечко в Золочовском округе Галиции, на правой стороне Западного Буга.

[122] Татищ., II 185 [3].

[123] Местечко Волынской губернии, Ковельского уезда, на реке Турье.

[124] Татищ., II, 189 [4].

[125] У Татищева прямо так читаем, II, 188 [4].

[126] Арцыбаш. указывает на Рожеямполь, местечко Волынской губернии, Владимирского повета [5].

[127] У Татищева (II, 189) читаются любопытные слова Ростиславичей, сказанные Святополку перед началом битвы: «Дед наш Владимир был старейший брат отцу твоему, а отец наш старейший тебе, и по смерти деда нашего Владимира отец твой с братьею — Святославом и Всеволодом дали отцу нашему Владимир со всею Червенскою землею, а себе взяли другие уделы, более нежели отцу нашему дали, и утвердили ротою, как мы имеем отца твоего грамоты. По смерти отца нашего мы хотя малы остались, но отец твой и Святослав, помня свою к отцу нашему роту, Владимира у нас не отнимали; но как отец твой умер, то брат твой Ярополк, преступя отцово клятвенное обещание, и стрыя своего Всеволода увещание, нас Владимира лишил, и мы уже довольны были тем, что

[1] ПСРЛ, т. I, стр. 106. См. также ПСРЛ, т. I, вып. 1, 1926, стб. 254.
[2] ПСРЛ, т. I, стр. 106. См. также ПСРЛ, т. I, вып. 1, 1926, стб. 254.
[3] *В. Н. Татищев,* История Российская.., т. II, стр. 185.
[4] *В Н. Татищев,* История Российская., т. II, стр. 188, 189.
[5] *Н С Арцыбашев,* Повествование о России, т. I, кн. 2, стр. 53, примеч 313

нам тогда дали, и брат твой клятвою утвердил. Мы более того от тебя не требуем, и когда ты своим недоволен, и хочешь нас отцовского владения лишить, то оставляем на суд божий, кому он хочет, тому даст, а мы тебе не дадим ни села, но просим покорно, помня клятвенное обещание отца своего, и свою на съезде данную роту, оставить нас в покое, а мы как тебя ничем не оскорбили, а всегда тебя почитаем, яко старейшего, то всегда обещаем сохранить» [1].

[128] Число венгерского войска в наших летописях до крайности преувеличено до 100 000, а число погибших до 40 000. Вероятнее известия Бельского и Стрыйковского, полагающих 8000 всего войска. И то будет много, если возьмем в соображение малочисленность русских и половцев [2]; впрочем, успех последних объяснится, если прочтем известие Татищева (II, 192) [3], что Володарь, узнавши о прибытии Давыда и Боняка, сделал с своей стороны вылазку из Перемышля и ударил на стан королевский; это окончательно расстроило венгров.

[129] *Сутейск* — подобные названия мест встречаются теперь, но вдалеке от описываемой сцены действия; *Червень* — полагают нынешнее местечко *Червоногород,* в Чортовском округе, при реке Дзурош, впадающей в Днестр.

[130] Выгошевцы — жители города Выгошева. Указывают теперь подобнозвучащие местности; из них можно принять к соображению только деревню *Выжовку* и местечко *Выжву* в Ковельском уезде Волынской губернии.

[131] Причиною такой оплошности Давыдовой у Татищева полагается надежда его на слово Святоши [4]. Удивительно, как все эти князья беспрестанно нарушали свои клятвы и все еще надеялись на них.

[132] Полагают это место на реке Вете. Журн. Мин. внутр. дел, 1849, № 6 [5].

[133] Нет никакого основания читать: в *Бужском остроге* вместо Бужске, в остроге; Бужск встречали мы прежде без прибавления острог, притом же Острог находится подле городов, данных Давыду, — Бужска, Дубна и Чарторыйска. Дубно — город Волынской губернии, Чарторыйск — местечко той же губернии, Луцкого уезда, на реке Стыре.

[134] Полн. собр. русск. лет., I, 100. «Усретоша бо мя слы от братья моея на Волзе», — говорит Мономах, — реша: «потъснися к нам, да выженем Ростиславича и волость их отъимем; аже ли не поидеши с нами, то мы собе будемь, а ты собе». И рех: «аще вы ся и гневаете, не могу вы я ити, ни креста переступити» [6].

[135] Там же, стр. 116: «В лето 6608. Выиде Мстислав от Давыда на море, месяца июня в 10. Том же месяци (читай: лете) братья створища мир межи собою, Святополк, Володимер, Давыд, Олег, в Уветичих, месяца августа во 10(14) день. Того же месяца в 30, в том же месте, братья вся сняшася... и приде к ним Игоревич Давыд» [7]. — Нет, следовательно, никакого основания думать, что князья собрались 10 августа и до 30 дожидались Давыда.

[136] Никон., II, 32: «И начаша посылати по Давыда Игоревича, любовию вадяще его к себе, и обещавающе ему стольный град Володимер» [8].

[137] «И ять и на Нуре» [9]; река, впадающая в Буг в Гродненской губернии.

[138] Брат его — Вячеслав Ярополчич умер в 110 [8] году.

[139] «И Устье пожже» [9]. — Вероятно, устье Трубежа.

---

[1] *В. Н. Татищев,* История Российская.., т. II, стр. 189—190.

[2] Kronika Polska Martina Bielskiego. Warszawa 1828, [t. I], str. 206. Kronika Polska, Litewska, Żmódzka i wszystkiej Rusi Macieja Stryjkowskiego, t. I, Warszawa 1846, str. 178.

[3] *В. Н. Татищев,* История Российская.., т. II, стр. 192.

[4] *В. Н. Татищев,* История Российская.., т. II, стр. 194.

[5] В ЖМВД. 1849, № 6 — не найдено.

[6] ПСРЛ, т. I, стр. 100. См. также ПСРЛ, т. I, вып. 1, 1926, стб. 241.

[7] ПСРЛ, т. I, стр. 116. См. также ПСРЛ, т. I, вып. 1, 1926, стб. 273.

[8] Русская летопись по Никонову списку, ч. II, Спб. 1768, стр. 32. См. также ПСРЛ, т. IX, Спб. 1862, стр. 136.

[9] ПСРЛ, т. I, стр. 117, 98. См. также ПСРЛ, т. I, вып. 1, 1926, стб. 275, 231.

[140] *Задом,* а не *за дом,* как напечатано в Полн. Собр., I, 99 [1].

[141] На левом берегу Днепра, недалеко от Переяславля, быть может, нынешнее село Салько́в.

[142] Подробности одного и того же события рассказаны в Лавр. списке под 1103 годом [2], а в Ипатьевском отнесены к 1111 [3].

[143] Уездный город Полтавской губернии.

[144] Там же, II, 206 [4].

[145] Воскрес., I, 254 [5].

[146] Полн. собр. русск. лет., II, 155 [6].

[147] Полн. собр. русск. лет, III, 3: Под 1105 годом· «Идоша в Ладогу на войну» [7]. — Под 1111: «Ходи Мстислав на Очелу» [7]. Эта *Очела* есть *Отела,* чудское племя, упоминаемое в 1229 году в договоре между дерптским епископом Германом и немецким Орденом; см. Шегрена — Ueber die ältesten Wohnsitze der Jemen, стр. 312 [8]. — Под 1112: «Победи Мстислав, на Бору, Чудь» [9].

[148] Татищ., II, 199: «Борис Всеславич полоцкий ходил на ятвяг и победя их, возвратясь, поставил град Борисов в свое имя, и людьми заселил» [10]. — В 1106 году (Полн. собр. русск. лет., I, 120): «Победиша Зимегола Всеславичь всю братью и дружины убиша 9 тысящь» [11]. Под 1112 II, 3): «Ярослав ходи на Ятвязе сын Святополч, и победи я» [12].

[149] Полн. собр. русск. лет., I, 119; год 1110: «Бися Ярослав с Мордвою месяца марта в 4 день, и побежен бысть Ярослав» [13]. В Новгор.: «Победиша Ярослава мордва Муроме».

[150] Полн собр. русск. лет., I, 115[14]; — По Никон. (II, 33) [15] и Татищеву (II, 191) [16] и второй сын Ярослав был также от этой наложницы; быть может, уменьшительные: Мстиславец, Ярославец, как их называли, указывали на их происхождение.

[151] Татищ., II, 211: «Сей великий князь был ростом высок, сух, волосы черноваты и прямы, борода долгая, зрение острое, читатель был книг, и вельми памятен, за многая бо лета бывшая, мог сказать, яко написанное; болезней же ради мало ел, и весьма редко, и то по нужде для других упивался; к войне не был охотник; и хотя на кого скоро осердился, но скоро и запамятовал; при том вельми сребролюбив был и скуп, для которого жидам многие пред христианы вольности дал, чрез что многие христиане торгу и ремесл лишились. Наложницу свою поял в жену, и тако ее любил, что без слез на малое время разлучиться не мог и много ее слушая, от князей терпел поношение, а часто и вред с сожалением; и ежели бы Владимир его не охранял, то б давно Киева Святославичами лишен был» [17]. — У Татищ. (II, 156) к княжению Святополкову относится поход на корсунцев: «Корсуняне, напав на русские корабли, разбили и многое богатство пограбили, о чем Святополк и Владимир посылали к царю Алексию просить и к корсунянам, но не получили достойного награждения, для которого Владимир с Давыдом Игоревычем и

---

[1] ПСРЛ, т. 1, стр. 99. См. также ПСРЛ, т. I, вып 1, 1926, стб. 232.

[2] ПСРЛ, т. I, стр. 118. См. также ПСРЛ, т. I, вып 1, 1926, стб 277.

[3] ПСРЛ, т. II, стр. 1. См. также ПСРЛ, т II, 1908, стб. 264—265

[4] Указано неверно. Следует: ПСРЛ, т. I, стр. 121. См. также ПСРЛ, т. 1, вып. 1, 1926, стб. 284.

[5] Русская летопись с Воскресенского списка, ч. I, Спб. 1793, стр. 254. См. также ПСРЛ, т. VII, стр. 21.

[6] ПСРЛ, т. II, стр. 155. См. также ПСРЛ, т. II, 1908, стб. 716.

[7] ПСРЛ, т. III, стр. 3, 4.

[8] *J. Sjogren,* Gesammelte Schriften, Bd. I, St -Petersb 1861, S. 471.

[9] ПСРЛ, т. III, стр. 4.

[10] *В Н Татищев,* История Российская , т. II, стр. 199.

[11] ПСРЛ, т. I, стр. 120. См. также ПСРЛ, т. I, вып. 1, 1926, стб. 281.

[12] ПСРЛ, т. II, стр. 3. См. также ПСРЛ, т. II, 1908, стб 273

[13] ПСРЛ, т. I, стр. 119. См. также ПСРЛ, т. I, вып. 1, 1926, стб. 280. ПСРЛ, т. III, стр. 3

[14] ПСРЛ, т. I, стр. 115. См. также ПСРЛ, т. I, вып. 1, 1926, стб. 270

[15] Русская летопись по Никонову списку, ч. II, стр. 33. См. также ПСРЛ, т. IX, стр. 137.

[16] *В Н. Татищев,* История Российская.., т. II, стр 191.

[17] *В. Н. Татищев,* История Российская ., т. II, стр. 211.

Ярославом Ярополчичем, имеющим войска Святополковы, к тому же взяв торков и козаров, пошел в Корсунь, и сошедшись с войсками корсуновскими у града их Кафы победил, по котором корсуняне, заплатя все убытки Владимиру, мир испросили» [1]. — Здесь Татищ., ссылается на степенные, Стрыйковского и рукопись Волынского.

[152] Патер. Печер. лист. 141, 144, 145 [2].

[153] Ср. после слова Ольговичей Давыдовичу о волостях.

[154] Полн. собр. русск. лет., II, 4. «Съвет створиша Кияне, послаша к Владимеру, глаголюще: «пойди, княже, на стол отень и деден» [3]. Татищ., II, 211: «По смерти его (Святополка) киевляне, сошедшись к церкви св. Софии, учинили совет об избрании на великое княжение, на которое без всякого спора все согласно избрали Владимира Всеволодича». При этом прибавляет в примечании (359): «Сие избрание государя погрешно внесено, ибо по многих обстоятельствах видим, что силы киевлян в том не было, и брали сущие наследники по закону или по заветам, или силою». — Вот лучшее доказательство добросовестности Татищева: ему не нравился факт избрания, и, однако, он оставил его в тексте [4].

[155] Татищ., II, 212 [5].

[156] См. выше, прим. 16 [данного тома].

[157] Татищ., II, 213 [6]. Здесь читаем, что Владимир созвал князей, и на общем совете положили выгнать жидов изо всей Русской земли. Этому известию противоречит известие летописи под 1124 годом (Полн. собр. русск. лет., II, 10) [7] о пожаре, во время которого погорели в Киеве и жиды. Впрочем, прежнее место жидов могло долго удерживать их имя.

[158] Теперь уездный город Минской губернии.

[159] Полтавской губернии, в Золотоношском уезде, на р[еке] Суле, недалеко от устья ее в Днепр, находится старинное местечко Жовлин, или Жолнин.

[160] По Татищеву (II, 222), Глеб начал опять воевать Новгородскую и Смоленскую волости; Владимир послал на него сына своего Мстислава, который и отнял у него Минск [8].

[161] Никон., II, 53: «Бяше бо негодуя внуку его Ярославец Мстиславлю дщерь» [9].

[162] По свидетельству анонимного автора Vitae S. Ottonis (Ludwig, Script. rer. Bamberg., p. 649—50) [10] перед браком этим была война у Святополка с Болеславом; если это известие верно, то поводом к войне должно положить дело племянника Святополкова, Ярослава Ярополчича, которое велось на польских границах, и тут могли возникнуть неприязненные столкновения.

[163] Збигнев, изгнанный Болеславом с помощию Ярослава, нашел, однако, убежище при дворе Святополка киевского и был примирен им с братом: Полн. собр. русск. лет., I, 120; под годом 1106. «В то же лето прибеже Избыгнев к Святополку» [11].

[164] Татищ., II, 219: Что это известие Татищева справедливо, доказательством служат слова Мономаховы в летописи: «веля ему к собе приходити, когда тя позову» [12]; ясно, что прежде Ярослав не приходил на зов.

---

[1] *В. Н. Татищев*, История Российская.., т. II, стр. 157.

[2] Печерский Патерик, Киев 1783 г., л. 141, 144, 145. См. также Патерик Киево-Печерского монастыря, Спб. 1911, стр. 106, 108, 109.

[3] ПСРЛ, т. II, стр. 4. См. также ПСРЛ, т. II, стб. 275.

[4] *В. Н. Татищев*, История Российская.., т. II, стр. 211, стр. 458, примеч. 359.

[5] *В. Н. Татищев*, История Российская.., т. II, стр. 212.

[6] *В. Н. Татищев*, История Российская.., т. II, стр. 213.

[7] ПСРЛ, т. II, стр. 10. См. также ПСРЛ, т. II, 1908, стб. 288.

[8] *В. Н. Татищев*, История Российская.., т. II, стр. 222.

[9] Русская летопись по Никонову списку, ч. II, стр. 53. См. также ПСРЛ, т. IX, стр. 150.

[10] Vitae Ottonis episcopi Bambergensis. MGH, scriptorum, t. XII, Hannoverae 1856, p. 776.

[11] ПСРЛ, т. I, стр. 120. См. также ПСРЛ, т. I, вып. 1. 1926, стб. 281.

[12] *В. Н. Татищев*, История Российская.., т. II, стр. 219; ПСРЛ, т. II, стр. 8. См. также ПСРЛ, т. II, 1908, стб. 285.

[165] Полн. собр. русск. лет., II, 9: «Володаря яша Ляхове лестью, Василкова брата»[1], Roepell, Geschichte Polens, I, 266[2]. — Жур. Мин. нар. просв. 1836, № 10[3].

[166] Мы видели, что и прежде такие дела обыкновенно поручались иностранцам — варягам, торкам; вспомним убиение Ярополка Святославича, св. Глеба, ослепление Василька. В Ипатьевском списке не сказано, откуда вышли два ляха: в Воскрес. (I, 263) сказано, что из города; в Никон., II, 55, что граждане, вышедши из города, убили Ярослава[4].

[167] Полн. собр. русск. лет., I, 130, 131[5].

[168] Там же, II, 8[6].

[169] Воскрес., I, 258[7].

[170] Как, напр. Даниил заточник называет Юрия Долгорукого сыном великого царя Владимира[8].

[171] Полн. собр. русск. лет., II, 9: «Ведена Мьстиславна в Грекы за царь»[9]: царем был тогда Иоанн Комнен, след[овательно] напрасно обвиняет Карамзин[10] Татищева за поставление здесь императора Иоанна; если кто ошибся, так летописец, а не Татищев. — Что же касается здесь зятя Мономахова и сына Диогенова, то его должно отделять от самозванца, о котором говорит Анна Комнина[11]: по ее словам, обманщик был сослан в Херсон, освобожден оттуда половцами, привел последних во Фракию, был взят в плен и ослеплен в 1096 году. Это событие знает и наша летопись: под 1095 годом читаем (Полн. собр. русск. лет., I, 97): «Идоша Половци на Грьки с Девгеневичем (Диогеновичем), воевали по Гречьстей земле; и царь я Девгенича, и повеле и слепити»[12]. — Относительно присылки даров Мономаху см. рассказ Густинской летописи (Полн. собр. русск. лет., II, 290), где прямо сказано, что прислал их Мономаху царь Алексей Комнин[13]; в других же летописях также позднейшего составления ошибкою вместо Алексея Комнина поставлен Константин Мономах, давно уже умерший, точно так, как крестным отцом св. Ольги вместо Константина Багрянородного поставлен Цимисхий. Ошибку доказывает здесь то, что все летописи согласно помещают присылку даров после фракийской войны, во время старости Мономаховой, а не младенчества его; следовательно, нет возможности на этой ошибке строить какие-либо новые предположения. О вопросе, считать ли жену Леона Диогеновича дочерью или сестрою Мономаха, см. статью Васильевского «Русско-византийские отрывки» в журн. Мин. нар. просвещ. 1875, декабрь[14].

[172] «Придоша к Выру» (Полн. собр. русск. лет., II, 4)[15]. Старые Виры на границе Курской и Харьковской губерний.

[173] Полн. собр., русск. лет., III, 5[16].

[174] Портрет Мономаха у Татищева (II, 229): «лицом был красен, очи велики, волосы рыжеваты и кудрявы, чело высоко, борода широкая, ростом не вельми велик, крепкий телом и силен вельми, в воинстве вельми

---

[1] ПСРЛ, т. II, стр. 9. См. также ПСРЛ, т. II, 1908, стб. 286.

[2] *R. Roepell,* Geschichte Polens, t. I, Hamburg 1840, S. 266.

[3] В ЖМНПр., 1836, № 10 — не найдено

[4] Русская летопись с Воскресенского списка, ч. I, стр. 263. См. также ПСРЛ, т. VII, стр. 25; Русская летопись по Никонову списку, ч. II, стр 55. См. также ПСР, т. IX, стр. 152

[5] ПСРЛ, т. I, стр. 130, 131. См. также ПСРЛ, т. I, вып. 2, 1927, стб. 296, 299.

[6] ПСРЛ, т. II, стр. 8. См. также ПСРЛ, т. II, 1908, стр. 286.

[7] Русская летопись с Воскресенского списка, ч. I, стр. 258. См. также ПСРЛ, т. VII, стр. 23.

[8] Слово Даниила Заточника по редакции XII и XIII вв. АН СССР, Л. 1932, стр. 11.

[9] ПСРЛ, т. II, стр. 9. См. также ПСРЛ, т. II, 1908, стр. 286.

[10] *Н. М Карамзин,* История государства Российского, т. II, стр. 421, примеч. 209.

[11] *Анна Комнина,* Сокращенное сказание о делах царя Алексея Комнина. Византийские историки, переведенные с греческого С.-Петербургской духовной академией, т. 2, Спб. 1859, кн. IX.

[12] ПСРЛ, т. I, стр. 97. См. также ПСРЛ, т. I, вып. 1, 1926, стб. 226—227.

[13] ПСРЛ, т. II, стр. 290 (прибавления к Ипатьевской летописи).

[14] *В. Васильевский,* Русско-византийские отрывки, ЖМНПр., 1875, декабрь, стр. 270—316.

[15] ПСРЛ, т. II, стр. 4. См. также ПСРЛ, т. II, 1908, стб. 276.

[16] ПСРЛ, т. III, стр. 5

храбр и хитр на устроение войск, многих врагов своих победил и покорил, сам же единою токмо у Триполя побежден был, о чем никогда поминать не мог, частию от жалости по утопшем тогда брате Ростиславе, которого вельми любил, частию от стыда, что непорядком Святополковым к тому приведен» [1].

[175] Никон., II, 58 [2].

[176] Татищ., II, 231: «Черниговские князи весьма тому Мстиславлю восшествию на престол зазрили, поставляя себя старейшими, но ведая храбрость и великий ум Мстиславль с молчанием оставили, понеже не был никто в состоянии противоречить ему» [3].

[177] Но, как видно, Мстислав, будучи переведен отцом из Новгорода в Белгород, считался князем переяславским по старшинству стола, а сидел в Белгороде для того только, чтоб быть поближе к отцу. Полн. собр. русск. лет., I, 132: «В то же лето Ярополк приведе Всеволода Мстиславича из Новагорода, и да ему Переяславль по хрестьному целованию, ако же ся бяше урядил с братом своим Мстиславом, по отню повеленью, ако же бяше има дал Переяславль с Мстиславом» [4].

[178] Мономах в письме к Олегу говорит: «Да то ти седит сын твой хрестьный (Мстислав) с малым братом своим (Юрием)» [5].

[179] Река в Харьковской губернии, впадающая в Сейм.

[180] Впадающей в Выpь.

[181] Татищ., II, 235 [6].

[182] По Татищеву (II, 265) [6] это был сын Давыда Игоревича. Городно считают местечком Минской губернии, Пинского уезда.

[183] Неизвестно, сын какого Ярослава — Святополковича или Ярополковича; Карамзин думает, что первого. Этот женился в 1112 году (Полн. собр. русск. лет., II, 3) [7]; положим, что Вячеслав был первенец и родился через год, и тогда в 1127 году было ему только 14 лет.

[184] В Борисовском уезде, на реке Гойне, впадающей в Березину. — Друцк местечко Могилевского уезда на реке Друче.

[185] «Потом же и Новгородци придоша с Мстиславичем со Всеволодом к Неколочю» [8]. — Селение Неклочь Витебской губернии, Лепельского уезда, в 19 верстах от Лепеля.

[186] Конечно, Рогволода Всеславича, а не Борисовича, потому что нельзя было взять сына мимо отца, а Борис умер после.

[187] Полн. собр. русск. лет., II, 15: «Зане не бяхуть его воли и не слушахуть его, коли е зовяшеть в Русскую землю на помощь, но паче молвяху Бонякови шелудивому во здоровье» [9], объясняется там у Татищева (II, 240): полоцкие с ругательством отказали, глаголя: «Ты с Боняком шолудяком здравствуйте оба, и управляйтесь сами, а мы имеем дома что делать» [10].

[188] Татищ., II, 241: Император же, приняв их, определил им довольное на содержание, и послал в войско, бывшее против срацын, где они с похвалою служили, в Полоцк же Мстислав определил сына своего Изяслава.

[189] Полтавской губернии, Пирятинского уезда, местечко Полстин.

[190] Sjögren. Ueber die älteren Wohnsitze der Jemen, S. 342 [11].

[191] Полн. собр. русск. лет., I, 132. «И седе по нем брат его Ярополк, княжа Кыеве: людье бо Кыяне послаша по нь» [12].

---

[1] *В. Н. Татищев,* История Российская., т. II, стр. 229.

[2] Русская летопись по Никонову списку, ч. II, стр. 58. См. также ПСРЛ, т. IX, стр. 153.

[3] *В. Н. Татищев,* История Российская.., т. II, стр. 231.

[4] ПСРЛ, т. I, стр. 132. См. также ПСРЛ, т. I, вып. 2, 1927, стб. 301.

[5] ПСРЛ, т. I, стр. 106. См. также ПСРЛ, т. I, вып. I, 1926, стб. 254.

[6] *В. Н. Татищев,* История Российская.., т. II, стр. 235, 265.

[7] ПСРЛ, т. II, стр. 3. См. также ПСРЛ, т. II, 1908, стб. 273; *Н. М. Карамзин,* История государства Российского, стр. 440, примеч. 247.

[8] ПСРЛ, т. I, стр. 131. См. также ПСРЛ, т. I, вып. 2, 1927, стб 298.

[9] ПСРЛ, т. II, стр. 15 См также ПСРЛ, т. II, 1908, стб. 303.

[10] *В. Н. Татищев,* История Российская ., т. II, стр 240

[11] *J. Sjogren,* Gesammelte Schriften, Bd. I. St.-Petersb. 1861, S. 501

[12] ПСРЛ, т. I, стр. 132. См. также ПСРЛ, т. I, вып. 2, 1927, стб. 301.

[192] Там же: «Ярополк приведе Всеволода Мстиславича из Новагорода и да ему Переяславль по хрестьному целованью, акоже ся бяше урядил с братом своим Мстиславом, по отню повеленью, акоже бяше има дал Переяславль с Мстиславом» [1].

[193] Там же. «И посла по другого Мстиславича в Полтеск, и приведе и *с клятвою*» [1].

[194] Никон., II, 67 [2].

[195] Полн. собр. Русск. лет., I, 132: «И дошед Городца воротися опять» [3].

[196] Никон., II, 67 [2].

[197] Полн. собр. русск. лет., II, 13: «То же все ся створи, оже выгна Гюрги Всеволода из Переяславля, а потом Изяслава выгна Вячьслав, а потом Изяслава же выгна тот же Вячеслав из Турова, а они приступиша к Ольговичем» [4].

[198] Татищ., II, 249: Юрий Владимирович, князь ростовский выпросил у брата Ярополка Переяславль, и вместо того Ярополку дал Ростов и Суздаль, но не со всею областию, которым Мстиславичи племянники их оскорбились, представляя, что Переяславль им по клятвенному обещанию Ярополкову надлежит, и они ища покоя Вячеславу за просьбу уступили и просили, чтобы им Переяславль возвратить или Ростов и Суздаль, яко прежний отца их удел, им отдать совсем; но видя, что дядья их не слушают, просили о помощи зятя своего Всеволода Ольговича черниговского [5].

[199] Так в Ипатьевск. (Полн. собр. русск. лет., II, 13); в Лавр. (там же, I, 132). «Тое же зимы придоша Ольговичи с Половци и взяша Городок и Нежатин, и села пожгоша, и Баручь пожгоша» [6]. — Под Нежатиным указывают здесь нынешний Нежин; но на это справедливо возражают, что по летописи место действия должно находиться подле Киева, и Городец тот самый, который находился против этого города. Не знаем, почему думают, что этого Нежатина не должно смешивать с Нежатиной Нивой: из рассказа под 1073 годом вовсе не следует, чтоб Нежатина Нива непременно должна быть подле Чернигова: Ярославичи пошли против племянников от Чернигова, могли встретиться с ними в Переяславской волости; что же касается до названия, то Нежатин очень мог называться Нежатина Нива, как Углечь назывался Углече Поле. Максимович указывает Нежатин на хуторе Неготине, близ села Гнедина (Москвит. 1854 г., № 1) [7].

[200] Татищ., II, 248 [8].

[201] «И тако изъимаша е, держаще стяг Ярополчь» [9]. След[овательно] Ярополк в бегстве своем оставил даже стяг свой в руках врагов, между тем киевский летописец очень искусно ослабил поражение своего князя: «Видевше же братья вся, Ярополк, Вячеслав, Гюрди и Андрей, полкы своя възметены, отъехаша въсвояси» [10].

[202] Этим определяется спорное положение Вышегорода относительно Киева: чтоб стать против Вышгорода, Всеволоду, идущему на север от Супоя, нужно было перейти Десну.

[203] По Ипатьев. «Почаша воевати от Трьполя около Красна и Васильева и до Васильева и до Белогорода, или же до Киева и по Желане и до Вышьгорода оли же и до Дерев, и чрее Лыбедь стреляхуся» [11]. Крас-

---

[1] ПСРЛ, т. I, стр. 132. См. также ПСРЛ, т. I, вып. 2, 1927, стб. 301.

[2] Русская летопись по Никонову списку, ч. II, стр. 67. См. также ПСРЛ, т. IX, стр. 158, 159.

[3] ПСРЛ, т. I, стр. 132. См. также ПСРЛ, т. I, вып. 2, 1927, стб. 302.

[4] ПСРЛ, т. II, стр. 13. См. также ПСРЛ, т. II, 1908, стб. 296, 297.

[5] *В. Н. Татищев,* История Российская.., т. II, стр. 249.

[6] ПСРЛ, т. II, стр. 13. См. также ПСРЛ, т. II, 1908, стб 296; ПСРЛ, т. I, стр. 132. См. также ПСРЛ, т. I, вып. 2, 1927, стб. 303.

[7] *М. Максимович,* О десяти городах и некоторых селах древней Украины, «Москвитянин», 1854, № I, стр. 1—5, отдел VIII.

[8] *В. Н. Татищев,* История Российская.., т. II, стр. 248.

[9] ПСРЛ, т. I, стр. 133 См. также ПСРЛ, т. I, вып. 2, 1927, стб. 304.

[10] ПСРЛ, т. II, стр. 13. См также ПСРЛ, т. II, 1908, стб. 298.

[11] ПСРЛ, т. II, стр. 14. См. также ПСРЛ, т. II, 1908, стб. 299.

ное на реке Красне, впад[ающей] в Днепр у Триполя, Василев — местечко к юго-западу от Красного и Триполя. — По Лавр. «Взяша Треполь и Халеп пуста»[1]. Халеп — ныне Халепье и Холопье в 53 верстах от Киева между Трипольем и Стайками.

[204] «Ходячю межи ими честьному Михаилу Митрополиту со крестом»[2]. — У Татищева митрополит выставлен главным виновником мира[2].

[205] «И тако утеши благоумный князь Ярополк брань ту *лютую*»[3].

[206] Теперь местечко Моровск Остерского уезда, Черниговской губ[ернии].

[207] Полн. собр. русск. лет., I, 133: «И посем пакы створиста мир Ярополк со Всеволодом Ольговичем, и дары многы межю собою даяше»[4].

[208] Там же, III, 4: «В се то лето (1117) преставися Добрына, посадник Новгородьский». — В лето 6626 (1118). Преставися Дъмитр Завидиць Посадник Новгородьскый посадницяв 7 месяць одину»[5].

[209] Там же, IV, 2[6].

[210] Там же, III, 5: «Ожения Мстислав Кыеве, поя Дмитровну Новегороде Завидиця»[7].

[211] Там же, стр. 6: «И придоша Пльсковици и Ладожане Новугороду и выгониша Князя Всеволода из города»[8]. — Здесь собственно должно понимать, что псковичи и ладожане были преимущественно виновниками изгнания Всеволода; но от летописца нельзя требовать таких точностей при необыкновенно свободной конструкции, какую он обыкновенно употребляет.

[212] Татищ., II, 244[9].

[213] Река Дубна, впадающая в Волгу ниже города Корчевы, в Тверской губернии.

[214] Полн. собр. русск. лет., IV, 4[10].

[215] Там же, III, 8: «И съдумавше Князь и людье на пути, въспятишася на *Дубровьне*»[11] В Порховском уезде на большой дороге из Новгорода есть погост Дубровно, или Дубровка, на реке Удохе, впадающей в Шелонь.

[216] Там же, стр. 6; Татищ., II, 246[12].

[217] Воскрес., I, 276[13]. Некоторые исследователи из слов: «по *отець наших завещанию*» выводят, что был договор между Мономахом и Олегом, по которому последний отрекся от Киева за себя и потомство. Правда, что *завещание* в древнем нашем языке употребляется в смысле договора, однако скорее можно здесь разуметь обычай предков, по которому сын не мог наследовать старшинства, если отец его не был старшим, тем более что Изяслав прямо указывает на Чернигов, *отчину* Всеволода: последний, по означенному обычаю, мог быть старшим только в племени Святославовом, владеть Черниговом как отчиною, а никак не Киевом.

[218] Татищ., II, 259[14].

[219] Полн. собр. русск. лет., II, 15[15].

[220] Татищ., II, 259[14].

[221] Там же, стр. 261[14]. У Татищева сказано, будто Изяслава уведомили, что зять хочет схватить его и потому он не поехал к нему в Киев.

---

[1] ПСРЛ, т. I, стр. 133. См. также ПСРЛ, т. I, вып. 2, 1927, стб. 304.
[2] ПСРЛ, т. II, стр. 14. См. также ПСРЛ, т. II, 1908, стб. 299; *В. Н. Татищев,* История Российская.., т. II, стр. 249.
[3] ПСРЛ, т. II, стр. 14. См. также ПСРЛ, т. II, 1908, стб 299—300.
[4] ПСРЛ, т. I, стр. 133. См. также ПСРЛ, т. I, вып. 2, 1927, стб 306.
[5] ПСРЛ, т. III, стр. 4.
[6] ПСРЛ, т. IV, стр. 2. См. также ПСРЛ, т. IV, ч. I, вып. 1, Птгр. 1915, стр. 143.
[7] ПСРЛ, т. III, стр. 5.
[8] ПСРЛ, т. III, стр. 6.
[9] *В. Н. Татищев,* История Российская.., т. II, стр. 244.
[10] ПСРЛ, т. IV, стр. 4. См. также ПСРЛ, т. IV, ч. I, стр. 145.
[11] ПСРЛ, т. III, стр. 8.
[12] ПСРЛ, т. III, стр. 6; *В. Н. Татищев,* История Российская.., т. II, стр. 246.
[13] Русская летопись с Воскресенского списка, ч. I, стр. 276. См. также ПСРЛ, т. VII, стр. 32.
[14] *В. Н. Татищев,* История Российская.., т. II, стр. 259, 261.
[15] ПСРЛ, т. II, стр. 15. См. также ПСРЛ, т. II, 1908, стб. 303.

[222] Деревня Карань в 5 верстах от Переяславля, на Трубеже.

[223] Полн. собр. русск. лет., II, 17: «В то же время Всеволод, разлучивая с братом своим, и дая ему Белъгород» [1]. — Это место подозрительно: *разлучивать с братом* своим не имеет смысла, необходимо предположить здесь еще третье лицо, кроме Всеволода и Святослава; это предположение необходимо и вследствие союза и поставленного после деепричастия; это третье лицо очень может быть Игорь.

[224] Местечко Гродненской губернии, Кобринского уезда.

[225] Полн. собр. русск. лет., II, 18: «И взя около Гомия волость их всю» [2]. — Гомий (Гомель) местечко Могилевской губернии, Белицкого уезда.

[226] Городец-Остерский, или Юрьев, принадлежавший Юрию Долгорукому ростовскому и отнятый у него недавно Всеволодом; Рогачев — уездный город Могилевской губернии, о Рогачеве Волынском нельзя думать, потому что между Святославичами дело шло о дележе Турово-Пинского княжества, приобретенного теперь этою линиею вследствие переселения Вячеслава в Переяславль; Всеволод и дает туровские города или черниговские, за ним остававшиеся, а волынских он не мог отдавать; они принадлежали Изяславу Мстиславичу; Чарторыйск мог находиться на границах Владимирского княжества с Туровским и принадлежать к последнему.

[227] Вщижь — село Орловской губернии, в 40 верстах от Брянска; есть два села Воршиных в Могилевском уезде.

[228] Я ставлю Ростислава старшим, потому что ему достался старший стол — Перемышль, тогда как Владимиру достался Звенигород, по известию Стрыйковского [3].

[229] Полн. собр. русск. лет., II, 17, под годом 1141: «Преставися у Галичи Василькович Иван, и прия волость его Володимерко Володаревичь, седе в обою волостью княжа в Галичи» [4].

[230] Из многих Звенигородов, вероятно, здесь и в других местах разумеется тот, который находился под Львовом в Бережанском округе. Вот опущенные в тексте подробности летописные по Лавр. списку, который здесь исправнее Ипатьевского: «И не могоша битися, зане бяшеть межи има река Серет, идоша обои подле реку, за неделю, к Звенигороду; и на Рожни поле не могоша ся бити, зане Володимер стоя на Голых горах. Приде же к нему (т. е. Всеволоду) Изяслав Давыдовичь с Половци, переем два города, Ушицю и Микулин. И иде Всеволод к Звенигороду и ста по сей стороне города, а Владимер об ону страну, сшед с горы, а межи ими река мелка, и повеле Всеволод чинити гати, комуждо своему полку; и заутра переидоша реку и взяша горы за Володимером. Володимер же мня, ако к нему идуть, ста исполчившеся перед городом на болоньи. Сим же полком не лзе бяше битися с ними, тесноты ради, зане болота пришла ноли под горы; темже взидоша Русскыи полци на горы, и заидоша и от Перемышля и от Галича» [5]. — Касательно местностей — Микулин теперь находится в Галиции, в Тарнопольском округе, на реке Середе, след[овательно] и Ушица должно быть нынешнее селение Ушня, в Золочовском округе Галиции, близь городка Белый-Камень, в верховье Западного Буга, невдалеке от верховья Середа, — г. Погодин возражает против этого (Исслед., т. IV, стр. 168). «Каким образом Изяслав Давыдович мог зайти с этой стороны?» [6] Но если г. Погодин затрудняется тем, что Изяслав для взятия города на верховье Середа зашел слишком далеко с севера, то почему же не затрудняется предположением, что черниговский князь зашел слишком далеко с юга, если двигался, как он ду-

---

[1] ПСРЛ, т. II, стр. 17. См. также ПСРЛ, т. II, 1908, стб. 309.

[2] ПСРЛ, т. II, стр. 18. См. также ПСРЛ, т. II, 1908, стб. 311.

[3] Kronica Polska, Litewska, Zmdzka i wszystkiej Rusi Macieja Stryjkowskiego, t. I, Warszawa 1846, str. 187.

[4] ПСРЛ, т. II, стр. 17. См. также ПСРЛ, т. II, 1908, стб. 308.

[5] ПСРЛ, т. I, стр. 135. См. также ПСРЛ, т. I, вып. 2, 1927, стб. 311.

[6] *М. П. Погодин,* Исследования, замечания и лекции о русской истории, т. IV, стр. 168.

мает, от Ушицы Подольской к Теребовлю? Гораздо легче, по нашему мнению, предположить, что он шел с половцами по степной Украйне Киевского княжества и прямо вошел в галицкие владения при верховье Середа, а не делал крюка от Винницы к Ушице и от Ушицы к Теребовлю. — Между верховьями Западного Буга, Середа и Стыря есть и теперь селение *Рожня,* близко отсюда находится и местечко *Гологоры.*

231 «Въшедшю Володимеру в Тисмяничю, на ловы» [1]. — Город Тисмяница, на правом берегу реки Вороны, недалеко от Станиславова.

232 Следовательно, Иван Ростиславич княжил в Звенигороде, а не был изгнан или лишен законного наследства, как говорит Карамзин [2]: из летописи видно только, что Владимирко не поделился с племянником Теребовльскою волостию; см. выше примеч. 229.

233 Теперь Прилуки большое местечко в Бердичевском уезде, Киевской губернии.

234 Полн. собр. русск. лет., III, 8: «И послашася Новгородци Кыеву по Святослава по Олговиця, находивъше роте» [3].

235 Полн. собр. русск. лет., II, 19. «Того же лета (1142) отда Всеволод дчерь свою Звениславу в Ляхы за Болеслава» [4]. — Наши историки сочли этого Болеслава за Кудрявого, брата Владиславова; но у Татищева (II, 264) [5]. Болеслав показан сыном Владиславовым, чем и объясняется постоянный союз Всеволода с Владиславом против младших братьев последнего. Владислав называется в летописи *зятем* Всеволодовым; это заставило историков предположить, что и за Владиславом была также дочь Всеволодова, но, кроме того, что они заставили двух родных братьев жениться на двух родных сестрах, они заставили Владислава иметь двух жен в одно время. Дело в том, что или летописец смешал отца с сыном, что очень легко предположить, или слово *зять* употреблялось в старину в значении также *свата,* как употреблялось в значении *жениха.*

236 Теперь есть местечко Визна в Августовской губернии, царства Польского, при слиянии Бобра с Наревом.

237 Селение Малютенцы в 20 верстах от Пирятина.

238 У Татищева читаем о Всеволоде: (II, 281): «Сей великий князь ростом был муж велик и вельми толст, власов мало на главе имел, брада широкая, очи немалые, нос долгий, мудр был в советех и судех, для того, кого хотел, того мог оправдать или обвинить. Много наложниц имел и более в веселиях, нежели расправах, упражнялся. Чрез сие киевлянам от него тягость была великая, и как умер, то едва кто по нем, кроме баб любимых заплакал, и более были ради, но притом более еще тягости от Игоря, ведая его нрав свирепый и гордый, опасалися» [6]. — В самом деле в дошедших до нас списках летописей нет похвалы Всеволоду и нет упоминовения, чтоб о нем плакали.

239 Воскрес., I, 283 [7].

240 Полн. собр. русск. лет., II, 23: «Ты наш Князь, поеди, Олговичь не хоцем быти акы в задничи» [8]. Задница — наследство: см. статью проф. Неволина, в Ж.М.Пр. 1851, № 2 [9]. Город Дерновый Максимович полагает на правом берегу Роси, где теперь село Деренковец; позднее упоминаемый город Дверен он считает заодно с Дерновым (Москвит. 1854, № 1) [10].

241 Должно быть, те, которые Всеволод отдал братьям.

---

[1] ПСРЛ, т. II, стр. 20. См. также ПСРЛ, т. II, 1908, стб. 316.
[2] *Н. М. Карамзин,* История государства Российского, ч. II, стр. 191.
[3] ПСРЛ, т. III, стр. 8.
[4] ПСРЛ, т. II, стр. 19. См. также ПСРЛ, т. II, 1908, стб. 313.
[5] *В. Н. Татищев,* История Российская.., т. II, стр. 264.
[6] *В. Н. Татищев,* История Российская.., т. II, стр 281.
[7] Русская летопись с Воскресенского списка, ч. I, стр. 283. См. также ПСРЛ, т. VII, стр. 35.
[8] ПСРЛ, т. II, стр. 23. См. также, ПСРЛ, т. II, 1908, стб. 323.
[9] *К. А. Неволин,* О преемстве великокняжеского Киевского престола, ЖМНПр, № 2, Спб. 1851, стр. 99—144.
[10] *М. Максимович,* О десяти городах и некоторых селах древней Украины, «Москвитянин», 1854, № I, стр. 1—5, отд. VIII.

[242] Бужск, Межибожье, Котельницу и еще два неизвестных. Котельница на реке Гунве в Житомирском уезде; недалеко от нее находится Межибож; Бужска должно искать на берегах реки Божек или Бужек, соединяющейся с Восточным Бугом у Межибожа.

[243] Полн. собр. русск. лет., I, 120: «Иде Володимер (Мономах), и Давыд, и Олег к Аепе и другому Аепе и створиша мир; и поя Володимер за Юргя Аепину дщерь, Осеневу внуку, а Олег поя за сына Аепину дчерь, Гиргеневу внуку (1107 г.)» [1].

[244] Полн. собр. русск. лет., II, 25. «И тогда с полку прибеже к нему Иван Берладник» [2]. — Мы думаем, что должно читать: с полком или у полку.

[245] Полн. собр. русск. лет., II, 28 «Давыдовича идоста к Дьбрянску (Брянску), а Всеволодичь Святослав в Корачев, и посла Козельску ко Святославу стрьеви своему, рек ему: «Изяслав ти Мстиславичь пошел Киеву, а Давыдовичи с Смоленьским Ростиславом хочета ити по тобе» [3].

[246] Киевляне называют Ольговичами вообще всех Святославичей, потому что фигура знаменитого Гориславича выдавалась в их воображении на первый план; Давыд вовсе не был столь известен.

[247] Полн. собр. русск. лет., II, 33. «Кияне же рекоша: «ради, оже ны Бог тебе избавил от великия льсти братью нашю» [4]. Любопытные подробности об Игоре Ольговиче см. у Татищева, II, 312; здесь обнаружены причины вражды к Ольговичам. — О характере и наружности Игоря там же, стр. 313: «Сей Игорь Ольгович был муж храбрый и великий охотник к ловле зверей и птиц, читатель книг и в пении церковном учен. Чин священнический мало почитал и постов не хранил; того ради у народа мало любим был, ростом был средний и сух, смугл лицом, власы под обычай, как поп, носил долги, брада же узка и мала. Егда же в монастыре был под стражею, тогда прилежно уставы иноческие хранил» [5].

[248] Теперь село Сиволожь, Черниговской губернии, в Борзнинском уезде.

[249] Полн. собр. русск. лет., II, 36. «Слышавше ины гради, Уненежь Беловежа, Бохмачь, оже Всеволожь взят, и побегоша Чернигову, и инии гради мнози бежаша» [6]. Белая Вежа — в Черниговской губернии, в Борзнинском уезде, при верховьях Остра; Бохмачь, в Конотопском уезде, у верховьев речки Борзны. Положение Уненежа необъяснено удовлетворительно.

[250] «Воеваша Брягинь» [7]. — Местечко Брагин, Минской губернии, Речицкого уезда.

[251] «Зая городок Отень у Изяслава» [7]. — Здесь *Отень* есть прилагательное — отцовский. Мы видели, что Всеволод Ольгович отнял этот Городец у Юрия; к Изяславу он перешел, вероятно, в то время, когда этот князь находился в союзе с Давыдовичами против Ольговича, или, может быть, был взят им у Давыдовичей уже при разрыве, когда были взяты Курск с Посемьем.

[252] В Лаврентьевском списке упоминается раз о покушении Глеба на Переяславль: «послушав Жирослава, рекуща ему: поиде Переяславлю, хотять тебе людье; он же, послушав его, приде к Переяславлю вборзе» [8]. — Это известие помещено в начале 1148 года; в Ипатьевском списке почти в тех же словах помещено оно в конце 1147 года [9]; но потом под 1148 годом, после известия о походе Изяслава Мстиславича на Чернигов, помещено опять известие о покушении Глеба на Переяславль, в существенных чертах сходное с первым: «В то же время свещався Гюргевичь

---

[1] ПСРЛ, т. I, стр. 120. См. также ПСРЛ, т. I, вып. I, 1926, стб. 282—283.
[2] ПСРЛ, т. II, стр. 25. См. также ПСРЛ, т. II, 1908, стб. 329.
[3] ПСРЛ, т. II, стр. 28. См. также ПСРЛ, т. II, 1908, стб 338.
[4] ПСРЛ, т. II, стр. 33. См. также ПСРЛ, т. II, 1908, стб 349.
[5] *В. Н. Татищев,* История Российская., т. II, стр. 312, 313.
[6] ПСРЛ, т. II, стр. 36. См. также ПСРЛ, т. II, 1908, стб. 358.
[7] ПСРЛ, т. II, стр. 36. См. также ПСРЛ, т II, 1908, стб. 359.
[8] ПСРЛ, т. I, стр. 138. См. также ПСРЛ, т. I, вып. 2, 1927, стб. 319.
[9] ПСРЛ, т. II, стр. 37. См. также ПСРЛ, т. II, 1908, стб. 359.

Глеб с Переяславци, и еха к ним из Городца; уведав же Мьстислав Изяславичь, оже идут нань, изъиде противу полком своим с Переяславци, Глеб же узре, оже идеть нань Мьстислав, Глеб же бяше вмале, и рече: прельстили мя Переяславци, не терпя противу стати, поскачи; они же постигаюче дружину его изоимаша, а другыя избиша, и Станиславичя ту яша и казнища казнью злою, и ины многы изоимаша, а сам Глеб убеже у Городок, и не стерпя в нем быти, бежа к Чернигову»[1]. Мы думаем, что это два известия об одном и том же событии.

[253] «И пришед ста на Олгове поли»[2]. — Теперь в 8 верстах от Чернигова находятся два хутора: Льгов и Льговский.

[254] *«Оли и до Боловоса»*[3]. — Теперь село Старый Белоус в 6 верстах от Чернигова.

[255] Любопытно, что о Вячеславе даже не упоминает: так ничтожен был этот князь в глазах родичей.

[256] Приход Ростислава Юрьича в разных списках летописи описан различно. Ипатьевский список говорит, что Ростислав пришел, *роскоторався* с отцом своим, который не дал ему волости[4]. Но иначе рассказывает Лаврентьевский список: «Поиде Ростислав Гюргевичь из Суждаля с дружиною своею в помочь Олговичем, на Изяслава Мстиславича, послан от отца своего. И сдумав Ростислав с дружиною своею река: любо си ся на мя отцю гневати, не иду к ворогом своим, то суть были ворози и деду моему и строем моим, но поидем, дружино моя, к Изяславу, то ми есть сердце свое, ту ми дасть ны волость; и послася к Изяславу»[5]. Вероятно, Юрий послал Ростислава на юг с тем, чтобы тот добыл себе там волость, подобно тому, как добыли волость прежде сын его Иван, потом Глеб; но пришедши на юг и увидавши, что дела Черниговских идут плохо и что они хотят заключить мир с Изяславом, Ростислав заблагорассудил обратиться также к последнему, тем более, что прежде Изяслав звал к себе брата его Глеба. Так могут быть соглашены известия обоих списков.

[257] Полн. собр. русск. лет., II, 39: «Аже брат Святослав не приехал, ни сестричичь твои, *яве есве*»[6]. Здесь ошибка в тексте: *яве есве* должно поправить из сноски *а ве есве,* — а мы есьмы, т. е., а мы тут.

[258] В Лаврентьевском списке этот поход рассказан с оттенком, обличающим северного летописца. «Иде Изяслав Новгороду, в помочь Новгородцем на Гюргя, а воем повеле по себе ити; и поидоша по нем и похромаша кони у них, и сам с Новгородци дошед Волгы и повоевав ю, и не успе ничтоже Гюргеви, и дошед Углеча поля поворотися Новгороду»[7].

[259] Полн. собр. русск. лет., II, 43: «Пойдите со мною; ать ми ся добро с ними от силы мирити»[8].

[260] Читатели припомнят сказанное в первой главе о том, почему племянники от старшего брата считались братьями дядьям своим.

[261] Полн. собр. русск. лет., II, 44: «И бысть лесть в Переяславцех, рекуче: «Гюрги нам Князь свой, того было нам искати и далече», то рекуче и поскочиша»[9]. — Там же, III, 11: «И Переяславьци седоша на шите, наущением Гюргя»[10].

[262] Полн. собр. русск. лет., II, 45. «Поча ся слати в Угры к зятю своему Королеви и в Ляхы к свату своему Болеславу и Межце и Индрихове, и к Ческому Князю к свату своему Володиславу»[11]. За королем

---

[1] ПСРЛ, т. II, стр. 38. См. также ПСРЛ, т. II, 1908, стб 363—364.
[2] ПСРЛ, т. II, стр. 38. См также ПСРЛ, т. II, 1908, стб. 361 (Цитировано Соловьевым неточно)
[3] ПСРЛ, т. II, стр 37. См. также, ПСРЛ, т. II, 1908, стб. 361.
[4] ПСРЛ, т. II, стр. 39 См. также ПСРЛ, т. II, 1908, стб 366.
[5] ПСРЛ, т. I, стр. 138 См. также ПСРЛ, т. I, вып. 2, 1927, стб. 319—320.
[6] ПСРЛ, т. II, стр. 39 Тм. также ПСРЛ, т. II, 1908, стб. 367.
[7] ПСРЛ, т. I, стр 139. См. также ПСРЛ, т. I, вып. 2, 1927, стб. 320.
[8] ПСРЛ, т. II, стр. 43 См. также ПСРЛ, т. II, 1908, стб 378
[9] ПСРЛ, т. II, стр. 44. См. также ПСРЛ, т. II, 1908, стб. 382. (Цитировано Соловьевым неточно)
[10] ПСРЛ, т. III, стр 11.
[11] ПСРЛ, т. II, стр. 45. См. также, ПСРЛ, т. I, 1908, стб. 384.

венгерским была меньшая сестра его, Евфросиния; польские князья были ему сваты по супружеству племянницы его, дочери Всеволода Ольговича с Болеславом Владиславичем, чешский князь был сватом по супружеству брата ее Святополка на одной из чешских княжен, см. Полн. собр. русск. лет., III, 9.

[263] Местечко Ровенского уезда, Волынской губернии.

[264] Местечко Волынской губернии, Дубенского повета.

[265] Корец местечко Волынской губернии, Новгородского уезда.

[266] За сыном Владимировым Ярославом была дочь Юрия.

[267] Полн. собр. русск. лет., II, 52: «Володимер же отъя городы все, *идя,* и приде к Лючьску»[1]. — Здесь *идя* не имеет смысла; в Ипатьевском древнейшем списке стоит *и да* с пропуском кому дал; мы восстанавливаем текст так, что Владимир отдал Погоринские города Мстиславу Юрьевичу.

[268] Татищ., III, 13; год 1149: «Половцы, уведав о войне русских князей, пришедших во множестве чрез Днепр, град Торческ взяли и много селений пожгли и попленили; но Юрий по некоей клевете гневаясь на черных клобуков, якобы они Изяславу доброхотствуют, в помощь им войск не послал, за что они, весьма оскорбясь, послали тайно ко Изяславу говорить, чтоб, собрав войско, шел к Киеву»[2]. — Там же, стр. 23, год 1150: Изяслав Мстиславич послал к Андрею в Пересопницу просить, чтоб его с отцом примирили... Юрий же не токмо волость по Горыню отдать Изяславу не хотел, но, возгордясь, сказал присланному: «Когда Изяслав не уляжется во Владимире, то я ему дам такую же область, какову он дал Игорю»[2]. Сие слышав киевляне, что Юрий намерен Изяслава погубить, многие о том плакали, и все какие знатные, так подлые Юрия *наипаче* не взлюбили, и тайно стали старатися, чтоб Изяслава паки на Киеве иметь, но явно учинить не могли, токмо тайно некоторые устроили для Юрия различные увеселения и пиры со многим питием, чтоб его от намерения к войне тем отвратить, а его войска праздностью в слабость привести. Другие тайно Черниговским опасность от Юриева властолюбия и ненависть его вкореняли, по всем городам Юриеву злость и свирепость рассевали, понося его беспорядочное житие и правление, и со Изяславом имели пересылку; но все так тайно происходило, что Юрий в своих веселиях ничего уведать не мог»[3].

[269] Год рождения ни Вячеслава, ни Юрия из дошедших до нас списков летописи не может быть с точностью определен; но известен год рождения старшего Мономаховича — Мстислава (1076) и самого младшего — Андрея (1102); если даже предположим, что следующие за Мстиславом сыновья Мономаха были погодки: Изяслав родился в 1077, Ярополк в 1078, Святослав в 1079, Вячеслав в 1080, Роман в 1081, то Юрий должен был родиться между 1081 и 1102 годом; чтоб Вячеславу быть бородатым прежде рождения Юрия, принимая даже за бородатость время, когда только начинает пробиваться борода (лет 15), Юрий должен был родиться в 1096 году; но в 1107 году он женился, стало быть он женился 10 лет? Брат его Андрей женился 15 лет (1117 г.); это нисколько не может затруднять нас, потому что Константин Всеволодович женился 11 лет; Всеволод III отдал осьмилетнюю дочь свою Верхуславу за Ростислава Рюриковича. Но у Татищева сказано, что Юрий умер (1157 г.) 66 лет от роду, значит родился в 1091 году; странно, что у Вячеслава пробивалась борода 10 лет или даже 11-ти, если предположим, что он был старше Святослава; скорее предположить ошибку у Татищева[4].

[270] Владимир Андреевич вместе с Андреем Юрьичем отправился за Днепр к Юрию и вместе с последним явился опять на западной стороне Днепра. После неудачного сражения под Киевом на дороге от Белгорода

[1] ПСРЛ, т. II, стр 52 См также ПСРЛ, т. II, 1908, стб. 403

[2] *В Н Татищев,* История Российская.., т. III, М 1773, стр. 13, 23.

[3] *В Н Татищев,* История Российская.., т. III, стр. 23—24.

[4] *В. Н. Татищев,* История Российская., т. III, стр. 102.

в Руту Юрий отправил Владимира Андреевича к Владимиру галицкому звать его скорее на помощь. Посаженный Владимиром в Дорогобуже Владимир Андреевич, вероятно, хотел снискать расположение победителей и вошел в сношение с Мстиславом; впрочем, быть может, он послал ему много вина в угоду галицкому князю.

[271] См. у Татищ., III, 58 [1].

[272] У Татищева (III, 72) условие мира: «чтоб Святослав учиненные убытки Черниговской волости заплатил или два города Изяславу Давыдовичу дал, в чем им между собою договориться, от Юрия отстать и никакими мерами с ним не сообщаться» [2].

[273] Татищ., III, 81 [2].

[274] Выходит, что теперь в Дорогобуже княжил уже Владимир Мстиславич, а Владимир Андреевич в Пересопнице. Татищев говорит, что Владимир Андреевич приехал из Луцка.

[275] Города эти были: Бужск, Шумск, Тихомль, Выгошев, Гнойница. О положении трех первых из них было упомянуто; есть теперь селение Тихомель в Острожском уезде, Волынской губернии, в 60 верстах от Острога; в том же уезде, на реке Горыни есть места — Большая и Малая Гнойница.

[276] Село Гольшев в Святославовском округе.

[277] Татищ., III, 77 [3].

[278] Таким образом, Владимир Андреевич еще раз переменил волость: вместо Пересопницы видим его в Бресте.

[279] Об этом Вячеславе см. Полн. собр. русск. лет., II, 11 [4].

[280] Владимир родился в 1132 году, следовательно в описываемое время, в 1152 году, ему было только 24 года; в 1146 году, когда Изяслав впервые овладел Киевом, ему было только 14 лет; но в этот самый год мы уже видим Мстислава Изяславича начальником вспомогательного отряда, который отец его послал к Черниговским, младший брат его Ярослав сидит на столе в Турове — неужели им было тогда меньше 14 лет? В 1144 году сестра их уже вышла замуж за полоцкого князя. О мачешиче см. т. IV.

[281] Татищ., III, 100 [5].

[282] Полн. собр. русск. лет., II, 81. «Пив бо Гюрги в осменика у Петрила, в т день на ночь разболеся» [6].

[283] У Татищева (III, 103) прибавлено, будто киевляне приговаривали, побивая суздальцев: «Вы нас грабили, разоряли, жен и дочерей наших насильствовали; несть нам братия, но не приятели». — Там же о наружности и характере Юрия: «Был роста немалого, толстый, лицом белый, глаза невелики, великий нос долгий и накривленный, брада малая, великий любитель жен, сладких пищ и пития, более о веселиях, нежели о расправе и воинстве прилежал; но все оное состояло во власти и смотрении вельмож его и любимцев» [7].

[284] Полн. собр. русск. лет., II, 32; Изяслав говорит брату Ростиславу: «И к ротником ся сли, и в Рязань, и всямо» [8].

[285] Татищ., II, 322 [9].

[286] Что касается до Василя Половчина, Судимира Кучебича и Горена, упоминаемых под 1147 годом [10], то мы не решимся включить их в дружину Святослава Ольговича; очень вероятно, что это были чистые половцы, из которых Василь был крещен, Судимир мог носить славянское имя точно так, как русские люди иногда носили половецкие, после татарские имена.

---

[1] *В. Н. Татищев,* История Российская.., т. III, стр. 58.
[2] *В. Н. Татищев,* История Российская.., т. III, стр. 72, 81.
[3] *В. Н. Татищев,* История Российская.., т. III, стр. 77.
[4] ПСРЛ, т II, стр. 11. См также ПСРЛ, т. II, 1908, стб. 292.
[5] *В. Н. Татищев,* История Российская , т III, стр. 100.
[6] ПСРЛ, т. II, стр. 81. См. также ПСРЛ, т. II, 1908, стб. 489.
[7] *В. Н. Татищев,* История Российская.., т. II, стр. 103.
[8] ПСРЛ, т. II, стр. 32. См. также ПСРЛ, т. II, 1908, стб. 347.
[9] *В. Н. Татищев,* История Российская.., т II, стр 322.
[10] ПСРЛ, т. II, стр. 30. См. также ПСРЛ, т. II, 1908,стб. 342.

Вообще должно заметить, что если принятие в дружину княжескую людей из разных народов не подлежит никакому сомнению, то из этого еще не следует, чтоб все мужи, носившие нерусские имена, были именно иностранцами; в противном случае мы должны будем отца галицкого боярина Ивана Халдеевича произвести прямо из древней Вавилонии.

[287] Борис умер на севере в 1159 году. Полн. собр. русск. лет., I, 149[1].

[288] А по Никон., II, 163: «восста на него крамола от домашних его, и мнози отбежаша от него в град; а инии яве идоша ко Князю Мстиславу Изяславичу»[2].

[289] Полн. собр. русс. лет., II, 86; «Ростиславъ бяше поялъ у Святослава Всеволода сына его, уверяя Кияны и Берендее, бяху бо не верующе за свое съгрешение»[3].

[290] Татищ., III, 129[4].

[291] Полн. собр. русск. лет., II, 89: «едущю Олгови из товар на поездьство»[5].

[292] У Татищева прибавлено: «Ростислав для пользы Ольговой говорил, чтоб он съездил к берендичам, и не худо, если б с ними на половцев сходил, дабы тем оных поприласкать; а клеветник Олгу толковал, что там его Ростислав хочет поймать... Ростислав, не имел никакого злого намерения, но от любви к Олгу не хотел его отпустить (в Чернигов), а клеветники злые тем наиболее Олга возмущали»[6]. — Известия очень вероятные, тем более что Ростислав и призывал Олега с тем, чтоб познакомить его с торками и берендеями.

[293] Полн. собр. русск. лет., II, 90: «И сняшася у Котелници со Мьстиславом; и оттуда пойдоша к Белгороду на Мутижир, и быша на Кучари»[7]. — Гг. Надеждин и Неволин справедливо полагают, что здесь и под 1093 годом разумеется один Торческ, близкий к половцам, за Росью. Отсюда Рюрик соединился с Мстиславом в Котельне на Гунве. Потом они пошли на Белгородку на Мутижир, или нынешний Житомир, невдалеке от Котельни вверх по Гунве, или село Мотижин, близ нынешней Белогородки (последнее, разумеется, вероятнее). Кучары должны быть: или Кошарище, деревня на реке Тетереве, или село Кочерево, на дороге из Махновки в Радомысл; оба в Радомысльском уезде, на пути из Котельни к Белогородке. Между Белгородкой и Киевом, на речке, называемой ныне Борщаговкой, есть селения: Жиляне и Беличи, оба в весьма близком расстоянии друг от друга и от Киева. Все эти места вполне соответствуют приведенным летописным указаниям: «Торци же достигоша возы их на Желяни, полкы же их постигоша от Буличь»[8]. — Г. Погодин (И.З.Л. IV, 190)[9] не хочет согласиться, чтоб Торцьский был Торческ на реке Роси, и, указывая на нынешний Торчин между Луцком и Владимиром, приводит следующее доказательство своему мнению: зачем бы Рюрику от Роси отдаляться на Волынь, чтоб после оттуда придти к Белугороду, столь близкому от Торческа киевского? — Но в летописи ясно указана причина такого движения Рюрика: он пошел к Котельне, чтоб соединиться с Мстиславом, который шел из Владимира.

[294] Что этот Воибор был торчин, ясно из рассказа летописи: одни торки были в деле; далее под тем же годом сказано: «придоша Половци мнози к Гюргеву и взяша вежи многи по Роту и Въибора убиша, иже бяше Изяслава убил»[10]. Здесь опять говорится о вежах, о торках, между

---

[1] ПСРЛ, т. I, стр. 149. См. также ПСРЛ, т. I, вып. 2, 1927, стб. 349.
[2] Русская летопись по Никонову списку, ч. II, стр. 163. См. также ПСРЛ, т. IX, стр. 213.
[3] ПСРЛ, т. II, стр. 86. См. также ПСРЛ, т. II, 1908, стб. 506.
[4] *В. Н. Татищев,* История Российская.., т. III, стр. 129.
[5] ПСРЛ, т. II, стр. 89. См. также ПСРЛ, т. II, 1908, стб. 512.
[6] *В. Н. Татищев,* История Российская .., т. III, стр. 129.
[7] ПСРЛ, т. II, стр. 90. См. также ПСРЛ, т. II, 1908, стб. 517.
[8] ПСРЛ, т. II, стр. 90. См. также ПСРЛ, т. II, 1908, стб. 518.
[9] *М. П. Погодин,* Исследования, замечания и лекции о русской истории, т. IV, стр. 190.
[10] ПСРЛ, т. II, стр. 91. См. также ПСРЛ, т. II, 1908, стб. 521.

которыми был убит Воибор. Следовательно, нет основания включать этого Воибора в число дружинников княжеских.

[295] В Никон. (II, 174) читаем следующее описание кончины Изяславовой: «И еще ему живу сущу лежащу, приидоша над него князь Ростиславъ Мстиславичь и князь Мстиславъ Изяславичь, и нача кричати и плакати, глаголюще: господине великой княже Изяславъ Давыдовичь! не досыти ли тебе было великое княжение черниговское, что мя еси выгнал из Киева, и уже и Киев еси взял, почто же из Белгорода гнати умыслил еси? Он же, лежаше и воздыхаше тяжко зело, и кровь много течаше от него, тоже вопроси воды пити. Князь же Ростиславъ и князь Мстиславъ повелеша ему дати вина, он же рече: хощу воды. Они же даша ему вина, он же, испив вина, усну сном вечным» [1].

[296] В Никон. (II, 189) читаем, что Владимир Андр[еевич] послал сказать Мстиславу: «Аще хощеши и моея власти, и се аз исхожу из града своего, и от всея власти своея, с женою и детьми своими, имение же и богатьство все оставих, точию мало на потребу себе и детем своим взях и умыслих в чюжей земле нищенствовати, неже кровь пролияти бедне и грешне... Князь же Мстиславъ Изяславичь, удивися разуму его и посла к нему дары многи, и моляше его да паки возвратится в свою волость» [2].

[297] Ник., II, 199: Мир этот устроил митрополит Феодор [3].

[298] По другим летописям к Луцку, что также очень вероятно, см. Воскрес., II, 64 [4].

[299] Полн. собр. русск. лет., II, 93: «Олег бо просяше в *правду* наделенья» [5].

[300] Там же. «Ведена бысть Ростиславна Огафья за Олга за Святославича» [6].

[301] Там же, стр. 97: Андрей велел сказать ему: «Иди в Рязань к *отчицю* своему Глебови» [7].

[302] Несправедливо возражает Арцыбашев (I, 188, примеч. 1165) [8], что Киев брали прежде — Изяслав в 1146 году, и Юрий в 1150. Изяслав был призван киевлянами, которые и помогли ему победить Игоря; Юрий был перевезен киевлянами чрез Днепр и принят остальными с честию, без сопротивления; следовательно, о взятии в обоих случаях не может быть речи. Скорее можно было сказать, что Киев был взят Изяславом Давыдовичем, но и тут битва была подле Киева; сражались против Изяслава только некоторые киевляне, которые были взяты в плен и прощены победителем. По Никон., (II, 204) [9]. Киев был взят изменою бояр Петра Борисовича, Нестора Жирославича и Якова Дигеневича.

[303] См. том 1-й, примеч. 312 [10].

[304] Полн. собр. русск. лет., II, 93: «Давыд Ростиславичь седе Витебьски, а Романови, Вячеславлю внуку да Ростислав Васильев и Красн» [11]. — Связь этих двух событий необходимо заставляет предполагать, что Роман был прежний князь витебский, с которым смоленские князья поменялись волостями; но теперь вопрос: кто был этот Роман, внук Вячеславов? У Татищева он назван Романом Вячеславичем, внуком Ростиславовым: в таком случае он может быть внуком Ростислава Всеславича. Васильев и Красный оба находятся в Смоленской области.

---

[1] Русская летопись по Никонову списку, ч. II, стр. 174. См. также ПСРЛ, т. IX, стр. 220.

[2] Русская летопись по Никонову списку, ч. II, стр 189. См. также ПСРЛ, т. IX, стр 229—230.

[3] Русская летопись по Никонову списку, ч. II, стр. 199. См. также ПСРЛ, т. IX, стр. 235.

[4] Русская летопись с Воскресенского списка, ч. II, Спб. 1794, стр. 64. См. также ПСРЛ, т. VII, стр. 76.

[5] ПСРЛ, т. II, стр. 93. См. также ПСРЛ, т. II, 1908, стб. 525.

[6] ПСРЛ, т. II, стр. 93. См. также ПСРЛ, т. II, 1908, стб. 524

[7] ПСРЛ, т. II, стр. 97. См. также ПСРЛ, т. II, 1908, стб 537.

[8] *Н. С. Арцыбашев,* Повествование о России, т. I, кн. 2, стр. 188, примеч. 1165.

[9] Русская летопись по Никонову списку, ч. II, стр. 204. См. также ПСРЛ, т. IX, стр. 237.

[10] *С. М. Соловьев,* История России , т I, примеч 312

[11] ПСРЛ, т. II, стр. 93. См. также ПСРЛ, т. II, 1908, стб. 525.

[305] Полн. собр. русск. лет., II, 88: «Ведомо буди, хочю искати Новагорода и добром и лихом; а хрест есте были целовали ко мне на том, яко имети мене князем собе, а мне вам добра хотети» [1]. — Когда был такой ряд у новгородцев с Андреем, неизвестно.

[306] Любопытно, что в Новгородской летописи нет ни слова об этой клятве.

[307] Упомянутое под 1142 годом нападение какого-то шведского князька с 60 шнеками на три купеческие лодки, не может считаться в числе неприязненных покушений на страну [2].

[308] Том I-й, стр. 275 [3].

[309] Теперь Вороновка или Воронега, впадающая в Ладожское озеро между Пашею и Сясью.

[310] Татищ., III, 148 [4].

[311] Никон., II, 196: «Половцы воеваша Русь и убиша дву богатырей, Андрея Жирославича и брата его Шварня за Переславлем, сестричича их, також Шварня нарицаемого плениша» [5].

[312] Полн. собр. русск. лет., II, 97: И Гречьский путь изъотимають, и Соляный и Залозный» [6]. Выражение: греческий путь понятно с первого раза; Соляный правдоподобно объясняют (Арцыб., I, примеч., 1146) [7] путем, которым приходили барки с солью из Крыма, Залозный неудовлетворительно объясняют (см. там же) Заолзным, т. е. Заолешенским. Чрез Олешье должны были проходить те же самые греческие суда; мы видели прежде, что Давыд Игоревич захватывал гречников в Олешье, следовательно Заолешенский путь был бы то же самое, что греческий, не говоря уже о трудном переходе слов из Заолешья в Заолзье. Залозный — железный по товару.

[313] Никон., II, 172 [8].

[314] Полн. собр. русск. лет., II, 94: «И затем срете и (Ростислава) сын Роман и епископ Мануил и Внезд» [9].

[315] Полн. собр. русск. лет., II, 96: «И послаша к Давыдови Вышегороду; и присла Давыд Василя на тяжю, и пристави к нему Родила тысячьского и Василья Волковича» [10]. — Но прежде при описании осады Вышгорода Мстиславом Изяславичем сказано: «И на болонье от Днепра выжгоша двор тысяцкого Давыда, Радилов, а инех дворов 7 сгоре» [10]. — Соглашая первое известие со вторым, можно исправить первое так: «зажгоша двор тысяцкого Давыдова (т. е. князя Давыда Ростиславича), Радилов». Если же делать особого тысяцкого Давыда, который был сменен впоследствии Радилом, то можно предположить, что этот старый тысяцкий Давыд был именно тот Давыд Борынич, который подтверждал после показания Василя Настасьича.

[316] Там же, I, 98: «То есть старейшей град в земли во всей Кыев» [11].

[317] Никон., II, 146 [12].

[318] См. том I-й, прим. 1.

[319] См. том I-й, стр. 24 [в наст. изд. стр. 70—71].

[320] Полн. собр. русск, лет., II, 77: «Тогды же, сед, раздая волости детем: Андрея посади Вышегороде, а Бориса Турове, Глеба в Переяславле и Василькови да Поросье» [13]. Почему же Юрий посадил Андрея не в

---

[1] ПСРЛ, т. II, стр. 88. См. также ПСРЛ, т. II, 1908, стб. 509—510.
[2] ПСРЛ, т. IV, ч. II, вып. I, Птгр. 1917, стр. 152
[3] *С. М. Соловьев,* История России.., кн. I наст. изд., стр. 215.
[4] *В. Н. Татищев,* История Российская.. т III, стр 148.
[5] Русская летопись по Никонову списку, ч. II, стр. 196. См. также ПСРЛ, т. IX, стр. 233.
[6] ПСРЛ, т. II, стр. 97. См. также ПСРЛ, т. II, 1908, стб. 538.
[7] *Н. С. Арцыбашев,* Повествование о России, т. I, кн. 2, стр. 185, примеч. 1146.
[8] Русская летопись по Никонову списку, ч. II, стр. 172. См. также ПСРЛ, т. IX, стр. 218
[9] ПСРЛ, т. II, стр. 94. См. также ПСРЛ, т. II, 1908, стб. 528.
[10] ПСРЛ, т. II, стр. 96. См. также ПСРЛ т. II, 1908, стб 535.
[11] ПСРЛ, т. I, стр. 98. См также ПСРЛ, т. I, вып. I, 1926, стб. 230
[12] Русская летопись по Никонову списку, ч. II, стр. 146 См также ПСРЛ, т. IX, стр. 202
[13] ПСРЛ, т. II, стр. 77. См. также ПСРЛ, т. II, 1908, стб. 478—479,

Переяславле? По той же причине, по какой Мономах посадил Мстислава в Белгороде, а не в Переяславле, хотя он считался князем переяславским (см. выше); Юрию нужно было иметь подле себя храброго Андрея, который бы защищал его от нападений Мстиславичей. Почему теперь посадил он в Переяславле не Бориса, но младшего Глеба? потому что Глеб был воинственнее Бориса, что мы видим из предыдущего и последующего его поведения, тогда как Борис вовсе не отличался ратным духом, а Переяславль был опасный стол по соседству с князьями черниговскими и половцами.

321 Что Андрей прежде сидел во Владимире, об этом прямо свидетельствует летопись (Полн. собр. русск. лет., 144): «Андрей же рече (отцу): «на том есмы целовали крест, ако поити ны Суждалю», и иде в свою волость Володимерю» [1]. — Есть известие, что в удалении Андрея на север участвовали приближенные к нему люди, именно родственники по жене, Кучковичи: «Приде из Киева в град Володимерь Князь Великый Андрей Юрьевичь без отча повеления, его же лестию подъяша Кучковичи» [1]. (Карамзин, II, примеч. 383) [2]. — Что приближенным к Андрею людям, особенно Кучковичам, имевшим, как видно, села на севере, не нравилось в Вышегороде без большой надежды скоро и даже когда-либо утвердиться в Киеве, очень вероятно; вероятно также, что Кучковичи могли оставаться на севере и перезывали туда Андрея, ибо им выгоднее было, чтоб владел здесь их родственник, а не младшие Юрьевичи; но в чем состоял обман, лесть Кучковичей? быть может, они давали знать Андрею, что вся земля Ростовская хочет иметь его своим князем, чего на деле не было до самой смерти Юрия. В других известиях так описываются побуждения, заставившие Андрея удалиться на север: Никон., II, 150: «Иде князь Андрей Боголюбивый с Вышегородского своего Княжения великого ко отцу своему Юрью Долгорукому в Киев и пришед в Киев радостне бысть прият от отца своего и пребысть у него в Киеве неколико время, и смущашеся о нестроении братии своея, и братаничов и сродников, и всего племени своего, яко всегда в мятежи и в волнении вси бяху, и мнози крови лияшеся, все желающе и хотяще великого княжения Киевского, и несть никому ни с кем мира, и от сего вси княжения опустеша, и по Дунаю, и по Мети, и по Астри чужия обладающа и населиша, а от поля Половци выпленишa и пусто сотвориша, и скорбяше много о сем, и болезноваше душою и сердцем, и мышляше себе в тайне сердца своего, никакоже поведая сего отцу своему. И восхоте ити на великое княжение в Суждаль и Ростов, яко там, рече, покойнее есть» [3]. — Татищ., III, 97: Андрей Юрьевич, видя, что всюду мир по его желанию учинен, и ему дела никакого не было, а Белая (северная) Русь без князя стояла в великом непорядке, просил не однова отца своего Юрия, чтоб его туда отпустил; но Юрий, ведая, что во время войны ему без Андрея ни на кого столько надеяться не можно, ему отказал. Он же, потерпя неколико и оскорбясь делами и веселиями отцовыми, за что все на отца его негодовали, убрався тайне, уехал в Белую Русь... Пришедши же в Белую Русь, избегая у отца на себя подозрения и большого гнева, не стал жить в Суздале, яко престольном отца его граде, но построил себе дом во Владимире-на-Клязьме, яко ближайшем к Суздалю граду [4].

322 На первом плане здесь действуют ростовцы; что касается Суздаля, то Юрий, утвердивши в нем свой стол, выдвинул его из ряда других пригородов, дал ему важное значение, и вот сказано, что ростовцы действуют вместе с суздальцами, точно так, как в Новгородской летописи обыкновенно читаем, что в важных случаях в Новгороде на вече сходятся псковичи и ладожане только, о других пригорожанах ни слова. Мы пред-

---

[1] ПСРЛ, т. I, стр. 144 См. также ПСРЛ, т. I, вып. 2, 1927, стб. 335.
[2] *Н. М. Карамзин,* История государства Российского, т. II, стр. 497, примеч 383
[3] Русская летопись по Никонову списку, ч. II, стр 150 См. также ПСРЛ, т. IX, стр 204.
[4] *В. Н. Татищев,* История Российская... т. III, стр 97,

почитаем чтение летописи, составленной на севере по Лаврентьевскому списку; Полн. собр. русск. лет., I, 149· «Ростовци и Суждалци сдумавше вси, пояша Андрея»[1] и проч. чтению летописи, составленной на юге и следовательно не так знакомой с делом, по Ипатьевскому списку там же, II, 81: «Сдумавши Ростовци и Суждальцы и Володимерци вси»[2] и проч., тем более, что после владимирский летописец, как увидим, отречется от этого избрания, да и как было владимирцам снова выбирать Андрея, когда он уже княжил у них.

323 Хотя есть известие, довольно вероятное, что это утверждение произошло не вдруг; что Андрей, не желая нарушить вдруг обычая, сперва некоторое время жил в Суздале; Татищ., III, 135: «Андрей Юрьевич великий князь ни о чем более как о строении Владимира и других градов, якоже и о земском распорядке прилеже, распространял Владимир, его же вельми полюбил и положил намерение всегда тут пребывать, к тому и митрополию учинить: но ростовцам и суздальцам, яко старым городам и княжеским престолам, весьма то было противно, и сколько могли препятствовали, представляя, что сии города издревле престольные, и Владимир есть новый пригород суздальский. Он же не хотя народ озлоблять, жил в Суздали, а во Владимир часто ездил на охоту и пребывал по нескольку дней»[3]. — Никон., II, 175: «И хотяще (Андрей) града сего (Владимира) стол быти Великого княжения. Ростовцем же и Суздальцем не хотящим сего глаголюще: яко Ростов есть старой и большой град, и Суждаль, град же Владимер пригород наш есть»[4].

324 Полн. собр. русск. лет., II, 91: «Выгна Андрей епископа Леона из Суждаля, и братью свою погна Мстислава и Василка, и два Ростиславича сыновца своя, мужи отца своего передних... Идоста Гюргевичи Царюгороду, Мстислав и Василко, с матерью, и Всеволода молодого пояша с собою третьего брата; и дасть царь Василкови в Дунаи городы, а Мьстиславу дасть волость Отъскалана»[5]. См. Арцыб., I, прим. 1087[6]. — Из остальных Юрьевичей Борис умер на севере в 1159 году (Полн. собр. русск. лет., I, 149), другой Ярослав в 1166 году (там же, стр. 151)[7], Святослав, одержимый со дня рождения злою болезнию, в 1174 году. Ник., II, 177: «Ненавидяху князя Андрея своего суще домашнии, и лстивно и лукавно глаголаху к нему. И тако совраждоваше и соссориша его з братьею, и с предними мужи отца его; и тако изгна братию свою. Еще же и предних мужей отца своего овех изгна, овех же ем в темницы затвори» и бысть брань люта в Ростовской и Суждальской земле»[8].

325 Татищ., III, 165[9].

326 Там же, 175[9].

327 Там же[9].

328 Там же, стр. 178: «Сей князь роста был не вельми великого, но широк плечами и крепок, яко его лук едва кто натянуть мог, лицом красен, власы кудрявы и краткие носил, мужествен был во брани, любитель правды, храбрости его ради все князи его боялись и почитали, хотя часто и с женами и дружиною веселился, но жены, ни вино им не обладали. Он всегда к расправе и распорядку был готов, для того мало сыпал, но много книг читал, и в советах о расправе земской с вельможи упражнялся, и детей своих прилежно тому наставлял, сказуя им, что честь и польза князя состоит в правосудии, расправе и храбрости»[10].

---

[1] ПСРЛ, т. I, стр. 149 См также ПСРЛ, т I, вып. 2, 1927, стб. 348.
[2] ПСРЛ, т. II, стр 81 См также ПСРЛ т II, 1908, стб. 490.
[3] *В Н Татищев,* История Российская.., т. III, стр 135.
[4] Русская летопись по Никонову списку, ч. II, стр 175. См. также ПСРЛ, т. IX, стр. 220.
[5] ПСРЛ, т. II, стр. 91 См также ПСРЛ, т. II, 1908, стб. 520—521
[6] *Н С. Арцыбашев,* Повествование о России, т. I, кн 2, стр. 174, примеч. 1087
[7] ПСРЛ, т. I, стр. 149, 151. См. также ПСРЛ, т. I, вып 2, 1927, стб 349, 353
[8] Русская летопись по Никонову списку, ч. II, стр 177 (Соловьев цитирует не точно) См также ПСРЛ, т IX, стр 221.
[9] *В Н Татищев,* История Российская. т III, стр 165, 175.
[10] *В Н Татищев,* История Российская.., т. III, стр. 178.

[329] Полн. собр. русск. лет., II, 108: «Нача Андрей вины покладывати на Ростиславичи и присла к ним Михна, река тако: выдайте ми Григоря Хотовича» [1] и проч. —

Мы не можем согласиться с южным пристрастным летописцем, что первая присылка Андрея с требованием выдачи Хотовича с товарищами была следствием желания придраться к Ростиславичам, найти какую-нибудь вину; ни из чего не видно, чтоб он мог желать их смены. Слова эти: «Нача Андрей вины покладывати на Ростиславичи» могут иметь смысл только тогда, когда будем читать их в связи с предшествующими событиями, как они читаются у Татищева (III, 185) [2]: здесь говорится, что у Андрея с Ростиславичами началась прежде распря за Новгород.

Там же: «Бяше бо тако урядилъся, яко же Володимера Ярославича Галичьского, сестричича Михалкова (который, поссорившись с отцом, прибежал вместе с матерью в Русь, сперва был у Михаила, а потом отправился в Чернигов) дати Ростиславичем и пустити и к отцю, а Ростиславичем пустити Всеволода и Ярополка и всю дружину; Всеволода же пустиша, а Ярополка не пустиша; «не въменил ны еси того» [3]. Выходит, что Михаил не выполнил всех условий, не выдал им Владимира Ярославича галицкого, которого отпустил в Чернигов; а Ростиславичи требовали последнего, видно, для того, чтоб посредством его приобрести союз с Ярославом галицким.

[330] Так говорит все южный летописец: (Полн. собр. русск. лет., II, 109) [4], но северный иначе (1, 155): «Непокоршимся Ростиславичем князю Андрею и в воли его неходящим, паче же Давыд Ростиславичь Вышегородьский князь, сдумав с братьею своею» [5] и проч.

[331] Но мы видели, что Ростиславичи не выпускали Ярополка из плена; стало быть после отпустили.

[332] См. Татищ., III, 193 [6]. — В Ипатьев. списке (Полн. собр. русск. лет., II, 108 и 109) [7] находится неискусная вставка, о которой г. Погодин рассуждает следующим образом (Журн. Мин. народ. просв. часть LXIV, 1849): «Киевская летопись рассказывает о первом требовании Андрея, об отказе Ростиславича, о втором приказе Андрея братьям — идти в Смоленск, о послушании Романа, о занятии Киева братом Андреевым Всеволодом, которому уступил его Михалко, о попытке прочих Ростиславичей умилостивить Андрея, оставшейся без ответа, о занятии ими Киева изъездом, о пленении там Всеволода, о договоре с Михалком и после всех сих происшествий вдруг опять повторяет: «Того же лета Андрей князь Суждальский, розъгневався на Ростиславичи про Григорья про Хотовича, зане воли их не учиниша — и се слышавше Олговичи, ради быша... поводяче и на Ростиславиче... Андрей же приим съвет их... посла Михна» и проч. [8] — Ясно, что было два описания этих происшествий, кои летописатель, редактор или переписчик списал сряду, а не разместил по местам [9]. Так заключает г. Погодин, и на этом заключении должно было бы остановиться. Действительно *последний* летописец составлял свой рассказ по двум известиям; окончив рассказ событий до третьего посольства Андреева словами: «А Михалко не прия его», летописец должен был поместить известие об участии Ольговичей в деле, известие, которое находилось в другой летописи, и поместил его без всякого изменения, без всякой связи с прежним рассказом; как видно, это вторая летопись была кратче первой, вроде Суздальской; в ней это известие об Ольговичах помещено было прямо после известия о Хотовиче, а может быть даже рассказ о войне

---

[1] ПСРЛ, т. II, стр 108. См также ПСРЛ, т. II, 1908, стб 569.
[2] *В Н Татищев,* История Российская., т III, стр. 185.
[3] ПСРЛ, т. II, стр 108. См. также ПСРЛ, т II, 1908, стб. 572.
[4] ПСРЛ, т. II, стр 109 См. также ПСРЛ, т. II, 1908, стб. 574.
[5] ПСРЛ, т. I, стр. 155. См. также ПСРЛ, т. I, вып. 2, 1927, стб. 365.
[6] *В. Н. Татищев,* История Российская .. т. III, стр. 193.
[7] ПСРЛ, т. II, стр. 108 и 109. См также ПСРЛ, т II, 1908, стб. 569—575
[8] ПСРЛ, т II, стр 108 См также ПСРЛ, т. II, 1908, стб 572.
[9] *М П Погодин,* Князь Андрей Юрьевич Боголюбский ЖМНПр., ч. XIV, Спб. 1849, стр. 20—21, 24.

прямо начинался с этих слов, только с легким намеком на дело Хотовича. Итак, в рассказе Ипатьевского списка мы замечаем только вставку об Ольговичах, после которой опять следует рассказ о сношениях Андрея с Ростиславичами, и потому нам кажутся совершенно лишними дальнейшие затруднения, которые выставляет г. Погодин; нет ничего странного, что Андрей в третьем приказе не упомянул ни слова о взятии Киева и пленении брата, а повторяет все старое «не ходите в моей воле» разве в первом приказе он упоминал, в чем состояло нехождение Ростиславичей в его воле? Об освобождении Михна говорить нечего· летописец прямо говорит, что между князьями положено было освободить дружину, а если после говорит, что один князь Ярополк был задержан, то ясно, что из дружины никто не был задержан, притом же, с другой стороны, не знаем, должно ли непременно настаивать на том, что взятый в Киеве боярин Михн был непременно мечник Андреев; зачем было этому посланцу так долго оставаться в Киеве после первого приезда своего с обвинением Хотовича? ибо летопись ничего не говорит о том, чтоб второе посольство к Роману с приказом идти в Смоленск было отправлено Михном. Не знаем, на каком основании г. Погодин позволяет себе заключать, что было пространное описание княжения Андреева, которое летописатели различно сократили и неправильно разместили, так что теперь недостает многих средних известий и оставшиеся представлены сбивчиво. Пред нами рассказ полный, носящий ясные следы составления, пополнения, а не сокращения; каких же средних известий не достает?

Далее в рассказе о самой войне г. Погодин находит также затруднения и пропуски, которых мы не видим; так, он говорит «Ольговичи не уступали Киева Ярославу Изяславичу: значит, что Киев Андреем был предоставлен теперь им (обстоятельство, пропущенное летописателями). Без воли Андреевой они не могли бы иметь притязания на Киев». — Но спрашиваем, как же мог иметь притязания на Киев Ярослав Изяславич мимо воли Андреевой?

Потом г. Погодин говорит «Ярополк пошел на помощь к Рюрику, сидевшему в Белегороде. А почему не остался он помогать осажденному Мстиславу? Может быть потому, что Рюрик собственно уступал ему Киев, бывший в его владении. Если Рюрику нужна была помощь, то ясно, что часть Андреевой рати осаждала его в Вышегороде (обстоятельство, пропущенное летописателями)». — Но спрашиваем: на каком основании г. Погодин прибавил от себя, что Ярослав пошел *на помощь* к Рюрику, в летописи этого не сказано; по смыслу ее рассказа выходит, что Ярослав пошел для соединения с Рюриком, осаждающие побежали, боясь именно соединения Ростиславичей с союзниками. Также без всякого права г. Погодин предполагает, что выражение: «И то видевше и убояшася» относится к Ольговичам; на этом предположении г. Погодин основывает еще новое, столько же неосновательное, он говорит: «Не было ли еще какой измены со стороны Ольговичей, замеченной Андреевыми воями, которая побудила их еще более оставить осаду? Может быть была и измена: по крайней мере мы читаем в летописи, что по занятии Киева Ярославом Святослав черниговский прислал сказать ему: «На чем ты целовал крест? вспомни первый ряд: ты сказал мне, что наделишь меня, когда сядешь в Киеве, равно как и я наделил бы тебя, если бы сел в Киеве; ныне ты сел, право или криво. надели же меня». Спрашивается· когда был этот первый ряд у Ярослава с Святославом? Нельзя предполагать здесь какого-нибудь прежнего ряда, умолчанного летописателями, потому что если б он и был, то уничтожился бы новыми отношениями, раздором под Вышгородом, и упоминать о нем было бы невозможно За что б просить Святославу наделенья? Он помогал Андрею, он не уступал Ярославу Киева, который получил князь луцкий, уже урядяся не с Ольговичами, а с Ростиславичами. Ясно, что Святослав не имел права требовать никакого наделенья, если б дело было только так, как записано. Ясно, что ряд этот, о котором напоминает Святослав, был тайный, под Вышегородом, т. е все князья там сговорились, уладились: Ольговичи, Ростиславичи и Ярослав. Ярослав луцкий получил

Киев; Ростиславичи освобождались от грозы Андреевой и оставались на своих прежних уделах; Святослав киевский получил наделенье из Киевской области. Все переговоры происходили втайне от Андреевой рати; а чтобы сохранить личину перед ней, Ольговичи бросились, как будто испугавшись грозившей галицкой помощи. Таким образом, рать Андреева, предоставленная самой себе, не могла ничего делать против Мстислава, и удалилась. Вот объяснение этого, иначе непонятного происшествия».

Так рассуждает г. Погодин. Заметим, во-первых, что никак нельзя предполагать, чтобы ряд, о котором напоминал после Святослав Ярославу, был заключен между ними тайно под Вышегородом с ведома Ростиславичей: если бы, как говорит г. Погодин, князья уладились под Вышегородом так, что Ярослав луцкий получил Киев, а Святослав наделенье, после чего Святослав побежал, давая таким образом Ярославу простор владеть Киевом, то каким образом черниговский князь будет говорить после, что ряд их был при предположении, что Киев мог достаться тому или другому? При условии ряда, предположенного г. Погодиным, Святослав непременно должен был бы говорить Ярославу: «Я тебе уступил Киев под условием наделенья; ты теперь сидишь в Киеве, так надели меня». Во-вторых, если б ряд был заключен под Вышгородом, то Святослав не сказал бы: «А помяни *первый ряд*», потому что ряд под Вышгородом был бы последним, ясно, что первый означает здесь *прежний, древний*. Об уничтожении этого прежнего ряда новыми отношениями нечего было думать Святославу: ему нужен был только предлог получить волости или предлог взять их силою; притом же этот ряд был так неопределен: во всяком случае, когда одному удастся сесть в Киеве, он должен наделить другого. Далее: если бы Святослав точно урядился с Ярославом и Ростиславичами, то он мог бы удалиться спокойнее, не топя своих ратников в Днепре, и зачем же в таком случае Мстислав ударил на стан осаждающих и побрал много колодников? Как уже было замечено, г. Погодин не имеет основания отделять войска Ольговичей от остальных полков Андреевых, потому что летописец говорит безразлично: если г. Погодин слова «и то видивше и убояшася» относит к Ольговичам, то должен отнести к Ольговичам же и последние слова: «И то видев Мьстислав, и выеде из города с дружиною своею, и гнавше дружина его и ударишася на товаре их, и много колодников изъимаша»[1]. Все войско испугалось, все войско бросилось бежать, и потому г. Погодин не имеет никакого права сказать: «Таким образом, рать Андреева, предоставленная самой себе, не могла ничего делать против Мстислава, и *удалилась*». Она не удалялась после Ольговичей, а бежала в ужасе вместе с другими. Наконец, если бы Ольговичи побежали первые, то уже, конечно, летописец не преминул бы сказать этого им в укор.

[333] Это за что? под *делателями* можно разуметь архитекторов, иностранцев; последнее обстоятельство могло быть также причиною народного нерасположения к ним.

[334] См любопытные подробности у Татищева, II, 202 и след.[2].

[335] И дружина Владимирская была с осаждающими; но она могла это делать поневоле; летописец говорит, что она пошла к Переяславлю по приказанию ростовцев, здесь присягнула Ярополку, отстать от общего ополчения не было уже более возможности.

[336] Летоп. Переясл. Сузд изд. кн. Оболенского, стр. 85, 86: «А с Переяславци имяхуть Володимирци едино сердце»[3].

[337] С первого разу может показаться, что летописец говорит здесь о прежней борьбе владимирцев с Ростиславичами, когда они выдержали семинедельную осаду; но когда у них был князь Михаил, а здесь прямо сказано: «За семь недель безо князя будуще в Володимери гради». Сле-

---

[1] ПСРЛ, т II, стр 110 См. также ПСРЛ, т. II, 1908, стб 577.

[2] *В Н Татищев,* История Российская ., т. III, стр 202 и след.

[3] Летописец Переяславля Суздальского, издан. К. М. Оболенским, М. 1851, стр 85, 86,

довательно, здесь говорится о последнем времени и выходит, что Владимир был оставлен князем; очень вероятно, что Ярополк бросил Владимир и уехал жить в Суздаль, — а владимирцы взяли пока сына Андрея Боголюбского, Юрия. В этом отношении очень любопытны известия, находящиеся у Татищева (III, 213) «Владимир (говорит летописец) до днесь чрез семь *месяцев* (а не недель) был без князя, и тогда оной видя ростовцы и суздальцы от князей оставлен, презирали и на совет не призывали, говоря: новгородцы, киевляне, смольяне, полочане и вси главные грады издревле на общей совет пригородов не призывали, и что уложат оные, потому должны и пригороды исполнять, в Белой же Руси старейшие грады Ростов и Суздаль, а Переяславль, и Владимир и прочие суть пригороды сих двух, того ради их совета не потребно слушать» [1].

В рассказе о победе Юрьевичей над Ростиславичами находятся противоречия между северною и южною летописями, также есть кое-что недосказанное. В северной летописи (Полн. собр. русск. лет., I, 159) [2] говорится, что Михаил с Ярополком разошлись в лесах, а в южной (II, 118) читаем: «услышав же Ярополк, и уступи им на сторону» [3], — действие намеренное, а не случайное; разве предположить, что Ярополк нарочно отступил на сторону, чтоб поставить Юрьевичей между собою и братом Мстиславом, на что указывает присылка его к последнему, помещенная в северной летописи. Но далее требует объяснения известие южной летописи о поступке москвичей. «Москъвляни же слышавше, оже идеть на не (в некотор. списк. *за не*) Ярополк, и възвратишась, вспять, блюдуче домов своих» [3]; — если мы примем чтение: *за не*, то связь с предыдущим восстановится: Ярополк отступил в сторону, дал пройти Юрьевичам и потом пошел вслед за ними, послави сказать брату, чтоб тот шел к ним навстречу; но в таком случае, с какой стати москвичам было возвращаться назад для того, чтоб оберегать свой город? они услыхали, что Ярополк следует за ними, а не идет на Москву, и следовательно домы их безопасны; гораздо опаснее было им идти назад и встретиться с Ярополком? Гораздо лучше, следовательно, принять чтение: *на не* в смысле: собственно на москвичей, на их город, на их волость, и предположить, согласно с северною летописью, что Ярополк нечаянно миновал Юрьевичей и продолжал идти к Москве. Потом, каким образом москвичи могли оставить свой город, если знали, что Ярополк идет к нему? Южная летопись прямо говорит, что Юрьевичи вышли из Москвы, узнавши, что Ярополк идет против них. Здесь необходимо предположить, что Юрьевичи вышли из Москвы именно с намерением встретиться с Ярополком и сразиться с ним, иначе москвичи не покинули бы своего города. Наконец, в том и другом рассказе нет ни слова о действиях Ярополка во время битвы он шел по следам Юрьевичей, зачем же он не напал на них в то время, как войско брата его встретилось с ними? не сказано также об очень важном обстоятельстве: когда была вынесена из Андреевой владимирской церкви икона богородицы и отдана Глебу рязанскому вместе с книгами и другим духовным имуществом.

[338] В южной летописи еще следующие дополнительные известия после рассказа о торжестве Юрьевичей: «Михалко же и Всеволод, одарившe Володимера Святославича, отпусти и во свояси... И потом посла Святослав жены их Михалковую и Всеволожюю, пристави к ним сына своего Олга проводити е до Москве; Олег же проводив и възвратися во свою волость в Лопасну (село в 27 верстах от Серпухова по Московской дороге). Оттуду послав Олег зая Сверилеск, бяшеть бо и та волость Черниговская; Глеб же, уведав то, посла сыновца своего Гюрьгевича на Ольга; Олег, совокупя дружину свою, и выйде к нему, и бьяхуться на Свирильске, и победи Олег Святославича, шюрина своего, и много дружины изойма, а сам едва утече» [4]. Здесь любопытно то, что Олег

[1] *В Н Татищев*, История Российская , т III, стр. 213.
[2] ПСРЛ, т I, стр 159. См также ПСРЛ, т I, вып 2, 1927, стб. 375.
[3] ПСРЛ, т II, стр 118 См. также ПСРЛ, т II, 1908, стб 600—601.
[4] ПСРЛ, т. II, стр. 118 См также ПСРЛ, т. II, 1908, стб 602—603.

провожал княгинь только до Москвы; по всему видно, что Москва был первый, пограничный суздальский город на пути с юга, из Чернигова чрез землю вятичей.

339 По Татищеву (III, 215) [1], Глеб обязался не помогать шурьям; между возвращенными вещами находился также и меч св[ятого] Бориса, который Михаил повесил в церкви Богоматери. — Вслед за рязанским походом у Татищева помещено известие о казни убийц Андреевых с ссылкою на Еропкинскую рукопись; см. также Степен. кн. I, 285 [2].

340 Полн. собр. русск. лет., I, 161: «И что бяше осталося у него» [3].

341 Летоп. Переясл. Сузд., стр. 89 [4].

342 Странно, что владимирцы не говорят ничего о Глебе рязанском и Мстиславе Ростиславиче, а толкуют только о ростовцах и суздальцах, которые уже давно были взяты в плен, и давно, следовательно, нужно было бы рассуждать о их наказании. У Татищева (III, 226) речь владимирцев представлена полнее и связнее: «ты же наших злодеев рязанских князей и их вельмож и плененных нашими руками держишь на свободе... а с другую сторону злодеи наши ростовцы и суздальцы между нами кроются, смотря только удобного времени, како бы нам какое зло учинить» [5].

343 Полн. собр. русск. лет., II, 120; «Тогда же князь Глеб мертв бысть (довольно странное выражение), июня в 30 (1177), а Романа сына его едва выстояша, целовавше крест» [6].

344 «Мьстислав и Ярополк в порубе бяста, и потом изведше я и слепивше пустиша» [6]. В северной летописи сказано просто: «и пустиша ею из земля» (Летоп. Пер. Сузд., стр. 91) [7]. В Новгород.: «Слеплен быть Мьстислав князь, с братом Яропълком, от стрья своего Всеволода, и пусти я в Русь; ведома же има слепома и гньющема очима, и яко доидоста Смольньска и придоста на Смедино в церковь святую мученику Бориса и Глеба, и ту абие съпостиже я божия благодать, и ту прозреста» [8]. У Татищева (III, 228): «Всеволод, видя, что никак их от намерения отвратить неудобно, обещал им вскоре сыновцев ослепить и отпустить... И того же дня пред вечером велел сыновцам своим сверх очей кожу надрезать, и, довольно окровавления сделав, объявил народу, что им глаза выколоты, и тотчас, посадя на телегу, за город велел проводить, доколе от народа безопасны будут и отпустили их к Смоленску». Примеч. 522: О сем ослеплении в раскольничье Хрущова написано: помазав очи кровию; в Симонове так, как здесь точно положено; в Ростовском и Новгородском одном просто отпустил; а в прочих «ослепи Всеволод Ростиславичев и пусти» и проч. с происшествием на Смядыни [9].

345 Вот что читаем о похождениях Юрия в грузинских летописях (Histoire de la Géorgie, traduite par M. Brosset. I, p. 412) [10]: Когда искали жениха для знаменитой царицы Тамари, то явился Абулазан, емир тифлисский и сказал: «Я знаю сына государя русского, великого князя Андрея, которому повинуются 300 царей в тех странах; потерявши отца в молодых летах, этот князь был изгнан дядею своим Савалтом (Sawalth, Всеволод), убежал и находится теперь в городе Свинди (Swindj), царя капчакского (половецкого). — Юрий явился в Грузию, духовенство и вельможи упросили Тамарь как можно скорее обвенчаться с ним; Юрий храбро воевал с врагами своего нового отечества, но скоро возникли между ним и же-

[1] *В. Н. Татищев,* История Российская ., т. III, стр. 215

[2] Книга Степенная, М 1775, ч. I, стр. 285. См. также ПСРЛ, т. XXI, ч. I, СПб. 1908, стр 242.

[3] ПСРЛ, т. I, стр. 161 См также ПСРЛ, т. I, вып. 2, 1927, стб. 380.

[4] Летописец Переяславля Суздальского, М. 1851, стр. 89.

[5] *В Н. Татищев,* История Российская.., т. III, стр. 226

[6] ПСРЛ, т. II, стр. 120 См. также ПСРЛ, т. II, 1908, стб. 606.

[7] Летописец Переяславля Суздальского стр. 91.

[8] ПСРЛ, т. III, 1841, стр. 16–17.

[9] *В Н. Татищев,* История Российская.., т. III, стр. 228, 495, примеч. 522. (Цитировано Соловьевым неточно).

[10] Histoire de la Georgie depuis l'antiquite jusqu'au XIX-e siècle, traduite du géorgien par M. Brosset, t.I. St.-Petersbourg 1849, p. 412.

ною неприятности, о которых так рассказывает грузинский летописец (в переводе г. Броссе, стр. 416): «Satan entra dans le coeur du misérable Russe, véritable Scythe, aux pensées barbares, aux passions monstrueuses. Il se mit, au sein de l'ivresse à faire des actions inconvenantes, abominables, qu'il est inutile de décrire; il osa offenser Thamar, le soleil des souverains, la splendeur matinale des rois. Judas envers lui-même, vaincu par sept esprits impurs, pires que le premièr, et leur servant de temple il marcha sur les traces des habitants de Sodome le pervers, le damné qu'il était» [1].

Тамарь долго терпела, долго увещевала Юрия исправиться, и сама и чрез монахов, наконец, решилась развестись с ним, и Юрий был отправлен в Константинополь с большими, впрочем, богатствами. Но скоро он явился опять в Грузии, в его пользу объявили себя многие начальники городов, и сын Боголюбского возведен был на престол царей грузинских; Тамарь, однако, не отчаивалась; она собрала верных себе вельмож и с их помощию победила Юрия, который опять должен был оставить Грузию, возвратился еще раз и снова потерпел поражение.

В этом рассказе встречаются затруднения относительно собственных имен, лиц и городов. В первом известии по смыслу подлинника выходит, что Юрий скрывался в городе Swindj, принадлежавшем царю кипчакскому, но потом это слово является как собственное имя лица, напр. на стр. 437 [1] говорится, что на помощь к Тамари приходил Sewindj Sawalth, брат царя кипчакского. Г. Броссе в Sawalth основательно видит испорченное Всеволод, что совершенно идет к первому известию относительно изгнания Юрия: *но кто же* будет этот Sewindj-Sawalth, который приходил после на помощь к Тамари? Он назван братом царя кипчакского, следовательно хана половецкого; если же предположить здесь смешение и под кипчакскими царями разуметь князей южнорусских, соседних с половцами, то дело может объясниться легче: Swindj первого известия может быть испорченное Святослав (Свентослав), князь черниговский, у которого Юрий мог найти убежище, как прежде находили его дядья и двоюродные братья; под вторым же Sewindj-Sawalth может разуметься Святославич — Всеволод трубчевский, второй герой Слова о Полку Игореву.

[346] Лутаву (село в 4 верстах от Остра) и Моравск (местечко Остерского уезда).

[347] Гораздо прежде прихода Романова на юг под 1175 годом в летописи встречаем следующее известие: «Смольняне выгнаша от себе Романовича Ярополка, а Ростиславича Мстислава въведоша Смоленьску княжить» [2]. — Но в это время в Смоленске сидел не Ярополк, а отец его Роман; итак, мы должны отнести это событие к позднейшему времени, когда Роман ушел на юг, оставив сына своего Ярополка вместо себя в Смоленске; но смольняне, согласно с правом старшинства, выгнали племенника и призвали дядю.

[348] Что по отъезде Святослава в Киев место его в Чернигове занял Олег Святославич, видно из последовательности летописного рассказа: «Преставися Олег Святославичь... потом же Игорь брат его седе в Новегороде Северском, а Ярослав Всеволодиць в Чернигове седе» [3]: — Ярослав садится в Чернигове только по смерти Олега; *думаем,* что когда Олег переехал в Чернигов, Ярослав Всеволодич переехал на его место в Новгород-Северский, а потом, по смерти Олега, Ярослав переехал в Чернигов, а Игорь Святославич — в Новгород.

[349] Ярополк Ростиславич, ставши князем владимирским, женился на дочери Всеслава, князя витебского; так говорит летописец, но ошибочно, ибо Всеслав был князь полоцкий, а не витебский, витебским был брат его Брячислав; теперь Ярополк Ростиславич находился в полках Святослава черниговского, который боролся со всеми Мономаховичами, и со Всеволодом

[1] Brosset, op. cit., p. 416, 437.
[2] ПСРЛ, т. I, стр. 159. См. также ПСРЛ, т. I, вып 2, 1927, стб. 374.
[3] ПСРЛ, т. II, стр. 122. См. также ПСРЛ, т. II, 1908, стб. 613.

суздальским и с Ростиславичами южными; следовательно Васильковичи, заступаясь за зятя, естественно, должны были быть в союзе с Святославом. Каким образом Витебск перешел опять от Ростиславичей смоленских к полоцким князьям — неизвестно. Имена полоцких князей, находившихся в союзе с черниговскими, суть следующие: «Васильковича — Брячьслав из Витебьска, брат его Всеслав с Полочаны, с ним же бяхуть и Либь и Литва, Всеслав Микуличь из Логажеска, Андрей Володшичь и сыновець его Изяслав, и Василко Бряцьславичь» [1].

[350] За каким — неизвестно. Летопись упоминает только о двоих сыновьях Владимира, прижитых им от попадьи; если Романовна была за старшим из них, то выходит, что Владимир стал жить с их матерью давно уже, еще при жизни отца своего Ярослава. По рассказу Татищева выходит так (III, 285) [2].

[351] Так рассказывает русский летописец; по польским же известиям Олег Ярославич, не найдя помощи у Рюрика Ростиславича в Овруче, пошел к польскому королю Казимиру и вместе с ним отправился на Владимира галицкого; тот, соединившись с Всеволодом Мстиславичем бельзским, братом Романа волынского, вышел к ним навстречу, но был разбит и бежал в Венгрию; Олег сел в Галиче, но скоро был отравлен, и тогда бояре призвали на его место Романа волынского. См. Полн. собр. русск. лет., II, 321 [3]. Известно о смерти Олега, пропадающего без вести в наших летописях, заставляет обратить внимание на этот рассказ.

[352] В «Венке на обжинки русинам» (ч. II, стр. 162) говорится, что на месте города Плесниска существуют ныне окопы и великие курганы, заросшие лесом, недалеко от Подгорца, первой почтовой станции из Брод к Золочову [4].

[353] Из этого видно, что король обещал поделиться с Святославом, и последний мог думать, что Бела уступит ему Галич, а сам возьмет Перемышль или другие какие-нибудь волости.

[354] Полн. собр. русск. лет., II, 137: «Рюрик же, уведав то, наряди по нем (по Глебе) Святослава Володимерича, приставя к нему муж свой» [5]. Для чего и куда он отправил Святослава? Как видно, также к королю, чтоб противодействовать своекорыстным видам Святослава киевского. Кто был этот Святослав Владимирович? Карамзин догадывается, что сын Владимира Мстиславича, что очень вероятно.

[355] Стало быть, у них был договор действовать заодно относительно Галича.

[356] Полн. собр. русск. лет., II, 138: «Рюрик же сего не улюбишеть лишитися отчины своея, не хоте поделитися Галичем» [6]. — Это чтение, по моему мнению, должно быть исправлено каким образом Рюрик не хотел отдать Святославу и своих старых владений и не хотел делиться Галичем, следовательно целию похода ставил только одну свою пользу? Но совершенно ясно будет, если вместо *не* исправим *но*: «но хоте поделитися Галичем».

[357] Ник., II, 262: «Сия же глаголя Всеволод извет творя» [7].

[358] «И да ему Полоны и полътъртака Корьсуньского» [8]. — Этот Полоный не может быть около Луцка, ни на реке Стыре, потому что за Горынью не могло быть киевских владений; не может быть и тем Полоным, который упоминается под 1172 (1169) годом, ибо последний Полоный принадлежал Десятинной киевской церкви, и потому Рюрик не мог отдать его Роману. Что же касается до «полътъртака Корьсуньского», то, ко-

[1] ПСРЛ, т. II, стр. 124. См. также ПСРЛ, т. II, 1908, стб. 620.
[2] *В. Н Татищев*, История Российская , т III, стр 285
[3] Kronica Polska, Litewska, Żmódzka i wszystkiej Rusi Macieja Stryjkowskiego, t. I, str. 206 ПСРЛ, т II, Спб , 1843, стр. 321. (прибавление к Ипатьев. лет)
[4] Статья И. Б. Головацкого в сб. «Венок на обжинки русинам», У Ведни, 1847, ч. II, стр 162
[5] ПСРЛ, т II, стр. 137. См. также ПСРЛ, т II, 1908, стб. 662.
[6] ПСРЛ, т. II, стр. 138. См также ПСРЛ, т II, 1908, стб 663.
[7] Русская летопись по Никонову списку, ч. II, стр 262. См также ПСРЛ, т. X, 1885, стр 23.
[8] ПСРЛ, т. II, стр. 146. См. также ПСРЛ, т. II, 1908, стб. 688.

нечно, удобнее принять чтение — «полторска (т. е. полторческа) русского», ибо нельзя, кажется, было Рюрику отдавать что-либо корсунское, когда Корсунь отдан был уже Всеволоду; но, с другой стороны, и Торческ был отдан также Всеволоду, который от себя дал его зятю Ростиславу; трудно думать, чтоб Рюрик, без ведома Всеволода, решился отнять у Ростислава половину волости для Романа при тогдашнем положении последнего; другого же Торческа, кроме Поросского, мы не можем разуметь, ибо только последнему могло быть прилично название русский, т. е. киевский; далее — никогда ни один Торческ не называется русским; наконец, чтение «Полторска Руского» будет гораздо легче «полътъртака Корьсуньского», и потому последнее должно быть предпочтено, несмотря на его непонятность.

[359] Здесь явная неправда: Днепром Ярослав никогда не делил Всеволодовичей от Святославичей: и Святославу и Всеволоду он дал волости по одной восточной стороне Днепра. Здесь любопытно, впрочем, то, что Мономаховичи требуют от Ольговичей, чтоб те не искали под ними Смоленска — новое доказательство отсутствия отчинности, ибо какое право могли иметь Ольговичи на Смоленск? Но если Мономаховичи хотели делиться Днепром, то необходимо должны были отдать Переяславль Ольговичам, и точно об этом городе они не упоминают, тогда как этот город и был именно их отчина по Ярославову делению.

[360] Вот доказательство, что Киев принадлежал Всеволоду, как старшему и уже из его рук был отдан Рюрику.

[361] Никон., II, 265: Ярослав говорит: «Но якоже от прадед наших лествицею кождо восхожаше на великое княжение Киевское, аще же и нам и вам лествичным восхождением, кому аще господь бог даст, взыти на великое княжение» [1].

[362] Все это дело для нас очень темно по недостатку обстоятельных известий о полоцких отношениях. Мы видели, что Витебск, сначала принадлежавший к Полоцкому княжеству, перешел впоследствии к Смоленскому; но потом опять видим, что здесь сидит один из полоцких князей, именно Брячислав Василькович, бывший в 1180 году в союзе с Ольговичами; теперь сидит в Витебске зять Давыдов, кто именно? тот же ли самый Брячислав или сын его, Василько Брячиславич, упоминаемый в 1180 году, — неизвестно. Неизвестно, по каким побуждениям Рюрик хотел отнять у братнего зятя Витебск и отдать его Ольговичам; любопытно здесь только, что наши князья не обращают никакого внимания на чрезполосность владений, и что Мономаховичи, толкуя о Днепре как границе владений Ольговичей, уступают им отдаленный город на Двине. Под 1180 годом видим в Друцке Глеба Ростиславича, союзника Ростиславичей, под 1195 является здесь Борис, союзник Ольговичей.

Вот известие по Ипатьевскому списку: «Ярослав, же не дождав ряду посла сыновця своя ко Витебьску, на зятя на Давыда (выходит, что должно читать: на зятя Давыдова)... Олговичи же, не доехавъше Витебьска, воеваша Смоленьскую волость. Слышав же Давыд Ольговича, посла Мьстислава Романовича сыновця своего, и Ростислава Володимерича (по Карамзину, сына Владимира Мстиславича) с полком своим, и Рязаньского княжича зятя своего Глеба со Смолняны противу им» [2]... и проч. см. в нашем тексте.

В северной летописи по Лавр. списку читаем: «Тое же зимы посла Давыд и Смолиньска сыновца своего Мстислава, свата в[еликого] князя Всеволода, в помочь зятю своему на Витепск, и победи его Василко с Черниговци» [3]. Кто этот Василько? уже, конечно, не Брячиславич, ибо последний, как князь или княжич витебский, не мог сражаться против Давыдова войска, посланного ему на помощь; южная летопись из полоцких князей, бывших в деле с Ольговичами, упоминает только одного Бориса

[1] Русская летопись по Никонову списку, ч. II, стр. 265. См. также ПСРЛ, т. X, стр 26.
[2] ПСРЛ, т. II, стр. 147 См также ПСРЛ, т. II, 1908, стб. 691.
[3] ПСРЛ, т. I, стр. 174. См. также ПСРЛ, т. I, вып. 2, Л., 1927, стб. 413.

друцкого, и не знает никакого Василька, быть может, этот Василько был Володаревич, князь логожский? В северной летописи находим следующее среднее известие под 1186 годом. «Того же лета на зиму иде на Полтеск Давыд Ростиславич из Смолиньска, а сын его Мстислав из Новагорода, из Ложьска (Логожска) Василько Володаревич, из Дреютьска Всеслав; и слыша Полочане, и сдумаша рекуще: «не можем мы стати противу Новгородцем и Смолняном; аще попустим их в землю свою, аще и мир створим с ними, а много ты зла створять, попустять ны землю идучи до нас; пойдем к ним на сумежье. И собрашася вси, и идоша к ним, и сретоша я на межах с поклоном и честью и даша ему дары многы, и уладишася» [1]. Здесь друцким князем назван не Борис и не Глеб, а Вячеслав, логожским князем является Василько Володаревич, а в известии под 1180 годом Всеслав Микулич.

[363] Полн. собр русск. лет., II, 149: «Слышав же Рюрик, аже из Полоцкого ехавше воевали волость брата его Давыдову и сына его Ростиславлю» [2]. — Значит и смоленский князь имел волость в киевских владениях.

[364] Есть даже известие, что Роман, утвердившись в Галиче, сделал много зла Рюрику Полн. собр. русск. лет., II, 326 [3].

[365] Мстислав Владимирович, которого мы видели под 1180 годом, когда он побежал от половцев: в летописи сказано, что Рюрик сильно рассердился на него за это: «Рюрик же пожалова на Володимирича на Мьстислава, река ему: в первое Трьполь переда Олговичем; ать ныне аче и хотя же еси побеглъ, Олговичем и Половцем добро творя, но бог и крест помогл бояром, а ты е хотя кончати — и велми на него жалова» [4].

Как видно, Триполь был отнят у Мстислава, быть может даже по этому случаю; другого Владимировича, Ростислава мы видели в Смоленской области, в битве с Ольговичами и полочанами. Потом Мстислав Владимирович был взят в 1203 году Рюриком и Ольговичами в Киеве и один из черниговских князей, Ростислав Ярославич, отвел его с собою в Сновск.

[366] Полн собр. русск. лет., I, стр. 176 [5].

[367] Летописец (Полн. собр. русск. лет., I, 176) говорит: «И створися велико зло в Русстей земли, якого же зла не было от крещения над Кыевом, напасти были и взятья, не яко же ныне зло се сстася» [5]. — Но грабеж по взятии Киева войсками Боголюбского описывается с одинаковыми подробностями, и тогда также пограблены были церкви.

[368] По Татищеву (III, 338): «оставил опять Ингваря луцкого» [6].

[369] Полн. собр. русск. лет., II, 156. «Бе бо Володислав лестя межи има» [7].

[370] У Татищева (III, 336) помещена любопытная речь Романа к другим князьям, в которой он уговаривает их установить в волостях порядок преемства от отца к сыну, и более определенный порядок в преемстве старшего стола; но никто не согласился на предложение Романа [6].

[371] Kadlubek, II, p. 127 [8].

[372] Это известие находится у Стрыйковского, который говорит, что Роман впрягал пленных литовцев и ятвягов в плуги и заставлял выпахивать коренья по новым местам. — Мы не думаем, впрочем, чтоб должно было, как здесь, принимать эту поговорку буквально. Роман заставлял литовцев и ятвягов заниматься земледелием, от чего современники видели

---

[1] ПСРЛ, т. I, стр. 170 См. также ПСРЛ, т. I, вып. 2, 1927, стб. 403—404.
[2] ПСРЛ, т II, стр 149 См. также ПСРЛ, т. II, 1908, стб 697, по летописи «из Полонного ехавше».
[3] ПСРЛ, т. II, Спб. 1843, стр. 326, (прибавления к Ипатьевской летописи).
[4] ПСРЛ, т II, стр. 125 См. также ПСРЛ, т. II, 1908, стб. 624
[5] ПСРЛ, т. I, стр. 176. См. также ПСРЛ, т. I, вып. 2, 1927, стб. 418.
[6] *В. Н. Татищев,* История Российская ., т III, стр. 338, 336.
[7] ПСРЛ, т. II, стр. 156 См. также ПСРЛ, т II, 1908, стб 719.
[8] Mistrza Wincentego zwanego Kadlubekiem, biscupa Krakowskiego, Kronika Polska, Kraków 1862, p. 245.

мало проку, и произошла приведенная поговорка, впоследствии же эта поговорка объяснена буквально [1].

[373] Полн. собр. русск. лет., II, 156: «У Микулина, на реце Серете» [2]. Теперь Микулницы, в Галиции, в Тарнопольском округе.

[374] Мстибог, Мончук и Никифор.

[375] Потому что Новгород Северский был, вероятно, занят уже кем-нибудь из других Ольговичей.

[376] Полн. собр. русск. лет., II, 157: «Олександр прия Угровеск, Верещин, Столпье, Комовь и да Василкови Белз» [3]. — Значит Александр отдал Василько Бельз, но означенные четыре города Бельзской волости удержал за собою. — Угровеск, теперь Угруйск, село при Буге подле Верещина, а Верещин местечко в юго-восточной части Царства Польского, по дороге из Грубешова в Бельз; Столпье — село к северо-западу от Хельма по дороге в Люблин; Комовь — теперь Кумов на полпути из Хельма к Ухани. См. Погодина И. З. и Л., т. IV, стр. 197 [4].

[377] В Волынской летописи о княжении Ростислава Рюриковича нет, но есть в Воскресенском (II, 150), Никоновском (II, 275), и других сборниках; у Татищева (III, 365) [5] дело рассказано обстоятельно и понятно. Такие факты не выдумываются; притом в Волынской летописи здесь явный пропуск: «...Беда бо бе в земле Володимерьстей от воеванья Литовьского и Ятвяжьского. Мы же на прежнее возвратимся случавшихся в Галиче. *Андрей же король уведив безаконье Галичкое и мятежь,* и после Бенедикта проч.». Но о каком беззаконии и мятеже галицком уведал Андрей? ясно, что пропущен рассказ о Ростиславе и его изгнании; на пропуск прямо указывает частица *же,* которая должна соединять слова: «Андрей же король» с каким-нибудь предыдущим рассказом опущенным.

[378] Прежде было сказано в летописи, что, убегая пред Мстиславом, Даниил удалился в Венгрию, а Василько с дядькою своим Мирославом в Бельз; (Полн. собр. русск. лет., II, 159) [6]; должно думать, что когда Василько отправился в Галич, то Лешко с Александром, не желая увеличивать силы Романовича, взяли у Василька Бельз, ибо старший брат мог дать ему волость в Галиции; иначе трудно объяснить эту жестокость Лешка к изгнаннику.

[379] А прежде, после первого похода на Галич в предыдущем году, Рюрик отдал Белгород Ольговичам, которые посадили здесь Глеба Святославича.

[380] «Идоша Копонову» [7]. — Копоново село в Касимовском уезде в 42 верстах от города.

[381] Ясно, что и первое известие прислано было от Владимировичей: иначе, зачем бы Всеволод посадил только их двоих у себя обедать, скорее он посадил бы старших Романа и Святослава с собою. Владимирский летописец верит справедливости доноса, Новгородский называет Владимировичей клеветниками.

[382] Полн. собр. русск лет., I, 182: «Князь же великый слышав, яко въображена бысть истина» [8].

[383] Теперь Льгов, в 11 верстах от Рязани по Спасской дороге.

[384] Под 1210 годом встречаем еще следующее известие: «В[еликий] Князь Всеволод посла с полком Кузму Ратьшича, меченошю своего, и взя Тепру, и възвратися со многым полоном в Володимерь» [9]. — В некоторых списках вместо *Тепра* стоит просто *Пра;* Пра — река Рязанской губернии

---

[1] Kronica... Macieja Stryjkowskiego, Warszawa, 1846, t I, str. 211.

[2] ПСРЛ, т II, стр. 156. См также ПСРЛ, т. II, 1908, стб 717.

[3] ПСРЛ, т. II, стр. 157 См. также ПСРЛ, т. II, 1908, стб 721

[4] *М. П. Погодин,* Исследования, замечания и лекции о русской истории, т. IV, стр. 197.

[5] Русская летопись с Воскресенского списка, ч II, стр. 150. См также ПСРЛ, т. VII, стр. 116; Русская летопись по Никонову списку, ч. II, стр 275. См. также ПСРЛ, т. X, стр. 35; *В Н. Татищев,* История Российская ., т. III, стр 365.

[6] ПСРЛ, т. II, стр. 159. См. также ПСРЛ, т. II, 1908, стб 728.

[7] ПСРЛ, т. I, стр. 171 См также ПСРЛ, т. I, вып 2, 1927, стб 406.

[8] ПСРЛ, т. I стр. 182 См также ПСРЛ, т. I, вып 2, 1927, стб. 431.

[9] ПСРЛ, т. I, стр. 184 См. также ПСРЛ, т. I, вып. 2, 1927, стб. 435.

Спасского уезда, и в таком случае поход этот будет окончанием покорения Рязанской волости; но по Татищеву поход Ратши был на болгар; у Татищева же (III, 363) [1] последнее поведение рязанцев относительно Ярослава приписано происками Глеба Владимировича, который, будучи недоволен тем, что получил от Всеволода в награду за свою клевету, сносился с черниговцами и подучал рязанцев на Ярослава; нам неизвестно, что получил Глеб от Всеволода.

[385] Полн. собр. русск. лет., I, 178; Карамзин, III, прим. 118 [2].

[386] По Ник. (II, 209) [3] встреча была на Белоозере.

[387] Который — Андреевич или Ростиславич? По отваге можно думать, что второй.

[388] Почему же Мстислав отдал сына на руки братьям Давыду и Рюрику, а не старшему Роману? Быть может вследствие недавней размолвки за Полоцк; впрочем, и прежде были у них столкновения: в 1175 году Роман, отправляясь в Киев, отдал Смоленск сыну своему Ярополку, но смольняне выгнали последнего и призвали на его место дядю Мстислава. Впрочем, у Мстислава остался старший брат, знаменитый после Мстислав Мстиславич Удалой. Он, вероятно, остался княжить в отцовской волости, в Торопце; а младшего Владимира отец отдал Рюрику и Давыду, княжившим в Киевской области, чтоб они там дали ему волость; и действительно в 1180 году мы видим его в Треполи с дядькою Борисом Захарьичем, который предводительствует полком малолетнего князя.

[389] Полн. собр. русск. лет., III, 18: «Выведе Всеволод, прислав, свояк свой из Новагорода Ярослава Володимириця: негодовахуть бо ему Новгородьци, зане много творяху пакости волости Новгородьскей» [4]. — *Кто же творяху?* дружина, приятели Ярославовы? Но если Всеволод сам вывел Ярослава, то можно заключить, что не без его согласия был призван Мстислав.

[390] Но Изяслав и другой брат его Ростислав умерли оба в следующем, 1198 году. В том же году Ярослав со всею областию Новгородскою ходил на Полоцк; но на озере Каспле был встречен полочанами и взял с ними мир.

[391] Татищ., III, 327 [5].

[392] Летоп. Пер. Суздал., стр. 104; Воскр., II, 129 [6].

[393] Три года назад летописец упомянул о набеге литвы и только; больше ни о какой рати нет известий; с варягами в 1201 году была ссора, но тогда же кончилась миром.

[394] Михаил умер в следующем, 1206 году.

[395] Здесь двор покойного Мирошки отделен от двора сына его Димитрия; можно оставить и это чтение: «А Мирошкин двор и Дмитров зажьгоша» [7], и тогда будет надобно предположить, что двор старого Мирошки по обычаю достался младшему сыну, Борису; но есть другое чтение: «А Мирошкин двор Дмитров жгоша» [8], т. е. Мирошкинича двор Дмитров; последнему чтению противоречат, впрочем, следующие выражения: «а житие их поимаша».

[396] Так рассказывает летописец новгородский. Но у Татищева читаем, что Всеволод, узнав о занятии Торжка Мстиславом, отправил против него троих сыновей своих: Константина, Юрия и Ярослава; новгородцы испугались и послали к Константину просить мира, отправив вместе

---

[1] *В Н Татищев,* История Российская.., т. III, стр. 363.

[2] ПСРЛ, т I, стр. 178 См также ПСРЛ, т. I, вып 2, 1927, стб 425; *Н. М. Карамзин,* История государства Российского, т. III, Спб., 1816, стр. 465, примеч. 118.

[3] Русская летопись по Никонову списку, ч. II, стр. 209. См. также ПСРЛ, т. IX, стр. 241.

[4] ПСРЛ, т. III, стр. 18.

[5] *В Н Татищев,* История Российская ., т. III, стр. 327.

[6] Летописец Переяславля Суздальского, стр 104—105. Русская летопись с Воскресенского списка, ч. II, стр. 129; См. также ПСРЛ, т. VII, стр. 107.

[7] ПСРЛ, т. III, стр. 30.

[8] ПСРЛ, т. III, стр. 30 (примеч.)

и захваченного ими Святослава и надлежащую великому князю дань. Константин, следуя всегдашней своей умеренности, вопреки совету младших братьев, согласился на мир, вследствие которого Мстислав удалился назад в Торопец, и на его место Всеволод прислал сына своего Владимира. Новгородцы, видя, что восстание не имело успеха, выместили свою злобу на тех, которые уговорили их к нему: они хотели умертвить друзей Мстиславовых и едва были укрощены владыкою. Но в 1211 году новгородцы снова послали за Мстиславом; тогда Владимир, опасаясь участи брата, уехал тотчас к отцу, а Мстислав вступил в Новгород и удержался в нем [1].

Из известий в летописях, до нас дошедших, можно усмотреть, каким образом составился Татищевский рассказ. В Никон. сборнике (II, 307) читаем известие: «К[нязь] в[еликий] Всев[олод] Юр[ьевич] посла сына своего, князя Константина с братиею его на князя Мстислава Мстиславича на Торжек; князь же Мстислав Мстиславич слышав, отъиде в Новгород, и оттуда иде в Торопец в свою власть. Князь же Константин Вс[еволодович] с братьею своею возвратися со Твери, и князь Святослав Вс[еволодович] брат их приде к ним из Новагорода» [2]. — То же читается в Пушкинском списке, который цитует сам Карамзин (III, примеч. 132) [3]. Это известие, распространенное в списке, которым пользовался Татищев, вошло явственно в его рассказ; князь Владимир Всеволодович является на сцену вследствие смешения его с князем псковским Владимиром, братом Мстиславовым, который в Новгород[ской] летописи под 1210 годом ходил с новгородцами на Литву, под 1211 посажен братом в Луках; известие об уходе Мстислава от Торжка в Торопец объясняется известием, находящимся в Новгор[одской] летоп[иси] под 1211 годом: «И посла князь Мстислав Дмитрия Якуниця на Лукы с Новгородьци города ставить; а сам иде на Тържьк блюсть волости, из Тьрожку иде в Торопьчь, из Торопця иде на Лукы» [3]. Как видно, он укреплял города от литовских набегов. Наконец, известие о восстании новгородцев на приятелей Мстиславовых может быть в связи с известием о смуте по поводу архиепископа Митрофана.

[397] Никон, II, 310 [4].

[398] Там же, стр. 311 [4].

[399] Летоп. Пер. Суздал., стр. 110. «И тако седе Ярослав в Переяславле на столе идеже родися» [5].

[400] Хотя летописи и полагают смерть его в 1215 году, но неупоминовение имени его при описании борьбы Ольговичей с Мономаховичами заставляет положить смерть его ранее 1214 года.

[401] Татищ., III, 379 [6].

[402] Не сказано, каким образом Твердислав явился опять посадником; очень вероятно, что Дмитрий Якунич остался отправлять свою должность в Новгороде, а Твердислав называется посадником в смысле старого.

[403] Полн. собр. русск лет., III, 32: «И яша два князя Ростислава Ярославиця и Яропълка брата его, вънука Олгова» [7]. — Так рассказывает летописец новгородский; почти также в Никон.; в Воскресен. прибавлено (II, 154), что в союзе с Ростиславичами был Ингварь Ярославич луцкий: «Всеволод же Святославичь не утръпе, беже за Днепр з братьею своею и мнози люди истопоша в Днепре, ...идоша по нем князи Чернигову и оступиша во граде Глеба брата его, а Всеволод преставися. И стояша около города 3 недели... и целовавши крест межь собою разидошася и

---

[1] *В Н Татищев.* История Российская. т III, стр 367 368

[2] Русская летопись по Никонову списку, ч II, стр. 307 См. также ПСРЛ, т. X, стр 60

[3] *Н М Карамзин,* История государства Российского, т. III, стр. 472, примеч. 132; ПСРЛ т III, стр 31.

[4] Русская летопись по Никонову списку, ч. II, стр 310, 311. См. также ПСРЛ, т. X, стр 63, 64

[5] Летописец Переяславля Суздальского, стр. 110

[6] *В Н. Татищев,* История Российская.., т. III, стр. 379.

[7] ПСРЛ, т. III, стр. 32.

седе в Киеве Инъгварь Ярославичь... потом же управившася, даша Киев Мстиславу Романовичу, а Инъгварь опять иде к Лучьску»[1]. Подробности Вышгородской битвы см. у Татищ., III, 380[2].

[404] Никон., II, 318; Татищ., III, 382[3]; у Татищева прибавлено, что простой народ был за Мстислава.

[405] Имя отца его Иванка упоминается под 1195 и 1196 годом вместе с именем Мирошки.

[406] Полн. собр. русск. лет., III, 33: «князь Ярослав и Якуна Зуболомиця, а по Фому посла по Доброщиниця по Новоторжъскый посадник, и оковав потоци и на Тьхверь»[4].

[407] Весь этот рассказ новгородского летописца не совсем ясен; вот он в подлиннике: «И по грехом нашим обади Федор Лозутиниць и Ивор Новотържичь Якуна Тысяцьского Намнежиця; князь же Ярослав створи вече на Ярославе дворе; идоша на двор Якунь, и розграбиша, и жену его яша, а Якун заутра иде с посадником к князю, и князь повеле яти сына его Христофора мая в 21. Тьгдаже, на Сбор, убиша Пруси Овъстрата, и сын его Лугату, и въвьргоша и в греблю мьртв; князь же о том пожали на Новгородце. Того же лета поиде князь Ярослав на Тържък, поимя с собою Твьрдислава Михалковиця, Микифора, Полюда, Сбыслова, Семена, Ольксу и много бояр, и одарив присла в Новъгород; а сам седе на Тържку»[5]. В Никоновском списке события рассказаны не совсем так, а именно: князь захватывает сына посадничья, а не тысяцкого[6]. — Что касается Овстрата, убитого жителями Прусской улицы, то он принадлежал к числу тех приятелей Димитрия Мирошкинича, которых новгородцы не хотели держать у себя в 1209 году и которые были потому отосланы в Суздальскую землю; когда он возвратился, неизвестно.

[408] Их имена: Володислав Завидиць, Гаврила Игоревиць, Гюрги Ольксиниць, Гаврильць Милятиниць.

[409] Впадает в Волгу ниже обеих рек Стариц, при селении Холохольне.

[410] Ярославской губернии, Ростовского уезда.

[411] Каким же образом это случилось? Не должно забывать летописного известия, где говорится о смуте по смерти Всеволода, когда одни признали старшинство Юрия и остались у него, а другие пошли к Константину в Ростов; могло случиться, что члены одного семейства могли разойтись таким образом в разные стороны; бояре, убежавшие в Ростов, оставили села во Владимирской области, и теперь рабы их, погнанные из поселий, шли против них с Юрием; не забудем также, что новгородцы, преданные Ярославу, шли против своих братий, находившихся с Мстиславом.

[412] Никон., II, 325[7].

[413] Этот двукратный пожар, быть может, был произведен приятелями Константина.

[414] Наследовавший Владимиру Юрьевичу, умершему в 1203 году.

[415] Вспомним, что Ростиславичей галицких только подозревали в смерти Ярополка Изяславича.

[416] Изяслава, Кюр Михаила, Ростислава, Святослава, Глеба и Романа.

[417] Как принимать здесь слово *выдал?* в смысле ли физическом — отдал, сдал, или в том смысле, что он выдал его на суде, т. е. не вступился за него пред князем? По следующему известию, что князь выпу-

---

[1] Русская летопись с Воскресенского списка, ч II, стр 154 См также ПСРЛ, т. VII, стр. 118, Русская летопись по Никонову списку, ч. II, стр. 318. См также ПСРЛ, т X, стр 67

[2] *В Н. Татищев,* История Российская .. т III, стр. 380.

[3] Русская летопись по Никонову списку, ч. II, стр. 318. См. также ПСРЛ, т. X, стр. 67; *В Н. Татищев,* История Российская.., т. III, стр 382.

[4] ПСРЛ, т III, стр. 33

[5] ПСРЛ, т. IV, Спб. 1848, стр. 20 См. также ПСРЛ, т. IV, ч. I, вып. I, Птрг. 1915, стр. 185 (Цитировано Соловьевым неточно).

[6] Русская летопись по Никонову списку, ч II, стр. 319. См. также ПСРЛ, т. X, стр. 68

[7] Русская летопись по Никонову списку, ч. II, стр. 325. См. также ПСРЛ, т. X, стр. 71.

стил Матея, можно принимать первое, но можно также принять и то и другое.

[418] «И поидоша ониполовици и до детии в брънях» [1]. — Принимать ли здесь *и до детии*, т. е. даже и до детей, или видеть в: *и до детии* испорченное *изодетии?*

[419] Арцыбашев думает, что эти тоймокары были жители реки Тоймы; он приводит следующее место из книги — Большой Чертеж (стр. 195, по изд. Спасского): «реки, которые в Двину пали...: ниже Ухтюхи 50 верст, пала река Тойма верхняя, а ниже Тоймы 20 верст, пала Тойма нижняя: протоку верхние Тоймы 150 верст, а нижния Тоймы 70 верст [2].

[420] «Поеди к нам, забожницье отложи, судье по волости не слати» [3]. — Что такое *забожничье?* объясняют данью за божницы, церкви — иноверческие? — не отвечаем за справедливость этого объяснения. Нельзя ли скорее принять *збожничье* от *збоже* (жито).

[421] Так говорит Новгородская летопись, но иное Татищев (III, 457): «Ярослав, выслушав присланных от новгородцев, сказал им: есть ли данную Михаилом неистовую грамоту отринут, учинят ему роту по прежнему обычаю, то он к ним пойдет, и от неприятелей их немец своими войсками оборонять будет; есть ли же оной не отрекутся, то не пойдет. Послы послали наскоро в Новград и новгородцы многу распрю имели, напоследок принуждены оную грамоту оставить и отдать ему, а сами учинили роту Ярославу по-прежнему» [4]. — Можно согласить эти известия так, что Ярослав целовал крест на старых грамотах Ярославовых, а новгородцы должны были отказаться от новых льгот Михайловых.

[422] В Волынской летописи первое прибытие Мстислава в Галич полагается в 1212 году; но мы предпочитаем хронологию Новгородской летописи [5].

[423] В Волынской летописи нет подробностей о кончине Мстислава; в Воскресен. (II, 185) читаем: «Преставися Мстислав Мстиславичь князь Торопечский, княжив в Галичи и поиде в Киев, разболежеся на пути и постризшеся в схиму и тако преставися» [6].

[424] У Татищева (III, 443) [7] именно сказано, что Олег Игоревич курский, возвратясь от Калки, взял себе Чернигов, но Михаил призвал Юрия на помощь, и Олег, несмотря на то, что митрополит Кирилл заступался за его старшинство, должен был уступить Чернигов. — Преемство и родство князей туровских и пинских трудно определить: под 1190 годом читаем: «Рюрик Ростиславичь бысть в Пинески у тещи своея и у шюрьи своея, тогда бо бяше свадьба Ярополча» [8]. Под 1204 г. видим в Пинске князя Владимира, а в 1228 — Ростислава.

[425] Татищ., III, 247 [9].

[426] Летоп. Пер. Суздал., стр. 111 [10].

[427] Никон., II, 325 [11].

[428] Мы не упоминаем здесь о боярах новгородских, галицких и волынских, которых деятельность и отношения ясно обозначены на своем месте.

[429] Scriptores rer. Livonicar. II, I; Russow's liflandische Chronic, S. 11 [12].

---

[1] ПСРЛ, т. III, стр. 37.

[2] *Н. С. Арцыбашев,* Повествование о России, М. 1838, т I, кн. 2, стр. 306, примеч. 1913. Книга Большому Чертежу, изд. АН СССР, М. — Л. 1950, стр. 164.

[3] ПСРЛ, т. III, стр. 44, 47.

[4] *В. Н. Татищев,* История Российская.., т III, стр. 457.

[5] ПСРЛ, т. II, стр. 160. См. также ПСРЛ, т. II, 1908, стб. 731; ПСРЛ, т. III, стр. 37

[6] Русская летопись с Воскресенского списка, т. II, стр. 185. См также ПСРЛ, т. VII, стр. 134.

[7] *В. Н. Татищев,* История Российская.., т. III, стр 443.

[8] ПСРЛ, т. II, стр. 141. См. также ПСРЛ. т. II, 1908, стб. 672.

[9] *В. Н. Татищев,* История Российская. т. III, стр. 247.

[10] Летописец Переяславля Суздальского стр 111.

[11] Русская летопись по Никонову списку, ч. II, стр. 325. См. также ПСРЛ, т X, стр. 71.

[12] Scriptores rerum Livonicarum, II, 1. Riga — Leipzig, 1846; Balthazar Russow's livlandische Chronik, S. 11.

[430] Ibidem, I, 1; Chronicon livonicum vetus, S. 50 [1].

[431] Chron. Liv. vet., p. 52. Baptismum, quem in aqua susceperant, in Duna se lavando removere putant, remittendo in Teutoniam [2].

[432] Ibid., p. 64: Tu tantum, remisso exercitu, cum tuis ad Episcopatum tuum cum pace revertaris eos, qui fidem susceperunt, ad eam servandam compellas, alios ad suscipiendam verbis, non verberibus, allicias [3].

[433] Chron. Liv. vetus, p. 95: Livones e contratio nec eos pacem velle, nec servare, proclamant. Quorum os, mala dictione et amaritudine plenum, magis ad bella struenda, quam ad pacem faciendam cor et animum regis incitat [4].

[434] Ibid., p. 101: Erat autem inter eos Ako, princeps ac senior ipsorum, qui totius traditionis et omnium malorum extiterat auctor [5].

[435] Об этом Вячеславе или Вячке и брате его Василько, сыновьях Бориса Давыдовича полоцкого, и мачехе их Святохне см. любопытный рассказ у Татищева, III, стр. 403 и след. [6].

[436] Chron. Liv. vetus, p. 134: Erat namque rex Wissewalde de Gercike Christiani nominis et maxime Latinorum, semper infensus inimicus [7]. Wissewalde сходнее со Всеволодом; но в точности ручаться нельзя; очень может быть, что это и Василько.

[437] Scriptor. rer. Livonic. I, 1, p. 409 [8].

[438] Chron. Liv. vetus. p. 138· Et acceperunt ad eis quadringentas marcas nagatarum [9]. Эстонское слово nahk, gen. nahha, значит: кожа.

[439] Полн. собр. русск. лет., III, 32 [10].

[440] Sed neque Regi tributa sua dari prohibebat, secundum quod Dominus in Euangelio suo iterum ait: Reddite quae sunt Caesaris, Caesari etc. Quia et ipse episcopus versa vice quandoque eundem censum etiam regi pro Livonibus persolverat. Livones, autem, nolentes duobus dominis servire, tam Ruthenis videlicet quam Teutonicis, suggerebant Episcopo in omni tempore, quatenus eos a jugo Ruthenorum omnino liberaret [11].

[441] Chron. Liv. vetus, p. 186 [12].

[442] Monum. Liv. antiquae, III, p. 78 [13].

[443] Chron. Liv. vetus, p. 296 [14].

[444] Полн. собр. русск. лет. III, 35; ср. Chron. Liv. vetus, p. 206 [15].

[445] Chron. Liv. vetus, p. 280, 284 [16].

---

[1] Scriptores rerum Livonicarum, I, 1, 1849. Chronicon livonicum vetus, S. 50. См. также MGH, scriptorum t. XXIII, Leipzig, 1925 Henrici chronicon Lyvoniae, p 241; *Генрих Латвийский,* Хроника Ливонии, перевод Аннинского. М.—Л. 1938, стр. 71, 259.

[2] Scriptores rerum Livonicarum, I, 1, S. 52. См. также MGH, scriptorum, t. XXIII, p. 241; *Генрих Латвийский,* Хроника Ливонии, стр. 72, 260.

[3] Scriptores rerum Livonicarum, I, 1, p. 64. См. также MGH, scriptorum, t. XXIII, p. 243; *Генрих Латвийский,* Хроника Ливонии, стр. 76, 261.

[4] Scriptores rerum Livonicarum, I, 1, p 95. См. также MGH, scriptorum, t. XXIII, p. 252; *Генрих Латвийский,* Хроника Ливонии, стр. 95, 281.

[5] Scriptores rerum Livonicarum, I, 1, p. 101. См. также MGH, scriptorum, t. XXIII, p. 254; *Генрих Латвийский,* Хроника Ливонии, стр. 99, 286.

[6] *В. Н. Татищев,* История Российская.., т. III, стр. 403.

[7] Scriptores rerum Livonicarum, I, 1, p. 134. См. также MGH, scriptorum, t. XXIII, p. 267; *Генрих Латвийский,* Хроника Ливонии, стр. 125, 313.

[8] Scriptores rerum Livonicarum, I, 1, p. 409. Literae Alberti ..

[9] Scriptores rerum Livonicarum, I, 1, p. 138. См. также MGH, scriptorum, t. XXIII, p. 269; *Генрих Латвийский,* Хроника Ливонии, стр. 129, 317.

[10] ПСРЛ, т. III, стр 32.

[11] Scriptores rerum Livonicarum, I, 1, p. 168. См. также MGH, scriptorum, t. XXIII, p. 284; *Генрих Латвийский,* Хроника Ливонии, стр. 152, 341.

[12] Scriptores rerum Livonicarum, I, 1, p. 186. См. также MGH, scriptorum, t. XXIII, p. 288; *Генрих Латвийский,* Хроника Ливонии, стр. 168, 356.

[13] Monumenta Livoniae Antiquae, t. III, Riga — Leipzig 1842, p. 78.

[14] Scriptores rerum Livonicarum, I, 1, p. 296. См. также MGH, scriptorum, t. XXIII, p. 327; *Генрих Латвийский,* Хроника Ливонии, стр. 246, 434.

[15] ПСРЛ, т. III, стр. 35; Scriptores rerum Livonicarum, I, 1, p. 206. См. также *Генрих Латвийский,* Хроника Ливонии, стр. 242, 430.

[16] Scriptores rerum Livonicarum, I, 1, p. 280, 284. См. также *Генрих Латвийский* Хроника Ливонии, стр. 233, 426, 239, 432.

[446] По Татищ. (III, 431) [1]. Немцы взяли Юрьев обманом, заключили перемирие и, воспользовавшись неосторожностью осажденных, надеявшихся на это перемирие, зажгли город.

[447] Полн. собр. русск. лет., III, 42: «воевали бо бяху около озера на Исадех и Олонье» [2]. — Гг. Надеждин и Неволин замечают: «Есть и ныне село Изсад на Волхове, близь впадения его в озеро Ладожское, между Старою и Новою Ладогою. Но город Олонец очень далеко отсюда». Но мы не знаем подробностей, откуда и как пришла ямь; она опустошала новгородские места на берегах Ладожского озера: Олонец недалеко от последнего.

[448] О походе на тоймокаров было упомянуто выше.

[449] После этого ясно, как мы должны понимать выражения, что Новгороду принадлежали обширные страны от северной Двины до Урала и за Урал.

[450] С племянником своим Изяславом Глебовичем, с Владимиром Святославичем черниговским, Мстиславом Давыдовичем смоленским, с четырьмя Глебовичами рязанскими: Романом, Игорем, Всеволодом и Владимиром, да с муромским Владимиром.

[451] Так понимают это место: но мы не решаемся признавать это понимание совершенно правильным; вот самый текст: «То видевше молодии Ярославли и Василкови и Всеволожи, утаившеся, назаутрие ехаша в лес глубок, а Мордва, давше им путь, а сами лесом обидоша их около, избиша и, а иных изъимаша; бежаша в тверди, тех тамо избиша, и князем нашим не бысть кого воевати» [3].

[452] Полн. собр. русск. лет., I, 179: «Той же зимы (1208) бишася Олговичи с Литвою» [4]. — Где, неизвестно.

[453] Полн. собр. русск лет., III, 25: «Ловоть възяша Литва и до Налюця, с Белее до Свинорта и до Ворча Середу; и гнашася Новгородцы по них и до Цьрнян» [5]. — Из этих мест с верностию можно определить Свинорт в Новгородском уезде при р. Шелони, а Налючи в Демьянском уезде на реке Поле, пред слиянием ее с Ловатью.

[454] Полн. собр. русск. лет., I, 153. «И взяша села без утеча с людьми» [6].

[455] Там же, стр. 167: «Князий одинех было Половьцьских 400 и 17» [7].

[456] Стало быть Святослав, не считая себя крепким в Киеве, подобно отцу Всеволоду, оставил за собою страну вятичей.

[457] Селение Рим на границе уездов Роменского, Лохвицкого и Прилуцкого.

[458] Близь устья Золотоноши в Днепр, напротив города Черкас есть село Мутатинцы.

[459] По всем вероятностям он шел от верховьев Дона вниз по этой реке.

[460] Schott: älteste Nachrichten von Mongolen und Tataren Berlin, 1846 [8].

[461] Дубровица была волость Туровско-Пинская, следовательно, эти князья принадлежали к племени Святополкову.

[462] Князь Святослав яневский, быть может, сын Владимира Мстиславича, тем более, что в некоторых списках он назван Мстиславом; Изяслав Ингворович, внук Ярослава луцкого; Святослав шумский, Шумск также Волынская волость; Юрий несвежьский — Несвежь, местечко Слуцкого уезда, Минской губернии, Туровская волость.

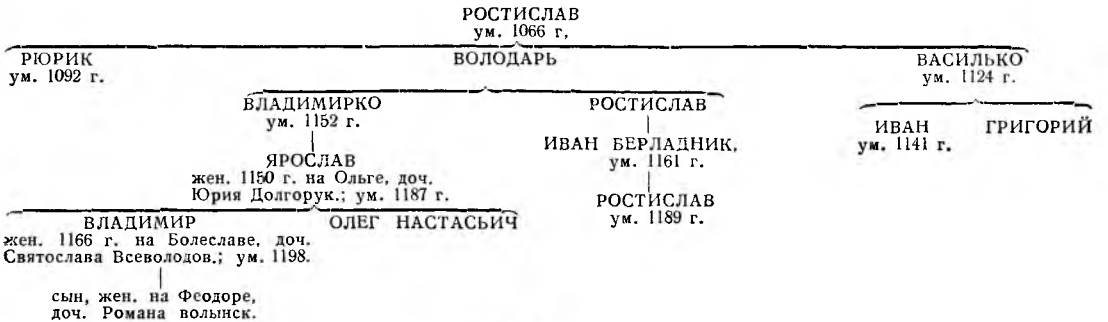
[463] Татищ., III, 337.

---

[1] *В. Н. Татищев,* История Российская.., т. III, стр 431.
[2] ПСРЛ, т. III, стр. 42.
[3] ПСРЛ, т. I, стр. 191—192. См. также ПСРЛ, т. I, вып. 2, 1927, стб. 451.
[4] ПСРЛ, т. I, стр. 179 См. также ПСРЛ, т. I, вып. 2, 1927, стб. 421.
[5] ПСРЛ, т. III, стр. 25
[6] ПСРЛ, т. I, стр. 153. См. также ПСРЛ, т. I, вып. 2, 1927, стб. 358.
[7] ПСРЛ, т. I, стр. 167. См. также ПСРЛ, т. I, вып. 2, стб 395.
[8] *Schott,* Älteste Nachrichten von Mongolen und Tataren, Berlin, 1846, S. 13, 26.

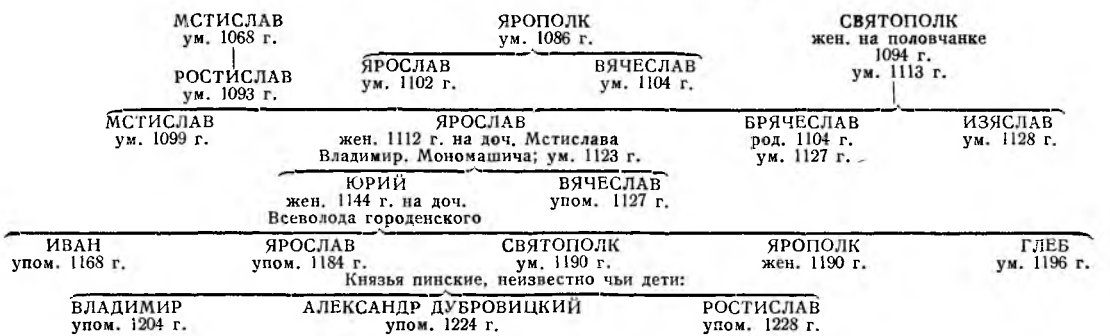
№ 1

ПЛЕМЯ ВЛАДИМИРА ЯРОСЛАВИЧА:

№ 2

ПЛЕМЯ ИЗЯСЛАВА ЯРОСЛАВИЧА:

№ 3

ПЛЕМЯ СВЯТОСЛАВА ЯРОСЛАВИЧА:

ГЛЕБ
ум. 1078 г.

РОМАН
ум. 1079 г.

ДАВИД
ум. 1123 г.

ОЛЕГ
ум. 1115 г.

ЯРОСЛАВ
ум. 1129 г.

а) Племя Давида Святославича:

СВЯТОСЛАВ
упом. 1142 г.

ВСЕВОЛОД
жен. на княжне польской 1124 г.

РОСТИСЛАВ
ум. 1120 г.

ВЛАДИМИР
жен. 1144 г. на доч. Всеволода городенского; ум. 1151 г.

СВЯТОСЛАВ
жен. 1159 г. на доч. Андрея Боголюбского; ум. 1166 г.

б) Племя Олега Святославича:

ВСЕВОЛОД
жен. на доч. Мстислава В.; ум. 1146 г.

ИГОРЬ
ум. 1147 г.

СВЯТОСЛАВ
жен. в Новгороде 1136 г.; ум. 1164 г.

ГЛЕБ
ум. 1138 г.

ИЗЯСЛАВ
ум. 1133 г.

РОСТИСЛАВ
упом. 1144 г.

ИВАН
ум. 1148 г.

СВЯТОСЛАВ
жен. 1143 г. на доч. Василька полоцкого; ум. 1194 г.

ЯРОСЛАВ
род. 1139 г.; ум. 1198 г.

РОСТИСЛАВ
род. 1174 г., жен. 1188 г. на Всеславе, доч. Всеволода III

ЯРОПОЛК
упом. 1214 г.

ВЛАДИМИР
ум. 1201 г.

РОСТИСЛАВ
упом. 1192 г.

ОЛЕГ
жен.: 1) на доч. Юрия Долгорукого 1150 г.; 2) на доч. Ростислава Мстиславича 1163 г.; ум. 1180 г.

СВЯТОСЛАВ
род. 1166 г.

ИГОРЬ
ум. 1202 г.

ВЛАДИМИР
род. 1170 г., жен. на доч. Кончака половецкого 1188 г.; ум. 1212 г.

ОЛЕГ
род. 1174 г.

ИЗЯСЛАВ
упом. 1255.

ВСЕВОЛОД
упом. 1206.

СВЯТОСЛАВ
род. 1176 г., жен. на доч. Рюрика Ростислав. 1188 г.

ВСЕВОЛОД
ум. 1196 г.

РОМАН
ум. 1211 г.

МСТИСЛАВ
жен. 1181 г. на свояченице Всеволода III Ясыне; ум. 1224 г.

ВЛАДИМИР
жен. 1178 г. на доч. Михаила Юрьевича

ГЛЕБ
жен. 1183 г. на доч. Рюрика Ростиславича

МСТИСЛАВ
упом. 1239 г.

ВСЕВОЛОД
жен. 1179 г. на доч. Казимира польского ум. 1215 г.

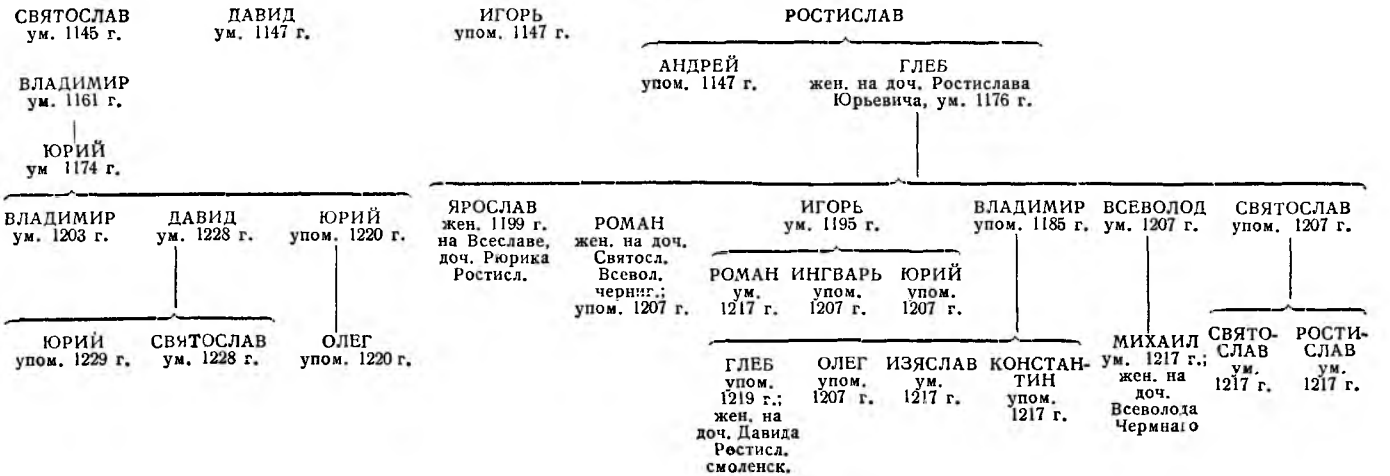
МИХАИЛ. АНДРЕЙ.

ОЛЕГ
ум. 1204 г.

ДАВИД
жен. 1190 г. на доч. Игоря Святославича

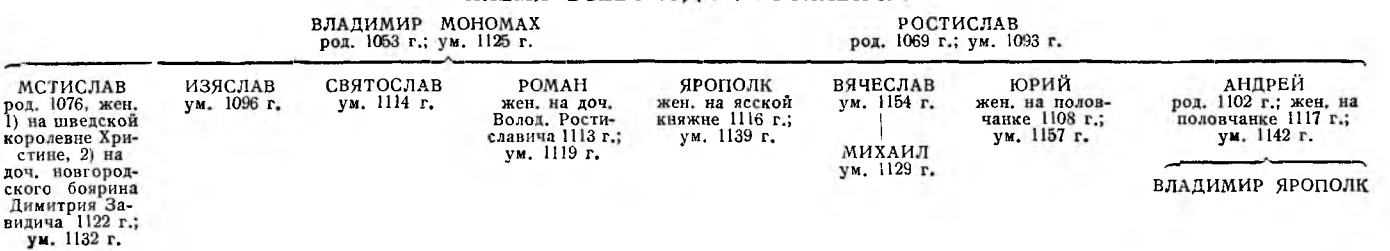
МСТИСЛАВ
род. 1193 г.

в) Племя Ярослава Святославича:

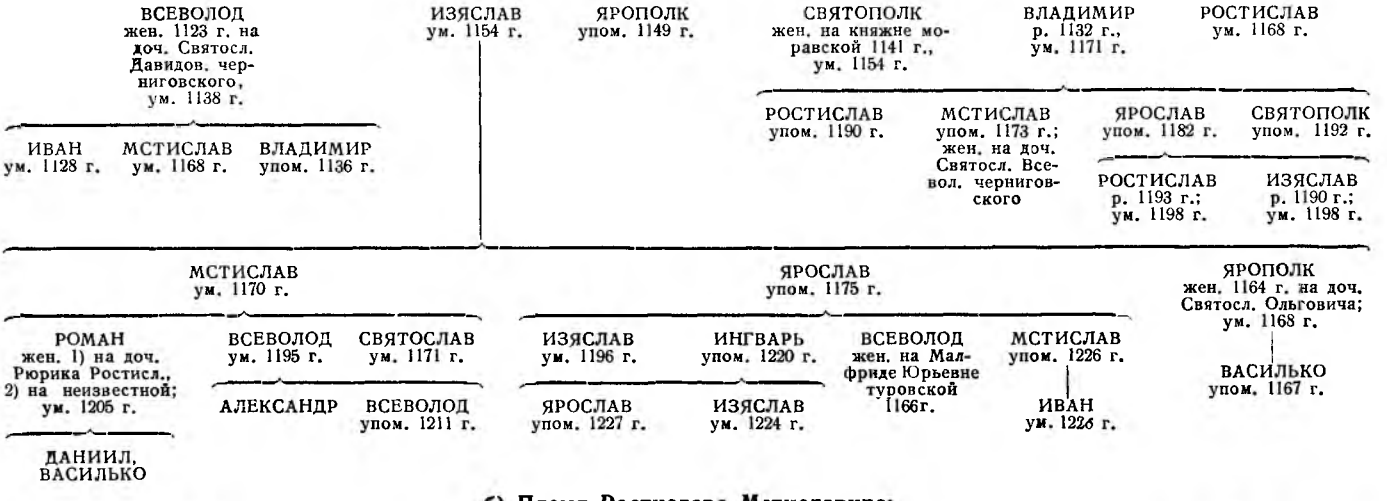

№ 4

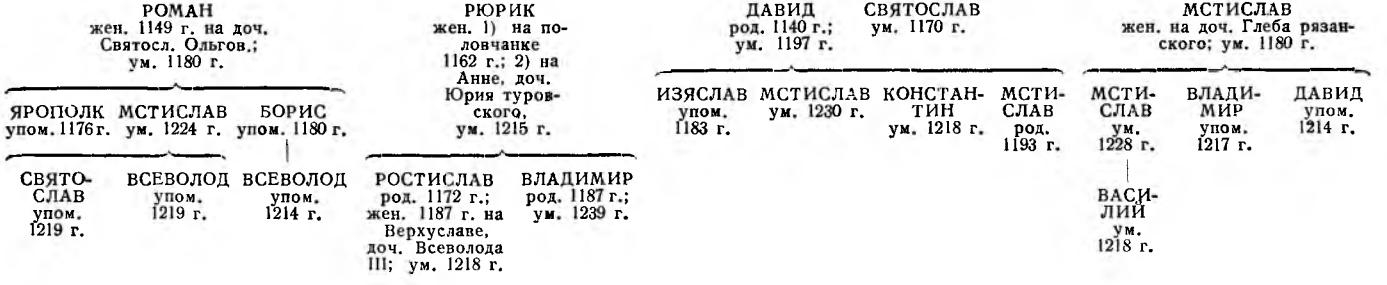
ПЛЕМЯ ВСЕВОЛОДА ЯРОСЛАВИЧА:

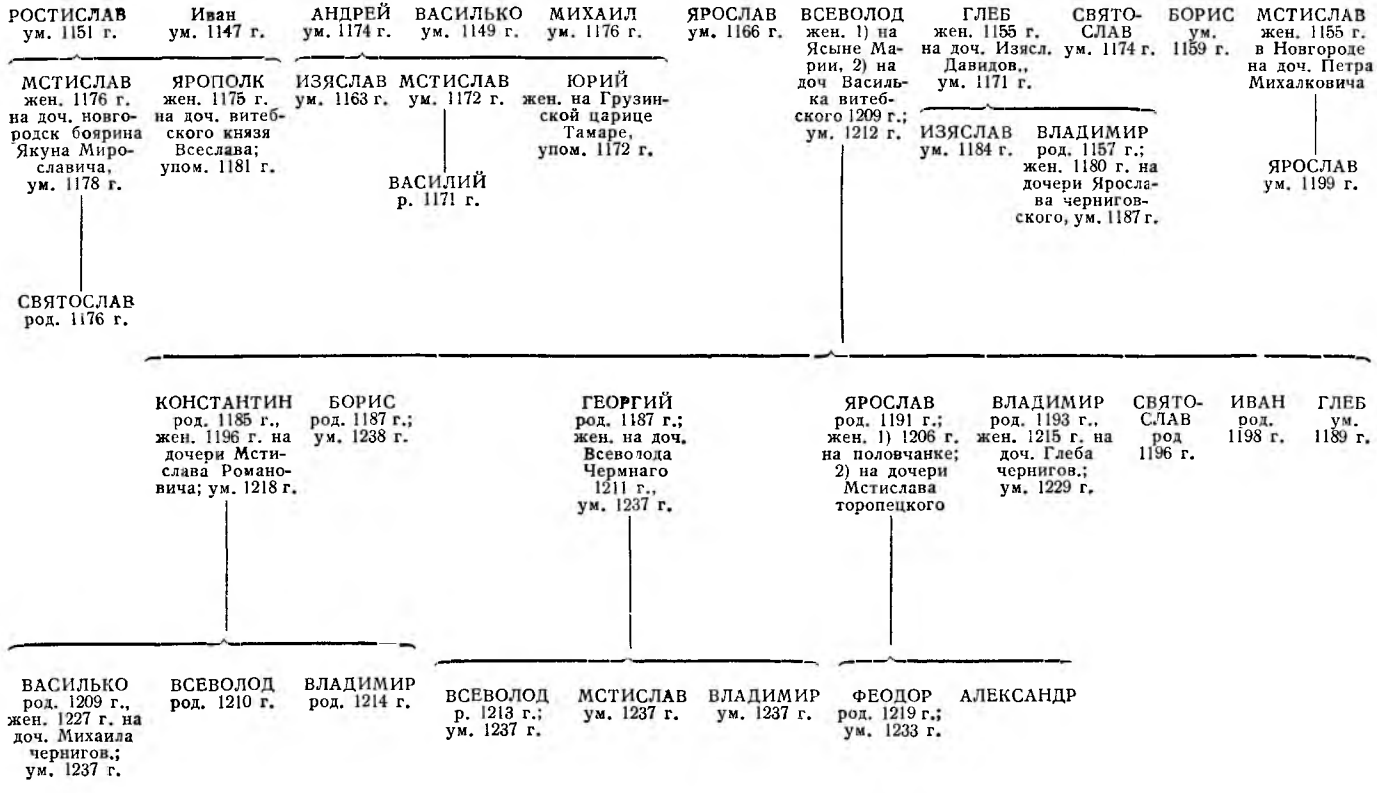
а) Племя Мстислава Владимировича:

б) Племя Ростислава Мстиславича:

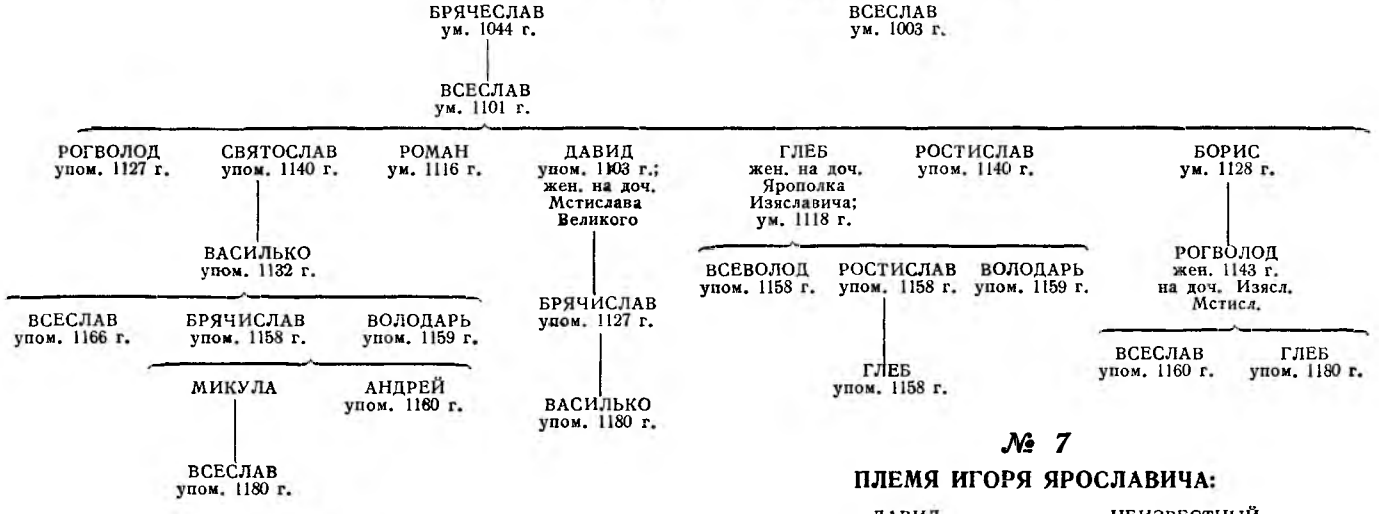

в) Племя Юрия Владимировича Долгорукого:

№ 5

ПЛЕМЯ ИЗЯСЛАВА ВЛАДИМИРОВИЧА ПОЛОЦКОГО:

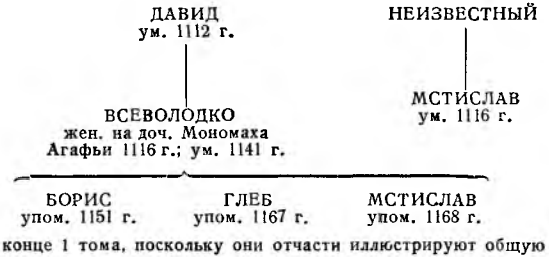

№ 6

ПЛЕМЯ ВЯЧЕСЛАВА ЯРОСЛАВИЧА:

№ 7

ПЛЕМЯ ИГОРЯ ЯРОСЛАВИЧА:

Таблицы, хронологически относящиеся к тому 3, помещены редакцией в конце 1 тома, поскольку они отчасти иллюстрируют общую концепцию С. М. Соловьева и могут быть полезны при чтении 1 и 2 томов.

ПРИЛОЖЕНИЯ

КОММЕНТАРИИ
к «Истории России с древнейших времен»

К тому первому

Первый том «Истории России» вышел в свет в 1851 г.[1] Он охватывает события русской истории с древнейших времен до конца правления киевского великого князя Ярослава Владимировича Мудрого (1054 г.).

Едва ли целесообразно подробно комментировать это произведение выдающегося историка. Слишком многое изменилось в общих взглядах на исторический процесс, иным стал уровень источниковедения да и сам запас исторических фактов. Подобный комментарий неизбежно превратился бы в критически заостренный против труда С. М. Соловьева краткий курс истории нашей страны. Но советские общие курсы истории уже имеются. Обращаясь к учебнику для вузов «История СССР»[2], а также к «Очеркам истории СССР»[3], читатель найдет в них ответ на интересующие его вопросы и сможет дать самостоятельную оценку трактовки их С. М. Соловьевым.

Задача данного комментария — помочь читателю в этой работе, помочь ему правильно оценить сильные и слабые стороны настоящего труда. Отделенный от нас более чем столетием, этот труд может быть правильно понят и оценен только в связи со всем научным творчеством С. М. Соловьева и с учетом состояния современной ему исторической науки.

Рассмотрим важнейшие проблемы, выдвинутые автором в настоящем томе.

---

[1] При жизни С. М. Соловьева этот том выдержал 5 изданий: в 1851, 1854, 1857, 1866 и 1874 гг. При этом основной текст оставался почти без изменений; автор вносил лишь незначительные дополнения в примечания. Настоящее издание осуществляется по тексту последнего прижизненного издания первого тома (1874 г.). Второй том при жизни С. М. Соловьева был издан 5 раз: в 1852, 1856, 1862, 1866, 1879 гг Данное издание воспроизводит текст второго тома, изданного в 1879 г. После смерти С. М. Соловьева «История России с древнейших времен» издавалась несколько раз. В 1883—1890 гг. вышли только три первых тома. Затем издательство «Общественная польза» трижды публиковало всю работу: первое издание вышло в 1893—1895 гг., второе издание — в 1895—1896 гг. и третье издание — в 1911 г.

[2] «История СССР», т. I, М., 1956.

[3] «Очерки истории СССР. Кризис рабовладельческой системы и зарождение феодализма на территории СССР III—IX вв.» М. 1958; «Очерки истории СССР. Период феодализма, IX—XV вв.». В двух частях: ч. I (IX—XIII вв.), М. 1953; ч. II (XIV—XV вв.), М. 1953; «Очерки истории СССР Период феодализма. Конец XV—начало XVII в.», М. 1955; «Очерки истории СССР Период феодализма. XVII век», М. 1955; «Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия в первой четверти XVIII в.», М. 1954.

С. М. Соловьев — первый и последний русский буржуазный историк, признававший, пусть недостаточно последовательно, единую закономерность в истории России эпохи феодализма, на закате которой он создал посвященный ей труд. Эту закономерность он усматривал в смене родового быта (который, по его мнению, господствовал до второй половины XII в.) бытом государственным (который получил господство со второй половины XVI в.). При этом главными условиями, определявшими ход русской истории, по мнению С. М. Соловьева, «были, во-первых, природа страны, во-вторых, быт племен, вошедших в состав нового общества .. в-третьих, состояние соседних народов и государств» (см. настоящее изд., стр. 270). Рассмотрим прежде всего трактовку С. М. Соловьевым значения географического фактора в истории страны.

С. М. Соловьев о роли географической среды. Полагая, что «ход событий постоянно подчиняется природным условиям» (стр. 60 и ниже), С. М. Соловьев, несомненно, преувеличил историческую роль последних. Слов нет, географический фактор играл большую роль в истории России. Расположенная в отдалении от очагов античной цивилизации, она в своем развитии испытывала постоянное влияние окружавших ее и подвластных ей нерусских народов, в большинстве своем имевших менее развитые общественные отношения. Кроме того, на политических судьбах России больше, чем на истории других европейских стран, отражались наступательные действия кочевников — печенегов, торков, половцев, татар. И все же борьба оседлой «Европы» с кочевой «Азией» не была борьбой леса со степью, как представляет это С. М. Соловьев (стр. 60—61, 73—75); не Днепру была обязана Русь «своим материальным благосостоянием» (стр. 70), не Волге — своим единством Московское княжество (стр. 73), и не Восточно-Европейская равнина создала величие России (стр. 63—64).

Эта равнина и ее речные системы, остававшиеся неизменными на протяжении веков, были свидетелями и патриархально-общинной жизни славянских, финно-угорских, тюркских и иных племен, и раннефеодального единства, и смут феодальной раздробленности, и государственной централизации. Корень этих изменений наша наука видит не в природном единообразии равнины, а в уровне экономического, общественного и политического развития населяющих ее народов.

Иначе смотрели на это современники С. М. Соловьева. Его мысль о первенствующем значении природы страны, подкрепленная весьма красочными, но недостаточно убедительными аналогиями, встретила сочувствие многих ученых, особенно работавших в области исторической географии, а В. О. Ключевский, наиболее выдающийся ученик С. М. Соловьева, положил эту мысль в основу целой концепции истории России как страны колонизующейся [1].

Концепция В. О Ключевского критически разобрана Б. Д. Грековым [2]. С современным взглядом на историческую географию древнерусских земель можно познакомиться по труду А. Н. Насонова [3]; характери-

---

[1] *В. О. Ключевский*, Сочинения, т. I, М 1956, стр 30 и сл.
[2] *Б Д. Греков*, Киевская Русь, М 1953, стр 35—69.
[3] *А Н Насонов*, «Русская земля» и образование территории древнерусского государства, М. 1951.

стика степного населения дана в книге К. В. Кудряшова [1]; речным путям посвящена специальная глава «Истории культуры древней Руси» [2]. Изучением численности населения в средние века наши историки занимаются пока мало; все же некоторые выводы можно найти в работе Б. Урлариса [3], поправки к которой сделал польский исследователь Г. Ловмяньский [4]. Этнический состав населения Восточно-Европейской равнины освещен в труде П. Н. Третьякова [5].

С. М. Соловьев о родовом строе славянских племен. Нельзя сказать, чтобы С. М. Соловьев достаточно ясно аргументировал свою мысль о возникновении и преобладании родового быта на Руси, хотя на протяжении 1 тома он неоднократно говорит об этом. «Русская история, — пишет он, — открывается тем явлением, что несколько племен, не видя возможности выхода из родового, особного быта, призывают князя из чужого рода, призывают единую общую власть, которая соединяет роды в одно целое, дает им наряд» (см. предисловие, стр. 55, ср. стр. 269).

Что же такое «родовой быт» племен? С. М. Соловьев следует здесь летописцу XII в., который в духе средневековой православной традиции писал об отдаленном от него несколькими веками общественном строе древних славян-язычников: «Живяху кождо съ своим родом и на своих местех, владеюще кождо родом своим» [6]. Отсюда С. М. Соловьев вывел заключение, что древние славяне не знали еще семьи, а жили родовым строем, когда во главе каждого рода стоял начальник, которому подчинялись родовые линии — племена (стр. 96).

Нет нужды входить в рассмотрение вопроса об истинной эволюции рода, племени, семьи, столь причудливо перемешанных в концепции С. М. Соловьева. Исчерпывающий ответ на этот вопрос читатель найдет в известном труде Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Помогут ему также работы Б. Д. Грекова и М. О. Косвена [7]. Важнее обратить внимание на то, что сам С. М. Соловьев плохо представлял себе взаимоотношения между родом и племенем. Если племена это родовые линии, то трудно понять, частью какого же рода были новгородские словене, кривичи и действовавшие вместе с ними меря, весь, чудь (см. стр. 124—126, 222, ср. примечание 159), и как могли большие племена быть частью рода, если несколько родов обитали в одном городе (стр. 101)?

Поскольку под родовыми отношениями автор в дальнейшем понимает главным образом подчинение младших членов княжеской династии старшим (стр. 223), а также подчинение младших городов старшим (стр. 100), а само племя отождествляет с ближайшей родней того или иного члена

---

[1] *К. В. Кудряшов,* Половецкая степь, М. 1948.

[2] «История культуры древней Руси», т. I, М. — Л. 1948, гл. 7. Средства и пути сообщения (автор *Н. Н. Воронин);* см. также гл. 8 — Торговля и торговые пути (автор *Б. А. Рыбаков*).

[3] *Б. Урланис,* Рост населения в Европе, 1941, стр. 86.

[4] *H. Łowmiański,* Podstawy gospodarze formowania się państw słowiańskich, Warszawa 1953, str. 237—244.

[5] *П. Н. Третьяков,* Восточнославянские племена, М. 1953. Отдельные поправки к этой работе см. в журнале «Советская археология» и в «Кратких сообщениях Ин-та истории АН СССР».

[6] Повесть временных лет, ч. I, М. — Л. 1950, (ПВЛ), стр. 12.

[7] *Б. Д. Греков,* Киевская Русь, М. 1949; *М. О. Косвен,* Очерки истории первобытной культуры, М. 1953.

княжеской семьи (стр. 106 — «племя дочери»), то естественно, что, в конце концов, род и племя предстают перед читателем как нечто расплывчатое, аморфное, внеисторическое.

Не менее смутно представлено С. М. Соловьевым соотношение рода и общины. Ясно одно, что, по мысли С. М. Соловьева, община это не исконное явление русского народного быта, а результат соединения «многих родов» под норманским началом (стр. 223). Притом община охарактеризована двойственно: то ли это все роды, объединенные под властью князя, то ли — более узкое явление, относящееся к городам (стр. 223, ср. стр. 269). Заметим, кстати, что в прямую связь с возникновением общины С. М. Соловьев ставит «распадение родов на отдельные семьи» (стр. 223).

Как ни уязвима с позиций марксистской социологии основная схема С. М. Соловьева, она в свое время сыграла положительную роль. Выдвинув теорию родового быта, С. М. Соловьев получил возможность в определенной мере подвергнуть критике обветшалые догмы охранительной историографии, представленной М. П. Погодиным, а также славянофильские сочинения, восхвалявшие историческую исключительность древнерусского «народного духа». Наиболее решительно автор полемизирует в I томе с М. П. Погодиным по вопросу об образовании государства.

С. М. Соловьев о зарождении государственности на Руси. Не отрицая факта призвания норманнов, С. М. Соловьев впервые выдвинул проблему синтеза славянских и норманских общественных элементов: «главный вопрос для историка состоит в том, как определились отношения между призванным правительственным началом и призвавшими племенами» (см. предисловие автора, стр. 55). Он подчеркнул могущественное влияние «племенного быта» и пришел к выводу, что норманское влияние было незначительно, что норманны «только служили князьям туземных племен» (стр. 56), и ни о каком особом норманском периоде, периоде господства норманнов, не может быть и речи. Это — заслуга С. М. Соловьева.

Но в труде С. М. Соловьева часто бывает так, что общие соображения, сформулированные автором в начале и в конце тома, вступают в противоречие с его системой аргументации. Виной этому, помимо методологии автора, еще и недостаточная разработка в ту пору конкретных вопросов истории. Прежде всего неясно, почему несколько племен, живших в формах родового быта, пошли на приглашение иноземного родоначальника; неясно также, почему шведский родоначальник мог дать им «наряд», т. е. порядок, поскольку никто не установил существования подобного наряда в самой Швеции. Автор — разумный антинорманист; он не отрицает то научное, что есть в норманизме и что отрицать нельзя (см. стр. 125—126).

С. М. Соловьев справедливо отвергает норманское завоевание и господство [1] (в этом отношении им блестяще написаны стр. 271—274). Но исходя при этом из представления о родовом, полностью чуждом сословности быте славян, он фактически оказывается вынужденным признать, что именно норманны принесли на Русь государственное начало. «Роды, — пишет С. М. Соловьев, — столкнувшиеся на одном месте, и потому самому

[1] Новейшую трактовку этого вопроса см. *H. Łowmiański,* Zagadnienie roli normanów w genezie państw słowiańskich, Warszawa 1957.

(?) стремившиеся к жизни гражданской, к определению отношений между собой, должны были искать силу, которая внесла бы к ним мир, наряд, должны были искать правительство, которое было бы чуждо родовых отношений, посредника в спорах беспристрастного, одним словом, третьего судью, а таким мог быть только князь из чужого рода» (стр. 128).

Это идеалистическое заключение основано не только на посылках современной автору социологии, видевшей в государстве силу, которая олицетворяла всеобщее благо, но и на наивной вере в сообщение летописца о древнейших судьбах славян [1]. В итоге С. М. Соловьев, противореча себе, делает вывод, что «призвание первых князей имеет великое значение в нашей истории, есть событие всероссийское, и с него справедливо начинают русскую историю. Главное, начальное, явление в основании государства — это соединение разрозненных племен чрез появление среди них сосредоточивающего начала, власти» (стр. 130).

С. М. Соловьеву предстояло объяснить, каким же образом возникли сословия в родовом быту, в государстве, состоявшем из племен. И здесь он опять обращается к варягам. Славянские родоначальники, старшины и князья племен «по ненаследственности этого звания» (стр. 224) утратили свое положение с распространением власти норманского рода на всю Русь (стр. 223) и из их среды, следовательно, не могло возникнуть правящее сословие (стр. 223, ср. стр. 270). Оно возникло под прямым воздействием дружины норманских князей. Автор так и пишет, что «эта дружина княжеская могущественно действует на образование нового общества тем, что вносит в среду его новое начало, сословное, в противоположность прежнему родовому» (стр. 226).

Таким образом, получается парадоксальное положение: норманские князья подчиняются славянскому родовому быту, который торжествует как принцип правления династии, а норманская дружина, напротив, подрывает этот родовой быт: «темный безразличный мир был встревожен, начали обозначаться формы, отдельные образы, разграничительные линии» (стр. 226). С. М. Соловьев не смог полностью порвать с концепцией Погодина и по основному пункту — о происхождении сословий, оказался у нее в плену. Иначе и не могло быть, ибо история государства, история сословий в труде С. М. Соловьева никак не связана с экономической историей. Последней отведено ничтожно малое место.

С. М. Соловьев о роли экономического фактора. Вопросы экономического развития С. М. Соловьев не считал первоочередными и потому рассматривает их в самом конце I тома. Причину такого отношения автора к экономической истории понять не трудно: его концепция в ней не нуждалась. Ведь не только славянский родовой быт был чужд сословным различиям, но и норманские дружины вовсе не сразу породили сословия, так как эти дружины в отличие от западноевропейских были призваны только служить и не могли «делить землю, ими не завоеванную» (стр. 227).

По мнению С. М. Соловьева, нужно «строго отличать характер правительственный от характера владельческого» (стр. 227); норманским дружинам был присущ правительственный характер. Отсюда невнимание

[1] Новейший разбор древних летописных известий см. в книге «Очерки истории СССР... III—IX вв.», стр. 733—878.

С. М Соловьева к земле, к хозяйству, к экономике. История государства дана им в отрыве от экономической истории (см. одинокое упоминание на стр. 138 о «материальной силе» норманских князей). Схема, выдвинутая С. М. Соловьевым, не стимулировала изучения происхождения сословий, в ней почти не оставалось места для социально-экономической истории.

Принимая на веру слова летописца о древних князьях, якобы беспечных по части имения, автор не придал должного значения известию о том, что уже Владимир с дружиной много думал о строе и об уставе земском (стр. 229); он вскользь упомянул о хозяйственной деятельности княгини Ольги, но в аспекте, никак не связанном с политической историей страны («как женщина, Ольга была способнее ко внутреннему распорядку, хозяйственной деятельности», стр. 157).

Далее, в восьмой главе, специально посвященной «внутреннему состоянию русского общества в первый период его существования», больше говорится о политическом строе, а истории масс трудового населения отведено несколько страниц. «Обратимся к остальному народонаселению, городскому и сельскому», — пишет С. М. Соловьев (стр. 235), забывая, что это «остальное» население составляло подавляющее большинство и производило все материальные блага. Признавая господство земледелия на Руси (стр. 250), С. М. Соловьев не придавал, однако, значения крестьянству в ее истории (смерд впервые и лишь походя упомянут на стр. 230); город рисовался ему, как обиталище рода (стр. 99, 101); дальнейшее строительство городов — дело рук князей для нужд управления (стр. 235) [1].

В целом автор отождествил общественный переворот у славян (в его формулировке — переход от «родовых отношений к родственным» — стр. 242—243) с его следствием — призванием князей, с которым связал и все хозяйственные перемены, включая даже общественное разделение труда и появление обмена (стр. 251: «образовались, следовательно, два различных слоя народонаселения, с различными занятиями — и является мена»).

С. М. Соловьев о принятии христианства. Идеалистическая концепция С. М. Соловьева закрыла ему путь к истинному пониманию истории идеологии Наиболее яркий пример этого — его трактовка принятия христианства. Он не мог оценить принятие христианства как закономерное явление в истории Руси, вызванное установлением классового общественного строя. Причину крещения Ольги С. М. Соловьев видит и в том, что она была поражена «величием греческой религии» (стр. 158) и приняла ее, «во-первых, как женщина, в характере которой было к тому менее препятствий, чем в характере князей-воинов, во-вторых, как мудрейшая из людей, могшая, следовательно, яснее других понять превосходство греческой веры пред русской» (стр. 159, ср. стр. 160).

Автор заметно принизил уровень славянской культуры дофеодальной поры (стр. 178) для того, чтобы ярче оттенить в нравственном, проповедническом плане (стр. 180) превосходство христианства, которое славяне времен Владимира I приняли якобы потому, что «в их сознании истощи-

[1] Современный взгляд на историю древнерусского ремесла см в работе *Б А Рыбакова* Ремесло древней Руси, М. 1948; по истории города см. *М. Н. Тихомиров,* Древнерусские города, М. 1956.

лись все средства прежнего предмета поклонения» (стр. 179) В освещении этой проблемы автор не только сходит с пути закономерности, но фактически выступает как апологет церкви (стр. 183, 256 и след.), не пытаясь вскрыть ее место в обществе, где христианство, несмотря на свою прогрессивность в сравнении с доклассовыми верованиями, стало орудием духовного порабощения трудящихся в интересах правящего класса [1].

С. М. Соловьев об истории других народов нашей страны. История народов нашей страны и, в частности, даже тесно связанных с Русью народов Прибалтики, Севера, Поволжья, Северного Кавказа и Причерноморья крайне скудно отражена в «Истории России с древнейших времен». Отчасти это объясняется слабой изученностью прошлого этих народов во времена Соловьева. Но главная причина заключается в том, что историю нашей многонациональной страны С. М. Соловьев трактовал в великодержавном духе, как историю Российской империи.

В его представлении окрестные народы это варвары, самой историей предназначенные быть объектом завоевательных действий русских князей. В «жалком виде» представляется С. М. Соловьеву быт финских племен (стр. 118); он едва упоминает о «диких народцах» Севера и Сибири (стр. 74); пренебрежительной фразой отделывается он от характеристики жизни эстонцев и латышей (стр. 118); нет и тени самостоятельного анализа сведений о литве (стр. 118—120); о ятвягах читаем, что русские князья «должны были вести постоянную, упорную, многовековую борьбу с этими дикарями» (стр. 189) и что Ярослав, например, «преимущественно обращал свое оружие на варваров — чудь, литву, ятвягов» (стр. 221). Во имя чего предпринимались эти походы, кому шли челядь, меха, серебро и воск с подвластных народов — это автор оставил без внимания.

На юге тоже велась борьба «со степными варварами» (стр. 197 и след.) — печенегами. На Северном Кавказе тмутараканские князья в свою очередь вели постоянную борьбу «с окрестными варварскими народами» (стр. 213, ср. стр. 161), притом о победе Мстислава над Редедей автор пишет: «русский князь побеждает азиатца, побеждает духовною силой, верой» (стр. 246). Понятно, что при подобном подходе к вопросу в труде С. М. Соловьева не нашлось места для внутренней истории народов.

Советская наука рассматривает историю России в тесной, неразрывной связи с историей всех других народов нашей страны. Она исходит из того, что каждый народ, большой или малый, имеет свои особенности, которые он вносит в сокровищницу мировой культуры, обогащая ее. По истории большинства народов СССР созданы самостоятельные национальные обобщающие труды [2].

С. М Соловьев о содержании истории. Если труд С. М. Соловьева не освещает истории народного хозяйства и истории общественного строя, если в нем отрицается сословность и потому нет ни слова об истории классовой борьбы, если истории политического строя, нравов, обычаев и культуры в нем отведено мало места, то что же составляет главное содержание «Истории России с древнейших времен?» Это история деяний членов пра-

[1] Подробнее см. «Очерки истории СССР. Период феодализма, ч. I, (IX—XIII вв)», М. 1953, стр 102 и след.

[2] Соответствующие разделы по истории народов нашей страны см. также в «Очерках истории СССР».

вящей княжеской династии, и потому весь материал группируется автором в соответствии с датами правления великих князей — Рюрика, Олега, Игоря и других. В этом отношении С. М. Соловьев остался на позициях Н. М. Карамзина и М. П. Погодина. Такое членение материала в свою очередь содействовало идеализированному изображению самих князей (см., например, характеристику Владимира Святославича, стр. 201—202), что, впрочем, соответствовало и общему взгляду автора на них, как на «нарядников».

Традиционен С. М. Соловьев и в обрисовке внешнеполитических действий русских князей (см., например, оценку Святослава как «вождя дружины» — стр. 166); в его труде явственно сквозит противопоставление русского исторического процесса общеевропейскому (стр. 61—63, 223, 227). Характеристика стран, смежных Руси, находится на уровне тогдашней науки (см., например, стр. 191, 215 и др.), представленной именами Ф. Палацкого, Р. Рёппеля, Э. Гейера и др., в чьих трудах господствовал монархический принцип описания событий прошлого [1].

Подобный принцип находил естественное основание в русских летописях и иностранных хрониках, которые этими авторами в основном принимались на веру.

Источниковедческие приемы С. М. Соловьева. С. М. Соловьеву не приходилось прибегать к переосмыслению текста летописи, к чтению «между строк», которое Н. А. Добролюбов считал непременным условием правильного понимания этих памятников древнерусской истории [2]; в летописи автор «Истории России» встречал материал, который лучше всего подходил для апологии государственной власти (см., например, стр. 128: «Установление наряда, нарушенного усобицами родов, было главною, единственною целью призвания князей, на нее летописец прямо и ясно указывает, не упоминая ни о каких других побуждениях; и это указание летописца совершенно согласно со всеми обстоятельствами, так что мы не имеем никакого права делать свои предположения»).

Нужно иметь также в виду, что С. М Соловьев работал в то время, когда в кругах специалистов-источниковедов еще отсутствовало представление о летописи даже как об исторически сложившемся литературном памятнике, лишь позднее выдвинутое А. А. Шахматовым; труды последнего хотя и не вскрыли классового и политического смысла летописей как исторических хроник, но серьезно подорвали наивную веру в их объективность. Поэтому не нужно удивляться, встречая лишь робкие сомнения С. М. Соловьева в точности того или иного сообщения летописей (стр. 139, но ср. прим. 229), которым он, впрочем, буквально следует. Принимает С. М. Соловьев на веру, без оговорок, и те сообщения В. Н. Татищева, которые не подкреплены у него прямыми свидетельствами дошедших источников (см. стр. 169, 175 и др.) и в современной историографии остаются под сомнением, так как научное наследство этого выдающегося дворянского историографа все еще недостаточно изучено. Оперирует С. М. Соловьев и таким источником, как позднее подделанная «Краледворская рукопись»

---

[1] Современную трактовку истории стран, смежных древней Руси, см. «Всемирная история», т. III, М. 1957 (там же и библиография вопроса)

[2] *Н. А. Добролюбов,* Соч., т. I, Гослитиздат, 1934, стр. 232.

Как правило, автор не обосновывает датировки событий (об этом см. только прим. 233), между тем летописная хронология, принятая С. М. Соловьевым, далеко не безупречна. (Это особенно касается 2 тома труда С. М. Соловьева.) Наши летописцы, жившие в разное время и в разных частях Руси, пользовались различными стилями летосчисления, кроме того хронология событий не раз искажалась во время переработки ранних хроник более поздними составителями сводов. Большую работу по выяснению наиболее вероятной датировки событий той поры проделал Н. Г. Бережков [1]; результаты этой работы положены в основу хронологии «Очерков истории СССР» и учебника «Истории СССР», где читатель, следовательно, может найти основные вехи точной датировки.

Оценка I тома «Истории России с древнейших времен» современниками С. М. Соловьева. С. М. Соловьев начал свой труд в «постыдное время» [2] особенно суровых гонений на просвещение и свободомыслие в николаевской России. Нелегко было работать не только в области современной истории, но даже русских древностей, куда тоже проникало всевидящее око самодержавной власти: например, имелось «высочайшее повеление» не подвергать сомнению летописное известие об убийстве Годуновым царевича Дмитрия, запрещалось критиковать вопрос о годе основания русского государства, «ибо-де 862 год назначен *преподобным* Нестором» [3]; и т. п.

Труд С. М. Соловьева увидел свет потому, что в нем не было идей, в какой-либо мере враждебных, оппозиционных самодержавной власти; напротив, под его пером апология государства оказалась аргументированной много глубже, чем в труде Н. М. Карамзина.

Труд привлек широкий интерес научной общественности и 1200 экземпляров первого тома быстро разошлись. Отношение критики было двоякое. Представители охранительного направления вроде М. П. Погодина, а также славянофилы [4] враждебно встретили первый том. Это и понятно, ибо хотя С. М. Соловьев тоже не был свободен от влияния формулы, согласно которой самодержавие имеет народный характер и опирается на силу православной церкви [5], но он выдвинул идею синтеза, решительно подорвав авторитет пресловутой «математической методы» М. П. Погодина [6]; он же выдвинул идею закономерной смены родового строя государственным, чем обнаружил антиисторичность «общинного духа» славянофилов.

Острая критика славянофилами труда С. М. Соловьева не укрепила их позиций в науке; она имела, пожалуй, лишь то положительное значение, что раскрыла слабость аргументации С. М. Соловьева относительно родового быта [7], а также его невнимание к истории народа.

---

[1] См. *Н. Г. Бережков,* О хронологии русских летописей по XIV век включительно, «Исторические записки», т. 23, М. 1947, стр. 325—363.

[2] *С. М. Соловьев,* Мои записки для детей моих, а если можно, и для других, П. [1914], стр. 122.

[3] *С. М. Соловьев,* Мои записки, стр. 139.

[4] О них см. там же, стр. 55 и сл. и 103 и сл.

[5] См. его рассуждение о православии — там же, стр. 19—21.

[6] См. *Н. Л. Рубинштейн,* Русская историография, М. 1941, стр. 312—342; ср. его же; Развитие буржуазной историографии и труды С. М. Соловьева (в кн.: «Очерки истории исторической науки в СССР», т. I, М. 1955, стр. 347—366).

[7] *К. С. Аксаков,* Несколько слов о русской истории, возбужденных историей г. Соловьева (неопубликованная рукопись 1851 г.). Полное собр. соч., т. I, изд. 2, М. 1889, стр. 44—62; ср. его же статью: О древнем быте у славян вообще и у русских в особенности (по поводу мнений о родовом быте), там же, стр. 63—124.

Нет нужды говорить, что положительно приняли труд С. М. Соловьева его единомышленники — представители либерально-буржуазной науки — К. Д. Кавелин [1], Б. Н. Чичерин и др. Гораздо важнее отметить, что высокую оценку дали ему представители революционно-демократической историографии. Они понимали, что С. М. Соловьев игнорировал жизнь народа как основу истории, выдвинув на первый план факты «удельной кутерьмы» [2]; они брали под сомнение тезис С. М. Соловьева о том, что «древняя русская история есть история страны, которая колонизуется» [3]; сомневались и в его родовой теории, зная что «необходимым условием государственных прав» была «частная поземельная собственность» [4]. Но поскольку С. М. Соловьев нанес удар тому «славянорусскому мистицизму» [5], с которым боролись и они, поскольку он синтезировал огромный новый материал и внес в него элемент закономерности, — революционные демократы поддержали С. М. Соловьева [6].

Выход последующих томов «Истории России» сопровождался расширением дискуссии вокруг поставленных в ней проблем.

К тому второму

Периодизация истории во 2 томе. Второй том «Истории России» посвящен времени от смерти Ярослава Мудрого (1054 г.) до смерти торопецкого князя Мстислава Мстиславича Удалого (1228 г.). Выделение такого периода, отграниченного, с одной стороны, правлением последнего раннефеодального монарха единой (относительно) Руси, а с другой — княжением одного из многих поборников феодальных усобиц, раздиравших раздробленную страну, современному читателю, конечно, представляется искусственным. Да и сами по себе деятельность и смерть Удалого не оставили заметного следа в политической жизни и, уж во всяком случае, не внесли никаких решающих перемен в судьбы Руси.

Еще менее оправданным кажется внутреннее членение этого периода. Если разделение его на этапы по времени правления сыновей, внуков и правнуков Ярослава Мудрого вплоть до смерти Юрия Владимировича Долгорукого (главы II, III и IV) находится в соответствии со взглядом автора на родовой быт Руси, то выделение в особый этап истории времени «от смерти Юрия Владимировича до взятия Киева войсками Андрея Боголюбского» (глава V), казалось бы, лишает внутреннего единства принятую здесь схему периодизации. Однако С. М. Соловьев считал обоснованным такое членение исторического процесса: он по-иному смотрел на этот период истории России, в котором увидел зарождение борьбы государственного строя с родовым.

---

[1] *К. Д. Кавелин,* Исследования С. М. Соловьева. Собр. соч., т. I, Спб. 1897.
[2] *Н. А. Добролюбов,* Соч., т. IV, стр. 329.
[3] *Н. Г. Чернышевский,* Поли. собр. соч., т. II, М. 1949, стр. 401.
[4] Там же, стр. 573.
[5] *Н. А. Добролюбов,* Соч., т. V, стр. 362.
[6] Об этом подробнее см.: *В. Е. Иллерицкий,* Вопросы древнерусской истории в освещении революционеров-демократов. «Труды Моск. Гос. историко-архивного института», т. XI, М, 1958, стр. 174—235.

С. М. Соловьев о родовом строе древней Руси XI—XII вв. Может возникнуть вопрос: о каком еще государственном строе идет речь, когда по схеме С. М. Соловьева государство на Руси возникло с утверждением здесь норманской династии. Но дело в том, что, по мнению С. М. Соловьева, это государство существовало в стране, лишенной государственного строя. Если в «Западной латино-германской» Европе в это время господствовали феодальные отношения (стр. 343), то на Руси правление потомков Ярослава Мудрого представляло собою, по мнению С. М. Соловьева, княжение рода. Конечно, и феодальные отношения С. М. Соловьев представлял себе в буржуазном понимании, согласно которому главными признаками феодализма были раздел государственной власти, раздел собственности, институт вассалитета, лен и сеньория.

«Единство рода» (стр. 346, 545) зиждилось на «родственной любви» (стр. 345) и признании «старшинства физического» его членов в качестве основания для занятия наиболее важных княжеских столов, начиная с Киева, главного родового владения Рюриковичей (стр. 346—348). Этот взгляд сформулирован в первой главе тома, и в дальнейшем автор не раз к нему возвращается (стр. 351—352, 362, 367, 416—417, 440, 443, 494, 539, прим. 301).

С. М. Соловьев признает, что «не осталось памятника, в котором бы изложены были все права и обязанности князей между собой и к главному князю» (стр. 343) и что к выводу о родовом правлении он пришел, изучая летописи. Действительно, в летописях преобладает описание событий политической борьбы князей за власть, причем князья-претенденты на киевский или иной стол неоднократно упоминают, что они «одного деда внуки», что они русские, а не подунайцы, берладники и другие полукочевники-поселенцы. Однако летописи требуют к себе критического отношения.

Княжеское местничество, постоянные ссылки соперничавших князей (и их придворных летописцев) на права фамильного старейшинства были тоже средством политической борьбы, ее идеологическим оружием. Первоначально, в древности, термины «отец», «брат», «брат старейший», «брат младший» соответствовали реальным отношениям родства в пределах правящей династии. Но с развитием и расчленением феодальной собственности и политической власти между киевским великим князем и обособившимися правителями Полоцкой (начало XI в.), Новгородской (1136 г.), Галицкой (конец XI в.), Рязанской (начало XII в.), Владимиро-Суздальской (начало XII в.), наконец, Волынской (середина XII в.) земель, эти термины стали служить главным образом для обозначения места князей в системе вассальной иерархии, составляя, как и «ряды» князей, ее юридическую форму. Притом понятно, что во все времена господство княжеской династии не имело никакого отношения к родовому строю, оно было одним из видов политической власти собственников земли, которые занимали господствующее положение в феодальном обществе.

Положенная С. М. Соловьевым в основу истолкования древнерусской истории (стр. 348) концепция о роде и почитании старейших была создана летописцами, а в XVI в. идеологи русского самодержавия облекли ее в форму «лествичного восхождения» князей к власти. Она находится в решительном противоречии с реальным ходом истории, которая буквально

вопиет о взаимном разбое «родичей». Признаки феодального дробления и усобиц приходятся еще на время Владимира I, при котором обособилась Полоцкая земля и сделала первый шаг к самостоятельности под властью Ярослава Владимировича земля Новгородская.

Таким образом, можно признать, что С. М. Соловьев справедливо отметил существование на Руси идеологического учения о правлении единого рода князей, но он ошибался, полагая, что это учение соответствует действительности.

Показательно, что С. М. Соловьев оставил без объяснения (см. стр. 487) тот факт, что отдельные наиболее сильные князья отвергали даже сам идейный принцип «лествичного» обоснования своих прав. Изяслав Мстиславич, князь волынский, прямо заявлял, что «не идет место к голове, а голова к месту».

Отрицая существование прав собственности и сословия на Руси, С. М. Соловьев не придавал значения закономерно нараставшей самостоятельности отдельных земель, выходивших из-под власти Киева. Он видел в этом лишь обособление княжеских династий — племен (племя князей — часть их рода; стр. 344—346, 350, 382, 503 и др.). Не принял он во внимание и такой факт, как решения княжеского съезда 1097 г. о том, что каждый князь отныне должен полноправно держать свою отчину, т. е. наследственное владение (стр. 382—383). С. М. Соловьев считал, что до падения Киева (1169 г.) «пределы ни одной волости, ни одного княжества не увеличивались, по крайней мере приметно, на счет других, потому что князю не было выгоды увеличивать волость, которой он был только временным владельцем» (стр. 530). Простое наблюдение за ростом владений галицко-волынских и владимиро-суздальских князей опровергает это утверждение.

Впрочем, С. М. Соловьев подчас сам впадает в противоречия. Считая главной целью усобиц стремление князей «поддержать свое право на старшинство, свое место в родовой лествице», отчего якобы «зависело владение той или другой волостью» (стр. 530), автор вынужден был признавать, что побудительной причиной самой борьбы был материальный интерес, а ее успех зависел от материальной силы князя (см. стр. 503, 505, 513, 665, 666). Стало быть, материальный успех зависел от места на ступенях родовой лестницы, а занятие ступени в свою очередь определялось материальной силой претендента. Отрицание материальной основы политического строя заводило всю проблему в порочный круг. Нет нужды пояснять, что взгляд С. М. Соловьева противоречит и данным кодекса тогдашнего феодального права — Русской Правды, отлично знавшей развитое наследственное право [1].

Отвергая существование расчлененной собственности князей, С. М. Соловьев отрицал и раздел между ними государственной власти и существование вассалитета. По его мнению, младшие князья — сыновья, а не вассалы-подручники старших князей (стр. 542), потому-де они не платят им и даней. Первое утверждение неосновательно, ибо уже «старые» великие князья киевские имели подручников, таковыми были, например,

[1] См. *Б. Д. Греков,* Киевская Русь, стр. 141—143.

князья волынские [1]. Сомнительно и второе: известно, что князь Ярослав в качестве новгородского наместника своего отца, киевского великого князя, должен был платить ему 2000 гривен ежегодно, как сюзерену [2].

Потому не может быть принята и мысль С. М. Соловьева, что будто бы великий князь киевский не был главой государства (стр. 529); если бы на юге «какой-нибудь князь захотел ввести новый порядок вещей относительно счетов по волостям,— пишет С. М. Соловьев,— то встретил бы сильное сопротивление в городах, которое вместе с сопротивлением многочисленной толпы князей-родичей помешало бы ему достигнуть своей цели» (стр. 533). На самом деле киевский великий князь был главой государства: он фактически был таковым до торжества феодальной раздробленности (конец XI — начало XII в.), а номинально оставался им и позднее, вплоть до татаро-монгольского нашествия. Конечно, эта раннефеодальная власть была менее прочной, чем централизованная власть, которая сложилась позднее в Московском княжестве, и даже чем та власть, которая постепенно (с развитием дворянской формы собственности и ростом городов) складывалась в наиболее крупных землях феодально-раздробленной Руси.

В целом взгляд С. М. Соловьева на Русь периода феодальной раздробленности (XII—XIII вв.), как на страну, бывшую государством, но лишенную государственного строя, должен быть отвергнут. С. М. Соловьев, несомненно, занизил уровень общественного развития Руси, представив его слишком упрощенно: судьбами страны вершит княжеский род, а народ выступает как безликое «население», либо сочувствующее, либо несочувствующее отдельным «племенам» (линиям).

С. М. Соловьев о формировании государственного строя в борьбе с родовым строем. Если, по Соловьеву, для древней Руси был характерен родовой строй, то как же мыслил он себе появление строя государственного? Первый шаг к государственным отношениям автор видел (см. стр. 529—536, 664—670) в том, что владимиро-суздальский князь Андрей Юрьевич Боголюбский, заняв Киев, не сел в нем княжить, а посадил здесь своего подручника; «этот поступок Андрея был событием величайшей важности, событием *поворотным,* от которого история принимала новый ход, с которого начинается на Руси новый порядок вещей» (стр. 529). Нашелся князь, «которому не полюбилось Киевское княжение, который предпочел славному и богатому Киеву бедный, едва только начавший отстраиваться город на севере, Владимир Клязменский» (стр. 530).

Легко заметить, что автор закрывает глаза на хорошо известные факты. Киевом пренебрегали некоторые князья и ранее, например, им пренебрег еще в XI в. Всеслав полоцкий, фактически через подручника не раз правил им и Изяслав Мстиславич волынский. Кстати сказать, Владимир-на-Клязьме вовсе не был таким глухим углом, как это представляет С. М. Соловьев. Летописи рисуют его иначе; последние работы археологов подтвердили справедливость их известий [3].

---

[1] Ростиславичи признавали власть киевского великого князя, «ходя во руку» его. (ПСРЛ, т. II, Спб. 1908, стб. 232, 241).

[2] Повесть временных лет, ч. I, стр. 88.

[3] «История культуры древней Руси», т. I, М. — Л. 1948, стр. 202—203. *Н. Н. Воронин,* Древнерусские города, М. — Л. 1945, стр. 53—62. *М. Н. Тихомиров,* Древнерусские города, М. 1956, стр. 401 и сл.

Считая разрыв владимирского князя с Киевом поворотным событием, автор, впрочем, признает, что «и прежде было несколько отдельных волостей — Галицкая, Полоцкая, Рязанская, Городенская, Туровская», которые тоже обособились от Киева, но это произошло, по его мнению, «вследствие изгойства князей их, которые были относительно так слабы, что не могли обнаруживать решительного влияния на дела Руси» (стр. 531). И это утверждение по меньшей мере неточно К перечисленным здесь землям надо добавить Новгородскую и Псковскую; таким образом, обособившихся земель окажется больше, чем оставшихся под властью Киева, что касается влияния их правителей на судьбы коренной Руси (Киевщины), то оно было не меньшим, чем владимиро-суздальских князей.

Почему же С. М. Соловьев придал такое значение обособлению именно Владимиро-Суздальской Руси? Он считал, что это была «обширная область с особым характером природы, народонаселения, с особыми стремлениями, особыми гражданскими отношениями» (стр. 532). В чем состояли эти особенности? Во-первых, здесь «была почва новая, девственная, на которой новый порядок вещей мог приняться гораздо легче»; во-вторых, здесь «не было укорененных старых преданий о единстве рода княжеского», здесь новый род начался лишь со Всеволода Большое Гнездо. Наконец, главное то, что «новым стремлениям князей на севере открывалось свободное поприще», они «не могли встретить себе препятствия» в «отношениях к народонаселению страны» (стр. 533), под которым имеются в виду города: они здесь «были построены и населены князьями» и потому «необходимо считали себя» княжеской собственностью; именно здесь якобы «впервые явились понятия об отдельной собственности княжеской, которую Боголюбский поспешил выделить из общей родовой собственности» (стр. 534).

Зачинателем нового порядка стал именно Андрей Боголюбский, потому что он большую часть жизни провел на севере (стр. 535), в «удалении от остальных племен (линий) княжеских»; вследствие этого «должна была ослабеть связь, соединявшая его с остальными родичами», отсюда родилась возможность для него «поступать с младшими не по-родственному» (стр. 535). Оставшийся на севере князь «создал себе там независимое, могущественное положение, давшее ему возможность переменить прежнее поведение старшего князя относительно младших» (стр. 532).

Решительный поборник единства в своем крае, он «признается первым, старшим в целом роде и, кроме того, материально сильнейшим, обладающим, следовательно, двойной силой; сознание этой особенности, независимости и силы побуждает его переменить обращение со слабейшими младшими князьями, требовать от них безусловного повиновения, к чему не привыкли князья при господстве неопределенных, исключительно родовых отношений между старшим и младшими; таким образом родовым отношениям впервые наносится удар, впервые сталкиваются они с отношениями другого рода, впервые выказывается возможность перехода родовых отношений в государственные» (стр. 531, 666).

Не трудно видеть, что С. М Соловьев руководствовался взглядом на государственный строй, как на институт, создаваемый князем в интересах всего общества, что при этом к периоду родового строя он отнес не только

древнюю раннефеодальную Русь, но и часть этапа феодальной раздробленности; что, наконец, за начало развития государственного строя он счел переход к феодальной раздробленности, означавший не возникновение государственного строя, а лишь изменение его формы

Связанный своей концепцией, автор без меры преувеличил особенности Владимиро-Суздальской земли, одновременно оставив без внимания подобного рода явления, имевшие место в других частях страны. В сущности зачинателем политики обособления этого княжества был не Андрей Боголюбский, а его отец Юрий Владимирович, который считал себя прежде всего местным князем и из Суздальской земли старался распространить свою власть на Киев и Новгород, за что, видимо, и был прозван Долгоруким. По концепции С. М. Соловьева, новые города на северо-востоке должны были повиноваться не старым городам, а построившему их князю (стр. 533—534), но летописец подчеркнул, что порядки в местных городах полностью схожи с порядками в городах других частей Руси[1] и, действительно, молодые города не раз действуют заодно со старыми (стр. 547, 550) Неясно вообще, в чем значение новых городов как фактора, укреплявшего княжескую власть[2], ибо последняя изображена как крепнущая сама по себе (князь «усиливал себя все более и более», стр. 590).

Не видно, чтобы новые суздальские города встали в какие-то особые отношения к князю, отличные от тех, в каких находились с князьями города, основанные в Юго-Западной Руси, города, построенные князьями галицкими, волынскими. Важно подчеркнуть, что волынские князья ведь тоже считали города своей собственностью[3] и пользовались их поддержкой. Даже перенос столицы из Ростова во Владимир — явление вовсе не исключительное и новое. В Юго-Западной Руси можно проследить подобные же перемещения столиц из Перемышля в Галич и затем в Холм. Преувеличение С. М. Соловьевым на первом этапе роли Киева (стр. 530—531), а на втором — Владимира есть дань старой, лишь модифицированной концепции деления истории России на периоды «по столицам». Общность исторических закономерностей развития Северо-Восточной и Юго-Западной Руси видна не только на примере городов.

Внутренние отношения в Северо-Восточной Руси также не обнаруживают принципиальных отличий от порядков в других русских землях периода феодальной раздробленности Взаимоотношения владимиро-суздальских князей с крупным непокорным боярством весьма схожи с тем, что наблюдалось и в Галицко-Волынской Руси: Андрей Боголюбский борется с враждебными боярами (стр. 536) и гибнет от рук Кучковичей, но и Ярослав Осмомысл делал то же и не одолел своих бояр. С М. Соловьев не очень последователен, когда признает, что и в волынской земле существовало государственное начало в лице первых Ростиславичей (стр. 393: они «успели укрепить за собой отдельную волость») и Романа Мстиславича, и уж вовсе неубедителен он, когда видит источник объединительной политики

[1] ПСРЛ, т. I, в. 2, стб 377—378

[2] Противопоставляя отношение к княжеской власти горожан Киева и Владимира (стр 554), автор упускает из вида, что первых князь пытался передать по наследству, а вторые самостоятельно признали наследственную власть князя.

[3] «Очерки истории СССР. Период феодализма, ч. I (IX—XIII вв.)», стр. 361.

Романа в заимствованиях с Запада (стр. 581—582). Можно добавить, что не только на севере (стр. 604), но и на юге имели место попытки передачи стола младшему сыну в обход старших (вспомним Ярослава Осмомысла).

Автор правильно отметил большую силу галицкого боярства, но преувеличил ее настолько, что счел явлением, «подобных которому не видим в остальных волостях русских» (стр. 563). Как же быть в таком случае с боярским самовластием в Новгородской и Псковской землях, с сильным боярством Полоцко-Минской Руси? Неудача объединительной политики самого Всеволода владимиро-суздальского не менее очевидна (стр 604), чем политики Романа волынского (стр. 667). Примечательно, что носитель «нового» строя Всеволод использует в своей дипломатической практике те же термины (стр. 604), которыми пользовался и представитель «старого» порядка — Удалой; и князь Константин, тоже как будто сторонник нового строя, просит быть Юрия Всеволодовича отцом для своих племянников (стр. 617).

Политика Андрея и Всеволода в отношении Киева тоже не была чем-то из ряда вон выходящим. Когда Андрей сделал еще одну попытку вновь подчинить Киев, то она не удалась, натолкнувшись на сопротивление не только смоленских, но и галицко-волынских князей; Всеволод делил свое влияние на Киев с галицко-волынским князем Романом; наконец, Киев грабил не только северный князь, но и южный князь Рюрик. Поэтому решительное взаимное противопоставление истории северо-восточной и юго-западной частей Руси нельзя считать обоснованным. Конечно, в обеих частях Руси были свои особенности, и их отмечает наша наука [1], верно и то, что Мстислав Удалой — фигура консервативная (стр. 627), но, разумеется, не потому, что он бился за родовой строй (стр. 597). Соловьев же в соперничестве между князьями Юго-Западной и Северо-Восточной Руси видит не проявление давно известных противоречий (вспомним борьбу за самостоятельность Полоцкой и Волынской земель), а некий новый вид борьбы. «Здесь, — пишет он, — борются не безземельные князья-изгои, для того чтобы получить волости (ср. стр. 362, 374, 383 и др.), борьба идет и не за старшинство, но князья южные, или Ростиславичи, борются за старый порядок вещей, за старую Русь, за родовые отношения, которые хотят упразднить Юрьевичи» (стр 541).

Но ведь опора власти Ростиславичей — Смоленск, расположенный не на юге, и борются Ростиславичи, конечно, не за родовой строй, а против попыток владимирских князей сделать их своими вассалами. Кстати говоря, эти попытки и привели к усилению владимирского влияния в Смоленске, где в 1239 г. Ярослав Всеволодович открыто посадил своего наместника.

Недооценка элементов единства в Юго-Западной Руси и их переоценка в Руси Северо-Восточной — одна из особенностей концепции С. М. Соловьева, ибо в конечном итоге обе части Руси встретили татаро-монгольское нашествие при более или менее равном развитии феодальных общественных и политических отношений. Если искать объяснение

---

[1] «Очерки истории СССР. Период феодализма, ч. I (IX—XIII вв.)», стр. 320—334, 357—380.

концепции С. М. Соловьева, то оно коренится в его общественно-политических взглядах, во-первых, и в подходе к источникам, во-вторых.

Идейные истоки государственной концепции С. М. Соловьева.

В основе концепции С. М. Соловьева лежит старый тезис буржуазной социологии о том, что «мнения правят миром». На моральной связи членов княжеского рода зиждется весь строй древней Руси Объяснение причин, по которым этот род сперва собрал Русь, а потом привел ее к раздроблению и усобицам, строится на принципе вульгарно-биологическом; изгойство возникло вследствие размножения княжеского рода (стр. 664).

Самые разнообразные чувства — горечи, злобы, радости, любви и т. п. широко разлиты по тому. При объяснении успехов и неудач представителей правящего рода и отдельных его «племен» (линий) автор остается в сфере личных отношений между князьями, их чувств, стремлений. Большое значение придано им, например, любви киевлян (и народа вообще) к Владимиру Мономаху, как деятелю «с характером чисто охранительным», и к его потомкам (см. стр. 372, 374, 406, 412, 431, 443); затем эта любовь внезапно пропадает («равнодушие киевлян или нежелание их поднимать руки на Мономаховичей прошли» — стр. 477).

Зато волынского князя Изяслава киевляне «не могли любить» (стр. 356) и в дальнейшем «племя Изяславово потеряло окончательно народную любовь на Руси» (стр. 401); в Киевщине имело место «всеобщее народное нерасположение к Ольговичам» (стр. 665); что касается северных князей, то их «вообще не любили на юге» (стр. 513). О новгородцах сказано, что они обижались, «когда князья меняли их город на другой» (стр. 423), сами они «никогда не позволяли себе жестокости с враждебными князьями» (примечание 55). Как видим, в представлении С. М. Соловьева политические перемены никак не связаны ни с экономикой общества, ни с классовой борьбой, ни с противоречиями групп внутри класса феодалов. Народная любовь тоже понимается им своеобразно: ее выразителями он считает обычно бояр, церковь, летописца.

Отсутствие связи политики с «внутренним состоянием общества» видно и из того, что все относящееся к последнему автор отложил для рассмотрения в 3 томе. Не нашлось в основном тексте места даже для истории «дружины» — одного из важных факторов концепции С. М. Соловьева; по принятой им структуре сначала описывается деятельность князей внутри страны, затем — их «внешние отношения» с соседними землями, и лишь в конце приводятся сведения о дружине в виде простого перечня упомянутых летописцами дружинников разных князей (см. стр. 369—370, 409—410, 523—525, 628—630 и след.).

Отсюда вытекает волюнтаризм, переоценка возможностей личности в истории (стр. 531—535) и моральный критерий оценки деятельности князей. Том насыщен славословиями князьям, прямо заимствованными у летописцев (стр. 361, 365, 367, 372, 409, 427—428, 430, 487, 598—599, 606 и др.). Сам по себе народ как основной фактор истории выпал из схемы С. М. Соловьева, а выступления народа против социальной несправедливости толкуются как малозначительные «возмущения» и «мятежи» (стр. 354—355, 401—402, 422—426, 502, 547, 603, 622). Наша наука установила, что

классовая борьба и в эту пору оказывала решающее влияние на перемену политических форм властвования феодалов.

В труде С. М. Соловьева для данной эпохи нет иной закономерности, кроме смены родового строя государственным; в пределах периода господства родового строя (до 1169 г.) никаких внутренних закономерностей нет, и потому два с половиною столетия древнерусской истории предстают как непрерывная борьба князей-родичей за свои столы.

Источниковедческие приемы С. М. Соловьева. По уровню источниковедения этот том — один из наиболее слабых среди посвященных ранней истории. Он основан на летописях большого числа феодальных центров (Киева, Галича, Холма, Владимира, Ростова, Новгорода и др.), которые весьма противоречиво освещают одни и те же события и носят на себе следы многократной редакторской переработки старых текстов летописцами враждующих княжеств и сменявших друг друга князей.

С. М. Соловьев отдавал себе отчет в том, что одни и те же события поразному оценивались летописцами Киева и Владимира-на-Клязьме, но он не шел дальше того, чтобы «примирить», как-то «согласить» их противоречивые известия (см. примечания 27, 76, 142, 252, 256, 315, 329, 331, 376, ср. стр. 429). Автор вследствие этого дал своего рода «сводную летопись» событий, выбранных в основном из Ипатьевской, Лаврентьевской и Новгородской летописей и пополненных значительной долей ссылок на В. Н. Татищева, догадки которого зачастую признаются в качестве источника (из 463 примечаний и ссылок на источники около сотни содержат упоминание труда В. Н. Татищева).

В летописце автор видел прежде всего «грамотного современника» (стр. 346), принял на веру его моральные критерии, не пытаясь разглядеть под ними политические, классовые интересы. Не обратил С. М. Соловьев внимания и на церковную идеологию летописцев, что привело его к апологии церкви, которая выступает как сила надсословная, главным образом в роли миротворца (см., например, стр. 505, 546, 551, 570—571, 591—592, прим. 297 и др.).

В итоге получилось так, что вслед за киевскими летописцами С. М. Соловьев признал за политическую реальность родовую теорию, а также идеализировал князей Владимира Мономаха, Изяслава Мстиславича и др. (стр. 472, 487 и др.); пользуясь летописью смоленско-киевских Ростиславичей (стр. 507 и др.), он превознес и этих князей, не подозревая, что имеет дело с материалом, тенденциозно подобранным и обработанным их придворными книжниками [1].

То же произошло с ним и в описании событий XIII в., где источники еще запутанней, особенно в части, освещающей политику Мстислава Удалого и противоречия между владимиро-суздальскими и галицко-волынскими князьями. С. М. Соловьев оставил без внимания неполноту и пристрастное освещение в ранних киевских летописных сводах истории галицко-волынских, полоцко-минских и иных земель. Отсюда возникла недооценка уровня их развития (сведения о них носят характер дополнений к истории Киевской земли, см. стр. 494 и след., 517 и след., 531 и след., 575 и след.) и

[1] См. *М. Д. Приселков,* История русского летописания, Л. 1940, стр. 47 и след.

недооценка политики Юрия Долгорукого. Зато в дальнейшем, держа в руках уже владимирский княжеский свод, прославлявший Андрея Боголюбского и его преемников, автор без критики принял его известия и пришел к заключению, что именно здесь и только здесь зародилась наследственная княжеская власть, возникли государственные порядки.

История народов нашей страны во 2 томе труда С. М. Соловьева. Эта тема и во 2 томе продолжает оставаться на заднем плане, служа лишь фоном деяний правящего княжеского рода. Внутренней истории народов мы в труде С. М. Соловьева не найдем. Главное, непомерно большое внимание уделено С. М. Соловьевым борьбе Руси с половцами. «Русь граничила со степью, а в степи скитались разноплеменные варварские орды» (стр. 362), среди них главное место занимали половцы (стр. 368, 395 и след., 408, 413, 420, 475, 561, 649 и след.). Для Руси «борьба с половцами и отношения княжеские составляли главный интерес; но из отдаленных концов, с севера, запада и востока, доходил слух о борьбе русских людей с другими варварами, окружавшими их со всех сторон» (стр. 400), — таков взгляд автора на историю народов.

Поэтому об отдельных народах С. М. Соловьев говорит лишь тогда, когда речь идет о вооруженной борьбе против них. Так упоминаются народы Прибалтики (эстонцы, латыши и литовцы — стр. 400, 416, 582, 597, 648), карелы и финны (стр. 440, 643), югра (стр. 643), камские болгары (стр. 523), «воинственные толпы прикавказских народов» (стр. 352). Причин экспансии русских феодалов в земли соседних народов С. М. Соловьев не касается. Лишь в одном случае, где речь шла о походах на земли народов Поволжья, он счел нужным дать такое пояснение: «Повинуясь природным указаниям», суздальские князья «распространяли свои владения вниз по Волге, причем постоянно должны были бороться с болгарами, мордвой и другими инородцами» (стр. 644—645).

Надо иметь в виду еще одну особенность освещения этой проблемы С. М. Соловьевым: он не делает разницы между борьбой русских князей с враждебными, агрессивными нападениями на Русь извне и их собственными завоевательными походами на соседние земли. Так, в одном ряду стоят в его труде нападения на Русь шведских феодалов и походы русских князей на чудь (см., например, стр. 440).

Вопросы внешней политики в труде С. М. Соловьева. Истории внешней политики как таковой в этой части труда нет, но неоднократное обращение к «внешним отношениям» вылилось в серию небольших очерков по династической истории Чехии и Польши (стр. 356—359, 368—369, 438—440, 572, 579). С. М. Соловьев не сомневался, что эти страны, подобно Руси, имели родовую организацию власти: в Польше по смерти Болеслава III Кривоустого «начались те же самые родовые отношения, какие мы видели до сих пор между князьями русскими и чешскими» (стр. 439). Некоторые сведения приводятся также относительно истории Швеции (стр. 522—523) и Венгрии (стр. 565). Интересные соображения о международном положении Руси высказаны автором на стр. 668—669.

Освещение борьбы народов нашей страны за независимость в труде С. М. Соловьева. Эта ключевая для истории XIII в. тема крайне скупо отражена в томе. Это и понятно: если в труде нет внутренней истории народов,

нет анализа феодально-колониальной политики русских князей, то тем более не осталось места для характеристики справедливой борьбы народов за независимость против наступления немецких, шведских и датских феодалов. С. М. Соловьев не увидел большого события восточно-европейской и международной истории в той борьбе, которую вели народы нашей страны и прежде всего великий русский народ с наступлением с Запада и Востока. Нет в его труде и четкой оценки агрессивной политики Ордена меченосцев и поддерживавших его европейских держав и папской курии. Эта тема вообще не получила должной разработки в досоветской историографии [1]. Несколько подробнее этот вопрос рассматривается автором в следующем томе.

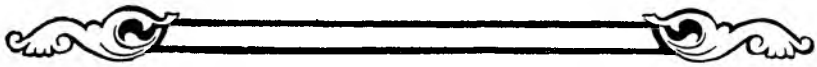
Научное значение 2 тома «Истории России с древнейших времен». С. М. Соловьеву принадлежит бесспорная заслуга в том, что он подробно изучил события первого этапа периода феодальной раздробленности Это был шаг вперед, ибо Н. М. Карамзин считал, что «битвы нашего удельного междоусобия, гремящие без умолку в пространстве пяти веков, маловажны для разума; что сей предмет не богат ни мыслями для прагматика, ни красотами для живописца» [2]. С. М. Соловьев хотя бы частично проанализировал данные источников для доказательства принятой им закономерности. Его труд хронологически углубил историю России. Это закономерное явление в развитии исторической науки. Если раньше Карамзин и его школа считали, что подлинная история России начинается с Ивана III, то С. М. Соловьев, хотя и отдал дань этой точке зрения, все же избрал объектом изучения и историю России XI—XIV вв

Наша советская историческая наука, основываясь на совершенно иных методологических позициях, вышла за эти грани и углубила историю нашей Родины на много веков.

Кроме того, в труде С. М. Соловьева немало ценных изысканий по генеалогии князей, по истории борьбы за Киевскую землю, по исторической географии Автор увидел перемены в русском обществе XII в. в сравнении с более ранним периодом и, как умел, старался их объяснить, открыв путь последующим исследованиям В. О. Ключевского и А. Е. Преснякова.

---

[1] «Очерки истории СССР. Период феодализма, ч I (IX—XIII вв)», стр. 760—768.
[2] *Н. М. Карамзин,* История государства Российского, кн. I. Предисловие, Спб. 1842, стр. X.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Абулазан, тифлисский эмир 724
Август, римский император 407
Авраамий 291
Агатирс 84
Агнеса, жена Владислава II 439
Адальберт (Войтех), епископ пражский 192, 193, 195, 312
Адам Бременский, епископ, хронист 250
Адель (Адиль), жена в. кн. Владимира I 204
Адриан, римский император 87
Адулб, гость 309
Адунь, гость 309
Аепа Гиргенев, половецкий хан 711
Аепа Осенев, половецкий хан 711
Ако, ливонский воевода 634
Аксаков К. С. 48, 49, 753
Актеву, посол кн. Олега 143
Акун, племянник в. кн. Игоря 309
Алансон 87
Алвад, посол в Византию 309
Александр, византийский император 142
Александр, шумавинский тиун 587
Александр I, русский император 23, 24
Александр II, русский император 19, 27
Александр III, русский император 13
Александр III, римский папа 630
Александр Всеволодович, кн. бельзский 584—589, 625, 729, 739
Александр, кн. дубровицкий 663, 736
Александр Македонский 80
Александр Ярославич Невский 624, 740
Алексей Дворский, княжий дружинник 526
Алексей Комнин, византийский император 407, 705
Алексей Михайлович, царь 33, 38, 683
Алексей Петрович, царевич, сын Петра I 34
Александр (Алеша) Попович, богатырь 203, 266, 267, 663
Алексей Сбыславич, новгородец 602
Али бен-Саид Махреби, арабский писатель 301
Алмос, мадьярский вождь 325
Алтунопа, половецкий воевода 390, 397
Альберт, рижский епископ 632—634, 636, 638
Амартол, хронист. См. Георгий Амартол
Аминод 309
Аммиан Марцеллин 299
Анастас, корсунянин 182, 184, 185, 212
Анастасия, дочь Ярослава Мудрого 218
Анастасия (Рогнеда), жена в. кн. Владимира Святославича 317
Анбал, яс, ключник Андрея Боголюбского 546, 548
Андогские князья 336
Андреев А. И. 28
Андреич, стольник новг. архиепископа 622
Андрей, венгерский королевич, сын Андрея II 626, 663
Андрей, проповедник 136
Андрей I, венгерский король 218

Андрей II, венгерский король, сын Белы III 528, 567, 582—584, 586—588, 624, 729, 760, 762
Андрей Владимирович, кн. волынский, сын Владимира Мономаха 418—422, 428, 431, 432, 440, 444, 493, 499, 707, 713
Андрей Всеволодович, кн. черниговский, сын в. кн. Всеволода Святославича Чермного 726, 737
Андрей Жирославич, боярин 717
Андрей Лазаревич, боярин новгород-северский 498
Андрей Станиславич, суздальский боярин 612, 629
Андрей Юрьевич Боголюбский, в. кн. владимирский 10, 448, 462—472, 476—478, 480, 481, 487, 491, 495, 500, 501, 506, 513—517, 520—523, 527—530, 532, 534—537, 540—547, 550, 551, 554, 556, 557, 563, 571, 575, 594—600, 604, 605, 628—630, 645, 648, 649, 666, 674, 675, 684, 686, 687, 713, 716—725, 728, 737, 740, 754, 757—759, 763
Андрих Добрянков, богатырь 203
Анна, греческая царевна, жена в. кн. Владимира I 183, 184, 187, 204, 205, 247, 287, 321, 322
Анна Ивановна, императрица 46
Анна Комнина 705
Анна Мстиславовна, жена Даниила, кн. галицкого 624
Анна Ярославна, дочь Ярослава Мудрого 218
Антоний, новгородский архиепископ 620, 622
Антоний (Антип-любечанин), основатель и игумен Киево-Печерского монастыря 258—260, 356, 362
Антоний, черниговский епископ 510
Анунд — Яков, шведский король 215
Аппельдерн фон Иоганн, рыцарь Ливонского ордена 642
Аристотель, греческий философ 80
Арнульф Каринтийский, немецкий князь, сын Карломана 190, 191
Арпадова династия венгерских королей 400
Арпоксаис, легенд. родоначальник скифов 83
Арсений, игумен 548
Арсений, новгородский архиепископ 622
Арсений, рязанский епископ 593, 594
Арцыбашев Н. С. 319, 322, 323, 691, 694—698, 701, 716, 719, 733
Аскольд, киевский князь 135, 138, 139, 156, 227, 282, 301, 306
Асмуд, воспитатель кн. Святослава I Игоревича 153, 154, 309
Атеас, скифский царь 80
Аттила, предводитель гуннов 122, 131
Афанасьев А. Н. 293

Бабарыкин В. 292
Баламбер, гунский князь 122
Бартольд, бременский епископ 631, 632
Бахтеяровы, князья 336
Бек (Бёк) А. 279
Бела, венгерский король 358
Бела III, венгерский король 528, 566—568, 582, 726
Белдюз, половецкий хан 397
Белевские князья 340
Белозерские, князья 336
Белук, половецкий хан 524
Бельский, хронист 702
Бенедикт Бор, венгерский паладин 585, 588
Берг, 297
Бережков Н. Г. 753
Беренди, торчин 386
Берлинский М. 315
Берн, дружинник 370
Бестужев-Рюмин К. Н. 291
Бидульфост, посол кн. Олега 143
Бируни Абу-Рейхан-Мухаммед, хорезмийский ученый 300
Блуд (Буды), воевода кн. Ярополка 174, 175, 211, 234, 247
Богомил-Соловей, волхв 186
Богуслав, брат новгородского тысяцкого 622
Бодянский О. 290
Бокс, антский вождь 122
Болеслав, польский князь, сын Мечислава 194
Болеслав, сын в. кн. Владимира I 321
Болеслав, сын польского короля Владислава II 439, 440, 710
Болеслав I Храбрый, польский князь 194—197, 206, 207, 211—213, 216, 234, 258, 271, 274, 322, 325, 333, 368
Болеслав II Смелый, польский король 354, 355, 357—359, 368, 383, 696—698

Болеслав III Кривоустый, польский король 404, 405, 438, 439, 763
Болеслав IV Кудрявый, польский король 439, 462, 463, 710, 712
Болеслав I Грозный, чешский князь 192, 193
Болеслав II, Благочестивый, чешский князь 192—195, 320
Болеслав III Рыжий, чешский князь 195, 196, 206, 207
Болеслава, дочь в. кн. Святослава Всеволодовича 736
Болотников Иван Исаевич 44, 45
Болтин И. Н. 17
Болуш, половецкий хан 353
Боняк, половецкий хан 390, 391, 395, 396, 398, 400, 655, 702, 706
Боплан Г. Л. 287
Борис (Михаил), болгарский князь 134
Борис, князь друцкий 728
Борис, новгородский посадник 423
Борис, рязанский боярин, посол ряз. кн. Глеба Ростиславича 549, 630
Борис Владимирович, кн. ростовский, сын в. кн. Владимира Святославича 204—210, 213, 231, 249, 257, 321, 322, 327, 330, 365, 370, 394, 430, 466, 546, 561, 690, 724
Борис Всеволодович, кн. городенский, сын кн. Всеволода Давыдовича 436, 469, 474—476, 494
Борис Всеволодович, кн, сын кн. Всеволода Юрьевича суздальского 740
Борис Всеславич, кн. полоцкий, сын кн. Всеслава Брячиславича 703, 741
Борис Вячеславич, кн. смоленский, внук Ярослава I 360, 361, 363, 417
Борис Давыдович, кн. полоцкий и друцкий, сын кн. Давыда Всеславича полоцкого 734
Борис Диогенович, кн, внук Владимира Мономаха 401
Борис Жирославич (Жидиславич), воевода Андрея Боголюбского 516, 527, 542, 555, 595, 600, 628, 629, 645
Борис Захарьич, воевода 526, 598, 629, 730
Борис Мирошкинич, новгородский боярин 602
Борис Негочевич, новгородский тысяцкий 622
Борис Некуришинич, новгородский боярин. См. Борислав
Борис Романович, кн. псковский и смоленский, сын кн. Романа Ростиславича 598, 739
Борис Федорович Годунов 32, 753
Борис Юрьевич, кн. белгородский и туровский, сын Юрия Долгорукого 462, 470, 471, 491, 501, 715, 717—719, 740
Борислав Некуришинич, боярин 618
Бориславичи, киевские бояре 527
Борич, гость 309
Борятинские, князья 340
Бравлин, русский князь 138
Броссе М. 724, 725
Бруно, католический миссионер 200, 320
Бруны, гость 309
Брюхатые, князья 336
Брячислав I, кн. чешский, сын Олдриха 216, 217, 218, 357
Брячислав Василькович, кн. витебский, сын кн. Василька Святославича 518, 519, 561, 691, 725—727
Брячислав Давыдович, кн., сын кн. Давыда Всеславича полоцкого 414, 415
Брячислав Изяславич, кн. полоцкий, сын. кн. Изяслава Владимировича 68, 213, 215, 216, 256, 323, 741
Брячиславичи, князья чешские 357
Будый (Блуд), воевода в. кн. Ярослава I 212. См. также Блуд
Буйносовы, князья 336
Буривой, чешский князь 190—192
Буслаев Ф. И. 282, 287, 289, 291, 293, 294, 296, 297, 326, 331
Бяндук, отрок Владимира Мономаха 410

Вадбольские, князья 336
Вадим, новгородец 135, 136, 306
Вард Склир, греческий полководец 167
Варяжко, дружинник 174
Василий Леонович. См. Василько Леонович
Василий, византийский император 183, 204, 287
Василий II Темный, в. кн. московский 39
Василий Волкович, вышгородский боярин 527, 717

Василий Мстиславич, кн., сын кн. Мстислава Мстиславича Удалого 618
Василий Мстиславич, кн., сын кн. Мстислава Юрьевича 740
Василий Полочанин 442, 498
Василь, волынский боярин, дружинник кн. Давыда Игоревича 384, 388, 389, 391, 410, 498
Василь Настасьевич, боярин кн. Давыда Ростиславича 513, 514, 526, 527, 717
Василь Половчин, боярин 714, 717
Васильевский В. Г. 705
Василько, кн. ростовский 664
Василько Борисович, кн. полоцкий 734
Василько Брячиславич, кн. витебский 726, 727
Василько Володаревич, кн. логожский 728
Василько Константинович, кн. ростовский, сын кн. Константина Всеволодовича 606, 617, 621, 627, 646, 647, 740
Василько Леонович, греческий царевич, внук Владимира Мономаха 407, 421
Василько Романович, кн., сын Романа Мстиславича галицкого 528, 582, 584—588, 624, 628, 729, 730
Василько Ростиславич, кн. теребовльский, сын кн. Ростислава Владимировича 315, 346, 366, 368, 369, 371, 382—390, 392, 434, 689, 705, 736
Василько Святославич, кн. полоцкий, сын кн. Святослава Всеславича 418, 425, 436, 494
Василько Юрьевич, кн., сын Юрия Владимировича Долгорукого 462, 481, 491, 494, 497, 509, 536, 686, 717, 719, 740
Василько Ярополкович, сын кн. Ярополка Изяславича 513, 524, 539, 739
Вацерад 288
Векошкины, князья 337
Велмуд (Велемудр, Веремуд), посол кн. Олега 142, 143
Венелин Ю. Х. 314
Верхуслава, дочь кн. Всеволода Юрьевича суздальского 713
Вико Джованни 8
Винитар, готский князь 122
Владивой, польский князь, сын кн. Мечислава 194, 195
Владимир, князь пинский 736
Владимир Андреевич, кн. дорогобужский, сын Андрея Владимировича Мономашича 444, 469, 471, 472, 479, 482, 486, 493, 503, 506, 508, 509, 513, 516, 524, 537, 538, 629, 713, 714, 716.
Владимир Володаревич, кн. галицкий, сын кн. Володаря Ростиславича 434, 435, 439, 463, 464, 466—472, 476, 477, 479, 482—486, 494, 498, 499, 709, 710, 713, 714, 736
Владимир (Василий) Всеволодович Мономах 73, 219, 242, 277, 278, 282, 285, 286, 346, 348, 349, 358—361, 363—366, 368, 371—379, 381—388, 390—399, 401, 402, 404—419, 422, 423, 427, 429, 430, 438, 440, 442, 446, 450, 451, 456, 460, 487, 497, 500, 533, 540, 557, 563, 565, 572, 582, 601, 605, 660, 665—667, 679, 690, 693, 695—697, 699, 700—704, 737, 738, 761, 762
Владимир Всеволодович, кн., сын кн. Всеволода Ольговича 737
Владимир Всеволодович, кн., сын Всеволода Юрьевича III 593, 604, 606, 607, 612, 614, 627, 628, 740
Владимир Георгиевич, кн., внук Всеволода III 740
Владимир Глебович, кн. переяславский, сын кн. Глеба Георгиевича 517, 542, 543, 555, 577, 649, 651, 652, 657, 740
Владимир Глебович, кн. рязанский, сын кн. Глеба Ростиславича 559, 590
Владимир Давыдович, кн. черниговский, сын кн. Давыда Святославича 277, 428, 429, 432, 434, 436
Владимир Игоревич, кн. северский, сын кн. Игоря Святославича 583—586, 589, 653
Владимир Константинович, кн. углицкий, сын кн. Константина Всеволодовича 740
Владимир Мстиславич, кн. волынский, сын в. кн. Мстислава Владимировича Мономашича 437, 450, 451, 457, 461, 464, 468—470, 474, 475, 482, 486, 491—493, 497, 498, 501, 502, 504, 510, 512—514, 524, 526, 537—540, 576, 578, 739.
Владимир Мстиславич, сын кн. Мстислава Ростиславича, кн.

дорогобужский 562, 598, 610—614, 637—640, 726
Владимир Рюрикович, кн. смоленский, сын в. кн. Рюрика Ростиславича 579, 583, 589, 611, 614, 616, 625, 627, 630, 739
Владимир Святославич I, в. кн. 97, 153, 164, 165, 171, 172, 174—190, 194, 196—206, 209, 210, 212, 213, 220, 221, 223, 224, 228, 229, 231, 233, 234, 240, 245—248, 250, 255—257, 259—263, 267, 269, 272, 276, 287, 291, 296, 313—324, 327, 329, 333, 334, 343, 350, 353, 356, 358, 372, 373, 692, 750, 752, 756
Владимир Святославич, кн. муромский, сын кн. Святослава Ярославича 445, 495, 723
Владимир Святославич, кн. новгородский, сын Святослава Всеволодовича киевского 555, 558, 560, 561, 599, 645, 652, 654
Владимир Святославич, кн. рязанский, сын кн. Святослава Ольговича 448, 552, 555, 558
Владимир Юрьевич, кн., сын кн. Юрия Владимировича 732, 738
Владимир Ярославич, кн. галицкий, сын Ярослава Осмомысла 528, 564, 565, 567, 569, 570, 575—577, 579, 720, 726
Владимир Ярославич, кн. новгородский, сын Ярослава Мудрого 219, 220, 228, 231, 232, 234, 324, 360, 598, 678, 692, 693, 701
Владислав, венгерский князь, брат Гейзы 565, 566
Владислав, галицкий боярин 586, 587
Владислав, польский князь 434
Владислав II, польский король, сын Болеслава III 439
Владислав Вратиславич Лях, киевский воевода 524, 526, 629
Владислав Герман, король польский, сын Казимира I 369, 389, 404
Владислав Завидич, сын новгородского посадника 732
Владислав Ласконогий, польский князь 580
Владислав Святой, венгерский король 400
Владислав, Янев брат, воевода 629
Власт Петр 405
Внезд, смоленский боярин 518, 717
Водовик Внезд, новгородский посадник 623
Воибор Негечевич, торчин 509, 715, 716
Воик 309
Воислав Добрынич, ростовский воевода 629, 647
Войтех, См. Адальберт
Володарь Василькович, кн. полоцкий, сын кн. Василька Святославича 518, 519
Володарь Глебович, кн. городецкий, сын кн. Глеба Всеславича минского 518, 519
Володарь Ростиславич, сын кн. Ростислава Владимировича 364, 383, 388—390, 392, 404—406, 434, 698, 702
Володислав Завидкович. См. Владислав Завидич
Волос Блуткинич, новгородский боярин 623
Волх Всеславьевич, богатырь 265
Волчий Хвост, воевода в. кн. Владимира I 188, 189, 321
Воробей Стоянов, новгородский посадник 186
Воронин Н. Н. 747, 757
Воротынские, князья 340
Востоков А. Х. 288, 290, 293, 307, 316, 321, 697
Вратислав, тысяцкий 414
Вратислав Брячиславич, чешский князь 357—359
Вршовцы, чешские вельможи 195
Всеволод, князь Герсика 636, 637, 639, 640
Всеволод Борисович, кн. новгородский и смоленский, сын кн. Бориса Романовича 739
Всеволод Владимирович, кн. волынский, сын в. кн. Владимира Святославича 204
Всеволод Владимирович, кн. северский, сын кн. Владимира Игоревича 586, 737
Всеволод Всеволодович, кн. червенский, сын кн. Всеволода Мстиславича бельзского 585, 588, 735
Всеволод Георгиевич, кн., сын в. кн. Георгия Всеволодовича 740
Всеволод Глебович, кн. полоцкий, сын кн. Глеба Всеславича 518.
Всеволод Глебович, кн. рязанский, сын кн. Глеба Ростиславича 559, 590—592, 735
Всеволод Давыдович, кн. городенский, сын кн. Давыда Игоревича 408, 414, 434, 436, 741

Всеволод (Всеволодко) Давыдович, кн. муромский, сын. кн. Давыда Святославича 737
Всеволод Константинович, кн. суздальский, внук в. кн. Всеволода III, 617, 628, 740
Всеволод Мстиславич, кн. бельзский, сын в кн. Мстислава Изяславича 567, 573, 726, 727, 739
Всеволод Мстиславич, кн. новгородский и псковский, сын в. кн. Мстислава Владимировича 412, 415—419, 422—426, 437, 521, 662, 706, 707, 708, 727, 739
Всеволод Мстиславич, кн. новгородский и смоленский, сын кн. Мстислава Романовича 611, 614, 619, 620, 726, 739
Всеволод Ольгович, кн. черниговский, сын кн. Олега Святославича 77, 285, 349, 411—414, 417—422, 428—440, 442—445, 495, 497, 499, 529, 533, 560, 563, 578, 665, 679, 680, 689, 693, 707—711, 713, 737
Всеволод Святославич, кн. трубчевский, сын кн. Святослава Ольговича 525, 560, 652, 654, 725, 727
Всеволод Святославич Чермный, сын кн. Святослава Всеволодовича 506, 511, 583, 589, 590, 607, 608, 627, 715, 726, 727, 731
Всеволод III Юрьевич, в. кн. владимирский, сын кн. Юрия Долгорукого 57, 316, 516, 528, 529, 533, 536, 541—543, 549—556, 558—563, 569, 570—579, 590—594, 596, 597, 599—602, 605, 606, 608, 617—622, 627—630, 645—647, 660, 666, 681, 687, 713, 719, 720, 723—726, 729—731, 737, 740
Всеволод Ярославич, кн. луцкий, сын кн. Ярослава Изяславича 561, 739
Всеволод Ярославич, кн. переяславский, сын Ярослава Мудрого 218, 219, 278, 327, 348, 350, 351, 353—356, 359—370, 373, 374, 378, 383, 387, 394, 396, 402, 409, 410, 417, 420, 665, 679, 687, 688, 690—701, 739
Всеволодковны, дочери кн. Всеволода Ольговича 689
Всеволодовичи, князья 612—614, 697, 727
Всеслав Брячиславич, кн. полоцкий, сын кн. Брячислава Изяславича 256, 265, 350, 352—356, 359—362, 366, 369, 373, 395, 451, 598, 621, 635, 641, 642, 678, 695—734, 741, 757
Всеслав Василькович, кн. витебский, сын кн. Василька Брячиславича 519, 725, 726
Всеслав Микулич, кн. друцкий 726, 728
Всеславичи, князья 414
Вуефаст, русский посол в Византию 309
Вузлев, гость 309
Вук Стефанович 285
Вышата, воевода в. кн. Ярослава Мудрого 219, 228, 232, 233, 246, 335, 693, 694
Вышата Васильевич, новгородец 643
Вышата Остромирович, дружинник кн. Ростислава Владимировича полоцкого 352, 369, 409
Вышеслав Владимирович, кн. новгородский, сын в. кн. Владимира Святославича 203, 248, 321, 322, 692
Вышко, торчевский посадник 526
Вятко, легендарный родоначальник славян-вятичей 93
Вячеслав, новгородский тысяцкий 621, 622
Вячеслав, чешский князь 192
Вячеслав Борисович (Вячко), кн., сын кн. Бориса Давыдовича полоцкого 635, 641, 642, 734
Вячеслав Владимирович, кн. туровский, сын Владимира Мономаха 381, 403, 407, 411, 412, 414, 418, 428, 430, 432—434, 436, 443, 444, 453, 454, 463—467, 469, 472—482, 487—489, 491, 498, 500, 505, 509, 666, 680, 681, 693, 707, 712, 713
Вячеслав Ярополкович, сын кн. Ярополка Изяславича туровского 702, 737
Вячеслав Ярославич, кн. клецкий, сын кн. Ярослава Святополковича 414
Вячеслав Ярославич, кн. смоленский, сын в. кн. Ярослава Мудрого 348, 350—352, 360, 361, 393, 494, 622, 691, 706, 736, 741

Гаврило Васильевич, дорогобужский боярин 526
Гаврило Игоревич, боярин 732

Гаврило Неревинич, брат новгородского посадника 600
Гагарины, князья 337
Гаральд, датский король 299
Гарольд, норвежский король 218
Гарун-аль-Рашид, арабский халиф 253
Гвоздевы, князья 336
Гегель 7, 8
Гедеонов С. А. 302
Гейер 752
Гейза, венгерский князь 400
Гейза II, венгерский король 462, 482, 483, 565, 566
Гелон 84
Гельмольд 285, 286, 297
Гемябек, татарский воевода 662
Генрих, польский князь, брат Болеслава IV 462, 463
Генрих I, французский король 218
Генрих I Птицелов, германский император 192
Генрих II, германский император 195, 196, 211
Генрих III, германский император 218, 357
Генрих IV, германский император 357—359
Генрих Латвийский 734
Георгий, слуга кн. Бориса Владимировича 207
Георгий Амартол 124
Георгий Амастридский 138
Георгий Всеволодович, сын кн. Всеволода Юрьевича 740
Георгий Иванович, боярин 526
Герберштейн Сигизмунд 331, 332
Герман, дерптский епископ 703
Германарих, готский вождь 116, 121, 122
Геродот 60, 61, 63, 80, 83—86, 88, 116, 118, 276, 279, 307, 328
Гертруда, жена короля венгерского Андрея II 587
Герцен А. И. 6, 26
Гиббон Эдуард 8
Гизо 10, 24
Гильфердинг А. Ф. 320
Глеб Владимирович, кн. муромский, сын в. кн. Владимира I 204, 207—210, 257, 321, 330, 365, 370, 394, 430, 466, 547, 705
Глеб Владимирович, кн. переяславский 517
Глеб Владимирович, кн. рязанский, сын кн. Владимира Глебовича 592, 594, 596, 617, 618, 630, 730, 732
Глеб Всеволодович, кн. городенский, сын кн. Всеволода Давыдовича 436, 524
Глеб Всеславич, кн. минский, сын кн. Всеслава Брячиславича полоцкого 277, 371, 395, 403, 414, 494, 704, 741
Глеб Зеремеевич, галицкий боярин 626
Глеб Ольгович, кн. курский, сын кн. Олега Святославича черниговского 426
Глеб Ракошич, киевский боярин 525
Глеб Рогволодович, кн. друцкий, сын кн. Рогволода Борисовича 561, 727
Глеб Ростиславич, кн. друцкий, сын кн. Ростислава Глебовича полоцкого 517
Глеб Ростиславич, кн. рязанский, сын кн. Ростислава Ярославича 436, 549, 554—556, 628, 723, 724, 727
Глеб Святославич, кн. новгородский, внук Ярослава Мудрого 352, 355, 359, 360, 393, 677—679, 696, 697, 737
Глеб Святославич, кн. переяславский, сын в. кн. Святослава Всеволодовича 559, 560, 562, 568, 576, 659, 726, 729, 731, 737
Глеб Юрьевич, кн. переяславский, сын кн. Юрия Долгорукого 449, 453, 454, 456, 462, 465, 468, 480, 482, 489—492, 499, 508, 516, 524, 525, 527, 528, 536—539, 541, 629, 649, 650, 711, 712, 717, 718, 736, 740
Глеб Юрьевич, кн. пинский, сын кн. Юрия Ярославича 628
Глебовичи, князья 518, 519, 522, 561
Говорек, сендомирский паладин 580
Головацкий И. Б. 726
Голубые, князья 336
Гомер 79, 88
Гомол, гость 309
Гораций 81
Горясер, убийца кн. Глеба Владимировича муромского 208, 547
Грановский Т. Н. 7, 12
Греков Б. Д. 746, 747, 754
Григорий, игумен 413
Григорий, монах 308
Григорьев В. В. 299, 310
Грим, посол в Византию 309
Гуды, посол в Византию 143, 309
Гунарь 309
Гунастр, гость 309

Гурята Рогович, новгородский купец 80, 255, 278
Гурята Семкович, русский посол в Византию 526
Гюря, тиун в. кн. Всеволода III 629

Давыд Борынич, княжий дружинник 527, 717
Давыд Всеславич, кн. полоцкий, сын кн. Всеслава Брячиславича 397, 414, 415, 741
Давыд Дмитриевич, новгородский посадник 423
Давыд Игоревич, кн. волынский, сын кн. Игоря Ярославича 315, 364—366, 383—393, 397, 400, 401, 409, 412, 414, 469, 494, 665, 689, 693, 699, 702, 703, 706, 717
Давыд Мстиславич, кн. торопецкий, сын кн. Мстислава Ростиславича Храброго 649
Давыд Ольгович, кн. черниговский, сын кн. Олега Святославича 727, 737
Давыд Ростиславич, кн. смоленский и вышгородский, сын кн. Ростислава Мстиславича 496, 509, 513—516, 519, 520, 524—527, 537—539, 541—544, 557—563, 568, 570—577, 598—600, 629, 630, 655, 681, 686, 691, 698, 711, 716, 717, 720, 728, 730, 739
Давыд Святославич, кн. новгородский, сын кн Святослава Ярославича 277, 360, 378, 379, 382, 383, 386, 390—393, 397—399, 401, 403—404, 408, 412, 419, 480, 697, 737
Давыд Юрьевич, кн. муромский, сын кн Юрия Владимировича 592, 594, 607, 617, 646
Давыд Ярунович, киевский боярин 497
Давыдовичи, князья 411, 433, 441, 444, 446—451, 453—457, 459, 466, 473, 496, 498, 711
Даниил, игумен, паломник 291, 698
Даниил, новгородский посадник 423
Даниил Александрович, кн. псковский 299
Даниил Великий, киевский боярин 443, 498
Даниил Заточник 705
Даниил Романович, кн галицкий, сын кн. Романа Мстиславича 528, 582—584, 586—588, 607, 624—626, 628, 646, 662, 663, 729, 737
Данислав Лазутинич, новгородский воевода 522, 595
Дарий I Гистасп, древнеперсидский царь 80, 89
Дедилец, рязанский боярин 549, 556, 630
Деевы, князья 337
Децебал 81
Джардшани, араб. писатель 300
Джебе, воевода Чингисхана 661
Ди-Мешки 301
Димитр Жирославич, боярин 498
Димитр Иворович, воевода Владимира Мономаха 398, 410
Димитрий, княжий конюх 386
Димитрий Мирошкинич, новгородский посадник 602, 730, 732
Димитрий Храбрый, княжий дружинник 526
Диоген, византийский император 407, 705
Диодор Сицилийский 279
Дион Хризостом 88, 279
Дир, князь 135—137, 139, 156, 227, 282, 306
Дитмар, пражский епископ 192
Дитмар, епископ мерзебургский, хронист 204, 250, 322, 324, 330
Дитрих, немецкий маркграф 193
Длугош Ян 289, 291, 293
Дмитр Завидич, новгородский посадник 708
Дмитрий Иванович, сын Ивана IV 753
Дмитрий Иванович Донской 74
Дмитрий Якунич, новгородский посадник 604, 609, 620, 731
Дмитровна, жена кн. Мстислава Владимировича 708
Доброгнева (Мария), дочь в. кн. Владимира I 218
Добровский 290
Добролюбов Н. А. 751, 752, 754
Добрыня, дядя Владимира I 164, 172, 174—176, 178, 185—187, 189, 212, 220, 221, 235, 245, 247, 258, 265, 296, 314, 315, 318, 498
Добрыня Долгий, ростовский боярин 554, 628
Добрыня Рагуйлович, новгородский посадник 380, 708
Долгорукие, князья 340
Домамерич Ю, воевода 662
Домициан 81, 88
Дорожай, суздальский боярин 629, 645

Дубровка, жена польского князя Мечислава 193, 194
Дункер М., 294
Душилец, липитский староста 622
Дюканж 325

Евстафий, сын кн. Мстислава тмутараканского 215
Евфимий, епископ 460
Евфимия, дочь Владимира Мономаха 401
Евфросиния, дочь в. кн. Мстислава Владимировича 566, 713
Егриевлиск 309
Екатерина I, императрица 46
Екатерина II, императрица 47, 67, 70
Елецкие, князья 340
Елизавета, дочь Ярослава I 218
Елизавета Петровна, императрица 47
Елисеев Г. З. 49
Емиг, гость 309
Еремей Глебович, суздальский боярин 611, 629, 646, 647
Ермак Тимофеевич 38
Ефрем, игумен 556
Ефрем Моизич, приближенный Андрея Боголюбского 546

Ждиберн (Жидьберн) 316
Жирослав, новгородский посадник 595, 596, 711
Жирослав Андреевич, киевский тысяцкий 526
Жирослав Васильевич, волынский боярин 526
Жирослав Иванкович, туровский посадник 444, 498, 526, 527
Жирослав Нажирович, киевский воевода 526

Завид, боярин кн. Владимира Мстиславича 526
Завид Неревинович, новгородский посадник 596, 599, 600
Засекины, князья 337
Захария, новгородский посадник 521—523, 595, 596
Збигнев, брат польского короля Болеслава III 369, 438, 704
Звенигородские, князья 340
Звенислава (Велеслава) Всеволодовна, дочь кн. Всеволода Ольговича 439, 710
Зобейда, жена Гарун-аль-Рашида 253
Зонара 301, 308, 336
Зубатые, князья 337
Зябловский Е. Ф. 280

Ибн-Фадлан 249, 307
Ибн-Эль Варди 302
Иван I Данилович Калита, в. кн. московский 11
Иван III Васильевич, в. кн. московский 6, 11, 17, 18, 43, 672
Иван IV Васильевич, царь 6, 11, 36, 38, 39, 43, 704
Иван Василькович, кн. звенигородский 434, 435, 709, 736
Иван Войтишич, воевода Владимира Мономаха 407, 410, 414, 437, 442, 497
Иван Всеволодович, кн. стародубский, сын в. кн. Всеволода Юрьевича 604, 647, 740
Иван Годинович, богатырь 228
Иван Дмитриевич, новгородский посадник 623
Иван Душильчевич, новгородец 619
Иван Жирославич, дружинник в. кн. Всеволода Ярославича 360, 370
Иван (Иванко) Захарьич, киевский боярин 409, 410, 498
Иван Захарьич, новгородский посадник 595, 596
Иван Мирославич, рязанский боярин 630
Иван Ольгович, сын кн. Олега Святославича 737
Иван (Иванко) Павлович, новгородский посадник 424
Иван Родиславич, черниговский боярин 527, 629
Иван Ростиславич Берладник, кн. галицкий, сын кн. Ростислава Володаревича 434, 445, 447, 448, 496, 500, 502—504, 517, 526—528, 568, 569, 710, 711, 736
Иван Ручечник, смоленский боярин 527
Иван Творимирович, воевода Ярослава Мудрого 219, 335
Иван Фролович, спальник кн. Ростислава Мстиславича 526
Иван Халдеевич, галицкий боярин 435, 499, 715
Иван Юрьевич, кн. курский, сын кн. Юрия Долгорукого 446—448, 453, 454, 712, 740
Иван Юрьевич, кн. туровский, сын кн. Юрия Ярославича 736

Иванко, новгородский боярин 600
Иванко Дмитриевич, новгородский посадник 620
Иванко Степанович, ростовский боярин 628
Иванко Тимошкинич, новгородский боярин 621, 623
Иванко Фролович, спальник кн. Ростислава 526
Иванко Чудинович, черниговский боярин 410, 690
Ивач Свеневич, новгородец 600
Ивойдов Гаврин, целовальник 328
Ивор, русский посол в Византию 309
Ивор Михайлович, боярин 614, 630
Ивор Новоторжич, новгородец 732
Ивор Юрьевич, киевский боярин 443, 498
Иггивлад, гость 309
Игельд, гость 309
Игоревичи, князья 583—589
Игорь I, в. кн. киевский 96, 101, 135, 138, 139, 141, 143, 145—151, 153, 154, 156, 169, 194, 225, 228, 232, 233, 245, 247, 252, 281, 282, 288, 296, 306, 308, 309, 314, 316, 326, 689, 752
Игорь, племянник в. кн. Игоря 309
Игорь Глебович, кн. рязанский, сын кн. Глеба Ростиславича 590, 735
Игорь Ольгович, кн. черниговский, сын Олега Святославича 411, 429, 432, 433, 435, 439—445, 447, 448, 450—453, 456, 459, 472, 475, 497, 498, 506, 526, 679, 709—711, 713, 737
Игорь Святославич, кн. северский, сын кн. Святослава Ольговича 229, 291, 511, 516, 543, 558, 562, 563, 577, 578, 650—656, 659, 725, 737
Игорь Ярославич, кн. волынский и смоленский, сын Ярослава Мудрого 348, 350—352, 360, 363, 364, 393, 517, 691, 692, 738, 741
Избыгнев Ивачевич, боярин 499, 526
Изяслав Андреевич, кн., сын кн. Андрея Боголюбского 523, 740
Изяслав Владимирович, кн, сын Владимира Мономаха 277, 350, 378—380, 713
Изяслав Владимирович, кн. полоцкий, сын в. кн. Владимира Святославича 68—70, 173, 204, 741
Изяслав Владимирович, кн. рязанский, сын кн. Владимира Глебовича 593, 594, 732
Изяслав Владимирович, кн. теребовльский, сын кн. Владимира Игоревича 585, 586
Изяслав Глебович, кн., сын Глеба Ольговича курского 737
Изяслав Глебович, кн., сын кн. Глеба Юрьевича переяславского 645, 735, 740
Изяслав Давыдович, в. кн. киевский, сын кн. Давыда Святославича черниговского 349, 430, 432, 435, 439, 447, 449, 460—462, 475, 478—481, 486, 488—494, 500—510, 520, 525, 526, 530, 545, 565, 689, 709, 711—716
Изяслав Ингваревич, кн. луцкий, сын кн. Ингваря Ярославича 735, 739
Изяслав Мстиславич, в. кн. киевский, сын в. кн. Мстислава Владимировича 284, 411—420, 424, 428—434, 436, 438—444, 446—488, 490, 491, 494—499, 504, 505, 512, 526, 527, 530, 534, 541, 577, 578, 585, 628, 665—667, 669, 678—681, 690, 691, 706, 707, 709, 711—739, 756, 757, 762
Изяслав Святополкович, кн. полоцкий, сын в. кн. Святополка Изяславича 407, 736
Изяслав Ярославич кн., внук Мстислава Великого 601, 739
Изяслав Ярославич, в. кн. киевский, сын Ярослава I 220, 327, 328, 344, 348, 350—356, 358—363, 365, 368—371, 374, 390, 393, 401, 409, 417, 664, 665, 679, 689—701, 736
Изяслав Ярославич, кн. туровский 517
Изяславичи, полоцкие князья 68, 69, 350, 353, 402, 415, 417, 491, 494, 540, 545, 557, 627
Иларион, епископ ростовский 256
Иларион, митрополит киевский 182, 187, 220, 257, 258, 260, 262—264, 316—318, 324, 332
Илдей, печенежский князь 177
Иллерицкий В. Е. 754
Иловайский Д. И. 302
Илья, новгородский архиепископ 596
Илья Муромец, богатырь 203
Илья Щепанович, галицкий боярин 585, 586

Илья Ярославич, кн., старший сын Ярослава Мудрого 220, 324
Ингварь Игоревич, кн. рязанский, сын кн. Игоря Глебовича 592, 618
Ингварь Ярославич, кн. луцкий, сын кн. Ярослава Изяславича 561, 585—587, 628, 728, 731—732
Инге, шведский король 216
Ингигерда, жена Ярослава Мудрого 215, 216, 324
Инегельд, посол 143
Иннокентий III, римский папа 633
Иоанн, епископ суздальский 604
Иоаким, епископ 444, 499
Иоаким Корсунянин, епископ новгородский 175, 186, 187, 203, 204, 318
Иоанн, доместик 146
Иоанн, игумен 401
Иоанн, митрополит 288
Иоанн, пробст 639
Иоанн I Цимисхий, византийский император 165, 167, 246, 249, 313, 705
Иоанн II Комнин, византийский император 705
Иоанн Лествичник 288
Иоанн Схоластик 287
Иона, старец 328
Иорнанд 92, 96, 116
Иосиф, хазарский царь 316
Искусеви, посол в Византию 309
Истр, посол в Византию 309
Итларь, половецкий хан 377, 378, 395

Кавелин К. Д. 11, 12, 48, 671, 673—676, 680—682, 753, 754
Казанский 331
Казимир, польский князь, сын Мечислава II 217, 218, 737
Казимир Восстановитель, польский король 357
Казимир Справедливый, польский король 569, 572, 580, 726
Калайдович К. Ф. 295, 297
Калачев Н. В. 286, 287, 293, 327, 331
Калокир, византийский патриций 161
Каницар, посол в Византию 309
Канут VI, датский король 631
Карамзин Н. М. 5, 6, 11, 14, 17, 18, 27, 28, 49, 295, 297, 304, 309, 310, 312, 318, 319, 322, 324, 693—698, 752—754, 764
Карголомские, князья 336
Карл, посол кн. Олега 142, 143
Карл Великий, император 122, 130, 132, 133
Карл Сверкерсон, король готов и шведов 523
Карловинги 132
Карломан, сын Людовика Немецкого 190
Карпов А. 287
Карш 309
Кары, посол в Византию 309
Касаткины, князья 336
Касторский М. И. 297
Катыревы, князья 336
Каченовский М. Т. 6, 14
Кедрин, византийский хронист 308
Кемские, князья 336
Кеппен П. 291, 297, 302
Кза, половецкий хан 655, 656
Кий, князь 94, 136, 269, 280, 307
Кирилл, митрополит 288, 627, 733
Кирилл, просветитель славянский 131, 134
Кирша Данилов 325, 328, 329, 332
Китан, половецкий хан 377
Киянин, северский боярин 527
Клеарх 80
Клим, митрополит киевский 451, 505
Климент 184
Ключевский В. О. 48—50, 746, 747, 764
Кнут (Канут), король датский и английский 215
Княжевский З. 294
Кобан, половецкий хан 659
Кобяк, половецкий хан 650, 651
Козарин, киевский боярин 410
Козельские, князья 340
Коломан, венгерский король 390, 400, 401
Коломан, венгерский король, сын Андрея II 588, 624
Колчек, отрок кн. Давыда Игоревича 410
Кондувдей, торкский князь 658, 659
Конрад (Кондрат), польский князь 581, 584
Конрад I, чешский князь 357
Конрад II, германский император 217, 357
Константин, византийский император 183, 204, 286, 287
Константин, галицкий воевода 538
Константин, князь муромский 288, 289, 295
Константин, князь полоцкий 326
Константин, князь ростовский. См. Константин Всеволодович

Константин, митрополит киевский 505
Константин, сын Добрыни, новгородский посадник 212, 220, 245, 324
Константин Багрянородный, византийский император 157, 158, 224, 225, 250, 251, 280, 297, 308, 316, 524, 705
Константин Васильевич, княжий дружинник 527
Константин Владимирович, кн., сын кн. Владимира Глебовича рязанского 618
Константин Всеволодович, кн., сын в. кн. Всеволода Юрьевича III 529, 592, 593, 601—606, 611—617, 629, 660, 661, 713, 730—732, 740, 760
Константин Давыдович, кн., сын кн. Давыда Ростиславича 577
Константин Микулинич, новгородский посадник 425, 437, 495
Константин Моисеевич, новгородский посадник 423
Константин Мономах, византийский император 218, 219, 705
Константин Прокопьич, новгородец 619
Константин Серославич, галичский боярин 499, 564
Константин Хотович, боярин киевский 527, 629
Кончак, половецкий хан 650—652, 655
Косвен М. О. 747
Коснятко, боярин кн. Святослава Ольговича 444, 499
Коснячко, киевский тысяцкий 354, 369, 690
Костюшко Тадеуш 20
Котопан 310
Котян, половецкий хан 626, 661
Кочкарь, киевский боярин 559, 629
Криве, литовский верховный жрец 280
Крок, чешский князь 131
Круг Ф. 124
Крюков Д. Л. 7
Кснятин. См. Константин Серославич
Кубенские, князья 337
Кудряшов К. В. 746
Кузьма, слуга Андрея Боголюбского 548
Кузьма Ратшич, меченосец кн. Всеволода III, 629, 729
Кульмей, отрок кн. Давыда Игоревича 387, 410
Куник А. 299, 310
Кунуй, половчин 381
Курбские, князья 337
Куря, половецкий хан 396
Куци, гость 309
Кучковичи, владимирские бояре 546, 718, 759

Лавор, половчин 656
Лаврентий, монах 311
Лавритас, славянский князь 101
Лавровский Н. А. 308
Лазарь, боярин Всеволода III 602, 629
Лазарь, дружинник кн. Давыда Игоревича 384, 388, 389, 410
Лазарь, тысяцкий 451, 452, 562, 629
Ламбин Н. 323
Ларион, сотский 612
Латышев В. В. 276, 278—280, 298
Лебедев Н. 294, 295
Лев Грамматик 308, 309
Лев Диакон Калойский 167, 249, 297, 310, 313, 329
Лев Мудрый, византийский император 400
Лейпоксаис, легендарный родоначальник скифов 83
Лелевель 304
Леневарден-фон Даниил, немецкий рыцарь 635
Ленорман Ф. 289
Леон, византийский император 142
Леон, византийский царевич, сын имп. Диогена 407, 705
Леон, епископ суздальский 686, 719
Леон, митрополит киевский 186, 318
Леонтий, епископ ростовский 256
Леопольд, австрийский герцог 439
Лешек, вышгородский боярец 207
Лешко, польский князь, сын Казимира Справедливого 580—589, 624, 625, 729
Лжедмитрий I 32
Лжедмитрий II 45
Либиар, посол в Византию 309
Лиутпранд, епископ кремонский 125, 309
Лобановы, князья 336
Ловмяньский Г. 748
Ломоносов М. В. 17
Лугата, новгородский боярец 732
Лука, демественник 548
Лука, епископ владимирский 592
Лыбедь, легенд. сестра Кия 94, 307

Любуша, дочь легенд. чешского короля 131, 132, 283
Людовик, немецкий король 133, 190
Лют, сын Свенельда 170

Маврикий, византийский император 108, 109, 285, 286
Магнус, датский принц 523
Магнус Добрый, сын норвежского короля Олофа 215
Макарий, архимандрит 306, 312, 320
Максимович М. А. 301, 707, 710
Мал, древлянский князь 150, 153, 225
Малка (Малуша), ключница в. кн. Ольги 164, 313
Малфрида, жена в. кн. Владимира I 204, 321
Манкиев Я. И. 17
Мануил, епископ смоленский 717
Мануил I Комнин, греческий император 565, 566
Мануил Яголчевич, новгородский боярин 609
Марина Игнатьевна, «ародейка» 266, 328
Мария Владимировна, дочь Владимира Мономаха, жена византийского царевича Леона 407
Мартирий, архиепископ новгородский 601
Матей Душилчевич, новгородец 618, 619, 733
Матеяш Бутович, ростовский боярин 554, 628
Матфей, киевский митрополит 590
Мацеевский, 332, 333
Мезецкие, князья 340
Мейнгард, монах августинского ордена 630, 631
Мерзебан, правитель Адербайджана 152
Мефодий, просветитель славянский 131, 134, 190
Мечислав (Мешко) польский князь 193, 194, 320
Мечислав (Межко) Старый, брат Болеслава IV 439, 462, 579, 580, 712
Мечислав II, польский король 216, 217
Микифор, новгородский боярин 732
Микулинские, князья 339
Микулица, владимирский протопоп 549
Микуцкий С. П. 280, 281, 288, 290
Миллер Г. Ф. 303
Милюков П. Н. 48
Милятич Степан, княжий муж 525
Милятич Якун, княжий муж 525
Мирослав, дядька галицкого княжича 584, 729
Мирослав, киевский тысяцкий 498
Мирослав, псковский посадник 424
Мирослав Андреевич, киевский боярин 441, 442, 498
Мирослав Гюрятинич, новгородский посадник 423, 425
Мирошка Нездинич, новгородский посадник 600—603, 619, 730, 732
Митридат Евпатор, понтийский царь 80, 90
Митрофан, новгородский архиепископ 601, 603, 604, 608, 619, 620, 731
Михаил, боярин кн. Мстислава трепольского 452, 498, 526
Михаил, епископ смоленский 594
Михаил, император византийский 131, 134
Михаил (Борис), князь болгарский 134
Михаил, мечник Андрея Боголюбского. См. Михно
Михаил, митрополит киевский 184, 186, 187, 258, 318
Михаил II, митрополит киевский 421, 424, 708
Михаил, смоленский тысяцкий. См. Михалко
Михаил Борисович, боярин Всеволода III 592, 593, 629
Михаил Всеволодович, кн. черниговский, сын кн. Всеволода Святославича Чермного 621—623, 662, 737
Михаил Всеволодович, кн. рязанский, сын кн. Всеволода Глебовича 592, 594, 732
Михаил Иванович, кн. стародубский 337
Михаил Степанович, новгородский посадник 599—602
Михаил (Михалко) Юрьевич, сын кн. Юрия Долгорукого 294, 516, 528, 536, 541—543, 549, 550, 552—555, 558, 596, 629, 650, 719, 720, 722—724, 740
Михайлов М. М. 334
Михалко, смоленский тысяцкий 574, 630
Михн, мечник кн. Андрея Боголюбского 542, 628, 720, 721

Мишле Ж. 10
Мищенко Ф. 328
Могута, разбойник 202
Модестов В. Н. 325
Моислав, князь мазовецкий 218, 221
Моймир, моравский князь 133, 191
Моложские, князья 336
Мономаховичи, русские князья 71, 277, 284, 413, 414, 417—422, 424—426, 429, 430, 433, 436, 440, 453, 464, 469, 477, 492, 495, 501, 502, 505, 509, 512, 528, 531, 557, 563, 571, 575, 589, 597, 607, 627, 650, 658, 668, 679, 680, 725, 727, 731, 761
Мончук 729
Моны, гость 309
Морткины, князья 337
Мосальские, князья 340
Мстибог 729
Мстислав, племянник кн. Давыда Игоревича 397
Мстислав Андреевич, сын кн. Андрея Боголюбского 516, 517, 595, 645, 740
Мстислав Владимирович Великий, в. кн. киевский, сын Владимира Мономаха 276, 378, 380—383, 393, 394, 400, 403, 406—408, 411—420, 422—428, 434, 438, 440, 472, 492, 497, 498, 512, 521, 540, 541, 598, 601, 660, 665, 666, 679, 693, 704, 706—708, 713, 718, 736, 738, 739
Мстислав Владимирович, кн. дорогобужский, сын кн. Владимира Мстиславича 539, 558, 739
Мстислав Владимирович, кн. тмутараканский, сын в. кн. Владимира I 204, 205, 213—215, 217, 228, 231—233, 245—247, 321—324, 352, 751
Мстислав Всеволодович, кн. городенский, сын кн. Всеволода Давыдовича 525
Мстислав Давыдович, кн. смоленский и новгородский, сын. кн. Давыда Ростиславича 599, 600, 728, 735, 739
Мстислав Изяславич, кн. волынский, в. кн. киевский, сын в. кн. Изяслава Мстиславича 442—445, 452—454, 457, 461, 465—467, 469, 472, 473, 477, 479, 481, 482, 486—493, 498—505, 508, 509, 512—517, 522, 524, 526, 528, 529, 537—540, 564—571, 594, 595, 629, 666, 714—717, 721, 722, 739
Мстислав Изяславич, кн. полоцкий, сын кн. Изяслава Ярославича 355, 356, 362, 417, 696, 736
Мстислав Мстиславич Удалой, кн. торопецкий, сын Мстислава Ростиславича Храброго 39, 68, 528, 529, 575, 576, 590, 603—608, 616, 617, 619, 624—629, 637, 638, 660—664, 667, 689, 690, 730—733, 754, 760, 762
Мстислав Романович, кн. смоленский, в. кн. киевский, сын кн. Романа Ростиславича 574—577, 583, 589, 594, 608, 619, 627, 652, 662, 663, 727, 732, 739
Мстислав Ростиславич, кн., сын кн. Ростислава Юрьевича суздальского 516, 520, 549—555, 596, 723—725, 740
Мстислав Ростиславич Храбрый, кн. смоленский, сын в. кн. Ростислава Мстиславича 68, 312, 516, 521, 524, 525, 528, 529, 539—544, 554—556, 558, 562, 595—600, 603, 604, 628, 637, 649, 725, 730, 739
Мстислав Святополкович, кн. волынский, сын кн. Святополка Изяславича 390, 391, 401, 702. 736
Мстислав Святославич, кн. черниговский, сын кн. Святослава Всеволодовича 562, 662, 663, 737
Мстислав Юрьевич, кн. новгородский, сын Юрия Владимировича Долгорукого 411, 467, 468, 496, 520, 521, 536, 713, 719, 740
Мстислав Ярославич Немой, кн. луцкий и пересопницкий, сын кн. Ярослава Изяславича 585—588, 628, 663, 739
Мстиславичи, князья 429, 454, 457, 458, 461, 462, 474, 476—479, 488, 490, 495—497, 505, 520, 535, 536, 544, 545, 578, 627, 668, 707, 718
Муккадеси 301
Мутур, посол в Византию 309

Надеждин Н. И. 281, 695, 715, 735
Нажир, киевский боярин 410, 690
Нажир Переяславич, дружинник кн. Изяслава Давыдовича 525
Наполеон I 23, 683

Насонов А. Н. 746
Неволин К. А. 325, 331, 695, 715, 735
Нежата, ладожский посадник 523
Нежата Твердятич, новгородский посадник 495, 520, 521
Незда, отец новгородского посадника 600
Незда, бирич 522
Нездила Пехчинич, великолуцкий воевода 649
Нездила Станимирич, новгородский боярин 618
Нейман 303
Неофит, митрополит эфесский, 407
Нерадец, княжий дружинник, 365, 366
Неревин, воевода новгородский 435, 522, 596
Нестор, летописец 301, 753
Нестор Бориславич, дружинник 515
Нестор Жирославич, киевский боярин 716
Никита Петрович, новгородский тысяцкий 623
Никифор, византийский император 161, 313
Никифор, дружинник 369
Никифор, новгородский сотский 600
Никифор, переяславский тысяцкий 369
Никифор Тудорович, новгородец 621
Николай I, император 13
Николай, краковский паладин 580
Николай, митрополит киевский 387
Николай, польский воевода 569
Николай Александрович, сын имп. Александра II 13
Никон, патриарх 325
Нифонт, архиепископ новгородский 495
Новосильские, князья 340
Ногмов Шора Бек-Мурзин 312

Оболенские, князья 340
Оболенский В. И. 326
Оболенский М. Ю. 695
Овидий Назон 81, 279
Овстрат, новгородский боярин 609, 732
Огарев Н. П. 6
Огафья Ростиславовна, жена кн. Олега Святославича 716
Оге Петр, слуга немецкого рыцаря 642
Ода, польская королева, дочь маркграфа Дитриха 193, 194
Одоевские, князья 340
Олаф, норвежский король. См. Олоф Святой
Олбырь Шерошевич, дружинник в. кн Мстислава Изяславича 526
Олдрих, чешский князь, сын Болеслава II 195, 196, 216, 217, 357
Олеб, гость 309
Олег, воевода в. кн. Владимира I 316
Олег I, князь 68, 101, 135, 138—142, 145—151, 156, 163, 169, 170, 188, 194, 210, 221, 224, 227, 231—233, 247, 260, 276, 281, 282, 302, 305, 307—309, 313, 689, 752
Олег Владимирович, кн. рязанский, сын кн. Владимира Глебовича 592—594, 617
Олег Всеволодович, кн., сын кн. Всеволода Ольговича 558
Олег Игоревич, кн. курский, сын кн. Игоря Святославича северского 627, 663, 733, 737
Олег Настасьич. См. Олег Ярославич, кн. галицкий
Олег Святославич, кн. древлянский, брат в. кн. Владимира Святославича 163, 164, 170, 171, 173, 234, 314—316
Олег Святославич, кн., сын в. кн. Святослава Всеволодовича киевского, 448, 561, 655
Олег Святославич, кн. новг. — северский, сын кн Святослава Ольговича, 417, 448, 507, 508, 510, 511, 516, 524, 525, 527, 545, 555, 557, 558, 561, 574, 576, 627, 706, 737
Олег Святославич, кн. черниговский и тмутараканский, внук Ярослава I 277, 358—361, 363, 364, 371, 373, 376—383, 386, 391, 395, 397, 398, 401, 403, 408, 412, 416, 679, 699—702, 706, 708, 711, 737
Олег Юрьевич, кн. муромский, сын кн. Юрия Юрьевича 646
Олег Ярославич, кн. галицкий 526, 528, 564, 565, 726, 728, 736
Олекса Святославич, киевский боярин 541, 629
Олова, мать кн. Вышеслава Владимировича 203
Олоф, король шведский 215, 522
Олоф Святой, король норвежский 215, 233

Ольбег Ратиборович, сын киевского боярина 378, 410
Ольга, вел. княгиня 101, 108, 146, 153—160, 162—164, 169, 170, 175, 182, 225, 231, 234, 245, 247, 252, 253, 288, 305, 310, 312—316, 326, 327, 330, 705, 750
Ольга, дочь кн. Юрия Владимировича Долгорукого 736
Ольга, жена кн. Ярослава Галицкого 564
Ольговичи, черниговские князья 277, 284, 348, 349, 416, 420—422, 425, 430—433, 436, 441, 443, 446, 448, 450, 451, 453, 454, 456, 460, 461, 466, 469, 473, 476—478, 494, 495, 498, 504, 506, 511, 528, 531, 542, 543, 557, 563, 572—579, 583, 589, 590 592, 594, 597, 605, 607, 627, 629, 650, 651, 658—661, 668, 679, 682, 704, 707, 711, 712, 720, 722, 727, 729, 731, 735, 761
Олькса, новгородский боярин 732
Ольксинич, новгородец 732
Ольстин, рязанский боярин 630
Ольстин (Олстин) Олексич, черниговский боярин 629, 653
Онофрий, луцкий боярин 526
Орогост, киевский воевода 392, 410
Остромир, новгородский посадник 352, 368, 369
Оттон, польский князь, брат Мечислава II 216
Оттон I, германский император 192, 312
Оттон III, германский император 195, 320
Оттон Брячиславич, сын чешского князя Брячислава I 357
Охлябинины, князья 337

Пакослав, польский воевода 589
Палацкий Ф. 328, 752
Памфил, игумен 292
Парамон, новгородец 208, 209
Паук, шумский посадник 629
Пенковы, князья 337
Перенег, черниговский тысяцкий 369, 690
Петр Борисович (Бориславич) киевский боярин 498, 515, 527, 716
Петр I, император 8, 16—23, 34, 38, 45—47, 64, 67, 675
Петр III, император 28
Петр Кучкович, боярин Андрея Боголюбского 546, 547
Петрила Николаич, новгородский посадник 423, 424
Петрило Осменник, киевский боярин 494, 498, 714
Платон, митрополит 296
Плиний 279, 280
Плоскиня, воевода бродников 663
Погодин М. П. 6, 7, 11, 47, 48, 277, 303—306, 321, 327, 334, 335, 676—680, 685, 692, 693, 695, 698, 699, 709, 715, 720, 721, 729, 748, 749, 752, 753
Пожарские, князья 337
Позвизд, сын в. кн. Владимира I 204, 321
Полевой Н. А. 335
Полиевкт, византийский патриарх 157
Поликарп, игумен печерский 512, 537, 538
Полюд, боярин новгородский 732
Попель 434
Порей, дружинник кн. Ростислава Владимировича 352, 360, 369, 694
Порфирий, черниговский епископ 556, 592.
Прастены, послы в Византию 309.
Предслава 309
Предслава, дочь Владимира I 208, 212, 247.
Предслава, дочь в. кн. Святополка Изяславича 401.
Прейс П. И. 291
Пресняков А. Е. 764
Претич, русский воевода 162
Приимковы, князья 336
Приселков М. Д. 762
Прозоровские, князья 336
Прокопий, белгородский тысяцкий 410, 498, 690
Прокопий, новгородский воевода 437
Прокопий, приближенный Андрея Боголюбского 546, 547
Прокопий Кесарийский, византийский историк 96, 109, 110, 280, 285, 286
Пршемысл 131, 132
Птолемей 81, 116, 298
Пубьксарь, гость 309
Пугачев Емельян Иванович 47
Пургас, мордовский князь 648
Пуреш, мордовский князь 648
Путша, вышгородец 207
Путята, воевода в. кн Святополка Изяславича 326, 391, 392, 395, 402, 409, 410

Путята, тысяцкий 186, 187, 258, 318.
Пяст, представитель правящей династии в Польше 134
Пясты, династия польских князей и королей 134, 190, 193, 194, 274

Рагдай Удалой, богатырь 203
Рагнвальд 216, 234, 523
Рагуил, посадник ладожский 424
Рагуйло Добрынич, киевский тысяцкий 451, 452, 498, 526
Радил, вышгородский тысяцкий 527, 717
Радил, посол в. кн. Изяслава Мстиславича 498
Радим, легендарный родоначальник славян-радимичей 93
Радко, новгородец 621
Разин Степан Тимофеевич 33, 45, 287
Разумихин С. 288
Ранке Л. 9
Ратибор, киевский боярин, дружинник Владимира Мономаха 377, 378, 392, 690, 700
Ратибор, тмутараканский посадник 370
Ратиборовичи, бояре 700
Ратша, тиун в. кн. Всеволода Ольговича 441, 499, 730
Раумер Ф. 9
Редедя, касожский князь 213, 214, 245, 246, 751
Рейнберн, колобрежский епископ 196, 197
Реппель Р. 752
Ригельман А. 288
Рикса, жена польского князя Мечислава II 217
Риттер Р. 9
Роальд, гость 309
Рогволод, боярин кн. Рюрика Ростиславича полоцкого 630
Рогволод Борисович, кн. полоцкий, сын кн. Бориса Всеславича 436, 494, 517—520, 526, 527
Рогволод Всеславич, кн. полоцкий, сын кн. Всеслава Брячиславича 315, 350, 415, 706, 741
Рогнеда, полоцкая княжна, жена в. кн. Владимира I 171—173, 204, 248, 317, 322, 327, 415, 511, 695
Родион (Род), княжий муж 526
Розенкампф Г. А. 287, 326
Роман, византийский император 146, 157, 204, 326
Роман, кн. витебский 519
Роман Владимирович, кн. волынский, сын Владимира Мономаха 404, 405, 713
Роман Вячеславич, кн. василевский, сын Вячеслава Ростиславича смоленского 716
Роман Всеславич, кн. полоцкий, сын кн. Всеслава Брячиславича 741
Роман Глебович, кн. рязанский, сын кн. Глеба Ростиславича 555, 556, 558, 559, 592, 721, 724, 732, 735
Роман Игоревич, кн. рязанский, сын кн. Игоря Глебовича 593
Роман Игоревич, кн. северский, сын кн. Игоря Святославича 583—586, 737
Роман Мстиславич, кн. волынский и галицкий, сын в. кн. Мстислава Изяславича 516, 522, 528, 565, 567, 570—586, 594, 624, 648, 649, 661, 667, 687, 726, 728, 739, 759, 760
Роман Нездилович, воевода киевский 629, 652, 658
Роман Ростиславич, кн. смоленский и в. кн. киевский, сын кн. Ростислава Мстиславича 475, 478, 481, 493, 505, 507, 508, 511, 516, 518—524, 528, 540—542, 557, 558, 561, 563, 567, 595, 597, 598, 650, 687, 715, 717, 725, 730, 739
Роман Святославич, кн. тмутараканский, сын в. кн. Святослава Ярославича 360, 363, 364, 373, 737
Романовичи, князья, дети Романа Мстиславича галицкого 582, 584, 588, 624—626
Романовна, дочь кн. Романа Мстиславича волынского 726
Рорбах фон Винно, магистр ливонского ордена 633
Ростислав, князь моравский 134, 190
Ростислав, кн. пинский 628, 736
Ростислав Владимирович, кн., сын в. кн. Владимира Мстиславича смоленского 656, 659, 728, 739
Ростислав Владимирович, кн. тмутараканский, сын кн. Владимира Ярославича 350, 353, 363, 364, 369, 417, 677—679, 690—694, 727, 736
Ростислав Володаревич, кн. галицкий, сын Володаря Ростиславича 434, 709, 736

Ростислав Всеволодович, кн. переяславский, сын в. кн. Всеволода Ярославича 371, 372, 374, 375, 700, 706, 738
Ростислав Всеславич, кн. полоцкий, сын кн. Всеслава Брячиславича 415, 716, 741
Ростислав Глебович, кн., сын кн. Глеба Ольговича 737
Ростислав Глебович, кн. полоцкий, сын кн. Глеба Всеславича 494, 517—519, 737
Ростислав Иванович, кн., сын кн. Ивана Ростиславича Берладника 528, 568, 569
Ростислав Михайлович, кн. новгородский, сын кн. Михаила Всеволодовича 623
Ростислав Мстиславич, кн. смоленский и киевский, сын в. кн. Мстислава Владимировича Мономашича 129, 412—418, 430, 433, 434, 444, 448, 451, 453, 455, 457—462, 469, 473—477, 479, 481, 488—497, 500, 503, 505—513, 518—521, 523—527, 529, 541, 666, 681, 711, 714—716, 739
Ростислав Мстиславич, кн., сын в. кн. Мстислава Изяславича 736
Ростислав Рюрикович, сын кн. Рюрика Ростиславича смоленского 567, 570, 571, 576, 579, 583, 585, 589, 630, 658—660, 713, 728, 729, 739
Ростислав Святославич, кн. рязанский, сын. кн. Святослава Глебовича 732
Ростислав Юрьевич, кн. суздальский, сын кн. Юрия Долгорукого 284, 411, 427, 431, 438, 448, 456—458, 460—464, 466, 477, 525, 536, 554, 712, 740
Ростислав Ярославич, кн. муромский и рязанский, сын кн. Ярослава Святославича 436, 445, 446, 448, 449, 480, 495
Ростислав Ярославич, кн. сновский, сын кн. Ярослава Всеволодовича 728, 731, 737
Ростиславичи, князья 276, 309, 326, 364—366, 368, 383, 384, 388—390, 392, 393, 400, 522, 528, 533, 536, 540—545, 549, 550, 552, 556—561, 563, 568, 570, 589, 594, 595, 600, 604, 611, 613—615, 620, 622, 627—629, 687, 689, 698, 699, 701, 719—723, 726, 727, 759, 760, 762
Руальд, гость 309
Руальд, посол в Византию 143
Рубинштейн Н. Л. 753
Рулав, посол в Византию 143
Рыбаков Б. А. 747, 750
Рюар, посол кн. Олега 143
Рюрик I, князь 10, 11, 36, 40, 56, 58, 64, 67, 68, 72, 98, 99, 108, 125, 126, 129, 130, 135—139, 143, 145, 155, 171, 227, 276, 277, 283, 423, 522, 752
Рюрик Ростиславич, кн., сын кн. Ростислава Владимировича 365, 366, 691, 698, 736
Рюрик Ростиславич, кн. смоленский, в. кн. киевский, сын кн. Ростислава Мстиславича смоленского 502, 506, 508—510, 513, 515, 516, 518, 524, 525, 528, 539, 541—544, 559, 561—563, 567—579, 582, 583, 585, 589, 590, 595, 598, 607, 629, 630, 648, 651, 652, 655, 657—661, 682, 686, 687, 691, 698, 716, 717, 721, 726—730, 733, 739, 760
Рюриковичи, князья 56, 105, 121, 242, 243, 275, 276, 283—307, 335, 350, 755
Ряполовские, князья 337

Савельев П. С. 302, 312, 330, 331
Савенч Бонякович, половчин 476
Савка, новгородец 644
Саковский Лазарь, киевский воевода 432, 442, 498
Саксон Грамматик 296
Сахаров И. П. 287, 288, 293—295, 331
Сбыслав, новгородский боярин 732
Сбыслав Жиславич, дружинник 526
Сбыслава, дочь в. кн. Святополка Изяславича 404
Свен, посол 309
Свенельд (летоп. Свентеад), воевода в. кн. Игоря 96, 135, 150, 151, 153, 154, 168—171, 173, 228, 233, 281, 309, 313, 314
Свень, гость 309
Святополк, кн. моравский 190, 191
Святополк, кн. польский 194, 196
Святополк Владимирович Окаянный, кн. туровский 173, 196, 197, 204—206, 208—213, 219, 223, 231—234, 236, 245, 248, 258, 321, 322, 327, 351, 430, 589, 690, 692
Святополк Изяславич, в. кн., сын в. кн. Изяслава Ярославича

282, 315, 346, 348, 349, 356, 359, 360, 366, 367, 371, 372, 374—379, 382—404, 408—410, 417, 665, 689, 693, 698—704, 706, 736
Святополк Мстиславич, кн. полоцкий, сын кн. Мстислава Владимировича Мономашича 418, 419, 425—427, 434, 437, 438, 457, 469, 479, 482, 486, 487, 495, 498, 739
Святополк Юрьевич, кн. туровский, сын кн. Юрия Ярославича 510, 525, 589, 628, 736
Святослав, кн. шумский 735
Святослав, переяславский тысяцкий 690
Святослав Владимирович, кн. вщижский, сын кн. Владимира Давыдовича 492, 501, 504, 506, 510, 511, 737
Святослав Владимирович, кн. древлянский, сын в. кн. Владимира Святославича 204, 208, 321
Святослав Владимирович, кн. переяславский, сын в. кн. Владимира Всеволодовича Мономаха 377, 713
Святослав Владимирович, кн. яневский, сын кн. Владимира Мстиславича 726, 735
Святослав Всеволодович, в. кн. владимирский, сын кн. Всеволода Юрьевича суздальского 600—606, 610—613, 620, 646, 647, 711, 714, 722, 725, 726, 731, 740
Святослав Всеволодович, в. кн. киевский, сын кн. Всеволода Ольговича 327, 349, 432, 434, 436—439, 442—445, 448—451, 455, 456, 459, 474, 479—481, 488—492, 501, 503, 505—507, 510—512, 514, 516, 525, 527, 528, 542,—545, 556—558, 563, 567—569, 599, 629, 630, 645, 646, 647, 651—654, 657—659, 681, 690, 691, 721, 725, 726, 737
Святослав Всеславич, кн. полоцкий, сын Всеслава Брячиславича 415, 741
Святослав Глебович, кн. рязанский, сын кн. Глеба Ростиславича 590—592, 738
Святослав Давыдович, кн. муромский, сын кн. Давыда Георгиевича 646, 647
Святослав (Николай) Давыдович Святоша кн., сын Давыда Святославича 390, 391, 433, 702, 737
Святослав Игоревич, в. кн. 91, 153, 154, 156, 159—170, 173, 175, 188, 189, 194, 200, 202, 213, 228, 229, 233, 234, 245—249, 253, 255, 309
Святослав Игоревич, кн. северский, сын кн. Игоря Святославича северского 584—586, 737
Святослав Мстиславич, сын в. кн. Мстислава Изяславича 739
Святослав Мстиславич, кн. смоленский, сын кн. Мстислава Романовича 618—620, 739
Святослав Ольгович, кн рыльский, сын кн. Олега Святославича 316, 349, 411, 421, 422, 425—428, 430—433, 436, 437, 440—442, 444, 452, 455, 456, 458, 459, 461, 462, 473, 478, 480—482, 488, 491—494, 499—501, 503—507, 510, 512, 525—527, 533, 542, 544, 653, 654, 709, 710, 712, 714, 721, 737
Святослав Ростиславич, кн. новгородский, сын в. кн. Ростислава Мстиславича 479, 490, 496, 511, 519—523, 600, 726, 739
Святослав Юрьевич, кн., сын кн. Юрия Долгорукого 719, 740
Святослав Ярославич, в. кн. киевский, сын в. кн. Ярослава I Владимировича 348, 350—356, 358—360, 362, 363, 369—371, 393, 412, 414, 664, 690—692, 695—697, 701, 737
Святослав Ярославич, кн. муромский, сын кн. Ярослава Святославича муромского 436, 445
Святослав Ярославич, кн. северский, сын кн. Ярослава Святославича 75, 77, 412—414, 738
Святославичи, князья 71, 77, 361, 363, 366, 374, 378, 379, 383, 387, 393, 395, 396, 402, 409—411, 413, 416, 417, 419, 420, 533, 652, 665, 679, 680, 697—703, 709, 711, 727
Святохна, жена кн. Бориса Давыдовича полоцкого 734
Сдеслав Жирославич, боярин в. кн. Мстислава Мстиславича Удалого 562, 629, 660
Сдила Савинич, новгородец 621
Семен, духовник в. кн. Ростислава Мстиславича 512
Семен Борисович, новгородский посадник 619, 623

Семен Чермный, перемышльский боярин 626
Семовит, сын Пяста 134
Семьюн Емин, новгородский воевода 619
Сергеевич В. И. 682—688
Сецех, паладин 369
Сигурд Ринг, родоначальник уппсальских королей 523
Симеон, епископ 318
Симеон Логофет 301, 308
Синеус, варяжский князь 129, 135, 309
Синько, гость 309
Сисмонди Жан 8
Сицкие, князья 336
Скюлес, скифский царь 88
Славата, киевский боярин 278, 410, 700
Славн Борисович, киевский боярин 630
Слуды, посол в Византию 309
Снегирев И. М. 291, 292, 294
Сновид Изечевич, княжий конюх 386
Соллий Г. Аполлинарий Сидоний 299
Соломон, иудейский царь 176, 202
Софокл 80
Спитигнев II, чешский князь, сын Брячислава I 357
Срезневский И. И. 290, 291, 296, 307, 323, 326, 328, 334
Ставко Скордятич, воевода в. кн. Всеволода Ярославича 695
Ставр, сотский 422
Станимир Дернович, новгородский боярин 618
Станислав, краковский епископ 368
Станислав, переяславский боярин 498
Станислав Владимирович, кн. смоленский, сын в. кн. Владимира Святославича 203, 204, 321
Станислав Тукиевич, переяславский тысяцкий 410, 497, 499
Стеггиетон 309
Стемир, посол кн. Олега 142, 143
Стенкиль, шведский король 216, 523
Степан Зделович, воевода в. кн. Всеволода Юрьевича 594
Степан Твердиславич, сын новгородского посадника 609, 623
Степанец, киевский боярин 541, 629
Стефан, диакон 634
Стефан, дядя венгерского короля Стефана III 565
Стефан, проповедник 306, 484, 485
Стефан I, венгерский король 400
Стефан II, венгерский король 401
Стефан III, венгерский король 565, 566
Стефан Баторий 38, 67
Стефан Сурожский 137
Стир, гость 309
Страбон 81, 279
Страшко, новгородский боярин 438
Строганов А. П., граф 9
Стрыйковский 702, 704, 709, 728
Субут, воевода Чингисхана 661
Сугорские, князья 336
Судила Иванович, новгородский посадник 438, 495, 496
Судимир Кучебич, новгородский боярин 643, 714
Судислав, галицкий боярин 586, 587, 625, 626
Судислав Владимирович, кн., сын в. кн. Владимира I 204, 213, 215
Сухомлинов М. И. 316
Сфандра, жена посла Улеба 309
Сфирн 309

Талец, вышегородский боярец 207
Тамарь (Тамара), грузинская царица 724, 725
Татевы, князья 337
Татищев В. Н. 17, 28, 31, 175, 189, 204, 255, 276, 277, 299, 307, 308, 312, 314, 316—322, 378, 692—708, 710, 711, 713—715, 717—720, 722—724, 726, 728—733, 735, 752, 762
Тацит 81, 92, 116, 117, 280, 298, 325
Ташукан, татарский воевода 663
Твердислав Михалкович, новгородский посадник 603, 604, 608, 619, 620, 640
Телятевские князья 339
Темир, печенежский князь 320
Темкины, князья 336
Темучин (Чингисхан), монгольский хан 661
Терещенко А. В. 286, 287, 292
Тилена, гость 309
Тимей, древнегреч. историк 80
Тимофей, духовник кн. Мстислава Удалого 626
Тихомиров М. Н. 750, 757
Толстой Л. Н. 50
Торчин, черниговский боярин 392, 410
Тредиаковский В. К. 301
Третьяков П. Н. 747

Троекуровы, князья 337
Труан, посол кн. Олега 143
Трувор, варяжский князь 129, 135
Туад 309
Тугоркан, половецкий хан 376, 396, 700
Тудок 309
Тудор, тиун кн. Всеволода Ольговича 441, 499
Тукий, брат Чудина, тысяцкий 360, 497
Тукы, дружинник в. кн. Изяслава Ярославича 369
Турберн, гость 309
Турбид, гость 309
Турд 309
Туряк, волынский боярин 384, 388, 389, 410
Тюрин А. 282, 286, 316

Уваров С. С. 12
Угоняй, новгородский тысяцкий 186
Улан, отрок кн. Давыда Игоревича 410
Улеб 216
Улеб, боярин в. кн. Изяслава Мстиславича 442, 450, 497, 498
Улеб, посол в Византию 309
Улфила, готский епископ 230
Ульф, сын Рагнвальда 215, 216
Урланис Б. 747
Урусоба, половецкий хан 397
Успенский П. 301
Ута 309
Ухтомские, князья 336
Ушатые, князья 336

Фарлоф, русский посол 142, 143
Фаст 309
Федор, епископ белгородский 456
Федор, епископ ростовский 256
Федор, митрополит киевский 716
Федор, новгородский посадник 649
Федор Данилович, боярин черниговский 621, 622
Федор Иванович, царь 36, 38, 43, 299
Федор Лазутинич, боярин 732
Федор Ярославич, кн. переяславский 621, 624
Феодора, дочь кн. Романа волынского 736
Феодорих, аббат 631, 633
Феодорих, зять кн. Владимира Мстиславича 640
Феодосий, игумен Киево-Печерского монастыря 246, 259, 262, 332, 333, 396, 401, 456
Феодул, игумен 548, 549
Феопемпт, митрополит киевский 220
Феофан, визант. летописец 326
Феофан, протовестиарий 146
Феофилакт, архимандрит 288
Филарет, архиепископ смоленский 331
Филипп, галицкий боярин 586, 587
Филипп II, царь македонский 80, 678
Филя, венгерский воевода 624, 625
Фив 184
Фойгт 299
Фома, новгородец 600
Фома Добрышинич, новоторжский посадник 732
Фома Лазкович, суздальский боярин 629, 645
Фома Ратиборович, воевода Владимира Мономаха 405, 407, 410
Фост 309
Фотий, патриарх 301
Фрастен, гость 308
Фредегельм, предводитель немецких рыцарей 641
Фрелаф, посол кн. Олега 143
Френ К. 299—302
Фридрих, предводитель немецких рыцарей 641
Фридрих Барбаросса, император 569
Фрутан, гость 309
Фудри, посол в Византию 309
Фурстен, гость 309

Хворостинины, князья 337
Хиздай Рабби 316
Хилковы, князья 336
Ходаковский З. 277, 294, 696, 697
Холмские, князья 339
Хорив, князь 94, 136, 307
Хотовичи, Григорий и Константин, бояре 527, 629, 720
Христофор, сын новгородского тысяцкого 609, 732

Чегиркан, татарский воевода 663
Чернышевский Н. Г. 49, 754
Чертков А. Д. 313
Чивилев А. И. 12
Чичерин Б. Н. 754
Чудин, боярин в. кн. Изяслава Ярославича 360, 369, 410, 497
Чурнай, торкский князь 658
Чурыня, киевский боярин 630

Шафарик П И. 280, 281, 298, 299, 304
Шахматов А. А. 752
Шаховские, князья 337
Шварн, воевода в кн Изяслава Мстиславича 474, 498, 524, 525, 527, 717
Шевырев С. П. 6, 12, 293, 332
Шелешпанские, князья 337
Шеллинг Ф В 9
Шестуновы, князья 336
Шибрид, посол в Византию 309
Ширский К 287
Шихберн, посол в Византию 309
Шлецер А -Л. 14, 18, 303, 312
Шлоссер Ф.-К. 9, 10
Шульгин В. Я. 286, 288

Щекатов А. 319
Щепины, князья 336
Щербатые, князья 340
Щетинины, князья 337

Эверс И Ф. Г. 9, 11, 311, 315
Эврипид 80
Эйлиф, сын Рагнвальда 215, 216
Эймунд, скандинавский герой 213, 215
Экберт, брат венгерской королевы Гертруды 588
Эмерих, венгерский король, сын Белы III 582
Эмих, гость 309
Энгельс Ф 747
Эратосфен, древнегреч. географ 80
Эрих, упсальский король 215, 523
Эрих Святой, шведский король 523
Эсхил 80

Юлий Цезарь 80, 132
Юнгман И. 285
Юрий, князь несвижский 735
Юрий, ростовский тысяцкий 499
Юрий, черниговский тысяцкий 510
Юрий Андреевич, кн., сын Андрея Боголюбского 542, 552, 557, 596, 723—725, 740
Юрий Витанович, галицкий боярин 586
Юрий (Георгий) Владимирович Долгорукий, в. князь 75, 277, 294, 318, 408, 411, 412, 418—420, 423, 424, 427—429, 431, 434, 436—438, 443—446, 448—451, 455—485, 487, 489—502, 505, 512, 515, 517, 526, 529, 533—536, 549, 551, 552, 554, 563, 571, 578, 581, 630, 665, 666, 669, 678, 680, 685, 686, 705, 707, 709, 711—714, 716, 718, 733, 737, 740, 754, 759, 763
Юрий Всеволодович, кн. суздальский, сын в. кн. Всеволода Юрьевича 74, 75, 529, 590—593, 604, 606, 612—621, 624, 627, 629, 646, 647, 730, 732, 757, 760
Юрий Данилович, кн. псковский 76
Юрий Жирославич, новгородец 425
Юрий Иванкович, новгородский посадник 609, 618
Юрий Кончакович, половецкий хан 661
Юрий Нестерович, киевский воевода 526
Юрий Прокопьич, киевский боярин 443, 498
Юрий Юрьевич, кн. муромский, сын кн. Юрия Владимировича 523
Юрий Ярославич, кн. туровский, сын кн. Ярослава Святополковича 463, 464, 628, 736
Юркевич И. 294, 295
Юрьевичи, князья 464, 474, 528, 536, 537, 541, 544, 545, 549, 550, 552, 555, 668, 718, 723, 760

Яволод, галицкий боярин 587, 611
Яволод, смоленский боярин 630
Ягайло (Ягелло), в. кн. литовский, сын Ольгерда Гедиминовича 57
Ядрей, новгородский воевода 643
Языков Д. И. 299
Яким Иванович, новгородский боярин 621
Яким Кучкович, владимирский боярин 546
Яков, суздальский боярин 629
Яков Дигеневич, киевский боярин 716
Яков Прокшинич, новгородский боярин 644
Якун, киевский воевода 526
Якун, переяславский тиун 621, 622
Якун, предводитель варяжской дружины 214, 323
Якун Зуболомич, боярин 732
Якун Мирославич, новгородский посадник 425, 437, 438, 496, 520, 522, 595, 596, 604
Якун Намнежич, новгородский тысяцкий 609, 619, 732
Якунич, новгородский посадник 608
Ян, дружинник 375

Ян, старец 310
Ян Вышатич, киевский боярин 232, 369, 409, 410, 693
Ян Усмович (Усмошвец), богатырь 202, 203, 246, 247, 250
Яромир Болеславич, чешский князь 195, 196, 357
Ярополк, брат галицкого боярина Владислава 587
Ярополк Владимирович, в. кн. киевский, сын Владимира Мономаха 277, 278, 395, 397, 403, 408, 411—422, 424, 427, 428, 436, 440, 497, 679, 706—708, 713, 738
Ярополк Изяславич, кн. бужский, сын в. кн. Изяслава Мстиславича 524, 525, 739
Ярополк Изяславич, кн. волынский и вышегородский, сын кн. Изяслава Ярославича 360, 361, 363—366, 374, 384, 386, 390, 417, 461, 508, 691, 693, 698, 701, 732, 736
Ярополк Мстиславич, кн. поросский, сын в. кн. Мстислава Владимировича 739
Ярополк Романович, кн. смоленский, сын кн. Романа Ростиславича 725, 730, 739
Ярополк Ростиславич, кн. владимирский, сын Ростислава Юрьевича 541—543, 549—553, 556, 560, 561, 576, 596, 599, 698, 722—725, 731, 740
Ярополк Святославич, в кн. киевский, сын в кн. Святослава Игоревича 163, 164, 168—178, 203, 206, 233, 234, 245, 313—315, 705
Ярополк Юрьевич, кн. пинский, сын кн. Юрия Ярославича 736
Ярополк Ярославич, кн новгородский, сын в. кн. Ярослава Всеволодовича 601, 731
Ярослав I Владимирович (Мудрый) 31, 37, 39, 68, 136, 140, 173, 178, 200, 203, 204, 207—221, 223, 232—239, 244, 245, 247, 250, 256, 257, 260, 273, 275—277, 287, 302, 306, 307, 315, 317, 321—324, 329, 330, 334, 335, 343, 344, 348, 350, 351, 353, 357, 362, 369, 371, 376, 383, 391, 393, 407, 411, 415, 417, 420, 426, 440, 519, 522, 529, 532, 573, 590, 599—601, 622, 664, 665, 677, 678, 687, 688, 690—692, 697, 699, 727, 745, 751, 754—757
Ярослав Владимирович Осмомысл, кн галицкий 486, 487, 491, 493, 494, 500, 502, 503, 513, 517, 528, 543, 561, 564, 565, 713, 726, 736, 759
Ярослав Владимирович, кн. новгородский, сын кн. Владимира Мстиславича 739
Ярослав Всеволодович, кн. переяславский, сын в. кн. Всеволода Юрьевича 583, 589, 593, 594, 604, 606, 607, 609—617, 619, 621—624, 627, 640—643, 646—648, 730—733, 737, 740, 760
Ярослав Всеволодович, кн. черниговский, сын в. кн. Всеволода Ольговича 507, 510, 511, 524, 525, 558, 560—563, 572—577, 649, 651—653, 690, 725
Ярослав Изяславич, в. кн. киевский, сын в кн. Изяслава Мстиславича 444, 457, 473, 491, 492, 495—497, 501, 503, 506, 508, 513, 516, 522, 524, 525, 528, 537—540, 543—545, 557, 561, 628, 714, 721, 722, 739
Ярослав Ингваревич, кн. луцкий, сын кн. Ингваря Ярославича 628, 721, 735, 739
Ярослав Мстиславич, кн. новгородский, сын кн. Мстислава Юрьевича 538, 554, 557, 577, 596, 597, 740
Ярослав Святополкович, кн. владимироволынский, сын в. кн. Святополка Изяславича 390, 391—395, 403—407, 436, 464, 665, 689, 690, 703—706, 736
Ярослав Святославич, кн. муромский, сын в. кн. Святослава Ярославича 77, 276, 360, 380, 381, 383 400, 412, 413, 415, 417, 418, 420, 436, 699, 703, 737
Ярослав Юрьевич, кн., сын в. кн Юрия Долгорукого 523, 719, 740
Ярослав Ярополкович, кн., сын в кн. Ярополка Изяславича 371, 394, 395, 704, 706, 736
Ярославичи, князья 69, 108, 163, 164, 344, 350, 351, 353—358, 360—362, 367—369, 383, 394, 395, 403, 409, 414, 430, 446, 494, 666, 693, 694, 700, 701
Ярун, воевода кн. Мстислава Мстиславича Удалого 527, 610, 611, 663
Ясыня, жена кн Мстислава Святославича 737
Ятвяг, посол в Византию 309

Bandtkie S. 325
Beauplane G. 287
Boeck A. 279

Charmoy F. 312
Constantinus Porphyrogenitus, 280, 297, 308, 325
Creuzer G. 296
Cyprien R. 285

Dlugosz J. 289, 291
Dobrowsky J. 290
Dorn D. 301
Duncker M. 289, 290, 294
Du Cange 325

Ewers J. 303, 311, 318

Fraehn Ch. 299—302, 330

Gall Anonym 325
Gaupp E. 325
Geijer E. 298, 323
Grimme J. 292
Grote G. 279

Helmold 285, 286
Herberstein S. 332

Jungmann 285

Klaproth M. 299
Koeppen P. 302
Kraszewski 294
Krug Ph. J. 301
Kruse F. 298
Kunik A. 299, 323

Lappenberg I. M. 299
Lenormant F. 289, 298
Leo Diaconus 297, 313, 329
Liudprand 300, 309
Lowmianski H. 747, 748

Maciejowski A. 295, 332, 333
Martin Gall 325
Miklošich F. 287, 296, 297
Mone F. 290
Müller P. 328

Narbutt T. 299

Palacky Fr. 319, 320, 328

Roepell R. 320, 322, 705

Saxo Grammaticus 296
Schott 735
Schwandther J. 325
Simeon Magister 301
Sjögren J. 298, 323, 706
Strinnholm A. 328
Stritter J. 288, 299, 308—310, 312, 319, 325

Ukert F. A. 278, 279

Voigt J. 299
Weinhold K. 329
Wuk Steph. Karadschitsch 285

Zonaras J. 301, 308, 313

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ И ЭТНИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Авары (обры), нар. 108, 122, 123, 131, 134
Августовская губерния 710
Авдова гора, урочище 613
Авхаты, скифское племя 83
Агатирсы, нар. 84
Агняне. См. Англичане
Адербайджан 152
Адербайджанская обл. 151
Азия 10, 16, 25, 35, 40, 58, 61—64, 74, 77, 80, 84, 90, 91, 121, 123, 181, 233, 246, 254, 271, 272, 330, 331, 746
Азов, г. 33
Азовское море 80, 92, 121, 136, 152, 253, 301, 313, 363
Аланы, нар. 87, 88, 121, 122
Альдейгаборг, г. 215
Альта, р. 206, 207, 213, 354, 481
Амастрида 307
Америка 335
Англичане (агняне, англо-саксы) 124, 180, 300
Англия 25, 124, 125, 300, 333
Андрофаги, нар. 86, 116
Анты, нар. 92, 96, 122
Арабский халифат 151
Арабы 126, 136, 151, 161, 249, 255, 329
Аракс, р. 84
Арийцы 289, 294
Аримаспы, нар. 80, 84
Арран (Карабах) 151
Ассирия 25
Астрахань, г. 38, 74, 253
Атлантический океан 123
Атмоны (племя бастарнов), нар. 87
Атыхейцы (адыге) 312
Афины, г. 279, 678
Афон 258
Африка 87

Бавария 195
Балтийское море 60, 66, 118, 120, 123—125, 134, 136—138, 195, 215, 251, 269, 270, 274, 300
Бастарны (сидоны), нар. 81, 87
Бежецк, г. 65
Белая Вежа (Саркел, Серкель), хозарский город и крепость 161, 253, 459, 711
Белая Россия (Белая Русь, Белоруссия) 71, 73, 294
Белгород, г. 176, 198, 236, 260, 277, 301, 319, 354, 355, 385, 405, 432, 462, 470, 471, 476, 504, 505, 508—510, 539, 541, 543, 544, 558, 561, 562, 570, 589, 594, 693, 706, 709, 713, 715, 716, 718, 721, 629
Белгородка, с. 700, 715
Белицкий уезд 709
Беличи (Буличь), с. 715
Белобережье, г 148, 168, 169, 236
Белозерская область 694
Белоозеро (Белозерск) 72, 73, 129, 236, 351, 693
Белое море 60
Белоруссия. См. Белая Россия
Белчица, мст. 518
Белый камень, г. 709
Бельгия 9
Бельз, г. 217, 323, 468, 567, 586, 587, 729
Бельзская волость 567, 625, 729
Бердаа, г. 151, 152

Бердичевский уезд 710
Бережанский округ 709
Березина, р. 699, 706
Березинский канал 68
Берендеи, нар. 383, 388, 398, 408, 422, 442, 445, 454, 458, 466, 469, 475, 479, 493, 497, 504—506, 508, 509, 514, 538, 543, 583, 650, 651, 715
Берестечко, мст. 701
Берестово, с. 176, 205, 248, 259, 356, 396, 475, 690
Берлад, г. 137, 445, 542, 644
Бессарабия 87, 281
Бессарабская область 96, 281
Бобер, р. (в Силезии) 134
Бобр, р. 134, 710
Боброк, р. 588
Богемия 193, 195, 196, 206, 207, 212, 213, 241, 357, 462
Боголюбово, княжеское село 546—548, 647
Богуслав, г. 570
Бодричи (ободриты), слав. племя 132, 133
Божек (Бужек), р. 711
Болгария Дунайская (Мизия) 81, 91, 123, 133, 134, 147, 153, 161, 165, 167, 168, 173, 187—189, 202, 252, 253, 280, 313, 318
Болгары дунайские 137, 146, 148, 153, 161, 163, 165, 167, 169, 187, 189, 190, 255, 276, 305, 318, 350, 353, 383, 388
Болгары волго-камские (волжские, серебряные, булгары) 74, 151, 161, 189, 190, 253—255, 299, 318, 329, 330, 408, 500, 523, 529, 548, 645—647, 699, 730, 763
Болгары (Болгар), город волго-камской Болгарии 161
Большая Голтова, р. 700
Большово, с. 485
Борзна, р. 711
Борзнинский уезд 711
Борисов, г. 414
Борисфен. См. Днепр
Борщаговка, р. 700, 715
Босфорское царство 89
Бохмач, г. 711
Брагин (летоп. Брягинь), мст. 711
Брест (Берестье), г. 211, 213, 217, 389, 394, 432, 433, 437, 486, 493, 513, 585, 628, 649, 695
Британия 180, 299
Броды, г. 364, 726
Бронницкий уезд 116
Брянск (летоп. Дьбрянск) 709, 710
Бряхимов, г. 523
Буг Западный, р. 71, 93, 95, 120, 134, 193, 212, 280, 321, 322, 585, 696, 701, 702, 709—711, 729
Буг Южный (Гиппанис), р. 88
Будутино (Будутина весь), с. 313
Будины, нар. 84, 86
Буджак (Угол), обл. 281
Бужане. См. Дулебы
Бужск, г. 388, 392, 457, 701, 702, 711, 714
Буртасы нар. 331. См. также Мордва

Вабия, остров 301
Вавилон 25
Вавилония 715
Вагр, р. 390, 391
Вазуза, р. 611
Валахия 87
Валдайские возвышенности 277
Валлис (Pays des gals) 124
Валпуша, р. 120
Варна, г. 219
Варта, р. 134
Варяги (норманны, скандинавы) 64, 68, 72, 117, 123—126, 129, 130, 135, 138, 140, 141, 143, 146, 149, 159, 171—174, 176, 177, 179, 182, 207—211, 214, 219, 231, 233, 248, 250, 251, 273—275, 288, 299—305, 306, 311, 323, 326, 327, 333, 334, 457, 684, 686, 705, 730, 749
Василев (летоп. Васильев), г. 198, 201, 236, 259, 315, 504, 516, 519, 537, 660, 707, 708, 716
Велиж, г. 72
Великая Россия (Великороссия) 71, 72
Великая Скуфь 95
Великие Луки (Луки), г. 254, 511, 521, 598, 601, 731
Великий, город волго-камских болгар 645, 647
«Великий водный путь из Варяг в Греки» 63, 64, 67, 68, 70, 136, 138, 140, 185, 251, 270, 272, 310
Венгрия (венгерская земля, венгерское государство) 87, 91, 123, 208, 252, 357, 358, 371, 390, 400, 405, 482, 492, 540, 565—567, 582, 588, 624—627, 667, 669, 694, 726, 729, 763
Венгры 149, 167, 190—192, 197, 212, 276, 390, 391, 399, 400, 406, 435, 454, 455, 462, 463, 468—470, 472, 479, 483, 528, 566, 568, 569
Венден (Кесь), г. 640, 643

Венеды, нар. 81, 92, 121
Венециане (летоп. веньдици) 124
Верещин, мст. 729
Весь, нар. 116, 121, 127, 129, 138, 255, 302, 305, 747
Весьегонское (Весьегонск), с. 276
Вета, р. 702
Вздвиженск (Вздвиженское), г. 386, 470
Византийцы. См. Греки
Византия (Византийская, Греческая, Восточно-Римская империя) 56, 131, 133, 134, 137, 138, 143, 146, 158, 167, 191, 200, 212, 250, 255, 256, 258, 270, 271, 299, 318, 322, 333, 407, 669
Визна, г. 439, 710
Винница, г. 710
Винницкий повет 696, 698
Висла, р. 69, 71, 92, 218, 279, 581
Вислока, р. 134, 194
Витебск, г. 68, 215, 276, 519, 574, 716, 726, 727
Витебская губерния 69, 286, 706
Витичев, г. 236, 391, 392, 558. См. также Уветичи
Владимир (на Клязьме), г. 37, 75, 303, 317, 517, 528—531, 535, 536, 546, 548—554, 559, 561, 570, 591—597, 601—604, 606, 607, 612—617, 619, 647, 684, 687, 718, 719, 722, 723, 757, 759, 761, 762
Владимир Волынский, г. 236, 260, 317, 351, 352, 360, 363—366, 385—394, 404, 406, 407, 412, 420, 431, 433, 444, 457, 462, 463, 467, 468, 476, 482, 484, 486, 493, 498, 503, 508, 513, 516, 524, 539, 567, 573—576, 583—585, 588, 589, 624, 628, 667, 691—694, 698, 701, 702, 713, 715, 718, 729
Владимирская область 732
Владимиро-Волынская область 71
Владимирский повет 701
Владимирская земля 613, 649. См. также Владимиро-Волынское княжество
Владимиро-Суздальская Русь (земля) 671, 755, 758
Влена, р. 560
Влтава, р. 131. См. также Молдова
Водь, нар. 355
Воин (Войницы), мст. 363, 398, 695
Воинская Гребля, с. 695
Волга, р. 38, 61, 64, 71—77, 88, 93, 122, 123, 127, 149, 151, 161, 187, 190, 207, 253, 254, 276, 277, 311, 312, 329, 330, 408, 416, 457—459, 480, 521, 554, 560, 610, 611, 616, 644—647, 699, 702, 746, 763
Волжская область 72, 77
Вологда, г. 277
Воложки, с. 701. См также Всеволожь
Волок (Волок Ламский, Волоколамск) 65, 276, 596, 597, 601, 607, 612, 616, 623, 643, 644, 697
Волохи (летоп. волхва, волхи), нар. 92, 94, 124, 279
Волошская земля (Валахия) 124
Волхов, р. 63, 64, 129, 130, 136, 186, 305, 424, 621, 623, 643, 735
Волынская волость 679, 735
Волынская губерния 698, 701, 702, 713, 714
Волынская земля 759, 760
Волынская область 95, 668
Волынское княжество (Волынь) 70—72, 317, 348, 359, 364, 366, 383, 387, 390, 393, 403, 404, 407, 412, 420
Волынь 431, 444, 463, 468, 471, 491, 492, 503, 510, 512, 513, 526, 530, 539, 564, 567, 624, 666, 667, 669, 715. См. также Владимиро-Волынское княжество
Волыняне. См. Дулебы
Ворона, р. 710
Воронай (Вороновка, Воронега), р. 523, 717
Воронеж, г. 278, 556
Воронеж, р. 278
Воротынск, г. 492
Ворскла, р. 278, 398, 650
Воршины села 709
Восток 7, 14, 61, 90, 135, 158, 191, 246, 253, 271, 307, 330, 763
Восточная Европа 28, 37, 38, 40, 69, 130, 132, 276
Восточная империя. См. Византия
Восточная Русь 66, 671
Восточно-Европейская равнина 746, 747
Восточный океан 74
Вотская пятина 301, 497, 696
Вратиславская (Бреславская) земля 218
Всеволожь, г. 387, 388, 453, 701
Вщиж, г. 433, 492, 506, 511, 709
Выгошев, г. 702
Выжва, мст. 702
Выжовка, д. 702
Вырь, р. 276, 413, 453, 508, 706
Вычегда, р. 322
Вышгород (Вышегород), г. 155, 176, 207, 208, 236, 310, 315,

326, 360, 421, 425, 428, 440, 441, 462, 465—467, 475, 478, 491, 499, 504, 505, 508, 513, 514, 516, 535—539, 541, 543, 544, 549, 554, 560, 562, 570, 589, 608, 691, 693, 707, 717, 718, 721, 722
Вышеград, г. 131
Вьяхань, г. 453
Вятка, р. 644
Вятичи 93—95, 101, 104, 108, 116, 119, 120, 123, 127, 153—187, 188, 200, 276, 301, 432, 447—449, 457—459, 505, 506, 576, 648, 724, 735

Галиндия, литовская обл. 120, 299
Галиция 93, 701, 709, 729
Галицкая волость 348, 414, 531, 532, 586, 588, 665, 757
Галицкая земля (Галицкая Русь) 193, 268, 484, 487, 564, 565, 613, 755
Галицкая область 503, 578, 668
Галицкое княжество (Галич) 71, 72, 365, 581, 585, 626, 667
Галицко-Волынская Русь 759
Галич (Южный), г. 71, 435, 440, 466—468, 471, 476, 482, 484—486, 493, 502—504, 528, 540, 543, 563—569, 576—589, 605, 607, 613, 618, 624, 625, 627, 667, 709, 726, 729, 733, 758, 759, 762
Галичане, жители Валлиса 124
Галлия 87
Гам (Гемь), нар. 322. См. Ямь
Гейдельберг, г. 9
Гелоны, нар. 84, 86
Германская Империя (Германия) 9, 87, 95, 191—195, 218, 332, 439, 631, 635
Германцы (германские племена) 8, 88, 91, 92, 97, 108, 116, 118, 119, 125, 126, 130—132, 270, 274, 300, 327. См. также немцы
Герсик, г. и кн-во 633, 636—640
Герулы, нар. 121
Геты, нар. 80, 81, 88
Гжатский уезд 368
Гзень, мст. 696
Гипанис. См. Буг Южный
Гипербореи, нар. 80, 84, 117
Глебль, г. 453
Гнедино, с. 707
Гнезно, мст. 134, 195
Гнойница, г. 714
Гойна, р. 699, 706
Гологоры, мст. 710
Голотическ, г. 356, 696
Голтва (Голтова Большая), р. 398, 700
Голтва, мст. 700
Голтвы, рр. 700
Голые горы, мст. 709
Голышев, с. 714
Гольм, феод. владение (замок) 631—634
Голядь (голяды), лит. племя 118—120, 368, 448, 699
Гомий, мст. 709. См. также Гомель
Городен, г. 414, 517
Городенская волость 531, 665, 758
Городец Волжский 554
Городец Остерский (Юрьев, городок на Остре) 214, 236, 322, 361, 386, 419, 433, 454, 456, 465, 466, 471—473, 478, 480, 482, 514, 536, 577, 629, 647, 707, 709, 712
Городище (в Новгороде) 620
Городно, мст. 706
Горынь, р. 431, 465, 467—469, 514, 698, 714, 726
Готланд, остров 631
Готы 87, 121, 122, 124, 125, 271
Греки (византийцы, греки понтийские) 79, 80, 82, 83, 95—97, 102, 122, 123, 126, 135, 137, 141—144, 146—148, 150, 153, 158, 160, 165, 167—170, 177, 179, 180, 182—184, 190, 199, 200, 219, 220, 228, 231, 233, 246, 252, 255, 260, 270, 272, 280, 299, 300, 304, 307, 308, 313, 315, 322, 323, 327, 352, 371, 399, 407, 524, 678
Греция (Греческая земля), Византия 66, 94, 108, 136, 137, 139, 140, 142, 144, 148, 153, 159, 170, 176, 177, 179, 182, 183, 191, 250, 252, 280, 281, 286, 306, 307, 315, 335, 355, 524, 536, 706. См. также Византия
Греция (Эллада) 25, 82, 84, 85, 87
Греческие колонии 82
Грифы, нар. 80, 84
Гродненская губерния 702, 709
Грубешово, мст. 729
Грузия 557, 725
Гунва (Гуква?), р. 711, 715
Гунния 122
Гунны 87, 88, 121, 122, 134, 271
Гюлэя, припонтийская область 84

Даки, нар. 81
Дален, г. 630
Дания 405
Датчане 300

Дверен (Дерновый) г., 441, 659, 710
Двинская область 62, 67, 68, 496. См. также Полоцкая обл.
Демьянский уезд 735
Дербент, г. 312
Деревская земля. См. Древлянская земля
Деренковец, с. 710
Дерптский уезд 416
Десна, р. 71, 72, 76, 77, 93, 95, 140, 157, 199, 210, 276, 283, 293, 310, 421, 422, 433, 443, 454, 455, 473, 479, 492, 506, 654, 695, 707
Десницкая область 77
Десятинная церковь в Киеве, 205, 332
Дзурош, р. 702
Дмитров, г. 607
Днепр (Борисфен), р. 61, 63, 64, 66, 68, 70—72, 76, 77, 80, 82—84, 87, 92—96, 117, 123, 136, 137, 139—141, 145, 148, 149, 151, 157, 162—164, 169, 184, 185, 187, 194, 205, 210, 214, 224, 246, 251, 252, 258, 268, 277—280, 309, 310, 349, 351, 353, 383, 387, 395—398, 414, 418, 419, 421, 430, 432, 444, 446, 449, 450, 454, 455, 458, 460, 461, 466, 473—475, 478, 488—490, 492, 494, 500, 504, 508, 510, 511, 514, 524, 525, 543, 544, 557—560, 562, 563, 570, 577, 578, 582, 608, 628, 638, 649—652, 655, 657—659, 665—666, 695, 697, 699, 703, 704, 707, 713, 717, 722, 727, 731, 735, 746, 754, 755, 757
Днепровская (Южнорусская) область (Днепровье) 67, 68, 70, 71, 77, 351, 494
Днестр, р. 71, 72, 93, 95, 96, 280, 702
Добрый Сот, с. 593
Долобск, г. 396
Долобское озеро 396, 474, 562
Дон (Танаис), р. 61, 77, 81—83, 87, 121—123, 127, 151, 161, 246, 253, 278, 287, 398, 408, 410, 416, 480, 653, 655, 660, 661, 735
Донец, г. 656
Донец, р. 653, 656
Дорогобуж, г. 364, 389, 467, 469, 475, 479, 482, 493, 501, 514, 515, 537—539, 714
Дорогожич (Дорогожичи), мст. 173, 314
Доростол, г. 166, 293, 407
Древляне 94, 95, 101, 137, 141, 146, 150, 153—156, 164, 225, 245, 250, 252, 253, 305, 309, 310, 325, 326
Древлянская волость 163
Древлянская (Деревская) земля 101, 153, 156, 157, 163, 205, 281, 310
Дреговичи 68, 93, 101, 250, 276, 279, 306, 444, 462, 648
Дрогичин, г. 432, 433
Друть, р. 562
Друцк (летоп. Дрьютьск), г и мст. 403, 414, 517—519, 561, 562, 694, 699, 706, 727
Друча, р. 175, 706
Дубенский повет 701, 713
Дубна, р. 424, 611, 708
Дубно, г. 392, 464, 702
Дубровица, турово-пинская волость 735
Дубровно (Дубровка), погост 708
Дулебы (бужане, волыняне) 93—95, 122, 141
Дунай, р. 40, 80—82, 87, 91—96, 131, 134, 146, 150, 167, 192, 195, 219, 248, 268, 278—280, 288, 314, 407, 410, 435, 564, 658, 719

Европа 10, 13, 20, 23, 25, 35, 62—64, 66, 74, 82, 84, 86, 89, 90, 123, 130, 131, 158, 163, 218, 233, 245, 246, 251, 252, 254, 271, 330, 331, 669, 746, 755
Европа Восточная. См. Восточная Европа
Европа Западная. См. Западная Европа
Европа Северная 250, 270, 272
Европа Северо-Восточная 63, 130, 272
Европа Северо-Западная 63, 70, 669
Европа Юго-Восточная 660
Египет 25, 289
Елец, г. 278
Ерел, р. 651

Жданова гора 424, 425
Желань, р. 376, 707
Желн (Желна, Желнь), г. 67, 403
Жиляне, с. 700, 715
Житомир, г. 715
Житомирский уезд 711
Жовлин (Жолнин), мст. 704

Завихвост, г. 581
Заволоцкая земля 644
Заволоцкая чудь 65

Загорье, с. 552
Заолешинский путь 717
Западная Двина, р. 63—65, 67—69, 71, 76, 93, 135, 252, 518, 519, 630—639, 668, 727, 733
Западная Европа (Запад) 15, 16, 25, 42, 43, 46, 61, 63, 90, 91, 130, 132, 158, 191, 193, 246, 271, 299, 343, 359, 669, 760, 764
Западнодвинская область 67
Заречье (в Новгороде) 618
Заречск, г. 398
Заруб, г. 398, 478
Заруб, с. 512
Зарубский брод 474, 498
Заручайная (Сухомлинская) Криница (родник Ярославов) 294
Звенигород (галицкий), г. 365, 366, 434, 435, 467, 499, 585, 586, 625, 626, 698, 699, 709, 710
Здвижь, р. 701
Здвишка, д. 701
Земигола, нар. 124, 703
Золотоноша, р. 735
Золотоношский уезд 695, 704
Золотча, 396, 474
Золочев, г. 726
Золочевский округ 701, 709
Зубцов, г. 611

Игорево, сельцо 446
Иерусалим, г. 268, 315
Изборск, г. 95, 129, 236
Изборская область 65
Изсад, с. (в Новг. земле) 735
Изяславль, г. 173, 414, 518, 519
Ильмень, озеро 63—65, 93, 136, 306
Иллирия 134
Ингерманландия 124
Инжиров Брод 651
Иран 25
Испания 87
Испанцы 334
Искоростень. См. Коростень
Искорость, мст. 310
Италия 80, 87, 151
Итиль, г. 123, 151, 161, 253, 312
Ишня, р. 606, 607

Кавказ 408
Казань, г. 38, 74
Казеран, г. 161
Калка, р. 663, 733
Кама, р. 277, 646, 647
Каменец, г. 587, 588
Канев, г. 462, 466, 497, 510, 515, 524, 525, 570, 769
Капич, мст. 173
Карабах 151
Карань, дер. 709
Карелия, карелы 215, 763
Карпатские горы (Карпаты) 134, 192, 208, 583, 587, 626
Карфаген, г. 678
Касимов, г. 729
Касоги, нар. 161, 214, 233, 312, 352
Каспийское море 60, 61, 122, 151, 661
Катиары, скифское племя 83
Кафа, г. 704
Киев (Куява), г. 37, 39, 71, 72, 93, 94, 99—101, 108, 117, 135—140, 142, 143, 146, 147, 149, 153—155, 159, 162—164, 167, 168, 170, 172—179, 181, 182, 187, 199, 200, 201, 205, 207, 209, 212—215, 219, 224, 225, 231, 233, 246, 248, 250—252, 255, 258—260, 262, 265, 267—269, 283, 290, 296, 303, 305, 306, 309, 312, 314—318, 320—323, 328, 332, 333, 344, 348—351, 353, 354, 356, 358, 359, 361, 364, 365, 367, 369—372, 374, 375, 379, 383, 384, 387, 390, 391, 393—396, 399, 401, 403, 404, 406, 408—413, 416—420, 422—424, 428, 429, 431—437, 440—446, 448, 450, 454—463, 465, 467, 469—477, 479—481, 484, 487—491, 493, 496—502, 504—520, 522—544, 545, 549, 557, 558, 560—564, 568—571, 573, 577—579, 583, 585, 589, 590, 595, 599, 608, 613, 627—630, 649, 651, 652, 655, 656, 658, 659, 661, 664, 666, 668—670, 678—682, 687, 689—691, 693—696, 698, 700, 703, 706—708, 710, 713, 715—718, 720—722, 727, 728, 730, 733, 735, 754—762
Киевец, г. 94, 268
Киево-Печерский монастырь 398
Киевская волость 163, 406, 422, 432, 501, 503, 699
Киевская губерния 71, 701, 710
Киевская земля 367, 562, 564, 762
Киевская область (Киевщина) 77, 421, 578, 670, 693, 722, 757, 761
Киевский уезд 700
Киевское княжество 390, 649, 693, 710
Килийское устье Дуная 313
Киммерияне, нар. 80, 84, 85
Китай 24

Клецк, г. 407, 414, 432, 433
Клин, г. 416
Клов, мст. 475
Ключ-город (Орешек, Шлиссельбург), г. и крепость 64
Клязьма, р. 75, 317, 380, 616
Кобеляцкий уезд 700
Кобрин, г. 69
Кобринский уезд 709
Ковель, г. 701
Ковельский уезд 701, 702
Козарское царство 89, 123, 180
Козары (хозары) 108, 122, 123, 127, 136, 141, 149, 151, 153, 161, 214, 225, 227, 233, 253, 300, 334, 363, 364, 704
Козельск, г. 446, 482, 495, 711
Колакша (Колакча) р. 381, 555
Коломенское, с. 33
Коломна, г. 76, 555, 559, 591—593, 602
Колывань (Ревель), г. 640, 643
Комовь (Кумов), г. 729
Конотопский уезд 711
Константинов (Кснятин), г. 611
Константинополь (Царьград) 94, 134—137, 141—143, 145—147, 155—160, 166, 167, 176, 182, 185—187, 219, 250, 252, 253, 268, 308, 311, 315, 318, 330, 363, 415, 457, 505, 526, 548, 566, 611, 719, 725
Копаново, с. 729
Копосский уезд 697
Копысь (летоп. Копыса), г. 403
Корань, мст. 430
Корачев, г. 327, 430, 447, 492, 660, 711
Корела, г. 763
Корела, нар. 457, 643
Корец, мст. 713
Корлязи (французы) 124
Коростень (Искоростень), г. 101, 150, 154—156, 234, 236, 310, 311
Корсунская земля 148, 167
Корсунская область 148
Корсунь (Херсонес), г. 89, 182—184, 187, 200, 234, 286, 315, 457, 469, 570, 650, 704, 727
Корсь, лит. племя 118
Корчева, г. 708
Корческ, г. 465
Кострома, г. 73, 277, 607
Кострома, р. 74
Котельница (Котельня), г. 509, 514, 711, 715
Которость, р. 72, 73, 75
Котра, р. 120
Коуи, нар. 475, 509
Кочерево, с. 715
Кошарище, дер. 715
Краков, г. 194, 195, 319, 439, 573, 579—581
Красна, р. 707
Красное, мст. на Волыни 694, 707
Красный, г. (в Смол. земле) 519
Красноставский повет 696
Кривитепск (Кривич), г. 95. См. также Торопец
Кривичи (западнодвинские кривичи, кривское племя) 65, 67, 93, 95, 108, 126, 127, 129, 135, 138—141, 146, 172, 173, 182, 250, 251, 276, 279, 301, 302, 304, 306, 310
Кривская область. См. Полоцкая обл.
Крым 86, 717
Кукайя, гора 301
Куманы. См. Половцы
Кумов (летоп. Комовь), мст. 729
Кукейнос (Кокенгаузен), г. 633—635, 641
Кур, р. 151, 152
Курляндия 215
Курск, г. 236, 259, 277, 420, 430, 432, 444, 446, 452, 453, 456, 462, 476, 507, 653, 695, 711
Курская волость 427
Курская губерния 705
Курская область 71
Кучары, г. 715
Кучельмина, г. 503
Куява. См. Киев

Ладога, г. 64, 129, 130, 135, 138, 145, 215, 236, 303, 304, 306, 308, 520, 523, 643, 703, 735
Ладожское озеро 63, 64, 140, 643, 717, 735, 751, 763
Латыши 118, 124, 335, 400, 751, 763
Лача, озеро 66
Лебедянь, г. 278
Ледовитый океан 278
Лепель, г. 706
Лепельский уезд 706
Летгола, нар. 124, 649
Летты, нар. 634, 636, 638, 641
Лех, г. 192
Ливны, г. 278
Ливония 38, 67, 630, 632—634, 636, 637, 639
Ливы (ливь, ливонцы), нар. 124, 561, 562, 630—632, 636, 641, 726
Липица, р. 612, 613

Липицы, мст. 613
Листвен, г. 214, 236
Литва (Литов. кн-во, Литов Русь, литовцы) 57, 69, 74, 77, 97, 118—120, 124, 218, 221, 248, 271, 324, 350, 368, 411, 416, 519, 529, 561, 562, 582, 601, 630, 636, 637, 639, 648, 649, 660, 669, 726, 730, 735, 751, 759
Ловать, р. 63, 66, 67, 72, 135, 185, 310, 735
Логожск (Ложск, Логажеск), г. 414, 699, 726, 728
Логойск, мст. 699
Локна, р. 413
Лопасна, с. 723
Лопасня, г. 116
Лопасня, р. 116
Лохвицкий уезд 700, 735
Лубны, г. 398
Луга, р. 157, 311
Лузация 132
Лукомль, мст. 699
Лутава, г. 503, 725
Лутичи (лужичи, мазовшане, велеты), слав. племя 92, 132, 133, 280
Луцк (летоп. Лючьск), г. 364, 391, 463, 464, 467, 468, 476, 479, 491, 524, 539, 557, 585, 628, 713, 714, 716, 726
Луцкий уезд 701, 702
Лыбедь, р. 94, 320, 421, 442, 476, 707
Льгов, с. 729. См. также Ольгово
Льговский хутор (близ Чернигова) 712
Любачев, г. 588, 624
Любеч, г. 101, 139, 142, 163, 211, 224, 227, 233, 236, 258, 371, 383, 384, 453—455, 490, 690, 753
Люблин, г. 581, 729
Людин конец (в Новгороде), 619
Люценский уезд 286
Ляхи 92, 93, 95, 124, 133, 193, 194, 217, 280, 388, 625. См. также Поляки и Славяне западные

Мадьяры. См. Венгры
Мазовия 120, 218, 287
Мазовшане, слав. племя 92, 279
Майнц, г. 358, 359
Македония 80
Малая Азия 146
Малая Россия (Малая Русь, Малороссия) 71, 73, 111, 296
Малый Листвин, с. 322
Малютин, г. 440
Малютинцы, с. 710
Массагеты, нар. 84, 109
Матерха, г. 300
Медведица, р. 65, 276, 380, 457, 458
Медвежья Голова. См. Оденпе
Межибожье (Межибожь), г. 628, 711
Мекленбург 132
Меланхлены, нар. 86, 116
Мельтеково, с. 445
Мерага, мст. 152
Мерль, р. 611, 652
Мерская (Нерская), р. 116
Меря, нар. 62, 72, 116, 121, 124, 127, 135, 138, 140, 141, 187, 302, 305, 311, 747
Мидия 87
Мизия. См. Болгария
Микулин, г. 364, 435, 698, 709, 729
Микулинцы, мст. 698, 729
Милезийцы, нар. 88
Минск, г. 353, 366, 395, 403, 414, 418, 494, 518, 519, 694, 704
Минская губерния 699, 704, 706, 711, 735
Минское княжество 68, 69, 307
Михайлов, г. 539
Мичьск, г. 470, 471
Могилев, г. 699
Могилевская губерния 697, 699, 709
Могилевский уезд 699, 706, 709
Можайск, г. 72, 76
Можайский уезд 368
Мозырь, г. 492, 501, 503, 516
Молдова (Млтава), р. 131
Молога, р. 66, 76, 276, 458
Монголы, нар. 91, 255
Морава, р. 92, 280
Моравия (Моравское государство, Моравская держава) 133, 134, 190—192, 194, 195, 400
Моравск, г. 422, 505, 708, 725, 726
Моравы 91, 92, 133, 190, 192, 279
Мордва (буртасы), нар. 116, 121, 124, 151, 253, 276, 400, 408, 645, 647, 648, 703, 735, 760
Мордовская земля 255
Моровск, мст. 708
Москва, г. 33, 71, 72, 75, 76, 329, 411, 448, 550, 552, 555, 592, 594, 602, 607, 628, 683, 723, 724
Москва, р. 72, 76, 77, 116
Московская губерния 116
Московское государство 62, 66, 67, 70, 73, 77, 78
Московское княжество 58, 76, 757
Мотижин, с. 715

Мста, р. 156, 276, 311, 312, 448, 601, 746, 757
Муравицы, мст. 464
Муром, г. 77, 205, 207, 214, 220, 236, 277, 351, 368, 371, 378—382, 400, 413, 445, 495, 668, 699, 701
Мурома, нар. 62, 116, 124, 135, 703
Муромская волость 414, 665
Муромская земля 380
Муромское княжество 77, 411, 617
Мутатинцы, с 736
Мутижир, г. 715

Надово озеро 442
Налючи, мст. 735
Нарев, р. 134, 710
Нева, р. 63, 64, 643
Нево, озеро 64
Невры, нар. 86
Неготино, хутор 707
Нежатин, мст. 707
Нежатина Нива 707
Нежин, г. 707
Неклочь (летоп. Неколоч), г. 706
Неман, р. 68, 69, 71, 694
Немецкая империя. См. Германская империя
Немецкое море 124
Немиза, г. 694, 695
Немиза р. 353, 694, 695
Немцы 67, 124, 125, 132, 133, 190, 193, 194, 196, 299, 333, 438, 529, 632, 633, 635, 637—641, 643
Неревский конец (в Новгороде) 618
Нерехта, г. 607
Нерль, р. 75, 458
Неро, озеро 72
Несвежь, мст. 735
Неятин, г. 699
Нижний Новгород, г. 74, 529, 647, 648
Низовая земля 66, 609, 622. См. также Поволжье
Новая Ладога, г. 735
Новгород Великий, г. 31, 62, 64—66, 68, 71, 72, 93, 95, 101, 117, 127, 129, 135, 136, 140, 145, 156, 164, 165, 171, 175, 176, 182, 185—187, 189, 200, 203—205, 207, 212, 214, 215, 219—221, 224, 230, 236, 251, 252, 255, 260, 276, 278, 296, 305—307, 311, 313—315, 318, 322, 329, 335, 351, 353, 355, 359, 360, 371, 374, 378, 380, 381, 383, 393, 394, 411, 412, 417, 419, 421—427, 431, 432, 436—438, 446, 447, 456—458, 487, 495—497, 500, 516, 519—521, 529, 530, 533, 549, 552, 554, 555, 557, 560, 561, 590, 594—602, 604, 607, 609, 610, 613, 616, 618—624, 627, 629, 630, 640, 642, 644, 667, 669, 678, 691—694, 696—698, 706, 708, 712, 717, 718, 724, 725, 731, 733, 759, 761
Новгород Святополчский, г. 664
Новгород Северский, г 432, 444, 445, 449, 450, 459, 479—481, 498, 504, 511, 557, 652—656, 725, 729
Новгородская земля 426, 448, 597, 613, 704, 755
Новгородская озерная область 63—68, 73, 157, 163, 224, 276 302, 307, 311, 427, 440, 495, 598, 649, 668, 730
Новгородский уезд 713, 735
Новгородское княжество 64
Новгородцы 65, 72, 93, 95, 119, 126, 127, 136, 139—141, 164, 165, 172, 173, 182, 209, 210, 211, 219, 221, 223, 233, 234, 236, 251, 268, 761. См. также Славяне новгородские
Новый Торг 65, 521. См. также Торжок
Норвегия 215
Норвежцы 124, 125, 304
Нормандия 300
Норманны 56, 189, 220, 223, 274, 288, 304, 305, 748, 749. См также Варяги
Нура, р. 277, 702

Овруч, г. 171, 236, 516, 567, 578, 579, 589, 658, 726
Оденпе (Медвежья голова), г. и крепость в Чудской земле 408, 637, 638, 640, 643
Одер, р. 132, 134
Одров, р. 697
Озерная область. См. Новгородская обл.
Ока, р. 74—77, 93, 95, 187, 190, 256, 559, 592—594, 643, 646, 648, 699
Оковьский лес 123
Окская область 77
Олешье (Заолешье, Заолзье), мст. 525, 526, 662, 717
Олонец, г. 735
Ольвиополиты, нар. 88

Ольвия (Ольвия Новая, Борисфен, Мелитополис), греч. колония 88
Ольгова Могила, уроч. 711
Ольгово (Льгов), с. 593
Ольгово поле 711
Ольжичи, княжье село 157, 311
Ольшаница, р. 467
Онега, р. 65
Оргеевский уезд 96, 281
Орешек (Ключ-город, Шлиссельбург), г. и крепость 64
Орловская губерния 709
Ормина, г. 433, 694
Орша, г. 72, 403, 694
Оршанский Ям, уроч. 694
Осек Декипив (Солнечная рука), г. в Чудской земле 368
Оскол, г. 653
Остер (Остр), р. 276, 438, 508, 711, 725
Остерский уезд 708, 726
Остзейские губернии 334
Острог, г. 392, 702, 714
Острожский уезд 714
Очела (Отела) чудское племя 703
Ошел, г. 646, 647

Палестина 315, 633
Паннония 122, 123, 134, 191, 400
Пантикапея 88
Паралаты. См. Скифы
Париж, г. 10
Паша, р. 276, 717
Певцины, нар. 87, 92. См. также Бастарны
Пеляса, р. 120
Переволока, г. 699
Перемилъ, мст. 701
Перемышль, г. 231, 365, 366, 383, 387, 390, 392, 435, 468, 483, 499, 585, 586, 588, 624, 626, 628, 698, 701, 702, 709, 726, 759
Перемышльская волость 434
Перемышльское епископство 620
Пересечен (Пересечены), г. 95, 151, 280, 520
Пересопница, г. 463, 465, 468, 469, 471, 475, 482, 491, 493, 499, 509, 585—587, 628, 713, 714
Пересечени (Пересечена), д. 96
Переяславец на Дунае, г. 161, 163, 164, 166, 234, 252, 253, 255, 312, 313
Переяславль Залесский (Суздальский), г. 75, 325, 553, 560, 594, 606, 612, 615, 616, 621, 629, 641—643, 722, 723, 730
Переяславль Южный (Киевский, Русский), г. 142, 197, 198, 205, 236, 361, 363, 367—369, 372, 375, 377, 383, 396, 398, 399, 403, 410, 415, 418—421, 423—425, 430—433, 440, 441, 444, 453, 454, 457, 460, 462, 466, 475—480, 489, 490, 491, 499, 508, 516, 517, 521, 524, 529, 536, 538, 539, 542, 555, 577, 583, 589, 594, 627, 650, 651, 653—656, 660, 680, 691, 695, 697, 700, 703, 706—709, 711, 717, 723, 727
Переяславская волость 377, 393, 418—421, 650, 699, 707
Переяславская область 420, 670
Переяславское княжество 70, 71, 277, 353, 403, 415, 444, 649
Пермь, г. 116, 124
Персия 678
Персы 89, 90, 329
Песочен, г. 699
Петербург, г. 13, 64
Петербургская губерния 66
Печенеги 61, 87, 135, 146, 147, 149, 150, 153, 162, 166, 168, 169, 174, 177, 178, 197—199, 201, 202, 205, 210, 211, 219, 233, 246, 249, 255, 280, 305, 310, 312, 319, 321, 323, 334, 353, 383, 388, 397, 408, 415, 432, 475, 509, 524, 746, 751
Печора, нар. и край 116, 124, 278
Печора, р. 277, 643
Пинск, г. 69, 385, 418, 468, 475, 488, 693, 706, 733
Пинская волость 502
Пинское княжество 628
Пирятин, г. 489, 706, 710
Пирятинский уезд 706
Пищань (Пищана), р. 189, 319
Плесневск, г. 567, 726
Поволжье (Низовая земля) 73, 751, 759, 763
Погорынские города (по р. Горынь) 713
Подгорец, м. 726
Подляшье 120
Подол (в Киеве) 578, 579
Подольск, г. 696, 698
Подольские ворота (в Киеве) 578
Познань, г. 134, 193
Полесье 120
Половецкая земля 440, 661
Половцы (куманы) 61, 87, 108, 229, 276, 277, 280, 350, 356, 359, 360, 363, 367, 369, 371, 373, 378, 381, 383, 384, 386, 388, 390, 391, 395—400, 405, 408, 409, 411—413, 415, 416, 418—

420, 422, 426, 430, 435, 447—449, 452—454, 459, 460, 463, 464, 473, 477, 478, 480—482, 489, 490, 492, 495, 497, 500, 503, 504, 506, 508, 509, 511, 515, 517, 523—529, 538—540, 558, 560, 562, 571, 575, 578, 579, 582, 583, 586, 589, 590, 619, 624—629, 649—658, 660—663, 670, 695, 696, 699, 702, 705, 707, 709, 710, 713, 715, 717, 718, 746, 759, 762, 763
Половецкое поле 583
Полонный, г. 537, 575, 726
Полота, р. 93, 95
Полоцк (Полтеск), г. 38, 67, 69, 95, 135, 142, 171—173, 203, 236, 245, 294, 306, 343, 354—356, 359, 411, 415, 418, 425, 426, 436, 517—520, 522, 533, 678, 696, 706, 707, 728, 730
Полоцкая волость 348, 350, 366, 402, 414, 498, 518, 531, 532, 665, 695, 758
Полоцкая земля 314, 756, 760
Полоцкая (Западнодвинская, Кривская) область 63—65, 67, 175, 668
Полоцкое (Двинское) княжество 67, 69, 252, 306, 350, 371, 395, 418, 691, 727
Полоцко-Минская Русь 760
Полочане. См. Кривичи
Полстин, мст. 706
Полтавская губерния 71, 695, 698—700, 703, 704, 706
Полтеск. См. Полоцк
Польша (Польское королевство, Польское государство) 57, 58, 67, 69, 71, 134, 178, 187, 190, 193—196, 206, 211, 213, 217—219, 271—274, 321, 332, 354—358, 364, 365, 369, 383, 388, 390, 391, 405, 438, 439, 462, 467, 491, 567, 580, 581, 588, 624, 649, 668, 669, 710, 729, 763
Поля, р. 735
Поляки (ляшские племена, ляхи) 92, 134, 193, 194, 196, 212, 216, 217, 289, 350, 355, 357—359, 365, 368, 389, 390, 404—406, 431, 435, 463, 528, 577, 584—586
Поляне 70, 92—105, 108, 123, 127, 136, 137, 141, 146, 251, 280, 301, 305
Поморье 125
Поморяне 92, 124, 195, 279, 405, 438
Понизье 626
Понт. См. Черное море
Понтийские страны. См. Причерноморье
Попашь, г. 453
Порецкий уезд 67
Поросье (терр. по р. Рось) 441, 467, 491, 497, 513, 543, 549, 570, 717
Порховский уезд 708
Посемье (терр. по р. Сейм) 277, 413, 420, 453, 456, 462, 655, 711
Посулье (терр. по р. Сула) 415
Почайна, р. 160
Пра (летоп. Тепра), р. 729
Прага, г. 196, 212, 290
Предславино, с. 320
Прибалтийский край (Прибалтика, Прибалтийские области) 330, 630, 751, 763
Приднепровье 82, 305
Придунайские страны 91
Прикавказские страны 87, 88
Прилук, г. 422, 435, 699
Прилуки, мст. 710
Прилуцкий уезд 700, 735
Припять, р. 283, 472
Причерноморье (Припонтийские страны) 86—88, 90, 751
Пронск, г. 590—594, 602
Проня, р. 593
Пропойск, мст. 319
Протва, р. 72, 448
Пруссия 463
Прусская улица в Новгороде 619
Пруссы 118, 120, 124, 125, 195, 405
Псел, р. 398, 700
Псков, г. 33, 65, 66, 146, 157, 205, 215, 236, 424—426, 521, 529, 598, 637, 638, 640, 642, 649, 699, 759
Псковская волость 204, 205
Псковская земля 758, 760
Псковская область 65, 66
Псковское озеро 65
Путивль, г. 444, 446, 447, 450, 584, 653, 656

Радилов Городец 616
Радимичи 93—95, 101, 104, 108, 119, 120, 123, 127, 141, 188, 189, 200, 250, 252, 311, 514
Радомышль, г. и мст. 715
Радомышльский (Радомысльский) уезд 701, 715
Радунь, р. 473
Рахна, р. 445
Ратмирова Дубрава, мст. 277, 413

Ревель, г. См. Колывань
Регенсбург, г. 133, 195, 357
Рейн, р. 87
Речица, г. 608
Речь Посполитая 20
Речицкий уезд 711
Ржева (Ржев, Ржевка), г. 72, 610, 611
Рига, г. 632—640, 642, 643
Рим 25, 87, 359, 399, 580, 638
Рим, с., 700, 735
Римляне 80, 81, 86, 87, 91, 124
Римов, г. 655
Римская (Греческая) империя. См. Византия
Римская (Германская) империя 130, 132, 158, 271
Римские провинции 81
Ровенский уезд 713
Ровно, г. 698
Рогачев, г. 433, 562, 709
Родня, г. 174, 234, 236
Родос, остров 363
Рожне поле (Рожеямпол), мст. 390, 701, 709
Рожня, с. 710
Роксоланы, нар. 81, 87
Романские народы (летоп. волхва) 124
Роменский уезд 700, 735
Ромн, р. 71
Россы. См. Русский народ
Ростов Великий, г. 72, 73, 75, 142, 185, 187, 203—205, 220, 236, 256, 278, 290, 317, 321, 351, 378—380, 382, 424, 456, 476, 528, 533—536, 550, 551, 553, 555, 556, 596, 604, 606, 607, 609, 611, 614, 617, 629, 646, 684, 695, 707, 719, 723, 732, 759, 762
Ростовец (Малый Ростов), г. 277, 514, 558, 699
Ростовская волость 393
Ростовская земля 73, 380, 419, 424, 458, 496, 506, 533, 550, 553, 554, 557, 613, 718
Ростовская (Суздальская) область 63, 65, 68, 72, 73, 75, 77, 276, 310, 383, 408, 412, 419, 446, 531, 534, 551, 694
Ростовский уезд 732
Ростовское княжество 73
Ростовское озеро 73, 75
Рось, р. 71, 174, 221, 275, 395, 441, 474, 523, 524, 570, 650, 658—660, 700, 710, 715
Рудня, р. 322
Руса (Старая Руса), г. 522, 649
Руссия, «город руссов» 301, 302
Русская государственная область. См. Русь
Русский народ (россы, русь, русские) 64, 74, 76, 118, 125, 135, 142—144, 146—148, 150—152, 158, 160—162, 165—168, 202, 211, 219, 234, 248, 249, 251, 255, 258, 268, 271, 275, 280, 301, 303, 307, 308, 310, 312, 313, 319, 329, 330, 334, 360, 376, 397—399, 415, 559, 561, 570, 589, 590, 595, 599, 602—604, 608—610, 613, 621, 627, 629, 633, 636—639, 646—648, 650, 652—659, 753
Русь (Русская земля, Русское государство, Россия) 7, 11, 13, 15—25, 27—30, 32, 33, 35, 36, 38—42, 45, 46, 55—63, 68—73, 77—79, 93, 94, 118, 120, 122, 124, 127, 134, 140, 141, 144, 146—150, 160, 161, 163—166, 168, 169, 171, 176, 178, 183, 185, 189, 190, 193, 200, 210, 211, 213—216, 219, 221, 225—227, 229, 231, 238, 241, 245—247, 249, 251, 252, 254, 256, 258—261, 264, 267, 269—271, 273, 282, 293, 300, 301, 303, 304, 307, 310, 311, 317, 318, 324, 329, 330, 332, 343, 345, 349, 350, 352—354, 356—360, 362, 367—369, 371, 373, 374, 376—379, 381, 383, 386—388, 392, 394—396, 400, 406, 408, 409, 416, 418, 419, 423—425, 430, 434, 438, 439, 444, 456—458, 460, 464, 468, 469, 473, 475—477, 480, 482, 483, 487, 488, 490, 492, 497, 504, 514, 524, 525, 529—531, 534—536, 541, 542, 548—550, 558, 562, 563, 567, 569—571, 578, 582, 660, 661, 663—672, 680, 683, 684, 687, 689, 696, 704, 706, 717, 720, 724, 728, 746—749, 750, 758, 760—763, 764
Русь Владимирская. См. Влад.-Сузд. Русь
Русь Восточная 671
Русь Западная 534
Русь Московская. См. Русь Северо-Восточная
Русь Северная 56—58, 70, 77, 210, 531, 532, 534, 536, 540, 599, 605, 607, 608, 666—668
Русь Северо-Восточная (Московская) 18, 41, 72, 77, 534, 597, 667, 671, 759, 760
Русь Черниговская 666

Русь Южная (Киевская, Днепровская) 57, 68, 71, 75, 77, 87, 199, 210, 211, 507, 531, 532, 534, 536, 540, 557, 563, 569, 581, 590, 599, 605, 607, 641, 666, 667, 669, 670
Русь Юго-Западная 597, 603, 605, 606, 667, 669, 674, 757, 759, 760
Рутец Б. и М., рр. 477, 478, 713
Рша (летоп.), мст. 694
Рыбинск, г. 72
Рыльск, г. 481, 653
Рязанская волость 348, 531, 532, 592, 729, 757
Рязанская губерния 291, 729
Рязанская земля 550, 613, 618, 755
Рязанское княжество 617
Рязань, г. 379, 381, 451, 495, 514, 529, 540, 552, 554—556, 559, 591—594, 602, 607, 618, 668, 699, 701, 714, 716, 729

Саксония (саксонцы) 132
Сальков, с. 703
Сальница, р. 653
Самара, р. 482
Самогиты, нар. 120
Сан, р. 194, 482, 483
Санок, г. 582
Сапогинь, г. 479
Сара, р. 611
Саркел (Серкель), г. 161, 253. См. также Белая Вежа
Сарматия 81, 92, 122
Сарматские племена (сарматы) 81, 87, 92
Свеи, Свеоны. См. Шведы
Свиная, р. 501
Свинорт, мст. 735
Свирельск (летоп. Сверилеск), г. 723
Святославова Криница, мст. 470
Святославовский округ 714
Севастополь, г. 89
Северная Америка 103
Северная Двина, р. 65, 73, 123, 216, 595, 643, 735
Северный Кавказ 751
Северный океан 80, 84
Северская волость 530
Северская земля 448
Северская область 501, 583, 668
Северяне 93, 95, 104, 123, 127, 139, 141, 214, 231, 233, 250, 251, 648
Сейм, р. 71, 93, 95, 413, 421, 446, 452, 453, 665, 706
Селигер, озеро 610
Семендер, хозарский город 161, 311
Семиты 124
Семь, р. 276
Сеннинский уезд 699
Сербы 92, 93, 132, 133, 189, 190, 241, 280, 318, 325
Сережа, р. 67
Серет, р. 435, 582, 709, 710, 729
Серенск, г. 594
Серпухов, г. 723
Сетомля, р. 353
Сибирь 62, 74, 335, 751
Сиволожь, с. 711
Сидоны, нар 87. См. также Бастарны
Силезия 134, 218
Сицилия 87, 88
Скандинавия 118, 127, 130, 203, 215, 252, 288, 322, 328, 334
Скандинавы 130, 143, 272, 273. См. также Варяги
Скандинавский перешеек 124
Скандинавский п-ов 123, 124
Скидельский округ 120
Скифия 63, 81, 84, 85, 87, 89, 90, 122
Скифы (паралаты, сколоты) 80—90, 123, 279, 728
Славяне (славянские племена, словены, русь) 40, 62—64, 66, 68, 91—93, 95, 96, 101—119, 122—133, 137, 146, 176, 179, 194, 225, 235, 248, 250, 251, 253, 271—273, 276, 280, 282, 284, 285, 287, 288, 290, 301—310, 321, 333, 334, 747, 750, 753
Славяне балтийские 255
Славяне болгарские 95, 123, 134
Славяне восточные 40, 93, 96, 97, 99, 107, 109, 114, 115, 262, 283
Славяне дунайские 92
Славяне западные 111, 114, 123, 131, 134, 178, 190, 282, 287, 295, 296, 325
Славяне ильменские 64, 66, 95, 129, 138, 140, 302, 304, 334, 368
Славяне новгородские 93, 95, 127, 368, 761
Славяне померанские 97
Славяне поморские 218, 274, 369
Славяне приэльбские 193
Славяне северные 126, 127, 130, 191, 193, 299
Славяне северо-западные 296
Славяне южные 98, 101, 191, 292, 299
Славяне юго-восточные 123, 131
Словаки 192, 195
Слоним, г. 69
Слуцк (летоп. Случеск), г. 277, 406, 510, 517, 519

Слуцкий уезд 735
Случь, р. 469
Смедино, мст. 724
Смоленск, г. 71, 72, 93, 95, 101, 139, 163, 175, 204, 208, 224, 227, 236, 276, 277, 280, 301, 306, 348, 351, 352, 360, 361, 366, 378, 379, 383, 403, 412, 422, 426, 430, 431, 434, 436, 454, 457—459, 462, 473, 476, 481, 488, 516, 520, 529, 533, 541, 542, 556, 558, 560—562, 570, 573, 574, 577, 583, 597—600, 608, 613, 618, 620, 622, 655, 666, 691, 693—695, 697, 699, 720, 721, 724, 725, 727, 730, 760
Смоленская волость 393, 449, 506, 522, 727
Смоленская земля 561, 563, 613, 691, 704
Смоленская область, 64, 71, 176, 431, 448, 481, 574, 668, 716, 728
Смоленское княжество 68, 70—72, 727
Смядынь, р. 208, 724
Снов, р. 322, 354, 695
Сновск, г. 492, 695, 696, 728
Снопород, р. 525, 657
Споры, нар. 92
Сожица (Оржица), р. 360, 361, 369, 370
Сожь, р. 72, 95, 317, 433
Солокия, р. 323
Солунь, г. 517
Сомина, р. 276
Спасо-Нередицкий монастырь в Новгороде 620
Спасский уезд 730
Средиземное море 124
Средний Урал 277
Средняя Азия 61, 85, 149
Става, р. 701
Стайки, г. 708
Станиславов, г. 710
Стародуб, г. 379, 382, 432, 491, 511, 557, 628, 701
Старая Ладога, г. 735
Старая Руса, г. См. Руса
Старая Рязань, г. 593
Старицы, реки 732
Старые Виры, мст. 705
Старый Белоус (летоп. Боловос), с. 712
Столпье, с. 729
Стрежев, г. 414, 518
Струсово, мст. 698
Стубла, р. 465
Стугна, р. 199, 276, 277, 374, 375, 377, 465, 700
Стырь, р. 193, 698, 701, 702, 710, 726
Сугров, г. 398
Судавия 120
Судены, лит. племя 118
Судома (Судима), р. 323
Судомирь, р. 215
Суздаль, г. 75, 204, 236, 351, 380, 381, 426, 431, 434, 438, 449, 462, 479, 480—482, 495, 502, 534—536, 551—553, 589, 590, 595, 606, 686, 707, 712, 718, 719, 723. См. также Суздальская земля
Суздальская земля (Суздальская Русь) 136, 256, 330, 456, 531, 536, 537, 556, 570, 605, 606, 612, 613, 732, 759
Суздальская область 514, 628
Суздальское княжество 116, 617
Сула, р. 93, 95, 197, 199, 276, 278, 398, 415, 421, 453, 489, 651, 652, 695, 704
Супой, р. 71, 420, 425, 427, 452, 707
Сурож, г. 72, 137
Сутейск, г. 391, 696, 702
Сутеск, дер. 696
Сутиски, с. 696
Суэцкий перешеек 124
Сююрлий, р. 653
Сясь, р. 66, 276, 717

Таврический полуостров (Таврида) 89, 123
Тавры, нар. 86, 87
Тамань, г. 89
Танаис. См. Дон
Тарнополь, г. 698
Тарнопольский округ 709, 729
Тарху, г. 312
Татария 74
Татары (таурмени) 57, 74, 108, 125, 280, 641, 662—664, 746
Татинец, мст. 657
Тверская губерния 292
Тверца р. 276, 560, 610, 621
Тверь, г. 609, 611, 731, 732
Тебриз, г. 152
Тепра, г. 629, 729
Теребовль, г. 383, 387, 435, 486, 487, 585, 709, 710
Теребовльская волость 434, 710
Тетерев, р 470, 715
Тиверцы, 93—96, 101, 141, 146, 281
Тисмяница, г. 710
Тихомель (Тихомль), г. 588, 714

Тма, р. 207
Тмутаракань, г. 137, 161, 205, 213, 236, 275, 277, 351, 352, 355, 360, 361, 363, 364, 369, 370, 371, 376, 410, 445, 644, 654, 668, 677—679, 694, 698, 699
Тойма (Верхняя и Нижняя), р. 733
Тоймокары, фин. племя 619
Томы, г. в Мизии 81
Торжок (Новый торг), г. 65, 276, 431, 436, 448, 495, 496, 519, 520, 596, 599, 600, 603, 604, 609—611, 616, 618, 620—623, 649, 732
Торки, нар. 189, 233, 318, 350, 358, 368, 376, 377, 383, 388, 397, 398, 408, 414, 415, 475, 497, 508, 509, 519, 526, 650, 695, 704, 705, 715, 746
Торопа, р. 67, 68, 72, 95
Торопец (летоп. Кривитепск, Кривич), г. 68, 72, 95, 511, 521, 522, 693, 649, 730, 731
Торопецкая волость 610, 649
Торопецкое княжество 68
Торча, р. 700
Торческ (летоп. Торцьский), г. 376, 505, 508—510, 513, 526, 536, 541, 542, 567, 570—572, 589, 658, 660, 713, 715, 726
Торчица, с. 700
Траопии, скифское племя 83
Треполь (Триполь, Триполье), г. 278, 374—376, 475, 478, 505, 508, 510, 513, 538, 542, 558, 570, 579, 589, 655, 660, 700, 705, 707, 708, 728, 730, 731
Трубеж, р. 71, 197, 199, 276, 277, 460, 461, 702, 709
Туле, остров 300
Туманец, г. 467, 472
Турийск, г. 389, 649
Турки 116, 123, 149
Туров, г. 205, 236, 363, 372, 374, 383, 385, 393, 394, 407, 409, 412, 418, 419, 423, 432, 433, 444, 468, 475, 488, 491, 498, 500—502, 509, 517, 530, 598, 692, 693, 707, 714, 717
Туровская волость 207, 348, 431, 502, 531, 628, 735, 758
Туровская область 492
Турово-Пинское (Туровское) княжество 628, 709
Турпеи, нар. 466
Турция (Турецкая империя) 24, 293
Турья, р. 701
Тясмина, р. 658
Увалы, м. 278
Уветичи, г. 391, 702. См. также Витичев
Углече поле, мст. 707, 712
Углич, г. 458, 712
Угличи (улучи), 93—96, 101, 137, 141, 151, 280, 309
Угол. См. Буджак
Угол (Угла), р. 482, 525
Угорская земля 280, 712
Угорские ворота (в Киеве) 475
Угра, р. 72, 77, 119, 120, 449
Угра (угры), нар. 124, 149, 150. См. также Венгры
Угровск (летоп. Угровеск), г. 729
Угруйск, с. 729
Удай, р. 71, 416, 489, 699
Удоха, р. 708
Узы, нар. 353
Унганния (Эстония) 638
Уненежь, г. 711
Унжа, г. 74
Урал (Уральские горы) 61, 62, 65, 74, 124, 643, 661, 735
Урмане (норвежцы) 124
Усвят, г. 68, 215, 649
Устюг Великий, г. 646
Устюжский уезд 322
Утургуты, нар. 92
Ухань, г. 729
Ухтюха, мст. 733
Уша (Ушь), р. 310, 469
Ушеск, г. 470
Ушица (Ушня), г. 435, 503, 709, 710

Фазис (Рион), р. 80
Фанагория, греческая колония 88
Финикия 25, 293
Финляндия (Финляндская озерная область) 63, 124, 215, 440, 644
Финны (финно-угор. племена) 62, 66, 72, 76, 92, 95, 115—119, 124—127, 129, 130, 216, 255, 272, 276, 288—290, 296, 303, 304, 334, 350, 355, 368, 411, 412, 440, 497, 643, 644, 648, 696, 746, 751, 763
Финский залив 63, 118, 643
Фиссагеты, нар. 116
Фракия 146, 407
Фракияне. (фракийские племена) 82, 86
Франки 87, 130—132
Франкская империя 132
Франция 9, 332
Французы 124
Фряги (генуэзцы) 124

Хангары, кочевники Ср. Азии 149
Харьковская губерния 705, 706
Хельм, г. 729
Херсон, г. 295, 705
Херсонес, г. 89. См. также Корсунь
Холм, г. 759, 762
Холопье (летоп. Халеп, Халепье), с. 708
Холохольня, с. 732
Холохольня, р. 611, 732
Хорватская земля 193
Хорваты 141, 194, 200, 320
Хорваты белые 92, 94, 279
Хоревица (мст. в Киеве) 94, 280
Хорезмийцы, 329
Хороль (Хорол), р 278, 398, 652
Хортицкий остров 397
Хорутане, нар. 92, 93, 279
Хутынь 622

Царьград. См. Константинополь

Чагодоща, р. 276
Чарторый, р. 562
Чарторыйск, г. 392, 432, 433, 628, 702, 709
Червен (Червень), г. 236, 389—391, 405, 493, 585, 649, 702
Червоногород, мст. 702
Червенская земля (Червенская Русь) 187, 318, 701
Червенские города 194, 212, 217, 359, 365, 698
Черемиса, нар. 116
Череха, р. 696
Черкасы, г. 735
Черная Могила, уроч. 453
Чернигов, г. 71, 77, 142, 205, 214, 236, 260, 276, 321, 322, 332, 348, 349, 351, 354, 356, 359—361, 363, 366, 367, 369, 372, 375—380, 382, 391, 412, 413, 417, 419, 421, 422, 425, 429, 433, 437, 444—446, 448—454, 460, 466, 473, 478—482, 488, 490—492, 501, 504, 506—512, 514, 527, 529, 530, 539, 545, 549, 552, 557, 558, 560, 561, 574, 575, 578, 589, 590, 592, 593, 599—602, 621—623, 627, 629, 651, 654, 656, 657, 663, 682, 691, 692, 697, 724, 725, 731, 733
Черниговская волость 348, 356, 383, 402, 412, 414, 422, 430, 432, 480, 492, 500, 501, 503, 504, 506, 545, 650, 655, 665, 679, 694, 699, 714, 723
Черниговская губерния 71, 708, 711
Черниговская земля 613
Черниговская область 77, 608, 670
Черниговский уезд 695
Черниговское княжество 70, 71, 116
Чернобыль, мст. 310
Черное море (Понт) 60, 79—84, 88, 117, 120, 123, 136—138, 140, 152, 251, 269, 270, 280, 300, 301, 312, 363
Черные клобуки, нар. 441, 460, 461, 465, 467, 470, 471, 473—475, 477, 482, 483, 486—488, 509, 513, 514, 516, 523, 538, 543, 544, 558, 562, 570, 571, 578, 599, 658—660, 666, 713
Черный лес, уроч. 525
Чехия 9, 131, 196, 438, 763
Чехи 91, 92, 114, 123, 131—133, 190—197, 279, 357—359, 369, 399, 406, 588
Чешско-моравский горный хребет 134
Чичерск, г. 503
Чортовский округ 702
Чудская земля 221, 275, 296, 301, 302, 304, 324, 333, 368, 400, 408, 411, 416, 423, 427, 437, 597, 598, 620, 637, 638, 640—642, 658, 697, 751
Чудь, нар. 72, 111, 121, 124, 125, 127, 129, 138, 141, 172, 173, 182, 276, 334, 360, 747, 751, 763
Чудское озеро 65, 216, 400, 408

Шарукань, половецкий город 398
Шведы (летоп. свеи, свеоны) 64, 67, 124, 125, 300, 303, 411, 500
Швеция 215, 271, 522, 668, 748, 763
Шегристан, крепость 152
Шексна, р. 72, 73, 76, 254
Шелонь, р. 66, 649, 708, 735
Шепель, с. 701
Шеполь, г. 387, 701
Шлиссельбург (Орешек, Ключ-город) 64
Шоша, р. 611
Шумск, г. 714, 735

Щековица (мст. в Киеве) 94, 145, 280

Эльба, р. 132
Эстляндия 215
Эстония (эсты, эстонцы) 121, 189, 631, 637, 638, 640, 643, 644, 751

Юг. См. Южная Европа
Юго-Западная Русь. См. Русь Юго-Западная
Югра (Угра), страна и народ 255, 278, 643, 763
Юрьев (Дерпт), г. 216, 221, 236, 368, 427, 637, 641, 642, 735
Юрьев (на реке Роси), г. 395, 523, 715
Юрьев (Польский), г. 554, 607, 612, 615
Юрьевец, г. 74
Южная Европа 250, 252, 270, 272, 304, 309
Южная Русь. См. Русь Южная
Языги, нар. 81, 87
Яик, р. 149, 416
Ямь, нар. 116, 124, 234, 529, 735
Ярославль, г. на Волге, 72, 73, 221, 236, 277, 458, 693
Ярославль галицкий 482
Ярославов двор в Новгороде 620, 622
Ярославская губерния 291, 732
Ясы, нар. 161, 312, 661
Ятвяги, нар. 69, 120, 179, 189, 221, 721, 324, 400, 503, 529, 582, 648, 649, 728, 751
Яфетиты, 124

ОГЛАВЛЕНИЕ

Л. В. Черепнин. **С. М. Соловьев как историк** 5

ТОМ ПЕРВЫЙ

Предисловие 55

Глава I.

Природа Русской государственной области и ее влияние на историю. — Равнинность страны — Соседство ее с Среднею Азиею. — Столкновение кочевников с оседлым народонаселением. — Периоды борьбы между ними. — Козаки. — Племена славянские и финские. — Славянская колонизация. — Значение рек на великой равнине. — Четыре главные части древней России. — Озерная область Новгородская — Область Западной Двины. — Литва. — Область Днепра — Область Верхней Волги. — Путь распространения русских владений. — Область Дона. — Влияние природы на характер народный . . . 60

Глава II.

Постепенное распространение сведений о Северо-Восточной Европе в древности. — Быт народов, здесь обитавших. — Скифы. — Агатирсы — Невры — Андрофаги. — Меланхлены.— Будины.— Гелоны. — Тавры. — Сарматы — Бастарны. — Аланы — Греческие колонии на северном берегу Понта. — Торговля. — Характер азиатского движения 79

Глава III.

Славянское племя. — Его движение. — Венеды Тацита. — Анты и сербы. — Движение славянских племен, по русскому начальному летописцу. — Родовой быт славян. — Города — Нравы и обычаи. — Гостеприимство. — Обращение с пленными. — Брак. — Погребение. — Жилища. — Образ ведения войны. — Религия. — Финское племя. — Литовское племя. — Ятвяги — Готское движение. — Гунны. — Авары. — Козары. — Варяги. — Русь 91

Глава IV.

Призвание варягов-руси северными племенами славянскими и финскими. — Следствия этого явления — Обзор состояния европейских народов, преимущественно славянских, в половине IX века . . . 127

Глава V.

Предания о Рюрике, об Аскольде и Дире. — Олег, его движение на юг, поселение в Киеве. — Строение городов, дани, подчинение племен. — Греческий поход. — Договор Олега с греками. — Смерть Олега, значение его в памяти народной. — Предание об Игоре — Походы на Константинополь. — Договор с греками. — Печенеги. — Смерть Игоря, его характер в преданиях. — Свенельд — Походы руссов на Востоке 135

Глава VI.

Правление Ольги. — Месть древлянам. — Значение предания об этой мести. — Характер Ольги в предании. — Ее уставы — Принятие христианства Ольгою. — Характер сына ее Святослава. — Его походы на вятичей и козаров. — Святослав в Дунайской Болгарии. — Печенеги под Киевом. — Смерть Ольги. — Распоряжение Святослава относительно сыновей. — Возвращение его в Болгарию. — Война с греками. — Смерть Святослава. — Характер его в предании. — Усобица между сыновьями Святослава. — Владимир в Киеве. — Усиление язычества. — Буйство варягов, уход их в Грецию. (946—980) 153

Глава VII. **Владимир Святой. Ярослав I**

Несостоятельность язычества. — Известие о принятии христианства Владимиром. — Распространение христианства по Руси при Владимире. — Средства к утверждению христианства. — Влияние духовенства. — Войны Владимира. — Первое столкновение с западными славянами. — Борьба с печенегами. — Смерть Владимира, его характер. — Усобица между сыновьями Владимира. — Утверждение Ярослава в Киеве. — Отношения к Скандинавии и Польше. — Последняя греческая война — Борьба с печенегами. — Внутренняя деятельность Ярослава. (980—1054) 178

Глава VIII. **Внутреннее состояние русского общества в первый период его существования**

Значение князя. — Дружина, ее отношение к князю и к земле — Бояре, мужи, гриди, огнищане, тиуны, отроки. — Городовые и сельские полки. — Тысяцкий. — Способы ведения войны. — Городское и сельское народонаселение. — Рабы. — Русская Правда. — Нравы эпохи. — Обычаи. — Занятие жителей. — Состояние религии. — Монашество. — Управление и материальные средства церкви. — Грамотность. — Песни. — Определение степени норманского влияния . . . 222

Примечания к 1 тому 276

Родословные таблицы князей 336

ТОМ ВТОРОЙ

Глава I. **О княжеских отношениях вообще**

Завещание Ярослава I. — Нераздельность рода. — Значение старшего в роде, или великого князя. — Права на старшинство. — Потеря этих прав. — Отчина. — Отношение волости младшего князя к старшему . 343

Глава II. **События при жизни сыновей Ярослава I (1054—1093)**

Линии Рюрикова рода, Изяславичи и Ярославичи. — Распоряжения последних насчет своих волостей.—Движения Ростислава Владимировича и гибель его. — Движения Всеслава полоцкого и плен его — Нашествие половцев. — Поражение Ярославичей. — Восстание киевлян и бегство великого князя Изяслава из Киева. — Возвращение его и вторичное изгнание. — Вторичное возвращение Изяслава и смерть его в битве против обделенных племянников. — Характер первых усобиц. — Княжение Всеволода Ярославича в Киеве. — Новые движения обделенных князей. — Усобицы на Волыни. — Борьба с Всеславом полоцким. — Смерть великого князя Всеволода Ярославича. — Печальное состояние Руси. — Борьба с половцами, торками, финскими и литовскими племенами, болгарами, поляками. — Дружина Ярославичей 350

Глава III **События при внуках Ярослава I (1093—1125)**

Прежние причины усобиц — Характер Владимира Мономаха. — Он уступает старшинство Святополку Изяславичу. — Характер последнего. — Нашествие половцев. — Олег Святославич в Чернигове. — Борьба с ним Святополка и Владимира. — Неудача Олега на севере. — Послание Мономаха к Олегу. — Съезд князей в Любече и прекращение борьбы на востоке. — Новая усобица на западе вследствие ослепления Василька Ростиславича. — Прекращение ее на Витическом съезде. — Распоряжения насчет Новгорода Великого — Судьба Ярослава Ярополковича, племянника великого князя. — События в Полоцком княжестве. — Войны с половцами. — Борьба с другими соседними варварами. — Связь с Венгриею. — Смерть великого

князя Святополка. — Киевляне избирают Мономаха в князья себе. — Война с минским князем Глебом и с волынским Ярославом. — Отношение к грекам и половцам. — Смерть Мономаха. — Дружина при внуках Ярослава I 371

Глава IV. **События при правнуках Ярослава I, борьба дядей с племянниками в роде Мономаха и борьба Святославичей с Мономаховичами до смерти Юрия Владимировича Долгорукого (1125—1157)**

Сыновья Мономаха. — Мстислав, великий князь. — Усобица между Святославичами черниговскими. — Княжество Муромское. — Присоединение Полоцка к волостям Мономаховичей. — Война с половцами, чудью и литвою. — Смерть великого князя Мстислава Владимировича. — Брат его Ярополк — великим князем. — Начало борьбы дядей с племянниками в племени Мономаховом. — Святославичи черниговские вмешиваются в эту борьбу. — События в Новгороде Великом. — Смерть Ярополка Владимировича. — Всеволод Ольгович черниговский изгоняет Вячеслава Владимировича из Киева и утверждается здесь. — Отношения между Мономаховичами; война с ними Всеволода Ольговича. — Отношения его к родным и двоюродным братьям. — Ростиславичи галицкие. — Война великого князя Всеволода с Владимирком Володаревичем галицким. — Князья городенские, полоцкие, муромские. — События в Новгороде Великом. — Вмешательство русских князей в дела польские. — Морской разбой шведов. — Борьба русских с финнами и половцами. — Предсмертные распоряжения великого князя Всеволода Ольговича. — Смерть его. — Изгнание из Киева Игоря Ольговича. — Изяслав Мстиславич Мономашич княжит в Киеве. — Плен Игоря Ольговича. — Раздор между Святославичами черниговскими. — Союз Изяслава Мстиславича с Давыдовичами черниговскими; союз Святослава Ольговича с Юрием Владимировичем Мономашичем, князем ростовским, против Изяслава Мстиславича. — Первое упоминание о Москве. — Отступление Давыдовичей черниговских от Изяслава Мстиславича. — Киевляне убивают Игоря Ольговича.—Мир Изяслава Мстиславовича с Святославичами черниговскими. — Сын Юрия ростовского, Ростислав, переходит к Изяславу Мстиславичу. — Изяслав в Новгороде Великом; поход его на волости дяди Юрия. — Изгнание Ростислава Юрьевича из Киева. — Движение отца его, Юрия, на юг. — Победа Юрия над племянником Изяславом и занятие Киева. — За Изяслава вступаются венгры и поляки; галицкий князь Владимирко за Юрия. — Подвиги сына Юриева, Андрея. — Он хлопочет о мире между отцом своим и Изяславом Мстиславичем. — Непродолжительность мира. — Изяслав изгоняет Юрия из Киева, но должен уступить старшинство другому дяде, Вячеславу.— Война Изяслава с Владимирком галицким.— Юрий изгоняет Вячеслава и Изяслава из Киева. — Изяслав с венграми опять изгоняет Юрия из Киева и опять отдает старшинство Вячеславу, под именем которого княжит в Киеве. — Продолжение борьбы Изяслава с Юрием. — Битва на реке Руте и поражение Юрия, который принужден оставить юг. — Два других неудачных похода его на юг. — Война Изяслава Мстиславича в союзе с венгерским королем против Владимирка галицкого. — Клятвопреступление и смерть Владимирка. — Война Изяслава с сыном Владимирковым, Ярославом. — Смерть Изяслава, его характер. — Вячеслав вызывает к себе в Киев брата Изяславова, Ростислава, из Смоленска. — Смерть Вячеслава. — Ростислав уступает Киев Изяславу Давыдовичу черниговскому. — Юрий ростовский заставляет Давыдовича выехать из Киева и сам окончательно утверждается здесь. — Усобицы между Святославичами в Черниговской волости и Мономаховичами на Волыни. — Союз князей против Юрия. — Смерть его. — События полоцкие, муромские, рязанские, новгородские. — Борьба с половцами и финскими племенами. — Дружина 411

Глава V. **События от смерти Юрия Владимировича до взятия Киева войсками Андрея Боголюбского (1157—1169)**

Изяслав Давыдович вторично княжит в Киеве; причины этого явления. — Перемещения в Черниговской волости. — Неудачный поход князей на Туров. — Изяслав Давыдович заступается за галицкого изгнанника Ивана Берладника. Это вооружает против него многих князей. — Неудачный поход Изяслава на князей Ярослава галицкого и Мстислава Изяславича волынского. — Он принужден оставить Киев, куда Мстислав Изяславич волынский перезывает дядю своего Ростислава Мстиславича из Смоленска. — Уговор дяди и племянника насчет двоих митрополитов-соперников. — Война с Изяславом Давыдовичем. — Смерть последнего — Ссора великого князя Ростислава с племянником, Мстиславом волынским. — Смерть Святослава Ольговича черниговского и смута по этому случаю на восточной стороне

Днепра. — Смерть великого князя Ростислава; характер его. — Мстислав Изяславич княжит в Киеве. — Неудовольствие князей на него — Войско Андрея Боголюбского изгоняет Мстислава из Киева и опустошает этот город — Смерть Ивана Берладника. — Смуты полоцкие — События в Новгороде Великом. — Борьба новгородцев со шведами. — Война Андрея Боголюбского с камскими болгарами. — Борьба с половцами. — Дружина 500

Глава VI. **От взятия Киева войсками Боголюбского до смерти Мстислава Мстиславича торопецкого (1169—1228)**

Андрей Боголюбский остается на севере; значение этого явления. — Характер Андрея и его поведение на севере. — Владимир-на-Клязьме. — Брат Андрея, Глеб княжит в Киеве. — Война его с Мстиславом Изяславичем. — Смерть обоих соперников. — Андрей Боголюбский отдает Киев Роману Ростиславичу смоленскому. — Ссора Ростиславичей с Андреем. — Мстислав Ростиславич Храбрый — Неудачный поход рати Андреевой против Ростиславичей. — Ярослав Изяславич княжит в Киеве. — Борьба его с Святославом Всеволодовичем черниговским. — Убиение Андрея Боголюбского и следствия этого события. — Соперничество Ростова и Владимира; соперничество дядей Юрьевичей и племянников Ростиславичей северных — Торжество Михаила Юрьевича над племянниками и Владимира над Ростовом. — Возобновление борьбы по смерти Михаила. — Торжество Всеволода Юрьевича над племянниками и окончательное падение Ростова. — На юге усобица между Мономаховичами и Ольговичами. — Поход Святослава Всеволодовича черниговского на Всеволода Юрьевича суздальского. — Святослав утверждается в Киеве. — Слабость киевского князя перед суздальским — Борьба Ярослава галицкого с боярами. — Смерть его.— Усобица между его сыновьями, Владимиром и Олегом — Бояре изгоняют Владимира и принимают к себе Романа Мстиславича волынского. — Венгерский король Бела III вмешивается в эту усобицу и сажает в Галиче сына своего Андрея. — Гибель Берладникова сына, Ростислава. — Насилия венгров в Галиче. — Владимир Ярославич с помощью поляков утверждается здесь. — Смерть Святослава Всеволодовича киевского — Рюрик Ростиславич занимает его место по воле Всеволода суздальского. — Последний ссорит Рюрика с зятем его, Романом волынским. — Участие Романа в польских усобицах. — Война Мономаховичей с Ольговичами. — Роман волынский утверждается в Галиче по смерти Владимира Ярославича. — Он изгоняет Рюрика Ростиславича из Киева. — Рюрик опять в Киеве и отдает его на разграбление половцам. — Роман постригает Рюрика в монахи. — Роман гибнет в битве с поляками; его характер. — Малолетние сыновья его, Даниил и Василько, окружены врагами. — Рюрик снова в Киеве и воюет против Романовичей. — Последние должны бежать из Галича. — Галицкие бояре призывают к себе на княжение Игоревичей северских. — Бедственная судьба маленьких Романовичей. — Венгры овладевают Галичем и свирепствуют здесь. — Игоревичи северские изгоняют венгров, но вооружают против себя бояр, которые с помощью венгров возводят на престол Даниила Романовича. — Новые волнения бояр и бегство Даниила — Боярин Владислав княжит в Галиче. — Венгры и поляки делят между собою Галич. — Продолжение усобицы между Мономаховичами и Ольговичами за Киев; Мономахович в Чернигове. — Усиление Всеволода III Юрьевича на севере. — Отношения его к Рязани, Смоленску и Новгороду Великому. — Деятельность Мстислава Храброго на севере. — Смерть его. — Перемены в Новгороде Великом — Мстислав Мстиславич торопецкий, сын Храброго, избавляет Новгород от Всеволода III. — Предсмертные распоряжения Всеволода III. — Кончина его — Усобица между его сыновьями Константином и Юрием. — Мстислав торопецкий вмешивается в эту усобицу и Липецкою победою дает торжество Константину. — Смерть последнего. — Юрий опять великим князем во Владимире. — События рязанские и новгородские — Деятельность Мстислава торопецкого в Галиче — Перемены в Киеве, Чернигове и Переяславле. — Дружина. — Немцы в Ливонии. — Смуты в Новгороде и Пскове. — Войны новгородцев с ямью. — Их заволоцкие походы. — Борьба суздальских князей с болгарами — Основание Нижнего Новгорода. — Войны с Литвою, ятвягами и половцами. — Татарское нашествие. — Общий обзор событий от кончины Ярослава I до кончины Мстислава торопецкого . . . 528

Дополнения ко второму тому 671

Примечания к 2 тому 689

Родословные таблицы князей 736

ПРИЛОЖЕНИЯ

Комментарии к «Истории России с древнейших времен» 745
К тому первому . . . . . —
К тому второму 754
Указатель имен 765
Указатель географических и этнических названий 789

Соловьев Сергей Михайлович

История России древнейших времен

Редактор *Л. Лазаревич*

Мл. редактор *П. Бычков*
Оформление художника *С. Сергеева*
Художественный редактор *Н. Симагин*
Технический редактор *Р. Москвина*
Корректоры *А. Филатов* и *М. Пиляшева*

Сдано в набор 9 апреля 1959 г. Подписано в печать 15 июля 1959 г. Формат бумаги 60 × 92¹/₁₆. Бумажных листов 25,375. Печатных листов 50,75. Учетно-издательских листов 56,36. Тираж 35 000 экз. Заказ № 1162. Цена 17 р.

Издательство социально-экономической литературы
Москва, В-71, Ленинский проспект, 15

Ленинградский Совет народного хозяйства.
Управление полиграфической промышленности.
Типография № 1 «Печатный Двор» имени А. М. Горького.
Ленинград, Гатчинская, 26.